ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН
ЗВЕЗДНЫЕ ИЗГНАННИКИ

ЭКСМО

Вся
НОРТОН
ЗВЕЗДНЫЕ ИЗГНАННИКИ

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

SCI-FI FOUNDATION

Вся

НОРТОН

Вся

НОРТОН

МАГИЯ
ЗОВ ЛИРЫ
АРОМАТ МАГИИ
КОРОЛЕВА СОЛНЦА
ТОРГОВЦЫ ВО ВРЕМЕНИ
ПЕРЕКРЕСТКИ ВРЕМЕНИ
ЗВЕЗДНЫЙ ОХОТНИК
ПОБЕДА НА ЯНУСЕ
ЗВЕЗДНЫЕ ИЗГНАННИКИ

Андрэ

НОРТОН

ЗВЕЗДНЫЕ ИЗГНАННИКИ

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Н82

Andre Norton

MOON OF THREE RINGS
Copyright © 1966 by Andre Norton

EXILES OF THE STARS
Copyright © 1971 by Andre Norton

VOORLOPER
Copyright © 1980 by Andre Norton

FORERUNNER
Copyright © 1981 by Andre Norton

FORERUNNER: THE SECOND VENTURE
Copyright © 1985 by Andre Norton

Публикуется с разрешения наследников автора
и Bill Fawcett & Associates (США)
при участии агентства Александра Корженевского (Россия)

Издательство благодарит Андрея Зильберштейна
за помощь в подготовке издания

Разработка серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Нортон, Андрэ.

Н82 Звездные изгнанники / Андрэ Нортон. — Москва : Эксмо, 2015. — 992 с. — (Отцы-основатели).

ISBN 978-5-699-76610-9

На протяжении более полувека Андрэ Нортон — один из самых популярных авторов научной фантастики и фэнтези в мире. Ее первые произведения были опубликованы в далеких 40-х годах прошлого века и вызвали бурю восторга у читателей всех возрастов, и жанр научной фантастики обрел бесчисленное количество новых поклонников.

В данное издание, помимо заглавного, вошли романы «Луна трех колец», «Странствующий по Вуру», «Предтеча» и «Предтеча: приключение второе».

Все они посвящены освоению далекого и загадочного Космоса, глубины которого до сих пор таят в себе неразгаданные тайны.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Д. Арсеньев, О. Колесников, перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-76610-9

ЛУНА ТРЕХ КОЛЕЦ

Глава 1

КРИП ВОРЛАНД

Что такое космос? Это пустыня, познать которую не дано человеку, даже если он обладает сотнями, тысячами жизней, чтобы провести дороги между солнечными системами и планетами, чтобы расспрашивать, чтобы пытаться узнать, что находится за следующим солнцем, следующей системой.

Такие искатели знают, что не должно быть пределов человеческой вере в чудесное, которая отсутствует у тех, кто следует проторенными дорогами, не принимает ничего, отказывает собственным чувствам.

Те, кто осмеливается проникать в неизвестное, — перворазведчики-изыскатели, исследователи и в неменьшей степени вольные торговцы, вырывающиеся за пределы галактики, — привыкают к тому, что то, что было легендами и фантазией на одной планете, может оказаться счастливой или мрачной действительностью на другой. Каждое приземление на новую планету приносит свои тайны и открытия.

Быть может, это вступление псевдофилософское, но я не знаю, как начать иначе, потому что раньше я рассказывал обо всем этом только в той мере, в какой это требовалось для отчета в Лигу вольных торговцев. Когда человек собирается описывать невероятное, ему трудно начать.

Перворазведчики во время своих бесконечных путешествий по мирам и системам сообщают в Службу изы-

сканий много странного и необычного. Но даже планеты, ставшие благодаря их работе доступными людям, могут хранить свои тайны и после того, как их признают удобными стоянками для кораблей или даже пригодными для новых поселений.

Вольные торговцы, целиком зависящие от внешней торговли и не получающие для поддержки жирных кусков, которые дают своим монополиям-Синдикатам внутренние планеты, то и дело сталкиваются с явлениями, неизвестными даже изыскателям. Так и случилось на Йикторе во времена Луны Трех Колец. И кто может рассказать об этом лучше меня, с которым все это произошло, хотя я был всего лишь помощником суперкарго на «Лидисе», к тому же последним в списке команды этого корабля.

Благодаря своему образу жизни за годы своего существования вольные торговцы почти стали отдельным народом. У них нет дома, у их кораблей нет постоянного порта приписки, они всегда скитаются. Поэтому для нас корабль — единственная наша планета, и все, кто вне его, выглядят для нас чужими. Но это не значит, что мы ксенофобы; тяга к исследованию и восприятию окружающего нас внешнего пространства стала уже неотъемлемой частью нашей природы.

Мы рождаемся торговцами, потому что семьи живут на больших кораблях. Так было решено уже давно, и это было гораздо лучше для нас, чем короткие непрочные связи в портах, могущие привести к потере своего корабля. Крупные космические станции-порты являются городами, торговыми центрами для каждого сектора, где совершаются крупные сделки и где семьи могут насладиться чем-то вроде домашнего уюта в промежутках между вояжами.

Но «Лидис» был «холостяцким» кораблем класса Д, потому что предназначался для торговли на опасных окраинах, на которую могли решиться только одинокие мужчины. Я, Крип Ворланд, был очень доволен, что

взялся за это дело. Мой отец не вернулся из последней экспедиции уже много лет тому назад. Моя мать, по обычаю торговцев, через два года снова вышла замуж и уехала куда-то со своим супругом. Так что меня некому было отговаривать, когда я записывался в команду.

Нашего капитана Урбана Фосса считали хорошим командиром, хотя он был молод и любил риск; но именно последнее и устраивало членов его команды: они хотели иметь вожаком человека, который каким-нибудь рискованным предприятием продвинет их в ряды тех, кто пользуется солидным авторитетом в торговых центрах. Джел Лидж отвечал за торговлю. Он не любил давать легких заданий, но я повздорил с ним только один раз, и из-за того, что он ревниво охранял торговые секреты, заставляя меня доискиваться до всего самому. Но, может быть, это и было лучшим способом обучения — держать меня в постоянном напряжении во время вахты и давать возможность подумать, когда я был свободен от своих обязанностей.

Мы совершили уже две удачные экспедиции до того, как приземлились на Йикторе, и, конечно, возомнили о себе бог знает что. Но, как бы то ни было, вольные торговцы никогда не забывают об осторожности. Когда мы совершили посадку, то, прежде чем открыть люки, Фосс включил для прослушивания запись, содержащую все предупреждения, связанные с этим миром.

Единственный порт — так как это была действительно окраинная планета — находился вблизи Йрджара, центрального города, если можно вообще говорить о существовании городов на Йикторе, расположенного в центральной части большого северного материка.

Мы приурочили наше прибытие к большой торговой ярмарке, встрече купцов и простого люда со всей планеты, что происходило раз в два планетных года, в конец сезона сбора урожая.

Как и во многих других мирах, эти сборища имели когда-то, да и до сих пор не утратили до конца религиоз-

ное значение. Считалось, что это была дата битвы древнего народного героя с каким-то демоническим врагом, в которую он вступил ради своего народа и одержал победу, но погиб и был похоронен с необычайными почестями. До сих пор разыгрывалось подобие той битвы, после чего следовали соревнования, в которых феодалы соперничали друг с другом, ставя на своих чемпионов. Победившие в каждом соревновании получали богатые призы, а главное — престиж не только для себя, но и для своего хозяина вплоть до следующей ярмарки.

Глава 2

КРИП ВОРЛАНД

Общество на Йикторе находилось на феодальной стадии развития.

Несколько раз за историю его существования короли и завоеватели пытались объединить под своей властью целые континенты, хотя бы на время своего правления. Эти объединения порою существовали и в последующие династии, но, как правило, вскоре распадались в результате междоусобиц. Развития не происходило. Священники, правда, хранили какие-то легенды о ранней цивилизации, достигшей большей стабильности и более высоких технических знаний.

Никто не знал, почему они остановились на этой стадии, и никто из местных жителей не хотел знать, существует ли другой образ жизни, или не верил в это. Мы прибыли во время полной разрухи и беспорядка, когда шесть феодалов нападали друг на друга, но ни у кого из них не было ни ловкости, ни смекалки, ни везения, чтобы взять верх. Таким образом, имело место своего рода равновесие власти.

Для нас, торговцев, это влекло за собой некоторые трудности и неудобства, ограничивало нашу деятельность, чем мы были очень недовольны.

Это означало мыслеблок и запрет на оружие.

Давным-давно, еще в самом начале свободной торговли, для защиты от власти Патруля и чтобы не раздражать Управление, торговцы осознали необходимость этих двух предосторожностей на примитивных планетах. Определенная техническая информация ни в коем случае не должна была продаваться, как бы ни высока была предлагаемая цена. Оружие иных миров, а также секреты его изготовления находились под запретом. Когда мы совершали посадку на такую планету, все оружие, кроме небольших дубинок, запиралось в сейф и доставалось только после того, как мы покидали планету. Также нам устанавливали мыслезапрет, чтобы из нас нельзя было вытянуть никакой запретной информации.

Может показаться, что в результате всего этого мы были абсолютно беззащитными перед грубой силой какого-нибудь феодала, решившего узнать от нас как можно больше. Но закон ярмарки полностью охранял нас от опасности, по крайней мере до тех пор, пока мы придерживались правил, установленных жрецами в первый день.

По закону, общему для всех миров галактики и кажущемуся везде естественным и справедливым, территория ярмарки являлась нейтральной площадью и святыней. Смертельные враги могли встретиться тут, но ни один не посмел бы взяться за оружие. Если кто-нибудь из преступников достигал ярмарки и не нарушал ее законов, он был полностью свободен от преследования и наказания до ее окончания. Сама ярмарка имела свои законы и полицию, и любое преступление, совершенное на ней, жестоко каралось.

Таким образом, ярмарка являлась также местом переговоров между феодалами, где они разбирались в своих междоусобицах, а возможно, и заключали новые союзы. Нарушивший закон ярмарки объявлялся вне закона, что было почти равносильно приговору к смертной казни, только более продолжительной и мучительной.

Все это мы хорошо знали, однако терпеливо выслушали запись: из торговцев никто никогда не относится к такого рода предупреждениям как к пустой трате времени. Затем Фосс снова обратился к распределению обязанностей во время пребывания на планете. Во время экспедиций на разные планеты мы выполняли их по очереди. Охрана корабля была постоянно, остальные же были относительно свободны и могли работать парами. Начиная с утреннего гонга и до сумерек мы должны были налаживать контакты с местными купцами. Фосс был уже один раз на Йикторе как помощник капитана на «Угольном мешке» и теперь вытащил свой дневник, чтобы освежить в памяти образ жизни планеты.

На всех вольных торговцах, хотя суперкарго руководит распределением товара и основными сделками, каждый член команды может работать самостоятельно, смотреть во все глаза и предлагать по собственной инициативе выгодные сделки. Так что, разбившись на пары, мы исследовали рынки, выясняя нужды местных жителей, которые можно было бы удовлетворить во время следующей экспедиции, а также подыскать возможные предметы экспорта.

Основной груз, который мы забирали в Йрджаре, был спрод — густой сок, выжатый из листьев местного растения и спрессованный в блоки, которые мы легко укладывали в нижнее отделение, когда оттуда были выгружены тюки с мурано, блестящим плотным шелком, который жадно расхватывали ткачи Йиктора. Они терпеливо распускали его на отдельные нити и смешивали с лучшей пряжей местного производства, в результате чего работа занимала вдвое больше времени. Иногда какой-нибудь феодал платил все деньги, вырученные за сезонные работы, за платье, сшитое целиком из нашего шелка.

На обратном пути мы сгружали блоки спрода закатанам, которые перерабатывали его в вино. Они считали, что это вино повышает умственное развитие и лечит некоторые болезни их змеиного народа. Правда, я не пони-

маю, зачем закатанам еще повышать свое умственное развитие, в этом отношении они и так сильно нас обогнали.

Но спрод не составлял полного груза, и мы должны были искать новые товары. Догадки не всегда оправдывались, случалось и так: что-то, что сначала казалось сокровищем, на поверку оказывалось бесполезным грузом и его выкидывали. Но предыдущие опасные операции прошли настолько удачно, что мы были уверены — нам повезет и на этот раз.

Каждый торговец, участвующий в удачных операциях, имеет возможность довольно скоро заключить контракт с хозяином и получать большую долю прибыли. Поэтому каждый из нас был очень внимателен, запоминал результаты предыдущих экспедиций и старался чутьем определить то, что невозможно было понять даже в результате упорной подготовки и обучения.

Конечно, всегда можно столкнуться с заметными товарами: новое производство, драгоценные камни — это бросается в глаза. Опытный торговец замечает их сразу во время больших ярмарок. В таких ярмарках, как эта, и заключается основной соблазн для инопланетных торговцев.

С другой стороны, существуют товары-загадки, которые вы вынюхиваете с расчетом на спекуляцию. Чаще всего это какой-нибудь неизвестный товар, который местные купцы привозят на ярмарку, надеясь продать его с выгодой. Какие-то мелкие предметы, легкие и удобные для перевозки, и их можно продать в тысячу раз дороже, чем они стоят, кому-нибудь из тысяч любителей с внутренних планет, которые всегда ищут что-то такое, чем можно удивить соседей.

Ходят легенды о том, как однажды повезло Фоссу с Испанскими коврами — шедеврами ткачества и сочетания цветов. Их можно было свернуть в рулон не длиннее человеческого предплечья, в развернутом же виде это были огромные сверкающие полотна, покрывающие пол большой комнаты, прочные, радующие глаз переливами

цветов. Мой непосредственный начальник Лидж был причастен к открытию дальхе на Крантаксе. Случилось так, что этот незаметный сморщенный плод оказался нужен промышленности, и это принесло Лиге порядочное количество кредитов, перевело Лиджа на следующую должность и оказалось выгодным для планеты. Конечно, в самом начале службы на такие удачи надеяться не приходится, но я думаю, что весь младший состав нашего корабля в глубине души тешил себя подобными надеждами. Но было много возможностей выслужиться и улучшить свою характеристику более мелкими находками.

В первый же день я отправился на встречу с местными торговцами вместе с Лиджем и капитаном. Встреча происходила в Большой Палатке — средних размеров здании, находящемся в поле за стенами Йрджара, в центре ярмарки.

В то время как вся архитектура на Йикторе была мрачной и тяжелой — здания строились так, что могли в любой момент стать крепостями, — Палатка, которой не грозили никакие нападения, была немного веселее. Ее стены были только частично из камня. Внутри было просторно, только по краям стояли колонны, поддерживающие остроконечную крышу, края которой далеко выступали за стены и представляли собой прекрасное укрытие от ненастья. Впрочем, ярмарка проводилась обычно в сухую погоду. Освещение в Палатке было гораздо лучше, чем в других домах Йиктора.

Мы были единственными вольными торговцами в порту, хотя тут был еще имеющий лицензию корабль Синдиката. Но он перевозил только спецгрузы по контракту, и мы не возражали. Это был редкий случай перемирия между инопланетниками, и не было необходимости изворачиваться.

Наш капитан и суперкарго Лидж сидели по-дружески со старшими купцами, мы же устроились с меньшими удобствами. Мы приравнивались к их гильдменам второго ранга и, по правилам, должны были размещаться

в других помещениях; кроме того, мы должны были, помимо демонстрации товара, еще и вести счет.

Эта двойная работа отделяла нас от наших офицеров и внушала местному населению, что инопланетники глупы и нуждаются в таких помощниках, потому что расчет — это движущее начало разумной торговли. И вот мы усаживались на высокой платформе, для вида записывали экспонаты и расхваливали предлагаемый товар.

Здесь продавали северные меха глубокого красного цвета, отливающие золотом, когда торговцы вертели их, показывая. Ткани стояли в рулонах на подставках, принесенных помощником. Много было металлических изделий, главным образом оружия. Мечи и копья, видимо, были универсальным примитивным оружием в галактике и были сделаны мастером, явно знающим свое дело. Были здесь и кольчуги, шлемы с миниатюрными животными или птицами на гребнях, щиты. Торговец, прибывший последним, с важным видом показывал военные материалы. Двое его гильдменов демонстрировали стрельбу по мишени из самострела нового типа, и оживление, вызванное этой демонстрацией, доказывало превосходство самострела.

Выставка оружия, которая была немалой и на местном рынке, надоела нам. Конечно, время от времени кто-нибудь из нас покупал меч или кинжал, чтобы продать какому-нибудь коллекционеру. Это была небольшая спекуляция с минимальным риском.

Торговля — дело другое. Местные купцы делали перерыв, чтобы освежиться, подходили к бочкам их лучшего, но для нас неприемлемого пива и к «быстрой еде», состоящей из оладий с фруктово-мясной пастой, а нас отпускали почти перед заходом солнца. Как обычно, капитан Фосс и Лидж шли на специальный банкет, который давала администрация ярмарки, а мы, второсортные, возвращались на корабль.

Младший представитель Синдиката, деливший со мной неудобное сиденье на платформе, с усмешкой по-

тянулся, предварительно засунув для безопасности свои записи под ремень.

— Вот и все, — сказал он. — Ты свободен? Пошли в порт?

Как правило, вольные торговцы и люди Синдиката не общались между собой. В прошлом у нас с ними было много неприятностей. Торговец с единственным кораблем не мог и надеяться на победу. Однако в наши дни вещи охраняются лучше, чем они того стоят. У Лиги сильная рука, и руководители Синдиката дважды подумают, прежде чем толкнуть локтем торговца, имеющего такую защиту. Но чувства и память идут от тех времен и держат нас в стороне, поэтому я ответил не слишком сердечно:

— Не сейчас, после рапорта.

— Все равно. — Если он и понял смысл моей холодности, он ничем не выдал этого. Наоборот, он уселся ждать меня, а я медлил, давая ему возможность уйти. Но он не ушел.

— Меня зовут Гек Слэфид.

— Крип Ворланд. — Я неохотно пошел за ним.

Выход был забит торговцами и гильдменами, и мы, как полагается иноземцам, среди них не толкались. Он бросил взгляд на мой значок, я сделал то же. Он также занимался грузом, но на его диске было две полосы, а у меня только одна. Однако продвижение по службе в Синдикате шло тогда более медленно.

Никогда нельзя судить о планетном возрасте тех, кто большую часть жизни проводит в космосе. Некоторые даже и сами не знают, сколько им лет. Однако я прикинул, что этот Гек Слэфид немногим старше меня.

— Еще не подкалымил? — спросил он.

Это был слишком наглый вопрос даже для людей Синдиката. Я подумал было, что он просто не соображает, что подобных вопросов не задают никому, разве что родственникам или близким друзьям. Возможно, он слышал об обычаях вольных торговцев и воспользовался этим неудачным способом завязать разговор.

— Мы еще не в свободном плавании. — Я не стал показывать, что оскорблен: может, его вопрос был вполне безобидным, хотя и выглядел скверно. Надо уметь отвести оскорбление в сторону, когда имеешь дело с чужаком, а Синдикат для нас был более чужим, чем иные негуманоиды.

Видимо, он уловил мои ощущения, потому что не стал развивать эту тему. Пока мы шли по заполненным народом улицам, он указывал на безвкусные флажки и полосы ткани, где были написаны местными загогулинами объявления о всевозможных развлечениях — от совершенно невинных до граничащих с пороком. На ярмарке собирались продавцы и покупатели, жрецы и уважаемые люди, так что здесь сосредоточивались все, кто добывал себе средства к жизни предложением развлечений для ума и чувств.

— Здесь есть на что посмотреть. Или ты дежуришь вечером?

Не был ли его тон чуть-чуть покровительственным? Или мне показалось? Я решил не доискиваться. Мы не были связаны какой-либо сделкой, а я был осторожен.

— Да, мне говорили, что тут есть кое-что интересное. Но я еще не отстоял вахту.

Он ухмыльнулся и поднес руку ко лбу, как бы салютуя.

— Тогда у тебя счастье впереди, Ворланд. Мы уже отстояли, и ночь у меня свободна. Если освободишься, посмотри это. — Он повел рукой, указывая на полосу в конце линии.

Она не блестела красками, как другие, а была странного серого оттенка с розовыми прожилками, однако от нее нельзя было отвести взгляд.

— Это что-то особенное, — продолжал Слэфид. — Конечно, если тебе нравятся шоу животных.

Шоу животных? Я снова смутился: я полагал, что у людей Синдиката совершенно иные понятия о развлечениях — что-нибудь близкое к извращениям, почти упадочным удовольствиям внутренних планет. Затем

у меня возникло подозрение — не эспер ли этот Гек Слэфид? Ведь он безошибочно спикировал на такое развлечение, которое в первую очередь заинтересует меня, если я о нем узнаю. Я развернул один из усиков моего мыслеискателя — не вторгаться в мозг, конечно, этого я ни в коем случае не должен был делать, — а только осторожно обнаружить ауру эспера. Ее не оказалось, и я даже слегка подосадовал на себя за свою подозрительность. Я ответил:

— Если мне повезет, я обязательно последую твоему совету.

Его окликнул кто-то, носящий знак его корабля, и он легким поклоном простился со мной и пошел к своему другу. Я же стоял некоторое время перед этой почти бесцветной рекламой, пытаясь понять, чем она так привлекает взгляд. Такие вещи очень важно знать торговцу. Действует ли оно так только на меня или на других тоже? Мне почему-то было так важно получить ответ на этот вопрос, что я решил найти самого хладнокровного члена нашей команды и проверить на нем действие рекламы.

Мне повезло. В эту ночь я был свободен. Команда «Лидиса» была столь мала, что свободными бывали только четверо, и трудновато было заставить ходить по двое, если у них разные понятия о развлечениях. Мы считались младшими, и я вышел вместе с Грисом Шервином, вторым механиком. Прекрасно: мне нужен был практичный спутник для проверки рекламы, и Грис подходил как нельзя лучше. Он был потомственным торговцем, как и все мы, но основной его любовью был корабль, и я не думаю, что он интересовался торговлей, кроме тех случаев, когда от него этого ждали. К счастью, я вспомнил, что неподалеку от рекламы шоу животных есть темно-малиновая реклама выставки мечей, и воспользовался этим как приманкой для Гриса. Он был игроком, но такая деятельность не рекомендуется на чужих планетах. Игра, наркотики, пьянство и чересчур пристальное вни-

мание к дочерям чужаков могли привести к неприятным последствиям, вплоть до угрозы кораблю, так что подобные желания временно блокировались, и мы, в конце концов, соглашались, что это разумно.

Улица, где располагалось шоу, была теперь ярко освещена фонарями, висевшими каждый над своей рекламой и окрашенными в тот же свет.

Светящиеся изображения на них извещали о том, что происходит внутри. Серая с розовым полоса была еще здесь, фонарь в виде серебряного шара висел над ней, и никакие изображения не разбивали его перламутровый свет.

— Что это? — спросил Грис, подойдя.

— Говорят, шоу животных, — ответил я.

Поскольку вольные торговцы большую часть жизни проводят в космосе, понятно, что у них мало контактов с животными. Много лет на всех кораблях жили кошки — для защиты груза, поскольку они охотились на всяких паразитов, прячущихся в трюмах. Веками они считались членами команды. Но число их все уменьшалось: они уже не приносили так часто и много потомства. Мы уже забыли, откуда родом эти животные, и не могли добыть для них притока свежей крови, чтобы восстановить их размножение. Несколько кошек оставалось на базах, их высоко ценили, охраняли и заботились о них в надежде, что они вновь смогут размножиться. Все мы пытались время от времени заменить кошек другими животными из многих миров. Один-два вида обещали размножение, но большинство животных не могло приспособиться к корабельной жизни.

Вероятно, желание иметь компаньонов-животных так привлекло нас к инопланетным зверям. Не знаю, как Грис, но я считал, что просто обязан посетить палатку под лунным шаром. Оказалось, уговаривать Гриса не пришлось: он охотно пошел со мной.

Откуда-то доносился глухой тяжелый звук гонга. Постепенно стихали смех, разговоры, песни на улицах:

толпа платила дань призыву храма. Но тишина длилась недолго, потому что, хотя ярмарка и имела свои религиозные традиции, они с годами потускнели.

Мы прошли под тенью серой рекламы в сиянии лунной лампы. Я рассчитывал увидеть какие-нибудь изображения животных, могущие послужить приманкой для публики, но там оказался только экран с надписью на местном языке, а над дверью качалась странная эмблема-маска — не животного, не птицы, а комбинации того и другого. Увидев ее, Грис издал негромкое восклицание:

— Что это?!

Его тон меня не удивил. Я слышал его и раньше, но только в тех случаях, когда Грис стоял перед новой и непонятной машиной.

— Это же настоящая находка!

— Находка? — переспросил я, решив, что речь идет о какой-нибудь удачной покупке.

— Настоящее зрелище, — поправился он, как будто прочел мои мысли. — Это шоу тэсса.

Грис, как и капитан Фосс, бывал на Йикторе и раньше. Я же мог только повторить:

— Тэсса?

Я думал, что изучил ленты Йиктора достаточно внимательно, но смысл этого слова ускользнул от меня.

— Пошли! — Грис подтолкнул меня к стройному туземцу в серебряной тунике и высоких красных сапожках, принимающему плату за вход. Туземец взглянул на нас, и я поразился.

Вокруг нас была толпа йикториан. Они лишь немногим отличались от людей нашей породы. Но этот юноша в бледной одежде казался более чужим этому миру, чем мы.

Он был так хрупок, что казалось, ветер, треплющий рекламу над ним, может закрутить его и унести. У него была очень гладкая кожа без всяких признаков бороды, очень белая, почти без красок. Черты лица человеческие, за исключением громадных глаз, таких темных,

что нельзя было определить их цвет. Брови наклонялись к вискам так далеко, что сходились с серебристо-белыми волосами.

Я старался не пялиться на него. Грис заплатил, и туземец поднял полотнище палатки, чтобы впустить нас.

Глава 3

КРИП ВОРЛАНД

Там не было сидений, только ряды ступеней в одном конце палатки, которые легко убирались после представления. Перед ними возвышалась эстрада, пока еще пустая, за ней был занавес того же серо-розового цвета, что и вывеска. Наверху висели фонари серебристо-лунного цвета. Все это выглядело просто, но элегантно и никак не вязалось с показом дрессированных животных.

Мы, видимо, пришли вовремя: складки занавеса раздвинулись, и перед аудиторией появился мастер-дрессировщик. Несмотря на ранний час, здесь было много народу — в основном дети.

Мастер... нет, несмотря на тунику, брюки и высокие сапоги, такие же, как у привратника, это явно была женщина. Ее туника не облегала горло, а поднималась сзади стоячим воротником-веером, отделанным по краю маленькими рубиновыми искорками того же цвета, что и ее сапожки и широкий пояс. На ней был еще короткий облегающий жилет из золотисто-красного меха, какой я видел сегодня утром в Большой Палатке. В ее руках был бич, каким большинство дрессировщиков подкрепляет свои программы, и тоненький серебряный жезл, который не мог служить ни для наказания, ни для защиты.

Он подходил по цвету и блеску к ее высокой прическе, заколотой шпильками с рубинами. В середине лба был серебряный арабеск с рубином, неизвестно как прикрепленный, — он не шевелился при движениях ее голо-

вы. В ней чувствовалась уверенность, как у всех мастеров, умеющих владеть собой и своим искусством.

— Поющая Луне! — выдохнул Грис с некоторым оттенком благоговения — редкой эмоцией у торговцев. Я хотел было попросить у него объяснений, но в это время она взмахнула жезлом, и все разговоры смолкли. Публика относилась к ней явно с большим почтением, чем толпа на улице к храмовому гонгу.

— И верн, и верна! — Голос был низкий, напевный, вызывающий желание слушать. — Окажите внимание нашему маленькому народу, который рад повеселить вас. — Она отошла и снова взмахнула жезлом.

Драпировки раздвинулись, чтобы пропустить шесть маленьких мохнатых созданий.

Они шли на задних лапках, прижимая к круглым брюшкам маленькие рубиново-красные барабаны. Их передние лапки очень походили на человеческие руки, с той лишь разницей, что пальцы животных были длиннее и тоньше. У них были круглые головы с высоко поставленными бесшерстными блестящими острыми ушами. Как и у их хозяйки, их глаза были очень велики по сравнению с круглой широконосой мордочкой. Позади крючком загибался пышный шелковистый хвост. Они гуськом прошли в противоположный конец сцены и уселись там, поставив перед собой барабаны и положив на них передние лапы. Видимо, она подала какой-то сигнал, который я прозевал, потому что они стали бить в барабаны, но не как попало, а в определенном ритме.

Снова раздвинулся занавес, и появились новые артисты. Эти были крупнее барабанщиков и, видимо, менее ловки в движениях. У них были слишком массивные тела для их размера, их грубая шерсть, их рост, длинные уши и узкое вытянутое тело выглядели гротескно и по-настоящему чуждо. Они шли в такт барабанам, ритмично покачивали головами и шевелили кончиками морд. Однако они служили всего лишь верховыми животными для еще одной группы. У всадников были малень-

кие кремовые головки с большими, более темного цвета кругами вокруг глаз, что придавало их мордочкам удивленное выражение. Похоже, что они, как и барабанщики, пользовались своими передними лапками не хуже, чем мы руками.

Тапироподобные «лошади» и их всадники церемониальным маршем прошли по авансцене. Вот тут я и стал свидетелем явной магии. Я повидал немало шоу с животными в разных мирах, но ничего подобного не встречал. Тут не было ни щелканья бича, ни словесных приказов. Они выступали не как обученные трюкам, а скорее как будто привносили что-то свое, неожиданное для тех, кто не относился к их породе. Стояла полная тишина, нарушаемая лишь разными ритмами, отбиваемыми мохнатыми музыкантами, и сложными звуками, которые время от времени издавали артисты. Всадники и «лошади» были первыми, но после ухода артистов я сообразил, что мы видели, по крайней мере, десять разных пород.

Хозяйка еще раз вышла на середину платформы и отсалютовала своим жезлом:

— Мой народ устал. Если он понравился вам, верны, он этим вознагражден. Завтра они выступят снова.

— Я никогда не... — Я взглянул на Гриса, но тут кто-то дотронулся до моего плеча. Я обернулся и увидел юношу, который впускал нас сюда.

— Джентльхомо, — сказал он на основном галактическом, а не на йрджарском наречии, — не пожелаете ли вы взглянуть на маленьких артистов поближе?

Я не мог понять, с какой стати нам было сделано такое предложение, но жаждал его принять. Однако укоренившаяся в нас осторожность предъявила свои права, и я заколебался, поглядывая на Гриса. Поскольку он, как видно, что-то знал об этих тэсса (кем или чем бы они ни были), я предоставил решение ему. Но у него, похоже, сомнений не было. Мы встали и последовали за нашим гидом через сцену за драпировки. Там странно пахло жи-

вотными, но очень чистыми и ухоженными, травяными подстилками и чуждой для нашего носа пищей. Пространство перед нами было раза в три больше театра.

Его разгораживал широкий деревянный экран. Рядом с ним стояли фургоны вроде тех, в которых перевозят продукты. Это была линия для крупных ездовых животных — казов. Большая часть их теперь спокойно лежала, пережевывая жвачку. Рядами, почти как город с узкими улицами, тянулись клетки. В конце ближайшей «улицы» стояла женщина. Я не мог определить ее возраст, но издалека она казалась девочкой. При ближайшем рассмотрении хитроумная прическа, украшение на лбу и самоуверенность выдавали патину лет. Она все еще вертела в руках серебряную палочку, как якорь спасения. Не знаю, почему мне пришла мысль: в ее манерах и выражении лица не было ничего, указывающего на неприятности.

— Добро пожаловать, джентльхомо! Меня зовут Майлин, — сказала она на основном.

— Крип Ворланд.

— Грис Шервин.

— Вы с «Лидиса». — Это был не вопрос, а утверждение. Мы кивнули. — Малик, — обратилась она к юноше, — может быть, джентльхомо выпьют с нами?

Он не ответил, но быстро пошел по улице из клеток с решетчатой стенкой с правой стороны для охраны животных. Майлин продолжала изучать нас, а затем указала жезлом на Гриса:

— Вы что-то слышали о нас. — Она повернула жезл ко мне: — А вы — нет. Грис Шервин, что вы о нас слышали? Только ни о чем не умалчивайте, ни о плохом, ни о хорошем — если было хорошее.

Грис был загорелым, как все мы, живущие в космосе. Рядом с этими людьми он казался почти черным. Но даже через эту черноту было видно, как он вспыхнул, и я понял его состояние.

— Тэсса — Поющие Луне, — сказал он.

— Это не так. — Она улыбнулась. — Только некоторые из нас поют Лунной Силе, чтобы воспользоваться ею.

— Но вы как раз из них.

— Это правда, — она ответила без улыбки, — раз уж вы, торговцы, об этом знаете.

— Все тэсса — другой крови и рода. Никто на Йикторе, кроме, может быть, их самих, не знает, откуда они пришли. Они древнее, чем старые записи у лордов или в храмах.

— Это правда, — кивнула Майлин. — Что еще?

— Остальное — слухи. О власти над добром и злом, которой не имеет человеческий род. Вы можете наслать беду на человека и весь его клан. — Он засмеялся.

— Суеверие? — спросила она. — Однако есть много способов омрачить человеческую жизнь, джентльхомо. Слух всегда имеет две стороны — правдивую и фальшивую. Но мне кажется, нас нельзя обвинить в том, что мы желаем зла кому-нибудь в этом мире. Мы и в самом деле древний народ и хотим жить по своим обычаям, не мешая никому. Что вы думаете о нашем маленьком народе? — Она резко повернулась ко мне.

— Я никогда не видел равных им.

— Как вы думаете, их хорошо встретят в иных мирах?

— Вы имеете в виду шоу в космосе? Это рискованно, джентльфем. Перевозка животных требует различной пищи, специальных забот. Некоторые животные вообще не могут переносить полет. Можно построить и экипировать корабль, джентльфем, но это будет...

— ...стоить целое состояние, — закончила она. — Да, об эту скалу разбивалось немало грез, не так ли? Но если показывать не все представление? Может быть, некоторые мои артисты смогут путешествовать. Пойдемте посмотрим на мой народ — вам будет что вспоминать потом.

Она была совершенно права. Когда она повела нас над одним рядом клеток и под другим, мы увидели, что эти клетки были для животных не местом заключе-

ния, а только местом защиты их от вреда, который может причинить им человеческое любопытство. Животные находились у передней решетки своих жилищ, когда она подходила к каждому и официально знакомила нас. И у нас усиливалось ощущение, что это действительно народ с мыслями и чувствами, странный, но приближающийся к моим собственным мыслям и чувствам. Это пробудило во мне страстное желание иметь такого товарища на корабле, хотя осторожность возражала против такого безрассудства.

Мы подходили к концу последней «улицы», когда прибежал один из свободных мальчиков, бродящих по ярмарке и зарабатывающих монетку, бегая по поручениям, а возможно, и менее легальными способами. Он переминался с ноги на ногу, словно у него было важное поручение, но он боялся потревожить тэсса. Она круто оборвала свою речь и повернулась к нему.

— Верна, продавец животных... Ты велела мне узнать — у него есть один мохнатый в тяжелом состоянии. — Он замолчал.

Ее лицо как бы сузилось, губы сжались. Сейчас она выглядела еще более чужой, и мне показалось, что она вот-вот зашипит, как разъяренная кошка.

Затем она вновь надела маску спокойствия.

— Похоже, какое-то существо нуждается во мне, джентльхомо. Малик останется с вами, а я скоро вернусь.

— Джентльфем, не могу ли я пойти с вами?

Не было никаких оснований полагать, что ей нужен помощник, и я ожидал, что она так и скажет. Но выражение ее лица изменилось, и она кивнула:

— Если желаете, джентльхомо.

Грис поочередно оглядел нас, но не предложил себя в сопровождающие, а пошел с Маликом в жилые помещения. Мы пошли за посланцем. В этот поздний час на улицах было полно народу, хотя существовало правило, по которому торговцы и покупатели могли действовать только при свете дня, когда ясно видны недостатки

товара. Ночью мужчины и женщины искали развлечений, а мы шли как раз через эту часть ярмарки. Я обратил внимание, что местные жители, узнав мою спутницу, уступали ей дорогу и глядели ей вслед с каким-то опасением, даже со страхом, как если бы она была жрицей. Она же ни на кого не обращала внимания.

Мы шли молча. Согласившись на то, чтобы я пошел с ней, она как бы забыла обо мне и сосредоточилась на чем-то более важном.

Мы дошли до конца разбросанной коллекции развлекательных заведений и увидели претенциозную палатку, кроваво-красную с ядовито-зелеными пятнами, откуда доносились крики игроков. Там стоял такой шум, словно выигрыш зависел не от умения игрока, а от силы его рева. Через открытую дверь я мельком увидел стол, где играли в распространенную в галактике игру «Звезды и кометы». И сидел за этим столом мой сегодняшний знакомый Гек Слэфид. Видимо, на его корабле не было той дисциплины, что у вольных торговцев, потому что перед ним лежал столбик фишек, более высокий, чем у соседей, которые, судя по одежде, были из местной знати, но слишком молоды для правителей.

Когда мы проходили, Гек поднял голову и пристально посмотрел на меня, а затем приподнял руку, будто хотел то ли помахать мне, то ли позвать, но не спуская глаз со стола. Один из потомков лордов тоже уставился на меня с таким изумлением, что я отстал на шаг от Майлин и так же внимательно оглядел его. Он смотрел не то с вызовом, не то просто с любопытством — я не смог понять, а мысли читать не осмеливался.

За игорной палаткой находились маленькие хижины — как я предполагал, жилые дома для прислуги. Оттуда несло странной кухней, тошнотворными духами. Мы снова повернули, держась на почтительном расстоянии от хижин.

Затем мы подошли к палатке, где пахло совсем уж гнусно. Я думал, что услышу яростное шипение Май-

лин, когда она толкнула полотнище у входа своим серебряным жезлом, как бы не желая касаться его пальцами. Внутри отвратительный запах перебивался другим, поднимающимся душным облаком, и там стоял невообразимый шум от лая, ворчания, рычания и шипения. Мы стояли в тесном пространстве между клетками. Они были отнюдь не заботливо отделанными жилыми квартирами, а скорее тюрьмой для несчастных обитателей.

Торговец животными, который ни о чем не заботился, кроме быстрой наживы, вышел из темного угла. Его губы растянулись в улыбку, но глаза не выражали приветливости. Когда же он узнал Майлин, его улыбка исчезла, в холодных глазах сверкнула ненависть, умеренная страхом перед властью той, кого он ненавидел.

— Где барск? — спросила Майлин тоном оскорбительного приказа, даже не поздоровавшись.

— Барск? Какой дурак захочет иметь дело с барском, верно? Барск — зло, демон безлунной ночи, это всем известно.

Она оглянулась и прислушалась, как будто в шуме, производимом несчастными зверями, уловила единственную ноту, и пошла по следу к источнику этого звука. Она не обращала больше внимания на хозяина, а просто шла вперед. Я увидел, что его ненависть поборола страх и что он собирается остановить Майлин. Он сунул руку за пояс, и моя направленная мысль, как луч света, показала мне его оружие — интересную, тайную и очень опасную штуку, не похожую на честную сталь: небольшой, прячущийся в ладони крючковатый коготь, смазанный чем-то зеленым, так что, видимо, всякая царапина, сделанная им, была бы смертельной. Хотя его съедала злоба и ненависть, я не был уверен, что он пустит оружие в ход. Но шансов у него все равно не было: из моего шокера вылетел слабый луч, и пальцы его, державшие оружие, онемели. Он пошатнулся, ударился об одну из своих вонючих клеток и отчаянно заорал, когда животное в клетке попыталось добраться до него. Май-

лин оглянулась и вытянула жезл. Она холодно посмотрела на торговца:

— Дурак, дважды дурак! Не хочешь ли ты, чтобы я обвинила тебя в нарушении мира?

Можно было подумать, что она плеснула ему в лицо ледяной водой — так быстро исчезло с него пламя ярости. Ненависть в его глазах сменилась страхом. То, чем она грозила ему, могло поставить его вне закона, а это было на Йикторе самым страшным наказанием.

Он пополз на локтях и коленях назад в темноту. Однако я счел все же нужным держаться настороже и сказал об этом Майлин. Она покачала головой:

— Нечего его бояться. Если хотите знать — низшие не могут обмануть тэсса!

Она не то чтобы презрительно назвала его «низшим», как ничтожного прихлебателя. Она просто констатировала факт.

Майлин прошла за занавеску, где было еще больше клеток и еще большее зловоние, и бросилась к тюрьме, стоявшей поодаль от других. Тот, кто жил в ней, лежал без движения. Я подумал, что он умирает, когда увидел, как выпирают его кости под шкурой, и услышал слабое редкое дыхание.

— Здесь тележка... — Она встала на колени перед клеткой и внимательно вгляделась в животное, а ее жезл указывал на доску на колесах.

Я подтолкнул доску вперед. Мы вдвоем поставили на нее клетку и покатили к выходу. Майлин остановилась, достала из кошелька два денежных знака и бросила их на одну из клеток.

— Пять весовых единиц за барска и две за колеса, — сказала она торговцу, все еще скорчившемуся в тени. — Хватит?

Мыслеуловитель сказал мне, что торговец только и мечтает, чтобы мы ушли. Но за его страхом пробуждалась жадность. Он заскулил:

— Барск — редкий зверь...

— Этот барск вот-вот умрет, и даже его шкура ничего не стоит, потому что ты заморил его голодом. Если не согласен — подавай в суд.

Я заметил, что этот разговор ее забавляет.

Обратно мы шли другой дорогой.

Когда клетка приблизилась к ломовым казам, те принюхались, зафыркали, некоторые встали на дыбы, вскинув головы и раздувая ноздри.

Майлин остановилась перед ними, поводила жезлом и тихо запела. Это успокоило животных. Мальчики отвезли клетку подальше и остановились.

Навстречу вышли Малик и Грис. Юноша-тэсса заглянул в клетку и, покачав головой, расплатился с ребятами.

— Он безнадежен, — сказал он Майлин, когда она отошла от успокоившихся казов. — Даже ты не сможешь повлиять на него, Поющая.

Она задумчиво посмотрела на клетку. В одной руке она все еще сжимала жезл, а другой гладила мех своего короткого жилета, как будто это было любимое балованное животное, живое и дышащее.

— Возможно, ты и прав, — согласилась она, — а может, его смерть еще не занесена во Вторую Книгу Моластера. Если ему придется пойти по Белой Дороге, то пусть начнет это путешествие спокойно и безбоязненно. Он слишком истощен, чтобы бороться с нами. Открой клетку, потому что его тошнит.

Они открыли клетку и перенесли животное в одну из своих, побольше и пошире, на мягкую подстилку. Этот зверь был крупнее тех, что были в этот вечер на сцене: если бы он мог встать, он был бы на уровне моих нижних ребер. Его шерсть запылилась и свалялась, потускнела, но была того же красного цвета, что и жилет Майлин.

У этого животного были странные пропорции: маленькое тело и такие длинные и тонкие ноги, будто они достались ему по ошибке от кого-то другого. Хвост заканчивался веерным пучком, а между острых ушей, по шее и вокруг плеч лежала острая грива более светлого

оттенка. Нос был острый и длинный, за черными губами виднелись крепкие зубы. Не будь он таким изможденным, я бы сказал, что это опасный зверь.

Он слабо огрызнулся, когда они укладывали его на подстилку в новую клетку. Майлин слегка коснулась его жезлом, ласково проведя им по носу животного, и его голова перестала дергаться.

Малик принес чашку с какой-то жидкостью, окунул в нее пальцы и влил чуть-чуть в запекшийся рот, из которого высовывался почерневший язык.

Майлин стояла рядом.

— Сейчас мы больше ничего не можем сделать. Остальное... — Ее жезл нарисовал в воздухе символ. Затем она повернулась к нам: — Джентльхомо, час уже поздний, а этот бедняга будет нуждаться во мне.

— Благодарим за вашу любезность, джентльфем. — Мне показалось, что она довольно-таки резко отсылает нас. Похоже, у нее были какие-то основания пригласить нас, но теперь мы стали лишними. Собственно, эта мысль не подтверждалась никакими фактами, но была мне почему-то неприятна.

— И вам спасибо за помощь, джентльхомо. Вы еще придете.

Это был не вопрос и тем более не приказ, а просто утверждение, с которым мы оба были согласны.

На обратном пути к «Лидису» мы с Грисом мало разговаривали, я только рассказал ему, что произошло в палатке торговца животными, а он посоветовал мне сообщить об этом в своем рапорте — на случай каких-либо осложнений.

— Что за зверь барск? — спросил я.

— Ты видел. Их мех был выставлен сегодня утром, из него же сшит жилет Майлин. Они считаются умными, хитрыми и опасными животными. Время от времени их убивают, но вряд ли часто захватывают живыми. Может, только этого...

Мы уже миновали охрану порта, когда я неожиданно почуял не одну только ненависть торговца животны-

ми, но и связь ее с резким направленным умыслом. Это соединение эмоций било в мозг, как копье, ударяющее в тело. Я остановился и обернулся навстречу этому мозговому удару, но в темноте ничего не увидел. Грис, стоящий рядом, сжал в руке шокер, и я понял, что он тоже почуял это.

— Что?

— Торговец животными и еще кто-то...

Я часто мечтал иметь полную внутреннюю силу эспера. С ней можно иногда без оружия искалечить человека. Грис предложил сообщить капитану.

Конечно, он был прав, но мне было крайне неприятно согласиться с этим. Капитан Фосс может запереть меня на «Лидисе» до самого отлета.

Осторожность — щит торговца в чужих мирах, но если человек только и делает, что хватается за щит, он может прозевать удар меча, который навсегда освободит его от каких бы то ни было опасностей. А я был достаточно молод, чтобы вести свой собственный бой, а не сидеть в укрытии, пока меня не унесет штормом. Итак, угроза исходит от двоих, а не от одного. Я мог понять вражду продавца зверей, но кто присоединился к нему?

Какого еще врага я приобрел в Йикторе и как?

Глава 4

МАЙЛИН

Талла, Талла, волей и сердцем Моластера и силой Третьего Кольца должна ли я начать эту часть рассказа так, как начал бы бард какого-нибудь лорда?

Я — Майлин из Контра, Поющая Луне, глава маленького народа. Или я только была ею. В прошлом я была другими, однако ныне, пусть и временно, на мне оковы.

Зачем мне было остерегаться лорда или торговца в этой встрече на ярмарке в Йрджаре? Для нас они не более чем пыль городов, что душит нас, с их грязью, жад-

ностью, шумом и проституционными мыслями тех, кто живет добровольно в подобных тюрьмах. Но нет необходимости говорить о тэсса, об их верованиях и обычаях, надо сказать лишь о том, как моя жизнь была вытолкнута из одного будущего в другое, потому что я не остерегалась людских действий и не замечала людей, чего никогда не делала с малыми существами, которых уважала.

Осокан пришел ко мне в полдень, сначала прислав своего оруженосца. Я думала, что он держался так больше из страха, что он станет обращаться со мной, как с низшей, — местные жители считают тэсса бродягами, не говоря этого, однако, нам в глаза. Он просил разрешения поговорить со мной, так сказал этот молодой щенок из крепости. Мне это показалось интересным, потому что я знала репутацию Осокана — довольно темная репутация. Лордам свойственно часто менять власть. Тот, кто сумел подмять под себя своих соперников или избавиться от них, становится Верховным королем. Так нередко бывало в прошлом. Под властью одного человека устанавливался непрочный мир, который немедленно нарушался снова, и на протяжении многих десятилетий здесь был не единственный повелитель, а множество мелких, ссорящихся между собой.

Осокан, сын Осколда, горел желанием совершить великие дела, жаждал власти. Такие желания в сочетании с ловкостью и удачей могли привести человека на трон, но если такого соединения не происходило, он весьма тяжело переживал это.

Наверное, со стороны тэсса было не вполне разумно безразлично относиться к ссорам других, потому что это усыпляло мудрость и предвидение.

Я не отказалась принять Осокана, хотя Малик счел это неразумным.

Признаться, мне хотелось знать, зачем Осокану понадобился контакт с тэсса, раз он считает нас ниже себя.

Хоть он и прислал своего меченосца договориться о встрече, сам он пришел без эскорта, только с ино-

планетником, молодым человеком с приятной улыбкой и любезными словами, но за его испытующим взглядом таилось что-то темное. Осокан назвал его имя — Гек Слэфид.

Они церемонно поздоровались, и мы пригласили их к столу. Нетерпение, которое могло свести Осокана и все его планы к нулю, заставило его влезть в дело по-настоящему опасное — в основном для него, а не для меня, поскольку законы, связывающие его, не являются словами правил для моего народа.

Все стало более или менее ясно: Осокан желал получить знания об оружии других планет. Вооружив преданных ему людей, он мог немедленно стать военным лордом всей страны и таким королем, какого доселе не знали.

Мы с Маликом улыбнулись про себя. Мой голос не выдавал внутреннего смеха и звучал детски наивно, когда я достаточно вежливо ответила:

— Верн Осокан, известно, что все инопланетники знают способ прятать знание, прежде чем ступить на землю Йиктора. А на их кораблях принимаются такие меры безопасности, которые невозможно преодолеть.

Осокан нахмурился, но его лицо быстро разгладилось.

— Для обеих этих преград мне нужно одно решение. С вашей помощью...

— Наша помощь? О, мы имеем древние знания, верн Осокан, но они ничуть не помогут вам в данном случае. И я думаю, что наша репутация среди местных жителей может в какой-то мере пострадать. Возможно, сила тэсса и могла бы сломать барьер инопланетника, но она никогда не станет этого делать.

— Нам нужно захватить вольного торговца. Этот верн, — он указал на своего спутника, — снабдил нас информацией. — Осокан достал из поясного кармана исписанный пергамент, прочитал его, а затем разъяснил.

Инопланетник улыбался, кивал и старался обшарить наш мозг, чтобы узнать, что там. Но я держала свои мыс-

ли на втором уровне, так что он решительно ничего не добился.

План Осокана был достаточно прост, но бывают такие моменты, когда простота поддерживается дерзостью исполнения, и это был как раз такой случай. Вольные торговцы поощряли своих людей разыскивать новые товары.

Таким образом, требовалось только выманить кого-нибудь из членов команды за пределы Ярмарки и ее законов и захватить его. Если Осокану не удастся выжать из пленника нужную информацию, он возьмет ее с капитана корабля как выкуп.

Слэфид согласился с этим:

— Вольные торговцы гордятся своей заботой о команде. Если одного из них захватить, они охотно заплатят за его освобождение.

— А какое отношение к вашему плану будем иметь мы? — спросил Малик.

— Вы будете приманкой. Шоу животных заинтересует некоторых из них, поскольку им запрещено пить, играть или искать женщин на чужих планетах, и мы не можем соблазнить их обычными средствами. Пусть они придут на одно из ваших представлений — пригласите их посмотреть, как вы живете, постарайтесь их заинтересовать, а затем придумайте какой-нибудь предлог, чтобы они вышли за пределы ярмарки. Пригласите одного из них посетить вас еще раз — и ваше участие в этом деле закончится.

— А зачем нам это? — спросил Малик с некоторой враждебностью.

Осокан посмотрел нам в лица:

— Я ведь могу и пригрозить...

— Грозить тэсса? — Я засмеялась. — Ох, верн, вы смелый человек! У меня нет причин играть в вашу игру. Поищите другую приманку, и пусть вам сопутствует счастье, то, которого вы заслуживаете. — Я протянула руку и опрокинула гостевой бокал, стоящий между нами.

Осокан покраснел и схватился за рукоять меча, но инопланетник дотронулся до его локтя. Осокан злобно взглянул на него, встал и вышел, не простившись. Слэфид опять улыбнулся, делая вид, что ничуть не расстроен, а просто вынужден искать другие пути к цели. Когда они ушли, Малик захохотал:

— Они что, считают нас дураками?

Я катала гостевой бокал по гладкому зеленому краю стола. Потом тихо спросила:

— С чего они взяли, что мы будем их орудием?

— Да, — Малик медленно кивнул. — Почему это? Может, они думают, что выгода или угроза так же сильны, как наш связующий жезл?

— Видимо, я поступила неразумно, отпустив их слишком быстро. — Меня раздражало, что я сделала это недостаточно тонко. — И вот еще что: почему один инопланетник готов похитить другого? Осокан заработает неприятностей с любым пленником, которого он захватит.

— Не представляю, — ответил Малик. — Существовала старая вражда — хотя в наши дни она забыта — между людьми кораблей с эмблемами и вольными торговцами. Может, по каким-то причинам эта вражда снова ожила? Но это их дело. Тем не менее, — он встал и положил руки на пояс, — мы поставим Старейших в известность.

Я не высказала ни согласия, ни возражения. В те дни я испытывала какие-то неприятные чувства по отношению к некоторым нашим верховным, но это было моим личным делом и не касалось никого, кроме моего клана.

Наш маленький народ показал днем свою магию и доставил зрителям громадное удовольствие. Моя гордость расцвела, как цветок лалланда под луной. Я, как в прежние годы, договорилась с мальчиками на ярмарке, чтобы они выискивали для меня животных. Это была моя личная служба Моластеру: я выводила из рабства — где

и как могла — мохнатых существ, которые страдали от дурного обращения со стороны тех, кто смел считать себя человеком.

В тот вечер, когда зажглись лунные шары и мы приготовились к вечернему представлению, я сказала Малику:

— Возможно, есть способ узнать об этом побольше. Кто-нибудь из торговцев придет посмотреть шоу. Если они покажутся тебе безвредными, предложи им пройти сюда, после спектакля я поговорю с ними. Все, что мы сможем узнать, станет пищей для разума Старейших.

— Лучше было бы не вмешиваться... — начал он и замялся.

— Дальше этого дело не пойдет, — пообещала я, не зная, сколь быстро это обещание превратится в утренний туман, тающий в лучах солнца.

Слэфид оказался более чем прав: на представление пришло два торговца. Я не умею определять возраст инопланетников, но была уверена, что они молоды, тем более что на их форме не было никаких нашивок. Кожа их была смуглой, как у всех космонавтов, волосы тоже были темные и коротко подстриженные, чтобы шлем лучше держался. Они не улыбались все время, как Слэфид, и мало разговаривали друг с другом. Но когда мой маленький народ показал свои таланты, они восхищались, как дети, и я подумала, что мы могли бы стать друзьями, живи они на Йикторе.

Как я просила, Малик после шоу пригласил их к нам. И когда я взглянула на них поближе, я поняла, что они не то, что Гек Слэфид.

Возможно, они были простыми людьми, такими, как мы, тэсса, считаем большинство рас, но это была хорошая простота, а не невежество, которое легко поймать на хитрость и честолюбие. Я заговорила с одним из них, назвавшимся Крипом Ворландом, о моей давней мечте показать маленький народ на других планетах.

Я встретила в нем родственный интерес, хотя он тут же указал мне на множество опасностей, которые будут препятствием, и на то, что выполнение этого желания потребует много денег. Глубоко во мне вспыхнула мысль, что я, возможно, тоже имею цену, но эта мысль быстро угасла.

Этот инопланетник был по-своему красив: не так высок, как Осокан, но гораздо стройнее и мускулистее. И я подумала, что если бы он стал сражаться с сыном Осколда даже голыми руками, то последнему несдобровать.

Мой маленький народ очаровал его, и это располагало меня к нему, потому что животные, такие как наши, умеют читать в душах. Фэтэн, который очень застенчив с чужими, при первом знакомстве подал ему лапку и кричал вслед, когда он отошел, так что он вернулся и ласково поговорил с ним, как будто успокаивал ребенка.

Я хотела и дальше изучать этого человека и его товарища, но прибежал Отджан, мальчик с ярмарки, рассказал о барске в жестоком плену, и я бросилась туда. Этот Ворланд спросил, не может ли он пойти со мной, и я согласилась, сама не зная почему — разве что мне хотелось побольше узнать о нем.

И, наконец, быстрота его реакции спасла меня от беды, когда этот мучитель мохнатого народа, Отхельм из Ылта, хотел пустить в ход нож с когтистой зарубкой. Ворланд воспользовался своим инопланетным оружием, которое не могло убить, но наносило большой вред, и остановил возможное нападение, дав мне время сбить желания этого низшего.

С помощью инопланетника я отняла барска и привезла его домой. Но тут я поняла, что не могу заниматься чем-то еще, пока ухаживаю за этим безнадежным существом, и отпустила торговцев с той вежливостью, на какую была способна в своем нетерпении.

Проводив их, я сделала для барска все, что могла, применив все искусство служанки Моластера. Я видела, что

тело его можно вылечить, но с его мозгом, угнетенным болью и ужасом, не удастся установить контакт.

Однако я не могла найти в себе силы пустить его по Белой Дороге. Я погрузила его в сон без сновидений, чтобы лечить его тело и избавить от тяжелых мыслей.

— Бесполезно, — сказал мне Малик перед рассветом. — Тебе придется держать его спящим или дать ему вечный сон.

— Возможно, но подождем пока. Тут есть кое-что... — Я сидела за столом, ослабев от напряжения, тело как будто налилось свинцом, и я с трудом думала. — Есть кое-что... — Но груз усталости не дал мне продолжать. Я с трудом встала, свалилась на кровать и крепко заснула.

Тэсса могут во снах видеть истину, но только если контролируют ситуацию. То, что я рисовала себе в глубинах сновидений, было поворотом памяти, смешивающей гротескное с настоящим и рождающей возможное будущее.

Во-первых, я держала в объятиях кого-то, кто кричал в отчаянии, потому что ему тут было плохо, и смотрела на другого, с безупречно красивым юношеским телом, но без малейшего признака разума, который нельзя вернуть. Затем я шла с молодым торговцем, но не по ярмарке, как сегодня ночью, а где-то на холмах, и знала, что это место печальное и страшное. Но человек превратился в животное, и рядом со мной шагал барск, который вертелся туда и сюда и смотрел на меня глазами, полными угрозы: сначала он умолял, а потом ненавидел. Но я шла без страха — не из-за жезла, у меня его больше не было, а потому что животное не могло разрушить оковы, связывающие его со мной. И в этом сне все было ясно и имело большое значение, но когда я проснулась с тупой болью в глазах и с неотдохнувшим телом, это значение ушло, остались только обрывки призрачных воспоминаний.

Но я знала, что этот сон остался в глубинах моего мозга и намеревался расти там, пока не проявится яс-

ной мыслью. Я не отступлю от этой мысли, когда придет время привести ее в исполнение, потому что она заполнит все мое существо.

Барск был все еще жив, и мое внутреннее зрение сказало мне, что его тело поправляется. Мы оставили его в глубоком сне, потому что для него это было самым лучшим. Когда я опустила занавески вокруг его клетки, я услышала металлический звон сапог и радостно обернулась, думая, что пришли торговцы. Однако это оказался Слэфид, на этот раз один.

— С добрым утром, верна, — приветствовал он меня на городской манер, как человек, полностью уверенный, что он здесь желанный гость.

Желая знать причину его появления, я ответила на приветствие.

— Я вижу, — он огляделся вокруг, — что все в порядке.

— А почему бы и нет? — спросил Малик, выходя из загона казов.

— Здесь ничто не потревожено, но зато в другом месте прошлой ночью... — Слэфид поочередно оглядел нас и, поскольку наши лица ничего не выражали, продолжил: — Некий Отхельм из Йлта подал на вас жалобу, верна, и упомянул в ней инопланетника.

— Да?

— Использование инопланетного оружия, кража ценной собственности. По законам ярмарки и то и другое — тяжкие преступления. В лучшем случае вас ждет судебное разбирательство, а в худшем — штраф и изгнание.

— Правильно, — согласилась я. Самой мне не страшны жалобы Отхельма, но случай с торговцем — дело другое. Был ли это тот случай, который Осокан мог повернуть в свою пользу? Портовый закон разрешал торговцу носить личное оружие, потому что оно было относительно безвредным. В сущности, оно было куда менее опасным, чем мечи и кинжалы, без которых лорды и их оруженосцы и шагу не делали. А Ворланд, защищая меня,

применил свое оружие против запрещенного ножа, за ношение которого Отхельм может быть наказан строже, чем он думает. Но дело в том, что любое столкновение с законами ярмарки восстановит начальство торговцев против Ворланда. Мы хорошо знали о строгости их правил поведения на чужих планетах.

— Сегодня начальником городской стражи — Окор, родственник Осокана.

— Что вы хотите этим сказать? — нетерпеливо спросил Малик, в упор глядя на Слэфида.

— Это значит, что вы все же выполнили желание Осокана, Господин, — улыбнулся Слэфид. — Я думаю, вы можете требовать благодарность за это, даже если он не намерен воспользоваться результатом.

— Я пока не улавливаю сути. В чем дело?

Он все еще улыбался:

— Тэсса считают себя выше местных законов. А если здесь будут новые законы, Госпожа? И что, если легенда о тэсса окажется в основном только легендой и потребуется немногое, чтобы все изменить? Разве теперь вы великий народ? Говорят, что нет, даже если когда-то вы и были великими. Вы так далеки от местных жителей, что они не считают вас людьми. Как вы бегаете под Тремя Кольцами, Госпожа, — на двух ногах, на четырех или парите на крыльях?

Я почувствовала себя как воин, получивший удар меча в жизненно важные органы, потому что такие слова и то, что за ними крылось, было мечом, оружием, которое, если им умело воспользоваться, может вырезать весь мой род. Вот, значит, какова была угроза Осокана, с помощью которой он хотел прижать нас! Но я гордилась тем, что ни я, ни Малик не показали, что удар достиг цели.

— Вы говорите загадками, джентльхомо, — ответила я на языке инопланетников.

— Спрашивать о загадках и отгадках будут другие, — ответил он. — Если у вас есть безопасное место, Госпо-

жа, вам лучше всего собираться в будущем там, иначе вы можете исчезнуть в войне как меньший вид. Вас будут искать, пока вы не объявитесь.

— Никто не может говорить за всех, пока его не послали под щитом речей, — заметил Малик. — Вы говорите от имени Осокана, джентльхомо? Если нет, то от имени кого? Что инопланетник собирается делать на Йикторе? Почему угрожает войной?

— Что такое Йиктор? — засмеялся Слэфид. — Маленькая планетка с отсталым народом, который не может добиться ни богатства, ни славы, ни оружия других миров. Его можно разжевать и проглотить, как ягоду тэка, мимоходом.

— Значит, мы все равно что ягоды тэка? — теперь уж засмеялась я. — Ах, джентльхомо, может, вы и правы. Но если съесть ягоду за день до того, как она созреет, или лишь часом позже ее созревания, желудку будет очень скверно и неуютно. Да, конечно, мы — малый и отсталый мир, и я только удивляюсь, ради каких сокровищ великие и далекие миры так заботятся о нас.

Я не надеялась легко поймать его и не поймала. Но зато и он, я думаю, ничего не узнал о нас, по крайней мере ничего существенного, такого, что показал он сам, когда наносил свой удар, чтобы принудить нас ответить на его вопросы.

— Благодарим вас за предупреждение. — Мысли Малика шли параллельно моим. — Нам есть что ответить суду. А теперь...

— А теперь у вас есть дела, которыми лучше заниматься без меня, — весело согласился инопланетник. — Я ухожу, на этот раз вам не придется опрокидывать кубок, джентльфем.

Когда он ушел, я посмотрела на Малика:

— Тебе не кажется, родич, что он был доволен собой?

— Да. Он говорил о... — Но даже дома, где его мог подслушать только наш маленький народ, неспособный

проболтаться или предать нас, он не хотел выражать свою мысль словами.

— Старейшие...

— Да, — кивнул он. — Сегодня полнолуние.

Жезл заскользил в моих пальцах, не холодный на ощупь, не горячий — его меняла лишь жизнь моих мыслей.

Итак, в самом центре этой могущественной — теперь враждебной — территории была возможная опасность. Однако Малик был прав: необходимость была сильнее риска. Он прочитал в моих мыслях согласие, и мы занялись рутинной работой по подготовке шоу.

В течение дня я дважды подходила к барску, каждый раз с мысленным зондом. Его тело поправилось, но еще не настолько, чтобы его можно было вывести из сна и попытаться коснуться его мозга. Сейчас не время для подобных экспериментов, когда на нас давило другое.

У нас, как всегда, было много зрителей, и наш маленький народ был счастлив и доволен своей работой, а мы с Маликом постарались закрыть свой мозг, чтобы наша озабоченность не встревожила животных. Я глядела, нет ли торговцев — если не тех двоих, что были у нас, то других. Ведь если Ворланд доложил о том, что случилось в палатке Отхельма, кто-нибудь из них мог прийти к нам по поводу этого дела. Но никого не было.

В полдень Малик послал Отджана посмотреть, кто занимается покупателями в палатке «Лидиса». Мальчик доложил, что ни Ворланда, ни Шервина там не видел. Может быть, они быстро закончили работу и ушли.

— Разумно с их стороны, — заметил Малик. — Чем меньше мы будем их видеть, тем лучше. Почему эти инопланетники ссорятся между собой и почему это на руку Осокану, нас не касается. Возможно, нам тоже придется укладываться и уходить на этих днях.

Но этого мы не могли сделать. В воздухе пахло слежкой. К вечеру беспокойство достигло маленького народа, несмотря на все мои усилия держать мозговой заслон для

их спокойствия. Я дважды пользовалась жезлом, чтобы изгнать страх из их мозга, и выключила мощные лампы, чтобы в палатку вошла ночь. Пока все было спокойно. Страж ярмарки не потребовал меня к ответу на жалобу Отхельма. Я уже подумала, что было бы разумней первой подать на него жалобу.

Мы разместили маленький народ по клеткам, и я зажгла по четырем углам нашего дома лунные лампы средней мощности. Затем мы с Маликом осмотрели барска и пошли взять с места нашего посланника.

Длиннокрылый осторожно завозился, когда Малик поставил его на стол в нашей комнате, слегка развернул сильные крылья и заморгал, как будто только что проснулся.

Я зажгла порошок, чтобы крылатый пил дым. Он полураскрыл клюв, и его тонкий язычок задвигался туда и обратно с невероятной быстротой. Затем Малик взял в ладонь его голову, чтобы я могла фиксировать своим взглядом красные глаза птицы. Я запела, но не громко, как обычно принято, а полушепотом, чтобы никто чужой не услышал.

Я вложила много усилий, зажав жезл в ладонях, пока он не загорелся жарким огнем, и держала его ровно, чтобы его энергия могла перелиться через меня в посланца. Когда я кончила петь, моя голова откинулась назад и у меня едва хватило сил сесть на стул, чтобы не упасть. Теперь Малик смотрел в глаза посланца и говорил быстрым резким шепотом, вкладывая в его мозг слова, которые посланец должен был передать в том далеком месте, куда он полетит.

Закончив, Малик надел плащ, закрыл им птицу, которая прижалась к его груди, и вышел в темноту. Он пошел на луг, где паслись наши животные, в стороне от палаток и ларьков.

У меня не было сил встать, и я продолжала сидеть, чувствуя тяжесть во всем теле. Собственно, я даже не сидела, а почти лежала на столе, обхватив его руками, близ-

кая к обмороку. Я не спала. Мои мысли бесконтрольно носились туда и сюда, а память пробивалась сквозь них, требуя здравого и осторожного размышления.

Я еще раз увидела медленное изображение: лицо торговца в темноте над тем лицом, которое я знала гораздо лучше. И оба стерлись, превратившись в рычащую маску проснувшегося животного. Мне показалось, что это очень важно, но я не могла понять, почему именно.

Затем у меня возникло желание послать читающую мысль, хотя я знала, что нужная для этого концентрация вне пределов моих возможностей. Но я твердо решила, что сделаю это. Узнаем ли мы по этому лучу будущее или только одну из его вероятностных линий? Имея читающий луч, не повернем ли мы бессознательно на тот путь, который нам откроется? Я много раз слышала споры ученых по этому поводу и почти поверила, что это окажет влияние на выбор личного будущего, к чему многие относились с отвращением. За пользование этим лучом Старейшие могут призвать нас к ответу. Но я должна это сделать, когда моя сила вернется ко мне. Приняв это решение, я уснула.

Тело мое было скорчено и напряжено, но зато мысли ушли и оставили меня в покое.

Глава 5

КРИП ВОРЛАНД

Закон причины и следствия не из тех, что наша или любая другая порода может отменить. Можно надеяться на лучшее, но нужно быть готовым к худшему. Мне пришлось безвылазно сидеть в корабле, и я, рассуждая здраво, не мог спорить с этим. По-моему, мне еще повезло, что капитан Фосс не добавил к этому минимальному наказанию черную отметку в моей Э-записи. Другие так и сделали бы. У меня была личная лента, которую мы все носим в поясе, и она дала правдивый отчет о скандале

в палатке торговца животными и подтвердила, что мои враждебные действия были вызваны необходимостью защиты уроженки Йиктора, а не просто собственной шкуры. К тому же Фосс знал о тэсса и их положении больше, чем я. Он с удовольствием запер бы не только меня, но и всю команду. Я оставался в нашем ларьке в течение нескольких часов торговли, но мне ясно дали понять, что дальнейшее нарушение приказа приведет Крипа Ворланда к полнейшему краху. И капитан сказал мне, что ожидает какой-нибудь жалобы со стороны властей ярмарки, но будет защищать меня в любом суде, и лучшим аргументом послужит моя лента.

Большая часть утра прошла в ларьке как обычно. У меня не было даже возможности пойти поохотиться для себя, так как меня лишили этой привилегии на Йикторе. В свободные минуты я вспоминал о мечте Майлин выйти в космос с шоу животных. Насколько мне известно, такого никогда не было.

Но все препятствия, которые я изложил ей, действительно существовали. Животные не всегда могли адаптироваться. Некоторые из них не могут жить вне своего родного мира и едят только очень специфическую пищу, которую нельзя транспортировать, или не переносят жизни на корабле. Но, допустим, какой-нибудь вид сможет преодолеть такие трудности и привыкнет к звездным странствиям — будет ли подобное рискованное предприятие прибыльным? Разум торговца всегда первым делом поворачивается к этому вопросу, и торговец готов мчаться к любому солнцу, если ответ будет положительным.

Я мог судить о представлении прошлой ночью только по собственной реакции, а личное суждение могло быть случайным. Мы издавна привыкли проявлять свой энтузиазм при первой вспышке интереса и были далеки от того, чтобы проверять и перепроверять все, прежде чем пуститься в какую-нибудь авантюру.

Я вспомнил барска, которого Майлин так решительно спасла. Почему именно его? Там были и другие, явно

подвергающиеся дурному обращению животные, но ее интересовал только барск. Да, это животное редкое, его не увидишь в неволе. Но почему? ...

— Господин!

Кто-то дотронулся до моего рукава. Я стоял в дверях спиной к улице.

Обернувшись, я увидел оборванного босого мальчишку, перебиравшего грязными ногами. Он прижал руки к животу и часто-часто кивал головой в «поклоне вышестоящему». Я узнал его: это тот самый, что вел нас прошлой ночью.

— Чего тебе?

— Господин, Госпожа просит тебя прийти к ней. Так она сказала.

Больше для порядка я на секунду задержался с ответом.

— Передай Госпоже, — начал я свою речь в стиле йикторианской вежливости, — что я нахожусь под влиянием слова Лорда моей Лиги и поэтому не могу поступить так, как она желает. Мне очень прискорбно, что я должен сказать это, клянусь Кольцами Истинной Луны и Цветением Хресса.

Он не уходил. Я достал монетку и протянул ему:

— Выпей сладкой воды за меня, посланец.

Он взял монетку, но не ушел.

— Господин, Госпожа очень этого желает.

— Разве может *присягнувший на мече* следовать своим желаниям, если ему приказал иное лорд? — возразил я. — Скажи Госпоже то, что я тебе ответил, у меня в этом деле нет выбора.

Он ушел, но так неохотно, что я удивился. Извинение, которое я дал ему, звучало вполне приемлемо для любого человека на Йикторе. Вассал был связан со своим лордом, и приказ лорда был выше, много выше любых личных желаний, выше, чем жизнь. Зачем Майлин послала за мной, инопланетником, почти ей незнакомым, если не считать совместного участия

в маленьком приключении с барском и его хозяином? Осторожность говорила, что лучше держаться подальше от палатки тэсса, от маленького народа, от всего, с ним связанного.

Однако я хранил воспоминание о ее серебристо-рубиновом наряде, о ней самой, как она стояла не рядом со своими животными, а в стороне, как будто тоже смотрела на них. Я вспоминал, как она заботилась о барске, ее высокомерное презрение, заморозившее продавца животных, когда ее жезл связал его. Люди приписывали тэсса странную силу, и, похоже, в этих слухах была доля истины — по крайней мере, Майлин вызывала подозрение, что так оно и есть.

Мне не пришлось долго размышлять, потому что в ларек влетели два богатых северных купца. Сами они не торговали, но предлагали различные изделия в обмен на наш легкий груз: мелкие предметы роскоши, которые легко было поместить в корабельном хранилище и получить хороший доход при малом объеме. Капитан Фосс приветствовал их как своих постоянных покупателей, которых привлекал не наш обычный груз, а наши легкие изделия.

Это были подлинные аристократы купеческого класса, люди, которые сколотили себе твердый капитал и теперь спекулировали вещами, вытаскивая деньги из кошельков дворян.

Я подал гостевые кубки — пластакристалл с Фарна, — отражающие свет бриллиантовым блеском. Они так сверкали в руке, будто были сделаны из капель воды. На их круглые чаши и тонкие ножки можно было наступить магнитной подошвой космического ботинка, и они не разбивались.

Фосс налил в них вино с Арктура, и темно-розовая жидкость засияла в них, как рубины на воротнике Майлин. Майлин... Я сурово изгнал ее из своих мыслей и почтительно стоял, ожидая, когда Фосс или Лидж подадут мне знак показать что-нибудь.

С купцами вошли четыре носильщика — все старые служащие, — встали возле своих хозяев и поставили перед ними маленькие ящички, принесенные с собой.

Несмотря на мир на ярмарке, они показывали ценность своего груза тем фактом, что были вооружены не кинжалами, как обычно, а мечами для его защиты.

Однако я никогда не видел, чтобы они держались так настороженно.

Снаружи через дверь пронесся пронзительный свист, и вся волна шума, к которому мы уже привыкли, разом смолкла настолько, что можно было услышать слабый звон вооружения, стук мечей, извещающий о прибытии отряда судейских чиновников ярмарки. Их было четверо, и они были так вооружены, словно собирались осаждать крепость. Их вел человек в длинной мантии, одна половина которой была белой (хотя и сильно запыленной), а вторая — черной, что символизировало обе стороны правосудия. Он был без шлема, увядший венок из цветов хресса болтался на его голове. Мы поняли, что это жрец, чья временная обязанность состояла в том, чтобы хоть слабо, но напомнить, что это дело имеет священное значение.

— Слушайте внимательно! — провозгласил он высоким голосом, специально тренированным для жреческого стиля поучения. — Это правосудие Луны Колец, милостью Доматопера, по воле которого мы бегаем и ходим, живем и дышим, думаем и действуем! Пусть выйдет вперед тот, кого призывает Доматопер, тот инопланетник, что поднял оружие в границах Ярмарки Луны Колец!

Капитан Фосс мгновенно очутился перед жрецом.

— По чьей жалобе присягнувшие Доматоперу вызывают моего вассала? — ответил он, как полагается отвечать на вызов.

— По жалобе Отхельма, клявшегося у алтаря и перед мудрейшими. Должен быть дан ответ.

— И он будет дан, — согласился Фосс и чуть заметно кивнул мне, чтобы я подошел. Моя личная пленка была

в кармане его формы. Она вполне могла оправдать меня за применение шокера. Но коль скоро мы должны были передать ее смешанному суду жрецов и торговцев — это дело другое, и я понял, что конференция между капитаном и северными людьми имела важное значение.

— Отпустите меня, — сказал я на базике. — Если они предполагают сразу же судить меня, я пришлю записку...

Вместо ответа Фосс обернулся и крикнул в глубину ларька:

— Лалферн!

Эльфрик Лалферн, длинный тощий парень, не имел регулярных обязанностей в ларьке, кроме помощи в распаковке и упаковке товара.

— Этот человек, — сказал Фосс жрецу, — пойдет как мои глаза и уши. Если мой присягнувший на мече попадет под суд, этот человек известит меня. Это дозволено?

Жрец посмотрел на Лалферна и через секунду кивнул.

— Дозволено. Давайте этого. — Он повернулся ко мне. — Положи оружие.

Он протянул руку к шокеру в моей кобуре, но пальцы Фосса уже держали приклад, и капитан вытащил оружие.

— Его оружие уже больше не его. Оно останется здесь. Как полагается.

Я подумал было, что жрец запротестует, но капитан был прав, поскольку на Йикторе считалось, что оружие подчиненного является законной собственностью лорда и может быть потребовано в любое время, особенно если лорд считает, что его присягнувший на мече нарушил какое-то правило.

Итак, без всяких средств защиты я шагнул вперед и занял свое место между двумя стражниками. Лалферн пошел сзади, в нескольких шагах от нас.

Хотя шокер не бластер, я носил его чуть ли не всю жизнь и твердо знал, что он висит у меня на поясе, а теперь почувствовал себя каким-то голым среди необычайной настороженности вокруг. Сначала я пытался уверить себя, что это просто реакция на то, что я, безоружный,

нахожусь в зависимости от чужого закона чужой планеты. Но мое беспокойство возросло, когда я понял, что это одно из предупреждений, идущих наравне с самым слабым даром эспера, который был у большинства из нас, прирожденных космонавтов. Я оглянулся на Лалферна как раз вовремя, чтобы увидеть, что он тоже оглянулся через плечо и взялся было за рукоятку шокера, но снова опустил руку, сообразив, что этот жест может быть неправильно истолкован.

Только тогда я обратил внимание на путь, которым меня вели. Мы должны были направляться к Большой Палатке, где во время ярмарки помещался суд. Я увидел широкий карниз крыши над палатками и ларьками впереди, но значительно левее. Мы шли к границе ярмарки по пространству, где стояли палатки тех дворян, которые не жили в Йрджаре.

— Последователь Света! — громко обратился я к черно-белому жрецу, который шел так быстро, что нам пришлось ускорить шаг, чтобы не отстать от него. — Куда мы идем? Суд находится...

Он не повернул головы и не подал вида, что слышит меня. Теперь я увидел, что мы повернули от последнего ряда ларьков к палаткам Лордов.

Здесь никого не было, кроме двух-трех слуг.

— Хэлли, Хэлли, Хэлл!

Он выскочил из укрытия, этот водоворот людей, врезался в наш маленький отряд, подняв на дыбы своих верховых животных, которые били пеших тяжелыми копытами. Я услышал яростный крик Лалферна, затем стражник справа от меня дал мне такого толчка, что я, пытаясь удержаться на ногах, влетел между двумя палатками.

Острая боль в голове — и на время все кончилось.

Боль отправила меня во тьму, она же и вывела меня из нее или сопровождала меня, когда я неохотно приходил в сознание. Сначала я не мог понять, что терзает

мое тело. Наконец, я осознал, что лежу ничком на спине грузового каза, привязанный, и меня больно подбрасывает при каждом шаге животного. Я слышал шум, человеческие голоса, и было ясно, что меня сопровождают несколько всадников. Но говорили они не по йрджарски, и я ничего не понимал, кроме отдельных слов.

Не знаю, долго ли длился этот кошмар, потому что я несколько раз впадал в беспамятство. Я помолился о том, чтобы мне не выходить из благостного мрака, и он тут же поглотил меня.

Жизнь в космосе закаляет тело, оно привыкает к стрессам, напряжениям и опасностям и нелегко сдается при дурном обращении, что я болезненно констатировал в последующие дни. Меня сняли с каза самым простым способом: перерезали путы и скинули на жесткую мостовую.

Передо мной мерцали факелы и фонари, но мое зрение было так затуманено, что я лишь смутно различал фигуры моих похитителей, двигавшихся вокруг. Затем меня взяли за плечи и потащили, после чего толчок пустил меня по крутому склону в слабо освещенное место.

Сказанного мне я не понял, и фигура тяжело спустилась за мной. В лицо мне плескали жидкость, и я задыхался. Вода была хороша для моих пересохших губ, и я облизывал их горящим языком. Меня схватили за волосы, чуть не вырвав их с корнем, подняли голову, и мне в рот полилась вода, чуть не задушившая меня. Но я ухитрился сделать несколько глотков.

Этого было мало, но все же мне стало легче. Рука, державшая мои волосы, оттащила меня, я ударился головой об пол и снова впал в беспамятство.

Когда я пришел в себя после обморока или сна, или того и другого вместе, кругом была пугающая тьма. Я моргал и моргал, пытаясь прояснить зрение, пока не сообразил, что виноваты не глаза, а то место, где я находился. С бесконечными усилиями я приподнялся на локте, чтобы лучше видеть место моего заключения.

Тут не было ничего, кроме грубо сколоченной скамьи. Пол был покрыт вонючей соломой. В сущности, здесь кругом воняло, и тем сильнее, чем больше я принюхивался. В одной стене на высоте моего роста было прорезано узкое окно, не шире двух пядей, через него проходил сероватый свет, не достигающий темных углов. На скамье я увидел кувшин, и он сразу сделался для меня самой интересной вещью.

Я не мог встать на ноги. Даже попытка сесть вызвала такое головокружение, что я закрыл глаза и унесся куда-то в пространство.

Наконец я все-таки добрался до сосуда, обещавшего воду, дополз на животе, извиваясь, как червяк.

Пока я полз, во мне боролись надежда и страх, но в кувшине действительно оказалась жидкость — не просто вода, а с чем-то смешанная, поскольку у нее был кислый вкус, сводивший рот, но я пил, ведь приходилось лакать и хуже, и представлял себе, что это вино. Я пытался разумно ограничить себя, но как только вода попала мне на язык, облегчая мучительно пересохшее горло, разлетелись мои намерения отставить кувшин, пока жидкость еще плещется в нем. В голове прояснилось, и вскоре я уже мог двигаться без приступов головокружения. Возможно, странный привкус воде придал какой-то наркотик или стимулятор. Наконец я доковылял до оконной щели — посмотреть, что там, снаружи.

Там еще светило солнце, но его лучи доходили до меня только отраженным светом. Поле зрения было исключительно узким. На некотором расстоянии возвышалась крепкая серая стена, похожая на крепости Йиктора.

Больше ничего не было видно, кроме мостовой, которая, видимо, шла от основания здания, где я находился, до той стены.

Затем мимо моей щели прошел человек. Он не задержался, но мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что это вассал какого-то лорда: он был в кольчуге и шлеме,

на плаще — желтая нашивка с черным гербом. Я не успел рассмотреть герб, да и не смог бы узнать его, поскольку геральдика на Йикторе не касалась торговцев.

Желтое с черным — я ведь видел эту комбинацию! Но когда и где? Я прислонился к стене и старался вспомнить. Цвет... В последнее время я думал о цветах: о серебряном и рубиновом костюме Майлин; гвоздично-розовом и сером цвете ее вывески, оказывающей странное влияние, вывесках других мест развлечений... тускло красная с зеленым вывеска игорного дома, которая не просто зазывала — она кричала!

Игорная палатка! Обрывки памяти сложились в мысленную картину... Гек Слэфид за столом, столбики фишек, как башни удачи, и слева от него — молодой дворянин, который так пристально вглядывался в меня, когда мы с Майлин проходили мимо. На нем тоже был плащ, блестящий, полушелковый, ярко-желтый, с вышитым на груди черным знаком орла. Но из этих обрывков я не мог пока сложить приемлемую модель.

У меня была ссора с одним йикторианцем, с Отхельмом, но не с молодым человеком в желтом и черном. Я не мог найти логической связи между двумя так далеко отстоящими друг от друга людьми. Продавец животных никак не мог быть под защитой лорда. Мое знание йикторианских обычаев было полным настолько, насколько ленты торговцев могли их описать, но для того, чтобы изучить все нюансы социальной жизни и обычаи, потребовались бы многие годы. И вполне могло быть, что ссора с Отхельмом привела меня к теперешнему неприятному положению.

Где бы я сейчас ни был, это место не в районе ярмарки. Это было более чем странно. Я мог вспомнить только часть своего пути на спине каза, меня схватили в Йрджаре, и я был насильно выведен из-под юрисдикции суда ярмарки, и это настолько противоречило всему, что мы знали об обычаях, что трудно было поверить в случившееся. Те, кто захватил меня, а также тот, кто отдал та-

кой приказ, и тот, кто договаривался об этом деле, могут быть поставлены вне закона, как только станет известно о моем исчезновении.

Какую ценность я представлял, чтобы похитить меня такой ценой? Только время и мои похитители могут ответить на этот вопрос. Но, похоже, это будет не скоро, потому что время идет, а ко мне никто не приходит. Я проголодался и, как ни старался растянуть запас воды, все-таки выпил ее и опять почувствовал жажду.

Тусклый свет ушел, когда кончился день, и ночь окутала меня темными волнами. Я сидел, прислонившись к стене напротив двери, и прислушивался, чтобы собрать какую-нибудь информацию. Время от времени до меня доходили искаженные и приглушенные звуки. Прозвучал горн, видимо, возвещавший о чьем-то прибытии. Я снова встал и поплелся к окну. На серой стене плясал луч фонаря, я услышал голоса. Потом промелькнули человеческие фигуры: одна в дворянском плаще, шага на два впереди трех других. Вскоре я услышал звяканье металла на лестнице. Что-то толкнуло меня вернуться на старое место — к стене против двери.

Блеснул свет, достаточно сильный, чтобы ослепить меня и скрыть стоящих в дверях. Только когда они вошли в мою камеру, я немного разглядел их.

Это были те, что прошли мимо окна. Теперь я узнал в дворянине юношу из игорной палатки.

Есть один трюк, старый как мир, и я применил его: молчи, чтобы твой противник заговорил первым. Так что я не стал обращаться с просьбой о разъяснении, а просто спокойно изучал их.

Двое поспешно отодвинули скамью от стены, и лорд сел с видом человека, которому обязаны предоставлять удобства. Третий сопровождающий повесил фонарь на крючок в стене, так что вся камера была освещена.

— Эй, ты! — Не знаю, удивило лорда мое молчание или нет, но в его тоне слышалось раздражение. — Ты знаешь, кто я?

Это было классическое начало разговора между йикторианскими соперниками — хвалиться именем и титулами, дабы подавить возможного врага грузом своей репутации.

Я не ответил. Он нахмурился и наклонился вперед, положив руки на колени и расставив локти.

— Это лорд Осокан, старший сын лорда Осколда, Щит Йенлада и Йуксисома, — пропел человек, стоящий возле фонаря, голосом профессионального герольда.

Имена сына и отца мне ничего не говорили, и земли, которые они представляли, были мне незнакомы. Я продолжал молчать. Я не видел, чтобы Осокан сделал какой-нибудь жест, отдал приказ, но один из его первоклассных ребят шагнул ко мне и так хлестнул меня по лицу ладонью, что я стукнулся головой о стену и чуть не потерял сознание от боли. Усилием воли я поднялся на ноги, стараясь, насколько возможно, сохранить ясность ума. Но будет ли это возможно? Они собирались силой отнять у меня что-то нужное им. И Осокан грубо объяснил, чего они желают:

— У вас есть оружие и знания, инопланетник, и я получу их от тебя тем или иным способом.

Тут я в первый раз ответил, с трудом шевеля распухшими от удара губами:

— А ты нашел на мне оружие? — Я не стал титуловать его.

— Нет. — Он засмеялся. — Ваш капитан весьма умен. Но ЗНАНИЕ при тебе. А если твой капитан хочет увидеть тебя снова, то мы будем иметь также и оружие, и очень скоро.

— Если ты хоть что-нибудь знаешь о торговцах, ты должен знать, что у нас поставлены мыслеблоки против подобного разглашения на чужих планетах.

— Да, я слышал. — Его улыбка стала еще шире. — Но у каждого мира свои секреты, ты это тоже знаешь. У нас есть несколько ключей к таким замкам. Если они не сработают — очень жаль. Но твоему капитану будет

о чем поразмыслить, и он должен будет сделать это быстро. А что касается знаний, — давай их сюда. — Последний его приказ щелкнул, как кнут.

Я не хочу вспоминать о том, что было после в комнате с каменными стенами. Те, кто принимал участие в допросе, были настоящими мастерами в своем деле. Не знаю, то ли Осокан был действительно уверен в том, что я смогу, если захочу, выдать ему знания, то ли занимался этой игрой для собственного удовольствия. Большая часть всего этого совершенно исчезла из моей памяти. Всякий эспер, даже самый слабый, может частично закрыть сознание, чтобы сохранить разум в равновесии.

Они не смогли узнать ничего стоящего и были достаточно опытны в своем грязном ремесле, чтобы не терзать меня беспрерывно. Но я довольно долгое время не знал об их уходе и вообще о чем бы то ни было. И когда боль вновь подняла меня, за окном был бледный день.

Скамья стояла у стены, и на ней снова был кувшин и еще блюдо с чем-то вроде замороженного сала. Я подполз к скамье, выпил горькой воды, и мне стало чуть-чуть лучше, но прошло много времени, прежде чем я решился попробовать пищу. Только сознание, что необходимо иметь силы, заставило меня двигаться и давиться этой тошнотворной пищей.

Теперь я знал: Осокан похитил меня в надежде обменять на оружие и информацию — без сомнения, для того, чтобы с их помощью захватить королевский трон. Дерзость этого акта означала, что он либо имел сильную поддержку и мог противостоять законам ярмарки, либо надеялся столь быстро захватить трон, что власти не успеют выступить против него. Безрассудство его поступка граничило с крайней глупостью, и я не мог поверить в такие его надежды. Только позже я сообразил, что он уже настолько перешагнул границы, что ему ничего больше не оставалось, как держаться этого опасного пути. Он не мог повернуть обратно.

Нечего было и думать, что капитан Фосс заплатит за меня требуемый выкуп. Хотя торговцы были тесно связаны между собой и начальство вело себя честно со всеми, ни команда «Лидиса», ни вся добрая слава Свободных торговцев не может и не будет подвергаться риску ради жизни одного человека. Все, что Фосс может сделать, так это пустить в ход машину йикторианского правосудия.

Знает ли он, где я? Что сталось с Лалферном? Если ему удалось сбежать, то Фосс уже знает, что я похищен, и может принять контрмеры.

Но сейчас я должен рассчитывать не на пустые надежды, а на собственные силы. Я думал и думал.

Глава 6

КРИП ВОРЛАНД

Как ни измучен я был, я пустил в ход мыслеискатель. Сейчас как раз было такое место и время, когда могут помочь только отчаянные методы.

Поскольку мыслепоиск по-разному действует у разных рас и народов, я не надеялся на какое-то открытое сообщение, может, и вообще ничего не будет.

Получалось, будто я пытаюсь вести перехват радиопередачи в таком широком диапазоне, что мой приемник ловит лишь смутный узор.

Я уловил не слова, не отчетливые мысли, а только ощущение страха. И эта эмоция временами была такой острой, что было ясно: тот, кто излучал ее, был в опасности.

Укол здесь, укол там — возможно, каждый из них сигнализировал об эмоциях разных людей, защитников крепости. Я поднял голову к бледному окошку и прислушался. Оттуда не доносилось никаких звуков. Я кое-как встал и посмотрел. Да, уже день, узкая полоска солнечного света на той стороне.

Там царило полное спокойствие.

Я снова закрыл глаза от света и послал улавливающую мысль к одному из уколов страха, чтобы определить источник эмоции. Большая часть их все еще плавала вне поля моего действия. Одно такое ощущение я поймал поблизости от двери моей тюрьмы — по крайней мере, мне так показалось. Я стал зондировать этот мозг со всем усердием, какое мог собрать. Это было равносильно чтению пленки, которая была не только перепроявлена, но и изображала чужие символы. Эмоции ощущались, потому что базис эмоций одинаков для всех. Все живые существа знают страх, ненависть, радость, хотя источники и основания этих чувств могут быть самыми различными. Как правило, страх и ненависть — самые сильные эмоции, и их легче всего уловить.

В этом мозгу ощущался растущий страх, смешанный с гневом, но гнев был вялым, он скорее был порожден страхом. К кому? К чему?

Я закусил губы и послал весь остаток сил, чтобы узнать это. Страх... боязнь? Нужно... нужно избавиться... Избавиться от МЕНЯ!

И я понял, как будто мне сказали это вслух, что причиной страха было мое присутствие здесь. Осокан? Нет, не думаю, чтобы лорд, который силой пытался выудить у меня сведения, вдруг изменил решение.

Укол... укол. Я готовил свой мозг, подавляя изумление, возвращаясь к терпеливой разработке этих путаных мыслей. Пленник — опасность — не я лично был опасен, но мое пребывание здесь как пленника могло быть опасным для думающего. Может быть, Осокан настолько преступил законы Йиктора, что те, кто помогал ему или повиновался его приказам, имели основание бояться последствий?

Могу ли я рискнуть на контрвнушение? Страх очень многих толкает к насилию. Если я увеличу перехваченный мною страх и сконцентрирую его, меня тут же прикончат. Я взвесил все «за» и «против», пока устанавливал контакт между нами.

В том, на что я решился, было так мало надежды на удачу, что все уже лежало под тенью провала. Я собирался послать в этот колеблющийся мозг мысль, что с исчезновением узника уйдет и страх, но узник должен обязательно уйти живым. В самом простом сигнале, какой только я мог выдумать, и с максимальным усилием я послал эту мысль-луч по линии связи.

Одновременно я медленно продвигался вдоль стены к скату, который вел в камеру. По дороге я взял кувшин, выпил остатки воды и крепко зажал его в руке. Я старался вспомнить, куда открывается дверь, поскольку мои глаза были ослеплены, когда вошел Осокан. Наружу? Да, конечно, наружу!

Я поднялся до половины ската и ждал...

Освободить пленника... не будет страха... Освободить пленника...

Сильнее — он идет ко мне! Остальное будет зависеть только от удачи.

Когда человек кладет свою жизнь на такие весы — это страшное дело. Я услышал звон металла. Дверь открылась. Ну!

Дверь качнулась назад, а я бросил вперед не только кувшин, но и заряд страха. Кувшин ударился о голову стражника, тот вскрикнул и отлетел назад.

Я поднялся наверх, собрав последние силы, и вышел в дверь.

Моей первой мыслью было обыскать стражника и взять его меч. Даже с незнакомым оружием я чувствую себя увереннее. Стражник не сопротивлялся. Я подумал после, что заряд страха, ударивший в его мозг, был более сильным и неожиданным, чем тот, что нанес его телу кувшин.

Я взял его за плечо и столкнул вниз, в тот погреб, откуда я вылез. К счастью, он оставил запирающий прут в двери, так что я быстро повернул его и удалился.

Для начала я осмотрелся. Свет резал мои привыкшие к темноте глаза, но я решил, что сейчас поздний вечер.

Сколько дней я провел в камере, я не знал, поскольку смена дней и ночей ускользнула от меня.

Во всяком случае, сейчас в этом коридоре не было никого, а мои планы не шли дальше сиюминутного. Мне надо было добраться до выхода, и я не был уверен, что не встречу кого-нибудь из гарнизона. Мыслеуловитель был слишком слаб для разведки: я полностью израсходовал свой талант эспера, когда заставлял стражника открыть мою камеру. Поэтому мне приходилось рассчитывать только на физические средства и на оружие, которым я не умел пользоваться.

Коридор повернул влево. В него выходили двери, и далеко впереди я услышал голоса. Но другого пути не было, и я пошел вдоль стены, сжимая меч.

Первые две двери, врезанные в стену, были закрыты, за что я вознес бы благодарственную молитву, если бы имел возможность ослабить внимание. Я знал, что мои способности эспера упали очень низко, но все-таки старался использовать их остаток на установление какой-либо жизни поблизости.

Я пошел дальше. Голоса стали громче. Я уже различал слова на незнакомом языке. Похоже на ссору. Из полуоткрытой двери лился яркий свет.

Я остановился и осмотрел дверь. Она тоже открывалась наружу, и щеколда запиралась, как обычно в тюрьме, — прут вставлялся в отверстие и поворачивался. Я держал взятый мною прут в левой руке, но подойдет ли он к этой двери? Смогу ли я прикрыть дверь, чтобы люди внутри не заметили? Я не рискнул заглянуть в комнату, но голоса там поднялись до крика, и я надеялся, что в своей ссоре они не обратят внимания на дверь.

Я сунул меч за пояс, взял прут в правую руку, а ладонью левой осторожно нажал на дверь. Она оказалась слишком тяжела для такого легкого прикосновения. Я толкнул сильнее и замер: любой предательский скрип, какой-нибудь перерыв в разговоре мог показать мне, что

я сделал ошибку. Но дверь все-таки двигалась дюйм за дюймом и наконец плотно легла в свою фрамугу. Скандал в комнате продолжался. Я вложил прут в отверстие скользкими от пота пальцами. Он слегка упирался, и я готов был бросить это, но вдруг он с легким щелчком встал на место, и я повернул его.

Все в порядке — замок закрылся.

Там, внутри, так шумели, что даже не заметили, что их заперли. Мне уже дважды везло, и я подумал, что такая удача слишком хороша, чтобы продолжаться и дальше.

Коридор еще раз повернул, и я опять мог заглянуть в окно. Я угадал правильно — был вечер, отблески заходящего солнца лежали на мостовой и на стене. Ночь, как известно, друг беглеца, но я даже не думал, что буду делать в незнакомой местности, если выйду из крепости Осокана. Два шага сразу не делаются: я думал только о том, что буду делать сию минуту.

Передо мной была широко открытая дверь во двор. Я все еще слышал ссорящиеся голоса позади, но пытался теперь уловить звуки снаружи. Оттуда донесся резкий высокий звук, но это кричал каз, а не человек. Я встал за дверью и выглянул, держа меч в руке: налево — навес, где были казы, их треугольные пасти с жесткой шерстью качались туда-сюда, из пастей свисали изжеванные листья, из чего я понял, что им только что дали корм.

На миг я задумался над возможностью взять одного из животных, но с сожалением отказался от этой затеи. Мыслеискатель работает с животными даже чужой породы лучше, чем с гуманоидами, — это верно, но концентрация сил, требуемая для контроля над животным, сейчас мне не по плечу. Я должен был рассчитывать только на себя, на свои физические возможности.

Здание, из которого я вышел, отбрасывало длинную тень. Я не мог видеть других ворот, но попытался добраться до самого темного места между двумя тюками корма, и это мне удалось.

Отсюда я видел много лучше: направо — широкие ворота, крепко запертые, на них что-то вроде клетки. Я уловил в ней дыхание и тут же присел за тюк.

Часовой! Я ждал оклика, стрелы из лука или другого знака, что меня видели.

Вряд ли я прошел незамеченным. Но через несколько секунд ничего не произошло. Я начал думать, что часовой обязан смотреть по ту сторону стены, а не во двор. Я прикинул, как мне двигаться: сначала под прикрытием тюков, затем позади навесов, и пошел медленно, хотя каждый нерв во мне требовал скорости. Бег мог привлечь внимание, а передвигаясь ползком, я сливался с тенью. Проходя мимо загона, я сосчитал животных, надеясь получить некоторое представление о численности гарнизона. Тут было семь верховых животных, четыре вьючных, но это ничего не давало, поскольку в гарнизоне могли быть и пехотинцы. Однако малое число верховых животных в загоне, явно построенном для гораздо большего количества, указывало на то, что в резиденции оставался лишь костяк. Это означало также, что Осокан и его приближенные уехали.

Тут было несколько вышек для часовых, но, хотя я осторожно следил за ними, я не заметил на них никого. Едва я нырнул за выступ стены, как послышались тяжелые шаги: мимо прошел мужчина. На нем была кольчуга пешего бойца, на голове не было шлема, а на плечах он нес коромысло с ведрами воды, которые он опорожнил в каменный желоб. Вода медленно стекала по нему в стойла.

С пустыми ведрами он пошел обратно. Я в своем укрытии почувствовал внезапный подъем духа: как раз в это время человека охватило столь сильное желание, что оно дошло до меня совершенно отчетливо. Страх в нем уступил место решимости, а решимость была так сильна, что я смог уловить это.

Возможно, он отличался от своих товарищей какой-нибудь мозговой извилиной, которая делала его более

открытым для моего дара эспера. Такие вариации существуют, как известно. Это был третий подарок судьбы за сегодняшний день.

Я был уверен, что человек будет действовать, отложив свои обязанности, но пользуясь ими как прикрытием для своих целей. И наступил момент, когда требовалось немедленное действие, иначе он может не успеть.

С коромыслом и пустыми ведрами он открыто зашагал вдоль стены, а я скользил за ним, потому что он шел как раз туда, куда мне хотелось.

В другом конце двора был колодец. Из центра здания тянулось крыло, оно острым углом огибало колодец, как будто каменный блок протягивал руку, чтобы укрыть источник драгоценной воды. В крыле было много щелевидных окон и дверь. Человек, за которым я шел, не остановился у колодца, а быстро огляделся и прислушался. Видимо, успокоенный, он вошел в дверь крыла. Я подождал немного и последовал за ним.

Тут было нечто среднее между арсеналом и складом. На стенах висело оружие, разные приспособления лежали аккуратными кучками. Отчетливо пахло зерном и другой пищей для людей и животных. Позади одного тюка с провизией валялись ведра и коромысло. Смесь страха и желания у моего гида точно вела меня по следу. Я прошел в другую дверь, полускрытую мешками с зерном, и вышел на узкую лестницу, достаточно крутую, чтобы у человека, посмотревшего вниз, закружилась голова. Здесь я остановился, потому что услышал впереди шаги, а значит, и он мог меня услышать.

Сжигаемый нетерпением, я ждал. Когда все затихло, я медленно двинулся вниз, с усилием ставя ноги и боясь, как бы мое измученное тело не подвело меня.

К счастью, спуск был коротким. Внизу оказался проход, идущий в одном направлении. Здесь было темно, я не видел ни искорки света, которая бы указывала на то, что мой гид пользуется фонарем или факелом. Видимо, он хорошо знал дорогу.

Я ничего не видел и не слышал. Затем по линии нашей мозговой связи пронесся взрыв облегчения, который заблестел в моем мозгу, как фонарь перед глазами. Он достиг своей цели, он вышел из форта, чтобы найти безопасное, по его мнению, место. И я не думал, что он задержится у выхода.

Я пустился полубегом, чтобы найти этот выход. В темноте я больно ударился об острый выступ, но не упал и вытянул руки, чтобы пользоваться ими вместо глаз. Передо мной оказался пролет другой лестницы, вверх по которой я пополз на руках и коленях, не будучи уверен, что осилю ее другим способом.

Время от времени я останавливался проверить, нет ли каких-нибудь признаков выхода. Наконец я нашел люк и толчком открыл его. Там тоже не было света, я как бы попал в погреб или в отвал в скалах, который вряд ли был естественным, скорее он был сознательно сделан под естественный, чтобы скрыть этот люк. В стране, где по всякому пустяку затевались войны, такая нора была необходима в любой крепости... Я подумал, что никому она не была нужнее, чем мне.

Впервые в жизни я полностью сконцентрировал свою силу на том, чтобы меня не заметил часовой на стене. Выход скрывался в скалах, и единственный способ пройти через него — ползти на животе. И я подумал, что мог бы набросать чертеж этих скал, поскольку они показались мне частью более древней разрушенной крепости.

Того дезертира, что прошел через эту дыру, не было и в помине, но я все-таки двигался с осторожностью. Наконец, я вышел из-под укрытия.

Наверно, развалины тут кончались, так как было много осыпавшейся земли.

Теперь я мог оглядеться.

Небо пылало тем жутким цветом, которым окрашивался закат солнца на этой планете. В этом свете форт казался темным пятном, уже скрытым тенями, усили-

вавшими его мрачный вид. Форт состоял из одного внутреннего здания и внешней стены, он оказался меньше, чем я думал. Пожалуй, это было не укрепление, а скорее пограничный пост, охраняющий и защищающий землю, поскольку вокруг не было ни жителей, ни возделанных полей. Это был солдатский лагерь, а не убежище для фермеров, каким мог быть любой замок.

Между двумя рядами холмов проходила дорога, ведущая в неведомую равнинную местность. По-видимому, она связывала два центра — этой области и внешнего мира, возможно, даже Йрджара. Этим и следовало руководствоваться.

Мое путешествие сюда прошло, можно сказать, вслепую, и я не имел представления, где находится порт — на север или на юг отсюда. Впервые я подумал, что мое удивительное везение кончилось: у меня был меч, но не было ни пищи, ни воды, ни защиты от непогоды. И энергия, порожденная моей волей, которая так долго поддерживала мое истерзанное тело, угасала. Я мог бы задать себе вопрос, но боялся, потому что ответ был слишком ясным.

Форт и развалины, из которых я вынырнул, находились на склоне холма.

Проход, через который я шел, должен был бы сообщаться с подземным ходом, но я вышел на высокое место, и часовой мог легко заметить меня. Я заставил свои ноги двигаться вперед, пока можно, потом полз, извивался, перекатывался — одним словом, делал все, что мог, лишь бы двигаться.

Мне еще повезло, что методы допросов помощников Осокана причиняли сильную боль, но не калечили тело, так что сейчас оно могло делать необходимые усилия. Но я впал в какое-то оцепенение, в котором верх взяла та часть мозга, которая не могла сознательно понимать, планировать или жить, а лежала глубоко под всем этим.

Дважды я вдруг замечал, что бреду по более гладкой дороге и что какой-то скрытый сигнал предупреж-

дает меня о скрытой опасности. Оба раза я оказывался способным снова сойти с дороги и идти там, где кусты и скалы могли укрыть меня. Один раз мне показалось, что меня выслеживает какой-то ночной хищник. Но, видимо, это создание не сочло меня подходящей добычей и исчезло.

Луна сияла так ярко, что ее Кольца сверкали в небе огнем. У этой луны всегда было два кольца, но через определенное количество лет появлялось третье, что служило великим предзнаменованием для жителей планеты. Я смотрел на них без удивления, только с благодарностью, потому что их свет освещал мне путь.

Уже светало, когда я прошел через ущелье между холмами. Рот у меня пересох, как посыпанный пеплом, сжигавшим язык и внутреннюю поверхность щек. Только тренированная воля заставляла меня двигаться, и я боялся отдыхать, потому что потом мне не удастся не только идти, но и ползти. А мне необходимо было миновать то место, где дорога шла только в одном направлении — в западную сторону. Потом — я обещал своему телу — потом я отдохну в первой попавшейся норе.

Кое-как я прошел: холмы остались позади. Я вильнул с открытого пространства в кусты и проталкивался в них до тех пор, пока не почувствовал, что дальше ползти некуда. Последний толчок просунул мое избитое и исцарапанное тело между двумя густыми кустами.

Я вытянулся и уже не помнил, что было непосредственно за этим.

Река — драгоценная река — обливала меня водой, давая новую жизнь моему высохшему телу. И был гром, удары воды о пороги речки. Я не решался пуститься вплавь по дикому течению, потому что меня разобьет о скалы.

Вода... Грохот...

Не было никакого потока. Я по-прежнему лежал на твердой поверхности, но я был мокрым, и влага лилась

всюду, образуя сплошную завесу дождя. И гром действительно громыхал, но в небе.

Я приподнялся и стал слизывать воду, льющуюся по моему лицу. Над холмами сверкали стрелы молний. Наверное, был еще день, но такой темный, что трудно было что-нибудь разглядеть. Я поднял голову и раскрыл рот, чтобы дождь напоил меня.

Громовые раскаты неслись отовсюду с затянутого тучами неба, разрываемого жуткими вспышками молний, и при свете этих молний сквозь щель между кустами я увидел отряд всадников, ехавших к востоку, как будто их гнал дождь. На них были плащи с капюшонами. Отряд растянулся длинной вереницей, уставшие животные отставали, пена капала из их пастей. Весь вид этой компании говорил о том, что их гонит какая-то неотложная необходимость. Когда они проезжали мимо меня, я почувствовал их эмоции: страх, злобу, отчаяние, — которые были так сильны, что меня как бы ударило.

Под плащами я не мог видеть цветов и геральдических знаков, указывающих, чье походное знамя полощется над их головами, но я был уверен, что это люди Осокана. И, значит, они охотятся за мной.

Мое тело так болело, что я едва поднялся. Первые неуверенные шаги были для меня пыткой. Наверное, меня распустила и разбаловала жизнь вольного торговца, вот мне и трудно работать в условиях дискомфорта. Но я все-таки снова двигался в тумане, который так плотно окутал меня, что мне казалось, будто я попал в охотничью паутину краба-паука с Тайдити.

Ручьи быстро бегущей воды прокладывали себе путь в земле, словно с небес выпало столько дождя, что вода уже не могла впитаться и бежала по поверхности. Время от времени я пил, не думая о том, что в ней могут быть какие-нибудь элементы, вредные для меня. Но если я имел воду, то пищи не было, и воспоминания о жирной массе, которую я так неохотно ел — когда это было? прошлой ночью? две ночи назад? — преследовали меня,

принимая пропорции авакианского банкета с его двадцатью пятью церемониальными блюдами. Через некоторое время я нарвал листьев с кустарника и стал жевать их, выплевывая мякоть.

Время теперь не имело значения. Сколько дней лежало позади, я не знал и не хотел знать.

Ярость дождя утихала. Что-то слабо светило в небе, но это еще не было светом.

Свет? Я внезапно понял, что твердо иду к свету. Не к желтым фонарям крепости или Йрджара...

Лунный шар... серебристый... зовущий... Только там был такой шар-лампа. Последний предупреждающий шепот в моем мозгу быстро увял... лунный шар...

Глава 7

МАЙЛИН

По воле Моластера у меня есть сила Поющих и все, что с ней связано: способность предвидения, долгий взгляд, растягивание колец. Иногда это отягчает жизнь, когда внутреннее желание входит в противоречие со всем этим. Если так случается, тогда желание Майлин идет насмарку. Я желала только одного: оставаться на ярмарке со своим маленьким народом, а проснулась от первого ночного сна, поняв, что пришел зов, хотя не знала, откуда и от кого. И я услышала, как скулил и хныкал мой маленький народ, чувствительный к влиянию силы, потому что ее сильное принуждение задевает также и их, приносит недовольство и страх.

Моя первая мысль была о них. Я накинула плащ и пошла, водя жезлом вверх и вниз, чтобы они смотрели на меня и забыли страх. Когда я дошла до того места, где мы положили барска, я увидела животное на ногах. Оно стояло, чуть опустив голову, как бы готовясь к прыжку, его глаза горели желтым огнем, и в них жило безумие.

— Послание. — Малик подошел ко мне.

— Да, — согласилась я, — но не от языка или мозга Старейших. Если не они взывали к силе, то этот ответ не им, а мне!

Он серьезно посмотрел на меня и сделал жест, частично отрицающий мои слова. Мы были кровными родственниками, хотя и не близкими, и Малик не всегда был одного мнения со мной. Он часто предостерегал меня от того, что считал безрассудством. Однако он не мог не верить Поющей, которая говорит, что получила сообщение, так что теперь он ждал. А я взяла жезл в ладони и медленно поворачивала, потому что теперь мой маленький народ успокоился и страх был отгорожен от их мозга барьерами силы. Я направляла жезл на север, юг, запад, он не двигался в моем слабом захвате.

Но когда я повернула его на восток, он сам выпрямился, указывая точное направление. Он стал горячим, требовательным, и я сказала Малику:

— Это требование долга. С меня. Нужна расплата.

При требовании долга нельзя колебаться, потому что данное и взятое могут быть уравновешены на весах Моластера. Для Поющей это еще более справедливо, потому что только так сила питает и хранит вспыхнувший свет.

— А как насчет инопланетника и Осокана, которые составляли темные планы? — спросила я.

— Осокан может заявить о кровном родстве с Ослафом, который... — Малик слегка замялся.

— Который был избран по храмовому жребию представлять лордов в трибунале ярмарки в этом году. И не говорил ли также инопланетник Слэфид о другом родственнике Осокана, об Окоре, капитане стражи? Но все-таки никто не может ломать все законы и обычаи.

Моя уверенность увяла, потому что Малик не слишком быстро согласился со мной. Я видела, что он смущен, хотя и не опустил глаз. Он ведь был тэсса, и между нами всегда была правда и откровенность. И я сказала:

— Есть что-то, чего я не знаю?

— Есть. Вскоре после полуденного гонга стражники взяли инопланетника Крипа Ворланда отвечать на жалобу Отхельма, продавца животных. На отряд напали всадники из-за границ ярмарки. Произошла схватка, и инопланетник исчез. Думают, что он вернулся к своим, поэтому глава жрецов приказал закрыть палатку торговцев и их самих удалить с ярмарки.

— И ты мне этого не сказал?!

Я не рассердилась, разве что на себя: я не думала, что Осокан решится действовать. Я должна была бы лучше разобраться в нем и понять, что он из тех, кто готов на все и не думает о последствиях своего импульсивного акта.

— Наиболее разумно предположить, что он вернулся к себе на корабль, — продолжал Малик. — Все знают, что вольные торговцы держатся друг за друга и вряд ли верят в справедливость суда.

— Тогда это нас не касается, — чуть резко сказала я. — Вернее, не касается тэсса. Мы связаны клятвой не вмешиваться в дела равнинных жителей. Но это мой личный долг. И я прошу тебя по праву кровного родства, чтобы ты нашел капитана «Лидиса». Если Крипа Ворланда нет среди экипажа, расскажи обо всем, что произошло.

— Мы не получили ответа от Старейших, — возразил он.

— Я беру это на себя и отвечу за это перед весами Моластера. — Я дохнула на мой жезл, и он засиял серебряным светом.

— Что ты хочешь делать? — спросил Малик, но я знала, что он уже угадал ответ.

— Я пойду искать то, что должна найти. Но для моего ухода должна быть уважительная причина: я не сомневаюсь, что теперь за мной будут следить глаза и уши и каждый мой приход и уход будут отмечаться. Итак. — Я медленно повернулась и посмотрела на клетки, — мы ставим их в фургон, я беру Борбу, Ворса, Тантаку, Симлу и... — я показала на клетку барска, — этого. Мы скажем, что они больны и я боюсь, как бы они не заразили

остальных животных, поэтому вывожу их на некоторое время подальше.

— А этого зачем? — он указал на барска.

— Для него эта причина как раз правильна. Может быть, на открытой местности его мозг поправится, и можно будет коснуться его. А здесь ему все напоминает о прошлых мучениях.

Тень улыбки скользнула по губам Малика:

— Ах, ах, Майлин, ты все еще не отказалась от своей мечты? Ты все думаешь о том, чтобы стать первой, единственной, кто принял барска в свою компанию?

— Я терпелива, и у меня сильная воля. — Я тоже улыбнулась. — И я знаю, что БУДУ командовать барском. Не этим, так другим, не сегодня, так завтра!

Я знала, что он считает это безрассудством, но с теми, к кому приходит сообщение, никто не спорит, если это сообщение касается уплаты долга. Так что Малик впряг казов в ярмо фургона и помог мне разместить там тех, кого я выбрала, а клетку барска поставили отдельно и прикрыли экраном. Как ни истощено было это создание, оно следило за нами и рычало, когда мы приближались, а мои мысли не могли проникнуть ему в мозг и сбить безумие.

Мы поели, послав Отджана за жрецом, который присмотрел бы за нашей палаткой, пока Малик пойдет по моему поручению на «Лидис», а я повернула на восток. Малик требовал, чтобы я подождала его возвращения, но во мне росло ощущение настоятельности, и я поняла, что ждать нельзя, нужно ехать.

Я уже была уверена, что инопланетник не среди своих, что он где-то в другом месте и в страшной опасности, иначе послание о долге не навалилось бы на меня так резко и без предупреждения.

Фургон шел не очень быстро, и я еще должна была сдерживать шаг казов, пока мы были на виду у всех, потому что нельзя трясти больных животных, иначе у любого наблюдателя возникнут подозрения. Все во мне тре-

бовало скорости и даже больше, чем скорости. Я пустила казов легким шагом, когда проехала последний ряд палаток. Кто-нибудь мог спросить, куда я поехала, хотя я осторожно объяснила причину своей поездки жрецу и Отджану.

Те, кого я выбрала сопровождать меня, имели более острый ум и большую агрессивность, чем остальные. Борба и Ворс — глассии из горных лесов.

Длина их четыре пяди, тонкие хвосты такой же длины, что и тело, мех черный, как грозовая беззвездная ночь. У них длинные лапы с очень острыми когтями, которые они обычно прячут, но при случае выставляют, как лезвия мечей. Головы их увенчиваются пучком серо-белых жестких волос, который плотно прижимается к черепу, когда они готовятся к бою. Они по природе любопытны и бесстрашны и открыто идут на врага куда крупнее их — и часто оказываются победителями. Их редко видят в низинах, и поэтому сейчас они вполне могли сойти за редких и ценных животных, которых мы боимся потерять.

Тантака выглядела более опасной, чем была в действительности, хотя однажды ее разбуженная ярость не утихала долго и сделала ее более проворной в атаке, чем можно было предположить по ее виду. У нее было жирное тело с тупоносой мордой, маленькими закругленными ушами и обрубок хвоста, обычно прижатый к бедру. Она была вдвое шире глассии, с мощными плечами, потому что ее любимая пища на воле находилась под большими камнями, которые приходилось сталкивать, прежде чем пообедать. Ее желтоватый мех был таким грубым, что больше походил на перья, чем на волос. Она была некрасива, неуклюжа, гротескна и, когда она участвовала в шоу, зрители диву давались, как такое, казалось бы, неуклюжее животное может делать такие штуки.

Симла была сродни барску, но ее шерсть была очень короткой и плотно прилегала к коже. Издали казалось, что у нее вообще нет шерсти, только голая расцвечен-

ная кожа, потому что по кремовому заду и бедрам шли темно коричневые полосы. Хвост круглый и очень тонкий, как кнут. На ногах, казалось, совсем не было мышц, только шкура и кости, такой же выглядела и голова, так что были видны черепные швы. Симла была некрасива, как Тантака, но, в противоположность неуклюжей на вид Тантаке, она производила впечатление быстрой и выносливой. Так оно и было, поэтому венессы издавна использовались для состязаний в беге.

Я почувствовала легкое недовольство маленького народа: они не понимали смысла этой поездки. Я передала им ощущение опасности, и они отозвались, каждый по-своему. Как только мы потеряли ярмарку из виду, я повернула клетки таким образом, чтобы их обитатели могли видеть местность и пользоваться своими чувствами, как гидом. Ведь глаза их видели больше, чем человеческие, носы извлекали из ветра сведения, которые мы и не заметим, уши слышали то, что мы упускаем, — и все это было к моим услугам.

Симла была не в духе — и не потому, что сидела со мной рядом в лучах утреннего солнца, а из-за барска. Остальные не были близки к его роду и не обращали на него внимания, как только поняли, что он не может повредить им. Но клану Симлы он был достаточно близок, она знала о нем, и я успокаивала ее, потому что безумие — нечто столь чуждое, что вызывает панику в тех, кто сталкивается с ним.

На Йикторе есть сумасшествие, при котором мозг либо спит, либо живет в хаосе. Про таких больных говорят, что их коснулась рука Умфры — первобытной силы. Такому больному никто не сделает зла. Их отдают под присмотр жрецов и отправляют далеко в горы, в некую Долину. И от воспоминания об этой Долине мой мозг содрогнулся. Нанести вред такому сумасшедшему или убить его — значит принять в собственное тело болезнь, которая жестоко трясет жертву. Так думают жители равнин.

Но если животные доходят до безумия, их убивают, и я думаю, что это лучше, потому что на Белой Дороге нет ни страдания, ни печали. Они уходят к великому узору Моластера и остаются там под присмотром и уходом. Я боялась, что мне придется поступить так с барском, но все еще оттягивала этот последний шаг. Как сказал Малик, это было моим давним заветным желанием — присоединить редкого независимого скитальца к нашей группе. Возможно, я гордилась собственным могуществом и хотела увеличить ту небольшую славу, которую уже имела как хорошо умеющая работать с маленьким народом.

Мы переправились через реку вброд и не встретили на том берегу никого, кроме нескольких запоздалых ярмарочных фигляров. Им я из осторожности сказала, что болезнь моих животных заставила меня выехать из дома. Но после полудня я свернула с дороги на тропу, тоже ведущую на восток, чтобы какие-нибудь прохожие не стали удивляться, чего ради я еду так далеко искать спокойного места для больных животных.

Перед заходом солнца мы приехали на луг к ручью и здесь разбили лагерь. Я распрягла казов, чтобы они паслись, и остальным дала побегать на свободе. Они с удовольствием все обнюхивали, полакали из ручья, но далеко не отходили. Барск остался в фургоне один.

Потом мои спутники были накормлены и легли спать. Все было хорошо, и я смотрела, как встает луна. Третье кольцо было уже более заметно. Еще одна или две ночи — и оно засияет и останется на некоторое время. Жезл в моих руках вбирал ее свет и делал его ослепительным. Мне страшно хотелось направить читающий луч, но я здесь была одна, а тот, кто читает такой луч, должен, образно выражаясь, выйти из тела, а связь так увлекает, что ему одному нелегко прийти в себя, и я побоялась. Но это желание снедало меня, и я вынуждена была встать и походить взад-вперед, чтобы успокоить нервы.

Потом я снова взяла жезл: он твердо показывал на восток.

Наконец я решила воспользоваться песней Ку'Лэк и призвать сон, потому что тело может взять верх над мозгом только в случае крайней необходимости. Поющие рано познают искушение забыть, что тело сильно и может противиться. Итак, я пела четыре слова на пять тонов и открыла свой мозг отдыху.

Я слышала чириканье и писк в траве и видела утренний туман. Я еще раз выпустила маленький народ, пока готовила еду и запрягала казов. Я накормила барска, и он спокойно лежал на своей подстилке. Прикосновение к мозгу показало, что он слабеет, возрастает летаргия, как будто съедавшая его вчера ярость повредила ему, и я размышляла, так ли плоха эта слабость, если она дает мне возможность успокоить и, возможно, довести эти импульсы до нормального состояния. Но проба показала, что время для этого еще не настало и неизвестно, настанет ли.

Мы снова двинулись в путь. Тропа, по которой мы ехали, становилась все более неудобной. Я боялась, что дальше будет такой участок, что фургон не пройдет, и хотела даже вернуться поискать другую дорогу.

В воздухе чувствовалось какое-то напряжение, и мы все его заметили. Я знала, что это не предупреждение о дурном, а скорее предзнаменование того, что могут дать Три Кольца тому, кто откроет свой мозг их могуществу.

В это время больше ограничено то, что может испытать смелый, хотя смелости всегда не хватает, когда имеешь дело с силой.

Мы шли по холмам. Хотя эта местность была мне незнакома, я знала, что в этом направлении лежали владения Осколда. Хотела бы я знать — неужели у Осокана хватило ума привезти сюда пленника? Разве что слишком большая дерзость такого поступка скроет его следы: никто не поверит, что он тайно привез пленника

в центр отцовских владений. Но если Осколд сам участвовал в этом? Тогда все принимает другую окраску, потому что Осколд — человек умный и хитрый. И если он готов пренебречь законами и обычаями, значит, у него в резерве мощное оружие, которое смутит врага. Я вспомнила скрытую угрозу в словах инопланетника Слэфида, что о тэсса известно больше, чем нужно для нашей безопасности. Я надеялась, что наше сообщение расшевелит Старейших, заставит их принять ответные меры. Среди равнинных жителей всегда ходило много слухов о нас. Правда, мы жили здесь раньше их и когда-то были великим народом — как они понимают величие, — прежде чем научились другим способом измерять могущество. Мы тоже строили города, от которых теперь остались только разбросанные камни — наша история знала взлеты и падения. Либо люди прогрессируют, либо разрушают сами себя и погружаются в туманное начало. Волею Моластера мы прогрессируем по ту сторону материального, и для нас теперь эти ссоры и схватки новоприбывших то же самое, что суета нашего маленького народа, да и надо сказать, маленький народ движим простыми нуждами и идет своим путем честно и открыто.

Весь день прочное влияние Трех Колец действовало на нас. Мой маленький народ выражал возбуждение криком, лаем или другими звуками, заменявшими им речь. Один раз я услышала, что и барск подал голос, но это был печальный вой, полный душевной боли. Я послала мысль — желание спать, — чтобы успокоить его. Симла предупредила меня, что к вечеру что-то случится. Я остановила фургон, вылезла и пошла пешком за Симлой по еще не побитой морозом траве и через кустарник на вершину холма, откуда была видна восточная дорога. По ней ехал отряд всадников под началом Осокана.

Он ехал без обычной пышности — просто возглавлял небольшой отряд: не было ни знамен, ни горна, будто он хотел проехать по этим диким местам как можно более незаметно. Я проводила их взглядом и вернулась

к фургону. Мои казы не были в настроении надрываться и шли ровным, неменяющимся шагом. В больших переходах они легко могли обогнать таких быстрых верховых животных, как у людей Осокана, но на рывок они были не способны, и мне приходилось мириться с этим.

Ночью мы пришли к холмам. Я спрятала фургон и прошла вперед, чтобы разведать дорогу. Я нашла только одну тропу, где мог пройти фургон, и она вела к тракту. Мне очень не хотелось снова ехать по нему: слишком открытое место, где какому-нибудь лорду может прийти дурацкая мысль оставить часовых.

Я пустила Симлу, и она быстро нашла два поста с часовыми, выбранными за остроту зрения. Здесь могли не поверить моим причинам для столь далекого пути. Опасно это или нет, но я должна была этой ночью призвать силу, потому что ехать наугад было явной глупостью.

Я послала Борбу и Ворса искать то, что нам нужно — безопасное и уединенное место не очень далеко от дороги. Они сначала побежали вдвоем, потом разделились. Борба нашла требуемое. Фургон мог остаться на некотором расстоянии от этого места, спрятанный кустарником и закиданный сверху травой. Казов я отпустила пастись на лугу. Борба уселась на одного из них — не потому что они могут заблудиться, а потому что здесь было полно воды в озерке и росли сочные плакены по колено высотой. Барска я погрузила в глубокий сон, а остальных взяла с собой. Мы поели из взятых мною запасов, потому что телесная сила должна быть опорой силе мысли, которая мне понадобится, когда взойдет луна. Затем я выбрала стражей из маленького народа, и они послушно растаяли в темноте. Я, как могла, успокоила свои мысли, хотя Кольца действовали в обратном направлении. Спокойствие — чтобы усилить подъем, когда настанет время.

Я начертила жезлом защиту и повторила рисунок на ровном песке за озерком, отметив белыми камнями вершины деревьев. Лунный шар я поставила на камень, что-

бы его лучи освещали этот участок. Затем я запела песню Защиты, глядя, как из моих камней поднимается по спирали видимая энергия. Потом я запела Призыв и закрыла глаза от внешнего мира, чтобы лучше видеть внутренний. Когда вызывают силу с таким слабым ощущением проводника, как было сейчас у меня, то принимают все, что видят, не удерживая и не отбирая, а только запоминая кусочки и обрывки того, что позже можно собрать воедино. Так было и со мной, я как бы висела в воздухе над маленькой крепостью и смотрела внутрь — мыслью.

Я увидела там Осокана и инопланетника Крипа Ворланда и видела, что делали с инопланетником по приказу Осокана. На заре приехал вестник, Осокан и его люди оседлали животных и уехали.

Я не могла добраться мыслью до инопланетника: между нами стоял барьер, который вообще-то я могла разрушить, но сейчас у меня не было времени, и, кроме того, я не решалась тратить силу — это могло мне дорого обойтись. Я видела, что дух его силен, и что победить его нелегко.

Единственное, что я могла для него сделать, — оказать некоторое влияние на его путь, чтобы судьба помогла ему, а не мешала, хотя главные усилия должен сделать он сам. Затем я вернулась обратно.

Рассвело, и мой лунный шар бледнел и гас. Но теперь я получила ответ: никуда не двигаться, а ждать здесь. Иной раз ждать бывает много труднее. Прошел долгий день. Мы спали по очереди, мой маленький народ и я.

Мне страшно хотелось знать, достаточно ли я помогла тому, кто находился в далекой крепости, но я хоть и Поющая, но не из Старейших, которые могут видеть и послать приказ на расстояние в половину мира. Я заходила в фургон позаботиться о барске. Он проснулся, поел и попил, но только потому, что я принуждала его к этому. Мозг его стал апатичным и не мог бы позаботиться о нуждах собственного тела, если бы я не поощряла его к таким действиям.

Малик был прав, печально думала я, ничего не остается, как отпустить его на Белую Дорогу. Но я не могла взяться за это, словно надо мной висел какой-то приказ, которого я не понимала.

Пришла ночь, но луну закрывали тучи, сплетавшиеся в широкие сети, душившие звезды, — те солнца, что светят над неведомыми нам мирами. И я снова подумала о возможности побывать в чужих мирах, больше узнать обо всех чудесах драгоценных грез Моластера. И я тихонько пела, но не великие песни силы, а те, которые поднимают сердце, усиливают волю, питают дух.

Маленький народ собрался вокруг меня в темноте, и я успокаивала их сердца и отгоняла тяжелые мысли.

Перед рассветом разразилась гроза, поэтому заря не рассеяла гнетущий мрак, висевший над холмами. Мы нашли место под нависшей скалой и прижались там, пока гром прокатывался по вершинам холмов. Я видела такие грозы в наших высоких землях, где жили тэсса, но не так близко к равнинам. Мне было тепло от прижавшихся ко мне мохнатых тел, я тихонько напевала, чтобы им было спокойно, и радовалась, что это занятие отгоняет мое собственное беспокойство.

Наконец гроза утихла. Меня коснулось сообщение — не отчетливое послание, а скорее намек. Я пошла вместе с маленьким народом к озерку, сняла с камня лунный шар, который уже захлестывала поднявшаяся вода, и спустилась ниже в долину, где трава была менее густой и обнажились камни.

Я поставила на один из них лунный шар и снова зажгла его, как маяк для кого-то. Я не знала еще, для кого именно, но во мне росла уверенность, что тот, кого я хотела спасти, находится в достаточно трудном положении, несмотря на удачу, которую я для него плела.

Симла зарычала и вскочила, оскалив зубы. Борба и Ворс подняли головы, готовясь к бою, а Тантака раскачивалась, припав на передние лапы.

По склону карабкалась человеческая фигура. Я схватила его за плечо, напрягая силы, чтобы повернуть массивное тело. Лицо его было в грязи, но я узнала того, кого надеялась увидеть.

Инопланетник вырвался от Осокана. Теперь я была готова заплатить свой долг — но как? Похоже, что он попал из одной опасности в другую. Мы находились на границе владений Осколда, где подчиняются его приказам. Крип был в глубоком обмороке, возможно, это для него сейчас самое лучшее.

Глава 8

КРИП ВОРЛАНД

В моих ушах звучала песня, низкая, монотонная, как ветер, который так редко ощущает на себе рожденный в космосе. Крип Ворланд умер в каком-то тайном месте, но теперь его снова возвратили к жизни, соединив вместе тело и дух. Когда я открыл глаза и огляделся, я увидел себя в странном обществе. Однако, странность его не удивила меня, словно я надеялся увидеть всех их — лицо девушки с серебряными волосами, выбивающимися из-под капюшона, мохнатые морды с блестящими глазами, внимательно поглядывающими вокруг.

— Вы — Майлин? — Мой голос удивил меня — это было хриплое карканье.

Она рассеянно кивнула и повернула голову, вглядываясь в даль, будто чего-то боялась. Все другие головы повернулись тоже и зарычали низко и грохочуще, каждая на свой лад. Мое сонное довольство исчезло, проснулись опасения.

Она подняла руку, и жезл в ее пальцах засветился. Она осторожно прижала его к ладони другой руки. Она не двигала его, он сам повернулся и показал направление, в котором она смотрела.

Как бы по сигналу, мохнатые создания исчезли во мраке за пределами освещенного места, на котором я ле-

жал. Майлин снова подняла жезл и указала им на лампу, которая тут же погасла. Затем Майлин подошла ко мне. Ее плащ взметнулся, как крылья, и накрыл нас обоих.

— Тихо! — выдохнула она почти беззвучно.

Я стал напряженно прислушиваться. Свист ветра, журчание воды где-то неподалеку, другие звуки такого же рода и больше ничего — кроме биения моего сердца.

Мы ждали — не знаю, сколько времени, но, кажется, очень долго. Затем она сказала — может, мне, а может, просто подумала вслух:

— Да. Они охотятся.

— За мной? — прошептал я, хотя, в сущности, в подтверждении не нуждался.

— Да. Слушай, — быстро продолжила она, — более чем вероятно, что подчиненные Осокана ищут и идут с двух сторон. И, — она засмеялась, — я не знаю, как нам пробиться сквозь сеть, которую они для нас раскинули...

— Это же не твоя забота...

Кончики ее пальцев прижались к моим губам, крепко и спокойно.

— Мой долг, человек звездных дорог, и моя расплата, так говорят весы Моластера... Весы Моластера, — повторила она и, помолчав, зашептала снова: — А если я дам тебе другую кожу, Крип Ворланд, чтобы обмануть врагов?

— Что ты имеешь в виду?

Хотя нас накрывал плащ и под ним было темно, мне показалось, что ее глаза искрятся морозным светом, как глаза зверя отражают свет факела в ночи.

— В мой мозг пришел ответ Моластера. — Она выглядела смущенной своей откровенностью, и я видел, как она вздрогнула. — Но ведь ты не тэсса... не тэсса... — тихо протянула она и замолчала, но затем заговорила с прежней уверенностью: — Будет так, как ты захочешь! Что выберешь, то и будет! Так слушай, инопланетник: я не думаю, что у нас есть хоть один шанс избежать тех, кто обыскивает эти холмы. Я читаю в их мыслях, что

они хотят твоей смерти и убьют тебя сразу же, как только найдут.

— Не сомневаюсь, — сухо ответил я. — Хватит ли у тебя времени уйти отсюда? Хотя меня не учили сражаться мечом, но...

Видимо, ей это показалось забавным, потому что у нее вырвалось что-то вроде смешка.

— Храбрый, ох и храбрый звездный скиталец! Но мы еще не дошли до такой крайности. Есть другой путь, очень необычный, и ты, может быть, предпочтешь пасть от мечей Осокана, чем идти по этому пути.

Возможно, мне почудился вызов в том, что было всего лишь предупреждением, и я отреагировал на ее слова:

— Покажи мне этот путь, если считаешь, что он спасет меня.

— Он состоит в том, что ты можешь обменяться телами...

— Что?! — Я хотел вскочить, но толкнул ее, и мы оба покатились по земле.

— Я не враг тебе. — Ее руки уперлись мне в грудь, задев мои синяки и заставив меня поморщиться от боли. — Я сказала — другое тело, и именно это я имела в виду, Крип Ворланд!

— А как же мое тело? — Я не мог поверить, что она говорит серьезно.

— Люди Осокана возьмут его и станут о нем заботиться.

— Спасибо! — сказал я. — Значит, я либо потеряю жизнь в своем теле, либо они убьют мое тело и оставят мой дух в другом месте!

Полнейшая глупость того, что я сказал, заставила меня несколько истерично рассмеяться.

— Нет! — возразила Майлин и откинула плащ. Мы сидели друг против друга, и я видел ее лицо, но не мог понять его выражение, хотя поверил, что она говорила вполне серьезно и именно то, что думала. — Они не повредят твоему телу, если ты уйдешь из него. Они будут считать, что ты под плащом Умфры.

— Значит, они отпустят мое тело? — пошутил я. Мои мысли были в беспорядке, поскольку в этой авантюре не было ничего реального, по моим стандартам. Я решил, что это один из тех ярких снов, которые иной раз посещают спящего и погружают его во внутреннее пробуждение, так что ему кажется, что он не спит, когда берет на себя невозможные подвиги. В таком реальном сне все кажется возможным.

— Твое тело не может остаться незанятым, потому что два духа переходят из одного тела в другое. Так и должно быть, чтобы мы могли потом снова взять твое тело и произвести обратный обмен.

— Так они оставят его здесь? — продолжал я следовать по этой фантастической линии.

— Нет, они отнесут его в Храм Умфры. Мы пойдем следом за ними в Долину Забвения.

Она отвернулась, и я почувствовал, что эти слова имеют для нее какое-то значение. Для меня же они не значили ничего.

— А где буду находиться я, когда мы пойдем за моим телом?

— В другом теле, возможно, даже более пригодном для того, что может произойти.

Конечно, это был сон. Я больше не спрашивал, не поинтересовался, что еще может случиться. Правда, я все это видел не во сне — и свой побег из крепости, который сложился так удивительно удачно, кошмарное путешествие по холмам и появление здесь. Может, и предшествующее тоже было сном: никто не похищал меня с ярмарки, я сплю себе спокойно на моей корабельной койке и все это вижу во сне. Во мне проснулось страстное любопытство: хотелось знать, как далеко заведет меня этот сон, какие новые удивительные события произойдут со мной.

— Пусть будет так, как ты хочешь, — сказал я и засмеялся, зная, что ничего не будет, когда я проснусь.

Она снова посмотрела на меня, и я опять увидел в ее глазах те же искры.

— Ты и в самом деле из сильной расы, звездный скиталец. А может, ты видел в космосе так много забытых дорог, что потерял способность удивляться тому, что может или должно случиться. Но тут дело не в том, чего желаю Я — это должно быть ТВОИМ ЖЕЛАНИЕМ.

— Пусть будет так, — во сне мне хотелось сделать ей приятное.

— Оставайся здесь и жди.

Она взяла меня за плечи и потянула назад, чтобы я лежал, как тогда, когда только что оказался в этой части сна. Я лежал и гадал, что будет.

Может, я проснусь на «Лидисе», на своей койке? Не все сны интересны слушателям, но этот сон так необычен, что, если я его вспомню, когда проснусь, я обязательно расскажу его. А пока я лежал на траве и смотрел в небо, вдыхая запахи лесной местности, слыша ветер и журчание воды.

Я закрыл глаза и захотел проснуться, но не мог: сон продолжался, такой же яркий и живой. Что-то зашевелилось рядом, я повернул голову и открыл глаза. Мохнатая голова пристально смотрела на меня. Мех был черный, а торчащий вверх гребень — серый. Казалось, животное носит шлем из черного металла с серым пером, вроде тех, что носят морские бродяги на Ранкини.

Морские бродяги Ранкини... мысли мои путались, плыли... но они явно не были частью сна — этого или какого-нибудь другого. Я действительно БЫЛ на одном из плавучих торговых плотов и менял стальные наконечники гарпунов на жемчужины Аадаа. Ранкини, Тир, Горф — я знал эти миры. Я перебирал их в памяти, как бусины на нитке. Теперь они кружились, кружились... нет, это я кружился.

Память исчезла. И наконец закрылось все сознание.

Айе, айе, беги на четырех ногах,
Глубже вдыхай сообщение ветра,
Будь мудрым и быстрым,
Сильным и справедливым.

Подними голову и приветствуй луну.
Волею Моластера и закона Ку'ита
Силы твои удвоятся.
Поднимайся выше в горы, бегун!
Приветствуй солнце после ночи,
Потому что это — заря твоего рождения!

Я открыл глаза и вскрикнул: мир исказился. Появились странные цвета, все предметы так изменились, что меня охватил ужас. И я услышал не свой крик, а какой-то испуганный вой.

— Не бойся, обмен прошел хорошо! Я могла только надеяться, но все прошло хорошо! Ты прошел через все и пришел к цели!

Непонятно, услышал ли я эти слова, или они сформировались в моем мозгу.

— Нет, нет! — Я попытался издать тот вопль, который тщетно выбивали из меня люди Осокана, но у меня снова вырвалось что-то вроде лая.

— Чего ты боишься? — Голос звучал удивленно, даже раздраженно. — Я же тебе сказала и опять повторяю, что обмен прошел прекрасно. И как раз вовремя: Симла говорит, что они идут. Лежи пока.

Лежать пока? Обмен? Я хотел поднести руку к все еще кружащейся голове, но она не поднялась, хотя мышцы повиновались сигналам мозга. Я взглянул на нее — это была лапа, покрытая красным мехом, длинная и тонкая, прикрепленная к телу... Я был в этом теле! Нет, этого не может быть! Это неправда! Я дико боролся с кошмаром. Проснуться! Я должен проснуться! От такого сна человек может сойти с ума! Проснуться!

— Выпусти меня, — кричал я, как ребенок, запертый в темном, страшном чулане, но из моего рта выходили не слова, а жалобный визг. Я смутно сознавал, что эта паника ведет меня в темноту, из которой я могу не вернуться вообще. И я боролся, как никогда раньше — не с внешним врагом, а с тем ужасом, который был пленен вместе со мной в этом чужом теле...

Я почувствовал мимолетное прикосновение к своей голове и увидел глаза, смотрящие на меня с кремовой остроконечной мордочки. Высунулся язык и лизнул меня.

Это прикосновение успокоило мои взволнованные чувства и каким-то образом отвело меня от бездны безумия. Я замигал, стараясь лучше разглядеть своего компаньона, и нашел, что небольшая сосредоточенность меняет дело: искажение исчезло, исправилось. С каждой секундой я видел все яснее и яснее. Меня облизывали, и это принесло мне чувство комфорта.

Я решил встать. Меня качало из стороны в сторону: стоять на четырех ногах не то же самое, что на двух. Я поднял голову. Мой нос погрузился в запахи. Они так плотно набились в ноздри, что я не мог дышать. Однако я все-таки вдохнул воздух. и запахи начали приносить сообщения, которые я понимал только частично. Я старался передвигаться, как человек на четвереньках, и зашатался. Животное, которое лизало мне голову, прижалось ко мне плечом и поддерживало меня до тех пор, пока я не смог стоять не качаясь. Мне еще надо было учиться видеть под моим новым углом зрения, но я никак не мог этого сделать, потому что позади началось волнение.

Животное у моего плеча зарычало, и я услышал ответное громыхание их кустов чуть подальше. В этом рычании так ясно слышалась угроза и опасность, что я поднял голову как можно выше, чтобы видеть, кто там идет.

Искажение оставалось, меня сбивало с толку искажение объема, и запахи брали верх над всем. Однако я сумел разглядеть Майлин, стоящую спиной к нам, длинные складки ее плаща тянулись по земле. Напротив нее стояла группа людей. Двое были верхом и держали на поводу казов, а трое — пешие, с блестящими мечами в руках. Я почувствовал, как мои губы оттянулись, обнажив зубы — бессознательная реакция на запах людей. Я теперь открыл, что у эмоций свой запах, и здесь чувство-

валась ярость, жестокий триумф и опасность. Рычание животного рядом со мной стало громче.

— Веди к нему! — сказал один из людей.

Бессмысленные, казалось бы, звуки облекались в слова. Может, я читал их через мозг Майлин, которая не выражала ни удивления, ни страха.

— То, что вы оставили от него, лежит там. — Она повернула голову, указывая глазами на то, что они искали. Кто-то сидел, вернее, полулежал на земле. С отвисшей губы стекала слюна. Я моргнул и плотно зажмурился, но когда снова открыл глаза, увидел то же самое. Кто из людей видел себя не как в зеркале, а так, будто их тело живет отдельно от разума, от их сущности? Я счел бы такое немыслимым. И вот теперь я стоял на четырех лапах и смотрел чужими глазами на СЕБЯ!

Майлин подошла к этому полуваляющемуся телу, взяла его за плечи и подняла. Но, похоже, моя оболочка была именно только оболочкой, которую ничто не одушевляло. Она жила, эта шелуха, так как я видел поднимающуюся и опускающуюся грудь под рваной формой. Когда Майлин поднимала его, он стонал. Я зарычал: один из меченосцев остановился и уставился на меня.

— Спокойно, Джорт, — раздались в моем мозгу слова Майлин, и я угадал, что она сказала это мне, а не тому волочащемуся существу, которое она наконец поставила на ноги и поддерживала, потому что оно явно собиралось снова упасть. Люди смотрели на странное, бессмысленное, неохотно двигающееся создание.

— Ваша работа, присягнувшие на мече? — спросила их Майлин. — Таким оно пришло ко мне, а вы знаете, кто я.

По-видимому, они знали и глядели на нее с опаской, даже со страхом. Я увидел, что двое сделали жест, как бы отгоняя дурную судьбу.

— Итак, я накладываю ваш долг на вас, люди, — она внимательно смотрела на них, — Осколда. Это существо под плащом Умфры, вы не отрицаете этого?

Один за другим они неохотно кивнули. Меченосцы вложили мечи в ножны.

— Тогда делайте с ним то, что полагается делать.

Они переглянулись, и я подумал, что они станут возражать. Но даже если бы они и были склонны к этому, манеры Майлин подавили протесты. Один из них подвел каза и привязал к его спине существо, которое больше не было человеком. Затем они повернули на юг.

— Что это? Почему так? — Из моего рта вырвалось только тявканье, но Майлин, видимо, читала мои мысли. Как только воины уехали, она быстро подошла, встала передо мной на колени, взяла в руки мою голову и сказала, глядя мне в глаза:

— Наш план сработал, Крип Ворланд. Теперь дадим им немного отъехать и поедем следом.

— Что это? — Я старался думать, а не издавать звериные звуки. — Что со мной сделали и зачем?

Она снова поглядела мне в глаза, и ее поза выражала недоумение.

— Я сделала то, что ты пожелал, звездный скиталец, я дала тебе новое тело и постаралась спасти старое, чтобы ты не истек кровью под ударами их мечей. Итак, — она медленно покачала головой, — ты не верил, что это можно сделать, хотя и дал свое согласие. Однако дело сделано и теперь лежит на весах Моластера.

— А мое... то тело — я получу его обратно? И кто я теперь?

Она ответила сначала на второй вопрос. Тут была лужица, в темноте напоминающая блюдце с водой. Майлин взяла меня за загривок, подвела к луже и провела над ней жезлом. Вода успокоилась, и я посмотрел в нее, как в зеркало. Я увидел голову животного с густой гривой между ушами, сбегающие вниз плечи, красный с золотым отливом мех.

— Барск!

— Да, барск, — сказала она. — А твое тело — они обязаны взять его и поместить в убежище, иначе рано или

поздно встретятся с темными силами. Мы пойдем за ними и, оказавшись в Долине Забвения, будем спасены от Осколда. Это ведь были люди Осколда, которые являются в этой местности смертельной ловушкой для тебя, будь ты еще в своей прежней коже. Спасшись от Осколда, ты снова можешь стать самим собой и пойти куда захочешь.

Она говорила правду. Она знала. Я уцепился за последнюю ниточку надежды.

— Это сон, — сказал я себе, а не ей.

Ее глаза снова встретились с моими, и в них было то, что оборвало эту нить.

— Не сон, звездный странник, не сон. — Она встала. — А теперь поедем, но не слишком быстро, чтобы никто ничего не заподозрил. Осколд не дурак, и я думаю, что Осокан своим безрассудством толкнул отца на такую глупость. Я спасла тебя единственным способом, который я знаю, Крип Ворланд, хотя по-твоему это плохо.

Я пошел за ней из ложбины, как преданное ей животное, потому что обнаружил, что, хотя в теле барска живет человеческая сущность, я теперь настроился на новый лад в соответствии с формой, которую носил, и смотрел на мир уже более правильно. Те четверо, что шли со мной, были не слугами, идущими за хозяйкой, а чем-то большим: компаньоны разных пород были в союзе с той, которая понимала их, и они полностью ей доверяли.

Мы подошли к одному из фургонов, какие я видел тогда, в палатке с клетками. Мои спутники доверчиво подошли, прыгнули в фургон, открыли лапами неплотно прикрытые дверцы клеток и улеглись там. Я остался на земле и зарычал. Клетка... Я в этот момент был больше человеком, чем животным, с меня достаточно клетки в башне Осокана.

— Ладно, Джорт, — Майлин мягко улыбнулась, — так я тебя назвала, потому что на древнем языке это означает «Тот, кто является большим, чем кажется» и было прославлено как боевое имя Мимбера из Йитамена, когда

он выступил против Ночных валков. Я тебе расскажу об этом нашем герое.

Меньше всего на свете мне хотелось сейчас слушать фольклор Йиктора, когда я слепо ехал в будущее, казавшееся таким далеким, что только с усилием воли я мог думать о нем. Однако я сел рядом с Майлин и изучал мир своими новыми глазами, которые все еще приносили мне странные сведения.

Потом я начал понимать, что в желании Майлин рассказать было не только намерение отвлечь мои мысли от моего бедственного положения. Она мысленно говорила, и способность моего мозга воспринимать становилась полнее и крепче. Возможно, те телепатические возможности, которыми я пользовался в своем человеческом теле, все еще работали. Надо сказать, что я оценил ее рассказ. Речь шла об Йикторе, но не о сегодняшнем, а о древнем, о куда более сложной цивилизации, тогда укоренившейся здесь.

Тэсса были ее последними представителями. Многое из того, что она говорила, лежало за пределами моего понимания, упоминания о незнакомых событиях и людях вызывали во мне желание пройти в двери, которые изображались, и увидеть то, что лежало за ними.

Фургон шел не по тропе, а более открытым путем через дикую местность.

Мы были у восточных склонов ряда холмов, которые составляли барьер между владениями Осколда и равнинами Йрджара. Но возвращаться в порт в моем теперешнем обличье я совершенно не желал. Майлин продолжала уверять меня, что наша окончательная цель — таинственное убежище среди высоких холмов, куда отнесут мое тело. Она объяснила мне, что, по местным верованиям, умственные расстройства вызываются некими силами, такие люди становятся священными, и их надо поместить как можно скорее под опеку жрецов, умеющих о них заботиться. Но мы не могли подойти слишком близко к этому месту, чтобы люди Осколда

не заподозрили какой-то хитрости — она говорила мне об этом и раньше. Наконец я спросил:

— А каким образом ты сделала меня барском?

Она помолчала, а когда заговорила снова, ее мысли были настороженными и отчужденными.

— Я сделала это, хотя давно дала клятву, что не сделаю. За это я отвечу в другое время, в другом месте, перед теми, кто имеет право требовать ответа.

— Зачем же ты сделала это?

— На мне лежал долг, — ответила она еще более отчужденно. — Моя вина, что ты попал в такое положение, и я должна была уравновесить шкалу.

— Но при чем тут ты? Это дело рук продавца животных...

— Я тоже виновата. Я знала, что у тебя есть враг, а может, и не один, и не предупредила тебя. Я считала, что дела других не касаются тэсса. Я за это должна отвечать.

— Враг?

— Да.

И она рассказала, как Осокан приходил к ней с человеком с корабля Синдиката, Геком Слэфидом, и уговаривал ее завлечь вольного торговца в раскинутые ими сети. Хотя она открыто не поступила по их желанию, но ее любопытство послужило их целям. С этого началась цепь событий, приведших к моему похищению.

— Это неправда. Это была случайность, пока...

— Пока я не соткала для тебя лунную паутину? — перебила она. — Ах, теперь тебе это кажется величайшим вмешательством. Но, возможно, когда будущее откроется перед нами, а потом станет прошлым, ты найдешь, что я сделала для тебя то, что принадлежит только тэсса.

Она замолчала, и я почувствовал, что ее мысли ушли за барьер, через который я не мог пройти. Ее тело сидело здесь, но глаза смотрели внутрь, она ушла, и я не мог последовать за ней.

Казы беззаботно шли вперед, словно в их мозг были

вложены директивы, которым они следовали, как навигатор по карте, с постоянной скоростью. Над нами сияло жаркое солнце. Я стал изучать свое новое тело, к которому пока не вполне привык — наверное, потому что все еще не мог внутренне поверить в случившееся.

Глава 9

КРИП ВОРЛАНД

Мы ехали так два дня, останавливаясь на ночлег в укромных уголках. Я начал привыкать к своему телу и нашел, что у него есть некоторые преимущества: тот, кто путешествует на четырех лапах и смотрит на мир глазами животного, быстро усваивает уроки. Майлин время от времени впадала в состояние обструкции, но в промежутках много рассказывала: то легенды, то о своей скитальческой жизни. Я обратил внимание, что она редко упоминала о своем народе в настоящем времени, а больше говорила о прошлом.

Я задавал ей вопросы, но она легко и ловко избегала ответа. Я пытался поставить ей ловушку, но, думаю, она знала о моих намерениях и ускользала.

На третье утро, когда мы залезли в фургон, она слегка нахмурилась.

— Теперь мы входим в страну деревень и людей. Возможно, нам придется обратиться к мастерству маленького народа.

— Ты имеешь в виду — давать представления?

— Да. Дорога в Долину одна, здесь нет обходных путей. И мы сможем кое-что узнать о тех, кто проходил тут перед нами.

Мысль, что мое тело ехало впереди, приводила меня почти в шоковое состояние. Это ощущение трудно выразить словами. Майлин все время успокаивала меня, утверждая, что те, кто везет это безмозглое существо, будут бережно хранить искру жизни в нем, потому что в их суе-

верном представлении всякая небрежность будет иметь роковые последствия для них.

— Я тоже буду участвовать в вашем спектакле?

— Если захочешь. — Она ласково улыбнулась. — Если ты согласен, то на твою долю придется очень большая часть, потому что, насколько мне известно — а мне известно немало, — никто еще не показывал барска.

— Но ты мечтала показать.

— Да, я мечтала.

— А что случилось с разумом...

— Того, чье тело ты теперь носишь? Он поврежден. Еще день-два, и я должна была бы из сострадания послать его по Белой Дороге.

— Значит, ты делала такие обмены и раньше? — прямо подошел я к тому, что давно пытался узнать.

— У каждого свои секреты, Крип Ворланд. — Она посмотрела на меня. — Я же сказала тебе: это мое бремя, и не тебе, а мне придется отвечать за то, что случилось.

— И ты будешь отвечать?

— Буду. Теперь давай посмотрим на то, что перед нами. По этой дороге мы в середине дня приедем в Йим-Син.

Мы были ниже дорожной насыпи, и казы повернули вверх. Майлин продолжала:

— В Йим-Сине есть храм Умфры. Мы там остановимся и, если удастся, узнаем о людях Осколда, хотя они могли проехать и другой дорогой, с западной стороны гор. В эту ночь мы дадим представление, так что подумаем, чем барск может ошеломить мир.

Я охотно согласился с ее планами, так как целиком зависел от нее.

Управляет кораблем тот, кто знает это дело. И мы принялись работать над представлением, чтобы я выглядел как хорошо дрессированный зверь. Когда мы подъехали к полям, уже убранным, и спустились с холмов, Майлин остановилась. Я сошел со своего места рядом с ней и пошел в клетку, такую же, как у остальной компании.

Животные дремали: двое были по природе ночными, а Тантака была ленива, когда была сыта. Я увидел, что мое новое тело имело свои привычки, которые тут же проявились; я свернулся, уткнул нос в хвост и уснул, а фургон покатился дальше.

Запахи изменились, стали острыми, бьющими в нос. Я услышал голоса, будто вокруг фургона собралась толпа. Слышались пронзительные голоса детей. Видимо, мы в Йим-Сине.

Это была деревня фермеров, с двумя гостиницами и храмом — приютом для тех, кого отправляли в Долину. Часто те, кто имел там родственников, приезжали посмотреть на них. Все знали, что иногда жрецы Умфры делали чудеса — не все попавшие сюда были безнадежно больными.

Поля были малы и небогаты, но зато выращивался крупный виноград.

Лендлордов здесь в окрестностях не было, были только судебные приставы и надсмотрщики в двух башнях у дороги, по которой мы ехали.

Я пытался понять, что кричат люди, но они говорили на местном диалекте, а не на языке йрджарских купцов. Вспомнив об Йрджаре, я задумался. Хотел бы я знать, что случилось там после моего похищения.

Обратился ли капитан Фосс к руководству ярмарки? Надо полагать, кто-то из авторитетов ярмарки или их подчиненных участвовал в моем исчезновении, иначе оно вряд ли произошло бы. И что они сделали с Лалферном? Тоже захватили или убили? Почему я был настолько важен, что они пошли на такой риск? Ведь Осокан должен был знать, что я просто не могу выдать ему то, что он хочет. И Фосс тоже не может выкупить меня за требуемую цену. Майлин потянула за одну ниточку, которая могла бы дойти до клубка, — участие в игре Гека Слэфида. Но война не на жизнь, а на смерть между вольными торговцами и Синдикатом ушла в прошлое. Почему она ожила снова? Я читал все записи прошлых лет,

когда борьба была жестокой и переносилась с планеты на планету. Теперь же Синдикат имел дело в основном с внутренними планетами и иной раз впутывался в их политику — когда с пользой для себя, а когда и с убытком. Но что могло их интересовать на Йикторе?

Фургон поехал к стоянке. Запах — вернее сказать, вонь для носа барска стала гуще. Я выглянул из-за занавески на окружающее. Но теперь я носил шкуру того, о смертельной опасности кого ходили легенды. Борба и Ворс выглянули из клеток. Симла проскулила приветствие, на которое мои голосовые связки ответили октавой ниже. Их мысли отрывочно доходили до меня:

— Марш-марш...

— Стук-стук... — это Тантака.

— Вверх-вниз...

Они предвкушали свое участие в представлении. Видимо, они рассматривали свою работу на сцене как развлечение и радовались.

— Много запахов, — постарался я ответить.

— Марш-марш, — хором сказали глассии. — Хорошо!

Их легкие вскрикивания слились в пронзительный писк.

— Пища, — ворчала Тантака, — под камнями пища. — Она фыркнула и снова задремала.

— Бегать, — задумчиво размышляла Симла. — Бегать по полям хорошо. Охотиться — хорошо! Мы вместе охотимся...

Инстинкт моего тела ответил ей:

— Охотиться — хорошо! — И я был с этим согласен.

Майлин открыла заднее полотнище фургона и влезла внутрь. Мужчина из жителей равнин, одетый в черную мантию с перекрещивающимися белыми и желтыми штрихами на спине и груди, подошел к ней, улыбнулся и защебетал что-то на деревенском диалекте, но через мозг Майлин смысл его слов доходил до меня.

— Нам очень повезло, Госпожа, что ты выбрала этот сезон для посещения. Урожай был хорош, и люди со-

бираются устроить благодарственный праздник. Старейший Брат скажет, когда будет удачное время для праздника. Он откроет Западный Двор для тебя и оплатит все издержки, так что твой маленький народ может порадовать всех своей ловкостью.

— Старейший Брат — действительно творец счастья и силы в этой благословенной деревне, — ответила Майлин несколько официально. — Но позволит ли он выпустить маленький народ побегать и размять лапы?

— Конечно, Госпожа, что бы тебе ни понадобилось, позови кого-нибудь из братьев третьего ранга, они будут служить тебе. — Он поднял руку. В пальцах его были зажаты две плоские дощечки из дерева, и он глухо щелкнул ими. У задней стороны фургона показались две головы. Коротко остриженные волосы и выжженная на лбу рука Умфры говорили о том, что это жрецы, хотя они были еще мальчиками. Они широко улыбались и, по-видимому, были очень рады служить Майлин. Она открыла клетку Симлы. Кремовая венесса выскочила и радостно помахивала хвостом, пока Майлин надевала на нее красивый ошейник. Остальные тоже были наряжены и выпущены.

Похоже, что животные были давними друзьями молодых жрецов, потому что жрецы здоровались с ними, называя каждого по имени, и так серьезно, что было ясно: маленький народ Майлин был больше чем просто животными. Затем Майлин протянула руку к щеколде моей клетки. Старший жрец шагнул вперед, чтобы лучше рассмотреть меня:

— У тебя новый мохнатый друг, Госпожа?

— Да. Иди сюда, Джорт.

Когда я прошел через открытую дверь, жрец вытаращил глаза и прошептал:

— Барск!

Майлин надевала на меня ошейник, сшитый ею на последнем привале: черная полоса с рассыпанными по ней сверкающими звездами.

— Барск, — ответила она.

— Но ведь... — Жрец был ошеломлен.

Майлин выпрямилась, все еще касаясь моей головы.

— Старейший Брат, ты знаешь меня и моих маленьких созданий. Это действительно барск, но он более не пожиратель плоти и не охотник, а наш товарищ, как и все, путешествующие со мной.

Он смотрел то на нее, то на меня.

— Ты вправду из тех, кто делает необычные вещи, Госпожа, но это удивительнее всего — чтобы барск пошел по твоему зову, позволил тебе положить руку ему на голову, и ты дала ему имя и приняла в свою компанию. Но раз ты говоришь, что он больше не встанет на путь зла, каким идет его род, люди поверят тебе, потому что таланты тэсса, как законы Умфры, постоянны и неизменны.

Он посторонился, чтобы мы с Майлин вышли из фургона. Молодые жрецы держались в стороне, их изумление выражалось еще более открыто, чем у их начальника. Они пригласили нас пройти вперед.

Другие животные подбежали к нам. Симла дружески лизнула меня в шею и пошла рядом со мной. Мы вышли из двора, где стоял фургон, через двустворчатые ворота в другое отгороженное место. Там была мостовая из черного с желтыми прожилками камня. Двор был пуст, только вдоль стен, куда не доходила мостовая, тянулись виноградные лозы и деревья. Слева бил фонтан, вода которого лилась в каменный бассейн.

Одно из животных бросилось к бассейну и стало лакать воду. Я последовал его примеру. Вода была холодная и очень вкусная. Тантака сунула в бассейн не только свою тупую морду, но и передние лапы и зашлепала ими, разбрызгивая воду во все стороны.

Я сел и огляделся вокруг. В другом конце двора были три широкие ступени, которые вели к портику с колоннами. Дверь была покрыта искусной резьбой с вытянутым рисунком, которого я не разобрал. Это был вход

в здание, вероятно, в центральную часть храма. Во всей стене не было ни одного окна, только резные панели из чередующегося белого и желтого камня оживляли черноту стен.

Майлин командовала мальчиками-жрецами, которые принесли из фургона несколько ящиков и поставили у ступеней. Я заметил, что жрецы продолжали поглядывать на меня с некоторым страхом. Когда они закончили, Майлин со словами благодарности отпустила их и села на нижнюю ступеньку. Я немедленно подбежал к ней:

— Ну?

У меня была только одна мысль: узнала ли она что-нибудь о людях Осколда и о том, что они везли с собой.

Майлин взяла в руки мою голову и повернула, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Согласись, звездный странник, что я хорошо знаю пути народа Йиктора. У них есть правила, которые они не нарушают, даже когда им нечего опасаться. Можно надеяться, что Осколд и его люди ЭТОМУ правилу не изменят и тем или иным путем принесут в Долину то, что принадлежит тебе.

— Ах, Госпожа, значит, это правда? — раздался голос позади, и я вздрогнул, потому что впервые «услышал» слова, которые до сего принимал лишь через посредство Майлин. Я вскочил и невольно зарычал, посмотрев наверх, на ступени.

Там стоял мужчина в мантии жреца. Он был стар, чуть сгорблен и опирался на посох, который был скорее официальным жезлом, потому что почти доходил до его лысого черепа. В его улыбке были мягкость и сострадание.

— Ты действительно сотворила чудо. — Он спустился на одну ступеньку и взял Майлин под руку, приглашая подняться. Отчуждение, которое всегда было между Майлин и равнинными жителями, исчезло, в ее тоне звучала почтительность, когда она ответила:

— Да, Старейший Брат, я привезла барска. Джорт, покажи свои манеры.

Это был первый из трюков, которые мы отработали, и он был показан стражу храма: я трижды поклонился и залаял низким тоном. По-прежнему улыбаясь, жрец вежливо поклонился мне в ответ.

— Да будут с тобой любовь и забота Умфры, брат с верхних дорог, — сказал он.

У вольных торговцев мало верований, и мы редко выражаем их, даже в своем кругу. Для присяги кораблю, при выборе постоянного спутника жизни, при усыновлении ребенка у нас были клятвы и были силы, к мудрости которых мы взывали. Я думаю, каждый разумный человек признает, что есть что-то, что лежит выше, иначе он рано или поздно погибнет от своих внутренних страхов и сомнений, превысивших выносливость его духа. Мы уважаем чужих богов, потому что они — искаженные человеком образы того, кто стоит за непрозрачным окном в неизвестное. И теперь в этом человеке, посвятившем свою жизнь служению такому богу, я увидел того, кто близко подошел к Великой Истине, как он ее понимал. Вероятно, это и была истина, хотя и не та, в которую верил мой народ. Я забыл, что на мне шкура зверя, и склонил голову, как сделал бы это перед тем, кого глубоко уважал.

Когда я поднял голову и взглянул еще раз на его лицо, я увидел, что улыбка исчезла, он внимательно смотрел на меня как на что-то новое, захватывающее. Как бы про себя он сказал:

— Что мы знаем о барске? Очень мало и в основном плохое, потому что смотрим на него сквозь экран страха. Возможно, здесь мы узнаем больше.

— Мой маленький народ совсем не похож на своих диких собратьев, — быстро ответила Майлин, и я понял ее недовольство и предупреждение.

Я залаял, поймал насекомое, жужжащее над моей головой, и побежал к другим животным, к бассейну, надеясь этим исправить свою ошибку.

Майлин осталась со жрецом. Их тихий разговор не доходил до моих ушей, потому что она оборвала мыс-

ленный контакт со мной, и это мне не нравилось, но я не осмеливался подслушивать каким-нибудь другим способом.

Ранним вечером мы дали представление для всех жителей деревни, которые могли поместиться во дворе, а затем повторили еще раз, для остальных. Портик храма служил нам эстрадой, мальчики-жрецы помогали Майлин сделать нужную бутафорию. Они делали это с таким умением, что я догадался — им это не впервые. Но я не знал, зачем Майлин приезжала сюда раньше.

Действия спектакля были менее отработаны, чем те, что вся труппа показывала на ярмарке. Теперь в барабан била одна Тантака, а Борба и Ворс маршировали и танцевали. Симла прыгала на задних лапах по серии наклонных брусьев, лаем отвечала на вопросы публики и играла на маленьком музыкальном инструменте, нажимая передними лапками на широкие клавиши. Я вставал на задние лапы, кланялся и делал другие маленькие трюки, которые мы запланировали. Я думаю, одного моего появления было бы достаточно, потому что крестьяне были поражены и испуганы. Я все больше и больше удивлялся страшной репутации хозяина моего тела.

Когда представление было закончено, мы вернулись в свои клетки, и на этот раз я не протестовал против такого дома. Я полностью вымотался, словно весь день работал по-человечески.

Я узнал, что сон барска не похож на человеческий. Барск спит не всю ночь подряд, а сериями коротких дрем: в промежутках я лежал, бодрствующий и бдительный, энергично узнавая носом и ушами обо всем, что происходит за занавеской фургона. Во время одного такого пробуждения я услышал движение в передней части фургона, где спала Майлин в плохую погоду или когда по каким-нибудь причинам нельзя было спать на воле. Щеколда моей клетки не была закрыта. Я открыл дверцу и вышел, хотя знал, что в деревне это делать опасно. Я обнюхал дверь и заглянул в щель.

Майлин сидела на кровати, скрестив ноги и закрыв глаза. Похоже, она спала, но тело ее качалось взад и вперед, как бы в такт музыке, которой я не слышал. Читать в ее мозгу я не мог, так как натолкнулся на плотный барьер, как человек с разбега налетает на стену. Ее губы были полураскрыты, из них выходил слабый шипящий звук. Поет? Я, правда, не был уверен, песня ли это или какое-то заклинание, а то и жалоба. Ее руки лежали на коленях, серебряный жезл образовал мост между ее указательными пальцами, и из него выходили слабые лучи света.

Воздух вокруг меня был как бы наэлектризован. Моя грива стала жесткой и поднялась дыбом, шкура вздрогнула, и закололо в носу. У нас, корабельных людей, был свой род энергии, но мы никогда не отрицали, что в других мирах есть такие виды энергии, которые мы не понимаем и не можем контролировать, поскольку искусство такого рода было прирожденным, а не выученным.

Это была как раз такая энергия, но я не знал, призывает Майлин ее к себе или посылает куда-то. В эту минуту я отчетливо понял, насколько Майлин чужая, гораздо более чужая, чем я думал.

Она замолчала, и электризация воздуха начала убывать. Наконец Майлин со вздохом опустила голову, встрепенулась, как бы просыпаясь, легла и положила потускневший теперь жезл под голову. Свет исчез. Я был уверен, что Майлин спит.

Утром мы выехали из Йим-Сина, провожаемые добрыми пожеланиями жителей и просьбами приезжать еще. Мы поехали по дороге, все время поднимающейся вверх. Это были уже не холмы, а горы. Воздух был холодный, и Майлин надела плащ. Когда я сел на свое место рядом с ней, я заметил, что моя толстая шкура не нуждается в дополнительной одежде. Запахи возбуждали, и я почувствовал сильное желание соскочить со своего места и бежать поросшими лесом склонами в поисках чего-то.

— Мы въезжаем в страну барсков, — с улыбкой сказала Майлин, — но я не советовала бы тебе, Джорт, зна-

комиться с ними, потому что, хотя здесь родина некоторой части тебя, ты быстро окажешься в невыгодном положении.

— Почему все так удивлены, что в твоей группе находится барск? — спросил я.

— Потому что барска знают только с одной стороны. Это звучит загадочно, но, видимо, это так и есть. Немногочисленные жители высоких склонов — кроме тэсса — убивают барска, который в свою очередь терпеливо и ловко преследует их. О барске существует множество легенд, его наделяют почти такой же силой, какую приписывают тэсса. Многие люди жаждут иметь барска в клетке только для того, чтобы узнать, действительно ли он либо вырывается на свободу и потом мстит людям и скоту, либо умирает по своей воле. Дело в том, что барск не терпит никакого ограничения своей свободы. Дух, который жил в твоем теле, как раз и желал умереть, когда произошел обмен.

— А если это ему удастся? — Я вздрогнул.

— Нет, — твердо сказала Майлин, — он не может. При обмене ему поставлены ограничения. Твое тело не умрет, Крип Ворланд, оно не будет пустой оболочкой, когда мы его найдем. А теперь, — перешла она к другой теме, — тут есть сторожевой пост Йултревена. Но большая часть людей собирает урожай на склонах гор. Нас не задержат, но лучше, если часовой увидит тебя в клетке.

Я неохотно отправился в клетку. Майлин обменивалась приветствиями с двумя вооруженными людьми, вышедшими из небольшого домика у дороги. Один из них приподнял заднее полотнище фургона и заглянул внутрь. Я забился в глубину клетки, чтобы он меня не заметил, и снова подумал, что они знают Майлин, что она бывала здесь.

Мы еще раз остановились на ночлег на открытом месте, Майлин сварила котелок какого-то супа, от которого шел такой соблазнительный запах, что мы все собрались у костра и жадно принюхивались. Должен признаться,

что я лакал свою порцию далеко не с лучшими манерами, как это делал бы настоящий барск.

Во время дневного путешествия меня томило ожидание, так как мы были уже близки к цели. Но когда я устроился на ночь в своей клетке — Майлин по каким-то причинам считала, что так безопаснее, чем вне фургона. — Я немедленно уснул и на этот раз спал не просыпаясь.

С первыми лучами солнца мы встали, утолили голод чем-то вроде хрустящего печенья с кусочками сушеного мяса, и фургон двинулся. Дорога стала еще круче, так что казы с видимым усилием налегали на упряжь. Мы остановились и дали им отдохнуть, а Майлин положила под колеса небольшие грузы, чтобы фургон не скатился назад. Мы не остановились для настоящего полдника, а снова поели печенья и попили воды. Ближе к вечеру мы достигли вершины горы. Теперь дорога пошла вниз между двумя холмами. То, что лежало внизу, скрывалось в тумане. Время от времени туман расходился и создавалось неопределенное впечатление бездны.

— Долина, — сказала Майлин плоским, лишенным эмоций голосом. — Оставайтесь в фургоне, нам надо точно придерживаться дороги. Тут есть барьеры и охрана, которую не так просто увидеть.

Она подала команду казам, и фургон пополз вниз, в туман и тайну.

Глава 10

МАЙЛИН

«Смотри незамутненными глазами на свои желания», — говорили Старейшие в кругу тэсса. Можно не сомневаться, что все их мысли светлы, мотивы открыты, и они движимы каким-то скрытым принуждением, как мой маленький народ повинуется моему жезлу, когда мне нужно поднять их энергию. Не проснулось ли

мое скрытое желание, когда я оставила Йрджар, честно говоря себе и Малику, что я только повинуюсь закону Весов? Если так, то оно действительно было глубоко скрыто. Может быть, это вспышка жизни, после того как я нарушила клятву и пересадила инопланетника из его тела в тело барска, и это действие посеяло семена?

Может, кто-то из нас считает некоторые указания Моластера слишком далекими от нашего понимания? Для Старейших такой аргумент — святотатство, они считают, что каждый ответственен за свои действия, хотя иногда они и принимают во внимание мотивы наших действий, если эти мотивы достаточно сильны.

Но мысль уже была близка к осуществлению в Йим-Сине, я это знала, однако отказалась от нее. Когда жрец Окин разговаривал со мной наедине, он сообщил мне плохие известия и оставил меня обдумывать это в отчаянии и бессильной ярости. И когда мы поехали к Долине, где было похоронено столько надежд, я все время боролась с искушением, хотя и не могла поверить, что ничего не может быть хуже.

В то время мне очень трудно было думать о тяжелом положении Крипа Ворланда, и я решила, что, как только мы найдем то, что он ищет, я быстро произведу обмен, чтобы обмануть этот соблазн. Но я сама не могла не думать о том, кто находится здесь и чьи дни явно сочтены.

Мы спустились в Долину через холодный туман, в ту ее часть, где принимали прибывших. Я отвечала на вопросы инопланетника так кратко, как только могла, потому что все время боролась с собой. Перед восходом солнца мы въехали во внешний двор главного храма, предназначенный для посетителей. Стражник-жрец подошел и поздоровался с нами. Я знала его в лицо, но не помнила имени, — иногда бывает нечто вроде милосердного забвения: этот человек приветствовал меня здесь в разных обстоятельствах, о которых я старалась не вспоминать. Я попросила разрешения поговорить с Оркаму-

ром, но мне сказали, что он занят и не может принять меня. Мы поставили фургон во второй двор, я распрягла казов и накормила маленький народ. Крип Ворланд мысленно задавал мне вопросы, и на некоторые я не могла ответить. Мы зажигали в фургоне лунные шары, когда пришел жрец третьего ранга и сказал, что Оркамур хочет меня видеть. Крип Ворланд выразил желание пойти со мной. Он думал только о том, чтобы найти свое тело и соединиться с ним. Но я сказала, что должна подготовить Оркамура к тому, что случилось, и осторожно объяснить все, чтобы наша история не показалась ему диким бредом. Инопланетник согласился.

Не окрепла ли во мне вера, что я нуждаюсь только в одном действии, и тогда большая часть груза, который я так давно несу, отпадет? Если это так, то я все еще имела мужество сопротивляться. Оркамур немолод, ноша его тяжела и с годами не уменьшается. Он не похож на тэсса с их стройными долговечными телами. Каждый раз, когда я вижу его, он кажется еще более сморщенным, призрачным. Однако в нем горит такое сильное пламя воли и необходимости откликаться на нужду, что дух его возрос, в то время как плотская оболочка ссохлась. С первой же минуты видишь только дух, а не одевающую его человеческую форму.

— Добро пожаловать, сестра! — Его голос был сегодня усталым и тонким, как флейта.

Я наклонила голову над своим жезлом. Мало кому тэсса выражают такое же полное почтение, как своим Старейшим. Но Оркамур заслужил признательность всего Йиктора. Я сделала три знака жезлом:

— Старый Брат, мир и благо тебе!

— Мир и благо тебе. — На этот раз его голос прозвучал глубже, сильнее, он как бы победил усталость волей. — Однако между нами не нужны успокаивающие слова, сестра. Я не могу сказать тебе, что все идет хорошо.

— Я знаю. Я проезжала через Йим-Син.

— Надо ли было проезжать, сестра? Ты ничего не

сможешь сделать, а иной раз, когда смотришь на обломки крушения, все прошлые печали охватывают сердце. Лучше вспоминать живого в расцвете сил, чем без расцвета и без зрелости.

Мои руки сжались на жезле, и я знала, что Оркамур видит это, но с ним я не стала остерегаться — в свое время он видывал и худшую потерю самообладания.

— Я пришла по другому делу, — решительно перевела я разговор. — Это...

Я быстро рассказала Оркамуру об инопланетнике. Это можно было сделать, потому что Оркамур был тем, кем был, и он не нашел бы в моих действиях ничего такого, что уронило бы меня в его глазах. Жрецы Умфры и тэсса ближе друг к другу, чем мы и жители равнин.

Когда я замолчала, он посмотрел на меня без большого удивления и сказал:

— Путь тэсса — не путь человеческого рода.

— Я и сама знаю! — вырвалось у меня. Все, что я вытерпела, пока ехала от Йим-Сина, сказалось в этом резком ответе. Я тут же начала просить прощения, но он отмахнулся.

— Ты должна была подумать о цене, прежде чем это делать, сестра. Ваши не легко смотрят на такое. Разве цена инопланетника выше твоей?

— Это был долг.

— За который он не должен был бы требовать с тебя оплаты, знай он все последствия. А теперь я должен сказать: люди Осколда ничего не приносили.

— Может быть, — я не очень огорчилась, — они сначала вернулись к Осколду за решением? Хотя фургон идет медленно, мы ехали коротким путем.

— А что, если его не принесут, сестра?

Я взглянула на жезл, который вертела в руке.

— Они же не могут.

— Ты надеешься, что они не могут, — поправил он меня. — Из всего, что ты рассказала, ясно, что Осокан попрал Закон ярмарки, захватив человека. Он впутал и сво-

его отца, когда запер пленника в пограничный форт. За пленником охотились люди, носящие цвета Осколда, чтобы убить его в твоем лагере. Возможно, они собирались спрятать тело, и пусть потом враги доказывают преступление. Ты не подумала бы об этом на месте Осокана?

— Если бы я была с мозгом жителя равнин — подумала бы. Но тот, кто был...

— Кто был под плащом Умфры? — Оркамуру не надо было читать в моем мозгу, чтобы продолжить мою мысль. — Если человек нарушил один закон, ему легче нарушить и другой.

— На ярмарке они нарушают человеческие законы. Но осмелятся ли они нарушить закон Умфры?

— Ты рассуждаешь как тэсса, — сказал он уже более мягко, как говорят с чужими. — У вас немного слов Правил, и ваши смертные правила так надежны, что редко оказываются под угрозой. Только, сестра, как насчет твоих собственных действий под Луной Трех Колец?

— Да, я нарушила Закон, я за это отвечу. Возможно, основание для действия перевесит само действие. Ты знаешь суд моего народа.

— Однако ты нарушила Закон с открытыми глазами и не из страха за себя. Страх — великий бич, которым силы мрака мучают людей. Если страх очень велик, ему не могут противостоять ни человеческие, ни божеские законы. Я кое-что слышал об Осколде. Он сильный, но грубый человек. У него один наследник — Осокан, и это погибель для юноши, потому что отец слишком его балует. Как ты думаешь, Осколд спокойно примет объявление его сына вне закона?

— Но как он надеется скрыть...

— Люди могут сказать о том, что они знают, но ведь нужно еще и доказать сказанное. Полным доказательством злого дела Осокана является тело инопланетника.

— Нет!

Конечно, я должна была бы об этом подумать, какая я была слепая!

— Сестра, чего ты хочешь на самом деле? — он снова коснулся моего мозга и увидел то, что я не желала ясно видеть сама.

— Я клянусь... дыханием Моластера клянусь, я не... — Я оборвала бормотание и снова овладела собой.

Оркамур спокойно смотрел на меня, и правда — или то, что теперь было правдой, — стала ясной для нас обоих.

— И ты думала, сестра, что такое может быть? Говорю тебе, не тело делает человека, а то, что живет в нем. Нельзя заполнить пустой каркас и ожидать, что в нем оживет прошлое и все будет, как раньше. Многое могут сделать тэсса, но вернуть жизнь умершему не могут и они.

— Я не думала об этом. — Я отрицала мысль, ранее скрытую, а теперь ясно видимую в моем мозгу. — Я спасла жизнь инопланетнику — они безжалостно убили бы его.

— И что он выбрал, когда ему разъяснили?

— Жизнь. В последнем вопросе большей частью цепляются за жизнь.

— И ты теперь хочешь предложить ему новую жизнь в новых условиях?

— Я могла бы, это нетрудно. Крип Ворланд был просто убит, когда осознал себя Джортом. Будет ли он колебаться снова обрести человеческое тело, если будет доказано, что его собственное тело нельзя вернуть? Нельзя вернуть... — Я сжалась против искушения. — Я не сделаю такого предложения, пока не буду уверена, что все пропало.

— Но ты скажешь ему об этом сейчас?

— Скажу только, что его тело еще не прибыло в Долину. Это ведь правда?

— Мы всегда должны полагаться на милосердие Умфры. Я отправлю посланца на западную дорогу. Если они в пути, мы будем готовы. Если нет — могут быть какие-то известия.

— Спасибо, Старейший Брат. Можно мне...

— Хочешь ли ты этого на самом деле, сестра? — Доброта и великое сострадание снова согрели его голос.

Какое-то время я не могла решиться. Возможно, Оркамур был прав: мне не следует смотреть на того, один вид которого терзает мое сердце. Я откажусь пройти эти несколько шагов до внутренней комнаты — до нее далеко, как до звезд, которые знал Крип Ворланд. Крип Ворланд, если бы я знала, смогу ли я выдержать свое решение, отогнать желание?

— Сейчас не могу сказать, — прошептала я.

Оркамур поднял руку для благословения.

— Ты права, сестра. Может быть, Умфра вооружит тебя своей силой. Я пошлю гонца, спи спокойно.

Спи спокойно! Хорошее пожелание, но не для меня, подумала я, возвращаясь к фургону. Инопланетник ждет известий. Часть правды — это все, что я могу ему предложить. Возможно, остальное было не правдой, а только предположением. Может, посланец Оркамура встретит отряд, который мы искали, и все будет правильно — по крайней мере для Крипа Ворланда. В этом мире многое правильно для одних и неправильно для других. Я должна отогнать такие мысли.

Я была права насчет инопланетника и его вопросов. Он был вне себя от горя, что отряд Осколда еще не прибыл, и лишь чуть успокоился, узнав о посланце. Я побоялась слишком долго мысленно разговаривать, чтобы каким-нибудь образом не выдать то, что я узнала о самой себе. Так что я сослалась на усталость, пошла к своей постели и долго лежала, слушая, как он сопит и вертится в своей клетке.

Жрец на вершине храмовой башни возвестил приход зари. Я слушала пение, которое, как сила тэсса, таило в себе силу их рода. В этом месте, где печаль и отчаяние лежали на всем, как черное покрывало, слуга Умфры пел о надежде, о мире и сострадании. И этим пением осветился и мой собственный день.

Я выпустила маленький народ во двор, и два жреца третьего ранга с улыбками принесли нам пищи и воды.

Крип Ворланд сидел рядом со мной и каждый раз, когда я взглядывала на него, я видела, что его глаза следят за каждым моим движением, как будто таким пристальным наблюдением он пытался поймать меня в ловушку. Почему я так подумала? Такие мысли из ниоткуда несут зародыши истины.

— Крип Ворланд. — Имя Джорт могло, как мне казалось, усилить его подозрительность. Он должен думать о себе как о человеке, лишь временно живущем в теле барска. — Сегодня, возможно...

— Сегодня! — жадно подхватил он. — Майлин, ты бывала здесь раньше?

— Два раза. — Что развязало мне язык и заставило сказать правду? — Здесь живет тот, кто считается моим родственником.

— Тэсса? — Он, казалось, удивился, и я поняла, что он смотрит на мою расу с тем же страхом, какой питали к тэсса жители равнин.

— Тэсса, — сказала я горько, — такие же люди, как и все. Мы истекаем кровью, когда кто-нибудь поднимет против нас нож или меч, мы страдаем многими болезнями, мы умираем. Не думаешь ли ты, что мы недосягаемы для того, что мучит других людей?

— Возможно, по дороге я так и думал, — согласился он, — хотя должен был бы знать, что это не так. Но то, что я видел у тэсса, позволяло мне думать, что они не похожи на остальных на Йикторе.

— Есть опасности, грозящие только нам одним. Наверное, и у тебя есть такие же, специально для твоего народа. Инопланетники встречаются с опасностями?

— Их больше, чем я могу рассказать. Но твой родственник — тот, кто получил убежище здесь. Зачем ему это? Ведь он может...

— Нет, — прервала я. Объяснить, почему он под покровом Умфры, я не могла. Это слишком близко касалось плачевного состояния самого Крипа Ворланда.

Те из нас, кто становился Поющим, должны были подвергаться определенным испытаниям, которые по-

казывали, есть у нас такой талант или нет. Маквед пострадал как раз в то время, но не по своей воле, а от несчастного случая, которыми наугад стреляет судьба. Мы передали то, что еще оставалось живым, в руки Умфры не потому, что боялись, как большинство равнинных жителей, помешанных, а потому что знали: здесь будут бережно обращаться с жизнью, которая осталась в его оболочке. Ведь у тэсса не было теперь своего дома.

Когда-то мы имели свои дома и города. Затем выбрали другую дорогу, и не стало необходимости требовать определенного места для жизни клана.

Старейшие оставались в тайных местах, где мы собирались на Совет или Дни Поминовения. Мы скитались по своей воле и жили в наших фургонах. И заботиться о таких, как Маквед, нам было нелегко. Он был не первым, кого мы доверили Умфре. К счастью, таких было немного.

— Когда мы узнаем насчет...

Я очнулась от своих мыслей:

— Как только вернется посланный. Пойдем, я должна представить тебя Оркамуру.

— Он знает?

— Я сказала ему, так как это было необходимо.

Человек в теле барска встал не сразу. Я с удивлением прочитала его эмоции, которые не поняла: стыд. Это было так чуждо любому тэсса, что мое удивление росло.

— Почему у тебя такое ощущение?

— Я человек, а не барск. Ты видишь во мне человека, а этот жрец — нет.

Я все еще не могла понять. Это была та минута, когда двоим кажется, что они откинули особенности их происхождения, но их тянет в разные стороны их прошлое.

— Для некоторых на Йикторе это может иметь значение, но не для Оркамура.

— Почему?

— Ты думаешь, что ты один в этом мире носишь шкуру, бегаешь и изучаешь воздух длинным носом?

— Ты... ты делала это?

— И я, и другие. Слушай, Крип Ворланд, до того как я стала Поющей, способной дружить с маленьким народом, я тоже бегала по холмам в различных телах. Это часть нашего обучения. Оркамур знает об этом, как и те, кого мы посетили недавно. Мы иной раз обмениваемся знаниями. Видишь, я сказала тебе то, что ты можешь повернуть против тэсса, подбросив это как головню в собранный урожай.

— И ты — ты была животным?!

Это было первым шоком в его мыслях, но затем, поскольку он был умным человеком и с более открытым мозгом, чем у привязанных к планете, он добавил:

— Но это действительно путь к обучению!

Я почувствовала, что часть его недовольства исчезла, и подумала, что мне надо было сказать ему об этом раньше. Теперь же я сказала потому, что это могло понадобиться: вполне может случиться, что опасения Оркамура сбудутся. Но Крип Ворланд не должен знать сейчас, что случилось с Макведом, не должен видеть его.

Через внутренний зал храма мы вышли в садик, где Оркамур давал отдых своему хилому телу. Он сидел здесь в кресле из дерева храта, глубоко врытом в землю, чтобы дерево снова ожило и пустило ветви, защищающие сидевшего от ветра. Этот садик был местом глубокого мира и покоя, в чем нуждался тот, кто его создал. Оркамур приходил сюда не только для обновления духа, но и для приема тех, для кого свет померк с тех пор, как любимые ими попали под покров Умфры. Здесь присутствовала сила, которую мы все называем по-разному и которая на расстоянии внушает страх, даже ужас, так как очень редко она поднимается утешающей рукой над страдающими. А тут было именно так, и всем, кто входил сюда, становилось легче.

Оркамур повернул голову и посмотрел на нас. Его улыбка больше, чем слова, сказала, что он рад нам. Мы подошли и остановились рядом с ним.

— Настал новый день, чтобы мы записали на него желаемое, — повторил он сентенцию из вероучения Умфры. — Справедливая запись извлечет из нас лучшее. — Он повернулся к Крипу Ворланду: — Брат, Йиктор дает тебе большее, чем записано на эти дни.

— Да, — мысленно ответил инопланетник.

Оркамур знал внутренний язык. Без этого он не мог бы быть тем, кем был.

— Всякому человеку дано учиться всю жизнь, и учению этому нет границ. Но он может отказаться от знания и тем отрезать себя от многого. Я никогда не разговаривал с инопланетником.

— Мы как все другие люди. Мы мудры и глупы, добры и злы, живем по закону или нарушаем его. Мы истекаем кровью от ран, смеемся шуткам, кричим от боли — не так ли ведут себя люди во всех мирах?

— Справедливо. И, может быть, еще более справедливо для того, кто, как ты, повидал много миров и имеет возможность сравнивать. Не согласишься ли ты поговорить с привязанным к планете стариком и рассказать ему что-нибудь о том, что лежит над нашим небом и граничит со звездами?

Оркамур не смотрел на меня, но я поняла, что он хочет отпустить меня.

Почему он хотел остаться наедине с инопланетником, я не знала, и это меня смущало. Но я вышла, так как не могла подумать, что в Оркамуре есть хоть что-то вредное. Вполне возможно, что им действительно руководило только любопытство. Он был далек от мира в своем призвании и временами забывал, что он тоже человек с человеческими интересами.

Я собралась наконец с духом и сделала то, на что не решилась прошлой ночью: повидала Макведа. Говорить об этом мне не хочется.

Возобновлять в памяти печали прошлого и переживать их снова — тяжелое и бесполезное дело. И я снова удивлялась, сколько делается здесь для безнадежных.

В полдень я снова пришла во двор, где оставила фургон. Маленький народ дремал в тени, но тут же вскочил и подбежал ко мне. Крипа Ворланда с ними не было. Я удивилась: неужели Оркамур разговаривал с ним все утро?

Ведь у него были срочные и нелегкие обязанности. Я подозвала одного из жрецов, которые приносили нам пищу, но он не видел барска и сказал, что Оркамур в комнате для медитации, где его нельзя беспокоить. Я встревожилась. Хотя жрецы Умфры не поднимут руку ни на одно живое существо, но здесь были и другие люди, которые могли, не подумав, отреагировать на неожиданное появление животного. Я вернулась в фургон, когда подошел второй жрец и хмуро сказал:

— Госпожа, пришло послание с западной дороги, посланное с птицей. Те, кого ты ищешь, не проходили в городские ворота.

Я механически поблагодарила, но лишь малая часть моего мозга отреагировала на его слова. Все мои мысли были заняты исчезновением барска.

— Барск... — начала я, хотя почему, собственно, жрец, не занимающийся материальными делами храма, может знать о моих животных?

— Он был здесь. Я недавно его видел. Он шел с Братом Офкедом, и я обратил на это внимание, потому что никогда не думал, что барск может идти с человеком.

— Когда это было, Брат?

— Удара за два до полудня. Гонг прозвучал, когда я уже пошел искать тебя.

Как давно! Я мысленно поговорила с Симлой. С некоторым возбуждением она коротко лайнула и бросилась к воротам.

— Похоже на то, Брат, что мой барск удрал куда-то. Я должна его найти.

Я предупреждала Крипа Ворланда еще до того, как мы вошли в Долину, о ловушках, в которые может попасть тот, кто не знает местности или останавливается на открытых местах. Я никак не могла догадаться, почему он

ушел из храма. Сомнительно, чтобы он решился на такую глупость в результате разговора с Оркамуром. Симла легко могла бы найти его по следу, но барск мог уйти за это время далеко, конечно, если не попадет ни в какую западню на пути.

Мы с Симлой дошли до внешних ворот. Меня окликнули, я нетерпеливо повернулась и увидела молодого жреца с гостевого двора.

— Госпожа, говорят, ты ищешь барска?

— Да.

— Он не мог далеко уйти, он пил из бассейна, когда пришло послание. Странное дело... — Он замялся. — Можно подумать, что барск слушал наш разговор. Когда я это заметил, он залаял, а когда я снова обернулся, его уже не было.

Мог ли инопланетник понять их? Жрецы говорят между собой на высоком языке, в основном ментообменном. В их разговоре иногда бывает два-три слова, все остальное — мысленно.

— О чем вы говорили, когда он подслушивал?

— Старейший Брат спросил, где ты. — Жрец отвел глаза. — Мы... мы немного поговорили о нашем пациенте. Затем Старейший Брат сказал, что ты ждешь тех, кто должен принести пораженного ударом, но они так и не появились.

Неужели он бросился искать свое тело? Но почему он не пришел ко мне?

Глава 11

КРИП ВОРЛАНД

Я лежал на земле, и вокруг пахло землей, растениями, корнями, жизнью.

Запах был густой, навязчивый. Не знаю, далеко ли я отошел от Долины. Я лежал и лизал израненные лапы. Сейчас я был больше Джортом, чем Крипом Ворландом.

Человек? Был ли вообще человек, звавшийся некогда Крипом Ворландом?

Жрецы Умфры сказали, что с территории Осколда не выходил отряд с пустой скорлупкой от человека. Зачем же тогда меня привезли в Долину? Какой цели должен был я служить, каким желаниям — Майлин или моим? Когда я услышал, о чем говорили между собой жрецы, во мне взметнулось подозрение, и я по-новому взглянул на беседу с Оркамуром в саду. Мы говорили о внешних мирах, но в основном он хотел знать о людях, вышедших из этих миров, о том, что они делали до того, как стали звездными скитальцами. Мне казалось, что он пытается понять, как я рискнул превратиться в барска ради спасения своей жизни — вроде бы я сделал шаг туда, откуда мог не вернуться, вроде бы я принял такую судьбу на веки вечные.

Когда Майлин заговорила об обмене, в ее словах была логика. Она знала опасность, ох, она прекрасно знала ее, ведь жрецы, которых я подслушал, говорили не только о моем без вести пропавшем теле, но также рассуждали о Майлин и о том, что неоднократно приводило ее в Долину. Был другой, который бегал в зверином теле — возможно, по ее приказу. И обратного обмена сделано не было. И человеческая оболочка жила теперь в Долине, а о теле животного жрецы не упоминали. Может, этот несчастный сидит теперь в клетке среди ее маленького народа? Эта удивительно дрессированная труппа — может, все они или большая часть их — были мужчинами и женщинами, а не животными? Не таким ли способом тэсса набирали животных? Возможно, и то название, которое они давали своим превращенным — маленький народ, — полностью соответствовало истине? Ей давно хотелось присоединить барска к труппе, она сама признавалась. И я попался в ее ловушку с наивной доверчивостью ребенка. Может, она подействовала на меня какой-то силой, когда мой мозг был смущен и растерян? Но сейчас важно не то, что случилось и чего нельзя изменить, а то,

что еще можно сделать. Где мое тело, мое человеческое тело? Живо ли оно вообще? Я должен найти его, обыскав земли Осколда. Правда, я не имел никакого представления о том, что я буду с ним делать, если найду, но горячее желание найти его захватило меня вопреки разуму и логике. Возможно, я был уже не в своем уме.

Теперь меня донимали голод и жажда. Я учуял запахи фермы, человека. Я встал, вздрогнул от боли в лапах и стал продираться между кустами.

Наверное, теперь во мне было больше от животного: человеческое знание было бы помехой в моем охотничьем мастерстве. В тусклом двойном свете я скользил от тени к тени вдоль стены из небрежно сложенных камней, мои ноздри улавливали и классифицировали сведения.

Мясо... С моего языка закапала слюна, в брюхе заурчала пустота. Запах мяса.

Я скорчился в кустах, заглядывая в открытый двор фермы. Там стоял каз, переступая тяжелыми ногами, были также четыре форса — домашние животные, длинная шерсть которых шла на изготовление зимней одежды, прочной и очень теплой. Они недовольно поворачивали длинные шеи, изгибали головы под странными углами и поглядывали на стену. Один из форсов глухо и тревожно закричал: если я унюхал его, то и он, по всей вероятности, узнал о моем присутствии. Но ни одного из них я не мог взять, они были в полтора раза больше меня. Довольно близко от моего укрытия бродила птица с длинными ногами и острым клювом, который все время что-то склевывал с земли. Птица приближалась ко мне и, видимо, не чувствовала опасности. Я выскочил из-за куста и схватил ее. Птица завертелась с такой скоростью, какой я от нее не ожидал, и больно клюнула меня, едва не лишив глаза.

Только быстрое отступление спасло меня от новой атаки, и я отскочил, понимая, что легко мог лишиться зрения. По всей вероятности, барски были достаточно хитрыми охотниками, но я-то не был барском. Живот-

ные подняли шум, и я поспешно убежал довольно далеко, прежде чем болевшие лапы и утомленные легкие заставили меня остановиться.

В моем новом теле ночь не ослепила меня. Я видел в темноте как днем, вероятно, ночь и была днем для барска. Перед рассветом я жадно съел — конечно, не как лакомство — какое-то змееподобное существо, которое извлек из щели между камнями в русле ручья. Затем я отыскал дупло в поваленном дереве, забрался в него и уснул, просыпаясь время от времени, чтобы лизать лапы в надежде, что они смогут нести меня дальше. Я решил, что лучше перенести путешествие с дневного времени, когда меня могут увидеть, на ночь, что было более естественно для барска. Я дремал в дневные часы и ковылял дальше, когда всходила луна.

Три кольца вокруг лунного диска ярко сияли в эту ночь. Я поднял голову и, не успев сдержать порыв, завыл низким воем, который был как бы эхом звучавшего во мне крика. Этот крик был не просто приветствием, обращенным к небесному страннику. Что-то было в этом удивительном зрелище, привлекающем и удерживающем взгляд, и я понимал, почему жители Йиктора приписывают этому феномену психическую силу.

Луна Трех Колец означала могущество, силу, но я жаждал только одной силы — той, что вернет мне мое тело. Я вернулся к ручью и снова принялся за охоту — теперь более успешно, потому что на этот раз напал на теплокровное животное, пришедшее на водопой. Я пировал как Джорт, отогнав на время еды человеческую память. Затем я вдоволь напился и принялся осматриваться, ища дорогу, вдоль которой следовало идти.

Я пошел по тропе, ведущей с востока на запад через лес, потому что кустарник вдоль главной дороги кончился и осталось открытое пространство.

Земля Осколда не была густо заселена, по крайней мере в этой части. До наступления зари я прошел мимо второй крепости, такой же, как и та, где я сидел, толь-

ко при этой был поселок. Это был лагерь с бараками для тех, кого не могли вместить стены. С восточной стороны расхаживали часовые, и было привязано несколько рядов верховых казов. Мне показалось, что силы Осколда были в полной боевой готовности, как бы ожидая вторжения врага. Я прошел довольно близко от одного каза. Он принюхался и заорал, и его собратья подхватили вопль. Люди закричали и осветили фонарями хижины. Я поспешно юркнул назад.

Если внешние границы области были пустой землей, нетронутой плугом, то в той местности, куда вела меня дорога, было не так, и разумно было идти ночью, а не днем. Миновав лагерь, я дошел до деревни и прошмыгнул через поля. Урожай почти по всей стране был убран. Когда я крался мимо фермы, меня испугало тявканье охотничьей собаки, в котором прозвучало предупреждение. Другие животные подняли тревогу и всполошили всю деревню, и я опять увидел свет фонарей, услышал крики людей и дикий лай собак.

Реакция жителей Йим-Сина и слова Майлин уверили меня, что барск — редкое и опасное животное. Допустим, меня увидят или какой-нибудь фермер спустит собак на странного нарушителя границ. Что тогда? Идти в густонаселенную местность равносильно самоубийству. Я ходил в чаще и выбирал место для дневного сна, слыша скулеж в собственных мыслях. Но ведь где-то в землях Осколда был ответ на вопрос о судьбе моего тела, и я должен знать его!

Наученный горьким опытом, я не рискнул охотиться в фермерских дворах.

Но дикой жизни было мало, и она была пуглива, и поиски пищи привели меня наконец к огороженному полю. В эту ночь на небе не сверкали Кольца, все было затянуто тучами. Это придало мне храбрости еще раз попытаться завладеть домашней скотиной.

На поле были фоду. Я уже знал, что Майлин везла с собой их сушеное мясо, они были достаточно малы.

Вероятно, у них и Тантаки были когда-то общие предки, но одомашнивание и направленное размножение сделали их более толстыми, на более коротких ногах и явно более глупыми. Для меня было только одно затруднение: они спали, сбившись в кучу, и все стадо вкупе могло испортить мне охоту.

Я крался вдоль стены, осторожно принюхиваясь, не пахнет ли собаками, но пролетевший ветерок донес до меня только запах спящих фоду. Если бы у меня был напарник, все было бы очень просто: один пошел бы по ветру и спугнул животных в ожидающие зубы партнера. В конце концов я решил, что мое лучшее оружие — быстрота, и побежал по ветру. Долго ждать не пришлось: куча спящих зафыркала, распалась, заворчала. Я кинулся на визжащее животное, схватил его и поднял, несмотря на его сопротивление. Перебраться через стену с таким грузом было нелегко, но голод — лучший помощник, и я утащил добычу в кучу камней на берегу, которая могла служить мне крепостью, хотя я и не думал, что меня станут осаждать.

Я уголил голод, а затем из осторожности прошел вниз по ручью, чтобы запутать следы, по которым ограбленный фермер может спустить собак. Через ручеек был перекинут мостик, и под его аркой я вышел на берег и вылизал воду из шерсти.

Занимаясь этим, я услышал глухой стук копыт. Я неподвижно скорчился в темноте. Стук копыт слышался с двух сторон, и скорость, с которой всадники ехали навстречу друг другу, говорила, что они спешат. Я подумал, что они проедут близко от меня, и прислушался: слова, которыми они перекинутся, могут объяснить их спешку.

Топот замедлился: видимо, оба всадника придержали своих казов. Я приподнял голову, прячась у края моста, в надежде услышать что-нибудь важное. Я не знал никаких диалектов, кроме йрджарского, но мысли жрецов Умфры для меня были так же ясны, как слова на базике. Однако теперь трудно было рассчитывать на такую удачу.

Всадники остановились. Я услышал тяжелое дыхание казов и звуки человеческих голосов. Но слова были лишь бессмысленной серией звуков, как любая человеческая речь показалась бы настоящему барску. Я сильно напряг способности эспера, чтобы подслушать мысли.

...посылает на помощь...

Удивление, некоторая горечь.

...осмелится, после этого... осмелится!

Отчаяние, интенсивное, как мозговой удар.

Напрасно, наш лорд вернул человека... предложил выкуп. Больше он ничего не может сделать.

Эмоции двоих на мосту были так сильны, что их отрывочные мысли становились все яснее для меня.

...бежать... надо бежать...

Сумасшествие! Нашему лорду уже противоречат в совете и из Йимика, и из Йомока, те, кто всегда зависел от него. Нас поддержит вся граница. Кто станет защищать его, если его объявят вне закона?

Пусть сам решает...

Он решит! Те же слова и услышишь. Если инопланетники имеют силу Йу, то объявление вне закона может состояться. Они имеют право отказаться от платы. Ведь они получили назад не человека, хоть ты его так назвал. Ты же его видел.

Словесного ответа не последовало, только эмоции — гнев, страх. Затем крик человека, подгоняющего животное. И каз, что шел с запада, понесся галопом. Другой не спеша направился к границе.

Я опустил голову на лапы, слыша только журчание воды. Человек может лгать языком, но его мысли говорят правду. Теперь я узнал, причем чисто случайно, что мое тело не находится больше во владениях Осколда, а вернулось к моим товарищам на корабль. У меня не было никаких сомнений, что всадники говорили именно обо мне.

Теперь моей целью был Йрджар, порт. Мое тело на «Лидисе», там наш врач сделает все, что можно, для этой

безжизненной скорлупы. Допустим, я каким-то чудом доберусь до корабля, даже до своего тела — что я могу сделать? Но у вольных торговцев открытый мозг. Майлин не единственная тэсса на ярмарке — там был Малик. Смогу ли я добраться до него, воспользоваться им для объяснения? Возможно, он тоже может произвести обмен. Так много сомнений и страхов стоит между мной и успехом! Однако я цеплялся за всякую надежду, чтобы человек не был навсегда поглощен животным.

Назад, на восток, через холмы вниз к равнинам Йрджара! Там красный мех барска будет очень заметен, но что делать — выбора у меня нет.

В глотке у меня пересохло, как будто я и не пил, ноги подкашивались, по шкуре пробегала дрожь. Но убежища здесь не было, и я вошел в воду и поплыл по течению к югу, а потом выбрался на отмель.

Теперь не было надобности идти вдоль дороги и рисковать встречей с кем-нибудь. Темные холмы были неплохим ориентиром. Далеко за ними лежали равнины, где расположены Йрджар и порт. Я быстро проносился по открытым полям или бежал рысцой по заросшим лесом местам. Я обнаружил, что хоть барсков и считают горными животными, их удивительно малые тела при почти гротескно длинных ногах были идеально приспособлены для быстрого бега по ровной местности.

На заре я миновал ту самую крепость, где начались мои несчастья. Там же, по-видимому, стоял гарнизон, люди разбили лагерь под стенами. Я сделал большой крюк, чтобы обойти линию казов.

На берегу я размышлял о том, что узнал от тех всадников. Тот, кто ехал на запад, был, бесспорно, из свиты Осколда. Не должен ли он собрать помощь для Осокана и его людей? Известно, что Осколд дорожил своим наследником, но, судя по реакции второго посланца, этому отношению пришел конец. Осколд предложил плату за мою гибель — иными словами, он пытался единственным на Йикторе законным путем разрешить спор между

своим сыном и вольными торговцами, предложив капитану Фоссу плату за члена экипажа.

Такая плата предлагалась за непреднамеренное убийство в мирное время, но почти никогда не принималась, если жертва имела близкого родственника, способного носить оружие, потому что кровная месть рассматривалась как более благородное решение. Но если у жертвы в клане оставались только женщины и дети, слишком юные для битвы, тогда плату принимали, и сделка записывалась в храме Йрджара.

Возможно, поскольку экипаж «Лидиса» рассматривался как мой клан, предложение было сделано в надежде, что его примут. Я только удивлялся тому, что Осколд вернул мое тело. С его стороны логичнее было бы убрать как можно скорее это позорное свидетельство против его сына. Может, их пугал гнев Умфры?

Во всяком случае, было ясно, что капитан Фосс требовал полного наказания — чтобы Осокана объявили вне закона. Немилость распространялась вширь, так что старые враги Осколда получили удобный случай скинуть как сына, так и отца. И земли Осколда были близки к состоянию осады. Хотел бы я знать, не пошел ли Осколд против всех законов и обычаев, посылая помощь сыну. Если так, то станут ли люди Осколда поддерживать его? Лояльность между лордом и его людьми была крепка, противостояла смерти и пыткам, как говорилось в балладах. Но это работало в двух направлениях: лорд был так же честен по отношению к тем, кто присягал ему в верности. Такое укрывание сына могло, я думаю, расцениваться как открытое нарушение клятвы, подвергавшее его людей слишком большой опасности.

Я мысленно представил себе город Йрджар. Мне трудно было сосчитать, сколько дней прошло со времени моего похищения, так что даже не был уверен, работает ли еще ярмарка. Что, если — я прибавил скорости — что, если «Лидис» уже ушел? Эта мысль была так ужасна, что я постарался отогнать ее.

Если «Лидис» все еще стоял в порту, может, и Малик тоже на ярмарке? А если нет? Я облизал все еще болевшие лапы и тихонько заворчал. А может ли барск снова стать человеком? Что, в сущности, случилось с тем, кого по просьбе Майлин приютили жрецы Умфры? Может, он так долго был в теле зверя, что животное взяло верх и бегает теперь по холмам, не имея никаких связей с человеком? Мне хотелось опустить голову и завыть, как я выл на луну по нечеловеческим причинам. Однако я задушил этот вой в горле.

Грис Шервин был со мной на шоу, он видел, как мы привезли барска, он слышал мой рассказ о том, что произошло в палатке продавца животных, он сможет открыть свой мозг, если барск придет к нему теперь, он будет способен к какому-то контакту. Мы все имели способности эспера — одни больше, другие меньше. Лучшим эспером на борту «Лидиса» был Лидж, только бы мне суметь подойти к нему достаточно близко. Нет, Крип Ворланд еще не был побежден. По этим холмам я мог идти как днем, так и ночью.

Я выкопал из мягкой земли нескольких мелких животных и съел, но их едва хватило, чтобы чуть-чуть притупить чувство голода. Я поднимался все выше и выше. Захватывало дух от морозного воздуха, застывшая почва терзала натруженные лапы. Я лизал снег, чтобы утолить жажду, и с тоской вспоминал реку, где мог напиться всласть.

К полуночи я прошел через перевал и мог бы спускаться в долину, но так устал, что вынужден был поспать в укромном месте.

Когда я проснулся, солнце пригревало мою покрытую густой гривой спину. Прищурившись от яркого света, я оглянулся и потянул носом. Сильно пахло человеком. Слабое шарканье по твердой поверхности — такое могли произвести только сапоги. Кто-то шел справа от меня внизу, стараясь производить как можно меньше шума.

Я нагнулся, коснулся мордой передних лап и посмотрел вниз. Человек. Нет, люди, потому что я увидел второго,

ползущего в гору почти рядом со мной. Поверх кольчужной рубашки на них были грязные плащи со странными цветными пятнами. Я подумал, что только острый взгляд животного может разглядеть их на расстоянии, если они не будут двигаться. Не удирают ли это враги Осколда? Не важно, кто они, лишь бы не нашли меня. Я начал медленно отползать в кустарник. Куда они направлялись, я не мог угадать, потому что поблизости не было ни крепости, ни поста. Но решимость их была очевидна.

Мне придется снова повернуть на юг, так как ползущие по холму были частью отряда, находящегося внизу. А я знал только то, что Йрджар был где-то на западе.

Я лег и стал ждать ночи. Под Тремя Кольцами Луны я пустился во весь опор. Так всю ночь я попеременно то бежал, то шел, пока не был вынужден остановиться, потому что лапы нестерпимо болели. Я остановился возле озерка, где мне удалось также и закусить, потому что какая-то птица, обманутая моей неподвижностью, приблизилась ко мне. Это была отличная еда, лучшая, какую я ел после феду. Затем я зарылся в кустарник, но долго спать мне не пришлось.

На этот раз я услышал сначала звук, а не запах: это были собаки с фермы, и они охотились за кем-то, кто бежал в моем направлении.

Когда я был человеком, на этих холмах за мной охотились люди Осокана, теперь я зверь и снова вижу охоту. Лай собак, наверное, должен наводить ужас на того, за кем они гонятся. Я спокойно прислушивался, полагая, что их дичь — не я.

Из кустов выскочило длинноногое животное и помчалось крупными прыжками. Я узнал его — дикое жвачное с равнины. Его мясо сушат на зиму, и оно считается обычной добавкой к меню. Охота, видимо, началась недавно, потому что животное бежало легко. Но свора была нетерпелива и молча бежала по горячему следу, лишь изредка взлаивая.

Я опять бежал к югу, далеко обходя тропинки, по ко-

торым пробежало преследуемое животное. Хорошо, если собаки будут поглощены первоначальной целью и не обратят внимания на мой след. А, может, они тоже боятся барска?

Меня тревожило, что я приближался к открытой местности. Там не было ни скал, ни кустарника, ни деревьев, негде было укрыться от глаз охотников, кругом голые поля, где на фоне серо-желтого жнивья мой красный мех будет отчетливо виден.

Я почувствовал запах воды и вспомнил о ручье, бежавшем из этого озерка, где я пил и омывал лапы. Не пойти ли мне по ручью, чтобы сбить след? Я знал об этом по тем пленкам, которые, бывало, рассматривал для собственного удовольствия. Но такие охотничьи воспоминания, собранные с точки зрения человека, вряд ли могли быть полезными в моем теперешнем положении.

Однако лучшего решения я не видел, поэтому вошел в воду и пошел по течению. Я не успел далеко уйти, как услышал глухой шум в том месте, где раньше лежал. Этот шум звучал реальной угрозой. Случилось самое худшее: собаки взяли мой след и, к моему несчастью, решили, что я лучшая добыча.

Меня охватила паника, которая вела к гибели. Я перестал соображать и бросился бежать. Но мои силы были подорваны, и я знал, что далеко не убегу. Я перескочил через ограду, помчался по полю и...

Под моими лапами уже не было почвы. Я падал...

Глава 12

КРИП ВОРЛАНД

Вокруг меня взметнулся песок, мое тело ударилось о землю с такой силой, что у меня прервалось дыхание и я некоторое время ничего не чувствовал. Я попытался встать. Все поплыло перед моими глазами, но постепенно зрение прояснилось настолько, что я мог увидеть, что

я упал в каменный колодец. Человек мог бы выбраться из него, цепляясь за неровности стены, но четыре лапы с прямыми когтями были тут бесполезны. Я откинул голову назад и зарычал. Этот рык, усиленный земляной воронкой, которая держала меня, заставил свору на некоторое время замолчать. Как бы ни были возбуждены преследованием собаки, никто из них не осмелился прыгнуть вниз, ко мне, так что они изливали свою злобу только в лае.

Затем кого-то из них отшвырнули в сторону, и я увидел смотрящих на меня людей. Один в изумлении отшатнулся, другие уставились на меня, вытаращив глаза. Один поднял лук, и я подумал, что мне, загнанному таким образом, не удастся увернуться от стрелы. Но человек, стоявший рядом со стрелком, с гневным криком ударил по луку.

Некоторое время я лежал, задыхаясь, а собаки и один человек следили за мной. Остальные люди исчезли. Затем раздался глухой стук, и на меня упала масса веревок. Я вскочил. Именно этого они и ждали. Сеть была мгновенно затянута, и я, беспомощный, был вытащен из колодца.

Собаки бросились на меня, но были отогнаны хозяевами, а меня бросили на телегу, привезли на ферму и заперли, связанного, в темном сарае.

Там пахло животными и человеком. Я тяжело дышал, во рту пересохло.

Хотя бы несколько капель воды... Но часы шли, а к сараю никто не пришел.

От падения в колодец болело все тело, но главным была потребность в воде. Я сделал слабую попытку послать мысль, хотя и опасался, как бы суеверные местные жители немедленно не убили меня.

Разумы вокруг меня были. Но, как я ни старался изо всех своих слабых сил вложить в один из них мысль о своей жажде, здесь не было никого, кого можно было бы удержать достаточно долго, чтобы довести до него мое желание.

Я впал в апатию, неспособный более к борьбе. Возможно, они даже сочли меня мертвым, когда наконец вошли в сарай. Сколько времени прошло, я не знал, но на улице уже стемнело. Меня снова швырнули на телегу. Мы ехали через мостик. Услышав запах воды, я поднял голову и заскулил, но тут же получил жестокий удар и потерял сознание.

Дневной свет бил мне в глаза, а мои уши глохли от криков, которых я не понимал. Телега остановилась. Двое мужчин стояли возле нее и осматривали меня.

— Воды... — пытался я выговорить, но из моей широко разинутой пасти вырывался только отчаянный хриплый визг. Один из мужчин подошел ближе и сказал на йрджарском наречии, на котором я тоже когда-то говорил:

— Барск... Десять весовых знаков.

— Десять? — взорвался другой. — Ты когда-нибудь видел здесь барска? Да еще живого?

— Пока живой, — согласился первый. — Посмотрим, доживет ли до вечера. А шкура... можно, конечно, выделать, но мех ничего не стоит.

— Двадцать.

— Десять.

Их голоса монотонно звучали, колыхались туманным занавесом, упавшим мне на глаза. Мне хотелось уплыть в темноту, которая обещала покой без страданий.

Но меня снова вернули к жизни, когда стащили с телеги и отнесли в более темное место, где спирало дыхание от зловония плохо содержащихся животных. В моей памяти, как искра, мелькнуло забытое. Я когда-то слышал подобную вонь. Где?

Железные тиски вокруг моего горла, жестокие, душащие... Я слабо пытался скинуть их, разгрызть, но меня втолкнули в маленькое темное помещение. Я оказался в тесной тюрьме, крышка которой захлопнулась. Два отверстия в стене давали немного света и очень мало воздуха. На полу было немного вонючей соломы — видимо, не я один был пленником. И пахло здесь не только дру-

гими телами, но и мыслями, наполненными страхом, ненавистью и отчаянием.

Я кое-как свернулся, положил голову на лапы, ища какое-то облегчение в том, чтобы откинуть память, мысли, все окружающее. Я тянул существование, но уже не жил.

Воды здесь не было. Я думал — или смутно грезил о воде, о том, как я шел по ручью и вода бурлила вокруг моих ног, приглаживая мех, и мне казалось, что все это было сном, что никакого мира не существует вне этого тесного ящика. Время исчезло, остались только вечные муки.

Над головой раздался щелчок. Верх ящика поднялся, впустив воздух и свет. Я хотел поднять голову, но что-то тяжелое ударило меня по шее, пригвоздив к вонючему полу. Я не видел, кто стоял надо мной.

— ...скоро сдохнет. И это вы предлагаете моему лорду?

— Это же барск. Ты когда-нибудь видел вблизи живого барска, Господин?

— Живой? Вот-вот сдохнет, я же сказал. А его шкура ничего не стоит. Ты просишь пятьдесят весовых знаков? Созрел для Долины, если запрашиваешь такую цену.

Давление на мою шею исчезло, и крышка тут же захлопнулась.

«Скоро подохнет — скоро подохнет — скоро... — жужжало в моих ушах. — Барск... скоро подохнет...»

Барск — животное. Но я не животное, я человек! Они должны знать, должны выпустить меня, я человек, а не животное! Искра жизни, которая еще мерцала, готовая угаснуть минутой раньше, теперь загорелась снова. Я хотел прислониться к стене ящика, чтобы сражаться за свою свободу, но ничего не вышло. Мускулы сводило судорогой, все силы покинули меня.

— Человек! Человек! — Я не мог произнести никакого звука, кроме тихого визга. Но мои мысли устремились в мир по ту сторону клетки. — Здесь умирает человек! Не животное, человек!

И мысль, отчетливая и сильная, сплелась с моей. Я вцепился в нее, как вышедший из корабля в космос цепляется за свой спасательный трос.

— Помогите умирающему человеку...

— Где? — пришел вопрос, такой ясный, что его сила подняла энергию моего мозга.

— В клетке — в теле барска — человек, не животное... — Я пытался удержать этот мысленный трос, который, казалось, выскальзывал из моего захвата, как корабельный трос из смазанных маслом перчаток. — Человек — не животное!

— Думай, держи мысль! — пришел приказ. — Меня надо вести, так что думай!

— Человек — не животное... — Я не мог держать линию связи, она ускользала. Я снова попытался из последних сил: — Человек, не барск — в клетке — не знаю где, но в городе...

— Йрджар?! В Йрджаре?

— В клетке... как барск... барск... не барск — человек!

Мне не хватало дыхания, тьма накрывала меня так плотно, что раздавливала меня.

— Человек... я человек, — цеплялся за эту мысль, но тьма наваливалась еще плотнее, и я отбивался от небытия.

— Здесь!

Сквозь тьму снова пришел этот ответный мозговой удар, быстро и остро зашевелился во мне, но я уже не мог слышать, здесь была только тьма и конец всякой борьбы.

Далекий свет и ничего не означающие голоса. Затем две руки приподняли мою голову. Я смутно увидел лицо.

— Слушай, — пришел в мозг приказ, — ты должен помочь мне. Я сказал, что ты из моего маленького народа, что ты дрессированный. Ты можешь подтвердить это?

Подтвердить? Ничего я не могу подтвердить, даже то, что я человек, а не зверь, бегающий на четырех ногах и загрызающий по ночам добычу.

Вода полилась на мой распухший язык, в пасть, но я не смог проглотить ее. Затем снова руки взяли мою голову, глаза встретились с моими.

— Джорт! Выполняй приказ!

Когда-то это что-то обозначало, но я никак не мог вспомнить. Кто-то дал мне это имя и...

Я кивнул головой и попытался поднять передние лапы. Там были ступеньки, и на них человек в черно-желтой мантии, он смотрел на меня.

Значит, я должен поклониться и сделать все то, что мы вместе планировали.

Мы? Кто это — мы?

— Это мое животное!

— Это не доказано, Господин.

— Я отдам тебе то, что ты заплатил за него, или мне позвать уличного стражника?

Руки все еще держали мою голову. В мой рот снова полилась вода, и я мог глотать. С водой понемногу возвращалась жизнь. Но руки не выпускали меня:

— Соберись с силами. Мы скоро уйдем.

Голоса над моей головой стерлись. Затем руки подняли меня и понесли.

Я взвизгнул и зажмурился от яркого света. Тот, кто нес меня, опустил меня на мягкий мат, и я растянулся, не в силах двигаться. Поверхность подо мной качнулась, двинулась, я услышал стук колес по булыжной мостовой.

Мы ехали в фургоне, и запах города душил меня. Я не пытался смотреть по сторонам, у меня на это не было сил. Грохот, скрежет, опять грохот...

Фургон остановился.

— Дрессированное животное...

Полотнище в задней части фургона отдернулось и снова закрылось.

Фургон двинулся. Воздух посвежел. Опять остановка. Кто-то сошел с переднего сиденья, подошел ко

мне и опустился на колени. Мою голову снова подняли и влили в рот жидкость — на этот раз не просто воду, а с какой-то кислой и острой добавкой. Я открыл глаза.

— Майлин, — мысленно сказал я, но это не была женщина-тэсса, толкнувшая меня в это безнадежное приключение, это был мужчина, бывший с ней на ярмарке. Память слабо пробивалась через навалившиеся сверху тяжелые события.

— Я Малик, — пришел ответ. — Теперь отдыхай, спи и ничего не бойся. Мы вовремя вырвались.

Смысл его слов не полностью дошел до меня, потому что я послушался его приказа и заснул, и это не было оцепенением приближающейся смерти.

Когда я проснулся, я увидел недалеко от себя костер. В языках пламени было что-то успокаивающее. Человек и огонь, его древняя защита и оружие, он с давних времен связывался в нашем представлении с безопасностью, он поднимает наш дух, когда мы смотрим на него.

Позади костра был другой свет, и я, увидев его, зарычал — и тут же умолк: когда я проснулся, то в первый момент был Крипом Ворландом, и как тяжело было снова оказаться Джортом!

На мое рычание пришел ответ из тени, до которой не доходил ни свет костра, ни лучи лунной лампы. Мой нос сказал мне, что здесь много живых существ.

Человек вошел в свет костра с котелком в одной руке и с ковшиком в другой. Он шел вдоль ряда чашек, стоящих на земле, и наливал в каждую из котелка. Он подошел ко мне.

— Малик из рода тэсса, — мысленно сказал я.

— Крип Ворланд из рода инопланетников.

— Ты знаешь меня?

Он улыбнулся:

— Здесь только один человек в теле барска.

— Но...

— Но меня не было, когда ты надел меховую шкуру, хочешь ты сказать? Ты воспользовался силой тэсса, мой друг. Неужели ты думаешь, что это пройдет незамеченным?

— Я ею не воспользовался, — возразил я.

— Ты не думал об этом пути, — с готовностью согласился он. — Однако это пошло тебе на пользу.

— Вот как? — отозвался я.

— А разве нет? Не думаешь ли ты, что остался бы жив после встречи с подчиненными Осколда, если бы Майлин не сделала для тебя все, что смогла, и притом очень своевременно?

— Но дальше...

Он присел на корточки, так что я, сидя, был чуть выше его.

— Ты думаешь, что она воспользовалась тобой для своих целей?

— Да, — правдиво ответил я.

— У всех рас есть свои нерушимые клятвы. Так вот, я клянусь тебе: то, что она сделала в ту ночь, она сделал исключительно ради тебя, спасая жизнь.

— В ту ночь — возможно, но затем? Мы пришли в Долину, моего тела там не было, но было другое...

Он, казалось, не удивился, да я и не думал, что тэсса покажет свои эмоции, как это делают другие расы. Он некоторое время молчал, потом спросил:

— Почему ты так решил?

— Она говорила мне о каких-то опасностях, но у нее были свои причины привезти меня в Долину. И это было не для моего, а для ее блага.

Он медленно покачал головой.

— Послушай, инопланетник, она не послала бы тебя ни в одну опасность, которой не испробовала сама. Если бы ты не убежал, ты не оказался бы в такой беде, в какой я тебя нашел. Ни один Поющий из рода тэсса не получает возможность призывать силу, пока не побыва-

ет в меховой шкуре или оперении. Майлин прошла этим путем еще до того, как твой звездный корабль приземлился в порту Йрджара.

— А тот, что в Долине?

— Разве я говорил, что на пути не бывает никаких опасностей? Мы не убиваем живых существ в нашей зоне, но это не значит, что смерть обходит ее стороной. Маквед был в теле животного, а лорд пришел охотиться без нашего разрешения и послал роковую стрелу. Это был один шанс из десяти тысяч, потому что никто не ходил по нашей святой земле, и мы не остерегались. А что касается тебя, то подумал ли ты, что Майлин придется расплатиться за то, что она использовала нашу силу для помощи чужаку? Она искренне верила, что люди Осколда принесут твое тело в храм и все будет хорошо. Помни это...

— Но мое тело в Йрджаре.

— Да. И теперь нам нужен новый план, и я не отрицаю, что нужно торопиться. Твои друзья не поймут и в своем неведении будут лечить твое тело и тем убьют его.

У меня мороз пробежал по коже.

— Нам надо идти в Йрджар...

— Не сразу. Сейчас мы выехали из Йрджара. Мне удалось вывезти тебя из города только потому, что я обещал уехать с тобой подальше от населенных мест. Майлин знает или скоро узнает, где мы. Она приедет сюда, потом зайдет к твоему капитану, расскажет ему все, если он из тех, кто может поверить необычному рассказу. Затем мы контрабандным образом доставим тебя в порт, и Майлин исправит то, что было сделано. Но не знаю, — он нахмурился, — что обо всем этом подумают Старейшие, потому что это нарушение слов Правил и дает в руки тех, кто не из рода тэсса, тайное оружие, о котором мечтают наши враги.

— Разве равнинные жители не знают, что вы можете меняться телами?

— Нет. Подумай — эти люди не имеют понятия о духе, они знают лишь тело и мозг. Расскажи невеждам, что в этом мире живут такие, кто может превратить человека в животное, а животное в человека, и представь себе, что случится.

— Страх побуждает людей к убийству.

— Именно так. Начнется такая охота, что Тихие места утонут в крови. Мы уже знаем, что говорят о нас, от того инопланетника, Гека Слэфида, который собирался использовать это знание как рычаг для торга. То ли он выудил эту информацию у Осокана, то ли еще у кого, мы не знаем. Думаю все-таки, что не от Осокана, иначе песня Майлин не спасла бы тебя от гибели, его слуги убили бы тебя в любом облике — барска или человека. Никаких намеков от местных жителей пока не доходило. Теперь наши Старейшие ищут мыслью. Мы идем по узкому осыпающемуся краю земли над бездной.

— Здесь идут сражения, соседи Осколда пошли против него. Если один лорд ссорится с другими, не выигрываете ли вы время? — спросил я и рассказал о посланцах, которых я видел на холмах.

— Да, его соседи видят шанс скинуть Осколда, но как ты думаешь, не ухватится ли он за возможность оторвать их от своей глотки и кинуть на тэсса? Поэтому Гек Слэфид и молчит.

— Если вы обменяете меня обратно, я уеду с этой планеты и клянусь, что никто здесь не услышит об этом от меня.

Он хмуро посмотрел на меня:

— Старейшие позаботятся о том, чтобы языки зря не болтали. Конечно, чем скорее мы произведем обмен и отправим тебя с Йиктора, тем лучше. Сейчас Осокан и его приспешники объявлены вне закона. Они не могут жить только набегами, и ни одна рука не поднимется помочь им. Рано или поздно люди объединятся, выследят его и прикончат. Не знаю, какие оправдания получил Осколд от своего сына и поддерживает ли его хотя

бы тайно. Если он предполагает это сделать, он должен действовать очень тайно, иначе его собственные люди скажут ему, что он нарушал клятву, и оставят его. Объявление вне закона — не пустяк, и те, кто помогает такому отверженному, сразу же сами становятся проклятыми. Достаточно клятвы трех свободных арендаторов, чтобы осудить человека. Осколду хватает забот и с теми, кто вторгается в его земли.

— Теперь, значит, мы будем ждать Майлин, — вернулся я к своим делам.

Ссоры феодальных лордов не касались моего будущего, по крайней мере я так считал.

— Будем ждать Майлин. Затем она поедет в Йрджар, к твоему капитану. Как я уже говорил, многое зависит от того, насколько открыт его мозг. Возможно, ты передашь с ней что-нибудь, что подтвердит ее слова, — скажем, о каком-нибудь инциденте, который известен только вашим, а на Йикторе о нем никто знать не может. Если он примет ее рассказ, мы договоримся о дальнейшем.

У вольных торговцев открытый мозг. Они повидали так много в самых разных мирах, что не могут сказать: «Такого не бывает!» Но это дело несколько исключительное — может ли вера простираться так далеко? Намек Малика был неплох: я подумал над тем, что могло бы подтвердить рассказ Майлин и послужить мне на пользу.

Когда время становится главным фактором в жизни, оно может быть таким же тяжелым бичом, каким подгоняют рабов-гребцов на Горфе. Малик занимался животными, а у меня были только мысли, острые, как шипы. Они гоняли меня с места на место мимо костра.

Пища и питье, что давал мне Малик, видимо, содержали не только питательные вещества, но и стимуляторы, потому что я чувствовал удивительную бодрость, впервые с тех пор, как оставил Долину для напрасных поисков.

Малик покончил со своими обязанностями и сел перед огнем, повернув вниз лунную лампу. Я сел рядом с ним, желая уйти от всего, что давило на меня. Я неожиданно спросил:

— Почему тэсса выбрали бродячую жизнь?

Он посмотрел на меня, и его большие глаза, казалось, стали еще больше. Он ответил вопросом:

— А почему вы хотите путешествовать от мира к миру, не имея своего дома?

— Потому что я рожден и воспитан для такой жизни. Ничего другого я не знаю.

— Теперь знаешь. Мы, тэсса, тоже рождены и воспитаны для такого образа жизни. Когда-то мы были разными народами, родственными тем, кто теперь живет на равнинах. Затем наступил момент выбора. Нам был показан другой путь исследования. Но все в мире что-то стоит, и за этот новый путь пришлось платить. Это означает, что надо было вырвать собственные корни и отвернуться от всего, что казалось безопасным и нерушимым. Нас более не окружают стены, мы тесно сплотились одним кланом. Мы держимся в стороне от жизни других людей. И теперь равнинные жители смотрят на нас как на бродяг, не имеющих крова. Они не понимают, почему мы не нуждаемся в том, что им кажется ценным, и сейчас и для будущего. Они сторонятся нас. Время от времени они смотрят на то малое, что дал нам наш выбор, и держат нас в страхе, хотя и сами боятся нас. Мы участвуем во всей жизни, а они — нет. Ну, не совсем во всей жизни, кое в чем мы не принимаем участия: в росте дерева, в появлении листьев, в созревании плодов. Но мы можем взять птичьи крылья и изучать небо по примеру крылатых созданий, можем надеть меховую шкуру и побегать на четырех ногах. Ты знаешь многие миры, звездный странник, но никто из вас не узнает жизнь Йиктора, как знают ее тэсса.

Малик умолк и уставился в огонь, подкармливая его время от времени хворостом из кучи. Между нашими

мыслями возник барьер. Хотя у Малика не было того отрешенного взгляда, какой я видел у Майлин однажды ночью, я подумал, что он близок к такому же отрешенному состоянию.

Ночной воздух доносил до моего носа массу сведений. Через некоторое время я прошелся в темноте вокруг лагеря. Большая часть маленького народа спала в своих клетках, но некоторые были часовыми, и вряд ли кто-нибудь мог незамеченным пробраться в лагерь.

Майлин приехала перед восходом солнца. Я услышал ее запах раньше, чем до моих ушей донесся скрип колес фургона. Позади меня раздались одновременно сигналы и приветствия. Малик очнулся от своего забытья у почти погасшего костра, и я подошел к нему. Мы стояли рядом, пока Майлин ехала по полутемному лагерю.

Она смотрела на меня. Не знаю, чего я ожидал. Может быть, выговора за мое глупое исчезновение из Долины, хотя я не считал, что оно было глупым, если принять во внимание то, что я знал или подозревал в то время. В конце концов, как могут тэсса понять, что означают их обычаи для другого человека?

На ее лице была только тень усталости, как у человека, долгое время простоявшего на часах без смены. Малик протянул ей руку, чтобы помочь сойти, и она со вздохом приняла помощь. Я видел ее сильной, теперь она изменилась, но я не понял, как именно.

— На холмах всадники, — сказала она.

— Осаждают Осколда. — Малик пригласил ее к костру, снова раздув умиравшее пламя. Затем он вложил ей в руку рог, в который налил что-то из фляжки. Она медленно пила, останавливаясь после каждого глотка. Затем, прижав рог к груди, она сказала мне:

— Время не терпит, Крип Ворланд. На рассвете я выеду в Йрджар.

Я думал, что Малик запротестует, но она даже не взглянула на него, а уставилась в огонь и потихоньку отпивала из рога.

Глава 13

КРИП ВОРЛАНД

Было яркое утро. Крепкий, как вино, ветер освежал нос и глотку, солнечные лучи ослепляли, человек и животное чувствовали, что жизнь хороша. Еще до того как солнце осветило наш лагерь, Майлин села на верхового каза, которого Малик оседлал для нее, и поехала на запад. Мне очень хотелось бежать рядом с ней. Но здравый смысл, останавливающий меня, был крепче любых брусьев клетки.

Когда Майлин скрылась из виду, Малик прошел вдоль клеток, открывая дверцы, чтобы их обитатели могли входить и выходить по желанию. Некоторые еще спали, свернувшись меховыми шарами, другие моргали, просыпаясь. Вышли немногие. Симла толкнула дверцу плечом и бросилась ко мне, пронзительно визжа в знак приветствия, ее шершавый язык уже готовился ласково облизать меня, но Малик опустил руку на ее голову. Она сразу же посмотрела на него, припала к земле, взглянула направо и налево и исчезла в кустах.

— Что это? — спросил я тэсса.

— Майлин говорила, что на холмах люди. Может, они и не собираются нападать на Осколда. Где-то бродят объявленные вне закона.

— Ты думаешь, они нападут?

— Чтобы выжить, нужна пища, а достать ее они могут только одним способом, то есть силой. У нас очень мало запасов, но отчаявшийся человек будет драться за каждую крошку.

— Животные...

— Некоторые вполне могут быть мясом для такого отряда. Других просто убьют, потому что люди, лишенные надежды, убивают ради убийства. Если придет беда, маленький народ может спастись бегством.

— А ты?

Он сделал приготовления, словно считал, что набег вот-вот произойдет.

На его поясе висел длинный нож, который у жителя Йиктора считался обычной частью одежды. Меча у него не было, но в лагере я видел боевой лук. Теперь он улыбался:

— Я хорошо знаю местность, лучше, чем те, кто может напасть на нас. Как только наши часовые поднимут тревогу, налетчики найдут лагерь пустым.

Я догадался, что Симла была на страже.

— А ты, если хочешь... — продолжал Малик.

Почему бы и нет? Я бросился в кусты по примеру Симлы и пустил в ход нос, глаза и уши. Через несколько минут я оглянулся назад, на фургоны. Их было четыре — на одном, поменьше и полегче остальных, приехала Майлин. Три других Малик, видимо, привел из Йрджара. Но кто же правил ими? Ведь Малик был один, если не считать животных. Я задумался. Возможно, казы просто шли следом за тем фургоном, которым правил Малик.

Хотя клетки были вытащены из фургонов и расставлены вокруг костра, который все еще дымился, остальное имущество не было распаковано. Я смотрел, как Малик шел от фургона к фургону и делал что-то внутри каждого.

Возможно, он снова увязывал то, что можно было взять с собой. Я не мог понять, зачем Малик привез нас на эту опасную территорию. Я взбирался на холм, пока не нашел хорошо скрывающий меня кустарник. Хотя листья уже облетели, частая поросль, по-моему, отлично маскировала меня. Отсюда я видел лагерь и местность вокруг него. Дороги к лагерю тут не было, только следы колес фургонов были все еще видны на увядшей траве и на земле, и вряд ли можно было скрыть их сейчас.

Малик скрылся в одном из фургонов, не было видно и животных, вышедших из своих клеток. Сцена выглядела спокойной, сонной, убаюканной ожиданием.

Утихающий ветерок донес до меня легкий запах. Я стал принюхиваться. Симла, видимо, скрывалась

с южной стороны. На западе, надо думать, тоже были стражи.

Солнце плыло по безоблачному небу, играло совершенно по-летнему, хотя была уже середина осени.

Из фургона вышел Малик с коромыслом на плече, на крюках покачивались ведра. Он спустился к ручью. Мне отсюда не было видно ручья, я видел только вспыхивающие тут и там на воде солнечные блики. Затем громко залаяла Симла. Один раз.

Я выскочил из своего укрытия. Порыв ветра донес до меня предупреждение. Я прыгнул вниз, в густой кустарник, и пополз, хотя он жестоко кололся. Единственный военный клич Симлы — и больше ничего...

Ничего, только запах и звуки, которые человеческое ухо не могло бы услышать, но барск слышал их, как фанфары. Я выскользнул из кустов, пробрался ползком в лагерь и подлез под ближайший фургон.

Малик, шатаясь, поднимался по склону от ручья. Коромысло и ведра исчезли. Он спотыкался и скользил, одна его рука была прижата к груди, а другую он откинул, как бы пытаясь ухватиться за какую-то опору, но опоры не было.

Он упал на колени, дополз до клеток и медленно качнулся вперед. Между его лопаток дрожала от тяжелого дыхания стрела. Он попытался оттолкнуться от земли, но тщетно. Вскоре он затих.

Оставшиеся до сих пор в клетках животные, как по сигналу, выскочили и молча разбежались. Возможно, они и скрылись от человеческих глаз, но не от моих ушей и носа.

Я полз, хотя такой способ передвижения был трудноват для барска.

Кто-то поднимался с берега, пытаясь двигаться бесшумно, в чем, с моей точки зрения, мало преуспел.

Держась в тени фургона, я подбирался к костру. Малик не шевелился, но напавший на него был очень осторожен. Возможно, он не знал, что тэсса был в лагере

один, не считая животных. Я коснулся мозга Малика. Он был еще жив, но уже не осознал моего мысленного послания.

Я добрался до конца фургона. Здесь стояли клетки, но я не был уверен, что они достаточно высоки, чтобы укрыть меня. Может, мне лучше бежать открыто, изображая испуганное животное? Пока я раздумывал, слева от меня мелькнула рыжая полоса. Симла! Что она тут делает?

Она не остановилась возле Малика, а свернула к тому, кто был в разведке перед лагерем. Я вскочил и помчался за ней. Я еще не видел ее добычи, но услышал человеческий вопль и в следующий момент увидел яростную битву человека и венессы. Человек больше не кричал, а старался оттолкнуть ее зубастую пасть от своего горла.

Я прыгнул и рванул его, а Симла вцепилась ему в горло. В эти секунды я был больше барсом, чем человеком, во мне кипела дикая ярость, которую, кажется, нельзя было потушить.

Раздался крик, что-то просвистело так близко от моего плеча, что меня как бы обожгло. Симла все еще терзала свою добычу. Я прыгнул второй раз и опрокинул ее на землю своим весом.

— Оставь! — послал я мысленный приказ. — Оставь! Беги!

Снова пролетела стрела. Запах крови распалял мою звериную ярость, но я боролся против этих эмоций.

— Оставь, беги!

Я разинул пасть, чтобы схватить Симлу, тогда она выпустила свою жертву, посмотрела на меня сверкающими красным блеском глазами и зарычала, как бы отгоняя меня от ее законной добычи.

— Беги! — Я снова бросился на нее, и на этот раз она откатилась от мертвого тела. Она опять зарычала, но едва вскочила на ноги, как стрела вонзилась в землю в том месте, где она только что лежала. Симла злобно щелкнула зубами над дрожащей в земле стрелой и бросилась со мной вверх по холму.

Они продолжали стрелять, и я бежал зигзагами, надеясь, что Симла последует моему примеру. Мы прибежали в лагерь и оказались всего в нескольких футах от Малика, который лежал там же, где упал. Симла обнюхала его голову и жалобно завыла.

— Вперед! — настаивал я. Она обернулась, оскалила зубы, как бы собираясь броситься на меня. Затем красный свет в ее глазах погас, и она побежала со мной плечо к плечу между фургонами за пределы лагеря.

Я не имел представления, куда скрылись остальные животные, но улавливал их смешанный запах и подумал, что они пошли той же дорогой. Я даже не был уверен, сколько их и каких они пород.

— Наверх! — приказал я Симле. Она остановилась и оглянулась на лагерь. Ее обычно мягкий мех жестко топорщился на спине, голова опустилась между сгорбившимися плечами, когда она, рыча, морщила нос, виднелись окрашенные кровью клыки. Она сделала было шаг или два в обратном направлении, но затем снова повернулась и на дикой скорости повела меня в заросли.

Мы проделали немалый путь к вершине холма, пока наконец не остановились, измученные. Там мы легли и стали следить за лагерем. В нем были люди. Они пинали клетки, дверцы которых были открыты, тыкали мечами во внутренность фургонов, как бы выгоняя кого-то, кто там мог прятаться.

Из фургона Майлин выкинули ящики и разламывали их, доставая запас печенья и сушеного мяса. По нетерпению и жадности, с какими они пожирали эти запасы, было видно, что эти люди давно уже не видели пищи. Они оттащили тело Малика в сторону и затолкнули под фургон. Двое людей прошли вдоль линии казов, которые фыркали, рвались с привязи и лягали всех, кто приближался к ним.

Пустые клетки не давали людям покоя: они толкали их, переворачивали, трясли, будто не верили, что они пусты, и старались что-то вытрясти.

В разгромленный лагерь приехали еще трое. Один человек поддерживал другого в седле, а третий ехал сзади, прикрывая тыл. Теперь настала моя очередь зарычать: с тем, за кем так ухаживали, я встретился в пограничном форту. На лагерь напал отверженный отряд Осокана, и их вождь, видимо, недавно был крепко потрепан: его правая рука была привязана к груди, лицо было бледным и исхудалым. Это был жалкий призрак того самонадеянного князька, который пытался диктовать свои условия вольным торговцам.

Разграбление фургонов продолжалось. Люди вытаскивали содержимое ящиков и корзинок. Пища, видимо, была их первой заботой, и они жадно ели, а остатки складывали в седельные сумки. Затем некоторые пошли в юго-западном направлении и вернулись с верховыми казами. Некоторые казы хромали, и на всех лежал отпечаток тяжелого и долгого перехода.

Однако люди не спешили покидать лагерь. Они сняли Осокана с седла и положили на диван, вытащенный из фургона Майлин. Тот, кто поддерживал Осокана в пути, согрел воду на костре и взял на себя заботу о ране вождя.

Похоже, что Осокан больше не командовал, потому что по приказу того, другого, грабители принялись наводить порядок в том разгроме, который они учинили. Он встал на колено у фургона, под которым лежало тело Малика, и внимательно осмотрел жертву. Затем по его приказу тело тэсса вытащили и унесли в кусты.

Я почувствовал, как рядом со мной напряглись мышцы Симлы, услышал ее почти беззвучное рычание и послал ей мысль:

— Потом. Потом, подожди.

Я не знал, смогу ли удержать ее, но оценивал наше печальное положение. Майлин уехала в Йрджар и скоро должна вернуться, а, по всему, отщепенцы не собирались скоро покидать лагерь. Наоборот, они сложили все, что вытащили, назад в фургоны, убрали с глаз разграбленные ящики. Один прошел вдоль пустых клеток и не только

расставил их в прежнем порядке, но даже закрыл дверцы на щеколды. Когда все было сделано, офицер огляделся вокруг и кивнул. Насколько я понимал, они старались, чтобы лагерь выглядел нетронутым. Это могло означать только одно: они считали, что Малик — это еще не все тэсса, и устроили западню. Знают ли они о Майлин? Может, они выследили ее накануне и теперь ждали, чтобы захватить ее?

Я понюхал воздух. Многие запахи были мне знакомы. Маленький народ хотя и разбежался, но был недалеко. Мой нос обнаружил десять или двенадцать животных неподалеку от того места, где прятались я и Симла. Я попытался открыть им свой мозг и испытал слабый толчок. Животные не только собрались здесь все вместе, но и объединились в одной цели, чего я никак не предполагал у обычных животных, да еще разных пород. В их мозгах и мысли не было о побеге, они думали только о сражении.

— Нет! — Я старался передать им свою мысль от мозга в мозг, но они противились мне. Я ведь не Малик, не Майлин и не другой лидер, которого они признавали.

— Потом! — твердил я и приходил в отчаяние, что не могу повлиять на них. При дневном свете, против сильных вооруженных людей мохнатая армия почти не имела шансов на успех.

— Майлин! — Я мысленно нарисовал образ Майлин, какой я ее видел, облеченной силой, в рубинах и серебре, дирижирующей своим маленьким народом на сцене. — Майлин! — посылал я мысль. — Вспомните Майлин!

Симла заскулила очень мягко — она вспомнила. А как другие? Доберусь ли я до них? Я почти закрылся от мира света, звука, запаха, держал только мир мысли, рисовал Майлин, стараясь заставить их ответить на этот рисунок.

— Майлин!

И они ответили! Я уловил облегчение и возбуждение в этом ответе и сосредоточился на том, что собирался выдать им сейчас.

— Майлин идет.

Усиление возбуждения.

— Нет еще, — поторопился я исправить то, что могло вызвать роковое движение. — Но скоро... скоро...

Нечто вопросительное.

— Скоро. Те люди внизу — они ждут Майлин... — Я шел ощупью, пытаясь быть твердым, сознавая, что могу совершить ошибку, которая пошлет их туда, куда им нельзя идти.

Гнев, подъем ненависти.

— Мы должны найти Майлин, пока она не пришла сюда. — Я, насколько мог, нарисовал мысленное изображение Майлин, на этот раз едущей к лагерю. — Найти Майлин до того, как она приедет!

Эта мысль покатилась, как морская волна, от одного маленького мозга к другому. Теперь я знал, что они пойдут, но не к лагерю и врагам внизу, но далеко обойдут опасное место и направятся в западные равнины.

Я лежал на прежнем месте, продолжая наблюдать за лагерем. Хотя у меня не было военного опыта, я считал, что правильно интерпретировал действия врага. Осокана поместили в фургон Майлин, его опекун и страж спрятался там же. Остальные притаились в других фургонах или под ними. Один человек поил и кормил казов. Еще один, посовещавшись с офицером, исчез в западном направлении — разведчик, как я подумал. Я сказал Симле:

— Оставайся здесь, следи...

Ее губы поднялись над клыками.

— Останься... следи.

Ее первое возражение погасло, она заворчала.

— Не сражаться, следить... Майлин идет.

Ее согласие было смазанным, нечетким, не таким, какое я мог бы получить от Майлин, от Малика или другого человека. Мне оставалось только надеяться, что она останется в том же настроении, когда я уйду.

Моим первым объектом был разведчик. Я выполз из укрытия, мне надо было далеко обогнуть лагерь. Те, кто

спрятался там, наверняка недоумевали, что случилось со сбежавшими животными, и, надо думать, наблюдали как за двуногими, так и за четвероногими путешественниками.

Я не видел у отверженной банды никаких собак и считал, что никому из нас ничего не грозит, если только мы сами по глупости не обнаружим себя.

Так что когда между мной и лагерем лег порядочный кусок лесной местности, я понесся так, как было естественно для моего длинного тела, взяв курс на запад. Я рассчитывал пробежать по холмам, пересечь дорогу тому разведчику, напасть неожиданно и довольно далеко от лагеря, чтобы скрыть это от остальных бандитов.

Дважды я встретился с членами группы Майлин и спрашивал их о разведчике, но оба раза получал отрицательный ответ. Но я задерживался достаточно долго, чтобы внушить им необходимость скрываться, пока не встретят хозяйку.

Малика убили около полудня. Майлин должна была вернуться в лучшем случае через два дня. И я надеялся, что тем, кто устроил засаду, надоест пребывание в лагере. Стратегия, с помощью которой я поставил животных вне опасности, могла сработать, лишь бы только они не потеряли терпение и не вернулись в лагерь.

Захват разведчика может иметь двойную выгоду, размышлял я, продолжая свой поиск. Если человек не вернется, они могут послать другого — еще одна добыча — или подумают, что им тут грозит опасность, и уйдут.

Я спустился к реке и увидел там следы, оставленные бандой, когда она ехала к нам. Я вволю напился, перевернул носом один из камней, достал тамошнего жителя из его норки и закусил. На настоящую охоту не было времени, а тело требовало топлива.

Начало смеркаться, а я все еще бегал туда-сюда, подгоняемый запахом, глазами и ушами. Ход вражеского отряда легко прослеживался, хотя с тех пор прошло много часов. Но я до сих пор не нашел следов разведчика. За-

тем я вспомнил, что среди всех запахов один возникал снова и снова. Запах каза.

Я ошибочно связал его со старым следом, а ведь он был силен, как свежий. Я решил исследовать его поближе. Пятно на влажной почве объяснило мне все.

Оно сильно пахло казом, но отпечаток не был сделан копытом каза и вообще не походил на след какого-либо животного. Я в отчаянии сунул в него нос и глубоко втянул запах. Он был так силен, что почти забивал все остальные, потому что там были еще два запаха. Я снова принюхался. Сквозь сильный до зловония запах каза пробивался запах какой-то травы и человека. Вроде бы человек, желающий избежать тех, кому запах служит сильным помощником, натерся травой, чтобы отбить собственный запах, а затем надел сверху что-то пахнущее казом. Это могло быть ответом на загадку, и я принял такой ответ. Значит, следовать за этим «казом»...

Все еще сомневаясь в своих способностях пользоваться инстинктом барска, я двинулся дальше в своих рассуждениях. Возможно, животных нашей труппы можно таким образом одурачить. За этим стоял Осокан или офицер, принявший теперь командование. Они были умны и использовали этот способ как раз против того, что сделал я — против преследования. Я побежал по следу, идущему от этого неясного отпечатка. Запах был мучительно сильным, но я время от времени различал в нем другие запахи и не рисковал бежать за «казом» по прямой, потому что он то и дело пересекал ранние следы настоящих казов, очевидно, тех, на которых ехали отверженные.

Сумерки сгущались. След каза по-прежнему вел на запад, теперь уже по более открытой местности, где было очень мало укрытий и преследователя легко увидеть. Я сел и послал мысленный зов.

Первым ответ пришел с севера — либо Борба, либо Ворс. Я попытался спросить:

— Существо пахнет казом, но не каз. Где?

— Не каз? — ответили вопросом.

— Пахнет казом, но не каз, — повторил я.

— Нет, — был выразительный ответ.

Я снова послал зов и получил слабый ответ.

— Каз, но не каз?

— Каз... да...

Я повернул на юг. Может, это был фальшивый след, но я должен был проверить. И тут я открыл, что тот, за кем я охотился, был мастером в этой игре, потому что я снова дошел до свежей и резкой вони каза. Я так обрадовался, что нашел искомое, что подбежал и глубоко втянул в себя запах, прежде чем понял опасность.

Резкая боль заполнила мой нос, я подскочил вверх, затем сунул нос в землю, тер его лапами. Гнусный запах так пристал ко всей голове, что мои глаза наполнились слезами.

Я катался по земле, зарывал в нее нос, скреб его, пока тупыми когтями не порвал кожу. Я не чувствовал более никакого запаха, кроме этой вони, которая, казалось, стала частью моей плоти. И меня так тошнило, что я крутился и терся мордой об землю, пока, наконец, не заставил себя вспомнить, встал, и меня сразу вырвало.

Мой ум заработал не сразу. То ли тот, кого я выслеживал, подозревал, что за ним идут, то ли принял предосторожности на всякий случай, но он залил свой путь какой-то тошнотворной жидкостью, которая убила такое важное для меня чувство, как обоняние. Мои глаза все еще слезились, но все-таки видели, в носу болезненно пульсировало. Но у меня оставались глаза и уши и, возможно, помощь других животных.

Я снова послал зов. Откликнулись трое — с близкого расстояния. Я сообщил:

— Каз — не каз — человек, злой запах...

Быстрое согласие всех троих, видимо, запах дошел и до них. Издалека ответила Борба:

— Человек идет...

Я еще раз обтер голову о землю. Глаза слезились, но видели. Ночь создана для активности барска, для меня

тени не были густыми, как для человека. Я остановился за скалой, прислушался и ждал, забыв о своем злосчастном носе. Конечно, настоящий барск или другое животное удрали бы от такого оружия. Несчастье разведчика заключалось в том, что ему встретился не настоящий барск.

Он шел медленно. По виду походил не на человека, а на какой-то бесформенный тюк: скрывающая его шкура каза свободно болталась на нем. Я приготовился...

Время от времени он останавливался, вероятно, пытаясь разглядеть в темноте какие-то ориентиры.

Может быть, барск нападает с криком, я же молча метнулся вперед, нацелившись на ту часть приближающейся округлой фигуры, которую я считал своей лучшей мишенью. И каким бы ловким он ни был, я победил его неожиданностью.

Глава 14

КРИП ВОРЛАНД

Я совершил убийство по образцу, показанному мне Симлой, и, задыхаясь, лег рядом с тем, кто еще недавно ходил, дышал и был человеком. Я смутно удивлялся, что не чувствую тяжести содеянного мной, словно я был куда больше барск, чем человек. Я убил — но этот факт ничуть не задевал меня.

Мы, вольные торговцы, пользовались оружием для защиты, но никогда не несли с собой войны, предпочитая при затруднительных обстоятельствах обходные пути. Я видел мертвых и до того, как попал на Йиктор, но они в основном умерли своей смертью или от несчастного случая. Если же это было убийство, оно случалось только в результате ссоры между чужаками и отнюдь не касалось торговцев, и я не имел к нему никакого отношения.

Но в это убийство я был втянут, как, наверное, не вовлекались мои предки за целые века. Однако меня это не тревожило, и я даже был удовлетворен хорошо проделан-

ной работой. Правда, во мне шевельнулось опасение, что чем больше я останусь в этом теле, тем сильнее станет во мне звериное начало, пока наконец не останется только четвероногий Джорт, а двуногий Крип исчезнет.

Но сейчас не время было поддаваться страхам, и я поспешил отогнать тревожные мысли. Я предпочел обдумать то, что стояло непосредственно передо мной. Если я оставлю этого разведчика здесь, его может найти тот, кого пошлют за ним. Может, лучше ему исчезнуть вовсе?

— Мертвый — мертвый! — Из кустов вышел один из длинноносых большеухих зверей, которых я видел бьющими в барабаны на эстраде Майлин на ярмарке.

На его спине сидел всадник, загнувший колечком хвост. Оба они уставились на разведчика, и от них исходила волна удовлетворения.

— Мертвый, — согласился я, облизал лапы и потер ими все еще болевший нос.

Большеухий зверь понюхал тело, выразил отвращение и отступил. Я посмотрел на останки и решил оставить все как есть. На мягкой земле остались отчетливые следы. Оба существа посмотрели на меня с удивлением.

Их вопрос ясно читался.

— Оставить знаки — все против людей, — объяснил я, хотя вовсе не был уверен, что они поймут. Возможно, они повиновались лишь тогда, когда мое внушение совпадало с их собственными желаниями. Но насчет идей я сильно сомневался.

Они пристально посмотрели на землю, где я оставил свою подпись-отпечатки. Затем маленький спрыгнул со спины своего товарища и поставил обе передние лапки с сильно расставленными пальцами рядом с моими отпечатками. Встав на задние лапы и склонив голову набок, он осмотрел результат. Его отпечатки походили на следы маленьких человеческих рук.

Большеухий неуклюже прошелся взад и вперед, оставляя путаные следы своих ног с длинными пальцами. Затем маленький вновь оседлал его. Я осмотрел почву.

Пусть теперь разведчика найдут. Запись вокруг него заставит их призадуматься: трое совершенно разных животных, похоже, сообща разделали человека. Если враги поверят, что все животные лагеря выступают против них, им придется дважды оглядываться на каждый куст, каждое дерево, они будут ждать нападения даже из-под листвы. Трудно представить себе, что такая разношерстная компания животных могла объединиться против общего врага, это не в их природе. Однако тэсса имеют силу, которая уже и так держала равнинных жителей в страхе. Поставленные вне закона были людьми достаточно отчаявшимися, чтобы убить Малика. Возможно, теперь они решат, что против них действуют не только природные, но и сверхъестественные силы. А для людей, и так уже скрывающихся, такое соображение может оказаться гибельным и сломить их вконец.

Первое время мы шли, не только не прячась, а, наоборот, оставляя полные следы троих, путешествующих вместе. Потом мы стали скрывать следы: пусть следопыты решат, что мы растаяли в воздухе.

Заря застала нас в ложбине, где журчал ручей. Там были скалы, в которых мы и укрылись. Мои товарищи задремали, как и я, но были готовы в любой момент проснуться. Мы находились к востоку от лагеря и достаточно близко к тому пути, которым должна была вернуться Майлин. Но как скоро мы могли надеяться ее увидеть? Мой нос был все еще забит той вонью, и я ничего не мог уловить.

Это был необычный день: солнце скрывалось в облаках, но не было и намека на дождь, только туман закрывал горизонт. Создавалось впечатление, что за пределами видимости было значительное и, возможно, опасное изменение, независимо от того, что сообщали нам глаза. Мне очень хотелось, чтобы у кого-нибудь из нас были крылья и можно было бы полнее и лучше осмотреть местность.

Но если среди меленького народа и были птицы или какие-то летающие создания, я их не видел. Так что наш

обзор был ограничен. Самым удивительным в этот день был просто невероятный контакт с остальными разбежавшимися животными. Они так соединили свои мозги, что фрагментарные сообщения быстро шли по достаточно широкой линии связи, и я надеялся, что эта линия перекроет весь путь, по которому может вернуться Майлин.

Там были парные комбинации вроде той пары, что была со мной в ложбине — большеухие животные и их наездники. По-видимому, такое партнерство существовало не только на сцене, а оставалось и здесь. Отвечали все: Борба, Ворс, Тантака, те, кто барабанил на сцене, и те, кого я не мог опознать. Симла, видимо, оставалась у лагеря, как я просил, поскольку от нее ответа не было.

В этот день я обнаружил, удерживая и читая мысли маленького народа, что он не равняет тэсса с равнинными жителями, а рассматривает последних как естественных врагов, избегает их и относится к ним враждебно и презрительно. Тэсса же принимались маленьким народом сердечно, как родственники и надежные товарищи. Я вспомнил слова Майлин и Малика о том, что тэсса, готовящиеся стать Поющими, поселяются на время в тела животных.

В чьем теле жила Майлин, когда бегала по камням? Была ли она Ворсом, Симлой или кем-нибудь из тех, кто сейчас сопровождает меня? Имело животное выбор или назначалось? Или это происходило случайно, как со мной, потому что барск был болен и оказался под рукой?

В течение дня я дважды выходил на открытое место, скрываясь, как мог, и смотрел, нет ли каких-нибудь путешественников. При второй вылазке я заметил отряд, едущий к холмам. Но эти всадники были под знаменем какого-то лорда, вооруженные, возможно, только что завербованные, и они были довольно далеко к югу. Я знал, что никого из нас они не смогут увидеть.

К ночи наше нетерпение возросло. Мы держались на ногах, ходили по линии, которую сами наметили. Мне пришлось оставаться с пустым брюхом, потому что я не

мог унюхать дичь. Зато воды было достаточно, и я решил, что не умру, если похожу голодным.

К ночи пришло сообщение:

— Идет!

Я подумал, что только одна особа могла вызвать такое сообщение от тех, с кем я разделил ночное бдение. Я послал в ночь настоятельный зов:

— Майлин!

— Иду! — пришел ответ, тихий, шепчущий, если можно так сказать о мыслях.

— Майлин, — сообщил я по контрасту как бы криком, — беда... Берегись! Жди... Дай нам знать, где ты.

— Здесь. — Мысль прозвучала громче, и это было сигналом для нас выскочить из кустов и травы.

Она появилась в лунном свете на своем верховом казе. После сумрачного дня ночь была ясной, три кольца горели во всем своем великолепии. На Майлин был плащ, голова скрыта капюшоном, так что видели мы не женщину, а всего лишь темную фигуру на казе. Я прыжками бросился к ней.

— Майлин, беда!

— Что? — Ее мысленный вопрос снова опустился до шепота, будто вся сила ушла из нее и она держалась только усилием воли. Меня щипнул страх.

— Майлин, что случилось? Ты не ранена?

— Нет. Что произошло? — Ее вопрос прозвучал громче, тело выпрямилось.

— Люди Осокана напали на лагерь.

— А Малик? А маленький народ?

— Малик... — Я заколебался, не находя способа выразиться лучше. — Малик умер. Остальные здесь, со мной. Мы ждали тебя. В лагере засада.

— Так! — Это слово прозвучало как удар хлыста. Ее усталости как не бывало. — Сколько их там?

— Человек двенадцать. Осокан ранен, командование принял другой.

...В моей злобе присутствовала ненависть и что-то обжигающее, а в той волне эмоций, которая исходила от Майлин и теперь коснулась меня, был только холод, холод и смерть. Это была настоящая бездна, и я невольно подался назад, как будто уворачивался от удара.

Лунный свет заискрился серебром на ее жезле, и из него тоже полился свет, когда она подняла его перед моими глазами. У меня закружилась голова. А Майлин запела — сначала низким бормотанием, которое входило в душу, пульсировало в венах, нервах, мускулах. Пение становилось все громче, западало в голову, изгнало все, кроме стремления к цели, к которой она призывала нас, и делало из нас единое оружие, державшееся в ее руке крепче, чем меч в руках жителей равнин.

Я увидел, как серебряный жезл двинулся, и послушно пошел за ним, как и вся остальная мохнатая группа. Майлин и ее присягнувшие на мече выступили в поход.

Я ничего не помню из этого путешествия с холмов, потому что я, как и те, что шли со мной, был полон только одним стремлением — утолить жажду, вызванную во мне песнью Майлин, — жажду крови.

И вот мы тайно подползли к лагерю. Он выглядел пустынным, только казы били копытами и кричали в своих загонах. Но мы чуяли, что те, на кого мы охотимся, еще здесь.

Майлин снова запела — а может быть, во мне все еще звучало эхо ее прежней песни, — пошла вниз по склону, покачивая жезлом. Ночью жезл горел в лунном свете, и теперь, когда уже светало, он все еще сверкал, и из его верхушки капал огонь.

Я услышал в лагере крик, и мы кинулись туда.

Эти люди обычно имели дело с животными, которых считали низшими существами: охотились на них, убивали, приручали. Но животные, которые не боялись человека, которые объединились, чтобы убивать людей, — такого просто не могло быть, это противоречило природе, люди это знали, и необычность нашего нападения с са-

мого начала выбила их из колеи. Майлин продолжала петь. Для нас ее песня была призывом, поощрением, а чем она казалась изгоям — не знаю, но помню, как двое людей в конце концов бросили оружие и катились по земле, зажимая руками уши и издавая бессмысленные вопли. Так что расправиться с ними было нетрудно. Конечно, не всем нам повезло, но мы узнали об этом только после того, как песня кончилась. Мы остались в лагере и подсчитывали потери.

Я как бы проснулся после яркого страшного сна. Увидел мертвецов, и одна часть меня знала, что мы сделали, но другая проснулась и отогнала все воспоминания.

Майлин стояла тут, но не глядя на тела, а уставившись куда-то вдаль, как будто боялась смотреть на хаос, возникший вокруг нее. Ее руки безвольно повисли, в одной из них был жезл, но он более не мерцал живым светом, а был тусклым и мертвым. Ее лицо было пепельно-серым, глаза смотрели в себя. Я услышал жалобный крик.

К Майлин ползла Симла, на ее заду была большая кровоточащая рана.

Затем послышались крики и визг других раненых животных, пытающихся добраться до своей хозяйки. Но она не видела их, глядя в пространство.

— Майлин!

Страх закрался в мой мозг. Не было ли то, что стояло здесь, не обращая внимания ни на что, лишь пустой оболочкой женщины-тэсса?

— Майлин! — снова мысленно закричал я, собрав все силы.

Симла застонала, подползла к ногам Майлин и положила голову на ее пыльную обувь.

— Майлин!

Она шевельнулась, почти неохотно, словно не хотела возвращаться из небытия, державшего ее. Пальцы ее разжались, и жезл покатился в кровавую грязь, к мертвецам. Затем ее глаза ожили и взглянули на Симлу. С отчаян-

ным криком Майлин опустилась на колени и положила руку на голову венессы. Я понял, что она снова вернулась к нам. Теперь надо было перевязать раненых, посмотреть, что можно сделать для оставшихся в живых. Из людей не выжил никто. Я нашел ведро и принес воды, потом еще и еще: Майлин варила питье для раненых. Во время третьего такого похода мой нос, освободившийся наконец от захватившего его зловония, сказал мне об опасности: человеческий запах, сильный, свежий, уходил в кусты. Я бросил ведро и обнюхал след, но дальше не пошел, потому что пришел мысленный оклик, приглашающий меня вернуться.

По-моему, лучше всего было бы как можно скорее идти по этому следу, но я все-таки вернулся. Видимо, кто-то спрятался от битвы в фургонах, а даже один человек может залечь над склоном и перестрелять нас из боевого лука. Полный этими мыслями, я прибежал в лагерь. Прежде чем я успел сказать о своем открытии, Майлин обратилась ко мне:

— Я должна сказать тебе...

— Майлин, там... — хотел я прервать ее.

Почти величественно она отказалась слушать меня и продолжала:

— Крип Ворланд, я привезла из Йрджара плохие новости.

В первый раз за эти часы я вспомнил о Крипе Ворланде и его бедах, и меня испугала болезненность возвращения от Джорта к Крипу.

— Капитан «Лидиса» воззвал к закону ярмарки, когда тебя увезли люди Осокана, а твоего товарища ударили и бросили, считая мертвым. Его нашли, и он рассказал о том, что произошло, опознал клан похитителей. Дело дошло до Верховного Правосудия, и был предъявлен иск Осколду, на земле которого нашли твое тело. Тело привезли в Йрджар и решили, что твой мозг разрушен пытками Осколда. Врач «Лидиса» сказал, что оказать тебе помощь можно только дома. И вот... — Майлин сделала

паузу, ее глаза встретились с моими, но ничего не выражали, потому что она смотрела мимо меня, на что-то большее, чем Крип Ворланд или Джорт. — И вот, — начала она снова, — «Лидис» ушел с Йиктора с твоим телом на борту. Вот и все, что я смогла узнать, потому что в городе творится что-то страшное и тревожное.

Что-то подсказывало мне, что она говорит правду. Она говорила что-то еще, но все это уже не имело значения, и я не слышал, будто она говорила на другом языке.

Нет тела! Эта мысль билась в моей голове, звучала громче и громче, пока я не завизжал в том же ритме. Это были только удары, и я ничего не понимал. Теперь Майлин смотрела не в пространство, а на меня и, мне кажется, пыталась добраться сквозь этот грохот до моего мозга. Но ничто не действовало. Я не Крип Ворланд и никогда не буду им снова, я Джорт!

Я слышал звуки, я видел Майлин сквозь красный туман, ее большие глаза, шевелящиеся губы. Ее команды доносились откуда-то издалека, заглушаемые грохотом. Я был Джортом, я был смертью, я охотник...

Затем я шел по следу, что нашел в кустах у реки. Свежий сильный запах наполнил мои ноздри. Убить... Только ради убийства стоит еще немного пожить. Нельзя быть беспечным, барск коварен... барск...

Зверь с вековой хитростью овладел моим мозгом. Пусть Джорт будет полностью Джортом. Я отогнал, спрятал, как ненужные остатки, то, что когда-то было человеком, и следил за выходом зверя на его извечное дело — охоту. Я различал три разных запаха, смешанные вместе. Не казы — эти люди шли пешком. И вокруг одного был тошнотворный запах, говорящий о повреждении тела. Трое направлялись к холмам. Их можно выследить, но для этого потребуется хитрость. Туда носом, сюда носом, следить издали за всем, что может оказаться засадой. Возможно, человеческая хитрость все еще сочеталась во мне со звериной.

Похоже, они не могли подняться по более крутым склонам. Вероятно, раненому было трудно идти, потому что перед его следами шли более легкие следы.

Я нашел место, где они останавливались. Там виднелись окровавленные тряпки, которые я пренебрежительно обнюхал. Однако они упорно шли вперед, к границам земель Осколда. Я шел по следу захватчиков, и у меня и мысли не было, что у меня отнимут добычу.

Мой мозг постоянно что-то дергало издалека, хотя я поставил барьер против этого и отказался открываться зову. Я был Джортом, а Джорт охотился, и это было единственной реальностью.

Выше и выше... Я дошел до места, где были срублены два молодых деревца, а затем пошел по следу только двоих людей. Двое несли третьего, и их шаг замедлился.

Я бросился вслед, потому что вошел в овраг между крутыми склонами и подумал, что моя дичь может остаться внизу, но не понесся наугад, а пополз от одного укрытия к другому. Я не тыкался носом ни во что пахнущее, памятуя о трюке, сыгранном со мной разведчиком.

Настала ночь, а я все еще не видел их. Я даже удивился их способности уйти так далеко с грузом — разве что они оставили лагерь еще до нашей атаки. Луна помогала мне, где отчетливо выделяя пейзаж, а где пряча его в тени, что скрывало мое продвижение.

Наконец я увидел их. Двое стояли, прислонившись к скале. Затем один соскользнул на землю и сел, опустив голову на грудь и безвольно уронив руки между вытянутых ног. Другой тяжело дышал, но оставался на ногах.

Третий вытянулся на носилках, издавая слабые стоны.

Двое обессилены, решил я, но за третьим, стоящим, следовало внимательно следить. Наконец он пошевелился, встал на колени и поднес фляжку к губам лежащего на носилках, но тот махнул рукой и с резким раздражающим криком оттолкнул фляжку. Она ударилась о камень и разбилась.

На камне остались темные брызги. Тот, кто держал

ее, хрипло заворчал, стал собирать осколки, затем поднял голову и дико огляделся, как будто искал в окружающей их дикой местности что-то, что могло бы избавить его от несчастья.

Все это время сидящий не шевелился. Он медленно покачивал головой из стороны в сторону, как бы вглядываясь в темноту. Затем он встал, опираясь о скалу. Теперь луна освещала его лицо, и я узнал в нем того, кто охранял Осокана с тыла, когда они вели своего раненого лорда в лагерь тэсса. Я узнал и другого: он выполнял волю своего лорда в тесной камере пограничного форта.

Крип Ворланд... Кто такой Крип Ворланд, что призывает Джорта барска к мести? Не важно... Главное — убить...

Поскольку я рассматривал их как свою добычу, я выскочил на открытое место, издав боевой клич своей породы — глубокий грудной вой. Тот, кто лежал на носилках, скорее всего, был беспомощен, а двое других пусть сражаются за жизнь. Это был самый лучший путь.

Я прыгнул на стоящего человека. Видимо, его отупевший мозг и уши не известили его о моем присутствии раньше, чем я всем своим весом ударил его в грудь, сбил с ног, и мои клыки нацелились куда надо. Легкая добыча!

Я грыз его и рвал, затем вскочил и встретил второго. Он ждал, полусогнувшись, между мной и носилками, в его руке был меч, сверкающий в лунном свете. Человек закричал. Был ли то военный клич или призыв на помощь — какое мне дело? Это не для моих ушей и меня не касалось.

Меч ожил, и мы закачались друг перед другом в сложном рисунке какого-то ритуального танца. Я все время заставлял человека вертеться и раскачиваться, и это помогло мне, потому что смертельная усталость сковывала его члены. Наконец мои челюсти сомкнулись вокруг его запястья, и меч выпал. За этим последовал быстрый конец.

Задохнувшись от этого танца смерти, я повернулся к носилкам. Тот, кого несли на них, теперь сидел. Мо-

жет быть, страх поднял его ослабевшее тело и вернул ему энергию. Я увидел, как дернулась его рука, вспышка света мелькнула в воздухе и ударила меня между шеей и плечом, уколола сильно и глубоко, как нож. Но поскольку человек не убил меня сразу, он не спас себя.

И вот я лежал среди своих мертвецов и думал, что скоро здесь умрет и Джорт, барск, который только частично был человеком. Это был хороший конец для того, кто не имел больше надежды вернуться назад по странной тропе, приведшей его в это время и место.

Глава 15

МАЙЛИН

Весы Моластера. Давно — ночи и луны назад — я вступила на этот странный путь в согласии с весами Моластера. Но теперь они вышли из равновесия, как всегда бывает, и вместо добра мои усилия приносят зло.

Удивительно, как много зла таится в надежде на добро. Я думаю, что Моластер оставил меня и я брошена в прилив и не могу выплыть. Видимо, я чересчур верила в себя и в свои силы и теперь за это наказана.

Я стояла в лагере среди мертвых — и врагов, и моих маленьких существ, и смотрела вокруг, зная, что все это началось частично из-за меня, из-за моих действий, за которые должна была бы отвечать только я. Некоторые думают — может быть, и правильно, — что мы всего лишь игрушки в руках великих сил и движемся туда-сюда не по собственному желанию. Но если такая вера успокаивает чье-то сердце и отгоняет чувство вины, она не поддержит того, кто знает дисциплину Поющих. Я, например, отказываюсь в это верить.

Мой дух оплакивал маленький народ и Малика, хотя я знала, что Белая Дорога не тяжела для тех, кто в близком содружестве с нами. Иногда гораздо тяжелее возвращаться к этой жизни, чем пройти через ворота на доро-

гу, которая ведет куда-то в другое место. Мы не должны позволять себе горевать о тех, кто ушел: ведь они только снимают старые одежды и надевают новые.

Это относится и к моему маленькому народу. Но те, кто еще страдает... ах, я также чувствую их боль, их лихорадку, их несчастья. Я должна также нести груз жизни и для другого — того, кто убежал из лагеря с такой грозой в душе, какая бывает у человека, идущего на смерть. Я должна найти его, если смогу, потому что я в огромном долгу перед ним.

Я подозреваю худшее — что в глубине души я желала именно такого конца. И если такие сильные желания взвешиваются на весах, они влияют на происходящее. Хотя я не воплощала эти желания в жизнь пением, могу ли я быть уверенной, что бессознательно не влияла на будущее?

Я знаю, что я могу предложить один выход человеку, который был Крипом Ворландом из другого мира, и если он его примет, то...

Я говорила моему маленькому народу успокаивающие слова, говорила им то, что должна была сказать, и пела над жезлом, хотя был еще день, а не ночь, поскольку не могла ждать темноты. Затем я накормила и напоила тех, кто так долго был моими товарищами. После этого я села с Симлой и сказала ей, куда я должна уйти и почему. Солнце заходило, когда я вышла из лагеря.

Без силы моего жезла я не нашла бы след. Но когда Крип Ворланд входил в тело Джорта, жезл помогал этому и мог теперь найти его, куда бы он ни ушел по земле Йиктора. Я взяла с собой рюкзак с продуктами, поскольку не знала, далеко ли придется идти, хотя и чувствовала, что Джорт близко.

Поразмыслив, я отказалась от того, чтобы искать его мыслью: может быть, он теперь закрыл свой мозг для меня, а может быть, мой зов отвлечет его как раз тогда, когда ему понадобятся вся его ловкость и хитрость для спасения собственной жизни. Я была более чем увере-

на — он не просто бежал куда глаза глядят, когда узнал правду, он, скорее всего, ушел искать битвы. И вполне возможно, что он намерен умереть в этой стычке.

Когда мы принимали форму маленького народа, мы всегда знали, что одновременно принимаем и свойственные им мерки. А когда человек находится в таком состоянии, в каком был Крип Ворланд, он реагирует в новой форме самым диким образом. Из всех животных барск — самый хитрый, умный и свирепый, и эти три качества резко отличают эту породу от всей другой жизни на Йикторе. Только потому, что барск был болен от дурного обращения, я и могла работать с ним, пока в мой лагерь не пришел Крип Ворланд.

Вот почему я была уверена, что создание, которое я ищу, стало на время диким охотником. Он наверняка преследует какого-нибудь беглеца из банды Осокана. Среди убитых не было тела Осокана, возможно, теперь он и служит приманкой. А сколько людей с ним? Все, кого мы застали в лагере, теперь покойники, но ведь захватчиков могло быть и больше.

Дорога вела к границам владений Осколда. Настала ночь, и с ней пришла луна, всегда помогавшая тэсса. Я запела — не словами, выводящими мою силу наружу, а внутренне, спрашивая, почему жезл не указывает направление. И я не устала, потому что жезл цвел и тем питал мой дух.

Когда поешь, не думаешь ни о чем, кроме цели, образующей ноты. Я шла с единственным желанием — найти потерявшегося. Если Моластер поможет мне хоть самую малость, все еще может кончиться хорошо.

Дорога вела меня вверх, но все вокруг меня было в темноте. Я не была более в устойчивом мире: луна воевала с тьмой — то та, то другая захватывали полосу земли. Я шла быстро, потому что тот, кого ведет песня и жезл, не может тащиться нога за ногу.

В предрассветных сумерках я вошла в долину, где господствовал запах смерти, устрашающий дух. Я увидела

тела трех людей. Двоих я не разглядывала, потому что не знала их, а третий был Осокан. Когда я подошла к тому месту, где он лежал на грубых носилках, как будто ему так и полагалось по рождению, я увидела того, за кем пришла.

Я поискала мысль, боясь найти молчание мертвого тела. Но нет! Дух слабо мерцал, но все еще держался! Я успела как раз вовремя.

Воткнув жезл в грязную землю, я послала пламенную благодарность Моластеру, а затем осмотрела раны в красном мехе, таком близком по цвету к крови, что страшно было смотреть.

Серьезная рана была только одна, причиненная глубоко вонзившимся поясным ножом. Он так и торчал в ней. Я стала работать, как никогда еще не работала. По отношению к моим маленьким существам я действовала из любви и жалости, а здесь я должна была спасать разум, чтобы последний шанс для каждого из нас не был потерян. Я победила смерть своими руками, своим знанием и силой песни.

Обычно мы боремся со смертью, не переходя последней баррикады. Среди тэсса не встретишь таких, кто посягнул бы на свободу другого и отрицал бы его право на Белую Дорогу, если тот уже сделал по ней первые шаги.

Вытаскивать его обратно с дальнего пути — это значит повредить его будущему. Но в данном случае речь шла не о тэсса. Я встречала расы, разделявшие наш взгляд на Великий Закон. Для некоторых же народов, я знаю, смерть считается полным уничтожением, и они относятся к ней с ужасом, омрачающим им жизнь. Я не знала, как Крип Ворланд смотрит на смерть, но была убеждена, что он имеет право сделать свой выбор — видеть ли в смерти врага или врата. Поэтому я старалась для него, как ни для кого из своих.

Дух еще жил в нем, но останется ли он, смогу ли я его удержать, об этом я боялась думать. Ранним утром я снова запела, на этот раз громко, призывая всю силу,

которую могла собрать. И под моим жезлом слабое биение сердца усилилось, и я поверила, что нить стала более крепкой. Наконец я подняла безвольное тело. Оно оказалось легче, чем я думала. Я почувствовала кости под шкурой, как будто Джорт долгое время голодал.

Мы возвращались через холмы, и я все время пела и пела, борясь за жизнь существа, которое удержала на земных путях.

Когда мы пришли в лагерь, маленький народ так обрадовался, что нарушил мою сосредоточенность своими криками и мыслями. Я опустила Джорта рядом с Симлой. Она все еще была жива, на что я не надеялась. Я снова перевязала ее рану, но видела, что Симле осталось недолго. Я взяла ее обеими руками за голову, как делала часто, и задала ей Вопрос. Она долго сидела так, а потом дала Ответ. Остальные сидели вокруг и тихонько повизгивали. Ведь маленький народ — не тэсса, им нужно много мужества, чтобы дать такой Ответ, они не верят, как мы. Я вызвала у Симлы самые лучшие воспоминания и пустила ее блуждать по ним, в то время как вся боль ушла из ее тела. Симла была довольна и счастлива. И в наивысший момент ее счастья я дала освобождение согласно Ответу. Но в меня будто вонзился меч, потому что память и горька, и сладка, и это стало добавкой к моей тяжести.

Я завернула Симлу — ту ее часть, которая больше не имела отношения ни к нам, ни к той части, что освободилась, и положила среди скал. Джорт крепко спал. Если возможно выздоровление, то оно начнется...

Затем я осмотрела лагерь, зная, что должна уйти и найти помощь, если смогу, и сделать это быстро. Потому что, если пришел Осокан, могут прийти и другие. Поев сама и накормив маленький народ, я занялась приготовлениями к отъезду.

Один из фургонов пришлось оставить, и я взяла из него все, что могло нам понадобиться. Грабители многое уничтожили, но все, что осталось из пищи и лекарств, я

погрузила. Клетки маленького народа я поставила в два фургона и удобно устроила их обитателей. Джорта я положила на мягкий мат за своим сиденьем в передней части фургона и приказала казам отправляться.

Фургоны следовали один за другим, так что задним фургоном не было нужды управлять.

Солнце светило неярко, потому что уже приближалась зима. Каждый сезон имеет свое очарование. Некоторые считают осень печальным явлением, потому что многое, жившее при жаркой погоде, как бы умирает и исчезает с земли, и приход зимы страшит их. Но ведь у каждого времени года своя жизнь и энергия, и каждый сезон имеет какие-то свои преимущества перед остальными.

Для тэсса зима — время отдыха, встреч членов клана и духовного общения, время суда и обучения. И в этом году я, Майлин, предстану перед судом моего народа. Но пока еще осень не ушла из страны. Хотя искра жизни Джорта чуть тлела, она все еще не погасла.

Дважды издали я видела отряды всадников, но даже если они и видели мой маленький поезд, они не обратили на нас внимания, потому что искали не меня. Может быть, было и к лучшему, что мы ехали открыто, средь бела дня, ведь тэсса всегда были чужаками для равнинных жителей и известными бродягами, а ночное путешествие могло возбудить подозрения.

Казы, хорошо отдохнувшие в лагере и вдоволь накормленные и напоенные, уже много часов шли небыстрым, но ровным ходом, и я намеревалась проехать больше того расстояния, что обычно проходили за день. Я спешила, потому что время было мне не другом, а страшным врагом. Иногда я останавливалась и смотрела на свой народ. Больше всего мне не хватало Симлы.

Она значила для меня больше, чем другие, потому что нас связывал давний обмен. Эту связь нельзя объяснить словами. Никто другой не смог бы заменить мне Симлу. Если бы я ушла из жизни раньше ее, она тоже чувствовала бы такую же пустоту.

Интересно знать, если Крип Ворланд снова получит свое тело, а дух барска вернется в свою законную оболочку, будет ли этот инопланетник считать себя объединенным с другой формой жизни? Никто из его рода не испытал такого обмена.

Мы опять ехали в Долину. Теперь я думала о Старейших. Что случилось с нашим посланием из Йрджара? Малик говорил мне, что ответа не было. Придет время, которого я не могу и не хочу избежать, когда я должна буду предстать перед собранием, рассказать обо всем, что сделала, и обосновать сделанное. Однако я не верю, что мои причины будут достаточно сильны, чтобы противостоять весу гнева Старейших.

Я изгнала эти размышления из своего мозга, потому что темные мысли навлекают несчастья. Вместо этого я собрала все, что могла, для блага, и выбрала растущую песню, ибо рост — близкий родственник выздоровления и, может быть, один — часть другого. Казы по-прежнему шли к Йим-Сину, я пела для Джорта и для маленького народа. В такой песне вся энергия связана в единую волю-желание, но может и распасться, если понадобится.

Наступила ночь, и я увидела в темноте отблеск огня, указывающий на какое-то насилие. За холмами лежала страна Осколда, мы ехали сейчас по равнине. Может быть, Осколд объявил войну захватчикам, а может, распространилась какая-то давняя ссора. Я вспомнила разговоры, слышанные в Йрджаре, о том, что «Лидис» ушел с планеты, чтобы избежать какой-то опасности.

Во время войн равнинных жителей тэсса, следуя древнему правилу, поднимались в горы, в безопасные места. Так что, думала я, возможно, и другие фургоны движутся в эту ночь, но не рискнула послать мысль. Я пела, и в песне было больше силы, чем обычно, так как мы ехали под Луной Трех Колец.

Я поняла это, когда повернулась на сиденье и подняла свой жезл над исхудалым телом барска. И почувствовала, как он ходит вверх и вниз, не касаясь ни кожи, ни

меха, и изменяет всю энергию за одно движение. Моя рука устала, во рту пересохло, горло саднило. Я отодвинула жезл в сторону и наклонилась. То, что было чуть мерцающей искрой, теперь горело ровно. Я слишком устала, чтобы посылать мысль, но теперь знала, что это чуть не погибшее создание будет жить. И с возвращением жизни наверняка будет принято и то, что я могла ему предложить.

Мы остановились у поворота на главную дорогу в Йим-Син. Я выпустила тех животных, которые хотели побегать, и занялась оставшимися. Борба прибежала с сообщением, которое немедленно выгнало меня из фургона на дорогу.

Мой нос не мог ощущать того, что было ясно написано для моего маленького народа, но и мои глаза видели, что по этой дороге проехали большие отряды всадников. Я не чувствовала запахов, как мои животные, но зато улавливала в воздухе нечто другое. Здесь проехали опасность и злоба, причем проехали недавно. Ехать за ними могло быть опасно.

Однако выбора у меня не было. Что выслеживают эти люди? Всем известно, что эта дорога ведет только в Долину, а этого места остерегались, туда ехали только те, кого посылал рок. Я не могла поверить, что какой-то всадник поедет туда добровольно. Была только одна причина, которая могла объяснить такое безрассудство и пренебрежение обычаями: Долина имела два выхода — с запада, с той дороги, где мы сейчас находились, и с востока, где путь шел через земли Осколда. Неужели какой-нибудь из его врагов, движимый безумной ненавистью, решился ввести своих людей в Долину, чтобы выйти затем в центр владений Осколда? Для вождя такое оскорбление обычаев было почти невероятным, однако во время диких войн творилось и худшее, что потом удивляло людей, оглядывающихся назад и не способных поверить, что такое было. Людей вело безудержное желание победы над врагами, и они сметали все, что случайно попадалось на их пути.

Я думала о тишине и покое Умфры и о тех, кто хранил этот покой несчетные годы и теперь не мог поверить, что кто-то может смутить его. Они могли оказаться в роли насекомых под чьими-то неосторожными шагами.

Конечно, всего этого могло и не быть. Да у меня и не было другого пути, так что я собрала свою компанию, накормила и напоила ее, и мы стали ждать луны. В эту ночь мне нужна была луна, она поднимала и укрепляла мой дух, давала мне силу.

Луна взошла, ее не закрывали облака, но ее свет тускнел от огней внизу. Я увидела это и закусила губу: огонь поднимался от Йим-Сина, и такие красные цветы выращивала только война. То, чего я боялась, действительно было!

Я снова запрягла казов и выехала на дорогу. По ее гладкой поверхности мы ехали быстрее. А, собственно, зачем торопиться? Приехать в горящие развалины разграбленного Йим-Сина? У меня был свой род оружия, но оно не для таких баталий.

Можно было свернуть с дороги. Впереди была некая точка, от которой я могла добраться до безопасной высокогорной области. Если весь Йиктор сошел с ума, здоровым лучше собраться вместе и отсидеться — пусть остальные уничтожают друг друга.

Позади послышалось то, за чем мои уши внимательно следили, — слабое движение мата. Я оглянулась. Глаза барска были открыты, но никаких признаков разума в них не блестело. Меня кольнул страх — неужели Джорт действительно взял верх, а человек ушел в небытие? Иногда случалось, хоть и редко, что человек не мог пересилить звериную природу.

— Крип Ворланд! — мысленно окликнула я его, резко, как призыв к оружию, со всем своим мастерством.

Его глаза были пустыми, в них ничто не жило. Как будто я снова смотрела на барска, которого я отобрала у Отхельма, на животное, глубоко пораженное бедствиями и уже уходящее из жизни.

— Крип Ворланд! — еще раз воззвала я к его мозгу.

Его голова шевельнулась, как будто он хотел избежать удара. Он и в самом деле отступил, его мозг был так же далек от меня, как его жизненная сила была далека от прежней.

— Крип Ворланд! — Я подняла жезл, подставила под лунный свет и опустила на голову барска.

У него вырвался крик боли и ужаса, такой плач, какого я никогда не слышала ни от одного животного, и мой маленький народ ответил ему, каждый на свой лад. Барск пытался встать, но я положила руку на его плечо, стараясь не касаться раны, и под давлением он лег снова.

— Ты — Крип Ворланд! — Я выпустила каждое слово, как стрелу из лука, вбивая в его мозг и крепко удерживая, чтобы они не выскочили. — Ты человек! Человек!!!

Он снова взглянул на меня глазами животного, но в них уже было что-то иное. Отвечать он не пытался. Если его оставить в покое, он снова уйдет. Я не могла допустить этого, потому что не была способна вернуть его к жизни вторично.

— Человек, — повторила я. — И пока человек жив, живо и его будущее. Клянусь тебе... — Я поставила пылающий жезл между нами и увидела, как его взгляд переходит с жезла на меня и обратно. — Я клянусь тебе силой этого жезла, а меня такая клятва связывает больше, чем жизнь или смерть, что еще не все потеряно!

Достаточно ли он готов принять эти слова, понять их, а поняв, поверить?

В это время и в этом месте я ничего больше не могла сделать, остальное зависело только от него самого. А что я знала о движущих силах инопланетников и могла ли указать ему ту или иную дорогу?

Долгую-долгую минуту я боялась, что все пропало, что он понял, но не поверил.

— Что осталось? — Его мыслеречь была очень слабой, я с трудом ухватила ее.

— Все! — Я торопилась поддержать и укрепить контакт.

— А что — все?

— Временно — новое тело, человеческое тело. В нем ты можешь беспрепятственно отправиться в Йрджар. Там ты либо последуешь в космос за своим кораблем, либо найдешь способ вызвать его за тобой на Йиктор.

Примет ли он это?

— Какое тело?

Меня подбодрило, что его мысль окрепла. Он больше не отталкивал контакт со мной, как вначале.

— Оно ждет нас.

— Где?

— На холмах.

Я надеялась, что говорю правду. Я должна верить, что это правда, или все пропадет. Он посмотрел мне в глаза.

— Ты, видимо, имеешь в виду то...

Контакт снова ослабел, но на этот раз не по его воле, видимо, ослабело тело.

— Да. Но ты серьезно ранен, тебе надо спать.

Я была больше чем уверена, что, пока он так слаб, надо отложить решение или немедленные действия. Он снова положил голову на мат, закрыл глаза и уснул. Фургон ехал дальше. Мне было не до сна. Я не могла подвергать опасности маленькие жизни, тесно связанные со мной. Один раз я воспользовалась ими, приняла их помощь. Теперь же надо было отправить их в безопасное место. Как только мы доедем до поворота в наше высокогорье, мы разделимся. Я вложу в мозг казов программу их движения на день-два. Затем, конечно, если тэсса не уловят сигнал бедствия, который я тоже пошлю, животные могут уйти в пустынные места для безопасности. Это было лучшее из того, что я могла сделать для них.

Все шло так, как я планировала. Я оставила один фургон, а два отправила, вложив приказ в мозг казов. Через несколько часов он мог ослабеть, но я дополнительно включила маленький механизм, который заставит их

держать направление к возвышенности и известит тэсса, что животным нужна помощь. Они были в незакрытых клетках, я оставила им пищу и воду.

Я долго смотрела вслед фургонам. Когда они скрылись из виду, я вернулась в свой фургон. Джорт все еще спал. Нас везли два самых лучших каза, приспособленных к тяжелой работе. Я посмотрела на далекий огонь. Он несколько потускнел. На заре следующего дня мы попадем в опасность, но в чем она заключается, я не пыталась угадать.

Глава 16

МАЙЛИН

Как и всем тэсса, возвышенные места нравились мне больше, чем равнинные, где иногда трудно дышать, где столько пыли от земли и от людей с их тупым мозгом и тяжеловесными мыслями. Я не знала, откуда пришла наша раса: наша история так длинна, что ее начало затянуто туманом. Некоторые считают, что мы, возможно, и не с Йиктора, а происходим из другого мира, на этой планете мы чужаки, как тот инопланетник, что едет со мной. Но если это и так, мы здесь уже настолько давно, что даже легенд о нашем прибытии сюда не осталось.

Когда мы еще жили под крышами, наши города располагались в горах, поэтому мы без затруднений остались наверху, когда другая раса пришла из-за моря и поселилась здесь, на равнинах. Для них были низины, для нас — высокие места.

Теперь, когда фургон поднимался к Йим-Сину, моему сердцу стало чуть легче, как бывает с каждым странником, когда он входит в страну, где его рады видеть. Но одновременно возрос и страх. Будь здесь Симла, она могла бы разведать все, была бы моими глазами и ушами. Но никто не мог заменить мне ее.

Солнце вставало, но было скрыто вершинами холмов, так что для нас не было ни полного света, ни тепла.

Я поела, не останавливая фургона, но больше не пела, потому что моя сила упала после всех призывов, которые я сделала за последние несколько часов, а то, что осталось, могло понадобиться в качестве оружия. Мы все еще видели следы отряда, прошедшего перед нами.

На склонах холмов были виноградники. Их листья увяли и покраснели. Но не было ласкового ветерка, шевелящего листья, только запах гари. Я уже угадывала, что найду в Йим-Сине.

Дым все еще тянулся из куч золы. Из зернохранилища валили маслянистые клубы. Я намочила шарф и завязала нос и рот. Глаза ело. Огонь пощадил только храм Умфры, но большие ворота криво висели на петлях, и было видно, что их протаранили. Йим-Син был захвачен внезапно, горстка его обитателей ухитрилась добраться сюда в надежде, что святыню не тронут.

Эти убийства и разрушения были так бессмысленны, как будто сделавшие их были оболочками людей, причем куда более скверными, чем любой человеческий дух, обитающий в этих оболочках. Каким же может быть человек, когда он сбрасывает всякий контроль над зернами жестокости и зла, живущими в нем! Я — Поющая и для получения своей силы прошла через множество проверок и испытаний. Я из рода тэсса, народа, давшего обет мира. То, что я увидела в Йим-Сине, превосходило всякое понимание. Меня трясло и тошнило, я не могла поверить, что это сделали называющие себя людьми.

Если такое случилось с Йим-Сином, то что же с Долиной? Правда, в Долине была стража, готовая грудью защитить тех, кто жил там. Может быть, стражники унесли их, чтобы спасти от убийц?

Я пошла обратно к фургону и дала приказ казам. Джорт поднял голову и взглянул на меня:

— Что случилось?

Я откровенно рассказала ему о том, что нашла здесь, и добавила, что смерть идет перед нами.

— Кто? Почему?

— Ничего не могу сказать. Предполагаю только, что враги Осколда идут на него через Долину.

— Я думал, что Долина и ее дороги священны, неприкосновенны...

— Во время войны богов оскорбляют или забывают. Так бывает часто.

— Но как могли равнинные жители сделать такое только ради того, чтобы потихоньку напасть на лорда? — настаивал он.

— Я думала об этом, но не нашла ответа. Прошлой ночью на равнине пылали пожары. Я предполагаю, что это не просто вторжение в земли Осколда, конфликт распространился гораздо шире, и, может быть, уже вся страна в огне и крови. То, что я видела здесь, не отвечает здравому смыслу. Объявленные вне закона могут совершать такие акты, но их банды не столь велики, чтобы напасть на городок, да и кто эти отщепенцы? Ведь Осокан и его люди умерли.

— Но мы пойдем туда, в Долину?

— Я поклялась тебе, — устало ответила я. — Я сделаю все, что могу, чтобы хоть как-то исправить сделанное. Смогу ли — ответ на это в Долине.

— Ты хочешь предложить мне тело Макведа?

Меня не удивили его слова. Он не глуп, а сложить два и два не так уж трудно.

— Да, тело Макведа, если ты согласен. Затем ты можешь пойти в Йрджар, и я пойду с тобой. Мы все расскажем, на твой корабль сообщат, и он, конечно, вернется.

— Очень уж много «если». Скажи, Майлин, почему ты отдаешь мне его тело?

— Потому что оно — единственно возможное, — медленно сказала я.

— У тебя нет других причин? Например, желания, чтобы Маквед снова жил?

— Маквед умер. Осталось только то, что пока поддерживает жизнь, — тусклый образ.

— Значит, вы, тэсса, отделяете человека от тела?

Я не совсем поняла, что он хотел сказать.

— Ты — Крип Ворланд. Разве ты чувствуешь себя менее Крипом Ворландом, раз находишься в другой внешней оболочке?

Он молчал, обдумывая. Я надеялась, что правильно ответила на его мысль. Если он согласится, что главное — не тело, а то, что в нем живет, тогда обмен не будет таким тяжелым для него.

— Значит, вашему народу все равно, какое тело вы носите?

— Конечно, нет! Я была бы безумной, если бы утверждала подобное. Но мы верим, что внутренняя часть неизмеримо выше внешней, она и составляет нашу истинную сущность, а внешняя часть — только одежда для глаз и чувств. Внешняя оболочка Макведа все еще жива, но то, что было Макведом, ушло из оболочки и от нас. Я предлагаю тебе его бывшее тело, чтобы ты опять стал человеком.

— Тэсса, — поправил он меня.

— А разве это не одно и то же?

— Нет! — резко возразил он. — Мы очень разные. Как Джорт, я узнал, что остаток законного обитателя все еще живет в этом теле и может влиять на меня. Не получится ли так же, если я испробую другое перемещение? Не стану ли я Крипом Макведом вместо Крипа Ворланда?

— Кто руководит Джортом — человек или барск?

— Человек, я надеюсь... теперь... — нерешительно ответил он.

— Разве Крип Ворланд не останется Крипом Ворландом независимо от тела, в котором он живет?

— А ты уверена?

— Есть что-нибудь в этом мире, под любым солнцем, в чем можно быть уверенным?

— Только в смерти.

— А вы, инопланетники, уверены в смерти? Вы верите, что она конец, а не начало?

— Кто знает? Вряд ли мы можем получить правильный ответ на вопрос, какой хотели бы задать. Итак, ты предлагаешь мне тело, близкое к моему, пропавшему. Ты сказала, что потом мы поедем в Йрджар. Но, похоже, нам придется иметь дело не только со своими заботами, но и с войной, лежащей между нами и Йрджаром.

— Крип Ворланд, разве я обещала тебе, что все будет легко и просто?

— Нет, — согласился он. — Но как ты вообще можешь обещать мне тело, если те, кто идет перед нами, расправятся с Долиной, как с Йим-Сином?

— В Долине есть стражники, а здесь их не было. Они могут защитить тех, кто там живет. Я предложила тебе лучшее из того, что могу, Крип Ворланд. Большего не может сделать никто — ни человек, ни тэсса.

— Согласен.

Он, видимо, только сейчас заметил отсутствие остальных членов нашей компании, потому что спросил:

— А где животные?

— Я отослала их туда, где, я надеюсь, мой народ встретит их. Если же этого не случится, они будут бродить по своей воле.

После паузы он сказал:

— У всех нас изменилась жизнь после той прогулки на ярмарке в Йрджаре. Я никогда не поверил бы этой истории, если бы не пережил ее сам.

— Материал для легенды, — согласилась я. — Говорят, что если глубже покопаться в любом древнем сказании, то в нем обязательно найдешь зернышко истины.

— Майлин, кем был для тебя Маквед?

Я была застигнута врасплох, и он, видимо, почувствовал это.

Неожиданность вырвала у меня правду:

— Он был спутником жизни моей родной сестры Мерли. Когда... когда он ушел от нас, я боялась, что она последует за ним. Она до сих пор отворачивает лицо от полноты жизни.

— Скажи, вернется ли эта связь с возвращением Макведа? — Второй его вопрос был так же остр.

— Нет. Ты будешь носить тело Макведа, но ты не Маквед. Однако, увидев тебя, она, может быть, примирится с правдой и снова выйдет из тьмы к свету. — Наконец мое несчастное, раздражающее желание было высказано словами.

— Но твой народ узнает, что я не тот, кем кажусь?

Он, видимо, не слышал моих последних слов. Я улыбнулась, но улыбка вышла кривой:

— Не думаешь же ты, что скроешь от тэсса свою истинную сущность, Крип Ворланд? Всякий узнает тебя с первого взгляда. И я должна сказать тебе, что они этого не одобрят. Я нарушаю все наши слова Правил, отдавая тебе жилище Макведа даже на время. Они не могут предотвратить это действие, но я за него отвечу.

— Тогда зачем...

— Зачем я это делаю? Надо ли спрашивать, инопланетник? Я поклялась самой сильной клятвой своего народа, что сделаю для тебя все, что в моих силах. Не могу сказать, почему все это свалилось на меня, но тот, кто несет груз, ниспосланный Моластером, не должен жаловаться.

Больше он ни о чем не спрашивал, и я была рада, что он погрузился в свои мысли, потому что я занялась своими. Я сказала ему чистую правду. Он будет в теле Макведа, но Макведом не станет. Однако как зверь влияет на вселившегося в его тело человека, так и Маквед в какой-то степени повлияет на него. Тем более что этот инопланетник восприимчив к способностям эспера.

Маквед был Поющим второй ступени. Он должен был по своим знаниям подняться выше, когда его убили в теле животного. Это было молодое животное, еще ни разу не использованное для обмена, и после тяжелого ранения оно впало в каталепсию, так что мысленные приказы не достигали мозга. Но животная часть не могла полностью овладеть всем человеческим мозгом, как и человек

не может полностью владеть животным. Значит, остальное осталось в Макведе, может быть, даже большая его часть? Даже Старейшие не знают, насколько полным бывает обмен. Во всей нашей истории не было случая, чтобы человек вернулся в человеческое тело, но не в свое.

Допустим, что этот остаток в теле Макведа проснется и повлияет... Я не уверена в этом, но надеюсь, что даже часть Макведа может осветить на время дни Мерли и заставит ее вернуться к нам.

Я смотрела на спины казов и на дорогу, но не видела ничего, кроме лица Мерли и обмена, который может привести к тому, что Маквед — часть Макведа — какое-то время будет рядом с ней. Даже если того, о чем я мечтала, не произойдет, я все равно сдержу клятву — мы поедем в Йрджар и постараемся сделать обмен, если это удастся.

Я думала о Долине и о том, что могло там случиться за эти дни. По всем признакам те, кто покончил с Йим-Сином, должны уже достичь Долины, а мы двигались медленно. Мы проехали участки, где когда-то стояли часовые и спрашивали путешественников о цели их поездки. Теперь там часовых не было, и я не останавливалась искать их. Я не торопилась со спуском, чтобы не приехать как раз во время сражения. Стража Долины может не разобраться, кто друг, а кто враг. И кто знает, возможно, какая-то доля здравого смысла заставит всадников вернуться наверх. Мы остановились в пустынном месте. В горном потоке бурлила вода. Я распрягла казов, чтобы они попаслись.

— Никаких других следов? — спросил инопланетник, когда я принесла ему воды.

— Кроме них, никто не ехал этим путем. Но кто они и зачем они здесь... — Я покачала головой.

— Ты могла бы своей силой ограничить их?

— Ты можешь посылать мысль. А владеешь ли ты телепортацией или чем-нибудь подобным?

— Нет. Есть такие, кто владеет, но я еще не встречал ни одного. Но я думал, что тэсса...

— Могут совершать еще более удивительные действия? Иногда да, но для этого должно быть подходящее место и время. Имея и то и другое, я могу послать читающий луч и частично увидеть будущее, вернее, усредненное будущее.

— Усредненное? Разве оно разное?

— Да, потому что оно зависит от действий. Разве человек всегда думает одинаково — сейчас и через час, сегодня и завтра? То, что кажется правильным и разумным сейчас, позднее выглядит иначе. Следовательно, можно прочесть только будущее в широком смысле. Но наше положение в будущем меняется из-за необходимости встречаться с тем или иным кризисом. Я могу сказать тебе о судьбе нации, но не о судьбе отдельного ее члена.

— Но ты могла бы сказать о будущем Долины?

— Возможно, будь у меня время. Но у меня его нет. Долина слишком далека.

— Ну, скоро мы узнаем это на себе. Когда я встретил тебя в той ложбине? Давно это было? С тех пор я потерял счет дням.

— Дни, носящие числа, — я покачала головой, — не касаются тэсса. Мы давно перестали иметь дело со счетом дней. Мы помним, что произошло, но в какой именно день, не знаем.

Будь Ворланд сейчас человеком, он бы рассмеялся.

— Вы совершенно правы, Госпожа! Того, что случилось со мной на Йикторе, вполне достаточно, чтобы забыть счет дням. Но когда я пришел из крепости Осокана в ваш чистый лагерь, я думал, что вижу какой-то живой и очень неприятный сон, и я был склонен время от времени возвращаться к этой уверенности, потому что это могло объяснить случившееся, и это легче, чем думать, что я наяву жил и живу... здесь.

— Я слышала, что в иных мирах есть методы, чтобы вызвать такие сны. Возможно, ты испытал их и поэтому

готов был поверить в такое и здесь. Но если ты спишь, Крип Ворланд, то я-то не сплю! Если только я не часть твоего сна...

— Майлин, ты замужем?

Я вспомнила, что за все время этого странного приключения, в котором мы участвовали, мы ни разу не задавали таких вопросов и не интересовались прошлым друг друга.

— Нет. Я Поющая. Пока я пою, у меня нет спутника жизни. А у тебя? Я слышала, что торговцы имеют семьи. Может, у вас, как у Поющих: либо-либо?

— В этом роде.

И он рассказал мне о жизни своего народа, повенчанного со многими звездами, а не с одной. Торговцы женятся, но только тогда, когда достигают определенного ранга в своих компаниях. Иногда женщины с планеты принимают ради мужа жизнь торговца. Но чтобы торговец покинул свой корабль ради женщины — это немыслимо.

— Ты похож на тэсса, — сказала я. — Укорениться в одном месте — для нас смерть. Мы летаем по всему Йиктору, суше и морям, по своей воле. У нас есть определенные места, где мы собираемся, когда нужно. Но в остальное время...

— Цыгане.

— Что? — спросила я.

— Древнее слово. Обозначает народ, который всегда странствует. Видимо, когда-то была такая нация, очень-очень давно, в каком-то далеком мире.

— Вот и у тэсса пристрастие к свободному пространству. Я говорила тебе однажды о корабле, о маленьком народе и о посещении других миров.

— Такое в принципе возможно, но будет стоить больше весовых знаков, чем их есть в сокровищнице храма Йрджара. Такой корабль надо строить в другом мире после долгого изучения и экспериментов. Это только меч-

та, Майлин, потому что ни у кого нет и не может быть такого богатства, чтобы воплотить эту мечту в жизнь.

— Что является сокровищем, Крип Ворланд? Что есть богатство? В разных мирах оно принимает разные формы?

— Сокровище — это редкая и ценная вещь на каждой отдельной планете. В некоторых случаях редкость — самое прекрасное и ценное, в других же — самое бесполезное. На Законе сокровище — это знания, закатане считают его своим богатством. Привези им неизвестный артефакт, легенду, намек на что-то новое в галактической истории — и ты дал им сокровище. На Сарголе — это мелкая травка, когда-то бывшая самой обычной на забытой Терре, она неотразима для саларикийцев, которые охотно дают в обмен на нее драгоценные камни. А на другой планете, в обмен на такой камешек величиной с ноготь твоего мизинца, человек может жить, как лорд на Йикторе, — лет пять, а то и больше. На Хаску — это перья, перья спрокджана. Я могу насчитать тебе целую кучу сокровищ для четверти галактики, так как они проходят через наши склады.

— Так что у каждого мира есть свое сокровище. Он кажется целым состоянием на одной планете — а на другой окажется либо ничем, либо даже большим?

Он мысленно засмеялся, даже пасть барска раздвинулась в слабом подобии улыбки.

— Но обычно меньше, чем больше. Лучше всего камни, потому что камни и произведения искусства у многих рас и народов считаются ценностью и оберегаются.

— А какого рода сокровища понадобятся в тех местах, где могут построить такой корабль для моего маленького народа?

— Все, что является высокой ценностью. Люди на внутренних планетах пресыщены самым лучшим из сотен миров. У них есть торговля, есть корабли, привозящие все сокровища, какие только можно достать. Нуж-

но что-то очень редкое, никогда не виданное, или такая сумма торговых кредитов, на которую можно купить половину наших складов.

Я запрягла казов, и мы снова двинулись в путь. По дороге я думала о природе сокровищ и о том, как поразному они ценятся в разных мирах. Я знала, что берут инопланетники на Йикторе, и представляла себе, какой груз считается обычным. У нас есть камни, но не такие редкие, чтобы инопланетные торговцы стремились их покупать. И я решила, что в глазах таких экспертов Йиктор может считаться бедной планетой.

Тэсса не собирали материальных богатств, как равнинные жители. Если у нас оказывалось больше вещей, чем было необходимо, мы оставляли лишнее в тех местах, где собирались, чтобы их взяли те, кому понадобится. Наши шоу животных собирали много денег, но мы не копили их. Мы рассматривали шоу как тренировку и для животных, и для Поющего, а кроме того, как хороший предлог для скитальческой жизни.

Лежать на каком-то сокровище и беречь его — это чуждо нам. Если мы поступали так в прошлом, когда жили в городах, то теперь забыли об этом.

Пока мы медленно ехали по дороге, я спросила:

— А что у вас считается самым драгоценным? Камни? Какие-нибудь редкие вещи?

— Ты имеешь в виду меня или мой народ?

— То и другое.

— Я отвечу одним словом, потому что как для меня, так и для моего народа, самое дорогое — корабль!

— И вы ничего не собираете?

— Мы собираем, сколько можем, те сокровища, которые нужны другим, и все это, за исключением, конечно, того, что мы тратим, складываем в корабль на наш счет.

— И много ли ты когда-нибудь соберешь?

— Может быть, столько же, сколько в поместьях лордов на Йикторе. Им тоже нелегко их завоевать, хотя способы у нас разные.

— А ты уверен, что у тебя когда-нибудь будет это богатство?

— Никто добровольно не расстается с мечтой, даже когда возможность ее реализовать ушла в прошлое. Я думаю, человек всегда надеется на счастье, пока жив.

Мы сделали привал, но не на всю ночь, а лишь на несколько часов. Я смотрела, как восходит луна, но не сделала ни одного движения, чтобы призвать ее силу — сейчас не время. Так что я не поднимала жезл и не пела. Я только помогала казам мысленной силой, когда и где могла.

Луна низко висела, когда мы подъехали к спуску в Долину. Барск завозился и пытался встать. Я остановила его.

— Мы над Долиной. Лежи, отдыхай, пока можно.

— Ты спускаешься?

— Я приму все предосторожности. — Я выставила жезл, запела внутреннюю песню и стала спускаться.

Глава 17

КРИП ВОРЛАНД

Когда я проснулся с сознанием, что все еще жив, перевязан Майлин и нахожусь опять в фургоне тэсса, мне показалось, что сон, завладевший мной, сделал полный круг.

Когда мы спускались в окутанную туманом Долину, Майлин вела фургон точно посередине дороги. Я читал в ее мозгу, что те предосторожности или защита, о которых она говорила, вполне могут стать нашей гибелью, несмотря на то что мы шли с миром. Могло случиться, что мы разделим участь тех, за кем следуем.

Еще одна печаль изводила меня. Хотя мой мозг и был насторожен, тело было еще слабым и не повиновалось мне. Если на нас нападут, я ничего не смогу сделать, даже защитить себя. Я мог только поднять голову и вытянуть лапы, лежа на мате. Если я делал глубокий вдох, на-

чиналась боль, накатывалась слабость. У Майлин была способность лечить, это я знал, но может ли она сделать что-нибудь с такой раной? Были все основания полагать, что лезвие Осокана прошло глубоко и что возвращение к жизни моего теперешнего тела не означает выздоровления.

Когда я выслеживал Осокана и его приверженцев, я искал смерти.

Пораженный известиями, привезенными Майлин из Йрджара, я впал во временное безумие. Но в каждом человеке, по крайней мере в моей породе, сидит упорное сопротивление концу существования. И теперь крохотный клочок надежды послужил оплотом моему духу. Альтернатива, внушенная мне Майлин, имела некоторые возможности. Обрядившись в тело тэсса, я действительно мог вернуться в Йрджар. У торговцев есть на планете консул. Я видел его, когда «Лидис» приземлился здесь. Я мог пойти к Прайдо Алсею, рассказать ему все и просить его известить капитана Фосса. Проще простого составить такое сообщение, какое мог послать только Крип Ворланд, и тем самым удостоверить свою личность. Затем, когда вернется мое собственное тело, последует новое переключение, и я по-настоящему стану самим собой.

Конечно, было множество препятствий и ловушек между теперешними трудными моментами и тем, столь желанным. И многие из этих ловушек, может быть, лежат прямо перед нами. Я старался двигаться, поднять отяжелевшую голову, чтобы взглянуть на переднее сиденье, но ничего не вышло, и я лежал, страдающий, слабый, встревоженный своим состоянием.

Теперь я начал осознавать, что Майлин не просто направляет казов вниз по дороге: вокруг нее была аура, выходящая из мозга, посыл энергии. Я лежал так, что мне был виден ее профиль, суровый и неподвижный. Волосы не были уложены затейливыми локонами, как при нашей первой встрече, а подняты вверх и слабо связаны, как серебряный шлем. Не было и арабеска из серебра, и ру-

бина на лбу. Глаза ее были полузакрыты, веки опущены, она словно смотрела внутрь себя. Но в лице ее был такой свет, что я даже опешил. То ли свет луны падал на ее прекрасную кожу, то ли это был внутренний свет, отражение хранившейся там силы. Сначала я видел в тэсса человека, теперь она казалась мне более чужой, чем животные, с которыми делил я жизнь и сражения в эти последние дни.

«Принять предосторожности» — так она это назвала.

Я бы сказал: «Вооружиться». Я опустил тяжелую голову и больше не видел Майлин, но осознание ее, как она сидит, что делает, было во мне, как будто я по-прежнему наблюдал за ней.

Пока фургон громыхал, к нам пришло новое ощущение — нечто вроде предупреждения, как если бы некий разведчик с отдаленного холма отгонял нас. Так как мы не послушались этого предупреждения, беспокойство возрастало, и в мозгу появилась тень предчувствия, становившаяся все чернее. Может, это был кто-то из защитников Долины, я не знал. Но, по-видимому, на Майлин это не произвело эффекта и не отклонило ее с пути.

Моя усталость все увеличивалась. Временами я сознавал, где я и что со мной, а потом продолжал кружить в пустоте небытия, результатом чего было страшное головокружение, и я не мог сказать, был ли реальным туман, заволакивающий мои глаза, когда я пытался рассмотреть какую-то часть фургона, или туман был порождением моей невероятной слабости.

Путь казался бесконечным. Время исчезло, вернее, его нельзя было измерить. Я был потерянным, словно лежал на челноке, снующем туда и сюда и ткавшем будущее, которое ускользало от меня.

Воздух дрожал и бился вокруг — может, от качания челнока, который нес меня? Нет, это была пульсация, прерываемая ритмом, который удерживал меня в фургоне. Затем я услышал звук, бывший частью этого биения, — наверное, песню. Звук исходил не от Майлин,

а поднимался из Долины, и он становился громче с каждым шагом казов.

Это странное биение звука делало меня сильнее, будто в мое вялое тело вливалась жизненная сила, ушедшая с тех пор, как нож Осокана искал мою жизнь. Я лежал и чувствовал, как она входит в меня. Правда, что-то снова отходило, откатывалось, но то, что оставалось, бодрило меня. Теперь я уже не просто угрюмо цеплялся за жизнь, а был способен думать о чем-то, помимо собственного тела.

Я еще раз приподнялся и взглянул на Майлин. Она откинула голову и вытянула руки перед собой, держа жезл между ладонями. Он кружился, разбрасывая серебряные искры, которые падали ей на голову и грудь, исчезая. И она пела песню — не ту, что все еще витала в воздухе, но высокую и нежную, и ее звуки притягивали меня.

Я кое-как оперся передними лапами о пол, и мне удалось встать. Теперь мои глаза были на уровне сиденья Майлин. Я бросил взгляд наружу: была еще ночь или очень раннее утро. Луна уже не сияла. Впереди внизу виднелся другой свет, но не оранжевый свет пожаров, а голубая тень лунного шара Майлин, только они не были фиксированы, а качались, как мощные фонари. Как раз из этого освещенного места поднималось пение, становилось все сильнее и глубже. Я потащился дальше, пока не вытянул, несмотря на боль, одну переднюю лапу на сиденье и положил на нее голову. Майлин не обратила на меня внимания, она была поглощена пением.

Двое мужчин с лунными шарами пришли встретить нас. Я увидел черные с белым и желтым узором мантии жрецов. Однако они не приветствовали Майлин и не остановили нас, а лишь стояли, один справа, другой слева. Лица их оставались бесстрастными, и они продолжали свою песню, слов которой я не понимал.

Мы проехали мимо многих жрецов Умфры, занятых работой на дороге. Я слышал вонь горелого, и нос барска улавливал в нем запах крови. Нет, Долина не избежала

участи Йим-Сина. Однако я считал, что несчастье здесь не столь полное, как в городке.

Казы повернули без всякого видимого знака со стороны Майлин, и мы проехали через ворота. Портал был весь в трещинах и зарубках и ощетинился стрелами из боевых луков. Дым разрушений стоял как туман. Мы въехали в первый двор храма. Только тут Майлин двинулась, подняла свой все еще сверкающий жезл и приложила его к своему лбу. Свет, выходивший из него, погас, и когда она снова опустила руки, в них была только палочка. Майлин открыла глаза. К нам подошел жрец. Его голова была забинтована, правая рука на перевязи.

— Где Оркамур? — спросила Майлин.

— Он осматривает свой народ, Госпожа.

— Зло крепко поработало здесь. — Она серьезно кивнула. — Как велико это зло, Брат?

— Большая часть стен разрушена, — мрачно сказал он. Поднятое к нам лицо с глубоко сидящими глазами было лицом человека, вынужденного быть свидетелем разрушения того, что было большей частью его самого. — Но фундамент уцелел.

— С Йим-Сином поступили хуже. А кто эти люди?

— Насчет Йим-Сина мы знаем. Кто они? Люди, впавшие во тьму, выросшую из откуда-то принесенных семян. Однако они не преуспели в своем зле.

— Они убиты?

— Они сами себя убили, потому что не обратили внимания на стражников, но после себя оставили руины.

— А те... те, кто находился под покровом Умфры... — начала она почти робко. — Что с ними, Брат?

— Тот, кого ты держишь в сердце, жив. Некоторые другие отпущены Умфрой по Белой Дороге.

Она вздохнула и, положив жезл на колени, потерла лоб.

Итак, Маквед был жив. Я ухватился за это.

Приступ боли в груди заставил меня отползти назад и свалиться на мат.

Последние остатки сил покинули меня.

Яркий свет ударил мне в морду, проник в неплотно зажмуренные глаза. Я попытался отвернуться, но меня удержали. Я вдохнул резко ароматизированный пар, и в моей голове прояснилось. Я открыл глаза и увидел, что лежу в комнате, а Майлин наклонилась надо мной с чашей золотистой жидкости, от которой исходил пар, приведший меня в чувство.

Здесь был человек, чье старое доброе лицо было мне знакомо: когда-то, очень давно, мы с ним сидели в тихом саду и разговаривали о жизни за той звездой, что служит Йиктору солнцем, о людях, выполняющих свое назначение во многих чужих местах. Это был Оркамур, слуга Умфры.

— Младший Брат, — его слова сформировались в моем мозгу, — ты желаешь, в самом деле желаешь оставить свое теперешнее тело и получить другое?

Слова, слова... Ну да, конечно, я этого желаю! Я был человеком! Я требую человеческое тело. И это поднялось во мне не как простое желание, а как просьба, сконцентрированная со всей силой, на какую я был способен.

— Будь по вашему желанию, Сестра и Брат!

Оркамур ушел из моего поля зрения, как бы отплыл назад. Майлин снова наклонилась надо мной с чашей, чтобы оживляющие пары очистили мой мозг.

— Повтори, Крип Ворланд, слово в слово: я желаю всей силой избавиться от меха и клыков и снова стоять и ходить, как человек!

Я медленно, торжественно проговорил мысленно эту просьбу. Мне хотелось бы произнести ее вслух, громко, с вершины какой-нибудь горы, чтобы меня слышал весь мир.

— Пей! — Она ближе поднесла чашу с ароматной жидкостью. Я стал жадно лакать, мне показалось, что это холодная вода из горного источника. Я не сознавал

своей жажды, пока не сделал первый глоток. Это было очень вкусно, и я пил, пока чаша не опустела, пока язык не слизнул последнюю каплю.

— Теперь... — Майлин убрала чашу и выдвинула вперед один из лунных шаров. В комнате и так было светло, а теперь стало еще светлее. — Посмотри на нее! Отпускай, смотри и отпускай!

Отпускать? Что отпускать? Я уставился на шар. Это был серебряный мир, какой можно было увидеть на видеоэкране «Лидиса», когда корабль снижается над планетой в новой системе, серебряный шар вытягивался, притягивая к себе...

Кто бродит на серебряных шарах, и что они там видят? Из каких-то глубин пришла ко мне эта мысль. Это был не сон, а явь, однако мне не хотелось открыть глаза и посмотреть, потому что тут было что-то иное, и какая-то осторожная часть меня желала изучить это иное не торопясь.

Я глубоко вздохнул, ожидая, что мой нос барска расскажет мне обо всем. Но обоняние как будто ссохлось, умирало. Конечно, запахи тут были: аромат какого-то растения, другие запахи, но все они были очень слабыми. Я не решался двигаться, но когда еще раз глубоко вдохнул, то оказалось, что боль, которая не покидала меня и стала почти частью меня, исчезла! Я открыл глаза. Искажение! Цвета стали, с одной стороны, менее отчетливыми, а с другой — пронзительно яркими. Я щурился и мигал, чтобы окружающее стало выглядеть нормально. Но этого не произошло. Требовались усилия, чтобы заставить глаза снова послушно служить. А ведь это уже один раз было — мелькнуло в моей памяти.

Я уставился вдаль. Широкое пространство, стена, в ней окно. За окном колышутся на ветру ветки. Мой мозг легко давал названия всему, узнавая то, о чем сообщали глаза, хотя видели они совсем по-другому. Я открыл рот и хотел облизать свои острые клыки, но язык стал короче и касался зубов, а не клыков барска.

А лапы? Я приказал передней лапе вытянуться в пре-

делах моей видимости, так как не решался еще поднять голову, и увидел... руку, кисть, пальцы, сгибающиеся по моему приказу.

Рука? Значит, я не барск, а человек!

Я резко сел, и комната, все еще какая-то искаженная, стремительно завертелась. Я был один. Я поднял человеческие руки, осмотрел их, потом взглянул на человеческое тело. Оно было бледным, таким бледным, что почти неприятно было смотреть. Это неправильно — я должен быть смуглым. Я сел на край постели и внимательно оглядел все свое новое тело, его бледность, худобу, близкую к истощению. Затем ощупал лицо. Оно было явно человеческим, хотя я не мог определить на ощупь, похоже ли оно на лицо похищенного на ярмарке в Йрджаре Крипа Ворланда. Нужно зеркало. Я должен увидеть!

Слегка покачиваясь от усилий держаться прямо, как человек, после того как долго бегал на четырех лапах, я встал и неуверенно сделал шаг вперед. Руки мои балансировали, пока я переступал с одной ноги на другую. Но когда повернулся, чтобы подойти к окну, мое доверие к такому способу передвижения вернулось, как будто прежнее умение, забытое на время, снова ожило. Я огляделся, ища мохнатое тело, которое звалось Джортом, но его не было видно. Я так и не увидел его больше.

Комната была маленькая, большую часть ее занимала кровать. В противоположной стене была дверь, в углу — сундук, служивший также и столом, судя по тому, что на нем стояли на подносе чашка и графин. Из окна несло холодом, так что я вернулся к кровати, снял с нее одеяло и завернулся в него. Мне страшно хотелось увидеть свое лицо. Судя по телу, я был тэсса Маквед...

К моему удивлению, я обнаружил в себе некоторое сожаление о чувствах, которыми так хорошо пользовался Джорт. Похоже, у тэсса те же ограничения, что были и у бывшего меня.

Я подошел к сундуку и посмотрел на чашку. Она была пуста, но графин полон. Я осторожно налил в чаш-

ку золотистую жидкость. Она была холодной, прекрасно утоляющей жажду, и по моему телу распространилось ощущение радости бытия, единства с моим новым телом. Я услышал покашливание и увидел жреца с забинтованной головой. Он поклонился и, подойдя к кровати, положил на нее одежду с красными крапинками, какую носят тэсса.

— Старейший Брат хочет поговорить с тобой, Брат, когда ты будешь готов, — сказал он.

Я поблагодарил и начал одеваться, еще не вполне уверенный в своих движениях. Одевшись, я подумал, что я, наверное, похож на Малика.

«Малик!» — болезненно кольнуло в памяти. Малик вывел меня из ада, уготованного барску в Йрджаре, и каков был его конец! Я так мало его знал и так много был ему должен!

На моем поясе висел длинный нож, но меча не было и, конечно, не было жезла, какой носила Майлин. А мне хотелось бы схватиться за оружие при мысли об убийцах Малика. Без зеркала я не мог видеть весь облик, который теперь имел. Выйдя из комнаты, я увидел ожидающего меня мальчика-жреца. Он хромал, и на лице его был тот же отпечаток шока и усталости, как и у старших жрецов. Здесь все еще пахло горелым, хотя и не так сильно, как пахло для Джорта.

Мы пришли в тот же садик, где Оркамур однажды уже принимал меня. Он сидел в том же кресле из дерева с побегами, только листья на них увяли и засохли. Там была еще скамейка, и на ней сидела, опустив плечи, Майлин.

Глаза ее были пустыми, как у человека, затратившего большие усилия к собственной невыгоде. Во мне вспыхнуло желание подойти к ней, согнать это ее равнодушие, взять ее вялые руки в свои, поднять ее. Когда я тайно подглядывал за ней в Йрджаре, она казалась мне чужой, и чужой она была все время наших путешествий, теперь же этого больше не было. Теперь казалось только, что она имеет права на меня, что она устала и измучена. Но

она не взглянула на меня и не поздоровалась. Глаза Оркамура встретились с моими и так всматривались, будто он хотел видеть каждую мысль, как бы глубоко она ни пряталась. Затем он улыбнулся и поднял руку, и я увидел на ней большой, страшного вида кровоподтек, а один из пальцев был расщеплен и туго связан.

Жест его был изумленно радостным.

— Сделано, и сделано хорошо! — Он не сказал этого вслух. Его мысль вошла, видимо, и в мозг Майлин, потому что она встрепенулась, и ее глаза наконец остановились на мне. Я увидел в них изумление и, в свою очередь, удивился: ведь она сама проделала этот обмен, почему же результат ее удивляет? Она сказала:

— Это хорошо сделано, Старейший Брат.

— Если ты имеешь в виду, Сестра, что выполнила то, что желала, — да, это сделано хорошо, если ты думаешь о том, что это приведет к еще большим осложнениям, — тогда я не могу ответить ни да, ни нет.

— Мой ответ, — прошептала она, если можно мысленно шептать, — ладно, что сделано, то сделано, а это надо было сделать. С твоего разрешения, Старейший Брат, мы поедем и увидим конец всего этого.

Она все еще не говорила со мной и не хотела смотреть на меня, потому что после первого взгляда она вновь отвернулась. Я похолодел, как если бы протянул в приветствии руку, а ее не только не взяли, но и самого меня игнорировали. Теперь я не стал бы делать никакого движения, чтобы привлечь снова ее внимание.

Мы вышли поискать еду. Майлин ела явно только по необходимости, как заправляют машину перед поездкой. Я тоже поел и обнаружил, что мое тело с удовольствием принимает все, что я ему даю. Майлин была как за стеной, и я не мог ни пробить эту стену, ни перелезть через нее.

Мы вышли во двор храма. Там не было и признака фургона, но нас ожидали два оседланных каза, через седла были перекинуты дорожные плащи, седельные сумки полны провизии. Я хотел помочь Майлин сесть в седло,

но она оказалась проворнее меня, и я пошел к своему казу. Неужели она относится с отвращением к любому контакту со мной?

Мы ехали по опустошенной Долине. Там были почерневшие от огня руины и другие признаки ударов ярости, которые калечили, но не полностью разрушали. Майлин поехала по дороге в Йим-Син. Видно было, что она отчаянно пытается осуществить свой план — вернуться со мной в Йрджар и разрешить, насколько возможно, роковое сплетение, опутавшее нас.

Она по-прежнему не смотрела на меня, даже не обменивалась мыслями.

Неужели ей так неприятно, что я нахожусь в теле ее близкого родственника, который теперь кажется ей умершим дважды? Меня это стало раздражать. Я не виноват в том, что со мной случилось, и я ни о чем не просил. Ан нет, ответила мне память, дважды в какой-то степени я просил ритуалов тэсса для этих обменов. И они дважды спасали меня от смерти.

Поскольку мы ехали быстрее, чем в фургоне, мы выехали из Долины еще до заката. На рассвете мы могли бы увидеть руины Йим-Сина, но мы поехали через равнины к Йрджару. И все-таки, что тут произошло? Мне нужно было хоть чуть-чуть заглянуть в будущее, поэтому я заставил себя обратиться к своей спутнице:

— Говорили ли слуги Умфры, что тут случилось?

— Те, кто пришел с запада, — ответила она, — были иноземцами. Похоже, что Йиктору угрожает новый враг, гораздо более безжалостный, чем любой равнинный народ, и эта сила идет от инопланетников.

— Но ведь торговцы... — Я был так поражен, что у меня перехватило дыхание.

— Не все торговцы такие, как на «Лидисе». Эти пришельцы режут друг друга, чтобы укрепиться на нашей земле, завоевать власть и основать свое королевство. Часть лордов уже разбита, потому что среди их людей тайно велась подрывная работа, других привлекли обе-

щанием большого богатства, натравливают одних на других и помешивают в котле войны такой ложкой, которая заставляет его яростно кипеть. Не знаю, что мы найдем в Йрджаре, не уверена даже, что мы попадем в город. Но попытаемся.

Все это было не слишком понятным и не слишком обещающим. Похоже, случилось большее, чем мы подозревали. Страшно было углубляться в страну, где каждый поднимал руку на соседа, но порт находился на границе Йрджара, и там была моя единственная надежда на возвращение на «Лидис».

До Йрджара еще далеко. Обдумывая сказанное Майлин, я представил себе, каким долгим покажется нам это путешествие. Да и разумно ли ехать вообще?

Я прокручивал в мозгу эту мысль, когда пришел зов, резкий и сильный, как сигнал горна, но я услышал его не ушами.

Минута тишины — и снова трезвон, приказ, которому нельзя не повиноваться. Легкий протестующий крик Майлин...

Помимо своей воли мы повернули казов направо, к диким горам, на зов, которому должны подчиниться и мозг, и тело. Это был внутренний горн тэсса, он звучал только в исключительно важных случаях.

Глава 18

КРИП ВОРЛАНД

Йиктор, который я знал, был похож на все планеты этого типа: равнины, перемежающиеся холмами, растительность в разных стадиях. Йрджар, форт Осокана, Йим-Син, храм Умфры имели своих аналогов на многих планетах, но там, где мы сейчас ехали, все было по-другому.

Призыв накладывал на нас такие обязательства, что нам и в голову не приходило ослушаться его. И мы ехали дальше и дальше на север и поднимались все выше и вы-

ше. Здесь не было ни деревьев, ни кустарников, только небольшие участки, покрытые травой, уже убитой первым дыханием зимы, прерывали общее уныние камней.

Поистине печальная местность. Я бывал на планетах, сожженных атомной войной в незапамятные времена, задолго до того, как мой народ вышел в космос. У каждого, кто видел те руины, сжималось сердце. Здесь же все выглядело еще более чуждым: бесконечное, безбрежное одиночество, отвергающее ту жизнь, которую мы знаем, обглоданные кости самого Йиктора.

Тем не менее жизнь здесь была. Пока мы все больше углублялись в дикую страну голого камня и песка, мы видели следы тех, кто прошел тут до нас: следы фургонов и верховых казов.

Мы были как очарованные. Мы не разговаривали друг с другом, и у меня не было желания оглянуться на равнины, на то, что раньше казалось мне самым неотложным делом. Наступала ночь. Время от времени мы спешивались, давали отдых казам и сами ели из запасов в седельных сумках, ходили, разминая ноги, затем снова пускались в путь.

На рассвете мы проехали между двумя высокими утесами. Я подумал, что когда-то, на заре йикторианской истории, здесь было русло великой реки.

Здесь были песок, гравий и валуны, но ничего живого, даже обычного кустика высохшей травы. Это речное русло вывело нас в громадную круглую чашу.

Видимо, когда-то здесь было озеро, был целый ряд широких отверстий, обрамленных резьбой, теперь уже почти незаметной. Сейчас в этом каменном жилище были обитатели, поскольку перед ним стояли фургоны и поднимался дым от костров. Но людей не было видно.

Майлин подъехала к частоколу, сошла с каза и тут же расседлала его.

Каз потряс головой, лег и с фырканьем стал кататься по песку, и мой каз сделал то же самое, когда я расседлал его.

— Пойдем, — обратилась ко мне Майлин впервые за эти часы.

Я положил седло и пошел через долину к южной точке стены. Там был вход, раза в два больше остальных. Я подивился затейливой резьбе, но не мог понять, что было изображено, настолько она стерлась от времени.

Где же тэсса? Повсюду я видел только фургоны и казов и получил ответ на свой вопрос, лишь когда подошел к двери: оттуда доносился звук, который был чем-то большим, чем просто песня. Он каким-то образом смешивался с движением воздуха — в нашем словаре нет слов, чтобы описать это. Я бессознательно уловил ритм и тогда понял, что мне хорошо. Рядом со мной поднялся в песне голос Майлин.

Через тяжелый портал мы вошли в зал. Там было светло от лунных шаров, висевших высоко над головой, и мы шли в лунном свете, хотя в нескольких шагах за дверью светило солнце. И тэсса здесь было так много, что и не сосчитать. Перед нами в самом центре зала находилось возвышение, и Майлин подошла к нему. Я неуверенно шел шага на два позади. Песня звучала в ушах, билась в крови, стала как бы частью нас.

Мы подошли к овальной платформе, на которую вело несколько ступенек.

На платформе стояли четверо: двое мужчин и две женщины. Они были крепки телом, с живыми блестящими глазами, но над ними была такая аура возраста, авторитета и мудрости, которая поднимала их над другими, как их теперешнее положение на платформе ставило их физически выше остальных.

Каждый из них держал жезл, но не такую относительно короткую палочку, как у Майлин, — верхушка их жезла доходила до головы, а конец упирался в пол, и свет, сиявший на древках, соперничал со светом ламп и заставлял его бледнеть.

Майлин не стала подниматься по ступенькам, а остановилась у них.

Когда я нерешительно подошел и встал рядом, я увидел ее замкнутое холодное лицо.

Они все пели, и мне стало казаться, что мы не на твердом полу, а плывем в волнах звуков. Мне казалось, что я вижу не тэсса, а каких-то духов. Я не видел их полностью — они были призраками того, чем могли бы быть.

Долго ли мы стояли так? Я по сей день не знаю и могу только догадываться о смысле того, что происходило. Я думаю, что своей объединенной волей они составляли большую силу, из которой черпали, сколько требовалось для их целей. Это очень неумелое объяснение того, к чему я присоединился в этот день.

Песня умирала, слабея в серии рыдающих нот. Теперь она несла с собой тяжкий груз печали, как будто вся личная скорбь старого-старого народа просочилась сквозь века и каждая мельчайшая капля отчаяния хранилась для будущей пробы.

Эта последняя песня тэсса была не для посторонних ушей. Я мог носить тело Макведа и каким-то образом соответствовать путям тэсса, но все-таки я не был Макведом и потому зажал уши — я не мог больше выносить эту песню.

Слезы текли по моим щекам, из груди рвались рыдания, хотя вокруг меня люди не выражали никаких внешних признаков нестерпимого горя, которое они разделяли.

Один из четверых на возвышении качнул жезл и указал им на меня — и я больше ничего не слышал! Я был освобожден от облака, которое не мог вынести. И так продолжалось, пока не кончились песни.

Затем пошевелился второй главный в этом собрании и указал жезлом на Майлин. Ее собственный символ силы сам собой вырвался из ее пальцев и полетел к большому жезлу, как железо к магниту. Майлин вздрогнула и протянула руку, как бы желая удержать его, но тут же опустила руку и застыла.

— Что ты скажешь в этом месте и времени, Поющая?

Вопрос, прозвучавший также и в моей голове, не был высказан вслух, но был от этого не менее понятным.

— Дело было так... — начала Майлин и рассказала все просто и ясно.

Никто не перебивал ее, не комментировал наши невероятные испытания. Когда она кончила, женщина на помосте сказала:

— И еще что-то было в твоем уме, Поющая: в твоем клане есть одна, испытавшая сердечный голод, и если подобие того, о ком страдает ее сердце, вернется, возможно, это принесет ей облегчение.

— Это правильно? — спросил мужчина, стоящий справа от говорившей.

— Сначала я не думала об этом. Позже... — Рука Майлин поднялась и упала в слабом жесте покорности.

— Пусть та, кого это касается, выйдет вперед! — приказала женщина.

Движение в толпе — и вышла девушка. Хотя я не силен в определении возраста тэсса, я сказал бы, что она была еще моложе Майлин. Она протянула Майлин руку, их пальцы сцепились во взаимном приветствии и глубокой привязанности.

— Мерли, посмотри на этого мужчину. Тот ли это, кого ты оплакивала?

Она быстро повернулась и взглянула на меня. На секунду на лице ее появилось что-то вроде пробуждения, глаза вспыхнули, как у человека, увидевшего чудо, затем глаза погасли, лицо затуманилось.

— Это не он, — прошептала она.

— И не может быть им! — резко сказала другая женщина на помосте. — Ты и сама это знаешь, Поющая! — Ее резкость усилилась, когда она обратилась к Майлин. — Слова Правил не могут измениться, Поющая, ради личных причин, каковы бы они ни были. Ты давала клятву, и сама ее нарушила.

Мужчина на возвышении поднял свой жезл и провел его светящейся верхушкой по воздуху между Майлин и остальными тремя главными.

— Слова Правил, — повторил он. — Да, мы полагаемся на слова Правил, как на якорь и поддержку. А те-

перь мне кажется, что эта печальная спираль началась как раз из-за слов Правил. Майлин. — Он один назвал ее по имени, и в его голосе слышалось страдание. — Первый раз она спасла этого человека, уплачивая долг. За большую часть того, что случилось с тех пор, она также не ответственна. Поэтому мы обязаны сделать то, что она предполагала, — вернуться с ним в Йрджар и исправить то, что было сделано ее силами.

— Она не может этого сделать, — сказала женщина с резким голосом, и я услышал в ее тоне удовлетворение. — Разве вы не слышали, что случится с Майлин, Поющей, если ее там увидят?

Майлин подняла голову и с удивлением посмотрела на нее:

— Что ты имеешь в виду, Старейшая? Какая опасность грозит мне в Йрджаре?

— Инопланетники, которые зажгли пожары, убивали людей и выпустили барсков войны, уверяли, что Майлин околдовала Осокана, сделала его сумасшедшим, и ее нужно убить. Многие этому верят.

— Инопланетники? Какие? И зачем? — Я вмешивался вроде бы не в свое дело, оно касалось только Майлин и правительства ее народа. Но инопланетники? Причем тут они?

— Не твоего племени, сын мой, — сказал один из мужчин. — Это тот, кто приходил к Майлин до всей этой истории и хотел сделать ее своим орудием, а также те, для кого он действовал. Похоже, что у тебя и твоего народа тот же сильный враг, что принес войну на Йиктор.

— Но... если ты имеешь в виду людей Синдиката... — Я ничего не понимал. — У меня нет личных врагов среди них. В древние времена наш род и их враждовали, это правда. Но в последнее время наши разногласия были улажены. Это какое-то безумие!

Одна из женщин на платформе печально улыбнулась.

— Всякое убийство и война — безумие, будь то между человеком и человеком или между человеком и животными. Однако по каким-то причинам те люди сражают-

ся на равнинах и назначили цену за Майлин. Возможно, они боятся, что она слишком много о них знает. И ехать в Йрджар...

— Как Майлин, — сказала девушка, стоящая рука об руку с моей спутницей, — наверное, нельзя. А как Мерли?

Старейший задумался, затем кивнул почти с сожалением.

— Сейчас самое время. Третье кольцо уже начинает бледнеть, а только под ним можно по-настоящему обменяться тэсса с тэсса. У вас это сохранится не более четырех дней.

— Наверное, надо, — сказала Мерли, — произвести обмен не здесь, а на холмах, на границе с равнинами. Тогда четырех дней будет достаточно, чтобы съездить в Йрджар.

Майлин покачала головой.

— Лучше уж я поеду в своем теле, чем рискну твоим, сестра. Я сама плачу свои долги.

— Кто говорит, что ты не платишь? — возразила Мерли. — Я прошу только, чтобы ты следовала мудрости, а не глупости. Ты говорил, — Мерли обратилась к вождю, — что Майлин имеет право довести эту авантюру до конца. В Йрджаре многие знали, что Маквед и я были спутниками жизни. Если мы пойдем вместе, кто нас в чем-нибудь заподозрит? Это самый лучший способ.

Наконец было решено, что ее план хорош. Меня не спрашивали. По правде сказать, я был занят мыслями об инопланетниках. По словам Майлин, Слэфид с самого начала был замешан в интригах Осокана и угрожал Майлин и Малику. Но ведь я знал, что он всего-навсего младший офицер на корабле Синдиката. Зачем Синдикату война на Йикторе? В прошлом они устраивали такое на примитивных планетах, — мы знаем об этих кровавых историях, — и ловили рыбку в мутной воде, когда обе воюющие стороны истощались. Но на Йикторе, насколько я знаю, нет таких богатств, чтобы стоило идти на риск привлечь внимание Патруля.

Я ломал себе голову над этим, пока мы ехали обратно по своему следу.

Ехали мы верхом — я, Майлин, Мерли и двое мужчин тэсса, — ехали с такой скоростью, на какую были способны животные. Через три дня скачки мы добрались до укромного уголка у спуска на равнины и разбили там лагерь.

В эту ночь мы спали и на следующий день оставались там же, так как обмен между Майлин и Мерли требовал ненапряженных, отдохнувших тел. Тем временем я пытался узнать, что мог, относительно инопланетников. Понимая мою заинтересованность, все обсуждали со мной этот вопрос, но никто не мог представить себе, по каким причинам Йиктор оказался мишенью для подобного вмешательства.

— Ты говорил о сокровищах, которых много, и самых разных, — сказала Майлин. — Ты говорил, что вещь, стоящая в одном мире дороже человеческой жизни и свободы, в другом мире — ничто, детская игрушка. И я не знаю, что у нас есть такого ценного, что принесло нам бедствие со звезд.

— Я тоже не знаю, — сказал я. — Ничего нового и потрясающего на ярмарке не появилось. Все товары, что были там, уже известны вольным торговцам. Мы, наверное, взяли на Йикторе выгодный груз — иначе «Лидис» не ушел бы, — но груз недорогой, не тот, что мог заставить Синдикат броситься в набег.

— Матен, — сказал один из тэсса своему товарищу, — когда мы снова поедем, нам, пожалуй, не придется говорить «это не наше дело, пусть равнинные жители сами разбираются», потому что весь наш мир может оказаться запутанным в это дело, и тогда это коснется и нас.

— В Йрджаре есть консул-инопланетник. — Я ухватился за последнюю надежду узнать, как и почему случилось все это. — Он должен знать, хотя бы частично!

На вторую ночь заработала магия тэсса. На этот раз я в ней не участвовал, и меня послали ждать ту, что выйдет из маленькой палатки, которую они поставили для своих действий. И когда она вышла, одетая в плащ и готовая ехать, мы с ней отправились к равнинам. Остальные остались.

Признаки войны были заметны и здесь, и мы старались как можно меньше быть на виду. Я уже начал сомневаться, попадем ли мы вообще в Йрджар.

Вполне возможно, что город в осаде. Майлин, бывшая в теле Мерли, не разделяла моего пессимизма. Йрджар всегда был нейтральным городом, местом для встреч, даже когда ярмарка не работала. И если восстание действительно спровоцировано инопланетниками, они первым делом постараются сохранить свободный доступ к космопорту. Войны на Йикторе в основном проходили в набегах, быстрых атаках, а не в осадах хорошо укрепленных фортов. От такой осады мало пользы, и свободно организованные объединения бойцов быстро теряют терпение.

К счастью, нам не надо было ехать в окруженную стеной часть города, так как дом консула стоял на краю площади порта. Так что мы свернули на юг, оставив дорогу в Йрджар в стороне, и въехали в порт. Там был всего один корабль — официальный курьер, и я заметил, что он стоит необычно близко к дому консула. В остальном порт был абсолютно пуст. Мы ехали медленно, усталые от двухдневной скачки. Наши казы чуть не падали от усталости, и нам нужны были новые, если нам, вернее, Майлин придется ехать снова. Если все пойдет хорошо, меня выгонят из Йрджара только на корабле.

Мы доехали до края поля без какого-либо оклика, и мне не нравилась тишина, ощущение, что жизнь существует только по ту сторону, в остальном мире. Мы осторожно подъехали к воротам консульства и там были остановлены, но не стражниками, а силовым полем. Видимо, оно окружало все здание.

Я приложил ладонь к переговорному устройству внешнего поста, хотя ладонь тэсса ничего не значила для замка, и сказал в микрофон, что у меня важное дело к Прайдо Алсею. Долгую, очень долгую минуту я думал, что либо войду в пустой офис, либо покажусь столь подозрительной фигурой, что скорчусь от удара луча.

Но затем экран осветился, я увидел лицо консула и знал, что он тоже меня видит.

Когда я заявил о своем деле, я говорил на торговом языке, и теперь консул смотрел на меня с удивлением. Он повернул голову и что-то сказал через плечо, потом снова взглянул на меня.

— Что у вас за дело? — спросил он по-йрджарски.

— Важное, и именно к вам, джентльхомо, — ответил я на торговом.

Видимо, он не поверил мне, потому что не ответил. Но через несколько секунд отворилась дверь во внутренний двор, и консул появился там с двумя охранниками. Да и силовой щит был достаточно надежной защитой против любого оружия, известного на Йикторе.

— Кто вы?

Я решил сказать правду в надежде, что кажущаяся ложь разбудит его любопытство и он позволит мне рассказать все.

— Крип Ворланд, помощник суперкарго, вольный торговец «Лидис».

Он уставился на меня и сделал какой-то жест. Один из охранников подошел к стене, и на мгновение свет силового поля исчез. Оба охранника направили на нас излучатели, как бы захватывая нас лучом. Мы въехали на шатающихся казах во двор, и я услышал свист, будто за нами задвинулся экран.

— А теперь, — торопливо сказал Алсей, — для разнообразия начните с правды.

Все, кто ходит по звездным дорогам, должны принимать самые невероятные вещи, переходящие всякие границы достоверного. Однако я думаю, консул в Йрджаре нашел мой рассказ наиболее странным из всего, что когда-либо слышал. Но хотя я и выглядел тэсса, я выложил столько инопланетных деталей, что консул согласился, что такое мог знать только тот, кто служил на торговце. Когда я закончил, он долго смотрел то на меня, то на Майлин.

— Я видел Крипа Ворланда, вернее, то, что от него

осталось, когда его принесли. А теперь появляетесь вы и рассказываете мне обо всем этом. Что вы хотите?

— Сообщить на «Лидис». Позвольте мне самому составить сообщение. Я могу указать детали, которые докажут, что я говорю правду.

— Я дам вам разрешение, Ворланд, — он сухо улыбнулся, — передать все, что вы захотите, — если вы сможете.

— Как это — если смогу?

— Я, как вы могли угадать по моему приему, больше не являюсь свободным агентом на Йикторе. Тут работает спутник-перехватчик на орбите.

— Спутник перехватчик! Но...

— Вот вам и «но». Сто лет назад это было бы обычной, вполне приемлемой ситуацией, но в наше время это просто ошеломляет, правда? Синдикат Корбурга или какие-то агенты, представители этого Синдиката, высадились здесь и уверены, что все в их руках. Я видел доказательства их безжалостных действий.

— Но чего они добиваются? — спросил я. Как он справедливо заметил, сто лет назад такое пиратство никого не удивляло, но сейчас! Патруль давно уже подрезал аппетиты крупных компаний и синдикатов, и за подобные действия строго взыскивалось.

— Что-то есть, — ответил Алсей, — но что именно, не вполне ясно. Итак, ваша проблема становится относительно малой — разумеется, не для вас. Дело в том... — Он замялся. — Наверное, я не должен был бы рассказывать вам об этом, но вы должны быть готовы. Я видел ваше тело, когда оно вернулось сюда. Ваш врач не был уверен, что вы сможете лететь, и протестовал. «Лидис» получил частное предупреждение от местных купцов и согласился отвезти мое письмо в ближайший пост Патруля. Потом из разных намеков и слухов я понял, что «Лидис» стартовал как раз вовремя. Но вы, или ваше тело... возможно, не пережили взлета.

Я взглянул на свои руки, лежащие на столе. Длинные тонкие пальцы, кожа цвета слоновой кости — чужие ру-

ки, но они служат мне хорошо и слушаются моих команд. А что, если консул прав, если Крип Ворланд, взятый обратно на «Лидис», теперь мертв, положен в гроб по обычаю моего народа и будет вечно кружиться среди звезд?

Рядом зашевелилась Майлин.

— Я должна ехать. — Голос ее был слабым и очень усталым.

Я вспомнил: обмен между Майлин и ее сестрой не может длиться долго. С каждой минутой опасность для них росла.

— Вы так и не узнали, чего хочет здесь Корбург?

— Тут многое. Недавние перемены в Совете, особенно потому, что они касались правительств некоторых внутренних планет. Этот мир может служить убежищем или базой, временно, конечно, но, возможно, необходимой для какого-нибудь бывшего президента, которому не повезло в его родном мире. Здесь он может тренировать армию, а потом вернуться с нею.

Это звучало неправдоподобно, но консул был лучше меня подготовлен к угадыванию правды. Ясно, что сейчас нечего и думать добраться до «Лидиса».

Если капитан Фосс сумел попасть на пост Патруля, то пройдет некоторое время, прежде чем они появятся на Йикторе.

С другой стороны, у Майлин остается очень мало времени. Нам лучше вернуться к ее народу и переждать войну. Я попросил записывающее устройство и продиктовал письмо, по которому, как я надеялся, меня узнают на «Лидисе». Затем я сообщил Алсею, что собираюсь делать, и он одобрил мой план.

Он дал мне новых казов, правда, не таких выносливых и привычных к горам, как те, что везли нас в Йрджар. В сумерках мы выехали из порта. На этот раз нам не удалось остаться незамеченными: нас выследили, и только благодаря влиянию Майлин на казов мы ушли от преследования. Пение еще больше истощило Майлин, и она потребовала увеличить скорость, так как боялась упасть

раньше, чем мы достигнем лагеря. Под конец этой кошмарной скачки я пересадил Майлин на своего каза, потому что она больше не могла сидеть одна. Выбиваясь из сил, мы въехали в овраг между двумя холмами, где остальные должны были ждать нас.

На Земле валялась скомканная, разодранная палатка. Запутавшись в ее складках, лежал один из тэсса.

— Мунстенс! — Майлин вырвалась из моих рук и бросилась к нему. Она взяла его за голову обеими руками, вглядывалась в неподвижное лицо и прислушивалась к его дыханию. Весь перед его туники был в алых пятнах, однако он каким-то образом удерживал последние капли жизненных сил до нашего приезда.

— Мерли, — раздался его мысленный шепот, хотя ни одного слова не вышло с помертвевших губ, — ее увезли, думали, что это ты...

— Куда? — одновременно спросили мы.

— На восток...

Он многое сделал для нас, но это был конец. Легкий вздох — и жизнь ушла из него.

Майлин взглянула на меня:

— Они искали меня. Хотят моей смерти. Если они поверили, что теперь я в их руках...

— Мы поедем следом! — обещал я, и будь что будет, но я сдержу свое слово.

Глава 19

КРИП ВОРЛАНД

Я увидел, что воля человека может заставить его перейти границы физических возможностей: Майлин, которую я вез почти на руках, проявила такую волю, выехав из разоренного лагеря.

Я закатал тело тэсса в лоскут палатки и огляделся в поисках следов другого нашего спутника.

— А где Матен?

Майлин уже сидела в седле, закрыв лицо руками.

— Он ушел вперед, — ответила она.

— Тоже пленником?

— Моя сила быстро падает. Я не могу сказать. — Она уронила руки и взглянула на меня такими пустыми глазами, будто жизнь ушла из них. — Привяжи меня. Я не знаю, смогу ли я ехать.

Я сделал то, что она меня просила, и мы выехали из оврага по следу налетчиков, которые не трудились скрывать его. Там было множество следов казов. Я подумал, что тут было не менее десятка всадников.

Мы ехали не по дороге, как раньше, а через холмы. Майлин не правила своим казом, тот сам вплотную следовал за моим. Она опять закрыла руками лицо, и я подумал, что она теперь скрылась и от физического, и от умственного мира, чтобы поддерживать связь, ведущую к цели.

Ночь сменилась днем, и мы обнаружили место привала, где зола была еще горячей. Голова Майлин опустилась, руки бессильно повисли, она тяжело дышала и поднялась только по моему настоянию. Я влил ей в рот воды и заметил, как ей больно и трудно глотать. Она выпила совсем немного.

Странно было видеть ее такой покорной, когда я привык считать ее одаренной сверхчеловеческим могуществом. Ее полузакрытые глаза остановились на мне, когда я напоил ее, и в них было знание.

— Мерли еще жива. Они везут ее к какому-то верховному лорду, — еле слышно прошептала она.

— А Матен?

Я надеялся, что другому тэсса удалось избежать смерти или плена и что он может присоединиться к нам в слабой попытке отбить тело Мерли у захватчиков.

— Он... ушел.

— Умер?!

— Нет. Он ушел звать...

Ее голова снова упала на грудь, стройное тело качалось на ремнях, которые держали ее в седле. Я не

стал поднимать ее. Я стоял в пустом лагере врага и думал, что теперь делать. Майлин явно не может продолжать путь, а ехать одному глупо. Но бросить след я тоже не мог.

— Ах-х-х... — не то вздох, не то тихое пение послышалось со стороны Майлин. Я подскочил к ней. Этот звук слетал с ее губ, но она еще не вышла из оцепенения.

В кустах зашуршало. Я быстро обернулся, неуклюже выхватив нож тэсса: я не привык к этому оружию. Из кустарника, еще сохранившего листья, появилось животное — нет, животные, и не родственные. Первый зверь, высунувший клыкастую морду из кустов, вовсе не был того же образца, что и другие. Тут были Борба и Ворс, похожая на них Тантака, были похожие на Симлу — в общем, великое множество!

Животное, которое вело это молчаливое, целеустремленное передвижение, было новым для меня: длинное гибкое тело, грациозные кошачьи движения, остроухая голова и... глаза, светящиеся человеческим разумом!

— Что это? Кто это? — встретил я лидера вопросом.

— Матен!

— А другие? Тоже тэсса? Или кто-то из тех, кого отпустила Майлин? Может быть, компаньоны других хозяев и хозяек?

— И те, и другие, — ответил Матен, мягко прыгнул к казу Майлин, встал на задние лапы и посмотрел на нее.

— Ах-х-х... — снова протянула она, не открывая глаз и не глядя на Матена и компанию. Это была именно компания, а не полк.

Снова шелест веток, новые головы. На меня смотрели суженные глаза животных.

— Она не может ехать дальше, — сказал я Матену.

Мохнатая голова повернулась, круглые глаза встретились с моими.

— Она должна! — Он схватил зубами один из ремней, которыми она была привязана, и резко дернул. — Это удержит. Она обязана ехать!

Если он и дал своей армии какую-нибудь команду, я ее не слышал, но они хлынули потоком мимо Майлин к западу и исчезли. Не знаю, сколько их было, но, во всяком случае много больше, чем я когда-нибудь видел.

Кошка-Матен пошел перед нами, и мы поехали. Я старался держаться рядом с Майлин, чтобы подхватить ее, если понадобится. Она наклонилась вперед и почти легла на шею каза, полностью забыв о нас и о дороге.

Животные появлялись и исчезали, временами они подбегали и смотрели на Матена. Я был уверен, что они приносили сообщения, но никакой информации не мог уловить. Мы быстро ехали по холмам, и дорога привела нас не к ущелью, а к крутому подъему. Я спешился и пошел рядом с Майлин. Здесь не было признака какой-нибудь тропы, и мы некоторое время потихоньку двигались по острому гребню. Я не поднимал глаз от своих ног, чтобы не закружилась голова.

Наконец, мы вышли на ровное пространство. Здесь шел снег, и тонкие его хлопья жалили мне ноздри, яркими точками сверкали в воздухе. На равнинах еще стояла осень, а здесь зима уже пригладила землю. Я плотнее запахнул плащ на Майлин, она зашевелилась под моей рукой. Я чувствовал, как пробегает дрожь по ее тонкому телу, слышал ее тяжелое дыхание, затем крик. Она оттолкнула мою руку, села, как не сидела уже несколько часов, посмотрела на меня, на скалы, на снег сначала диким невидящим взором, а потом узнавая все.

— Майлин! — пронзительно крикнула она. Ей ответило эхо и низкий рык животного с глазами Матена. Она сразу же прижала руки к губам, как бы желая задушить свой крик.

Только что усталая и беспомощная, она теперь сидела прямо, как будто в нее вливались волны силы. На ее щеках появился даже нежный румянец, более яркий, чем я когда-либо видел у Майлин.

Майлин? Теперь мне было ясно, что это была не Май-

лин. Мерли вернулась в свое тело. Прежде чем я успел высказать это или спросить, она кивнула:

— Мерли.

Это я и сам угадал. Время Майлин кончилось, обмен совершился без всякой церемонии и без внешних признаков.

— А Майлин? — спросили мы с Матеном — я вслух, а он мысленно.

— С ними. — Она вздрогнула, и я знал, что не от холода, хотя дул холодный ветер.

Она обвела глазами пики, как будто искала ориентиры, а затем показала на один из пиков справа:

— Их лагерь там, на дальнем склоне.

— Надолго? — спросил Матен.

— Не знаю, они ждут кого-то или какое-то распоряжение. Они держат Майлин по приказу начальника. Я не знаю, кто он. Не думаю, что у нас много времени в запасе.

Матен снова зарычал и исчез, блеснув красновато-серым мехом, и я знал, что не все те, кого он призвал в свой необычный отряд, помчались за ним. Мерли взглянула на меня:

— Я не Поющая. У меня нет силы, которая могла бы помочь нам сейчас. Я могу быть только проводником.

Она погнала каза вслед за Матеном, и я поехал за ней. В эти минуты я хотел бы снова оказаться в теле барска и бежать за воином тэсса. Бег уверенно ступающего животного в этом лабиринте скал и обрывов был бы куда быстрее, чем наши осторожные шаги. Меня подгоняло нетерпение, я еле сдерживался, чтобы не обгонять Мерли.

Она несколько раз бросала на меня быстрый взгляд и тут же отводила его, как будто искала что-то и каждый раз убеждалась, что этого нет. Я знал, что именно привлекало и затем отталкивало ее.

— Я не Маквед.

— Нет. Глаза могут обмануть, они ворота для иллюзии. Ты не Маквед. Однако сейчас я рада, что ты носишь

то, что принадлежало ему. Майлин попала в спираль, не соответствующую ее вращению. Сердце не один раз предавало мозг.

Я не понял ее слов, да это и не имело значения, потому что я знал только одно: пусть я тэсса только внешне, я никуда не сверну с дороги, лежащей теперь перед нами. Был ли я все еще Крипом Ворландом, спрашивал я себя, не скрывая сомнений. Когда я жил в теле барска, случалось, что человек терялся перед животным, теперь я тоже мог соединиться с тем, что оставалось от Макведа в его оболочке. А если я снова вернусь в тело Крипа Ворланда — на что теперь мало надежды, — стану ли я только Крипом Ворландом?

— Зачем им нужна Майлин? И как они нашли вас?

— Они не случайно нашли нас, а выследили, но как именно, не знаю. Зачем им Майлин, тоже трудно сказать. Я слышала, что они хотят возложить на нее вину за то, что с ними случилось. Думаю, что они собираются как-то воспользоваться ею, чтобы склонить Осколда на свою сторону и открыть какую-то дверь на западные земли, где он может стать верховным лордом. Тем, кто ее держит, дан приказ — только держать и больше ничего. Решать будет тот, кого ждут.

Мы поднимались, спускались и опять поднимались по бездорожью, но где казы все-таки могли поставить ноги. Мы были под тенью пика, на который указывала Мерли. Вокруг было тихо, не было ни одного животного из той армии, что маршировала с нами, если не считать четких подписей отпечатков лап то там, то тут.

— Казы дальше не пойдут. — Мерли спрыгнула с седла. — Отсюда мы пойдем сами.

Путь был крутым и опасным. Временами мы почти висели, удерживаясь кончиками пальцев, но все-таки дюйм за дюймом продвигались вперед. Мы обогнули скалу и вышли на другую сторону.

Снегопад прекратился, но сменился морозом, щипавшим легкие при каждом вдохе. Мы вошли в нишу и за-

глянули вниз, в красноватую бездну у подножия восточных холмов страны Осколда.

Наступила ночь. Я жалел, что у меня нет глаз Джорта, чтобы видеть в темноте. Земля была такой же жесткой и шероховатой, как и пещера, где мы укрылись. Спускаться в темноте было рискованно, но медлить мы не могли.

Мерли показала:

— Там!

Ни палаток, ни фургонов, только костер. Видимо, там не боялись привлечь внимание. Я пытался определить место на склоне, где мог находиться их пикет разведчиков. Мелькнула тень. Прикосновение к мозгу. Это прибежала Борба.

— Иди... — она качнула головой, показывая тропинку, и мы побрели за нею следом, стараясь как можно меньше шуметь. Спускаясь, мы заметили черную кучу. Из нее высовывалась рука ладонью вверх, с неподвижными пальцами. Борба оскалила зубы, зарычала и прошла мимо руки и того, что лежало на ней. Наконец мы спустились со скалы на землю. Отсюда нам не был виден маяк лагерного костра, пришлось положиться на мохнатого проводника.

У меня больше не было обоняния Джорта, но, возможно, нос тэсса устроен лучше, чем у моей породы: я улавливал запах животных и мог сказать, что армия Матена залегла здесь в ожидании. Затем как из-под земли выросло животное покрупнее, и я уловил мысль тэсса:

— В лагерь идет отряд. Торопись!

Мы пошли в тени скалы. Огонь костра поднялся выше, дал больше света: двое мужчин энергично подбрасывали в костер топливо. Я насчитал восемь человек в поле зрения. Все они, по-моему, были копией любого присягнувшего на мече, которых я видел в Йрджаре. Эмблемы на их плащах я не мог разглядеть.

— Чьи? — послал я мысль Матену.

— Люди Осколда — тот, тот и тот, — указал он на троих. — Остальные...

Я никогда не видел этой эмблемы.

Резкий и отчетливый звук горна оборвал разговор в лагере. Секунда молчания — затем приветственные крики.

— Где Майлин?

— Там, — ответила Мерли. В свете костра неподвижно лежало то, что я принял за сверток одеял. — Они боятся ее, боятся взглянуть ей в глаза. Они укутали ее плащами, чтобы она не обратила их в животных. Они говорят, что не только она, а все мы можем это сделать.

Я не слышал рычания Матена, но чувствовал вибрацию мохнатого плеча, прижавшегося ко мне.

— Не можем ли мы подобраться к ней... — начал я, но тут на свет костра вышел второй отряд. На плащах и шлемах сверкал и искрился орнамент.

Предводитель был заметно выше остальных.

— Осколд, — опознал его Матен.

До нас донеслись голоса, но слова чужого, неизвестного языка я не понимал и попытался опознать эмоции. Торжество, удовлетворение, злоба. Да, эмоции легче понять, чем слова.

Один из тех, кто занимался костром, схватил узел с Майлин и потянул вправо. Другой выступил вперед, взялся за ту часть плаща, которая покрывала ее голову и плечи, и сдернул. Ее серебряные волосы оказались на свободе. Гордо подняв голову, она стояла перед Осколдом.

— Берегись, лорд, она превратит тебя в зверя! — крикнул один из спутников Осколда, оттаскивая его назад. Его мысль была так интенсивна, что я мог прочесть ее.

Осколд засмеялся. Его рука в перчатке, усиленной кастетом с металлическими шипами, размахнулась и ударила Майлин в лицо. Она упала.

Так Осколд дал нам сигнал. Как только Майлин упала, из темноты выпрыгнули тени — они рычали и визжали, выли и рвали, рвали, рвали. Я услышал крики людей, вопли животных и бросился к Майлин.

Я не мастер меча, и мой нож был для меня плохим оружием, но я снова почувствовал в себе ярость Джорта, в мозгу вспыхнул красный занавес, закрывающий мысли и оставивший мне только одну цель. Так было, когда я гнался за Осоканом и его людьми...

Она не шевельнулась под моей рукой, в ней не было жизни, лицо было обращено к небу — кровавое месиво из костей и мяса. Я наклонился над ней и зарычал, как те мохнатые существа, которые сражались рядом.

Как было с отщепенцами, убившими Малика, так было теперь и с этими.

Их охватил дикий ужас от такого способа ведения войны, человеческий разум не мог постичь его. Волны животных обрушились на них. Некоторые от страха лишились присутствия духа, хотя были воинами, другие сопротивлялись, убивали, третьи отступали, но животные преследовали их, сбивали с ног и убивали.

В этой вражеской группе для меня существовал только один, и я пошел на него, сжимая в руке нож. Несмотря на внезапность нашего нападения, один из охранников Осколда держался рядом с ним, ограждая его своим щитом от напора двух венесс, которые прыгали и снова отскакивали, ожидая удобного момента. Споткнувшись о чье-то тело, я упал вперед, едва не угодив в костер. Руки мои упали на излучатель — вещь, которую я никак не предполагал найти здесь, но которая улеглась в моей ладони так же привычно, как и разношенная перчатка. Я даже не стал вставать, а лежа нажал кнопку оружия, которое не имело права здесь быть.

Его луч пронесся опаляющим глаза огнем. Никакой щит не мог устоять против него, не только человек. Я хотел, чтобы Осколд почувствовал на себе мои руки, но я держал то, что послала мне судьба, и воспользовался инопланетным оружием. Раз... два! Осколд, наверное, уже упал, но там были другие его люди. Шипение — и луч умер, кончился заряд. Я швырнул лучемет в костер и бросился к Майлин.

Ее глаза под ужасной раной были теперь открыты. Она увидела меня и узнала — в этом я был уверен. Я поднял ее и отнес к скале, где была Мерли.

Я слегка пошатывался и вынужден был прислониться к холодному камню. Мерли была все еще там, она не дотронулась до того бедного свертка, который я держал, а только положила руку мне на плечо. Поток силы перелился от нее ко мне.

Это была битва, здесь сражались и умирали люди и животные. Для меня она была таким кошмаром, что я даже не помню деталей. Наконец все успокоилось, и мы снова пошли к костру. Все выглядело как наша победа, но вполне могло оказаться и поражением.

Я положил Майлин на платья Мерли, которые она расстелила. Майлин все еще смотрела на меня, на Мерли, на животных, на оставшегося пока кошкой Матена, у которого была рана в боку. Но мысли Майлин не доходили до меня.

Только глаза ее говорили мне, что она жива. Внезапно я почувствовал, что не могу ни на кого смотреть, встал и пошел куда глаза глядят, спотыкаясь о мертвецов. Кто-то пошел за мной и, подпрыгнув, схватил зубами мою болтающуюся руку. Я взглянул — это была Борба. Из ее разорванного уха капала кровь, но неустрашимые глаза пристально смотрели на меня.

— Иди...

Ничто теперь уже не имело значения, и я пошел за нею. Мы пробрались через кусты и подошли к линии казов. Кто-то двигался впереди, раненый.

Борба зашипела и потянула меня за руку, понуждая идти туда. Фигура, нащупывая поводья, повернулась ко мне. В темноте я не мог разглядеть лица, но понял, что это беглец из лагеря. Я бросился на него. Он упал под моим весом, но попытался сопротивляться. Я нанес ему такой удар, что моя тонкая рука тэсса онемела. Но и тот, подо мной, не шевелился более. Я схватил его за воротник и потащил к свету.

— Крип Ворланд! — донесся до меня призыв. Я бросил бесчувственного пленника и побежал к тем троим, что ждали меня. Матен лежал, положив голову на колени Мерли, а Майлин... Я не мог собраться с духом и взглянуть на нее. Но ведь она призывала меня! Я опустился на колени и взял ее руки в свои. Ее руки не ответили мне пожатием. Жили только ее глаза. Рядом с ней кто-то шевелился и скулил — Ворс или кто-то из той же породы.

Мерли пошевелилась. Матен поднял голову. Было светло от костра, но над нами висела луна. Ее три кольца, бывшие такими яркими и отчетливыми в начале нашего безумного приключения, теперь затуманились. Видимо, они скоро исчезнут.

— Луна! — чуть шептала мысль. — Матен, луна!

Ее руки были совсем холодными, и не было ничего, что могло бы согреть их. Глассия вдруг пронзительно вскрикнула. Голова Матена поднялась выше.

Из его горла вырвался громкий звук, но это не было звериным ревом, это было пение, которое входило в мою голову, в кровь, проходило через меня.

Мерли подхватила песню, она не могла быть запевалой, но вторить могла. А глаза Майлин были прикованы к моим, они старались найти что-то, прикоснуться к той части моего теперешнего мозга, о которой Крип Ворланд ничего не знал. И я, кажется, тоже запел, хотя не особенно в этом уверен.

Мы сидели в легком тумане угасающих лунных колец и песней помогали Майлин выйти из смерти в новую жизнь.

Когда я снова обрел полное сознание окружающего, в моих руках были руки оболочки, которую покинул дух. А на сгибе моего локтя лежала теплая, маленькая мохнатая головка...

Я выпустил руки смерти, чтобы прижать к себе тепло и жизнь.

Пленник, захваченный мной у линии казов, смотрел на меня, когда мы привели его в чувство, но, конечно, не уз-

нал. Зато я его узнал: он мало изменился с того дня, когда внушил мне мысль встретиться с Майлин. Гек Слэфид! Он пытался торговаться с нами — это с тэсса-то! Такой глупости я от него не ожидал — разве что мой способ брать в плен временно лишил его разума. Затем он стал угрожать, рассказывая, что случится со всеми тэсса, если его немедленно не отпустят, намекал на тех, кто стоит за ним. Тут, видимо, его тоже подгонял страх. Но мы услышали достаточно для того, чтобы я смог угадать остальное...

Алсей попал в точку относительно начала всего этого: к Йиктору уже не первый год приглядывались те, кто нуждался в примитивной планете как базе и складе боеприпасов. Синдикат Корбурга так глубоко увяз в политической игре, что мог утонуть, если эти исследователи не помогут ему. Они считали, что тэсса представляют угрозу, и планировали организовать против них великий крестовый поход. Предполагалось объединить лордов в армию под одним вождем, чтобы можно было отправить эту армию куда потребуется. Однако старинная вражда и соперничество между лордами затрудняли работу, и было решено воспользоваться столкновением Майлин с Осоканом, чтобы подхлестнуть этот крестовый поход.

Кто знает, к чему это могло привести? Сейчас Слэфид выбыл из игры, и я уверен, что сознание этого разъедало его, и он без устали бормотал, отказываясь признать крушение своих честолюбивых планов.

Мы взяли его с собой в ту странную долину на дне бывшего озера. И там мы все стояли перед Старейшими. На Слэфида они почти не потратили времени, а отдали его мне, чтобы я отвез его в порт и поставил перед судом его собственного народа. Они знали, что он моей крови и поэтому должен быть под моей ответственностью.

Затем они судили Майлин по своим законам. Мне не позволили ни спрашивать, ни говорить и дали понять, что только из любезности разрешают мне присутствовать.

Когда я уезжал оттуда, со мной поехал страж-тэсса. Я вез с собой мохнатое существо, но не Ворса, а другое.

Таков был их приговор — она остается в теле, добровольно отданном ей той, которая любила ее, и будет жить в нем до тех пор, пока луна и звезды не встанут в благоприятное для нее положение, согласно каким-то неясным подсчетам Старейших. И все это время она должна быть со мной, поскольку, как они сказали, я был ее жертвой — с чем я не был согласен.

Мы привезли Слэфида, впавшего теперь в мрачное молчание, в Йрджар.

Здесь ему пришлось заговорить — с офицерами Патруля, которые прилетели по письму, доставленному «Лидисом». Так кончилась эта инопланетная авантюра, по крайней мере в том, что касалось Йиктора. Планета осталась зализывать раны и наводить хоть какой-то порядок в хаосе.

И вот я сидел с капитаном Фоссом и остальными с «Лидиса» и поглядывал в зеркало, висевшее на стене жилой комнаты консула. Там я видел тэсса. Но в теле тэсса был, может, изменившийся, но все-таки Крип Ворланд. Пути тэсса — не мои пути, я не был настоящим тэсса и не мог жить их жизнью. Они открыли бы для меня свои фургоны и палатки — Матен, снова приняв человеческий облик, приглашал меня в свой клан, но среди них я был бы кем-то вроде однорукого, хромого и одноглазого калеки.

Все это я рассказал Фоссу, но, по нашему обычаю, решение принадлежало не только ему, а всей команде. Ведь пустая скорлупа от Крипа Ворланда, увезенная с Йиктора, умерла и была выброшена в космос. И теперь я ждал, сочтут ли Крипа Ворланда действительно умершим или позволят ему вернуться к жизни.

— Вольный торговец, — задумчиво сказал Фосс. — Я видел за свою жизнь много вещей и много обменов в разных мирах, но впервые вижу обмен телами. Ты сказал, что эти самые тэсса смотрят на свою внешность, на мясо и кости, как мы смотрим на одежду, и могут сменить ее в случае необходимости. Это остается в силе и для тебя?

Я покачал головой:

— С моим собственным телом — да, но не с другими. Я тэсса только по виду, но не по силе. Я останусь таким, каким вы меня видите.

— Вот и хорошо! — Лидж ударил ладонью по столу. — Раньше ты знал свое дело, делай его и в другом теле. Как, ребята, согласны?

Он взглянул на Фосса и на остальных. И я почти прочел их вердикт еще до того, как услышал его. По правде сказать, я внутренне сомневался, имею ли я право просить о возвращении на «Лидис»: ведь во мне была какая-то часть Джорта и Макведа. Возможно, я получил не только тело. Но если они меня считают Крипом Ворландом, я постараюсь стать им полностью. Я должен отбросить всякие сомнения. Джорт и Маквед ничто по сравнению с тем, чего ждали от меня. Я Крип Ворланд, торговец, вот и все. Так и должно быть!

Но я увез с Йиктора не только другое тело. Мою кабину и мои мысли делит маленькая мохнатая особа. Я часто вижу ее не такой, какая она сейчас, а какой она была. Она пришла по своей воле и по воле тэсса.

Время между звездами растягивается, и судьба поворачивается то хорошей, то дурной стороной. Есть сокровища — и сокровища. Может, одно из них попадет в наши руки и лапки. И у нас будет свой корабль, и мы с компанией маленького народа пойдем по звездным трассам. Как знать?

Я — Крип Ворланд с «Лидиса», и все уже забыли, что я раньше выглядел по-другому. Но я не забыл, кто живет в шкурке глассии и в один прекрасный день снова пойдет на двух ногах. Мы снова увидим Йиктор, и если он будет тогда под Сотрой, опоясанной Тремя Кольцами, — кто знает, что может случиться?

ЗВЕЗДНЫЕ ИЗГНАННИКИ

Глава 1

КРИП ВОРЛАНД

Что-то изменилось в комнате — или это потемнело у меня в глазах? Я прикрыл глаза руками и задумался: глаза ли меня подводят или здесь что-то не так? Потому что это появившееся марево вполне могло быть порождением сильных эмоций, и любой человек, обладавший хоть какими-то задатками эспера, легко мог определить, каких именно — это были вкус, запах и прикосновение страха. Не нашего собственного страха, а страха того города, что нервно пульсировал вокруг нас, как огромный испуганный зверь.

Мне захотелось убежать из этой комнаты, из этого дома, из этого города в безопасность «Лидиса» и спрятаться в раковине корабля вольных торговцев, бывшего моим домом, от этого страха, граничащего с ужасом. Но я остался сидеть где сидел, руки мои спокойно лежали на коленах, и я продолжал наблюдать за своими собеседниками и вслушиваться в щелкающие звуки речи людей из города Хартума планеты Тот.

Их было четверо. Двое из них были священники преклонного возраста. Дорогие фиолетовые накидки, которые они так и не сняли, несмотря на жару в комнате, говорили об их принадлежности к высшим слоям местного духовенства. Темная кожа лиц, бритые головы и оживленно жестикулирующие руки, согласно древней традиции, были окрашены в желтый цвет. Каждый ноготь на

пальцах закрывался металлической пластинкой, украшенной драгоценными камнями. Даже в приглушенном свете комнаты камни мерцали, вспыхивали и переливались, когда их пальцы привычно рисовали в воздухе символы общения со своим богом.

Их сопровождали официальные представители правителя Хартума. Они расположились за столом напротив нашего капитана Урбана Фосса, полностью предоставив ведение переговоров священникам. Руки их постоянно находились рядом с оружием на поясах — словно каждую минуту они ожидали, что распахнется дверь и в комнату ворвутся враги.

Нас было трое с «Лидиса»: капитан Фосс, суперкарго Джел Лидж и я — Крип Ворланд, самый младший в этой компании вольных торговцев. О вольных торговцах говорят, что они не могут жить без космоса и его бесконечных звездных дорог. Действительно, эта бесконечность расстояний и столь же бесконечная свобода наших передвижений составляли весь смысл нашей жизни. Мы были скитальцами так долго, что, похоже, превратились в новую расу человечества. Нам было наплевать на все эти внутрипланетные и даже межпланетные интриги, хотя порой мы оказывались втянутыми в них. Впрочем, это случалось достаточно редко. Опыт — жестокий учитель. Он научил нас держаться как можно дальше от политики.

Я сказал, что нас было трое. Я ошибся — нас было четверо. Стоило мне опустить руку, как пальцы прикасались к жесткому взъерошенному меху глассии. Она сидела рядом с моим стулом и гораздо острее, чем я, ощущала тревогу, сгустившуюся вокруг нас.

Посторонний, взглянув на нас, решил бы, что около меня сидит обыкновенная глассия с Йиктора. Черный густой мех, венчик жестких серо-белых волос на голове в виде короны, тонкий и длинный, как все ее тело, хвост, большие лапы с узкими и острыми, как кинжалы, когтями. И все-таки это была не глассия. В теле животного жила душа Майлин. Раньше она была Поющей Лу-

не из рода тэсса. Она обрела эту оболочку, когда ее настоящее тело было разбито и умирало. Ее собственный народ приговорил Майлин остаться в ней, пока она не заслужит прощение. Это было жестокое наказание. Те, кто приговорил ее, считали, что она нарушила законы своего народа.

Йиктор в пору Луны Трех Колец — все случилось именно тогда, чуть больше планетарного года назад, и навсегда теперь впечатано в мою память. Я не забуду ни одной мелочи, связанной с тем временем. Майлин спасла меня. Спасла мою жизнь, но не тело, которое было у меня, когда я приземлился на Йикторе. То тело давно умерло и вынуждено скитаться среди звезд, пока однажды не попадет в огненные объятия одного из солнц и не сгорит дотла.

Тогда-то у меня и появилось второе тело. Оно было на четырех лапах, охотилось, убивало, лаяло на Сотру — луну Йиктора. Оно оставило в моей памяти странные воспоминания о мире, полном запахов и звуков. А сейчас у меня уже третья оболочка, очень похожая на мое первое тело, но все же отличающаяся от него. Это последнее тело сохраняет бесчисленные воспоминания прошлого. Воспоминания постепенно проникают в мое сознание, и тогда мой привычный, обыденный мир «Лидиса» (который я знаю с самого рождения) начинает казаться мне незнакомым и странным. Мое прошлое не узнает его. И все-таки я остаюсь Крипом Ворландом независимо от внешней оболочки (ныне ею служит тело Макведа из рода тэсса). Это двукратное переселение моей души совершила Майлин, и за это она заключена теперь в тело зверя, ходит на четырех лапах и сидит рядом с моим стулом. И, честно говоря, я очень рад, что она осталась со мной.

Сначала я был человеком, потом барском, сейчас я — тэсса. Частицы каждого облика неразрывно смешались в моем сознании. Поглаживая жесткий хохолок Майлин, я слушал, смотрел и вдыхал в себя воздух, пропитанный не только запахами, характерными для домов Хартума,

но и эмоциями его обитателей. Я умею улавливать чужие мысли. В этом нет ничего необычного — многие торговцы обладают подобным даром. Но я знал, что у Макведа, как представителя тэсса, это чувство развито намного сильнее. Поэтому меня и пригласили на переговоры. Мое начальство решило использовать меня как эспера, чтобы как можно лучше понять тех, с кем нам пришлось общаться.

Гораздо более чувствительная, чем я, Майлин тоже должна была помочь нам проанализировать полученную информацию. Фосс использует наш отчет, когда станет принимать решение. А решение это должно быть принято очень быстро.

«Лидис» приземлился здесь четыре дня назад с грузом порошка палма, получаемого из бурых водорослей Гавайки. В обычное время этот порошок был бы продан храмам, использующим его в качестве горючего для вечнопылающих ритуальных огней. Торговля эта не особенно прибыльна, но, как говорится, жить можно. К тому же в обмен (если расположить к себе священников) можно заполучить что-нибудь из сокровищ Нода. А они стоят очень дорого на любой из внутренних планет.

Планеты Тот, Пта, Анубис, Сехмет и Сет вращаются вокруг звезды Амон-Ра. Из этой пятерки Сет расположен слишком близко к солнцу, чтобы на нем могла появиться жизнь, а Анубис представлял собой безжизненную ледяную пустыню. Оставались Тот, Пта и Сехмет. Все они были исследованы, а две — частично колонизированы несколько поколений назад переселенцами с Терры. Но только оказалось, что они не были первыми.

Наш народ поздно вышел в космос. Мы это обнаружили уже во время первой галактической экспедиции. Оказывается, существовали расы, империи, которые возвысились, распались и исчезли задолго до того, как наши предки обратили свой взор к небу, чтобы узнать природу звезд. Куда бы мы ни прилетали, везде встречали следы этих других людей — в основном не поддающиеся изуче-

нию. Мы назвали их «предтечами», считая, что это представители какой-то единой великой расы. Мы тогда еще многого не знали и не понимали. И только гораздо позже мы убедились, что существовало и существует множество галактических империй и множество рас, путешествующих в бесконечном времени и пространствах. Да и теперь мы знаем лишь ничтожную часть их.

На планетах звезды Амон-Ра люди отыскали немало древних следов этих межзвездных скитальцев. Но до сих пор все еще не были установлены истоки и генезис расы, которая здесь когда-то процветала: покорила ли она только систему звезды Амон-Ра или же была отдаленной ветвью еще не классифицированной галактической цивилизации. В пользу последней гипотезы говорила необычность и древность найденных на здешних планетах «сокровищ», над которыми священники чуть ли не с первых дней появления установили строжайший контроль.

Каждый народ имеет своих богов, свои управляющие силы, порождаемые какой-то внутренней потребностью верить в существование чего-то сверхъестественного, чего-то высшего. В некоторых цивилизациях эта вера выродилась в религии страха и тьмы с кровавыми жертвоприношениями, безжалостностью и неумолимостью служителей ужасных культов. В других — просто признают существование души и обходятся без всяких формальных ритуалов. Но во многих мирах, как, например, в этом, боги сильны, а их служители почитаются непогрешимыми и стоят намного выше светских правителей. Поэтому торговцы ведут себя очень осторожно в подобном мире, где много храмов и священников.

Система Амон-Ра была колонизирована беженцами с Веды. Они сбежали от всеобъемлющей разрушительной религиозной войны. Поэтому, конечно, с самого начала всем здесь заправляли церковные иерархи.

К счастью, они не были фанатиками и не боялись неизвестного. В некоторых мирах артефакты древних ци-

вилизаций просто уничтожались как дьявольские изделия. Но здесь некий дальновидный высокопоставленный священник в первые же дни очень быстро сообразил, что эти останки обладают немалой ценностью, которую можно использовать с большой выгодой. Он объявил все эти находки собственностью бога. Было решено, что они должны храниться в храмах.

Когда торговцы установили контакт с Тотом (поселение на Пта было слишком мало для космических визитов), им предложили для продажи ничтожную часть этих сокровищ. Но даже эта мелочь оказалась настолько ценной, что торговцы зачастили сюда, хотя здесь не было больше никакого другого товара, способного заинтересовать внешний мир.

Во время первой продажи им предложили самые незначительные предметы, почти крохи. Наиболее же ценные вещи использовались для украшения храмов. Но и этого было вполне достаточно, чтобы сделать путешествие далеко не бесполезным для вольного торговца, хотя подобная выгода не привлекала крупную компанию или синдикат. Торговое пространство нашего народа довольно ограничено. Мы живем на самой окраине торговой зоны галактики, и крупные компании сюда почти никогда не залетают.

Так что торговля с Тотом стала для нас обычным делом. Но время на корабле течет не так, как на планете. Между нашими визитами здесь проходили годы, и за это время могут произойти огромные перемены в любой сфере жизни — политической и даже физиологической. И когда на этот раз «Лидис» совершил посадку на Тоте, мы обнаружили здесь серьезные перемены. Напряженное бурление общественной жизни, которое мы сразу же почувствовали в городах планеты, предвещало начало социального хаоса. Постепенно мы начали разбираться в происходящем. Правительство и религия — долгое время правившие совместно — впали в противоборство.

Полгода назад в горной стране на западе от Хартума

появился новый пророк. Так бывало уже не раз, но раньше тем или иным способом служителям храмов удавалось нейтрализовать их влияние без существенных волнений. На этот раз духовенству пришлось защищаться более серьезно. Из-за их самодовольства и самоуверенности, укрепившихся за долгие годы незыблемого правления, они с трудом справились с первыми трудностями.

Как это иногда бывает, одна ошибка приводила к другой, гораздо более серьезной, и это происходило до тех пор, пока правительство Хартума не оказалось в опасности. Одержав над священниками ряд побед, восставшие почувствовали уверенность. Здешнее дворянство, как правило, неплохо относилось к духовенству. За долгие годы их интересы так переплелись, что теперь было очень сложно отделить их друг от друга. Но, как и в любом обществе, всегда найдутся недовольные. Небольшая часть дворянства (среди них попадались даже члены древнейших фамилий) считала, что имеет меньше, чем хотелось бы. Предвидя возможность извлечь для себя выгоду из происходящего, они объединились с мятежниками.

Искрой, которая разожгла пламя восстания, послужила попытка вскрыть один из тайников с сокровищами. В нем оказалась заключена и неизвестная таинственная инфекция, быстро убившая всех, кто участвовал в той операции. Болезнь стремительно распространилась дальше, унося жизни многих, не имевших никакого отношения к этому делу. Объявившийся священник-пророк стал внушать недовольным, что эти сокровища от дьявола и должны быть безоговорочно уничтожены.

Он взвинтил толпу, разбудив в ней жажду разрушений, призывая уничтожать монастыри, в которых тоже хранятся сокровища. Только тогда власти зашевелились. Но вирус насилия уже проник в народ. Восстание ширилось, находя сторонников среди тех, кто хотел изменить существующее положение вещей.

Обычно там, где действуют вековые и, казалось бы, незыблемые законы, власти часто не осознают серьез-

ности местных бунтов. Однако среди духовенства все же нашлось несколько человек, согласившихся, хоть и с неохотой, выехать для увещевания восставших. Но эти попытки обернулись лишь никому не нужной говорильней.

Теперь на планете полыхала первоклассная гражданская война, и, как мы уже успели понять, правительство чувствовало себя весьма неуверенно. Поэтому и была организована эта секретная встреча в доме местного правителя. «Лидис» на этот раз привез не очень ценный груз. И мы хорошо знали, что если однажды вольный торговец может позволить себе совершить невыгодную поездку, то следующий раз повлечет за собой продажу корабля за долги Лиге.

Для вольного торговца остаться без корабля равносильно гибели. Мы не знаем иной жизни: оседлое существование на планете для нас тюрьма. Даже если удастся устроиться на какой-либо другой корабль, нам придется начинать все сначала, и почти нет шансов выкарабкаться к самостоятельности. Для молодых членов экипажа вроде меня (я был всего лишь помощником суперкарго) еще оставалась кое-какая надежда добиться большего. Но и нам на первых порах пришлось бы отчаянно сражаться даже за наши низшие места. Для капитана же Фосса и других офицеров это означало бы полное поражение.

Таким образом, хотя мы и узнали о событиях на планете уже через полчаса после приземления, сразу мы не улетели. Пока оставалась хоть какая-то надежда окупить поездку, мы предпочитали не спешить со взлетом, хотя и были уверены, что не найдем здесь рынка сбыта для нашего груза. Фосс и Лидж поспешили связаться с духовенством. Но вместо того, чтобы, как обычно, организовать открытую встречу, они пригласили нас сюда.

Судя по всему, положение у них было настолько критическим, что они не стали тратить время на официальные приветствия, а сразу перешли к делу. Наконец-то после всех неудач, которые преследовали «Лидис», у нас

появился товар, которым мы могли выгодно торговать, — безопасность. Безопасность не для тех людей, которые сидели с нами в зале, и даже не для их владык, а безопасность для самых ценных сокровищ планеты. Нам предложили как можно скорее погрузить их на «Лидис» и вывезти в безопасное место.

Это уже превратилось в традицию — как только начинались волнения, верхушка духовенства улетала на планету Пта. Там в свое время построили огромный неприступный храм, стены которого были сложены из местных необычайно твердых минералов. Именно там они и собирались спрятать ценности храмов. А «Лидис» должен был перевезти бесценный груз.

Когда капитан Фосс спросил, почему они не используют свои собственные транспортные корабли (спросил вовсе не потому, что отказывался от их предложения), у них уже был готов ответ. Во-первых, их корабли летают на твердом топливе и пилотируются автопилотом, а экипаж их состоит из одного или двух техников. Отправлять сокровища на таком корабле весьма рискованно. При неполадках в управлении, которые случались довольно часто, сокровища могут быть потеряны навсегда. Во-вторых, на «Лидис», корабль вольных торговцев, можно положиться. Такова репутация вольных торговцев. Действительно, все знают, что, однажды связав себя обещанием, мы свято держим слово. Не использовать такое предложение было бы глупо.

Священники сразу же заявили, что если мы согласимся на их условия, они не сомневаются, что груз будет доставлен. И не один груз, а по меньшей мере два или три. Если восставшие не захватят город в ближайшее время, священники будут продолжать отправлять свои сокровища до тех пор, пока это возможно. Но самые ценные вещи они отправят первым кораблем. Они хорошо нам заплатят, и именно это было предметом обсуждения на встрече. Не то чтобы у нас были какие-то особо спорные вопросы. Но человек никогда не станет торговцем,

не умея, в зависимости от обстоятельств, четко и точно определять цену своих услуг. В настоящее же время у нас была монополия на то, что мы могли предложить.

За последние десять дней правительственные войска потерпели два серьезных поражения. И хотя королевская армия продолжала упорно защищать дорогу к городу, было ясно, что ей долго не продержаться. Фосс и Лидж знали об этом. Кроме того, существовала опасность восстания в самом Хартуме. Три других города уже сдались восставшим. Их агенты сумели проникнуть за стены города и поднять там бунт. Как сказал один из священников, это похоже на буйное помешательство, передающееся от одного человека другому.

«Тревога!»

Мне не нужен был этот мысленный сигнал от Майлин, так как я и сам почувствовал зловещее сгущение темноты. Мысль о том, что экстрасенсорными способностями обладали явившиеся на переговоры священники, я решительно отбросил — мы бы давно знали об этом. Эта аура страха почти наверняка была вызвана действиями неизвестного нам, но явно одаренного противника. Тем не менее я не чувствовал никакого четко выраженного воздействия.

Я пошевелился. Лидж быстро взглянул на меня, уловив мое мысленное предупреждение. Члены команды «Лидиса» доверяли мне и хорошо знали, что, когда я вернулся на корабль в обличии тэсса, мои способности эспера стали намного больше, чем были до того.

— Считайте, что мы договорились.

Как суперкарго, Лидж принимал окончательное решение. В таких ситуациях его слово было важнее слова капитана. Торговля была главной и единственной его обязанностью.

Священники после его слов успокоились, но атмосфера в комнате оставалась напряженной. Майлин снова коснулась моего колена, почему-то на этот раз она не захотела говорить со мной мысленно. Только после этого

я заметил, что хохолок на ее голове уже не топорщится. Я вспомнил, что знаком злости или ощущения опасности у глассий был ровный хохолок, лежащий на лбу. Поэтому я сам послал мысль на поиск, пытаясь разобраться, где таится опасность.

Прямое чтение мыслей невозможно без взаимного согласия участников. Но на эмоции настроиться достаточно легко, и я тут же обнаружил нечто такое, что заставило меня непроизвольно взяться за рукоять шокера. На некотором расстоянии ощущалась угроза, куда более сильная, чем атмосфера беспокойства в комнате. Еще труднее было определить, была ли эта угроза направлена на тех, кто нас собрал здесь, или опасности подвергалась наша команда.

Священники ушли первыми. У них была охрана. У нас ее не было. Фосс посмотрел на меня.

— Что-то неладно, не как обычно, — прокомментировал он.

— Нас ждут там серьезные неприятности. — Я кивнул на входную дверь. — Большие, чем мы ожидаем.

Майлин поднялась, положила передние лапы мне на плечи и подняла голову так, чтобы заглянуть мне прямо в глаза. Ее мысль сразу передалась мне в мозг: «Нужен разведчик. Разреши мне пойти первой».

Мне не хотелось разрешать ей. Здесь она была совершенно чужой и сразу же привлекла бы внимание. В ситуации, когда пальцы лежат на спусковом крючке, это может спровоцировать атаку.

«Ты не прав! — Она уже прочитала мои мысли. — Забываешь, что уже ночь. А я знаю, как сделать ночь другом».

Чуть помедлив, я приоткрыл дверь, и она выбежала на улицу. Холл был весьма плохо освещен, и я в очередной раз удивился тому, как умело она использовала сумерки для прикрытия. Она исчезла раньше, чем я осознал это.

Фосс и Лидж присоединились ко мне. Капитан проворчал:

— Очень напряженная атмосфера. Чем быстрее мы отсюда вылетим, тем лучше. Как долго продлится погрузка?

Лидж пожал плечами:

— Это зависит от размеров груза. В любом случае мы должны сделать все, чтобы подготовиться к его приему.

Он включил передатчик на запястье и отдал приказ на корабль, чтобы выгружали порошок и освобождали место под груз. Это было одним из наших условий, и священники вынуждены были согласиться. Они позволили нам самим рассчитать, что именно и сколько мы возьмем у них, и, когда груз уже будет переправлен на Пта, самим отобрать причитающуюся нам часть сокровищ. Хотя обычно торговцы вынуждены брать то, что им дают.

Один за другим мы вышли на улицу. По просьбе Фосса встреча проходила за стенами города. Мы не хотели рисковать, пересекая границу Хартума. Но я чувствовал, что не успокоюсь, пока не вступлю на трап «Лидиса».

Наша встреча началась в сумерках, сейчас уже стояла ночь. Даже сюда доносился тревожный гул города.

И вдруг...

«Берегись!»

Предупреждение Майлин прозвучало в моем мозгу отчетливее, чем крик.

«Бегите к воротам!»

Майлин послала сигнал такой силы, что даже Фосс принял его, мне не пришлось передавать его другим. Мы бросились к воротам вслед за Фоссом, который расчищал нам путь.

У стены, к которой мы бежали, завязался настоящий бой. Звучали выстрелы, хрипло кричали люди, раздавался грохот какого-то орудия. К счастью для нас, на этой планете технология не достигала уровня лазеров и бластеров. У них было старое стрелковое оружие, производившее сильный грохот. Но нас могли убить и этим оружием не хуже, чем бластером. Наши же шокеры не убивали, а только вызывали обморок.

Фосс нажал кнопку шокера, я и Лидж сделали то же самое, превращая узкий поражающий пучок в широкую полосу. Такая стрельба быстро истощает заряд, но в подобной ситуации у нас не было иного выбора. Нам необходимо было расчистить дорогу впереди.

— Беги направо!

Команда Фосса была лишней. Лидж уже метнулся в одну сторону, я в другую. Мы спешили. Нам надо было подойти как можно ближе к противнику, чтобы наша атака прошла более эффективно. Затем в дверном проеме я заметил Майлин. Она неслась ко мне, готовая присоединиться к нашему последнему натиску.

— Огонь!

Мы выстрелили одновременно, без разбора сметая всю эту сражающуюся толпу и врагов, и друзей, если таковые у нас имелись среди воевавших. Люди беспорядочно метались и падали, а мы попытались уйти, перепрыгивая через неподвижные тела, неуклюже распростершиеся около ворот. Но сами ворота все еще были закрыты, и мы тщетно наваливались на них.

— Рычаг! В охранке... — Фосс уже задыхался. Майлин опять исчезла. У нее, скорее всего, больше не будет человеческих рук, но лапы глассии тоже кое-чего стоят. В следующее мгновение она показала нам, как можно их использовать. Почти сразу створки ворот раздвинулись, пропуская нас вперед.

Мы бежали так, как будто все дьяволы неба вселились в наши ноги. В любой момент оружие сражавшихся могло быть направлено на нас. У меня появилось неприятное ощущение между лопатками, я почти физически ощущал, как туда ударяет пуля... Однако нам повезло. Мы благополучно добежали до трапа, сулившего безопасность. Все четверо, включая Майлин, с невероятной легкостью бежавшую рядом со мной, влетели на «Лидис». Едва мы проскочили открытый люк, как услышали лязг металла и поняли, что наши вахтенные закрыли вход на корабль.

Фосс прислонился к стене у трапа и перезарядил свой шокер. Стало ясно — с этого момента нам надо быть готовыми защитить себя и корабль.

Я посмотрел на Майлин:

«Ты знала, что у ворот будет бой?»

«Не совсем. Кто-то в темноте подбирался к нам и хотел вас схватить. Они собирались помешать вывозу сокровищ, но пришли слишком поздно. Бой у ворот спутал их планы».

Фосс не понял нашего мысленного разговора, и я объяснил ему, о чем мы говорили. Он стал очень серьезен:

— Мы согласились вывезти их сокровища, но пусть они сами доставят их сюда. Ни один член экипажа не покинет корабль.

Глава 2

КРИП ВОРЛАНД

— Что же нам теперь делать? На корабле мы пока в безопасности. Но как долго нам придется ждать?

Манус Хнольд, наш астронавигатор, включил обзорный экран, и мы, до отказа заполнившие рубку управления, изучали с его помощью то, что происходило сейчас снаружи.

Толпа, заполнившая площадку вокруг «Лидиса», проявляла нездоровый интерес к его пусковым ракетам. Но держались они пока на безопасном расстоянии от выжженной зоны. Хотя аборигены были неплохо вооружены и довольно дисциплинированны, это были отнюдь не войска, защищавшие правительство. Но как они предполагали причинить нам какой-то вред, пока мы внутри корабля, я не имел ни малейшего понятия.

Я решил снова использовать мысленный поиск: вокруг бушевали волны самых необузданных эмоций, и не было никакой возможности сосредоточиться на одной из них в этом море ярости.

— Не совсем же они дураки, чтобы рассчитывать на успех своей атаки на нас, — сказал наш инженер-механик Паулин Шаллард.

— Нет, конечно. — Лидж поднял голову и внимательно посмотрел на экран, словно хотел выделить из толпы какого-то конкретного человека. Хнольд включил «обзорное» изображение, и мы стали разглядывать панораму места посадки.

— На нас они не рискнут напасть. Им надо что-то другое. Они хотят помешать нашей торговле. Это горожане. Никогда не поверю, чтобы восставшие прорвались сюда в таком количестве и так быстро... — Он замолк и нахмурился, глядя на толпу.

— Подожди! — Фосс нажал кнопку, изображение замерло.

Мы увидели ворота, через которые недавно прорывались сами. Из них выходили хорошо вооруженные отряды в форме. На восставших явно готовилась атака правительственных войск. Отряд растянулся цепью, создавая прикрытие для большой платформы, на которой была укреплена длинная, на вид очень тяжелая труба. Солдаты скатили ее на землю, развернули и направили на толпу, находившуюся между ними и кораблем. Крайние ряды восставших поспешили отойти от линии огня, но огромный ствол поворачивался вслед за ними.

Люди начали разбегаться. Сначала по одному, по два человека, затем целыми группами. Мы не очень-то разбирались в современном вооружении на Тоте, но было хорошо видно, что это неуклюжее орудие внушает уважение и страх местному населению. Тем не менее перед кораблем оставалось еще довольно много восставших. Но ряды солдат, постоянно пополнявшиеся подкреплением со стороны города, все сильнее и сильнее напирали на толпу, с мрачным молчанием отступавшую перед ними.

— Вот они! — Лидж сделал движение в сторону входного трапа. — Они, кажется, собираются загружать корабль. Будем открывать?

При обычных обстоятельствах погрузка и разгрузка корабля относилась к обязанностям Лиджа. Но при угрозе безопасности «Лидису» командование автоматически переходило к Фоссу.

— Прикрой люки шокерами и открывай сначала верхний. И пока мы не убедимся, что они владеют ситуацией... — приказал капитан.

Несколько минут спустя мы стояли у верхнего люка. Он был открыт, и меня грызло неприятное чувство беззащитности, словно я находился на боевом дежурстве. Мой вычислитель был пристегнут к запястью, оставляя руки свободными для оружия. На этот раз я настроил шокер на узкий поражающий луч. Посмотрев на меня, Грис Шервин, наш второй механик, вжался в стену по другую сторону люка и установил свое оружие на высокоэнергетическое распыление.

Солдаты тем временем выдвинули свое орудие вперед, освобождая проход в городские ворота. Его огромное дуло все еще продолжало раскачиваться, очевидно, стараясь не выпустить из прицела нападавших. В узкой полосе смотровой щели мы уже почти не видели восставших. Хорошо были видны только убитые в перестрелке — их тела лежали неподалеку от трапа.

Городские ворота уже раскрыли настежь. Из них выезжал первый тяжелогруженый транспорт. Обитатели Тота использовали машины на жидком топливе. Нам они казались весьма неповоротливыми по сравнению с машинами внутренних планет, использующими солнечную энергию. И все же это было намного лучше, чем гужевые повозки примитивных обществ. Теперь к «Лидису» по полю катили три первых грузовика.

Каждую машину вел священник в рясе, а в кузовах ехала охрана в полной боевой готовности. Головы охранников были защищены странными круглыми касками, а руки сжимали оружие. Мы увидели, как первый грузовик остановился на платформе под качающимися тросами нашего подъемника.

Началась погрузка на «Лидис». Священники работали с энтузиазмом, но очень неуклюже. Я спрыгнул вниз, чтобы помочь им, стараясь не думать о том, что со стороны толпы запросто может прилететь шальная пуля, так как стрельба все еще продолжалась. Вверх и вниз, потом внутрь, и снова — вверх-вниз. С грузом надо было обращаться чрезвычайно осторожно. Хотя все было хорошо упаковано, мы постоянно помнили о том, что грузим бесценные сокровища. Первый грузовик разгрузили, он быстро отъехал в сторону, а люди, разгружавшие его, остались. Я продолжал руководить погрузкой и в то же время составлял список поднятых на борт предметов, занося каждый номер в регистрационную книгу. Лидж стоял у люка наверху и делал то же самое. Когда погрузка закончится, эти два списка будут заверены печатью в присутствии представителей духовенства.

Мы разгрузили уже три грузовика. На следующем привезли только четыре вещи — одну очень большую и три маленькие. Я просигналил, чтобы удвоили мощность подъемника, будучи не совсем уверен, пройдет ли такая большая корзина через люк. Груз с трудом, но прошел. Убедившись, что груз исчез в люке, я спросил у священника, отвечавшего за погрузку:

— Есть еще что-нибудь?

Он покачал головой, продолжая смотреть туда, где исчез этот большой груз. Потом взглянул на меня:

— Нет, больше нет. Но Высочайший должен прийти за списком погруженных вещей.

— Когда? — настаивал я, решив пока не включать мыслепоиск. Наверняка на меня обрушатся дикие эмоции, бушующие неподалеку отсюда, где бой еще не утих. Конечно, «Лидис» был крепостью, которую не возьмешь приступом, но чем быстрее мы улетим с Тота, тем лучше.

— Когда сможет. — Ответ прозвучал настолько неопределенно, что мог легко вывести из равновесия кого угодно. А священник уже повернулся ко мне спиной, отдавая приказы на своем родном языке.

Я пожал плечами и поднялся к люку. Там работал робот-погрузчик. Мой начальник стоял у стены напротив и считывал показания приборов. Когда я вошел, он остановил робота и нажал кнопку вывода списка.

— Они не возьмут списки, — доложил я. — Они говорят, что за ними придет Высочайший.

Лидж в ответ лишь недовольно хмыкнул, а я пошел осмотреть груз. Большой предмет, который погрузили последним, все еще держали на весу два робота. И хотя они были весьма крепкими, было видно, что они с трудом удерживают его. Я проследил, как роботы установили предмет в центре платформы и закрепили его ремнями, чтобы тот не сдвинулся во время взлета и посадки. Вскоре они закончили свою работу, и я смог наконец закрыть и опечатать грузовой отсек. Он будет закрыт до тех пор, пока мы не приземлимся на Пта. Теперь Лидж поставит свою подпись рядом с моей, и после этого только серьезная опасность, например пожар, может заставить нас вскрыть отсек.

Потом я прошел в свою каюту. Там, как обычно, на время погрузки расположилась Майлин. Она лежала, положив голову на передние лапы. Но не спала. Ее золотые глаза были открыты. Еще раз взглянув на нее, я понял, что она ушла в себя, и не стал ее тревожить. Хотя то, что она могла сейчас узнавать, было крайне интересно. Увидев, что я собираюсь уйти, она слегка приподняла голову. Я остановился и подождал, пока она заговорит.

«Пришел человек. Но это не тот, которого вы ждете».

Я подумал было, что это пришел за списком Высочайший, но она продолжала:

«У него иной склад ума, чем у тех, которые просили нашей помощи».

«Из восставших?»

«Нет. Этот человек носит такую же рясу, как и другие священники. Но он не разделяет их убеждений. Он считает, что это великий грех, дьявольский поступок — увозить сокровища из храма, где он служит. Он верит, что

в наказание за это его бог нашлет зло на всех, кто замешан в этом преступлении. Сейчас он пришел для того, чтобы передать нам проклятие своего бога. В этом боге больше гнева, чем любви и справедливости. Он пришел проклясть нас...»

«Так он пришел только проклясть нас или попытаться убить?»

«Не думай, что одно слабее другого. Иногда проклятие может стать очень сильным оружием. Особенно если оно направлено против верующих».

Надо сказать, что я достаточно серьезно отнесся к ее словам. Любой скиталец звездных дорог подтвердит: нет ничего такого, даже очень необычного и странного, чего не могло бы случиться в том или ином мире. Я уже встречался с проклятиями, которые приводили к смерти. Правда, это могло произойти, как сказала Майлин, только если тот, кого проклинали, тоже был верующим. Вполне возможно, что священники, которые передали нам на хранение свои сокровища, поверят в проклятие и умрут. Но вряд ли это проклятие представляет угрозу для команды «Лидиса». Вообще-то у нас тоже есть вера. Каждый человек верит в своего бога или высшую силу. Есть свой бог и у Майлин — она называет его Моластером, и вся ее жизнь подчинена ему. Но я совершенно не верил в то, что нам может угрожать божество Тота.

Майлин легко разобралась в моих мыслях:

«Верить в него или нет — это, конечно, твое личное дело. Но любое проклятие — тяжелая ноша. Зло порождает зло, тьма держится за тени. Проклятие верующего — это его собственная сила. Этот человек искренен в своей вере, и его вера настолько велика, что дала ему большую силу. Вера — это всегда сила».

«Ты предупреждаешь?» — я почувствовал тревогу. К словам, которые говорит Майлин, надо всегда относиться серьезно.

«Я не знаю. Если бы я была прежней...»

Ее мысли внезапно закрылись от меня. Никогда еще я не слышал, чтобы она сожалела вслух о том, что случилось на Йикторе, даже когда ее телу был нанесен смертельный удар, а Старейшие, в дополнение ко всему, наказали ее годами пребывания в теле глассии. Когда ее одолевала депрессия, она наглухо замыкалась в себе. И только сейчас, пожалуй, впервые за все это время, внезапно оброненная фраза выдала ее тоску и желание обладать своим прежним телом Поющей Луне из рода тэсса. Так человек в тяжелые минуты жизни жалеет об оружии, которое потерял.

Я решил, что ее сообщение должно быть как можно скорее передано капитану, и поспешил в рубку управления. Фосс внимательно смотрел на экран, на котором было видно, как колонна пустых грузовиков возвращалась в Хартум. Орудие еще стояло за воротами, а его расчет по-прежнему был в полной боевой готовности. Было похоже, что они ждут нового нападения.

— Люк закрыт, груз опечатан, — доложил я, хотя это была лишь пустая формальность. Лидж уже сидел на месте навигатора, пристегнувшись ремнями, и с задумчивым видом жевал кусочек укрепляющего сло-го.

— Майлин сообщила... — начал я, не совсем уверенный, слушают ли они меня. Они молчали, и я продолжил доклад.

— Проклятие? — переспросил Фосс. — Но почему? Разве мы не спасаем их сокровища?

— Мне кажется, — сказал Лидж в ответ на первый вопрос капитана, — что у их Высочайшего и без того слишком много забот, чтобы он рискнул еще рассказывать о них нам. Хотя не мешало бы поинтересоваться, почему он не рассказал о ереси в своем храме до того, как был подписан контракт.

На экране появились новые действующие лица. Хотя грузовики уже проехали ворота, охрана не сдвинулась с места. Теперь из ворот выходила процессия, подобная бывающим на здешних религиозных праздниках. Отчет-

ливо был виден пурпур ряс священников с ярко-малиновыми полосками или пятнами желто-оранжевого цвета, вспыхивающими то здесь, то там. Мы не могли слышать, но хорошо видели огромные барабаны, в которые изо всех сил били несущие их люди.

— Если они поднимутся на корабль, это будет похоже на огонь, поднесенный к фитилю, — хмуро заметил Лидж, не отрываясь от экрана и продолжая жевать свою жвачку. — Мы взяли на борт Трон Квира.

Я с изумлением уставился на него. Кто-то рассказывал мне легенду об этом Троне. Но одно дело легенда, другое — нечто реальное, что можно увидеть, к чему можно прикоснуться. Значит, последний груз, который мы взяли на борт, был Троном Квира!

Кто был первым, настоящим владельцем сокровищ Тота — неизвестно. Хотя найденные предметы свидетельствуют о том, что здесь в давние времена была высокоразвитая цивилизация, никаких письменных памятников обнаружено не было. Поэтому мы не знаем имен королей, знати, священников, и тем более названий предметов. Люди, находившие эти сокровища, сами давали им названия.

Трон нашли в одном из первых тайников. Он был замурован в конце тупикового коридора. Изыскатель, который руководил поиском и вскрытием того тайника, не был жителем Тота, этот археолог приехал с Фафора. Он назвал свою находку в честь божества своей родной планеты. Но не того бога, который принес ему удачу, а его антипода. Такое кощунство оскорбило местных священников. Изыскатель скоро умер, смерть его приписали случайности, и храм сразу же предъявил свои права на Трон, несмотря на то что на эти раскопки священники продали права фафорцам. Именно в те времена на поиски сокровищ была наконец установлена полная монополия церкви. Чтобы найти Трон, изыскатель отдал свою жизнь. Он наверняка понял, что ему не удастся скрыть существование бокового коридора и тайно вывезти Трон

самому. А после того, как Трон был обнаружен, прятать его было уже поздно.

Считалось, исходя из его формы, что Трон принадлежал галактической расе, внешне очень похожей на людей. Сиденье Трона было отлито из красного металла, удивительно легкого, но очень прочного. По бокам его располагались две подставки для рук в форме голов неизвестных существ, покрытых золотыми и полированными зелеными пластинами, с глазами из молочно-белых камней. Позади поднималась расширяющаяся высокая спинка — самая красивая деталь. Казалось, что она составлена из широких перьев, искусно украшенных золотом и зеленью. Кончик каждого пера был украшен вставками из сине-зеленых камней, а всего их насчитывалось ровно сто.

Но не только великолепное искусство замечательного мастера поражало в Троне. Удивительно было и то, что все эти сине-зеленые и молочно-белые камни в подлокотниках не только не были обнаружены на Тоте, но были неизвестны и на других мирах. Трон не был похож ни на один предмет, найденный на этой планете.

После того как Трон нашли, его перевезли в храм Хартума, и он стал там одной из основных достопримечательностей. С тех пор доступ к нему позволялся после бесконечного ожидания лишь очень немногим и под строжайшим контролем церкви. Таким образом изучение Трона застопорилось — хотя изображения его имелись в любой ленте, упоминавшей Тот.

Процессия прошла ворота и направилась к «Лидису». Стало ясно, что красные и желтые пятна были шарфами и шалями на плечах людей, вытянувшихся в колонну за одним человеком. Он был высок, заметно выше остальных, и так худ, что лицо его напоминало череп. В лице этом не было мягкости и смирения, его сжигал огонь фанатизма. Рот его то и дело раскрывался, как будто он что-то говорил, кричал или пел под гром барабанов. Его взор был неотрывно устремлен на «Лидис».

По движению воздуха я понял, что подошла Майлин.

Она вытягивала шею, пытаясь заглянуть в экран. Я взял ее на руки, чтобы ей было удобнее, в который раз удивившись тяжести ее тела.

«Опасный человек, — передала мне Майлин. — Хотя он и не такой сильный, как наши Старейшие, но мог бы стать таким, как они, если бы пошел по пути Моластера. Берегись его, он закрыл свое сердце и мысли от нас. Он видит только одну цель и готов отдать все, даже жизнь, чтобы добиться того, что он хочет. Такие люди опасны...»

Лидж обернулся:

— Ты права, малышка.

Он, должно быть, уловил мысли, переданные ею. Для всех членов экипажа Майлин была только глассией. Правда, Грис Шервин видел ее однажды в теле тэсса, но сейчас даже он, казалось, не мог соотнести животное и женщину. Все они знали, что она не та, кем кажется, но постоянно забывали об этом.

Процессия священников со своим лидером во главе напоминала клин. Острие этого клина было нацелено на корабль. Мы все еще ничего не слышали, но увидели, что барабанщики отложили палочки. У высокого священника двигались уже не только губы, но и руки. Он наклонился и захватил полные пригоршни примятой песчаной почвы. Он плюнул себе в ладони, хотя смотрел не на руки, а на корабль. Затем начал скатывать землю в комок, поднимая руки все выше и выше.

«Он проклинает, — сообщила Майлин. — Он призывает своего бога проклясть всех замешанных в вывозе сокровищ из храма. Он клянется, что сокровища будут возвращены, а те, кто забрал их, умрут. Он будет ждать возвращения сокровищ на том самом месте, где стоит сейчас».

Священник замолчал. Двое из сопровождающих встали по обе стороны от него. Они вытащили из-под одежды две полоски материи и расстелили их на земле. Не глядя на них, священник опустился на колени и сложил руки на груди. Он по-прежнему не сводил взгляда с «Ли-

диса». Сопровождавшие и барабанщики отошли на несколько шагов назад.

В это время из ворот выехала маленькая машина, на большом расстоянии объехала коленопреклоненного священника и подъехала к «Лидису».

— Наше разрешение на взлет, — сказал Лидж и поднялся со своего места. — Пойду возьму его. Чем быстрее мы взлетим, тем лучше для нас.

Он завернул недожеванный кусочек сло-го в обертку, положил его в карман и вышел из комнаты. Уверенные, что это действительно прибыло разрешение на взлет, мы разошлись по своим местам, чтобы готовиться к старту. Я положил Майлин на ее верхнюю полку, пристегнул ремнями, которые она не могла застегнуть своими лапами, и улегся на свое место. Ожидая сигнала к взлету, я думал о том священнике.

Ему придется долго ждать, пока мы не вернемся за второй партией груза. И что призойдет, когда мы вернемся, доставив груз на Пта? Наше возвращение опровергнет его предсказание. Он потеряет своих сторонников и, возможно, усомнится в своей вере?

«Нам надо сначала вернуться», — пришла ко мне мысль Майлин.

Мысли не как слова, произнесенные голосом, они приходят без интонации. Но все же было что-то непонятное в ее сообщении. Неужели она верит, что нас может постичь неудача?

«Весы Моластера взвешивают слова точно. Но за этими словами должно стоять добро. Зло они не взвешивают. Мне не нравится...»

Сигнал ко взлету прервал ее мысль. Она закрыла свой мозг, как некоторые закрывают рот. Мы лежали и ждали знакомых неприятных ощущений, связанных с запуском «Лидиса». На этот раз мы стартовали не к звездам, а к четвертой планете этой системы, бледный полумесяц которой недавно появился в западной части неба.

Так как для столь короткого перелета не надо было уходить в гиперпространство, мы отстегнулись сразу, как

только корабль вышел за пределы атмосферы. Мы находились в невесомости, состоянии, которое никогда не бывает приятным, хотя мы знакомы с ним практически с рождения. Майлин совсем не нравилась невесомость, и она предпочитала оставаться на своем месте все это время. Я убедился, что ей удобно, насколько может быть удобно в таких условиях, и направился в каюту Лиджа.

К моему великому удивлению, мой начальник был не один. Лысая голова человека, лежавшего на месте суперкарго, хоть он и был без рясы и капюшона, несомненно, принадлежала священнику. Вольные торговцы очень редко перевозят пассажиров — настолько редко, что каждый раз это событие чрезвычайное. Священник лежал неподвижно и, казалось, был в обмороке. Я повернулся к Лиджу за разъяснениями. Лидж вытолкнул меня из каюты и следом вышел сам. Он выдвинул панель и закрыл каюту.

— Он привез приказ, который мы должны были выполнить, — объяснил Лидж. Я видел, что сам он не одобряет случившегося. — Он не только привез приказ взлететь как можно быстрее, но и указание Высочайшего сопровождать груз до места назначения и отвечать за него там. Я не знаю, что у них произошло, но они настаивали, чтобы мы покинули планету с максимальной быстротой. В конце концов, почему нам не сделать исключение для одного человека? К тому же он летит только до Пта.

Глава 3

МАЙЛИН

Я лежала на своем месте на корабле и снова вела свою изнурительную битву — битву, которую я не могла ни с кем разделить. Даже с Крипом, которому в свое время было не легче, чем мне сейчас. Раньше я была Поющей Луне, слишком гордой и самонадеянной в своих поступках и словах. Я наивно верила, что одна распоряжаюсь

своей судьбой, и все остальное должно происходить так, как я этого хочу.

Никогда мы, тэсса, не должны забывать о Весах Моластера, на которых будут взвешены и дела тела, и мысли разума, и желания сердца — все будет оценено с позиции высшей истины! Мои деяния уже оценили, у меня теперь другое тело — тело моей маленькой подруги Ворсы. Ворса с удовольствием отдала мне свое тело, когда мое собственное перестало мне служить. Я не должна преуменьшать ту огромную жертву, которую она принесла. Поэтому я заставляю себя терпеть, терпеть и еще раз терпеть. Эту бесконечную битву с самой собой никто не должен видеть, о ней никто не должен знать.

Я сделала выбор. Как Поющая Луне, я должна была научиться быть на равных с другими живыми существами и вместе с ними достичь горных мест Йиктора в животном обличье. Только так может исполниться предназначенное. Но если раньше душу всегда согревало успокоительное чувство, что мое родное тело ждет меня, что это изгнание временное, то сейчас...

Хотя я всегда оставалась Майлин, мною теперь была еще и часть, остававшаяся в теле Ворсы. Я очень ее любила и благодарна ей за то, что она сделала для меня, однако я вынуждена была сражаться с инстинктами этого тела, для того чтобы оно как можно дольше оставалось только временным пристанищем и не подавляло меня. Но в последнее время все чаще набегала тень страха — что избавление не придет, с годами во мне Ворсы будет все больше и больше, а Майлин — все меньше.

Я очень хотела расспросить своего друга Крипа Ворланда, приходил ли к нему такой же страх, когда он бегал в теле барска? Но я не могла показывать кому бы то ни было свое беспокойство. Я не знаю, говорила ли во мне прежняя гордость и привычка лидировать в любой ситуации или это было чисто внешнее средство защиты. От прежней жизни во мне осталось неистребимое желание играть свою роль как можно лучше. Но к этому не-

ожиданно добавилась необходимость играть определенную роль и в жизни «Лидиса». И когда это происходило, мне начинало казаться, что Майлин стала полноправным членом экипажа. Впрочем, так оно и было в те последние часы на Тоте, когда я, забыв о себе, полностью окунулась в заботы экипажа.

Я все еще лежала на своем месте, и мои мысли были мрачны. Я вспоминала священника, который проклял нас. Когда я сказала Крипу, что в чистой вере этого человека таится огромная сила, я была права. Хотя он и не использовал жезл, чтобы указать им на нас силам Тьмы, но он призвал другие силы, которые, по его мнению, могли помешать нам. И еще — я так и не смогла добраться до его мыслей. В его мозгу существовал барьер, отгораживающий его от меня так надежно, словно он был одним из Старейших.

Сейчас, пристегнутая ремнями к полке (за свою короткую жизнь на корабле я так и не смогла приспособиться к невесомости), я решила воспользоваться мыслепоиском.

Мысли экипажа «Лидиса» были обычными. Я лишь слегка касалась их. Это такое легкое прикосновение, что ни одно живое существо не может его почувствовать. Но внезапно в своем поиске я наткнулась на чей-то чуждый разум...

Я резко дернулась и оскалила клыки. Но скоро здравый смысл взял верх, и я послала сигнал Крипу. Он ответил мгновенно, должно быть, уже почувствовав мое беспокойство:

«Что случилось?»

«На борту человек с Тота. У него дурные намерения».

Крип помолчал, потом пришел его ясный ответ:

«Я слежу за ним. Он без сознания с самого взлета».

«Но мозг его бодрствует! Крип, этот человек не такой, как те, с которыми мы встречались на Тоте. Он похож, он очень похож на священника, который проклял нас. Следи за ним, хорошо следи!»

Но тогда я еще не осознала, насколько же этот незнакомец отличался от других и как мы должны его опасаться. Как и у того священника, у этого тоже стоял в мозгу барьер, за которым он прятал большую часть своих мыслей. И хотя я не могла их прочесть, я чувствовала страшную опасность.

«Не сомневайся, за ним будут следить».

И тут незнакомец как будто услышал наш мысленный разговор. Возможно, так оно и было. Последовал скачок, резко уменьшивший излучение его мозга. Хотя это могло произойти и от физической слабости. Но теперь я была наготове, как если бы расхаживала на страже по всему «Лидису».

На корабле не было ни дня, ни ночи, ни утра, ни вечера. Когда я первый раз появилась на борту, мне показалось, что к этому невозможно привыкнуть. Узкое пространство кают и коридора напоминало тюрьму, особенно невыносимую для того, у кого раньше не было другого дома, кроме фургонов тэсса, и кто жил вне человеческих стен. К тому же на корабле всегда стоял едкий запах. А рев двигателей, несших нас к звездам, иногда доводил до безумия. Единственным местом, где можно было спастись от всего этого, были мои мысли и мое прошлое. Ни дня, ни ночи, а только периоды времени, которые торговцы произвольно установили для сна и бодрствования.

Когда я оказалась на корабле, мне не осталось ничего другого, кроме как подчиниться предложенному распорядку. Крип мне сразу объяснил, насколько привычно для экипажа замкнутое пространство звездолета. Некоторые из его членов мастерили что-то, для того чтобы отвлечься. Другие загружали свой мозг, обучаясь чему-нибудь с помощью информационных кассет. Они делали все, чтобы корабль не превратился для них в тюрьму.

На Крипа же, возможно, как и на меня, влияло тело, в котором он теперь находился. Будучи теперь тэсса, он часто расспрашивал меня о прошлом, пытаясь как можно больше узнать о моем народе. Я с удовольствием де-

лилась с ним воспоминаниями, скрывая только то, что не стоило знать чужеземцам. Так что мы оба обитали как бы вне стен корабля.

Вскоре он вернулся и стал стелить свою постель.

«Лидж все взял на себя и после моего предупреждения обещал дать ему лекарство, облегчающее перегрузку при взлете. Наш гость проспит большую часть полета», — сказал мне Крип, а потом поинтересовался, не узнала ли я чего-нибудь нового о нашем пассажире.

«Нет, пока все без изменений».

Я уже настолько освоилась с распорядком на корабле, что меня тоже потянуло ко сну.

Пробуждение было ужасным. Мне показалось, будто петля, обвившись вокруг моего тела, рванулась и резко вздернула меня вверх. Я забилась в привязных ремнях, удерживавших меня на полке, хотя разум быстро успокоился.

Момент ошеломления прошел, и я никак не могла понять, что же меня разбудило. Затем поняла, что не слышу больше равномерного гула двигателей, в режиме их работы явно произошел какой-то сбой. А секунду спустя над головой раздался резкий звук — селектор внутренней связи корабля объявил на «Лидисе» тревогу.

Крип кубарем скатился с полки. Так как мы были в невесомости, его резко отбросило к противоположной стене. Я слышала, как он что-то буркнул, ударившись о стену, а потом поплыл в обратную сторону. Держась рукой за полку, он развязывал мои ремни. После первого разбудившего нас сигнала, из селектора раздалось тревожное сообщение:

— Всем приготовиться к выходу на орбиту!

Крип замер, все еще занятый моими ремнями, а я по-прежнему цеплялась передними лапами за край полки, чтобы не уплыть от нее. Потом Крип положил меня обратно и собрался уходить.

«Мы еще не могли долететь до Пта!» — сказала я.

«Нет, но корабль...»

Он мог и не продолжать. Даже я, так и не ставшая настоящим космическим путешественником, поняла, что с двигателем не все в порядке.

Я не стала использовать мысленный контакт, чтобы не отвлекать мозг, сосредоточившийся на работе двигателей, а пустила в ход мыслепоиск. Возможно, я это сделала инстинктивно. В первую очередь он был направлен на нашего пассажира.

Не знаю, может быть, я вскрикнула, и Крип тут же отозвался. Но когда он узнал то, что уже знала я, его тревога перешла в ужас.

Я была Поющей Луне и пользовалась волшебным жезлом. Я могла читать мысли и проводила обмен телесными оболочками под тремя кольцами Сотры. Под покровительством Моластера я использовала свой талант. Но то, с чем я столкнулась сейчас, было совсем новым, чужим, темным и разрушительным.

Из каюты, где лежал тот странный священник, исходил поток чистой энергии. Я смогла проследовать вдоль этого потока, а затем мне удалось вслед за собой увлечь мысли Крипа, через весь корабль, вниз, к чему-то, находящемуся под двигателями, под самым сердцем корабля, к тому, что таилось в грузовом отсеке. Мысленная энергия нашего пассажира освободила силу того, что было там спрятано, и теперь обе эти энергии слились воедино, превратившись в смертоносную силу, замедлившую работу двигателей «Лидиса» и разрушавшую его сердце. В любую минуту эта сила могла окончательно уничтожить его.

Я попыталась сдержать энергию, изливавшуюся из мозга священника. Но поток ее был настолько велик, что легче было сдвинуть с места гору Тормора. Я уже знала, что если этот поток остановится, уменьшится и сила, заключенная в предмете, упрятанном в грузовом отсеке. Узнав это, Крип сразу же ответил мне:

«Если не мысль его, то он сам связан с этой штукой! Подберись к человеку!»

Он был прав. Я прекратила битву с потоком и вместе

с Крипом бросилась разыскивать Лиджа, который должен был находиться ближе всех к пассажиру. Вскоре нам удалось найти и предупредить суперкарго, побудив действовать немедленно.

Наконец-то! Струя питающей энергии запульсировала, стала ослабевать и, еще раз дрогнув, исчезла. Сразу же уменьшилась вибрация корабля, а затем и вовсе прекратилась.

И тут неожиданно резко изменилась гравитация. Мы вышли на орбиту, но на какую...

Тело глассии не приспособлено к таким перегрузкам. Хотя я и старалась изо всех сил сохранить сознание, мне это не удалось.

Во рту появился сладковатый привкус крови. Та часть меня, которая принадлежала Ворсе, слишком хорошо помнила ее вкус. Мне было очень больно. Я с трудом открыла глаза, поначалу все вокруг было как в тумане. Потолок каюты по-прежнему был надо мной, а я была прижата к койке гравитацией более сильной, чем притяжение Тота.

Мы приземлились. Неужели вернулись на Тот? Это было крайне сомнительно. Цепляясь лапами за полку, я подтянулась к краю и посмотрела вниз на своего друга.

Когда он поднялся, его взгляд встретился с моим. В нем мелькнуло беспокойство.

— Майлин! — встревоженно сказал он. — Тебе больно!

Я осмотрела себя. Да, было несколько кровоподтеков. Кровь текла из носа, изо рта и измазала шерсть. Но ушибы были не очень серьезными, так я ему и передала.

Так мы приземлились — но не на Тоте и не на Пта, к которому стремились. Мы сели на Сехмет. Какие-то странные все эти названия. Крип раньше рассказывал мне, что первые исследователи его расы обычно называли звезды и миры вокруг них именами древних богов и богинь народов из их собственной истории. А там, где не было коренных жителей, которые могли бы дать свои названия, имена давались из богатого богами прошлого Терры.

Так и система Амон-Ра получила имя из легенды. Крип показывал мне символы, обозначающие каждую из планет. Их имена были взяты из очень древней истории. Планета Сет, слишком горячая для жизни, имела знак ящера. Тот изображалась длинноклювой птицей. Пта имела вид человека, а Сехмет была представлена головой мохнатого существа, которое Крип хорошо знал и которого называл «кошка».

Кошки легко переносили космические путешествия, и на раннем этапе космической эры их часто брали в полеты. Но сейчас их осталось очень мало. Какими силами обладала эта богиня, Крип не знал. Ее знания были забыты. Но у мира, носящего имя богини, была не очень-то хорошая репутация.

На этой планете притяжение было намного сильнее, чем на Пта или Тоте, и поэтому исследователи даже не пытались колонизировать ее. Изредка на ней появлялись разведчики, но они так и не обнаружили здесь ничего такого, чего нельзя было бы встретить на Пта. Где-то на этой планете под вечно мрачным небом и суровыми ветрами был установлен маяк Патруля. С его помощью можно было передать сообщение или вызвать помощь.

Наше приземление на этой суровой планете не оказалось роковым только благодаря высочайшему мастерству пилота и механика. И все-таки мы оказались на ней в роли заложников. Объединенная сила священника и груза произвела такие разрушения в нашем двигателе, что исправить их с помощью инструментов, которые находились на борту «Лидиса», не представлялось возможным.

От священника мы так и не получили никакого ответа — он оказался мертв. Это обнаружил поднятый по нашей тревоге Лидж. Было похоже, что неожиданное ослабление его силы настолько испугало его, что он умер от страха. Мы так и не узнали, почему он нанес вред кораблю, но полагали, что он пытался не пустить нас на Пта.

Прежде всего нам было необходимо обеспечить собственную безопасность. Где-то на планете среди остроконечных гор и долин, таких глубоких и узких, что они казались совершенно непроходимыми, был спрятан маяк Патруля. Найти его и передать сообщение о помощи было нашей единственной возможностью спастись.

Для исследовательских полетов на борту «Лидиса» имелся маленький двухместный флиттер. Его достали и подготовили к работе. Для тех, кто вылетит на нем искать маяк, который мог оказаться даже на другой стороне планеты, поиск может стать опасным. И хотя все члены экипажа выразили желание принять участие в разведке, было решено, что надо бросить жребий.

Жребий тянули из чаши, в которой перемешали карточки с должностными значками. Жребий пал на нашего астронавигатора Мануса Хнольда и второго механика Гриса Шервина. Они приготовили все необходимое, загрузили запас пищи, все проверили и перепроверили и, прежде чем капитан разрешил отправиться на поиски, совершили на флиттере два пробных полета.

Я уже говорила, что планета считалась опасной. И хотя, кроме суровой природы, мой мыслепоиск не обнаружил на ней никакой видимой угрозы, мы приготовились к самым серьезным испытаниям.

В ландшафте преобладали черные или темно-серые цвета. На Йикторе тоже имеется немало бесплодных пустошей и гор. Но они рождали у тэсса ощущение света и свободы. Здесь же все было погружено в полутьму.

Каменные стены гор мрачно чернели, а та скудная растительность, которая встречалась на планете, была светло-серого цвета. Трава почти не отличалась от почвы, на которой росла. На черные почки деревьев не хотелось смотреть, а чтобы дотронуться до них, требовалась немалая смелость.

Даже песок, поднятый в воздух с дюн на равнине, где капитан Фосс посадил корабль, больше походил на пепел старых костров. Он был такой рассыпающийся

и мелкий, что на нем почти не оставалось следов. Сильные холодные ветры поднимали в воздух целые облака этой пыли. Ветры выли и стонали, и с каждым часом их враждебность становилась все заметнее.

Именно эти порывы ветра были наиболее опасны для флиттера. Стоило им усилиться, и прожектор не мог уже пробить пелену песка и осветить дорогу. А селекторная связь с «Лидисом» во время песчаных бурь становилась ненадежной и на большом расстоянии могла вообще прерваться. Правда, наш техник-связист Сансон Корд был уверен, что маяк находится недалеко от места нашей посадки. Но почти никто не разделял его оптимизма.

Мне же совсем нечего было делать. Мои лапы не годились для управления флиттером. Так что я сама себе дала задание мысленно побродить среди этих гор, прислушиваясь ко всему, что может обитать здесь и причинить нам зло.

На Сехмет имелась кое-какая жизнь. Здесь обитали маленькие бегающие насекомые, которые прятались в щелях между камней. Но, как мы определили, они не обладали сознанием. Следов более крупных существ я не обнаружила. Это, конечно, не значило, что их вообще здесь не было, просто они могли находиться вне радиуса моего поиска.

Хотя я и не нашла здесь проблесков сознания, все же на этой планете существовало нечто, чего я не могла объяснить. Меня не покидало ощущение близости чего-то очень важного. У меня появилось чувство, никогда не испытанное мною раньше. В горной части Йиктора у тэсса есть свои особые, «святые» места. Раньше, как говорит легенда, мы вели оседлый образ жизни. Нам, как и сегодняшним жителям равнин, было знакомо ощущение замкнутой жизни в городах, в стенах каменных домов.

Но пришло время, и мы сделали выбор, который изменил не только живших тогда людей, другими стали все последующие поколения. Мы отказались от физической работы, от совершенствования техники и строительства

бесчисленных городов и обратились к другой силе, невидимой, неизмеримой. Именно тогда тэсса выбрали путь, ведущий к превосходству ума над телом. Постепенно исчезла необходимость жить в одном месте. Мы поняли, насколько мало значат в жизни вещи. Если мужчина или женщина имели больше, чем им было необходимо, они делились с менее удачливыми.

Мы стали скитальцами, чувствовали себя в полях и лесах так же уютно, как наши предки в своих поселениях. Но до сих пор у нашего народа сохранились священные места. Это были очень старые места, такие старые, что их первоначальное назначение забыто даже древними легендами. Мы хранили эти места для тех случаев, когда нам было необходимо собраться вместе для концентрации силы: для выбора Старейших или для других подобных случаев.

В тех местах особая атмосфера — аура, которая присуща только им. Когда мы собираемся там, они оживают, одаривая нас духовным теплом, и возрождают нас. Это похоже на то, как глоток чистой воды утоляет жажду измученного человека. Так вот, это чувство — чувство безграничной древности и одухотворенности — было очень похоже на то, что я почувствовала на Сехмет.

Но почему именно здесь у меня появилось ощущение чего-то очень-очень древнего, полного смысла, которого я не могу понять? Как будто мне показали учебный фильм, переполненный символами, настолько чуждыми, что они абсолютно ничего не говорят мне. И это чувство не покидало меня постоянно, в каком бы месте вокруг посадочной площадки я не находилась. Мне не было ясно, где истоки этого чувства. Как понимать причину появления их? Я приписала эти ощущения сухому песчаному воздуху и горечи ветров, тоскливо завывавших в горах.

Беспокойство моих друзей с «Лидиса» было совершенно иного рода. Они выяснили, что священник привел в действие некий механизм, который и вызвал нашу аварию. Механизм был спрятан в очень необычном ме-

сте. Тщательные поиски привели к Трону Квира. Сначала они думали, что устройство находится в упаковке Трона, но вовремя поняли, что ошиблись. Они полностью распаковали Трон, но ничего не нашли. Тогда дюйм за дюймом с помощью самых лучших приборов обследовали сам Трон. И Лидж обнаружил полость в его спинке. Надавив на два камня, обнаружили нишу. Внутри находилась коробка из темного металла.

От нее шло такое мощное излучение, что Лиджу пришлось надеть защитные перчатки. Он достал коробку из Трона и перенес в специальное хранилище, а затем и вообще вынес из корабля и оставил среди скал, где ее энергия никому не могла причинить вреда. За время долгих и бессчетных путешествий у торговцев накопились знания о многих мирах, но конструкция коробки и природа заключенной в ней энергии была им неизвестна. Но все согласились с тем, что коробка сделана не на Тоте, где техника пока пребывала на довольно примитивном уровне.

— Если только, — прокомментировал капитан Фосс, — эти священники не нашли в своих сокровищницах такие секреты, которые не желают так просто раскрывать. Бесспорно, этот тайник был сделан одновременно с Троном, а не выдолблен позже. Скорее всего, и коробка сохранилась с тех времен. Теперь у нас на руках мертвый священник и опасный предмет, вынудивший нас приземлиться на Сехмет. Мы отыскали это приспособление, но не думаю, что нам от этого стало легче.

— Зачем им это вообще было надо? Мы ведь легко могли затеряться в космосе вместе с их сокровищами! — воскликнул Шаллард. — Просто счастье, что нам удалось удачно приземлиться.

Фосс мрачно уставился на скалы и на дюны черного песка, похожего на пепел.

— Это действительно загадка, — не сразу сказал он, а потом повернулся к тем двоим, которые вытянули жребий. — Я начинаю думать, что чем быстрее мы свяжемся с Патрулем, тем лучше. Приготовьтесь к отправке. Поднимете, как только стихнет ветер.

Глава 4

МАЙЛИН

Флиттер улетел. Связь с «Лидисом» была постоянной, хотя, кроме краткой информации о местах, где они пролетали, Хнольду и Шервину сообщать было нечего. Однако Фосс выходил с ними на связь чуть ли не каждую минуту, и его беспокойство было тем очевиднее, чем громче он кричал в микрофон.

Теперь уже всем было понятно, что авария была кем-то запланирована. Не ясна была только цель. Нас могли задержать до старта с Тота, что было бы гораздо легче. Это могли сделать как силы повстанцев, так и тот фанатичный священник. Но удар был нанесен в середине полета.

Собирались ли посадить нас именно на Сехмет? Капитан сомневался в этом. То, что мы приземлились здесь, было чистой случайностью. Он склонялся к тому, что они хотели оставить «Лидис» болтаться в беспомощном состоянии посреди космоса. Все члены экипажа согласились с ним. В космосе мы были бы совершенно беспомощны, здесь же мы могли защищаться и даже предпринять меры для своего спасения. Тем не менее и здесь угроза нападения была слишком велика. Прежде чем отправить флиттер, механики тщательно проверили всю систему связи, которая тоже могла оказаться поврежденной, а также попробовали оценить шансы на переделку передатчика для организации сверхдальней связи. Торговцы всегда славились подобными техническими импровизациями.

Пришла ночь, хотя и день на Сехмет был не ярче поздних сумерек. Горы скрылись за черными облаками. С наступлением ночи холод усилился. Но вставшая дыбом шерсть неплохо согревала меня, и я не мерзла.

Крип позвал меня вернуться на корабль. Они хотели закрыться изнутри, превратив «Лидис» в крепость, как это было у Хартума. Я последний раз провела мыслен-

ную разведку и не обнаружила ничего угрожающего. Ничего, на что бы я могла указать и сказать: «Это опасно!» И все же...

Когда люк закрылся за мной, а тепло и свет «Лидиса» вернули ощущение безопасности, меня все равно продолжало беспокоить чувство, что мы находимся рядом... С чем?

С трудом я начала взбираться по лестнице в жилую часть корабля. И оказалась как раз напротив люка, ведущего в грузовой отсек, где находился Трон. Неожиданно мою голову развернуло в сторону закрытой двери отсека. Я это сделала словно под действием непреодолимой силы. Давление было таким сильным, что я даже перегнулась через перила и, продолжая тянуться к двери, почти коснулась ее. Коробка, которая вызвала нашу аварию, была сейчас вне корабля — я видела, как ее выносили. Но из закрытого отсека исходило мощное излучение «жизни». Это самое близкое по смыслу слово, которым я могу описать его. Мех на моем тельце зашевелился, как от сильного ветра, тело пощипывало, в глазах поплыли разноцветные круги. Я отправила сигнал, и почти мгновенно пришел ответ Крипа:

«Майлин, что это?»

Я попыталась объяснить, но было слишком мало информации, чтобы дать правильный ответ. Однако то, что я передала, оказалось вполне достаточным, чтобы Крип, капитан и Лидж тут же бросились ко мне.

— Но коробки больше нет на корабле, — недоуменно сказал Фосс. Он отошел в сторону, пока Лидж открывал люк.

— Может, там есть еще одна?

Крип гладил меня по голове. Я видела, что его беспокойство вызвано не только чувством неведомой опасности, он еще беспокоился и за меня. Крип ни разу не видел меня в таком состоянии. Меня колотило, как никогда ранее. Он хорошо знал, что если я не могу сказать, что происходит со мной и что находится за закрытой две-

рью, то это значит, что опасность намного сильнее, чем может показаться на первый взгляд.

Лидж открыл дверь. В это же время в комнате вспыхнул свет. Трон стоял прямо напротив нас. Он был все еще распакован. Только ниша в спинке была снова закрыта. Капитан повернулся ко мне:

— Что это?

Вместо ответа я посмотрела на Крипа: «Ты чувствуешь?»

Он смотрел на Трон, лицо его застыло, темные глаза не мигали. Я видела, как он облизнул нижнюю губу.

— Я чувствую что-то. — Его замешательство было очень сильным. Двое других торговцев смотрели то на него, то на меня. Стало ясно, что они ничего не чувствуют. И тогда Крип шагнул вперед и положил руку на сиденье Трона.

Я зарычала. Но было уже поздно. Кончики его пальцев уже коснулись красного металла. Дрожь пробежала по его телу, он отшатнулся, как будто сунул руку в открытый огонь, и упал на Лиджа, который вовремя вытянул руки, чтобы поддержать его. Капитан повернулся ко мне.

— Что это? — вновь спросил он.

«Сила, — отправила я ему мысленное послание. — Огромная сила. Я такой никогда не встречала».

Он быстро отошел от Трона. Лидж, поддерживавший Крипа, сделал то же самое.

— Но почему мы не чувствуем ее? — спросил капитан, глядя на Трон с таким видом, словно ждал, что разряд энергии вот-вот ударит ему в лицо.

«Я не знаю. Может быть, потому что тэсса более чувствительны к проявлениям энергии. Это энергия передатчика, и уходит она туда. — Я кивнула головой в сторону стены корабля. — Что-то там притягивает ее».

Капитан задумался. В конце концов он пришел к решению, которое может сделать только вольный торговец: безопасность «Лидиса» превыше всего.

— Мы разгружаемся — не только Трон, но и все остальное. Мы спрячем сокровища до тех пор, пока не узнаем, что за этим стоит.

Я услышала, как Лидж тяжело вздохнул.

— Прервать контракт... — начал он цитировать основную заповедь торговцев.

— Ни один контракт не обязывает перевозить опасный груз. Кроме того, мы не были предупреждены об опасности при заключении сделки. «Лидис» приземлился по вине этих сокровищ! Только по счастливой случайности мы сейчас не мечемся в открытом космосе. Груз надо сгружать, и немедленно!

Итак, несмотря на темноту, роботы тут же принялись за работу. Они торопливо вывозили все эти корзины, коробки и тюки, которые с такой осторожностью грузили на Тоте. Нескольких роботов спустили на землю, и они с трудом перетаскивали груз в убежище среди скал. Последним они отвезли туда сверкавший в лучах прожекторов Трон Квира.

— А что, если предположить, — заметил Лидж, отмечавший все вынесенные роботами предметы, — что это как раз то, чего они от нас добиваются? Возможно, они только того и хотят, чтобы мы выгрузили сокровища там, откуда их легко будет забрать!

— Мы смонтируем там сигнализацию. В случае опасности она сработает, и мы сможем защитить их, — сказал капитан, а затем повернулся ко мне: — Ты сможешь охранять их?

За все эти месяцы, что я жила на корабле, капитан очень редко давал мне задания, хотя знал, что я могу сделать то, чего не может ни один член экипажа. Обычно я сама предлагала свои услуги, когда знала, что они кому-то нужны. Я чувствовала, что он и сейчас колеблется, вправе ли он просить меня охранять сокровища. Он ждал, что я вызовусь сама.

Я ответила, что могу и буду, хотя мне не хотелось даже приближаться к этому грузу, особенно к сверкающе-

му Трону. Они подключили сигнализацию. Но когда они уже поднимались на корабль, по трапу спустился Крип.

Происшествие в грузовом отсеке сильно подействовало на него. Он молча ушел тогда к себе в каюту. Сейчас же он вышел в термокомбинезоне для холодных миров. И он нес оружие, которого я еще ни разу не видела у него в руках, — бластер.

— И куда же ты собрался? — начал было капитан, но Крип прервал его:

— Я останусь с Майлин. Хотя у меня нет большой силы, но все же я ближе к ней, чем все остальные. Я остаюсь.

Капитан, казалось, хотел возразить, но затем согласно кивнул:

— Хорошо.

Когда они наконец ушли и подняли трап, Крип перебрался через сыпучие пески посмотреть на Трон. Теперь он держался от него на безопасном расстоянии.

— Что же это такое, и почему в нем заложена такая сила?

«Действительно, что и почему? — отозвалась я. — Ответов может быть столько же, сколько у меня когтей. Возможно, капитан не прав, возможно, они на самом деле хотели, чтобы мы приземлились именно здесь и выгрузили сокровища. Только мертвый священник мог ответить нам на эти вопросы — что и почему?»

Чтобы оглядеться, я встала на задние лапы, стараясь сохранить равновесие. Порывы холодного ветра усиливались, но мех хорошо согревал меня. Клубы черного песка кружились вокруг Трона Квира. Я прищурилась и сквозь этот кружащийся песок уставилась на Трон. И вдруг в какой-то неуловимый миг я увидела... Или мне только показалось? Пыльное облако вдруг обрело очертания человека, сидящего на Троне, как мог сидеть только судья, призванный судить наши поступки!

Это было мгновенное видение. Оно тут же исчезло. Пыльное облако осело на красном металле. И я была уверена, что Крип ничего не заметил.

Ночь тянулась без происшествий. Прожекторы продолжали освещать клубы пыли, которая уже начала заносить наш груз. Мои до предела обостренные чувства не улавливали никакой опасности. Не было ничего живого среди этих гор и ущелий. Если бы я не была твердо уверена в реальности событий, можно было бы подумать, что все это мне приснилось. Мысль, что нас заставили выгрузить сокровища на открытом месте и именно на этой планете, так глубоко засела во мне, что я почти поверила, будто это правда. Но если так, почему никто не пытается забрать их?

У Сехмет нет луны. За кругом прожекторов лежала полная темнота. Ветер вскоре стих, улеглись песок и пыль. Стало очень тихо, даже слишком тихо. Такая тишина напоминает затишье перед бурей.

Пока никто на нас не нападал. Было похоже, что неведомая опасность отступила и затаилась. Однако рано утром на наш маленький экипаж свалилось новое несчастье, которое вряд ли можно было приписать слепому случаю. Неожиданно прервалась связь с флиттером. Все попытки восстановить ее ни к чему не привели. Где-то в пространстве, среди холмов, скал и ущелий маленькое суденышко и его экипаж из двух человек, должно быть, попали в беду.

Так как на «Лидисе» был только один флиттер, не было никакой возможности отправить спасателей. Любая подобная экспедиция неминуемо окончится крахом. Сама земля здесь делает это невозможным. Теперь мы зависели только от импровизированного передатчика на корабле. Чтобы получить мощность, достаточную для посыла сигнала в космос, Корд должен был подсоединить к источникам питания наши двигатели.

Обычно в таких трудных ситуациях члены экипажа собираются на общий совет. Ни одна из планет галактики не была родиной вольных торговцев. Их родина — корабль. Может быть, поэтому они так привязаны друг к другу. Оставить своих друзей в беде для них просто не-

мыслимо. Предложение отправить на поиски пешую экспедицию было отклонено сразу и без обсуждения. Горы и ущелья на этой планете непроходимы. Загнанные в ловушку, они судорожно искали выход. Шаллард предложил было взлететь, но он сомневался, сможет ли корабль благополучно приземлиться. Все его копания в двигателе так и не прояснили, что же произошло с ним. Единственное, о чем он доложил, — все важные схемы сгорели.

Каждый выдвигал свои предложения. Но в конце концов осталось лишь одно, которое можно было осуществить, — надо постараться наладить внешнюю связь. После этого слово взял Лидж. Обращаясь ко всем, он сказал:

— Нельзя отказываться от версии, что нас заманили в ловушку. Я знаю, очень сложно подстроить все заранее так, чтобы мы приземлились на Сехмет. С другой стороны, известно немало случаев грабежа кораблей в космосе. Итак, во всем, что с нами случилось, виноват груз. Кому он нужен? Восставшим? Фанатику-священнику? А может, некой неизвестной компании, которая, отобрав у нас сокровища, загребет такой куш, какой ей нипочем не заработать за долгие годы полетов и честной торговли?

Они отвезут сокровища куда-нибудь подальше за пределы этой системы, где никто не поинтересуется, кому они принадлежали. Собственность священников на эти сокровища может быть безусловно признана только здесь. Вы же слышали об экспедиции Абна и Гарри Ларго, организованной десять лет назад? Они приземлились, нашли сокровища и улетели. Священники заявили протест, но находки были признаны законными, они ведь не были украдены.

Потом был принят закон «о спасении имущества». Подумайте хорошенько об этом. Предположим, что «Лидис» здесь разбился. В таком случае наш контракт теряет силу. Стоит поразмышлять над тем, как можно использовать эту ситуацию. Любой, кто обнаружит обломки корабля на необитаемой планете...

— Только в том случае, — перебил его Фосс, — если все члены экипажа погибли.

Этого капитан мог и не уточнять. Подумав, он добавил:

— Я думаю, нам еще предстоит удостовериться, что все подстроено. И вполне можно предположить наличие некой третьей силы. Тогда понятно, что случилось с флиттером.

Как он сказал, все события тесно связаны. Но, наверное, из-за того, что я мыслю как тэсса, а не как торговец, я не могла полностью принять его аргументы. То, что я почувствовала у Трона Квира, то, что почувствовала и увидела, выходило за рамки обычного опыта и бесспорной логики. Каким-то странным образом все это было сродни вере тэсса. Я была уверена — в случившемся с нами были замешаны совсем другие силы, а не те, которые знали и в которые верили торговцы. Но у меня не было доказательств.

Не было ничего, кроме ощущений, потому я и промолчала. Экипаж «Лидиса» решил, что находится в состоянии войны и должен ждать появления неизвестного врага. И они проголосовали за то, чтобы все усилия направить на восстановление связи.

Однако только двое из экипажа могли со знанием дела помогать Корду. Остальным капитан Фосс дал другое задание. Сокровища, выгруженные у скал, надо было перепрятать — и как можно скорее. Пока роботов готовили к работе, меня и Крипа послали отыскать неподалеку от корабля место, где можно укрыть сокровища.

На этой горной планете укромных мест хватало. Но тем не менее мы искали наиболее подходящее. Оно должно было находиться недалеко от корабля и быть достаточно незаметным. Вход в тайник предстояло опечатать, когда перенесут сокровища. И мы тщательно обследовали все узкие расщелины, внимательно осмотрели все более или менее подходящие дыры, которые могли быть входом в пещеру.

Я больше не чувствовала потока энергии, исходящего от Трона и направленного к какому-то месту за равниной. В тусклом свете раннего утра Трон стоял, занесенный черной пылью, скрывшей его красоту. Он потерял всю свою загадочность и одушевленность. Я готова была поверить, что воображение сыграло со мной ночью злую шутку. А может, излучение, как маяк, проинформировало кого-то о нашем положении?

И если так, то они уже все знают и могут спокойно выключить свою сигнальную систему груза. Поэтому, как только мы отправились в скалы, я включила свой мыслепоиск на полную мощность, целиком сосредоточилась на нем, выбросив из головы все остальное.

Вскоре мы забрались на горный хребет, который был несколько выше, чем те, что окружали нашу посадочную площадку. Свет здесь был ярче, а облака не такие тяжелые. А вдоль гряды...

Штрихи теней на песке как-то странно перемешались. Я поднялась на задние лапы и вытянула короткую шею, пытаясь как можно лучше разглядеть то, что мне показалось.

Свет и песок нарисовали на камнях четкие линии. Я хорошо видела их рисунок, слишком правильный, чтобы поверить в то, что он образовался случайно, всего лишь под действием ветра.

«Крип!»

Он обернулся на мой зов.

«Стена...» — я показала ему на то, что мне было уже хорошо видно. Рисунок так стерся за бесчисленные годы, что в первый момент был почти неразличим.

— Что «стена»? — Он смотрел на нее и ничего не видел. На лице его появилось удивление.

«Здесь рисунок».

Для меня рисунок был уже так ясен, что я не могла понять, почему он его не видит.

«Ну, смотри же. — Я с нетерпением показала ему передней лапой на линии. — Здесь, здесь и здесь...»

Линии, конечно, иногда прерывались, но, в общем, рисунок был достаточно ясен. Крип внимательно следил за движениями моей лапы. Потом я увидела восхищение на его лице.

— Да, да... — Он провел рукой в перчатке по рисунку.

«Слишком правильный, чтобы быть случайным. Но...»

И тут я почувствовала шепоток тревоги в его мозгу. Что-то в этом рисунке было не так. А когда я снова посмотрела на стену, отойдя подальше, чтобы увидеть рисунок целиком, то поняла, что это вовсе не абстрактная мазня, как мне показалось вначале. На скале было изображено лицо. Или маска? Но не человека или животного, знакомого мне.

У Крипа вспыхнуло в мозгу лишь одно слово: «Кошка!»

Однажды он уже показывал мне ее, и теперь я действительно уловила сходство между наскальным рисунком и изображением на карте планетной системы Амон-Ра. Но, конечно же, в деталях они отличались. Та голова была округлее и гораздо больше походила на голову живого существа. Здесь же голова имела форму треугольника. Меньший его угол показывал на подножие скалы.

В широкой части поперек изображения пролегали две глубокие борозды, изображающие глаза. Глубокие и очень темные, они выглядели весьма зловеще. В общем, это действительно было похоже на морду. Легко можно было разглядеть рот, а несколько линий изображали стоящие торчком уши. Не было ничего естественного в этой гротескной маске.

Когда я увидела кошку на карте, я не почувствовала ничего, кроме любопытства и желания посмотреть на настоящее животное. Но это изображение вызывало совсем иные чувства!

Меня заинтересовала впадина, изображавшая рот кошки. Я решила ее получше исследовать. Щель была такой узкой, что человек только ползком смог бы забраться в нее.

Для меня же это была пара пустяков. И я полезла внутрь, чтобы попытаться выяснить, с какой целью неведомыми строителями были затрачены такие усилия. По-видимому, у них были какие-то серьезные основания, если они так упорно работали.

Места во впадине было мало — я не смогла поместиться туда целиком. Было очень темно. Вытянув лапу и ощупав стены, я почти сразу наткнулась на пазы и поняла, что это стыки между хорошо подогнанными каменными блоками. Сообщая об этом Крипу, я уже знала, что нам удалось обнаружить. На Сехмет раньше никогда не находили сокровищ (возможно, их просто плохо искали). Нам же удалось обнаружить тайник. Впрочем, времени, чтобы доказать или опровергнуть это, у нас сейчас почти не было. Я попыталась когтями раздвинуть камни, но это было совершенно безнадежное предприятие. Пока я выкарабкивалась оттуда, Крип доложил о нашей находке по наручному передатчику. Капитана это сообщение почти не заинтересовало, и он приказал нам продолжать выполнять основное задание — искать место, где можно спрятать груз.

«Только не здесь!» — Решение Крипа совпало с моим.

«Если они, кто бы это ни был, придут грабить, мы не должны привести их на тайное место!»

И мы пошли совсем в другую сторону — на северо-запад. Скоро мы нашли в скалах подходящую щель. Посветив в нее, мы увидели, что она переходит в пещеру. И так как мы не обнаружили ничего более подходящего вблизи от посадочной площадки, то решили остановиться на этом.

Песок и обломки камней превращали работу тяжело нагруженных сокровищами роботов в сложнейшую операцию, которой надо было тщательно руководить. Фосс не дал времени даже на то, чтобы расчистить путь к тайнику. Весь остаток дня мы занимались перевозкой груза. Наконец все было закончено. Тайник прикрывала нависшая часть скалы. А под ней вход в пещеру был завален

огромной грудой камней. Теперь найти щель стало практически невозможно, если только тщательно не проверять каждую скалу.

Затем принесли маленький резак, наподобие тех, что используются для ремонта обшивки, и сплавили всю эту груду в единый монолит.

Лидж провел последний осмотр:

— Отлично! А теперь давайте посмотрим вашу вторую находку.

Мы провели их к маске на скале. Вечером разглядеть ее было гораздо труднее. Линии, хорошо различимые при утреннем свете, теперь были почти не видны. Я подумала, что, может быть, их занесло пылью. Мы осветили стену фонарями. Сначала Лидж сказал, что ничего не видит. И только после того как он нащупал внутреннюю каменную кладку в щели рта, он убедился, что находка не плод нашего воображения.

— Неплохо, неплохо. Интересно, конечно, что там. Жалко, у нас нет сейчас времени. Но потом...

Однако я видела, что за своим внешним спокойствием он прятал лихорадочное возбуждение. Эта находка могла окупить «Лидису» все расходы, затраченные на путешествие, и даже, может быть, принести огромную прибыль.

Глава 5

КРИП ВОРЛАНД

— Тот, кто ищет неприятностей, далеко за ними не ходит. — Лидж откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Почему-то он смотрел не на меня, а на стену над моей головой. Для кого-нибудь другого его тон мог показаться спокойным. Но я-то хорошо знал, что Джел Лидж не из тех, кто отступает перед неприятностями. Смелости у него всегда было в избытке.

— Это мы, что ли, ищем неприятностей? — спросил я только затем, чтобы он продолжил разговор.

— Возможно, и мы, Крип, возможно...

Он не отрывался от стены, как будто на ней был нацарапан или напечатан ответ на все наши вопросы.

— Я не верю в проклятия, даже в свои собственные. Не уверен я и в том, что тот священник на Тоте точно знал, что делает. Зато теперь он воспользуется обстоятельствами с большой выгодой для себя. Когда они узнают, что мы пропали, его престиж возрастет до небес. Реальность его общения с богом будет доказана.

— Значит, ты думаешь, что это причина всего и нам можно не опасаться нападения? — Я решил продолжить его мысль. — Всего-навсего церковные интриги?

— Не перебивай меня, Крип Ворланд. Я не жрец Маникала, который рисует линии на ладони волшебной палочкой, капает на них красное вино и затем предсказывает судьбу корабля. Я пытаюсь найти во всем произошедшем логику. Мне кажется, что это напоминает церковные интриги. Но для нас сейчас самый главный вопрос — как выбраться из этой ловушки?

И мы с ним снова вернулись к таинственному исчезновению нашего флиттера. Мир этой планеты суров и жесток, и если Хнольд и Шервин еще живы, им придется очень и очень нелегко. Попытаются ли они добраться до маяка или повернули назад к «Лидису» — все зависит от того, к чему они сейчас ближе.

Лучше всего торговцы чувствуют себя на своем корабле и в космосе. Долгое пребывание на земле порождает нетерпение и неуверенность. Но страшнее всего для нас неподвижность и бесцельность. Мы готовы были пойти на любые испытания и жертвы в поисках потерявшихся друзей, лишь бы не бродить без толку по посадочной площадке и коридорам «Лидиса».

— Если существует хоть один шанс из тысячи, то Корд наладит связь. На астероиде между Сехмет и Тотом расположена станция Патруля. Если он сможет отправить достаточно мощный сигнал, который достигнет станции, тогда мы спасены.

Значит, Патруль? Да, без Патруля нам на этот раз не обойтись. Патруль строго блюдет закон — помогает любому кораблю, попавшему в аварию. Должен же быть какой-то закон и порядок в космосе. Но вольные торговцы слишком горды, чтобы просить о помощи. Мы всегда высоко ценили нашу независимость. Я подумал о том, что будет чувствовать капитан, когда мы пошлем сигнал о помощи. Между тем Лидж продолжал:

— В этой вынужденной посадке есть один положительный момент — стена с изображением, найденная твоей мохнатой подругой. Если там тайник с сокровищами, то священники до него не доберутся. А мы доберемся.

И он опять уставился на стену. Я даже не пытался с помощью мыслепоиска проникнуть в его мысли. Мне и без того было ясно, о чем он думает. Такая находка могла не только прославить «Лидис», но и поднять нас по служебной лестнице до уровня людей на контракте, с настолько высокими кредитами, что можно будет подумать и о собственных кораблях. И даже больше того — ведь находка была сделана на неисследованной планете, где мог скрываться не один такой тайник.

Я не переставал думать об этом с того самого момента, как Майлин привлекла мое внимание к рисунку на скале. Даже просмотрел кое-какие ленты из моего собственного собрания.

Успех вольных торговцев зависит от многих вещей, и прежде всего от удачи. Судьба могла быть благосклонна к нам, могла и обмануть. И все-таки в своей работе мы больше полагались не на удачу, а на знания. Не на специальные технические, а на самые широкие знания. Мы должны знать и помнить все: начиная от легенд разбойников на одной планете до особенностей развития морских растений на другой. Мы слушали, записывали на ленты и запоминали все любопытное, что нам встречалось, где бы мы ни были. Слушали во все уши, смотрели во все глаза и запоминали, регулярно обмениваясь новостями с другими экипажами.

— Когда Корд наладит передатчик, как ты думаешь, сможет он смастерить одну вещь? — Я знал, что именно я хотел, но технические навыки лежали вне моей компетенции.

— Смотря что и зачем.

— Бур-перископ.

Термин не совсем подходил к тому, что я имел в виду, но в то же время достаточно точно описывал предмет, о котором я знал с пеленок.

— Такой прибор, оснащенный импульсным сканером, использовался на Саттра-2, где закатане разведывали гробницы Ганквиса. Нечто подобное можно использовать, чтобы узнать, что находится за той стеной. Это избавит нас от земляных работ — вдруг там нет ничего стоящего. Как на Джейсоне, где захоронения Трехглазого были уже разграблены...

— Что ты знаешь об этом приборе?

— Только самые общие сведения. — Я покачал головой: — Может, попытаешься выяснить?

— Стоит попробовать, если найдется время. Принеси мне ту ленту, где записано сообщение о нем.

Когда я зашел в свою каюту за лентой, Майлин подняла голову со скрещенных передних лап, и ее глаза засветились. Хотя передо мной была глассия, мысленно разговаривая с ней, я видел ее такой, какой она навсегда осталась в моей памяти — в жилетке из золотистого красного меха, со сверкающим на высокой прическе серебряным арабеском с рубином... Воспоминания сближали нас, и, хотя она никогда не говорила об этом, я чувствовал, что ей приятно знать, что я видел и помнил ее в образе тэсса, Поющей Луне, которая спасла мне жизнь, когда за мной гнались по просторам Йиктора.

«Есть новости?»

«Пока нет. — Я отодвинул один из стульев, стоявших у стены. — А ты не можешь с ними связаться?»

Впрочем, я мог и не спрашивать об этом. Если бы она могла, я бы это знал. Сейчас ее способности намно-

го уменьшились, если сравнивать их с порогом чувствительности, который был достаточно высок на Йикторе.

«Нет. Наверное, они слишком далеко. Или у меня не хватает сил обнаружить их».

Я перебирал коробки с лентами, отыскивая нужную мне.

«Майлин, как, по-твоему, можно мысленно определить, что находится за стеной с маской?»

Она ответила не сразу. Ей нужно было все обдумать, прежде чем ответить.

«Мысленный запрос должен иметь определенную цель. Если я знаю, что там есть хоть искра жизни, я могу сконцентрироваться на ней. В данном случае — нет. Но ты, кажется, уже придумал способ?» — она всегда очень быстро схватывала мои мысли.

«Прибор, о котором я когда-то слышал. Бур-перископ. С его помощью мы сможем узнать, обнаружили ли мы тайник с сокровищами».

Я поставил ленту и быстро перекрутил ее на нужное место. Она согласилась со мной, что это лишь весьма поверхностное сообщение молодого торговца, которого наняли для оснащения экспедиции закатан. О приборе он только упомянул.

«Очень сложный прибор, — заметила она без всякого интереса. Ее реакция была типичной для тэсса, которые недолюбливали любые механизмы и приборы и старались их не использовать. — Но если он будет работать, то почему бы не испробовать его здесь. Я думаю, ты прав. Если это тайник с сокровищами, то он должен быть здесь не один. Крип, помнишь, как однажды мы говорили о сокровищах, и ты сказал, что у каждого мира свои сокровища? Ты сказал тогда, что для тебя было бы пределом мечтаний иметь собственный корабль. Это именно то, что твой народ считает настоящим сокровищем. Предположим, что сокровищ этого тайника хватит для осуществления твоей мечты. И что тогда? Опять полеты, как на «Лидисе», в поисках выгодных сделок?»

Она была права, именно корабль был мерилом богатства у торговцев. А чтобы купить каждому члену экипажа «Лидиса» по кораблю, нужно гораздо больше денег, чем стоимость всех сокровищ, вывезенных с Тота. Находки делятся поровну. Никакой доли не хватит, чтобы приобрести корабль.

Мечта остается мечтой. Но для того чтобы она воплотилась в жизнь, к ней надо быть готовым. Я хотел стать суперкарго, но мне надо еще долго и много учиться, чтобы суметь когда-нибудь взять всю ответственность за полет на себя. Я не пилот, не механик и не астронавигатор.

Действительно, что я буду делать, если завтра у меня появятся деньги и я смогу купить корабль?

Она внимательно следила за ходом моих мыслей.

«Помнишь, Крип Ворланд, как я рассказывала тебе о своей мечте: вывести мой маленький народ к звездам? Скажи, на эти сокровища можно купить корабль?»

Выходит, она тоже не отказалась от своей мечты. Хотя для реализации этого у нее куда меньше шансов, чем у меня.

«По всем расчетам, там должны быть немалые сокровища», — ответил я.

«Прекрасно! Выходит, все это время я не напрасно путешествовала с вами. Народ тэсса знает Йиктор вдоль и поперек, но абсолютно не знает космоса. Познакомившись с вами, я узнала, что существуют пространства и миры, о которых я и не подозревала, когда была Поющей Луне. Оказывается, мы очень маленький народ среди множества других народов и рас. Для начала было бы неплохо узнать и понять это. Если время позволит, Крип, ты должен с помощью этого прибора найти сокровища».

«Лидж считает...» — я передал ей, что сказал мне суперкарго. Она покачала головой, не соглашаясь с тем, что считает Лидж.

«Логично. Но вот что еще я скажу тебе. Когда мы с тобой дежурили ночью у сокровищ, я поняла, что за нами следят».

«Кто и откуда?»

«Как раз из-за того, что я не могу ответить на эти вопросы, я и не посылала тебе предупреждения. Я почувствовала присутствие посторонних, но они находились вне пределов моей досягаемости. Я не могу, как раньше, читать мысли на больших расстояниях. Старейшие забрали большую часть моей силы, когда отобрали мой облик. Осталась только способность к предупреждению. Пока за нами только наблюдают. Скажи мне, Крип, почему на скале изображена морда кошки?»

Неожиданная смена темы сбила меня с толку, и я не смог ей ответить.

«Вот что я имею в виду. — В ее мыслях появилось нетерпение и раздражение. — Кошка — древний символ Сехмет, ты сам мне это говорил. И этой звезде и окружающим ее планетам дали названия первые разведчики твоего народа, высадившись здесь для исследований. Следовательно, кошка — внепланетный символ. Когда мы обнаружили его здесь, ты сразу сказал: «Кошка». Но ты даже не подумал о том, что это могли оставить представители твоего народа. Вот и получается загадка — неизвестные и давно забытые существа использовали изображение кошки».

«Возможно, это действительно осталось от первых поселенцев. Может быть, они пытались колонизировать Сехмет до других планет».

«Не думаю. Это очень древнее изображение. Сколько лет назад заселили эту систему? У тебя есть такая запись?»

«Не знаю. Если это было в первую волну, то тогда тысячу лет назад или чуть меньше».

«Изображение старше в два или даже три раза. Чтобы камень так выветрился, надо очень много времени. Наши святилища на Йикторе подобны этому. Кто были те боги, в честь которых названа эта система, эта Сехмет с кошачьей головой?»

Я покачал головой:

«Они терранского происхождения и чрезвычайно древние, даже для этого мира. И терранцы вышли в космос тысячи лет назад. Много страниц истории забылось в потоке лет. Терра расположена в другой половине галактики. В те времена, когда они поклонялись тем богам и богиням, они еще не выходили в космос».

«Но ведь это прародители твоего народа. Может быть, когда-то они побывали здесь? Вспомни о расах предтеч — сколько таких цивилизаций возникало и рушилось?»

«Никто о них не знает, даже закатане, для которых история и искусство составляют смысл всей жизни. Сейчас Терра стала полулегендой. Я еще не встречал ни одного путешественника, который там был или общался с терранцами».

«Сказки, легенды... В каждой из них есть зерно правды. Может быть, и здесь...»

Передатчик над моей головой захрипел, и Фосс объявил главную новость:

— Связь налажена. Мы посылаем сигнал о помощи.

Сообщение было радостным, но поможет ли это нам? Я взял ленту и отправился к Лиджу. Вместе с Лиджем и Шаллардом мы еще раз просмотрели ее. Шаллард не был уверен, что он и Корд смогут сделать нечто подобное, но обещал посмотреть свои собственные записи.

Ожидание для торговцев хуже любого наказания. Ожидание в нашей ситуации изнуряло, как болезнь. Мы установили дежурство, не включая в состав Корда и Шалларда, которые не отходили от передатчика. Я и Майлин дежурили вместе. Мы обошли площадку, на которой стоял «Лидис», и направились к скале с изображением кошки. Мы очень хотели найти какие-нибудь другие следы древних людей.

Но мы абсолютно ничего не увидели и не услышали. Не было ни малейших признаков того, что мы не одни на этой пустынной негостеприимной земле. Однако Майлин продолжала утверждать, что вокруг нас существует какое-то влияние, которое раздражает и беспокоит ее.

Майлин всегда оставалась для меня загадкой. Сначала нашему сближению препятствовала ее отчужденность. Этот разрыв только увеличился, когда она использовала свою силу, чтобы спасти меня единственным возможным тогда способом — превратив в зверя. Просто она перенесла то, что было Крипом Ворландом, из одного тела в другое. Она не была виновата в том, что мое человеческое тело умерло в результате несчастного случая, но тогда потеря казалась мне невосполнимой, и сначала я не был даже ей благодарен за то, что она переселила меня в тело барска. Потом она дала мне еще одно новое тело.

Теперь я нахожусь в теле тэсса. Возможно, именно эта внешняя оболочка тэсса сблизила меня наконец с Поющей Луне, хозяйкой маленького народа. Время от времени я ловлю себя на том, что специально пытаюсь использовать то, что сохранилось в моем теле от тэсса, чтобы лучше понять Майлин.

Меньше чем за планетарный год я обладал тремя телами: человека, зверя и тэсса. В глубине моего сознания засела мысль, что каждая плоть оставила во мне неизгладимый след. Маквед, чье тело теперь стало моим, давно умер. По обычаям тэсса, его душа на время переселилась в животное, и в том виде он был убит безжалостной рукой охотника, пробравшегося на запретную территорию. После в теле тэсса осталась жить душа животного, которое сошло с ума, и его нельзя было вылечить. Поэтому то, что осталось от него, было только живой оболочкой. Я никого не вытеснял, когда перешел в эту оболочку.

А тело, в котором была Майлин, умерло... И только потому, что Ворса — одна из представительниц ее маленького народа — отдала ей свою плоть, она выжила. Старейшие приговорили ее находиться в теле Ворсы до тех пор, пока звезды в небе Йиктора не разрешат ей сменить его. Но когда наступит то время, неизвестно. И где она возьмет другое тело, когда оно наступит, — тоже никто не знает.

Вопрос этот мучил меня чрезвычайно, хотя я пытался

скрыть от нее свои мысли. Я чувствовал, что лучше мне об этом не думать, пока она сама не примет решение. Она же никогда об этом не говорила. Я хотел как можно больше знать о тэсса, но существовал барьер, до сих пор отделявший от меня некоторые стороны их жизни, и я не отваживался разрушить его.

Сейчас мы стояли вместе на вершине скалистого гребня. Майлин смотрела в ту сторону, куда улетел наш флиттер. Ветер ворошил ее мех, забирался под мой термокостюм.

«Там... ждет...» — пришла ко мне ее мысль.

«Что?»

«Не знаю, кроме того, что там лежат и ждут, наблюдают. Или это сон?»

«Сон?» — именно это слово удивило меня. Хотя я и пытался всеми силами уловить излучение, которое ощущала Майлин, почувствовать его было невозможно.

«Да, сон. Существуют реальные сны, вещие сны. Уверена, что ты знаешь об этом. — Она еще больше забеспокоилась. — Мне что-то снилось, я знаю. Но о чем он был, тот сон, не могу вспомнить. Какие-то обрывки света, цвета, чувства».

«Чувства?»

«Ожидание! Именно это чувство!»

Она очень обрадовалась, когда нашла точное определение.

«Я ждала чего-то для себя. Чего-то очень важного, от чего зависела моя жизнь. Ожидание! Ожидание!»

Она повторяла это слово как заклинание.

«А остальное?.. Что ты еще помнишь?»

«Место неизвестное, и вместе с тем чем-то знакомое. Я знаю его, а вроде бы и не знаю. Крип! — Она повернула голову. — Когда ты бегал в теле барска, боялся ли ты, что когда-нибудь звериного сознания в тебе окажется больше, чем человеческого?»

Наконец я узнал о ее страхе. Я понял теперь, чего она боится больше всего. Я опустился на колено, обхватил ее

мохнатое тело и прижал к себе. Никогда не думал, что этот страх может прийти и к ней, ведь перемена тел была обычным явлением в жизни тэсса. Вероятно, ей больше не помогали силы, оберегавшие ее на Йикторе.

«Ты боишься, что с тобой может такое случиться?»

Она не шевелилась в моих объятиях, мысли ее блуждали в ином месте. Может быть, она уже сожалела о своем признании, внезапно обнаружившем ее слабость.

«Не знаю, я уже ни в чем не уверена. Я стараюсь, я очень стараюсь остаться Майлин. Но если я стану Ворсой...»

«Я буду помнить Майлин за нас двоих!»

Что я мог еще предложить ей? Это была правда! Даже если в ней победит животное, я по-прежнему буду видеть светлые серебристые волосы, темные глаза на человеческом лице, грацию, гордость и красоту Поющей Луне.

«Я не дам тебе забыть, Майлин. И никогда не позволю себе забыть!»

«Память может ослабеть...»

Если мысль приходит как шепот, то ее силы уже совсем иссякли.

Мой наручный передатчик зажужжал, пришлось снять перчатку, чтобы услышать сообщение. Удача улыбнулась нам. На наш сигнал мы получили ответ намного быстрее, чем можно было предвидеть в самом оптимистическом прогнозе. Нас вызывали на «Лидис» — приближался разведчик Патруля.

Спасатели приземлились ночью неподалеку от нас. Они не захотели попробовать добраться к нам до утра, мы же отправили им полный отчет о том, что случилось с нами с момента взлета с Тота. Мы сообщили им все, кроме одного — нашей находки изображения кошки в скале.

В свою очередь и спасатели сообщили кое-что интересное для нас. В Хартуме произошло восстание. Бунту немало способствовал раскол внутри монархической партии, вызванный отлетом нашего корабля. Священник

пошел на священника, единство правящей касты треснуло. Восставшие легко проникли в город и заняли его. Те, с кем мы подписывали контракт, были уже мертвы. Восставшие потребовали возвращения сокровищ и обвинили нас в том, что мы забрали эти сокровища как свою добычу.

Мы выслушали все это, и Фосс сказал:

— Кажется, перед нами встала новая проблема. Вероятно, мы сделали самое лучшее, когда спрятали здесь груз. До тех пор пока не разберемся, кому принадлежит сейчас законная власть, пусть сокровища остаются здесь.

— По контракту груз должен быть доставлен на Пта, — заметил Лидж. — Мы только выгрузили его, чтобы оградить себя от возможной опасности.

— Наш контракт подписан человеком, который уже мертв. Нам следует выяснить ситуацию на Пта, прежде чем мы туда вылетим. Вдруг восставшие уже высадились там? У мертвых нет ничего, кроме их могил. Если сменилось правительство, мы можем предъявить законные права на то, что имеем. Но если нас поймают на какой-нибудь другой планете с грузом непонятного происхождения, то нас могут лишить звания торговцев. Не исключено, что навсегда. Пока мы не будем уверены, кто настоящие хозяева сокровищ, мы не должны давать повод для обвинения, что мы похитили их. Отдадим на хранение второй экземпляр контракта Патрулю. Это защитит нас на некоторое время. И пока мы не получим сообщение из храма Пта, сокровища останутся здесь.

— А как быть с оплатой? — спросил Лидж. — Согласно контракту, мы берем нашу часть после того, как приземлимся на Пта. Мы не имеем права взять ее до доставки. Но мы не можем себе позволить перевозить груз без оплаты. Мы ведь оставили свой прежний груз в Хартуме, чтобы взять этот. Надо платить за помощь и за ремонт...

— Нам потребуется помощь, — не выдержал я. — По крайней мере, для того, чтобы отремонтировать корабль.

Мы можем доказать, что все произошло из-за той коробки и священника. Надо потребовать, чтобы суд...

— Да, — согласился Лидж. — Но если мы обратимся в суд, дело может затянуться на годы. И если мы получим нашу часть сокровищ после суда, она нам будет уже ни к чему. Мы или разоримся, или умрем до того, как звездные законники закончат дело. Мы должны потребовать этот груз в качестве гонорара. Иначе мы не сможем продолжать полеты. Но ведь мы не хотим, чтобы нас обвинили в краже сокровищ? Лучше всего сейчас будет составить «Заявление о вмешательстве». К нему мы приложим наши ленты и попросим Патруль разузнать, что творится на Пта. Если они ответят, что там все как обычно, попробуем доставить туда груз.

Мы согласились. Мне хотелось узнать, почему Фосс с такой неохотой приступает к делу, причем без подписания с экипажем соглашения. Обычно торговцы очень педантичны в подобных вопросах. Правда, вольные торговцы, особенно четвертого класса, к которым относился Лидж, не раздумывают долго над деталями.

Мы принадлежим к братству разведчиков, готовых броситься в любое рискованное предприятие. Может, Фосс подозревал что-то такое, чего еще не знали другие члены экипажа; особенно непонятным было предложение Фосса, чтобы корабль после ремонта не летел на Пта.

Когда мы остались одни для подготовки копии материалов, Лидж так ничего и не сказал. Я тоже промолчал.

Рано утром, когда флиттер Патруля, перелетев через скалы, приземлился радом с «Лидисом», подняв в воздух тучи песка, пленки были готовы. Двое спасателей, выбравшись из флиттера, не торопились встретиться с Фоссом, который стоял на трапе. Один из прилетевших, встав на колени на песок, положил на землю какой-то прибор. Другой внимательно следил за ним. Они что-то тщательно замеряли.

Глава 6

КРИП ВОРЛАНД

В присутствии людей, обладающих властью, от которых в значительной степени зависит твоя судьба, становится не по себе даже человеку с чистой совестью. Столкнувшись с представителями Патруля, мы почувствовали себя в положении провинившихся школьников. Как законопослушные и безобидные космические торговцы, регулярно вносящие налоги за приземление, у которых безупречно оформлены все документы, мы могли со спокойной душой обратиться к ним за помощью. Им достаточно было беспристрастно взглянуть на нас, чтобы понять, что у нас все в порядке.

К тому же у нас была коробка, вынутая из Трона Квира. Тщательно обследовав ее с помощью своих приборов, они обнаружили неизвестное им излучение. Коробка вместе с телом священника, которое сохранялось в холодильной камере, были переданы под их контроль. Каждый из нас записал свои показания на ленту. Изменить их было невозможно.

И тем не менее все мы почему-то волновались и облегченно вздохнули, когда они не задали тех вопросов, которые могли задать. Наша находка в скале с кошкой до сих пор оставалась тайной, хотя о том, что мы спрятали сокровища, мы сообщили сразу. Лидж, который был знаком с космической юриспруденцией, объяснил, что, поскольку поломка устранена, мы должны продолжать наше путешествие и доставить сокровища в храм Пта, предварительно, конечно, убедившись, что священники, которым мы должны передать груз согласно контракту, еще находятся у власти.

— У нас пока нет новостей с Пта, — ответил пилот Патруля. Он не проявил никакого интереса к тому, что говорил Фосс. Было видно, что к нашим проблемам он относится с совершенным равнодушием. — По поводу

ремонта... Наш механик вместе с вашим проверил двигатель. Для отчета нам необходим список повреждений. Мы можем вывезти вас и вашего механика на нашу космическую базу, где вам выдадут все, что необходимо, по контракту Лиги.

Получить что-либо по контракту Лиги означало влезть по уши в долги. Однажды мы уже попали в подобное положение, и нам пришлось держать ответ перед собственным народом. Если долг не будет выплачен в положенный срок, на «Лидис» будет наложен такой штраф, что нам потребуются годы работы и большая удача, чтобы мы могли снова поправить свои дела. Штраф может означать даже потерю корабля. Так что у нас не оставалось другого выхода, кроме как доставить груз на Пта и получить по контракту свою долю сокровищ. Оставалась, правда, еще надежда, что в скале с изображением кошки спрятаны сокровища, которые поправят наши дела. Но времени на то, чтобы их найти, у нас не было.

Мы решили, что Фосс и Шаллард вылетят на разведчике Патруля, а вооруженный отряд Патруля и их флиттер останутся на Сехмет для поисков пропавших членов экипажа.

Флиттер Патруля был сверхмощным судном, вооруженным и защищенным самыми современными средствами. В нем размещались пилот, два стрелка и еще оставалось место для двух пассажиров. Перед отлетом Фосс вызвал меня к себе:

— С флиттером полетишь ты и Майлин. Она — как искатель, а ты — как связной...

Конечно, он был прав, хотя представитель Патруля с явным недоверием воспринял это предложение. Однако я дал понять, что Майлин обладает телепатическими способностями и будет нашим проводником. Так как ни один человек не может знать всего о всех чужаках, они приняли на веру, что она будет нам полезна.

Целый день после отлета катера капитана Фосса и Шалларда на планете бушевала буря, поднявшая в воз-

дух тонны песка. Вместе с оставшимися патрульными мы сидели в «Лидисе» как в заточении. В такой мгле невозможно было лететь, мы могли легко потеряться на неизвестной планете.

Но на следующее утро ветер утих, и, хотя в воздухе еще кружился песок, а флиттер был наполовину засыпан, мы смогли отправиться в путь. Мы поднялись над скалистой равниной. Плотные облака слегка рассеялись и пропускали бледный солнечный свет, лишенный, казалось, всякого тепла. Блеск солнца скорее подчеркивал, чем рассеивал темноту ландшафта под нами.

Пилот летел очень медленно, стараясь при помощи приборов засечь какое-нибудь излучение. Майлин лежала на полу возле меня в тесной кабине флиттера. Я редко отдавал себе отчет в том, как она выглядит, но патрульные поглядывали на нее как на нечто очень странное. Поневоле я вспомнил о том, что со мной рядом лежит мохнатый четвероногий зверек глассия. Теперь, когда я знал, как она боится, что звериная оболочка когда-нибудь поглотит душу тэсса, я стал лучше понимать ее. Я и сам помнил то время, когда зверь начинал побеждать во мне человека. А что, если бы я все-таки потерял себя?

Майлин была сильнее, была более подготовлена, чем когда-то я, к подавлению звериных инстинктов, сохранявшихся в теле, которое она носила. Она прекрасно осознавала всю опасность такой жизни. А что, если все-таки ее внутреннее «я» станет ослабевать?..

Она замерла, мышцы напряглись. Потом быстро обернулась.

«Что?» — спросил я.

«Не то, что мы ищем. Но там, внизу, что-то, состоящее не из камня и песка».

Я посмотрел в иллюминатор, Ничего, кроме скал, полуразрушенных ветрами, в которых можно спрятать что угодно.

«Внутри, — передала она мне. — Мы уже пролетели. Я думаю, еще один тайник...»

Я попытался запомнить это место, но вид с воздуха совсем не похож на вид с земли. Однако если Майлин права (а я безоговорочно ей верил сейчас), может быть, нам удастся выпутаться, и мы рассчитаемся со всеми своими долгами. Второй тайник! Возможно, Сехмет так же богата сокровищами, как и Тот? Или еще богаче?

Майлин больше ничего не говорила, хотя в своем зигзагообразном полете мы несколько раз пролетали над этим плато. Землю было видно очень плохо. На плато виднелось немало глубоких и узких ущелий, в которых мог бесследно затеряться наш приземлившийся или разбившийся флиттер. Мы старались придерживаться основного направления их полета, хотя то и дело возвращались назад, чтобы еще раз осмотреть округу.

Кругом громоздились скалы. Было трудно отличить одно ущелье от другого. Иногда мы пролетали над более широкими долинами, где была видна слабая растительность. В одной долине мы даже обнаружили воду — маленькое темное озерцо с широкой окантовкой бело-желтого цвета. Наверняка это вредные химические отложения.

Майлин снова замерла, прижавшись ко мне и пристально вглядываясь в иллюминатор.

«Что теперь?»

«Жизнь...» — передала она.

В то же самое время пилот наклонился к одному из приборов.

— Слабое излучение, — сообщил он.

Хотя мы летели очень низко, он опустил флиттер еще ниже, и на небольшой скорости, почти в свободном полете, мы внимательно обследовали территорию. Мы пролетали над полукруглой равниной. Здесь росли деревья (если их только можно назвать деревьями), которых я до сих пор еще не видел на Сехмет. У них была очень темная листва, начинавшая расти почти от самой земли. Земля вокруг них была покрыта серой травой.

— Здесь!

Не было необходимости указывать место, оно было отчетливо видно. На земле стоял наш флиттер. Вокруг не было никаких признаков жизни. Пилот послал запрос флиттеру и кружил вокруг, ожидая ответа. Садиться он не спешил. Я не спрашивал почему. Было что-то жуткое в этой долине, в этой зловещей растительности, в неподвижной машине.

«Ты чувствуешь их?» — спросил я Майлин.

«Там никого нет».

Мне показалось, что она противоречит сама себе.

«Но ты же сказала?..»

«Это не они. Там что-то другое». — Ее мысленная волна дрогнула, как будто она смутилась оттого, что не может объяснить понятнее. Моя тревога возросла. Я подумал, что произошло то, о чем предупреждала Майлин. — Она больше не уверена в своих силах.

— Датчики ничего не регистрируют, — заметил второй патрульный. — Есть только один способ все проверить — приземлиться и посмотреть.

— Не нравится мне это. Все выглядит так, будто флиттер специально выставлен здесь, чтобы мы его заметили. Приманка...

Мы согласились с таким вариантом. Но чья приманка? Весьма рискованно строить ловушку флиттеру с эмблемой Патруля. Моя вера в могущество Патруля была почти безграничной. Все-таки мы приземлились. Оба стрелка оставались на своих местах, пока мы пробирались в густой траве к стоящему неподалеку флиттеру.

Жесткая, ломкая, с острыми краями трава была нам почти по грудь. За нами оставалась хорошо заметная ложбина. Это могло в дальнейшем подсказать нам, что случилось с нашими товарищами. Во флиттере никого не было. Запас еды на борту был почти цел. Очевидно, Шервин и Хнольд не собирались надолго покидать корабль.

От флиттера в сторону деревьев вел отчетливый след. Трава была сильно примята, как будто по ней тащили тя-

желый груз. Хотя кое-где на небольших участках земли стебли уже поднялись.

Я внимательно обследовал флиттер и нашел ленту с записью. В ней было зафиксировано то же самое, что видели этим утром и мы, пролетая над плато. Запись обрывалась на полуслове, остальное, казалось, было стерто. Я никак не мог себе этого объяснить. Оставалось загадкой и то, что заставило их здесь приземлиться. Все приборы были в порядке. Мне удалось включить двигатель на полную мощность, подняться на большую высоту и снова приземлиться. Флиттер был вполне исправен.

Пока я проверял флиттер, один из стрелков и пилот Харкон пошли по тропинке в сторону деревьев. Майлин осталась рядом с флиттером, на границе примятой травы. Выбравшись из флиттера, я задал ей всего лишь один вопрос:

«Давно они сели?»

Она понюхала траву, как это делают глассии.

«Больше суток. Может быть, все то время, которое прошло с момента их последнего сигнала. Я не уверена, Крип! Здесь какой-то странный запах — человека. Иди сюда!»

Ее голова мелькнула в траве. Я побежал туда, где она своими лапами раздвигала траву. Майли было тяжело, и я помог ей. Среди густой травы мы обнаружили непонятный квадратный след. Когда вернулись патрульные, Харкон подошел ко мне. Датчик в его руках защелкал.

— Остаточное излучение, — сказал он. Затем замерил след на земле и задумался. — Здесь что-то было. Судя по величине остаточного излучения, его мощность была так велика, что вполне могла вывести из строя двигатель и блокировать сигнал бедствия.

— Кому это было надо?

— Ваши люди вмешались во что-то серьезное. Если бы они нашли маяк, то могли бы помешать каким-то событиям, которые разворачивались здесь. Только по счастливой случайности мы уловили ваш сигнал. Один шанс из пятиста. Те, кто прячется здесь, не могли это предвидеть. Если они хотели оставить вас на планете, то

первым шагом было — отрезать вас от маяка. Они думали, что, захватив ваш флиттер, успешно справились с этой задачей. Что касается того, кто ОНИ? — Он пожал плечами: — Вам лучше знать. Или, вернее, у вас должны быть какие-нибудь предположения.

— Это могут быть только джеки, из тех, кто заинтересован в нашем грузе, — других преследователей я не вижу. А что Шервин и Хнольд?

Последний вопрос я задал скорее Майлин, чем Харкону.

«Они были живы, когда покинули это место», — ответила она.

— Даже след не пытались замести, — продолжал размышлять вслух Харкон. Потом добавил: — Не беспокойтесь. Преданность вольных торговцев своим товарищам хорошо всем известна. Они наверняка оставят их в живых, чтобы потребовать за них выкуп.

— Но нам нечего предложить им, нечего. А потом, кому предлагать? Кто они, где?

— Появятся рано или поздно.

Я поднялся, стряхивая листья травы со своего комбинезона.

— Но вряд ли они появятся сейчас, особенно после того как увидели ваш корабль.

Эти джеки наверняка были не из пугливых. Тем более что они знали, какой богатый улов ждет их на «Лидисе». Патрульный корабль уже улетел с планеты. Оставались трое патрульных со своим флиттером и неполный экипаж «Лидиса» — более удачное время для нападения трудно было выбрать. Враг мог напасть в любой момент, если он постоянно наблюдал за нами и был в курсе того, что происходит.

— Мы пойдем по этому следу до леса, — сказал Харкон. — Если там ничего нет, будем ждать подмоги. Не можем же мы втроем сражаться против целой шайки джеков.

Я отметил, что мы для него не являемся боевыми единицами и он не причисляет нас к своему отряду. Насколько я знал, Патруль никогда не брал в расчет тех, кто не принадлежал к их компании.

Мы отправились в путь. Майлин бежала рядом со мной, Харкон шел впереди, его напарник прикрывал тыл. Чем ближе мы подходили к лесу, тем отчетливее в сплошной стене зарослей проступали эти деревья. Они были лишены всякой привлекательности. Ветки у них были скрючены, как спирали, листья — почти черного цвета. Их было немного, но все-таки они образовывали завесу, почти полностью перекрывавшую бледный солнечный свет.

Тропинка вела не в лес, она бежала вдоль кромки леса. Травы здесь почти не было, и на серой земле виднелись весьма нечеткие следы. Обогнув лес, тропинка спускалась в долину. Майлин неожиданно рванулась вперед и забралась под скалу.

Она присела, вывернув голову, словно рассматривала что-то, изображенное на этой неровной каменной поверхности. Я тоже пытался разглядеть хоть что-нибудь, но ничего не увидел, хотя искал очень внимательно, полагая, что она нашла еще одно изображение кошки.

«Что на этот раз?»

Впервые она не ответила. Ее мозг был закрыт так плотно, как будто она отгородилась от врага. Она все еще смотрела на скалу, поворачивая голову то вправо, то влево. Но вокруг не было ничего, что могло бы привлечь столь пристальное внимание.

— Что это? — повторил мой вопрос Харкон.

Я дотронулся до торчащего хохолка на ее голове. Она отпрянула от этого легкого прикосновения. Но мозг попрежнему оставался закрытым, она не показала, что воспринимает меня. Такого раньше никогда не было.

«Майлин!»

Я вложил в обращение всю силу, требуя, чтобы она ответила мне. И все-таки мне не удалось до нее добраться. Это меня не на шутку испугало. Я даже подумал, не оказалась ли внезапно ее сущность человека поглощенной телом зверя.

Она медленно повернула голову, немигающий взгляд ее чуть дрогнул. Затем высунула язык и стала облизывать

морду, после чего передними лапами обхватила голову, словно пытаясь заткнуть уши от звука, который больше не могла вынести.

«Майлин!» — Я встал на колени. Наши глаза оказались почти на одном уровне. Сняв перчатки, я взял ее за передние лапы, сжимавшие голову, и повернул морду так, что наши глаза встретились. Она заморгала, как только что проснувшийся человек.

«Майлин, что случилось?»

Мозг ее начал открываться. Мысли успокаивались.

«Крип, я должна уйти отсюда».

«Появилась опасность?»

«Да, по крайней мере, для меня. Но не от тех, кого мы ищем. Здесь что-то еще. Оно затаилось на краю моего разума с того самого момента, как мы ступили на эту темную землю. Крип, я должна быть очень осторожной. Здесь существует некто, и он имеет право требовать от меня! Я — тэсса, я — повелительница!.. — Я знал, что она говорит не мне, а себе, пытается овладеть собой. — Я — тэсса!»

«Ты и в самом деле тэсса!»

Честно говоря, я поторопился произнести это, словно слова были спасательным кругом, брошенным утопающему.

Она опустила передние лапы на землю. Все ее тело тряслось, как будто она плакала. Я попытался погладить ее, она приняла ласку. Тогда я обнял ее со всей теплотой, на которую был только способен.

«Ты — Майлин из рода тэсса! — Я старался говорить спокойно. — Ты всегда ею будешь! Ничего не надо больше говорить!»

— Что случилось? — Харкон положил мне руку на плечо и слегка потряс меня.

— Я не знаю. Что-то подавляет ее способности эспера.

— Харкон! — Другой патрульный, который шел вдоль скалы, остановился и звал его. — Следы посадки. Флиттер, и огромный, судя по следам.

Харкон отправился посмотреть, а я остался с Майлин. Она повернула ко мне голову и прижалась с нежностью, какой никогда раньше не выказывала.

«Хорошо, как хорошо, что ты здесь, — пришла ко мне ее мысль. — Оставайся, оставайся со мной, Крип. Я не должна превратиться в кого-то другого, кроме меня самой, не должна! Но меня зовут, меня так зовут...»

«Кто?»

«Я не знаю. Похоже на то, что требуется помощь, которую могу оказать только я. Но я знаю, что если отзовусь на это требование, то как личность перестану существовать. Я стану не-Майлин! А я не смогу жить, если буду не-Майлин. Эта сила похожа на открытый вызов».

«Ты — Майлин и не будешь никем, кроме Майлин! Скажи, как я могу помочь? Я здесь...»

«Помни Майлин, Крип, помни Майлин!»

Я понял ее и воспроизвел в памяти картину, которую запомнил лучше всего. Я вспомнил Майлин такой, какой впервые увидел ее на Большой Ярмарке в Йрджаре: богиня, гордая повелительница маленького мохнатого народа, дающего представление перед публикой. Такой была и навсегда останется для меня Майлин!

«Ты действительно видишь меня такой, Крип? Мне кажется, ты изобразил меня более красивой, более уверенной, чем я была на самом деле. Сохрани этот образ для меня, Крип».

Вернулся Харкон.

— Здесь больше нечего делать. — В его голосе чувствовалось раздражение. — Нам лучше вернуться. Они улетели на флиттере, это значит, что они могут оказаться где угодно. Ты справишься с вашим летательным аппаратом?

Я кивнул, продолжая смотреть на Майлин. Она высвободилась из моих объятий и с удовольствием бегала вокруг. Потом забралась во флиттер, свернулась клубочком на месте второго пилота, а я сел за пульт управления.

Флиттер Патруля взял курс на «Лидис», мы полетели вслед за ним. Майлин, свернувшись в кресле, каза-

лось, спала. Она не предпринимала никаких попыток к мысленному контакту. Однако мы недолго наслаждались спокойной обстановкой. Мой приемник защелкал, и я включил связь.

— Ты можешь связаться со своим кораблем? — В вопросе Харкона звучала тревога.

Я был настолько поглощен Майлин, что совсем забыл отправить сообщение на «Лидис». Теперь же торопливо нажал кнопку связи. Послышался сигнал зуммера — канал был готов. Но когда я набрал наши позывные, ответа не последовало. Удивившись, я снова набрал позывные. Канал приема был открыт, сигнал должен был проходить без помех. Но ответа не приходило. Я доложил об этом Харкону, и он сообщил, что ему тоже не отвечают.

Мы вылетели рано утром, сейчас уже смеркалось. Наползали тяжелые облака, поднимался ветер. Для безопасности мы летели высоко над землей. Сбиться мы не могли — радиомаяк на корабле уверенно показывал курс. Но сильный ветер делал посадку весьма затруднительной. Посадка вслепую? Нет, не должно быть. Если нас ждут, то зажгут посадочные огни на площадке. А если нет? Нам не ответили. Знают ли они вообще, что мы возвращаемся? Почему не пришло ответа? Я продолжал посылать позывные в надежде получить ответ, способный положить конец усиливавшимся подозрениям, что дела наши совсем плохи.

Глава 7

МАЙЛИН

Как же тяжело было перебороть чувство, навалившееся на меня в долине, где мы нашли флиттер! Никогда еще я не была так не уверена в себе и — более того — в том, кто я есть. Сейчас я уже не могу точно вспомнить, что происходило в моей голове, путало мысли, старалось изгнать мое внутреннее «я». Кто лучше меня знает, как

происходит изменение форм? Но тут было нечто иное, не то, что обычно делают тэсса. Это была концентрированная попытка заставить меня делать то, что не входило в мои планы.

Лежа на месте второго пилота, я, подобно прохожему, кутающемуся в накидку на морозном воздухе, старалась собрать вокруг себя остатки своей уверенности. Я была не в состоянии определить источник того, с чем встретилась здесь, но точно знала — действия его мне не нравятся.

Я была настолько занята собственными неудачами и страхами, что не осознавала действий Крипа до тех пор, пока его мысль не проникла в мое погруженное в себя сознание быстрым и ясным требованием:

«Майлин! «Лидис» не отвечает. Что ты можешь узнать?»

На мгновение мне показалось, что его мысленное послание прозвучало на незнакомом языке. Усилием воли я отогнала мысли об ужасном контакте в долине. «Лидис», «Лидис» не ответил!

Наконец-то у меня появилась конкретная цель для поиска. Я больше не сражалась с неизвестным. Так как корабль сам по себе неодушевленный предмет и не может служить объектом мысленного поиска, лучшим объектом для контакта мне представлялся Лидж. Я мысленно представила суперкарго, выпустила поисковое щупальце...

И наткнулась на пустоту. Но нет, под слоем небытия очень слабо пульсировали токи живого существа. Я использовала более мощный вид мысленного контакта. Такой обычно пробивался до сознания тех, с кем я очень хотела связаться, даже если они спали или были в глубоком обмороке, вызванном болезнью. Сегодняшний контакт был очень похож на этот последний случай, но потеря сознания оказалась слишком глубокой. Я не смогла мысленно дотянуться до Лиджа. Обратилась к Корду, но результат оказался тот же...

«Они без сознания. И Лидж, и Корд», — доложила я.

«Спят?»

«Это не совсем сон. Я назвала их состояние — они без сознания, но они не спят, их мозг не открыт для контакта со мною, как это бывает при обычном сне. Здесь что-то другое».

Я попробовала опуститься глубже, чтобы получить информацию, вызвать хоть какой-нибудь ответ. Сконцентрировалась, как только могла, и ухватила! Появилось странное ощущение, что цели я достигла, но вокруг меня внезапно взвилась ловчая сеть. Это было то же самое чувство, что охватило меня в долине. На этот раз оно было даже сильнее и гораздо крепче держало меня этой невидимой сетью, словно другое существо, более сильное и неодолимое, соединилось с первым, чтобы связать и утащить меня. Я еще могла видеть Крипа и флиттер. Я могла еще взглянуть на свое мохнатое тело и лапы с выпущенными когтями, как будто я приготовилась к бою. Но между мной и реальным миром возникла стена тумана.

Майлин, я была Майлин!

«Крип, подумай обо мне, о том времени, когда я была Майлин. Как ты это делал в долине! Помоги мне увидеть себя такой, какая я есть на самом деле, какой я была всю свою жизнь, несмотря на мое теперешнее тело. Я — Майлин!»

Моя мольба, должно быть, не дошла до него. Я с трудом осознавала, что из селектора звучат какие-то слова. Звучат, но ничего не значат для меня.

Майлин! Все силы разума и воли вложила я в сохранение своей индивидуальности, осаждаемая вздымающимися волнами неведомой силы, которые обрушивались на меня, одна сильнее другой. Так как я была одной из тех, кто мог менять внешнюю оболочку своего духа, я понимала, хотя и неясно, что это самая большая опасность, и она делала меня более восприимчивой ко всему, что здесь происходило.

Но я была Майлин — не Ворса, не кто-то другой, только Майлин из рода тэсса. Мой мир сузился до одной

единственной мысли, которая стала моим щитом, моим оружием. Только Майлин, какой ее видел Крип в своем сознании. Хотя, как я ему говорила, никогда раньше я не была так сильно напугана, как теперь. Майлин!

Все внешнее ушло. Я закрылась от всего мира, чтобы ничто не потревожило созданную мной защиту. Как долго продолжалось мое восстановление в Майлин? Не знаю, потому что время не поддавалось никакому измерению. Но больше всего, больше, чем физической смерти, я боялась потерять выдержку.

А атака все нарастала и вскоре достигла такой силы, что, казалось, если она увеличится еще хоть на каплю, я не выдержу. А затем — она начала спадать. С отступлением этой силы пришло новое ощущение — сначала сильного возбуждения, а потом страха и отчаяния. Я не была уверена, что выдержу третью атаку столь странной силы, уже неоднократно пытавшейся воздействовать на меня. А Крип, где он? Он обещал быть рядом со мной!

Меня бросило в жар. Страх перерос в злость, вернее, в сомнение. А вдруг в минуту моей величайшей нужды в нем он оставит меня сражаться одну?

Влияние, испытывавшее меня в этот второй раз, уже прошло, лишь его остатки мерцали, как огоньки в темноте. Я чувствовала себя такой обессиленной, что не могла даже повернуться. Меня словно вернули из небытия, лежащего вне пределов моего понимания.

Крип все еще сидел за пультом управления флиттера. Но флиттер стоял на земле. Я видела в иллюминатор сопла «Лидиса», верхняя часть корабля скрывалась в высоте. «Крип!» — попыталась я окликнуть его. Попыталась... И тут же столкнулась все с тем же небытием, что и при поиске Лиджа и Корда! Я привстала в кресле, стараясь заглянуть в его лицо.

Глаза Крипа были открыты, он, не мигая, смотрел перед собой. Я вытянула переднюю лапу и коснулась его плеча. Тело было неподвижно, будто заморожено. Неужели он угодил в ту же сеть, что и я, только засел более

прочно? Я начала новое сражение, пытаясь на этот раз понять, что находится под этим слоем небытия, но была слишком слаба после собственного испытания и никак не могла найти то место, где Крипа Ворланда держали в заточении. Он сидел неподвижно, будто замороженный, уставившись прямо перед собой, и мне казалось, что он ничего не видит в окружающем мире. Я выбралась из кресла и неловко принялась открывать своими лапами люк флиттера.

Громада корабля достаточно ясно проступала в темноте, а все остальное вокруг него терялось в ночной мгле. Я выпрыгнула из люка на мягкий песок, поднявшийся клубами под моими задними лапами, когда я скатывалась с края дюны. Люк автоматически закрылся за мною. Крип не заметил моего ухода, не попытался последовать за мной. Стоя в тени флиттера, я оглядела долину. Подъемный трап на «Лидисе» был убран, входной люк закрыт, как обычно мы это делали ночью на Сехмет. За «Лидисом» стоял флиттер Патруля. Ни единого движения вокруг. Я подошла к флиттеру и уловила слабеющее излучение, видимо, оно шло от блока управления. Глассии могут карабкаться, но они неважные прыгуны. С огромными усилиями, вкладывая энергию в каждый прыжок, я пыталась зацепиться передними лапами за борт и повиснуть так, чтобы подтянуться и заглянуть внутрь. Наконец мне это удалось.

Пилот сидел в своем кресле так же неподвижно, как и Крип. Его ближайший сосед держал наготове оружие, но застыл в том же положении. Я смогла разглядеть только затылок второго стрелка, но так как и он не двигался, стало ясно, что тот заморожен, как остальные. И пилот, и Крип благополучно посадили флиттеры, но все равно выглядели пленниками. Их будто приковали цепями в каком-нибудь подземелье Йрджара. Пленники кого или чего? Судя по тому, что они успешно сели, враг не хотел их смерти, а только установил контроль над ними.

Я не была уверена, что им удастся долго пробыть в таком состоянии. Предусмотрительность подсказывала, что я должна где-нибудь спрятаться и оставаться там до тех пор, пока не узнаю, что же здесь произошло. Должно быть, с какого-нибудь места в долине так же наблюдали и за мной.

Я попробовала применить мыслепоиск и обнаружила, что он крайне ограничен и истощен, моя борьба забрала слишком много энергии. Поэтому я не отважилась при помощи его прощупать местность на большом расстоянии. В настоящий момент мои способности ограничивались пятью чувствами, заложенными в моем теперешнем теле.

Хотя меня и расстроило, что я могу положиться только на возможности глассии, я ослабила бдительность и контроль над своим телом и подняла голову, чтобы нос мог улавливать запахи, и слушала настолько чутко, как могла, вглядываясь в тени, как только позволяло зрение. Глассия не ночной зверь. Он видит ночью, вероятно, не намного лучше человека. Но темные силуэты флиттеров и «Лидиса» на светло-сером песке были хорошими ориентирами. Если мне удастся добраться до скалистой стены, в ней легко найдется место, чтобы спрятаться. Я присела в тени флиттера Патруля и рассчитала маршрут по наиболее темным местам.

Может быть, я напрасно тратила время и долина не находилась под наблюдением, так что я могла достаточно свободно передвигаться. Но это было бы слишком хорошо. Поэтому я устремилась к скале с предельной скоростью и сноровкой, на какую только было способно мое тело, настороженно вслушиваясь в любой звук, который мог бы означать, что меня обнаружили.

Я быстро нашла расщелину, в которую, как мне показалось, можно спрятаться. Она была такая узкая, что в нее пришлось вползать спиной вперед. В расщелине я припала к земле, положила голову на лапы и больше не спускала глаз с корабля и двух флиттеров.

Облака чуть-чуть разошлись, стали видны звезды, но луны не было. С горькой тоскою вспомнила я яркое свечение Сотры, которая давала свет Йиктору, наполняя ночь мерцающим великолепием.

Но где же звезды, которые должны сиять надо мной? У животного угол зрения изменен и расстояния искажены. Звезды светили как прожектора! По крайней мере, нижние над горизонтом точно были искусственными огнями и ярко светили на дальнем конце долины. Я насчитала их три. Где-то там находился тайник, в котором мы спрятали наш груз. Пока экипаж корабля и спасатели пойманы в ловушку, таинственные силы, которые, по моему мнению, и были причиной всех наших бед, пытались выкрасть сокровища!

Обнаружив огни, я уловила еще и вибрацию, доносящуюся сквозь скалы. В долине по-прежнему не было видно ни малейшего движения, никаких намеков на наблюдателей. Возможно, те, кто устроил эту ловушку, были настолько уверены, что держат нас в своих сетях, что даже не выставили постов. Я вслушалась. Мне совсем не хотелось делать то, что представлялось необходимым, а именно — пойти проверить мое предположение и убедиться, действительно ли сокровища крадут. Нужно было посмотреть, кто это делает. Но страх приковывал меня к кажущейся безопасности укрытия — расщелине, оставить которую выглядело величайшей глупостью.

Я не была привязана к «Лидису». Не была я и вольным торговцем. Крип, Крип Ворланд — да, именно он был той нитью, что связывала нас. И я не хотела ее рвать. Но остальные... Однако Крип был связан с ними еще более тесными узами, а потому и я была связана с судьбой корабля, хотела я того или нет. Если бы глассия могла вздыхать, я бы вздохнула, когда с неохотой покидала мой оплот безопасности. Опять я начала пробираться вдоль подножия скалы, используя каждое прикрытие.

Когда мы с Крипом обследовали эти места, то выбирали пути, подстраиваясь под его человеческое тело. Но

я-то могла гораздо быстрее преодолеть это расстояние, потому что мои сильные лапы лучше приспособлены для карабканья по скалам, испещренным разломами и щелями. Я обошла скалу, пока не выбрала место, которое, как мне показалось, находилось на одной линии с огнями, и отсюда стала взбираться наверх. Мое темное тело было совсем незаметно на поверхности скалы, а светлые пятна песка я старалась обходить стороной. Как я и думала, мои лапы быстро находили выступы и расщелины в скале, ловко цепляясь за них.

По скале я поднималась быстрее, чем кралась по земле, и уже через несколько минут была на вершине. С этого удобного места нетрудно было убедиться, что мои подозрения оказались правильными лишь частично. Три прожектора, так ярко светившие в ночи, действительно находились в том месте, где Фосс и остальные наивно полагали, что надежно спрятали груз. Хотя удалить ту часть скалы, что закрывала вход в тайник, по-видимому, было нелегко. По вибрации в скале и слабому жужжащему звуку, который теперь уже можно было уловить, я поняла, что скалу долбят каким-то механизмом.

Наблюдая за тем, что происходило невдалеке, я не сразу осознала, что нахожусь совсем рядом от не менее опасной силы, и вновь луч неведомого происхождения одним своим краем задел меня. Я почувствовала удар неимоверной силы. Окажись я в области большей его интенсивности, вероятно, меня бы просто смело в долину.

Это была практически чистая энергия, причем такой мощи, что луч становился почти невидимым. И это была мысленная сила! Она достигала такой концентрации, что раньше я бы ни за что не поверила, что такое возможно. Такой не достигали даже наши Старейшие, когда объединяли свою энергию для какого-нибудь действия. Я не сомневалась, что именно эта сила покорила сознание людей внизу. Но теперь я была уже предупреждена и спряталась в кокон своих защитных сил, а потому могла обойти эту опасность и не угодить снова в ловушку.

И еще я знала, что непременно должна найти источник этой силы.

Вторично повстречаться с этим смертельным лучом у меня не было желания, но, чтобы проследить его, следовало поддерживать контакт с ним. Я ограничилась небольшими касаниями границы луча, избегая непосредственного контакта. Луч привел меня к нише в скале. Ни на самой скале, ни вокруг нее света не было. Я несколько раз раскидывала мыслепоиск, прежде чем обойти эту нишу и приблизиться к ней с тыла. В нише было очень темно, и что бы в ней ни находилось, это располагалось где-то глубоко внутри.

Наконец, собравшись с силами, я начала карабкаться по гребню, убедившись прежде, что единственное отверстие ниши выходит на передний склон скалы. На животе, по-пластунски, я подползла к нише, наклонила сверху голову, надеясь, что луч не заполняет всего отверстия ниши, и через некоторое время смогла увидеть то, что находилось в ней.

Сначала мне показалось, что там темно. Но вскоре в чрезвычайно узком пространстве щели я заметила слабое мерцание, достаточное, однако, чтобы обнаружить обитателя ниши. Взглянув из крайне неудобного положения «вверх ногами», я, потрясенная, чуть не скатилась со скалы.

Передо мной в глубокой тени медленно проявлялось лицо... Лишь овладев собой, я смогла сконцентрироваться на его застывших зловещих чертах. Глаза незнакомца были плотно закрыты, лицо ничего не выражало, будто он спал. Тело этого человека было заключено в короб, закрепленный так, чтобы лицо смотрело в долину. Короб был покрыт инеем, и только часть его, закрывавшая лицо, оставалась прозрачной. На лице совсем не было волос — даже бровей и ресниц, а кожа казалась бледно-серой.

На стенке короба перед спящим (мне показалось, что это был именно мужчина) находилась прозрачная панель, напоминавшая кристалл, вмонтированная в широ-

кий металлический каркас, местами покрытый маленькими цветными пятнышками, цвет которых я не могла точно определить.

У основания короба лежал еще один прибор. И хотя спящий (если он спал) не напоминал мне никого из виденных ранее, тот прибор в его ногах был мне знаком. Всего несколько дней назад я видела, как подобный работал на «Лидисе». Это был усилитель связи. Такой же собрал Корд, чтобы подать сигнал о помощи.

Увидев его, я смогла сделать лишь один вывод: мысленный заряд выходил из тела в коробе и усиливался, проходя через селекторный передатчик. Нахождение его здесь имело, по-видимому, единственную цель — держать Крипа, людей Патруля и весь экипаж «Лидиса» в рабстве. Если я смогу каким-нибудь образом разъединить этот прибор или ослабить поток энергии, они смогут освободиться.

Со спящим в коробе я ничего поделать не могла. У меня не хватило бы сил, чтобы справиться с ним. Его очень плотно задвинули в нишу. Мои глаза уже привыкли к очень слабому свечению, исходящему из каркаса, и разглядели, что скала выдолблена как раз под размер короба и крепко держит его в одном положении.

Поэтому до источника мысленного рабства я добраться не могла. Совсем другое дело — усилитель. Я хорошо помню, с какой осторожностью устанавливал Корд прибор, столь похожий на этот, на «Лидисе». Его постоянные предупреждения, что малейшее сотрясение может преломить луч, надоели всем. Эту задачу мне и предстояло сейчас осуществить. Я очень устала от битвы с силой, пытавшейся подчинить мой мозг, и потому тело давно уже посылало сигналы об истощении ноющих мышц, неимоверно уставших конечностей.

Я опустилась на землю и чрезвычайно осторожно поползла вдоль боковой стенки, держась как можно ниже и надеясь не угодить под основную силу луча. К счастью, луч не шел по земле.

Обнаружив это, я спокойно подобралась ближе. Я видела лишь один возможный путь, а удача зависела от того, насколько мое тело сможет преодолеть свою неуклюжесть зверя. Отступив, я пошла искать оружие. Однако продувающие все ветры хорошо делали свое дело — в ближайшей округе не нашлось ни одного камня, которым я смогла бы воспользоваться. Я пошла дальше, заглядывая в каждую дыру и отчаиваясь все больше и больше. Если бы мне пришлось даже вернуться к подножию скалы, я все равно бы это сделала. И я продолжала надеяться.

Наконец мое упорство было вознаграждено. В одной из расщелин я нашла треснувший кусок скалы, который раскачивала до тех пор, пока он не выпал. Я еле-еле вытащила его на поверхность. Привыкнув пользоваться руками, очень трудно делать это ртом, но я ухватила камень зубами и потащила его.

И вот снова, как можно ниже припадая к земле, я подползла к коробке. Зажав камень в зубах, я принялась бить им по усилителю до тех пор, пока совсем не расплющила его. Те, кто оставил его здесь, теперь вряд ли смогут воспользоваться им.

К самому коробу со спящим я не приближалась — от него веяло влажным холодом, похожим на сильный порыв ветра зимой в горах на Йикторе. Я понимала, что если дотронусь до этой замороженной коробки, то сейчас же отморожу лапу. Лицо спящего не изменилось и походило на лицо каменной статуи. И тем не менее спящий был живым или когда-то был живым. Вид этого заживо погребенного вызывал у меня смешанные чувства.

Я быстро отвела глаза от неподвижного человека, отступив также с линии немого взгляда его закрытых век. Присутствие чужака — то же чувство было и во флиттере. Это ощущение вызвало во мне такую тревогу, что я ринулась бежать не разбирая дороги.

Когда я пришла в себя и обрела контроль над своими эмоциями, избавившись от страшного влияния, то об-

наружила, что двигаюсь не назад в долину, к кораблю, а к прожекторам и жужжащему звуку. Я уже неплохо ориентировалась. У меня появилась надежда, что влияние прекратилось, что экипажи «Лидиса» и флиттеров свободны. И они оказались бы в более выгодном положении, если бы я, вернувшись с разведки, все рассказала им.

Напавшие на нас так и не выставили никакой охраны или караула. Возможно, они настолько были уверены в непогрешимости своего аппарата, что чувствовали себя абсолютно свободно. Я без труда нашла хорошее место для наблюдения.

Они были заняты в тайнике. Прожекторы освещали его сильнее, чем дневной свет на Сехмет. Два робота пытались ликвидировать запор, установленный нами, чтобы скрыть тайник. Торговцы хорошо сделали свое дело, и даже их машины не могли быстро сломать преграду. У них имелось достаточно средств, и они с силой атаковали скалу.

Роботы на «Лидисе» предназначались в основном для погрузки, но в экстремальных ситуациях могли быть модифицированы простыми приспособлениями. Эти же были больше и сложнее. Ими руководил человек, державший в руках панель дистанционного управления. Хотя я и была знакома с подобными механизмами, мне показалось, что они предназначены главным образом для земляных работ.

Судя по тому, что знали мы на «Лидисе», на Сехмет пока не было рудников. А случайным изыскателям не требовались такие сложные и дорогие машины. Кроме того, мы обнаружили следы того, что могло быть складами сокровищ. Значит, этих роботов привезли для того, чтобы вскрыть тайники?

Люди внизу, а их было трое, выглядели как обычные космолетчики, одетые в простые комбинезоны экипажа космического корабля. Они были похожи на людей, как и вольные торговцы. Двое из них, которые не управляли роботами, держали в руках оружие, точнее — бластеры.

Их внешний вид был достаточно угрожающий, и я решила держаться от них на расстоянии.

В поле моего зрения попал четвертый человек. Я замерла. Воздух со свистом выходил из моей пасти сквозь клыки — природное оружие глассии. Лицо этого человека хорошо освещали огни. Это был Грис Шервин!

По его виду я бы не сказала, что он тоже в плену. Он стоял возле одного из стрелков и с интересом наблюдал за действиями роботов, будто сам заставлял их работать. Неужели это он? Неужели Шервин заманил свой экипаж в ловушку? Но почему? Очень трудно тому, кто знает торговцев, поверить, что один из них стал предателем своего народа. Их преданность была врожденной. Я могла поклясться всем, что подобное предательство абсолютно невозможно. И все же он стоял и, казалось, находился в прекрасных отношениях с ворами.

Время от времени управляющий роботами регулировал дистанционное управление. Я уловила его чувство нетерпения и, поняв это, осознала, что слабость моя прошла, силы возвращались ко мне. Это означало, что я могу с помощью мысленного поиска попробовать выяснить, что же здесь делает Шервин. Устроившись как можно удобнее, я начала зондировать.

Глава 8

КРИП ВОРЛАНД

Стояла гулкая тишина, не чувствовалось ни вибрации стен, ни привычного ощущения безопасности, которое давал корабль. Я открыл глаза... и увидел отнюдь не знакомые стены своей каюты на «Лидисе». Передо мной помигивала лампочками панель управления флиттера. Пока я, более чем ошеломленный, беспомощно моргал, все постепенно становилось на свои места. Последнее, что я отчетливо помнил, было то, как я летел над скалистыми кряжами по направлению к кораблю.

Но теперь-то я больше не летел. И как же я приземлился? И...

Я повернулся и взглянул на место второго пилота. Мохнатый зверек куда-то исчез. Нетрудно было убедиться, что во флиттере оставался я один. Несомненно, Майлин посадить флиттер не могла. А за иллюминатором уже стояла глубокая ночь.

Какое-то мгновение потребовалось мне, чтобы открыть выходной люк и выйти из флиттера. Рядом возвышался «Лидис». В темноте возле корабля я различил второй флиттер. Но почему я ничего не помню? Что случилось перед самой посадкой?

— Ворланд! — позвал меня кто-то из темноты.

— Кто здесь?

— Харкон. — Темная тень отделилась от второго флиттера и двинулась по песку ко мне. — Как мы здесь очутились? — спросил он.

Я не мог ему ничего ответить.

Со стороны корабля внезапно донесся скрежет. Я поднял голову и увидел, что из верхнего люка выдвигается трап, длинный, как язык. Мгновение спустя его конец коснулся земли рядом с нами. Но меня больше интересовали поиски Майлин.

Вокруг на песке не было никаких следов, я не заметил ни единой тропки. Но если трап был поднят, значит, она не могла подняться на корабль. Я не представлял, что заставило ее покинуть флиттер. Ее странное поведение там, в дальней долине, подсказывало мне, что какое-то чуждое влияние могло вывести из-под контроля ее силы сопротивления. Если так, то что это за влияние и почему оно подействовало здесь с такой силой? Ведь и я не помню, как приземлился.

Я попробовал применить мыслепоиск. И сразу голова у меня закружилась. Я прислонился спиной к флиттеру и начал медленно опускаться на колени, обхватив руками голову. Мысли смешались, я пытался вздохнуть...

Когда Харкон подбежал ко мне, я, должно быть, был

близок к полной потере сознания и какое-то время потом, пока меня вели на корабль, не очень ясно соображал. Я был в состоянии шока, задыхался, тряс головой, как в сильном припадке, пробиваясь сквозь мглу страха, которая выросла между мной и остальным миром. Однако постепенно я приходил в себя. Передо мной возвышались стены корабля. Рядом стоял наш врач Лукас, а из-за него выглядывали Лидж и Харкон.

— Что случилось?

— Расскажи нам, — спросил Лукас.

Моя голова... Я слегка повернул ее на подушке. Слабеющая волна атакующей темноты смешалась с ужасной болью.

— Майлин... Она ушла. Я попытался найти ее с помощью мысленного поиска, и вдруг что-то ударило внутри головы. — Было так сложно описать природу той атаки, как и вспомнить сейчас, каким образом я до этого посадил флиттер.

— Все сходится, — кивнул Лукас.

Но что с чем сходится, никто мне не объяснил, пока врач не продолжил:

— Способности эспера увеличиваются до степени, когда их можно воспринимать как энергию. Я считал, что создать такое невозможно, но всегда в том или ином мире невозможное становится реальным.

— Эспер, — повторил я.

Голова разболелась с такой силой, что я совсем ослаб. Майлин, что с ней? Может, еще раз попробовать пустить в ход мыслепоиск? Но это вызовет еще одну ответную атаку... Страх стал понятнее, когда Лукас произнес:

— Держись подальше от этого, Крип. Хотя бы до тех пор, пока мы не узнаем больше о том, что происходит. Ты получил такую дозу энергии, что был практически нокаутирован.

— Майлин! Она ушла!

Он отвел от меня взгляд. Мне показалось, я догадался, о чем он думает.

— Это не ее рук дело! Я знаю ее сигнал.

— Тогда кто? — поинтересовался Харкон. — Ты всегда говорил, что она обладает высокими телепатическими способностями. А это было сделано телепатом с необычными способностями и, возможно, хорошо натренированным. И я хотел бы знать, кто посадил нас здесь, раз мы этого не помним! Нами управлял твой зверек?

— Нет! — Я пытался подавить тошноту и головокружение, которые никак не покидали меня. Лукас быстро вложил мне что-то в рот, и через трубку я начал пить прохладную жидкость, которая будто растворяла мою боль. — Это не Майлин! — проговорил я. — В мысленном сообщении ошибиться невозможно. Оно так же индивидуально, как голос или лицо. Это было нечто чуждое. — Теперь, когда у меня появилось время, чтобы подумать, я понял, что так оно и есть.

— А теперь, — Лукас повернулся к Лиджу, — расскажи, что зарегистрировали здесь наши приемники.

— У нас есть запись, — начал суперкарго. — Эта мысленная атака началась не так давно. Вас здесь еще не было. Интенсивность излучения упала приблизительно полчаса назад, упала очень сильно, хотя до сих пор силовой поток регистрируется приборами. Как будто некий датчик энергии был поставлен на максимум, а потом частично уменьшен. Пока он работал на полную мощность, никто из нас ничего не помнит. Мы пробудились, если это можно так назвать, когда интенсивность стала падать. Но остаточное излучение, очевидно, имеет достаточную силу, чтобы выбить любого, кто попытается установить мысленный контакт, как это сделал Крип. И если это была не Майлин...

— А где она сейчас? — Приподняв голову, я обнаружил, что чувствую себя уже гораздо лучше. — Во флиттере я был один, когда очнулся, и никто не видел ее следов на песке.

— Может быть, она отправилась искать источник энергии, захватившей нас. Ее способности эспера сильнее, чем у любого из нас, — предположил Лидж.

Я заставил себя подняться, оттолкнув руку Лукаса, который попытался меня удержать.

— Или ее тоже взяли под контроль. Она почувствовала что-то там, в долине, где мы нашли флиттер, и умоляла увезти ее оттуда. Она... Может, ее захватило то, что проявилось здесь?

— Не стоит идти ей на помощь, не зная, против чего придется сражаться. — Добрые намерения Лиджа не дошли до меня, но так как он, Лукас и Харкон встали между мной и дверью, я понял, что обойти их так просто не удастся.

— Если ты думаешь, что я собираюсь оставаться здесь в бездействии, пока... — начал было я.

Но Лидж покачал головой:

— Я только говорю, что мы должны побольше узнать о нашем противнике и только после этого вступать с ним в бой. У нас уже достаточно фактов, говорящих о том, что это нечто, с чем мы никогда прежде не встречались. И какая польза будет для Майлин, Шервина и Хнольда, если мы тоже попадем в ловушку до того, как свяжемся с ними?

— Что же вы предлагаете? — спросил я.

— Мы засекли источник излучения или то, что им может быть. На вершине скалы на северо-востоке. Однако среди ночи мы не собираемся карабкаться к нему. И еще хочу тебе сказать вот что. Излучение зарегистрировано в слишком постоянном режиме, чтобы быть человеческим мысленным воздействием. Если это какой-то прибор, который, как мы полагаем, действует на телепатическом уровне, то должен быть и кто-то, отвечающий за его работу. И этот кто-то, вероятно, знает эту страну намного лучше нас. Мы выставили дальномер...

— И кое-что еще, — решительно вставил Харкон. — Я выпустил зонд-сыщик, работающий в режиме приема, как только Лидж обнаружил это. Он передает собранную информацию обо всем, что состоит не из одного лишь камня.

— Итак, — заключил Лидж, — сейчас мы спустимся в рубку управления и посмотрим, что нам сообщает сыщик.

Патруль располагал сложнейшим оборудованием. У них имелись приборы, далеко обогнавшие по своей сложности оборудование кораблей вольных торговцев. Я уже слышал о сыщиках, но никогда не видел работу хотя бы одного из них.

Изображение на маленьком экране сильно тряслось, все покрывали волнистые линии. Рябь шла без остановки, и мое беспокойство росло. Все, что говорил Лидж, несомненно, было правдой. Если я не могу использовать мыслепоиск, не вызывая ответного удара, то совсем нет шансов отыскать Майлин в этой переменчивой стране, особенно ночью.

— Поступает какой-то сигнал! — Голос Харкона отогнал мои темные мысли.

Волнообразные линии на экране покрывали изображение. Но пока мы внимательно следили, изображение приобрело ясные очертания. Мы видели, что свод скалы образовал нишу. Ниша была чем-то занята. На экране возникло лицо человека или какого-то существа, стоявшего там и поначалу привлекшего наше внимание. Человек или нет? Глаза его были закрыты, будто он спал или сконцентрировался. Потом появилось изображение всей ниши. Человек не был свободен. Он находился в коробе, сплошь мутном, кроме того места, через которое виднелось лицо. Короб был закреплен таким образом, что лицо было обращено в сторону выхода из ниши. Внизу лежала коробка поменьше, но она была сломана, грубо разбита. Из нее торчали провода и обломки металла. Харкон заговорил первым:

— Я думаю, теперь понятно, почему излучение ослабло. У его ног лежит усилитель «Альфа-10», или, вернее, лежал до того, как кто-то хорошенько расколотил его. Он используется для трансляции и усиления селекторной связи. Но я никогда раньше не слышал, чтобы его применяли для усиления телепатических сигналов.

— Тогда это человек, — Лидж говорил, будто не совсем в этом был уверен, — тогда это телепат, чей мысленный сигнал был многократно усилен.

— И телепат такой силы, какой мы до сих пор не знали, — заметил Лукас. — И еще одно. Он, конечно, гуманоидной расы, но не ветви терранцев. Возможно, сильно мутировавшего рода...

— Откуда ты знаешь? — за всех нас спросил Харкон.

— Он заморожен. А в этом состоянии невозможно излучать энергию. В таком состоянии даже жизнь, как мы ее понимаем, невозможна.

Он взглянул на нас, как бы ожидая взрыва отрицания. Но я, как и другие, знал, что Лукас никогда не позволит диких или необоснованных утверждений. Если он считает, что этот неизвестный с закрытыми глазами заморожен, то я принимаю его диагноз.

Харкон медленно тряс головой. Он это делал не потому что был готов возразить Лукасу, а просто не мог полностью принять то, что видит.

— Ну хорошо. Пусть он заморожен, но ему, должно быть, тесно в этой коробке. Сам он туда забраться не мог. Кто-то помог ему в этом.

— А сыщик не может продемонстрировать прошлое? — Лидж показал на экран. — Например, кто установил этого эспера и усилитель?

— Мы можем наблюдать только то, что происходит в реальном времени. — Харкон изучил шкалу на наручном передатчике и очень осторожно что-то отрегулировал на нем. Изображение на экране исчезло с яркой вспышкой, и снова появилась рябь. — Он не воспроизводит прошлого, — повторил Харкон. — Так что можно только вести наблюдение в реальном времени. Но для чего...

— Там... я что-то вижу! — Корд рванулся вперед и наполовину закрыл экран. Пришлось его немного отодвинуть.

Корд был прав, на экране появилась новая сцена. Мы увидели более освещенный участок долины.

— Тайник! Они крадут наши сокровища! — Восклицание Лиджа было излишним.

Мы смотрели, как работают роботы. Они уже взломали наш запор, который мы считали вполне надежным. Три, нет, четыре человека стояли немного в стороне и наблюдали за их работой. Двое из них были вооружены бластерами, один держал пульт управления. Но четвертый...

Лидж припал к экрану.

— Я не верю! Не могу поверить в это! — так мог воскликнуть любой из нас.

Я знаю Гриса Шервина. Я как-то провел вместе с ним отпуск на одной из планет. Он был со мной на Йикторе, когда я впервые увидел Майлин. Совершенно невероятно, что он стоял среди них и спокойно наблюдал, как воруют наш груз. Он был вольным торговцем, кровь и плоть этой жизни, а среди нас нет и не было предателей!

— У него, должно быть, стерли память, — тихо произнес Лидж, и это было единственное объяснение, которое мы могли принять. — Если эспер такой огромной силы, с которой недавно столкнулся Крип, повлиял даже на него, то ничего удивительного, что они нашли тайник. Они выудили это место прямо из его мозгов! Хнольд тоже должен быть у них. Но кто они? Джеки? — Он обращался к Харкону, взывая к авторитету того, кто должен знать преступивших закон и может дать ответ.

— Джеки с подобным оборудованием? Они не используют столь точные инструменты в своей работе. Это больше похоже на дело Гильдии...

— Воровская гильдия здесь?!

Лидж был очень удивлен. Все знали, что Воровская гильдия сильна. Но обычно они не орудовали на далеких окраинах галактики. Они не тратили время на то, чтобы извлекать выгоду от налетов на приграничные планеты. Такие мелкие дела они оставляли другим. Гильдия планировала крупные операции на внутренних планетах, где ценности были уже собраны в результате крупных аван-

тюр. Если эти люди имели отношение к Гильдии, то это означало, что они попали в зависимость от еще более сильного преступника. Их было слишком мало, чтобы действовать самостоятельно. Кто-то за ними стоял.

— Как бы там ни было, это рука Гильдии! — упрямо твердил Харкон.

Если так, наше положение становилось еще более опасным. Хотя, что может быть опаснее тех дел, в которые втянули «Лидис» и здесь, и в космосе.

У Гильдии имеются такие резервы, о которых Патруль даже не подозревает. Ходят упорные слухи, что они готовы завладеть, используя любые, даже самые грубые методы, всеми новыми разработками и открытиями, чтобы быть впереди своих противников. Да, эспер в коробке с усилителем вполне мог быть оружием Гильдии. И эти роботы для горных работ, которых мы видели...

Я подумал о маске кошки на скале и об уверенности, с какой заявила Майлин, что здесь существуют и другие тайники. Предположим, что некая компания молодчиков, честолюбивых и дальновидных джеков, обнаружила, что на Сехмет есть такие тайники. Зная это, они заключили с Гильдией соглашение, имея в активе современное горное оборудование и такую силу, как эспер, для защиты. Один из этих людей на Тоте мог узнать о нашем грузе, и они решили забрать и его в качестве дополнительного гонорара. Трон Квира стоил любых усилий. Мне ничего не оставалось, как поверить во все это.

Но какие приборы у них имеются еще? Мы до сих пор не поняли, что вызвало поломку «Лидиса». И эспер был чем-то новым, о чем вольные торговцы никогда раньше не слышали.

— Посмотрите-ка!

Я очнулся от своих мыслей при крике Харкона. Мы увидели приблизившееся изображение нашего тайника. Роботы начали вытаскивать все, что мы там хранили. Но не это привлекло наше внимание и внимание пилота Патруля.

Один из охранников повернулся. Его бластер был нацелен прямо в наш экран. Через секунду экран погас.

— Испортил сыщика! — меланхолично прокомментировал Харкон.

— Теперь им известно, что эспер нас больше не контролирует и что мы, в свою очередь, узнали о них, — задумчиво проговорил Лидж. — Теперь надо ожидать вооруженного нападения.

— Какое оружие у вас имеется? — спросил Харкон.

— Не больше того, что позволено... Можно вскрыть опечатанное оружейное хранилище и взять оттуда бластеры. Вот и все. Торговец зависит от разных обстоятельств в космосе. «Лидис» никогда не приземляется на планеты, где оружие сложнее, чем на Тоте. Мы уже много лет не вскрывали арсенал.

— Но мы не знаем, что есть у них, — заметил Харкон.

— А ведь у них может быть все, что угодно. Интересно, кто разбил усилитель? Может, кто-то действует по собственной воле, тот, кого мы не видим?

И тут для меня все стало настолько ясно, будто я присутствовал при этом:

— Это сделала Майлин.

— Животное, даже с телепатическими способностями... — начал Харкон.

Я холодно взглянул на него:

— Майлин не животное. Она тэсса, Поющая Луне с Йиктора. — Он не понимал значения этих слов, и я продолжил: — Она не такая, как мы, она носит шкуру животного временно. Это обычное явление у ее народа... — Я не хотел вдаваться в подробности. — Вполне в ее силах проследить излучение эспера и испортить усилитель.

Но где она сейчас? Может быть, она побежала к тайнику разузнать, что там происходит? Я не понимал, как охранник с такой точностью попал в зонд-сыщик. Ведь они запрограммированы уклоняться от атаки. Он мог так же быстро уничтожить и Майлин, если бы заметил ее. Они, вероятно, приземлились на Сехмет давно и хо-

рошо ознакомились с его дикой природой. Боюсь, они могут узнать даже в образе зверя существо другого мира. Я представил себе все последствия такого узнавания.

Если бы я мог мысленно обследовать округу! Но хотя усилитель больше не работал, я знал, что, вероятно, снова вызову на себя удар, последствия которого недавно испытал. Пока этот замороженный человек или предмет не будет обезврежен, у меня нет никакой надежды мысленно отыскать Майлин. Разве только увидеть ее воочию. Но в ночной темноте это невозможно.

— ...мы можем просто пересидеть, — говорил Корд, когда я вновь прислушался к его словам. — Ваш корабль, — он кивнул на Харкона, — скоро вернется вместе с Фоссом. У нас достаточно сил, чтобы предупредить их, когда они будут приземляться.

Лидж покачал головой:

— Скверные дела. Эти люди, должно быть, просматривают нас насквозь, даже если мы этого не чувствуем. Несомненно, они обладают защитным полем, которое отгораживает их от эспера, когда они этого хотят. Майлин обнаружила их давно. Видимо, они тоже знают о нас и знают, что мы ждем помощи. Они могут ускорить дело, упаковать груз и покинуть планету до того, как к нам придет поддержка. К тому же их база может быть спрятана где-то на другой стороне континента. Мы должны постараться удержать их за хвост, если сможем. Но не стоит использовать другого сыщика. Они сразу же определят его.

— У нас нет другого выхода, — сухо заметил Харкон. — Я считаю, что в основном ты прав. И еще вот что. Если мы останемся на корабле или будем рядом с ним, они смогут опять сковать нас, запеленговать наше предупреждение и держать нас под контролем, как делали раньше. Я хочу сказать, что нам надо покинуть корабль, взять с собой все оружие, а трап поднять. Мы уйдем на северо-восток от тайника и посмотрим, нет ли там их базы. Они не смогут вывезти все, что там лежит,

за один раз. И еще в добавок эспера. Кстати, если мы успеем провернуть это дело раньше, чем они поймут, что он выведен из строя, мы и его обезвредим. А что с твоей Майлин? Ты можешь каким-нибудь способом связаться с ней, узнать, где она?

Он обращался непосредственно ко мне.

— Я не могу этого сделать, пока эспер окончательно не отключен. Вы же видели, что случилось, когда я попытался связаться с ней. Но я думаю, она рядом с тайником. Может получиться, если я окажусь достаточно близко, — она сама почувствует меня. Она гораздо сильнее меня.

— Хорошо. Пусть это будет наша первая попытка разведать противника. — Было видно, что Харкон без согласия остальных возложил на себя роль командира в планируемых нами действиях. Не то чтобы мы были против его плана, но вообще-то вольные торговцы признают только авторитеты из своего народа.

Так что Лидж вполне мог оспорить право лидерства, но не сделал этого. Он пошел вскрывать опечатанный арсенал. Мы взяли бластеры, вставили свежие заряды, захватили А-рационы и надели термокостюмы, чтобы защитить себя от холода.

Было решено, что Корд и Алек Лалферн, наш механик, останутся на корабле. Стрелки Харкона сняли внешнюю защиту своего флиттера и готовы были присоединиться к нам. Было еще темно, но до рассвета оставалось немного. Мы чуть отдохнули и перед выходом съели последний полный завтрак.

Было решено также, что мы попытаемся подняться на скалу по самому крутому месту, попробуем найти там эспера и сделать так, чтобы он больше нас не беспокоил. Какой же это был подъем! Бластеры камнями висели на плечах и тянули нас вниз. Нам пришлось снять перчатки, чтобы голыми руками нащупывать уступы и впадины в монолите скалы. Камни были холодные, и приходилось быстро выпускать уступы, чтобы онемевшие пальцы не привели к катастрофе. Я подумал об острых когтях на ла-

пах Майлин. Этот путь для нее наверняка был бы гораздо легче, но она не оставила никаких следов...

Мы добрались до вершины скалы и шли теперь гуськом, затылок в затылок, как приказал Харкон. С высоты хорошо был виден свет там, где располагался тайник. Работающие не предприняли ничего, чтобы скрыть свое присутствие. Предупрежденные сыщиком, они, должно быть, уже приготовили нам теплую встречу.

Наше преимущество было ничтожным. На руке зажужжал приемник. Я двинулся направо, повинуясь больше чувству, чем зрению.

Вскоре мы собрались около ниши, которую видели на экране. Разбитый усилитель валялся, как и раньше. Те, кто установил его здесь, не приходили проверять, работает ли он. Я подошел поближе. Впервые в жизни я встретился с мысленным посланием, которое проникало не только в мой мозг, но невидимой мощной силой пронизало все мое тело.

— Не подходите к нему спереди! — выкрикнул я. Харкон стал обходить его с одной стороны, а я с другой.

В лице замороженного не было видно ни единого признака жизни. Это был гуманоид, но чужой расы. Я бы продолжал смотреть на этого мертвеца, если бы не чувствовал сильного потока излучения. Патрульный отступил назад, уступив место Лукасу. Врач поднял руку без перчатки и подвигал пальцами на расстоянии нескольких сантиметров от поверхности короба так, как будто гладил ее.

— Очень высокая степень промерзания, — доложил он. — Никогда бы не подумал, что можно так заморозить человека.

Он открыл клапан переднего кармана комбинезона, достал датчик жизненных сил и поднял его на уровень груди спящего, хотя мы и не могли видеть тело сквозь матовую оболочку.

В тусклом свете, излучаемом коробом, я увидел полное неверия лицо Лукаса. Он резко поднял детектор к го-

лове, посмотрел на шкалу, затем опять замерил на уровне сердца и отошел.

— Что с ним? — спросил Харкон. — Как сильно он заморожен?

— Слишком сильно. Он мертв!

— Но этого не может быть! — Я уставился на неподвижное лицо. — Мертвый не может излучать мысли!

— Может быть, он не знает об этом! — Лукас издал странный звук, похожий на смех. Голос его не дрожал, когда он продолжил: — Он не только умер, он умер так давно, что датчик ничего не регистрирует. Подумать только...

Глава 9

КРИП ВОРЛАНД

Я не мог этому поверить. Мысленное излучение от мертвого человека — это просто невозможно! Я так и сказал. Но Лукас утверждал, что его датчик работает нормально, в доказательство чему измерил мое излучение. Показания прибора были в пределах нормы.

Мы не могли ошибиться — мертвое тело, связанное с усилителем, держало нас в плену до тех пор, пока усилитель не был разбит. Сила эспера, достаточно мощная, чтобы овладеть любым человеком (я надеялся, что Майлин осталась вне его контроля), исходила из мертвого тела...

А сокровища продолжали извлекать из тайника. Испорченный усилитель был быстро ликвидирован, но мы так и не смогли расколоть короб. Пришлось оставить на месте странного спящего, продолжавшего каким-то образом излучать энергию, но, как я надеялся, на не слишком большое расстояние отсюда.

Путь через скалы вниз был намного короче, чем путь в гору. Мы ползли, соблюдая все предосторожности на этой оккупированной территории, пока не смогли взглянуть вниз на наш тайник. Роботы уже достали из него

все. Слабо мерцавший Трон Квира стоял среди коробок и тюков.

В приземлившийся рядом флиттер, наверное, раза в два больше нашего, загружали пока мелкие вещи. Трое, которых мы видели при помощи сыщика, осматривали Трон. Стало ясно, что он не входит во флиттер, и, вероятно, его транспортировка представляла для них проблему.

Оказалось, что, кроме тех троих, у тайника больше никого не оставалось. Шервин исчез. В тот момент я опять подумал о Майлин. Если она пришла сюда, то, может быть, прячется где-нибудь среди скал, следя за всем, как и мы? Может быть, мне опять попробовать мысленный контакт?

Другого пути, чтобы найти ее на этой скалистой земле, я не видел. Хотя уже близился обычный облачный рассвет Сехмет и видимость была гораздо лучше, чем тогда, когда мы начинали наш поход, я решился прибегнуть к мысленному контакту, готовый немедленно прервать его, если вновь попаду на линию излучения мертвеца. Но на этот раз ничего не произошло. Окрыленный, я мысленно представил себе образ Майлин и начал искать ее поблизости.

Однако я не уловил даже предупредительного сигнала о мысленном поле. Ее не было среди скал, где мы прятались. Может быть, она находилась внизу, у тайника? Чрезвычайно осторожно я стал обследовать долину, боясь вызвать удар противодействия, как случилось со мной раньше. Вполне возможно, что у них есть еще один спящий для защиты там, внизу.

Но и там я ничего не встретил, и это, в свою очередь, тоже было странно. Мой мысленный поиск не обнаружил даже тех троих, которых я воочию видел у Трона. Их мозг был полностью защищен от всякого вмешательства. Наверное, они действительно имели дело со спящим и только защитившись так могли его использовать? От них ничего нельзя было узнать. Ответа от Майлин тоже так и не пришло.

Убедившись в этом, я стал расширять зону поиска, обследуя юг, — путь, которым мы пришли, когда впервые обнаружили это место. Мысленно продвигаясь все дальше и дальше, я наконец уловил очень слабый дрожащий ответ!

«Где? Где?» — со всей силой направлял я туда мысль.

«Здесь... — Ответ был совсем слабый и очень далеко. — Помоги... здесь».

Никакой ошибки в настойчивости ее просьбы быть не могло. И даже сама слабость сигнала подгоняла к действию. Я не сомневался, что Майлин попала в беду. Выбор, который мне предстояло сделать, был абсолютно ясен. Мы попали сюда из-за груза. Экипаж «Лидиса» отвечает за него. И нас восемь человек против неизвестного числа врагов. И Майлин, которая неизвестно где, просит у меня помощи.

Решение было частично продиктовано моим телом тэсса, в чем я теперь уверен. Однажды я уже испугался того, что барск Джорт стал сильнее человека Крипа Ворланда. Сейчас вновь тело Макведа из рода тэсса, или та малая часть, что от него осталась и была одновременно частью меня, изменила мою жизнь. Тэсса за тэсса — я не мог противиться этому зову. Но другие части меня не позволяли уйти, не сказав своим, что я должен так поступить.

К счастью, Лидж прятался рядом. Я подполз к нему и положил руку на плечо. Он вздрогнул и обернулся. В сумрачном свете облачного дня мы хорошо видели друг друга.

— Майлин в беде. Она просит меня о помощи, — тихо произнес я, надеясь, что это останется между нами.

Лидж ничего не ответил, даже выражение его лица не изменилось. Я не знал, чего ждать, но должен был выдержать этот долгий ровный взгляд. Он молчал, несмотря на то что я ждал его ответа. Потом он отвернулся и посмотрел в долину. Мне стало холодно, словно с меня содрали термокостюм и я голый стоял на ветру.

Я ничего не мог поделать, что-то определило мой выбор. Я повернулся и пополз. Не только от суперкарго, но и от скалы, где спрятались наши ребята в ожидании сигнала Харкона к атаке, если он его подаст.

Теперь я должен был отринуть все мысли о «Лидисе» и полностью сконцентрироваться только на ниточке, очень тоненькой и очень далекой, которая связывала нас с Майлин. Она была такой хрупкой, что я боялся остаться вообще без нее.

Эта ниточка и повела меня вниз со скалы. Я не мог перепутать ориентиры, которые запомнил раньше. Это был путь к скале с кошачьей маской. Вскоре я дошел до места, откуда мог увидеть тот бледный призрачный след древнего изображения. Но в то утро свет и, возможно, отсутствие песка на бороздках изображения не позволили мне его разглядеть. Я не разглядел ничего, кроме щели, заменявшей рот.

Отчаянный зов Майлин вел меня именно туда. Я упал на живот, полагая, что она лежит там, в тени. Но ниша была пуста! А сигнал ее продолжал идти... из-за стены!

Я бил по стене, уверенный, что в ней должна найтись какая-нибудь скрытая дверь, что тот или другой блок провалится или повернется, открывая входное отверстие. Как же еще могла Майлин проникнуть туда?

Но блоки были так плотно подогнаны, словно стену воздвигли всего неделю назад.

«Майлин! — Я пролез внутрь ниши и уперся руками в стену. — Майлин, где ты?»

«Крип, помоги... помоги!»

Слабый, очень далекий крик быстро затих. И страх, появившийся, когда я уловил ее первый сигнал, проник в меня еще глубже. Мне стало ясно, что если я сейчас не найду к ней дорогу, позже, может быть, не понадобится искать ее вообще. Майлин уйдет навсегда.

У меня оставался единственный ключ к этой «двери». Использовав его, я оставался без защиты. Но у меня не было другого выбора. Я вылез наружу из щели, улегся

на землю рядом с нею и направил внутрь бластер. Затем положил голову на согнутую руку и закрыл глаза, чтобы меня не ослепила вспышка бластера при выстреле.

Палящий тепловой поток ударил мне в спину, хотя большую часть огня погасил термокостюм. Я почувствовал запах гари от перчаток и ощутил ожог на щеке. Какое действие произвел этот выстрел на блоки, оставалось только догадываться.

Когда я полностью истратил заряд, пришлось немного переждать, чтобы не лезть сразу в узкое пространство, пока там не спала жара. Но слишком долго я ждать не мог.

Беспокойство взяло верх, я заглянул внутрь и несказанно поразился тому, что обнаружил в щели. Блоки, в которые я целился и которые так походили на естественные скалы, были буквально сметены, будто вылепленные из глины. Зато теперь я мог проникнуть в пространство за стеной.

Оно было не намного больше — расщелина, или тунель, или что там еще, с бесчисленными изгибами и поворотами. Я пополз вперед, но с каждым поворотом такое продвижение нравилось мне все меньше и меньше. Если бы я мог встать на четвереньки. Положение, в котором я передвигался, требовало максимум усилий на преодоление минимального пространства.

Поэтому чем дальше я полз, тем больше меня беспокоила мысль о возможности упереться в тупик или столкнуться с необходимостью вернуться назад. Это настолько волновало меня, что я еле-еле изгнал навязчивый кошмар тупика и восстановил в мозгу образ Майлин.

Путешествие казалось бесконечным! Я использовал разряженный бластер как простую палку, стуком проверяя впереди себя темноту, чтобы не наткнуться на преграду или не свалиться в яму. Наконец бластер уперся в твердую поверхность.

Я еще раз пошарил впереди бластером, и мне показалось, что путь передо мной чем-то перегорожен. Чтобы

удостовериться, я прополз еще немного, и рука коснулась преграды, за которой явственно ощущалось пустое пространство, а лица коснулось легкое дуновение ветра. До этой минуты мне и в голову не приходило, как я мог дышать в этом узком и тесном туннеле.

Ощупывая пальцами поверхность, я обнаружил дыру, через которую вливался поток воздуха. Держась одной рукой за край дыры, другой я изо всех сил попытался расшатать стенку. Работа продвигалась довольно туго, пока я не сообразил, что надо выталкивать блоки, а не тащить их на себя. Скоро удалось достаточно увеличить просвет, и я пролез в него.

Помещение, в которое я попал, было не только просторным, но даже освещенным, правда, весьма тусклым светом. Вероятно, он был слабее света внешнего мира, но для моих глаз, давно привыкших к абсолютной темноте, он казался даже ярким.

Дыра, в которую я пролез, находилась на небольшой высоте от пола. Я неловко выполз, наполовину упав на пол. Так приятно было снова встать на ноги.

Свет в квадратное помещение проникал через несколько длинных узких щелей, расположенных вертикально на стене слева от меня. Кроме них, никаких других отверстий, даже двери, не было. При этом слабом освещении в полу у стены я обнаружил решетку, достаточно широкую, чтобы воспользоваться этим входом или выходом, если удастся ее поднять. Но сейчас мне больше всего хотелось заглянуть в одну из щелей.

Пришлось прижаться как можно плотнее к узкой прорези, но область обзора оставалась ничтожной. Я увидел часть большой комнаты или зала. Свет там исходил от верхушек ряда колонн или коробов. Они мне показались знакомыми... Напрягая зрение, я всматривался в глубину помещения и наконец догадался. Эти колонны напоминали короб, в котором находился замороженный эспер! А помещение было хранилищем замороженных существ!

«Майлин!»

Ничто не шевельнулось среди этих столбов. Я не получил ответа на свой зов. Встав на колени, я снял перчатки и попытался приподнять решетку. Собрав все свои силы, всю свою злость, мне удалось поднять ее. Но, как я ни стремился к свету, ничего из этого не вышло. Дыра под решеткой уходила в темное никуда...

Улегшись на пол, я все же попытался определить, что находится внизу, опустив туда на ремне бластер. К счастью, оказалось, что это узкая, но не очень глубокая шахта. Тогда я решил спрыгнуть в нее. Благополучно приземлившись, я первым делом обследовал стену, граничащую с залом спящих. Потолкав поначалу в разных местах стену, я ничего не добился, но когда мои руки случайно скользнули по поверхности неподатливого барьера, тот внезапно слегка повернулся, и я смог приоткрыть его так, что образовалась узкая щель. С трудом просунув в нее ствол бластера, я им, как рычагом, расширил проход.

Размеры зала подавляли. Он выглядел бесконечно длинным. Ряды коробов походили один на другой, так что глазу совсем не за что было зацепиться в качестве ориентира.

«Майлин?»

Меня буквально отбросило к щели-двери, в которую я с таким трудом только что протиснулся. Как и прежде, мой мысленный зов вызвал мгновенный ответ, почти сбивший меня с ног. На этот раз он пришел не в форме концентрированного луча, и тем не менее устрашающий разряд вызвал сильнейшую боль в голове. Я упал на пол, непроизвольно закрыв руками уши, будто пытаясь оградить себя от ужасных звуков.

Это была мука намного хуже любой физической боли. Меня предупреждали, чтобы я не искал таким образом Майлин. Значит, мне оставалось двигаться на ощупь, полагаясь исключительно на капризы судьбы.

Не подавая больше мысленных сигналов, я бросился вперед, петляя между рядами колонн-коробов, время от времени останавливаясь и вглядываясь в лица спящих.

Все они были похожи друг на друга. Казалось, всех их отлили по одной форме, и не нашлось никаких отличительных знаков для определения каждого. Когда я немного отошел от свалившего меня мысленного удара, то заметил, что рисунок цветных искорок на рамке каждого из коробов слегка изменился.

Сначала я их считал, но, дойдя до пятидесяти, решил, что в этом нет необходимости. А за рядами, меж которых я пробирался, шли еще ряды, и еще, и еще... Словно целая армия забытого завоевателя находилась здесь в замороженном виде. Я даже засмеялся, подумав, что это отличный способ сохранять войска между войнами, имея стопроцентную гарантию хорошего снабжения ресурсами без каких бы то ни было расходов на их содержание в мирный период.

Никогда раньше никто еще не находил такой братской могилы. Сокровища, найденные на Тоте, не имели никакого отношения к залежам тел — загадка для археологов, если, конечно, кто-нибудь поверит, что существует такое захоронение. А может, это кладбище тех, кто оставил свои сокровища на Тоте? Но почему, зачем понадобилось перевозить их мертвые тела через космическое пространство на другую планету?

И если они мертвы, для чего их тела заморожены? Такие условия создавались только в двух случаях, судя по прошлому моего собственного народа. На самых ранних этапах космических путешествий это был единственный способ перевозить экипажи кораблей во время дальних полетов, которые могли длиться несколько столетий по планетарному времени. И еще — замораживание было единственной надеждой для серьезно больных людей дождаться, пока в будущем произойдет какое-нибудь открытие, способное вылечить их.

Нации, народы, даже расы людей всегда хоронили своих мертвых, следуя вере и надеясь, что, по желанию богов или по какому-то сигналу свыше, мертвые воскреснут, станут снова живыми и невредимыми. Возмож-

но, и это — памятник глубокой вере, и они использовали холод, чтобы сохранить своих мертвых?

Я был готов принять такое толкование, но не мог поверить, что даже после смерти они использовали эсперную силу мертвых. Мой мозг впадал в панику при одной лишь мысли о возможности быть порабощенным мертвым телом!

А вот и конец зала. Между рядами коробов я заметил противоположную стену. Арочные перекрытия обрамляли широкую дверь. Она была закрыта. Я испытывал такое отвращение к этому месту, что остановился, нащупывая запасной заряд для бластера, чтобы силой проторить себе путь, если та дверь преградит дорогу.

Однако, к моему удивлению, дверь свободно откатилась в сторону и ушла в стену. Я заглянул за нее. Путь освещался непонятно чем, да и сами стены, казалось, испускали слабый серый свет. Держа бластер наготове, я шагнул за дверь.

По обе стороны коридора располагались плотно закрытые двери, на каждой из которых изображалось несколько ничего не значивших для меня символов. Где в этом лабиринте я мог отыскать Майлин? После жестокого урока в зале со спящими я не отваживался повторить сеанс. Ничего не оставалось, как заглядывать в каждую комнату. В первой из них оказались только двое спящих. Но вдоль стен стояли ящики, на исследование которых я не стал тратить время. В другой комнате — трое спящих и много контейнеров. В третьей — еще двое. И ящики.

Под конец коридор раздваивался. Я свернул направо. Хотелось бы знать, на сколько миль протянулся этот коридор! Можно было подумать, что вся Сехмет изрешечена такими туннелями. Какой великолепный тайник! А что, если в контейнерах и ящиках, которые я видел, находятся такие же сокровища, как и обнаруженные на Тоте? Тогда, конечно, эти парни открыли местечко, в которое и Гильдия не побрезгует залезть. Но зачем они

подвергали себя опасности, вызвав аварию на «Лидисе»? Они могли работать здесь годами и никто бы их не обнаружил. Может быть, причина в их чрезмерной жадности?

Коридор, по которому я торопливо шел, постепенно сужался. Вскоре по нему мог пройти уже только один человек. Здесь... Я остановился, поднял голову и потянул носом воздух. Какая-то бесканальная система вентиляции пока удовлетворительно снабжала воздухом все эти пути. Но на этот раз почувствовалось что-то другое, и я узнал тот запах. Где-то недалеко жгли листья циро. К нему примешивались и другие запахи, запахи пищи, приготовленной пищи. Однако запах циро перебивал все другие, и я не мог определить их. Циро был слегка дурманящим растением, хотя его использовали и при физическом истощении, и при нервной депрессии. Как вольному торговцу, мне не разрешалось принимать наркотические вещества. По самой природе нашей жизни мы должны были постоянно находиться начеку и иметь мгновенную реакцию. Оговаривалось, что мы не будем проявлять интерес ни к каким видам одурманивающих веществ на планетах, но мы достаточно хорошо знали эти вещества, несущие опасность, окутывающие сознание и размягчающие тело. Мы настолько строго следовали предписанию, что даже малейшее употребление любого из них могло вызвать у нас сильнейшее расстройство.

И сейчас я почувствовал, что начал судорожно глотать слюну, чтобы побороть тошноту, вызванную этим запахом. Такой аромат мог означать только одно: где-то впереди сейчас или прежде находились существа отнюдь не спящие. После этого предупреждения я стал двигаться с удвоенной осторожностью.

Коридор закончился новой стеной, но справа в ней находился проход, где невдалеке что-то светилось. Так я вышел на низенький балкон над новым громадным помещением. Вверху над ним часть кровли была убра-

на, открывая доступ к небу. Вдали, при дневном свете, я увидел сопла космического корабля. Видимо, отсюда шел путь к посадочной площадке.

Спуститься с балкона было невозможно, зато с него открывался отличный вид на все, что лежало внизу. А там было на что посмотреть. С одной стороны — нагромождение контейнеров и ящиков, которые я во множестве видел в комнатах. У многих из них, словно специально, были разбиты крышки. Неподалеку от них два робота заполняли клеть космического корабля.

По другую сторону я увидел пластиковый пузырь — надувную палатку, разновидность жилого помещения, используемого исследователями в качестве базового лагеря. Он был опечатан. Двое мужчин сидели рядом с ним на перевернутых ящиках. Один что-то говорил в наручный передатчик, а другой держал на коленях дистанционное управление роботами и наблюдал, как они действуют у клетки.

Я попытался определить размеры корабля по соплам и решил, что он примерно такой же, как и «Лидис», может, чуть больше. Не оставалось сомнений, что я оказался свидетелем хорошо организованной крупномасштабной операции и что она скоро завершится.

Привлечь их внимание мне хотелось меньше всего. Майлин, возможно, бродит где-то здесь, попав в какую-то ловушку... Мною овладела нерешительность. Отважиться на мысленный зов? Спящих вокруг не видно. Но это вовсе не означает, что эти парни не используют одного из них для защиты или предупреждения.

Я все еще колебался, когда внизу появился третий человек. Грис Шервин!

Грис! Мне так не хотелось верить, что он по собственной воле перешел к врагам. Я знал его очень давно, и он был вольным торговцем. Не мог он перейти к ним добровольно. Тем не менее он передвигался здесь вполне свободно. Ничто не говорило о том, что он пленник.

Он подошел к тем двоим у палатки. Оба быстро вско-

чили. Они отвечали ему, как отвечают командиру. Что, что случилось с Грисом?

Неожиданно он отвернулся от них. Он поднял голову и уставился прямо на меня! В тщетной попытке спрятаться я упал за низкую стенку ограждения балкона. Его действия напоминали мне действия человека, готового к опасности и знающего, откуда она грозит.

Я попытался отползти к проходу, через который попал сюда, но даже не добрался до него. С тем, что обрушилось на меня, я никогда не сталкивался раньше, несмотря на многочисленные встречи с различными видами эсперной силы.

Меня лишили способности управлять собственным телом, словно мой мозг был пересажен роботу, который повиновался командам, подаваемым другим человеком. Я встал на ноги и подошел к краю балкона, чтобы трое стоявших внизу смогли меня увидеть.

Грис поднял руку и направил указательный палец прямо на меня. К полному своему изумлению, я оторвался от пола, на котором стоял, и, переплыв через барьер балкона, спустился вниз, как будто на мне был антиграв. Я не мог сопротивляться этой непреодолимой силе!

Эта сила уверенно доставила меня на землю, и я, плененный, беспомощно стоял, а те двое, что вначале следили за погрузкой, направились ко мне. Грис остался там, где был, по-прежнему нацеливая свой палец мне в голову.

Человек, который все еще держал пульт управления роботами, свободной рукой выхватил у меня бластер. И даже после этого мои руки не изменили положения, будто я продолжал сжимать ими приклад. Второй парень достал танглер и начал опутывать меня его сетью. Только тогда Грис опустил руку, но теперь у меня не было никаких шансов освободиться. Они не связали мне только ноги. Парень с танглером схватил меня за плечо и сильно толкнул в сторону Гриса.

Глава 10

КРИП ВОРЛАНД

Тот, кто стоял там, не был Грисом Шервином, хотя он — или оно — носило тело Гриса, как люди носят термокостюм. Я понял это в то самое мгновение, когда наши взгляды встретились. Однако это не вызвало у меня шока, поскольку собственный опыт подсказывал мне — такие перемены возможны.

Но здесь перемена была осуществлена не ради науки или сохранения жизни, как то делали тэсса. Личность, овладевшая Грисом, была чуждой нашему роду. Даже тэсса были нам ближе. У меня тут же возник мысленный образ ужасного существа с человеческим телом и головой дьявольской рептилии — смесь, вызывающая отвращение.

На мгновение я представил это существо, и оно тут же исчезло. На лице чужака вспыхнуло скептическое удивление, словно он мог изумляться тому, что я вообще способен уловить его настоящее обличье, так как его истинная природа была слишком хорошо замаскирована, и пока он еще никогда не обнаруживал себя.

— Поздравляю, Крип, — прозвучал голос Гриса.

Однако я хорошо знал, что эти спокойные невыразительные слова передают мысли чужака. Я не пытался проверить его мысли, инстинктивно предупрежденный, что это наиболее опасная вещь, какую я мог бы позволить себе.

— Сколько человек с тобой? — Он повернул голову немного в сторону, будто хотел лучше расслышать ответ. Мгновение спустя он улыбнулся. — Так ты один, Крип? Очень глупо с твоей стороны. Я не боюсь, что экипаж корабля может захватить нас. Хотя, если они будут настолько любезны, что придут сюда сами, это избавит нас от многих трудностей. Однако ты здесь — и это неплохое начало.

Его глаза смотрели прямо в мои, но я отвел взгляд, используя все свои резервы, чтобы возвести мысленный

барьер. В ответ на это я почувствовал, что он проверяет мой мозг, но, к моему удивлению, не пытается захватить его. Я испугался, поняв, что если бы он захотел, то с легкостью разрушил бы любую защиту и узнал все, что я стараюсь от него скрыть. Это был эспер высочайшего класса, намного превосходящий меня по способностям. Вероятно, его можно было сравнить только со Старейшими народа тэсса.

— Хорошее начало! — повторил он. Затем поднял руку и вновь согнул палец, поманив меня. — Пошли!

У меня не было ни малейшей надежды на успех попытки воспротивиться этому приказу. Я безропотно пошел за ним через пещерообразный зал. Он ни разу не обернулся, чтобы посмотреть, иду ли я следом за ним, а просто спокойно шагал, обходя покрытые изморозью короба.

Так, словно в связке, мы покинули зал через другую дверь и оказались в каком-то новом коридоре. Свет опять уменьшился до серого мрака, подобный которому я видел наверху. Мы прошли несколько поворотов, миновав множество открытых дверей, но все комнаты были пусты.

То, что это существо захватило тело Гриса, для меня, по всей вероятности, не сулило ничего хорошего. Я знал, что единственная моя защита против ужасной и постоянной опасности — это выключить собственные способности эспера и опираться только на пять чувств тела. Я стал прислушиваться к ним, сосредоточившись только на них, чтобы получить хоть какое-нибудь представление о том, где мы находились.

В воздухе снова запахло циро, но запах скоро улетучился, оставив еле уловимый аромат, который был мне незнаком. Я видел коридор и пустые комнаты вдоль него, слышал четкие шаги двух пар космических ботинок по каменному полу и мое сдавленное дыхание — больше ничего...

А где же Майлин? Может, она в палатке? Едва вспомнив о ней, я сразу же изгнал эту мысль из своего созна-

ния. Если Майлин еще не обнаружили, я не должен выдасть ее!

Мой захватчик повернул голову и взглянул на меня. Я вздрогнул, а он тихо рассмеялся. Все его тело сотрясалось мелкой дрожью, и это выглядело ужасной пародией на истинное веселье. Лицо его словно надело маску дьявольской радости, и это выглядело хуже, чем оскал человека, испытывающего ярость.

Он не пытался заговорить со мной ни вслух, ни мысленно. И я не знал, что вызвало у него этот неприятный, тихий и злорадный смех. Продолжая смеяться, он свернул в одну из комнат, и я, беспомощный пленник, покорно поплелся за ним.

Серый свет из коридора проникал и сюда. Комната была пуста. Тот, кто выдавал себя за Гриса, подошел к стене, поднял руку и выставил палец, точно так же, как делал это, когда захватил меня в плен. Если он и не касался камня, то рука его была в каком-то миллиметре от поверхности стены. Он стал чертить в воздухе сложные линии. Пока его палец двигался, на стене засветилась мерцающая линия, сплетавшаяся в сеть.

Я знал, что это за сигнал. У нас имелись подобные устройства — типа персонального затвора, которые могли открывать любой замок комбинацией тепла человеческого тела и отпечатка большого пальца руки. То, что я сейчас наблюдал, могло быть очень сложной модификацией подобного охранного механизма, приходящего в действие, только если на нем концентрируется воля.

Он изобразил рисунок из острых углов, линии которого не только смешались в моих глазах, но и вызывали беспокойство при одном лишь взгляде на них, словно они строились по таким чуждым правилам, что человеческий глаз воспринимал их уже искаженными. И все же я не мог отвести взгляд.

Наконец чужак как будто удовлетворился сложным рисунком пересекающихся линий. Теперь его палец ука-

зывал в самую середину изображения. Этим он, должно быть, открывал надежно запертый замок.

Раздался скрежет, будто этот механизм очень давно не приводили в движение. Стена раскололась пополам, ровная трещина прошла по самому центру рисунка. Каждая часть отошла в сторону, образовав узкий проход. Без колебаний он шагнул внутрь, а я снова пошел следом.

Света там уже не было, а тот, что вначале доходил из комнаты за нами, исчез, как только щель закрылась. Я не имел представления, где мы находимся, но та же неодолимая сила заставляла меня идти вперед. Четкие звуки, которые я различал, говорили, что чужак шагал уверенно, словно шел по хорошо знакомой и освещенной дороге.

Я отогнал видение, которое готово было показать мне все, что нас окружало. Сбежать я не мог, и самое лучшее для меня было — беречь силы, сохраняя контроль над собой до того времени, когда появится хоть малейший шанс противостоять чужаку, который столь бесцеремонно влез в тело Гриса Шервина.

Абсолютная темнота, царившая вокруг, безумно раздражала меня. Должно быть, прошло несколько минут, а может, и меньше, сказать не могу. Мне же казалось, что мы идем бесконечно долго. И вот вспыхнул свет! Я закрыл глаза от дикой вспышки режущего света. Поморгал, открыл их, закрыл, снова открыл...

В комнате, куда мы попали, четыре прозрачные наклонные стены сходились над нашими головами, словно мы находились внутри гигантского кристалла. Через эти прозрачные стены можно было увидеть четыре комнаты. В каждой из них кто-то был, или, вернее, что-то было: неподвижный, недышащий обитатель, похожий не на статую, а скорее напоминающий живое или некогда жившее существо, замороженное до полной неподвижности.

Я сказал «существо», хотя те, что находились за этими стенами, были гуманоиды, по крайней мере в недалеком колене. Но когда я внимательно смотрел на них, у меня появилось ощущение, что они чужие. По отноше-

нию к трем из них у меня определенно возникло такое чувство. Но четвертый... Я смотрел на него дольше всех и узнал его, в шоке непроизвольно послав мысленную пробу, чтобы наверняка выяснить правду.

Грис! Это был Грис! Так же крепко скованный в том, чужом теле, как я был связан танглером. Вряд ли он мог осознавать, что произошло с ним. Но я понял, в каком бесконечном кошмаре он оказался. Смогла ли его душа вынести такое?..

Я отвернулся, боясь, что придется взвалить на себя тяжелейшую ношу его страха как раз тогда, когда мне больше всего нужен ясный ум. Ему же это не поможет. И я решил повнимательнее присмотреться к остальным троим.

Комнаты были тщательно обставлены мебелью, инкрустированной драгоценными камнями. В двух из них стояли узкие кровати, ножки которых были выполнены в виде странных животных или птиц. Еще там были стулья, слегка похожие на Трон Квира. На столах лежали какие-то шкатулки, шахматы...

Я стал присматриваться к обитателям. В отличие от тел, которые я видел в ледяных саркофагах, головы этих существ увенчивали шлемы или короны. И у них были ресницы и брови. Каждая корона отличалась от других, и они изображали какие-то уродливые создания. Я бросил короткий взгляд и на тело, в котором теперь томилась душа Гриса.

Надетая на него корона желто-коричневого цвета представляла собою большеротую рептилию из отряда ящеров, похожую на ту голову, что раньше возникла перед моим мысленным взором. Грис сидел на стуле. Обитатель другой комнаты откинулся на узкой кровати, а на голову и плечи его был наброшен кусок цветной материи. И еще один из них сидел. Корона второго выглядела как птица, а у третьего походила на остромордое животное с торчащими ушами.

Последней в этой странной компании была женщина! На всех четверых не было надето ничего, кроме корон.

Тела их были безупречны. По меркам моего народа — почти идеал красоты. А женщина — само совершенство. Я и не представлял, что подобное может существовать во плоти. Из-под диадемы струились волосы, укрывавшие ее почти до колен. Они были столь насыщенного темно-рыжего цвета, что иногда казались почти черными. Корона ее выглядела не такой массивной, как те, что отягощали головы мужчин. Это был просто обруч, от которого вверх шли несколько неровных нитей. Присмотревшись внимательнее, я разглядел, что на кончике каждой такой нити расположена кошачья головка, и у каждой из этих голов вместо глаз — драгоценные камни.

Я задыхался от волнения. Едва я посмотрел на женщину, кошачьи головы начали двигаться, поворачиваться, подниматься, пока все они не выпрямились и не уставились на меня в упор в настороженном изумлении. Однако собственные глаза женщины смотрели поверх меня, словно я был настолько далек от ее внутреннего мира, что как будто не существовал вообще.

Неожиданно грубая рука развернула меня, и я оказался лицом к лицу с сидящим чужаком в короне, изображавшей некое животное. В моих ушах зазвучал голос Гриса:

— Внимание, ты! Твоему тщедушному телу оказывается великая честь. Его будет носить... — Казалось, он собирался назвать какое-то имя, но не сделал этого. Думаю, он прервал речь из предосторожности.

Это суеверие, бытующее в основном среди примитивных народов, — если сказать кому-нибудь настоящее имя, ты попадешь в зависимость от того, кто узнал его. Но то, что подобные предрассудки могут существовать у этих чужаков со столь высоким уровнем развития, невозможно было предположить.

Однако я не сомневался, что он собирается осуществить такой же обмен, какой произвел с Грисом, и испугался так сильно, как никогда раньше.

Он обхватил мою голову сзади и держал ее, словно в тисках, таким образом, что я вынужден был смотреть

глаза в глаза тому, кто был за стеной. Я не мог сопротивляться, сражаясь за свою свободу. По крайней мере, физически. Но все же я решил бороться, а потому собрал все свои способности эспера, все свои ощущения того, кто и что я есть. Я достаточно успел подготовиться к атаке.

Сила, противостоявшая мне, была не такой грубой и всеохватывающей, как та, с которой я столкнулся рядом с кораблем в долине. Она не нокаутировала меня. Удар был произведен с высокомерной самонадеянностью. И я бросился навстречу ему, еще не собрав все силы для борьбы.

К моему полному удивлению, его давление внезапно ослабло. Мне показалось, что оно исходило от чужака с короной животного. Он явно отступил, встретив сопротивление там, где его не должно было быть вообще, отступил, чтобы понять, с кем это он столкнулся в действительности. И в это короткое время, получив передышку, я укрепил силы, чтобы выдержать новую, более сильную и жестокую атаку.

И она пришла. Я больше не осознавал внешнего мира. Меня охватило внутреннее смятение, когда на крохотный островок моей личности обрушивались один за другим удары огромных волн воли, стремившейся сломить мою последнюю защиту и захватить мое внутреннее «я». Но я держался, зная, что тот, в короне, поражен моей стойкостью. Он наносил удар за ударом по моей воле, но я все еще не был поглощен им, не погиб, не сломался. Потом я почувствовал, как у моего врага нарастает ярость, а вместе с нею — неуверенность. И волны давления сгладились, они угасали быстрее и отходили дальше, как прилив отходит от прибрежной скалы, которую нещадно бьет море, а она по-прежнему непреклонна.

Сознание вернулось. Мою голову до сих пор держали глаза в глаза с чужаком за стеной. Лицо его, как и прежде, ничего не выражало. И все же, казалось, черты его исказились до отвращения от ярости, порожденной неудачей.

«Он не подходит! — По моему мозгу пронесся поч-

ти визг, вызывая боль, расползавшуюся от этого сгустка эмоций. — Уведи его прочь! Он опасен!»

Мой захватчик резко развернул меня. Передо мной снова замаячило лицо Гриса, но выражение на нем было уже совсем иным. Такой ужасной, дикой гримасы у настоящего Гриса я никогда не видел. Я подумал, что он тут же сожжет меня дотла. Но, как оказалось, он решил поступить со мной иначе и не спешил снять с ремня бластер, а просто сильно толкнул меня вперед. Распластавшись, я долетел до кристальной стены, за которой находилась женщина, если она когда-нибудь ею была.

Ниточки с кошачьими головами на ее короне задрожали, опустились; глаза их жадно сверкали, когда они рассматривали меня. Я упал на колени, словно оказывал почтение королеве. Но она, как и прежде, смотрела невидящим взором поверх моей головы.

Чужак поднял меня на ноги и еще одним толчком вышиб в узкую щель двери в углу комнаты. И опять я оказался в темноте коридора, но теперь уже впереди конвоира.

Однако обратное путешествие полностью совершить не удалось. Мы прошли по туннелю не так уж далеко в такой кромешной тьме, что, казалось, ее можно было осязать, когда меня повернули направо. Я не ударился о стену, но, двигаясь дальше, касался плечом ее гладкой поверхности.

— Не знаю, кто ты, Крип Ворланд, — прозвучал голос Гриса из темноты. — Тот бедный глупец, чье тело я сейчас ношу, сказал, что ты из рода тэсса. Порода показала себя, к тому же ты имеешь защиту от нашей силы. Но сейчас нет времени разгадывать загадки. Если ты выживешь, то впоследствии подаришь нам прекрасную головоломку. Если выживешь!

Болезненно настороженный ко всему, что окружало меня в темноте, я вдруг почувствовал, что голос его зазвучал слабее, чем если бы он находился рядом со мной. И вот опять меня окружали только темнота и тишина — тишина давящая, как и темнота, ослепившая меня. Не было больше никакого принуждения, я почувствовал се-

бя свободным, будто влияние полностью прекратилось. Но руки мои все еще оставались плотно прижатыми к бокам под действием танглера.

Я прислушался, стараясь даже дышать как можно тише, чтобы ни один звук не ускользнул от меня. Ничего... Ничего, кроме ужасного давления окутавшей все вокруг тьмы. Очень медленно я сделал один шаг от стены, затем другой. Стена была моей единственной точкой отсчета. Еще два-три шага, и я подошел к противоположной стене. Если бы я только мог пользоваться руками! Было бы хоть маленькое облегчение. Но и этого я был лишен.

Обследование, произведенное с немалыми трудностями, показало, что узкое пространство, в котором я теперь находился, могло быть только концом коридора. В то же время я обнаружил, что не могу вернуться тем путем, которым пришел сюда, если чувство направления не изменило мне. Путь был отрезан, хотя я не слышал, чтобы закрывалась какая-нибудь дверь. Меня окружали три стены. С четвертой стороны путь был открыт. Но куда он вел? Возможно, к бесчисленным несчастьям? Все равно я обязан был выяснить это.

Я медленно вслепую продвигался вперед, прижимая правое плечо к стене, чтобы оставался хоть какой-нибудь ориентир. Я не встречал ни дверей, ни проходов — все та же гладкая поверхность, по которой с легким шуршанием скользил мой термокостюм. А стена уходила все дальше и дальше.

Я устал, но больше всего мне хотелось пить. Жажда иссушила рот и горло так же, как пепельный песок в долине. Осознавать, что несешь на ремне средства для облегчения любых страданий, было вдвойне тяжело. Я не сопротивлялся тискам танглера. Такое сопротивление бесполезно и могло только еще больше ухудшить мое положение. Дважды я сползал на пол прохода, такого узкого, что мне приходилось сгибать связанные колени, чтобы сесть, потому что носки ботинок упирались в противоположную стену. А чтобы подняться, требова-

лись такие усилия, что вскоре я твердо решил — лучше держаться на ногах до конца и потихоньку брести со слабой надеждой уцелеть. Если бы я опять сел, у меня не нашлось бы больше сил подняться...

Вперед и только вперед... Это походило на один из кошмаров, когда человека заставляют идти по непролазной засасывающей грязи, а следом гонится безжалостный охотник. Своего охотника я знал — это была моя собственная слабость.

Действие стало мне казаться каким-то призрачным. Четверо в коронах... Грис Шервин, который не был Грисом... Майлин...

Майлин! Она ушла из моего сознания во время тяжкого испытания в кристальной комнате. Майлин! Но когда я попытался восстановить мысленный портрет ее, она предстала предо мной в новом виде. Майлин с длинными рыжими волосами... Рыжие волосы! Нет, у Майлин были серебряные волосы тэсса, такие же, как ныне на моей собственной голове. Рыжие волосы — женщина с кошачьей короной! Я вздрогнул. Неужели часть того принуждения, потерпевшего ранее поражение, продолжает действовать на меня?

Майлин. Я старательно восстановил ее мысленный образ в теле тэсса. И в отчаянии, не веря, что получу хоть какой-нибудь ответ от девушки, мысленно позвал ее.

«Крип! О, Крип!»

Ответ был отчетлив и ясен, словно кто-то весело выкрикнул его.

Наши голоса после долгих поисков встретились. Я не мог поверить этому, хотя слышал вполне отчетливо.

«Майлин?»

Если мысленное послание можно передать шепотом, то именно так я его и отправил.

«Крип, где ты? Иди... иди...»

Я не мог ошибиться, это не обман. Она была здесь, очень близко, иначе зов ее не был бы таким громким. Я собрался и отправил ответ как можно быстрее:

«Я не знаю, где нахожусь. Вижу только узкий коридор. Вокруг абсолютная темнота».

«Подожди... Позови меня, Крип! Дай мне направление!»

Я повиновался, передавая ее имя, как мысленное песнопение, зная, что в имени и заключена сила. Имя — это смысл личности, и мысленная передача имени могла служить надежным якорем.

«Кажется, я поймала... Иди прямо, Крип!»

Мне не надо было повторять, и я пошел быстрее, хотя все еще должен был прижиматься плечом к стене, чтобы не потерять ориентир в темноте. И хорошо, что я так делал, потому что внезапно тьма сменилась ослепившим меня на какое-то время светом. Я прижался к стене и закрыл глаза.

«Крип!»

Крик был таким громким, что она должна была находиться прямо передо мной!

Я открыл глаза. Она и была здесь. Ее темный мех стал серым от покрывавшей его пыли. Ее шатало из стороны в сторону, словно она с трудом держалась на ногах. На виске темнело большое пятно запекшейся крови...

Я соскользнул по стене и встал на колени, чтобы очутиться поближе к ней, а она упала, точно в ней не осталось больше ни капли сил. Забывшись, я попытался освободиться от уз, но тут же вспомнил о них, потому что сразу же был наказан.

«Майлин!»

Она лежала, положив голову на лапы, распростертые на камне, почти так же, как лежала на своем месте в каюте «Лидиса». Казалось, усилия, которые она потратила на мое сопровождение, лишили ее последних сил.

Было видно, что она страшно голодна и жажда мучает ее гораздо больше, чем меня. Но я не мог помочь ей, пока она не освободит меня. А сможет ли она?

«Майлин! На моем ремне... резак...»

Это был один из инструментов, которые непременно имеются у каждого исследователя неизвестных миров.

Открыв глаза, она посмотрела на меня. Затем медленно подняла голову, что явно вызвало у нее боль. Она заскулила и поползла на животе к моему боку.

Подобравшись вплотную, она подняла голову выше. Ее покрытая пылью морда терлась о мой бок, пока она обнюхивала ремень. Каким грациозным было когда-то это тельце ловкого зверька! Теперь же — неуклюжее и неповоротливое... Ей потребовалось немало времени, чтобы снять резак с крючка, хотя я повернулся к ней как мог и изогнулся изо всех сил, чтобы ей было удобнее.

Резак еще долго пролежал в пыли (а может, мне это показалось), прежде чем она заставила себя взять его в зубы и поднесла к самой низкой петле моих пут. Дважды резак соскальзывал и глухо ударялся о камень, прежде чем ей удалось нажать на кнопку, приводящую инструмент в действие. Я крайне переживал из-за того, что не мог помочь ей, и только наблюдал за неудачными попытками. Но она упорно продолжала свои усилия, и наконец энергетическое лезвие вошло в плотную ткань нитей танглера достаточно глубоко, и моими мышечными усилиями удалось разорвать сеть.

Разрушенная таким образом, она полностью распалась. Я был свободен, хотя руки у меня совсем онемели и я с трудом мог их поднять. Восстановление циркуляции крови происходило весьма болезненно, но я все же нащупал в сумке неприкосновенный запас продуктов и, доставая его одной рукой, другой подтянул тело Майлин к себе, положил ее голову на колени и начал потихоньку вливать воду в ее пересохший рот.

Она глотнула раз, другой. Я отложил флягу с водой в сторону, облизнув собственные губы, и открутил пробку у тюбика с запасом пищи. Затем принялся вливать полужидкое содержимое тюбика ей в рот. Таким образом я скормил ей половину порции этой укрепляющей пи-

щи и только тогда утолил собственную жажду и насытил и свое истощенное тело.

Затем, впервые за время нахождения здесь, с Майлин, отдыхающей у меня на коленях, я огляделся по сторонам. Это была одна из здешних пирамидальных комнат, но стены ее не сходились наверху в одну точку, а были посредине перекрыты потолком намного меньшей площади, чем пол.

И стены здесь были не из прозрачного кристалла, а каменные. Горизонтальная плита, на которой мы сидели, находилась между полом и потолком. Я повернул голову, чтобы увидеть дверь, через которую попал сюда, но в стене ничего не было. Совсем ничего! Однако я хорошо помнил тот быстрый переход от темноты к свету, словно прошел сквозь занавес.

От края плиты шла очень крутая лестница, спускавшаяся к полу. На полу стояло несколько блоков разной величины и высоты. На каждом из них сверху лежал шар из какого-то непрозрачного вещества, не камня. Внутри шаров мерцал слабый свет.

Шары были окрашены в красный, голубой, зеленый, желтый, даже фиолетовый и оранжевый цвета и более бледные оттенки. Шары, что находились ближе к стенам, имели самые бледные цвета, по мере приближения к центру помещения окраска становилась все гуще. Центральный шар был самым темным, почти черным.

На поверхности тех, что были светлее и ярче, виднелся какой-то узор. Присмотревшись попристальнее, я узнал некоторые — это были головы рептилий, напоминавшие те, что находились в короне существа, носившего тело Гриса. Я видел также головы животного, птицы. Самой дальней была кошачья маска. Но я так и не смог догадаться, что все это могло означать. Я оперся на стену. Майлин лежала абсолютно неподвижно. Я подумал, что она уснула, и не стал беспокоить ее.

Отдых... Мне тоже необходимо было отдохнуть. Я закрыл глаза. Вне всякого сомнения, мне следовало бы

оставаться начеку. Ведь мы находились в самом сердце вражеского логова. Но на этот раз я не был способен противиться тому, чего требовало мое измученное тело. Веки против воли закрылись, и я крепко уснул.

Глава 11

КРИП ВОРЛАНД

...Майлин стояла передо мной вовсе не в обличье животного, а такой, какой я впервые увидел ее на Йикторе. Рука ее сжимала тот самый серебристый жезл, который в те времена служил ей оружием и который отобрали у нее Старейшие народа тэсса. Она смотрела не на меня, а скорее на каменную стену, выступавшую углом из темноты, и я отчетливо осознавал, что мы все еще находимся в этих норах глубоко под землей на планете Сехмет. Мне показалось, что она использует свой жезл подобно мастерам, которые пытаются отыскать источник воды или руды, а то и какой-нибудь предмет под землей, сделанный человеческими руками.

Как будто в подтверждение, жезл не склонился вниз, а вытянулся и указал прямо вперед. Продолжая держать его в таком положении, словно жезл был наполнен какой-то энергией, способной провести ее за собой, Майлин подалась в том направлении. Боясь потерять ее снова, даже во сне, я последовал за ней.

Жезл дотронулся до стены, и преграда исчезла. Мы ступили в пространство, не имеющее границ, в котором отсутствовала какая бы то ни было субстанция. Потом оказалось, что мы вновь очутились в камере. Оглядевшись, я понял, куда мы попали: мы находились с противоположной стороны хрустальной стены.

Перед нами была узкая кровать, установленная на четырех статуэтках-кошках, на которой лежала уже знакомая мне женщина. Кошачьи головки с глазками из драгоценных камней на ее короне, казалось, вырастали

прямо из их прекрасных нитей. Они ни разу не взглянули на Майлин, но закрутились на месте и принялись носиться тут и там, пока окончательно не запутались в нитях, выраставших из венца, стягивавшего рыжие волосы женщины. Казалось, их что-то встревожило.

Майлин не обращала никакого внимания на их бесконечное, почти безумное метание возле короны. По мере того как она приближалась к кровати, жезл ее поворачивался в сторону тела той, другой, а взгляд становился все более пристальным, изучающим...

Она мельком взглянула на меня, давая понять, что знает о моем присутствии.

«Запомни — может пригодиться...»

Я едва уловил эту ее мысль, словно мы были разделены огромным расстоянием, хотя я мог спокойно протянуть руку и коснуться ее плеча. Но я знал, что не должен этого делать.

«Зачем?»

Ее слова прозвучали слишком неопределенно. То, что в них заключалось нечто важное, я не сомневался, но для меня они не имели никакого смысла.

Майлин не ответила, только посмотрела на меня долгим оценивающим взглядом. Затем снова повернулась к женщине с запутавшейся и перекрутившейся короной, как будто должна была запечатлеть ее образ в памяти, чтобы вспомнить каждую деталь увиденного даже спустя много лет.

Жезл дрогнул и закачался из стороны в сторону. Я ясно увидел, что Майлин обеими руками пытается удержать его, но все усилия были напрасны — жезл выскользнул из ее рук...

Я открыл глаза. Плечи и шея совсем окоченели от холодного камня стены. Я почувствовал внутренний озноб, от которого меня не мог защитить даже термокостюм. Опустив руку, я провел ею по выпачканному песком и грязью меху. Глассия подняла голову и положила ее мне на ладонь.

«Майлин?»

Этот сон был до того похож на явь, что я совсем уже приготовился увидеть ее снова в том обличье, в каком она находилась каких-нибудь несколько мгновений назад.

«Посмотри-ка туда!»

Она повернулась в сторону больших шаров. Одни из них горели ярко, другие тускло, но все вместе довольно хорошо освещали камеру. Мне хватило одного-двух мгновений, чтобы удостовериться, что не все они до конца «ожили», а только те, что были похожи на рептилий.

— Грис! — сорвалось у меня с языка. Только от него можно было ожидать угрозы.

«Грис Шервин? — Майлин страшно удивилась. — Какое отношение он может иметь к этому?»

«Возможно, самое непосредственное!»

Я вкратце рассказал ей о том, что случилось со мной после того, как я был пленен этим существом, носящим тело Гриса, и о своем посещении комнаты с хрустальными стенами, где это существо пыталось переселить меня в тело своего приятеля.

«Она тоже была там, не так ли?» — спросила Майлин.

Я не ошибся. Это могла быть только одна женщина — та, что носила корону с кошками.

«Да! К тому же, Майлин, я только что видел сон...»

«Я знаю, что это был за сон. Я сама была опутана его хитросплетениями, — вновь прервала она мой рассказ. — Я всегда знала, что никто на свете не в состоянии превзойти тэсса по запасу внутренней энергии. Кому-то могло показаться, что мы в некоторых вещах, словно дети, играющие разноцветными камушками, пытаемся построить идеальное общество. Я думаю, что ОНИ уснули здесь для того, чтобы сохранить свою расу, которой, видимо, угрожала какая-то страшная опасность в прошлом. Но спастись удалось только четверым, которых ты видел. И, похоже, они способны возродить жизнь их расы».

«Но если они способны на самовосстановление, зачем им понадобились наши тела?»

«Может быть, они не могут достигнуть цели, используя свои собственные. А может, они просто желают превратиться в нас, чтобы сойти за существ, нам подобных».

«А затем завладеть тем, что нам принадлежит».

В это я вполне мог поверить. Если бы Грис Шервин захотел скрыть свое инородное происхождение, чтобы выдать себя за пленника этих парней, мы бы наверняка были одурачены и, бросившись спасать его, навлекли бы на себя еще большие неприятности. Я подумал о тех, кого оставил там, на скале. Им угрожала куда большая опасность, чем попасть на мушку бластера, и теперь мне не терпелось выбраться отсюда как можно скорее, чтобы предупредить их.

Я нашел Майлин. Значит, мы должны искать выход, вернуться на «Лидис» или хотя бы добраться до отряда. То, что происходило здесь, было похлеще любого мародерства!

«Ты прав. — Майлин, как обычно, прочитала мои мысли. — Но как нам найти тропинку, ведущую на свободу, я не знаю. Ты сможешь найти ту дверь, в которую вошел?»

«Конечно!»

Хотя с нашего места и не было видно ничего похожего на выход, я почему-то был уверен, что легко найду то место, через которое проник на этот карниз. Осторожно отодвинув Майлин в сторону, я поднялся и подошел к стене. Для того чтобы случайно не пропустить запрятанный в камне выход, мне пришлось прощупывать поверхность стены и все ее выступы от самого края, продвигаясь к тому месту, где, по моему мнению, я вышел из коридора в камеру.

Я дошел до самого конца каменного выступа — никаких намеков на выход. Уверенный, что допустил ошибку, которую вроде бы не должен был совершить, я медленно обошел выступ еще раз, ощупывая теперь поверхность выше и ниже того уровня, что обследовал перед этим. А затем вернулся к Майлин. Ни малейшей щели в этой твердой каменной породе!

— Но ведь я прошел сквозь нее! — вырвалось у меня, и мой протест разнесся гулким эхом по пустому пространству.

«Это правда. Но в каком месте? — Ее вопрос прозвучал горькой насмешкой над моей горячностью. И она продолжила: — Не думай, что я не искала этого выхода. Я дважды пыталась определить, где он. Однако тщетно. Вот после этого-то я и растерялась окончательно».

«Расскажи мне», — потребовал я.

И только теперь я узнал, как она выбиралась из долины кораблей, как обнаружила замороженного эспера и разбила усилитель, как оказалась свидетельницей разграбления сокровищницы. В общем, все, о чем я догадывался, подтвердилось. В остальном это была довольно долгая история о странном путешествии, о ее внутренней борьбе с самой собой. Хотя нет: с самого начала она чувствовала, что это была не она сама, что кто-то преследовал ее и пытался поймать. Но борьба не была непрерывной, и она могла позволить себе передышки между боями. Этот путь привел ее туда, где находился пришвартованный корабль джеков, и через пещеру провел к проходу позади. Но там, ошеломленная потоком подхватившего ее течения, она потерялась. Тогда она и установила со мной мысленный контакт, что, в свою очередь, было ответом на мой зов.

«Я считала, что никто не может подчинить тэсса своему влиянию, — откровенно призналась она. — Хотя меня и предупреждали, что я чересчур горжусь своими способностями. Но если это и было когда-то, теперь от моего самолюбия не осталось и следа. Здесь я чувствую себя игрушкой в чьих-то руках, обладающих неограниченной силой. Они то позволяют мне немного расслабиться, то вновь зажимают в железные тиски. Но самое страшное в этой истории то, что эта сила — да проклянет меня Моластер, если я ошибаюсь! — эта энергия вовсе не осознает моего присутствия здесь, как я осознаю ее влияние. Создается впечатление, что она просто упражняется, раз-

минает мускулы, от которых, может быть, вскоре потребуется вся их мощь, чтобы ответить на будущий зов».

«Эту силу представляют те четверо из кристального помещения?» — предположил я.

«Возможно. Или они могут быть лишь продолжением чего-то еще более сильного и влиятельного. Они адепты этой силы, без сомнения, и влияние их просто безгранично. Но даже мастер своего дела иногда встречает нечто лежащее за пределами его восприятия. В молитвах мы взываем к Моластеру. Но это только имя нашего бога — то, что мы не можем ни описать, ни объяснить. Имя это является самой сутью нашей веры. А чему поклоняются эти?»

То, что она могла бы добавить, так и осталось невысказанным. Желтые шары с масками рептилий, что становились все ярче и ярче, вдруг начали издавать приглушенный низкий гул. И звук этот, едва различимый поначалу, заставил нас оцепенеть. Мы припали к полу, стараясь не дышать, и с опаской поглядывали по сторонам. Затем стали осторожно пробираться вдоль стены, не понимая, что эти перемены могут предвещать.

«Ну где же здесь выход?» — взмолился я.

«Вполне вероятно, что ты найдешь его скорее меня. Как и ты, я выпала из темноты на свет и обнаружила этот каменный выступ, но вернуться в коридор не смогла. Когда я получила твой мысленный сигнал, я подумала, что он приведет меня к двери. Но этого не случилось — ты сам пришел ко мне».

«А в каком месте ты попала сюда?»

Она повела носом и указала в противоположный угол, находившийся на довольно приличном расстоянии от того места, где я пытался отыскать свой вход. Я двинулся туда, вновь ощупывая ладонями каменную поверхность, выискивая хотя бы малейший намек на щель. При мне все еще находился резак, который Майлин использовала, чтобы освободить меня от нитей танглера. Должно быть, с его помощью или с помощью какого-то другого инструмента

из тех, что оставались на моем поясе, я смог бы взломать запор, обнаружив его. Но на это была очень слабая надежда. Впрочем, все мы склонны цепляться за соломинку...

Гул, исходивший из шаров, стал непрерывным, и это каким-то образом отражалось на моем слухе. Звук ускользал, словно выходил за предел слышимости. Причем он не переставал влиять на мое сознание. Дважды я обнаруживал, что стою, прекратив всякую деятельность, и тупо разглядываю эти шары с совершенно пустой головой. Все это продолжалось секунду-две, не более, но страшно напугало меня.

Не было никакого сомнения, что эти шары были волшебными. Отталкивающие фигуры на них исчезали, но как-то странно, совсем не так, как можно было ожидать. Теперь было труднее разглядеть сами чудовища, их приоткрытые продолговатые челюсти, их устрашающие клыки, но тем не менее создавалось впечатление, что скрытые таким образом чудовища казались еще более живыми!

«Крип!»

Мысленный окрик Майлин испугал возникшие в моем мозгу мысли. Мне удалось отвернуться от шаров к стене. Теперь я осознал опасность, куда более серьезную, чем возникавшие в наших мозгах образы.

Передо мной стояла прочная непроходимая стена! Я забарабанил по ней кулаком. Мои удары становились все более яростными. Но это не приносило ничего, кроме боли и ссадин. Я отчетливо представил себе образ двери — все мои желания были связаны с ней. И вдруг мой кулак не наткнулся на твердую породу (мои глаза видели камень, настолько твердый, каким ему и положено было быть), но рука вошла в него по самое запястье!

«Майлин!»

Ее не нужно было звать. Она тут же подбежала ко мне. Дверь! Откуда появилась эта невидимая дверь?

«Думай! ДВЕРЬ! Думай о ней! Представь в уме, что ты ее видишь!»

Я послушался. Дверь — вот она, здесь, конечно, именно здесь! Рука свободно прошла в дверной проем. Невозможно было поверить в этот оптический обман, но рука не натыкалась больше ни на какое препятствие. Я положил руку на голову Майлин, и мы беспрепятственно двинулись вперед, минуя то, что должно было быть твердой, прочной, непроходимой каменной породой.

И вновь мы пережили резкий перепад света и очутились в полной темноте. И вновь за нами словно захлопнулись ворота, и приглушенный гул шаров сразу стих. Я с облегчением вздохнул.

«Это твой проход?» — спросил я, хотя не имел ни малейшего представления, как это можно определить в кромешной тьме.

«Я не могу с уверенностью сказать. Но это точно какой-то проход. Мы должны держаться ближе друг к другу».

Я все еще держал руку на ее голове, и она теснее прижалась ко мне. Так мы и тронулись, почти слившись в единое целое, продвигаясь вперед чрезвычайно медленно и осторожно. Я вытянул перед собой свободную руку, чтобы случайно не натолкнуться на что-нибудь в темноте.

Немного погодя я нащупал стену, и мы пошли вдоль нее, пока слева по ходу не открылся еще один, новый проход. Шли мы довольно долго, и я уже потерял всякое чувство направления. Даже Майлин призналась, что не может определить, где мы находимся. Мы шли на ощупь и смирились с этим. Следовало идти, пока не найдем какой-нибудь хотя бы немного освещенный ход. То, что мы могли никогда его не найти, было просто страшно представить, поэтому мы старались не думать об этом.

Я не знал, существует ли у тэсса такой же древний панический страх темноты, какой часто бывает у моего народа. Но ощущение, что тьма давит со всех сторон и удушье подступает к горлу, постоянно возвращалось. Кроме того, на этот раз я шел не со связанными руками.

«Теперь налево...»

«Почему? Откуда ты знаешь?»

«Кто-то живой в том направлении».

Я попытался мысленно прозондировать пространство. Она была права — там ощущался источник энергии! Слабая нить связала меня с чужаками, вроде той, что я уловил, когда находился неподалеку от членов экипажа корабля. Слева открывался еще один проход.

Можно было только догадываться, насколько далеко забрели мы от того места, где располагалось помещение с шарами. Свет в конце коридора ободрил нас — тем более что он становился все ярче и ярче.

Только теперь мы различили какой-то звук. Скорее всего это было не человеческое бормотание, а бряцание металла. Майлин прижалась ко мне еще плотнее.

«Это он — тот, кто носит теперь тело Гриса, — впереди!»

Я даже не пытался выпустить мысленный зонд. Жаль, что я не мог сделать совершенно противоположное — свести до минимума всякую мыслительную деятельность, чтобы тот не смог почувствовать и намека на наше возвращение. Я еще не забыл, как легко ему удалось обнаружить меня, когда я пытался проследить за его парнями.

«Его мысли сейчас заняты только одним, — сообщила Майлин. — Все его способности направлены на что-то такое, что имеет для него огромное значение. Нам не надо его бояться. Его занимает сейчас только одно».

«И что же?»

Она ответила не сразу. И вообще не ответила, а попросила:

«Помоги мне передать кое-что...»

Наступила моя очередь сомневаться. Усилить мысленный сигнал... Она, вероятно, собиралась сделать именно это. Но тогда больше шансов за то, что нас обнаружат. И все же я достаточно доверял ей и понимал — она не станет чего-нибудь предлагать, если не уверена в успехе задуманного. Я сдался.

Мысли Майлин ринулись на разведку, а я добавил к ним свою энергию. Мы проделывали это не часто, поэтому у меня возникло сравнительно новое и непривычное ощущение, словно меня несет быстрый поток, которому нет сил сопротивляться. Затем в мозгу возникла неясная картина.

Казалось, мы зависли в воздухе над какой-то шахтой, или, лучше сказать, находились на вершине одной из пирамидальных скважин. Внизу, у подножия стены, в горную породу вгрызался робот. Там уже темнел вход в пещеру, и машина только расширяла его.

Позади робота стоял Грис. У него не было в руках пульта. Можно было подумать, что он управлял роботом вовсе без приборов. Все его внимание было поглощено тем, что он делал, и мы ясно ощущали страстное желание и нетерпение, двигавшие им. Он не выставил никаких заслонов своим мыслям, полностью сосредоточившись на том, поисками чего он сейчас занимался. Здесь располагался какой-то древний склад, возможно, в нем хранилось оборудование или оружие. Найти его было для него крайне необходимо. Я понимал, что уловил только часть его мыслей, его страстного желания. Вокруг помещения, намного выше того уровня, на котором работал автомат, проходил еще один из многочисленных коридоров, прорытых в здешних горных пластах. Этот пересекал стену и вел от одной двери к другой. Мне не нужно было ничего объяснять, я понял сам, что именно этим путем нам и следует идти.

А вот сможем ли мы сделать так, чтобы нас не заметили снизу, — это уже другой вопрос. Нора, которую проделывал робот, становилась все больше. И тут машина откатилась назад и заглохла. Чужак поспешил к проделанному отверстию в стене и исчез в проломе.

«Давай!»

Мы вихрем пронеслись по освещенному коридору. Расстояние было небольшим, и вскоре мы очутились на самой кромке горного выступа. Он проходил так близко к

вершине пирамиды, что противоположная стена оказалась совсем рядом. Майлин было намного легче пробираться по этой тропе, потому что я вынужден был ползти на четвереньках, так как не смог бы удержать равновесие на столь узком уступе. Я не стал тратить время, чтобы взглянуть на пролом, сделанный роботом в стене. Побыстрее добраться до входа на противоположной стороне и проскользнуть в него — большего нам пока и не требовалось.

«Мы проскочили!»

«Пока да, — ответила она. — Но...»

Майлин вдруг изогнулась, опустив голову вниз. Вся ее вымазанная грязью шерсть вздыбилась.

«Крип, Крип! Держи меня!»

Крик о помощи был настолько неожиданен, что я в каком-то оцепенении замер. Усилием воли я заставил себя броситься на помощь Майлин, крепко обхватил упругое тельце и прижал к себе, несмотря на ее яростные попытки вырваться.

То, что я изо всех сил пытался удержать сейчас, совсем не походило на Майлин. Это было животное, которое рычало и огрызалось, безжалостно колотя меня лапами с выпущенными наружу когтями. Только по счастливой случайности она не разодрала меня в кровь. Это продолжалось недолго. Затем она обмякла и привалилась ко мне, тяжело и глубоко дыша. На уголках ее губ выступила пена.

«Майлин, что это было?»

«Зов. И на этот раз намного сильнее. Словно... словно зов тебе подобного!»

«Что ты хочешь этим сказать?»

Я продолжал держать ее, но теперь она не пыталась вырываться. Словно борьба с собой отняла у нее последние силы. Казалось, она находилась теперь в таком же состоянии, в каком я ее нашел недавно.

«Тот сон — женщина в короне с кошками... — Мысли Майлин никогда не строились в определенной связи и последовательности. — Она очень похожа на тэсса...»

Я не мог в это поверить. Я не мог припомнить ничего такого, что говорило бы хоть о каком-нибудь сходстве между той женщиной и Майлин.

«Может, для глаза это незаметно, — согласилась Майлин. — Крип, у нас осталось хоть немного воды?»

Она все еще тяжело дышала, из ее груди вырывались звуки, похожие на человеческие всхлипывания. Я нащупал фляжку и плеснул ей в рот несколько капель. Надо было оставить хоть что-то про запас, так как было неизвестно, когда появится возможность пополнить наши запасы.

Она жадно проглотила скудную порцию, но просить еще не стала.

«Тот мысленный сигнал — сон. Я знала такое и раньше. Его используют тэсса...»

Меня вдруг осенило:

«А это не может быть специально подстроено? То есть, увидев тебя, не могли они настроиться на ту же волну, что и ты, чтобы заманить тебя в ловушку?»

«Конечно, такое может быть, — признала она. — Но между мной и этой, другой, происходит что-то... Но я знаю — коли мне предстоит встретиться с нею лицом к лицу, это случится только на моих условиях, да и то если ты одолжишь мне свою энергию, как в этот раз, когда она позвала меня».

«А ты уверена, что это была она, а не тот, которого мы видели?»

«Да. Но, повторяю, если я и приду к ней, то только тогда, когда сама захочу. Пока я этого сделать не могу».

Я вытащил тюбик с А-рационом, какой выдают на космических кораблях. Мы его уже наполовину опустошили. Но там оставалось еще вполне достаточно, чтобы заморить червячка. Он очень питателен и способен поддерживать жизненные силы, пока ты не выберешься из сложного положения.

Со дна скважины не доносилось никаких звуков, хотя робот по-прежнему оставался в карауле у пробитого им отверстия. Мне было крайне интересно узнать, что

же искал чужак за той стеной. Но Майлин ни разу не вспомнила об этом, пока мы шли. Напротив, она задала мне вопрос, совершенно не относившийся к происходящему, и я снова растерялся.

«Тебе не кажется, что она прекрасна?»

Она? Ах да, я догадался — она опять имеет в виду эту чужеземку.

«Она очень красива», — честно признался я.

«У нее нет изъянов... Хотя немного странного цвета кожа. И великолепное тело...»

«Но ее разум занят поисками иной оболочки. Тот, что носит тело Гриса, тоже неплохо выглядел, однако он посчитал удобным для себя поменяться с ним. И меня притащили туда, чтобы кто-то из них влез в мою плоть. Все они глубоко заморожены — я правильно понимаю?»

«Да, — совершенно определенно ответила Майлин. — А тот, другой, которого замуровали на отвесной скале...»

«Лукас сказал, что он мертв. Причем давно мертв. Но эти четверо — я полностью уверен! — живы. А тот, что сидит в Грисе, — наверняка!»

«Вполне возможно, что их тела при размораживании умирают. Но я так не думаю. Мне кажется, они зачем-то стараются сохранить их. Им требуются наши тела, как нам бы потребовалась более простая и дешевая одежда, которую не жалко испачкать и выбросить после того, когда грязная работа будет закончена. Но она — она очень красива!»

В ее словах почувствовалась тоска. Как всегда, неожиданное проявление человеческих эмоций у Майлин застало меня врасплох. Это всегда трогало меня, потому что случалось очень и очень редко. И я верил, что она подвержена тем же страстям, что и мой собственный человеческий род.

«Богиня, королева — кто она такая? — допытывался я. — Нам ведь даже не дано узнать ее настоящее имя».

«Да, ее имя... — повторила Майлин обрывок моих мыслей. — Ей бы не хотелось, чтобы мы его узнали».

«Почему? Потому что... — тут я вспомнил древнее суеверие, — это даст нам определенную власть над ней? Но в это могут верить только люди с примитивным мышлением! А мне показалось, что она к таким не относится».

«Я тебе уже говорила, Крип, — нетерпеливо произнесла Майлин, — самое важное — это вера. Вера может мертвого сдвинуть с места, если ее направить соответствующим образом. И если уж народ поверил, что имя — нечто очень личное, принадлежащее только тебе, а его разглашение может дать другому власть над тобой, значит, для него это является истиной. В разных мирах уровень цивилизации определяется не только обычаями, присущими обществу, но зависит и от отношения к именам богов».

Я вскинул голову и принюхался, обеспокоенный скорее запахом, чем раздавшимся звуком. Должно быть, Майлин почувствовала это еще раньше меня.

«Впереди кто-то еще... Возможно, даже лагерь».

Там, где располагается лагерь, обязательно должен быть какой-нибудь узел связи с внешним миром. А мне ничего так не хотелось, как побыстрее вырваться из этого подземелья наружу и вернуться на «Лидис». Или хотя бы как можно скорее предупредить наших парней об опасности. Но для этого нам сначала нужно было выбраться отсюда, из самого сердца вражеской территории, и мы ринулись вперед, в направлении опасного для нас лагеря.

Я старался не думать о том, что мои размышления вращаются вокруг одного и того же. Когда мы добрались до выхода, оказалось, что тропа действительно привела нас в лагерь джеков. Повсюду валялись коробки и сундуки с награбленным ими добром, а в проеме, ведущем наружу, виднелась часть сопла большого корабля.

Справа от нас выстроилась целая колонна отключенных роботов. Людей вокруг не было. Если бы нам удалось незаметно пробраться меж этих коробок, используя их как прикрытие, мы бы смогли выйти наружу...

Только осторожно! Шаг за шагом!.. Майлин припала к земле, волоча брюхо по пыли, и миновала ряды пустых

коробок. Я пригнулся, насколько это было возможно, и прошмыгнул следом. Мы двигались беззвучно. Должно быть, мы были здесь совсем одни, но все еще не смели надеяться на удачу. И слава богу, что не понадеялись, так как в этот момент одна из стенок надувной палатки приоткрылась и оттуда вышел человек... Когда я его увидел, у меня похолодело внутри. Харкон — и вовсе не пленник! Он открыто держал в руках бластер, затем обернулся через плечо, будто ждал появления кого-то еще. Неужто команда «Лидиса» каким-то чудом, подаренным судьбой, захватила штаб-квартиру джеков? Если так, нужно было немедленно предупредить их о том, кто носит тело Гриса. У меня не было никаких иллюзий насчет того, что может случиться, если они столкнутся с ним. Я без колебаний поставил бы десять против одного, что этот чужак в облике Гриса выйдет из поединка победителем.

Глава 12

МАЙЛИН

Нас всегда учили, что вселенная лежит на невидимых весах Моластера: хорошее пытается перевесить плохое, а зло старается перебороть добро. И если начинает казаться, что удача повернулась к нам лицом, то в это же время следует быть предельно осторожными. Я столкнулась со множеством вещей, которые были мне внове, с тех пор как я очутилась в теле Ворсы и меня стали считать своей в компании людей, перелетавших с мира на мир. Тем не менее я всегда считала, что стрелка весов находится на одном уровне, незначительно отклоняясь то влево, то вправо.

Здесь же, в этих подземных переходах, мне удалось устоять против более чем ощутимого зова и необычного существования, о котором я раньше и не догадывалась. Притом очень часто мне приходилось идти вслепую, действовать наобум, словно Поющая Луне уподобилась незрячему котенку.

Дважды мне снилась та, которую видел Крип. Почему она казалась мне такой знакомой, хотя я никогда не встречала раньше никого, даже похожего на нее? На «Лидисе» не было женщин вовсе, а те, которых я видела на трех планетах, где мы успели побывать после Йиктора, ничем не отличались от простолюдинок. Они всегда соответствовали требованиям мужчин — бесправные и бессловесные создания.

Но она!.. У меня появилось страстное желание увидеть ее наяву, а не во сне, мне даже приходилось бороться с ним. И я не могла открыто сказать об этом Крипу. То, что мы с Крипом видели один и тот же сон, бесспорно доказывало, что главная опасность для меня таилась в прямом контакте с ней, и я не должна была пока рисковать и вступать с ней в противоборство, подобное тому, о котором рассказывал Крип, когда они собирались отнять его тело. Хотелось верить, что именно малая часть тэсса, не дававшая до сих пор о себе знать, не позволила джекам завладеть его телом.

За месяцы, что мы путешествовали вместе, я успела понять, что Крип стал более искусным эспером, чем был тогда, когда я впервые встретила его. Мне казалось, это медленное пробуждение энергии, это развитие его таланта происходило под воздействием тела Макведа, хотя я и не знаю, как и почему это возможно. И я вновь думала о том, что может произойти со мной от долгого пребывания в той оболочке, в которой я находилась.

Я знала, что чужакам не удалось вырвать его из собственного тела и что упакованное в ящик существо приказало уничтожить Крипа, почувствовав в нем опасность. Слава богу, что теперь мы были вместе и нашли наконец дверь, ведущую наружу.

Меня порадовало, что Крип не попытался сразу обнаружить себя, когда заметил дозорного. Его предусмотрительное желание оставаться пока незамеченным и не принимать ничего и никого на веру успокоило меня и вселило еще больше уверенности. Итак, мы лежали

позади пустых коробок и наблюдали. Ни я, ни он не попытались послать мысль на контакт. Ведь если этот дозорный окажется вовсе не тем, за кого себя выдает, мы окажемся даже в большей опасности, чем были совсем недавно.

Харкон отошел от надувной палатки, и тут же из нее выбрался еще один знакомый человек — Джел Лидж с «Лидиса». Он тоже держал в руках оружие. Оба были необычайно спокойны, и по их виду нельзя было сказать, чтобы они опасались какого-нибудь врага. А ведь оба они не раз сталкивались с чрезвычайной опасностью и вовсе не были безрассудными авантюристами.

Они прошли мимо нас, направляясь куда-то в глубину пещеры, к одному из входов в бесконечные темные коридоры. Крип так и не шевельнулся и даже не попытался окликнуть их, а я ждала его команды. Он следил за их продвижением, и когда удостоверился, что оба исчезли из виду, его рука коснулась моей головы для более тесного мысленного общения.

«У меня такое чувство, что они — вовсе не они».

«У меня тоже», — тут же ответила я.

«Неужели ледяные завладели их телами? Нам лучше всего попытаться быстрее пробраться на «Лидис». Но что, если я ошибся, и они направляются прямо туда, где лежат все эти...»

Я почувствовала дрожь в его теле, пальцы, лежавшие на моей голове, нервно дернулись.

«Если они именно то, чего ты так боишься, тогда они здесь хозяева положения и, должно быть, скоро обнаружат нас. Но если нет — их необходимо предупредить. Нам остается только надеяться, что их власть ограничена лишь рамками планеты Сехмет. Ты когда-нибудь думал о том, что может произойти, если их корабль, стоящий вон там, вдруг поднимется в воздух и унесет к другим мирам тех, кто может менять тела так же легко, как ты меняешь свою одежду? Ты представляешь, что они натворят в галактике?»

«Да, большего несчастья трудно себе вообразить. Их невозможно будет найти, если им удастся покинуть эту планету».

«Следовательно, мы обязаны подать сигнал на корабль, пока в состоянии это сделать!»

Я попыталась убедить его, что другого выхода у нас просто нет. Человек и глассия не могли оказать сопротивление в подземелье, не могли помешать врагам готовиться к нападению. Пришло время действовать.

«Возможно, они уже начали осуществлять свои замыслы, — сказал Крип. — Как мы узнаем, сколько их здесь? Сколько рейсов этот корабль уже успел совершить?»

«Тем более нам нужно торопиться».

Мы снова двинулись вперед, прячась за пустыми ящиками, пока это было возможно, и наконец добрались до входа в пещеру и очутились в полосе слабого дневного света.

Грузовой люк корабля был задраен, но пассажирский трап еще не поднят. Крип внимательно изучал его. Он разбирался в этих вещах лучше меня. На мой взгляд, это был обычный грузовой корабль, разве что побольше «Лидиса», и я сказала об этом Крипу.

«Да, побольше. У нас корабль класса D, а этот — класса C, тоже грузовой, но переделанный из корабля Компании. Он неповоротлив, но может поднять гораздо больше груза, чем наш «Лидис». На нем нет опознавательных знаков, что может означать только одно — это корабль джеков».

Охраны видно не было, но все же мы старались оставаться незамеченными. В этом нам, казалось, помогала сама изломанная поверхность местности, где мы находились. К тому же над нами густой пеленой висели тучи и начал накрапывать ледяной дождь. Дрожа от хлестких ледяных ударов мокрого ветра, мы отыскали место, где можно было вскарабкаться на утес. Мы подумали, что будет намного разумнее выбрать именно этот путь, а не воспользоваться разбитой роботами дорогой.

Оказавшись наверху, я смогла сориентироваться, положившись на естественные для Ворсы ощущения, и мы направились туда, где, как я была убеждена, находился наш «Лидис». Это был сущий кошмар. Нас секло дождем и снегом, темнота становилась все гуще. Мы ползли там, где нам хотелось бежать со всех ног, боясь оступиться и сорваться с каменного уступа.

Ветер усилился. Я выпустила когти и прижалась ближе к земле, чтобы меньше скользить по мокрой поверхности под яростными порывами ветра.

«Крип?»

Мне-то удавалось удерживаться на моих четырех когтистых лапах, но я не была уверена в том, что это удается ему на двух ногах в сапогах. К тому же ветра такой силы я никогда не испытывала. Казалось, что сама природа этого забытого богом мира была на стороне грабителей.

«Давай, давай!» — в его голосе не чувствовалось усталости.

Я начала спускаться, извиваясь всем телом и цепляясь, за что только можно, стараясь защититься от ураганных порывов ветра. Мимо меня с ревом неслись потоки воды. Я засомневалась, стоит ли нам так настойчиво пробираться на «Лидис». Может лучше попытаться найти какое-нибудь укрытие и переждать бурю? Я уже стала высматривать местечко, где бы мы могли отсидеться, как камни ушли у меня из-под лап и покатились вниз, увлекая и меня за собой.

Вверх — вниз — в никуда... На какой-то момент я почувствовала, что падаю, затем взрыв боли — и темнота.

Однако охватившая мое сознание темнота не была полной. Где-то в глубине дрожала ужасающая мысль: я оступилась не случайно. Я попала в ловушку, о которой и не подозревала.

Осознав это, я поняла и то, зачем это было сделано и чем это может теперь грозить.

Обмен телами — здесь с Шервином, а с Крипом — тогда, на Йикторе. Зачем им разрушать мою нынешнюю оболочку — зачем?

Неужели ничего лучшего нельзя придумать, чтобы заставить личность подчиниться, чем разрушить тело, в котором она обитает?

Боль! Такая боль, что невозможно поверить. Мое тело больше не будет меня слушаться.

«Нельзя... больше нельзя...»

Сигнал, дошедший до моего сознания, был довольно неясным, как будто его передавали по испорченной линии связи.

«Оставь... идем... идем... идем...»

«Куда? Зачем?»

«Сила жизни... сила жизни... Снова жить... Идем...»

Я сделала над собой величайшее усилие, пытаясь вырвать тело из тисков боли, сконцентрировав всю свою энергию и волю на том, что составляло сущность моей личности.

«Идем... Твое тело умирает... Идем...»

Вот тут-то тот, кто так настойчиво звал меня, и ошибся. Все живые существа боятся забвения и небытия. Это один из видов самоконтроля, то, что не дает нам вступить на путь зла. Мы всегда помним, что у каждого своя дорога, и то, как мы по ней пройдем, будет оценено и взвешено на Весах Моластера. Мы, тэсса, легко не сдаемся. Но и не боимся Белой Дороги, когда приходит время ступить на нее. Тот, кто поймал меня, играл на естественном чувстве страха перед небытием, как будто у тех, с кем ему приходилось иметь дело раньше, не было понятия о другой жизни, жизни после смерти. С ними, наверное, легко было добиться своего, предложив жизнь, когда смерть уже стоит у ворот.

«Идем... — все настойчивее. — Ты хочешь превратиться в ничто?»

Теперь я наконец поняла, что ему было от меня нужно. Ни моя личность, ни вообще чья-либо телесная оболочка были ему ни к чему. Больше всего на свете он дорожил своей и нуждался в моей жизненной силе как в топливе, чтобы, заправившись, снова жить как прежде.

«Майлин! Майлин, где ты?»

«Идем же...»

«Майлин!»

Два голоса звучали у меня в голове, и боль снова завладела моим телом. Моластер! Я молила о помощи, стараясь не слышать ни одного из голосов. И пришел ответ — нет, время Белой Дороги еще не настало, хотя могло, если бы я этого захотела. Но такой мой выбор поставил бы под угрозу выполнение другого плана. Мне все стало предельно ясно, словно меня снова подняли на вершину скалы, и я все увидела сверху. Что именно я увидела, я не помнила. Но я понимала, что это необходимо. Я также знала, что мне нужно бороться, чтобы выполнить то, что мне предначертано в нашем общем плане.

«Идем!» Никаких уговоров, никаких обещаний, лишь приказ, отданный так, словно я и не могла отказаться. «Ну же!»

Но я ответила на иной призыв: «Сюда, скорее!» — как мне удастся выполнить то, что нужно, я не знала. Многое будет зависеть от умения и возможностей моего партнера.

Тело глассии мне не подчинялось, я даже ничего не видела. Мне пришлось отключить все пять органов чувств, чтобы не сойти с ума от боли. Зато я могла ясно соображать.

«Крип! — Я не знала, находится ли он все еще на вершине скалы или уже где-то рядом со мной, у меня не было способа узнать это. Но добраться до него и передать свое последнее слово я должна была обязательно, иначе все зря. — Крип!.. Это тело, по-моему, умирает. Но оно не должно пока умереть. Если ты сможешь доставить его к морозильным саркофагам... ты должен это сделать! Тот короб со спящим в нем — доставь меня туда...»

Я даже не могла ждать ответа. Я должна была держаться покуда хватит сил. А на сколько их хватит, знал только Моластер.

То было странное потаенное место, откуда я, настоящая Майлин из рода тэсса, Поющая Луне, а затем глас-

сия, черпала все свои внутренние ресурсы. А тот, другой, все еще стучался в расставленные мною заслоны и твердил: «Пойдем, пойдем — живи!» Я не знала, я не смела надеяться, что уже нахожусь в безопасности в своей маленькой крепости, которую не прекращали атаковать. Мое влияние на ситуацию и понимание происходящего становились все слабее, а боль временами наносила предательские удары. Я старалась напевать слова, которые мне необходимо было произнести, чего я не делала с тех самых пор, как у меня отняли мой жезл. И слова, которые стали превращаться в тлеющие, едва сверкающие угольки, вспыхнули с новой силой, обнажив языки пламени. Но хотя жизнь в них едва теплилась, это поддерживало меня, заглушая боль.

Здесь совсем не ощущался бег времени — должно быть, его было слишком много. Я успокаивала себя: «Мне удастся продержаться еще мгновение... и еще одно... и еще...» — так это и продолжалось. Удастся ли Крипу спасти меня, если только можно спасти... Я не должна была думать об этом, чтобы сохранить силы и продержаться как можно дольше, не выпуская свою личность из того укромного местечка, в котором я находилась. Держаться, держаться и держаться!

Но делать это становилось все труднее. О Моластер! Великая сила была мне дана когда-то, и я увеличивала ее мощь постоянной тренировкой. Однако всему приходит конец — и теперь я сама с этим столкнулась. Я проиграла, я не могла вспомнить тот образ жизни, который вела. Хотя и знала, насколько он важен, и понимала, что мой жизненный путь был прерван вовсе не по воле Великого Творца. Тем не менее, казалось, у меня не хватит сил довести до конца свое дело. Я — не могу — держаться...

Боль ворвалась в мой разум, захлестнув его гигантской красной волной.

«Майлин!»

Теперь я слышала только один этот голос. Другой голос перестал меня звать. Я подумала, что стоит мне сдаться, уступить, и он снова станет заманивать меня в свои сети.

«Майлин!»

«Заморозь...» — я смогла выговорить только эту свою последнюю просьбу. И она была такой тщетной, безнадежной. Ответа не последовало.

Никакого. Но боль, слава богу, стала понемногу стихать, становясь потихоньку более терпимой. И я все еще не была оторвана от тела. Что...

«Майлин!»

Я все еще в своем теле! Хотя я и не могла им управлять, оно служило мне символом надежды. И я почувствовала освобождение от того воздействия, под гнетом которого была столько времени. Словно процесс моего «умирания» был приостановлен и мне дали возможность немного передохнуть.

«Майлин!» — властный, и вместе с тем умоляющий зов.

Я собрала все остатки своей энергии.

«Крип — заморозь...»

«Да, Майлин. Ты уже в коробе — коробе чужака. Майлин, что теперь...»

Итак, он сделал это. Он использовал последний шанс, и он оказался верным. Но у меня не было времени обрадоваться этому. Я должна была предупредить его о самом главном.

«Поддерживай холод... Старейшие... Йиктор...» Я еще управляла своим сознанием, если можно было назвать «сознательным» состояние, в котором я пребывала все это время, с тех пор как была переломана. Брела ли я уже по Белой Дороге? Или для меня еще оставалось местечко на большом жизненном пути?

Глава 13

КРИП ВОРЛАНД

Хотя ветер не проникал сюда, я чувствовал, что руки все еще ледяные от холода. Я оглядел короб и, как только мне удалось справиться со всеми этими щеколдами и запорами, приоткрыл заслонку настолько, чтобы, по-

быстрому выбросив оттуда замороженное тело, заменить его переломанным, окровавленным и бесформенным мохнатым существом. Не знаю, как я смог с этим справиться. Меня трясло от перенесенного стресса сильнее, чем от озноба. Я долго не решался нести то, что осталось от Майлин, по этой скалистой тропе. Я был уверен, что ей, как любому живому существу, будет больно и она, если бы могла протестовать, запретила бы мне тащить ее неизвестно куда. Она была жива, только раненая оболочка ее замерзла. И я поклялся, что доставлю ее на Йиктор — к Старейшим — и она никогда не умрет! Но как мне удастся это осуществить, этого я пока еще не знал.

Я тихо обернулся. Там, далеко внизу под утесом, стояли «Лидис» и два флиттера возле него. Никаких признаков жизни вокруг не было. Среди скал что-то валялось. Приглядевшись внимательно, я понял, что это, и содрогнулся. Это был чужак, которого я в запальчивости вышвырнул из морозильного яшика...

То, что теперь лежало там, было не телом, а какой-то разложившейся массой. Я прикрыл глаза. Лукас сказал, что это существо мертво, и теперь я убедился, что это так. Но дело уже было не в том. Главное — чтобы Майлин была спасена. Да, и предупреждение должно быть отправлено.

Харкон, Лидж — оставались ли они еще людьми? А кем они, собственно говоря, могли быть? Осознали ли они, что не дрогнули перед врагом, который оказался намного сильнее, чем думали мы вначале?

Я просунул руку в короб и положил ее со всей нежностью, на какую только был способен, на голову мохнатого существа.

«Я не могу взять тебя сейчас с собой, — подумал я. Возможно, мои слова еще доходили до нее, а может, и нет. Но мне хотелось дать ей понять, что я не оставляю ее одну. — Я скоро вернусь, и ты обязательно увидишь Йиктор, Старейших и снова будешь жить. Клянусь!»

Затем я закрепил короб понадежнее среди скал, что-

бы он не был опрокинут ветром или ледяным ливнем. Майлин находится теперь в безопасности, пусть потерпит немного в этом убежище, пока я не смогу выполнить свое обещание.

Проделав все это и убедившись, что она надежно защищена, я спустился под проливным дождем и невыносимым ветром в долину. Там я включил наручный передатчик и послал кодированный сигнал, который должен был открыть мне люк «Лидиса». Затем стал с нетерпением ждать какого-нибудь знака, подтверждения, что мой сигнал услышан внутри корабля.

И ответ пришел, но вовсе не со стороны корабля, а откуда-то из темноты ночи. Луч прожектора прорезал ночную мглу, пригвоздив меня к скалистой стене утеса.

«Джеки! — подумал я. — Они же меня здесь и убьют!»

Я был ослеплен ярким светом и не видел, кто стоит за ним, хотя был уверен, что направившие этот луч на меня намереваются незамедлительно расправиться со мной. У меня же не было никакого оружия... Тут кто-то ступил в полосу света, и я увидел форму. Патруль! Только я не мог быть теперь уверен в этом на сто процентов. Особенно после того, как мне довелось увидеть Харкона и Лиджа в пещере, а также зная, кто расхаживает в теле Гриса.

Я попытался прочесть по его лицу, тот ли он, кем кажется мне, или один из врагов. Однако в его облике разгадки не было. Он махнул мне рукой. Завывания ветра были настолько громкими, что слов я не расслышал, но он ясно указал жестом на «Лидис». Луч прожектора осветил тропу, ведущую к кораблю, и в полосе света стало видно, как медленно опускается на землю трап. Я пошел туда.

«Лидис» был моим домом уже много лет, и я гордился тем, что это так. Но сейчас, взбираясь по трапу и цепляясь изо всех сил за поручни, чтобы противостоять ветру, я чувствовал, что приближаюсь к чему-то чужеродному, от чего веяло обманом. А это очень даже могло быть, ведь влияние чужаков распространилось уже столь широко. Я стал принюхиваться, проходя через шлюзо-

вой люк в сопровождении патрульного, словно и в самом деле мог учуять чужой запах, который так боялся здесь обнаружить. Но запах был совсем обычным, как на всех звездных кораблях. Я стал взбираться по лестнице в рубку управления. Что же я там найду?

— Ворланд?

Капитан Фосс. Позади него стоял патрульный с нашивками коммандера. Дальше находились члены экипажа. Впрочем, я видел только капитана Фосса. Если только это был именно Фосс! Я уже во всем сомневался. Многое могло произойти здесь за время моих долгих скитаний под землей. Я не ответил, а просто пристально посмотрел на него, стараясь отыскать в его лице хоть малейший намек на то, что это не тот человек, которого я так хорошо знал.

Один из патрульных взял меня за руку, развернул, словно я был абсолютно беспомощен, и подтолкнул к креслу, которое покачнулось под моей тяжестью. Я отважился послать мысленный сигнал — ведь мне жизненно необходимо было знать, что еще не все потеряно.

«Фосс — это ты?» — Я не знал, подумал ли я это или произнес шепотом.

Я заметил, как изменилось выражение его лица и знакомо выгнулась бровь.

— А ты ожидал встретить здесь кого-то другого? — спросил он.

— Одного из них, — с трудом пробормотал я, почувствовав вдруг невероятную усталость. — Ты мог, как и Грис, стать одним из них... Им ничего не стоит пробраться в твое тело...

Никто не проронил ни слова. То ли я произнес это вслух, то ли успел только подумать об этом.

Капитан повернулся к аптечке, висевшей на стене, открутил крышку и достал тюбик с питательным рационом. Он подошел ко мне. Я попытался поднять руку, чтобы взять это тонизирующее средство, но мое тело отказалось слушаться меня. Он поднес тюбик к моему рту, и я отпил

немного. Жидкость была горячей и вскоре должна была побороть во мне дрожь и слабость утомления.

— Один из них — и в моем теле? — произнес он спокойно, словно ничего особенного в этом не было. — Может, объяснишь, что все это значит?

— Там. — Я махнул рукой на одну из стен «Лидиса», надеясь, что показываю место, откуда пришел, — чужаки. Они могут захватывать наши тела. Они уже проделали это с Грисом. Он, вернее, его тело, вместило душу чужого человека. Нашего врага. Сам он... — я вспомнил образ безжизненного тела с головой рептилии, в котором был ныне заключен Грис, — переселен в другую оболочку. Думаю, что с Лиджем и Харконом произошло то же самое. Они чувствовали себя как дома в той пещере, словно им нечего было бояться. Может быть, и с другими поступили так же. Они попытались проделать это со мной. Но у них не получилось. Чужак был очень рассержен, сказал, что я опасен. Они заточили меня в темном подземелье. Там я нашел Майлин...

Майлин! Она похоронена в том морозильном ящике на скале. Майлин!

— А что с Майлин? — Фосс занял кресло пилота. Он посмотрел мне в глаза и, протянув руку вперед, ободряюще пожал мою ладонь. — Что случилось с Майлин?

Патрульный офицер подошел к нам поближе. Мне это не понравилось. Я увидел, как нахмурился Фосс:

— Что с Майлин, Крип?

— Она упала. Прямо на камни. И разбилась. Она умирала, умирала! И, умирая, сказала мне, что ее нужно заморозить. Заморозить до тех пор, пока я не смогу доставить ее на Йиктор. Я перенес ее, почти мертвую, к морозильной камере чужака на скале. — Я старался выдержать пристальный взгляд Фосса. Мне хотелось забыть весь кошмар этого дня, но он не позволял мне этого сделать. — Я поднял ее. Открыл короб, выбросил оттуда тело чужака, и положил ее туда. Она была еще жива тогда.

— А эти чужаки... — Голос Фосса был ровным и спокойным, и это придавало мне силы, как минуту назад его крепкое рукопожатие. — Ты не знаешь, кто они такие?

— Лукас говорил, что они мертвы, и уже давно. Но они — эсперы. А те, с венцами на голове, живые. Им нужны только тела! Гриса, мое, всех наших. Их там четверо. Я видел. Включая женщину.

— Он говорит какую-то ерунду! — оборвал меня офицер.

И вновь капитан Фосс нахмурился:

— Где находятся эти тела?

— Под землей. Там переходы, коридоры, камеры. У джеков там лагерь в пещере. И корабль наверху. Они занимаются грабежом — там полно сундуков и коробок. — Воспоминания рисовали в моем мозгу быстро сменявшие друг друга картины. Я почувствовал во рту горький привкус, словно тонизирующее средство, которое я принял, собиралось вырваться обратно.

— Где под землей?

— За тайником. Я пробрался туда через пасть кошки. — Мне было тяжело рассказывать, состояние мое было отвратительное, но я продолжал: — Там есть ход. Но Грис и другие могут гипнотизировать на расстоянии. И если они все такие, как Грис, у нас нет никаких шансов. Я никогда не встречал эспера с такой мощью, даже среди тэсса. Майлин думала, что им не удалось захватить меня, потому что во мне живет частица тэсса. Но им удалось призвать меня. Это сделал Грис. И у него получилось с первой попытки. Затем они просто связали меня танглером.

— Корд, — распорядился капитан, — включай скремблер на самых высоких частотах! Передавай какую-нибудь абракадабру. Запутай их.

— Есть, сэр!

«Включать скремблер, — тупо размышлял я. — Зачем скремблер? Ах да! Против мысленного прощупывания. Но сработает ли это против того, кто находится в теле Гриса?»

— А как насчет остальных? — Патрульный офицер приблизился ко мне почти вплотную, обойдя Фосса. — Где остальные — и ваши, и мои люди?

— Я не знаю. Я видел только Гриса, Харкона, Лиджа...

— И ты думаешь, что Харкон и Лидж тоже захвачены?

— Я видел, как они расхаживали вокруг лагеря джеков, не принимая никаких мер предосторожности. Мне показалось, что они это делали открыто, не опасаясь, что их обнаружат.

— А ты пробовал проверить их мысленным контактом?

— Не отважился. Попробуй я, и, если бы оказалось, что это уже не они, мы с Майлин были бы сразу захвачены ими. Грис узнал о том, что я рядом, даже не увидев меня. Это он заставил меня прийти к ним, подавив мою волю. Что касается Харкона и Лиджа — они вели себя так, будто были хозяевами в лагере. Никакой настороженности я не заметил.

Фосс кивнул:

— Должно быть, ты прав. Ты хорошо чувствуешь опасность.

Тонизирующее средство перестало на меня действовать. Я поплыл куда-то вдаль и не был в состоянии больше удерживать веки открытыми.

— Майлин... Вы должны помочь Майлин!

Глава 14

КРИП ВОРЛАНД

На «Лидисе» никогда не существовало ни дня, ни ночи, но у меня было такое состояние, какое бывает, когда спишь очень крепко и вдруг внезапно просыпаешься. Я вытянул руку, ожидая получить привычный шлепок лапой — так она приветствовала меня с верхней полки, если просыпалась раньше. Майлин! Ее имя враз вернуло меня к реальности, и я так резко подскочил, что ударился головой о низкую перекладину. Майлин все еще нахо-

дилась там — в морозильном ящике! Ее надо было срочно перенести в безопасное место. Как же я мог забыть о ней? Я был уже на ногах и потянулся за запыленным термокостюмом, валявшимся на полу, когда отворилась дверь. Я обернулся и увидел капитана.

Фосс был не из тех людей, у которых на физиономии написано, о чем он думает. Высокопоставленный торговец рано учится скрывать свои чувства или носить маску. И все же существовало несколько едва заметных штрихов, известных только тем, кто тесно с ним общался, по которым можно было определить, когда он взволнован. То, что я сейчас заметил, было сдерживаемым гневом. Только раз или два за все годы совместной работы я видел, как он сердится.

Он умышленно вошел в мою каюту без предупреждения. Одно это уже говорило о серьезности положения. Так как на корабле мы были почти лишены уединенности, каждый член команды весьма щепетильно относился к вторжениям в свои апартаменты. Фосс опустил одно из боковых сидений на стене и присел, ничего не говоря.

Он явно пришел сюда с намерением поговорить со мной. Но у меня не было никакого желания тратить время на болтовню. Я хотел поскорее отправиться на выручку Майлин. Ведь неизвестно, как долго я спал, бросив ее на произвол судьбы.

Так как капитан, видимо, не очень-то спешил объявить мне цель своего визита, я первым нарушил молчание.

— Я должен забрать Майлин. Она находится в морозильном коробе чужака — там, на вершине скалы. Я должен перенести ее в наш морозильный отсек. — Произнося эти слова, я натягивал на себя термокостюм. Фосс не сделал ни одного движения, чтобы пропустить меня, пока я сам не отодвинул его.

— Майлин, — повторил Фосс, но в его тоне было что-то настолько странное, что я насторожился, вместо того, чтобы вспылить. — Ворланд, как получилось, что

ты оказался не вместе с остальными, что ты отправился один в подземные катакомбы? Ведь вы покинули корабль вместе. — Казалось, он буравит меня своим пристальным взглядом. Вероятно, если бы мой мозг не был полностью занят мыслями о необходимости добраться до Майлин, мне стало бы не по себе или я почувствовал бы какой-то подвох в его вопросе и в его отношении ко мне.

— Я оставил их на вершине скалы. Майлин позвала меня, она попала в беду.

— Понятно. — Он все еще поглядывал на меня изучающим взглядом, словно я представлял собой партию товара, в качестве которого он вдруг стал сомневаться. — Ворланд... — Тут он неожиданно вытянул руку и нажал на кнопку. Небольшой встроенный бар с автоматически открывающимися дверцами распахнулся у меня перед носом. А так как внутренние стороны дверей имели зеркала, я очутился лицом к лицу со своим отражением.

Мне всегда становилось не по себе, когда я смотрел на свое отражение в зеркале. После стольких лет пребывания в одном образе требуется немало времени, чтобы привыкнуть к другому. Моя кожа стала намного темнее, чем была на Йикторе. Но все же она не была такой бронзовой, не могла покрыться косм ческим загаром, который имелся у всех членов нашей команды. Раньше он мне казался весьма красивым. Бледность моей кожи подчеркивали серебристые брови и белые-белые, коротко подстриженные волосы. Короче, все это вовсе не было похоже на мой прежний облик. Теперь у меня было лицо тэсса, с утонченными чертами и четко выписанным подбородком.

— Тэсса. — Слова Фосса еще раз подчеркнули то, что я увидел в зеркале. — Ты говорил нам на Йикторе, что тела мало что значат и что ты тот же Крип Ворланд.

— Да, — подтвердил я после паузы, будто произнесенные им слова имели глубокий смысл и к ним следовало относиться очень серьезно. — Я все тот же Крип Ворланд. Разве я этого еще не доказал вам?

Неужели он думает теперь, что я и в самом деле тэсса? И что все время мне удавалось искусно прятать это от людей, достаточно близко меня знающих?

— Ты считаешь, что остался Крипом Ворландом? Но прежний Крип Ворланд, вольный торговец, никогда бы не допустил присутствия чужака на своем корабле и не пренебрег бы своим долгом!

Я был просто потрясен. Не только потому, что он мог обо мне такое подумать и сказать, но и потому, что в этом имелась доля правды. Крип Ворланд никогда не бросил бы отряд на вершине скалы и не помчался бы на первый же зов Майлин. Или помчался бы? Я не мог дать ответ на этот вопрос. Но все же я был Крипом. Или мои опасения, что тело Макведа иногда движет мной, имели под собой основания?

— Видишь, — продолжал Фосс, — ты и сам начинаешь понимать. Ты вовсе не тот Крип Ворланд, хотя и утверждаешь иное. Ты не наш. А из этого следует...

Я отвернулся от зеркала и посмотрел ему прямо в глаза:

— Ты думаешь, что я бросил наших людей, когда они попали в беду? Но ведь я уже говорил, что не мог рисковать и применять свои эсперные способности — по крайней мере, в присутствии того, кто распоряжался телом Гриса Шервина. Только Майлин могла пренебречь опасностью и отважиться на это. А там я все равно не повлиял бы на ход событий. Если бы я поступил так, как ты того требуешь, кто бы предупредил об опасности корабль?

— Я хочу сказать единственное: ты не должен был отправляться на поиски по собственной инициативе. Тебе нужно было разведывать все для нас.

Я молчал, потому что и на этот раз в его словах была правда. А он продолжил:

— Если бы в тебе осталось достаточно Крипа Ворланда, ты помнил бы наши обычаи и прекрасно понимал бы, что сделанное тобою не согласуется с традициями торговцев.

Эта мысль повергла меня в дрожь. Такое же чувство я испытывал недавно в подземелье. Если уж и Фосс видит во мне чужого, что же тогда моего осталось во мне? Тем не менее я не мог позволить себе согласиться с ним. Если он докажет мне, что я — это не я, тогда конец всему. Поэтому я попытался возразить Фоссу:

— Майлин — часть нашей гарантированной безопасности. Столь редкие способности эспера, какими обладает она, имеются на службе не у каждого корабля. Знаешь, ведь это именно она разбила усилитель, который превратил всех наших в беспомощных пленников, когда тебя не было. И если бы мы встретились с чужаками лицом к лицу, именно Майлин нашла бы какой-нибудь выход из положения. Она — член нашего экипажа! И она, попав в беду, взывала о помощи. Только потому, что мне удалось связаться с нею лучше, чем всем другим, я услышал ее зов первым и пошел ей на помощь.

— Логично рассуждаешь, — кивнул Фосс. — Именно таких оправданий я и ожидал от тебя, Ворланд. Но мы оба прекрасно понимаем, что за твоими словами стоит гораздо больше, чем ты мне сейчас сказал.

— Мы можем поспорить с тобой об этом как-нибудь в другой раз, когда нам удастся выбраться отсюда. Тогда и обсудим, правильно я поступил или нет. Сейчас скажу только, что мною руководило желание спасти Майлин и вывести ее на «Лидис». Я и теперь утверждаю: Майлин должна быть немедленно доставлена в наш морозильный отсек!

— Я разрешаю тебе сделать это.

К моему великому облегчению, капитан встал. Я не могу ручаться, будто его убедило мое заявление, что Майлин — член экипажа и ее способности могут принести нам немалую пользу. Но с меня достаточно и того, что он разрешил идти ей на помощь.

Я не знаю, как убедил он Патруль помогать нам. Все это он делал уже без меня. Я же как можно скорее покинул корабль и стал карабкаться на вершину скалы. На

оттаявшей поверхности плато не было видно каких-либо следов чужаков. Маленькое тельце Майлин занимало так мало места в коробе, что его трудно было там разглядеть. Я сразу же определил по замкам и пристяжным ремням, что никто не прикасался к ящику, пока меня здесь не было. А в том месте, куда я швырнул тело чужака, было пусто. Должно быть, ветер разметал то немногое, что от него оставалось. Спустить короб с отвесной скалы было нелегким делом, и мы не торопились. Но вот мы наконец спустились. Я не мог доверить роботам поднять этот ящик на «Лидис», где нас уже ожидал медик с патрульного корабля. Его задачей было перенести тело Майлин в наш морозильный отсек.

Каждый космический корабль имеет такой отсек, дающий возможность позаботиться о тяжелораненом, пока его не доставят в какой-нибудь восстановительный центр. Я знал, что раны у Майлин серьезные. Но я не представлял себе, что она так искалечена. Я думал, что врач сразу же признает ее состояние безнадежным и махнет рукой на нашу затею. Ведь она представляла собой просто окровавленный кусок спутанного меха. Но доктор почувствовал поток жизненной энергии и не был против того, чтобы смертельно раненную глассию поместили в морозилку.

Как только засовы морозильного отсека были заперты, я провел рукой по крышке ящика. В ней все еще теплилась искорка жизни — настолько ее воля была сильнее тела. Я не знал, как долго она сможет просуществовать в таком состоянии, а будущее представлялось мне в очень мрачном свете. Смогу ли я теперь доставить ее на Йиктор? И даже если мне удастся найти след Старейших из вечно блуждающего рода тэсса и потребовать от них нового тела для нее, дадут ли они его? И откуда они возьмут это тело? Будет ли это плоть животного, чтобы до конца исполнить приговор судьбы, который они ей вынесли? Или ее вновь заключат в оболочку человека, как меня в Макведа, тело которого находилось под на-

блюдением священников Умфры, пока Моластер не разрешил ему ступить на Белую Дорогу, ведущую к избавлению от невыносимых мучений.

Однако всему свое время. Я не должен позволять себе видеть во всем только темную сторону. Я сделал все возможное, чтобы сохранить Майлин в безопасности. В этом морозильном отсеке та искорка жизни, что еще теплилась в ней, будет окружена заботой людей, которые отлично знают свое дело. Часть тяжкого груза была снята с моих плеч, но большая его часть продолжала угнетать меня. Теперь я знал, что за мной остался еще один долг, о котором вскоре снова напомнил Фосс. И я готов был сделать все от меня зависящее, чтобы рассчитаться с ним. Поэтому я отправился в рубку управления, чтобы предложить ему одно дело.

Я нашел Фосса, коммандера Бортона и медика Тэнела возле коробки, из которой врач вытаскивал проволочное кольцо. От кольца во все стороны отходили тончайшие металлические проводки, изогнутые дугой и сплетенные в форме колпака. Он держал его в руках с необычайной осторожностью, поворачивая таким образом, что яркий свет вспыхивал искорками на изгибах проводков. Когда я приблизился, капитан Фосс предложил:

— Теперь мы можем это проверить. Ворланд — наш лучший эспер.

— Хорошо. У меня только четвертый уровень. — Тэнел примерил колпак на свою голову, приставив скобы кольца к вискам, и тонкие проводки сразу же затерялись в его светлой шевелюре. — Посылай сигнал, — приказал он мне. — Самый мощный.

Я попробовал. У меня было такое чувство, что сигнал мой ударился о непробиваемую стенку. Это было неприятно, но не так мучительно, как в тот раз, когда мне пришлось лишь слегка вторгнуться в передаваемые чужаками мысли, или когда моя интеллектуальная энергия столкнулась с потоком мысли той коронованной особы. Скорее это было похоже на то, как будто я

пытался проникнуть сквозь выставленный против меня экран.

У Бортона в руках был небольшой предмет. Теперь он во все глаза уставился на меня. Но обратился не ко мне, а к Фоссу:

— Вы знаете, что он седьмой?

— Мы знали, что он силен. Но три рейса назад при проверке его уровень был чуть больше пяти.

От пяти до семи! Я этого не подозревал. Неужели такое изменение произошло под влиянием тела тэсса? Или, может, постоянный контакт с Майлин расширил и увеличил мои возможности?

— Попробуй сам. — Тэнел протянул мне проволочный колпак, и я натянул его на голову.

Все трое наблюдали за мной, и я догадался, что Тэнел пытается послать мне сигнал. Но я ничего не мог различить. Я испытывал лишь довольно странное ощущение, будто заткнул уши и глух ко всему происходящему вокруг.

— Итак, для энергии седьмого уровня он работает. Но тот передатчик-чужак, который излучал через усилитель, и другой, меняющий тела, — они, должно быть, обладают еще большей силой.

Бортон задумался.

— Это наш единственный шанс. — Тэнел забрал у меня колпак. Он вытащил еще четыре, похожих на тот, что был у меня на голове. — Это тоже экспериментальные образцы. Над ними проводятся эксперименты, поэтому нам выдали их для полевых испытаний. Это счастье, что они при нас.

— Насколько я понимаю, — заметил Бортон, — у нас почти нет выбора. Единственной альтернативой может быть лишь вызов мощных вооруженных сил, которые бы разнесли все их сооружения на Сехмет в пух и прах. Но если мы это допустим, то можем потерять нечто более ценное, чем сокровища джеков, — знания. Поэтому сразу откажемся от подкрепления. Мы должны действовать

внезапно и не допустить, чтобы похитители тел вышли в открытый космос и начали творить там свои фокусы.

— Мы можем пробраться в их логово через кошачью пасть. Должно быть, они еще не подозревают о наших намерениях, — предположил я. — Дорога туда мне известна.

Мы обсудили все «за» и «против» и решили воспользоваться ходом, который находился в пасти кошки. Так мы проникнем в лагерь врага внезапнее, и они не смогут засечь нас заранее. Это был риск, но другого выхода у нас не было. Мы действовали впятером, потому что у нас было всего пять защитных колпаков. Капитан Фосс представлял истаявшие силы вольных торговцев, я был проводником, затем медик Тэнел, коммандер Бортон, и завершал нашу компанию третий из Патруля, спец по контактам с инопланетянами.

Патруль обеспечил нас оружием, самым сложным из того, что мне до сих пор доводилось видеть, — многоцелевым лазером, который можно было использовать и как оружие, и как рабочий инструмент. Затем офицер-электронщик с разведчика Патруля настроил каждый лазер так, что он отвечал на нажатие пальца только того человека, для которого был предназначен. Попади лазер в чужие руки, и он разлетится на куски при первой же попытке выстрела.

Надев защитные колпаки, вооружившись такими лазерами и обновив припасы, мы снова полезли на скалы. Поскольку колпак на голове не позволял мне чувствовать приближение чужих, нам приходилось двигаться с осторожностью, подобно разведчикам в стане врага. Поэтому мы потратили довольно много времени на то, чтобы определить, не обнаружен ли клиновидный провал, проделанный мною в пасти кота. Однако детектор жизни, имевшийся в распоряжении Патруля, не давал и намека на то, что нас могла ожидать засада.

Путь по провалу я проделал первым. Как и в первый раз, пришлось ползти на животе. Протискиваясь по узкому проходу, я прислушивался и вглядывался изо всех сил.

Хотя во время первого путешествия у меня не было возможности измерять расстояния, я начинал уже волноваться. Мы наверняка уже подходили к тому месту, где я уничтожил барьер, мешавший мне проникнуть в помещение, расположенное над хранилищем тел. Но я все полз и полз и не видел в этот раз ничего похожего, хотя нес с собой факел. Я все сильнее сомневался в том, что запомнил все правильно. Не будь у меня на голове защитного колпака, я подумал бы, что нахожусь под чьим-нибудь мысленным контролем.

Вперед и вперед — а двери все нет. Стены стали сужаться, и хотя мне не приходилось протискиваться через них, как в первый раз, с каждым движением во мне росло ощущение ловушки.

Затем факел выхватил из темноты — не дверь, которую я ожидал увидеть, а ряд выемок на стене, и дно туннеля стало подниматься. Раньше этого не было, но ведь я не видел никаких ответвлений от основного туннеля. Я совершенно растерялся, но делать было нечего — только продолжать путь. Повернуть назад нам не удастся, у нас просто нет места, чтобы развернуться.

Углубления в стене позволяли мне продолжать движение вперед, хотя наклон увеличился. Я никак не мог понять, что же произошло. Я мог найти всему этому только одно объяснение — я находился под чьим-то мысленным контролем в первый раз, когда я пришел сюда. Вопрос — почему? Может быть, это была своего рода защита от грабителей? Установки, искажающие пространство? Такие случаи бывали, подобные установки были обнаружены на Атласе, правда, очень маленькие, но они действовали и предназначались для сокрытия прохода от глаз и других органов чувств. На других мирах встречались захоронения, оснащенные самыми хитроумными приспособлениями для того, чтобы убивать, калечить или замуровывать навсегда тех, кто осмеливался исследовать их, не зная всех секретов.

Если это тот самый случай, то что же ждало нас впе-

реди? Может, я веду наш небольшой отряд прямо навстречу опасности? Но твердой убежденности в своих выводах у меня не было. Тут меня кто-то дернул за ногу. Резкий шепот донесся из темноты:

— Ну, где же это помещение со спящими чужаками, о котором ты рассказывал?

Хороший вопрос, только ответить я на него еще не мог. Пока я не получу исчерпывающей информации, придется увиливать от прямого ответа.

— Расстояния обманчивы, скоро мы до него доберемся. — Я старался вспомнить, рассказывал ли я им о своем путешествии во всех подробностях. Если да, то они уже должны были заметить, что что-то не так. Я попытался ползти побыстрее, и это было похоже на то, как ползет дождевой червяк в земле.

Факел высветил в проходе резкий поворот влево. Я с трудом пробрался туда, и увидел такой же барьер, как мне попадался раньше. Облегченно вздохнув, я сунул пальцы в отверстие и, потянув, открыл маленькую дверцу. Протиснувшись сквозь нее, я с ужасом понял, что все мои надежды рухнули. Это был вовсе не балкон над залом с морозильными коробами. Скорее, это был еще один коридор, намного шире прежнего, где можно было свободно идти во весь рост, но никаких дверей видно не было. Я повернулся кругом и постарался еще раз сравнить все, что сейчас меня окружает, с тем, что я видел здесь раньше.

Конечно, если я был прошлый раз загипнотизирован, сейчас я не смогу быстро сориентироваться и сразу попасть в то место, где застыла в смертельном карауле замороженная армия. Должно быть, это была отдаленная комната, куда они случайно завели непрошеного гостя. Вероятно, колпаки Патруля, вместо того чтобы предохранять нас от воздействия нежелательных сил, сработали совершенно в ином направлении, и то, что мы видели теперь, есть не что иное, как галлюцинация!

Я отодвинулся от входа. Один за другим в коридор протиснулись все остальные и присоединились ко мне. Капитан Фосс и Бортон первыми спросили меня:

— Где мы находимся, Ворланд?

Мне не оставалось ничего иного, как сказать правду:

— Я не знаю...

Я положил руку на тесно охвативший мою голову колпак. А что, если снять его? Вдруг тогда я увижу прежнюю картину? Мне нужен контакт, любой контакт. А колпак гасит взаимное проникновение. Выключает все органы чувств. Вместо них и рождается галлюцинация. Почти ни на что не надеясь, я повернулся к стене, прощупал кончиками пальцев ее поверхность, будто прикосновение было в силах помочь мне справиться с иллюзией, развеять которую было невозможно.

Мне было отпущено совсем немного времени для этого исследования. Рука Фосса крепко обхватила меня и развернула лицом к тем, кого я сюда завел.

— Что ты делаешь?

Разве я мог теперь объяснить им, что я оказался такой же жертвой, как и они? Что я в самом деле не представляю, что могло случиться с нами и почему?

— Это совсем не тот путь, которым я шел здесь в прошлый раз. Должно быть, это просто иллюзия...

Я услышал резкое и неприятное восклицание Тэнела:

— Иллюзия невозможна! Колпаки бы этого не допустили!

Бортон прервал доктора:

— Существует одно простое объяснение случившемуся, капитан. Создается впечатление, что ваш человек просто дурачит нас всех.

Он ни разу не взглянул на меня, а смотрел все время только на Фосса, словно отчитывая капитана за мои поступки. Фосс протянул руку к моему поясу, чтобы разоружить меня. И в этот момент я понял, что все годы нашей долгой дружбы не могут служить оправданием тому, что произошло сейчас.

— Я не знаю, кто ты теперь, — сказал Фосс, посмотрев на меня так, словно видел во мне чужака. — Но когда твоя ловушка захлопнется, обещаю тебе, что мы сумеем позаботиться о себе.

— Мы отправляемся назад? — спросил патрульный, который стоял возле входа в туннель.

— Нет, — ответил Бортон. — У меня нет никакого желания быть замурованным в том узком проходе.

Фосс сунул мое оружие себе за пазуху. Затем развернул меня, и я еще и понять не успел, что он замышляет, как почувствовал, что капитан скрутил мои руки за спиной. Мгновение спустя кисти мои были надежно связаны. Даже когда это случилось, я никак не мог поверить, что мой капитан так легко отрекся от меня. На вольного торговца это было не похоже. Что же это за лидер, который таким образом обходится с членом своей команды, не дав ему никакой возможности защитить самого себя?!

— В какую сторону идти? — прошептал он мне в самое ухо, проверяя надежность моих оков. — Где твои дружки поджидают нас, Ворланд? Запомни одно: у нас твоя Майлин. Если ты сослужишь нам плохую службу, ты больше никогда с ней не увидишься. Или твое беспокойство о ней лишь очередная игра?

— Я не могу понять, что с нами произошло, — ответил я, уже не надеясь, что он поверит мне. — Здесь все изменилось. Это невероятно. Мне кажется, что в прошлый раз на меня подействовал гипноз, охраняющий древние гробницы и сокровища. Это ведь не сказки. Это ведь известно науке. Уверен, один из гипнотических замков встроен здесь. Но он не сработал из-за ваших дурацких колпаков.

— Ты думаешь, мы так и поверили всему, что ты говоришь? Когда ты рассказывал нам о своем первом походе, ты упоминал зал, который показался тебе усыпальницей. Ну так веди нас туда. — Недоброжелательность Фосса стала уже совсем явной.

— Зачем мне заводить вас в ловушку? Я ведь и сам иду с вами. Значит, и я в нее попаду. — Это был мой последний аргумент.

— Должно быть, мы опоздали пересесть в другой поезд, где нас ждали с распростертыми объятиями, — не

без сарказма ответил Фосс. — Ну а теперь я спрашиваю тебя, Ворланд, куда нам теперь идти?

— Я не знаю.

Тогда заговорил врач:

— То, что он рассказал, похоже на правду. Вполне возможно, что он был временно одурманен, как все остальные, о ком он говорил. Теперь же колпак, надетый на голову, разрушил их влияние. — Он пожал плечами. — Скажи честно, — обратился он ко мне, — моя догадка верна?

— А также объясни, если ты вышел из-под их влияния, какой тропой нам теперь идти, — добавил Бортон. — Мы на правильном пути или нет?

Бортон и третий патрульный вышли вперед. Фосс следовал за ними, Тэнел прикрывал тылы. Коридор был достаточно широк, чтобы мы шли рядом, не отставая друг от друга. Точно так же, как повсюду здесь, в воздухе подземелья не чувствовалось недостатка кислорода благодаря какому-то оригинальному способу, хотя я нигде не замечал чего-либо похожего на воздуховоды, через которые кислород поступал бы извне. У нас под ногами пружинил толстый слой пыли, на котором не было видно никаких следов, что доказывало еще раз — по этому проходу давно уже никто не ходил.

Проход внезапно оборвался, выйдя на перекресток. В конце каждого ответвления было по две двери, но все они были заперты. Наши факелы, бросавшие свет прямо на них, выхватили нарисованные на стене узоры. Все их я видел раньше и, должно быть, непроизвольно что-то произнес, как только узнал их. Фосс заговорил первым:

— Что это? Ты знаешь, что это такое? — Он скорее обвинял меня в чем-то, чем задавал вопрос.

Теперь было отчетливо видно, что линии, образованные тонкими металлическими нитями, а вовсе не нарисованные, как мне показалось вначале, изображали точную копию кошачьей маски, которую мы видели на

вершине утеса. Выпуклые глаза кошки представляли собой ярко горевшие в свете наших факелов самоцветы. На другой двери узор походил на корону чужака — ту, что напоминала животное с торчащими ушами и длинной вытянутой мордой.

— Это символы их правителей!

Тэнел подошел к двери с кошкой и провел рукой по контуру изображения.

— Я думаю, что она закрыта. Может, попробовать вскрыть ее нашим лазером?

Бортон тоже внимательно и осторожно осмотрел оба изображения.

— Я не хочу поднимать шум. Что ты об этом думаешь, Ворланд? Ты единственный, кто знаком с этим местом. Как нам отворить эту дверь? — Он посмотрел на меня, и я понял, что это очередная проверка.

Я уже собрался было ответить, что знаю ровно столько же, сколько и он, но меня опередил Фосс. Он вскинул руки к колпаку, который по-прежнему был надет на его голову. Все поняли, что он получил сигнал. Вернее, даже не поняли, а сами его почувствовали. Тэнел скривился от боли. Он заговорил медленно, четко произнося слова, словно повторял какое-то сообщение, предназначенное для всех остальных:

— Эти... глаза...

Бортон, стоявший ближе всех к панели, закрыл ладонью сверкавшие каменьями кошачьи глаза. Я хотел предупредить, чтобы он этого не делал, но слово застряло у меня в горле и обожгло его. Вместо выкрика я смог издать лишь невразумительное карканье. Я бросился вперед, всем телом наваливаясь на его протянутую руку, чтобы сдвинуть ее, но Фоссу удалось удержать меня в своих мощных объятиях.

Послышался резкий скрипучий звук. Бортон опустил руку. Дверь медленно отворилась, поднимаясь вверх. Проем ее был таков, что, пригнувшись, мы вполне могли войти внутрь.

— Не входите туда! — Каким-то образом мне удалось выкрикнуть предупреждение. Это не причинило мне боли. Аура опасности, исходившая из отверстия, словно невидимой сетью была накинута на нас, и я никак не мог понять, почему они не чувствуют того, что чувствовал я. Но было уже поздно. Бортон прошмыгнул под дверью, так и не взглянув на меня. Его глаза были прикованы к тому, что находилось внутри, и, вполне вероятно, он шагал вперед под влиянием чьих-то чар. За ним последовал Тэнел и патрульный. Фосс втолкнул меня внутрь, используя всю свою силу. Я не мог сопротивляться.

Итак, я преодолел заслон с тревожным чувством приближающейся опасности, ясно осознавая, что я был всего лишь беспомощным пленником, столкнувшимся с необычайно рискованной ситуацией, выход из которой я никак не мог отыскать.

Глава 15

КРИП ВОРЛАНД

Я не знал, что нас ожидает дальше, хотя чувствовал, что место, где мы находились, было буквально пропитано опасностью. Можно было предположить, что именно здесь находится логово чудовища. Однако когда мы вошли, нам все вокруг показалось вполне спокойным, по крайней мере на первый взгляд. Мы были поражены тем чудом, что нам открылось. В свое время нас околдовал своей красотой Трон Квира. Безусловно, он был замечательной красоты и очаровывал каждого, кто смотрел на него. Но по сравнению с тем, что мы увидели перед собой на этот раз, он был сродни обычной скамье в какой-нибудь забегаловке. Хотя я и не видел сокровищ храма в распакованном виде, мне показалось, что открывшиеся перед нами затмили бы их наверняка.

В комнате было светло, но это сияние излучали не наши факелы. Сокровища в зале не были упакованы,

хотя вдоль стены стояла пара вместительных сундуков. Сама стена была выложена металлическими пластинками и камнями. Одна из ее секций представляла собой небольшие мозаичные картинки. Казалось, будто смотришь, как из окна, на живописные миниатюрные пейзажи. Я услышал, как кто-то из нашей компании вздохнул, прежде чем затаить дыхание. Затем Бортон подошел к центральной картинке.

На ней простиралась пустынная до бесконечности страна. Посреди песчаной пустыни возвышалась пирамида точно такой формы, как те две комнаты, что я раньше видел здесь. Только она была построена на открытом пространстве и представляла собой сооружение из гладко обработанного камня.

— Этого... этого просто не может быть! — Коммандер рассматривал картину так, словно ему необходимо было убедиться, что он видит ее наяву и глаза не обманывают его. — Этого не может быть!

Мне показалось, что он где-то видел это сооружение.

— Просто невероятно! — Но Фосс смотрел вовсе не на картину, так привлекшую внимание коммандера. Он переводил взгляд с одного сокровища на другое, как будто не мог поверить в то, что это происходит с ним наяву.

Как я уже говорил, все, что находилось в этой комнате, было расположено таким образом, будто она использовалась как жилое помещение. Раскрашенные и инкрустированные коробки стояли вдоль стены, с изображениями столь похожими на реальность, отделенные одна от другой какими-то свисающими с потолка занавесками, которые развевались от несуществующего ветерка. От поверхности стены шел какой-то мерцающий свет, и нельзя было с уверенностью сказать, глядя на нее, что это все происходит не на самом деле, — тени, то возникающие, то исчезающие, словно рябь на воде, или едва видимые движущиеся фигуры.

В зале стояли два стула с высокими спинками. К одному из них примыкал небольшой столик на трех изящных ножках. На спинке другого была высечена голова кошки, на этот раз серебряная. Стул у столика был матово-голубого цвета, и на его спинке был изображен довольно сложный узор чистейшего белого цвета.

Пол под нашими пыльными сапогами покрывал сложный узор на плотно подогнанных друг к другу каменных блоках: черные, как один из стульев, и голубые, как другой, плиты были инкрустированы большим количеством серебряных символов. На столике с тремя ножками лежали небольшие хрустальные тарелочки и кубок.

Тэнел подошел к ближайшему сундуку. Пробежав пальцами по его отражающей свет поверхности, он приподнял крышку, и та легко подалась. Мы увидели, что сундук доверху наполнен разноцветными — зелеными и одновременно голубыми, а также тепло-желтыми — отрезами материи. Это было похоже на потрепанное одеяние. Тэнел не стал вытаскивать его.

Коробки, ящики, сундуки, два стула, столик. На стене, что была напротив двери, висела занавеска из того же материала, что и ленты на стенах. Фосс рванулся вперед, и я старался не отставать от него. Я почувствовал, что он хочет войти за занавеску, но он не должен был идти туда!

Но я опоздал. Он обнаружил скрытый в стене проход, в который мог протиснуться только один человек. Я шел за ним буквально по пятам, хотя мог догадаться, что его ждало за этой занавеской. Нет, я просто знал это!

И, зная, я готовился вдохнуть ледяной воздух морозильной камеры, в то же время не переставая думать, почему же мы не почувствовали ее дыхания, находясь снаружи?

Голова и плечи женщины покоились на высокой подушке. Она лежала, устремив взгляд куда-то вдаль, сквозь хрустальную поверхность стены. Зубцы ее короны раскачивались и сплетались меж собой, двигаясь в разные стороны. Их кончики — головки кошек — постоянно по-

ворачивались, то оглядываясь на нас, то беспорядочно мечась вперед-назад. И казалось, что они пытались бороться с нитями, которыми были привязаны к ободку вокруг ее огненных волос. Они, словно псы на цепи, хотели разорвать их, чтобы наброситься на нас.

Если женщина эта не была заморожена, неясно было, как она не превратилась в прах за все это время? Не может быть, чтобы она спала, глаза ее были открытыми. Между тем нельзя было уловить ни малейшего намека на движение тела, как это бывает, если человек дышит.

— Тэнел! — Фосс не посмел двинуться дальше. Услыхав его голос, кошачьи головы задергались еще сильнее, а потом и вовсе безумно заметались.

Меня кто-то резко оттолкнул, и в комнату протиснулся врач.

— Она жива? — спросил Фосс.

Тэнел привел в действие детектор жизни. Потом он что-то там подрегулировал и повторил попытку. И мне показалось, что он делает это с большой неохотой, поглядывая время от времени на кружащиеся в вихре кошачьи головы. Он высоко держал прибор перед полулежавшей на кровати женщиной, изучая его показания с сердито нахмуренными бровями. Он нажимал какую-то кнопку и вновь считывал то, что высвечивалось на приборе.

— Ну и как? Жива? — настаивал Фосс.

— Не то чтобы жива... Но и не мертва.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что сказал. — Тэнел еще раз нажал кнопку, теперь пальцем другой руки. — Это никак не регистрируется. Я не знаю ни одной жизненной силы, настолько чуждой. Мой прибор не может на нее среагировать. Ее не замораживали или заморозили каким-то необычным способом. Но если она все же мертва, я никогда не встречал такого способа консервации.

— Кто мертва? — Из-за занавески появились Бортон и третий патрульный, которые замерли на месте, увидев женщину.

Я не мог больше смотреть на нее. В беспрестанном вращении нитей ее короны было что-то неприятное. Движение раздражало меня, словно от этих кружившихся металлических шариков величиной с ноготок исходила какая-то гипнотическая сила. Я сделал последнюю попытку предупредить своих.

— Жива она или мертва... — мой голос показался мне резким и громким в замкнутом пространстве этого зала. — Она пытается повлиять на нас! Я повторяю: она чрезвычайно опасна!

Только Тэнел посмотрел на меня. Остальные будто и не слышали. Их внимание было целиком поглощено женщиной. Затем врач ухватил за руку коммандера и так резко рванул ее, что Бортон развернулся на сто восемьдесят градусов, оторвав наконец от нее свой взгляд. Он заморгал и стал глотать воздух, словно хлебнул полным ртом крепкой настойки.

— Уходим! — Врач толкнул его еще разок.

Бортон, все еще моргая, отступил назад к занавеске, натолкнувшись на Фосса. Я очутился с другой стороны капитана и навалился на него плечом, используя ту же тактику, что и Тэнел. У меня это получилось не так ловко. Но как только я отпихнул его в сторону от прямого воздействия этой женщины, он тоже как будто сразу очнулся.

В конце концов все мы оказались по другую сторону занавески, стояли там и не могли отдышаться, словно совершили хорошую пробежку. И вдруг я почувствовал, что колпак на моей голове стал нагреваться, а проводок, касавшийся виска, чуть не обжег меня. Я увидел, что Тэнел тоже потрогал ободок, но тут же отдернул руку. Ко мне подошел Фосс.

— Ну-ка, повернись.

Я подчинился его приказанию и понял, что он развязывает мои руки. Мгновение спустя они были свободны.

— Теперь я верю, — сказал он, — теперь я могу поверить во что угодно, Ворланд. После того, что я здесь

увидел, я могу поверить! Она в точности такая, какой ты ее описывал. И мне кажется, что она мертва.

— А как насчет остальных? — спросил Тэнел.

— Один из них здесь. — Я потер запястье, кивнув в ту сторону, где, по всей вероятности, располагались другие комнаты. — А еще два — на противоположной стороне. И один из них, скорее всего, захватил тело Гриса.

Бортон вновь подошел к картине, изображавшей пирамиду:

— Ты знаешь, что это такое?

— Нет. Но мне совершенно ясно, что я где-то видел это раньше, и это было не на Сехмет, — обернулся Фосс. — Это имеет какое-нибудь значение для нас сейчас?

— Возможно. Эта пирамида была построена на Терре в таком далеком прошлом, что сейчас уже нельзя определить когда. Археологи никогда не могли сойтись в общем мнении насчет ее возраста. Предполагается, что пирамида была возведена трудом рабов в те времена, когда человек еще не приручил вьючных животных, когда еще не было изобретено колесо. И тем не менее ее возведение было ярким примером высокого полета инженерной мысли. Существует несметное количество теорий, пытающихся объяснить это явление, и одна из них предполагает, что размеры и необычная правильность формы пирамиды говорят о том, что ее возвели посланцы далеких миров. Это не единственная постройка такого типа, а одна из нескольких. Хотя считается, что эта — самая древняя и величественная. Долгие годы думали, что пирамида является гробницей какого-то правителя. Но это предположение так и не было полностью доказано, так как гробница могла быть встроена туда намного позже. Во всяком случае, пирамида была сооружена за многие тысячелетия до того момента, когда наша раса вышла впервые в космос.

— Но останки предтеч, — возразил Тэнел, — так никогда и не были найдены на Терре. Ни одна из исторических лент не содержит записей о подобных открытиях.

— Возможно, мы просто не признаем их за останки. Но... — Бортон покачал головой, — что мы вообще можем узнать из этих копированных и перекопированных лент, многие из которых сами становятся живой легендой? И все же... это тоже представляется мне довольно странным: на той земле, где расположена пирамида, — он указал на картину, — древние люди создавали портреты своих богов с телами людей и головами животных и птиц. Фактически богиней Сехмет является кошка. У Тота голова птицы, Сет обладает обличьем древнего ящера...

— Но ведь и планеты, которые перворазведчики наносили на карты, были названы по традиции именами древних богов! — прервал его рассуждения Фосс.

— Это правда. Разведчики дают новым звездам такие имена, на которые только способна их фантазия. Иногда это боги, а в последнее время они стараются придумать название посмешнее, чтобы как-то разрядить космическую скукоту. Человек, который придумывал имена этой системе, должно быть, был неравнодушен к истории Терры. Хотя заметно и еще одно влияние. — Бортон опять покачал головой. — Возможно, мы никогда не узнаем правду о прошлом, потому что всегда обнаруживается, что оно полно древних нераскрытых загадок. Возьмите хотя бы наши собственные истоки!

— У нас никогда не будет возможности узнать что-либо, если мы не разберемся с насущными задачами прямо сейчас, — парировал Фосс.

Я заметил, что он старается не смотреть на занавески, словно та, что лежала за ними, могла заставить его своими чарами вернуться к ней. Проводки моего колпака больше не жгли мне кожу, но все равно я чувствовал себя на этом месте не очень-то уютно. Мне хотелось выйти.

— Эта корона, что у нее на голове... — Тэнел переминался с ноги на ногу, будто хотел еще раз взглянуть на нее. — Мне кажется — это какое-то высокочувствительное передающее устройство. Что ты об этом думаешь, Лэрд?

— Вне всякого сомнения, — ответил патрульный. —

Разве ты не понял еще, что твой колпак постоянно отражает атаки? Еще чуть-чуть, и произойдет замыкание от чересчур высокого напряжения. А что ты скажешь о венцах, которые носят другие? — повернулся он ко мне. — Эти другие, они живые? Они тоже лежат или могут передвигаться?

— Те, что я видел, — не передвигаются. Они совсем неподвижны.

— Я хочу взглянуть на чужака, в котором теперь находится Грис, — вмешался Фосс. — Он в следующей комнате?

Я покачал головой, не имея ни малейшего представления, как пройти в одну из внутренних комнат хрустальной пирамиды. Память подсказывала мне, что рядом с кошачьей дверью была еще одна. А из нее надо было войти в дверь, которая была в правом углу. Затем...

Фосс не стал ждать, когда я поведу их. Он проскользнул в приоткрытую дверь, и мы поспешили за ним. Тэнел толкнул дверь с кошкой, теперь она двигалась свободнее, чем когда нам пришлось ее открывать в первый раз. Фосс стал отворять вторую. Та тоже поддалась его усилиям, но на этот раз перед нами была не комната, набитая сокровищами, а очень узкий проход, такой тесный, что там можно было с трудом пробираться только по одному. Затем последовал поворот, за которым скрывалась еще одна задрапированная дверь.

— Эта? — спросил Фосс.

— Нет. — Я попытался вспомнить. — Следующая, как мне кажется...

Мы протиснулись в щель между стенами и добрались до второго поворота, который располагался так, что мы теперь находились как раз напротив комнаты женщины с кошачьей короной. Нас отделяла от нее каменная стена. Здесь была еще одна дверь, на этот раз украшенная птичьей головой. Третий поворот, и мы нашли то, что я искал, — ящера.

— Вот здесь!

Дверная панель оказалась довольно тяжелой, и ее нелегко было открыть, потому что нам негде было развернуться. Но в конце концов и она подалась. Фосс и я сделали все от нас зависящее, чтобы она отворилась.

Мы снова оказались в меблированной комнате. Но мы не стали тратить время на разглядывание здешних сокровищ, поспешив вместо этого за занавеску, в дальнее помещение. Теперь я вновь смог увидеть голову с надетой на нее короной. Человек сидел, уставив неподвижный взгляд в пространство за хрустальной стеной.

Фосс обошел его кругом, чтобы взглянуть на лицо. Корона была неподвижна. Вокруг царили тишина и спокойствие. Перед нами было только хорошо сохранившееся тело чужака. Но я заметил, как изменилось выражение лица капитана, который явно смог прочесть что-то в глазах сидевшего неподвижно. Точно так же ужаснулся, увидев эти глаза в свое время, и я.

— Грис! — едва слышно прошептал он.

Я прекрасно понимал, в каком состоянии находится сейчас Фосс. Мне было жаль его. Но я понимал и то, что капитан должен был все это увидеть. Я тоже заглянул в глаза Грису. Грис был в сознании. Судя по спокойному взгляду, он отдавал себе отчет в том, что с ним произошло. Я сам дважды выдерживал переход из одного тела в другое, но оба раза это происходило с моего полного согласия и ради моей пользы. Тем не менее, если бы эти превращения происходили против моей воли, я не уверен, смог ли бы я остаться в своем уме.

— Мы должны что-то сделать! — Слова Фосса взорвали атмосферу, как выстрел из бластера. Я понимал, что они были подкреплены той решимостью, которая всегда проявлялась в нем, когда надвигалась опасность, грозящая «Лидису» или его команде. — Ты, — обратился он ко мне, — уже испытывал переходы из одного тела в другое. Что ты можешь сейчас сделать для него?

До сих пор я был пассивным участником этой операции, превращения проделывали в основном надо мной.

Майлин вдохнула меня в тело барска, когда Три Кольца Сотры обвились вокруг луны над нашими головами. Это было время, когда магические силы тэсса становились наиболее действенными. А в обличье Макведа я перебрался под защитой Умфры, где монахи этого могучего ордена могли предоставить Майлин любую помощь, в которой у нее возникла бы необходимость.

И только однажды я был свидетелем перерождения человека. Да и то в это время я был в состоянии панического страха. У меня на глазах умирала Майлин, и маленькое существо, представитель ее народа по имени Ворса, тихонько подобралось к ней и предложило свое мохнатое тело в качестве пристанища для духа тэсса. Я видел, как двое из рода тэсса — сестра Майлин и ее родственник — пропели заклинание. И вышло так, что я тоже подпевал, хотя я не мог понять ни единого слова из их песни. Но чтобы я один проделал такое превращение?! Нет!

— Я не могу этого сделать... — Я уже готов был сказать, что не посвящен, как вдруг пришло решение из моего собственного прошлого. Я бегал в шкуре барска, теперь я хожу в теле Макведа. Возможно ли такое? Если Грис постарается и преодолеет страх, который сковал его сознание после того, что с ним случилось... Если он сможет управлять своим новым телом до тех пор, пока ему не удастся вернуться в свое собственное, мы его не потеряем. Но сначала мне необходимо было достучаться до него. А это значило, что мне нужно на время избавиться от защитного колпака.

Я объяснил все это Фоссу, хотя и не был наверняка уверен, что смогу осуществить то, что он просит, так как мне придется рисковать и разрушать нашу единственную защиту, подвергая всех еще большей опасности. Но когда я дал им ясно понять, что я имею в виду, Фосс взялся за рукоятку своего лазера.

— У нас есть еще один способ защиты. Ты знаешь, о чем идет речь. Ну, станешь рисковать?

Рискнуть — это значило быть заживо сожженным, если им удастся меня подменить. Нет, мне не хотелось идти на такой риск, но желания и долг человека — две разные вещи, не всегда совпадающие на протяжении его жизни. Здесь, на Сехмет, я уже однажды увильнул, по их мнению, от исполнения своего долга, долга вольного торговца. Наступил момент, когда мне следовало оплатить его. Я вспомнил, что Майлин была изгнана в чужое тело, потому что приняла на себя чужой долг. Теперь пришла моя очередь.

— Это — его единственный шанс.

Не раздумывая, я коснулся колпака, приготовившись снять его с головы. Они разом окружили меня с оружием наготове и настороженно поглядывая по сторонам, будто я сразу превратился во врага. Я снял колпак...

И почувствовал необычайную легкость, словно освободился от непосильной ноши, которая тяжким грузом висела на мне, а я о ее существовании и не догадывался. С минуту я колебался, чувствуя, должно быть, то же самое, что и человек, выходивший на арену где-нибудь на Спарте, один на один с дикими зверями. С какой стороны ждать нападения? К тому же, как мне казалось, стоявшие вокруг меня напряженно ожидали каких-то ужасных превращений во мне.

«Грис?! — осознание того, что время ограничено, заставило меня включиться в работу немедленно. — Грис!..»

Я никогда не был близким другом этого несчастного пленника. Но мы долгое время жили на одном корабле, мы столько раз тянули жребий, кому из нас отстраивать сигнальные огни, столько раз ходили вместе в увольнение. Это именно он впервые рассказал мне о Майлин, что и кто она есть. И теперь я сознательно концентрировал в своем мозгу воспоминания о нашей дружбе, чтобы зарядить послание большей энергией.

«Грис!..»

И вдруг я услышал:

«Крип... Ты можешь... Ты меня слышишь?»

Невероятное везение!

«Да! — И я сразу перешел к сути дела, сознавая всю его важность. — Грис, ты можешь управлять этим телом? Заставить его слушаться тебя?»

Вопрос был задан как нельзя лучше, чтобы заставить его преодолеть собственные страхи и переступить невидимый барьер. Теперь он должен был попробовать сдвинуть эту свою новую оболочку. Его мозг был теперь приборной доской, управляемой роботом. У меня имелись определенные сложности, когда я привыкал к телу животного. По крайней мере, хоть ему это не грозило, так как чужак, на наш взгляд, относился к гуманоидным существам.

«Ты можешь управлять телом, Грис?»

Он был удивлен вопросом. Я знал, что он никогда не задумывался над этим. Первоначальный ужас, охвативший его после того, как все это с ним случилось, заставил с самого начала думать, что уже ничего предпринять нельзя. Он считал себя абсолютно беспомощным. Я обладал кое-каким опытом перевоплощения, да еще благодаря Майлин, которая была сведуща в этих делах, знал, что, когда он был захвачен в плен, его способность мыслить была парализована. Неизвестность всегда несет с собой сильный страх. Это особенно заметно у представителей моего вида.

«А смогу ли я?» — повторял он, словно ребенок.

«Постарайся! Сконцентрируйся! — приказал ему я. — Твоя рука, твоя правая рука, Грис. Подними ее, прикажи ей подняться!»

Его руки покоились на подлокотниках стула. Голова не двигалась вовсе, но взгляд оторвался от моего лица, и было видно, с каким усилием он старается увидеть свои руки.

«Двигай ими!»

Он сделал невероятное усилие. Я поспешил добавить к нему свою энергию. Пальцы слегка дрогнули...

«Двигай!»

Рука поднялась, не переставая дрожать, словно она лежала столь долгое время без движения, что ее мышцы, кости, плоть с трудом повиновались воле разума. Но она поднялась, сдвинулась немного в сторону от подлокотника, качнулась и беспомощно упала ему на колени. Он все же сумел заставить ее пошевелиться!

«Я... Я сделал это! Но я очень... слаб... очень...»

Я взглянул на Тэнела:

— Может, тело нуждается в каких-нибудь тонизирующих средствах? Возможно, в тех же, что мы используем при размораживании?

Он нахмурился:

— У меня нет оборудования для такого восстановления.

— Но у тебя должно быть что-то в полевой аптечке, какой-нибудь укол для стимулирования деятельности мышц.

— Нарушение метаболизма... — промямлил он и, достав свою полевую аптечку, расстегнул ее. — Мы не знаем, как отреагирует на это чужое тело.

«Скажи ему... — мысль Гриса была безумна, — пусть попробует что угодно! Лучше умереть, чем оставаться в таком состоянии!»

«Тебе еще рано умирать», — возразил я.

Тэнел держал в руке запечатанный в стерильную упаковку шприц. Он наклонился над сидящим на стуле телом и воткнул иглу в голую грудь чуть выше того места, где у человека должно располагаться сердце. Сразу, по крайней мере, никакого отторжения не произошло. Казалось, лекарство приемлемо.

Тело конвульсивно дернулось, по нему пробежала видимая для глаза дрожь.

«Грис!»

«А-ах!» — никакого мысленного сигнала, только ощущение боли или, может быть, страха. Неужели Тэнел был прав и стимуляторы, разработанные для представителей нашего вида, опасны для других?

«Грис!»

Я поймал его руку, которую ему удалось с таким трудом поднять, и зажал ее между своими ладонями. Только это удержало ее от спазматических движений. Вторая рука тоже оторвалась от поручня и сделала резкий взмах в воздухе. Он выбросил вперед ноги. Все тело его изогнулось, словно пытаясь подняться...

Теперь стало оживать и замороженное, застывшее лицо. Рот то открывался, то закрывался, словно он пытался что-то выкрикнуть, но с онемевших губ не слетало ни звука. Сами губы вдруг потемнели и скривились в гримасе загнанного зверя.

— Это его убьет! — Фосс выбросил вперед руку, пытаясь вырвать шприц из тела Гриса, но доктор поймал его за запястье.

— Оставь его в покое! Если сейчас прекратить вливание, то вот это точно убьет его!

Я схватил и вторую его руку и крепко сжал их обе, пытаясь одновременно проникнуть в его мысли, скрываемые за вымученной гримасой лица.

«Грис!»

Он не отвечал. Тем не менее спазмы уменьшались, да и лицо уже не выглядело искаженной маской. Но я не мог определить, было ли это хорошим или дурным предзнаменованием.

«Грис?»

«Я... здесь...» — мысленный ответ был таким вялым, что напоминал несвязную, плохо различимую речь.

«Я... все... еще... здесь...»

Я отметил про себя, с каким безрадостным удивлением он это произнес, словно сам не мог поверить, что это так.

«Грис, ты можешь двигать руками?»

Я немного ослабил пожатие, выпуская его руки, и положил их ему на колени.

Они больше не вздрагивали и не тряслись. Он медленно поднял их на уровень груди и задержал прямо перед собой. Пальцы сжались в кулаки, затем вновь рас-

прямились. Он стал их сгибать, один за другим, словно проверяя, как они работают.

«Я могу! Дайте... дайте мне встать!»

Он уперся руками в подлокотники. Я видел, с каким трудом он пытается заставить тело удерживаться на ногах. Когда же он этого добился и выпрямился, слегка покачиваясь из стороны в сторону, стало заметно, что он только чуть-чуть придерживался за спинку стула. Тэнел в один миг очутился рядом с ним, а я подбежал с другого бока, подхватывая его под руки. Он сделал несколько неуверенных шагов, с каждым следующим движением ступая все тверже.

Шприц со стимулятором отвалился от его груди и упал, как только он набрал полные легкие воздуха и ровно и глубоко задышал. У меня появился еще один повод восхититься совершенством его тела. Точно вдруг ожила какая-нибудь скульптура идеальной формы и пропорций. Он оказался выше всех нас на голову, и мышцы двигались все свободнее и раскованнее под его бледной кожей.

— Дайте мне пройти самому. — Он произнес это уже не мысленно, а вслух. В его голосе и тоне оставалась еще некоторая вялость, неуверенность, но нам несложно было понимать его. Мы отпустили его, но встали рядом наготове, если бы вдруг понадобилась наша помощь. Он прошелся взад и вперед, шаги его были теперь достаточно ровные и сбалансированные. Затем он присел на стул передохнуть, приложил обе руки к голове и, сняв с нее нелепую корону, отшвырнул ее подальше, так что та зазвенела, покатившись по полу.

На голове его совсем не было волос, как и у того, что лежал в морозильном коробе на скале. Он несколько раз провел руками по бритому черепу, словно желая удостовериться, что короны на нем больше нет.

— У меня получилось! — В его словах прозвучала гордость. — Получилось, как ты и предполагал, Крип. И если я это смог, они тоже так сделают!

Глава 16

КРИП ВОРЛАНД

— Что за ОНИ? — спросил Фосс.

— Лидж и офицер Патруля. Они там! — Грис повернулся в сторону прозрачной стены, показывая на двух чужаков. — Я видел, как их привели сюда и заставили стать другими. То же произошло до этого и со мной.

— Интересно, зачем им это нужно? — сказал Тэнел. — Если даже нам удалось возродить это тело, почему они не сумели этого сделать? Зачем кого-то ловить, похищать чужие тела?

Грис потер лоб рукой.

— Мне кажется, они слишком дорожат своими телами и не хотят ими рисковать.

— Это их настоящие сокровища! — грубо рассмеялся Фосс. — Они берегут их. Зато тела других используют для черной работы, рискуют ими, зная, что если произойдет несчастье, они в любое время смогут вернуться в ту плоть, которую оставили. Они расчетливы и хладнокровны, жестоки, как хищные ночные дьяволы! Ну да ладно, пойдемте посмотрим, что мы можем сделать для Лиджа и вашего человека.

Бортон перегнулся через спинку стула, пытаясь достать корону, которую отшвырнул Грис.

— Не делайте этого!

Одним прыжком Грис преодолел расстояние, отделявшее его от короны, и с ненавистью пнул ее ногой.

— Это своего рода датчик, при помощи его они узнают, что происходит с телом, — объяснил он свой поступок.

— Но раз ты разбил его, — ткнул я пальцем в расколотую корону, — они могут что-нибудь заподозрить и прийти проверить, все ли в порядке...

— Но это все равно лучше, чем дать им возможность наблюдать за мной, — возразил Грис.

Если это действительно был передатчик, то нас наверняка засекли. Времени было в обрез.

— Надо как можно быстрее освободить остальных, — сказал Бортон.

— Который из них Лидж? — спросил Фосс, направляясь к застывшим мумиям.

— Слева.

Стало быть, тот, что в короне, похожей на птичью голову.

Мы вышли в переднюю. Грис распахнул один из сундуков, словно абсолютно точно зная, что собирается там найти, вытащил оттуда аккуратный сверток и встряхнул его, после чего натянул на свое обнаженное тело тесно облегающий фигуру костюм насыщенного черного цвета, а за ним и остальное обмундирование, включая ботфорты, перчатки, пристегнутые к запястьям, и капюшон, болтавшийся на спине меж лопаток.

Наряд показался нам весьма странным. Мрачный черный цвет создавал ощущение расплывчатости его форм, отчетливо были видны только голова человека и его руки. Вероятно, это был просто оптический обман. Мне показалось, что если Грис наденет перчатки и капюшон, его вообще невозможно станет разглядеть в сумерках.

— Откуда ты узнал, что здесь находится этот костюм? — спросил Бортон, внимательно наблюдая за действиями Гриса.

Грис, застегивавший последний замок своей одежды, остановился, кончиками пальцев продолжая держаться за выступающий шов. По его правильному красивому лицу пробежала тень удивления. Он пожал плечами:

— У меня такое чувство, что я давно знаю, где он лежит, и мне необходимо надеть его.

Наверное, только я один понял, в чем дело. Дало знать о себе явление смены форм — атавизм, сознание прежней личности, покинувшей в результате определенных действий это тело. Интересно, догадывается ли об этом сам Грис, или нам еще не раз придется наблюдать в нем проявления чего-то чужеродного? Должно быть, Тэнел размышлял о чем-то подобном, так как вдруг спросил:

— Что ты знаешь о поведении чужаков?

Удивление Гриса граничило с неловкостью.

— Ничего! Я и подумать не успел, что мне нужна одежда. Только вдруг понял, где можно ее найти. Просто понял — и все!

— Интересно, часто ты теперь будешь «просто понимать»? — задумчиво проговорил Бортон, глядя скорее на Тэнела, нежели на Гриса, будто именно от врача ожидал ответа.

— Мы теряем время! — Фосс уже стоял в дверях. — Нам нужно добраться до Лиджа и Харкона! И успеть выбраться отсюда, пока никто не явился посмотреть, что случилось с Грисом.

— А как насчет моего колпака? — поинтересовался я. Тэнел передал его патрульному. Мне вдруг ужасно захотелось спрятаться, защититься от всего, что произойдет дальше. Патрульный протянул мне колпак, и я со вздохом облегчения натянул его на голову, хотя сразу же вновь ощутил на себе груз непосильной ноши.

Мы пробрались по узкому коридору в следующий зал, где на кушетке полулежал еще один чужак в короне.

Освобождая второго «пленника», я действовал теперь с большей уверенностью, что, в общем, было не очень трудно, потому что Джел Лидж и сам обладал эсперной силой.

Затем мы освободили Харкона. Но я не был уверен, что Бортон очень обрадовался пополнению наших сил. Оба они, отбросив свои короны, тут же стали рваться отомстить тем, кто похитил их тела. Мы не знали, что собой представляют противники, и вовсе не были уверены, что освобожденные смогут с ними вступить врукопашную.

Мы вернулись к двери с изображением кошки. Здесь я немного замешкался, изучая маску-символ. Трое мужчин и одна женщина — кто они? Правители? Священники и жрица? Ученые из других времен и миров? Почему они были оставлены здесь?

Было ли это хранилище вроде наших морозильных камер, и люди, заключенные в нем, пережидали, чтобы явиться в другие времена, опасаясь политических катаклизмов, или их сюда поместили насильно?

И тут мне показалось, что кошачьи глаза-самоцветы засверкали злым светом, самодовольно глядя на нас. Холодное неживое сияние излучало высокомерие, будто то, что стояло за ним, пыталось показать, что мы со всеми нашими знаниями невежественны и достойны одного лишь презрения. Глубоко во мне загорелась искорка гнева. Я отнюдь не недооценивал то, что находилось за этой дверью, и только ждал подходящего момента, чтобы применить свои способности и энергию.

— Теперь куда? — спросил, осматриваясь, Бортон, словно ожидая вспышки сигнального огня.

— Надо отыскать остальных наших людей, — решительно заявил Лидж. — Их захватили в плен и держат где-то неподалеку.

Слово «неподалеку» вовсе не могло помочь сориентироваться в этих подземельях. Наверное, и Фосс понял это, потому что спросил:

— Надо немедленно выяснить, где они.

На сей раз ответил Харкон:

— Не где ОНИ, а где находятся НАШИ тела — это сейчас необходимо узнать. Прежде всего.

— Думаешь, это возможно? — спросил Тэнел.

— Да. Хотя вполне допускаю, что возможны еще превращения...

— С чего это ты взял? — перебил его доктор.

— Не знаю. Просто уверен. Как уверен в том, что тело Харкона находится вон там, — без малейшего колебания он показал на правую стену коридора.

Но поскольку мы были не в состоянии просочиться прямо сквозь твердую каменную породу, воспользоваться его информацией не представлялось возможным. Хода же туда никакого не было.

Харкон глядел на глухую стену, нахмурив брови, и был

так поглощен ее созерцанием, что со стороны могло показаться, будто он видит, как проникнуть сквозь нее, хотя нам она казалась абсолютно монолитной.

Спустя минуту он отрицательно покачал головой:

— Нет, не совсем здесь, немного дальше, — и, подойдя еще ближе к стене, принялся ощупывать поверхность, словно прикосновением пальцев пытался определить, где находятся двери. Харкон был так увлечен изучением камня, что даже мы почувствовали концентрацию его мысли, хотя я и не ожидал от этих поисков особых результатов. Наконец он остановился и резко хлопнул ладонью по камню: — Здесь! Если бы мы только могли отворить их!

— Отойди в сторону! — Словно решив проверить его способности, коммандер нацелил оружие на то место стены, куда указал Харкон, и выстрелил.

Оружие обладало огромной разрушительной силой, увеличенной, вероятно, еще и тем, что мы находились поблизости от цели. Через мгновение в неприступной стене уже зияло черное отверстие. Прежде чем мы успели остановить Харкона, он уже проскочил в него.

Последовав за ним, мы очутились в совершенно новом коридоре, слабо освещенном тусклым светом. Не колеблясь ни минуты, Харкон помчался по нему такими огромными скачками, что мы едва поспевали за ним.

Проход оказался не очень длинным, и вскоре мы попали в галерею, проходившую под самым потолком пирамидальной пещеры, которая была раза в три больше тех, какие мне уже приходилось видеть. С козырька, куда мы выскочили, хорошо было видно все, что творилось внизу. А там расположилось невероятное количество машин и разного оборудования, каких-то устройств, которые распаковывали и вытаскивали из коробок роботы. Детали поднимались наверх подъемными кранами и перегружались на транспортеры, которые, кстати, перемещались вовсе не на колесах.

— Антиграв! — воскликнул Бортон, перегнувшись через край. — Они используют антиграв для передвижения в этих маленьких агрегатах.

Мы знали, что такое антигравы. Но его принцип не мог быть использован в двигателях. Антигравы в основном встраивали в здания, чтобы транспортировать предметы с одного этажа на другой. А здесь транспортеры с тяжелой ношей двигались стройными рядами через дугообразный проход в противоположной стене.

— А где же оператор? — удивился офицер Патруля, который стоял позади Бортона.

— Дистанционное управление, — предположил Фосс.

Оживленная деятельность сама по себе не произвела на нас особого впечатления. Но зато теперь Фосс был почему-то совершенно уверен, что нам нечего бояться. Подумав минуту, он решительно заявил:

— Это запрограммированные роботы.

Запрограммированные роботы! Сложность происходивших на Сехмет процессов с каждым нашим новым открытием становилась все более очевидной. Программные роботы — это не просто роботы-работяги, контролируемые с приборной панели, которых мы немало видели ранее и достаточно широко использовали сами. Эти были намного сложнее, требовали более высокого уровня технического обслуживания, что делало их совершенно непригодными в примитивно развитых мирах. Таких еще не находили на приграничных мирах. И тем не менее они существовали здесь и работали на расстоянии в сотни световых лет от тех цивилизаций, где их производили. Одна только выгрузка их здесь, а затем подготовка к работе была невероятно сложным делом...

— Ну что, двинемся в укрытие джеков? — спросил Фосс.

— Взгляните-ка! — Бортон все еще смотрел вниз. — Это же склад, который чрезвычайно систематизированно опустошается. Только кто же его построил?..

— Предтечи! — ответил Лидж. — Правда, машины были привезены сюда потом.

— Нечто похожее было найдено на Лимбо, — вступил в разговор Бортон. — Но там оборудование было просто позабыто и не вывезено с планеты, а здесь как будто законсервирована целая цивилизация вместе с людьми и машинами. Впрочем, предтечи были не единой цивилизацией и даже не одним каким-то племенем. Спросите закатан, и они приведут вам с десяток примеров, доказывающих, что вселенная — это кладбище затерянных рас и народов, некоторые из которых поднимались на такую высоту, какой нам никогда не достичь. Что касается этих машин, то было бы неплохо заставить их заниматься здесь другой работой.

Охотой за драгоценностями нас не удивить. Подобное мы имели удовольствие наблюдать на Тоте. Да и во всех уголках вселенной время от времени случаются счастливые находки. Закатане, эта древнейшая, необычайно образованная раса рептилий, чьей страстью был сбор знаний, обладали целыми библиотеками, хранящими сведения о забытых, давно канувших в Лету цивилизациях. Они направляли свои археологические экспедиции в далекие миры на поиски сокровищ, к которым причисляли не только содержимое гробниц и припрятанное в заброшенных руинах добро, но и знания, записи тех, кто оставил нам следы прошлых цивилизаций.

Экспедициям людей тоже иногда удавалось совершать подобные открытия. Патрульный упомянул Лимбо — поразительную находку вольных торговцев былых времен.

Драгоценности этой планеты пока не появлялись на космическом рынке, иначе об ее уникальности давно стало бы известно. Ведь слухи о редких находках распространяются невероятно быстро и широко.

— Скорее всего, — размышлял Фосс, зачарованно не отрывая глаз от антигравов, выплывавших из складского помещения, — этот грабеж начали джеки, может быть, даже Гильдия. Но теперь, похоже, кто-то другой пытается завладеть здешним добром.

— Да, пожалуй, — быстро и сухо согласился Лидж. — И вполне возможно, что подлинные его хозяева уже идут по следу джеков. — Он поднял обе руки к своему лысому черепу и потер пальцами кожу. На лбу у него все еще красовалась отметина от тяжелого обруча.

— Ты имеешь в виду... — начал было Бортон.

— А что тут странного? — Лидж повернулся к нему. — Мы же помещаем людей в морозильные камеры на много лет. Я даже не знаю точно, каково было самое длительное замораживание, окончившееся успешным воскрешением. Может быть, и эти проснулись, чтобы начать новую жизнь, как раз с того момента, с какого покинули прежнюю. И, наверное, есть у них собственные планы действий... К тому же у них явно имеются секреты, которые они тщательно оберегают от посторонних. Спроси своего парня, Харкон, как объяснит он то, что случилось с нами троими?

— Но ведь не все, кто здесь хранился, остались живы. По крайней мере, тот, в коробе, наверху в долине, — попытался возразить я и тут же почувствовал неубедительность своих доводов. У Лиджа на сей счет имелись более веские аргументы:

— Возможно, большинство из них и в самом деле умерло, именно поэтому им понадобились тела живых людей. Кто знает! Но — держу пари! Эти трое, что управляют сейчас процессом погрузки, и есть те парни, которые перебрались в нашу плоть.

Харкон подвинулся ближе к краю площадки, рискуя свалиться, и заговорил сиплым сухим голосом:

— Ты можешь остановить их лазером?

Я не совсем понял его замысла, но Бортон сразу же поддержал идею.

— С такого расстояния — сложно... — стал прикидывать он.

— Сложно или нет, но попробовать надо. Дай взглянуть на твой!.. — протянул руку Харкон.

Колебался ли Бортон, прежде чем передать ему ору-

жие? Не знаю. Но если и колебался, я вполне мог его понять, потому что у меня самого где-то в подсознании шевелилась тень подозрения к этим троим. Нелегко привыкнуть к телесным превращениям, даже тому, кто хоть немного знает о тэсса.

Однако Бортон, судя по всему, был склонен доверять пилоту и передал ему свой лазер. Харкон припал спиной к круто поднимавшейся стене и согнулся над тяжелым оружием. Он щелкнул затвором, проверив, насколько хватит заряда, затем, настроив оптический прицел, припал к окуляру, выбирая жертву. Слева от него находился робот, перегружавший металлический контейнер на один из ожидающих рядом транспортеров. Хорошенько прицелившись, Харкон нажал на спуск.

Раздались резкие щелчки, как удары хлыста, сопровождавшие вспышки молнии, которые окружили большую несуразную башку робота. Тот к тому времени как раз обмотал контейнер гибким тросом и приготовился переместить подвешенный груз на платформу, но, так и не осуществив свое намерение, застыл на месте с болтавшейся в воздухе металлической ношей.

— Неплохо вышло! — чуть ли не взвизгнул Бортон. Пилот, не мешкая, прицелился в следующего робота и таким же образом вывел из строя и его.

— Итак, ясно, что мы вполне можем справиться с ними, — сказал Лидж. — Но как нам поступать дальше? — Он немного помолчал, а затем поймал Бортона за руку. — А можно ли будет их потом восстановить?

— Надеюсь, да.

Роботы, которых я знал и которых мы обычно использовали, были непосредственно управляемыми оператором. Вольные торговцы посещали только наиболее отсталые в своем развитии миры, где существовало очень простое в обращении оборудование, если оно вообще применялось. Но я совершенно не знал, как можно перепрограммировать таких сложных роботов. Однако наши знания нельзя сравнивать с опытом и сноровкой

патрульных. В связи с этим я не удивился, что Бортон и Харкон все-таки рассчитывали заставить работать на нас покалеченные машины. Но каким образом?

В этом еще предстояло разобраться. Когда шесть роботов были обезврежены, мы спустились вниз с верхней площадки. Антигравы продолжали тихо и спокойно плыть в заданном направлении, только последние из них были нагружены до половины: их не успели загрузить. Фосс и патрульный офицер развернули свои лазеры в сторону двигательной системы ближайшей машины. Транспортеры рухнул на пол с таким грохотом, что от падения задрожали даже каменные стены. Патрульные подобрали одного из близлежащих роботов. Харкон сразу же принялся ковыряться в его защитном корпусе, прикрывающем «мозги». Меня же больше заинтересовали транспортеры. Это были овальные металлические платформы с невысокими бортиками для удерживания груза на месте. Сила, заставлявшая их двигаться, исходила из небольшого ящичка в торце машины. Принцип движения этого механизма так и остался для меня загадкой.

— К нам что-то приближается! — предостерегающе выкрикнул Грис, и мы все повалились на землю.

Из темноты прохода выкатился пустой транспортер, спешивший за очередной партией груза. Фосс уж было собрался расстрелять машину, но Лидж остановил его.

— Он нам может еще пригодиться, — заявил суперкарго.

Одним прыжком очутившись у транспортера, он ухватился за бортик и запрыгнул в него. Машина даже не замедлила своего движения, уверенно направляясь к коробкам, и остановилась возле неподвижного робота, все еще державшего на весу между крепежными подвесками упаковку с грузом.

Лидж склонился над приборной доской, пытаясь разобраться в системе управления, пока мы вскарабкивались за ним на транспортер. Пустая платформа слегка накло-

нилась, когда мы все запрыгнули на нее, и стало ясно, что надо быть поосторожнее, чтобы не перевернуться.

Лидж рассуждал вслух:

— Или этот транспортер приходит в движение, когда на его борту оказывается необходимое количество груза, или мотор его включается и выключается в определенное время. Если все зависит от времени, это более рискованно, так как мы должны будем либо как-то отключить его, либо позволить ему двигаться. Но если он приходит в движение от определенного веса...

— Тогда мы его используем, — подхватил Фосс.

Я догадался, что они замыслили. Нагрузить коробки по краям транспортера, затем занять места внутри и без всякого риска выехать наружу на этом замечательном средстве передвижения.

Конечно, мы можем попасть прямо в руки врага, но момент неожиданности будет на нашей стороне.

— Время пошло, — объявил Фосс.

Я огляделся вокруг. Из темноты появился второй пустой транспортер и направился не туда, где стояли мы в ожидании неизвестно чего, а на погрузочную площадку, где патрульные вскрывали корпус одного из роботов.

— Берегись!

Патрульные бросились врассыпную, в то время как транспортер лихо развернулся, едва не задев руку робота, все еще державшую на весу немалый груз. Затем платформа остановилась в ожидании погрузки. Парни поднялись и стали изо всех сил дергать короткого и толстого робота, пытаясь оттащить его в более безопасное место, где они смогли бы спокойно ковыряться в нем, не боясь быть сбитыми очередным транспортером.

Лидж продолжал изучать коробку с двигателем. Он, правда, уже не пытался разыскать какую-нибудь кнопку или ручку управления. Фосс приказал нам считать вслух, и мы все яростно отсчитывали секунды и минуты, напряженно ожидая, что транспортер двинется. Однако тот

стоял неподвижно, словно чего-то ожидал. Я услышал, как капитан вздохнул с облегчением.

— Сто! — повторил он вслух. — Если не тронется при счете пять, значит...

По его губам можно было понять, что он считает. Транспортер не шевельнулся.

— Ну и отлично! Значит, он тронется после того, как его загрузят.

Пока мы считали, из прохода с шумом выкатился еще один транспортер. Вместе с испорченными их насчитывалось уже шесть. Сколько же их всего? И как скоро появится кто-нибудь, чтобы взглянуть, почему ни один из транспортеров не возвращается?

Фосс и Лидж подошли к одной из нагруженных платформ, которые мы вывели из строя. В обязанности суперкарго входит осмотр груза, определение на глаз его размеров и веса для правильного размещения на корабле. Лидж был отличным экспертом в этом деле. У меня такого опыта не было, но все же под его руководством и я мог с достаточной точностью определить вес груза, расположенного сейчас на платформе.

Определив на глазок требуемый вес, мы вместе двинулись вдоль наваленных вокруг коробок, отбирая такие, чтобы за ними не было видно пассажиров опасного рейса. Погрузить нужно меньше той нормы, что они везли обычно, потому что к весу коробок прибавится и наш вес.

Отобрав несколько подходящих ящиков, мы принялись закидывать их на платформу. Грузить приходилось вручную, и это было очень трудно еще и потому, что мы выполняем такую работу впервые. Однако в стрессовых ситуациях человек способен на поступки, которые в привычной обстановке кажутся невозможными. Мы расставили отобранные коробки вдоль бортов транспортера, оставив между ними достаточно места. Бортон, осмотрев работу, одобрительно кивнул.

— Давайте-ка заставим одного из мальчиков пора-

ботать, — кивнул он в сторону роботов, — и тогда нам удастся побыстрее завершить дело.

Я не видел, как он перепрограммировал грузчика. Да и времени не было наблюдать, как он с ним возится, — мы занимались погрузкой. Но вот послышалось жужжание заработавшей машины. Робот опустил наконец свою поднятую руку, а вместе с ней и коробку, которую до сих пор держал на весу. Машина развернулась на своих гусеницах и направилась к широкому выходу.

— Пора... — Харкон подошел ко второму роботу, словно собирался использовать и его тоже. Но сразу же схватился за голову. — Время вышло! — воскликнул он. — Если мы собираемся что-то предпринять, то должны сделать это немедленно!

Глава 17

КРИП ВОРЛАНД

Некоторое время нам навстречу не попадалось ни одного транспортера, но Грис, Лидж и Харкон — все повернулись в сторону выхода, будто услышали оттуда чей-то зов.

— Те, кто носят наши тела, чем-то встревожены, — сообщил Харкон Бортону. — Мы должны поторопиться, пока внезапность работает на нас.

Бортон запустил робота, и тот, став нашим проводником, двинулся вперед по направлению к двери. Мы бросились к транспортерам. Они осторожно, бочком отъехали от разгрузочной площадки, постепенно набирая скорость, и я чуть было не закричал от радости — наши расчеты полностью оправдались: как только на платформу был заброшен груз определенного веса, транспортеры тронулись с места.

Но как ни старались, мы не могли поторопить громко шагавшего впереди робота, неспешно продвигавшегося в глубь скалы. Мы не решались подойти к нему вплот-

ную, так как, двинувшись, робот словно ожил. Он стал размахивать длиннющими, на шарнирах, руками, переходящими в хватающие клешни. Еще у него были гибкие щупальца — два сверху и два снизу. И теперь все эти придатки яростно рубили воздух, раздавая хлесткие удары направо и налево. Хотя люди стали зависеть от машин, состоящих у них на службе так давно, что только закатане могут теперь назвать точную цифру этих занесенных пылью времени лет, я все же думаю, что в глубине каждого из нас прочно сидит страх и предчувствие, что в один прекрасный день, при соответствующих обстоятельствах, машины взбунтуются и пойдут против людей, разрушая все на своем пути в безумстве мщения. И не случайно еще много лет назад было обнаружено, что роботы, которым придавали слишком уж человеческий облик, не пользуются большим спросом. Даже слабое сходство с человеком вызывало раздражение и отвращение.

И вот теперь, лежа рядом с Фоссом и Лиджем на платформе и наблюдая за безумными движениями робота, который, казалось, совершенно спятил, я радовался, что наш транспортер катился не сразу вслед за свихнувшейся машиной, а на безопасном расстоянии. Чем дальше я буду находиться от этого металлического монстра, готового повергнуть в прах любого, кто подвернется ему под руку, тем лучше.

— Они уже совсем близко.

Я едва расслышал слова Лиджа сквозь звон железяк робота.

— Как близко? — поинтересовался Фосс.

— Прошу извинить, но я не могу быть точным до метра, — сухо пошутил, как это бывало раньше, Лидж. — Я только знаю, что мое тело недалеко. Мое тело! Скажи, Крип, — повернулся он ко мне, — тебе хоть раз доводилось стоять в сторонке и наблюдать за самим собой там, на Йикторе?

Да, нечто подобное мне пришлось испытать. Правда, разница была невелика. Адаптация к телу животно-

го вызвала у меня невероятное напряжение, я был больше сконцентрирован на размышлениях о своих чувствах, чем на заботах о том, что же произошло с моим телом, которое так срочно пришлось сбросить.

— Да, я видел свое тело со стороны, но совсем недолго, — отозвался я. — Люди Осокана забрали меня — то есть его — и унесли. И с того самого момента мне весьма долгое время пришлось рыскать в шкуре барска.

— По крайней мере, мы этого не испытываем, — заметил Лидж. — Тяжело, конечно, привыкать к новой оболочке, но надо признаться откровенно, она обладает и некоторыми преимуществами над моей собственной. Исчезли многие болячки и недомогания, преследовавшие меня в последнее время. Это вовсе не означает, что я и дальше готов оставаться в арендованной робе. Боюсь, что тут я слишком консервативен.

Я был просто восхищен тем, что мой непосредственный начальник столь оптимистично и спокойно воспринимает ситуацию, способную лишить не только равновесия, но и рассудка менее сдержанного в проявлении своих мыслей и чувств человека.

— Надеюсь, — продолжал Лидж, — тот, кто носит сейчас мое тело, не очень-то склонен к героическим поступкам. Будет большим огорчением для меня, если он вдруг вдребезги разобьет мое тело прежде, чем я успею в него вернуться.

Этими словами он воскресил мои собственные переживания. Я вспомнил Майлин. Ее теперешнее тело уже не способно выжить и недолго протянет, если мы извлечем Майлин из морозильной камеры. И сможет ли она сохраниться в нем до тех пор, пока мы не доставим ее на Йиктор? Я пытался поразмышлять о том, как бы нам завершить это путешествие без особых потерь, а между тем свет впереди становился все ярче.

Бряцая железом, сумасшедший робот ковылял прямо на свет. За роботом шел первый транспортер, следом тащился наш, безо всякого вмешательства и руководства

со стороны. Мы были вооружены и находились под прикрытием бруствера из коробок, выложенных по всему периметру платформы, но теперь наше укрытие уже не казалось таким надежным, как несколько минут назад.

Мы попали в новый зал, в котором находилось множество вещей, перевезенных сюда со склада. Между навалеными коробками и упаковками сновали обычные роботы, сортируя и отправляя груз на лебедке в грузовое отделение корабля. Одного беглого взгляда хватало, чтобы понять, что мы теперь находимся на той же стартовой площадке и видим тот же самый корабль, который я и Майлин обнаружили, выбираясь из подземных лабиринтов. Как же давно все это было! Мы подкреплялись сухим пайком, глотали пилюли, поддерживающие жизненные силы, совершенно потеряв счет времени. С помощью стимуляторов и тонизаторов человек может долго продержаться, не думая, что ему не мешало бы немного отдохнуть.

Транспортеры наши продолжали медленно плыть вперед, а робот стал вести себя совсем вызывающе. Он пер напролом и даже не пытался обходить попадавшиеся ему на пути предметы. С треском разрубая металлическими клешнями воздух, он раздавал тумаки направо и налево. Врезавшись в платформу, ожидавшую погрузки, он смел стоявшие на ней коробки, некоторые из них тут же расплющив своими массивными гусеницами.

Сюрприз удался полностью. Я услышал крики, увидел огонь лазеров. Мощный напор лазерного пламени сделал свое дело. Люди, суетившиеся возле люка корабля, повалились на землю лицом вниз, не в силах сопротивляться, покорившись огню нашего оружия. Мы выпрыгнули из транспортеров, стараясь использовать разбросанные вокруг коробки в качестве прикрытия.

Выхватив танглеры, команда патрульных бросилась к притихшим на земле джекам, а мы помчались дальше, стараясь отыскать среди роботов людей. Наш перепрограммированный робот по-прежнему крушил все на своем пути, пока наконец не добрался до одного из ста-

билизаторов грузового корабля. Там он и остановился, продолжая мрачно жужжать. Вытянутой клешней он поймал болтавшийся конец лебедки и, зацепившись за него, потянул цепь на себя. И прежде чем кто-либо смог что-нибудь предпринять, робот начал карабкаться наверх. Под тяжестью робота цепь сначала натянулась, а потом оборвалась. Упав, робот не перестал двигаться, хотя неудачная атака немного повредила его. Одна из его рук беспомощно болталась вдоль тела, царапая обшивку, а вторая продолжала размахивать с еще большим ожесточением.

Завернув за штабель коробок, я заметил Лиджа, который направлялся в противоположную от робота сторону. Он пригибался на ходу, словно опасаясь выстрелов бластера. И что-то такое промелькнуло в его лице, что заставило меня последовать за ним. Через мгновение к нему присоединился Харкон, выскочивший откуда-то слева. Его черный костюм сразу бросался в глаза на этом открытом, залитом светом пространстве. Затем появилась еще одна темная фигура — это был Грис. Они бежали, странным образом вытянув перед собой руки, и в этом положении напоминали клешни робота, который все еще бессмысленно что-то крушил около корабля. Они не смотрели по сторонам, а глядели только прямо перед собой, будто ясно видели конечную цель своего маршрута.

Наблюдая за ними, я вдруг понял, что во мне поднимается волна прежних страхов. Вполне вероятно, что сейчас вся эта троица находилась под контролем тех, кто похитил у них тела. И было бы лучше для всех нас, если бы я выпустил волну своего лазера, чтобы вывести их из строя. Я стал прицеливаться, но Грис стремглав метнулся вперед и скрылся в пещере, где было пристанище джеков. Благодаря этому неожиданному и резвому прыжку ему удалось увернуться от вспышки зеленоватого луча. Следующая моя очередь полоснула по тому месту, где только что, полусогнувшись, бежал Харкон, но пилота там уже не было. Его реакция оказалась не по-человечески быстрой. У меня создалось впечатление, что предчувствие

опасности помогло ему на какое-то мгновение раньше переместиться в другое, безопасное место. Там же, где лопнул зеленый пузырь волнового заряда, я успел заметить лишь его мгновенно промелькнувшую тень.

Итак, стало совершенно очевидно, что чужаки находятся внутри пещеры. Я не мог состязаться в проворстве с теми троими, которые бежали впереди меня, но все-таки рванул за ними. Никто не мог бы предсказать, чем может закончиться встреча этих троих с чужаками. Вполне возможно, что, столкнувшись с неприятелем лицом к лицу, наши парни превратятся в их руках в марионеток. Если так и случится — что ж, у меня был лазер, и я знал, что с ним делать.

Но как я ни старался, мне не удавалось догнать Гриса, Харкона и Лиджа. Поняв, что это просто невозможно, я сбавил усилия и стал наблюдать за ними через оптический прицел лазера. Груды награбленного в пещере заметно поредели с тех пор, как я в последний раз был здесь, и теперь укрыться за ними было не так-то просто. Но эти трое, похоже, и не собирались прятаться. Напротив, они открыто все вместе вышли вперед. Харкон шел посередине, а его товарищи — по бокам. Я не знал, находятся ли они под контролем. А пока не убедишься, так ли это, лучше к ним не приближаться. Я спрятался в тени у входа в пещеру, ругая себя за собственную нерешительность.

Те, кого искала эта троица, находились в дальнем темном углу пещеры, под нависающим балконом. Здесь однажды я уже попался в ловушку того типа, что ныне носил тело Гриса. Но теперь-то я хорошо знал, что в телах Лиджа, Харкона, Гриса новое содержание. Без всякого сомнения в их облике обитали чужаки. И ОНИ приближались к нашим, настоящим. Там же находились и остальные наши люди — те, с кем я отправился в свое время на разведку, — парни с «Лидиса» и из патрульной команды.

Они выстроились вдоль стены и стояли совершенно неподвижно. На их застывших лицах не отражалось никаких чувств, а в напряженном ожидании чудилось что-

то роботоподобное. Рядом с ними стояли и еще какие-то люди, наверное, сами пираты. Все они держали наготове бластеры, и, видимо, их хозяева-чужаки были абсолютно уверены в покорности и полном повиновении своей столь разнородной команды.

Однако оружие было направлено не на приближавшуюся троицу, которая уже никуда не спешила и замедлила шаг, а затем и совсем остановилась. Под защитным колпаком я смог уловить лишь слабый отголосок развернувшейся борьбы. Было совершенно очевидно, что чужаки прилагают все усилия, чтобы взять под контроль свои прежние тела.

Из всех троих Грис развернулся первым. Выражение его лица сейчас стало столь же тупым и бессмысленным, что и у остальных парней, попавших под влияние чужаков. Затем повернулись Харкон и Лидж. Они так же, как вошли в пещеру, теперь направились к выходу, а за ними двинулась и остальная заторможенная компания.

Видимо, чужаки решили использовать их в качестве прикрытия, чтобы спокойно добраться до нас. Если это так, то они были явно не из тех полководцев, которые сами идут во главе армий.

Некоторое время я выжидал. Следовало воспользоваться лазером со всей возможной осторожностью, хотя в любом случае смерть для лишенных воли была более желательна, нежели жизнь, которую уготовили им эти мерзавцы.

Я взглянул еще раз на идущих впереди троих наших парней и выстрелил поверх их голов.

Фейерверк освобожденной энергии оказал неожиданный эффект. Те, над головами которых полыхнул лазерный луч, вскрикнули, побросали оружие, зашатались и повалились на пол. Трое шедших впереди сделали еще пару шагов, и я уже было подумал, что мне не удалось вырубить их, как они тоже сникли, силы изменили им, и они упали, хотя и упираясь руками в землю, словно искали опору, чтобы подняться.

В то же самое время поток принуждающей силы, который я почувствовал с самого начала, усилился, и я забеспокоился — враги не должны меня обнаружить! Но они с самого начала знали, где я нахожусь, хотя мне казалось, что я неплохо спрятался. Тогда я вышел из укрытия и, переступая через распростертых на земле людей, предстал перед ними.

Теперь их лица не выражали самонадеянности и необычайной уверенности в собственных силах, как это было раньше, — словно бы маски сковывали черты чужаков. Тем не менее их вера в себя и свои силы пробивалась сквозь непроницаемое выражение лиц и была почти осязаемой.

Но я не сдавался, хотя и понимал, как им хочется, чтобы я скис. Видимо, они меня, как и других, желали использовать как оружие против своих же собратьев. Однако вместо этого я шел сейчас прямо на них.

Они настолько полагались на свои эсперные способности, что об оружии вспомнили слишком поздно. Я выстрелил первым, выпустив поверх их голов еще один разряд сокрушительной энергии. Я метился выше их, хотя руки у меня чесались расстрелять их в упор. Но я прекрасно понимал, что последнее допустимо лишь в крайнем случае, поскольку тела эти необходимо сохранить.

Выстрелив еще раз, я с тревогой обнаружил, что расстрелял весь заряд. Правда, оставался еще запасной блок в патронташе, но будет ли у меня достаточно времени, чтобы успеть заменить его...

Никогда бы не подумал, что моя реакция может оказаться столь молниеносной и я буду в состоянии опередить хорошо тренированного противника. Но тут я превзошел самого себя. Почти не задумываясь над тем, что делаю, я громадным прыжком метнулся влево. И все же полностью избежать опасности, подкравшейся сзади, не удалось. Кто-то чуть не схватил меня за плечо, стремительно выбросив вперед руку. Я пошатнулся, едва удержавшись на ногах, и тут увидел, что сзади на четверень-

ках стоит Грис, вновь изготовившись к атаке. Но тут небольшая искорка энергии, что еще теплилась в нем, окончательно затухла, и он вновь распростерся на земле лицом вниз, хотя длинное и чужеродное его тело еще продолжало вздрагивать и извиваться, словно мышцы боролись с волей, а воля, в свою очередь, — с мясом и костями.

Я отступил назад, в угол, чтобы видеть и тех троих у стены, и этих, которыми они пока еще владели. Лежавшие на земле судорожно шевелились, словно из последних сил пытаясь встать на ноги, но никак не могли этого сделать. Насколько я мог заметить, те, что мнили себя здесь хозяевами, стояли в прежних позах и даже не пытались поднять руки с круглыми предметами, которые, как я подозревал, и служили им оружием. Они просто спокойно стояли, вытянув руки по швам.

Затем тот, кто находился в теле Лиджа, неожиданно повалился вперед, ударившись со всего размаха лицом о каменный пол, но не предприняв ни малейшей попытки смягчить падение. За ним последовали двое других. Как только это произошло, конвульсивные телодвижения их рабов мгновенно прекратились. Стало тихо, как на кладбище.

— Ворланд! — Фосс и Бортон выкрикнули мое имя одновременно, отчего голоса их слились в один.

Оглянувшись, я увидел их у входа. Очевидно, им показалось, что я сражаюсь здесь не на жизнь, а на смерть. Бортон склонился над безжизненным телом Харкона. Затем взглянул на тех троих у дальней стены.

— Что ты сделал?

— Применил лазерный шок, — отозвался я, пристегнув к ремню оружие, которое до того не выпускал из рук.

Фосс подошел к Лиджу.

— Мертв? — спросил он, не глядя на меня.

— Нет, он жив, — отозвался я.

Они приблизились к тем троим, что лежали у стены. Осмотрели и перевернули их на спину. Глаза чужаков

были открыты, но все трое были в глубоком обмороке. Словно дух улетучился из них...

Я тоже подошел поближе взглянуть на своих противников. И изумился. Мне показалось, что души действительно покинули их. Неужели лазерный шок мог вызвать новый обмен между телами? Если так (впрочем, и в любом случае), то нам необходимо держать обе троицы под присмотром до тех пор, пока они не придут в сознание. Я немедленно сказал об этом капитану.

— Он прав, — куда более охотно согласился со мной Бортон и, достав танглер, стал опутывать лежавшие тела. Сначала он связал троих у стены, затем — для пущей надежности — и компанию, находившуюся в чужих телах. В довершение всего трем чужакам ввели инъекцию, чтобы они до лучших времен оставались в бессознательном состоянии.

Теперь мы были хозяевами в этих пиратских хоромах, но на всякий случай пришлось выставить дозорных, ведь победу пока еще нельзя было считать окончательной. Вполне могло случиться, что и в корабле, и в подземных переходах нам встретятся новые враги. Да и вся обстановка вокруг заставляла оставаться настороже, прислушиваться к странным звукам, прятаться в тени — короче, вести себя осторожно.

Из надувной палатки, стоявшей в пещере, мы сделали своеобразную тюрьму, сложив туда пленников. С помощью передатчика пиратов Бортон собрал оставшихся людей. Подкрепленные ранее А-рационом и тонизаторами силы начинали иссякать. Но мы даже и пытаться не стали вскрывать свои сухие пайки, а предпочли по очереди вздремнуть и подкрепиться тем, что нашли в лагере.

Было видно, что джеки обосновались здесь надолго. Глубокий след выжженной земли в долине говорил о том, что на этом месте садился и взлетал уже не один корабль. В корабле джеков, который мы захватили с помощью взрывпакетов со снотворным газом, ничего интересного обнаружить не удалось — обычный космический

грузовик, который авантюристы использовали для переправки награбленного с этого мира на рынок сокровищ. Улик, представляющих интерес для патрульных, было явно недостаточно.

Наши пленники не очень-то торопились приходить в себя, а Тэнел весьма неохотно применял лекарственные средства для приведения пациентов в сознание. Мы о них пока слишком мало знали. Но и не торопились выяснять, кто они и что собой представляют. Всего же попалось около двадцати пиратов. А наша команда состояла всего из нескольких человек, включая Хнольда. Единственное, чем мы могли как-то себя обезопасить, — это принять все необходимые меры, чтобы наши враги не смогли воспользоваться своими способностями эсперов.

Тэнел настоял, чтобы троих переселенных в чужую оболочку и их чужеродные тела положили в отдельное помещение палатки, где он проводил теперь долгие часы, наблюдая за ними. Все шестеро нормально дышали, и когда врач подносил к ним индикатор, на приборе высвечивался сигнал, регистрирующий в них жизненную энергию, хотя все жизнедеятельные процессы протекали очень медленно и были сродни тем, какие происходят у человека, подвергнутого глубокому замораживанию. Как вывести их из этого состояния, врач не имел ни малейшего понятия. Через некоторое время он попробовал применить довольно рискованный способ. Сняв с себя защитный колпак, он попытался расшевелить их. Правда, рядом стоял дозорный на тот случай, если вдруг пациенты надумают подчинить его своему влиянию. Тэнел сам хотел добраться до их разума эсперным путем, но опыт не удался.

Как только у нас появилось время расслабиться, я уснул. Не могу сказать, сколько я проспал. Сон мой неожиданно прервал Фосс.

— Тэнел хочет видеть тебя, — коротко бросил он.

Я поднялся. Фосс уже направился к выходу из пещеры, где в темноте ночи едва различался стоявший на приколе корабль.

Однако вовсе не свежесть ночного ветерка, разгуливавшего по пещере, заставила меня зябко поежиться, когда я посмотрел на уходившего капитана. Холодом одиночества повеяло на меня. В своей жизни я знавал одиночество. Наверное, самым ужасным образом проявилось оно на Йикторе, когда до меня вдруг дошло, что я могу никогда больше не вернуться в человеческий образ и буду вынужден до конца жизни оставаться в теле животного. Тогда я буквально впал в бешенство, позволив тому, что осталось во мне от зверя, взять верх над человеком. Я носился по долине, крался по-звериному, убивал... Теперь я просто не могу припомнить всего того, что делал тогда. И все это вызвало одиночество!..

Сейчас же надвигалось одиночество совсем иного свойства. Увидев удаляющегося Фосса, я почти осязаемо почувствовал стену, отделявшую нас друг от друга. Возводилась ли она с моей стороны? Возможно... Правда, оглядываясь назад, я чувствовал, что все делал правильно и, окажись я снова перед тем же выбором, я не поступил бы иначе. Да, я больше не принадлежал «Лидису».

Конечно, я и дальше мог бы на нем путешествовать и выполнять свои обязанности так же хорошо, как делал это год назад, а может, даже и лучше. Но теперь я уже не мог сказать, что «Лидис» является моим единственным домом, пристанищем вольного торговца.

Что же случилось? Я настолько растерялся, словно опять бегал на четырех лапах по равнинам Йиктора. И если я больше не был Крипом Ворландом, урожденным вольным торговцем, кому не нужно было в жизни ничего, кроме койки на «Лидисе», тогда кем же я был вообще? Не Макведом же — конечно, нет! Если бы я мог выбирать между принадлежностью к тэсса или к членству экипажа корабля, конечно же, я бы выбрал второе.

Я был совсем один!.. Но я постарался взять себя в руки, встряхнуться, отогнать прочь мрачные размышления и поспешил к Тэнелу, надеясь, что его поручения хотя бы на время отвлекут меня от тягостных мыслей.

Врач ожидал меня во внутренней секции палатки, где продолжали лежать без движения шесть тел. Выглядели они точно так же, как тогда, когда я помогал втаскивать их сюда. У Тэнела был страшно утомленный вид.

К моему удивлению, в палатке он был не один. Рядом с ним стоял Лукас, еще не так давно связанный гибким тросом. Лукас и заговорил первым.

— Крип, ты единственный среди нас, кто переходил из одного тела в другое. Тэсса делают это регулярно. Разве не так? — спросил он.

— Я ничего не слышал о регулярности таких превращений, — возразил я. — Но любой, кто хочет попробовать стать Поющим Луне, действительно делает это. Однако число Поющих ограничено. Они разбросаны и не знакомы друг с другом. Так что они даже сами не знают, сколько их. У них тоже бывают свои промахи и неудачи, — рассказывал я, а сам думал: мое теперешнее тело тому доказательство.

— Нас волнует другое. Знаешь ли ты, как они это делают? — перешел к сути дела Тэнел. — Тебе самому удалось это пережить. К тому же ты был свидетелем превращения Майлин. Они что — используют какие-то машины, лекарство, какой-то особый гипноз? Что происходит при этом?

— Они поют, — сказал я то, что знал.

— ПОЮТ?

— Да, по крайней мере, они сами это так называют. И самое хорошее пение получается тогда, когда луну Йиктора опоясывают три кольца — явление, повторяющееся не очень-то часто. Можно, конечно, подобные превращения делать и в другое время, но тогда требуются совместные усилия нескольких Поющих. Когда Майлин перебиралась в тело Ворсы, кольца уже исчезали, поэтому совершали этот обряд несколько Поющих...

— Майлин была Поющей Луне. Она и сейчас Поющая, — задумчиво проговорил Лукас.

— Ее способности были значительно уменьшены, когда Старейшие отправили ее в изгнание, — напомнил я.

— Это все, что ты знаешь? — спросил Тэнел.

— Да, — пожал я плечами.

— Как бы там ни было, но факт остается фактом — налицо замена тел, до этого известная лишь на Йикторе. Вполне естественно, что нам лучше погрузить этих, — он показал на спящих, — на корабль и отправить туда, но вполне возможно, что ваши тэсса могут отказаться провести обмен телами. А вот Майлин сейчас здесь, и если она знает, что можно сделать для них...

Тэнел осекся. Наверное, он увидел выражение моего лица и понял, как я удивлен его предложением.

— Она вовсе не животное! — воскликнул я. Но разве мог я заставить его понять это? Человека, который ни разу не видел Майлин, Поющую Луне, в ее настоящем обличmt, а знал ее только в облике маленького мохнатого существа, с которым я делил каюту. Для него она была всего лишь зверьком, которого можно пожалеть, но не считаться с ним, как с любым, кто носит человеческую оболочку.

— Я ничего такого не сказал, — стал успокаивать меня Тэнел, однако не мог больше растопить мою настороженность. — Я просто подумал, что на этой планете у нас есть существо, которое мы могли бы подключить к нашим проблемам и попытаться справиться с ними непосредственно здесь, а не в другом конце галактики.

Однако нарочитая его рассудительность только подлила масла в огонь, и я выпалил:

— Вы вытащите ее из морозильной камеры, и она умрет! Ты, — я повернулся к Тэнелу, — видел, в каком она состоянии! Ты сам помещал ее в морозильный отсек. Сколько она протянет, если ты оживишь ее теперь?

— Существуют новые технологии... — Он говорил спокойно и тихо. Я же, наоборот, взволнованно и громко. — Мне кажется, я могу предотвратить любые физические изменения, освободив только ее мозг.

— Тебе «кажется»... — ухватился я за характерное для

него словечко. — Но ты не можешь быть до конца уверенным, не так ли? — настаивал я, и он, будучи человеком достаточно честным и откровенным, подтвердил мою правоту кивком головы.

— Тогда я запрещаю делать это. У нее должен оставаться шанс.

— Но каким же образом ты собираешься ей его предоставить? На Йикторе? Что они смогут там для нее сделать, даже если тебе и удастся доставить ее туда? У них ведь нет запасных тел?

Глава 18

МАЙЛИН

А ведь и правда, иногда мы можем вспомнить — хотя воспоминания эти будут прозрачны, словно легкий утренний туман — о том образе жизни, который богаче и разнообразнее нашего и в который нас могут завести мечты или желание укрыться от реальности. Где же я бродила все время с тех пор, как душа моя покинула разбитое тело? Нельзя сказать, что мною полностью завладела пустота небытия того глубокого сна, в котором я теперь пребывала. Нет, я что-то делала, вглядывалась в какие-то странные видения, и только потом ко мне вернулась боль. И это являлось признаком жизни. А вслед за ним пришло осознание, что необходимо что-то предпринять, как-то действовать. Хотя я и не могла понять, какой деятельности требует душа.

Очнувшись, я больше не хотела смотреть на окружающее теми глазами, что и раньше. Возможно, они утратили зрение. Скорее всего, это Крип попросил меня очнуться, его мысль пробудила меня ото сна. Я знала, что сделал он это по крайней нужде, отозвавшейся во мне этим самым оживляющим чувством долга.

Как мы всегда привязаны к уплате долгов! Особенно когда хотим, чтобы чаши Весов Моластера не перевешивали одна другую!

Услыхав зов Крипа, я почувствовала такую боль в теле, что на несколько мгновений лишилась способности отвечать. Я прервала контакт, чтобы употребить всю свою силу на разрыв связей между моим мозгом и телом. Я сделала это так быстро, что боль сразу уменьшилась до вполне терпимого уровня и стала казаться далекой, словно утихающие вдали завывания ветра.

Отгородившись таким образом, я мысленно обратилась к Крипу с вопросом:

«В чем дело?»

Ответ был краток:

«Замена тел...»

Я не совсем поняла его. «Замена тел?..» На меня нахлынули воспоминания. Замена тел! Я ведь находилась в совершенно разбитом и изуродованном теле, у которого не могло быть никакого будущего. Новое тело?.. Как долго я пролежала в этом месте? Хотя время — всегда относительное понятие. Неужели я уже на Йикторе и новое тело ждет меня? Неужели уже прошло столько времени в том реальном мире, сколько и здесь? Тогда получается, что я больше не связана с миром Крипа так тесно, хотя мне кажется, что я успела неплохо его изучить.

«Замена тела у кого?»

«Майлин!» — его мысленное послание усилилось, словно он пытался разбудить спящего тревожным своим криком, как это делает горнист на городской стене, предупреждая об опасности.

«Я здесь... — Мне показалось, что он не расслышал меня. — Что тебе нужно?»

«Вот что...»

Теперь мысли его прояснились, и он рассказал мне обо всем, что произошло на «Лидисе» с членами экипажа и чужаками в их телах.

Часть рассказа была мне внове. По мере того как в моем мозгу оживали его мысленные картинки, собственные воспоминания становились все отчетливее, выплывая из

густого тумана, в плену которого я находилась в последнее время.

Обмен телами для этих троих в человеческом облике и троих чужаков... Но ведь чужаков было четверо! Я видела совершенно отчетливо, как она резко поднялась и прекрасные волосы рассыпались по ее плечам. У нее на голове была... НЕТ!

Мой мысленный контакт инстинктивно прервался. В ее короне заключалась опасность, все еще сохранилась опасность! Она оставалась там, и она ждала. Продолжала ждать. Она не могла завладеть телом кого-нибудь из наших и высосать из него жизненную силу, потому что все они — мужчины, а для того, чтобы совершить переход, ей требовался кто-то одного с ней пола. Вот в чем все дело! Она узнала меня. Теперь я это ясно вспомнила. Но пока я сопротивлялась, она не могла подчинить меня себе и вынудить перейти в ее тело. То есть заставить обменяться телами? Нет, я не то говорю. Ее желание было совсем другим — я успела это почувствовать, когда была там: ей требовалась моя жизненная энергия, а не тело.

«Майлин? — Крип понял, что я думаю о той женщине, хотя, возможно, и не знал, почему я это делаю. — Майлин, ты меня слышишь, Майлин?»

В его призыве теперь зазвучал страх.

«Я здесь. Чего ты хочешь?»

«Ты меняла тела для меня. Можешь ли ты сказать, как нам поменять тела этих?»

«А разве я до сих пор Поющая Луне? — горько усмехнулась я. — И разве сияет над нами сейчас Сотра, опоясанная Тремя Кольцами? И разве сейчас мои звериные губы и горло смогут пропеть Великие Песни? Я ничем не могу помочь тебе, Крип Ворланд. Те, к кому тебе нужно обращаться, высоко в горах на Йикторе».

«Это значит, нам никогда до них не добраться. Но послушай, Майлин», — начал он торопливо объяснять всю важность происходившего и, как обычно бывает, когда спешишь, стал сбиваться с мысли. Но я уловила, что он

хотел сказать. Или просто предчувствовала заранее, чего от меня ждут.

«Если ты хочешь сказать, что тело, в котором я сейчас нахожусь, не может быть мною больше использовано, то я об этом уже и сама догадалась. Хотел ли ты спросить меня еще о чем-нибудь?»

«Она — эта женщина в короне с кошками — и есть тело!»

И вновь я собрала все свои силы, чтобы проверить, не скрывается ли за словами Крипа ее коварная подсказка? Не один ли это из способов ее нападения? Она могла использовать Крипа, чтобы продолжать соблазнять меня. Ведь и в самом деле правда, что живые существа, поставь их перед выбором «жить или умереть», предпочтут «жить». Я думаю, что все, с кем она имела дело раньше, обладали меньшими способностями и энергией, поэтому она и становилась с каждым разом все самоувереннее.

Но я не смогла найти в мозгу Крипа следов ее присутствия. В нем не было ничего иного, кроме участия и искреннего огорчения, что утрачен тот образ Майлин, который вынес он, впервые увидев меня на Йикторе, когда я сама еще была уверена в СЕБЕ и СВОИХ способностях. Поняв, что Крипом не владеет навязанная кем-то идея, я начала размышлять над его словами. Я могла отдаться во власть тумана и тьмы, освободиться от пут, связывающих меня с этим телом, которое нельзя уже было восстановить, несмотря ни на какие научные достижения. Мы, дети Моластера, не боимся ступить на Белую Дорогу, прекрасно понимая, что эта реальная жизнь — всего лишь первый неуверенный шаг на долгом пути к чудесам, о которых здесь и сейчас мы просто не подозреваем.

Однако правда и то, что мы всегда точно знаем, когда наступает момент освобождения. Я же пока не получила такого сигнала. Вместо этого я ощущала себя частью какой-то незавершенной структуры, о которой имела пока очень смутное представление. И если я решу сейчас выйти из нынешней боли или собственной робости, это

будет не совсем правильно. Мое время еще не пришло. Но и дольше находиться в этом теле тоже нельзя. Оставалось одно: использовать тело той, что продолжала ждать. За него мне придется бороться. Это будет честная борьба — моя сила против ее силы, — самая справедливая война, в какую, по всей вероятности, она когда-либо вступала.

Если бы сейчас рядом со мной оказался кто-то из Старейших, мои опасения сразу же исчезли бы. Но это была только моя борьба, поэтому даже если бы целый ряд их стоял за моей спиной, я не попросила бы их о помощи. Но где же мой жезл? Кто будет петь? Допустим, я войду в тело ждущей меня чужачки и обнаружу себя в нем полностью беспомощной.

«Майлин!» — попробовал еще раз позвать меня Крип, словно пытаясь хотя бы докричаться до меня.

«Перенеси меня к этой женщине, но не пытайся больше входить со мной в контакт, пока мы не прибудем туда. Мне нужно сохранять силы», — ответила я ему.

Петь? Я не могла петь! Мы находились сейчас не под Луной Трех Колец, под которыми силы мои многократно увеличились бы. И со мной не было никого из тэсса. Никого? А Крип? Но он был тэсса только снаружи. И все же... Я стала обдумывать этот вариант так, словно все касалось вовсе не меня, а кого-то другого, к кому я не имею ни малейшего отношения и с кем не связана никакими чувствами.

Обмен телами должен происходить при слиянии энергий. Раз уж я решилась противопоставить себя чужачке, то должна все взять на себя. Но чтобы заставить ее принять бой, мне необходимо было по всем правилам привлечь на свою сторону союзника. Там когда-то лежал мертвый человек, вернее, казалось, что он мертв. Человек этот передавал сигналы, которые держали команду «Лидиса» и патрульных под контролем. Он, а точнее, его воля использовала не традиционные для тэсса биологические источники, а механическое устройство. Но разве то, чем пользуется один, не может быть применено другим?

Многие века тэсса остерегались прибегать к помощи машин. Точно так же, как в свое время они приняли решение уйти из городов, отказаться от собственности. Я совсем не разбиралась в машинах. Тем не менее только ограниченный человек в критической ситуации может отказаться от помощи полезного изобретения лишь потому, что ему незнаком принцип его действия. Да, мы, тэсса, находимся в стороне от общего потока жизни, в котором плывут обычные люди, включая звездных путешественников, но все-таки не стоим на месте. Мы знаем, что прогресс — дело великое. Просто мы от него в стороне.

Итак, взять машину в помощники. К тому же машина «Лидиса» или Патруля всегда будет на моей стороне, а не на стороне той, кто наблюдает за мной и ждет. Поможет мне и то, что она не знает, как я выгляжу. Она чувствует мой дух, но тело мое ей неизвестно. Нужно немедленно предстать перед ней. Неожиданность — мой конек. Да, но если она почувствует, что мой мозг поддается внушению, смогу ли я вывести ее из равновесия, взять инициативу, атаковать?

Обдумав действия, я снова обратилась к Крипу и посвятила наконец его в свой замысел. Идея машины ему понравилась, а я вновь погрузилась в спасительное молчание. Я стала ждать, накапливая внутреннюю энергию, какую только была в состоянии собрать. Необходимо было приготовить себя к новой технологии, открываясь силам, которые отдаст мне машина. Правда, за моей спиной будет Крип, а на него-то я всегда могу положиться.

Таким образом, хотя я на время оборвала контакт с Крипом, до моего сознания дошел мысленный сигнал, но не открытый и четкий, а скорее коварный и упрямый, словно барск, рыскающий в поисках добычи вызывал переполох в душах будущих жертв.

Мне захотелось выяснить, кто скрывается, кто послал сигнал, но, боясь лишиться эффекта внезапности, я прекратила всякие действия. Интересно, подумала я, насколько хорошо знает она свое дело? Может, я перед ней

сразу же спасую, как ребенок перед нашими Старейшими? Что покажет первое столкновение? Оставалось ждать встречи и надеяться на то, что машина мне поможет.

Хотя вокруг ничего не менялось, я чувствовала, как неуклонно увеличивается давление постороннего темного разума, и догадывалась, что подбираюсь к самому ее логову. Очень трудно ограждать свой мозг от чужих мыслей на двух уровнях. Но, позволяя захватчице коснуться моего открытого вовне мозга, я должна допускать такое внедрение с предельной осторожностью. Пусть моя противница поверит, что успешно проникла в меня. Пусть ей покажется, что за силами, которые я ввела в сражение, не скрыты свежие резервы, готовые к контратаке.

В этот день, или ночь, я, наверное, достигла высот своих возможностей, о которых не могла подозревать, даже когда была Поющей Луне. Но я все еще не до конца осознавала силы своего искусства. Я была всецело поглощена тем, чтобы удержать хрупкое равновесие и усыпить бдительность врага, вместе с тем будучи готовой немедленно действовать.

Осторожное вторжение в мой мозг внезапно прекратилось. И хотя у меня сейчас работало только мысленное зрение, я увидела ее! Она предстала передо мной во всех подробностях — и точно такая, какой ее описал мне Крип и какой все это время виделась она мне самой.

Но если образ ее, впервые всплыв в моем сне, был слегка затуманен, так как он передавался через ощущения Крипа, то теперь я увидела эту женщину чрезвычайно контрастно и рельефно, словно камни Долины Йолор, лежавшие под безжалостным сиянием зимней Луны Йиктора. Сейчас она не лежала на кушетке, как в описаниях Крипа, а скорее сидела на ней. Копна темных волос, откинутых назад, прикрывала тело, голова была немного приподнята и устремлена вперед, будто моя противница желала встретиться со мной лицом к лицу, а извивавшиеся кошачьи головы ее диадемы, прекратив свою бешеную пляску, взвились прямо на своих

тонких нитях, и глаза их тоже устремились на меня. Они следили за мной и выжидали...

Диадема! У меня был когда-то жезл, помогавший концентрировать энергию, когда я пела свои заклинания. Даже Старейшие используют посохи, помогающие им фокусировать и удерживать энергию, над которой они осуществляют контроль. Ее диадема служила той же цели.

Вероятно, я совершила ошибку, узнав ритуальный предмет. Она почувствовала это сразу же, и глаза ее сузились. На лице больше не играла улыбка. По нитям с кошачьими головами пробежала легкая рябь, словно злаковое поле тронул слабый ветерок.

«Майлин — приготовься!» — Крип прорвался сквозь мысленный щит, и на этот раз я не попыталась заслониться от него.

Я увидела, что кошачьи головы задергались, повернулись и вновь пустились в неистовую пляску. Но я отвернулась от них, чтобы последовать за ведущей меня мыслью Крипа.

Каким-то чудом, ниспосланным мне Моластером, я смогла прочесть его указания. Хотя, впрочем, просто «увидела» перед собой машину. Ее форма и устройство меня совершенно не интересовали — важно было только то, что она могла послужить моей собственной диадемой. Но с ней меня должен был связать Крип, ибо это скорее его наследство, нежели мое.

Соединить и удержать — понял ли он? Должен понять! Ведь образ машины очень четко отпечатался в моем мозгу, и я решилась, я направила на противницу всю свою энергию.

Ужас, безумный ужас охватил ее!

Как ни пыталась чужачка увернуться, мои воля и решимость мощным потоком обрушились на нее. Правда, пока я еще не могла сказать с уверенностью, что окончательно достигла цели. Женщина затихла, стоя совершенно неподвижно, и только диадема не позволяла ей полностью подчиниться моей воле.

А в это время между мной и моим мысленным представлением о собственной телесной оболочке в диком танце кружили кошачьи головы. Я больше не могла смотреть сквозь них и сконцентрироваться на оболочке. Страшная боль снова принялась терзать мое тело. Сил моих не хватало увертываться от заклинаний, которые бросали в меня кошачьи головы. Я больше не могла сосредоточиться на усилителе...

Вдруг я почувствовала прилив сил — Крип! Он не подпевал мне — ведь он не был настоящим тэсса, — но он поддерживал мою связь с усилителем — небольшую, но все же достаточно прочную. И я была рада, что таковая у меня появилась.

Моей противнице удалось немного сдвинуть меня с завоеванной позиции, но по сравнению с тем, с чего пришлось начинать, я продвинулась весьма значительно. Не смотреть на кошек! Усилитель, пустить в дело усилитель! Наполнить его потоком воли! Наполнить!.. Искаженный образ перед глазами — какой-то проблеск физической способности видеть. Стереть его! Смотреть только внутрь, а не на окружающее — вся борьба проходила внутри! Я уже знала, что приближался ее конец, но все же чувствовала какую-то растерянность. Еще раз — усилитель! Собрать все свои силы и — огонь!

Я прорвала какую-то невидимую преграду, но все еще не позволяла победному чувству вырваться наружу. Успех в одном-единственном деле вовсе не означал окончательной победы. Что меня ожидало дальше? И вот наступила моя очередь содрогнуться от ужаса. Я считала, что сражаюсь за личность, вполне определенную личность, которой являюсь сама я — Майлин из рода тэсса. Но это оказалось лишь моим желанием, страстным желанием и неясной потребностью господствовать, что, вполне вероятно, досталось мне в наследство от прежней хозяйки оболочки, в которую я теперь переселилась. А машина, брошенная своим прежним владельцем, осталась «жить» во мгле веков. Внутри же того тела, что но-

сило диадему с кошками, не оставалось ничего, кроме крох прежней боли и желаний. И когда я прорвалась сквозь оболочку этого тела, я обнаружила пустоту, которую никак не ожидала там встретить. Я поплыла в пространстве, осваивая ее и пытаясь перебороть последние следы той, другой.

Эти остатки прежней жизни, словно засевшая в теле робота старая программа, вовсе не собирались исчезать. Возможно, управляя столь долгие годы этим телом, они превратились в самостоятельные частицы, существовавшие как бы отдельно, квазижизнью, и теперь со всей яростью набросились на меня.

Это были кошки. Кошки!.. Внезапно я увидела их узкие головы, сверкающие злобой зрачки. Они сбились в комок над моей головой, и некоторое время только они и стояли перед взором, извиваясь в безумном танце. Кошки!.. Именно они были тем ядром, которое руководило телом и направляло его.

Но несмотря на все их попытки отгородить меня от внешнего мира, я стала видеть, я стала прорываться сквозь туман незрячести. И это было уже не мысленное зрение, а настоящее. Очертания предметов, хотя мне и трудно было на них сосредоточиться, проступали все отчетливее. Я поняла, что смотрю на мир вовсе не теми глазами, что когда-то подарила мне Ворса. Я находилась в новом теле, и наконец ясно осознала, что это было за тело!

И оказываемое на меня давление, и враждебные волны, прокатывающиеся по всему телу, — все это исходило от кошек! Я находилась в теле, у которого имелись ноги, руки и в котором я сосредоточила всю свою волю, но одновременно со мной яростно боролась та, вторая половина, существовавшая во мне. Она не позволяла мне почувствовать, что я на самом деле двигаюсь, убеждая, что это просто мое горячее желание.

Но все-таки я заставила руки подняться к своей голове, сорвать с нее кошачью диадему и с силой отшвырнуть ее в сторону...

Кошачьи головы разом исчезли. Мое зрение тут же прояснилось. Я знала, чувствовала, что у меня есть тело, что я живая, дышу и боль отступила. Но самое главное — присутствие чужой воли и следы прошлой жизни исчезли, словно отлетели прочь вместе с короной.

И я увидела стоявших передо мной капитана Фосса, незнакомца в форме Патруля, а на полу — еще нескольких человек, опутанных веревками танглера: Лиджа, Гриса, пилота Патруля. Рядом с ними неподвижно лежали тела чужаков.

Крип подошел ко мне, взял за руки, посмотрел прямо в мои новые глаза. То, что он в них прочел, было, наверное, правдой, потому что лицо его озарилось. Я никогда раньше не видела у него такого выражения.

— Тебе это удалось, Майлин! Поющая Луне, тебе это удалось!

— Да, наверное... — Я услышала свой новый голос, слегка охрипший и какой-то странный. Опустив глаза, я взглянула на новую оболочку своей души. О, это было замечательное тело! Очень хорошо сложенное, хотя копна темных волос совсем не походила на волосы тэсса.

Крип все еще держал мои руки в своих, словно опасаясь, что если он отпустит их, я снова ускользну в небытие. К нам подошел капитан Фосс и стал разглядывать меня с таким же напряженным вниманием, что и Крип поначалу.

— Майлин? — Он произнес мое имя так, будто никак не мог поверить в произошедшее.

— Какие вам еще нужны доказательства, капитан? — Душа моя взмыла ввысь. Подобного ощущения я не испытывала с тех пор, как оказалась в шкуре животного на Йикторе.

Однако один из патрульных тут же остудил мою радость.

— Ну и что из этого? — сказал он даже несколько пренебрежительно. — Сумеешь ли ты сделать то же самое для этих троих? — и показал на связанных.

— Не сейчас, — оборвал его Крип. — Она только что выиграла жестокую битву. Обождите...

— Дайте мне хоть немного времени освоиться с новым телом, — попросила я.

Я отключила физические ощущения, как делала это раньше, будучи Поющей Луне, и отправилась бродить внутри себя. Это было похоже на исследование пустых комнат давно заброшенной крепости. То, что жило в этой крепости, занимало сравнительно мало места. В путешествии своем я уходила все дальше и постепенно начинала понимать, что в моих руках теперь находятся совершенно новые инструменты, среди которых есть и совсем пока незнакомые мне. С ними у меня еще будет время познакомиться, а сейчас мне хотелось узнать лишь одно — как я, Майлин, могу воспользоваться этим телом.

«Майлин!»

Громкий зов вернул меня в реальность. Я еще раз почувствовала теплоту руки Крипа, услышала его голос.

— Я здесь, — откликнулась я, полностью взяв под контроль свое новое тело. Поначалу движения его были неуверенными, будто долгое время им никто толком не управлял. Но с помощью Крипа, сначала нетвердо, а потом все увереннее, я стала двигаться. Мы подошли к связанным по рукам и ногам телам чужаков, лежавшим рядом с терранцами. Плоть их была прозрачна для моего нового зрения. Я знала, что в действительности представляет собой каждый из них.

Как и женщина, в которую я сейчас превратилась, чужаки обитали не в своих телах. И вообще, в эти тела не вселялась личность. Они были оболочкой, начиненной движущей силой. Это было очень странно — клянусь Словом Моластера, — очень странно! Я не могла себе представить, кто же на самом деле обитал в телах чужаков. Даже наши Старейшие едва ли могли бы определить это. Но что бы они собой ни представляли, кем бы они ни были, мастерству их приходилось только удивляться. Это было верхом совершенства — подчинить се-

бе людей, используя лишь слабые отголоски своей реальной силы.

Тем не менее мне не составило особого труда прорваться сквозь их оболочку и выгнать чужаков из тел, которые они занимали. Крип был рядом со мной, и я подключалась к его энергетическим ресурсам. Как только чужаки оказались изгнанными из человеческих тел, вернуть плоть своему истинному хозяину было уже несложно. Тела терранцев зашевелились, они открыли глаза и очнулись как ни в чем не бывало. Я повернулась к капитану Фоссу.

— Эти трое носили короны, их надо найти и уничтожить. Я не знаю, каким образом, но в коронах сосредоточена злая сила.

— Ах так! — Крип отпустил мою руку и отошел к противоположной стене комнаты. Он наступил там на какой-то предмет, лежавший в углу, а затем стал топтать его своими космическими сапогами на магнитной подошве.

В моем мозгу отозвались далекие приглушенные стенания, будто какие-то живые существа оплакивали свою кончину. Я содрогнулась, но не стала останавливать Крипа в его яростном порыве разорвать последние узы, связывающие меня, тело, которое я теперь носила, и злую волю чужака.

Новое тело было просто великолепным, я это сразу поняла. Во внешних покоях я нашла кое-какую одежду, несколько, правда, отличавшуюся от той, к какой я привыкла, когда была тэсса: короткая туника с широким, усыпанным драгоценными каменьями ремнем и обувь, подходившая к любой ноге.

Для моих новых волос, тяжелых и длинных, у меня не было ни булавок, ни заколок, чтобы уложить их так, как носили тэсса, поэтому я их просто заплела в косы.

Мне было интересно знать, кем же все-таки была та прекрасно сохранившаяся женщина-красавица? Несомненно, я стала наследницей тела непростой женщины.

Королева, принцесса, а возможно, и сам дьявол сидели в ней. Но кем бы она ни была, теперь ее уже нет, и это навсегда. Честно говоря, хотелось верить, что на самом деле она вовсе не походила на тень, с которой мне еще совсем недавно пришлось бороться.

Те покои, в которых находились эта женщина и трое мужчин-чужаков, представляли собой, по-видимому, огромную сокровищницу. Такие клады наверняка еще не раз будут находить грабители или исследователи. Нам же просто повезло. Мы напали на контрабандную операцию джеков (так ловко перехваченную чужаками). А так как действия мародеров были признаны незаконными, экипажу «Лидиса» достались все права на разработку подземелья. А это значило, что каждый член экипажа становился хозяином своей судьбы, человеком достаточно богатым, чтобы распоряжаться дальнейшей своей жизнью по собственному усмотрению.

— Ты не раз говорил мне, — сказала я Крипу в той самой комнате, где раньше обитала женщина, в теле которой я сейчас жила, и куда мы пришли, чтобы забрать ее вещи, — что сокровища могут быть разными. А для тебя настоящее сокровище — собственный корабль. Ты до сих пор так считаешь?

Крип сидел на одном из сундуков. Я нашла отрез зелено-голубого материала с золотым рисунком в виде кошачьих голов. Никогда раньше не видела ничего подобного. Теперь эти головы не вызывали у меня никакой тревоги.

— А что является сокровищем для тебя, Майлин? — спросил меня Крип. — Вот это? — показал он вокруг.

— Тут много красивого, радующего глаз, приятного на ощупь... — Я смяла ткань и снова расправила ее. — Но это нельзя назвать сокровищем. Сокровище — мечта, которую каждый стремится достичь с помощью Моластера. Йиктор теперь очень далеко. О чем я могла мечтать на Йикторе?.. — Тут я задумалась. О чем же я мечтала на Йикторе? Мне не пришлось долго рыться в памяти. Мои

малыши. Наверное, я не имела права больше называть их «моими», после того как отпустила на волю всех зверей. Но я была сейчас так далеко от Йиктора! И не только потому, что расстояние до него было огромным. В душе моей не было места для той жизни, которой я жила раньше. Конечно, когда-нибудь мне захочется вернуться. Да. Мне хотелось увидеть Три Кольца Сотры, сверкающих на ночном небе, побродить среди тэсса, но не сейчас.

— Ты все еще мечтаешь о корабле с животными? Унестись подальше к звездам со своим маленьким народом и показывать другим мирам, какими тесными могут быть связи между человеком и животными, — сказал Крип. И это действительно было моим тайным желанием. — Когда-то я говорил тебе, что невозможно раздобыть такие сокровища, на которые можно было бы приобрести корабль. Я оказался не прав. Вот они! Их тут больше чем достаточно!

— Тем не менее я не могу купить корабль и полететь к звездам одна. — Я повернулась и посмотрела ему прямо в лицо. — Ты говорил, что твоя МЕЧТА — тоже корабль. Сейчас она может осуществиться...

Он был тэсса, и в то же время не совсем тэсса. Когда я смотрела на его лицо, я всегда могла увидеть за чертами лица Макведа тень молодого человека с темной кожей, черными волосами — юношу, которого я впервые увидела на Большой Ярмарке в Йрджаре.

— Ты не хочешь возвращаться на Йиктор? — И вновь он не задал мне главного вопроса.

— Не сейчас. Йиктор так далеко отсюда.

Я не знаю, что он прочел в моем голосе такого, но он поднялся, подошел вплотную и притянул меня к себе.

— Майлин, я стал совсем не таким, каким был раньше, и с удивлением обнаружил, что являюсь изгнанником среди себе подобных. Я не сразу в это поверил, но все, что произошло здесь, на Сехмет, явилось лучшим тому подтверждением. Только одно существо на све-

те способно теперь претендовать на мою безграничную преданность...

— Два изгнанника могут начать совместную жизнь, Крип. А звезды... Наш корабль отыщет нашу звезду, и, я думаю, наши мечты, слившись в одну, вместе продолжат путь...

Вместо слов Крип крепко обнял меня, и мне это понравилось. Я поняла, что больше мы с ним не будем бродить по мирозданию врозь. Наши судьбы слились. И я благодарила Моластера всем сердцем за ЕГО великую доброту.

Глава 19

КРИП ВОРЛАНД

Когда я взглянул на нее, подошедшую ко мне, всегда безоглядно верившую мне (даже тогда, когда я позвал ее туда, где, возможно, ее ждала мучительная смерть, ведь я и сам считал, что шансов выжить у нее мало), я понял — это судьба! Мы нашли друг друга и тот образ жизни, который устраивал нас обоих.

— Не изгнанники, — поправил я ее. — Это не изгнание, когда возвращаешься домой!

А дом — это вовсе не корабль, не планета, не телега путешественника, трясущаяся по равнинам Йиктора. Это чувство, которое ты, испытав однажды, уже никогда не забудешь. Мы оба были до сих пор изгнанниками. Но теперь перед нами простирались звезды, а внутри нас был дом! И он останется с нами, пока мы будем живы!

СТРАНСТВУЮЩИЙ ПО ВУРУ

Глава 1

Смертоносная Тень обрушилась на Мунго-Таун сразу после сбора урожая, как будто ждала нарочно, чтобы принести самую тяжелую боль и самую мучительную гибель. Возможно, в выборе времени был определенный метод. Что могли знать выходцы из других миров об опасностях, таящихся в новой колонии, вопреки всем проверкам изыскателей утверждавших, что планета безопасна и открыта для поселенцев? Никто не подозревал об этой угрозе целых пятнадцать лет после приземления Первого корабля, к тому же пострадало только несколько отдаленных поселений и владений, да и каждый раз находились практичные и правдоподобные объяснения: плохая вода, отравленная пища, нападения доселе неизвестных опасных животных — вы можете прочесть эти объяснения в официальных документах, если испытываете болезненный интерес к тому, как начала вымирать новая колония.

На следующий год стало хуже. Тень обрушилась на Рощу Вура сразу после посева. Было всего четверо выживших: два младенца, трехлетняя девочка и женщина, которая не могла связно отвечать на вопросы, но бесконечно завывала, пока однажды ночью не смогла выбраться из медицинского центра и сбежала. Ее путь проследили до начала Чащобы, и на этом все кончилось. Если кто-то оказывался в Чащобе, про него можно было забыть.

Таков был Вур. Но колонисты — крепкий народ, и у людей, которые до того жили на одной из перенасе-

ленных планет Цепи миров Лиги, нет выбора. В течение двух лет после катастрофы в Роще ничего не происходило. Люди склонны забывать, к тому же все они до переселения прошли тщательную подготовку. И, как я уже сказал, всегда находились правдоподобные объяснения.

Но после Мунго все объяснения рухнули. Можно убить двадцать человек или несколько больше, но когда погибают двести двадцать — не очень легко найти логичное объяснение.

Так я стал «странствующим». Вырос я в фургоне и умел запрягать упряжку гаров до того, как смог поднять на плечо груз товаров. Я принадлежу ко второму поколению после Первого корабля. Люди с Первого корабля на любой колониальной планете находятся в особом положении. Они склонны рисковать и обычно погибают либо получают собственное поместье, которое приносит им прибыль. Так бывает на большинстве планет. Но на Вуре выжившие становятся странствующими.

Моя мать умерла в Мунго, а отец, Мак Терли с'Бан, вернувшись и обнаружив катастрофу, запряг самых смышленых гаров, загрузил фургон всем, что может понадобиться странствующему, посадил на груду этого добра меня и отправился в путь. Мне тогда было шесть лет, и я даже не могу припомнить, каково это — жить на одном месте и не быть странствующим. Конечно, поселения существуют и сейчас, но больше на север они не продвигаются, в основном расположены на юге большого материка, по эту сторону реки Калб Кэньон. На севере есть и рабочие поселки — в основном шахтерские. Но там по ночам включаются силовые поля, а для агрария это слишком дорогое решение. По причине, которую высоколобые из Лиги не могут объяснить, Тень не распространяется на юг. За последние несколько лет не прислали ни одного нового специалиста по инопланетной жизни. Наша планета недостаточно богата, чтобы рассчитывать на такую помощь. Отец однажды сказал,

что потенциал нашей планеты не обещает быстрого возмещения расходов.

Отец всегда сжимал челюсти, встречая людей из Лиги. Я помню, как он весь вечер просидел молча, когда в наш лагерь явились двое представителей Лиги и попытались расспросить его. Он встал и исчез в фургоне, оставив их сидеть с раскрытыми ртами. Выглядели они слабоумными, как обезьяна-гуф. Через некоторое время репутация отца стала широко известна, и даже в поселках ни один человек не упоминал Тень в его присутствии.

Не знаю, чем он занимался до того, как высадился на Вуре. Он никогда не говорил о прежних временах, точно так же как о моей матери. Когда я подрос и стал многое замечать, я даже предположил, что он сам был изыскателем. Он обладал самыми разнообразными знаниями. И с самого начала делал записи. В сущности, единственное инопланетное, что он всегда привозил из Портсити (кроме зарядов для шокера), были ленты с записями.

Впрочем, некоторые из этих лент предназначались для меня. Хоть мы постоянно находились в движении, отец заботился о том, чтобы я не оставался тупым и необразованным. Я должен был учиться, и мне это очень нравилось. Вначале это были практические знания — то, что он не мог сам мне показать. Эти ленты он тоже слушал. Я научился ремонтировать шокер, пищевой синтезатор, ручной коммуникатор. Этой работой время от времени мы подрабатывали в поселках.

Потом история — история Лиги и нескольких различных планет. Я так и не знаю, почему он выбрал именно эти планеты, но понимал, что спрашивать нельзя. Странный выбор — все планеты разные, нет двух похожих, и все, насколько я мог судить, далеко от Вура. Потом я понял, что у них общее. Все они: Астра, Арзор, Кердам, Слотгот — все начинали как сельскохозяйственные миры. Точно как Вур. И на всех находили многочисленные следы предтеч. А в результате происходили весьма необычные события.

Мне было нелегко с этими лентами. Слишком много времени уходило на то, чтобы выполнить требование отца — стать хорошим специалистом. Он проявлял огромное терпение и как будто хотел быть уверен, что я сумею работать руками и зарабатывать себе на жизнь, когда он меня покинет. Я учился, хотя с животными у меня получалось лучше. Как я уже говорил, я умел управляться с гарами еще до того, как мог сесть верхом на одного из них. Я им почему-то нравился — или у меня был особый дар...

Отец иногда говорил о природных способностях. Он старался, чтобы я понял: люди разные. Конечно, я не имею в виду просто чужаков и терранцев (то, что они другие, знает и человек с десятой частью мозга в голове), но сами люди — терранцы — обладают разными дарами и используют их — если умеют. Однажды отец начал говорить о пси-способностях, но вдруг замолчал, и на лице у него появилось замкнутое выражение. Тогда он объяснял мне, как происходит исцеление. Я хотел бы, чтобы он продолжал, но он больше никогда не упоминал об этом.

Существуют целители. Вернее, целительницы, потому что в основном это девушки и молодые женщины. Я видел, как они в глухих местах проделывают такое, чему не найдешь объяснения ни на одной ленте. Отец как будто их недолюбливал или не доверял их способностям. Он всегда испытывал беспокойство, когда поблизости оказывалась одна из них. Однажды я видел, как он отвернулся от целительницы, которая собиралась с ним заговорить. Это было в поселке Джонаса.

Это была приятная молодая женщина, от которой исходило ощущение мира. Даже просто находясь рядом с целительницей, чувствуешь внутреннее тепло и душевный комфорт. Я видел, как она вздрогнула и посмотрела вслед отцу, и на лице ее было печальное выражение. Она даже подняла руку, как будто собиралась сделать целительное прикосновение — прикоснуться к чему-то такому, чего здесь не было.

Но о других дарах отец говорил: например, о психометрии. Это когда берешь какую-нибудь вещь в обе руки и говоришь, кто ее сделал и откуда она. Затем предвидение: отец говорил, что этот дар встречается редко и не всегда можно ему доверять. Некоторые люди могут читать мысли, рассказать, о чем думает человек, хотя сам он ни с чем подобным не встречался, знает только из лент.

У чужаков множество таких способностей, но применительно к терранцам они не всегда срабатывают. Наш и их мозг слишком по-разному устроены. Однако бывали случаи, когда чужаки, самые непохожие на нас телом, оказывались ближе всего по уму.

Отец никогда не пользовался оружием мощнее шокера, и у нас в фургоне никогда не было бластера. В этом отношении он был очень строг, но научил меня хорошо стрелять из шокера и танглера. Бывали случаи, когда это нас выручало. Однажды на меня напал песчаный кот, и его острые когти уже вырыли борозды в земле глубиной в мой палец в нескольких дюймах от моих сапог, когда я свалил его. Мы просто оставили его спать. Отец никогда не убивал ради шкур, как делают некоторые странствующие. И в этом он был строг и не согласился, даже когда люди из Портсити просили его привезти шкуры джезов, а он знал, где гнездится их колония. Не в том дело, что джезов слишком легко убить — напротив, во времена гнездовья разумный странствующий держится от них подальше. В такое время они охотятся на людей с дьявольской хитростью.

Да, странное образование дал мне отец — и при помощи лент, и своим примером. У него была своеобразная репутация и среди странствующих. Года два назад он специально пересек Хальб, сказал, что должен побывать на шахтах. Мы даже торговали в одном или двух шахтных поселках, но я сразу понял, что не это главная причина. Обычно странствующие туда не заглядывают, хотя платят там хорошо.

Мы никогда не направлялись прямо к шахтам. Напротив, обходили их стороной, и в каждой поездке чуть дальше углублялись на север. И навещали мертвые поселки. Впрочем, отец сразу предупредил меня, чтобы я никому об этом не говорил. Сначала он отправлялся к покинутым зданиям один, и даже надевал скафандр: у него был космический костюм изыскателя, такой, какой используют при первых высадках на планету. Мне он при этом всегда приказывал оставаться на месте и дежурить в фургоне у коммуникатора. Если спустя определенное количество единиц времени он не вернется, я должен запрягать гаров и убираться оттуда как можно быстрее. Отец заставил меня поклясться Верой в Судьбу, что я не пойду за ним.

Отец мой был верующим и постарался меня воспитать таким же. По крайней мере, я понимал, что такую клятву нарушать нельзя ни при каких условиях: вера человека в самого себя навсегда исчезнет, как будто ее никогда не было.

Немного погодя он при посещении мертвых поселков, в которых бывал раньше, перестал надевать скафандр, но в новых надевал обязательно. Вернувшись, начинал диктовать на ленту все, что увидел, даже самые мелкие подробности, например, какие сорняки растут теперь в садах и были ли ограблены дома — они никогда не бывали разграблены. Самое странное: рядом с поселками, очищенными Тенью, не было никаких животных и птиц. Но зато возникала буйная растительность. Не пищевые породы, специально разработанные для планеты Вур, но странные растения, каких раньше на Вуре никогда не видели. Отец зарисовывал их — у него это не очень хорошо получалось, но он тщательно их описывал, хотя образцов никогда не приносил.

После каждого такого посещения он проделывал еще кое-что — что-то такое, что заставило бы любого чиновника из Портсити подумать о необходимости лечения. Он приказывал мне связать его по рукам и ногам и уло-

жить спать в запечатанный спальный мешок. В этом мешке я должен был продержать его день и ночь. И каждый раз заставлял поклясться, что если он начнет заговариваться или совершать странные поступки, я должен немедленно запрячь животных и убираться. Потом, дня через два-три, вернуться. Мне приходилось поклясться, потому что он в этом отношении проявлял необычную настойчивость. Хотя думаю, что я рискнул бы и нарушил клятву, если бы такое случилось. К счастью, его опасения ни разу не оправдались.

Я знал, что он ищет, хотя мы об этом никогда не говорили. Он хотел раскрыть тайну Тени. И не ради блага всего Вура, а потому что в нем горело жгучее желание справедливости: покончить, если это возможно, с тем, что разрушило его счастливую жизнь.

Странствующие одиноки. Некоторые, подобно моему отцу, бежали из погибших селений. Они уцелели, потому что в тот момент, когда обрушилась Тень, не были дома. Другие — неудачники, люди, которые не могут нигде пустить корни, но постоянно бродят в поисках чего-то такого, чего сами не понимают. Они неразговорчивы, долгие одинокие походы отучили их от общения с другими людьми, и обычно во время торговых переговоров говорят они об элементарных вещах.

Если странствующий попадает в поселок во время праздника урожая, он может задержаться, с отчужденным удивлением смотреть на развлечения, как смотрят на обряды чужаков.

Некоторые странствующие путешествуют парами, но мы с отцом были единственной парой с тесными родственными отношениями. Женщин среди странствующих не бывает. Если им требуется удовлетворить естественные потребности тела, они отправляются в дом удовольствий в Портсити (даже на такой малоразвитой планете, как Вур, есть несколько таких заведений, в основном для развлечения экипажей космических кораб-

лей). Однако женщины никогда не ездят в фургонах странствующих.

Как и на большинстве планет фронтира, женщин на Вуре ревностно охраняют. Соотношение женщин и мужчин у нас примерно один к трем, потому что обычно женщин не привлекают трудности жизни пионера. Те, что прилетают, уже обручены с кем-нибудь. Вдовы сразу снова выходят замуж, а дочерей ценят больше сыновей: благодаря им удается привязать к поселку какого-нибудь очень ценного мужчину. За жену он согласится на что угодно.

Только целительницы приходят и уходят совершенно свободно. Залогом безопасности служит сама их природа, их ценят настолько высоко, что стоит мужчине похотливо взглянуть на них, как он сам подписывает себе приговор: объявление вне закона и быстрая смерть. Когда их сила начинает уходить, целительницы выходят замуж: их дар проявляется только с начала подросткового возраста и до тридцати лет. После этого у них большой выбор мужей: все надеются, что дочь, родившаяся в таком браке, унаследует дар.

Мы торговали в самом северном поселке — Раттерсли, — и я догнал отца ростом, хотя и не сравнялся с ним в силе, когда впервые услышал от другого человека о своей матери. Я принес пакет с нитками и иголками (на Вуре это ценный подарок при сватовстве) в главный дом, там меня как гостя приняла жена Раттера. К моему удивлению — ведь я не сын хозяина поселка и не чужак с другой планеты. — Она предложила мне кубок эля и путевой хлеб.

Высокая, в длинном платье с многочисленными нашитыми яркими лентами, которые свидетельствуют о мастерстве, в брюках и сапогах из хорошо выделанной шкуры гара, гладкой, как те нитки, которые я принес, она выглядела прекрасно. Волосы у нее были цвета листвы, которую тронул первый морозный ветер, — рыжевато-золотые, они закручены вокруг головы, как в том

церемониальном головном уборе, который на других мирах надевают великие правители. Этот головной убор называется «корона».

На загорелом лице необычно яркие зеленые глаза, проницательные и ничего не упускающие, и я — мне ведь редко приходилось разговаривать с женщинами — чувствовал себя очень неловко и жалел, что не смыл предварительно пыль пути.

— Приветствую тебя, Барт с'Лорн. — Голос у нее такой же богатый и глубокий, как цвет волос.

Ее слова меня удивили. Я привык к тому, что меня называют Барт, но впервые на моей памяти ко мне обратились по полному имени моего клана. «С'Лорн» — это для меня прозвучало непривычно. Впервые я столкнулся с упоминанием о моей давно умершей матери.

— Госпожа поселка, — я постарался продемонстрировать лучшие манеры, — пусть судьба улыбнется корням твоего дерева-крыши и пусть твои дочери принесут тебе удачу и счастье. У меня имеется то, что ты заказала, и мы хотели бы, чтобы это тебе понравилось...

Я протянул ей пакет, но она на него не взглянула. Напротив, продолжала внимательно разглядывать меня, и я чувствовал себя все более неловко и даже начинал опасаться, хотя был уверен, что ничем не оскорбил ни ее, ни кого-нибудь другого под ее крышей.

— Барт с'Лорн, — повторила она, и было что-то необычное в ее тоне. — Вы очень похожи, хотя ты мужчина. Ешь, пей, и да будет благословен этот дом...

Я еще больше удивился, потому что так приветствуют только близких родственников, таких, которым рады и в хорошие времена, и в дурные. Поскольку она так и не взяла пакет, я положил его на ближайший стол и сделал то, что она просила, хотя я не ребенок из ее семьи, а почти взрослый мужчина: осторожно разломил надвое путевой хлеб, одну половинку окунул в кубок, и хотя во рту у меня пересохло и есть я не хотел, я положил смоченный кусок в рот. Придерживая поднос рукой, хозяйка то

же самое сделала со второй половиной круглой лепешки, тем самым разделив со мной пищевую церемонию.

— Да, — медленно сказала она, проглотив свой традиционный кусок, — ты очень похож на нее, хотя и родился на Вуре.

Смоченный кусок хлеба застрял у меня в горле. Я торопливо проглотил его.

— Госпожа поселка, ты говоришь о с'Лорнах — так звали мою мать. — У меня в голове теснилось множество вопросов, но я не мог выбрать среди них самый главный. И только в этот момент понял, как сильно хочется мне узнать о прошлом, о котором я не смел спросить отца.

— Она была сестрой моей сестры. — Родственные отношения, которые имела в виду хозяйка, возникают в результате брака. И для клана они так же близки, как кровное родство. — Моя сестра Хагар Лорн с'Брим, а ее сестра вышла замуж за Мака Терли с'Бана.

Я поклонился:

— Госпожа, прости мое невежество...

— Это не твоя вина, — решительно возразила она. — Все знают, что случилось с Маком Терли с'Баном и какую рану он получил. Эта рана не зажила и сегодня. Разве он не прислал тебя, вместо того чтобы прийти самому? Он не хочет видеть тех, кто знавал его во времена счастья и полной силы его клана. — Она слегка покачала головой. — И тебя он лишил поселка и родственников. Тебе тяжело пришлось?

Снова я встретился с ней взглядом и почувствовал, что меня оценивают. Любая моя мысль, любое чувство перед ней как на ладони, словно записанные на ленте памяти.

Настал мой черед гордо выпрямиться. Возможно, в ее глазах я лишен поселка и родичей, но свое нынешнее положение не променяю ни на какие богатства, землю и добро, которыми с гордостью хвастают жители поселков.

— Я странствующий, госпожа. И мой отец, думаю, мной доволен. Я таков, каким он хотел меня видеть.

— А чего хочешь ты сам?

— Госпожа, думаю, что никем другим я бы не мог быть.

— Что ж, правду говорят, что гара, обученного для охоты, никогда не запрячь в плуг — он погибнет. К тому же, возможно, тебя коснулась Тень...

— Тень! — Даже здесь, за Хальбом, это слово звучит зловеще.

— Тени бывают разными, — ответила она. — Входи, Барт с'Лорн. Теперь, когда мы наконец встретились, позволь узнать тебя получше.

Она провела меня в большой зал, где сидело много людей, занятых своими делами: одна девушка за ткацким станком, другая расчесывала пушистую шерсть маленьких гаров, которых ради этой шерсти выращивают; несколько женщин возились у камина и открытой печи. Все с откровенным любопытством разглядывали меня, и я постарался принять выражение привычной отчужденности, какое бывает у отца. Однако заметил девушку, сидевшую у огня, которая совсем на меня не смотрела. У нее был такой вид, словно она спит с открытыми глазами и способна видеть сквозь стены. Руки ее ничем не были заняты, они лежали на коленях ладонями вниз, верхнее платье у нее было тускло-зеленое, короче тех, что обычно носят женщины, и более приспособлено для далеких путешествий.

Мы миновали эту девушку и прошли в дальний конец комнаты, где стояли два мягких кресла. В одно из них села хозяйка, пригласив меня сесть в другое. И сразу начала расспрашивать. И так властно звучал ее голос, что я отвечал не из вежливости, про себя негодуя за это вторжение в мою жизнь, а так, словно она действительно моя кровная родня и имеет право заботиться и знать обо мне все.

Хотя поселок далеко от Портсити, она явно многое знала и предпочитала тот же образ жизни, который ценил и мой отец. Она расспрашивала и о нем, где мы побывали и что делали.

Вначале я пытался уйти от прямых ответов, полагая, что наши заботы ее не касаются. Но она подчеркнуто сказала:

— Он не послал бы тебя ко мне, Барт, ко мне, единственной на всей планете, если бы не хотел, чтобы я это знала. Он с прошлых времен знает мой характер и что движет мной так же, как им, сделав его человеком без корней и крыши. Я тоже из Мунго-Тауна — хотя когда пришла Тень, меня там не было.

Она многим меня удивила, но это было сильнее всего. За всю жизнь я не встретил ни одного, кроме нас, человека из этого проклятого места.

— Тень убила всех. — Лицо ее стало таким же мрачным и заострившимся, каким бывает у отца, хотя у этой женщины круглые щеки и подбородок. — Выжил лишь ты один... Почему?..

— Не один, — поправил я. — Еще мой отец.

Она покачала головой:

— В ту ночь он был в путешествии. Вернулся и увидел тебя. Ты лежал в кровати, не плакал, как будто спал с открытыми глазами. Так происходило повсюду. Всегда выживал ребенок — иногда более взрослый, но к нему никогда не возвращается память. Расскажи, что ты можешь вспомнить — самое первое твое воспоминание!

Требование было резким. Такого даже отец никогда не делал — может, не хотел или не смел.

Я всегда знал, что в тот момент, когда пришла Тень, его в городе не было.

Что я помню? Если бы она не застала меня врасплох, я не стал бы автоматически выполнять ее приказ. Но тут постарался углубиться в прошлое. Я слышал, как мужчины и женщины хвастают, что помнят то или другое из того времени, когда ползали на четвереньках или их носили на руках. Но что помню я?

Я закрыл глаза: воспоминания приходят ко мне так, словно я смотрю фильм или просматриваю свою внутреннюю ленту записей. Что же я вижу?

Над головой жаркое солнце. Я чувствую его. Земля покачивается вверх и вниз, потому что я сижу на широкой спине животного. Животное мирно бредет, време-

нами срывая ветку с кустов по обе стороны, если куст достаточно высок, чтобы не наклонять голову. Руками я вцепился в густую шерсть гара и смотрю на его рога. Животное вьючное, оно впряжено в упряжку рядом с другим, которое тоже время от времени своими мягкими подвижными губами хватает лист или ветку.

Передо мной ярмо — такое, с каким я впоследствии часто управлялся. И вот я еду под солнцем, и, хоть оно жжет мне плечи и голову, мне холодно, и я дрожу. И мне страшно. Но как ни стараюсь, не могу вспомнить, что меня испугало. Сознание словно отшатывается от этого воспоминания.

Рядом с гаром появляется человек, такой высокий, что даже сравнение с большим животным не делает его меньше или слабее. Он снимает меня со спины гара, словно понимает, какой страх гложет меня. Прижимает к себе, так что я могу положить голову ему на плечо и прижаться лицом. И я отчаянно цепляюсь за него.

Я усиленно стараюсь вспомнить, проникнуть в прошлое, но это — мое первое воспоминание. Мне пять лет, и это моя первая поездка. А за этим — пустота.

Я даже не сознавал, что вслух описываю возникшую в сознании картину, пока не услышал, что у женщины рядом со мной перехватило дыхание:

— Ничего раньше этого? Ничего... о ней?

Неужели я снова дрожу? Я не знал. Неожиданно по другую сторону рядом со мной оказался кто-то, мне в руку вложили кубок, и я поднял его, словно отражая удар.

— Пей, — произнес негромкий голос, и я почувствовал то особое состояние спокойствия, которое могут внушить только целительницы.

Я поднес кубок к губам и отпил, но вначале через край посмотрел на ту, что принесла его. Это была девушка в зеленом платье, та самая, что словно в мечтах сидела у огня и единственная, как мне показалось, во всем зале меня не заметила. Но сейчас она внимательно смотрела, как я пью. Я сделал глоток.

Сладкий напиток или вяжущий? Не похож на обычные настойки домашнего приготовления. Я почувствовал вкус созревших на солнце ягод, осенних фруктов и острой свежести родниковой воды. Все это было смешано так искусно, что трудно уловить определенный вкус. Теплый он или холодный? Холод, который ледяной коркой начал обволакивать меня изнутри, растаял. Я не забыл о нем, просто он отодвинулся в глубину, словно касается кого-то другого, а не меня. А важен именно я, живой, здесь и сейчас.

— Ты целительница, — неловко высказал я очевидную истину.

— Меня зовут Илло. — Она произнесла это единственное имя, не добавив ни имени клана, ни названия дома. Некоторые целительницы действительно не признают ни крыши, ни жилища. Они переходят от места к месту, помогают тем, кто нуждается в их помощи. По-своему они тоже странствующие, но гораздо теснее связаны с другими людьми, чем мы. Они заботятся о незнакомых людях, а мы стараемся держаться обособленно и не обращаемся к помощи, даже когда в ней нуждаемся.

— Ее тоже коснулась Тень, — сказала моя родственница. — Ты слышал о Роще Вура?

Странствующие знают все сказания о Тени.

— Но ты тогда была маленькой девочкой? — обратился я непосредственно к целительнице.

— Сначала выпей, — попросила она и не отвечала, пока я не выпил весь напиток и не перевернул кубок вверх дном, как делают на пирах, чтобы показать уважение к произнесенному тосту. — Да, — сказала она тогда и протянула руку к пустому кубку. — Я была в Роще Вура, первом поселении на севере. Его основал Хелман Вур, именем которого названа наша планета. Возможно даже, я его кровная родственница. — Она пожала плечами. — Кто знает? Я не помню — ничего не могу вспомнить. Меня коснулась Тень.

Глава 2

Если я и вздрогнул, то только внутренне, потому что цепко держался за то внутреннее спокойствие, с которым, по примеру отца, старался относиться ко всем проблемам этого мира. И со смелостью, которой гордился, спросил:

— А что такое прикосновение Тени? Из всех людей планеты целительница должна знать это лучше других.

Она задумалась. Не потому, как мне кажется, что взвешивала, можно ли давать незнакомцу правдивый ответ, а потому что подбирала слова, чтобы объяснить то, что объяснять очень трудно. Потом в свою очередь спросила:

— А что такое Тень?

Впрочем, кажется, ответа от меня она не ждала, потому что тут же добавила:

— Мы не узнаем это, пока не сможем открыть дверь здесь. — Она указала пальцем на свой широкий открытый лоб: как у большинства целительниц, волосы у нее были убраны назад и туго сплетены. — Ведь здесь объяснение этого проклятия.

По сравнению с госпожой поселка она кажется худой, хотя и высокой. Тело крепкое, как путевой посох странствующего, и в нем нет ничего от зрелости женщины, предназначенной рожать детей. Кожа почти такая же загорелая и потемневшая от непогоды, как у меня, а черты лица острые, и их угловатость подчеркивается худобой щек. Тем не менее в ней чувствуются спокойствие и властность, которые сопутствуют ее дару, так что посвоему она не уступает приютившей ее хозяйке: я не сомневался, что она не из этого владения.

Девушка снова прямо посмотрела на меня:

— Приходит необходимость...

Я не понял, что она имеет в виду, но когда спросил, она быстро повернулась и с пустым кубком направилась в зал. Я посмотрел на хозяйку.

Морщинка на ее лбу стала глубже. Женщина некоторое время смотрела вслед девушке, потом снова взглянула на меня.

— А куда в этом году лежит путь Мака? — неожиданно спросила она.

— Мы идем в Денгунгу. — Я назвал шахтерский поселок, который отец отыскал на карте перед тем, как мы вышли из Портсити. Он самый северный из всех и ближе всего к Чащобе. Дальше только руины — руины Вура, Мунго. Их мы во время предыдущих странствий не посещали. У нас в фургоне инопланетное оборудование для шахт — груз небольшой, и плата едва покроет наши припасы. Мне показалось странным, что мы везем с собой так мало, но отец ничего не стал объяснять, а он не из тех, кого можно расспрашивать без важной причины.

— Денгунга, — повторила она. — А потом куда?..

Я пожал плечами:

— Прокладывающий путь — отец, он планирует дорогу.

Она еще сильнее нахмурилась:

— Мне это не нравится... но правда, что о путях Мака... его приходах и уходах... не спрашивают... и никогда не спрашивали. Он сам принимает решения, ни с кем не советуясь. Только одна могла свободно разговаривать с ним...

Мне показалось, что я догадываюсь:

— Моя мать?

— Да. Мы считали его мрачным и таинственным человеком. И только с ней он отбрасывал всю свою защиту и становился подлинно живым. Зная его сегодня, ты бы тогда его не узнал. Она была его светом... его жизнью. Теперь его коснулась Тень, хотя телесно или духовно он никогда не попадал под ее влияние. Хотела бы я... — Она смолкла, а я сидел и вежливо молчал, хотя теперь мне хотелось поскорее уйти из этого зала. Он казался мне клеткой, он угнетал меня.

Приятно пахло свежевыпеченным хлебом и другими вещами, свидетельствующими о хорошо управляемом хозяйстве. Но эти запахи застревали у меня в горле, я словно задыхался. Мне хотелось выбраться на простор,

где нет гула разговоров, стука ткацких станков, кастрюль и сковород, звуков незнакомых мне занятий.

Хозяйка оторвалась от своих мыслей.

— Да, с ним не поспоришь. Это мы поняли давно. Он пойдет своим путем, хотя то, что он взял тебя с собой...

Во мне вспыхнула искра гневаэ

— Госпожа, я ничего не хочу больше, чем быть сыном своего отца.

Она снова посмотрела мне в глаза и со строгим выражением лица ответила:

— Только глупец скажет, что это недостойная цель. Ты можешь идти своим путем — вопреки всему. Вера в Судьбу, — она начертила в воздухе перед нами знак благословения, — да будет с тобой, Барт с'Лорн. Тебе нужны наилучшие пожелания. Каждый вечер мы перед Свечой Домашнего Очага будем произносить твое имя.

Я склонил голову: она тронула меня этим своим торжественным обещанием. Я, не имеющий корней, никогда не имевший и не хотевший их, до этого момента не знал, что чувствуешь, когда тебя так принимают. Ведь я словно настоящий кровный родственник, и если зло преградит мне путь, эти люди встанут рядом со мной, будут защищать мою спину.

— Госпожа, от всего сердца благодарю тебя. — Я запинался, произнося вежливые слова, которыми раньше никогда не пользовался. — Ты очень добра.

— В этом нет доброты. — Лицо ее оставалось строгим. — Нет доброты, потому что с избранного пути не свернуть. Передай мои добрые пожелания Маку, если он их примет или если хотя бы подумает о прошлом, частью которого он был. Сейчас он... Нет, не стану говорить тебе этого. Я не желаю ему зла, мне только очень жаль его.

Она встала, и я тут же вскочил, чувствуя, что она меня отпускает. Но она пошла рядом со мной через зал и, как почетного гостя, проводила до самой двери. После прощальных слов я не смотрел на нее, но, как ни странно, испытывал тревогу и легкий страх. Не ту тревогу, кото-

рую испытал, когда разговор шел о Тени, — все говорят о Тени со страхом, — скорее мне внушал страх сам этот зал, с его изобильной и спокойной жизнью, странной и чуждой мне. Как будто эта жизнь способна угрожать мне.

Мой отец не стал распрягать фургон на гостевом поле, а предпочел разбить лагерь у реки на некотором удалении от зданий владения. Я направился по тропе, ведущей к реке и к нашему походному фургону, когда сзади кто-то подошел ко мне и пошел рядом.

Я вздрогнул, потому что глубоко погрузился в раздумья. Это оказалась Илло, целительница, и походка у нее была быстрая и легкая, почти как моя. А ведь я опытный путешественник и прошел много путей. На спине у нее походный мешок, а поверх него прикреплен плащ. На ногах походные ботинки на толстой подошве, а в руке посох целительницы, вырезанный из дерева кви и отполированный так, что сверкает на солнце, как световой стержень в Портсити.

— Чем могу служить? — быстро спросил я, потому что целительницы никогда не приходят бесцельно. Они не ходят просто так и не стремятся поговорить, если у них нет какого-то дела.

— Вы идете на север. Я тоже. Мой путь долог и... — она ответила на мой взгляд, — может быть, осталось мало времени. Я хотела бы пойти с вами.

Такие временные соглашения между целительницей и странствующим случались в прошлом, когда, как сказала Илло, возникала необходимость быстро куда-то добраться. Но шахтеры в Денгунге все инопланетники и упрямо придерживаются собственной медицины. Они не станут вызывать целительницу.

— Я иду не к шахтам... — Конечно, она не читала мои мысли. Теперь, когда мы пересекли реку, всем ясно, куда мы направляемся. — Есть другое место.

Илло не назвала его, а с моей стороны было бы невежливо спрашивать. Хотя я не мог вспомнить ни од-

ного владения к северу. Разве что за последние месяцы кто-нибудь набрался храбрости и отправился в запретные земли, чтобы поселиться там.

Впрочем, хотя целительница имеет право стать нашей попутчицей, мне казалось, что отец не очень обрадуется такому прибавлению. Но он не может отказать, не нарушив обычаев. Девушка больше ничего не сказала и молча шла рядом со мной до самого нашего лагеря.

Отец сидел у огня на корточках. У его руки лежала трубка, и от нее тянулся легкий дымок. Это была единственная роскошь, какую он себе позволял: сухой порошок, который он курил, привозили с других миров, и получить его можно было только за огромные деньги у какого-нибудь инопланетника. Полученный таким образом порошок отец очень берег и использовал так редко, что небольшого мешочка ему хватало на много месяцев. И со временем я узнал, что курил он только тогда, когда у него плохое настроение. В такие дни на него словно ложилось черное облако, и он подолгу, иногда целыми днями, молчал и хмурился.

Отец извлек устройство воспроизведения и вставил в него ленту. Но не читал, а смотрел в огонь, как будто надеялся там найти ответ.

Странствующий быстро осваивает некоторые меры предосторожности. Я уверен, что слух у нас острее, чем у рожденных во владениях или на других мирах. Хотя у меня и моей спутницы на ногах была обувь с мягкой многослойной подошвой — в такой удобной обуви ногам лучше во время долгого пути, — отец почувствовал наше приближение и поднял голову.

Я с одного взгляда понял, что у него не лучшее настроение. Он мрачно взглянул на Илло. Медленно и чуть неловко встал, но стоял прямо, как ее посох, когда она втыкает его в землю.

— Госпожа... — Даже это единственное слово проскрипело, словно давно не используемый инструмент, слегка заржавевший по краям.

— Меня зовут Илло, — сказала она. Целительницы никогда не произносят почетных титулов. — Я направляюсь за реку. — Она сразу перешла к делу.

Отец стал еще мрачнее и обвиняюще посмотрел на меня. Я знал, о чем он подумал: что я, не спросившись у него, дал девушке обещание. Но она тоже сразу это поняла.

— Мне ничего не обещано, — холодно сказала она. И даже не взглянула на меня. — Ты — прокладывающий путь, поэтому я говорю тебе: мне необходимо идти за реку.

— Зачем? — мрачно спросил отец. — Там нет никаких владений... теперь...

— А у шахтеров свои врачи? — опередила она его, прежде чем он успел уточнить, что означает «теперь». — Это правда, прокладывающий путь. И все же — мне необходимо за реку. И... поскольку никаких владений там нет, я пришла к вам. Все знают, что там бывает только Мак с'Бан.

— Эта земля проклята. — Ответ по-прежнему звучал недружелюбно, хотя внутренний мир, который всегда сопутствует целительницам (возможно, они распространяют его невольно, просто потому, что они таковы, каковы есть), подействовал не только на меня, но и на него. Однако, казалось, упрямство отца выдержало даже это испытание.

— И это знают все, даже инопланетники, — согласилась она. — Разве они не устанавливают силовые поля, когда пользуются плодами нашей земли? Но я говорю, и говорю серьезно: мне необходимо на север.

Ни один человек на Вуре не может возражать против такого заявления. Целительница чувствует необходимость в своей помощи, и, когда слышит призыв, ее может остановить только серьезная болезнь или смерть. И ни один человек не станет мешать ей отвечать на этот призыв. Отец в своей глубокой печали не хотел давать ей место в нашем фургоне, но отказать не мог.

На рассвете мы свернули лагерь. Отец не расспрашивал меня о разговоре с госпожой поселка, а я даже не пе-

редал ее добрые пожелания: то, что нас теперь не двое, а трое, делало его таким неприступным, словно он окружил себя силовым полем. Может быть, так оно и было — силовое поле его воли.

По свистку гары пришли: я давно уже научился запрягать их. По ночам они пасутся, но никогда не уходят далеко, и странствующие часто говорили, что у нас самая хорошо обученная упряжка на равнинах. Их шестеро, племенных животных, и об их нуждах мы заботились гораздо лучше, чем о своих. Голубовато-серые шкуры животных хорошо видны на фоне хрупкой, высушенной солнцем травы. И у них уже начинала расти густая зимняя шерсть.

Отец не разрешал спиливать рога гаров: на равнинах много хищников, склонных решиться попробовать их мясо, и отец считал, что они должны сохранять способность защищаться. У нас три быка, массивные существа с огромными рогами: два рога над глазами, а третий, самый острый, растет из носа. И три самки, ибо у гаров, как и людей на большинстве планет, моногамия, и брачный союз они заключают на всю жизнь. Хорошо известно, что гар, чья подруга умерла или погибла в несчастном случае, отказывается есть, пока тоже не умирает.

Наш фургон выстроен по чертежу отца и под его присмотром, многое в нем сделано его и моими руками меньше двух лет назад. Он из бальзового дерева. Если это дерево срубается молодым, ему можно придавать любую форму. Потом, высохнув определенное количество дней на солнце, оно становится твердым, как металл. И выдерживает много лет тяжелой работы, не изнашиваясь и не ломаясь.

Фургон разделен на отсеки: два из них грузовые — один для мелкого груза, другой для крупного, — а передний отсек, третий, служит жильем в плохую погоду. Впрочем, у большинства странствующих врожденное предпочтение спать в мешках под фургоном. Как я уже сказал, мы не выносим стен.

Реку перешли вброд: в такое время года сделать это нетрудно, поскольку только весенний паводок приносит много воды, и тогда переходить реку опасно. По ту сторону есть еле заметные следы дороги, но отец сразу свернул с них и пошел напрямик по равнине.

Птица или летучая змея из Чащобы могли бы, вероятно, рассмотреть что-то еще, кроме отдаленной голубой полоски на горизонте. В этой части континента мы, отец и я, никогда не ходим по установившимся дорогам и тропам, если, конечно, они есть так далеко на севере, куда странствующие заходят редко. В вагоне есть приемник-коммуникатор, который можно автоматически настроить на Денгунгу, но было очевидно, что отец не собирается на него полагаться.

Идя рядом с передним гаром, я все время ожидал вопросов или даже указаний от Илло. Но она шла своим проворным шагом, почти такой же стремительной легкой походкой, как у нас, странствующих, и молчала так же, как и отец.

Несмотря на большую массу, гары способны бежать очень быстро, если ситуация требует от них таких усилий. Встретиться с бегущими дикими гарами очень опасно. Но обычно они идут очень ровно, и человеку нетрудно идти с ними наравне, если он к этому подготовлен. На севере наши животные всегда шли так, если только не получали приказа остановиться. Они, как и мы, словно не доверяли этой земле и предпочитали находиться в постоянном движении. А вот на юге они часто задерживались, хватали ветку или пучок травы и начинали шумно жевать.

Мы постепенно сворачивали на запад, хотя я хорошо знал, что шахты находятся прямо на севере, а на западе может быть только язык Чащобы, который высовывается на равнину, образуя петлю, готовую захватить всякого, кто настолько неблагоразумен или глуп, что готов углубиться в эту злую чащу.

В первые дни после открытия Вура люди с оборудованием изыскателей летали над Чащобой. Оборудова-

ние зарегистрировало наличие жизни, но ни один инструмент инопланетников не мог определить, что это за жизнь. С воздуха — я видел эти снимки — Чащоба кажется толстым пушистым зеленым одеялом, очень похожим на дым. Но дым движется, вздымается, редеет или собирается, а Чащоба остается неподвижной.

С поверхности это непроходимая масса растительности, настолько густой, что проложить в ней путь можно только огнеметом. И поскольку на планете много свободной земли, где фермеру не приходится бороться с растительностью, Чащобу оставили в покое. Да, в ней терялись люди, разбивались флиттеры. Если в таких катастрофах были уцелевшие, из Чащобы они не выходили. А послать туда спасательную партию, ориентирующуюся на автоматический сигнал коммуникатора, оказалось невозможно. По какой-то причине, непонятной даже специалистам, коммуникаторы замолкали, как только начинался полет над самой растительностью.

И однако сейчас мы шли путем, который мог нас привести только к краю Чащобы. Насколько мне известно, в этом направлении нет даже развалин владений, и я не понимал, чего хочет отец. В полдень мы остановились, поели путевого мяса и напились воды из канистр, которые наполнили в реке. Солнце зашло за облака.

Я заметил, как Витол, наш гар-вожак, на инстинкты которого вполне можно положиться (что знает каждый, кто хоть немного знаком с жизнью на Вуре), оторвал тяжелую голову от травы, посмотрел на юго-запад, расширил большие ноздри, как будто пытался уловить малейшую перемену в направлении ветра, пригнавшего облака. Он громко фыркнул, и остальные гары тоже перестали пастись и повернулись на запад.

Отец, который только что молча сидел с кружкой рес-чая в руке, встал и, как Витол, посмотрел на запад, принюхиваясь к ветру. Я поступил так же, потому что в воздухе стало заметно холоднее и, хотя чувства у нас не такие острые, как у гаров, я тоже уловил какой-то запах.

Такой запах не может исходить от открытых земель перед нами. Только раз в жизни я ощущал подобный, и это было, когда отец в своих странствиях забрел вниз по Хальбу в болота, которые очень редко встречаются на Большом материке. Такой же запах сейчас долетел до нас, как будто летнее солнце коснулось мокрой скользкой земли. Ветер донес тошнотворный запах разложения.

Илло сделала один-два шага в сторону, подальше от фургона, от встревоженных гаров, которые фырканьем выражали свое растущее беспокойство, так что я быстро прошел между ними, почесывал место между рогами, давая им почувствовать, что мы с ними. Ибо гары, несмотря на свою внушительную массу, когда сталкиваются с чем-то незнакомым или опасным, полагаются на нас. Целительница прикрыла руками нижнюю часть лица, и глаза ее над переплетенными пальцами были яркими и внимательными.

Бинокль висел у отца на поясе, но он не воспользовался им. Я напряженно всматривался, но не видел ничего, кроме холмистой местности и волнующейся под ветром травы. Илло слегка повернула голову и посмотрела на моего отца.

— Это... они движутся...

Его голова дернулась, словно девушка его ударила. Сквозь темный загар я заметил, как вспыхнули его щеки. Он протянул руку, коснулся плеча девушки и сжал его. Даже потряс, но тут же взял себя в руки и быстро отошел, как будто девушка заразная и он не хочет иметь с ней ничего общего.

— Что ты знаешь? — Вопрос прозвучал резко и требовательно.

— Я из Рощи Вура. — Она опустила руки, закрывавшие лицо. На лице ее не было ни следа гнева, полное спокойствие.

Отец словно забыл все остальное. Для него она стала самым важным в мире.

— Что ты помнишь? — Резкость из голоса исчезла, но требовательность оставалась, чувствовалась даже сильнее.

— Ничего... Мне было только три года. Я даже не знаю, почему выжили я, Атткан и Мехил, хотя они были тогда еще младенцами. Выжила еще Крисан. Но ты, конечно, знаешь, что там произошло, ты ведь давно пытаешься узнать тайну проклятия.

— Ты целительница, у тебя есть дар, способности... — Теперь он как будто умолял.

Она покачала головой:

— Но помню я не больше твоего сына. Известно только вот что: некоторые дети, всегда представители второго поколения, родившиеся уже на Вуре, остаются живыми после проклятия Тени. Думаешь, меня не исследовали врачи и эксперты-инопланетники? Они изучали меня, проверяли, заставляли говорить во сне — делали все, что известно их науке, чтобы вырвать у меня ответ.

— Они так поступали с тобой?

Илло удивилась:

— А разве твоего сына не исследовали так же?

— Нет! — Ответ прозвучал яростно. — Ни один ребенок не должен... почему им позволили это с тобой делать?

Она не утратила спокойствия.

— Потому что некому было вступиться за меня и запретить. Наверное, мне даже нужно быть им благодарной, потому что, возможно, их эксперименты пробудили во мне дар. Известно, что такие способности иногда проявляются неожиданно, после болезни или раны. Но то, что произошло в прошлом, сейчас не имеет значения. А значение имеет то, что принес с собой ветер. Где-то бродит Тень.

Отец наконец взял в руки бинокль и, глядя в него, медленно поворачивал голову справа налево, а потом — еще медленнее — в обратном направлении.

— Ничего... ничего такого, что можно было бы увидеть. В этом направлении нет никаких владений...

— Сейчас нет, — согласилась она. — Но если пройти немного на запад, а потом снова повернуть на север, перед тобой будет Роща Вура.

Впервые отец выглядел встревоженным, как будто ее слова застали его врасплох.

— Прости, целительница... — Он говорил почти шепотом.

— Не нужно тревожиться. Я иду туда.

— Зачем? — спросил я со своего места. Я стоял, положив руку на широкую спину Витола. Запах его шкуры отогнал зловоние разложения.

Конечно, задавать такой вопрос целительнице — значит нарушить все обычаи и правила поведения. Но я не смог сдержаться. За время своих блужданий мы посетили почти все заброшенные владения на севере, но ни разу отец не возвращался в Мунго, и я не думал, что он вернется туда. Что влечет ее в место, где она жила когда-то?

— Зачем? — повторила она. Илло не смотрела ни на меня, ни на отца. Взгляд ее был устремлен вдаль, словно она и без бинокля видела свою цель. — Зачем? Не знаю, но это призыв... и я не могу не подчиниться ему.

— Там не может быть кто-то, — сказал отец. — И не стоит смотреть на то, что было когда-то...

Он не решился закончить, и она закончила за него:

— Было частью моей жизни? Не могу вспомнить. Может быть, если вернусь, смогу. То, что со мной делали, породило во мне потребность узнать, но сейчас я чувствую ее особенно сильно. Теперь она стала призывом, как те, что мы иногда слышим, когда где-то страдают или болеют люди и никто не может им помочь. Я не могу повернуть назад...

Хотя тучи сгустились, ветер стих. И зловоние больше не ощущалось. Я — странствующий и хорошо разбираюсь в погоде, поэтому решился обратиться к отцу:

— Приближается буря, нам нужно убежище.

Бури на обширных равнинах могут быть смертельно опасными, удар молнии способен убить человека или животное. Хлещет ледяной дождь, который часто сопро-

вождается градом. Мне приходилось видеть градины размером с половину моей ладони, от силы удара они наполовину зарываются в землю.

Гары тревожно ревели, повернувшись спинами к ветру. Витол поднял голову и испустил призывный крик. Я отскочил от него, зная, что теперь, как он ни привык к нам, его не удержать ни голосом, ни рукой. Нам повезло, что мы успели выпрячь животных и они, полуобезумевшие, не потащат за собой фургон.

И они убежали, задрав похожие на веревки хвосты и в растущем ужасе выкатив глаза. Отец не стал тратить время на беспокойство по поводу того, удастся ли нам отыскать их или они будут бежать, пока не остановятся от усталости. А может, упадут на землю, сломав ногу в какой-нибудь скрытой травой яме. Он схватил Илло за руку, потащил в фургон и толкнул ее ко мне так бесцеремонно, словно это кипа товаров, способных выдержать самое грубое обращение. Я уже находился внутри.

Мы едва успели перейти в жилую секцию, давая дорогу отцу, как он прыгнул вслед за нами. И мы с ним принялись затягивать завесы по стенам. Самые тяжелые вещи мы при этом перемещали в центр фургона, чтобы получился импровизированный якорь. Он поможет удержать фургон в яростной буре.

Стало темно, как ночью. Фонарей мы не зажигали. Они могут стать дополнительной опасностью, когда придет то, чего мы ждали. И оно пришло.

Ветер, который поднялся вначале, был всего лишь легким дуновением по сравнению с тем, что теперь обрушился на фургон. От рева можно было оглохнуть. Направление ветра изменилось: раньше он дул с запада, теперь — с севера. Фургон трясся, дрожал — казалось, его все ниже прибивает к земле. Если бы у нас было время, мы могли бы выкопать ямы под колеса, и тогда он стоял бы прочнее. Но времени на это у нас не было.

Вой ветра становился все выше, как крик страдающей женщины, и звучал беспрерывно. Я опустился на колени и зажал уши руками, чтобы не слышать этого яростно-

го вопля. Фургон сначала покачнулся из стороны в сторону — я даже испугался, что он перевернется, — потом двинулся вперед, словно ветер обладал разумом и взял нас в плен.

Меня бросило вперед и ударило о кого-то другого. Мы схватились за руки, вцепились друг в друга. Ударил град, и мы с Илло в страхе обнялись.

Глава 3

Фургон продолжал раскачиваться. К тому же он снова двигался вперед под ударами ветра. Равнины, поросшие травой, кажутся очень ровными, но на самом деле это не так. Они покрыты углублениями и ямами, тут и там небольшие холмы, так что наш фургон все время мог слететь с колес, и я не понимал, каким чудом мы еще не опрокинулись.

Я знал осенние бури, не раз они заставали нас в пути. Но сила этой бури превосходила все, что я испытал в прошлом. Мы были совершенно беспомощны. А вой ветра и удары града продолжались.

Тащило ли нас назад, к реке, куда убежали гары? Я не мог определенно сказать, но мне казалось, что это не так. Ветер тащил нас не на юг, а на северо-запад, как раз в ту сторону, куда мы направлялись. Но в чем можно быть уверенным в этом хаосе?

Не могу сказать, как долго мы оставались пленниками ревущей бури. Было по-прежнему темно. Я отпустил Илло и попытался оттолкнуть ящики и бочки, которые сорвались со своих креплений и с такой силой бились о нас, что могли сломать кости и ребра.

Первые усилия я прилагал вслепую: это была инстинктивная реакция человека, привыкшего жить на краю опасности, когда разум отказывает. У такого человека верх берут рефлексы организма. Но постепенно я взял себя в руки, постарался подавить страх. А страх я испы-

тал потому, что отец, хоть и успел войти в фургон, не помогал мне закреплять груз.

Я позвал его, но в грохоте бури не расслышал собственного голоса. Сделав все, что можно, чтобы избавиться от непосредственной опасности быть раздавленными, я на четвереньках пополз в заднюю часть фургона, где в последний раз видел отца, когда он затягивал крепления дверной завесы.

Фургон продолжало тащить вперед, и я держал одну руку наготове, чтобы оттолкнуть срывающиеся с креплений вещи. А другой рукой пытался найти отца, нащупать его.

Рука моя коснулась кожаной куртки, сжала предплечье. Но отец при моем прикосновении не шевельнулся, и была в его теле какая-то расслабленность... Фургон снова дернулся, угрожая перевернуться, тело отца скользнуло вперед, так что мне пришлось подхватить его, чтобы удержать.

Теперь он лежал головой на моем плече, я руками щупал его лицо. Ясно, что он без сознания. Свет... мне нужен свет!..

Фургон был полон запаха пролитого лампового масла. Мы, как и все странствующие, пользовались масляными лампами, а не дорогими инопланетными устройствами, которые к тому же перезарядить можно было только в Портсити и в шахтерских поселках. Но сейчас пытаться зажечь огонь, когда всюду масло, было все равно что напрашиваться на дополнительную катастрофу.

Я попытался ощупью определить, насколько пострадал отец, но опасался повредить ему неосторожным прикосновением. Наклонился, почти прижавшись лицом к его лицу, но дыхания в этом реве не услышал. Но когда нащупал горло, пульс был. Такой же он сильный и устойчивый, как всегда? Я в этом сомневался. Но делать было нечего — пока буря не израсходует всю свою ярость или не покончит с нами каким-нибудь страшным ударом.

Но ведь Илло — целительница! Она знает, что делать, она поможет... Где она?

Фургон дернулся, наклонился вперед. Меня прижало к стене, тяжелое тело отца навалилось на меня. Груз! Он был хорошо закреплен. Но крепления не рассчитаны на такую нагрузку! Я вспомнил о двух ящиках. В них содержится оборудование для шахт, слишком тяжелое, чтобы перевозить его на флиттерах, и поэтому доставшееся нам. Если эти ящики сорвутся с места, они могут разбить перегородку и раздавить нас. Я пытался оттолкнуть отца и пробраться к дверной завесе — посмотреть, есть ли у нас возможность спастись.

Но времени на это уже не было. Впереди оказалась яма, глубокая, гораздо глубже тех, что встречаются на равнине. Фургон сильно наклонился. И его передняя часть уткнулась во что-то.

Безумная гонка, вызванная ветром, прекратилась. Но ветер продолжал давить на заднюю часть фургона, угрожая перевернуть его. Я затаил дыхание и смутно ощутил, что удары града тоже прекратились. Ветер хоть и продолжал выть, но ему уже не хватало силы, чтобы перевернуть фургон. Я перевел дыхание и продолжал напряженно вслушиваться. Может, постоянный рев оглушил меня? Или на самом деле буря исчерпала свои силы и наконец стихает?

Фургон стоял, сильно наклонившись вперед. Насколько я мог судить, груз в задней секции не сорвался с креплений, не пробил две перегородки, отделявшие нас от него. Я осторожно выбрался из-под тяжелого тела отца, нащупал нижние крепления завесы. Свет — если бы хоть немного света!

Крепления подались, и я откинул занавеску. В беспорядочное месиво, которое когда-то было нашим домом, проникли серые сумерки, впрочем, с каждым мгновением становившиеся все светлее.

Отец лежал рядом со мной. Половина его лица была залита темной кровью; кровь текла из-под волос справа на голове. Он дышал с трудом, и теперь, когда буря стихла, я слышал его стоны. На углах губ собиралась кровавая пена, стекала по подбородку.

Илло проползла вперед. Рукой она показала, чтобы я постарался уложить отца прямо и отодвинулся, тогда она сможет осмотреть раны. Хоть в этом нам повезло — я могу рассчитывать на ее дар.

Она очень легко пальцами прикоснулась к спутанным волосам. Я видел, как работают целительницы, и понимал, что хоть глаза ее закрыты, она, держась одной рукой за выступ в полу, с помощью своего дара видит рану, определяет степень ее серьезности. Пальцы ее скользнули отцу на грудь, которую я быстро обнажил, и снова последовали легчайшие прикосновения.

Ветер уже настолько стих, что я смог расслышать тяжелое дыхание отца и негромкие болезненные стоны. А теперь услышал и слова, которых ждал с тревогой.

— Он ранен тяжело. — Илло не пыталась пощадить меня, и я был ей благодарен за это. — Трещина в черепе, и сломаны ребра. Ему нужно помочь, и быстро. Моя сумка...

Она посмотрела на мешанину вещей на полу. Я торопливо распутывал последнее крепление на дверной занавеске. Ясно, что в таком месте нельзя лечить сломанные кости. Нужно перейти туда, где отец сможет лежать прямо, а ей будет достаточно места для работы.

Откинув занавеску, я выглянул наружу. Светло, хотя солнца не видно. Прямо передо мной склон, по которому вниз течет водяной поток глубиной в мое запястье. Пытаясь разглядеть что-нибудь еще, я дальше высунул голову и плечи. Ясно, что фургон, как пробка в бутылке, застрял в одном из тех узких, поросших травой оврагов, по которым с равнин уходит вода во время таких бурь.

Вода, стекающая по склонам, теперь достигала передней части фургона и продолжала прибывать так быстро, что вскоре может потащить нас за собой. Нужно выбираться, и побыстрее. Но тащить человека без сознания через этот поток немыслимо. Я рассказал об этом Илло. Она кивнула, не отрывая взгляда от лица моего отца.

Я постарался проползти между ними и наклонившейся стеной фургона. Крепления занавески второй секции подались легко. За ней — хотя несколько небольших ящиков сорвались с креплений (их хрупкое содержимое, несомненно, разбилось) — мне удалось, придерживаясь руками за стены, пробраться без особого труда в главный грузовой отсек.

Теперь все зависело от того, выдержали ли крепления. Вполне вероятно, что там грудой лежат ящики, такие тяжелые, что я в одиночку не смогу их поднять. Перед входом в грузовой отсек я задержался лишь для того, чтобы прихватить веревку. Впрочем, я сомневался, чтобы она мне помогла: ведь эти ящики с трудом передвигали три человека.

— Здесь выхода нет. — Как Илло была со мной откровенна, так и я не стал ничего от нее скрывать.

— Нужно торопиться, — только и ответила она. Об этом я и сам догадывался.

Я спрыгнул в поднимающуюся воду, фургон уже начинал испытывать на себе силу течения. Теперь мне ясно было видно, что произошло. Мы застряли в глубокой щели. По обеим сторонам ее росли густые кусты, и при виде их я ощутил слабую надежду. Теперь все зависит от того, насколько у них глубокие корни и как цепко держатся они за землю. Если поток подмыл их — то, что я собираюсь сделать, невозможно.

Кусты мешали подниматься, но я опирался о стенку фургона. Передние колеса уже скрылись под водой, но задние глубоко засели в склоне берега, и мне удалось пробраться через густые колючие ветки, исцарапав кожу, и достичь задней стенки фургона. Здесь я развязал крепления, отбросил занавеску и увидел, что самые большие и тяжелые ящики загромождают вход.

Затем я принялся испытывать крепость кустов, не обращая внимания на острые режущие края листьев и колючки. Выбрал один из кустов у самого верха оврага. Здесь до воды было далеко, и куст, хотя я дергал его изо всех сил, не подался. Придется рассчитывать на эту опору.

Я забрался назад в фургон, привязал веревку прочным особым узлом странствующих. Такой узел способен выдержать даже рывок обезумевшего гара. Гар! Ничего в своей жизни я не хотел больше, чем увидеть Витола или другого гара из нашей упряжки, ждущего наверху. Но все они скрылись. Я надеялся, что им удалось отыскать убежище до того, как разразилась буря и ударил град.

Прочно обернув второй конец веревки вокруг себя, я вернулся к кусту. Его основной ствол был толстым, с мое бедро, но мне пришлось ножом срезать ветки, чтобы до него добраться. Я обвязал веревку вокруг ствола. Проверил, как мог, ее прочность и повис на ней всей тяжестью, свесившись вниз по склону. Остановился с возгласом боли. Тяжелые ящики не шевельнулись.

— Дай мне свободный конец.

Тяжело дыша, я обернулся, держась одной рукой за колесо: Илло, в мокрых, прилипших к ногам брюках, протягивала ко мне загорелые руки. Она подошла ко мне так тихо, что я ее не заметил.

Вдвоем у нас может получиться. Нужно попробовать. Теперь она всего лишь еще одна пара рук, добавочная сила. Я кивнул — мне все еще трудно было дышать и говорить, — и она вытащила из-за пояса перчатки и надела их. Я догадался, что она как целительница не может рисковать чувствительностью своих пальцев в том испытании, которое им предстоит. Надев перчатки, она обеими руками взялась за веревку. Я, стоя выше над ней, собрался для нового усилия.

— Давай!

Быстрый рывок, а затем тяга изо всех сил. Веревка подалась! Ящик, застрявший было в двери, подался легко. Повернув голову, я увидел его в отверстии фургонной двери. Но вот ящик наклонился, упал в кусты, подмяв под себя массу зелени.

Я отбросил веревку, спустился и направился к входу в фургон. Илло спускалась за мной. Я пробрался через вторую секцию, направляясь к жилому помещению.

И тут увидел: она сделала то, что мне казалось невозможным, потому что мой отец — рослый человек, может, и худой, но с тяжелыми костями — лежал выпрямившись на доске, которую она вытащила из боковой скамьи (эти скамьи в случае необходимости легко разбираются, чтобы высвободить место). Теперь, когда она уложила отца, мне оставалось только обвязать веревкой его накрытое одеялом тело.

Наполовину неся, наполовину таща отца, мы успели выбраться из фургона, когда подступившая вода уже перехлестывала через переднюю дверь. Вероятно, передвижение для него было вредно, но это меньшее из зол. Вытащив отца из фургона, мы по-прежнему на доске подняли его по склону через кусты к верху оврага, хотя нам пришлось дважды останавливаться, чтобы я смог прорубить дорогу.

И когда добрались до разрытого края, через который наш фургон сполз во время бури вниз, я шатался от усталости. У меня хватило сил только на то, чтобы уложить нашу ношу и самому лечь на спутанную мокрую траву под расчищающимся небом. Хотелось лежать рядом с отцом, но нужно попытаться спасти от наступающей воды то, без чего нам не выжить.

Трижды я спускался и поднимался, и каждый раз мне приходилось заставлять себя. Теперь наверху лежали драгоценный дорожный мешок Илло, который она уже открыла, обрабатывая раны отца, продукты, мокрые одеяла, наши шокеры и танглеры, два ночных фонаря, коммуникатор, который, впрочем, мог и не работать после того, как пережил дикие рывки фургона, и кое-что еще, что, по моему мнению, могло нам пригодиться.

Ясно, что без помощи гаров нам не вытащить фургон. По крайней мере я такой возможности не видел. Конечно, существует вероятность, что коммуникатор услышат в Денгунге, но я не был в этом уверен. У шахтеров есть флиттер, и, хотя я не представлял, как далеко от нас их поселок, на этой равнине можно как-нибудь послать

призыв о помощи, по которому к нам по воздуху прилетят спасатели.

К счастью, сильный дождь кончился, но трава была мокрая и прибитая водой, и разбивать лагерь здесь было плохо. У меня есть нагреватель, который я прихватил из фургона, но его заряда хватит ненадолго.

Илло нарезала одеяло на полосы и попросила помочь перевязать отцу ребра. Она также обвязала ему голову. Теперь, укрытый всем, что мне удалось спасти от поднимающейся воды, он лежал возле небольшого неустойчивого костра. Лицо под загаром казалось не бледным, а серым, и я не мог смотреть на него. И всякий раз как смотрел, во мне поднимался страх, я задыхался, как от болезни.

Из досок, оторванных с внутренних стен фургона, я устроил шалаш, заткнув щели в нем нарубленными ветками. Тучи разошлись, и показалось водянистое солнце. Я поднялся на самый высокий холм, поросший травой, и принялся в бинокль разглядывать окружающую местность. Надеялся увидеть гаров.

Но ничего не увидел, кроме одной-двух птиц, вздымавшихся в небо и опускавшихся к земле. Остается надеяться на вызов помощи по коммуникатору, поэтому я вернулся к шалашу и вошел в него.

Подобные инопланетные механизмы всегда высоко ценятся, и их стараются держать в хорошем состоянии. Их привозят на космических кораблях, и они слишком дороги для обычного жителя Вура. Я умел чинить коммуникатор, но в нем есть материалы, которые на Вуре раздобыть невозможно. Жители владений хорошо работают руками — по дереву и камню. Ведут кое-какие примитивные экспериментальные работы и с металлами: куют рабочие инструменты и тому подобное. Но мелкие сложные приборы, результат столетий технологического развития, собрать здесь невозможно.

Я с величайшей осторожностью открыл коммуникатор, чтобы посмотреть, как он перенес испытание. Круглый металлический диск с микрофоном на нем был упа-

кован очень тщательно, поэтому мне пришлось вынимать прокладки из сухой травы, чтобы высвободить прибор. Я внимательно осмотрел его, но никаких повреждений не обнаружил. Потом снял заднюю крышку. Провода, детали — я просмотрел все, не разбирая. И чуть приободрился, не обнаружив никаких разрывов и повреждений. Теперь все зависит от дальности.

Я понятия не имел, как далеко протащил нас ветер, хотя в бинокль видел, что зловещая полоска на горизонте, обозначающая Чащобу, теперь кажется ближе. Возможно, нас протащило так далеко, как мы не прошли бы в несколько дней обычным способом.

Илло достала небольшую кастрюлю, приспособила к ней длинную ручку, чтобы держать над огнем, не обжигая пальцы. Она была погружена в свое занятие и даже не подняла голову, когда я подготовил коммуникатор, поднес к губам микрофон и принялся повторять буквы, под которыми мы зарегистрированы в Портсити и которые должны быть известны в Денгунге. Трижды я повторил наши позывные и ждал ответа. Но услышал только такой громкий треск, что пришлось уложить коммуникатор в коробку: эти звуки причиняли боль слуху, который уже и так натерпелся во время бури.

Я терпеливо проделал ту же самую процедуру еще дважды, но с тем же результатом. Если коммуникатор исправен, значит, буря каким-то образом вмешалась в передачу. Пришлось с сожалением убрать прибор в футляр.

Илло, казалось, была довольна содержимым кастрюли, сняла ее с огня и порылась в мешке в поисках нескольких пучков высохшей травы. Обмакнув один такой пучок в кастрюлю, она смочила губы отца, осторожно открыла его рот и выдавила в него содержимое своей импровизированной губки.

Отец больше не стонал. Меня пугала расслабленность его тела, хотя я старался не показать этого. Жидкость, которую Илло накапала в рот, собралась в уголках губ. Девушка посмотрела на меня.

— Когда я снова начну это делать, — она поднесла губку ко рту, — осторожно растирай его горло — сверху вниз. Он должен проглотить немного. Это укрепляющее средство — от шока и холода, которые сопровождают тяжелые ранения.

Я исполнил ее указания. Тело отца под пальцами действительно казалось холодным. Мы напряженно работали, я исполнял инструкции девушки, и ей удалось терпеливо переместить примерно треть содержимого кастрюли в рот отца.

— Теперь пусть отдыхает. — Она ненадолго положила руку ему на лоб ниже повязки.

— Как... как он? — со страхом спросил я. И боялся услышать ответ.

Она медленно покачала головой:

— Он ранен тяжело. Думаю, одно из сломанных ребер прорвало легкое. А трещина в черепе... очень мало известно о последствиях таких ран. Однако он жив, и пока он жив, мы должны надеяться. Хотелось бы укрыть его получше...

Я встал. Во мне кипели гнев и негодование из-за случившегося. Пришлось изо всех сил сдерживаться и не произнести те слова, что рвались наружу. В том, что произошло, не виноваты ни Илло, ни я, ни отец. Но в глубине души мне хотелось кричать от гнева. Я снова оставил наш жалкий лагерь и прошел к холму, вершина которого чуть поднималась над равниной.

В ущелье вода поднялась еще выше, накрыв переднюю часть фургона. Фургон дрожал под ударами течения, которое старалось снести эту преграду на своем пути. Я посмотрел вдоль ущелья: поток идет с севера, возможно, начало его в горах, за Чащобой. Эту местность с неба картографировали корабли изыскателей, но, насколько мне известно, никто из людей там не бывал. Грозные горы, высокие, крутые, с острыми вершинами, похожими на зубы чудовища, страшные и не предназначенные для людей.

Я видел, что течение несет многочисленные обломки и следы бури. В воде плясали кусты, такие же, как растут по берегам. Вода подмыла их корни и унесла. Эти кусты застревают у фургона и укрепляют дамбу, за которой вода продолжала подниматься.

Но вот в воде что-то шевельнулось. Моя рука протянулась к рукояти шокера. Я увидел... — и понял, что это не иллюзия, — увидел, как над поверхностью поднялась уродливая бронированная голова. Круглые немигающие белые глаза разглядывали фургон и преграду из кустов.

Такой твари я никогда на равнинах не видел. Когтистая перепончатая лапа, больше моей руки, высунулась из воды и ухватилась за край фургона в поисках опоры. И нашла ее. Вторая лапа протянулась к той же опоре.

Я пробрался к самому краю оврага, держа оружие наготове. Тварь разинула пасть, так что голова разделилась чуть ли не надвое, и обнажила ряды острых зубов. Я был уверен, что это плотоядный хищник.

Вопреки мощному телу, которое под длинной шеей казалось непропорционально большим по сравнению с головой, и со слишком тонкими лапами, чудовище двигалось легко и проворно. Я подумал, что оно много времени проводит в воде. Тварь забралась на верх фургона, высоко подняла уродливую голову и испустила громкий рев.

— Что это? — Ко мне подошла Илло.

— Не знаю. Но...

Голова метнулась в нашем направлении. Глаза казались слепыми белыми шарами, без малейших признаков зрачка. Но очевидно, что тварь нас видит, принимает за врага или добычу. Продолжая реветь, она полностью высунулась из воды, показав остальные когтистые лапы, и принялась карабкаться вверх вдоль наклоненного фургона.

Я прицелился в голову, поставил заряд на полную мощность и выстрелил. Все равно что прутик бросил: тварь даже головой не покачала, чтобы избавиться от мимолетного головокружения. Даже гар, песчаный кот или джез после такого выстрела лишились бы сознания.

Когтистая лапа уже рвала кусты, в которых я прорубил тропу наверх. Может быть, на суше мы смогли бы убежать или увернуться, но ведь мой отец без сознания лежит у костра. Наверное, я поторопился с выстрелом, не попал...

На этот раз я сосредоточился только на качающейся уродливой голове. Точка между белыми глазами — ее я выбрал целью. Но тут мою сосредоточенность нарушил голос Илло:

— Цельсь в шею, там, где она соединяется со спиной!

Что она об этом знает? Судя по ее собственным словам, она такую тварь тоже никогда раньше не видела.

— Цельсь туда! — Голос ее прозвучал строго, как приказ. — Его мозг... я вообще не чувствую в его голове мозга!

Для меня ее слова не имели смысла. Но выстрел в голову не уложил чудовище. И однажды я видел, как гара парализовал выстрел шокера в позвоночник. Может, и сейчас получится?

Хотя инстинкт говорил мне, что я ошибаюсь, я в последнее мгновение изменил направление луча. И нацелился в то место, где изгибающаяся шея переходила в мерзкое одутловатое туловище.

Полная мощность, и я продолжал нажимать на кнопку, не думая о том, что могу полностью разрядить шокер.

Шея взметнулась высоко в воздух, словно я попал в нее не лучом шокера, а хлыстом. Потом наклонилась вперед, расслабилась, упала, голова оказалась в кустах, а туловище, цепляясь когтями за кусты, заскользило вниз, миновало фургон и погрузилось в воду.

Глава 4

Течение на мгновение завертелось, и больше ничего не было видно. Если эта тварь действительно живет в воде, она может лежать на дне, и поднятые наводнением грязь и ветви делают ее невидимой. А придя в себя, она нападет снова. Нужно уходить отсюда. Но для этого...

Когда я вслух рассказал о своих опасениях, Илло кивнула.

— Эта тварь... никогда о таких не слышала, — медленно сказала она, глядя на поток, словно ждала, что отвратительная голова в любое мгновение может появиться снова. — По крайней мере, на юге. Возможно, это житель болот, но где...

Я смотрел на северо-запад. Во время своих путешествий я как странствующий видел много необычных существ. Отец старательно записывал сведения о новых животных, летающих или ползающих, и о новых растениях, с которыми мы встречались. И так подробно делал это, что я подумал, не был ли он в своем неведомом мне прошлом членом исследовательской группы.

Насколько мне известно, ни с какими официальными представителями власти в Портсити он своими знаниями не делился. Его как будто подгоняла внутренняя потребность узнать как можно больше о жизни на Вуре. Однако, как и Илло, мы с ним никогда не видели ничего похожего на чудовище из потока и не слышали о таких.

Что касается болот — да, на юге они встречаются. Но таких больших, где могло бы жить подобное существо, нет. А вот на севере...

Я поднял голову и посмотрел на быстро текущую и поднимающуюся воду, которая все более опасно раскачивала фургон и вскоре могла его совсем затопить. Поток, рожденный яростью бури, проходит по руслу, уже вырытому водой, и русло это тянется с северо-запада — с того самого направления, где на горизонте виднеется темная полоска Чащобы.

А что, если эта непроходимая полоса растительности скрывает болота? Вполне возможно, хотя, насколько мне известно, такая густая растительность редко встречается в болотистой местности. А животное, с которым мы сразились, такого размера, что никак не может пробраться через чащу, через которую не смогли проложить дорогу люди за все время, сколько живут на планете.

Но у Чащобы настолько зловещая репутация, что я поверил бы в любых скрывающихся в ней чудовищ. Впрочем, сейчас это для нас не имеет значения. Мы должны сосредоточить все усилия на том, чтобы добраться с тяжело раненным отцом до какого-нибудь цивилизованного приюта. Если не удастся связаться по коммуникатору с шахтами, придется повернуть на юг, вернуться в то владение, которое мы покинули всего несколько дней назад.

Я принялся вытаскивать из фургона все, что могло еще пригодиться. Отец худой, но вдвоем нести его на большое расстояние мы не сможем. Разве что пойдем очень медленно. А я считал, что на это у нас нет времени. Существуют другие возможности, и я продолжал обшаривать раскачивающийся фургон.

Вода уже заливает переднюю секцию, фургон лежит почти на боку, потому что поток постоянно подмывает берег, в котором застряли колеса. Я дал Илло второй шокер, и она стояла на страже на случай появления новых водных существ.

Тучи наконец совсем разошлись, вышло солнце, но оно уже низко склонилось к горизонту. У меня остается мало времени. И я так устал, что руки дрожали, когда я развязывал крепления и таскал множество вещей, которые могли не понадобиться, но которые я прихватил в стремлении не забыть ничего важного.

Груз, конечно, вытащить невозможно. И его придется бросить, если не удастся связаться с шахтерами и получить помощь. Но нетяжелые вещи я с трудом вытаскивал из фургона и передавал наверх девушке, а она укладывала их грудой возле того места, где стояла.

Я работал до тех пор, пока фургон опасно не накренился и я едва успел из него выскочить. В него ворвалась вода. Я каким-то образом взобрался по склону и тяжело дышал. Талию мне, словно челюсти медленно захлопывающейся ловушки, сжимала полоска пермастали.

Илло уже перенесла часть вещей к нашему импровизированному лагерю. Я понял, что сил у меня больше нет

ни на что, и смог только добраться до костра, который превратился в маяк, и там снова упасть. Тело с головы до ног превратилось в сплошную боль.

Помню, как пил из кастрюльки, которую дала мне Илло, при этом смутно думая, что надо бы установить ночное дежурство. На травянистых равнинах мало хищников, и те из них, которые известны странствующим, охотятся по ночам, но боятся огня. Остается вода — и то, что появилось из нее. Но дотянуться до шокера, который висел на поясе, и даже просто держать глаза открытыми было выше моих сил. Усталость накрыла меня, как одеялом, окружила, словно Чащоба.

Я проснулся... На небе яркие звезды, оранжево-красный шар — луна Вура — висит прямо над головой. Одно из тех мгновенных пробуждений, которые бывают у людей, живущих на пороге неведомого. У таких людей инстинкты и внутренние предупредительные системы так же способны воспринимать сигналы тревоги, как приборы космического корабля.

На земле горит огонь... Три лагерные лампы, спасенные при катастрофе, заправлены и ярко горят. За ними груда сваленного как попало добра, которое я вытащил из фургона. После того как я сдался, девушка, должно быть, все это притащила сюда. Девушка!..

Она сидела у доски, которая служила постелью моему отцу. Свет ламп придавал ее лицу обманчивый красноватый оттенок. Глаза ее закрыты, но в руке зажат шокер.

Собственная слабость устыдила меня. Гордость моя в этот момент была сильно уязвлена: я, уже опытный странствующий, не справился со своими обязанностями. Она даже укрыла меня одеялом из шерсти гара. В гневе из-за своей слабости я отбросил это одеяло. Но приступ гнева длился лишь мгновение.

Что-то разбудило меня. Привычка к жизни на равнинах взяла верх. Я слышал шум воды в ущелье, но он стал слабее. Похоже, вода перестала подниматься. Наверное, спадает поток, рожденный бурей. На мне пояс

странствующего, на нем многочисленные инструменты, которые могут пригодиться в пути. Я встал, ощутив вес не только шокера в кобуре, но и ножа на бедре. Положив руку на ручку ножа, я медленно поворачивал голову с востока на запад, потом снова внимательно посмотрел на север.

Дул ночной ветер, но он не пел в высокой траве, прибитой к земле бурей, и не несет с собой тот незнакомый запах, который послужил предвестником бури. Если за пределами освещенного круга бродит какой-нибудь хищник, он ничем себя не выдает.

На несколько мгновений я испытал прилив надежды. Гары! Может, Витол нашел путь назад и привел с собой все стадо? Я негромко свистнул — на такой свист могучее животное всегда отзывалось, если находилось в пределах слышимости. Никакого фырканья или ударов копыт о поверхность равнины.

Но что-то есть — звук, ощущение, которое меня разбудило и сейчас продолжает держать в напряжении. Если отец... Я знал, что мои знания равнин по сравнению с его — все равно что у ребенка, только еще начинающего читать ленты. В прошлом я много раз видел, как он так настораживается, и всегда у этого была важная причина.

Зрение не поможет за пределами освещенного лампами круга; обоняние и слух не дают ничего — пока. Я подошел к Илло, наклонился и взял из ее руки шокер. Держа его наготове — свой я берег на крайний случай, — я начал по периметру осторожно обходить лагерь, каждые несколько шагов останавливаясь, прислушиваясь, приглядываясь к полосам света и тьмы на освещенной луной местности.

Ничего не видно. Трава влажная и прибита бурей к земле. Всякий, кто попытался бы приблизиться к нам, издавал бы звуки, и я бы их услышал. И легко заметил бы передвижение. Остается ручей. Я снял с пояса ночной фонарь. Его заряды нужно беречь, потому что их у меня только небольшая коробка, которую я успел вытащить

из воды. Тем не менее я настроил фонарь на максимум и направил широкий луч холодного света вниз.

Под тяжестью фургона, передняя часть которого погружена в ручей, сломалось одно из задних колес, застрявших в откосе, и теперь это колесо лежало немного в стороне. Если бы отец был здоров, а гары под рукой, починить фургон и вернуть его на тропу равнин было бы очень трудно, но возможно. Но в сложившихся обстоятельствах у меня не было никакой надежды восстановить наш транспорт.

Река, недавно еще яростная, теперь стихла. Хотя поверхность ее по-прежнему была покрыта грязью и сорванными ветками, течение стало слабее, и в потоке уже не могла скрыться такая тварь, какая нападала на нас.

Если бы тварь оставалась на дне, не придя в себя от действия шокера, теперь ее чешуйчатая спина обнажилась бы. Но ничего не видно: либо ее унесло течение, либо она уплыла по своей воле. Сколько бы я ни смотрел, видел только фургон и постепенно спадающий водный поток.

Без всякого результата я обошел лагерь. И тем не менее... что-то ведь меня разбудило, что-то ждет здесь... где-нибудь...

Я вспомнил, что говорила родственница моей матери, — тронутые Тенью. Конечно, я слышал это выражение и раньше, но оно для меня ничего не значило. Что же произошло, когда в северные владения пришла смерть? Почему один ребенок тут, другой там — почему они, всегда представители второго поколения, оставались жить, когда весь поселок переставал существовать? И почему мы ничего не помним?

Снова я углубился в свое сознание... Нет, только гар, идущий под солнцем, мой отец рядом с ним. Даже отца я не могу припомнить ясно: гар в моей мысленной картине гораздо отчетливее.

Может быть, потому, что езда верхом — удивительное и непривычное ощущение для маленького мальчика? Конечно, гары используются и в поселках и владениях, но

эти гары гораздо меньшего размера, слабее и не могут произвести такого впечатления на малыша, как животные странствующего.

Я подумал о постоянном интересе отца к покинутым и разрушенным поселкам, которые пострадали от Тени. Отец рисковал жизнью, исследуя их. Почему люди говорят о Тени? Если нет выживших, которые могли бы рассказать о природе опасности, кто придумал такое название?

Снова я порылся в памяти и не смог найти никакого ответа на свой вопрос. Всю жизнь я слышу о Тенях как о смерти и непреклонной и ужасной судьбе. Но несмотря на все отцовские исследования, он никогда не говорил мне, почему эта угроза с севера так названа. Как будто существовал внутренний барьер, не позволяющий вдаваться в такие рассуждения...

Повторно обходя лагерь, я не только искал причину своего пробуждения. Мозг мой был занят: впервые, насколько мог вспомнить, задавал я себе эти вопросы. Трижды обошел я вокруг по самому освещенному лампами краю.

Но не только не удостоверился, что на озаренной луной влажной равнине нет ничего — напротив, тревога моя еще усилилась. Я обнаружил, что невольно сжимаюсь, как будто ожидаю, что в любое мгновение в воздухе свистнет нож и вонзится в мое тело или луч бластера сожжет его до кости. Каждый раз я надолго останавливался на краю ущелья, направлял вниз фонарь: поток быстро мелел, словно земля превратилась в губку и впитывает его.

Наконец я отказался от добровольно взятых на себя обязанностей часового и направился к тому месту, где лежал отец, накрытый одеялом. В свете костра, не таком ярком, как луч моего фонаря, лицо его казалось осунувшимся, кости проступали сквозь кожу: за несколько часов смертельная болезнь словно лишила его сил для сопротивления. И...

Глаза его были широко раскрыты. И не просто раскрыты, в них было сознание. Он напряженно смотрел

на меня, и я невольно опустился рядом с ним на колени. В этот момент я был словно не старше мальчика в своем воспоминании.

Илло смыла кровь с его лица, перевязала раны. Одеяло было натянуто по горло, скрывая искалеченное тело. Боль провела резкие морщины на лице, но сейчас отец отбросил ее, взял под контроль. Я видел это, хотя не понимал, как он это сделал.

Я увидел, как шевельнулись губы отца. На лбу под повязкой проступил пот. Повинуясь этому настойчивому взгляду, я наклонился к самым губам.

— На север... в Мунго... — еле слышным шепотом произнес отец. — На север... я... похорони меня в Мунго. Поклянись, поклянись, что ты это сделаешь! — Он собрал все силы, чтобы произнести эти последние слова, произнес их отчетливо и громко, как будто давал гарам приказ двигаться.

В углах его рта снова показались кровавые пузыри. Он тяжело закашлялся. Пузыри разрывались, потекла кровь. Но взгляд его не отпускал меня. Губы снова зашевелились — но ужасный кашель вызывал не слова, а только сгустки крови.

— Клянусь! — Я понимал, что никакой другой ответ невозможен.

Еще какое-то время после того, как мы заключили этот договор, его глаза оставались ясными. Я просунул руку под одеяло, нашел руку отца и держал ее. У него еще оставалось немного сил: я почувствовал, как его пальцы сжимают мою руку.

Больше он не пытался говорить. Но глаза не закрывал, и мы продолжали держаться за руки. Сколько это продолжалось? Невозможно сказать. Не знаю, когда я увидел, что его голова чуть повернулась на одеяле, которое мы использовали как подушку, и он посмотрел на что-то иное, за мной. Готов поклясться, что он в этот свой последний момент что-то увидел. Что именно, навсегда останется тайной, но мне кажется, увиденное принесло

ему утешение. Лицо его разгладилось и приняло мирное выражение. Я вдруг понял, что никогда не видел отца таким. В этот момент он стал моложе, красивее, превратился в человека, каким мне не дано было его знать.

Я долго сидел рядом с ним под заходящей луной, но то, что лежало рядом, больше не было отцом — только брошенная забытая одежда, в которой ничего нет. Отец ушел и оставил во мне пустоту, которая становилась все глубже и шире. Мне казалось, что эта пустота стала такой огромной, что я в нее упаду и никогда не смогу выбраться. Всю жизнь отец был рядом со мной — что мне теперь делать?

Я вздрогнул. Прикосновение к плечу подействовало словно обжигающий удар бластера.

— Он ушел своим путем, как и хотел с самого начала.

Я посмотрел на девушку, во мне вспыхнул гнев и развеял минутную неуверенность.

— У него были силы... он не стал бы... не сделал бы то, о чем ты говоришь! — Я с гневом отвергал ее слова. Мне приходилось раза два видеть, как люди умирали от несерьезных болезней или ран просто потому, что не хотели жить. Мой отец не таков. Думаю, в этот момент, в гневе, усиленном сознанием утраты, я мог бы ударить ее.

— Он устал... очень устал... и он был один из тех, кто знал...

Она не отпрянула от меня. Лицо и голос оставались спокойными, как у всех целительниц. И это спокойствие начинало действовать на меня, как действует на всех, кто с ними сталкивается.

— Знал что? — спросил я.

— Некоторым дано понять и знать, когда наступает великая перемена. Много лет его подгоняло сознание, которое он не мог принять, и он почти поверил, что понимание придет за пределами жизни.

Ее слова одно за другим погружались в мое сознание, как падают камни на поверхность пруда, вызывая разбегающиеся круги. То, что отец мой — одержимый чело-

век, я знал всегда, с тех пор, как стал достаточно взрослым, чтобы весь мир не сосредоточивался на мне одном, как бывает у маленьких детей. Что он одержим загадкой, которую не в силах разрешить, — да, это тоже правда. Но чтобы он сдался... Нет! Я с трудом сдержал новый приступ гнева. Нужно думать не о том, отчего он умер, — конечно, от ран, с которыми не в силах справиться даже инопланетная медицина, — а об обещании, которое я ему дал. Поклялся, что выполню его.

Но как это сделать? Я не знаю даже, в каком направлении Мунго и как далеко до него. Но я должен сделать это — обязан.

— Я поклялся, что похороню его в Мунго — или в том, что от него осталось, — сказал я Илло. Каким-то образом мне удалось разорвать путы, сковавшие сознание, я снова начал думать о способах и возможностях. Впереди, возможно, много дней пути. У меня нет транспорта. Даже если удастся связаться с шахтами, я знал, что мне никто не поможет.

Хорошо, справлюсь один. И я принялся за работу. Но когда Илло увидела, что я достаю из груды вещей, она молча принялась мне помогать. Мы уложили тело отца в скафандр, в котором он все эти годы исследовал тронутые Тенью владения. В сломанном фургоне нашелся бочонок с пластастилом. Этот груз предназначался для ремонта зданий в шахтном поселке. Мы покрыли скафандр слоем этого вещества, которое быстро затвердело под солнцем.

Раньше я думал, как перевозить отца живым, теперь пришлось думать о перевозке его тела. Доски я тоже скрепил с помощью пластастила. Получилась платформа, к которой можно привязать тело в скафандре.

Я работал большую часть дня, импровизируя с имеющимися инструментами и припасами, и не думал ни о чем ином, кроме этой работы. И только когда затянул последний узел и покрыл его остатками пластастила, подошел, спотыкаясь, к костру и взял в дрожащие руки чашку с едой, которую протянула Илло. И проглотил

уже почти все, когда услышал звук, заставивший меня вскочить, так что чашка перевернулась и все оставшееся содержимое вылилось на траву. Да, звук слабый и очень далекий... Но я не сомневался в том, что услышал.

Я выронил чашку, поднес пальцы к губам и свистнул. Гары... конечно, это мог быть рев какого-нибудь дикого гара, потому что встречаются и такие, оставшиеся без хозяев от разрушенных владений. Но наша упряжка хорошо обучена, и в природе этих животных устанавливать тесные взаимоотношения с хозяевами. А наши гары отличались особой привязанностью к нам.

То, что они смогли отыскать нас в этой дикой местности, найти ручей, в котором застрял фургон, тоже не необычно. Я слышал рассказы о гарах, которые в поисках того, кто их вырастил, шли от владения к владению. Поэтому те, кто вырастил гара, редко его продают.

Скоро закат, но света еще достаточно. Снова свистнув, я поискал бинокль. И увидел вдали три серых пятна. Где остальные? Вспомнив ярость бури и града, я подумал, что мог бы и не спрашивать.

Подошла Илло:

— Ваши?

— Готов поклясться. Но их только три...

— Недостаточно, чтобы поднять фургон, — заметила она.

Я покачал головой, не отрывая взгляда от трех точек, которые с каждым мгновением становились все больше. Они бежали быстро, пригнув рогатые головы, словно шли по следу. Но невозможно не узнать самого крупного из них. Витол! За ним его подруга Дру. И третий — самый младший, которого мы только в этом году впервые запрягли, — сын Витола Водру.

С помощью гаров я смогу выполнить свой план. Но, повернувшись к костру, уверенный, что они скоро окажутся рядом, я впервые вспомнил, что у Илло свой поиск. А я связан обещанием, данным ей отцом как прокладывающим путь. Груз, который мы должны были

доставить на шахту, не проблема: я могу оставить коммуникатор, который будет подавать сигнал, и его найдут те, кто явится спасать погибающий груз. Другое дело — Илло. Теперь я должен принять на себя ответственность и благополучно доставить ее к месту назначения.

— А куда проводить тебя? — прямо спросил я. — У тебя есть карта или схема?

Она оглянулась через плечо, потому что стояла на коленях у костра, подбрасывая в него ветки, срубленные в глубине кустов, куда не добрался дождь.

— Долг прокладывающего путь? — Она поднесла руки к огню. — Нет, Барт с'Лорн, я не требую от тебя его исполнения. Его можно отменить по взаимному согласию.

— Я не согласен, — резко ответил я. — Теперь у нас есть гары, мы можем прихватить с собой достаточно припасов и доставить тебя туда, куда ты направляешься...

— Хорошо. В таком случае я иду в Мунго...

— Почему? Потому что знаешь, что я должен идти туда? Но это глупо. Я могу доставить тебя в любое владение...

— Владение? — прервала она. — Здесь на севере нет никаких владений или поселков, кроме шахт инопланетников, — теперь нет.

— Но ты ведь сказала, что слышишь призыв, что в тебе нуждаются. Инопланетники?..

Она слегка улыбнулась:

— Неужели они станут пить мои снадобья, позволят мне руками изгонять их болезни? Они в это не верят. Да, меня призывают... но не такой посыльный, которого можно увидеть или услышать. Я ведь говорила тебе: я тронутая Тенью. Как и у твоего отца, во мне есть потребность узнать... понять то, что я не могу вспомнить. Мунго, как и Роща Вура, побывал во власти Тени. Может быть, там я и узнаю то, что хотела узнать на своей родине.

Мне это не понравилось. Но никто не может сказать целительнице «нет», если она утверждает, что слышит

призыв. То, что она не смогла помочь отцу, не имеет отношения к ее мастерству — существуют раны, которым не поможет никакое лечение. И, конечно, хорошо, что мне не нужно задерживаться, чтобы доставить ее. Но я не был удовлетворен, хотя не мог ничего возразить против ее участия в путешествии.

Гары добрались до лагеря, и тут я увидел то, чему был свидетелем лишь раз в жизни: животные под водительством Витола подошли к грубым саням, на которых в скафандре лежало тело отца, и немного постояли — Витол впереди, Дру справа от него, Водру слева. Вожак поднял массивную трехрогую голову и закричал. Это был не его обычный низкий рев, а скорее плач. Такой я слышал у гаров, только когда погибал кто-нибудь из них.

Трижды так прокричал гар, потом повернулся, остальные последовали за ним, и все они медленно и целеустремленно направились ко мне. Витол опустил голову, так что я смог прижать ладонь к гладкому месту между его глазами. Так обычно поступают гары, когда признают, что добровольно подчиняются человеку.

Я знал гара почти десять лет своей жизни, но никогда раньше он так меня не приветствовал. Мы с отцом часто размышляли, насколько разумны гары. Думаю, теперь я получил доказательство, что они не просто животные, предназначенные для перевозки грузов, какими их считают инопланетники. Я заговорил с Витолом и двумя остальными гарами, назвал их по имени, говорил с ними вежливо, как с жителями какого-нибудь поселения, и поблагодарил за то, что они предлагают мне свою службу.

Ночью мы спали при свете ламп, но спали спокойнее, потому что нас охраняли гары. Мне казалось, что я больше никогда не смогу уснуть, что меня постоянно будут мучить воспоминания о том, что я потерял навсегда. Но оказалось, что это совсем не так. Наверное, усталость победила сознание, потому что я сразу погрузился во тьму, которую не тревожили никакие сновидения.

Глава 5

Среди добра, спасенного во время крушения, оказались две вещи, которые я использовал наутро. Хотя груз, заказанный инопланетниками, я не могу доставить, теперь — силой обстоятельств став прокладывающим путь — я должен позаботиться о его сохранности. Поэтому на ближайшем холме я установил маяк. Рано или поздно груз начнут разыскивать, сигнал маяка зарегистрируют приборы флиттера. В то же время никого другого этот сигнал не может привлечь.

В маяке я оставил ленту с рассказом о том, что с нами случилось, чтобы отца, даже мертвого, не могли обвинить в нечестности и в невыполнении контракта. Так требует кодекс чести странствующих, и я постарался все проделать правильно.

Все утро мы работали, разбирая все, что я извлек из фургона, отбирая только то, что необходимо в пути. Инструменты и инопланетные приборы я отложил в сторону: если они выйдут из строя на диких равнинах, станут бесполезным грузом. Например, нам не нужны коммуникаторы, потому что на севере некого призывать на помощь. И мы взяли с собой только то, что берет странствующий на самый крайний случай.

Продукты: твердые лепешки из высушенного и спрессованного мяса и зерна — очень калорийная пища. Я еще раз спустился к фургону, принес две канистры для воды. Они висели близко, и я смог до них дотянуться. Илло процедила быстро убывающую воду ручья сквозь ткань и заполнила обе канистры. Это был груз, который мы повесили на спину Дру.

Из одеял сделали тюки, уложили в них запасные заряды для шокеров, два танглера, несколько простых инструментов, таких как тесак, которым я прорубал дорогу на склоне, веревку, тонкую, но такую прочную, что я ее с трудом резал ножом. Большие фонари мы решили не брать с собой — предпочли дополнительные заряды

для карманных фонариков: того, что был на поясе отца, и моего собственного. Илло несла свой мешок, я — другой, в который уложил все, что могло пригодиться нам в поле. Еще два тюка понесет Водру, а Витол пойдет в упряжи, к которой я прикрепил сани с телом отца.

Когда солнце было уже высоко, мы торопливо поели и выступили. Единственное, что из взятого с собой можно было считать ненужным грузом, — это ленты, которые отец надиктовал после посещения покинутых владений, а также прибор для их чтения. Я был уверен, что ничего подобного на Вуре нет, и если мы и сможем узнать что-нибудь о том, что находится перед нами, то только из этих лент.

Мы пересекли овраг. Я не смотрел на обломки нашего фургона. Как будто эта часть моей жизни закончилась и не нужно думать о потерях — кроме одной, самой большой, которую мы несем с собой.

Наша цель — далекая полоска Чащобы, уродливое пятно, протянувшееся вдоль всего горизонта. В кармане пояса у меня карта, начерченная отцом, и я знал все обозначения на ней так же хорошо, как линии на своей руке. Потому что я был с отцом, когда он наносил все эти обозначения. Перед тем как выступить, я показал карту Илло, и она указала на северо-запад, туда, где на карте пустота.

— Роща Вура находится там, — сказала она так убежденно, что я не усомнился в ее словах. — А где Мунго?

Насколько я знал, отец никогда не возвращался в этот забытый поселок после того, как забрал из него меня. Тем не менее он обозначил его особым знаком — красным, словно начерченным кровью. Я, со своим знанием равнины, полагал, что Мунго находится к востоку от того места, где мы перешли овраг. И он не так близко к Чащобе, как Роща Вура.

На широкой равнине мало что может служить ориентиром. Самый очевидный из таких ориентиров — Чащоба, ею заканчивается любой маршрут в этом направлении. Так что нам нужно только двигаться к ней, а потом

слегка отклониться, и мы уткнемся в Мунго. Во всяком случае, я на это надеялся.

Гары шли спокойным ровным шагом, и нам нетрудно было от них не отставать. Иногда странствующие привязывают гаров веревкой к передку фургона, но я их никак не удерживал. Решил, что Витол понял, что мы собираемся делать, и без принуждения пойдет с нами.

Трава, которую постепенно просушивало солнце, начала подниматься. Вскоре мы промокли по колено, мокрыми были и ноги животных.

К середине дня мы подошли к небольшой круглой яме, доверху наполненной водой от недавнего дождя. Три гара вдоволь напились с одной стороны, мы сделали то же самое с другой. Уровень воды и здесь уже начал спадать. И мы были не одни. В траве что-то шуршало, мелькали мелкие существа, которых мы не успевали рассмотреть. На окружавшей воду полоске грязи было множество следов животных и птиц. Я внимательно осмотрел полоску в поисках следов хищников, охотящихся в траве. К счастью, отпечатков когтей скроверов не увидел — эти свирепые животные с острым клювом легко обгоняют бегущего человека и готовы охотиться на все, что меньше и слабее их.

Тем не менее разумно к наступлению ночи уйти как можно дальше от водопоя. Потому что днем пьют, как правило, неопасные животные. Истинные охотники приходят в темноте. Витол словно прочел мои мысли, потому что, как только он и его соплеменники удовлетворили жажду, он пошел быстрее, и мне пришлось перейти на особый шаг странствующего, чтобы не отставать от него. Дважды я оглядывался на Илло, но она, казалось, способна держаться наравне с остальными двумя гарами, и я постепенно перестал опасаться, что она будет для меня обузой. Девушка как будто закончила ту же школу, в которой я учился годами.

На равнине нет никаких убежищ. Без фургона, который всегда служил нам основой лагеря, я чувствовал себя голым и незащищенным. Тем не менее до наступления

темноты нужно выбрать место для ночлега: у нас нет фонарей, способных создать ощущение безопасности, которое всегда дает людям огонь и свет.

Наконец я остановился на месте у наполовину скрытого травой возвышения, какие изредка встречаются на равнине, скосил траву, чтобы обнажить поверхность почвы. Солнце уже настолько высушило траву, что я смог уложить ее небольшими грудами. На эти груды мы положили одеяла. Но костер на ночь разжигать не стали.

Гары, освобожденные от груза, паслись поблизости, время от времени поднимая голову и принюхиваясь, чтобы уловить запах, предупреждающий об опасности. Мы сели, поели дорожную пищу — каждый кусок приходилось долго жевать, прежде чем проглотить.

За весь день мы обменялись всего несколькими словами. Теперь мне отчаянно хотелось — пусть ненадолго — забыть о том деле, которое ведет меня на север. Может, стоит достать ленты и, готовясь к тому, что может ждать нас завтра или послезавтра, послушать записи отца. Потому что я не мог точно прикинуть, сколько времени пройдет, прежде чем мы доберемся до руин Мунго. Но все же я на это не решился. Голос отца мог лишить меня решительности, которая одна заставляла меня идти. Поэтому я в отчаянии задал вопрос:

— У тебя походка странствующего... далеко тебе приходилось ходить?

Она ответила вопросом на вопрос:

— Северная земля тебе незнакома?

— Да. Если ты слышала о моем отце, то должна знать, что люди говорят... говорили о нем, что он ищет то, что нельзя найти, и забредает в места, которые лучше оставить в покое.

— Знаю. Поэтому я и искала его — и тебя. Ты спрашиваешь, далеко ли я путешествовала... да, далеко — телом и душой...

— Не понимаю... — Если путешествуешь физически, телом, то и душа проходит то же расстояние, путано ду-

мал я. Очевидно, я очень устал. Все еще не могу думать ясно, как до бури, изменившей всю мою жизнь.

— Что ты знаешь о целительницах? — Она сидела на одеяле, скрестив ноги. Солнце уже зашло, но было еще достаточно светло, чтобы я видел ее лицо. Лицо спокойное. Мне показалось, что на ней маска: то, что под маской, может очень отличаться от того, что представляют себе люди.

— То, что знают все странствующие Вура. Что ты обладаешь способностями, которым невозможно научиться, что они у тебя с рождения. Хотя ты можешь обучаться у такой же целительницы, узнать все, чему она тебя научит, так что твои способности усовершенствуются и очистятся, как шахтеры превращают руду в металл.

— Хорошо сказано, — ответила она. — И все верно лишь отчасти. Но мы знаем еще вот что: наши целительные способности не действуют на инопланетников, потому что любой, кого лечат — мужчина, женщина или ребенок, — должен верить. Только тогда лечение будет удачным. А инопланетники, прилетающие к нам, и даже некоторые поселенцы из первого поколения не могут принять то, что мы предлагаем. Наш дар частично исходит от самого Вура, его корни здесь, и, возможно, у этого дара есть и другие цели, о которых мы еще не знаем.

— Значит, ты ищешь эту другую цель в тронутых Тенью местах?

Она не ответила прямо, даже не взглянула — напротив, отвернулась и смотрела на быстро сгущающийся мрак и почти бесформенные массивные фигуры, движущиеся по кругу.

— Год назад я была во владении Бетола с'Тео. Я собирала траву кор, из которой мы делаем успокаивающий напиток для младенцев, когда услышала призыв. Но другая целительница оказалась ближе и первой ответила на призыв. Она... ее звали Ката, и она тоже была с севера, с одного из мест, тронутых Тенью. Это место называлось владение Утор.

Девушка замолчала, словно ждала моей реакции, но я ничего не сказал. Мы посетили несколько уничтоженных Тенью поселков. Два были такими старыми, что даже отец не знал их названий, хотя он всегда собирал сведения о таких местах.

— Тот, кто нуждался в нашей помощи, не родился во владении Бетола, и даже имя его было неизвестно. Его нашли на берегу после сильной бури, и считалось, что его унесло с борта корабля. Однако в это время никто не выходит в море, да и в другие сезоны нет никаких причин уходить далеко от берега, где можно ловить рыбу...

Она права. На других планетах бывают моря между участками суши. Я видел такое расположение на картах, с помощью которых отец рассказывал мне о прошлом нашего вида. Но Вур совсем другой. Здесь один огромный материк, который тянется вокруг всей планеты, и по краям его два моря, две узкие полоски, очень опасных, подверженные неожиданным бурям, которые становятся смертоносными ловушками. Люди передвигаются только по суше. Планета так редко населена, что нет необходимости искать новые места, да и в таких местах всегда есть опасность Тени.

— Физические повреждения у него были неопасными, — продолжала Илло. — Ката применила свои способности, и раны затянулись, быстро нарастала новая здоровая плоть. Но мозг был поврежден так, как не может повредить никакой удар по черепу. И поэтому, как проникала она в раны, чтобы изгнать инфекцию, Ката проникла в его мозг...

Я резко перевел дыхание. Что-то в действии, описанном Илло, вызывало во мне инстинктивное отвращение. Девушка повернулась ко мне, и на лице ее не было маски. Рот строго сжат, в глазах огонек, словно семя гнева.

— Целительница идет туда, где в ней нуждаются. Какая разница — пострадало тело или сознание? — резко спросила она.

— Может, это и так. Но все же... Неужели ты согласна открыть все свои мысли другому человеку? Не думаю, чтобы многие ответили «да», если бы их об этом спросили.

Она долго молчала, потом медленно кивнула:

— Согласна, так ответит любой человек, но только не целительница. Сознание тоже можно исцелить, и если мы это знаем, то почему не использовать и здесь наш дар? Подумай об этом, Барт с'Лорн. Неужели ты бы хотел жить с поврежденным рассудком, бормоча что-то нечленораздельное, иногда впадая в такие приступы ярости, что можешь убить невиновного? Как бы то ни было, Ката попыталась применить к этому человеку целительные способности своего разума. Я была там и помогала ей, поддерживая своей силой и волей. И у нее получалось. — В голосе Илло звучало возбуждение. — Говорю тебе, она сделала что хотела. Потом... пришло... тень, тьма... оно ударило и этого человека, и Кату... так что она сама потеряла сознание. А человек кричал, что вокруг собрались чудовища и мучают его. Ката много часов пролежала без сознания. А когда пришла в себя, изменилась. У нее появилось стремление, такое же сильное, как ее целительная способность. Она знала что-то такое, чем не могла с нами поделиться, даже со мной, когда я старалась поддержать ее. Она пошла к тому человеку и — убила его!

Я был так поражен, словно к нам пришла Тень. То, что сказала Илло, противоречит всем законам, всем доводам разума, самому разуму. Целительница не может убить. Она может использовать свои способности, чтобы предотвратить физическую опасность, но убить... нет!

— Это правда, — воскликнула девушка, словно я обвинил ее во лжи. — Я сама это видела. Убила и ушла из владения, ни с кем не разговаривая. И еще... что-то покрывало ее, словно дорожным плащом, и все встречные отворачивались и давали ей дорогу. И больше ее не видели и не слышали. Пока...

— Что пока? — поторопил я, потому что она ненадолго смолкла.

— Пока я не увидела сон. Думаю, она увидела в этом поврежденном сознании что-то настолько ужасное, что оно, оживая при стремлении исцелить, представляет угрозу всему, что движет целительницей. Вначале она бежала от него, но потом поняла, что оно проснулось из-за того, что она хотела сделать, и, может быть, она одна способна его устранить. Поэтому она стала действовать и устранила опасность. Но после этого должна была искать...

— Что искать? — Ее рассказ захватил меня. Ни один человек не знает мир целиком, не знает он и самого себя. То, что кажется святотатством, на самом деле может быть мужественным поступком, таким же ярким, как свечи на пиру.

— Искать ответ. Я попыталась найти ее, потому что боялась, что и она умрет. Дважды странствующие видели женщину, но никогда не приближались к ней настолько близко, чтобы окликнуть ее. Потом... Я была в поселке Стин, где ребенок сломал ногу. И тут увидела сон. Во сне ко мне пришла Ката, она стояла возле моей кровати, и я видела ее совершенно отчетливо. Лицо у нее было озабоченное, как будто ей предстоит трудная задача, и она смотрела на меня. Это был зов, истинный зов, хотя пришел он таким способом, о каком я не слыхала. Я ждала два дня, пока не убедилась, что с ребенком все в порядке, а потом пошла на север...

— И ты думаешь, что это связано с Тенью?

Илло пожала плечами:

— Откуда мне знать? Но я по-прежнему слышу этот зов, и ведет он на север. Сначала я думала о единственном тронутом Тенью месте, которое мне знакомо, — о Роще Вура. Туда и собиралась идти, но, возможно, это место я совсем не знаю. А Мунго-Таун тоже был под властью Тени.

— А что, по-твоему, делает или пытается сделать Ката?

— И этого я не знаю. Но не могу отказать ей, не могу не прислушаться к зову. Разве мы все не искали ответа на загадку Тени? Пятьдесят лет назад люди нашей крови поселились здесь. Первые годы — они были хорошими,

ты ведь слышал много раз рассказы об этом. Их рассказывают всем детям. Потом... что-то произошло. Не сохранились записи, как и с чего началось. Один за другим северные владения и поселки попадали во власть Тени, умирали, умирали все, кроме таких, как ты и я, нескольких младенцев, которые родились уже на Вуре. Они выживали, но ничего не могли вспомнить. Если Ката нашла дорогу к ответу...

— Но такой поиск — безумие! — резко прервал я. — Ты ведь знаешь, что приносит Тень... Мой отец провел всю жизнь в поисках, и он знал.

— Что такое Тень? — Она задала вопрос, который постоянно задавал себе я сам. — Разве твой отец, как и Ката, не искал ответа? А ты охотно сопровождал его...

— Не повсюду. Он никогда не разрешал мне уходить к развалинам.

— Верно. Но всем, что узнал, он с тобой делился. Понимаешь, еще до этого сна я побывала в Портсити и попросила показать мне все его известные записи. Он очень мало там их оставил, только ответы на вопросы, которые время от времени задавали ему власти. Я слушала и смотрела. Наверное, он больше всех живущих на Вуре знал... А теперь знаешь ты.

— Но это очень немного. Не больше, чем можно прочесть в официальных лентах.

— Да, и в тех лентах, что ты прихватил с собой, — негромко ответила она. Руки ее лежали на коленях ладонями вверх, как будто она просила, чтобы в них что-то положили.

Почему я так цепляюсь за эти ленты? Я говорил себе, что они могут оказаться проводником — к чему? Не к Мунго, потому что мы никогда не возвращались туда. К ответу на мои собственные вопросы? Но я слышал их много раз и не приблизился к ответу.

— Не знаю! — слишком громко сказал я и услышал, как громко в темноте вздохнул Витол, словно тоже хотел о чем-то спросить меня. — Не знаю ничего такого, чего нет на лентах.

— Ты был очень близок с отцом — разве он никогда не пытался разбудить твою память?

— Нет! — быстро и решительно ответил я. — Никогда не спрашивал сам и не разрешал врачам в Портсити, когда я был маленьким... — Это я помнил. Я всегда оставался в фургоне, когда отец вынужден был посещать эту крепость людей с иных планет. Спустя три года или чуть больше он впервые взял меня в город. Я каким-то образом понимал, что он за меня боится. Что он помнил из своих собственных инопланетных дней такого, что заставляло его тревожиться обо мне?

— Меня они испытывали, — сказала она, и в голосе ее прозвучала холодная нотка. — Решили, что у меня блокирована память...

— Но... но это же инопланетная техника! — возразил я. — Ты хочешь сказать, что Тень не с Вура?..

— Она с Вура, — уверенно ответила девушка. — Наверное, существует не один способ блокировать память ребенка, совсем маленького ребенка. Естественным образом это делает сильный ужас, может быть, некоторые лекарства, даже вмешательство такого человека, как целительница, но с дурными намерениями. Я думаю, твой отец знал или подозревал что-то. Поэтому он всегда ходил на поиски в защитном костюме. Откуда у него этот костюм? На Вуре их нет, ведь прошло несколько поколений с тех пор, как изыскатели-первопроходцы приземлились и не нашли ничего угрожающего — тогда.

— Не знаю, где он его взял. Просто однажды распаковал и использовал.

— Использовал без необходимости — если его сообщения верны.

— Да.

Неожиданно она руками зажала уши. Потом наклонилась вперед, словно у нее заболел живот.

— Призыв! — громко воскликнула она. И в голосе ее звучал страх.

— Сейчас? — Я вскочил и, медленно поворачиваясь, смотрел в темноту.

Не слышно звуков жевания пасущихся гаров. Вместо этого я услышал стук копыт по земле — звук вызова, который бросает Витол, когда встречает быка из упряжки другого странствующего. Это одновременно и предупреждение, и признание равного статуса.

— Никогда он не был таким сильным... — Она помолчала. — Мы правы, наша цель впереди.

— Я иду только для того, чтобы выполнить просьбу отца. — Собственный голос звучал в моих ушах безжизненно. Я не собирался участвовать в таинственных поисках целительницы, которая предала свой клан, убив человека. Я не хотел знать, что хранится за стенами моей памяти, даже если это то, что она ищет.

— Хорошо... — Боль и изумление исчезли из ее голоса. Луна еще не взошла, и я вместо девушки видел только бесформенное пятно. — Выполняй свой замысел, странствующий, как я буду выполнять свой. Но я все же верю, что перед нами одна дорога.

Я услышал шорох, словно девушка ложилась спать. Я тоже лег, хоть и не переставал тревожиться, укрылся одеялом, положил голову на свой дорожный мешок. Надо мной ярко и чисто горели звезды. Я подумал об инопланетниках, которые бродят среди звезд, как мы, странствующие, бродим по равнинам своей планеты. Они заключены в корабле, я лежу под открытым небом. Если их манят таинственные и странные загадки и события, то меня — тоже, даже если я этого не хочу.

Гары снова принялись пастись. Казалось, то, что встревожило Витола, больше их не беспокоило. Я решительно отказался думать о теле, которое лежит на самодельных санях возле того места, где мы спим. Отца с нами больше нет...

Он никогда не следовал определенным религиозным обрядам, но тем не менее был верующим. А меня учил, что терпимость к верованиям других свойственна подлинно образованному человеку и что веру нельзя навязывать — ее нужно искать внутри самого себя. Но он верил

также, что эта жизнь, нам известная, не единственная. Почему он так настаивал на том, чтобы его тело вернулось в место, которое он избегал все эти годы? Прошлым вечером я настолько оцепенел от утраты, что не задавал себе подобных вопросов. Но теперь начинал сознавать, что то, что я знал об отце, было, возможно, лишь малой его частью, и это вызвало у меня новый приступ горя.

Должно быть, этой ночью мне что-то снилось, потому что проснулся я с тяжелым сердцем, с болью в глазах и ощущением какой-то предстоящей опасности. Илло была не в лучшем настроении, и мы, сворачивая лагерь, почти не разговаривали. Нагрузив гаров, вышли. Но вначале я поднялся на вершину поросшего травой холма и осмотрел окрестности в бинокль.

Темная масса Чащобы прямо перед нами, она попрежнему выглядит мрачной тучей, лежащей на горизонте. Непосредственно перед нами она как будто отступает дальше, и, сравнивая увиденное с картой, я подумал, что — случайно или под каким-то неведомым влиянием — выбрал маршрут верно. Мы направляемся прямо к Мунго.

Двигались мы быстро, потому что гары сразу пошли своим стремительным, пожирающим расстояние ходом. В пути они не опускали большие головы, чтобы схватить охапку травы. Витол шел впереди, остальные за ним, и мне пришлось делать шаги шире, чтобы не отставать. Витол легко тащил сани, которые качались из стороны в сторону, на мгновение застревали в траве, но легкое движение могучих плеч их тут же освобождало.

Солнце поднялось высоко, и мы раз или два останавливались, пили немного воды, сохраняя вторую канистру для гаров. Хоть я и странствующий и привык к переходам, вскоре я понял, что такого у меня еще не было. Но мне не хотелось замедлять ход. Если Илло влечет ее призыв, меня тоже что-то подгоняет, требует скорости и снова скорости.

В середине дня мы невооруженным глазом разглядели руины Мунго. Ветер и дождь, бури, такие же сильные,

как та, что застала нас на равнине, здесь были полноправными владыками. Стены развалились, и остатки некоторых домов выглядели как поросшие травой холмики. И окружала их темная растительность — та необычная, изуродованная растительность, которая всегда вырастает в местах, тронутых Тенью. Среди упавших строительных блоков и прогнивших балок росли неестественно искривленные деревья. Здесь жизнь казалась ярче, чем на выжженных солнцем и обесцвеченных осенними ночными заморозками равнинах. Растительность на развалинах города — по-прежнему темная, полная жизни, словно здесь другое время года. Но эта буйная растительность, эти искривленные деревья казались угрожающими.

Приближаясь к рухнувшим стенам, мы пошли медленнее. Стало видно, что в зелени растительности есть черные пятна, как будто какая-то болезнь поразила разворачивающиеся листья.

Наконец гары остановились и выстроились в ряд, мордой в сторону населенных призраками руин. Я давно был знаком с такой реакцией: ни одно животное не подойдет к развалинам ближе определенного места. Только люди идут дальше: возможно, лишь мы настолько глупы, что идем туда.

Глава 6

Проверив содержимое своего мешка и сняв с гаров поклажу, я развязал упряжь Витола. Илло помогала мне, не нарушая молчания, которое царило с тех пор, как я увидел свою цель. Она сказала, что это и ее цель, но я намерен был сам справиться с тяготами того путешествия, которое предпринял, выполняя клятву.

Хоть я не раз видел развалины, в которые уходил отец, и эти ничем от других не отличались, все же это место моего рождения, в котором я жил, пока не произошло нечто невероятное. Я откровенно боялся, но знал, что должен преодолеть этот страх.

Наконец я прямо посмотрел в глаза девушке и сказал со всей властностью, какая была свойственна отцу:

— Это я должен сделать один.

Я был так уверен, что она станет возражать, что почувствовал даже разочарование, когда она сделала шаг назад, присоединяясь к гарам, и ответила:

— Да, это только твое дело.

Я взял в руки веревки саней, напряг все силы, чтобы тащить за собой тяжесть, и повернулся лицом к тому, что когда-то было человеческим поселением и в котором сейчас таилась неведомая угроза — все на Вуре считают ее нашим величайшим врагом. Близилась ночь, и мне хотелось покончить с делом до наступления темноты, хотя я прихватил с собой фонарик со свежим зарядом.

Требовались все силы и вся воля, чтобы тащить такой груз, поэтому я не оглядывался, сосредоточив энергию и мысли на одном — на необходимости побыстрее выполнить данное обещание. Чем ближе подходил я к тому, что когда-то было Мунго-Тауном, тем сильнее где-то глубоко нарастала во мне паника. Но я не признавался себе в этом. Не только тяжесть и неудобство саней заставляли меня дышать учащенно, словно после долгого бега. Стиснув зубы, я продолжал тащить их, так что веревка врезалась в ладони и запястья. Эта боль подействовала на меня успокаивающе.

Растительность не представляла серьезного препятствия — в сущности, прямо передо мной было нечто вроде прохода, как будто когда-то растения здесь срезали, чтобы образовалась тропа. Впрочем, такое предположение еще больше усилило мою тревогу. Но выбора не было: пришлось с тяжелым неудобным грузом углубляться в этот проход.

Вблизи мясистая растительность казалась еще более неестественной. Небольшие ветки ломались с шлепающим писком, а из тех растений, что были раздавлены санями, исходил острый запах, напоминающий то зловоние, которое принес ветер перед бурей.

Я старался дышать неглубоко: запах не просто неприятный — я опасался, что он может оказаться ядовитым. Однако по мере того как я продвигался вперед, растительность редела, а руины, которые она покрывала, казались развалинами в меньшей степени. Когда-то здесь, рядом с домами, располагались небольшие сады с другими растениями, и сейчас в них, вопреки времени года, распустились цветы — широкие полоски цветков с такими яркими лепестками, каких я раньше не видел.

В них имелось странное сходство с теми маленькими цветочками, которые по-прежнему выращивают на юге. Только здесь другие цвета — ярко-оранжевый, ярко-алый, цвет пролитой крови.

Ветра не было, однако цветы двигались! Головки, которые казались слишком массивными для поддерживающих их стеблей, раскачивались, опускались и снова поднимались. Все цветы были широко раскрыты, и их темные центры имели неприятное сходство с... глазами.

Я постарался сдержать воображение и потащил свой груз дальше. Частично я выполнил свою клятву, но теперь чувствовал себя в затруднении. Где оставить сани... и то, что на них? Я медленно шел, оглядываясь по сторонам.

Память по-прежнему ничего мне не говорила. Я не мог сказать, в каком доме жил. Впрочем, здания вокруг казались почти нетронутыми, на них не было видно никаких следов бурь и времен года. Но где?..

Поскольку у меня не было никаких определенных ориентиров, я шел дальше. Сани становились все тяжелее, и мне приходилось прикладывать все больше сил. Поселок, по-видимому, построен по хорошо знакомому мне плану: улицы, расположенные под прямым углом друг к другу, с домами, поставленными на значительном удалении друг от друга, так что вокруг каждого дома достаточно места для сада. Если тут действительно использовался такой план, чуть дальше должен находиться центр поселка, где расположен зал собраний. Я решил,

что лучше всего оставить сани в этом зале — ведь это сердце Мунго-Тауна, каким видели его первопоселенцы.

Двери и окна одноэтажных зданий казались черными: единственным признаком разрушений было отсутствие привычного гласситового покрытия. Мне не хотелось заходить туда и смотреть, что там внутри. Я отводил взгляд от домов и смотрел на дорогу перед собой, потому что движение цветов становилось все более заметным.

Плечи болели, сани как будто все чаще застревали на камнях и запутывались в растениях, они упирались, тянули меня назад, как живое существо, которое ведут куда-то против воли. Приходилось останавливаться и с усилием высвобождать их. Еще немного...

Внезапно я споткнулся и упал. Инстинктивно вытянул руку, чтобы смягчить падение, и мясистые листья лопнули при моем прикосновении, испустив потоки сока. Я лежал лицом вниз и едва не кричал от боли: сок, коснувшийся кожи, жег, как кислота. Я видел, как за несколько секунд на теле появились волдыри. Липкая жидкость коснулась щеки и шеи с одной стороны, но, к счастью, не добралась до глаз.

Я с трудом встал и другой рукой взял висевшую на поясе фляжку с водой. Зубами вытащил пробку и стал поливать обожженную кожу, налил воды в ладонь и смочил горящую щеку и шею. Облегчение пришло почти так же быстро, как началась боль.

Убирайся отсюда — в моем сознании возник буквально крик — убирайся отсюда!

Я принялся пинками разбрасывать препятствия перед собой и тут же обнаружил, обо что споткнулся. На земле лежал бластер, в его металле виднелись дыры, но проделаны они не ржавчиной. Еще одним пинком я отбросил оружие в сторону. Потянул сани и вскоре остановился на площади перед залом собраний.

Только здесь не было двигающихся цветов и ядовитой растительности. Я стоял, недоверчиво озираясь. Ес-

ли отец встречал такое в своих посещениях покинутых поселков, то ничего об этом не записал.

Я видел кости — множество скелетов, сложенных у стен здания. Словно все население поселка выстроили здесь безжалостные враги и сожгли залпами из бластеров. Мгновение мне даже было трудно представить себе возможность насильственной смерти в таких масштабах: мне приходилось и раньше встречаться со смертью, но никогда — с такой массовой бойней. Впрочем, никаких следов ожогов от лучей бластеров на костях не было — просто это было единственное известное мне оружие, которое может неожиданно и полностью истребить население целого поселка.

Я заставил себя двинуться вперед. Никаких других останков. Земля под скелетами была голая, без следов огня. Металлические предметы: пряжки, крючки с пояса поселенца, даже, может быть, украшения — ничего такого не видно...

Тела лежали в определенном порядке. Может, их собрали выжившие? Но, насколько мне известно, единственным выжившим был я, а пятилетнему ребенку такое не под силу. Может, отец или кто-то из вернувшихся позже так уложил мертвецов — но зачем?

Я миновал ряд скелетов и, взяв в руки фонарь, вошел в зал. Возможно, там удастся найти ответ. Несмотря на открытые ставни окон и исчезнувшую дверь, внутри было сумеречно. Я включил фонарь и провел лучом вдоль зала.

Ряды скамей, покрытых пылью. В дальнем конце возвышение, что-то типа сцены. Я знал, что так же устроены залы собраний во всех поселениях: это центр обучения, развлечений, регулярных сборов, на которых обсуждались важные для всех вопросы. В зале пусто...

Возвращаясь на открытый воздух, я слегка спотыкался. Быстро приближалась ночь. Меня охватило желание освободиться, выбраться из Мунго-Тауна до наступления темноты. Собираются тени — Тень!

Но что такое Тень? Кто первым так назвал эту опасность? Этот назвавший должен был что-то знать, чтобы

дать название угрозе. Сейчас я шел мимо ряда безымянных мертвецов. Только кости. Дважды я заметил маленькие скелеты, принадлежавшие детям. Почему они умерли, а я выжил?

Не похоже на последствия эпидемии — в таком случае непогребенные тела были бы в домах. Нет, скорее напоминает казнь.

Эта мысль заставила меня забыть о страхе. Потому что казнь означает врага, чего-то такого, что имеет форму и сущность, с чем можно сразиться, заставить заплатить! Может, именно это искал все годы отец? Может, вернувшись, увидел мертвых и догадался, и этой догадки было достаточно, чтобы провести в поиске всю оставшуюся жизнь?

Но он ничего не нашел, а ведь он должен был знать больше меня. Если бы только он мне больше сказал! Я сжал обожженную ладонь в кулак. Мне необходимы действия, я хочу отомстить.

Дойдя до конца ряда скелетов, я направился к саням. Втащил их на голую утоптанную землю, на которой даже мои сапоги не оставляли следов. Осторожно поставил импровизированный транспорт вместе с его грузом рядом с остальными мертвецами.

Впервые я подумал, что у отца могла быть другая причина направить меня сюда — не просто для того, чтобы он покоился рядом с теми, кого знал в прошлом. (Какой из этих скелетов принадлежал моей матери? Я отшатнулся от этой мысли, как от удара.) Нет, он хотел, чтобы я увидел этот ужас и продолжил его поиск, когда он вынужден будет прекратить его. Если это так, то у него получилось. Хотя я всю жизнь слышал о Тенях и видел их действие на моем отце и других людях, опасность никогда не казалась мне такой реальной, как в этот момент.

Я торопливо пошел назад по пути, обозначенному разорванной растительностью. Мне хотелось побыстрее уйти из города. Но я был уверен, что вернусь, — мне нужно знать! И я в этот момент понял, что приму участие в поиске Илло: если эта женщина, которую она

ищет, эта целительница Ката может дать какие-то ответы, я должен их знать!

Пока меня не было, Илло не бездельничала. Она разбила маленький лагерь в ближайшем месте, куда соглашались подойти гары, даже нарезала траву для постелей, таких же, на каких мы провели предыдущую ночь. Здесь обычная трава равнин была не такой густой и высокой. Было даже заметно, что когда-то тут расстилались возделанные поля, и местами зерновые растения, уже пожелтевшие и готовые к сбору, еще вели доблестную борьбу с сорняками.

Хотя гары паслись, с особым удовольствием поедая остатки культурной растительности, я заметил, что они установили порядок, обычный для них вблизи руин. Два гара едят, третий стоит с поднятой головой и смотрит на развалины города. Они меняются на этой вахте с такой точностью, словно у них существует специальная договоренность, и всегда один гар остается на страже.

Видя проделанную Илло работу, я заторопился. Волдыри на коже снова жгли, и я хотел, чтобы она осмотрела ожоги. Она сразу заметила раны и, когда я рассказал, как это случилось, порылась в своем мешке и вытащила сосуд с зеленоватой мазью. Тщательно промыв ожоги водой, она смазала их, и боль сразу прекратилась, а кожа начала терять красный цвет.

Вода нам необходима. У нас имелся запас в канистрах на спине одного из гаров, но этого недостаточно для нас и животных. Поселок должен иметь близкий источник воды. Хотя воду из него по трубам должны были подавать в дома, я ни за что не прикоснулся бы губами к жидкости в этом жилище мертвецов. Но сам источник должен находиться за пределами города. Я свистом подозвал Витола, и он подошел ко мне, пережевывая охапку зеленых стеблей.

Хорошо известно, что там, где человек с его не слишком острыми чувствами умрет от жажды, гары способны учуять воду. То, о чем я просил вожака гаров, он мно-

го раз проделывал в прошлом. Я дал ему понюхать воду в своей фляжке и рукой сделал знак «ищи». Еще немного пожевав свою жвачку, он проглотил ее и целенаправленно двинулся.

Я прихватил фляжку Илло и одну из канистр — она уже стала легкой, и я мог ее нести. Мы пересекли поля, на которых еще были заметны следы ирригационных канав — поселенцы рыли их в засушливые месяцы середины лета. Витол шел с высоко поднятой головой, широко раздувая ноздри. И когда мы подошли к тому, что когда-то служило резервуаром, громко фыркнул. Здесь вырыли когда-то глубокую яму, покрыли ее несколькими слоями пласты — получилась гладкая чаша, в которой было достаточно воды, чтобы отразился закат. Вода уходила в подземную трубу, которая, как я полагал, вела в поселок.

Очевидно, источником воды служат дожди и ручей, вода которого попадает в чашу через отверстие со стороны, противоположной поселку. Я сбросил сапоги, чтобы они не скользили по пласте, и подошел, чтобы наполнить наши контейнеры. Витол шумно напился. Вода прохладная и чистая, словно ключевая. Поскольку гар пил ее охотно, я решил, что она хорошая.

Вернувшись из Мунго, я был так погружен в свои мысли, что почти не сознавал, что мы с Илло почти не разговаривали. Я только описал ей растения, которые обожгли мне кожу, дал необходимые объяснения относительно лагеря. Помимо этого, мы ни о чем не говорили. Однако, вернувшись в сгустившихся сумерках с водой, я решил, что нужно рассказать о своих открытиях.

Этой ночью мы решились развести костер. В прошлом никогда опасность не появлялась вблизи руин, что я мог подтвердить на собственном опыте: ни один хищник с равнин не приблизится к тронутому Тенью поселку. Есть что-то такое в огне, этом древнейшем оружии нашего вида, что приносит спокойствие и комфорт не только телу, но и духу. Глядя в огонь, я мог даже вооб-

разить, что все виденное днем — всего лишь сон. Но поскольку это не так, Илло должна обо всем узнать.

Я говорил быстро и откровенно, не выдавая своих чувств. Впрочем, кости, белые, чистые, безымянные, не могли подействовать на меня, как подействовали бы тела. Когда я закончил рассказ, моя спутница по путешествию долго молчала. Потом спросила — спросила так, словно обязана это сделать, хотя ей очень не хочется:

— Ты... никого не узнал? Память не вернулась?

— Никого... — Я колебался недолго, всего лишь на протяжении одного вдоха. — Я искал — ничего не было, ни кусочка металла, чтобы отличить один скелет от другого. Но думаю, там все обитатели поселка. Но почему не я? Я видел останки других детей...

Лицо ее было лишено выражения, словно она надела маску.

— Как по-твоему, сколько было этим детям?

Я беспокойно поерзал.

— Не могу сказать — но они не совсем малыши.

— А тебе было пять лет, — вслух размышляла она. — Мне должно было быть около четырех... были еще два ребенка, совсем младенцы... и женщина... но она повредилась в уме и исчезла в Чащобе. Разорвала повязки, наложенные врачами, и ее путь проследили до самой Чащобы.

— Но малыши — что стало с ними?

Сидя на мешке с припасами, которые не нужно открывать сегодня, она опиралась рукой о колено и закрывала рукой подбородок. Казалось, она тоже смотрит в огонь в поисках утешения.

— Это были близнецы, брат и сестра. У них был родственник, инопланетник, он прилетел, собираясь осесть в Роще Вура. А когда услышал о случившемся, забрал детей к себе и улетел. Я так и не знаю, что с ними было потом.

— Всего Тень уничтожила восемь поселков и владений. — Я перечислял, загибая пальцы. — Мунго, Вур... поселок Стеблиша на дальнем западе и чуть южнее один

поселок инопланетников... впрочем, это не настоящий поселок, а исследовательская станция со сменным персоналом, там изучали гибридизацию растений. Затем на востоке Уэлк-Таун, владения Ломака, Роббина, Каттерна. Мы с отцом побывали в Уэлк-Тауне, Ломаке, Каттерне, на инопланетной станции и в Стеблише. Но сколько еще детей выжило?

— Как это сколько? — Маска спала с ее лица, на нем появилось выражение изумления. — Только ты и я! Вот и все! Ты, конечно, слышал о промежутках в рождаемости...

Это еще одна странность Вура, о которой я почти забыл с тех пор, как отец читал мне свои записи. Промежутки в рождаемости... Поселенцев побуждали размножаться, как только становилось возможно, если на новой планете складывались благоприятные условия. Но Вур и здесь имел особенность, которая вначале вызывала тревогу, но позже, когда прошло несколько лет и прилетело больше переселенцев, была сочтена своеобразной нормой этого мира. За первые шесть лет после приземления не рождалось ни одного ребенка. Потом устанавливался определенный цикл. Шли годы, когда уровень рождаемости был нормален для той планеты, с которой прилетели переселенцы. Затем наступал промежуток, когда не рождался никто. Но эти промежутки становились все короче. И сейчас их вообще нет — по крайней мере, на юге. А поскольку на севере больше никто не селился, то, что здесь они могут сохраняться, не имеет значения.

— Что, если возраст в пять-шесть лет означает иммунитет? — продолжала Илло. — Ты, вероятно, был самым маленьким, последним из родившихся в Мунго. Я была первой во втором промежутке на Вуре. Мы так и не знаем, что вызывает эти промежутки... как не знаем, что вызвало это... — Она указала на еще видные в сумерках развалины. — Все остальные поселения и владения могли быть захвачены во время длительного промежутка, отсюда никаких выживших.

Ее рассуждения показались мне разумными. В таком случае вероятность выживания действительно очень мала: мы могли быть единственными в своем роде. Что бы это ни означало, я не был настроен спорить.

— Что ты теперь будешь делать?

Я знал ответ, хотя еще не выразил его в словах:

— Постараюсь узнать.

Таково мое будущее. Я могу вернуться в Портсити и начать карьеру странствующего, опираясь на сохранившихся трех гаров. Буду ходить по планете как мелкий торговец. Могу поселиться в чьем-нибудь владении — на фронтире лишняя пара рук будет везде принята с готовностью. Но я не стану это делать. Я должен знать — если это вообще можно узнать.

Девушка пристально смотрела на меня.

— Твой отец искал годами — и что он нашел? Ты можешь столкнуться с чем-нибудь похуже того, что вспоминаешь. Ведь ты ничего не помнишь!

Я подумал о ровном ряде мертвецов в городе. В этом расположении костей, в этом опустошении севера есть что-то целенаправленное. В том, как лежат эти кости у стены, — что-то темное и жестокое, что-то такое, с чем я не мог бы жить, если бы помнил.

— Они были убиты, сознательно убиты, с какой-то целью. Это не болезнь, не нападение животных или... — Я пытался вспомнить опасности, которые могли угрожать городу. — Отчеты исследователей утверждают, что на Вуре не было разумной жизни выше уровня 6 плюс. Если бы здесь скрывались джеки, как бы ни старались они спрятаться, их бы обнаружили.

Илло покачала головой. Огонь костра дрожал, и иногда в глазах девушки мелькали собственные огоньки. А может, мне это просто казалось. Мне хотелось смотреть на нее, потому что она живая, реальная, способная говорить, думать, быть — не как те... я старался подавить зрелище, которое все время возвращалось. Ряд мертвецов — он не непосредственно перед глазами, он у меня в сознании.

— Все эти объяснения — они были отвергнуты. — Она подняла руку и отбросила со лба прядь волос. — Ни одно из них, за исключением, может быть, эпидемии, не объясняет радикальное изменение растительности. Я знаю целебные травы, большинство диких трав, все растения. Это знание — часть моей подготовки. Сегодня, пока тебя не было, я подошла поближе, чтобы разглядеть, что растет здесь. Тут другая растительность — в чем-то она напоминает Чащобу, но в то же время не совсем такая. Она ядовитая — ты доказал это на своем опыте. — Она указала на мою руку, блестящую от мази.

— А как же ты... твой призыв?

Илло покачала головой:

— Он... он исчез.

— Как это?

— Просто исчез. И я никогда раньше не слышала, чтобы призыв так прекращался. Я думаю... я думаю, она умерла...

— Твоя Ката?

— Да.

Вслед за этим единственным словом наступило молчание.

— Значит, ты вернешься? Я могу дать тебе Вобру... канистру с водой...

— Нет! — Это единственное слово было произнесено так же энергично, как предыдущее. — Я должна знать — как и ты. Есть причина, почему мы выжили...

— Ты сама ее назвала — случайно мы оказались в нужном возрасте.

— Есть что-то кроме этого. — Она сделал нетерпеливый жест рукой. — Ты ведь не истинный верующий?

— Во что?

— Ты не принадлежишь к верующим в Собрание Духов? — Голос ее был так же нетерпелив, как жест.

— Нет, но ты тоже. — Я знал членов этой секты. Они живут в трех поселках на юге, держатся отчужденно и только недавно вступили в контакт с другими поселен-

цами Вура. У них очень ограниченный образ жизни, они руководствуются тем, что мой отец называл «табу». Сам он был человеком либеральным, признавал различия между людьми, не любил фанатиков и учил меня, что худшие катастрофы в истории нашего вида были вызваны тем, что пришельцев судили по привычным стандартам, которых придерживались излишне жестко. В глазах моего отца поступками любого человека руководит простой кодекс различения добра и зла. И он признавал, что во вселенной существует некая сила, недоступная нашему познанию.

Собрание, с его застывшими нормами поведения, и поселки инопланетников — это единственные места, где не принимают целительниц. И меня удивило, что она упомянула эту секту.

— Конечно, — согласилась Илло. — Я не одна из них. Да и как я могу ею быть? Но у них существуют любопытные верования, например, что у каждого есть предопределенная роль в жизни и избавиться от нее невозможно. Мы можем свернуть с дороги, потому что нам не нравится, куда она ведет, но тропа, на которую мы свернули, неизбежно приведет нас к тому же концу. В этом смысле...

— Это их вера! — возразил я. — Мы с тобой выжили лишь случайно, никакой таинственный «дух», никакая «судьба» тут не участвовали. — Я не позволю себе принять такую мысль. Решение, которое я принял, увидев в Мунго это открытое кладбище, не было продиктовано мне извне: оно мое собственное, я принял его из-за человека, который был центром моего мира. То, что оставило жестокие следы своего пребывания, должно за это ответить — если это в человеческих силах.

Впрочем, по-своему я верил в историю Каты и в призыв, который заставил Илло присоединиться к нам, но был рад, что теперь девушка не будет проводником. Я принимаю то, что вижу, слышу, к чему могу прикоснуться, я не целитель, и если мне удастся найти убийц Мунго, я сделаю это, опираясь на свои чувства, а не на что-то такое, чего во мне нет.

— Ты веришь в себя? — Ее вопрос прервал мои размышления и удивил меня.

— Насколько это возможно. — Я был с ней честен. Понял, что раньше я никогда не был предоставлен сам себе. Теперь всякое решение, всякая ошибка будут только моими, и мне отвечать за их результаты.

— Честный ответ, — кивнула Илло. — Я тоже. Я верю в свое призвание и могу сказать вот что: мы должны это сделать. И хоть призыв прекратился, мы по-прежнему можем идти на север. Ты вернулся в Мунго и сделал открытие, которого нет в лентах твоего отца. Теперь я скажу: пойдем в Рощу Вура... Нет, — не дала она мне возможности возразить. — Твоя история началась здесь, и возвращение сюда мало что дало для раскрытия тайны. Не отказывай и мне в возможности вернуться к моему началу: возможно, это принесет нам больше, чем можно ожидать.

Пришлось признать, что другой цели у меня нет и что в Мунго я вряд ли узнаю что-нибудь новое. Почему бы не согласиться? Рощу Вура мой отец тоже не посещал, и есть шанс...

И я согласился, потому что не мог предложить ничего другого.

Глава 7

Этим вечером я еще не хотел спать. Распаковал устройство воспроизведения и ленты отца. Я все их слышал раньше, некоторые по много раз, потому что он сам часто сосредоточенно слушал свои записи, словно хотел потренировать память и удостовериться, что ничего не пропустил. Да, я слышал их раньше, но теперь наступила моя очередь сосредоточиться, искать упущенные нити, чтобы вытащить их и попытаться упорядочить путаницу сведений.

Илло слушала так же внимательно. Мы натолкнулись на описание таких же растений, как те, что я встретил сегодня днем. А также на то, что здания по периметру по-

селка всегда сильно разрушены, а те, что в центре, остаются почти целы. Я с нетерпением ждал хоть каких-то упоминаний о центральном зале собраний или о том, что отец встречал свидетельства таких же массовых убийств, как в Мунго. Но ничто не указывало на то, что он обнаружил останки хотя бы одного тела.

Если и обнаружил, то почему все остальное описал в мельчайших подробностях, а это открытие, самое важное, никак не упомянул? Но было кое-что еще...

Хотя отец описывал странно выглядевшую растительность, он никогда не упоминал о качающихся цветках. По мере того как красная луна поднималась в небе, я одну за другой до конца прослушивал ленты. Гары подошли ближе к огню. Вобру и Дру легли и ритмично жевали жвачку, но Витол оставался на ногах и временами исчезал. Я знал, что бык караулит, и я могу рассчитывать на его чувства больше, чем на свои.

— Узнал что-нибудь? — спросила Илло, когда закончилась последняя лента.

— Только вот что... если в других местах встречались скелеты... или цветы... отец об этом ни разу не упомянул...

— Цветы? — Она ухватилась за мои слова. — Что за цветы?

Я описал цветы, рассказал, как они двигались, хотя ветра не было. Конечно, это мелочь, но откуда мне знать, насколько важен любой намек?

— Движутся... — повторила девушка. — Барт, ты когда-нибудь бывал на краю Чащобы?

— Не ближе, чем от этого места. У нас не было причин идти туда.

— Но ты видел снимки, сделанные изыскателями, экспедициями инопланетников, которые работали еще до появления Тени?

— Густая, серая, именно такая, какой ее и назвали люди, — Чащоба. Растительность так переплелась, что дорогу в ней можно только выжечь. И даже это не помогает — говорят, за одну ночь проход зарастает, а если

углубиться слишком далеко, тропа за человеком закрывается. И там глохнут любые коммуникаторы и маяки. Не действуют даже вблизи Чащобы. Так что никто не может туда идти... — Я пересказал, что узнал о Чащобе из разговоров и лент.

— И еще — эта растительность движется, — добавила Илло. — Как цветы в этом городе — дрожит и раскачивается без всякого ветра. Это особенность процесса спутывания, при каждом движении стебли и ветви переплетаются и часто так и остаются сцепленными.

Этого я не знал. На мои расспросы она ответила, что была как-то в Портсити и прочла отчет человека, который участвовал в спасательной экспедиции. Несколько инопланетников во флиттере снизились над Чащобой и исчезли в ней.

— И вот я думаю, — Илло поднесла пальцы к губам, как будто собиралась их жевать, как какой-то деликатес, — нет ли здесь связи?

— Вряд ли найдется глупец, который будет сажать семена и саженцы из Чащобы на равнине!

— Может, никто их и не принес. Помнишь бурю? Такой ветер может перенести что угодно. Если бы были подробные записи хоть из одного погибшего поселка о том, что произошло непосредственно перед Тенью. Возможно, были признаки приближающейся беды, на которые никто не обратил внимания...

— Такие, как новые цветы, появившиеся в саду? — Я хотел сказать это презрительно, но меня ее предположение захватило. Возможно, у отца была аналогичная мысль: он много времени затратил на описание растительности. К тому же я вспомнил кое-что еще: когда он надевал защитный костюм, то всегда тщательно отряхивал его вдали от лагеря и обрабатывал дезинфицирующим порошком. Но так было после первых двух-трех выходов. Потом он костюм не надевал.

— Да, такие, как новый цветок в саду, — согласилась девушка.

Илло больше меня знает о растениях, это я готов признать. Целительница должна их хорошо знать, должна разбираться в том, какие растения вредят, а какие могут помочь. Я знал, что в ее мешке много коробочек с высушенными травами и измельченными семенами — и у всех есть особое применение. Волдыри у меня на руках и щеке почти не болели, краснота сошла — все благодаря мази Илло, тем не менее это достаточное предупреждение о том, что в Мунго растет и цветет отрава. В этот момент я готов был принять любую теорию. Хотя никакие вредные растения не сравнятся с тем, что я видел. Яд таких растений может вызвать эпидемию. Но я по-прежнему был уверен, что за страшной судьбой поселков таится какой-то жестокий разум. Может, разум не в том смысле, в каком мы его понимаем, пусть чуждый и непонятный нам, но все же разум.

Я убрал ленты, и мы легли на постели из травы и одеял. Илло говорила мало, но я догадывался, что она напряженно размышляет. И надеялся, что во сне не увижу то, что лежит так близко к нам, за кивающими цветами. Раскачиваются ли они и ночью? Ночь такая тихая, ни один ветерок не шелестит травой. Словно что-то защищает мертвый город, что-то ждет... Нет, нельзя давать волю воображению.

Ночь я провел беспокойно. Должно быть, спал некрепко, потому что дважды просыпался и слышал, как меняют свою вахту гары. В эту ночь я осознал, как ничтожно мало знаю. Мне казалось, что я хорошо подготовлен к тому, чтобы стать странствующим. Но теперь мне нужно знать больше, гораздо больше.

На следующий день гары пошли резво. Я был уверен: они рады повернуться спиной к месту, которого сторонились. Теперь воду нес Витол, а Дру была свободна от поклажи. И шла впереди, время от времени отклоняясь в стороны от нашего маршрута. Она словно выполняла роль разведчика. Я никогда раньше не видел, чтобы гары так себя вели, но ведь они обычно не имеют возмож-

ности свободно идти на равнине, а впряжены в фургон, оставляя след.

Сейчас никакого следа все равно нет. Небо затянуто тучами. Я продолжал посматривать на бегущие облака. Еще одна сильная буря вполне может означать нашу смерть, ведь у нас нет даже защиты фургона. Однако животные не проявляли беспокойства, а я знал, что они почувствуют резкое изменение погоды.

Справа непрерывной далекой линией по горизонту тянулась Чащоба. Мы двигались на запад примерно в направлении Рощи Вура, насколько я смог это определить. По всем расчетам нам предстояло не менее двух дней пути.

По небу пролетали стаи перелетных птиц, и их крики перекрывали постоянный шелест травы, составляющий столь значительную часть песни ветра. Мы шли ровно, но не торопились, время от времени останавливались, чтобы гары смогли попастись. И не разговаривали, даже когда останавливались. У Илло опять была на лице маска, и у меня создавалось ощущение, что она на самом деле не видит ни меня, ни гаров, ни равнину вокруг нас, что в глубине души она старается решить какую-то сложную проблему. Во время третьей остановки я осмелился спросить, не услышала ли она снова призыв. Она отрицательно покачала головой:

— Ничего. Может, я никогда не узнаю... — Она смолкла, и я смог закончить за нее. Она никогда не узнает, что случилось с Катой. Но догадывался, хотя и не произносил вслух, что к ней пришла смерть.

В середине дня я увидел небольшое стадо люртов — первых представителей жизни, кроме птиц, которые встретились нам после бури. Природные обитатели равнин, должно быть, укрылись, или буря разогнала их, искалечила, лишила привычных территорий. Витол заревел, и маленькие грациозные создания умчались огромными прыжками. Мы не знаем, почему гары всегда прогоняют диких грызунов. Вероятно, из ревнивого желания защитить пищу, которая может потребоваться им самим.

Однако вид разбегающихся люртов означал, что здесь местность покинутая. Самые робкие из всех живых существ, они никогда не делят свою территорию с другими представителями дикой жизни.

— Хорошая местность. — Мы остановились на вершине невысокого хребта. Илло немного переместила свой мешок, потом опустилась на колено и потрогала траву. Я подумал, что она смотрит, плодородная ли почва. Но она порылась пальцами у корней и вытащила что-то. Найденный предмет блеснул на солнце, свисая из ее руки. — Ты когда-нибудь такое видел? Ты ведь ходил далеко... — Она протянула мне свою находку.

Цепочка из металлических звеньев. Вначале я решил, что от времени и непогоды она приобрела бронзовый цвет. Но когда взял в руки, обнаружил, что поверхность гладкая, нетронутая временем. Это природный цвет материала, и я ничего подобного никогда не видел. Но это мало что значит — цепочку мог уронить какой-нибудь инопланетник, возможно, изыскатель, а сплав явно создан на другой планете.

Цепочка великолепно сработана — это произведение искусства: звенья прилегают друг к другу так же плотно, как чешуйки на спине ящерицы ску. Но в одном месте она разорвана. Посредине пластинка — если бы цепочка была целой, то, если ее надеть, пластинка плотно бы прилегала к горлу. Пластинка — шириной и длиной с мой мизинец. Я стер с нее остатки почвы и увидел удивительно сложную и запутанную резьбу, напоминающую надпись на неведомом языке.

— Инопланетное, — заметил я. Осмотрел пологие травянистые склоны, тянущиеся от того места, где мы стояли. Возможно, действовало увиденное на Мунго, но я поймал себя на том, что ищу что-то — останки того, кто когда-то носил это украшение. И я не удивился бы, если бы из травы на меня посмотрел пустыми глазницами череп.

— Может быть... — Илло откинулась на корточках и снова принялась рыться в траве. Она тоже ищет остан-

ки? Если ей пришла в голову та же мысль, я удивился, как она может продолжать искать.

— Думаю, это сплав. — Мне хотелось прекратить ее поиск. — На Вуре нет искусства или техники, способных произвести такое.

— Оно гораздо старше нашего появления на Вуре... — Ее поиски оказались безуспешными. Илло посмотрела — не на меня, а на то, что я держал в руках.

— Ты хочешь сказать, что оно старше первых изыскателей?.. — Вур был перворазведчиком, который картографировал планеты для Лиги, и поскольку ему пора было уходить в отставку и это была его последняя свободная экспедиция, планету назвали его именем. А когда его служба окончилась, он решил на ней поселиться.

— Да.

— Но это невозможно! — Я повертел цепочку, удивляясь словам Илло. Но почему...

Девушка стерла последние следы земли с пальцев и встала.

— Ты мало знаешь о нас — целительницах. — В голосе ее звучала обида, губы она поджала, в глазах появилось враждебное выражение, как будто я открыто обвинил ее во лжи. — У нас есть способности. Я... и еще несколько таких же... мы можем подержать в руках предмет, — она вытянула руки, сложив ладони горстью, так, словно в них лежит цепочка, — и узнать, что это такое, когда сделано, кто сделал и как использовал... может быть, даже как цепочка попала туда, где я ее нашла.

Сначала я не поверил ее словам, но потом заколебался. Кто знает, каковы возможности мозга? Бывают инопланетники с необычными способностями. Когда терранцы улетели с родной планеты к звездам и поселились на далеких мирах, они изменились, мутировали, чужая почва и атмосфера привели к переменам, которые становились все сильнее и устойчивее с каждым новым поколением, родившимся под чужим солнцем. Сам я никогда не был на других планетах, но видел много гостей,

членов комиссий, исследовавших Тень, шахтеров, космонавтов (а ведь Вур не самая посещаемая планета) и понял, что мы, имевшие в далеком прошлом общих предков, теперь стали чуть ли не представителями разных видов. Есть и такие, кто по нашим ограниченным стандартам никогда не был людьми, например закатане, тристианцы и другие.

Поэтому неразумно просто утверждать, что та или иная способность не существует. Даже поселенцы Вура прилетели с разных планет, и их происхождение может восходить к бесчисленным мирам и давать потомкам необычные способности.

— Дай мне прочувствовать... — Она взяла цепочку и сжала в руках. Глаза ее были закрыты. Я чувствовал, как она сосредоточилась, все ее тело напряглось.

Я не ощущал ничего, кроме гладкой поверхности цепочки. Но не забыл впечатления о том, что рисунок на пластинке имеет какой-то смысл, смысл определенный и очень важный. Почти как личный идентификационный диск, который носят с собой космонавты некоторых служб.

Идентификационный диск? Вполне вероятно. Возможно, здесь потерпел крушение корабль — или приземлилась спасательная шлюпка после катастрофы, и это произошло до того, как люди официально высадились на Вуре. Правдоподобная версия. Но это значит, что цепочке сто или больше лет. Ни один известный мне металл или сплав столько не выдержит, если только...

Предтечи!

Мы поздно вышли в космос, хотя теперь уже столетиями блуждаем меж звезд. Но были те, кто вышел на звездные линии, нанес их на карты задолго до того, как первая примитивная ракета взлетела с Терры и человек бросил на звезды алчный взгляд. Возникали и рушились галактические империи, о которых мы ничего не знаем.

У закатан есть исторические архивы. Свою долгую жизнь (закатане живут гораздо дольше людей) они посвя-

щают поискам и каталогизации следов прошлых цивилизаций. Было много таких находок — пещеры на Астре, сожженные и полурасплавленные города на Лимбо. Были сделаны великие открытия. Обнаружены машины, такие сложные и загадочные, что даже лучшие техники не могли догадаться, для чего они предназначены. Некоторые, даже на пустынных планетах, продолжали действовать. И сколько лет действовали — миллион, миллиард?

Я вспомнил другое увлечение отца — он собирал материалы о находках следов предтеч, рылся в архивах Портсити, вспомнил его рассказы у костра об этих находках. Он говорил, что мы только краем затронули эти знания, а предтечи жили задолго до нас. Но на Вуре никаких следов предтеч нет — по крайней мере, до сих пор они не были обнаружены.

Легко возводить догадки на таком основании. Нашу планету открыл перворазведчик — может быть, задолго до него здесь побывали исследователи предтеч. Один из них высадился на Вур — или как они называли нашу планету — и попал в беду...

Неподвижное, лишенное выражения лицо — оно всегда становилось таким, когда Илло погружалась в транс целительницы, — дрогнуло, маска с него спала. Лицо исказилось, словно девушка испытала боль. Резким неожиданным движением она отбросила от себя цепь. Я протестующе вскрикнул и опустился на колени, начал рыться пальцами в траве, пока не наткнулся на гладкую поверхность.

Девушка не открывала глаза, но выражение боли на лице постепенно смягчилось. Она вздрогнула так сильно, что едва не потеряла равновесие. Я подобрал ее находку, обнял Илло за плечи, привлек к себе. Она по-прежнему дрожала... от страха... отвращения?..

Илло закрыла лицо руками. И заплакала, издавая резкие, болезненные звуки, как страдающее животное. Я услышал низкий ответный рев Витола, забеспокоились Дру и Вобру. Гары собрались вокруг небольшого возвы-

шения, на котором мы стояли, подняли рогатые головы и смотрели на нас своими большими глазами.

— Илло, в чем дело?

Возможно, на нее подействовало тепло моего тела и убедительность, которую я постарался вложить в свой голос.

Она отняла одну руку от лица, сжала мою руку так сильно, что ногти ее впились через кожаный рукав и мне стало больно. На щеках девушки не было слез: она продолжала резко всхлипывать, но глаза были открытыми — и сухими. Смотрела она прямо перед собой, и у нее было такое выражение, словно у нее каким-то ужасным способом вырвали правду. И хотя я держал ее и ни за что не хотел отпускать, она попыталась уйти от меня.

Выронив цепь, я обеими руками обхватил девушку. Почти грубо затряс. Голова ее взад и вперед раскачивалась на плечах. Илло ахнула, закричала. Постепенно ее всхлипывания стихали, но она не высвобождалась из моих объятий. Напротив, придвинулась ближе, обхватила меня руками и прижалась так, словно я единственный якорь, удерживающий ее от опасности, которую сам не могу понять.

Так мы стояли долго. Но вот ее дрожь стихла, голова упала мне на плечо, и я услышал, что ее неровное, рваное дыхание успокаивается.

И я снова решился спросить:

— В чем дело?

На секунду или две у меня возникло опасение, что вопрос вызовет новую бурю. Она действительно задрожала и крепче ухватилась за меня. Потом подняла голову. Губы ее дрожали, но она сумела взять себя в руки.

— Я была... была...

Она беспомощно покачала головой, как будто не могла найти слова, чтобы описать то, что произошло с ней, когда она попыталась разгадать тайну этой цепочки.

— Они... — снова начала она, — они думают не так, как мы. Голова... словно кто-то пробежал через открытые

двери в голове... впустил множество всякого... такого, что я не поняла... никогда не знала этого и не могла знать. Все пришло сразу! Барт... тот, кто носил это... он был в ужасной опасности... он... она... оно... — Илло покачала головой из стороны в сторону. — Но страх... ужасный страх... он пожирал меня. И как такой, как мы, мог... Если бы я только могла понять, если бы было больше времени... все произошло так быстро... — Она отняла одну руку и поднесла ее ко лбу. — Так быстро... я не успевала за его мыслями... они подобны огню бластера... пожирают... прожигают... мою голову. Но что-то произошло здесь или поблизости... когда это выронили. И это было плохо... мы даже не можем осознать, насколько плохо.

Хотя, по-видимому, она сама не очень понимала, что говорит, попытка объяснить немного успокоила ее. Она совсем выпустила меня, и, когда заговорила снова, я увидел, что к ней вернулось самообладание. Илло посмотрела на траву, где лежала цепочка.

— Барт... я не могу снова коснуться ее. Но это послание... мы... или кто-то другой, обладающий большим талантом и знаниями... должен понять... распутать. Я знаю, это очень важно. Ты можешь нести его?

Я наклонился и снова подобрал цепочку. В моих руках это всего лишь металлическое украшение из неизвестного металла, частично поврежденное. Я не чувствовал ничего, кроме гладкой поверхности. И так и сказал. Илло кивнула.

— Спрячь — понадежней. Когда... если... мы вернемся в Портсити, это нужно отправить с планеты... переслать в один из центров Лиги. Там есть специалисты, которые разбираются во всем, что связано с предметами предтеч. Возможно, это один из тех ключей, которые всегда так стремятся найти люди. Если его получит подготовленный человек, умеющий защищаться, это принесет пользу.

Я свернул цепочку и спрятал в карман пояса. Илло внимательно наблюдала, как я закрываю карман, слов-

но хотела убедиться, что находка в безопасности. Не могу сказать, насколько она сама верила в свои слова. Но я не сомневался, что она в них верила.

Мы спустились с возвышения и пошли дальше, гары приняли обычный походный порядок. Теперь они были не так насторожены, как когда Илло пыталась разгадать тайну нашей находки. Мы молчали, но я все время ощущал, как находка в кармане пояса трется о бедро.

Хотелось о многом расспросить девушку, но я сдерживался. Возможно, говорил я себе, такие вопросы даже полезны, помогут ей справиться с нелегким испытанием. Но нехорошо снова подвергать ее этому испытанию. Вот если она сама начнет. Однако она не начинала.

Еще раз мы разбили лагерь на равнине. На этот раз огонь не разжигали. Вблизи не было развалин, окрестности которых были бы безопасны: никакие хищники не подходят к ним ближе, чем подошли наши гары. И снова караулили ночью гары. Илло вечером не молчала. Напротив, говорила почти лихорадочно, как будто ей нужно было слышать звук голосов, воздвигнуть преграду на пути опасности.

Она рассказывала о своих странствиях целительницы: похоже, она много времени проводила в пути, не задерживаясь подолгу ни в одном владении, ходила вдоль побережья, уходила в глубь материка, навещала Портсити, чтобы возобновить некоторые запасы и поговорить с корабельными врачами. Хоть эти врачи инопланетники, их больше, чем медиков с шахт, интересовали местные методы лечения. Илло сказала, что многие из них собирают сведения о необычной медицине разных планет. Они охотно рассказывали ей о других планетах, где тоже есть целители, подобные ей по подготовке: люди, которые одним прикосновением могут поставить диагноз, смягчить боль и изгнать болезнь.

Я знал, что девушка любознательна, но теперь увидел, что она жаждет знаний. Однако ей нужны не знания машин и технологии, а то, что дремлет в каждом мужчине

и в каждой женщине, но иногда выходит наружу у тех, кому повезет открыть нужную дверь.

Нужная дверь... Я вспомнил, что она говорила о своих ощущениях, когда пыталась проникнуть в прошлое цепочки. За этой дверью оказалось нечто, что она не смогла понять. Такое... может вести к безумию. И я решил, что, если только возможно, не разрешу ей больше прикасаться к цепочке. На этот раз она нашла в себе силы отбросить ее раньше, чем ею овладел хаос, рожденный этой вещью в сознании. Но стремление к знаниям может привести ее ко второй попытке, и тогда она может не оказаться так сильна или удачлива.

Глава 8

Роща Вура действительно лежала в тени Чащобы. Меня удивило, что поселенцы, зная зловещие свойства этого грозного леса, тем не менее устроились так близко к непостижимой загадке. А может, когда основывали этот поселок, Чащоба не считалась такой опасной, людям казалось, что они могут ее выжечь или выкорчевать, изменить землю, как они неоднократно это делали на других планетах.

К тому же после того как поселок опустел, Чащоба могла разрастись, но в таком случае это исключение из правила. Потому что тщательные наблюдения за прошлые годы показали, что Чащоба остается на месте, она не разрастается летом, не сокращается в периоды засухи или в сильные морозы — таковы обычные чередования времен года на этой планете.

Поселенцы не подозревали об опасности Чащобы, и поселок был расположен в очень удобном месте. Здесь сходятся две реки, образуя широкий Хальб, который уходит на юго-восток. Одна река течет с северо-запада, другая — непосредственно с северных гор и единственная, насколько мне известно, прорывается сквозь Чащобу.

Речная торговля развивалась бы оживленно, если бы планам поселенцев было суждено осуществиться. Неиссякающий источник воды в периоды засухи — очень ценная вещь. Поселок был расположен в треугольнике между двумя реками непосредственно перед их слиянием.

У реки, текущей с запада, быстрое течение и очень чистая вода. У второй — течение медленнее, а вода коричневая и непрозрачная. Я вспомнил бронированную тварь, которая во время бури наткнулась на наш фургон, и решил, что не стану переходить эту реку вброд, какой бы мелкой она ни была.

К счастью, нам не нужно было углубляться в то, что могло оказаться речной западней. Когда-то через реку перекинули мост. Его построили из камня, который добывали в каменоломнях в горах. Из этого же камня были стены построек города. Мост сохранился плохо, но мы могли по нему перейти реку.

Несмотря на то что Роща Вура густо заросла той же самой ядовитой растительностью, я видел, что поселок гораздо больше Мунго. И старше — по меньшей мере на десять лет. Честолюбивые первопоселенцы предполагали, что это будет центр равнинных земель — потому так его и назвали.

Гары опять не соглашались подойти ближе, они остановились. А мы с Илло подошли к омываемым водой камням, которые когда-то были мостом. Несмотря на больший размер, поселок представлял собой ту же картину разрушений и растительности, как и то поселение, в котором я родился. Илло разглядывала его, а я внимательно смотрел на нее.

— Ничего не вспоминаешь? — Я не мог сдержать вопрос: девушка хмурилась, словно пыталась уловить какое-то воспоминание на самом краю сознания.

Она не ответила, только покачала головой, но принялась действовать целеустремленно. Развязала свой мешок, порылась в его содержимом и извлекла кожаную сумку, которую я уже видел: из нее она достала мазь, ко-

торая принесла мне облегчение от ожогов ядовитым соком. Открыла сумку, сунула в нее два пальца и принялась смазывать лицо и руки. Закончив, посмотрела на меня.

— Это предохранит нас от подобного тому, что было в Мунго-Тауне...

Предохранит... нас? Значит, она ждет, что я пойду с ней в Рощу Вура. Секунду-две я хотел ей отказать, но передумал. Слишком возбуждено было любопытство. Найдем ли мы здесь следы такой же бойни?

Я натирал открытые участки тела мазью со странным, но приятным запахом. Волдыри уже зажили, на их месте виднелись только красноватые пятна.

Свой мешок я оставил рядом с ее и проверил инструменты на поясе. У меня с собой танглер и шокер, оба со свежими зарядами, длинный нож, загадочная цепочка в кармане, фонарик. Впрочем, фонарик вряд ли понадобится: сейчас середина дня, и мы не должны задержаться надолго. Да, все, что необходимо странствующему, у меня под рукой.

Сняв поклажу с гаров, мы сложили ее напротив остатков моста и отправились взглянуть, что может находиться в городе. Илло шла впереди. Я еще только устанавливал канистры с водой рядом с остальной поклажей, как она уже двинулась по мосту, и я не успел ее остановить.

Она легко и ловко перешагивала с одного камня на другой; дважды ей пришлось перепрыгивать через промежутки между камнями. Коричневая вода внизу казалась маслянистой, словно это не вода, а сок каких-то вредных растений. Я внимательно смотрел, как переходит девушка, прежде чем переходить самому. Ни на поверхности воды, ни под ней никакого движения. Но между камней вполне может скрываться такое чудовище, как то, что напало на наш фургон. Поэтому я стоял с шокером в руке, настороженно ожидая малейшего движения, пока Илло не оказалась на другой стороне. Как целительница, она не носила никакого оружия — отказалась взять второй шокер, и на поясе у нее только нож

с длинным лезвием — рабочий инструмент целительницы и путника. Но он бесполезен против бронированного чешуйчатого чудовища.

Перейдя реку, она повернулась, и я сразу ступил на первый камень: не хотел, чтобы она подумала, будто я оставляю ее одну. Некоторые камни оказались неустойчивыми, и я пожалел, что не прихватил веревку. Она осталась среди поклажи. Нам нужно было связаться этой веревкой: если один упадет в воду, второй сможет вытащить.

Как чаще всего бывает после дурных предчувствий, мы без всяких затруднений прошли в Рощу Вура. Мост переходил непосредственно в то, что когда-то было главной улицей города, и здесь незнакомой растительности было мало. Мы ножами прорубили тропу, обнаружив, что стена растительности неширокая, а за ней — открытое пространство.

— Цветы! — Я показал туда, где они росли в садах, которые когда-то отделяли один дом от другого.

Как и в Мунго, яркие цветки казались языками пламени вечного, но невидимого огня. Но... они оставались неподвижными. Не двигались, пока мы не пошли дальше. Я схватил Илло за руку и задержал:

— Посмотри на них!

Они уже были не неподвижны. Напротив, раскачивались, кланялись, поворачивали лепестки в разные стороны. У меня появилось неприятное ощущение, что они живы — жизнью, которую я не могу понять, что они пытаются вырвать корни из земли и наброситься на нас.

— Они чувствуют нас... — Девушка говорила негромко и не пыталась вырвать руку. — Это правда: они чувствуют наше присутствие.

Но на открытом пространстве главной дороги не было ни одного цветка. Конечно, думать о том, что они могут на нас напасть — это детский страх. Растение на такое не способно — я, по крайней мере, не могу в это поверить.

— Но кто они? — продолжала девушка. — Часовые, стражники?..

Она сделал движение, как будто собиралась уйти с середины дороги, подойти поближе к этим ярким извивающимся цветам. Я удержал ее.

— Не знаю, кто они, но чувствую, что лучше держаться от них подальше.

— Наверное, ты прав, — согласилась она.

И снова, приближаясь к центру города, мы видели, что здесь разрушений меньше. Дома целы, но на их серых стенах зеленые пятна растительности, как будто их осквернила какая-то плесень или грибок. Ибо эта растительность — злая. Я был в этом так же уверен, как в самом себе. Гнилая, хотя гниль не видна глазу. Как будто питается разложением.

Неожиданно Илло остановилась, повернулась и посмотрела на дом справа. Он ничем не отличался от тех, что мы миновали, — те же самые стены в пятнах, те же кивающие, извивающиеся цветы.

— В чем дело?

— Это... не... — Она прижала ладонь ко лбу. — На мгновение, всего лишь на мгновение я подумала... Но не смогла удержать мысль. Нет, не могу вспомнить. — Голос ее звучал высоко, и в нем слышалось отчаяние.

Вероятно, следовало предложить войти в дом и осмотреть его. Может, это был ее дом... Но я не мог заставить себя или позволить ей пересечь участок, где росли цветы, чтобы добраться до дверного проема.

Мы пошли дальше. Шли медленно, и я уверен, что она, как и я, прислушивалась, держа в напряжении чувства...

Как и в Мунго-Тауне, дорога привела нас к центру, где располагался зал собраний. В отличие от того небольшого поселка, здесь по одну сторону от ратуши располагался ряд киосков. Я видел груды глиняной посуды, тюки сгнивших тканей — различные товары, теперь полуразложившиеся, но ясно показывавшие, что, когда разразилась катастрофа, был базарный день, может, даже ярмарка, на которую собрались продавцы с нижнего течения реки.

Усыпанная гравием площадь перед залом пуста — ряда скелетов нет. Я облегченно вздохнул. Возможно, судя по тому, что отец никогда не рассказывал о подобных находках, да и здесь нет следов смерти, Мунго оказался исключением и по общему состоянию не похож на другие покинутые поселения.

Илло, которая шла слева от меня, целеустремленно направилась к залу.

— Хранилище записей, — объяснила она, когда я заторопился следом за ней.

Впервые я понял, что в своем посещении Мунго допустил большой промах. Конечно, ведь в каждом таком зале есть небольшой архив. Почему я об этом не вспомнил? Наверное, вид скелетов заставил забыть обо всем остальном. Тогда передо мной была задача, заставившая пойти в мертвый поселок: нужно было выполнить данное отцу обещание. Мною владела навязчивая мысль — оставить тело отца рядом с телами его друзей и родственников.

Зал оказался похож на другие, которые я видел, только здесь было больше украшений, как подобает общественному помещению в поселке, который стремится стать большим городом. Я увидел на стенах символы четырех планет — вероятно, тех, с которых прилетели первые поселенцы Рощи. Была табличка, которая сразу бросалась в глаза, — абсолютно черная, и на ней серебристыми буквами надпись:

«В память Хорриса Вура, открывателя миров.

Да упокоится он с миром в этом последнем своем открытии.

Бродишь ли ты по земле, летаешь ли на звездных крыльях — в конце тебя ждет мир».

— В конце тебя ждет мир, — вслух произнес я, и мои слова сопровождал не смех и не плач, а возглас вызова тому, что здесь произошло.

Илло подошла к табличке и пальцем провела по блестящим линиям букв.

— Он хотел благополучной жизни людям — а что они нашли здесь? — Она вздрогнула.

— Смерть, — мрачно заключил я. — Но он умер до того, как пришла судьба.

— Надеюсь, — ответила она. — Надеюсь, он умер, веря, что дал дом бездомным. Посмотри на эти символы. — Она указала на инкрустацию на краю таблички. — Ты знаешь эти планеты, должен был слышать о них. Хотел бы ты жить на одной из них?

— Нет! — Непосредственно я их не знал. Я вообще никогда не был на перенаселенных, мрачных, лишенных надежды планетах, где размножение контролируется, или которые живут под властью диктатора, или где потребность в самом необходимом так велика, что каждый день превращается в бесконечный рабский труд. Да, жителям таких планет Вур мог показаться настоящим раем. Но каким адом на самом деле он оказался?

— Хотела бы я... — негромко сказала Илло. И хоть не закончила, думаю, я знал, о чем она говорит. С какой из этих планет прилетели ее предки? Была ли у нее семья? Была ли она большая? Были ли братья и сестры?

По крайней мере, когда меня нашли, знали, кто я, и у меня был отец. А у Илло никого не было, и, по ее собственным рассказам, она оказалась во власти тех, кто пытался стимулировать ее детский мозг, даже причинить ему шок, чтобы заставить отвечать на вопросы. Она пережила это и стала такой, какая есть, и это, возможно, такое же большое достижение, как открытие Хоррисом Вуром новой планеты для бездомных и угнетенных.

— Архивы, — решительно напомнила она, отворачиваясь от таблички.

Как и во всех зданиях, которые я видел снаружи, в помещении архива тоже не было двери. Я внимательно осмотрел стену. Несколько отверстий, в которых, вероятно, когда-то помещались петли. Двери и окна исчезли, но в остальном дома оставались нетронутыми и внешне находились в хорошем состоянии. В киосках сохра-

нились даже остатки товаров. Почему же тогда исчезли двери и окна?..

Илло стояла посредине небольшого бокового помещения. На стенах — стеллажи для лент. Здесь можно разместить много лент, и не только архив поселка, но и учебные ленты. Во всяком случае, они должны быть здесь. Но все стеллажи пусты. И причину понять нетрудно.

— Те, что нашли тебя и остальных, должно быть, забрали ленты...

— Но их должны были бы сохранить в Портсити. И архивы всех остальных погибших поселков. Но их нет в каталогах.

Она права. Если бы такие записи существовали, мой отец отыскал бы их. Он делал собственные записи в тех местах, которые исследовал. Однако, хотя, бывая в Портсити, мы регулярно навещали архив, не помню, чтобы он спрашивал о записях, сделанных в городах до их гибели. Отсутствующие ленты — кому они понадобились и зачем?

В Мунго все жители погибли. Может, в других местах было по-другому? Эта женщина, которая тронулась рассудком... Та самая, которую нашли в Роще Вура, а потом проследили до Чащобы. Может, она знала нечто такое, что не сумели извлечь из нее эксперты за короткое время до побега?

— Кому нужны эти записи? — спросил я вслух.

— Тому, — Илло пришла к тому же заключению, что и я, — кто хотел больше узнать о нас.

— Но это открытая планета, — возразил я. — Здесь никогда не находили никаких следов предтеч. Приборы не обнаружили разума выше уровня гаров и, может быть, горных корандов.

— А что, если действует искажение... — медленно сказала девушка. — Чащоба... она действует как искажающее устройство... это мы точно знаем.

Все снова упирается в Чащобу! Не хотелось верить, что разгадка в ней. Никто не мог в нее проникнуть. Разве что сюда привезли бы огромные машины уничтоже-

ния. Но такие машины давно запрещены во всех мирах любой Конфедерации или Лиги. Однако даже в таком случае, если в Чащобе действительно скрывается разумная жизнь, враждебная нам или нет, мы этого никогда не узнаем, потому что адские машины уничтожают все, и остается только обожженная пустая планета, затянутая облаками пыли.

— Если ответ в Чащобе... — Я пожал плечами.

— Да, если он там... — Но в ее голосе не было безнадежности. Что-то в ее тоне привлекло мое внимание, я посмотрел на девушку и увидел, что она задумчиво смотрит на пустые стеллажи. — Должно быть какое-то разумное основание! — В ней чувствовался новый прилив энергии, как будто она, приняв решение, хотела немедленно его осуществлять. — Ты когда-нибудь подходил к Чащобе, был на самом ее краю?

— Нет. Не было причин... и я не знаю ни одного странствующего, который бы там был. Читал отчеты в Портсити — этого достаточно.

— Не всегда. Большинство отчетов составлено инопланетниками.

— Подготовленными инопланетниками, — сразу напомнил я.

— Да, подготовленными. Но их учат полагаться на оборудование. А у тебя есть инстинкт странствующего — должен быть. Может ли инопланетник без всяких приборов проложить маршрут для фургона с упряжкой гаров?

— Он, вероятно, кончит тем, что пошлет призыв о помощи, — ответил я. Все знакомые мне инопланетники были шахтерами, космонавтами и торговцами из Портсити. Никто из них не выжил бы на равнинах, не смог бы проложить курс по местности или повести по маршруту упряжку гаров. Да, я пользовался инопланетным оборудованием, но самым простым и больше полагался на свои чувства, а не на приборы. В этом отношении Илло права. Точно так же как она способна излечить больного, которого инопланетная медицина признает безнадежным.

— Видишь? С самого основания поселков наши люди никогда не пытались узнать больше о Чащобе. Правда в том, что мы ее боимся.

— И не без оснований. Тех, кто в ней заблудился, никогда не находят. Были две картографические экспедиции с Альсабана, последний их сигнал был получен с восточной окраины Чащобы. Потом флиттер Херцо и еще один — компании Рекки...

— Все они инопланетники.

— Лаузер не был инопланетником, — возразил я. — В тридцатом году ПВ (после высадки) он сорок дней шел вдоль Чащобы.

— Верно. Но его экспедиция шла по краю Чащобы, не углубляясь.

— Санзор! — Я смотрел на девушку. — Сразу после похода Лаузера был уничтожен Санзор!

Возможно, последовательность этих двух событий случайна. Мне никогда не приходило в голову, что тут может существовать связь. И никто не вспоминал, что гибель первого, самого далекого владения, совсем маленького — ее приписали эпидемии — произошла сразу после возвращения Лаузера из долгого перехода и его пробной попытки проникнуть в Чащобу.

— Если что-то встревожилось, испугалось... — медленно говорила Илло. — Если для них мы такие же чужаки, каким нам кажется чудовище из ручья... переход Лаузера мог быть воспринят как угроза, которой нужно противостоять.

— Но ведь в следующий раз Тень ударила только через два года. — Я пытался вспомнить факты истории. К счастью, отец заставил меня выучить их.

— Мы могли находиться под наблюдением. Мы перемещались на север, все ближе и ближе подходили к Чащобе, и вызванные нами страх и гнев все усиливались. За эти два года разбилось и исчезло несколько флиттеров, в том числе один исследовательский. На борту должно было находиться очень много оборудования...

Я видел в ее словах все больше и больше смысла, какую-то страшную логику. Угроза территориальным правам — древнейшая причина войн. Животное и человек будут сражаться за свою землю, когда в нее вторгаются и даже когда только возникает угроза такого вторжения. А если угроза исходит от чего-то абсолютно чуждого, непостижимого даже по мыслительным процессам, вызванный этой угрозой страх только подкрепит гнев.

— Но почему никто не догадался... ведь прошло много времени, целые годы! — едва не взорвался я.

— Люди ограничены, они привыкли верить отчетам, находкам, сделанным с помощью приборов. Конечно, эти приборы точные и сложные, но все равно это машины, созданные людьми, чтобы облегчить наше мышление, а не такое, которое нам совершенно чуждо. Могут ли такие приборы зафиксировать то, что их создатели не в силах даже вообразить?

— Шахтерские поселки не затронуты. Но там есть силовые поля. Ни один наш поселок не мог себе такое позволить: внутри такого поля нормально жить невозможно. Но если нанесли удар — почему не по Портсити и не по большим городам к югу от Хальба, которые становятся все сильнее? С каждым новым годом там появляется все больше новых переселенцев.

— Возможно, по какой-то причине они не могут действовать на расстоянии. — Илло слегка нахмурилась.

Я заметил, что она сказала «они», а не «нечто» или «что-то». Враг приобретал туманные очертания, которых раньше не было. Возможно, не все наши догадки верны, но, по крайней мере, есть с чего начать.

Но я по-прежнему не видел возможности исследовать Чащобу — или причин для такого исследования. В человеке есть врожденные страхи и стремления. Конечно, они могут быть преодолены обучением и подготовкой в молодости, но могут и проснуться, а проснувшись, начинают побуждать к действиям.

Сколько себя помню, я всю жизнь был рядом с отцом, а отец был одержим Тенью. Да, погиб он от несчастного случая, в природной катастрофе, но даже умирая просил меня продолжить поиск. А вид скелетов в Мунго и у меня вызвал то же стремление. Илло пришла к тому же по другим соображениям, но я знал, что она не повернет назад.

Я не знал, что мы будем делать в Чащобе, и знать это заранее невозможно. Я, во всяком случае, такой возможности не видел. Нам придется самим, пункт за пунктом, продумать, по какой причине мы туда идем.

Илло вышла из пустого помещения архива и вернулась на площадь. Я быстро прошел вдоль ряда киосков, вглядываясь в остатки того, что в них лежало. Никто не пытался ничего спрятать, унести — все на месте. На ящиках от товаров устроены импровизированные витрины, везде множество товаров. Хотя, конечно, время и непогода с большинством расправились.

Я поднял поясной нож и увидел лезвие из трес-стали. Такой металл способен выдержать годы постоянного использования, но здесь лезвие было изъедено, покрыто отверстиями. Быстрый осмотр других металлических изделий показал, что они все в таком же состоянии. Я ударил ножом о ящик, на котором он лежал. Нож в моей руке разлетелся на мелкие осколки.

Рукоятку я выбросил и вытер руки о кожаные брюки. Меня потрясло такое легкое разрушение металла, которым я всю жизнь пользовался и которому доверял. На ожерелье, которое долго пролежало в траве, не видно ни малейших следов износа, если не считать сломанного звена. Здесь же самый твердый и стойкий из известных мне металлов не выдержал и двадцати лет, может, даже меньше, потому что Илло — из Рощи Вура, а она моложе меня. Должно быть, в день, когда пришла Тень, в городе была ярмарка.

— Ты... и два младенца... и та свихнувшаяся женщина... — Илло не пошла за мной, она осталась у выхода из зала и осматривала всю сцену, медленно поворачивая

голову. Теперь я снова вернулся к ней. — Вас всех нашли вместе?

— Нет. — Она покачала головой. — В город заглянул странствующий. Он принес заказ из порта от... не могу вспомнить, как его звали. Но он увидел, что случилось, понял сразу, потому что гары отказались приближаться. Думаю, это был храбрый человек, потому что он пошел дальше один. Он знал, что могут найтись уцелевшие дети. И нашел малышей в одном доме. А я пыталась увести Крисан, тащила ее за руку. Но тогда я казалась такой же обезумевшей, как она. Плакала и произносила бессмысленные слова... Он рассказывал, что позже я начала... петь...

— Петь?

— Так он это назвал. Ему пришлось связать Крисан, потому что она пыталась убежать от него и ужасно кричала. Я... я помню, но только когда мы уже не были в городе. Я в фургоне, завернутая в одеяло, Крисан лежит на полу, катается из стороны в сторону и пытается освободиться. Сначала она кричала, и я очень испугалась. Потом затихла и лежала расслабившись. Она что-то тихо говорила, кого-то звала... но слова ее были мне незнакомы, и я ее боялась. Странствующий направился по равнине к шахтам, и нас увезли на флиттеру... но только вечером Крисан перегрызла путы — ей связали руки и ноги веревкой, потому что она была вне себя. И убежала... ее проследили до самой Чащобы. А когда увидели, что она ушла в глубину, доложили о том, что потеряли ее.

— Чащоба... причина должна быть в Чащобе!

Я показал девушке сломанный нож. Она очень удивилась.

— Но ведь это трес-сталь! — воскликнула Илло.

— А разбилась, как гнилое дерево. Эти дьявольские цветы — ты только посмотри на них! — Мой взгляд уловил цветное пятно, и я повернулся.

Цветы по-прежнему шевелились, но не так, как раньше. Однако все их головки были устремлены к нам.

Я вспомнил предположение Илло, что они следят за нами. Как можно отрицать здесь хоть что-нибудь, даже самые невероятные предположения? Всю жизнь я провел на Вуре, я родился здесь, но для этой планеты я чужак, и здесь могут существовать тысячи, миллионы тайн, в которые мы еще не проникли. Если бы мы были разумны...

— Чащоба. — Это слово Илло произнесла с той же решительностью, с которой заявляла о необходимости идти на север.

— Чащоба, — тяжело повторил я, зная, что другого пути для меня нет. Не такую дорогу я хотел бы для себя выбрать, но, выбрав, должен идти по ней до конца.

Глава 9

Мы уже целый день шли вдоль края Чащобы, разглядывая массивную преграду из переплетенных лиан, колючих кустов, толстых ветвей и низкого подлеска. Здесь цветов не было — зловещие головки не раскачивались из стороны в сторону, глаза в лепестках не смотрели нам вслед. Растения разной формы, но все темно-зеленые и сероватые, почти черные, и очень неприятные — по крайней мере, для моего взгляда.

Странно, но, когда мы приближались к этой чуждой территории, гары не упирались, как делали это возле погибших поселков. Правда, они не паслись на краю леса, но шли за нами охотно.

— Ни единого разрыва... — заметил я ближе к концу дня.

Каким-то образом Чащоба излучала тепло. Я все время вытирал лицо руками, чувствуя себя так, словно прошел много миль под палящим солнцем. А ведь уже скоро подуют морозные ветры с севера. Что они сделают с этой непроходимой чащей — или она неуязвима для холода?

Мы не пытались заходить в чащу. Вид шипов длиной

в палец на самых крайних кустах вполне уберегал от такой глупости. Если бы у меня вместо шокера и танглера был с собой бластер, я мог бы немного поэкспериментировать. Но, судя по всем отчетам, даже луч бластера не может прожечь проход в чаще. Вся наша экспедиция — безумный поступок, и чем скорее мы это признаем, тем лучше.

Однако в глубине сознания нечто снова и снова заверяло меня, что здесь что-то есть, и я продолжал упрямо идти, разглядывая Чащобу. У меня не было ни малейшего представления, что мы ищем, но я шел вперед. Илло, которая шла впереди в нескольких шагах, время от времени останавливалась и разглядывала какой-нибудь куст или лиану. Выражение лица у нее было такое, словно она к чему-то прислушивается.

Заночевали мы немного в стороне от этой мрачной полоски, которая казалась чернее, чем может быть земля. И только когда поели, напились и уже сидели у небольшого костра из ветвей и сухой травы — костер я соорудил, руководствуясь своим опытом странствующего, — Илло неожиданно сказала:

— Цепочка...

Я поднес руку к карману пояса — есть только одна цепочка. И обнаружил, что цепочка обладает еще одним свойством — таким, которое едва не заставило меня ее выронить: мы нашли цепочку днем, в ярком свете солнца, теперь быстро темнело — и в темноте разорванная цепь светилась! Я отдернул руку. Однако наощупь металл был не горячий, он лишь светится настолько, что освещал мои пальцы.

— Дай ее мне! — приказала Илло.

— Возможно, это переносчик... — Я облизнул неожиданно пересохшие губы. Говорят, чуждые металлы несут излучение, смертельно опасное для человеческого организма... Я носил это на своем теле много часов, несколько дней. Что, если поглотил его излучение? Кожа пояса от него не могла защитить.

— Возможно, это нечто гораздо большее. Дай сюда!.. — Она говорила резко, протянула руку, готовая вырвать у меня цепочку.

— Нет! — Я сжал кулак. — Если есть излучение...

— Кто может судить об этом лучше целительницы? — спросила она.

Она права. Однако я помнил, как на нее подействовала находка, и не хотел отдавать ее.

— Какое, по-твоему, это имеет отношение к Чащобе? — попытался я увести разговор в сторону.

— Возможно, никакое, а возможно, самое прямое. Она очень древняя, восходит к самому началу. Она принадлежала другому народу, и, может быть, они знали... Разве ты не понимаешь, — голос ее звучал настойчиво, — нам нужен ключ, проводник...

— К чему? Мы этого не знаем...

— Должны узнать. — Она снова протянула руку, и, чтобы не бороться с ней, я отдал цепочку.

Она поднесла металлическую цепочку к огню. Когда свет коснулся цепочки, ее собственное свечение померкло. Илло по очереди дергала за каждое звено, как будто проверяла цепь на прочность, как проверяет человек веревку, которой собирается доверить свою жизнь.

— Никакого излучения — по крайней мере известного нам, — сказала она наконец. — В ней есть энергия, да, но другого типа.

— Какого? — Теперь я очень жалел, что не выбросил находку, когда мы нашли ее на равнине, не отправил назад в забвение у корней трав.

— Это энергия, родственная способностям эсперов, — спокойно ответила она. — Ты должен знать, что человек, обладающий таким даром, излучает энергию. И она воспринимается целительницами.

Насколько я знаю, она говорит правду. Но чтобы неодушевленные предметы, такие как эта цепь, могли содержать подобную энергию — это совсем другое дело. Илло продолжала перебирать звенья цепи. Потом положила

на ладонь табличку со сложной гравировкой, похожей на путаницу ветвей, вдоль которой мы шли весь день.

— Пока не чувствую! — Она медленно раскрыла пальцы, которыми сжимала пластинку. — Но она сообщит мне! — В голосе ее звучало торжество, и огонь в глазах был не просто отражением пламени костра. — Это... это ключ! Мне нужно уснуть с ним, и мы узнаем больше. — Она снова крепко сжала металлическую цепочку, и я понял, что она мне ее не отдаст. Тем не менее меня тревожило то, что она держит ее в руке.

Ключ — но к чему? Я оглянулся через плечо на темную массу Чащобы. Эта растительность стеной встает на пути человека. Если цепочка — действительно ключ, открывающий эту стену... Но думать так глупо.

Илло больше ничего не сказала. На лице ее словно снова появилась маска. Девушка свернулась на своей постели из травы. И когда легла, я увидел, что рука с зажатой цепью лежит у щеки. Это неправильно, опасно... мысли смешались в моем сознании. Но я не осмелился отобрать у нее цепочку, словно Илло, сосредоточив свой дар, отгородилась стеной от всякого вмешательства.

Я отошел от костра туда, где паслись гары. Витол поднял большую голову и фыркнул, я воспринял это фырканье как приветствие, провел рукой по теплой спине, на которой уже появились пучки длинной зимней шерсти.

Витол — часть того нормального мира, который я знаю всю жизнь. Приятно стоять рядом с большим животным, вдыхая запах его шкуры, чувствуя под рукой его шерсть. Это реальность. Но меня все сильнее — с того момента, как я вошел в Мунго, — а теперь все острее и острее преследует чувство: отчасти страх (я это признавал без колебаний), отчасти любопытство, вечное стремление странствующего найти новый путь и одновременно желание отомстить тому, кто превратил эту обширную землю в землю смерти для моего вида. Наверное, все это смешалось.

Я знал, что утром пойду дальше, пройду бесконечной тропой вдоль Чащобы, охотясь за тем, что не существует, — за проходом в нее. Но зачем? Похоже на историю из ленты. На несчастного возложен немыслимый поиск, и он под нечеловеческим давлением вынужден доводить его до конца.

Вур. Планета когда-то казалась такой открытой и гостеприимной... но, может, она никогда не предназначалась для нас... я яростно покачал головой, словно отмахиваясь от этого коварного предположения. У каждой планеты, колонизированной людьми, рано или поздно обнаруживались проблемы. Потребность господствовать, покорять — врожденная потребность человека — заставляет нас превращать враждебные планеты в подобие Терры, в дом. Ни одна планета не оказалась раем, лишенным всяких опасностей. Некоторые оказывались хуже безвоздушных обожженных миров. Такие планеты мы могли только подвергнуть посмертному вскрытию — и тогда там ничего не было.

Я почесал у Витола между ушами, и он довольно фыркнул и толкнул меня головой с такой силой, что чуть не сбил с ног. Костер показался мне смыкающимся глазом — или, может, это сказывалась усталость. Ну, в любом случае мы ограничены припасами, как я уже дал понять Илло. Как только вода в канистрах — их несет на себе Витол — достигнет определенного уровня, который я нацарапал на стенке, придется повернуть на юг.

Подбросив в костер последнюю охапку сухой травы, я вытянулся и укрылся одеялом. Впрочем, странное тепло, сопровождавшее нас весь день, дотягивалось и сюда, далеко на равнину.

Я ворочался на постели. Хоть и устал и привык спать в новых местах, если только они под открытым небом (мы, странствующие, не любим спать в четырех стенах), меня не оставляли тревожные мысли. Я повернулся на спину и лежал, глядя на звезды. Я много раз видел их ночами. Но только тогда не был... один. Хотелось забыть то

ощущение одиночества, которое я испытал после смерти отца.

Снова я вел это сражение. С самого раннего возраста — с того времени, как вообще могу себя вспомнить, — отец готовил меня к этому одиночеству. Происшествия и несчастные случаи нередко сокращают число странствующих. О человеке могут спросить в Портсити, припомнить разговор с ним при случайной встрече на равнинах, но судьба его так и останется неизвестной. Отец постоянно учил меня со всем справляться самостоятельно. И если оплакивал смерть моей матери и других жителей Мунго, никогда не делал этого открыто. Как я уже сказал, он не следовал законам определенной религии, не исполнял никаких ритуалов. Но один или два раза говорил мне, что верит: жизнь, какой мы ее знаем, лишь часть чего-то большего, чего-то такого, что мы не в состоянии воспринять, и что смерть нужно принимать как открытую дверь, а не как прочно запертые ворота.

У Илло после гибели Рощи Вура осталось даже меньше, чем у меня. У нее не было родственников, которые могли бы сохранить у девочки ощущение нормальной жизни. Я думал о том, что она испытала, когда ее пытались заставить вспомнить. То, что она все-таки нашла свое место в жизни, приобрела дар, свидетельствует о ее мужестве и устойчивости рассудка.

Мысли вернулись к тому, что она делает сейчас — спит с этой злополучной цепочкой, найденной в траве. Может, попробовать отобрать у нее цепочку, пока она спит? Да спит ли она? Или это какой-то транс? Должен ли я?..

Я хотел это сделать, но обнаружил, что не могу. Мною овладело какое-то оцепенение, и я не мог пошевельнуться. И вот медленно, продолжая размышлять, закрыл глаза и уснул.

Прямо передо мной Чащоба, а за ней, вернее, прямо во мне, какая-то могучая сила, какое-то принуждение посылает меня вперед, прямо на эту страшную колючую преграду, переднее ограждение с шипами, способными

пронзить плоть, выколоть глаза. Я закрыл руками лицо, пытался вырваться, освободиться. Но продолжал идти вперед, словно передо мной дорога, такая же открытая, как на равнинах.

Теперь я должен быть непосредственно у шипов. Небольшое расстояние до них я уже преодолел. Я опустил руку, которой защищал лицо. Передо мной свет — прибывающий и убывающий, как свет луны, только он не красный, как луна Вура. Затем, когда глаза адаптировались к этому свету, никакого лунного диска я не увидел. Скорее это столб, напоминающий фигуру человека, этот столб светится и движется. Никаких следов Чащобы, только этот свет, который удаляется от меня, тянет за собой...

Сердце билось часто, я тяжело дышал, словно пробежал большое расстояние, и было во мне такое ожидание, такое притяжение, что ...

— Барт! Барт!

Откуда-то иная сила схватила меня, начала раскачивать. Я должен идти, но что-то меня удерживает. Светящаяся фигура уходит все дальше, я теряю ее из виду...

— Барт!

Меня тащат, поднимают... я проснулся.

Ко мне склонилась Илло, она держала меня руками за плечи, словно тащила... откуда-то...

— Я... отпусти...

— Нет! — Она говорила резко, не разжимая рук. Держала меня, как будто опасалась, что я снова обезумею.

Я помигал, покачал головой.

— Ты здесь, — медленно сказала девушка, подчеркивая каждое слово. Она как будто успокаивала плачущего ночью ребенка. — Ты здесь... сейчас...

Я не понял, что она имела в виду. Мерцающий свет исчез. За головой Илло серое небо, светает... я видел такое много раз.

— Я... я был... в Чащобе... — Слова путались, я пытался описать необыкновенно яркий сон, но не мог.

— Не так, — сказала Илло. — Они хотят, чтобы ты пришел так, но мы пойдем своим путем, а не их.

Наконец она отпустила меня, и я сел. Это наш лагерь. На горизонте свет начинающегося дня. Костер прогорел, но холода я не чувствую. По другую сторону груды пепла стоят три гара, смотрят на меня большими глазами, смотрят так же испытующе, как Илло.

— Они? Кто такие они?

Она показала не рукой, а подбородком, чуть повернув при этом голову.

— Не знаю... только там какая-то форма разума... форма, которую я не понимаю. Но о нас знают... и... нас боятся и готовят ловушки... ловушки не для тела, а для рассудка. Вот... — Она показала мне цепочку. Теперь она цела. Я увидел, что каким-то образом девушка соединила сломанное звено. — Надень это...

Я не взял украшение.

— Зачем? Не хочу...

— Только ты можешь его использовать. Оно предназначено для мужчины.

— Использовать? Но как?

— Я сказала, что это ключ. Так и есть. У того, что ждет, есть причины бояться. Нет, — остановила она мои невысказанные вопросы. — Больше ничего я не узнала. Цепочку должен надеть мужчина, и она проведет нас...

— Через что? — Я отчетливо увидел колючую преграду из своего сна. — Нам понадобится бластер...

— А я вот думаю... — Она сидела на корточках, разглядывая далекую стену Чащобы. — Как эта растительность реагирует на шокер?

— На шокер? Никакой реакции на это оружие не может быть. Он действует на нервную систему, полностью расслабляет все мышцы. Но действует только на людей и животных. У растения нет...

Она встала и смотрела не на меня, а по-прежнему на Чащобу.

— Мы на самом деле не знаем, что это за растительность. То, что опустошило поселки, нам совершенно чуждо. А если оно чуждо еще больше, чем мы себе представляем? Стоит попробовать.

У меня в оружии два заряда и еще десяток в поясе. Вобру несет большой мешок с зарядами. Не очень большая потеря — доказать, что такое невозможно.

— Попробую, — пообещал я. — Больше ты ничего о нем не узнала?

Илло по-прежнему держала цепочку в руках. Посмотрела на нее и снова решительно протянула мне.

— Беглые впечатления, ничего такого, на чем можно было бы сосредоточиться. Последние мысли того, кто это носил, были хаотичными, и я не смогла их прочесть. Только знаю, что он был послан с поручением, но обрушилось зло, и он не смог его выполнить. Это чувствовалось сильнее всего — отчаяние от того, что он не справился. Но все это имеет отношение к Чащобе, в этом я совершенно уверена. И еще он шел туда, когда его застигла смерть. И еще — только мужчина может выполнить необходимое.

Меньше всего хотел я брать эту цепочку, надевать на себя. Но гордость моя была уязвлена. Илло привыкла иметь дело со своим даром — ощущать невидимое. Она воспринимает необходимость сделать что-то как должное — как странствующий относится к необходимости распрячь гаров, прежде чем разбивать лагерь. И ей моя привередливость может показаться простым страхом.

Что ж, признался я себе, я действительно боюсь. Но все же докажу себе — не ей: она может не понять, — докажу, что без борьбы не сдамся неизвестному. Понимая, что действовать нужно быстро, не задумываясь над последствиями, я схватил цепочку, раскрыл ее зажим, надел себе на шею и снова закрыл.

Она пришлась мне впору. Словно специально для меня сделана. Свою охотничью куртку я распахнул и из-за необычного тепла не завязывал ее шнуровку. И ничто

не отделяло мою кожу от гладкого металла. Пластинка с надписью оказалась впереди.

Неожиданная мысль пришла мне в голову. На некоторых планетах есть животные, приученные служить людям. У них не тот уровень интеллекта, что у наших гаров, и они не такие дружелюбные. Эти создания носят на себе знак принадлежности людям — ошейники, и на них может быть написано имя хозяина. Предположим... предположим, это такой же ошейник, и я добровольно согласился служить воле, которую не знаю и, вероятно, даже не смогу понять. Но Илло я не стал об этом говорить.

Она протянула руку и кончиками пальцев коснулась пластинки у меня на горле. Металл не казался на ощупь холодным, он словно сразу принял температуру тела.

— Долг... — Она произнесла это слово медленно и задумчиво. — Он испытывал страдания из-за своего долга. Пытался победить смерть, потому что должен был исполнить свой долг.

— Но ты не знаешь, кто он был... — Я немного поколебался и добавил: — Или что?

Она довольно долго обдумывала мой вопрос.

— Он был гуманоид... мне кажется... Цепочка пришлась тебе впору. Словно сделана для тебя. Но его разум... он другой. Я ясно читаю только его чувства... и то потому только, что в конце они были очень сильные, буквально разрывали его. Все это произошло очень давно. — Она обеими руками сделала странный легкий жест, словно рассыпала что-то по земле. Может, стряхивала все эти забытые годы, которые липли к цепочке. Ведь Илло решила, что ее пора использовать.

Мы свернули лагерь, нагрузили гаров. Сегодня животные не пошли впереди, а друг за другом выстроились за нами. Они словно по-прежнему были впряжены в фургон и не нарушали свой строй, чтобы пастись. Я предоставил Илло указывать направление. Она не направилась

прямо к той части Чащобы, что располагалась непосредственно против нашего лагеря, а пошла параллельно зарослям на запад.

Мы шли уже какое-то время и солнце поднялось высоко, когда Илло неожиданно остановилась и повернулась лицом к Чащобе. На мой взгляд, этот участок ничем не отличался от тех, что мы миновали. Но она посмотрела на колючий кустарник и приказала:

— Испробуй шокер — здесь! — Протянула руку, направив указательный палец на куст, который был намного выше меня.

Чувствуя себя глупо, я достал оружие: мне казалось, что я зря потрачу заряд. Однако я должен был им воспользоваться, хотя бы для того, чтобы доказать ей, что она ошибается.

Я настроил на максимальную мощность и нажал на кнопку. Потом принялся слегка водить стволом, проводя невидимым лучом по кусту, который она указала. Ничего — как я и думал. Не успел я сунуть оружие в кобуру, как она побежала к кусту.

— Осторожней, он колючий! — предупредил я.

Она уже протянула руки, но я заметил, что девушка касается только тех ветвей, где шипов было меньше.

Если бы я не видел своими глазами, ни за что не поверил бы, что такое возможно. Илло потянула куст на себя. Он немного подался под ее усилиями и поник — единственное слово, которым я могу описать это постепенное опадание, мгновенное увядание, безжизненность ветвей. В стене образовалась брешь!

— Еще! — Лицо ее раскраснелось, глаза горели. Никакой маски. Она была вся оживление. — Еще!

Я исполнил ее приказ: следующий куст поник, увлек за собой на землю путаницу лиан. Перед нами было начало тропы. Но ведь в прошлом части Чащобы поддавались куда более могучему оружию — бластеру, но лишь на время, они сразу регенерировали, и чаща становилась еще гуще и смертоноснее.

Я подошел к началу прохода, схватил Илло рукой и потащил назад:

— Подожди! Оно может зарасти снова!

Лицо ее гневно вспыхнуло, но она не пыталась опередить меня. Я не знал, сколько времени потребовалось на регенерацию в прошлых экспедициях. Но не очень много, иначе это не произвело бы такого впечатления на исследователей.

Мы ждали. Увядшая растительность не менялась. Я был настороже — словно уложил шокером песчаную собаку. Ибо не мог отказаться от мысли, что это игра, что с нами играет кто-то способный защитить себя и успешно делавший это в течение нескольких поколений.

Никаких признаков возвращения к жизни, никаких движений ветвей или распрямившихся листьев. Илло повернулась ко мне:

— Ты собираешься ждать весь день?

Я хотел ответить: «Да, если потребуется». Но ничего не сказал. Насколько мне было известно из предыдущих наблюдений — а отец постоянно просматривал ленты, снова и снова прослушивал их, — шокер никогда не рассматривался как возможное оружие против Чащобы. Да и как могло быть иначе? Неужели такое простое открытие могло бы давно привести к разгадке всех тайн?

Я тщательно проверил заряд своего оружия. Истрачена примерно четверть заряда, а я не знаю, как далеко мы сможем пройти и что ждет нас впереди. Странствующие — это смесь смелости и осторожности. Они должны быть такими, если хотят оставаться в живых. Одна часть меня стремилась вперед, другая насторожилась — решение казалось мне слишком простым.

— Нужно идти! — Илло высвободилась и двинулась вперед, твердо ступая по увядшей растительности. Я преодолел свою нерешительность и заторопился за ней, отстранил и принялся облучать растения. Кусты и ветки никли, вяли и падали на землю, образуя ковер. Сзади послышалось фырканье. Я оглянулся и, к своему край-

нему изумлению, увидел Витола. Остальные два гара шли за ним.

Теперь, продолжая поводить оружием, чтобы расчистить путь, я заметил кое-что еще. По всей Чащобе разносился шелест, хотя никакого ветра я не чувствовал. Я продвигался очень осторожно, посматривая по сторонам. Не мог забыть о цветах, которыми заросли мертвые поселки. Те тоже двигались самостоятельно, без всякого ветра. Может, такие же листы, ветви, лианы издают и здесь этот звук?

Ничто не появлялось на тропе, которую открывал перед нами шокер. Мне даже показалось, хотя не могу быть в этом уверен, что растительность отшатывается, отступает. Если раньше ей не приходилось вступать в прямой контакт с лучом шокера, то, видимо, у нее хватает своего рода разума, чтобы бояться такого контакта. Неожиданно тропа расширилась, стала гораздо просторнее того узкого прохода, который я проложил лучом, так что мы с Илло могли идти рядом, а гары за нами тоже двигались без труда, даже не задевая за листву.

Мы шли медленно, потому что после каждого выстрела я ждал, опасаясь быстрого восстановления растительной жизни. Дважды мне пришлось вставлять в оружие свежие заряды. Оглянувшись, я увидел длинный туннель, противоположный конец которого был уже почти не виден. Мы не можем так двигаться бесконечно. Нужно либо найти естественную поляну в этом кошмарном лесу, либо создать ее искусственно, чтобы у нас было место для отдыха.

Влажная жара, которой веяло и на окраине Чащобы, здесь стала еще тяжелее. По моему лицу тек пот, мешок натирал плечи. Снова начали жечь полузажившие царапины, которые я получил, когда спасал вещи из затонувшего фургона. К счастью, того, чего я здесь опасался, не было — ни одно насекомое не пыталось нас укусить.

Постепенно у нас выработался определенный распорядок: луч, ожидание, медленное продвижение, луч, ожидание, продвижение...

Но вот...

Снова слой Чащобы упал на землю, которая издавала своеобразный кислый запах. И я увидел что-то стоящее, что-то такое, на что не подействовал шокер, — столб черного камня. И это был не природный столб или скала.

Глава 10

И не столб увидели мы. Когда отпали последние листья, я услышал, как Илло вскрикнула, и сам вздрогнул и снова выстрелил, хотя в этом не было никакой необходимости. Перед нами на тропе стояла статуя, чуть выше человеческого роста, из тусклого черного камня, но с такими подробными деталями, словно каким-то образом заморозили живое существо и поставили как стражника против вторжения.

По общим очертаниям это гуманоид, хотя есть и отличия. Руки, сложенные на груди, имеют по шесть пальцев, лицо гораздо более овальное, чем у терранцев, нос далеко выступает вперед, он широкий и с отчетливым горбом. Никакой видимости волос, кроме макушки, на которой торчит гребень, похожий на кожистую сумку ящерицы.

Хотя все тело воспроизведено в мельчайших подробностях, на лице нет глаз. На их месте темные углубления. И нет принадлежностей пола, которые обычны для людей. Это может быть мужчина или женщина, а может, ни то, ни другое. Но я не сомневался, что это изображение живого или когда-то жившего существа.

Я разглядывал лицо статуи, и первоначальное впечатление угрозы, возникшее из-за внезапного появления фигуры, постепенно рассеивалось. Вместо него я ощутил печаль, тоску, словно это не предупреждение тем, кто собирается проникнуть в Чащобу, а памятник на каком-то кладбище.

Такого камня, из которого сделана статуя, я нигде на Вуре не видел. Масса переплетенной растительности, ко-

торая существует здесь, должно быть, бесчисленные годы, никак не воздействовала на статую, не повредила ее. Теперь открывшаяся статуя стояла такой же целой и невредимой, как будто скульптор только что поставил ее на место. По нашим стандартам, она не красива, но обладает силой — целью, — потому что все сильней и сильнее передает ощущение безнадежности, покорности перед уничтожением.

— Они знали... — сказала Илло еле слышным шепотом.

Я понял, что она имеет в виду. Да, создатель этого памятника знал, что у него будущего не будет, что никакими силами не предотвратить конец. Чем больше я смотрел, тем сильнее сам падал духом, все больше ощущал неразумность нашей попытки проникнуть в эту чуждую дикую местность, которая не предназначена для нас.

— Нет! — Илло схватила меня за руку. — Не позволяй действовать на тебя! Не позволяй думать-чувствовать-ощущать поражение!

Она не могла прочесть мои чувства — должно быть, судит исключительно по своей собственной реакции на этот мрачный монумент отчаяния. Возможно, это оружие! Ловушка — не для тела и даже не для разума, но для души. Но все же потребовалась вся моя решимость и сила воли, чтобы пойти вперед и подойти к чуждой статуе.

Все больше и больше она казалась не произведением искусства, а живым существом, которое когда-то жило, а потом оставлено было здесь умирать. Приближаясь, я смотрел на ямы, в которых должны помещаться глаза, почти веря и боясь, что увижу в них искру жизни, даже если во всем застывшем теле ее нет.

Мертвый черный цвет — избран ли он потому, что такой цвет имело существо при жизни? Я больше не сомневался, что это изображение когда-то жившего существа, даже конкретной личности. Я обошел статую справа, Илло — слева, и на мгновение фигура отделила нас друг от друга.

Тепло — волна жара устремилась ко мне от этого камня. Мне не хотелось касаться его рукой, я не мог заставить себя это сделать. Но эта черная фигура словно превратилась в факел, излучающий тепло.

Сзади слышалось фырканье гаров. Они остановились. Я повернулся, провел лучом шокера по растительности, давая и им возможность миновать статую. Впервые со времени входа в Чащобу они, казалось, не хотели идти дальше. Витол поднял голову и заревел, словно бросая вызов дерзкому самцу, претендующему на его территорию.

Повернут ли животные назад? Я знал, что никакие уговоры на них не подействуют, они идут по своей воле и не подчиняются приказам. Поэтому я ждал.

Витол второй раз издал вызывающий крик. Стены растительности, окружающие небольшое пространство, вырезанное шокером, отражали звук, создавая своеобразное эхо. Бык неохотно опустил голову и пошел, остальные два гара последовали за ним. Я видел, что Витол поворачивает голову то направо, то налево, чтобы даже кончиком рога не коснуться растений. Но он сделал выбор — в нашу пользу. Снова я принялся прокладывать нам проход. И растительность по-прежнему отвечала увяданием, ветви опадали, листья сворачивались.

— Конечно, предтечи... — Илло говорила очень тихо. Возможно, она боится, что ее кто-нибудь подслушает. — Ты слышал или видел что-нибудь подобное?

Я постарался вспомнить содержимое лент, которые собирал и изучал отец. Было много цивилизаций предтеч. Проникая все дальше в космос, люди натыкались на планеты, которые когда-то были домом разумных существ. Были миры, представлявшие собой один огромный покинутый город, всю поверхность планеты покрывали высокие здания. Население такой планеты — нам трудно даже представить себе его численность — все исчезло. Были сожженные планеты, превратившиеся в радиоактивные угли или наполовину опустошенные, со стеклянистыми кратерами на месте городов или военных установок.

Войны, которые в прошлом захватывали всю галактику, уничтожили целые народы и расы. Это могло повторяться снова и снова — цивилизации возникали, достигали звезд, становились могучими, создавали федерации и империи, потом распадались в войнах и эпидемиях и умирали, когда прекращалась межзвездная торговля и не прилетали больше корабли.

По масштабам звездного времени мы очень молодая раса. Хотя быстро разрастаемся, крепнем, строим, стараемся вырвать у прошлого все больше и больше тайн. Было много предтеч, да, и в разное время, на разных планетах, в разных секторах.

Закатане с их огромными архивами исторических сведений, возможно, опознали бы эту фигуру, но если она и попадала на ленты, то у отца их не было. Во мне нарастало возбуждение. Находка, связанная с предтечами, да еще такая большая — это полная свобода для меня и Илло. За такую находку полагается неслыханное вознаграждение. Мы можем отправиться куда хотим, делать все, что угодно, — если это предтечи.

— Они ждали верной смерти... — Мысли Илло не приняли такое эгоистическое направление, как у меня. — У них не было никакой надежды...

Я старался не думать о том, что означает эта траурная фигура, — поражение настолько очевидно, что способно и нас лишить мужества.

— В их время, — сказал я. — Но это время прошло.

Она ответила не сразу. Думаю, все еще была захвачена чувствами, которые пробудила затерянная статуя. Может быть, ее, как целительницу, настроенную на восприятие несчастий и боли других людей, эти чувства поразили сильнее, чем меня. Странствующий рано начинает понимать, что в мире существует и добро, и зло, и иногда зло побеждает добро, но и то и другое нужно принимать и пытаться справиться насколько возможно лучше.

Шокер продолжал расчищать тропу, и я все время ожидал увидеть новые реликты неизвестного. Но мы

уже довольно далеко отошли от статуи — предупреждения или памятника погибшим, — прежде чем растительность поредела и обнажилось начало стены. Случайно мы вышли к проходу — без всякой двери или перегородки. Стена, затянутая Чащобой, уходила в обе стороны. Над проходом — арка, с очень небольшим изгибом.

Илло снова схватила меня за руку:

— Смотри!

Другой рукой она указала на арку. Она из того же мертвого черного камня, что и стены, но не гладкая. На ней резьба — сложный витой рисунок, в котором можно различить только петли и линии, никуда не ведущие. Но чем дольше его разглядываешь, тем сильнее убеждение, что это не абстрактный орнамент, что в нем есть смысл. Возможно, это надпись на языке, который пользуется непостижимыми для нас символами.

— Цепочка! — Спутница схватила ворот моей куртки, потянула и обнажила украшение, которое я неохотно надел утром. — Есть сходство! — заявила она.

Держа шокер наготове, я одной рукой неуклюже попытался расстегнуть застежку. Но она не поддавалась.

— Расстегни, — попросил я Илло.

Она повернула цепь, а я склонил голову и чуть нагнулся, чтобы она быстрее нашла застежку.

— Она... исчезла!

— Нет, я его чувствую, — возразил я.

— Не ожерелье — застежка!

— Что?! — Я сунул шокер ей в руку и провел свободной рукой вдоль цепи. Нет чуть большего по размерам звена, и я не чувствую места, которое было сломано. Там Илло соединила цепь, чтобы ее можно было носить. Все гладкое, словно никогда не было разрыва.

Я ухватился пальцами и попытался разорвать цепь. Результат был обескураживающий: края звеньев врезались в пальцы, и мне пришлось остановиться.

— Ты видишь застежку или место стыка? — спросил я.

И почувствовал, как цепь снова поворачивается — на этот раз в ее руках.

— Ни того, ни другого. Но я не понимаю...

Это невозможно. Застежка и место разрыва не могли так слиться с цепью, что их теперь не различить. Но я не думал, что Илло меня обманывает, да и мои пальцы не могли нащупать никаких неровностей в цепочке.

— Может быть, оно реагирует на тепло тела или что-нибудь в этом роде, — медленно сказала Илло. — Я слышала о камнях корис. Когда носишь их на голой коже, они оживают и становятся яркими и ароматными. Может, какой-то неизвестный сплав или металл при таких условиях восстанавливается?

Так это или нет, но мне не нравилось, что этот сплав среагировал на *меня*. Когда она только предложила мне надеть цепочку, я встревожился. А теперь беспокоился еще сильнее.

— Возьми нож у меня на поясе и попробуй разъединить цепь, — сказал я.

Она отшатнулась и сразу ответила:

— Нет!

— Нет? Почему? Думаешь, я буду носить то, от чего не могу избавиться?..

— От чего ты не должен избавляться.

Она говорила уверенно, и я удивленно посмотрел на нее.

Поскольку мне самому ножом пользоваться было неудобно, пришлось, к удовлетворению Илло, оставить цепочку на себе. Я испытывал негодование, подкрепленное страхом.

— Объясни, почему... — Я старался говорить спокойно, не давать волю гневу.

— Не могу. Только каким-то образом знаю, что ты должен его носить...

Я сжал зубы, чтобы она не догадалась о моем страхе. Вырвал у нее шокер и принялся безжалостно поливать

лучами растения за аркой, расчищая путь за эти едва различимые стены.

Луч становился все слабее, и я понял, что в ярости истратил весь заряд. Это отрезвило меня. Мы не знаем, как далеко простирается растительность и сколько еще времени придется пользоваться шокером.

Я перезарядил шокер, но не смотрел на Илло и не разговаривал с ней. Все время ощущал на шее эту цепь, которая, как мне казалось, сделала меня рабом неведомой силы. И хуже всего то, что я не знаю, что это за сила и как она проявит свою власть надо мной.

Меня толкнули в плечо, толкнули властно, с такой силой, что я чуть не упал лицом вниз на увядшие растения. В ушах раздался рев Витола, могучий рев, какой никогда не вырывался из его глотки. Бык оттолкнул меня в сторону, задел канистрой с водой, которая висела у него на боку, и я отлетел к Илло.

Опустив голову, вожак копытами рыл землю, подняв тучу увядших листьев и кусков почвы. Глаза его покраснели, и весь он представлял собой картину безумного гнева, словно его захватили те же чувства, что недавно владели мной.

Дру отозвалась на этот рев своим, более высоким, и попыталась встать рядом со своим самцом. А Вобру встал на задние ноги, он как будто хотел тоже пройти вперед, но массивные тела двух других гаров не давали ему прохода.

Я не видел, что так взволновало гаров, и не мог даже догадаться. На самый внимательный взгляд ближайшие кусты казались такими же, как раньше. И теперь, когда гары замолчали, ничего не было слышно. Витол и его подруга прошли под аркой, и нам ничего не оставалось, как следовать за ними.

Сам не сознавая этого, я, проходя под аркой, взялся рукой за цепочку. Какое предупреждение или приветствие содержится в этой причудливой надписи? Какое отношение она имеет к табличке, которую я ношу вопреки собственному желанию?

Гары остановились. Витол уткнулся носом в стену растительности, еще не расчищенной шокером. Я протиснулся мимо гара, стараясь не притрагиваться к листам и колючкам. И снова начал поливать растительность, экономно тратя заряд, но стараясь сделать проход пошире.

Мы шли все дальше, но не видели ничего другого, что скрывала бы чаща. Если стена окружает поселок или просто здание, где оно? За растениями ничего нет, кроме других растений.

Витол остановился так неожиданно, что я ударился о его широкое плечо. На этот раз он не отодвинулся, и я не смог пройти вперед. Бык опустил голову и подцепил рогом гниющие на земле растения. Листья и ветки разлетелись, обнажилась почва. Но Витол на этом не остановился. Он продолжал копать рогом, разбивал землю копытами. Во все стороны полетели большие куски слизистой почвы. Усилия Витола вызвали такое зловоние, что у меня сперло дыхание. Илло рукой закрыла нос.

Там что-то есть — под этим покровом мертвой почвы (я не мог думать о ней как о земле: никакого родства с чистой почвой наших равнин). Усилия Витола привели к появлению гладкой поверхности, правда, выпачканной жирной, дурно пахнущей глиной, но это явно не обычная земля.

Витол продолжал усердно работать, сначала одним большим раздвоенным копытом, потом другим. Вобру отодвинул плечом мать, встал за большим быком и тоже принялся разбрасывать уже взрыхленную землю. Мы с Илло изумленно наблюдали, как гары расчищали площадку, которая с каждым мгновением становилась все больше. Время от времени Витол поворачивал ко мне голову и фыркал. Было совершенно очевидно, что ему нужно: я, который всегда командовал животными, теперь должен подчиняться его приказам, расчистить шокером следующий участок растительности, а потом отойти в сторону.

Мы больше не были в туннеле, образованном растительностью. Скорее оказались на поляне, вернее, метал-

лической площадке, почти квадратной, очищенной усилиями животных от растительности. Металл показался мне тем же самым, из которого сделана цепочка у меня на шее.

Хотя ядовитая растительность Чащобы, может быть, веками покрывала этот металл, на нем не было ни следа ржавчины или износа. Я даже не пытался понять, каково назначение этой площадки и что заставило гаров действовать так необычно. Илло наклонилась, но не прикоснулась к металлической поверхности.

— Мне кажется, это не мостовая. — Она внимательно разглядывала площадку. Я не видел в ней никаких щелей — гигантская цельная плита.

Гары кончили расчищать площадку и теперь стояли спокойно, опустив головы и почти касаясь носами металла. Принюхиваются? Или ищут что-то? Я уже не мог удивляться и потерял всякую уверенность. У меня на глазах гары, которых я считал животными, конечно, умными, но все же животными, совершили действия, свидетельствующие, что мы очень ошибаемся в их оценке. Они не просто племенной скот, который высоко ценят поселенцы на Вуре. В этот момент я даже подумал, что этот вид гораздо более древний и развитый, чем мы полагали. Может, их далекие предки знали народ, соорудивший площадку, которую они раскопали прямо перед нами?

Илло вскрикнула и сделала один-два шага ко мне. Я схватил ее за руки. Платформа, которая казалась такой прочной и незыблемой, начала опускаться и уносила нас с собой.

Я пытался добраться до края, потащив за собой девушку. Витол тяжело шагнул, развернулся и отрезал мне путь к отступлению. И прежде чем я смог обойти его, мы были уже слишком глубоко, так что даже прыжком я не дотянулся бы до края.

Гары зашевелились. Я услышал, как тревожно фыркнул Вобру. Я говорю «услышал», потому что нас окружила тьма. Над нами по-прежнему полоска света, но

уже очень высоко. Похоже, мы снижаемся очень быстро и никакой свет не проникает в глубину, куда уносит нас платформа.

Илло так стиснула мою руку, что ногти врезались в плоть, но я не пытался высвободиться. Сейчас мне необходимо было ощущать присутствие девушки, убедиться, что я не сошел с ума, что это не галлюцинации, что это происходит на самом деле.

Задрав голову, я смотрел, как исчезает квадрат неба. У меня не было никакой надежды дотянуться до него. Тьма вокруг становилась все гуще, стало гораздо темнее, чем в безлунную ночь. И никаких звезд, которые могли бы успокоить своим светом.

— Барт! — Илло слегка пошевелилась. Я посмотрел вниз и увидел ее лицо. На него падал странный голубоватый свет. — Цепочка! Она светится!

Светится! Я не чувствовал никакого тепла. Цепь так плотно прилегает к горлу, что я не могу ее увидеть, но вижу свечение, которое разливается по груди и плечам.

Я высвободил руку, на время сунув шокер в кобуру, и взял в нее фонарик, который снял с пояса. Пальцами нащупал кнопку, и мгновение спустя луч обежал вокруг нас.

Мы спускались в колодец со стенами из того же сплава, который образует платформу. Платформа идеально прилегает к стенам, так что не видно ни малейшего зазора. Никаких отверстий или даже щелей: вся труба была отлита цельной. И невозможно найти опору на этой гладкой поверхности. Если только ловушка, в которую мы попали, не управляется каким-то образом, мы можем оказаться навсегда погребенными в этой установке, остающейся для нас совершенной загадкой.

Я посмотрел на гаров. Они стояли спокойно. Так они ждут, когда их по очереди впрягут в упряжь перед выходом. Почему... и что... и кто?..

Но я не произнес эти вопросы вслух. Илло знает не больше меня, а от Витола я не ждал ответа. Но продол-

жал освещать стены в поисках отверстия, какого-нибудь способа уйти. Однако мы продолжали ровно опускаться.

Отверстие наверху теперь меньше моей ладони. Я не могу даже определить, насколько глубоко мы опустились. В памяти всплыли обрывки сведений о предтечах, которые вычитал отец в архивах. Очевидно, среди них был вид или даже несколько видов, предпочитавших подземную жизнь, строивших странные и неведомые установки в пещерах, в туннелях, которые они прорывали. Как будто эти существа чувствовали себя дома под землей, а не на поверхности планет, которые открывали и колонизировали.

Возможно, и этот народ, прилетевший со звезд на Вур (хотя нельзя исключать, что это были исконные обитатели планеты), был из числа таких. Наш спуск должен скоро окончиться. Я начинал верить, что это не ловушка для пленников, а вход в какое-то важное помещение (во всяком случае, я на это надеялся).

Конец действительно наступил. В стене появилось отверстие, платформа замедлила ход. Она продолжала спускаться, пока перед нами не открылась широкая дверь. И тут платформа остановилась.

Почему-то мне казалось, что гары пойдут вперед. Но животные не проявляли никакого беспокойства, они фыркали и переступали ногами, словно не совсем уверенные в надежности платформы, однако с места не двигались.

Ничего не оставалось, как идти самому, пройти в эту дверь, которая ведет в полную темноту. Может, там найдется средство возвращения на поверхность. Я сказал это Илло, и она согласилась.

Теперь, когда мы достигли дна колодца, к девушке как будто вернулось самообладание. Или так казалось внешне. Должен признаться, что появление отверстия подбодрило и меня. Плечом к плечу мы ступили с платформы в коридор или туннель. И снова гары пошли за нами, как и тогда, когда мы проделали проход в Чащобе.

Я освещал фонариком стены: похоже на колодец, который мы только что покинули, вернее, на его двойник меньше размером и уложенный на бок. Те же гладкие, без швов, стены, никаких признаков других проходов, кроме того, которым мы идем.

— Выключи фонарь на минуту, — попросила Илло.

Я не знал, что она хочет сделать, но выполнил ее просьбу. Так мы обнаружили, что теперь фонарик нам не нужен. Стены светились. Может быть, не так ярко, как цепочка, но наши глаза приспособились к тусклому освещению, и мы без труда могли идти дальше. Я с радостью убрал фонарик и снова взял в руку шокер — не потому что ожидал встречи с ядовитой растительностью Чащобы: просто с шокером в руке чувствовал себя увереннее, сохранялась иллюзия, что я еще способен контролировать ситуацию и что вскоре мы откроем... Что? Чуждую форму жизни?.. Какую-то механическую установку, действующую бесконечно долго после того, как исчезли ее создатели? Я не знал и не строил догадок, знал только, что чувствую себя в большей безопасности, сжимая в руке шокер.

Дорога казалась бесконечной — настолько, что нам один раз пришлось остановиться, немного попить из скудных запасов, разделив их с гарами, и поесть. Я дал каждому гару по лепешке дорожного хлеба, и они с шумом принялись жевать. Очевидно, хлеб им понравился. В глубине сознания возникла мысль: как только припасы кончатся... Нет, об этом я подумаю, когда придет время. Мы будем тратить воду и пищу как можно экономнее, но я не стану говорить о том, чем могут кончиться наши блуждания вслепую.

В конце коридора оказалась дверь. Она была закрыта, и я не видел никакой щели, когда снова включил фонарик и принялся внимательно разглядывать преграду. Слева от меня — углубление, но никакой ручки или щеколды. Я вложил пальцы в углубление и нажал, но преграда оставалась неподвижной. Неужели мы заперты, как пленники?

Ничего не оставалось, как пытаться открыть дверь. Я снова собрался с силами, вцепился в нее пальцами и стал давить не внутрь, а двигать направо. Сначала мне показалось, что и на этот раз моя догадка неверна. Но потом, может быть, потому что пришлось преодолевать столетия бездействия, дверь неохотно заскользила в сторону. Мне требовалось напряжение всех сил, чтобы двигать ее. Я обнаружил, что легче это делать резкими рывками, а не постоянным усилием. Наконец панель отодвинулась, и мы увидели свет — почти такой же яркий, как наверху, во внешнем мире.

Глава 11

Свет, ясный и устойчивый, шел сверху, а между нами и его источником находился широкий лестничный пролет. Ступеньки — очень низкие, и каждая расписана яркими красками. И нарисованы на ступеньках — лица!

Ничего нечеловеческого и чуждого, как в той статуе, что мы встретили в чащобе, в этих лицах не было. Эти люди могли бы и сегодня жить в любом владении или поселке. Они были все разные, но такие реальные, что я мог подумать только одно: это изображения живых людей. И тем не менее они нарисованы на ступенях, и всякий поднимающийся по лестнице, куда бы ни поставил ногу, обязательно наступит на одно из них.

Есть что-то неприятное в том, как нарисованы эти лица: их черты слегка искажены, как будто люди эти вот-вот ухмыльнутся или подмигнут. При более внимательном рассмотрении становилось ясно, что тот, кто нарисовал эти лица, ненавидел своих натурщиков и опасался их. Наступать на беспомощные лица врага — для того, чтобы придумать такое, нужно очень сильно ненавидеть.

Илло опустилась на колени, пальцами коснулась ближайших лиц на самых нижних ступеньках. И, словно прикоснувшись к горячим угольям, отдернула пальцы:

— Там черепа, Барт... под рисунками настоящие черепа.

Наклонившись рядом с ней, я не увидел ничего, кроме рисунков на поверхности. Должно быть, прикосновение целительницы, настроенное на высочайшую чувствительность, открыло ей ужас, таящийся под рисунком.

— Их враги — как велик был их гнев!

— Это не могут быть люди. — Я сразу вспомнил ряды скелетов. Там кости были не тронуты, черепа на месте. А это место очень древнее и существовало — я был в этом уверен — задолго до того, как разведчик открыл Вур.

— Нет, конечно, они гораздо древнее, но очень похожи на нас. — Илло посмотрела в сторону двери наверху, откуда исходил свет. — Нужно идти туда... но наступать на это... — Она вздрогнула.

Я внимательно разглядывал лица. Да, все разные, очень реалистическое воспроизведение. Но все же это лица людей, кажется, таких же людей, как я сам.

— Это произошло очень давно, — успокаивал я девушку. Хотя не понимал, что именно «это». Должно быть, лестница сооружена в ознаменование окончательной победы и сокрушительного поражения — для кого: для строителей или тех, кто нарисован? Может быть, какой-то народ был изгнан с поверхности Вура, принял предосторожности и существовал здесь, а потом обрушил свою месть на победителей в самой чудовищной форме? Или ответ прямо противоположный: чужаки победили и отметили свою победу, создав вечный портрет побежденных? В любом случае, художник, сотворивший это, проявил в изображении этих лиц самую безжалостную точность, жестокость, злобность, на какие только способен наш вид.

— Очень давно, — повторила она. — Но они старались... запечатлеть их... своих врагов. Черепа — это большое зло. Зло!

Я выпрямился и, когда она не пошевелилась, помог ей тоже встать.

— Сейчас ничего нельзя сделать. Не думаю, чтобы тут было что-то, кроме костей...

— Этого мы не знаем. — Илло чуть повернула голову и встретилась со мной взглядом. В ее глазах отражался ужас. Она была потрясена. Такой я ее никогда не видел. — Как мы можем понять, что здесь произошло? Могила — тихое место, где ничего уже нет, — это место воспоминаний для живых, а когда проходят годы, исчезает даже это. А такое сохраняет древнюю ненависть, она остается жива. — Девушка вздрогнула. — Мы не знаем, во что они верили... а вера — мощное оружие... и страж.

— Но мы в это не верим! — Мне показалось, что я понял, на что она намекает, это потрясло меня, но только на мгновение. Я отказывался признавать такое предположение. Если не веришь, угроза не существует.

— Да. — В ее голосе все еще была дрожь. Илло больше не смотрела на меня, но крепко держала за руку. А смотрела она на ступени: — Мир — да будет с вами мир! С теми, кто создал это, и с теми, кто умер при создании, — мир! Потому что все это ушло — и теперь забыто. Покойтесь в окончательном и бесконечном сне!

Мне не показались странными ее слова. Я не обладал ее даром, но и мне было тревожно, когда я смотрел на эти изображения, предназначенные для того, чтобы на них наступали много раз. Но я не стал на них смотреть, не позволил себе переводить взгляд с лица на лицо.

По-прежнему рядом, держась за руки, мы поднялись по лестнице. Сзади стучали по камню копыта гаров: животные шли за нами. Мы не смотрели на то, по чему шли. Может быть, Илло, так же как и я, старалась забыть об этом, забыть о том, что могла означать эта лестница.

Меня поразил свет сверху. Лестница очень длинная, некрутая, поднимается медленно, ступеньки широкие. Я даже подумал, не поднимается ли она до самой поверхности. Может, вверху естественное освещение? Однако, поднявшись на самый верх и посмотрев в широкий

портал, мы не увидели ни открытой местности, ни растительности, как в Чащобе.

Удивленный возглас Илло смешался с моим. Мы словно оказались на одной из экспериментальных станций, изображения которых я видел на лентах. На таких станциях изучают растительную жизнь. Рядами стояли секции из того же металла. В каждой секции желоб или корыто с почвой. В некоторых только сухие стебли и высохшие растения, в других — растительность живая и пышная.

Над головой плывут туманные клочья, словно здесь заключены и настоящие облака. Эти клочья движутся медленно, время от времени останавливаются над желобами и поливают их дождем.

Над этими плывущими облаками паутина пересекающихся балок. Часть балок светится, другие — темные. Свет их похож на солнечный на поверхности, а температура и влажность как где-нибудь на юге в период посева.

Тем не менее ничто здесь не напоминает обычный сад. Те живые растения, что оказались близко, мне совершенно не знакомы. Помещение, очевидно, очень большое, потому что другой его конец не виден. Мы пошли вперед и приблизились к первому желобу с живыми растениями.

Я закричал и вовремя успел оттолкнуть Илло. Из подобия густого папоротника появилось щупальце, похожее на хлыст, проворно метнулось к нам и совсем немного не дотянулось до того места, где мгновение назад стояла девушка.

Щупальце-лиана вытянулось снова, а само папоротникообразное растение дрожало и тряслось, словно так стремилось схватить нас, что пыталось вырвать из земли корни. Мы сторонились этого желоба, держась ближе к другому, с противоположной стороны: в нем были только сухие стебли. А щупальце за нами продолжало свои попытки.

— Держись подальше от ящиков с растениями. — После происшествия мой совет был, пожалуй, лишним. Ил-

ло хотела еще понаблюдать за движениями растения, но я потащил ее дальше. Чем скорее мы доберемся до противоположного конца этого места (если у него вообще есть конец), тем лучше. Однако я тщательно пролагал зигзагообразный маршрут, проходя только вблизи тех желобов, где не осталось ничего живого. Подумал о том, что надо вести гаров. Хотя не знаю, смогло ли бы такое щупальце удержать массивное животное. У него могут существовать разные способы подчинения добычи — например, ядовитые шипы. Но, оглянувшись, я заметил, что гары, снова выстроившись в цепочку, повторяют наш маневр, и снова возникли у меня сомнения в том, что мы правильно оценивали степень их разумности.

Мы уже находились напротив пятого от начала желоба с растениями, когда я неожиданно остановился. Перед нами были те же цветы, которые наблюдали за нами в погубленных Тенью поселках. Здесь цвет у них не такой яркий, и сами цветы меньше. Но, несомненно, это тот же вид. К тому же, когда мы приблизились, все цветы повернулись к нам головками и началось бесконечное движение и кивание, не вызванное ветром.

По какой-то причине здесь цветы казались более зловещими, чем под открытым небом, — может, потому что здесь они у себя дома (как давно они были посажены и кем?), а в разрушенных поселках они производили впечатление забракованных и брошенных. Их необычно мясистые стебли производили шелестящий звук: это цветы терлись друг о друга в своем непрерывном движении.

И снова мы постарались держаться от них подальше. Далее следовала целая секция ящиков с высохшими мертвыми стеблями. Над ней балки не светились. Здесь мы шли свободно, гары тоже пошли быстрее, потому что не нужно было избегать растений.

Не могу сказать, сколько времени мы шли — сначала в Чащобе, потом в этой подземной теплице. Однако я считал, что нам пора отдохнуть. Илло согласилась: мы ведь не знаем, что ждет нас впереди. Здесь, среди пустых

ящиков с почвой, безопасно разбить лагерь. Гары, освобожденные от поклажи, легли: пастись здесь все равно невозможно. Я дал каждому из них по лепешке, а четвертую разломал на куски, и мы с Илло принялись их жевать, прислонившись спинами к одному из ящиков.

В этой части теплицы не только не было света — плывущие облака обходили это место. И мы были этому рады: не хотелось попадать под неожиданный дождь. И когда я посмотрел в это «небо», мне показалось, что далеко вверху я заметил переплетение линий — темный потолок.

Илло села не сразу. Вначале порылась в своем мешке и достала связку каких-то высохших кореньев. Тщательно разобрала их. Отложила два в сторону, еще с полдюжины разломала на кусочки, потом подошла к гарам и протянула ладонь с кусочками сначала Витолу. Тот принюхался с такой силой, что едва не сдул кусочки, потом вытянул пурпурный язык и слизнул подношение. Его спутники тоже охотно приняли свою долю.

Вернувшись, Илло протянула одну из оставшихся палочек мне.

— Это арсепал. У него много достоинств. Дикие животные ищут его и жуют. Он укрепляет, обостряет чувства и предотвращает инфекции. Хотелось бы иметь его побольше. Думаю, нужно проявить благоразумие и вооружиться против возможных неприятностей.

Корень обладал приятным запахом, чистым и свежим, и разгонял зловоние, которое доносилось от желобов с живыми растениями. Пожевав, я обнаружил, что хоть определенного вкуса корень не имеет, от него во рту создается впечатление чистоты. К тому же под действием слюны он стал мягким, его можно было легко разжевать и проглотить.

Илло не стала сразу жевать свою порцию. Сидела и смотрела из нашего убежища у мертвых ящиков на живые, где слишком уж буйно разрослась эта нечисть. Мне в этот момент смотреть вперед не хотелось, хотелось лечь и уснуть — если только можно спать с таком месте.

— О чем ты думаешь? — спросил я наконец, главным образом потому что не мог уснуть, пока она сидит, зажав в руке корень, и смотрит туда, куда я смотреть не хочу. Почему-то я был уверен: она больше не наблюдает за растениями.

— О связи... — Она произнесла это с такой силой, что я очнулся. — Какова связь — между тем, что мы увидели сегодня, и Тенью? Кто впервые дал такое название угрозе — и почему? Могли просто назвать смертью, неизвестным или... — Она смолкла и продолжала смотреть вперед. И, может быть, видела то, что не видно мне.

У меня не было ответа, но она его и не ждала, а продолжала:

— Цветы — это первое доказательство существования такой связи. Зачем они в поселках? — Она широко развела руки, словно хотела схватить что-то и притянуть к себе. — Я хочу знать это! Должна знать!

Но тут состояние транса прошло, и Илло снова посмотрела на меня — так, словно снова увидела во мне личность. Впервые за все время она улыбнулась, маска исчезла, и передо мной была не целительница, а просто девушка.

— Когда я была маленькой, — даже тон ее голоса изменился и потерял поучительные интонации, — я читала ленты с рассказами. Старые-старые приключения, которые всегда новы — может, потому что где-то в прошлом в них было зерно истины. Всегда женщина в беде. Ей угрожают все мыслимые опасности — чудовищные звери и злые люди. Но во всех испытаниях она никогда не теряет надежды, знает, что в конце концов добро восторжествует. И еще в этих рассказах есть герой, могучий боец и работник, не знающий страха. Для него опасность — это вызов, который он всегда готов принять. Вдвоем они проходят через множество приключений, сражаются мечом, умом и силой рук, пока зло не преодолевается и добро надевает корону победителя. Иногда я думала — каково участвовать в таком приключении... — Она

помолчала и продолжила: — И вот я в нем участвую — и обнаруживаю, что ноги болят от ходьбы, что постоянно испытываешь холод страха и тебя не поддерживает знание, что все хорошо кончится. Да, приключения совсем не таковы, как рассказывают в этих лентах.

Я положил голову на руки и нарочно закрыл глаза. Конечно, я понимал, что я не герой и не проявлю героизм, если того потребуют обстоятельства. Мне показалось, что в ее словах есть оттенок насмешки — хотя, с другой стороны, она хочет сама приободриться. И в тот момент я был настолько эгоистичен, что пожелал: пусть продолжает и заодно подбодрит и меня. Но меньше всего мне хотелось обсуждать качества настоящего героя.

Я устал и готов был довериться гарам: они никогда крепко не засыпают, но всю ночь дремлют, просыпаются, чтобы попастись — даже здесь, где пастись нечем.

Здесь ночь и день одинаковы. Позже я проснулся, ощутив тяжесть на руке. Не вполне проснувшись, я слегка повернул голову и увидел, что Илло лежит рядом, прижавшись ко мне головой. Она крепко спала и дышала ровно и медленно. Но на лбу сохранялась морщина, как будто и во сне ее преследовали вопросы.

Я осторожно отодвинулся от нее, так что ее голова теперь лежала на моем мешке. Свет тот же самый; гары жуют жвачку, которая, должно быть, кончается. Когда я пошевелился, Витол открыл большие глаза, потом снова закрыл, вероятно, убедившись, что все в порядке.

Однако постепенно я почувствовал, что мир, который ощутил во сне, больше не существует. Сидел и с растущей тревогой разглядывал длинные ряды ящиков с живыми и мертвыми растениями. Что-то здесь есть — а гары, на которых я полагался (может быть, неблагоразумно), это не видят и не чувствуют.

Но сколько я ни смотрел, заметных перемен не обнаружил: только туманные псевдооблака вечно движутся, все остальное тихо и спокойно. Но инстинкт, который

вырабатывается у живущих на открытых равнинах, поднял меня. Я заглянул за один ряд, за следующий.

Здесь огни светились и растительность была буйная. Поэтому я держался от нее на почтительном расстоянии и держал наготове шокер: если на меня нападут, оружие, которое действовало в Чащобе, может подействовать и здесь.

Здесь тихо. Не слышно дыхания гаров, легкого шороха, который издает Илло, поворачиваясь во сне. Я словно совершенно один — в чужом мире, в чуждом окружении, которое угрожает мне просто потому, что не имеет ничего общего с моим видом.

И в этот момент мое представление об этом месте изменилось. Я считал его теплицей для растений — может быть, экспериментальной станцией, какие создают люди на новых планетах, чтобы проверить пригодность местной почвы и растительности. Но это заключение основывалось на моих знаниях и наблюдениях. А что, если эти растения разводят совершенно по иным причинам?

И в голове моей возникло совершенно другое предположение, сначала смутное и слабое, как первый росток, вырывающийся из оболочки семени. На Вуре нет никаких армий. Людям никогда не приходилось здесь объединяться для защиты от конкретного и осязаемого врага. Я никогда не встречался с Патрулем, этим воплощением военной мощи Федерации. Лишь однажды крейсер в обычном полете высадил в Портсити отряд — чтобы забрать записи, оставленные попавшим в аварию кораблем изыскателей.

Тень всегда оставалась чем-то неясным, неопределенным, неизвестным. О ней не думали как об армии, как о подготовленной и обученной силе. Странствующему по Вуру всегда приходилось справляться с опасностями в одиночку — с непогодой, с неожиданными бурями, как та, от которой пострадали мы, со стаей хищников, с внезапной болезнью, когда рядом нет медицинской помощи. Но такие опасности незначительны по сравнению с...

Тело мое напряглось, рука крепче сжала рукоять шокера, я невольно медленно водил оружием из стороны в сторону, словно готовился лучом прокладывать себе путь. Но здесь ведь не густые джунгли — напротив, аккуратные ряды, уходящие в бесконечность. Свободной левой рукой я взял бинокль, продолжая в правой сжимать шокер.

Ящики, одни с живой растительностью, другие с мертвой, бесконечная шеренга, и это только вдоль одного прохода. Дальнего конца я не видел, потому что...

Я помигал, протер стекла бинокля и снова поднес их к глазам. Да, в дальнем конце есть какой-то предел — но не стена. Скорее густой туман, как будто там рождаются облака, отрываются от массы, которая начинается на уровне пола.

И...

Я попятился вдоль ряда. Это не воображение! Мое зрение приспособлено к далеким расстояниям. Туманная масса движется — к нам!

И в то же мгновение я прижался спиной к ящику — меня чуть не сбило с ног огненное кольцо вокруг горла. Бинокль выпал из руки, я попытался сорвать цепочку. Но шокер не выпустил.

С этим кольцом огня, пожирающим мою плоть, я перестал быть Бартом с'Лорном. Стал тем, кто сражается с чем-то невидимым, неслышимым, неосязаемым. Я должен идти вперед, это необходимо. Я превратился в...

В пищу?

Понимание вызвало такой шок, что я разорвал узы, стягивавшие сознание. Собрался с силами, повернулся и, пошатываясь, качаясь из стороны в сторону, ударяясь о ящики, побрел назад.

Цепочка на ощупь не кажется горячей, но на коже царапины: это я стремился сорвать ее.

— Барт?..

Илло держалась рукой за край ящика, мертвые растения при ее прикосновении рассыпались в пыль.

— Барт!..

Глаза у нее огромные, и смотрит она на меня так, словно мое лицо превратилось в чудовищную маску. Потом она буквально прыгнула мне навстречу, схватила обеими руками, а я продолжал отчаянно срывать цепочку.

Это Илло... Илло... не чудовище... с открытой в реве пастью. Темные волосы, светлые волосы, одно лицо поверх другого, потом все исчезло. Я схожу с ума... весь мир вращается вокруг меня, принимает одно обличье, сливается с другим, потом с третьим...

Старая карга! Нет, она молодая — молодая и злая, и во рту зубы, готовые рвать мою плоть. Нет, она старая... в злобных горящих глазах злое знание, а в руке нож, как тот, что уже впился мне в горло.

Она ведет всю свору. Я должен бежать... кулаком я изо всех сил ударил ее по лицу. Лицо исчезло. Я могу бежать — бежать к тем, кто ждет меня... нуждается во мне.

Все равно что бежишь против течения, а вода поднимается все выше и выше. Я иду вброд. Вода достигла колен, поднимается до бедер. Но я ее не вижу! Я выбросил обе руки, пытаясь убрать невидимое. Руки ничего не встретили. Но оно по-прежнему здесь, цепляется за меня, удерживает, чтобы меня могли схватить.

Они... они повсюду! Спасения нет! Сердце бьется отчаянно, оно стремится вырваться из грудной клетки, проложить собственную тропу в моем теле. Боль в горле — голова откидывается назад; должно быть, удавка медленно стягивает горло.

Я закричал, как зверь:

— Альманик! Альманик!

Он где-то здесь. Я верен ему... я передал призыв нашим родичам... выполнил приказ... и потому он должен мне помочь.

Туманный прибой — вал мертвого тумана — он катится ко мне. Пища — проклятые твари нуждаются в еде. Они забирали, забирали... и забирали...

— Альманик!

Трудно удержаться на ногах в этом прибое. Я уже вижу их впереди — защитников, — я должен добраться до них раньше, чем закроют ворота... должен!

А эти... кишат у ног, ползут по бокам. Это их место, и они это знают. Твари, которых они произвели в своей дьявольской тьме, тянут ко мне свои щупальца.

Меня схватили, отдернули — не за веревку вокруг шеи, что-то крепко обвилось вокруг пояса, стиснуло с такой силой, что красный туман боли закрыл все вокруг.

— Альманик! — крикнул я в отчаянии. Ворота закрываются, а я стою на коленях. Никто не посмеет выйти и прийти мне на помощь. Слишком их мало, они все необходимы, чтобы охранять святилище. Чтобы принести себя в жертву, если понадобится. Я вижу, как подходит к концу последняя надежда.

Но пожиратели не получат меня! Или получат тело, когда мне уже будет все равно. Ключ — ключ жизни. Он у меня в руке.

— Уллагат ну плоз...

Эти слова одной своей интонацией приведут меня к концу. Они получат меня, но получат то, что им бесполезно... Ведь им нужна живая плоть!

— ...фа стан...

Я должен вспомнить! Почему нужные слова исчезают из памяти? Я помнил их с тех пор, как стал достаточно взрослым, чтобы носить ключ мужчины и воина.

— ...фа стан...

Но что дальше? Сила Четвертого Глаза, что дальше? Я должен вспомнить! Вспомнить немедленно, прежде чем меня схватят, свяжут, утащат, чтобы утолить свой дьявольский аппетит.

— ...стан дай ки...

Вот снова приходит — я должен удержать. Смутно я сознавал, что плечо мое ударяется о какую-то преграду, о стену... вокруг отвратительное зловоние разложения... пояс сжимают все сильнее, боль горячими пальцами врывается в сознание... не могу вспомнить. Должен!

— ...ки нен пла...

Кто-то зовет меня. Не из Внешнего Отряда. Все они давно ушли, ворота закрылись.

— Барт!..

Я затряс головой. Это слово меня тревожит... Это имя... да, имя. Но оно не имеет смысла! Я должен вспомнить...

Мою талию выпустили. Я упал лицом вперед и ударился обо что-то твердое. Не могу вспомнить... я был мясом, предназначенным для полулюдей! В последней надежде поискал пластинку на горле. Если бы только вспомнить! Но вместо этого я погрузился во мрак — возможно, Сила все-таки милосердна и я получу смерть без ритуала. Это была последняя мысль перед полным погружением во тьму.

Глава 12

Я двигаюсь, но не иду — скорее полусижу-полулежу на спине какого-то животного. Туман — мой разум затянут облаком. Я не могу думать. Кто я? Крепость пала, и полулюди высвободили растительную смерть — страшно накормили ее. Нет! Я не смею думать! Хочу оставаться во тьме — в пустоте отсутствия памяти и сознания!

Тело, которое несут куда-то, оно не мое. Я хочу освободиться от него! Освободиться...

Я попытался пошевелиться и понял, что я пленник. Я связан. Полулюди схватили меня!

Но тут со лба начала распространяться прохлада, прогоняя огонь, который пожирал меня изнутри. Я услышал откуда-то очень издалека повторяющиеся ритмичные звуки. Звуки? Слова? Слова, не имеющие значения, чуждые слова. Полулюди обездвижили меня своими словами-заклинаниями, как связали живыми веревками. Я попытался закрыть сознание для этих слов и уберечься от зла, которое они мне принесут. Как звучит защитное заклинание? Не могу вспомнить! Оно исчезло, его

отняли у меня, и, безоружный, теперь я пленник. А звуки продолжаются.

— Вернись... Барт, Барт, Барт... вернись!

Прохлада растеклась по голове, утешая, смиряя хаос в сознании, который не дает мне думать.

— Вернись — ты Барт с'Лорн! Ты Барт с'Лорн! Проснись и вспомни! Вернись, Барт с'Лорн!

Барт — это имя. Когда-то я его знал. Где и когда? Кто это был? Товарищ по оружию? Родич? Кто... кто?..

Если бы я мог вспомнить, кто такой Барт, у меня был бы ключ... Ключ... У меня был ключ... Ключ! Цепочка, которая на мне! Но она моя... я получил ее, когда стал мужчиной, достиг возраста службы... я мог служить...

Голову заполняла боль — хуже любой физической боли, словно в самом мозгу идет война: двое сошлись в смертельной схватке.

— Барт с'Лорн! Проснись, Барт, проснись!

Холодное давление на голове — это не зло полулюдей. Оно благотворно, целительно... Целительно? Я знал целительницу. На мгновение в памяти возникло лицо, спокойное знакомое лицо, не тронутое свирепой схваткой, молодое, лицо той, что исправляет, а не разрушает.

— Барт...

Я не только мысль — я тело. Мое тело поддерживает меня... оно должно повиноваться моим приказам. Я личность... я... С огромным усилием я заставил тело повиноваться. Открыл глаза.

Мир вокруг неотчетливый, туманный, тело с трудом подчиняется приказам. Видеть! Это приказ — видеть!

Туман разошелся. Я могу видеть! Я лежу на спине большого животного. Но я не один. За мной на широкой спине сидит она — та, чьи руки прижаты к моему лбу. Именно от них исходит благословенная прохлада.

Зрение все больше проясняется. Мы едем по ряду между желобами с растительностью, держась точно посредине. Из желобов к нам устремляются щупальца, тщетно пытаются схватить — цветы, подобные откры-

тым ранам, стремятся поглотить нашу плоть: есть, глотать, убивать!

— Барт! — Та, кого я не вижу, та, что сидит за мной, снова произносит это имя. Руки сильнее сжимают мой лоб, но это не то ужасное сжатие, которое я испытал при нападении и которое послало меня в благословенную тьму.

Я набрал полные легкие воздуха: наконец пришло понимание. Хотя только что я был кем-то другим, сейчас я тот, кого она назвала по имени. Я — Барт с'Лорн. И как только я осознал это — та, другая личность во мне предприняла последнюю отчаянную попытку, но на этот раз у нее не было сил овладеть мной.

— Илло! — воскликнул я, и это имя послужило еще одним ключом, открывшим прошлое. Я словно зашивал прорехи в ткани, чтобы рисунок ее снова стал цельным и понятным.

— Барт! — В ее голосе звучала радость. Я не видел ее лица, но подумал, что на нем торжество: я сделал что-то такое, чего она от меня ждала, и сделал это своими силами. Я справился с задачей.

Задача? Только на мгновение эта вторая личность испустила крик, тень крика — задача, задание, долг. Я его не выполнил! Но это не так — я здесь, здесь и сейчас, я — Барт с'Лорн.

Я медленно искал слова, а когда заговорил, мой голос прозвучал слабо, словно я очень долго болел.

— Что случилось?

— Ты был не в себе, — сразу ответила она. — Не знаю, что тобой овладело. Ты говорил, что мы должны добраться до ворот, прежде чем нас схватят. Тебя схватило одно из щупалец. Я выстрелила в него из шокера, а потом мы забрались на Витола и поехали. Я все время пыталась вернуть тебя. А кто такой Альманик? Ты много раз произносил это имя...

— Альманик... — повторил я. Да, снова промелькнула тень мысли и тут же исчезла, прежде чем я смог ее ухва-

тить. — Кажется, это был друг и военный вождь. Это он приказал мне... Нет, не мне... тому, кто когда-то носил эту цепочку... что-то сделать. И носитель цепочки опоздал.

Я по-прежнему чувствовал слабость, но видел ясно. Мы все еще движемся по проходу, хотя здесь во всех ящиках буйная живая растительность, которая при нашем приближении начинает двигаться и извиваться. Теперь я знал, что питает эту извращенную жизнь, и по телу у меня пробежали мурашки.

— В чем дело? — сразу насторожилась Илло. Руки ее больше не были прижаты к моему лбу, они лежали у меня на плечах, словно ей необходим тесный контакт со мной.

— Они питаются... эти твари... их кормили плотью и кровью! Это было место... нет, не могу вспомнить! — Я и не хотел вспоминать! Ужас во мне становился все сильнее. Мне приходилось напрягать всю силу воли, чтобы не впасть в панику.

— Не пытайся! — Ее приказ прозвучал резко. Снова руки легли мне на лоб, и со своим мастерством целительницы она отогнала от меня зло.

Я смотрел вперед. Там был густой туман — теперь я это вспомнил. Облака по-прежнему плывут вверху, но туман, который был таким густым, когда я в последний раз разглядывал эту часть сада (если такое злое место можно назвать садом), этот туман расселся, исчез. Я не знал, сколько мы прошли, но теперь перед нами дверь — закрытая дверь.

Здесь растения росли так же тесно, как наверху в джунглях. У меня возникло странное беглое впечатление, что когда-то они собирались тут на приступ, пытаясь прорваться через портал. Их широкая полоса уходила вправо, образуя реку растительности, которая поднималась все выше и выше, колонна растительности вздымалась над сеткой светящихся балок, цеплялась за стену, ища прохода.

Мы направились к двери, которую осаждали эти растения.

Как и у первой двери, здесь была арка с надписью на неведомом языке. Я с опаской посматривал на массу растительности.

— Где шокер?

— Вот. — Илло сразу убрала руки с моего лба и чуть погодя протянула мне оружие. Я проверил заряд. Он полный.

— Предыдущий я истратила, — объяснила Илло, — чтобы уложить лиану, которая чуть тебя не задушила. Шокер перезаряжен, и у нас есть еще два заряда.

Я тщательно проверил установки, сузил луч. Витол остановился так, чтобы ветви и лианы его не касались. Здесь растения активнее, требовательнее, подвижнее и крупнее — кажутся какими-то разбухшими.

Нажав кнопку, я направил первый луч на особенно активное щупальце, которое уже дважды протягивалось к нам и едва не дотянулось. Подействует ли шокер на этот раз? Зеленая лента дернулась, как человек, которого ударили. Потом безжизненно обвисла, и ветки на ней тоже начали увядать. Приободрившись, я проводил лучом вдоль всей двери и смотрел, как опадает и умирает растительная масса.

Как только образовался проход, Витол без всякого приказа прошел вперед. И тут из центра дверной арки неожиданно появился голубой луч толщиной в палец и ударил в цепочку у меня на горле.

Откуда-то сверху, из воздуха, послышался голос. Мне казалось, что звучит он вопросительно. Пароль?.. Неужели проход нам закроют предосторожности, принятые века назад?

Цепочка снова стала теплой. И откуда-то — может быть, из того кошмара, в котором в мой мозг вторглась другая личность, — я извлек слова: два слова, бессмысленный набор звуков. И тем не менее я был уверен, что они важны, как будто меня им учили с раннего детства:

— Ибен Ихи!

Дверь заскрипела, задрожала. Ее половинки медленно, очень медленно начали раздвигаться. Дважды мне показалось, что они застряли и дальше не двинутся. Возможно, мы с Илло протиснемся в образовавшуюся узкую щель, но гары не пройдут. А оставлять их я не собирался.

Скрип становился все громче, дверь подавалась рывками. И наконец образовался достаточно широкий проход. Опять без принуждения Витол двинулся вперед, и мы покинули это место злой растительности и оказались в длинном коридоре, который под небольшим углом уходил вверх.

Коридор не был пустым. Здесь умирали люди — или существа, чьи скелеты похожи на человеческие. Они лежали на полу, вытянувшись во всю длину, или у стен, словно сидели здесь прислонясь, пока время не заставило их кости соскользнуть вниз. На некоторых были металлические доспехи, и я заметил, что все, кого я мог разглядеть, носили такие же цепочки, как у меня.

Было и оружие, по крайней мере я решил, что стержни, которые сжимали кости пальцев, это оружие. Мы не стали останавливаться и осматривать это поле битвы. Мне не хотелось смотреть на мертвых, тревожить их сон. Даже Витол выбирал пусть осторожно, не касаясь костей.

Путь наш освещался неярким рассеянным серым светом, хотя я не видел ни фонарей, ни светящихся балок, как в огромном помещении с растениями. Витол не смог пройти, не коснувшись торчащей руки скелета. При его прикосновении кости рассыпались белым порошком, металлический браслет с легким звоном упал на пол. Хотя воздух был достаточно свеж, в этом месте чувствовалась такая древность и такое отчаяние, что я торопился миновать ряды мертвецов, найти конец пути, надеясь только, что это будет выход во внешний мир.

Впервые с тех пор, как мы вошли, заговорила Илло:

— Что это были за слова — те, которыми ты открыл дверь? Я слышала рассказы инопланетников о дверях и укрытиях, которые открываются только при опреде-

ленных звуках, иногда только на голос владельца. Но это не инопланетное место нашего времени...

— Не знаю. Как-то они оказались у меня в голове, — ответил я. Предположение относительно двери показалось мне логичным. То, что было в прошлом открыто одним народом, может быть повторно открыто много лет спустя. Двери, сейфы и архивы в моем мире в Портсити запечатываются прикосновением пальца к чувствительному отверстию и отзываются только на повторное прикосновение владельца.

В тот момент я готов был поверить, что те, кто создал это сооружение (каким бы ни было его предназначение), поместили ключ от двери в цепочку. Потом, порожденный вопросом о пароле, скрытый в цепочке стимулятор вызвал в моем сознании нужные слова. Пока нам поразительно везет. Я мог лишь надеяться, что это везение будет продолжаться.

Медленно поднимающаяся рампа оказалась небольшой и закончилась еще одной дверью. У нее не было ни арки, ни надписи, и когда Витол уверенно подошел к ней (я такой уверенностью не обладал), дверь, словно в ответ на его приближение, сама начала медленно и неохотно, со скрипом раскрываться.

Когда щель между раздвигающимися половинками стала шире, я услышал удивленный возглас Илло. Мы смотрели в помещение, освещенное так же, как садовый зал, но здесь свет — не такой резкий и не так болезненно действовал на зрение. И что же мы увидели? Соответствие нашим владениям, поселкам или даже Портсити? Или просто большой комплекс жилых и производственных помещений, соединенных между собой мостиками и проходами?

Здания не из металла, который используется повсюду в других местах, а из какого-то другого материала. Как будто кто-то набрал множество огромных драгоценных камней, сделал их полыми и снабдил дверями. Здания — разной формы, и это увеличивало их сходство с драгоценностями. Некоторые — квадратные, с уходящими

внутрь ступенями, другие восьмигранные, овальные или каплеобразные, были также постройки с острыми гранями, напоминающие ограненные бриллианты. Между ними играли радуги, вспыхивая и угасая, но каждое здание имело свой цвет, который тоже то угасал, то становился ярче.

Мне приходилось на лентах видеть знаменитые миры удовольствия, видел я и находки, оставшиеся от предтеч, но ничего подобного среди них не было. Казалось, что шаг в сверкающую долину впереди покончит с этим сном, разобьет фантастические драгоценности, превратит их в ничто.

Над головой не было облаков, на их месте разбросаны кристаллические кружки, напоминающие звезды внешнего мира. Они не настолько ярки, чтобы испускать видимый свет, и я предположил, что рассеянный свет исходит от самих зданий или даже стен этой огромной пещеры.

Невозможно догадаться, естественная это пещера или создана усилиями разума, но она кажется полукруглой. Во всяком случае, стены, насколько их видно, сходятся кверху. И еще один резкий контраст по сравнению с тем, откуда мы пришли, — ни одного живого растения. Тишина полная и внушающая благоговение. Такая полная, что стук копыт Витола и других гаров кажется оглушительным. Это удивительное место следует оставить в вечном сне...

Я ожидал увидеть другие свидетельства той катастрофы, которая обрушилась на защитников за первой дверью. Но дороги или улицы были пусты. Если есть какие-то мертвецы, то они в домах, и у меня не было желания туда заглядывать. Мы с Илло оставались на спине Витола, который равномерно шел вперед.

Постепенно ощущение вторжения смягчилось, рассеялось, осталось только удивление и восхищение этой поразительной красотой. Никаких следов времени, никаких свидетельств катастрофы или поражения.

Илло заговорила негромко, словно ее голос мог потревожить спящих:

— Их конец — он был хороший.

Когда я ничего не ответил, она сказала:

— Разве ты это не чувствуешь? Мир. Злому и темному сюда нет доступа.

Мои руки невольно потянулись к цепочке. Она попрежнему теплая на ощупь. В глубине сознания снова всплыл ужас, который я унес с собой во тьму, — всплыл, взметнулся и исчез. Я, как и Илло, почувствовал, что здесь нет ничего: ни мертвой тишины Мунго-Тауна и Рощи Вура, ни угрозы Чащобы, ни того, еще более странного и пугающего, ужаса, который поджидает в помещении с ящиками растительности. Нет, здесь нет тишины, которая отчуждает и пугает человека, здесь мир и покой, полный покой.

Илло, более чувствительная, как все целительницы, ощутила это первой, теперь и я почувствовал то же. Я не верил, что те, кто наслаждался красотой этого драгоценного города, покинули его. Напротив, они сделали выбор: ушли в свои дома и добровольно, не задумываясь и не печалясь, приняли этот последний мир.

Витол шел, но стук его копыт не мог разбудить спящих. Мы проходили между вечно меняющимися цветами стен и вышли к сооружению, вообще не имевшему цвета. Оно кристаллическое, но обработанное, как обрабатывают драгоценные камни, чтобы они продемонстрировали всю свою красоту.

Вожак гаров остановился. Оглядываясь, я подумал, что этот кристалл со множеством вспыхивающих в нем искр — центр этого чуждого города. Все дороги или улицы сходились к нему.

Над всеми окружающими зданиями возносились три сверкающих шпиля, и перед нами был широкий проход. Я слез со спины Витола и помог спуститься Илло. Мы добрались до центра всех загадок и несчастий, которые обрушились здесь на людей. Я был уверен в этом, словно вслух задал вопрос и получил авторитетный ответ.

Поднимаясь по двум широким ступеням между бриллиантовых стен, я был также уверен, что никаких спящих

мы здесь не обнаружим. Держа Илло за руку, я уверенно вступил — во что? В храм, воздвигнутый неведомой силой добра (ибо такое место не может быть домом зла), в зал собраний, как в наших поселках, во дворец правителя? Ответ мог быть любым.

В воздухе словно плясали разноцветные искры. Мы проходили мимо них. Было здесь и еще что-то, проясняющее мысли, освобождавшее от физической усталости, неуверенности и сомнений. Именно так должен себя чувствовать человек — всегда!

Я слегка повернул голову. Илло встретилась со мной взглядом. В ее глазах отразилось мое удивление, и это обострило мои ощущения, доставило чистую радость. Мы долго смотрели в глаза друг другу. Что-то во мне требовало, чтобы я держался за это мгновение, держался крепко, потому что оно очень многое значит. Оно значило бы еще больше, если бы человек мог постоянно находиться на такой высоте, ощущать такую уверенность и такую способность постичь самого себя. Но даже тогда я сознавал, что человек не приспособлен к подобным высотам. Мы сходны с треснувшим кувшином, в который наливают ключевую воду, чистую и свежую, а она понемногу вытекает и снова оставляет нас пустыми.

Взявшись за руки, мы прошли между сверкающими колоннами и вошли в сердце этого дворца, который сам был сердцем всего города. Здесь стояла чаша из какого-то непрозрачного материала, и по стенам ее бежали радужные огни. Только огни мягкие, не такие ослепляющие и яркие.

Мы заглянули в чашу и увидели, что на самом ее дне жидкость — немного, стакан или два. И жидкость тоже многоцветная, ее поверхность становится то голубой, то золотой, то зеленой, то красной, а потом все цвета сливаются в радужном вихре.

Илло отпустила мою руку и опустилась на колени, вытянула руку и коснулась концом указательного пальца этой жидкости. И запела, негромко, мягко, слов я не понимал. Но мне не хотелось ее останавливать, потому что

се пение стало цветом, ярким, постоянно меняющимся, а цвет превратился в пение. Хотя что это значит, я не мог бы объяснить и себе самому.

Я медленно тоже склонился. Руки снова легли на цепочку. На этот раз, когда я нащупал пластинку, послышался звон. В отличие от пения Илло, этот звук не смешивался с цветом, он был отдельным, и в нем звучало и торжество победы, и отчаяние поражения.

Цепочка спала с шеи, повисла у меня в руках. Я держал ее, зная, что должен с ней сделать. Нельзя нарушать этот мир. Выпавшая из ткани нить должна вернуться на место, к ткачу, и прочно прикрепиться. Я наклонился вперед и позволил цепочке скользнуть в чашу.

Вода больше не была неподвижной. Жидкость заволновалась, завертелась, как будто я взял большую поварешку и принялся мешать ею. Она поднималась все выше и выше, все быстрее ползла по стенам чаши, и вскоре жидкость уже стала совершенно не видна, можно было рассмотреть только разноцветные полоски, сливающиеся друг с другом, чередующиеся. Я не мог оторвать взгляд от этого водоворота, хотя понимал, что это зрелище завораживает меня, готовит к...

Я в саду, и в этом саду — женщина, она поет, как пела Илло, поет мягко, негромко и очень счастливо. Она один за другим сажает маленькие ростки, подгребает к их корням почву. Светит солнце, воздух очень теплый, и я счастлив. Мы отправляемся на ярмарку, и я смогу купить себе какую-нибудь игрушку. У меня в кармане пояса лежит драгоценная монета. Нажимая на карман, я ее чувствую, а нажимал я много раз.

Если бы только она поторопилась... сегодня ведь не день посадки, сегодня праздник. Я выбегаю на улицу и прислушиваюсь. Улица очень широкая, дома высокие... или я сам маленький.

Потом...

Словно темная туча закрыла небо. Она разбилась на части, и эти части начали опускаться, падать прямо на

нас. Я испугался, закричал, побежал в дом и зарылся лицом в скатерть на столе. Снаружи слышались крики. Потом я почувствовал, что в комнате есть что-то еще. Страх превратил меня в маленькую статую. Я не смел взглянуть... но должен... меня заставляют посмотреть... Нет!

Может быть, я закричал, а может, горло так стиснуло ужасом, что я не мог издать ни звука. Оно зовет меня, заставляет обернуться... я должен...

Я повернулся, оторвал от лица скатерть.

То, что стояло там... второй раз в жизни я попытался совершенно забыть об этом, но на этот раз не смог.

Плывущие, вращающиеся очертания стали устойчивее, фигура более непрозрачной. Но хотя она напоминает по форме человека — это не человек. Я маленький, но испытываю ужас при виде того, как формируется эта фигура из листьев, семян растений, с которыми я играл в саду, из других семян, которые все еще в стручках, из орехов в скорлупе и без нее...

Фигура стояла, немного наклонившись, и у нее появились руки с пальцами, такими же прочными, как мои. Каждый палец вместо ногтей заканчивался шипами. Но не страх перед этими шипами заставил меня закричать, попятиться, пока мое маленькое тело не прижалось к стене, так что пришлось вытянуть вперед руку, чтобы отогнать...

Я звал мать, звал отца. Горло саднило от криков. Никто не приходил — только это — эта тварь, на лице у которой вместо глаз дыры. Но даже и без глаз она видит меня. Протянула руку, пальцы с шипами, но не пыталась притронуться ко мне. Напротив, пальцы согнулись в манящем жесте.

Я прижался к полу, маленький зверек, почти парализованный страхом. Смутно я понимал, что крики не помогут. Теперь я так испугался, что стал легкой добычей; но оно по-прежнему не приближалось. Еще два раза поманило. Я не двигался. В голове что-то покалывало. Я знал, что меня зовут, ожидают, что я пойду к нему.

Тело мое стремилось повиноваться. Я сжался в клубок, прижал лицо к коленям, охватил руками голову и плечи. Я отступал перед страхом, уходил в глубь самого себя, все глубже и глубже. Я не буду смотреть!

Самое ужасное в этой твари, которую я все же смутно видел, погружаясь во тьму, в том, что она создала себя из предметов, которые я знал, которыми играл. Словно стена моей комнаты превратилась в пасть и втянула меня, а окна стали глазами, которые следят за мной. Весь мой мир стал иным, страшно чужим, но я не был готов встретиться с ним и старался изгнать его из своего сознания, как физически хотел скрыться из виду. Потому что превращение у тебя на глазах знакомого в неведомое — такое страшное испытание, которое не выдержать и взрослому.

Тьма, а потом неожиданно свет, и я под теплым солнцем еду на широкой спине гара. Рядом с животным идет мой отец, лицо у него напряженное, бледное под загаром, морщины на нем отражают какой-то ужас. Ко мне вернулось раннее воспоминание. Наконец я частично увидел то, что шок скрывал от меня все эти годы.

Глава 13

Я моргал и моргал. Никаких гаров — и отца тоже нет. Я ощущал утрату, но постепенно это чувство ушло. Я смотрю, как вращающаяся многоцветная жидкость поднимается по стенам чаши. Прошлое снова отступило, стало картиной того, что произошло давно и с кем-то другим.

Но хотя воспоминания были неполными, откуда-то, из укромного уголка, один за другим приходили ответы. Цвета в чаше встречались, смешивались, темнели, светлели, приобретали очертания. Такие линии и вихри я уже видел — да! Рука моя устремилась к горлу. Потом я вспомнил, что цепь исчезла, что я бросил ее в эту самую чашу, где она погрузилась в жидкость. Но огненные линии очень напоминают надпись на пластинке — той пластинке, которая открыла нам дверь.

Рисунок менялся. То, что он изображал, очень важно. Я обязательно должен это понять! Какое-то погребенное во мне чувство рвалось наружу, к пониманию. Я опустился на колени и вытянул руки. Пальцев моих коснулась пена, поднятая непрерывным вращением жидкости. Жидкость капала с пальцев, с ладоней.

Я отдернул мокрые руки, поднес к лицу, прижал ко лбу. И сразу почувствовал резкий запах, закрытые глаза начали слезиться.

Но от той же самой жидкости — точнее, от ее запаха, — у меня прояснилось в голове. Такого обостренного осознания я никогда раньше не испытывал. Я опустил руки, качал головой из стороны в сторону, моргал, чтобы прогнать слезы, вызванные острым запахом жидкости.

Я смотрел вниз, на смешивающиеся, сливающиеся цвета. Это способность или наука давно забытой, совершенно чуждой расы. Поэтому оставленное ими послание — предупреждение — поступало в мой мозг лишь урывками, отрывками фраз.

Местами я понимал лишь немногое, местами становилось ясным почти все. Мой народ делает записи на лентах; то, на что я смотрел, было очень похоже по результатам, но совершенно иное по материалу. Оставалось много брешей, и мне приходилось преодолевать их при помощи воображения, с помощью догадок.

Две расы. Одна из космоса — остатки, бежавшие от какой-то необъяснимой катастрофы меж звезд. Культура обеих разная, логика мысли настолько различается, что взаимопонимание между туземцами и прилетевшими со звезд почти невозможно.

Но туземцы приняли беженцев, постарались облегчить им пребывание на планете, обеспечить процветание их поселения. Пришельцы, подобно заразе в своей крови, со звезд несли в себе семена алчности, стремление к господству. Коренные обитатели планеты обладали особыми знаниями. Они умели управлять растительностью и осознавали себя едиными со всеми формами

жизни. Пришельцы переняли у них это знание, но у них не было строгого чувства морали, которое позволило бы его контролировать.

Начались эксперименты по приспособлению растительности нового мира к нуждам пришельцев — в обширных масштабах. Растения стали наркотиками, изменяющими сознание, непокорные, непослушные местные жители привыкали к ним и требовали все больше и больше...

Слишком поздно поняли они, с кем имеют дело, началась война, а с нею пришли все ужасы, которые принесли выпущенные на волю мутанты.

Растения сознательно кормили плотью и кровью живых существ. В результате массовая гибель — Тень. Существа, цепко хватающиеся за жизнь, алчные, голодные, возникающие из ничего и строящие свои тела из листьев, семян, даже из пыли. Их оставляли вечно голодными, и они все время менялись, мутировали, пока не превратились в мощное оружие, с помощью которого начиналась охота за живой движущейся добычей.

По-своему, они даже были бессмертными. Постепенно они настолько изменились, что потеряли связь даже с теми, что были их источником. Они спали — и пробудились только когда на Вуре снова появлялась пища. Тогда начиналось накопление энергии, вначале медленное, потом все более быстрое, по мере того как Тени пробуждались от своего многолетнего сна.

Тени, не имеющие материального облика, пока не смогут сами построить себе тело, но вечно стремящиеся к пище.

Туземцы пришли в ужас от того, что они сами создали и спустили с цепи. Они решили уйти, но оставить запись, которая, возможно, никогда не будет прочитана. Эта запись теперь перед нами — обвинение и предупреждение.

— Так вот это что!

Я вздрогнул, услышав эти слова, и контакт с тем, что содержалось в чаше, прервался. Я посмотрел на Илло. Лицо ее под загаром побелело; и такая боль была в этом

лице, что я быстро придвинулся к ней. Она продолжала стоять на коленях и смотрела в чашу.

— Они... они... сожрали... наших людей! — Ужас превратил ее голос в болезненный крик. Рот ее дернулся, когда я привлек ее к себе, и она спрятала лицо у меня на плече.

У меня самого в горле поднималась горечь, рот скривился. Я не мог забыть тот ряд скелетов. Они... они так давно не получали пищи, так изголодались... что не увели добычу с собой, как сделали в других поселках, а стали пожирать ее прямо на месте! Я с трудом подавил рвоту. Илло содрогалась в моих объятиях.

— Не нужно! — Голос ее прозвучал приглушенно. — Не нужно!

Я надеялся, что она не смогла каким-то образом (здесь мне все казалось возможным) прочесть мои мысли. Возможно, сражалась с собственными страшными воспоминаниями.

— Ты вспомнила? — спросил я в промежутке между приступами тошноты, которую пытался подавить.

— Да... — ответила она слабым голосом. Впилась пальцами в мое плечо, царапала кожу куртки.

— Почему не нас?.. — Единственный вопрос, на который не ответила чаша. — Почему мы спаслись?

— Мы... нас кормили пищей этого мира с рождения, мы часть Вура... есть родство... очень далекое родство... между нами и ими!

Я содрогнулся. Если она сказала правду, я в состоянии возненавидеть себя самого.

— Нет! — Она снова как будто прочла мои мысли. — На самом деле они в родстве не с нами. Они... они изменились. Но по-прежнему распознают... может, сами того не зная... тех, кто выращен здесь. Может, они хотели, чтобы мы присоединились к ним, обновили их, были с ними!

Я вспомнил ту тварь с шипами вместо пальцев, которая не разорвала меня, а манила. Далекое родство? Необходимость притока свежей жизни в эти ужасные организмы? Что ими на самом деле двигало?

— Одно из них легко могло захватить меня, — медленно сказал я. Эта тварь сформировалась из обрывков растений, но выглядела достаточно прочной. И деятельность ее и других таких же... я глотнул раз, второй, по-прежнему подавляя тошноту.

— Оно сделало выбор. — Илло слегка повернула голову, так чтобы посмотреть прямо на меня. Лицо ее было в слезах. — В прошлом оно сделало выбор — может быть, такой выбор приходилось делать всегда. Они могут только приглашать, но такие, как мы, должны выбирать. — Девушка говорила с полной уверенностью. Но правда ли это, мы, возможно, никогда не узнаем.

— Это не может продолжаться. — Я заставил себя оторваться от воспоминаний. Меня наполнила решимость, отодвигая ужас, помогая осознать ясную цель.

Бластеры? Нет. Их уже пробовали и потерпели неудачу... Твари, которых мы искали и, может, будем искать снова, поистине тени. Материя их тел — когда им понадобятся тела — может быть призвана по их желанию. Но кто может сжечь тень? Вся Чащоба может быть выкорчевана и уничтожена каким-нибудь инопланетным оружием. Я не сомневался, что Патруль располагает могучим оружием, о котором я и не слыхал. Но ничто не подействует на тень.

— Смотри! — Илло крепче сжала мою руку, потащила к краю чаши.

Перемежающиеся цвета и оттенки бледнели. Оставалась только одна яркая полоска — синева сияния цепочки.

— Смотри... — Ей можно было и не звать меня.

Снова спирали и завитки, петли и двойные петли. И снова многое я не понял, о многом только догадывался.

Те, что ушли в свой драгоценный подземный город, заперли за собой ворота, а потом по собственной воле перешли в другое существование, оставили это послание. Предупреждение? Предложение? И то и другое, хотя я ни в чем не был уверен.

Сами они не могли это сделать, не уподобившись тем злым созданиям, с которыми они боролись. Теперь они давно мертвы и не могут быть опозорены, использованы... Но у Теней сохранилась память, вечная ненависть к тем, кто нанес им поражение, приговорил к долгому сну в ожидании нашего появления... Тени ответят на призыв, они ухватятся за такую возможность, захотят пожрать тех, кто давно уже не существует, но по-прежнему живет в их памяти.

Они соберутся у этой последней крепости, в которую не смогли ворваться, и их можно будет уничтожить. Так говорилось в послании, которое Илло поняла лучше меня — может быть, потому что дар сделал ее более чувствительной. А цепочка позволила — в меньшей степени — установить контакт со мной.

Девушка высвободилась и устремилась наружу, туда, откуда мы пришли. Я пошел за ней, но догнал, только когда она остановилась на двух широких ступенях, ведущих в помещение с колоннами.

— Смотри!

Гары подошли к нам, они опустили головы и водили ими из стороны в сторону, как поступают, когда готовятся отразить нападение. Илло указывала куда-то за ними.

В воздухе началось какое-то движение, видимое только потому, что частички сверкающей пыли, может быть, за долгие столетия отделившиеся от драгоценных зданий, вращались и мелькали. Здесь не было растений, не было листьев и ветвей, которые невидимки могли бы использовать, но они пытались сформировать тела из того, что есть под рукой.

Я не мог их пересчитать, потому что один вихрь не отделялся полностью от другого. Илло колебалась лишь мгновение, потом повернулась... я знал, что она задумала. Существует самая последняя защита, которой туземцы оградили место своего упокоения.

— Чаша!

Это оружие можно привести в действие, но я понял, что мы тоже можем под него попасть. Я не знал, что бу-

дет делать Илло. Но во мне проснулся инстинкт, который заставляет искать выход из опасности.

— Витол! — Я схватил быка за рог. — Внутрь!

Он взревел, ударил копытами по камню, словно собираясь отстаивать свою территорию, но потом пошел, подталкивая перед собой подругу и Вобру. Мы буквально бежали между рядами колонн назад, к чаше.

В ней больше не было голубых линий. Но жидкость не опустилась вниз, где мы ее впервые увидели. Она приобрела красноватый оттенок, пронизывалась оранжевыми и желтыми искрами. Если бы огонь мог превратиться в воду, то именно это мы бы увидели.

Жидкость достигла края чаши, центр ее поднимался все выше, образуя большой пузырь. Оранжевые и желтые искорки исчезли, вещество стало гуще, вязче, приобрело темно-красный цвет. Мне пришло в голову сравнение с гигантской чашей крови...

— Посмотри на Витола! — Крик Илло отвлек меня от этого кровавого зрелища.

Огромный бык не остановился возле чаши, он продолжал идти вперед, гоня перед собой двух остальных гаров и испуская низкий рев. Я схватил Илло за руку и побежал за гарами, которые перешли на галоп. Когда нужно, они способны развивать большую скорость. Мне пришлось удлинить шаги в попытке догнать их. Ко мне вернулись навыки странствующего по Вуру. «Верь своим гарам!» — таково старинное утверждение обитателей равнин.

Мы миновали еще один ряд колонн и снова оказались на улице по другую сторону центрального святилища. Витол продолжал скакать галопом, мы с Илло бежали. Теперь гары молчали, словно берегли дыхание.

Мимо мелькали дома-драгоценности. Я не знал, куда бежит Витол. Но не зная этого, решил доверять его инстинкту, гораздо более острому, чем мой.

Мы подошли к другим воротам, к другой двери. Но у меня не было с собой цепочки. И тем не менее на гу-

бах у меня снова прозвучали слова, которые дали нам сюда доступ:

— Ибен Ихи!

Скрип был громче, половинки двери разошлись всего на дюйм и застыли. Витол словно обезумел. Опустив голову, бык отступил и бросился вперед. По всему городу мертвых эхом разнесся звук удара его рогов о дверь.

Должно быть, сила этого удара высвободила древний механизм. И как раз когда я подумал, что от удара дверь заело еще сильнее, она распахнулась. Витол со скоростью, какой никак нельзя было ожидать при его массе, пронесся в открытую дверь, остальные гары последовали за ним. Илло бежала, вцепившись рукой в ремень на спине Вобру, я отставал от нее на несколько шагов.

На бегу я оглянулся: дверь снова закрылась. Мы находились на рампе, на крутом пандусе, ведущем вверх. Гары старались подниматься с прежней скоростью.

Да, их инстинкт острее, чем у меня, но и я почувствовал угрозу. Я понятия не имел, какую судьбу уготовили мертвые защитники крепости врагам, если те сумеют сюда добраться. Но что эта судьба будет страшной, я догадывался.

Мы поднимались и поднимались. Выход был не так легок, как спуск. Здесь гладкую металлическую поверхность сменил грубый камень, природный камень Вура. И это хорошо, потому что сомневаюсь, смогли бы мы подняться под таким большим углом по гладкой поверхности.

Когда ворота закрылись и сияние драгоценного города исчезло, впереди показался свет, но очень слабый. Всего лишь сероватые сумерки у верха рампы. Крутизна подъема заставила Витола уменьшить скорость; он фыркал и тяжело дышал, но не останавливался.

Перед нами возникла каменная стена, сквозь щели в которой пробивается дневной свет. Витол ударил по ней рогами, как раньше по двери. Разлетевшиеся камни и земля попадали на нас. Витол сделал последний пры-

жок и исчез, остальные гары последовали за ним, потащив нас за собой.

Я ожидал снова увидеть Чащобу. Но мы оказались в очень узкой долине между двумя каменными хребтами. Витол не останавливался, хотя дышал тяжело и двигался теперь с большим напряжением. Он держался середины долины, хотя для этого приходилось преодолевать препятствия из упавших камней. Ни следа растительности — только серый камень с прожилками черного, такого же, как тот, из которого вырезана безглазая статуя.

Если тут когда-то была дорога, она давно скрылась под камнепадами. Окружение было таким диким, что я подумал, будто никто никогда не прокладывал здесь тропу.

Мы были уже в конце этого узкого разреза в камне, ущелье слегка расширилось и появилась скудная растительность, когда раздался взрыв — нас сбило с ног, за нами со склонов катились камни. Гары закричали — я никогда не слышал у них таких криков. Ужас их был очевиден. Они снова перешли на безумный бег, и их еще дважды сбивали с ног толчки. Мы с Илло остались лежать там, где застал нас первый удар. Мы вцепились пальцами в землю, это была единственная опора в шатающемся и рушащемся мире.

Я закрыл лицо руками, закашлялся, потому что поднявшаяся пыль затянула все вокруг, словно облаком. Я не видел даже своих рук у лица. Пыль ела глаза, они слезились.

Это последний ответ тех, из сверкающего города, и сработал он благодаря нам. Я был так уверен в этом, словно какой-то голос в пыли торжественно читал обвинительное заключение. Дверь, открытая из помещения с дьявольскими растениями, послужила приглашением Теням: они устремились к добыче, которой всегда жаждали. Возможно, та суть, что составляла эти Тени, утратила подлинный разум, но я был уверен, что древняя ненависть оставалась.

Те скелеты, что мы нашли за городскими воротами, — были ли они последними жертвами, прежде чем каким-то образом, воспользовавшись своими познаниями, туземцы смогли изгнать пришельцев? У меня появилась догадка, и я опять ощутил тошноту. Добровольцы? Люди, пошедшие на смерть, чтобы насытить врага, задержать нападающих, которые расслабятся после сытной еды и с ними легче будет справиться? Этого мы никогда не узнаем — да я и не хотел знать.

Но город, его жители, нашедшие последнее убежище, они сделали свой выбор. Они не могли напасть на врага, возможно, их было совсем немного. Может быть, они никогда не жили и не хотели жить на поверхности Вура. Но они постарались устроить так, что если враги прорвутся, они прихватят их с собой. Я... именно я пробил брешь в их защите... с помощью цепочки открыл ворота.

Может быть, возвращение цепочки в чашу не только вызвало передачу послания, но и привело в действие защиту. Так что когда тени ворвались вслед за нами, их встретило...

Что их встретило? То, что под землей произошел мощный взрыв, настолько очевидно, что тут даже гадать не о чем. Но достаточно ли взрыва, чтобы покончить с невидимками, не имеющими плоти? Может быть, мы не уничтожили зло, а только высвободили его, выпустили в мир?

Я заставлял себя смотреть в лицо такой возможности, и тошнота становилась все сильнее. Слабая надежда только на одно — обитатели города знали природу своего врага. И свою последнюю защиту сделали такой, какую этот враг не выдержит. Но надежда слишком слабая, чтобы чувствовать уверенность.

Оглушенный пылью, я слышал крики гаров. Мне казалось, в этих криках звучит не страх, а гнев... и, может, уверенность. Земля наконец перестала трястись. По-прежнему слышался гул падающих камней, удары огром-

ных скал друг о друга, но доносились они из ущелья, которое мы оставили за собой. Пыль начала оседать.

Я сел, попытался вытереть глаза так, чтобы в них больше не попало пыли. Все мое тело было покрыто пылью. Я закашлялся, сплюнул, подавился и снова закашлялся. На расстоянии руки от меня фигура, совершенно покрытая пылью, делала то же самое.

Я осторожно огляделся, не вставая: у меня было ощущение, что стоять я не смогу. Клубы пыли улеглись настолько, что я смог увидеть: в скальной стене больше нет расселины. Щель, через которую мы вышли, теперь забита камнями так плотно, как пробка закрывает бутылку с водой...

Бутылка с водой!

Словно удар, обрушилась на меня жажда. Я медленно и осторожно встал на колени, потом поднялся, покачиваясь, прикрывая глаза от все еще висящей в воздухе пыли, и увидел широкое открытое пространство, поросшее травой. Ни одного дерева или куста, ни намека на лианы или шипы. Я облизнул губы и тут же пожалел об этом, потому что пыль с них усилила жажду.

Илло — другая пыльная фигура — тоже встала, слегка пошатываясь. Перед нами находилась открытая местность, и я своими слезящимися глазами увидел в зелени — здесь трава как будто не увяла к концу лета — сероватую полоску. Жара, которая сопровождала нас с самого вступления в Чащобу и к которой мы привыкли, как привыкает человек к летнему солнцу, исчезла; подул холодный ветер.

Теперь я мог видеть яснее: лента — это вода, а пятна, которые к ней движутся, должно быть, гары. Больше ничего не движется, и нет даже высокой растительности. Степь, оголенная перед наступлением зимы, — такой я знал ее всю жизнь.

— Пошли! — Я сделал один шаг, за ним другой и обнаружил, что земля подо мной больше не качается. Я могу идти. Нужно только преодолеть расстояние, отделяющее от этой серой ленты, и можно будет напиться.

Поддерживая Илло за плечи, я двинулся в путь. Несколько первых шагов мы еще пошатывались, но потом вернулись силы. Мы шли за гарами не оглядываясь.

Теперь все мое внимание было направлено только на воду, и по дороге мы не обменялись ни словом. И только когда протиснулись между кустами на самой кромке и окунули лица и руки, напились, передохнули, снова напились, — только тогда Илло заговорила:

— Должно быть, исчезло — все. — Я заметил, что она не оглядывается в сторону долины, которая перестала быть последним входом в подземный мир. — Это был их последний план — если те проберутся в город, уничтожить их всех!

Я повернулся на спину и лежал, глядя в серое небо. Должно быть, скоро сумерки, но низкий покров облаков не давал возможности определить точно. Надо собрать гаров, разбить лагерь. Да... снова темная мысль в сознании, но на этот раз она не исчезла, осталась.

— Как уничтожить то, что всего лишь — тень? — выпалил я.

— *Они* знали. — Теперь Илло чуть повернула голову назад — неохотно, как будто ей приходится заставлять себя. — Их знания привели к появлению зла; но, думаю, у них оставалось еще последнее, самое разрушительное средство. Пока они жили, они не могли им воспользоваться. Думаю, им было бы очень трудно уничтожить свой город, — он был частью их самих.

— Ты говоришь так, словно знаешь — но как ты можешь знать? — настаивал я.

Она приглаживала влажные волосы, которые несколько мгновений назад упали в воду и теперь облепили лицо — лицо это казалось худым, взрослым и уставшим. Таким я раньше его не видел.

— Я знаю... — Она немного помолчала в поисках слов; видно, нужно было выбрать особые слова... — Знаю здесь. — Пальцы обеих рук она прижала ко лбу над глазами, принялась растирать лоб, словно отгоняя боль —

воспоминание о боли. — Это всегда было во мне — вначале призыв, потом это. Я всегда знала, что это правда. И когда призыв прекратился и я поверила, что Ката мертва, во мне осталась потребность — другой призыв, более глубокий, но я знала, что, если понадобится, он заставит меня ползти на коленях, когда я не смогу больше идти. И вот он — исчез!

— Тебя звали — Тени? — Я вспомнил этот призыв, но теперь он не казался мне таких страшным и неодолимым. Словно время воздвигло преграду между ним и моим нормальным миром.

Илло нахмурилась, продолжая растирать лоб:

— Может, да, а может, еще что-то. Возможно, пришло время выполнения определенного условия. Никакой другой причины того, что мы, чужаки, наткнулись на эту цепочку, нет.

Я сел, поднял колени и обхватил их руками. Врожденное стремление к самостоятельности не позволяло согласиться с ее рассуждениями. Это просто ее дар, говорил я себе. Тем не менее в нас обоих есть нечто необычное. Мы единственные на всем Вуре, насколько мне известно, выжили после встречи с Тенью. Потом эта необычная буря — я таких на равнинах не встречал, — в которой погиб отец и перед смертью возложил на меня свой долг.

Люди, поклоняющиеся силам, большим, чем они сами, могут поверить, что у их судеб, их действий и поступков есть причины, которых они сами не понимают, словно мы инструменты, выправленные и наточенные для выполнения определенного задания. Это задание возложено на нас, мы не сами к нему пришли.

Я посмотрел в вечернее небо, на котором появились первые звезды. Мы оба родились на Вуре, хоть в нас кровь людей с иных планет. Когда-то существа... люди, такие же, как мы, уже приземлялись здесь и были захвачены злом. Это зло оказалось способно извлечь из нас самих нечто существенное. Неужели у тех далеких пришельцев было с нами общее наследие?

Но на этот раз люди стали жертвами — за исключением Илло и меня. Если Тени могли подчинять людей, заставлять служить себе, то не может ли другая могучая сила, которая искала оружие против них, использовать нас с той же целью?

— Что нам теперь делать? — спросил я у себя и у неба, но ответила Илло:

— Ничего. Время все залечит. Мы никому не расскажем об этом. Оно ушло, все ушло — тот сад, в котором кормилось и размножалось зло — я думаю, ему нужны были эти растения, чтобы выжить, — и этот драгоценный город. Никто не ступит в него ногой, никто не будет искать то, что не предназначено для нас. Я целительница, я буду излечивать... Со временем память об этом ослабеет, превратится в легенду...

Я сел, вложил в рот пальцы и свистнул: позвал Витола.

— Не думаю, чтобы мы смогли легко забыть. Но ты права, мы должны молчать. Когда пройдут годы и все увидят, что больше опасности нет, на севере появятся новые владения. Может быть, завянет Чащоба. Наверное, она питалась тем, что было под ней. Их мир закрылся навсегда...

Я по-прежнему слегка чувствовал то, что испытал в городе, и наделся, что никогда не забуду это ощущение мира и покоя.

— Ты права, это наша тайна, мы остались прежними, и никто не заметит разницы. — Я встал и широко раскинул руки, как будто с плеч моих спала тяжесть, спина распрямилась. — В конце концов, какой образ жизни может быть лучше? Я странствующий по Вуру! — Я выкрикнул это в небо в порыве радости и возвращенной молодости.

К нам двоим под вечерним небом подошли Витол и другие два гара.

ПРЕДТЕЧА

Глава 1

Куксортал существовал всегда, любой торговец поклянется в этом клятвой своей Гильдии. Не нужно копаться в заплесневелых записях бесконечной череды влажных и сухих сезонов (многие слои которых давно превратились в пыль или в пыль пыли), чтобы убедиться в этом. Расползшийся город стоит на собственном прошлом, возвышаясь над морскими верфями и речными причалами; он вырос на собственной основе, так как люди беспрестанно строили и надстраивали на развалинах чужих домов и складов, постоянно добавляя новые пласты к этой горе прошлого, созданной предшественниками.

Город уже был невообразимо стар, когда первые корабли-иглы космических бродяг, звездных торговцев, которые сшивают в одну ткань разные планеты, опустились на равнину за ним.

Куксортал стар, но он не мертв. Население его представляет собой необыкновенное смешение рас — иногда разных видов, мутаций и новых жизненных форм, развивающихся из старых. Куксортал возник на месте встречи реки Кукс, по которой торговые корабли и плоты со всего континента спускаются к западному морю, с этим самым морем. Даже в самые сильные морские бури в гавани безопасно — к природной защите добавилась изо-

бретательность поколений людей, которые знали все об опасностях моря и ветра, бурь и нападений пиратов.

Город снова выиграл, когда звездным людям понадобился открытый порт, где можно было бы покупать и продавать без строгого присмотра закона — когда уплачен должный налог городским Гильдиям. И вот уже десятки сезонов ракетное пламя обжигает поле за городом, и никто больше не удивляется при виде инопланетника на кривых улочках, которые могут превратиться в гибельный лабиринт для неосторожного. Ибо там, где торговцы и их богатства, — там и хищники. И у них тоже имеется своя Гильдия и свое место в общественной иерархии Куксортала, где верят, что если человек не бережет свое имущество, то он вполне заслуженно его теряет. Поэтому здесь не утихают бесконечные тайные малые войны между коварными ворами и частными телохранителями, а миротворцы Гильдии своей немедленной и кровавой справедливостью охраняют только те улицы, те дворы и дома, те магазины, которые платят мирный налог.

Кроме воров, выслеживающих богатства Куксортала, в городе промышляют и многочисленные мелкие торговцы, похожие на вер-крыс, прячущихся в зарослях, где не охотятся крылатые когтистые зорсалы с их пронзающим тьму взглядом. Они тоже покупают и продают, и, наверное, кое-кто из них мечтает об удачных покупках и потрясающих находках, которые дадут им возможность получить большую прибыль.

Симса из района Нор была достаточно благоразумна, чтобы не забивать себе голову подобными мыслями — во всяком случае, мечты не закрывали от нее реальность жизни здесь и в данный момент. Девушка вполне осознавала свое положение в общей схеме жизни, в которой она не крупнее гамлина, и только надеялась, что она так же проворна, как эти пушистые зверьки, которых Любители Тьмы используют в своих набегах. У Симсы не было родных: насколько ей было известно, она — одна из тех странных помесей крови и породы, которые увеличива-

ют общее разнообразие Куксортала. И она знала также, что сама ее необычность делает ее уязвимой, и потому прятала ее, как могла.

Симса выполняла поручения Фервар, пока туманы прибрежных нор не проникли глубоко в искалеченные кости старухи и не выпустили на свободу ее душу. Девушка оттащила легкое скрюченное тело в нижние норы и там завалила камнями. У Фервар тоже не было родственников, и вообще жители Нор сторонились ее, потому что она владела странными знаниями — некоторые оказывались выгодными, другие таили в себе опасность.

Фервар отрицала, что Симса — ее родственница. Но она никогда не била девочку посохом, хотя немало хлестала своим ядовитым острым языком; к тому же она передала Симсе много такого, что удивило бы даже лорда Гильдии, если бы он оказался в Норах под своим собственным богатым дворцом.

Обитатели Нор относятся к самому низкому сословию Куксортала. Они живут в развалинах старых зданий, а иногда им удается докопаться до подвала или мрачного туннеля — прежней улицы, покрытой руинами сооружений, оставшихся после какого-нибудь набега до рассвета времен. В Норах можно найти многое, найти вещи; их можно продать, особенно звездным людям, которые проявляют извращенный интерес к разбитым осколкам, ничего не значащим для остальных граждан Куксортала. Поэтому такие находки хранятся в тайне, и даже в Норах имеются свои тщательно оберегаемые сокровищницы.

У Симсы были определенные способности. Ловкость уже неоднократно помогала ей. Снова и снова училась она поворачивать и изгибать свое худое тело, училась двигаться особым образом, как терпеливо показывала ей Фервар, хотя у самой старухи тело давно искривилось и каждый шаг давался весьма болезненно. Как и все жители Нор, Симса была довольно маленькой, но за два сезона после смерти Фервар девушка неожиданно вытя-

нулась, как хорошо политый росток трамовой лозы. Поэтому ей пришлось сменить привычную одежду, так как в свое время Фервар не уставала предупреждать девушку об определенных опасностях, которые могут поджидать ее в будущем. Симса по-прежнему надевала тусклый просторный халат поверх брюк, а ноги оставляла свободными, чтобы легче было убегать и увертываться, но в то же время плотно обертывала тело выше талии прочной тканью, чтобы скрыть грудь и сохранить мальчишескую фигуру. Правда, эта предосторожность предназначалась только для незнакомцев — для тех же, кто ее знает, неприкасаемой делало девушку ее природное оружие.

У Симсы черная кожа, глубокого темно-синего оттенка — в ночной тьме она может пройти по любой улице, где не очень много фонарей, как дух-невидимка. С другой стороны, волосы, которые она всегда прячет под другим куском ткани, — светло-серебристые, и такого же цвета брови и ресницы. Их она мажет сажей из костра, радуясь, что их все-таки можно замаскировать.

Свой собственный источник существования девушка нашла среди отбросов у реки; в таких кучах мусора Фервар часто делала необычные находки. Находкой оказался зорсал со сломанным крылом. Зорсал поначалу пытался укусить ее, а его челюсти с острыми зубами достаточно сильны, чтобы откусить палец взрослого мужчины. Поэтому Симса не сразу протянула к нему руку, а сперва присела у раненого животного, издавая негромкие низкие звуки — они исходили из самой глубины ее горла, девушка никогда раньше не произносила их, но в тот момент они возникли сами собой совершенно естественно.

Тогда зорсал перестал свистеть и щелкать зубами и только смотрел на нее своими огромными круглыми, способными видеть во тьме глазами. Симса увидела, что это самка и что пушистое тело носит малышей, вот-вот готовых родиться. Может быть, зорсал вырвался из клетки в каком-нибудь складе, чтобы найти место для своего будущего потомства.

За свою короткую жизнь Симса ни разу не имела оснований доверять какому-либо другому живому существу или любить его (ее отношения с Фервар можно было определить скорее как смесь уважения, страха и осторожного опасения), но теперь она ощутила в себе что-то новое. Девушка душой потянулась к этому животному, которое, может быть, как и она, утратило всех родичей. Продолжая издавать негромкие звуки, она наконец протянула руку и смогла концом пальца коснуться мягкой шерсти, покрывающей спину зорсала, почувствовать быстрое биение сердца. И лишь спустя еще долгое время взяла на руки раненое существо, и оно прижалось к ней, вызывая у Симсы ни разу не испытанное ранее чувство.

Зорсалов высоко ценят за то, что они освобождают дома и склады от крупных вредителей. Симса видела, как их дорого продают на рынке, и поняла, что могла бы отыскать владельца этого сбежавшего зорсала и потребовать награду. Но вместо этого девушка направилась в Норы, где Фервар только посмотрела на них, но ничего не сказала. Симса, приготовившаяся защищать свои действия, почувствовала странное опустошение. Она, как могла, перевязала раненое крыло, опасаясь, что действует неумело и зорсал останется калекой. Фервар, приподнявшись на своем матраце, наблюдала за действиями девушки, а потом с трудом извлекла из своих ревниво охраняемых запасов какую-то мазь. В подземном помещении-пещере, куда никогда не проникал свет дня, запахло свежестью и чистотой.

Вскоре родились два малыша. Оба самцы. Симса оказалась права, когда опасалась за полное выздоровление матери. С другой стороны, взрослая самка зорсала оказалась по-своему удивительно умной, и когда она перестала кормить детей, то стала постоянным спутником Симсы в ее ночных странствиях. Зрение у нее острее человеческого, острее, чем даже у привыкшей к темноте Симсы, а общались они с помощью гортанных звуков,

которые Симса смогла повторить, и вскоре девушка овладела скромным словарем звуков, обозначающих опасность, голод, присутствие других охотников и тому подобное.

В свою очередь, зорсал обучал своих детей. Потом, тщательно изучив рынок, Симса отдала эту пару на время — не продала — Гатару, владельцу складов, который иногда заключал сделки с жителями Нор и которого они уважали за то, что он никогда не отнимал у них больше половины прибыли. Время от времени Симса навещала своих воспитанников, не только проверяя, как о них заботятся, но и продолжая приучать их к себе. А когда девушка отправлялась куда-нибудь ночью, их мать (Симса назвала ее Засс — из-за своеобразного звука, которым зорсал привлекал внимание) восседала у нее на плече. Симса даже сделала специальную подушечку, чтобы не пострадать от острых когтей охотника.

Девушка довольно часто приходила к Гатару, и дело было не только в том, что он регулярно платил ей за зорсалов (однажды, будучи после нескольких удачных сделок в хорошем настроении, он признался, что они отлично проявили себя). Регулярные посещения его складов предоставили девушке возможность познакомиться с другой частью Куксортала, куда обычно она ни за что не попала бы; те, кто дежурил в этом районе, скоро привыкли к ее приходам и уходам, и через сезон ее уже никто ни о чем не спрашивал.

Среди жителей Нор нашлось несколько таких, кто увидел в смерти Фервар не только возможность переселиться в более удобное помещение, но и использовать Симсу... в постели или ради выгоды. Торговцы с верхнего течения реки и даже лорды Гильдий любят необычных женщин. Ей сделали предложение, которое она с негодованием отвергла. И вот однажды Баслтер Крюк решил больше не обращать внимания на капризы женщины и завладеть ею, как он поступал и раньше с другими. Собралась небольшая толпа, чтобы понаблюдать за зре-

лищем. Симса, стоя перед входом в свою нору, слышала, как делаются небольшие ставки.

Она казалась совсем маленькой и хрупкой — ребенок в их глазах, — и потому мало кто ставил на нее. Баслтер напился из кувшина, который протянул ему один из его прихлебателей, провел поросшей шерстью рукой по толстым губам и устремился вперед, как легендарные Высокие с внутренних гор.

Однако не успел он приблизиться, как девушка начала действовать сама, с такой легкостью и силой, словно тело ее взметнуло вихрем.

Ноги ее взвились в воздух, и когтями голых пальцев она ударила в обвисший живот мужчины, разорвав кожу его куртки. В то же время, изогнувшись, руками она оттолкнулась от земли и, рванув напоследок пальцами ног одежду, сделала сальто, перекатилась и легко встала на ноги, лишь слегка запыхавшись.

Баслтер взревел. Скользнув рукой по лохмотьям куртки, мужчина увидел, что ладонь его покраснела и стала влажной. Он коротко взмахнул крюком, который и дал ему прозвище, готовый теперь вонзить его в тело Симсы, притянуть ее к себе и одним ударом кулака по горлу лишить жизни.

Но девушки уже не оказалось на прежнем месте. Как зорсал, приманивающий пру-собаку, Симса танцевала вокруг неуклюжего мужчины. Не только на пальцах ее ног оказались когти, которых до сих пор не видел ни один житель Нор — такое же грозное оружие обнаружилось и на пальцах рук. Она прыгала, рвала и исчезала, прежде чем гневно ревущий гигант успевал повернуться к ней лицом.

Наконец окровавленного, потерявшего один глаз Баслтера утащили прочь его приспешники: от ярости он совсем обезумел. Симса даже не посмотрела ему вслед, она вернулась в свой дом, который только что защитила, и села, с трудом подавляя вначале ярость, а потом глубокий страх, породивший эту ярость. Засс размахивала

здоровым крылом и дергала искалеченным. Но вскоре девушка справилась с собой, тщательно вытерла тряпкой когти и, сморщив нос, бросила ветошь в корзину, которую нужно было вынести на свалку.

Победа над Баслтером не сделала ее самоуверенной. Она хорошо понимала, что с нею могут расправиться многими способами, и в этом смысле не недооценивала своих соседей. Именно тогда Симса по-настоящему поняла ценность Засс и теперь, отправляясь на ночные вылазки, обязательно брала ее с собой. Она устроила специальный насест над дверью, чтобы зорсал мог караулить, когда она бывала в своей норе.

А то, что зорсал способен и сам уберечься, девушка обнаружила в тот день, когда Засс прискакала к ней с куском мяса, красного, свежего, вызывающего аппетит. Симса взяла кусок, внимательно осмотрела его и обнаружила маленькое синее пятно, которое — она в этом не сомневалась — означало яд. И с этого момента начала куда серьезнее думать о будущем, о том, как выбраться из Нор, где она отныне должна всегда жить настороже — и не только из-за себя, но и из-за животного, которое она теперь так высоко ценила.

Как и сам город, жизнь в Куксортале была строго разделена на касты. Обитатель Нор может показаться на краю одного из рынков со своим отысканным добром, но не может и мечтать о самом маленьком и примитивном ларьке. И потому продавать приходилось либо на Воровском рынке, где давали мало, либо владельцу какого-нибудь магазинчика.

С появлением на окраине города звездных людей сразу возникал второй рынок — на краю обожженного ракетным огнем поля, где садятся корабли. Но рассчитывать на постоянную торговлю там слишком рискованно, потому что никто заранее не знает, когда прилетит корабль. А когда он прилетал, поднималась такая суматоха, что лишь самым удачливым удавалось пробиться к звездным людям и показать свои товары. Конечно, никто из

мелких торговцев и не рассчитывал на товары самого корабля: ими занимались Гильдии, но космонавтов иногда можно было уговорить купить что-нибудь.

Симса часто наблюдала за такими сделками и знала, что звездных людей больше всего интересуют необычные древние находки, предметы, особенно характерные для этой планеты, но достаточно маленькие, чтобы разместить их в тесных кораблях, которые рассчитаны не на удобство экипажа, а только на то, чтобы доставить груз и получить прибыль.

И грузы эти корабли тоже привозят разные. Некоторые из них просто лежат на складе, дожидаясь, пока их заберут другие корабли. Чаще всего именно так и бывает. Симса слышала, что это в основном воровская добыча с разных планет; ее перевозят продавать туда, где источник товара почти невозможно проследить.

И вот, когда Засс принесла отравленное мясо, Симса поняла, что скорее всего не проживет и нескольких дней до конца сезона, если не сумеет перехитрить Баслтера и других (тех, кто считает теперь ее присутствие в Норах личным оскорблением). И девушка принялась внимательно пересматривать припрятанные Фервар сокровища.

У старухи было немало потайных мест, большинство из них она скрывала и от Симсы. Но за месяцы после ее смерти с помощью острого зрения зорсала девушка почти все их обнаружила.

Ее нора представляла собой часть дома, давно заброшенного сверху мусором. Симса часто разглядывала сохранившиеся в одном углу росписи и думала, каково было жить в Куксортале, когда он был гораздо ниже, а этот дом, возможно, принадлежал лорду. Его стены были сложены из прочных камней, тщательно подогнанных друг к другу, и тут имелись свои тайны.

И вот теперь она нажимала в одном месте, потом в другом и отодвигала то, что казалось сплошным камнем, а на самом деле оказывалось полкой, доставала оттуда содержимое, раскладывала на полу и критически

рассматривала, чтобы определить хотя бы приблизительную рыночную стоимость.

Некоторые предметы, о ценности которых Симса знала или догадывалась, приходилось с сожалением откладывать в сторону: они были на любителей. Фервар собирала старинные рукописи, обломки камней с резьбой и, помимо прочего, имела несколько древних прогнивших кожаных свитков, которые берегла, как могла. Когда Фервар бывала в хорошем настроении, она учила Симсу, и та теперь могла прочесть некоторые слова. Но смысла их не понимала. Все это она теперь собрала и тщательно упаковала в мешок. Здесь подобные раритеты мало кому нужны, зато для звездного человека они могут представлять интерес. Впрочем, девушка понимала, что покупателя найти будет трудно. Однако наступила пора проведать своих воспитанников. Если Гатар в подходящем настроении, возможно, удастся продать ему что-нибудь по цене, которая хотя и заставит ее внутренне кипеть от гнева, но будет все же больше, чем она сможет получить в другом месте.

Отложив мешок, Симса сосредоточилась на остальных находках, которые она надеялась продать сама.

Она разложила перед собой самые ценные из сокровищ Фервар; старуха никогда не рассказывала, где раздобыла свои драгоценности, но Симса помнила их с самого детства, так что старая женщина давно владела ими. Девушка часто удивлялась, почему старуха не продает их, хотя бы Заку, о котором всем известно, что он выполняет поручения Гильдии воров, и который честен, насколько это возможно (особенно если заставить его поклясться кровью — в прошлом Фервар этого не раз добивалась).

Это были два украшения: разорванная цепь из толстых серебряных колец с болтавшейся на конце длинной узкой пластинкой, усаженной светлыми камнями, и толстый браслет, также серебряный, предназначенный, несомненно, для мужчины. По нему змеилась рваная трещина, уничтожившая часть сложного рисунка, пред-

ставлявшего собой головы чудовищ, которые раскрывали пасти, обнажая клыки из какого-то кристаллического блестящего материала.

Симса была уверена, что обе эти вещи очень древние. Если она продаст их не в те руки, они наверняка пойдут на переплавку и будут навсегда потеряны. И что-то внутри ее сопротивлялось такому исходу. Она обернула цепь вокруг колена, взяла браслет в руки и задумалась.

У Симсы была еще одна вещь — ее собственная находка, и от нее девушка не хотела избавляться. К тому же Симса получила это словно последний подарок от самой Фервар, хотя она была не настолько глупа, чтобы в это поверить. Когда девушка собирала камни, чтобы прикрыть тощее сморщенное тело старухи, она заметила в земле что-то блестящее и подобрала кусок металла, торопливо сунув его за пояс, чтобы рассмотреть позже.

Теперь она извлекла его, отложив браслет в сторону. Находка оказалась кольцом, но не обыкновенным, усаженным камнями, какие носят в верхнем городе. Кольцо не очень изящное, такое трудно носить. Но все же, надев его на большой палец (кольцо только на него подошло по размеру), девушка собственническим взглядом посмотрела на него. На фоне темной кожи девушки в кольце из светлого металла, который не смогло затемнить время, четко выделялось здание, выполненное в мельчайших подробностях, видны были даже ступени лестницы, ведущей к одной из двух башен. Меньшая из башен как бы обрамляла бело-серый непрозрачный камень, который служил крышей башни. Само здание отдаленно напоминало одно-два наиболее внушительных сооружения с верхних холмов. Но все же, подумала Симса, кольцо гораздо древнее: в те времена было больше опасностей, и такое здание являлось защитой от нападений.

Кольцо — ее собственное. Оно не такое изящное, как другие украшения, но что-то заставляло Симсу каждый раз долго на него смотреть. И ей казалось, что если бы она смогла приподнять камень-крышу и заглянуть под

него, то непременно увидела бы — что? Странную жизнь, занятую своими делами? Нет, это она продавать не будет, быстро решила девушка, заворачивая кольцо и укладывая его в сумку.

Но когда она протянула руку к мешку с вещами Фервар, собираясь сразу идти к Гатару, послышался шум. Земля слегка вздрогнула, обломки камня сдвинулись, заклубилась пыль над головой.

Приземлился звездный корабль.

Фервар иногда говорила об удаче, которую может послать судьба даже нищим жителям Нор. Может, это ее удача — в тот самый день, в тот самый момент, когда она решила расстаться с частью этих ценностей, сел корабль, который доставил вероятных покупателей? Симса не стала молиться богам, как сделали бы другие. Фервар иногда сгибалась к огню, бросала в угли горсть листьев лара, отчего поднимался сладкий дым, и произносила одну-две фразы. Однако старуха никогда не объясняла Симсе, зачем это делает, какая древняя сила может ответить на ее просьбы. У Симсы нет богов, и она никому не верит — кроме себя самой и Засс, а также, может быть, двух сыновей Засс, которые, по крайней мере, отзываются на ее зов. Но прежде всего и больше всего она верит в себя. И если когда-нибудь сумеет подняться над Норами, чтобы не жить в постоянном ожидании опасности, то не по мановению руки божества, а только своими собственными усилиями.

Симса повесила мешок на еще по-девичьи угловатое плечо и негромко свистнула Засс, которая, полувзлетев, села на свое привычное место на другом плече девушки. Потом, высунувшись из своей норы и бросив быстрые взгляды направо и налево, Симса выбралась наружу. Было еще светло, но она приняла обычные предосторожности, убрав волосы и зачернив белые брови. Ее рваная одежда была неприметного тусклого коричнево-серого цвета, и, пробираясь по извилистой тропе к речному берегу, девушка оставалась никем не замеченной да-

же днем. Впрочем, если бы кто-то следил за ней, зорсал предупредил бы ее.

Невозможно слишком близко подойти к посадочному полю звездных кораблей. Здесь соберутся все городские чиновники Гильдий, чтобы приветствовать прилетевших, и охрана прогонит всех, кроме избранных, кто заплатил соответствующий налог и носит на шее значок. Симса не могла идти туда, зато могла посетить склад, куда регулярно заходила каждые пять дней. И никто не заподозрит, что она намерена покинуть Норы навсегда.

Девушка размышляла над тем, что будет делать, если удастся достаточно выгодно расстаться с содержимым мешка, как она и планировала. Она постарается выторговать как можно больше, а потом первым делом отправится на Воровской рынок за одеждой, которая не выдавала бы в ней жительницу Нор. В сумке у нее, помимо прочего, имелись три обломка серебра, найденные в боковом туннеле, который она прочесывала в последний раз. Они чего-нибудь да стоят: хотя это всего лишь бесформенные куски металла, сам металл — ценный.

Когда она вошла, как всегда благоразумно скрываясь в тени, Гатар шел по широкому проходу склада. Симсе не потребовалось звать зорсалов. В полутьме помещения они закружились над ней и своей искалеченной матерью, издавая резкие крики, голоса их звучали так высоко, что девушка с трудом их различала, хотя давно обнаружила, что слух у нее более острый, чем у остальных обитателей Нор.

Засс подняла здоровое крыло и замахала им, кожистая поверхность крыла зашелестела. По какому-то сигналу матери, который Симса, несмотря на постоянные наблюдения за зорсалами, не смогла обнаружить, младшие замолчали. Девушка не стала разговаривать с ними, а сразу неслышно прошла дальше, пока у груды корзин не догнала хозяина склада.

Он был в хорошем настроении, улыбнулся, обнажив зубы — скорее в стремлении сожрать, чем выразить удовольствие. Впрочем, Симсе это было давно знакомо. Она

сделала легкий жест рукой, глаза хозяина мгновенно сузились, и он посмотрел на мешок у нее на плече. Гатар указал на рампу, ведущую на балкон, откуда он обычно наблюдал за работой на складе. Симса легко взбежала наверх, мужчина же хриплым голосом отдал несколько распоряжений, а потом пошел за ней. Девушка хмурилась, гадая, насколько может ему доверять. В их отношениях никогда не возникало трудностей, а ведь она всегда предлагала что-то. Доверие высоко ценится в Куксорта-ле, купить его невозможно.

Сбросив мешок на стол, усеянный листами плотной тростниковой бумаги, исписанными неровным кривым почерком, Симса уже знала, что скажет.

— Ну, в чем дело, Тень? — спросил Гатар. Девушка удовлетворенно заметила, что он прикрыл за собой дверь. Значит, решил, что у нее серьезное предложение.

— Старуха умерла. Остались вещи, которые можно продать в высокую башню. Я слышала, там попадаются любители таких древностей, такие же помешанные на них, как она сама. Смотри! — Девушка открыла мешок и вытащила несколько обломков камня с надписями.

— Я этим не занимаюсь. — Однако Гатар подошел ближе и всмотрелся в резьбу.

— Мы оба это знаем. Но это может принести прибыль, я слышала.

Он улыбнулся:

— Сходи к лорду Арфеллену. Последние два сезона он интересовался такими вещами, после того как один безумный звездный человек долго разговаривал с ним, а потом ушел искать сокровища, но не нашел — по крайней мере, не вернулся.

Симса пожала плечами.

— Сокровища никогда не достаются легко. Привратники высокого дворца не пропустят жительницу Нор, даже не заговорят с ней. Я знаю, ты сможешь получить хорошую прибыль, — в свою очередь, улыбнулась девушка, и белые зубы сверкнули на черном лице так, что не знаю-

щие ее удивились бы. — Однако старуха мертва, а у меня свои планы. Я отдам тебе это за пятьдесят кусков серебра.

Как девушка и ожидала, он буквально взорвался. Но она видела, что Гатар заинтересовался ее сокровищами. Может быть, он хочет заинтересовать того лорда, о котором говорил, добиться от него чего-то. Так поступают люди Гильдий. И они начали торговаться, и каждый был достоин другого.

Глава 2

Симса поворачивалась то в одну, то в другую сторону. С помощью осколка кривого зеркала, прислоненного к стене в глубине душной палатки, можно было взглянуть на себя только с одного боку, но девушка удовлетворенно кивнула. Продавщица поношенной одежды (большая часть этой одежды, несомненно, была украдена) стояла так, чтобы следить одновременно и за девушкой, и за передней частью палатки за старым занавесом. Симса последний раз повернулась, пытаясь разглядеть себя со спины.

Она была уверена, что сделала хороший выбор, отдав всего один из кусков своего серебра и получив за него столько, сколько можно получить только на этом рынке. Наклонившись и подобрав свой халат и нижнюю одежду, она скатала их и увязала в тускло-серую шаль. Эту шаль она взяла в качестве дара от одной из торговок; хоть она и дырявая, но для переноски вполне годится.

Девушка, решительно отвернувшаяся от зеркала, абсолютно не походила на жалкую обитательницу Нор, что зашла сюда совсем недавно. Теперь на ней были кожаные брюки, обтягивающие стройные ноги, прочные и отделанные фес-шелком, темного цвета, удобные и немаркие — должно быть, лежали в багаже какого-нибудь неудачливого путешественника. Ей повезло, что они оказались такими узкими — Симса решительно указала на

это хозяйке заведения: мало кто из посетителей сможет носить такие.

Нижнюю сорочку — свою лучшую вещь, которую она умудрялась держать относительно чистой даже в Норах, — девушка оставила на себе. Симса не терпела грязи и всегда при случае мылась и стирала свое белье — хотя такую привычку большинство обитателей Нор считало очень забавной. Так что рубашку она не сняла, скрыв таким образом и полоску ткани на груди, в складках которой были спрятаны два сокровища Фервар и ее кольцо.

Симса накинула короткий плащ слуги верхнего двора. Плащ стягивался на талии, и девушка почувствовала непривычный вес длинных широких рукавов, складки которых использовались также как карманы. Она выбрала самый темный плащ из трех, что ей предложили, — бордовый, почти черный. На плече торчало несколько размочаленных нитей: должно быть, срезали знак какого-то Дома. Хотя плащ не имел никакой оторочки, кроме нескольких серебристых нитей вокруг шеи и на рукавах, зато материал был очень хороший, ни одной заплаты или потертости, и девушка решила, что плащ позволит ей пройти в нижние круги расположенного на холме города, а может, и выше. И, конечно, теперь она выглядит достаточно респектабельно, чтобы пройти на рынок рядом с кораблями, а именно это ей сейчас и нужно.

Волосы Симса спрятала, а брови тщательно зачернила еще прежде, чем отправиться на рынок. Не в первый раз пожалела она, что природа сделала ее такой бросающейся в глаза. Может, в городе она сумеет найти краску, которая поможет ей оставаться тем, чем называл ее Гатар, — тенью.

— Ты у меня не единственная покупательница, — выпалила женщина у занавеса. — Сколько можно рассматривать одежду, которую украла у меня? А ведь точно украла! Я слишком добра с молодыми, готова все отдать!

Симса рассмеялась, а зорсал каркнул.

— Торговка, да когда ты проявишь доброту в сделке,

суховей из Кора заставит деревья расцвести. Я могла бы торговаться еще не меньше поворота песочных часов, но сегодня у меня хорошее настроение, а ты и так получила прибыль.

Женщина сделала вид, будто плюет, и сложила руки в непристойном жесте. Симса снова рассмеялась. Мешка сейчас с нею не было, она оставила его на складе. Так что девушка с привычной легкостью вскинула шаль с вещами на одно плечо, а потом кликнула Засс, которая села на другое плечо. Пройдя мимо хозяйки, она вышла из палатки.

Этот район грязного рынка был выше тех мест, где обычно промышляют жители Нор, и Симса внимательно поглядывала по сторонам; шум базара и крики здешних продавцов вполне могут заглушить подход целой армии.

Звездный корабль приземлился, и теперь городские чиновники занимаются его главным грузом. До следующего дня никакой торговли с экипажем не будет. Но за это время мелкие торговцы, воры и прочие стервятники успеют собраться и выбрать себе места в ожидании, когда команду выпустят на поверхность и появится возможность что-то продать. Симса в прошлом не раз наблюдала такие приземления и по опыту знала, что большинство космонавтов отправится в верхний город, где лучше выпивка, где можно договориться с женщиной и получить другие удовольствия, недоступные во время долгого перелета. И все же почти всегда кто-нибудь забредает на рынок порыться в товарах, надеясь найти нечто такое, что на другой планете способно принести небольшое состояние. Симса, шаркая сандалиями по тротуару (они были слегка велики для ее маленьких ног, но в своей нынешней одежде она не могла ходить босой), пыталась представить себе жизнь этих людей, перелетающих от планеты к планете, видящих столько нового и необычного. Сама девушка никогда не выходила за пределы Куксортала, и, хотя исследовала все в городе, кроме самых верхних дворцов, мир ее был поистине мал.

Родившиеся в Куксортале не уходят из него. Они, конечно, знают, что за его пределами лежат обширные земли и широкое море. По морю в город приходят корабли, баржи, небольшие суда, по реке — лодки с рабами у весел. Однако сразу за широким поясом возделываемых земель, которые дважды в год дают урожай, город окружают пустыни, и ни один человек не пойдет через пески, если есть возможность проплыть морем или по реке. Среди жителей ходит множество древних и очень странных рассказов о том, что находится за городскими садами, и никто не решается проверить их истинность.

Симса отыскала лавку, где продавали спелые фрукты, лепешки из темной ореховой муки и подслащенную воду. Там она снова вволю наторговалась, остроязыкая и узкоглазая, набрав продовольствия в карманы широких рукавов. Бродя по рынку, девушка присматривалась к лавкам и лоткам, оценивая выставленные товары. В основном продавали старье, но несколько продавцов окликнули Симсу, узнав в ней жительницу Нор, способную предложить что-то интересное. Она знала, что на рынке все отметили ее новую одежду и теперь гадают, где она раздобыла для этого деньги. Слухи на рынке распространяются быстрее, чем первые ветерки влажного сезона. Теперь-то уж точно глупо возвращаться в Норы. Там обязательно найдутся желающие узнать, что именно она нашла, какие сокровища удалось собрать Февар.

У старой колдуньи имелись свои способы справиться с теми, кто вздумал бы оспаривать ее права на имущество. Но проклятия Симсы, с каким бы драматизмом она их ни декламировала, вряд ли подействуют на объединившихся разбойников Нор, если они учуют запах поживы.

Симса прошла по длинному спуску, одному из многих, прорезающих холм, на котором стоит город. Спуск вел к посадочному полю. Дважды девушке приходилось прижиматься к стене, чтобы пропустить группы рабочих из складов: у каждого на грязной куртке был нашит знак Гильдии, каждую группу возглавляли двое старших

с зычными голосами — один впереди, другой сзади. Эти рабочие будут перевозить грузы с корабля.

Многие, как и она, шли к летному полю, чтобы найти удобные места. Некоторые вели мохнатых копытных животных, рогатых и с отвратительным характером, от зубов которых благоразумнее держаться на расстоянии; на их спинах висели большие мешки. Их владельцы — самые состоятельные среди торговцев — шли важной походкой, ожидая, что все, кроме, конечно, гильдийцев, уступят им дорогу.

Симса уже ясно видела корабль, возвышающийся, как холм самого Куксортала, высокомерно нацеленную в небо сверкающую стрелу, словно притянутую и с трудом удерживаемую на поверхности, где посадочные ракеты выжгли всю землю. За три прошлых торговых сезона она видела несколько таких, привлеченная одним лишь любопытством, которое сама не могла объяснить. К тому же раньше девушка не только не имела ни малейшего шанса поговорить со звездными людьми, но даже просто сидеть в выжидающих кругах торговцев, где часто поднимались скандалы, начинались крики и драки из-за места. Тогда появлялась полевая стража и начинала щедро раздавать тумаки любому подвернувшемуся под руку. Толпа быстро рассеивалась, потому что единого закона в Куксортале нет, и все знают, что стражник может до смерти забить неосторожного, а действия его никогда не будут оспариваться.

Симса встала немного в стороне от плотной толпы, поджидающей выхода звездных людей. Некоторые торговцы уже установили стойки, накрыли их досками и начали привычно раскладывать товары. Девушка отметила, что в основном они расположились вдоль прохода, оставленного для грузчиков — прохода, ведущего непосредственно к кораблю, к уже открытому пассажирскому люку и трапу. Выше темнел грузовой люк, гораздо больший по размерам, тоже открытый, но пока там не было видно никакого движения. А вот на трапе собралась

группа людей в одежде звездных торговцев: они разговаривали с мастерами или, возможно, главами Гильдии.

Симса видела, что у нее нет никакой надежды протиснуться в первый ряд временных лавок и лотков у самого прохода. Здесь торговцы сидели по четыре-пять в ряд. Поднеся руку ко рту, она задумчиво погрызла коготь.

Засс шевельнулась на плече у девушки и издала низкий гортанный звук. Зорсалы не любят ни прямого солнечного света, ни больших скоплений людей. Заросшие по краям перьями длинные антенны — которые служат этим существам органом слуха и других не очень понятных чувств — свернулись, и, даже не глядя, Симса знала, что Засс почти закрыла большие глаза, хотя и не переставала настороженно следить за происходящим.

Девушка пристроилась в конце пандуса, ведущего на городской холм. Там она прижалась спиной к камню, внимательно наблюдая, как группа на трапе разделилась: двое вернулись в корабль, а трое зашагали по широкому проходу как раз к тому месту, где стояла она. Их окружали офицеры Гильдии. Никто из мелких торговцев и не пытался их окликнуть, предложить свои товары, понимая, что не стоит привлекать внимание стражи: рынок, незаконный, но терпимый, должен избегать крайностей.

Симса внимательно разглядывала приближавшихся звездных людей. Двое носили мундиры корабля и блестящие на солнце крылатые шлемы; на шлемах, воротниках и на груди красовались одинаковые эмблемы. Но вот третий в группе — хотя тоже был одет в плотно облегающий костюм и сапоги космонавта — заметно от них отличался.

На его серебристо-сером костюме того же оттенка, что и украшения ее нового плаща, отсутствовали какие-либо отличительные знаки. И вместо крылатого шлема он носил плотно прилегающую шапку. А кожа была не коричневая, как у его спутников, а гораздо светлее. Он шел, на один-два шага отставая от товарищей, которые не обращали на скопление торговцев ни малейшего вни-

мания, и все время крутил головой, словно очарованный увиденным.

Когда их группа приблизилась к пандусу, Симса хорошо разглядела незнакомца и решила, что это его первое посещение Куксортала — как новичок, он, скорее всего, станет легкой добычей торговцев. Конечно, трудно судить о возрасте, особенно о возрасте звездных людей, но Симсе показалось, что он молод. И если это так, то должен быть важной персоной, иначе не попал бы в одну группу с офицерами Гильдии и корабля. Может, он и вовсе не из экипажа корабля — а путешественник, пассажир на борту. Хотя она не могла понять, что здесь делать незнакомцу, если он не торговец. И светлая кожа оказалась не единственным его отличием: у него были как-то странно посажены глаза, кроме того, он был выше и худее своих спутников.

Заметила она также, что глаза его ни на миг не остаются в покое. И тут их взгляды встретились — и замерли. Симса подумала, что незнакомец чему-то удивился — он почти остановился, словно встретил знакомого, которого хотел окликнуть. Девушка облизнула губы, как будто только что пробовала сладкий напиток, который Фервар тратила только в особых случаях. Если бы она смогла приблизиться к нему! Эта искра интереса сулила возможность начать торговлю.

Незнакомец должен быть богат, иначе не стал бы звездным путешественником. Симса взвесила свои сокровища в рукаве и почувствовала раздражение от того, что не может подойти к нему.

Но космонавт, всего лишь посмотрев на нее с явным интересом, начал подниматься по пандусу. Засс снова закричала, протестуя против света, жары и рыночного шума. Симса следила, как незнакомец скрывается из виду; она обдумывала и отбрасывала различные планы.

Наконец девушка решила, что придется все предоставить случаю. Звездный человек заметил ее, запомнил место, где она стоит. И если он вернется к кораблю

с мыслью о покупках, то может отыскать ее. И кроме него на борту есть и другие — рано или поздно их отпустят с корабля. Грузовой кран уже повернули к люку трюма, и первый большой ящик начал опускаться к ожидающим грузчикам Гильдии.

Симса присела, прижимаясь спиной к стене; пандус был совсем рядом с ней, так что она могла бы его коснуться — если бы руки ее были вдвое длиннее. Девушка чуть развязала шаль, и Засс тут же с благодарностью нырнула в гнездо, прячась от прямых солнечных лучей.

Симса сидела так далеко от рядов торговцев, что вряд ли кто-то захочет отнимать у нее место, а терпению она научилась уже давным-давно. Может пройти много поворотов песочных часов, прежде чем кто-нибудь выйдет из корабля, и у нее есть время обдумать, как привлечь возможных покупателей. Жара усилилась, многие торговцы тоже сели, держа наготове свои товары. Те, у кого нашелся навес, прятались в тени. Однако Симса, как истинная жительница Нор, умела переносить неудобства.

Раскрыв пакет с пищей, она поела, поделившись едой с Засс, которая была слишком сонной, чтобы есть много, и хотела только, чтобы ее оставили в покое. Выпив немного воды, Симса нащупала сверток со своими ценностями. Она благоразумно сохранила два лучших обломка с изображениями. Они послужат ей приманкой. Потом, если она поймет, что покупатель заинтересовался, в ход пойдет браслет, который, по ее собственной оценке, был наименее ценным из ее сокровищ.

Так что она протерла рукавом камни и положила их рядом с собой. На одном было вырезано крылатое существо, причем резьба настолько пострадала от времени, что остались видны только общие очертания. Сам зеленый камень сплошь покрывали желтые прожилки, и неведомый художник искусно использовал эти линии, чтобы очертить крылья и голову существа. Симса никогда не видела такого камня ни здесь, ни вообще в городе. Он,

наверное, далеко ушел от того места, где люди извлекли его из земли и обработали по своей прихоти.

Второй обломок резко контрастировал с первым: бархатно-черный, он был не просто с резьбой, а целиком представлял собой присевшее животное с поднятой лапой и вытянутыми когтями, хотя несколько когтей и были отломаны. У фигурки уцелела только половина головы, да и та источенная временем, так что можно было разглядеть только гриву, остаток уха и часть лица. Именно лица, а не звериной морды: глаза, нос и рот, не очень отличающиеся от ее собственных.

Поверхность камня была приятна на ощупь. Симса обнаружила, что если погладить ее пальцами, то ощущаешь нечто похожее на ткань тонкой работы. Ей приходилось держать в руках обрывки богатых тканей, которые попадались в добыче Фервар, когда та еще была в состоянии рыться в отбросах верхнего города.

Симса сидела, гладя черный камень, размышляя и планируя. Но теперь даже думать стало труднее — приходилось делать немалые усилия, чтобы не уснуть. К концу дня начало сдавать даже ее столь тщательно выработанное терпение. Корабль уже разгрузили, и груз увезли в город.

Вдоль прохода, ведущего к кораблю, началось оживление, торговцы стали перебирать свои товары, надеясь их удачным расположением привлечь внимание покупателя. Симса встала и немного походила, разминая ноги. Девушка видела, что небо покраснело, и это ее тревожило. Что, если космонавты не выйдут в ближайшее время? Скоро стемнеет, а у нее нет лампы, чтобы осветить свой товар. Начиналась гонка между заходящим солнцем и привычками космонавтов, и результат гонки вполне мог принести Симсе разочарование.

Засс высунула голову из своего гнезда. Она наполовину развернула чувствительные антенны, и это слегка удивило девушку: она думала, что шум бурлившего рынка слишком силен для зорсала. Но тут Симса заметила,

что Засс повернула голову не к торговцам, а к пандусу и теперь пыталась высвободить голову, чтобы лучше видеть. Девушка бесцеремонно извлекла Засс из ее укрытия и снова посадила себе на плечо.

Зверек по-прежнему поворачивал голову к городу, маленькое тело напряглось, крылья собрались, как плащ, — животное вело себя так, словно ему бросали вызов. Но Симса не видела ничего, кроме пандуса и дальше на нем, у самой вершины, нескольких стражников.

Не впервые пожалела она о том, что не может прямо общаться с Засс. Девушка многому научилась за время, что ухаживала за зорсалом и заботилась о нем: она могла теперь понимать эмоции животного, часто правильно догадывалась о причинах ее поступков. Теперь Засс была так насторожена, словно сидела перед логовом вер-крысы и обитатели логова начинали шевелиться, готовясь выйти.

Девушка пощелкала языком, успокаивающе провела пальцами у основания антенн. Она видела, что животное не встревожено, просто насторожено. И все же этого оказалось достаточно, чтобы внимание Симсы разделилось между звездным кораблем и пандусом.

Грузовой люк закрыли. Потом появился свет на трапе. Торговцы еще больше оживились, время от времени возникали шумные ссоры, все начали толкаться, протискиваясь поближе.

И наконец появились космонавты — Симса насчитала пять человек. Они шли слишком далеко от нее. Теперь она поняла, что неудачно выбрала место, к тому же они явно хотели побыстрее добраться до города и не собирались делать здесь покупки. У них вообще не было никаких сумок, в которых можно переносить товар, как не было заметно и кошельков. Они проходили мимо кричащих и зазывающих торговцев, не глядя по сторонам, разговаривая друг с другом, и лишь ускорили движение к пандусу и тем удовольствиям, что ждут их ночью на планете.

Симса с трудом подавила разочарование. Глупо было думать, что ей повезет с первого раза. Звездные лю-

ди не похожи на тех, кто может заинтересоваться разбитой резьбой и заплатить за нее хотя бы немного. Но она внимательно изучала космонавтов, когда они проходили мимо торговцев, словно отбрасывая с пути этих незначительных мужчин и женщин, разговаривая резкими щелкающими звуками, напоминающими крик зорсала.

Симса не подняла руку, не позвала, пытаясь привлечь их внимание, когда они прошли мимо нее на пандус. Только печально наклонилась и снова упаковала свои товары. Завтра будет новый день. У тех, кто долго находился в космосе, в первый вечер на уме не торговля, хотя вообще-то в этом вся их жизнь.

Тут и там разочарованные торговцы поворачивались к проходу спиной, разжигали жаровни, готовили еду. Они будут спать, свернувшись вокруг своих товаров, ждать восхода солнца и появления новых космонавтов или тех, что вернутся из города, утолив свои физические потребности, готовые думать о чем-нибудь более долговременном, чем мимолетное удовольствие.

Симса колебалась. Она твердо решила, что проведет ночь в настоящей постели в одной из таверн в нижних районах города, где останавливаются торговцы во время пребывания в Куксортале. В рукаве у нее приготовлен кусок серебра. Можно отломить от него кусочек — этого вполне хватит, чтобы переночевать. А место у пандуса не настолько ценное, чтобы нужно было его защищать и спать в холоде на голой земле.

Она приняла решение и направилась к пандусу. Звездные люди, намного опередив ее, уже входили в город. Стражники Гильдии взглянули на девушку, но у них не было причин останавливать ее: они не следят за рынком, и если у Симсы на щеке нет клейма вора, если она прямо у них на глазах не нарушила закон, то перед ней нельзя скрестить оружие и отвести ее на допрос. Она аккуратно одета, похожа на посыльную какого-нибудь торгового дома, выполняющую личное поручение, а в таких делах знак дома бывает помехой.

— Джентльхомо...

Симса всегда старалась узнать как можно больше чужих языков и говорила на языке торговцев с верховий реки и на двух диалектах мореходов так же бегло, как и на грубом наречии Нор. Поэтому девушка узнала инопланетные слова — приветственное обращение. Однако понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что оно обращено к ней. Но ведь это она ищет контактов со звездными людьми... Симса никак не могла предположить, что кто-то из них будет искать ее. И это был не один из пяти космонавтов, что опередили ее, а тот самый незнакомец, что раньше прошел в город с офицерами.

Он смотрел прямо на нее, а стражники почтительно отступили на несколько шагов. Но вот он указал на зорсала и произнес на ломаном языке торговцев верхнего города:

— О тебе говорил хозяин склада Гатар... Ты воспитываешь зорсалов. Я думал, мне долго придется тебя искать... но ты появляешься, словно слышишь, как я зову.

«Гатар...» — промелькнуло в мыслях у Симсы. Почему? Засс шевельнулась у нее на плече и заскрипела. Антенны зорсала полностью развернулись — так далеко они разворачиваются только во время ночных полетов. И обе антенны нацелились на незнакомца, словно зорсал слышал то, чего не слышит Симса, что-то еще, помимо неуверенно произнесенных слов.

— Не уделишь ли ты мне немного времени, торговец старыми вещами?.. — продолжал звездный человек. — Я ищу ответы на несколько очень важных для меня вопросов, и, может, ты сможешь мне помочь.

Симса насторожилась. Она знала, что в новой одежде больше похожа на юношу, чем на женщину, и была уверена, что это не какой-то новый способ назначить цену за разделенную постель. Если Гатар упомянул ее в связи со старыми вещами... Она крепче сжала рукав, в котором держала предназначенные для торговли предметы. Все знают, что звездные люди легковерны: иногда

с ними можно заключить сделку, на которую в городе не пойдет даже слабоумный. Однако она не понимала, почему вообще Гатар заговорил о ней. А это означает, что необходимо быть очень осторожной, пока она не узнает причину. Никто не отказывается от прибыли просто так, но если звездный человек отыскал ее ради старинных обломков, оставленных старухой, Симса постарается продать их подороже. Девушка кивнула. Пусть думает, что она владеет только верхней речью — такие мелкие предосторожности иногда дают немалую прибыль.

Приняв ее кивок за согласие, незнакомец оглянулся и кивнул на улицу Ветров Калл, уходящую налево: улицу уже затянула тень, и только три или четыре фонаря приветливо светились у входов в гостиницы. Конечно, это не лучшее, что может предложить Куксортал путнику, но все же гораздо лучше таверны, в которой она собиралась ночевать. По крайней мере, она хоть поест за его счет — звездного человека легко будет уговорить заплатить за еду, он наверняка сам предложит это из вежливости, прежде чем объяснит истинную причину своих поисков.

Глава 3

Зал оказался низким и темным. Вдоль одной стены изношенные занавеси отделяли от зала несколько кабинетов. Проходя мимо, Симса услышала женский смех и пьяную песню торговца с реки. Настороженная, девушка шла за звездным человеком. Засс, сидевшая на плече, прижалась к ее шее, сунув мордочку под подбородок и прижав антенны, словно зорсал хотел как можно лучше спрятаться.

Инопланетник, приведший ее сюда, откинул занавес и пропустил Симсу вперед. Она выбрала место у стены, откуда можно было видеть почти все помещение. Когти девушки невольно шевельнулись, чуть выступив из своих укрытий на пальцах.

Симса поспешила сделать свой собственный заказ коротко остриженному парню, который их обслуживал, будучи уверенной, что в пищу наверняка подмешано какое-нибудь зелье, какие пускают в ход торговцы, чтобы сделать покупателя сговорчивее. Если звездный человек тоже так поступит, она будет готова к этому.

Незнакомец казался открытым и искренним, но человек может носить множество масок и никогда не показать, что под ними. Симсу по-прежнему больше всего удивляло, что Гатар рассказал о ней и что незнакомец смог узнать ее по описанию хозяина склада. Впрочем, возможно, это из-за Засс. Девушка погладила шерсть на голове зорсала. Но ведь у пандуса, когда этот человек смотрел на нее, зорсала почти не было видно. Так что... Симса терпеливо ждала, пока он сам начнет говорить, сохраняя за собой небольшое преимущество.

Звездный человек открыл большую сумку, которую нес на плече и которая теперь стояла на грязном столе перед ними, и с превеликой осторожностью, словно это листовое золото, достал оттуда два обломка, которые Симса сегодня продала Гатару. Увидев, с какой осторожностью он с ними обращается, Симса чуть не взвыла от обиды. Несомненно, Гатар совершил сегодня прекрасную сделку, намного лучше, чем она сама. Но тут девушка вспомнила о камнях в своем рукаве, и надежды ее оживились. Если незнакомец действительно ищет такие куски, она сможет получить за них гораздо больше, чем думала.

— Эти камни... — звездный человек накрыл ладонью больший из фрагментов, — где они найдены?

Он сразу перешел к делу. Симса почувствовала презрение к такой откровенности. Теперь она точно знала, что Гатар хорошо нагрел незнакомца, если тот проявил такую же искренность перед этим прожженным старым торговцем.

— Если ты знаешь Куксортал, — ответила девушка, говоря медленно, тщательно подбирая слова и подчеркивая акцент верхнего города, — то должен также знать, что

такие камни, — она пальцем указала на обломок, который он прикрывал ладонью, — могут быть найдены повсюду. Хотя...

Возможно, стоило сделать вид, что такие «сокровища» найти трудно и Симса одна знает их тайну? Нет, лучше было не рисковать: она ведь понятия не имеет, что рассказал ему Гатар. То, что она продала Гатару, не найдешь в любой мусорной куче, это результат долгих раскопок — вначале Фервар, а потом и самой Симсы.

— Ты говоришь — повсюду... — Он говорил медленно, как и девушка, как обычно говорят на чужом языке. — Не думаю, что это правда. Я уже разговаривал с лордом Гильдии Арфелленом... — Теперь инопланетник пристально смотрел на Симсу, и она сидела неподвижно, стойко выдерживая его взгляд, решив показать, что его слова на нее не действуют. Может, это скрытая угроза? Хотя он мог гораздо меньшим числом слов отправить ее в комнату для допросов, а от такой перспективы задрожит любой.

— Это не мои находки — по крайней мере, не все. — У правды горький вкус, когда ее вырывают насильно, и Симса редко пускала ее в ход. Только Фервар всегда сразу отличала правду от лжи, и ее невозможно было обмануть. — Старуха умерла, и то, что она собрала, стало моим. Она постоянно искала старые вещи и мечтала над ними, считая их настоящими сокровищами.

На этот раз незнакомец ответил не сразу, потому что вернулся мальчик-слуга и принес два питьевых рога, тарелки с горячим жарким, щипцы и ложки в специальных подставках. Звездный человек быстро убрал свои покупки в сумку, подальше от посторонних взглядов, и Симса одобрила его действия. Похоже, он готов поделиться с нею своими находками, но не собирается знакомить с ними других.

Засс зашевелилась и быстро спустилась с плеча Симсы. Такое обилие пищи для них обеих непривычно, а зорсал к тому же после целого дня ожидания должен быть голоден. Девушка взяла щипцы, выбрала кусок мя-

са размером в свой палец и протянула зорсалу. Засс жадно проглотила еду.

— Этот малыш кажется хорошо обученным, — заметил звездный человек.

Симса прожевала и проглотила кусок жесткого корня така, придающего блюду острый вкус, прежде чем пробормотать:

— Зорсалов невозможно обучить.

В ответ девушка увидела его улыбку, от которой лицо незнакомца стало еще моложе.

— Мне много раз говорили это, — согласился он. — Но похоже, этот живет в полном согласии с тобой, джентльхомо. А Гатар сказал, что лучших охотников на вредителей, чем твои, он никогда не видел. Может, ты знаешь тайну, как человеку подружиться с такими?

Что это? Инопланетник пытается подольститься к ней? Неужели он считает, что это поможет ему подчинить девушку своей воле? Тут он, должно быть, почувствовал настороженность Симсы или прочел что-то на ее лице, потому что взял свой питьевой рог, поднес его к губам и посмотрел на нее поверх края, как человек, задумавшийся над загадкой.

— Твоя старуха — из Нор... — Это был не вопрос, но утверждение, и Симса поняла, что он расспрашивал о ней Гатара. — И много она таких находила в своих раскопках?

«Если сказать «да», — быстро подумала Симса, — то он может напустить на Норы половину всех стражников Гильдии. И те будут страшно рассержены, когда ничего не найдут. Нужно быть очень осторожной».

— Не знаю, где она впервые нашла такое. — Это правда. — А позже она начала покупать их...

Звездный человек наклонился вперед, забыв о выпивке и нетронутой еде.

— У кого она покупала? — Голос его прозвучал негромко, но в нем слышалась властность, намекавшая на привычку силой узнавать то, что ему интересно.

— Один житель реки был в долгу у старухи. — Еще немного правды, которой вполне достаточно, чтобы увести его в сторону, направить к источнику, который пересох четыре сезона назад и открытие которого ничего ему не даст. — Время от времени он приносил такие обломки, потом перестал приходить: смерть легко приходит в тех местах, и говорят, за него была назначена цена. Это был вор, обманувший своего хозяина.

Веки странной формы прикрыли глаза звездного человека, но они опустились недостаточно быстро, чтобы Симса не заметила блеснувшего в глазах интереса. Итак, правда — все-таки лучший способ. Надо направить его вверх по реке, и тогда она избавится от неприятных вопросов.

Тяжесть в рукаве по-прежнему напоминала о том, что она приготовила на продажу. Почему бы прямо сейчас не договориться с ним, раз уж он охотится за старыми вещами? Инопланетник поверил в ее рассказ, девушка была в этом уверена, и так как ему явно нужны эти вещи, она сумеет получить от него достаточную плату. Однако Симса быстро подавила взметнувшуюся надежду: никогда не следует искушать судьбу, надеясь на слишком многое.

Девушка отодвинула свою тарелку и развязала крепко завязанный рукав. Но достала не украшения; их она была намерена держать до последнего. Сейчас же в ход должны пойти другие вещи.

Сначала Симса достала из кармана полуразбитую фигурку животного. Но незнакомец посмотрел на статуэтку так, словно это тарелка с жарким, а он — житель Нор, который уже несколько дней не ел.

— Это последнее! — Симса преднамеренно ясно дала это понять. — Могу продать.

И вдруг, прежде чем она смогла остановить его, инопланетник быстро схватил каменного зверя и принялся вертеть в руках, словно это самая большая драгоценность лорда Гильдии.

— Экс-Зэмл... настоящий Экс-Зэмл. — Голос его звучал чуть громче шепота, а название ничего не говорило девушке. Но Симса тут же ловко отобрала статуэтку, так что он не успел поднести ее к самым глазам.

— Вначале договоримся, — твердо заявила девушка, доставая второй обломок камня, но прикрывая его рукой. — Первым делом — что такое Экс-Зэмл? — Конечно, она могла просто продать эти обломки звездному человеку, хотя за последние мгновения она уже несколько раз пересматривала цену. Но хорошо было бы узнать, почему они так важны для него. Всякое знание, которое укладывается в голове, позволяет дольше поддерживать жизнь в теле.

Инопланетник неохотно выпустил камень.

— Это значит «с Зэмла», с другой планеты — очень древней планеты, — откуда, как считают некоторые, мы все родом. По крайней мере, те, кто бродит меж звездами, верят в это. Скажи, а не слышала ли ты об инопланетнике — человеке по имени Торн Ценг.

— А, это тот сумасшедший, который отправился вверх по реке и через пустыню в Жестокие Холмы? Пошел искать сокровища, но не вернулся. Нельзя плевать в лицо судьбе, предпринимая такие путешествия.

— Это был мой старший брат. — Если звездному человеку и не понравилась ее презрительная оценка, он не подал виду. — А искал он другие сокровища — знания. И у него было достаточно оснований верить, что он их найдет. Вот это, — инопланетник коснулся головы статуэтки, — доказывает, что он был прав. Я пришел, чтобы отыскать его.

Симса пожала плечами.

— Если человек подносит нож к горлу и заявляет: «А не выпустить ли мне свою жизнь?» — к чему его останавливать? В мире и так полно придурков и свихнувшихся, — повторила она популярное в Норах высказывание. — Одни живут, другие умирают, одни ищут смерти, другие бегут от нее, но кончается все одинаково.

Лицо инопланетника стало невыразительным.

— Пятьдесят миль-кредитов.

Симса покачала головой.

— Я не беру инопланетные деньги, — решительно ответила девушка. Засс протянула тонкую лапу и сама схватила кусок мяса. Симса не обратила на это внимания. Ее собственный голод был еще не удовлетворен, но она встревожилась. Ведь незнакомец может просто отобрать у нее эти два обломка. Стоит ему крикнуть: «Она из Нор», и ее тут же выбросят из гостиницы, да еще и изобьют до полусмерти. А если она сама попытается избавиться от инопланетных денег, любой меняла сразу обвинит ее в том, что она незарегистрированный вор. Теперь она поняла, как неразумно поступила, когда вообще согласилась прийти сюда. Это она оказалась слабоумной!

— Давай я заплачу кредиты Гатару, а он обменяет их для тебя.

Симса в негодовании даже оскалила зубы, как делает Засс, когда она недовольна. Использовать в качестве посредника владельца склада? Кем ее считает этот инопланетник? Ей очень повезет, если она получит хоть пятую часть своих денег.

— Заплати мне десять десятков малых маров ломаным серебром, — сказала она. — И не меньше.

— Договорились! — Он протянул руку ладонью вниз и накрыл ею два обломка камня. Девушка удивилась. На мгновение ей стало жаль, что она не потребовала вдвое больше. Но осторожность тут же напомнила ей, что жадность до добра не доводит. За десять десятков кусков серебра она сможет поселиться в нижней части города и найти способ зарабатывать на жизнь подальше от Нор. Если инопланетник не умеет торговаться, тем лучше для нее.

Симса снова спрятала камни в карман рукава и завязала его. Потом вложила свою руку в ладонь мужчины, чтобы закрепить договор. Кожа ее казалась очень темной на фоне светлой кожи инопланетника.

— Принесешь серебро, и оба твои. Мы заключили договор, и пусть судьба накажет нас своим темным жезлом, если мы его нарушим! — произнесла девушка старинную рыночную клятву, которую не нарушит даже вор.

— Пошли со мной к Гатару, и я дам тебе серебро.

Симса решительно покачала головой. Показывать такую сумму даже полудругу глупо. А вдруг он расскажет Гатару, зачем ему такие деньги? Это так же плохо, как если бы он заплатил на глазах у хозяина складов. Но как это объяснить незнакомцу? Может ли она рассчитывать на его понимание?

А ведь она считала себя такой умной, планы казались такими простыми — почему она не предвидела подобных трудностей? Девушка какое-то время разглядывала гладкое лицо инопланетника, полуприкрытые странные глаза. Потом взглянула на зорсала и прищелкнула языком.

Засс как раз прикончила последний кусок мяса, и ее тонкий язык метнулся сначала в один угол большого рта, потом в другой. По сигналу Симсы она резко подняла голову, развернула антенны и поставила их, так что нежные перья по краям задрожали.

— Протяни палец! — приказала девушка, указывая на зорсала. Незнакомец долго смотрел на нее, потом послушался.

Зорсал вытянул длинную шею, выставив вперед острую морду и обнажив клыки, два из которых полые и заполнены ядом, от которого человек будет мучиться много часов, и осторожно направился к пальцу. Антенны опустились, на мгновение коснувшись руки и пальца.

Потом Засс повернула голову на сгорбленных плечах и испустила гортанный крик. Симса перевела дыхание. Это был еще совсем новый вид общения между ними, она пользовалась таким способом только раз или два до этого — и каждый раз Засс оказывалась права в своей оценке доброй или злой воли того, кого испытывала. Правда, сейчас перед ними инопланетник, и зорсал мог не справиться с его необычностью, но Симса понимала,

что у нее нет выбора. Нужно только постараться обезопасить себя.

— Не рассказывай обо мне Гатару, не говори, зачем тебе серебро. Просто возьми у него большие куски, а не обломки, и скажи, что не нашел меня. Потом разменяй такалы на меньшие куски и принеси их... только не в Норы. — Девушка была намерена больше не возвращаться туда. Надев новую одежду, она походила по гостиницам в нижнем городе и запомнила те, которыми можно воспользоваться. «Спиндвокер». В ней поселяются речные торговцы, но сейчас не сезон, и гостиница отнюдь не переполнена. А у нее неплохая репутация, хозяйка регулярно платит дань Гильдии воров, и те, кто живет в ней, могут не бояться грабежей. Симса быстро объяснила инопланетнику, как найти эту гостиницу.

— Чего ты боишься? — негромко спросил он, когда девушка закончила.

— Боюсь? Всего и всякого! И это помогает мне сохранять жизнь! — резко ответила она. — Этот мир постоянно преподносит суровые уроки: и либо научишься, либо умрешь. Я буду ждать твоего возвращения до рассветного гонга. Договорились?

— Насколько смогу, — ответил инопланетник.

Симса пулей выскочила из кабинета, прихватив с собой зорсала. Чем быстрее она доберется до своего убежища на ночь, тем лучше. Хотя на улицах, теперь уже совсем темных, она может рассчитывать на зорсала. Засс предупредит, если кто-нибудь станет следить за ней, чтобы ограбить или убить.

И вот вскоре, прислонившись к полуоткрытым ставням своей комнаты в гостинице, Симса никак не могла решить: уйти ей и поскорее раствориться в городе или все-таки дождаться рассветного гонга и прихода незнакомца. Симсе не нравился риск, которому, как считала девушка, она себя подвергает. Ей хорошо была видна улица внизу в обоих направлениях; Засс сидела на створке ставен, склонив голову под, казалось бы, немыслимым углом

и внимательно глядя по сторонам, причем видела она ночью, как хорошо знала девушка, гораздо лучше человека.

Улица была закрыта тенями. В нижней части города фонари редки — и из-за экономии, и по желанию тех, кто здесь живет и ходит под покровом ночи. Симса отметила нескольких прохожих. Но была уверена, что многих старающихся остаться незамеченными не увидела, а зорсал, по крайней мере, трижды ее предупреждал о таких.

Так как у инопланетника не должно быть причин скрываться, Симса только отметила быстрые покачивания антенн Засс, хотя и пыталась по этим движениям судить, кто прошел внизу. Однажды ей показалось, что она заметила движущуюся тень, но это все.

Девушка задула лампу в комнате, как только из нее вышла грязная прислужница. Потом, руководствуясь хриплыми возгласами Засс, тщательно обыскала комнату — за часы совместной работы в темноте она научилась прислушиваться к своей спутнице и понимать ее звуки.

Симса не могла понять, почему испытывает такую тревогу, но знала, какие опасности могут ее ожидать, и приготовилась к ним. Девушка трижды обошла маленькое помещение — вначале медленно и осторожно, а в третий раз с уверенностью человека, идущего по знакомой тропе. И после каждого обхода она останавливалась и смотрела в окно.

Инопланетник согласился, по ее мнению, на сказочную плату. И, судя по всему, готов был заплатить еще больше. Но жадность опасна, а Симса не хотела навлекать на себя дополнительную опасность. К тому же у нее еще остаются украшения. Оказывается, старуха оставила ей действительно ценное наследство.

Кто-то шел посредине узкой улицы. Шел уверенно. Когда он проходил под фонарем, Симса узнала костюм звездного человека.

Только...

Засс вытянула антенны и испустила гортанное предупреждение. Звездный человек приближался, и Симса бли-

же подошла к окну, уверенная, что ее темное лицо и зачерненные брови никто снизу не сможет разглядеть.

Ему оставалось шагов шесть до входа в гостиницу, и тут от другой двери, по диагонали, отделилась тень. Одним прыжком тень, как вер-крыса, рвущаяся к горлу жертвы, оказалась за человеком, которого ждала Симса. Нападающий выбросил вперед ноги — способ, к которому часто прибегают ночные грабители: для этого подошвы их обуви делаются особенно тяжелыми, удар обычно направляют в ноги жертвы, чтобы бросить ее вперед на булыжники.

Так планировал нападающий. Но в тот момент, когда он должен был завершить свое отработанное долгой практикой нападение, жертва с такой же скоростью чуть отодвинулась влево. Незнакомца слегка задел лишь один башмак, а сам он мгновенно развернулся и нанес рубящий удар ребром ладони.

Симса, не совсем отдавая себе отчет в собственных действиях, тоже вытянула руку вперед (может, просто не хотела упускать добычу — такой суммы у нее еще никогда не было). Засс, так и не вернувшая себе полностью способность летать, все же могла держаться в воздухе. Царапнув когтями руку Симсы, самка зорсала взлетела и начала спускаться на улицу по спирали. Полет ее вовсе не походил на легкие движения ее потомков, но она сумела спуститься прямо к дерущимся. Симса повернулась и схватила первое попавшееся под руку оружие — погашенную лампу на столе. Вылив масло и сунув лампу за пояс, она распахнула ставни и последовала за зорсалом.

Девушка еще раньше заметила узкий карниз, идущий вдоль всего фронтона гостиницы, с которого, как оказалось, легко можно спрыгнуть на мостовую — этому она научилась много лет назад. Оправившись от толчка, она вскочила и побежала.

Из клубка дерущихся вырвался вскрик. Симса понимающе кивнула. Ночной вор всегда сохраняет молчание, но неожиданное нападение зорсала хоть у кого вырвет

крик, особенно если Засс получила возможность добраться до горла, лица или глаз.

И прежде чем девушка добежала до дерущихся, они разъединились. Нападавший неподвижно лежал на мостовой, а на ноги поднялся инопланетник. Неподалеку послышались голоса. Симса подбежала к звездному человеку как раз в тот момент, когда тот развернулся, готовый встретить новое нападение.

— Пошли, звездный бродяга! — Девушка схватила его за руку, которую инопланетник протянул ей, и, держась за нее, наклонилась и подставила широкий рукав зорсалу. Засс быстро вскарабкалась, протыкая когтями прочный материал.

Скользнув пальцами по руке мужчины, Симса сжала его запястье и дернула к другой стороне улицы.

— Бежим! — приказала она и снова потянула за руку.

Инопланетник не стал ее расспрашивать, и Симса была ему благодарна за это. По-прежнему держась за руки, они нырнули в боковую улицу, отыскали вход в кладовую гостиницы, и дверь легко подалась под ударом плеча. Гостей сейчас было немного, и кладовую не загромождали припасы, к тому же девушка заранее убедилась, что дверь не заперта и используется для тайных уходов и приходов. К этому открытию ее привел инстинкт жителя Нор: из каждой норы должно быть не менее двух выходов. Так что она была готова использовать черный ход.

Оттуда она тихо провела спутника к задней лестнице, на галерею без перил, в центральный зал и, наконец, в свою комнату. Уже закрывая дверь и ставя лампу на стол, она услышала голоса и звуки шагов внизу на улице.

Зорсал подлетел к открытому окну, Симса, скользнув мимо инопланетника, оказалась там же чуть позже.

Внизу собрались люди, не менее трех, они стояли вокруг лежавшего на мостовой. Тот стонал. А по улице с лампами на шестах приближались миротворцы, которые обычно никогда не заходят в этот район. Глаза Симсы сузились, как у Засс, когда в них ударяет солнце.

У стражи Гильдии не должно быть причин появляться здесь. Кто ее вызвал? Единственный вскрик нападавшего не мог пронестись через пять улиц до широкого проспекта, где находится пост стражи. И даже в таком случае стражники не обратили бы на него ни малейшего внимания, так как кричат в нижнем городе. У Гильдии воров есть собственные стражники... так что...

— Люди Арфеллена... — Мужчина произнес это тихим шепотом, и она ощутила на щеке его дыхание. Девушка удивленно посмотрела на него: как он смог подойти так неслышно, что она даже не заметила.

Лорд Арфеллен! Симса была так уверена, что нападал простой грабитель из Гильдии воров, что в первое мгновение это имя ей ничего не сказало. Но тут в свете фонарей на шестах она разглядела, что в группе людей, собравшихся вокруг лежавшего (те, кто окружал его раньше, сумели ускользнуть, за исключением двоих, которым тут же завернули руки и набросили на шеи петли), все носят значки не стражей Гильдии, а личных воинов лорда...

Арфеллен! Не раздумывая, Симса развернулась и выпустила когти, готовая в клочья разорвать глупца, который навлек на нее такую катастрофу. Она даже услышала свой собственный гневный гортанный возглас, похожий на крик Засс, когда та собирается нападать. Но тут ее кисть перехватила железная рука, и как ни опытна была девушка в самообороне, однако этот захват разорвать не сумела. Инопланетник завернул ей руку за спину с той же легкостью, с какой стражники проделали это с пленниками внизу. Теперь ему оставалось только свести ее по лестнице вниз и присоединиться к группе внизу, и чего тогда ей ждать?

Симса задрожала и тут же возненавидела себя за эту дрожь. Но незнакомец не толкнул ее к двери, которую она только что заперла, — напротив, плотнее прижал к себе. Другой рукой он обхватил ее за талию с такой силой, с какой она никогда не встречалась раньше, и прошептал, опять касаясь дыханием ее щеки:

— Тише!

Немало озадаченная, Симса принялась размышлять. Неужели звездный человек не попытается получить защиту у одного из самых влиятельных и богатых лордов Гильдии? Ведь этот отряд, который так быстро появился внизу, наверняка был послан ради него. Хорошо известно, что инопланетников нельзя трогать в Куксорта-ле: никто — ни низкий, ни высокий — не должен считать их добычей.

Однако инопланетник не стал окликать своих вероятных защитников. Напротив, он действовал как человек, которому нужно скрыться, который чего-то опасается. Симса чуть успокоилась и расслабилась, больше не напрягая тело.

Глава 4

Никто не приближался ко входу в гостиницу и не стучал в двери других зданий, хотя Симса ожидала, что немедленно начнутся поиски инопланетника. Иначе зачем же личная стража одного из высших лордов Гильдии следует за ним в нижний город? И она стояла, больше не сопротивляясь его хватке, глядя, как внизу подняли лежавшего, заставив двоих пленников нести или, вернее, полутащить его, и вся группа начала подниматься в верхний город.

Засс опять села на створку ставен, вытянув антенны вниз, к тому, что происходило на улице. Когда стражники ушли, инопланетник выпустил девушку и закрыл ставни. Стало темно.

— Что ты здесь делаешь? — первой нарушила молчание Симса. Она должна знать, в чем он замешан, чтобы быть готовой к защите.

— То, что обещал. Я принес тебе это!

Она услышала шорох в темноте, потом звон с того места, где должен был стоять стол.

— Вот наш расчет.

Девушка на ощупь нашла дорогу к столу, поискала там лампу. Слишком много масла вылилось на нее, когда она хотела использовать лампу как оружие. Она вся пропахла маслом. Симса высекла искру и зажгла лампу. На столе лежал кошелек, толстый. Инопланетник по другую сторону стола внимательно смотрел на нее чуть прищуренными глазами.

Симса не притронулась к кошельку. Еще глубже погружаться в дела инопланетника, даже просто продать ему то, что он хочет, — меньше всего ей теперь хотелось этого. Однако они заключили торговый договор, к тому же никто, кроме нее самой, инопланетника и старухи (когда она была жива), не знает о двух предметах, которые есть у девушки. Симса была уверена, что даже если у Гатара узнают, какую вещь она продала ему, то вторую продажу все равно никак проследить не смогут. Она уйдет отсюда рано, тем же самым задним ходом; если потребуется, уйдет по крышам. Но... она должна узнать.

Скользкими от масла пальцами Симса развязала рукав и отыскала обломки с резьбой, все это время осторожно глядя на незнакомца. Тот не шевелился, и руки его, пустые и расслабленные, оставались на виду.

Но как раз в тот момент, когда девушка доставала камни, в свете лампы показалось что-то еще; каким-то образом развернулась ткань, которую Симса считала плотно завязанной. Словно сама судьба начинает предавать ее, подумала девушка, пытаясь перехватить содержимое свертка, но схватила только пустую ткань, а содержимое оказалось на ярко освещенном столе.

Кольцо не блестело — слишком мягок был его металл, и слишком долго оно пролежало под землей, — а единственный камень, молочно-матовый, и так никогда не сверкал. Но прятать кольцо дольше было бесполезно, оно словно высвободилось по собственной воле.

И перед их взором предстал крошечный замок с двумя башнями и крышей из неизвестного камня. Симса отбросила сверток с резными камнями и, выпустив ког-

ти, схватила кольцо. Она легко расстанется — если появится возможность или ее вынудят — с двумя другими украшениями, теми, что достались ей от старухи, но с этим — нет! С того самого момента, как девушка нашла кольцо, она знала, что эта драгоценность принадлежит только ей.

И хотя инопланетник раскрыл сверток, достал из него камни с резьбой и, как подобает благоразумному покупателю, рассмотрел их, внимание его быстро вернулось к рукам девушки. По какой-то причине — может, бросая вызов, а может, оттого, что он так легко с нею справился у окна, — Симса не стала прятать кольцо. Напротив, она надела его на большой палец и чуть ли не выставила перед собой.

Инопланетник не стал наклоняться, чтобы лучше рассмотреть. И тем не менее Симса видела, что он внимательно рассматривает кольцо. И наконец он сказал — сказал так, словно слова вырвались помимо его воли:

— А это откуда?

— Это? — Девушка постучала чуть вытянутым когтем другой руки. — Дар старухи. — По-своему, это было правдой: если бы Симса не похоронила Фервар, она не нашла бы кольцо. — Не знаю, где она взяла его.

Теперь он все-таки протянул руку:

— Ты позволишь мне взглянуть?

Симсе не хотелось снимать кольцо: чем дольше она ощущала его вес на пальце, тем естественнее ей казалось носить его. Но она поднесла руку чуть ближе к мужчине.

— Может быть, и Экс-Зэмл, — негромко проговорил он, как будто удивившись. — Могло принадлежать Лунной Сестре или Высокой Леди. Но здесь?.. — Инопланетник спрашивал не ее, а себя, решила Симса. Она почувствовала прилив любопытства.

— А кто такая Лунная Сестра? О Высоких Леди я слыхала.

Он покачал головой, и когда ответил, в голосе его звучало нетерпение:

— Я говорю не о леди ваших лордов Гильдий. А о Высокой Леди с другой планеты и из другого времени. Она могла призывать силы, оценить которые мой народ так и не смог, а Луна служила ей короной и властью.

Жители Нор не любят пустых слов и не склоняются ни перед какими богами, кроме богини удачи, однако Симса поняла, что инопланетник говорит о богине.

Храмы в верхнем городе обслуживают только тех, у кого есть драгоценные металлы, кто может заплатить за жертву (впрочем, Симса никогда не слышала, чтобы там сразу был получен хоть какой-то стоящий ответ на молитву). Если в этом мире и существуют боги и богини, они заняты только теми, у кого на плече уже лежит теплая рука удачи. Но как знак богини, которую знает инопланетник, мог оказаться погребенным в земле?

Он сказал, что это Экс-Зэмл. Тогда какое отношение ко всему этому имеет лорд Арфеллен?

— Стражники следили за тобой. — Девушка повернула кольцо так, что осталась видна только полоска металла, а замок — так она его мысленно называла — оказался прижат к ладони и скрыт. — Какое отношение к тебе имеет лорд Арфеллен? И что еще важнее: знает ли он обо мне?

Симса не была уверена, что он ей что-нибудь скажет. Инопланетник хмурился, заворачивая камни с резьбой в ту же ткань и осторожно укладывая их в карман на поясе. Так и не ответив, он быстро, легко и беззвучно, несмотря на тяжелую космическую обувь, подошел к окну и выглянул в щель между ставнями и рамой.

— Лампа... — он сделал нетерпеливый жест.

Девушка сразу догадалась, чего он хочет, и задула лампу. Чуть позже послышался слабый скрип ставен — должно быть, он приоткрыл их немного шире. Потом ворчливо пожаловалась Засс, и Симса присоединилась к инопланетнику как раз вовремя, чтобы принять зорсала на плечо.

Внизу никого не было. И ничего не двигалось. Они словно смотрели на улицу покинутого города. Симса,

выросшая в Норах и на окраинах города, хорошо понимала, какую угрозу таит в себе такая тишина.

— Лорд Арфеллен... — прошептала она. Он быстро зажал ей рукой рот. И ответил еле слышным шепотом. Она не поверила бы, что можно говорить так тихо, однако слова разобрала вполне четко:

— Слушай внимательно: люди Арфеллена шпионили за мной. Отсюда есть выход? Он мог приставить ко мне больше людей...

Многого ли стоит ее помощь, мелькнула у девушки мысль, но тут же она ощутила в опасности и себя. Если люди лорда Гильдии охотятся за этим иноземцем, инопланетником, которого защищают все обычаи Куксортала, то как обойдутся с ней? Ведь за нее им ни перед кем не отвечать. Они запросто могут выпотрошить ее в одном из своих допросных подвалов, узнать все, что знает она, а потом постараться выжать и еще что-нибудь. Только если инопланетник выберется в безопасное место, она может со временем найти способ уйти от его неприятностей.

Но поблизости было только одно такое место — Норы. Из верхнего города никто не пойдет туда искать их. Там слишком много переходов и укрытий. Жители верхнего города издавна даже не пытаются разыскивать любого, кто скроется в Норах, они рассчитывают только на клановую замкнутость самих жителей Нор: те не любят пришельцев, сами их ловят и передают властям верхнего города. Поэтому только заключив договор с обитателем Нор — таким, кто в состоянии защитить и себя, и свою добычу, — беглец может надеяться выжить, да и то ненадолго.

Мысли вихрем кружились в голове Симсы. Она может привести незнакомца в свое логово, которое надеялась никогда больше не увидеть. Это вызовет разговоры, да, но она может сделать это открыто, и никто не встанет между нею и сомнительной безопасностью. Но сначала — деньги.

Симса высвободилась из рук незнакомца, спрятала кошелек в рукаве и тщательно застегнула пуговицу

на запястье. Потом, подняв руки к голове, сняла ткань, плотно обтягивавшую голову, высвободила густую гриву серебряных волос и вытерла брови и ресницы, чтобы убрать защитную краску. Она рассталась с маской Тени, ей предстояла новая роль.

— Путь есть, — негромко сказала девушка, убирая маскировку. — В Норах живут женщины для развлечений. Правда, никто из них никогда еще не приводил мужчину со звездного корабля. Но торговцы с реки, когда достаточно напьются, приходят к нам за удовольствием. Возьми это. — Симса на ощупь добралась до постели, на которую так и не легла, и, сдернув верхнее покрывало, протянула его инопланетнику, который темным пятном стоял у окна; слабый свет снаружи теперь позволял девушке видеть его. — Накинь поверх плаща. А теперь идем — если можешь перенести мысль о покупке удовольствий у жительницы Нор...

Мужчина пошел за ней, хотя в тот момент девушка вовсе не была уверена, хочет ли он этого. Снова они прошли через задний ход гостиницы, куда совсем недавно входили.

Когда они попали под тусклый свет фонаря, Симсе показалось, что она услышала негромкое восклицание; однако, быстро повернув голову к инопланетнику, девушка увидела, что он молчит. Свернув в ближайшую боковую улицу, Симса быстро пошла впереди, а инопланетник — следом, неслышно шагая за ней. Вскоре они спустились вниз, к стене, отделяющей город от окраин; в этой стене давно были проделаны тайные ходы, хорошо известные Симсе и другим жителям Нор. Девушка остановилась возле самой обычной части стены, но оказалось, что здесь встроена отодвигающаяся плита из дерева, твердого как железо, искусно закрашенная и замазанная грязью, так что она ничем не отличалась от соседних камней.

Симса легко скользнула в отверстие, ее спутнику пришлось труднее, но он не задержал девушку. Пройдя все-

го несколько шагов, она свернула в открытый подвал, взяла звездного человека за руку и повела по лабиринту проходов, которые знала лучше, чем улицы над головой.

И вот, после такого напряженного дня и ночи, пройдя длинный путь, она снова оказалась там, куда не думала возвращаться, — в норе Фервар. Первым делом в полной темноте она нашла лампу, которую заправляют не маслом, как в верхнем городе, а выжимками из дурно пахнущих земляных орехов. Добыть сок этих орехов довольно трудно, и лампа считается в Норах настоящим сокровищем. Но если за Симсой наблюдают, пусть видят, что она не одна.

Однако когда в глиняной чашке вспыхнуло масло, девушка прочитала в глазах инопланетника такое удивление, какое вовсе не ожидала увидеть. Он смотрел на нее с очень странным выражением. И тут Симса вспомнила, что впервые за многие годы убрала маскировку, которая делала ее Тенью.

— Но ты... ты же женщина! — Удивление его было таким непритворным и полным, что Симса сама немного удивилась. Неужели она так хорошо маскируется, что даже пол ее становится непонятен, когда она выбирается наружу? И тут девушка вспомнила, что он обращался к ней со странным инопланетным приветствием — «Джентльхомо», с каким обращаются к мужчинам. А она-то просто посчитала, что у инопланетника одна форма обращения для всех.

Не зная почему, Симса подняла руки и пригладила свои серебристые волосы. Они слегка приподнялись при ее прикосновении, электричество подняло легкие пряди. В последнее время очень редко и только наедине она так распускала волосы. И теперь испытывала какое-то замешательство, которое постаралась скрыть.

— Я Симса... — Может, Гатар уже назвал ее имя.

Девушка видела, как удивленное выражение его лица сменилось улыбкой.

— Мое родовое имя — Торн. — Инопланетник свел

руки ладонями и склонился над ними. — Мое семейное имя, данное мне отцом, — Чан-ли. Друзья зовут меня Ян.

Симса неожиданно рассмеялась:

— Как много имен! Как ты выбираешь, каким тебя называть? — Скрестив ноги, она села на груду матрацев, принадлежавших Фервар, и взмахом руки с кольцом указала на меньшую груду плетеных тростниковых квадратов, которая служила постелью ей самой.

Гибко изогнувшись, он сел в такой же позе. Симсе поведение инопланетника казалось странным. Он перестал улыбаться, только в глазах сохранилось выражение удивления.

— Родственники называют меня Чан, друзья — Ян.

Девушка снова пригладила волосы. Нельзя просто сидеть и болтать. Необходимо было как можно скорее многое узнать.

— Расскажи, какие у тебя дела с лордом Арфелленом, — приказала она. — Почему его стражники следят за тобой? Неужели ты не знаешь, что ему стоит только пальцем пошевелить, вот так, — она чуть согнула палец, — и он может отнять жизнь почти у любого жителя Куксортала, а тех, кого не может убить немедленно, заставит дрожать? Что же ты такое совершил?

Этот Торн, казалось, совсем не встревожился из-за ее вопросов. Он сидел спокойно и небрежно, как подлинный обитатель Нор. Спокойнее любого, кто решился бы войти именно в это помещение.

— Я задавал вопросы — о своем брате, который несколько сезонов назад прилетел на вашу планету и о котором больше не поступало никаких известий. Он должен был явиться на очень важную встречу, и раз не явился — значит, попал в серьезную переделку. Ты говорила о нем как о спятившем, который ушел в Жестокие Холмы. Клянусь тебе, каким бы странным это вам ни казалось, у него были основания идти туда, искать то, что он должен был отыскать. А теперь... — Инопланетник помолчал, потом добавил с резкостью человека

Гильдии, отдающего приказ: — Расскажи мне все, что о нем говорили. Кто мог желать ему зла?

— Есть десятки десятков путей, на которых он мог встретить зло, — ответила девушка, стараясь говорить таким же ровным и строгим голосом. — У Жестоких Холмов много своих тайн. Люди здесь передвигаются в основном по морю и рекам. Когда я была совсем маленькой, еще приходили изредка караваны из Курукса через пустыню, которая лежит перед Жестокими Холмами. Эти караваны шли из Семмела и привозили для торговли странные вещи с севера. Потом мы слышали, что чума опустошила Семмел, превратила его в страну мертвецов и призраков, и караваны перестали приходить. Но они и раньше привозили не много, а Гильдиям хватает сборов с речных торговцев. Так что этот путь был забыт. Да, ходили разговоры, когда инопланетник отыскал троих из прежних проводников этих караванов. Говорят, он предложил им целое состояние в кусках серебра за помощь. Двое не согласились, а у третьего были неприятности с одним из стражников лорда Арфеллена, и поэтому он согласился. — Неожиданно Симса поняла, что сказала, и медленно повторила: — Со стражником лорда Арфеллена... — повторила скорее себе самой, чем слушателю.

— Вот как... — Инопланетник на удивление легко говорил на языке торговцев, и если бы Симса закрыла глаза, то могла бы принять его за жителя Куксортала. — А остальные двое, они еще здесь?

Девушка пожала плечами:

— Если они еще живут, Гатар, конечно, отыщет их для тебя. Разве ты уже не договорился с ним?

Он снова улыбнулся.

— Похоже, ты многое знаешь, джентльфем Симса. А еще такие у тебя есть? — Он коснулся кармана на поясе, в который спрятал обломки камней с резьбой.

— Я знаю только, что их любила старуха. Она хранила мои находки и то, что ей приносили.

— А что ты находила — и где? — быстро спросил инопланетник.

— В Норах. Мы роемся в прошлом Куксортала, мы, живущие на его отбросах. Некоторые отбросы очень древние. Когда-то даже это, — она указала на помещение, — вполне могло быть частью дворца какого-то лорда. Вон в том углу сохранилась настенная роспись. Когда обрушивались дома, терялись вещи, на руинах строили новые дома. Куксортал грабили пираты, трижды его захватывали армии, прежде чем речные лорды создали свой союз. Многое разрушалось и снова строилось. Жители Нор роются в прошлом, живут тем, что могут добыть в своих тунелях. В глазах лордов Гильдий мы — меньше чем пыль.

— Но даже здесь ты должна была слышать сплетни о верхнем городе. — Казалось, он никак не мог оторвать взгляд от ее серебряных волос. Девушка подумала, что он разглядывает ее так, словно она сама — древняя вещь, найденная в подземных раскопках. — Что ты знаешь о лорде Арфеллене?

Симса заинтересовалась: он разговаривает с ней как с равной. Насколько она помнит, такого с ней никогда не случалось. Для старухи она всегда была ребенком, для жителей Нор — инопланетником, хотя она сама была уверена, что родилась среди них. Но ни у кого она не видела такого цвета кожи и волос. Для Гатара, с которым она имеет дела в городе, она из числа тех, к кому все относятся пренебрежительно. Впрочем, ее умение обращаться с зорсалами вызывало у Гатара неохотное уважение. Но для этого инопланетника она — человек, у которого можно спросить совета, чьи знания и мнения заслуживают уважения не меньше, чем советы любого жителя верхнего города.

— Он самый богатый из лордов Гильдий и принадлежит к самому древнему роду, — начала она. — В начале каждого третьего сезона он первым подписывает торговые договоры. Его самого видят редко, много рук и ног готовы выполнить его поручения. Он... — Девушка облизнула губы: то, что она собиралась сказать, всего лишь предположения и слухи, поэтому она смолкла, не решаясь продолжать.

— Есть еще что-то, — подтолкнул он ее после минутного молчания.

— Да. О нем рассказывают, что его часто ищут и не могут найти, а потом он вдруг появляется и говорит, что все время был здесь. Говорят также, что он не ходит в храмы, как другие лорды, но что ему служит человек, умеющий разговаривать с мертвыми. И что он искатель...

— Искатель! — Торн набросился на это слово, как Засс на вер-крысу. — А известно, что он ищет?

— Сокровища. Но они ему не нужны, потому что в его дом многое входит, но мало что выходит. Он нанимает много стражников и иногда посылает их вверх по реке. Их предводитель еще может вернуться на следующий сезон, а они сами — никогда. Может, он продает их как солдат речным лордам. Там всегда идут войны.

— А ты не слышала, чтобы он посылал людей в Жестокие Холмы?

Симса рассмеялась:

— Никакие сокровища мира никого не заставят пойти туда. Говорю тебе, туда никто не ходит, никто.

— Но кое-кто пойдет. — Он слегка наклонился вперед, поймал ее взгляд и удержал. — Я пойду, джентльфем.

— Значит, ты умрешь — как и твой брат. — Она решила не поддаваться его влиянию, относиться к его желанию как к глупости.

— Думаю, нет. — Инопланетник достал из кармана два обломка, которые купил у нее. — Вот что я тебе скажу, джентльфем. Но сначала ответь мне: в безопасности ли ты в Норах?

— В безопасности? А почему ты спрашиваешь?

Но прежде чем он смог ответить, Засс распрямилась на своем насесте над низкой дверью норы. Повернув голову, она вскрикнула, и Симса мгновенно вскочила, выпустив когти в ответ на сигнал тревоги, которую сама ощутила секунду назад. И тут в помещение ворвались два крылатых существа. Они приветственно крикнули в ответ на крик Засс, а потом опустились рядом с девушкой.

Ошибиться было невозможно, это сыновья Засс. То, что они здесь, означало, что в их жилище — на складе — произошло что-то ужасное. Инопланетник схватил девушку за руку:

— Их могли выследить?

— Нет. Только другой зорсал. А насколько мне известно, других таких выученных нет. Но... — Симса перевела взгляд с зорсалов на инопланетника. — Не понимаю, что они здесь делают. Они не оставили бы Гатара... только если там беда! Поэтому ты меня спрашивал о безопасности?

Что случилось с Гатаром? Более важно — что может случиться с ней самой, ведь всем хорошо известно, что у нее были дела с хозяином складов, хотя бы только в связи с зорсалами. Многие знали, что она выучила их и отдала только временно и за плату, отказываясь продать насовсем.

— Я обменял серебро не у него, — ответил инопланетник. — Возвращаясь к его складу, я заметил у входа значки стражников Арфеллена. А я уже знал, что мои расспросы насторожили лорда. Не знаю, что он ищет. Я никак не связан с его торговлей и возможными осложнениями. Но один из членов команды корабля передал мне, что капитана много расспрашивали обо мне и что он получил приказ, чтобы корабль без меня не улетал.

— И после этого ты пришел ко мне! — Симсу охватила такая ярость, что она чуть не изорвала когтями его гладкую кожу так, чтобы ни друг, ни враг не узнал бы его. Но старуха научила ее: тот, кто поддается гневу, совершает смертельные ошибки.

— Пришлось. Не только для того, чтобы купить то, что ты мне показала, — возможно, это важная веха на пути к тому, что я ищу. А еще потому, что только с твоей помощью я смогу найти нужное знание. Во всяком случае, — он не опустил глаз, а в уголках его рта даже появилась легкая улыбка, — разве не правда, что теперь все, кто имел дело с Гатаром, будут на подозрении?

— Чего ты хочешь от меня? — Оба зорсала жались к ногам девушки, смотрели ей в лицо и испускали негромкие крики, словно нуждались в поддержке. То, что выгнало их, внушало им страх.

— Мне нужно убежище, твои знания и путь к Жестоким Холмам, — ответил он, словно читая какой-то список товаров.

Ей хотелось выкрикнуть — так же резко, как кричит Засс, — что она не приносит удачу. Ведь судя по тому, что она сейчас узнала, и по виду зорсалов, им просто повезло, что их не схватили до сих пор. Симса дико огляделась. Она всегда считала себя осторожным и хладнокровным человеком, который всегда сначала думает, потом действует. Но теперь девушка начала утрачивать уверенность в себе.

Нет. Она прикусила губу. Фервар достаточно выучила ее, чтобы не сдаваться после первого же удара. Она по-прежнему могла рассуждать, строить планы... Для начала она взглянула на зорсалов и отдала короткий резкий приказ — искать чужих. Засс не спустилась со своего насеста на двери, но тоже напомнила своим отпрыскам о долге, послав их присматривать за входом в Норы.

От тех, кто здесь живет, помощи ожидать нечего. Фервар при жизни побаивались, Симсу отвергали, а после победы над Баслтером девушку и вовсе возненавидели. Поэтому ее убежище с радостью покажут всем, кто станет искать, где она скрывается. И ее, и этого трижды проклятого инопланетника выдернут отсюда с такой же легкостью, с какой извлекают из раковины хорошо пропеченного ор-краба.

Оставался только один выход, да и тот пришел на ум слишком уж быстро — ей хотелось подумать, подготовиться, но она знала, что на это не осталось времени. С этим инопланетником она не может снова раствориться, как тень. Повсюду в Куксортале он будет заметен не хуже горящей лампы в темной комнате.

— Сюда.

Девушка повернулась к груде матрацев, которые составляли постель Фервар: за ними скрывался тайный ход, который старуха закрывала многие сезоны своим телом и о котором долго не догадывалась даже сама Симса. Инопланетник, ни о чем не спрашивая, подошел к ней и стал помогать раскидывать маты. Под ними открылся длинный камень, с виду абсолютно неподвижный и укорененный не хуже корней растений. Но как-то раз девушка случайно узнала его тайну: она споткнулась из-за Засс, упала и попала вытянутыми руками в незаметные углубления. Теперь же она уверенно вложила ладони в ямки, которых совсем не было видно.

Камень поднялся и повернулся. В лицо им ударил затхлый запах. Симса пощелкала Засс, она знала, что остальных двоих звать не нужно — они легко проследят путь матери. В одну руку девушка взяла лампу, другой прижала к себе зорсала и решительно спустилась по невысоким ступеням. Инопланетник двинулся за ней. Не поворачивая головы, Симса сказала:

— В камне есть скоба, закрой за нами проход.

А сама начала быстро спускаться, чтобы освободить для него место. И вот они оказались в узком проходе. Под ногами лежал толстый слой пыли и пахло речной сыростью. Девушка считала, что даже жители Нор не скоро обнаружат этот проход и они успеют добраться до мусорных куч на берегу реки — а дальше она пока не планировала.

Глава 5

Когда Симса выбралась на поверхность, ее встретил запах моря, смешанный с вонью отходов. Засс с гортанными криками прыгала впереди, инопланетник с трудом поспевал за ними. Еще стояла ночь. Впрочем, Симса считала, что скоро рассветет. Она осторожно пробиралась к берегу, даже не надеясь избежать ям с отбросами и грязных луж, зажимая, насколько возможно, рот

и нос и отчаянно жалея, что с таким трудом приобретенная одежда превращается в тряпки хуже тех, что она носила раньше.

Оставив за собой груды мусора и выбравшись подальше на прибрежный песок, который прилив регулярно очищает от грязи, девушка быстро повернулась к своему спутнику.

— Твой корабль вон там, — негромко проговорила она. А потом схватила его за руку, повернула и показала далекий блеск огней летного поля. — Доберешься по берегу моря.

— Мне незачем возвращаться на корабль, — ответил он.

— Ты же не с нашей планеты... — Симсе еще предстояло узнать, какую роль могут сыграть лорды Гильдий в судьбе человека со звезд. Ведь они не могут тронуть его, как-то задержать. Они слишком ценят межзвездную торговлю и опасаются гнева экипажей, если затронут одного из космонавтов. Все в Куксортале хорошо знают, что может последовать, если причинишь вред инопланетнику.

— Я теперь сам по себе, — ответил он.

— Но ведь ты сам сказал, что лорд Арфеллен запретил тебе оставаться на планете, — горячо возразила девушка.

— У меня есть долг, который не может оспорить никакой капитан корабля. Я прилетел сюда искать человека. И не улечу, пока не найду его или не узнаю, что с ним случилось. Мне нужно нечто большее, чем просто слова о том, что он исчез на территории, о которой никто ничего не знает и где его не искали.

— А как же ты доберешься до Жестоких Холмов, чтобы начать поиски? — язвительно поинтересовалась Симса. — Ни один житель Куксортала тебе не поможет, особенно теперь, после заявления лорда Арфеллена.

Девушка видела его только как темное пятно на фоне ночи. Но ответил инопланетник спокойно и с таким выражением, что она изрядно встревожилась:

— Всегда найдется способ добиться своего, если у те-

бя достаточно желания и энергии. Так что я все равно доберусь до Жестоких Холмов. А что будет с тобой?

— Наконец-то ты и об этом подумал! — возмущенно выпалила Симса. — Если Гатар в беде, Куксортал не место для меня. Пострадают все, кто имел с ним дела: если потребуется, стражники Гильдии пройдут даже по следу полугодовой давности. А жители Нор не защитят меня. Я была глазами, ушами и ногами старухи — пока она жила. Теперь же я легкая добыча для любого.

— А почему они ее боялись?

Симса не понимала, почему она все еще остается здесь, разговаривая с инопланетником. Она ничего не обязана ему объяснять. Только куда же ей идти? Единственной связью девушки с верхним городом был Гатар, теперь она не могла на него рассчитывать. Правда, ее рукав оттягивал тяжелый мешочек с кусками серебра. Но подкупленные люди надежны только до тех пор, пока им не предложат больше — либо серебром, либо освобождением от опасности, либо и тем, и другим.

— Считалось, что у нее вещий глаз. Это неправда. Она просто очень хорошо разбиралась в людях: ей достаточно было посмотреть в лицо или прислушаться к голосу, когда отказало зрение, и она могла сказать, что человек чувствует и чего хочет. Да, она была... какая-то особенная... не настоящая обитательница Нор. Не знаю, откуда она родом, но явно не оттуда, где умерла. Однако зачем мы тратим время, говоря о покойнице? Тебе нужно идти на корабль, если хочешь остаться в живых...

— А ты? — продолжал настаивать инопланетник.

Неужели он считает, что обязан ей чем-то? Вовсе нет, она ничего не требует. И сама ничем ему не обязана, хотя и была вынуждена ночью помогать ему.

— Я пойду своим путем...

— Куда?

Симса почувствовала себя так, словно он своими вопросами припер ее к стене. Не его это дело, что Куксортал стал для нее опасен. Но в самом деле, куда же она

пойдет? На мгновение девушка поддалась панике, но тут же взяла себя в руки.

Сверху послышались щелчки. Симса тоже ответила щелчком языка, а Засс, сидевшая у ее ног, крикнула. Их наконец-то отыскали молодые зорсалы, которых они оставили в Норах. С ними, под их защитой, с их острым зрением и чутьем ее шансы несколько улучшались.

— Если мы пойдем на север, — тем временем задумчиво проговорил инопланетник, — вдоль берега, то куда придем?

— Мы? — переспросила Симса. — Ты думаешь, я пойду с тобой?

— А у тебя есть лучший план? — возразил он.

Она хотела бы сказать «да», но не могла. Тем не менее его вопрос вывел девушку из подавленного состояния, и она попыталась немного заглянуть вперед.

— Если пойти по берегу, — она не хотела говорить «мы», — вскоре встретится небольшая рыбачья деревушка. Здесь берег плохой, слишком много отбросов в воде. А лучшие места для стоянки принадлежат Гильдиям, ими не разрешают пользоваться, даже когда флота нет. А за рыбаками только пустой берег на краю пустыни. Это Берег Мертвецов, там нет никакой пресной воды, только песок и камни, и животные, которые могут выжить в пустыне.

— И долго тянется Берег Мертвецов?

Симса пожала плечами, хотя понимала, что он ее жеста не увидит.

— Может, вечно. Насколько я знаю, никто никогда не прошел его до конца. Там в море полно острых длинных рифов, которые раскалывают корпус лодки так же легко, как Засс дробит кость вер-крысы. Люди не ходят на север, если только их не уносит туда бурей. А те, кого уносит, никогда не возвращаются.

— Но если пройти вдоль берега достаточно далеко на север, окажешься на широте Жестоких Холмов. Точно, это можно сделать! — заключил инопланетник.

— Это могут сделать только духи, оставившие свои тела! — возразила Симса.

— Ты говоришь, север...

Пробормотав это, мужчина пошел, даже не оглядываясь, следует ли за ним девушка, и она изрядно рассердилась. Он вовлек ее в крупные неприятности, и теперь Симса вынуждена согласиться с глупейшим планом или с его частью. Или остаться в окружении множества врагов в городе, который она всегда считала своим домом, где ощущала себя в безопасности.

Однако, пробурчав несколько горьких горячих слов, самых злых в своем словаре, Симса наклонилась, подобрала Засс, посадила ее на обычное место на плечо и пошла за инопланетником. Два молодых зорсала тут же поднялись в воздух. С такими разведчиками она, по крайней мере, может не опасаться внезапного нападения.

Инопланетник и не думал ждать девушку. Неужели он так уверен, что она пойдет за ним? Симса, казалось, все бы отдала, чтобы развернуться и уйти куда-нибудь еще. На ходу она подумала, чего добьется, если отправится прямо в звездный порт и выдаст своего спутника команде. С экипажем звездного корабля у нее наверняка имеется больше шансов договориться, чем с людьми лорда Арфеллена. Поступить так соответствовало бы мудрости, которую она усвоила за годы жизни в Норах. Так почему же она бредет за инопланетником, почти подчинившись его планам? И, не найдя ответа на этот вопрос, Симса рассердилась на себя, готовая при первой же возможности выплеснуть бурлившие в ней чувства, в которых сама не могла разобраться.

Наконец они оставили позади груды отходов, и девушка с наслаждением глубоко вдохнула чистый морской воздух. В слабом свете медленно занимающегося рассвета она заметила, что звездный человек ускорил шаг. Он шел широкой поступью по прибрежному песку, где его следы немедленно стирали волны. Симса на миг остановилась, скинула сандалии и побежала вслед за ним, с на-

слаждением ощущая, как вода омывает голени, забираясь под узкие брюки.

Впереди показались огни рыбацкой деревушки. Симса гибкими легкими шагами догнала спутника и схватила его за руку.

— Их лодки выходят в море до рассвета, — сказала она. — Если не хочешь, чтобы половина всех жителей узнала о твоем желании купить лодку, подожди хоть немного.

— Чего ждать? — спросил инопланетник. — Если мы хотим получить лодку...

— Не стоит обращаться к старосте, — возразила она, в волнении так сильно затягивая шарф, что чуть не вскрикнула от боли. — Пусть мужчины уплывут. А мы тогда переговорим с хозяйкой старосты. Ее зовут Лустита... если она еще содержит его дом... за ней всегда последнее слово.

— Ты ее знаешь?

— Немного. У нее бывали какие-то дела со старухой. Эта женщина не прочь получить тяжелый кошелек в рукав, да так, чтобы муж не узнал, что такой у нее появился. Постой здесь, а я пойду взгляну... — Симса сделала несколько шагов, но потом с любопытством оглянулась. — Откуда ты знаешь, что я не выдам тебя людям лорда Арфеллена? — спросила она.

— И она еще спрашивает... Нет, я не боюсь твоего предательства, леди Симса. Ведь ты столько раз могла сделать это прошлой ночью, но не воспользовалась ни одной возможностью.

— Ты слишком доверчив! — Ее гнев наконец-то прорвался. Симсе хотелось кричать на него. — Если бы меня схватили вместе с тобой, чем бы я могла оправдаться? Ведь ниже меня нет никого, для лорда Арфеллена я никто, даже по сравнению с подонками из портовых трущоб. Ты не должен доверять ни мне, ни остальным. Вообще никому.

— Подожди... — Инопланетник, словно не замечая ее отчаяния, расстегнул свой плотно облегающий костюм на груди и бросил девушке небольшой мешочек, который она,

не раздумывая, машинально поймала. — Если эта твоя хозяйка старосты захочет денег, выдашь ей немного вперед. Проси у нее лодку, небольшую. Но я должен осмотреть ее, прежде чем мы договоримся. И еще продуктов. Отдай ей часть денег и пообещай больше, когда все будет готово.

Мешочек был тяжелый, хотя и маленький. Не серебро, в этом Симса была точно уверена. Ничего не ответив, она с решительным выражением лица зашагала по песку. Инопланетник абсолютно не обратил внимания на ее предупреждение, и даже наоборот, он отдал ей деньги. Девушка прямо-таки возненавидела его за такое пренебрежение, но теперь ей ничего не оставалось, как только выполнять его безумный план. Она раздобудет ему лодку, если сможет, достанет и все остальное, но на этом — конец. За деревней их пути разойдутся.

Солнце уже поднялось довольно высоко, освещая узкий пролив, едва пригодный для входа в гавань небольших лодок. Симса сидела на корточках среди скал. Засс взлетела на высокий камень, поглядывая попеременно то на инопланетника, то на окружающие скалы, а два молодых зорсала заняли наблюдательные посты подальше. Девушка считала, что теперь к ним невозможно подобраться незаметно ни по суше, ни морем.

С первых же слов Симса убедилась, что Лустита не впервые проворачивает такие сделки. Женщина быстро взглянула на брусок со штампом Гильдии на нем, взвесила его в большой красной руке и сразу спросила:

— За что? — Спросила прямо, словно Симса выторговывала у нее всего лишь связку спа-угрей.

— Прежде всего за лодку, способную плыть по морю, — так же прямо ответила девушка. — А еще... Тот, кто послал меня, скажет остальное.

Глаза женщины сузились, став не больше плода варка, запеченного в пироге. Но потом она кивнула:

— Хорошо. Ступай к двум стоячим камням на берегу. Они похожи на пальцы, поднятые в знаке презрения. Жди там...

Брусок скрылся в широкой ладони. Симса была уверена, что женщина узнала в ней посыльную старухи, но ни голос, ни выражение лица Луститы ничего такого не показали. Девушка слегка успокоилась, уверенная, что правильно оценила эту морячку.

Они отошли в глубь суши, дважды им пришлось ползти по земле, огибая обработанные поля, но беглецы сумели добраться до назначенного места встречи задолго до того, как солнце поднялось высоко. И ждать пришлось недолго. Вскоре появилась Лустита с огромной корзиной в руках, которая весила не меньше небольшого мужчины. Несмотря на тяжесть груза, женщина легко обходила берег узкого залива. Она методично срывала побеги темно-красного растения, которые, высушив, размалывают в порошок, а потом продают в качестве удобрения для тех самых полей, мимо которых они недавно пробирались.

Симса высунулась из-за скалы, чтобы рыбачка увидела ее, потом снова спряталась. Не пропуская ни одного побега, Лустита вскоре добралась до них, хотя Симсе пришлось призвать все свое терпение, дожидаясь приближения женщины.

Лустита хмыкнула, опустила корзину на камень и прислонилась к скале. Инопланетник не стал выходить из укрытия, хотя и стоял лицом к ней. Лицо женщины по-прежнему ничего не выражало.

— Лодка, — наконец промолвила она. И чуть заметно кивнула в сторону Симсы. — Что еще?

— Все, что нужно, чтобы провести лодку вдоль берега. — Инопланетник говорил на торговом языке с заметным акцентом, но Лустита имела достаточно дел в Куксортале, чтобы без труда его понять. — Продовольствие, вода... карты береговой линии...

Рыбачка приподняла редкие брови.

— А почему бы вам не арендовать шлюп Лорда? — ответила она. — Лодку — да. Это можно сделать. В последнее время Франкис слишком много пьет, и его хозяйка

будет рада случаю заработать и преподать ему урок. Сейчас он валяется в башне стражи, залечивая спину, после того как слишком хорошо врезал гильдийскому стражнику, оттуда он не выйдет еще десять десятков дней, а может, и дольше. И продовольствие — да, можно собрать. Немного здесь, немного там. Вопросов никаких не будет. Но вот карты... — Лустита улыбнулась, показав дыры между крупными желтыми зубами, — их у нас нет. Наши мужчины носят морскую науку в головах — и вбивают в сыновей, когда приходит время. Спина в ссадинах помогает парню хорошо запомнить. Если вы отправитесь в море, то только на свою удачу, мы тут не помощники.

— Хорошо. — Симса подозревала, что инопланетник и не ожидал другого ответа.

— Я получила один брусок торгового металла, — продолжила Лустита. — Скажем, еще пять?

— А почему не тысячу? — язвительно возразила Симса. Торговаться ее заставила осторожность. Заплати они по первому требованию, женщина может подумать, что еще выгоднее будет договориться с другими. Хотя вряд ли со стражниками. Мореходов одно объединяет с речными торговцами: они недолюбливают Гильдии. Законы Куксортала рыболовов не касаются, за исключением тех редких случаев, когда, подобно незадачливому Франкису, они непосредственно сталкиваются с городом.

Лустита пожала плечами так, что ее корзина зашаталась.

— Те, кто просит помощи, не должны слишком зажимать кошелек, — заметила она. — Ну хорошо, скажем — четыре. Но меньше не пойдет. Потребуется время, зато лодку получите почти сразу.

— Сколько времени? — спросил человек со звезд.

— День. Может, еще часть ночи. Там, где нужна осторожность, торопиться нельзя. Получите все. А сейчас отдайте мне половину...

Симса неохотно подчинилась кивку инопланетника и достала из кошелька еще два металлических бруска —

кошелек она прятала в рукаве. Лустита не должна увидеть его размер или догадаться о весе.

Хотя внешне рыбачка никак не проявила удивления от того, что вступает в сделку с инопланетником, это равнодушие Луститы ничего не значило. Симса ей не доверяла, хотя со слов Февраг знала, что эта женщина себе на уме и обычно лишнего не болтает. И она ничем не обязана людям Гильдий.

Как Лустита и обещала, вскоре прибыла лодка. Ее привели две голоногие и голорукие девчонки, которые привезли с собой плетеные корзины. Они привязали лодку, выбрались из нее, схватили свои корзины и тут же ушли, ни разу не подняв глаз. Убегая, они плескались водой, по-видимому, довольные, что избавились от скучного задания.

Симса продолжала сидеть за скалой, глядя, как инопланетник тщательно осматривает лодку. Она не предназначалась для ходьбы под парусом, хотя мачта у нее и имелась. Симса решила, что лодка в основном использовалась у берегов, когда спа-угри приходят откладывать яйца, и что в открытом море в бурю она долго не протянет. Но все же осмотр, которому подверг лодку звездный человек, произвел на девушку хорошее впечатление. Было очевидно, он хорошо знаком с такими лодками, на какой бы планете ни добыл подобные знания. Вернувшись наконец к укрытию в скалах, он со вздохом облегчения сел, словно часть тяжести спала с его плеч.

— Крепкая лодка, — заметил он. — У нее мелкая осадка, в такой нетрудно пройти вдоль берега.

— У этого берега такие зубы, каких ты никогда не видел. Острые зубы скал! — немедленно напомнила ему Симса. — Ну и что, даже если ты увидишь свои Жестокие Холмы в глубине пустыни? Никакой пищи и воды для такого пути не хватит, и если ты и доберешься до холмов, то умрешь там.

— Леди Симса, — инопланетник лег на спину, одной рукой заслонив глаза от солнца, которое пробивалось

в расселину, — что говорится в ваших легендах о Жестоких Холмах?

Девушка набрала горсть песка и пропустила его сквозь пальцы.

— То, что всегда рассказывают о неизвестном: там всех ждет смерть. Конечно, ходят слухи и о несметных сокровищах, но никому еще не удавалось их найти. Такую сделку не заключишь.

— Но я видел предметы оттуда — странные и удивительные вещи...

Симса пораженно взглянула на него.

— Где? Только не в Куксортале! — Это она могла утверждать определенно. Слухи о таких вещах проникли бы в нижний город, дошли бы и до Нор.

— Я их видел на другой планете, — спокойно пояснил инопланетник. — Когда звездные корабли нашли ваш мир, возле Куксортала не было посадочной площадки. Корабли прилетали и улетали, а Гильдии и не знали об этом.

Это вполне может быть правдой, решила Симса, потому что планета велика, а им известны только те ее части, куда проникают торговцы.

— Один такой корабль приземлился в самом сердце страны, которую вы называете Жестокими Холмами, и привез такой груз, что даже самый последний член экипажа неслыханно разбогател...

Девушка сидела молча. Неслыханное богатство для звездных людей! Что можно с ним сделать — даже ей, без родичей, без имени, преследуемой по пятам Гильдиями?

— Твой брат искал его? — Неудивительно, что лорд Арфеллен насторожился, если этот рассказ правдив. Ни один лорд Гильдии не упустит возможности неслыханно разбогатеть.

— Да... Но не сами сокровища, а знания, заключенные в них. Вернувшийся корабль сделал и другие находки.

— Если корабль смог сесть там один раз, почему не сделать это снова? — с неожиданной подозрительностью спросила Симса.

— Они произвели там вынужденную посадку и улетели с огромным трудом. Им очень повезло, повторно они бы не рискнули. Но у меня есть вся информация, которой располагал брат: я знаю, где искать. Я вовсе не так глуп, как ты, вероятно, думаешь, леди Симса.

— Но все равно тебе предстоит преодолеть пустыню, а много припасов с собой не унесешь. Твой брат пошел с опытным проводником (другие не соглашались) и не вернулся.

— Все верно. — Инопланетник кивнул, песок застрял в его черных волосах. — Но не в правилах моей семьи оставлять своих. Должен найтись способ победить даже пустыню, леди...

— Почему ты так меня называешь? — неожиданно спросила девушка. — Я не родня лордам. Я Симса...

— Но я уверен, и не обитатель Нор, — ответил он.

Девушка нахмурилась. И прежде чем смогла ответить, послышался плеск воды. Они прижались к земле за скалой, хотя зорсалы не давали тревожного сигнала.

Это вернулись те же девочки, что привели лодку. Петли корзин глубоко врезались в их худые плечи, и под их тяжестью они сгибались, как старухи. И вновь, не поднимая глаз, не глядя на скалу, за которой прятались Симса и ее спутник, девочки поставили корзины, переложили груз и снова ушли.

В течение всего дня приходили и другие, всегда с корзинами, большими и маленькими. Последней, уже в сумерках, в лодке на веслах прибыла сама Лустита. Она привезла шесть кувшинов высотой с Симсу, но пустых. Рыбачка посоветовала им наполнить эти кувшины пресной водой из источника чуть дальше к северу. Приняв последние два бруска, перед уходом она неожиданно предупредила их:

— В городе тревога, стражники вышли из него. — Женщина громко сплюнула в набежавшую волну. — Но из северных ворот еще не выходили. А шум такой, как от большой щуки, попавшейся на крючок. Я такого с детства не видела.

Когда женщина ушла, Торн взглянул на Симсу:

— Я полагаю, нас хватились.

— Тебя хватились! — резко поправила она.

— Я думаю...

Но инопланетнику так и не удалось сказать, что он думает, потому что оба зорсала вдруг взлетели и резко спустились вниз. Симсе не нужно было слышать их крики в сгущающихся сумерках, чтобы знать, что они увидели не просто людей на берегу. Звездный человек схватил ее за руку. Девушка едва успела подхватить Засс, как он втолкнул ее в лодку, почти бросил, и шепотом велел оставаться на месте.

Потом инопланетник поднял длинный шест и изо всех сил оттолкнулся от камней. Плечи его напрягались в усилии, когда он выводил лодку подальше от узкого залива. Они уже вышли в открытое море, когда Симса заметила на верхушках утесов огни и поняла, что охота не прекратилась: каким-то образом их выследили.

Симсе не понравилось в море. Ее пугала качка, но девушка не хотела, чтобы спутник догадался о ее страхе. Когда они снова причалили к берегу, она без просьб помогла ему наполнить кувшины, перенести и осторожно установить их в лодке. Остальной груз инопланетник еще днем уложил в лодку, особо обратив внимание Симсы на то, что Лустита дала им удочки и небольшую сеть.

Зорсалы сидели на обшивке посреди палубы, где их слегка защищало от ветра и брызг. Инопланетник установил небольшую мачту и привязал треугольный парус, который сразу поймал ночной ветер. Потом он взял руль и повернул суденышко на север, а Симса скорчилась в укрытии. Как ей хотелось оказаться в Норах, пусть голодной и оборванной, но в безопасности и с прочной землей под ногами!

Она ведь не собиралась заходить так далеко, намереваясь пожелать инопланетнику удачи, а самой спрятаться, может, в рыбацкой деревушке, хотя это могло стоить всех ее денег. Но события разворачивались так

стремительно и неожиданно, что у нее просто не оставалось выбора.

Лодка продолжала идти вдоль берега, тошнота мучила Симсу и заставляла презирать свое тело, и она твердо решила, что уж в пустыню точно не пойдет! Пусть этот слабоумный бежит туда и испечется до смерти в своих Холмах, она останется с лодкой и сумеет выбраться назад. Девушка начала обдумывать этот план. Она выдаст себя за выжившую после кораблекрушения, размышляла Симса — хотя моря она не знает и опытного моряка не обманет. И все же она поступит именно так... путница из-за моря... кораблекрушение...

У нее еще много времени, может, несколько дней, чтобы продумать свою легенду. И Симса сумеет ее хорошенько продумать. Ведь только зорсалы могут выдать ее подлинную личность. А они с радостью вернутся к свободной жизни в дикой местности, предоставив ей играть избранную роль. Обхватив руками колени, девушка опустила подбородок на руки и размышляла о будущем, пытаясь перебороть неприятное ощущение в желудке.

Глава 6

Солнце яростно жгло землю. Стараясь хоть как-то защититься от его лучей, Симса вся обмазалась жиром фресалового супа, который они ели в пути. Девушка еле заставила себя забраться вслед за инопланетником на раскаленную скалу, пышущую жаром, как кухонная плита, и уже сверху Симса окончательно убедилась, что осуществление планов, которые этот Торн строил во время их ужасного морского путешествия, невозможно. Пусть он отправляется в эту белую знойную печь и зажарится там до углей, а она снова доверится морю, как это ни страшно. Однако одна лишь мысль о кошмаре, который девушка испытала за эти два дня, когда их как листик швыряло по волнам — спутник упорно называл это «свежим ветром», — заставила ее обхватить пустой живот ру-

ками, изъеденными соленой водой и в полосках крови, сочившейся из многочисленных трещинок и лопнувших волдырей: хоть она и была абсолютно неопытна в морском деле, ей пришлось всю свою силу использовать в борьбе с ветром и волнами.

Перед ними расстилалась поистине проклятая земля — такую, наверное, можно было бы изобразить в качестве маршрута для устрашения любого путника и заставить его дрогнуть. Блестящая поверхность белых полос песка обжигала глаза. Там, где песок смело ветром, проступал камень, изношенный, изрезанный перегоняемыми ветром песчинками в течение бесчисленной череды сезонов, которые человек просто не может сосчитать: эти камни тянулись длинными рифами, такие же острые, как и те, что они видели в море. Жизнь здесь невозможна...

Однако инопланетник не стал тратить время на бесцельное разглядывание смертоносной земли, которая начиналась сразу от подножия их утеса. Вместо этого он уверенно достал из одного из карманов на поясе какой-то сложенный прибор, раскрыл его и настроил. И с его помощью стал изучать страну, затянутую мерцающей дымкой. Тут и там, словно по приказу невидимого врага, в воздух поднимались и начинали кружиться и танцевать столбы песка. Симса прикрыла глаза руками. В щелки между пальцами она увидела лишь туманную линию на горизонте. Может быть, Жестокие Холмы. Но ей теперь было все равно.

Девушка решительно повернулась спиной к этой опасной земле и начала спускаться с их наблюдательного пункта, но тут ее остановило восклицание спутника. Взглянув вверх, она увидела, что тот направил свои стекла не к какой-то отдаленной цели, а вниз, прямо на пустыню.

— Это дорога...

— Какая дорога? — Даже от двух слов потрескавшиеся губы заболели.

— Наша дорога! — Инопланетник сложил стекла и спрятал их в карман.

Симса слишком устала, чтобы спорить с безумцем. Если он считает, что нашел дорогу, пусть идет по ней и поскорее исчезнет. Она слишком долго была пленницей его планов и теперь должна освободиться, прежде чем утратит остатки энергии и сил. Поэтому девушка ни о чем не спросила, только повернулась и начала спускаться по утесу к маленькому заливу, где на слабых волнах покачивалась их лодка со следами тяжкого пути. Волнам приходилось пробираться через тесный пролив, почти такой же узкий и скрытный, как тот, который избрала Лустита для начала их злополучного пути.

Спускаясь на узкую полоску жесткой гальки (по эту сторону утеса песка не было), Симса старательно отводила взгляд от того, что встретило ее, едва лишь она неуклюже спрыгнула с лодки на берег, — от свидетельства того, что может сделать этот ужасный берег. Зато инопланетник, увидев столь напугавшие девушку останки, не проявил ни малейшего страха. Два сморщенных иссохших тела, вернее, то, что от них осталось, лежали, застряв между скал. А может, они сами из последних сил приползли сюда, чтобы найти здесь могилу? За почерневшую сморщенную плоть еще цеплялось несколько бесцветных тряпок. Симса была рада, что мертвецы лежали так, что не было видно, что сделала смерть с их лицами; тут нет ни птиц, ни крабов, ни других стервятников, которые очистили бы кости. Тела просто почернели на солнце и теперь скорее походили на демонов, чем на живших когда-то людей.

Но Торн и на этот раз прошел мимо, даже не бросив на них взгляд. Оскальзываясь на булыжниках, он пробирался вдоль берега дальше на север. И только когда инопланетник начал подниматься на скалы, прикрывавшие другой конец их маленького залива, Симса заставила себя встать и пойти за ним. Она не могла оставаться на месте — рядом с этими почерневшими телами, присутствие которых девушка постоянно ощущала, смотрела ли она в их направлении или нет.

Ноги Симсы предательски скользили в самодельных обмотках, которые она смастерила из запасного паруса, найденного в лодке, намотав и перевязав, как могла, ткань, чтобы защитить свою обувь и кожу. Девушка шагала очень осторожно: падать ей совсем не хотелось. Какая же она дура! Ведь гораздо лучше было бы просто заползти в лодку, откуда время от времени слышались жалобы зорсалов, для которых Симса опустошила корзину и устроила нечто вроде гнезда; больше она ничего не могла сделать, чтобы уберечь животных от жары.

Карабкаясь по камням, она все-таки упала и содрала кожу на руке. И больше не смогла сдерживаться, как ни старалась. С трудом заставив себя опустить руку в жгучую воду, она всхлипывала, как зорсалы, позволив себе хоть так выразить эмоции. Инопланетник теперь ушел далеко вперед, он не услышит: Симса с самого начала решила, что он никогда не услышит от нее жалоб.

За скалами, на которых она поскользнулась, открылся еще один залив, береговая полоса там была гораздо шире — в форме треугольника, вершина которого уходила в глубь суши между стенами утесов. Торн как раз направлялся к тому месту, и, пока девушка занималась пораненной рукой, исчез совершенно. Там, должно быть, нашелся какой-то проход или пещера...

Мысль о пещере, о том, что можно найти защиту от солнца, вернула девушке силы. И она заковыляла по песку, где хорошо видны были следы Торна.

Но там оказалась не пещера, как ей хотелось, а всего лишь щель, ведущая вверх, узкий разрыв пустынного дна: возможно, когда-то здесь было русло реки. Если в этой трижды проклятой земле вообще может быть вода.

Под ногами заскрежетали те же песок и гравий, а стены утесов по обе стороны круто уходили вверх. «Не за что ухватиться, — подумала Симса, — наверх здесь не подняться». А из самой трещины шел такой жар, как будто та привлекала к себе все тепло солнца, накапливала и удерживала его.

Даже Торн, по-видимому, решил, что это слишком, потому что уже возвращался, углубившись вперед на совсем небольшое расстояние. Однако, к удивлению девушки, он улыбался и шел упругой энергичной походкой, словно обнаружил источник, окруженный зеленью. Симса даже подумала, не сошел ли на самом деле инопланетник с ума от этой жары. Она слышала рассказы о пустынном безумии, о том, как воображаемые картины уводили путников в страну смерти.

— У нас есть дорога! — радостно объявил он девушке.

— Здесь?

Он точно спятил. Симса боком попятилась от Торна, не отрывая от него взгляда, опасаясь мгновенного свирепого нападения.

— Здесь! — к ее усиливающемуся ужасу, согласился он. Но потом, должно быть, разглядел выражение лица девушки, потому что быстро добавил: — Не днем, нет. Ночью. Тогда все будет по-другому. Я знаю, как идти. В таких местах ночью прохладно. Морской ветер несет с собой влагу, она конденсируется на скалах. Мы сможем пройти, возьмем с собой воду и пищу, вот увидишь. Я проделывал это на других планетах.

Симса закрыла рот. Нет смысла спорить. Если Торн скажет, что у них вырастут крылья и они полетят в глубь суши, она должна с ним согласиться. Он верит, что говорит правду, и девушка не хотела с ним спорить. Достаточно, что сейчас он согласен вернуться к лодке и укрыться в тени, какую они там смогут найти. Впрочем, инопланетник не упал почти без чувств, как она — последние испытания отняли у девушки выносливость и силу, накопленные за годы жизни в Норах.

Остальную часть дня она либо проспала, либо лежала без сознания. Впоследствии Симса не могла сказать, что именно с ней было. Время от времени ей казалось, что она видит, как Торн отрывает доски от лодки и с помощью смоченных в морской воде веревок связывает их. А потом укладывает на солнце, чтобы узлы просохли и затвердели.

Несколько раз девушка приходила в себя настолько, что хотела возмутиться: зачем это инопланетник ломает лодку, на которой она собиралась вернуться. Однако, не успев набраться сил для этого, она снова погружалась в дымку страданий.

Но вот наконец день подошел к концу. Солнце спустилось по безоблачному небу, широкая разноцветная полоса легла на волны, в последний раз обжигая глаза девушки. Симса заставила себя встать, чтобы дать воды зорсалам, чьи жалобные крики стали совсем слабыми и хриплыми. Беспокойство о животных и привело ее в себя.

Зорсалы лежали мохнатой грудой, раскрыв рты, антенны их обвисли, глаза были закрыты, дышали они с трудом. Симса, не обращая внимания на инопланетника, который продолжал работать на берегу, сняла тугую крышку с одного их кувшинов с водой (из которых остались только два полных), дрожащими руками поднесла мисочку и налила драгоценную жидкость, чуть ли не отсчитывая капли. Сама она ужасно хотела пить. Так хотелось лечь и позволить прохладной жидкости смочить обожженную солнцем кожу...

Осторожно держа мисочку в руке, она подползла к корзине-гнезду. Сначала Засс. Девушка прижала зорсала к груди. Стараясь не пролить воду, она поднесла мисочку к раскрытому рту Засс и начала капать тепловатую жидкость. Симса не была уверена, но ей казалось, что тело у Засс слишком горячее, словно нагрелось не только от солнца, но и от какого-то внутреннего жара. Вначале капли пробежали по краям этого клювообразного рта. Но вот Засс сделала конвульсивное усилие и глотнула.

Совсем немного, но зорсал тут же обрел голос и стал жаловаться. Симса положила Засс на место и по очереди напоила остальных. Содержимое мисочки она разделила между ними поровну, как могла. Младшие пришли в себя быстрее, вцепились когтями в края корзины и нача-

ли раскачиваться; один даже испустил крик, приветствуя сумерки и охотничье время.

Тогда девушка снова взяла Засс, поддерживая рукой ее голову. Глаза животного были открыты, и Симсе показалось, что она читает в них понимание. Она собиралась выпустить зорсалов, но здесь нельзя этого делать. В этой голой, выжженной солнцем стране они не выживут.

Нет, она должна будет взять их с собой, когда пойдет... Пойдет? Впервые Симса осмотрелась. И то, что девушка увидела, вызвало у нее такой приступ страха, что она, несмотря на жару, вся задрожала.

Безумный инопланетник! Пока она лежала без сил, он совершил непоправимое!

Он не только разобрал всю палубу лодки, но и снял парус и изрезал его на полосы. И что же получилось? На песке лежало нечто, напоминающее маленькую лодку, но с плоским днищем, — чудовищная мешанина связанных полосками паруса досок. И на них, пока она лежала, он перенес все остатки их продовольствия, а теперь шел и за кувшинами с водой. Губы Симсы разрывались, но она все-таки сдержала крик. Он не оставил ей пути спасения.

Теперь она может остаться на месте, умереть и высохнуть, как эти почерневшие останки на скалах. Или принять участие в его безумии. Когти ее выступили наружу, она зарычала, ей хотелось разорвать его гладкую кожу, превратить в окровавленные обрывки тело. Прижавшись спиной к кувшинам, она смотрела на него, готовая к схватке. Лучше умереть быстро, чем испечься в этой раскаленной пустыне.

Торн остановился. Ну, по крайней мере, он хоть немного опасается ее. Симса ощутила некоторую уверенность в своих силах. У него на поясе висит инопланетный нож: закон порта не позволяет инопланетникам иметь другое оружие. Пусть испробует его против ее когтей — и против зорсалов: теперь животные достаточно пришли в себя, чтобы подчиниться ее приказам. Она медленно

опустила Засс на палубу и услышала гортанный боевой клич в ответ на свои эмоции, которые, как всегда, ощутило животное. Остальные двое подняли крылья, приподнялись, готовые лететь, напасть...

— Это наша единственная возможность, — спокойно сказал Торн, будто они обсуждали какую-то торговую сделку.

Она согнула пальцы, и Засс закричала. Симса попыталась было использовать свой обычный прыжок, но ослабевшее тело подвело ее. Ей пришлось ухватиться рукой, чтобы не упасть лицом вниз, на палубу.

— Ты это сделал... — Девушка чуть приподняла голову. — Убей меня, у тебя есть средство... — Она кивком указала на нож, который он так и не извлек. — Я никогда не просила, никогда не хотела...

Инопланетник и не пытался приблизиться к ней. Симса слегка щелкнула языком, и зорсалы снова сели. Убить его, с отчаянием думала она, и у нее ничего не останется, никакой надежды. Да и есть ли сейчас надежда? Наверное. Пока живешь, надеешься, хотя иногда это и кажется невозможным.

Даже не пытаясь встать, девушка на четвереньках отползла от кувшинов с водой и позволила Торну взять их. Правда, вначале инопланетник направился к ней, но она отмахнулась. Нет, пока может, Симса будет двигаться сама. Ну а когда не сможет, тогда наступит конец. Она никакого облегчения не попросит у этого безумца.

В последних лучах солнца Симса сжевала предложенную ей пищу. Вечерние полосы на море исчезли. Девушка медленно выпила свою долю воды, да и то часть отдала Засс. Когда Торн вернулся к изготовленному им предмету — санкам, Симса раскрыла свой короткий плащ, предоставив место зорсалу. Остальные двое уже перелетели к ожидающим санкам и сидели на корзинах.

Симса последовала за ними. Теперь с моря дул ветер — прохладный. А ведь совсем недавно девушке казалось, что она больше никогда не ощутит прохладу. Что-

то в ней перевернулось, мысли прояснились, хотя гнев не утих. Она даже почувствовала прилив энергии.

Неужели инопланетник собирается тащить эту штуку? Или упряжь предназначена для них обоих и они потянут оба, пока не упадут от жары и истощения?

Если это так, то она ему не уступит, будет идти, пока сможет, пока он тащит их к невозможному. И вот, остановившись рядом с ним, Симса поискала глазами веревки. Но увидела только одну. Тонкую. Такая никак не выдержит тяжести санок.

Однако Торн не стал просить ее о помощи, но повернулся лицом к санкам и коснулся своего пояса. И тут, к изумлению Симсы, у нее на глазах произошло нечто совершенно невозможное: санки вздрогнули, поднялись с гравия и повисли в воздухе на высоте ее колен. И, взявшись за веревку, Торн пошел вдоль узкого берега, а санки поплыли за ним, как огромный бескрылый зорсал, послушный его воле, как ей повиновались животные.

Симса долго смотрела, не веря собственным глазам. Потом заторопилась, пока инопланетник не исчез совсем из виду. Девушка не могла угадать, какие новые чудеса привлечет он на службу, но теперь поверила в странные рассказы о звездных людях и о том, что они могут делать. Хотя, насколько она знала, здесь они никогда ничего подобного не демонстрировали.

Симса даже забыла о своем гневе. Ей хотелось узнать, что же это такое. Она скользила, чуть не падая, забыв о своей усталости, и наконец поравнялась с Торном, который размеренно шагал вперед, ведя за собой свою летающую платформу.

— Что это ты такое сделал? — задыхаясь, спросила она. — Почему санки висят в воздухе?

Девушка услышала, как он усмехнулся, а потом инопланетник повернул к ней улыбающееся лицо.

— Если расскажешь в порту, что видела, меня отошлют на мою родную планету и навсегда запретят выходить в космос, — весело заявил он. Надо же, он улыбает-

ся, рассказывая о поступке, который, по его собственным законам, является преступлением. — Я просто решил нашу проблему самым обычным способом, используемым на других планетах. На планетах, более развитых, чем ваша. А в соответствии с нашими законами это серьезное преступление. Вот здесь я поместил небольшой механизм... — Торн указал пальцем через плечо, не поворачивая головы, — который уничтожает тяготение...

— Уничтожает тяготение, — тихо повторила Симса, стараясь произносить незнакомые слова, как он. — Не знаю... Кое-кто верит в призраков и демонов, но Фервар говорила, что те, кто в них верит, создают их из собственного страха. Если захочешь, можешь поверить в любой дурной сон. Но это не призрак и не демон.

— Конечно. — Они уже вошли в проход между скалами. Морской ветер дул им в спину и облегчал путь. Днем она ни за что не подумала бы, что это возможно. Торн на мгновение остановился. Еще не совсем стемнело, и Симса увидела, на что он показывает. — Вот это что.

«Это» оказалось черным ящичком, который можно накрыть ладонью. Ящичек лежал точно в середине саней, и теперь Симса видела, что груз разложен равномерно по всей длине, и только место в самом центре оставалось незанятым. Именно в этом месте и находился ящичек.

— Ты бросаешь камень в воздух, и он падает, — разъяснял тем временем Торн. — Его притягивает земля. Но если это притяжение разорвать, твой камень поплывет. На моей планете мы надеваем пояса с таким устройством и можем летать. Без труда можем передвигать тяжелые предметы. К несчастью, мне не удалось пронести мимо стражи больший уничтожитель тяготения. Возможности же этого ограничены: видишь, как близко к поверхности летит груз. У него и запас энергии невелик. Но он заряжается от солнца, и я уверен, солнце поможет нам использовать его сколько нужно.

Симса легко понимала его слова, но в них содержался смысл, столь далекий от ее опыта, что речь мужчины

показалась ей такой же безумной, как и все это путешествие. Подобными рассказами речные торговцы отпугивают доверчивых людей, чтобы они не конкурировали с ними в торговле. Это хорошо известно. Тут девушка подумала о том, что с помощью такой штуки у пояса можно было бы делить небо с зорсалами. Как, наверное, здорово пользоваться таким приспособлением!

— Гильдия воров много бы отдала за такое! — высказала она свою мысль. — Нет! — Симса даже вздрогнула — и не от прохладного ветра. — Нет, за это просто убьют! Из-за этого за тобой охотится лорд Арфеллен?

Она понимала, что даже высокородный лорд заинтересуется такой вещью.

— Нет, — ответил Торн. — Я ведь уже говорил: он хотел — и по-прежнему хочет — получить то, что мы собираемся отыскать.

Для Симсы же главным было, что это инопланетное изобретение дало им возможность осуществить их план. Но все равно путь оказался очень и очень нелегок. Местами щель в скалах, по которой они шли, была завалена камнями, и Торну приходилось осторожно проводить сани между ними, потому что не хватало энергии поднять их выше. Приободрившись от того, что у них в помощь есть такое чудо, Симса старалась помочь, выравнивая, подталкивая или поворачивая сани, чтобы они не застряли.

Торн не торопился. Он часто останавливался для отдыха — скорее, как догадывалась Симса, ради нее, чем ради себя, хотя она и не хотела в этом признаваться даже себе. С наступлением темноты ожили зорсалы, молодые время от времени взлетали. К тому же выяснилось, что в пустыне все-таки есть обитатели, потому что один из зорсалов внезапно резко вскрикнул в воздухе и камнем упал вниз на кого-то в скалах, да и его брат вскоре поступил так же.

Симса свистом позвала их. Инопланетник нажал еще одну кнопку на своем чудесном поясе, и в ответ бледный луч осветил дорогу впереди. В эту полосу света с побед-

ным охотничьим криком влетел младший зорсал, в когтях его висело существо, которое состояло главным образом из бронированного хвоста. Симса посадила Засс на край качающихся саней, и сын предложил матери свежепойманную добычу, которую та охотно начала поедать, с хрустом разгрызая кости или чешую.

Во время одной из остановок Торн показал девушке, как конденсируется на камнях влага, приносимая прохладным морским ветром, который по-прежнему дул в ущелье, словно его притягивала пустыня. Симса прижала израненную ладонь к влажной поверхности и подумала, нельзя ли добавить эти драгоценные капли к их запасу воды. Они попили — очень немного из одного кувшина — и поели сушеного мяса и рыбы, смешанных и приготовленных в виде лепешек. Жир в этих лепешках был довольно прогорклый, но рыбаки неделями живут в море на такой еде, и тут тоже не место для привередливых.

Симса понятия не имела, далеко ли они зашли, хотя ноги ее онемели — там, где не болели, — а ткань, которой она их так старательно обернула, разорвалась в клочья. Девушка напряженно всматривалась в препятствия, следя, чтобы сани не перевернулись. Может, завтра инопланетник с помощью нового чуда облегчит их дальнейший путь. Симса заметила, что, когда небо посветлело, он остановился и сказал:

— Днем мы не можем идти. Посмотри вперед. Видишь осыпь меж скал? Их, — он положил руку на сани, и они чуть качнулись, — мы установим сверху, и у нас будет защита от солнца. Но мы должны спрятать кувшины с водой и еду до восхода солнца.

Симса помогала ему, прижимая кувшины небольшими камнями, чтобы они не опрокинулись. Засс вначале сидела на санях, которые, когда груз с них сняли, сразу подскочили вверх. Симса тревожно вскрикнула, и Торн потащил их вниз, прижал, а потом снял ящичек и осторожно поставил рядом с кувшинами, но не в тени, а на плоском камне, где он будет открыт солнечным лучам.

Потом он коснулся плеча девушки, чуть подтолкнув к импровизированному убежищу.

— Я схожу туда. — Он указал на ближайший утес. — Хочу осмотреться, прежде чем станет слишком жарко, и поглядеть, далеко ли до гор.

Она охотно предоставила ему возможность подниматься, сама не желая тратить на это силы. Прислонившись спиной к камню, Симса занялась своими ногами. Как глупо, что она не прихватила лечебные травы Феррвар. Теперь они бы ей очень даже пригодились. И жира совсем не осталось. Но сандалии под тряпкой уцелели, и пока ей не грозила перспектива идти босиком.

Девушка щелканьем подозвала зорсалов, выбрала плоский камень, сняла ткань с головы и соорудила из нее гнездо. Зорсалы улеглись с негромкими возгласами: теперь они чувствовали себя гораздо лучше, чем на берегу, хотя предстояло еще выдержать жаркий день. Самой девушке сильно хотелось есть и пить, но она решила подождать возвращения Торна. Ее поражала энергия звездного человека. К тому же и накануне он проработал весь жаркий день, мастеря сани. Насколько она знает, он совсем не отдыхал. Потом всю ночь шагал своей легкой походкой, а теперь еще поднялся на вершину утеса.

Из чего только сделаны эти инопланетники? Из того же прочного материала, что и их звездные корабли? Симсе казалось, что даже всадники пустыни из прошлого ее планеты не справились бы с таким походом лучше.

Послышался стук падающих камней, потом, хорошо заметный в свете начинающегося дня, рядом легко приземлился Торн, спрыгнув откуда-то сверху. Он оказался всего в нескольких футах от девушки и сразу же подошел к ней. Она протянула ему миску с водой. Лицо его было покрыто грязью, и в пыли пот проложил дорожки.

Инопланетник медленно выпил воду, хотя Симса была уверена, что ему хотелось делать большие глотки. Но он для этого слишком благоразумен. Подождав, пока он проглотит последнюю каплю, Симса спросила:

— Далеко?

— Не знаю... — По крайней мере, он ей не лжет, и Симса почувствовала гордость за него. — Трудно оценивать расстояния. Я бы сказал: еще одна ночь пути, и мы будем близко или на месте.

Торн упрямо сжевал только половину лепешки, которую девушка дала ему, и потом, ни слова не говоря, лег так, чтобы не стеснить ее и в то же время лежать под крышей. И мгновенно уснул, словно мог это делать по своей воле.

Глава 7

Симса с трудом дышала. Солнце, заливавшее жаром ущелье, превратило их убежище в котел, поставленный на огонь. Она сняла плащ, приспустила пропотевшую рубашку. Слишком жарко, чтобы двигаться, думать. Девушка вновь погрузилась в полубессознательное состояние. Дважды она вставала, чтобы позаботиться о зорсалах, когда ей казалось, что она слышит их крики. Если поверх расщелины, в которой они лежали, и дул ветер, поднимая столбы песка, к ним он не проникал.

Из-под распухших век она смотрела на инопланетника. Верхняя часть его плотно облегающего костюма была расстегнута; должно быть, он расстегнул его так, что она не заметила. Он лежал на спине, и Симса видела, как поднимается и опускается его грудь. Как будто спит?.. Видимо, он настолько устал, что даже жара не может его разбудить.

Время тянулось медленно. Девушке казалось, что она лежит здесь вечно, что конца ее страданиям не будет. Пить она не решалась, решив сохранить то, что осталось в початом кувшине, из которого напоила зорсалов.

Должно быть, она все же уснула, потому что большую часть дня заполняли смутные сновидения. Однажды ей показалось, что она лежит и смотрит на Фервар: старуха, закутанная во множество слоев одежды, прошла ми-

мо плоского камня, на котором инопланетник установил свой волшебный подъемный прибор. Фервар была моложе, чем девушка ее помнила, спина у нее не была согнута, и она не опиралась на посох. Старуха прошла мимо убежища энергичной походкой, как будто шла по какому-то важному делу.

Симса хотела окликнуть ее, но не смогла. Однако оборванная фигура вдруг, словно ее позвали, остановилась у камня с прибором Торна. Из-под густых тяжелых бровей Фервар посмотрела прямо на девушку. Потом медленно подняла посох, на который, по существу, не опиралась, провела им над инопланетным прибором и концом указала на разрез в скалах. Губы ее произнесли какое-то слово, которое Симса не расслышала. Мельком оглядев их жалкий лагерь, старуха повернулась и пошла дальше.

Конечно, это был сон или галлюцинация, вызванная жарой и местом, в котором они лежали. Но Симса все же приподнялась, как будто могла посмотреть вслед старухе.

Симса решила, что у старухи мог быть только один повод появиться здесь. Девушка так страдала физически, что больше не испытывала страха. Фервар мертва, и теперь поведет их, пока они не присоединятся к ней. И Симса обнаружила, что ей все равно. Она снова легла, подложив руки под щеку. Что-то прохладное коснулось ее горячей кожи, словно драгоценная капля воды упала из фонтана...

С бесконечной медлительностью — быстрее она просто не могла двигаться — девушка подняла руку и взглянула на кольцо. Еще вчера оно стало слишком велико для ее похудевшего пальца, но она не стала его снимать. Напротив, намотала на палец обрывки ткани, которой обматывала ноги, и вновь плотно надела кольцо. Она смотрела на непрозрачный туманный блестящий камень, образующий крышу крепости, словно действительно видела воду.

Волшебство? Это — волшебство? Существуют лекарственные растения, они лечат тело, Фервар их хорошо

знала и обучила Симсу — хоть и немного, потому что старуха ревниво относилась к своим знаниям и не делилась ими легко. Существуют чудеса, которые, по-видимому, умеет использовать инопланетник. Но все это создано людьми, их знаниями и усилиями, все это реальные предметы, которые можно потрогать.

Однако существуют и рассказы о странных силах, хотя никто из знакомых Симсе людей сам не видел, как они действуют. Всегда видел кто-то другой, в другом месте, в другое время, и девушка всегда воспринимала такие рассказы как выдумки. Знания можно получить, утратить, получить вновь. Люди, жившие раньше, могли быть мудрее своих потомков, если что-то прервало поток мудрости, идущий от одного поколения к другому.

Кольцо и другие украшения, которые у нее спрятаны, — лучшей работы, чем те, что она видела в верхнем городе, когда решалась взглянуть на богатства, до которых не надеялась и дотронуться. Тем не менее это вовсе не значит, что они волшебные — просто древние, результат работы рук, давно ставших костями или пылью.

Но вот она лежит, смотрит в бассейн этого сине-серого камня...

Вокруг нее поднялись стены. Солнце пропало, хотя по-прежнему было очень жарко: вокруг сверкал огонь, протягивая к ней обжигающие языки. Она слышала крики, дикие вопли и другие звуки, каких никогда не слыхала раньше. А у ее ног плескался бассейн, обрамленный парапетом из блестящих блоков сине-зеленого камня. Она качалась на самом краю, боясь спрыгнуть и в то же время боясь остаться на месте перед лицом ярости, которая неумолимо приближалась к ней.

Темное небо над головой осветилось вспышками пламени. Симса видела, как пламя начало лизать башню и башня обрушилась. Девушка закричала и прыгнула в ожидавшую воду. Но вода оказалась горячая, она прямо-таки обжигала. Это смерть, но она еще не сомкнула свои челюсти, скорее играла с нею, пользуясь пыт-

кой, как зорсал когтями, когда зверь, сытый, играет со свежепойманной добычей. Весь мир был охвачен огнем, и Симса в самой середине этого пламени...

— ...Проснись... проснись!

Кипящая вода окатывала ее тело. Симса пыталась сопротивляться, но вода побеждала ее, отнимала последние силы. И продолжала играть с нею.

— Проснись!

Симса увидела над собой лицо — большое, круглое, как луна, две темные ямы на месте глаз, рот, который пришел выхватить ее из воды. Но этот рот не защита для нее — только иной вид пытки...

— Проснись!

Большое лицо отдалилось, стало смутно знакомым. Симса заморгала, от воды все расплывалось перед глазами. Она...

Это не сон. Никакого огня. Инопланетник тряс ее за плечи. Она смотрела на него какое-то время, потом высвободилась.

— Тебе, должно быть, снился сон из снов — с темной стороны, — заметил Торн, садясь на корточки. — Выпей... — Он протянул ей миску с водой, из которой она поила зорсалов. — Возьми, — повторил он, когда она не подняла руки.

Симса по-прежнему лежала в расселине, со всех сторон накатывалась жара. Но что-то странное случилось с ее зрением — словно одна картина накладывается на другую: временами она ясно видела проход, но потом его закрывала падающая башня и бассейн, в который ее загнал страх, и рядом смерть — смерть за ней и вокруг нее.

— Пей! — Торн придвинулся и руками крепко взял девушку за плечи, чтобы у нее появилась опора против тошнотворных видений, наложенных одно на другое. Потом он прижал край миски к ее сухим губам, и легкая боль скорее, чем его голос, уничтожила последние видения.

Девушка не стала возражать, заметив, что миска почти полна. Вода была теплая и чуть горьковатая, но она жадно выпила ее, позволив мужчине до конца держать миску.

Он снова прислонил ее спиной к корзине: оттуда доносились слабые крики зорсалов. Животные тоже нуждаются в заботе, но голова у девушки стала такая легкая, она так странно себя чувствовала, что не решилась пошевелиться. Пока нет.

Не понимая, что инопланетник делает, девушка смотрела, как он взял небольшую бутылочку — она стояла у камня возле его колена — и вылил из нее три капли в тщательно отмеренную порцию воды. Потом он закрыл бутылочку, спрятал ее в карман пояса, поднял миску, словно на встрече друзей в гостинице, сделал жест в ее сторону и медленно выпил долю, которую разрешил себе. Через край миски Торн продолжал внимательно наблюдать за нею, девушка даже поерзала под этим пристальным взглядом.

— У меня был дурной сон, — проговорила она, словно оправдываясь. — И вот это его часть... каким-то образом... — Симса подняла руку и поставила крепость на кольце вертикально. — Огонь в небе и падающая башня — и я прыгнула в бассейн, а вода в нем кипела...

— Леди Симса, — Торн по-прежнему обращался к ней в вежливой форме, и это ее раздражало, но девушка не собиралась протестовать против этой формы насмешки, — слышала ли ты когда-нибудь о странных способностях людей? Встречала ли ты людей, которые могут взять в руки предмет и рассказать о прошлом, из которого он пришел?

Почему-то теперь она чувствовала себя заметно сильнее, более живой, чем за все прошлые дни. Распрямилась, оттолкнувшись от корзины, повернулась, чтобы заняться зорсалами. О чем он говорит? Разве можно верить в такое? Нет, он не проверяет ее какой-то новой глупостью. Возможно, на других планетах то, о чем он говорит, существует.

— Нет, — коротко ответила она. Ей совсем не понравился этот разговор о странном. Всю жизнь она ощущала свое отличие — в цвете кожи, в характере — от всех прочих в Норах, вообще от всех в Куксортале. И всегда она изо всех сил старалась скрыть это отличие. Поэтому Симсе такой разговор показался опаснее, чем любое зеркальное отражение ее самой.

— Но такое бывает. Среди моего народа находят людей, обладающих таким даром, учат использовать его...

— У меня никакого «дара» нет! — Такой дар стал бы только еще одним отличием от остальных. — Если ты с этим покончил, — девушка кивнула на миску, — теперь следует поскорее напоить зорсалов.

А вдруг, с неожиданным страхом подумала она, он сочтет животных лишними, обузой, посчитает, что воду лучше использовать только им самим?

Торн, однако, не возражал. Симса даже заметила, что он налил зверькам воды больше, чем самому себе. Одного за другим она извлекла обмякших животных из корзины, напоила их и осторожно положила, подобрав лапки и расправив крылья, на крышку корзины.

При этом девушка с удивлением заметила, что силы ее растут. Несмотря на жару, она теперь двигалась быстро, чего была не в силах делать с самого берега. Утес создавал тень, и инопланетник с крайней осторожностью установил ящичек в центре саней, которые тут же подпрыгнули в воздух и поплыли на уровне плеча. Торн подтащил их ниже и придерживал, а Симса передавала ему корзины и остальное имущество, которое он тщательно расставлял на места, хотя девушка и не понимала причин такой осторожности.

Пока они ели, зорсалы начали размахивать крыльями, поднимать головы, издавать негромкие возгласы. Когда Торн все увязал, Симса посадила Засс себе на плечо, готовая к пути. И они вновь начали движение по бесконечному ущелью, стены и дно которого ничем не отличались от того, что они миновали предыдущей ночью.

Начало пути совпало с наступлением сумерек. Торн снова шел впереди, а Симса, покачиваясь, — за ним, следя за санками, чтобы те не наткнулись на препятствие. Ей казалось, что сани плывут чуть выше, чем накануне. Наверное, это из-за воды и пищи, которые они истратили. Хотя пили и ели они совсем немного.

Идти было тяжело, но, к своему изумлению, девушка обнаружила, что после столь изнурительного жаркого дня она в состоянии идти энергично и легко отворачивает сани от препятствий. После захода солнца зорсалы поднялись в воздух, Засс хрипло кричала им вслед, словно напоминая, что ей причитается часть любой добычи, какую может предоставить эта голая местность.

И вновь временами они останавливались, и во вторую такую остановку Торн неожиданно спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

Что-то в его голосе насторожило девушку. Как будто инопланетник ожидал, что она ответит — плохо. Может, из-за ее сна? Ей не понравились его расспросы о «даре», как он это именует, в который верят инопланетники.

— Я могу идти, куда ты ведешь, — резко ответила она. — Всем иногда снятся сны, но не все их вспоминают, проснувшись. Или у твоего народа это не так?

— Дело вовсе не в твоем сне. — Между ними лежала тень, такая густая, что Симса не видела его лица, только светлое пятно. Луч фонаря Торн направил теперь на слегка покачивавшиеся сани. — Я должен объяснить, что сделал: может наступить время, когда тебе самой понадобится проделать это. Вот здесь, — он показал на свой пояс, — жидкость. Ты видела, как я добавлял ее к воде. Это стимулятор, вытяжка из нескольких, как вы бы сказали, лекарств. Он проясняет мысли и укрепляет тело. Но им можно пользоваться нечасто и понемногу. Он помогает выдержать испытания, подобные тем, что нам предстоят. Я не знал, поможет ли он тебе. Пришлось рискнуть. Ты... тебе было очень плохо...

Пережевывая концентрат, она обдумывала новую информацию, стараясь не принюхиваться к еде.

— Ты мог меня убить. — Ей хотелось произнести это спокойно.

— Да, я мог тебя убить.

Симса снова задумалась. Он не лжет, этот инопланетник. Вначале она рассердилась, но потом подавила гнев, не желая, чтобы он затмевал ее разум, как те видения. Чувствовала, что теперь она сильнее, энергичнее, может больше вынести. Вспоминая жару и пытку прошедшего дня, она теперь сомневалась, что смогла бы найти силы, чтобы без его помощи снова пуститься в путь.

— Ну хоть не убил. — Она не позволит ему понять, что на самом деле испытывает. Они никто друг другу. Со дня смерти Фервар она ни для кого ничего не значит. На мгновение ее удивила собственная мысль: Симсе достаточно быть самой собой, ей совсем не нужны другие.

— Симса, — впервые инопланетник не добавил к ее имени «леди», но говорил он так, словно она с ним заодно, равный участник его приключений, — какого же ты рода?

— Рода? — Девушка презрительно рассмеялась, и Засс немедленно ворчливо отозвалась. — Какой житель Нор может похвастать своим родом? Мы знаем своих матерей... некоторые знают и отцов... но кроме этого... — Она пожала плечами, хотя он и не мог увидеть этот ее жест. — Нет, дальше мы не заглядываем.

— А кто твоя мать? — настаивал Торн, выходя за рамки всякой вежливости.

Впрочем, Симса посчитала, что он имеет право спрашивать. Она же может сказать все, что угодно, — например, что она брошенный ребенок какой-нибудь женщины из Гильдий, и он не сможет уличить ее во лжи. Но зачем ей это? Легче отвечать правду.

— Ты знаешь столько же, сколько и я. Я помню, как возилась в грязи в норе Фервар. Что было раньше, не помню. Но я не ее ребенок. Когда я родилась, она была

уже не в состоянии забрюхатеть. — Симса сознательно использовала грубое выражение жителей Нор, чтобы не следовать вежливой речи инопланетника. — Возможно, я ребенок отбросов.

— Ребенок отбросов?

— Детей иногда выбрасывают в мусор, на поживу стервятникам. — Она по-прежнему сознательно пользовалась жаргоном. И, непонятно почему, это вызывало у нее удовлетворенность. — Может, Фервар нашла меня там. Она была очень любопытна и часто приносила странные вещи. Разве ты не несешь с собой некоторые ее находки? Я не так интересна, как они — эти вещи Экс-Зэмла, — но для старухи, наверное, и во мне показалась какая-то ценность. И, по крайней мере, я действительно стала ей полезна, когда она состарилась. Ее мучила боль в суставах, ее так скорчило, что стало трудно рыться в мусоре. Я была слишком мала, чтобы носить тяжелые вещи, но она всегда говорила, что у меня хороший глаз. И еще я везучая... была... — Симса подумала, что вряд ли ее нынешнее состояние можно назвать везением. — Я отыскала некоторые из лучших вещей старухи. И у меня появилась Засс: никто никогда не думал приручить зорсала, а потом за плату отдавать его в службу.

— Да.

Теперь девушке захотелось увидеть выражение его лица. Он согласился с ней одним словом. Странно, но ей почему-то хотелось, чтобы он удивился. Но откуда инопланетнику знать, какова жизнь в Норах? Там живут на отбросах Куксортала, на том, что утрачено, забыто, потеряно задолго до твоего рождения.

— И там ты никому не нравилась, с твоей кожей, с твоими волосами?

— Никому! — Девушка не знала, гордиться ли этим, но ответила гордо. — Меня прозвали Тенью: мне достаточно было обвязать волосы, замазать сажей брови и ресницы, и я становилась частью ночи. К тому же Фервар предупреждала меня, чтобы я была осторожна. Она го-

ворила, что мою необычность могут попытаться продать. Я научилась скрывать свою внешность. И много раз это оказывалось полезно. — Она позволила себе слегка рассмеяться, но не услышала его ответного смеха.

— Значит, никто не замечал твоих отличий. И твоя старуха считала, что они опасны?..

Симса не понимала, почему его так заинтересовала ее внешность. Она необычна, но в Норах много таких — результат торопливых совокуплений с инопланетниками. Она когда-то завидовала Ланвору, которого купили у его «отца» (если Квалт действительно был его отцом) из-за исключительной длины рук. Его приняли в Гильдию воров, а это несомненное повышение в ее мире. Иногда она думала, не обращались ли и к Фервар: ребенок, который может раствориться в темноте, должен иметь свою цену. Может, поэтому старуха так часто советовала ей скрывать внешность? А к тому времени как Фервар умерла, Симса стала слишком независимой и взрослой, чтобы подчиниться строгим неизменным правилам Гильдии.

— Немногие видели меня, когда я подросла. — Вспоминая, Симса поняла, что это так и есть. — Не видели такой, какова я есть на самом деле. Когда я отправлялась на поиски, старуха одевала на меня шапку. Не знаю почему, но она не хотела обрить мне голову. И легче было ходить в шапке, чем смывать краску в воде. Она посылала меня обычно по ночам и учила оставаться невидимой. У нее были дела со многими странными людьми. Я не знаю, что это за дела. Я тайно носила им разные вещи и приносила в обмен пакеты.

Казалось, вопросы у него кончились, потому что он занялся кувшином, из которого они недавно брали воду. Отпив немного теплой воды, девушка, в свою очередь, спросила:

— А каков твой род, звездный человек? Ты сын лорда и потому можешь свободно летать с планеты на планету, как сыновья Засс перелетают со скалы на скалу?

Велик ли твой двор, многие ли придут на твой призыв на рассвете?

Теперь рассмеялся инопланетник:

— Наши обычаи иные, чем в Куксортале. У нас нет больших родов. Мои родители давно умерли. Брат старше меня, поэтому он возглавляет наш род, как ты это называешь. У нас есть сестра. Она замужем за звездным капитаном и все время в полетах. Ей такая жизнь нравится, но я уже много лет ее не видел. Мой брат — человек, уважаемый за знания, и отчасти я разделяю его занятия и интересы. Мы занимались разными исследованиями, когда я узнал о его исчезновении здесь. И понял, что должен отыскать его. Поэтому я пошел к своему руководителю — самому истортехнеру Засферну — и рассказал, что должен сделать. Он отпустил меня, и я прилетел на первом же корабле, который должен был здесь приземлиться. По пути я из лент узнал, что искал мой брат и что может ждать меня здесь. Поэтому и прихватил уничтожитель тяготения, хотя это противозаконно. Но я не мог понять, почему мои вопросы так пугали людей, которые должны были бы мне помочь. В конце концов они получили бы большую выгоду, помогая истортехнеру Лиги. Если они опасались, что мы похитим какие-то древние сокровища, то у них имеется наше слово и заверения Лиги, что мы ничего подобного не допустим.

— Эта ваша Лига, — Симса дала Засс большой кусок лепешки, не слыша охотничьих криков ее сыновей в небе, — где этот город?

— Город? Такого города нет. Лига — это союз миров, многих миров, как ваш союз глав Гильдий в Куксортале.

— Но здесь у вашего союза нет никаких гильдийских стражников, — с торжеством заметила Симса. — Какой лорд серьезно воспримет слова человека, у которого нет стражи, который не показывает открыто свой значок? Твоя Лига далеко, а они здесь. Они поступят как захотят, и их никто не сможет остановить.

Девушке показалось, что он вздохнул, но она не была уверена. Инопланетник не стал нарушать молчание. Постепенно она теряла свое благоговейное к нему отношение. Он обладает чудесными приборами, его ящичек превращает любую тяжесть в легкую ношу, у него свет, который горит, не потребляя масла, но в делах людей он хуже ребенка из Нор, который вышел в свой первый поиск.

Зорсалы наконец-то отыскали добычу и снова принесли порцию матери. Потом опять поднялись и улетели, прежде чем Симса успела отозвать их. Ночь стояла темная, безлунная, и девушка не видела, в каком направлении они улетели. Только понадеялась, что они вернутся до восхода безжалостного солнца.

Небо посерело, когда Симса впервые заметила, что проход изменяется, углубляется. Дно расщелины стало ровнее, почти пропали камнепады, через которые приходилось проводить сани. И тут же она услышала восклицание своего спутника. Он неожиданно остановился, а сани по инерции продвинулись вперед и ударили его по ногам. Симса шагнула в строну, чтобы лучше видеть.

Они подошли к концу ущелья. Перед ними, грозный, как стены военных крепостей, о которых рассказывают торговцы издалека, вздымался высоченный утес. Торн снял фонарик с пояса и направил его луч вверх. Но свет не достал до конца утеса. Это был подъем вдвое выше того, что у моря.

— Я думаю, — спокойно, словно перед ним не непреодолимое препятствие, сказал Торн, — что мы достигли своей цели. Это начало Жестоких Холмов.

Симса обессиленно опустилась на землю. Должно быть, кончилась энергия, которая поддерживала ее всю ночь, кончилась в тот момент, как она поняла смысл его слов.

— Но мы не сможем здесь подняться. — Да, при свете она видела трещины и углубления, но до наступления дня нечего и пытаться, а днем их сожжет солнце.

— Тогда придется отыскать другой путь.

Окажись под рукой камень, девушка швырнула бы булыжник в него, но поверхность здесь совсем чистая. Он так спокоен, всегда так уверен в себе, словно нет такой проблемы, которую он не мог бы разрешить.

— Твой поднимающий ящик сможет поднять только Засс, — сказала она, отказываясь поддаваться раздражению. — Нас он не поднимет.

Но инопланетник как будто не слышал ее. Напротив, сам задал вопрос, не имеющий ни малейшего отношения к ее словам:

— Ты можешь общаться с этими твоими зорсалами? Я знаю, они приходят на твой зов. Ты отдала их в склад Гатара, чтобы они охотились на вредителей. Но другие задания они выполнят?

— Какие задания? — Симса гладила Засс, чувствуя, что антенны ее не свернуты, а направлены в сторону инопланетника и чуть дрожат. Она знала: это означает, что животное сосредоточивается. Неужели Засс поняла, что речь идет о ней и ее сыновьях?

— Чтобы они поднялись на вершину. — Торн провел лучом по стене утеса. — Нам нужна веревка. Она у нас есть — вернее, будет, когда я немного поработаю над креплениями. Могут твои зорсалы отнести ее наверх, обернуть вокруг какого-нибудь выступа и вернуться к нам с концом или...

Его слова были заглушены гневным криком сверху. В луче света появился один из зорсалов, и его что-то преследовало — существо, которое могло явиться только в кошмаре, подобном тому, что видела Симса.

Чудовище само напоминало длинную веревку, и было ясно, что его противоположный конец прочно закреплен вверху, потому что им видны были только передняя часть и голова — сплошные челюсти и острые, как иглы, зубы: челюсти метались, пытаясь схватить зорсала. В луче света, осветившем нападение, показался и второй зорсал и тут же спикировал на голову чудовища за зубами.

Три когтистые лапы вцепились в тело, а четвертая рвала большие, лишенные век глаза чудовища.

Первый зорсал быстро развернулся и начал летать взад и вперед перед чудовищем, настолько обезумевшем от гнева и боли, что оно не понимало, кто на него нападает, и пыталось схватить летающего, а второй свободно продолжал свое дело.

Оба глаза превратились в кровавые ямы, когтистые лапы вырвали клочья длинного языка. Симса всегда знала, что зорсалы — настоящие убийцы и что они наслаждаются убийством, если только не убивают быстро ради пищи. Но она никогда бы не подумала, что они могут справиться с такой крупной добычей и что они настолько умны, что выберут единственно возможный способ справиться с нею.

Глава 8

Засс на плече Симсы закричала, замахала здоровым крылом, сгибая искалеченное, словно пыталась взлететь в воздух и принять участие в битве. Зорсал, вцепившийся в голову чудовища, продолжал безжалостно рвать когтями вражью плоть. Его брат внезапно бросил отвлекать внимание, подлетел и тоже вцепился когтями и зубами в чешуйчатое горло. Зубастая змея бешено болтала головой, пытаясь сбросить мучителя. И тут в ее колонноподобном теле появился разрыв. Оттуда хлынул поток густой желтоватой крови, большие комки которой разлетелись в воздухе, и два человека внизу поспешно отпрыгнули от этого ливня.

Оба зорсала продолжали нападать, и вдруг огромная голова повисла под таким необычным углом, что Симса решила, что змее, должно быть, перекусили шею. Битва закончилась подергиваниями и судорогами длинного тела, а зорсалы, сидя на голове чудовища, рвали мясо и пировали.

Торн повернулся к Симсе:

— Что это?

Девушка без слов покачала головой. Никогда она не была слабой на желудок (житель Нор не может позволить себе такой роскоши), но свирепость зорсалов и страшная угроза, какую представляло чудовище, потрясли ее, и ей пришлось, чтобы удержаться на ногах в волнах накатившей тошноты, ухватиться одной рукой за сани. Но те покачнулись под ее тяжестью, и Симса чуть не потеряла равновесие.

Торн как можно ближе подошел к утесу. Каким-то образом он смог снять фонарь с пояса и теперь направил свет вверх, прямо на страшное существо и пирующих зорсалов. Симса сняла жалующуюся Засс с плеча, посадила на сани и, стараясь избежать льющейся крови, присоединилась к Торну. Один из бойцов спустился, он принес кровавое подношение матери, чьи крики становились все громче и громче.

Симса ахнула. Луч показал, что изгибающееся туловище чудовища длиннее ее и Торна, вместе взятых. Но конца его они так и не увидели, хотя свет достал до самой вершины. Туловище, наверное, было очень длинное, оно свисало со стены как веревка.

Впрочем, вскоре и фонарь не понадобился, чтобы его видеть. Наступал рассвет, и тело отчетливо просматривалось на фоне камня. Симса сравнила его с веревкой, на самом же деле оно было толщиной с десяток веревок, сплетенных вместе. Торн выключил фонарь и отошел.

— Мы нашли путь... — медленно проговорил он.

Зорсалы почти закончили свой ужасный пир. Тот, что первым напал на чудовище, присоединился к Засс на санях и принялся вылизывать когти и перья. А его брат оторвал напоследок еще кусок мяса, принес его вниз и стал поедать уже неторопливо, небольшими порциями. Наверху болтался почти голый череп.

— Что ты собираешься делать? — Симса с недоумением смотрела, как Торн снимает веревку с саней и делает петлю на конце.

— Вот наша лестница вверх... — инопланетник махнул рукой в сторону свисающего мертвого чудовища, — если оно хорошо уцепилось вверху. Посмотрим.

Он взмахнул петлей над головой, крепко держа веревку. Пришлось сделать три попытки, прежде чем петля обхватила череп. Торн ловким рывком затянул ее, словно не раз совершал такой трюк.

— А теперь посмотрим. — Натягивая веревку, он отошел назад.

Симса увидела, как напряглись его плечи, и поняла, что он с силой тянет веревку. Девушка схватила свисающий конец и присоединилась к его усилиям. Веревка немного подалась, потом застряла, и хоть они прикладывали всю свою силу, веревка не поддавалась, как будто была вверху прочно привязана к скале.

— Я пойду первым... — сказал Торн. — Когда поднимусь на вершину, сброшу тебе конец веревки. Обвяжешься им вокруг пояса и поднимайся — и не забудь прихватить с собой сани.

Инопланетник снова занялся веревкой, удлинив ее. Проверив узел, он склонился к своему чудесному ящичку и что-то с ним сделал. Сани неожиданно подпрыгнули вверх, Засс с громким криком отлетела к Симсе, остальные два зорсала взвились в воздух. Теперь сани плавали на уровне плеча Торна.

— ...заберет много энергии, — Симса не знала, говорит ли он с нею или просто рассуждает вслух, — но поможет.

Длинный конец веревки Торн отбросил к ней, посмотрел на стену, обвязался. Лицо его приняло решительное выражение, плечи напряглись, и он начал подниматься, цепляясь ногами за выступы и углубления.

Быстро становилось светло. Торн проворно добрался до окровавленной головы чудовища и схватился рукой за его туловище. Теперь два молодых зорсала сопровождали его, беспрестанно крича. Симса повернулась к Засс и посадила фыркающего возбужденного зверька себе за пазуху.

Ей не хотелось смотреть, как Торн поднимается по свисающему туловищу. Она вновь подавила тошноту, вспомнив, что ей предстоит то же самое.

Но... она должна видеть!

Девушка отвернулась совсем ненадолго, но за это время инопланетник преодолел невозможно большое расстояние и уже ухватился рукой за край утеса. Симса видела, как он повис там. Потом подтянулся, голова и плечи скрылись, он, должно быть, полз на животе и... пропал!

Симса на мгновение закрыла глаза и снова открыла. Она обнаружила, что с такой силой вцепилась в веревку саней, которой обвязалась вокруг пояса, что заболели пальцы. С трудом девушка заставила себя поднять голову.

Инопланетник вернулся к краю утеса, но теперь смотрел вниз, на нее. Должно быть, по-прежнему лежал на животе.

— Обвяжись... — и Торн бросил ей другой конец веревки. Это ее смутило, но она должна доверять ему.

Подпрыгнув, девушка поймала свисающий конец, потянула за него, тот подался, и она обвязалась им поверх веревки, удерживающей сани. Веревка натянулась, и Симса поняла, что должна подниматься. По примеру Торна она цеплялась ногами за стену, подтягивалась и чувствовала, что большую часть веса мужчина принимает на себя. Кошмар ее не воплотился в реальность, Симса могла держаться за веревку, которую он ей сбросил, и не касаться чудовища. Но один или два раза ей все же пришлось за него ухватиться, и она обнаружила, что чешуйчатое тело, хоть и царапает руки, закреплено прочно, и ей нечего опасаться, что оно выскользнет из рук.

Симсе казалось, что она поднимается на вершину огромной горы и подъем продолжается бесконечно. Спину уже жгло солнце. Дважды ей пришлось отталкиваться от стены, чтобы не раздавить Засс. Потом она услышала голос Торна:

— Руку... давай руку!

Девушка слепо протянула вверх руку и почувствовала его крепкие пальцы. А через мгновение воскликнула:

— Подожди... здесь Засс...

Но зорсал уже действовал самостоятельно. Засс высвободилась из плаща девушки, замахала крыльями, сама схватилась за веревку и быстро начала подниматься по ней. И тут же сильные руки потащили девушку вверх, царапая о камни. Симса моментально оказалась на верху скалы и закашлялась от песка. Но прежде чем смогла выпрямиться, почувствовала его руки у себя на поясе.

— Тянем...

Почти не сознавая, что делает, только зная, что это нужно сделать, Симса и не пыталась встать. Она поднялась на колени, ухватила веревку от саней и потянула. Инопланетник стоял, напрягаясь, и тоже вытягивал груз.

У девушки не было времени оглядываться, пока они не вытащили сани с помощью ящичка звездного человека. Вдвоем они постепенно отступали от края утеса, освобождая место для саней. Торн немедленно занялся ящичком, а Симса расслабленно опустилась и получила возможность увидеть, куда привели их все эти усилия.

Прямо перед ней, далеко уходя в путаницу камней и сухие колючие кусты цвета обветрившихся костей, лежала остальная часть тела чудовища. Здесь оно было по меньшей мере в десять раз толще, чем у шеи. Однако никаких ног не было и в помине. Туловище постепенно сужалось к концу, а сам хвост, скрытый в камнях, должно быть, был не толще тех небольших животных, на которых зорсалы охотятся по ночам. Девушка не понимала, чем туловище настолько прочно прицепилось к камню, что выдержало их вес.

Очевидно, эта загадка заинтересовала и Торна: убедившись, что сани в безопасности, а их груз не стронут с мест, он подошел к туловищу чудовища и попытался перевернуть его. Но туловище оставалось намертво прижатым к камню, словно оно его часть. Наконец с помощью обломка камня Торну удалось приподнять край, и Симса

успела заметить бледное полукольцо плоти, прежде чем он выпустил тяжесть и тело заняло прежнее положение.

— Присоски, — заметил он. — Как оно называется?

Девушка покачала головой:

— Не знаю. Я о таких никогда не слышала.

— Ну что ж, — он повернулся лицом на восток, упер руки в бока и поднял голову, — это Жестокие Холмы! Будем надеяться, что таких здесь немного, — и он носком ботинка коснулся туловища змеи.

Симса посмотрела вперед. Она считала утес, на который они поднимались, непреодолимым барьером. Но теперь видела, что это только начало. Холмы? Нет, взметнувшиеся в небо чудовища из земли и камня. Но все же это лучше пустыни — здесь кое-где виднелась растительность, увядшая, выгоревшая на солнце, но живая. А где есть растительность, должна быть вода, может, и дичь.

Подбодренная этой мыслью, Симса встала. Они по-прежнему под горячими лучами солнца. Но впереди, конечно, можно найти убежище на день. А может, и еще кое-что. Она сказала об этом инопланетнику, и тот кивнул.

— Придется еще немного подняться, — он показал вперед, — но ты права: где есть растительность, должна быть и вода. И хоть имечко у этих мест страшноватое, я думаю, нам они покажутся гостеприимней пустыни. Но вначале нужно устроить лагерь — и побыстрее.

Они по-прежнему находились в углублении между рыхлыми склонами обожженной солнцем земли, покрытой кое-где пятнами засохших кустов. Торн рассуждал, что, возможно, они продолжают двигаться по руслу высохшей реки, а этот утес когда-то был водопадом. Они пошли вперед по длинной полоске песка, ноги погружались в него иногда по голень; теперь путники торопились, осматривая местность в поисках укрытия, прежде чем жар дня окончательно истощит их силы.

Сухое русло поворачивало налево, за изгибом круто поднимался каменный берег, некогда частично подмы-

тый, так что он давно обрушился и перегородил проход грудой обломков. Торн свернул к ним, и Симса побрела следом, помогая провести сани через препятствия. Подойдя ближе, Симса увидела, что эти камни — не работа природы. Камни были обработанные, установленные, когда-то подогнанные друг к другу, хотя годы, ветер и песок превратили их в бесформенную груду.

Среди этих упавших блоков они и нашли убежище — темную нору, прикрытую полуаркой. Внутри оказались ступени, ведущие вниз. Торн снова включил свой фонарь. В убежище стояла приятная прохлада. Зорсалы с криками энергично полетели вперед. Симса схватила инопланетника за рукав:

— Подожди... пусть проверят. Если там внизу есть кто-нибудь живой... — Девушка не могла забыть о мертвом чудовище: именно в такой дыре оно могло бы поселиться.

Торн остановился, подняв голову, и девушка поняла, что мужчина, как и она, прислушивается. Крики зорсалов доносились снизу, они звучали странно гулко, громко, словно их испускали какие-то местные чудища. Засс со своего места на санях вытянула вперед голову, развернув антенны, и показала острые зубы за почти невидимыми губами.

Симса принюхалась, постаралась уловить запахи, чтобы понять, что там ждет внизу, с чем им предстоит встретиться. Норами не пахнет, нет запаха людей, живущих скученно и не очень чисто. Зорсалы не поднимали тревоги и не возвращались, и девушка кивнула спутнику:

— Я думаю, там ничего нет. Ничего живого.

Вход преграждали груды обработанных, но источенных ветром и временем камней, так что провести через них сани оказалось довольно трудно, однако дальше лестница уходила вниз относительно свободная от завалов. Ступени широкие, пролеты небольшие, и спускаться было легко. Но лестница все продолжалась и продолжалась, как будто ей нет конца и это давно заброшенное

здание было воздвигнуто на фундаменте забытых предшественников подобно Куксорталу.

Немного помогало то, что чем глубже они спускались, тем прохладнее становилось. Засс по-прежнему вытягивала голову вперед, настороженно прислушиваясь. Откуда-то издалека Симса слышала крики молодых зорсалов: они постоянно кричат в темноте. Симса обнаружила, что крики помогают им избегать препятствий, которых не разглядит даже самое острое зрение.

Торн снова включил свет. Оглядываясь, девушка видела входное отверстие, оно уже очень уменьшилось. А ступени все выплывали и выплывали из темноты.

Один раз путники остановились, немного поели и напились, сидя на ступенях плечом к плечу. Симса осмотрела остаток продуктов. Они могут идти, пока у них есть вода, но когда она кончится, где в этой пустыне им удастся обновить свои запасы? Чешуйчатое животное, побежденное зорсалами? Симса подавилась, вспомнив чудовище, свесившееся с края утеса. В прошлом она ела много такого, от чего с презрением отвернулся бы житель верхнего города, но только не это!

— Куда мы идем? — спросила девушка, хотя понимала, что вряд ли получит более точный ответ, чем собственные смутные догадки.

— Возможно, это остатки передового укрепления. Если это так, то должны быть подземные ходы к крепости. Во время войны по ним тайно подходили подкрепления.

— Но почему так глубоко? — Симса поерзала на широкой ступени. Отверстие вверху стало таким маленьким, что она могла закрыть его поднятым большим пальцем. А лестница все уходила вниз. Торн встал на колени и, сняв фонарь с пояса, посветил им: показалось продолжение спуска, исчезающее в темноте словно в бесконечности.

Ноги девушки болели. Ведь путники шли всю ночь, и Симса не могла сказать, насколько сейчас уже поздно. Им нужно отдохнуть, и поскорее.

Инопланетник словно услышал ее мысль, потому что сказал:

— Спустимся еще на пять десятков ступеней. Если конца не будет, передохнем.

Симса со вздохом собралась. Ткань, которой она обертывала ноги, совсем изорвалась. Рано или поздно придется ножом отрезать несколько полосок от плаща и подновить обмотки. Хорошо хоть, что больше не жжет солнце. И в самом деле...

Симса подняла голову и набрала полные легкие воздуха.

— Вода! — Она воскликнула громко, как зорсалы, и слово гулко отозвалось в темноте, словно ряд Симс выстроился вдоль лестницы и передавал друг другу ее открытие.

Торн, чье лицо в полутьме казалось смутным пятном, оглянулся.

— Да, — просто согласился он.

— Вода? — Забыв об усталости, Симса приободрилась и пошла быстрее. Засс развернула антенны. Перед этим она свернула их, недовольно принимая от Симсы кусочки пищи. Теперь Засс продвинулась к самому краю саней, вытянув антенны вперед до предела. И из глубины ее горла донесся нетерпеливый хрип.

Они продолжали спускаться. Когда спустились на пятьдесят ступеней — предел, установленный Торном, — он осветил фонарем стены. На них проступали влажные пятна, дававшие питание странной белой растительности в виде почти правильных шаров, тонкими нитями прикрепившихся к влажным местам.

Симсе они не понравились, и девушка постаралась не касаться их.

— Идем дальше! — Теперь болело все тело, но она не могла оставаться здесь: врожденное чувство опасности было напряжено до предела.

Торна не нужно было подгонять. Они спустились еще по пяти широким низким ступеням, и инопланетник вскрикнул.

Фонарь осветил ровную площадку. Они наконец добрались до самого дна! Воздух здесь был влажный, но не зловонный и не неподвижный. Симса свистнула, и ответ пришел с совсем короткого расстояния. Потом в луче света показался один из зорсалов и закружил над головой девушки.

— Смотри, Торн!

Передние лапы животного побывали в воде. Зорсал отыскал достаточно воды, чтобы выкупаться: так они любят поступать в сухое время года. Часами мокли в посудинах с водой, которые она им ставила.

Путники очень устали, но довольные крики зорсала заставили их заспешить вперед. Засс теперь требовательно кричала, заглушая звуки шагов.

Влага и неприятная растительность по-прежнему покрывали стены, но под ногами воды не было. Девушка заметила, что по обе стороны прохода у стен вырублены неглубокие канавки: должно быть, для отвода лишней влаги, которую не выпьют растения.

Неожиданно инопланетник выключил фонарь. Симса вскрикнула и тут же устыдилась. Ведь для нее было унизительно показать инопланетнику, что она боится темноты. Но она сразу поняла причину его поступка. Впереди показался свет, не такой яркий, как фонарь, но достаточный, чтобы послужить указателем пути.

Осторожно продвигаясь вперед, девушка заметила, что источник света расположен слева, там света было больше. Неожиданно они оказались в конце прохода, рядом с дверью, из которой в коридор сочилась легкая дымка.

Это действительно была какая-то странная мерцающая дымка, а не свет факела или лампы. У девушки создалось такое впечатление, будто они вступили в туман, состоящий из частиц тусклого света: эти частицы плавали, сходились и расходились. Зорсал, подлетевший к ним, закричал и устремился прямо в эту пелену, кото-

рая тут же сомкнулась за ним, так что теперь слышались только приглушенные крики.

— Осторожней... смотри под ноги...

Симса не нуждалась в предупреждениях. Она и так пошла медленнее. Воздух стал влажный, как морская пена, вот только что не соленый. Туман сомкнулся вокруг девушки, Торн превратился в смутное пятно рядом, и она почувствовала, как на коже собирается влага, словно опускаешься в ванну. Симса раз или два в жизни испытывала такое, когда у нее находилось несколько лишних кусков серебра, чтобы побывать в самой скромной бане Куксортала.

Но в этой дымке отсутствовали ароматы, которыми пропитан воздух городской бани. Симса чувствовала, как ее кожа, высохшая за несколько дней путешествия по пустыне, смягчается, как тело жадно впитывает в себя влагу, которой так долго было лишено. Как и накануне в жару, она развязала пояс, обнажая тело, чтобы его коснулся туман, смог охватить как можно большую поверхность кожи.

Девушка не знала, откуда поднимается этот туман: не видно было никаких стен, только ровная мощеная поверхность под ногами, рядом дрожали очертания Торна, а позади болтались сани, которые больше не приходилось толкать то в одну, то в другую сторону, чтобы избежать препятствий. Засс перевернулась животом кверху и расправила крылья, подставляя туману все свое тельце. После жаркой пустыни ощущение было такое, как будто стоишь под первым дождем влажного сезона, капли дождя падают мягко и нежно, потому что нет никакого ветра.

Но вот туман стал постепенно расходиться. Частицы сгущались, вращаясь вокруг друг друга, словно туман — живое существо, которое не препятствует их проходу. Вскоре путники вышли на открытое место и...

Симса пораженно вздохнула. Ноги девушки подкосились, и она села, или, скорее, рухнула на землю. Ее руки

погрузились в мельчайший песок, или землю, столь мягкую, что ладони не смогли найти никакой опоры, и Симса легла, прижавшись щекой к согнутой руке и глядя вперед, на небольшой участок этого странного места, который был ей виден.

Ясно, что такого она никогда еще не видела. И ни в одном рассказе речных торговцев, ни в одной легенде о таком не говорилось. Они оказались на площадке, достаточно большой, чтобы вместить рынок верхнего города. По форме площадка была круглая, словно чаша гиганта, невероятно огромного, беззаботно поставившего чашу на землю.

Внешние стены чаши образовывал все тот же туман, он постоянно двигался, сгущался, светлел, но нигде не позволял разглядеть, что находится за ним. Девушка чувствовала себя так, словно вся энергия покинула ее. Она лежала на песке, не серо-белом, как туман, а скорее серебристом — словно самый драгоценный из металлов (по крайней мере, в представлении жителей Нор) был измельчен и превращен в муку, из которой в верхнем городе пекут праздничный хлеб. Симса пропустила песок сквозь пальцы: солнца не было, ничего не блестело, но она преисполнилась уверенности, что это действительно какое-то драгоценное вещество.

Вещество это ровным слоем покрывало всю поверхность вокруг бассейна поразительно правильной формы с бледной, туманной, серебристо-белой водой (если только это была вода) — такой цвет Симса где-то уже встречала! Рука девушки вновь опустилась на песок, и она увидела свое кольцо. Медленно — на мозг словно накатывались волны усталости — Симса сравнила. Бассейн точь-в-точь напоминал камень ее кольца.

Симса лежала неподвижно. Тем временем Засс соскочила с саней и с помощью здорового крыла, опираясь на его кожистый конец, двинулась к бассейну, вода которого оставалась совершенно неподвижной, с ровной, ничем не потревоженной поверхностью.

Можно ли положиться на инстинкт зорсала, гораздо более острый, чем у людей? Значит ли это, что вода в бассейне безвредна? Девушка попыталась сесть, позвать — призыв прозвучал еле слышно. Засс не обратила на него никакого внимания, ее цель была совершенно ясна, самка зорсала изо всех сил ползла по серебряному песку и наконец добралась до края бассейна.

С негромким торжествующим криком она подпрыгнула и плюхнулась в воду. Но не погрузилась, а поплыла по поверхности, словно вода была настолько плотная, что поддерживала ее маленькое тело. Здоровое крыло широко распласталось по воде, другое тоже — насколько было возможно. Потом Засс приподняла голову на длинной шее, положила на здоровое крыло и закрыла свои большие глаза. Стало совершенно очевидно, что она наслаждалась.

Рядом с Симсой что-то шевельнулось. Но девушка уже слишком устала, чтобы повернуть голову. И тут в поле ее зрения показался инопланетник. Он на ходу расстегнул костюм, затем снял его: Симса поняла зачем. Снова попыталась возразить — и не смогла.

Тело его было белее тумана. Без одежды он казался еще крупнее, массивнее. Торн прошел по песку, отойдя в сторону, чтобы не помешать Засс, и не нырнул, а словно упал вперед, как будто это действие забрало последние остатки его энергии. Тело его медленно повернулось, погрузившись в воду не более туловища зорсала. Торн плыл — лицом кверху, закрыв глаза, грудь его спокойно поднималась и опускалась словно в безмятежном сне.

Симса смотрела, и в ней росло неукротимое желание. Ей тоже ужасно хотелось испытать, что ощущают ее спутники. И внезапно девушка поняла, что плачет, потому что не может присоединиться к ним. И скоро слезы и отчаяние погрузили ее во тьму, сомкнувшуюся вокруг.

Глава 9

Симса лежала в постели, принявшей форму ее тела, она словно стала частью этой постели, невероятно удобной, девушка и не знала, что такие существуют. Но в глубине души она ощущала потребность двигаться, отказаться от этого коварного удобства, вернуться в мир.

Открыв глаза, Симса увидела меняющуюся, струящуюся, вздымающуюся поверхность, похожую на облако. Никогда в жизни не испытывала она такого удовлетворения, словно пребывая в мирном сне, в котором позабыты все боли и усталость. Девушка медленно подняла одну руку. Ей казалось, что пока она погружена в эту великолепную апатию, у нее нет необходимости делать быстрые движения. Вместе с рукой шевельнулось все тело. Оказывается, она лежит на чем-то странном...

Безразличное состояние исчезло. Симса шлепнула обеими руками, перевернулась, голова и лицо погрузились во что-то мягкое. Перепуганная, напрягая тело, она попыталась бороться, вырваться из того, что ее держит.

— Подожди... лежи спокойно.

Симса забилась еще сильнее. Но тут ее схватили за волосы и подняли голову. Она снова перевернулась, так что лицо оказалось наверху и она смогла дышать. Однако девушку не отпустили, напротив, куда-то потянули в этом веществе, которое гораздо плотнее воды.

Потом голова ее опустилась на что-то твердое, лицо оказалось поверх воды. Симса протянула руки, ожидая, что почувствует только воду, но оказалось, что ее наполовину вытащили из бассейна. Упираясь руками и ногами, она смогла выползти на мягкий песок, почти такой же удобный, как и вода в бассейне.

Симса села. Ее темное тело странно контрастировало с серебром песка и великолепием бассейна. И она была вовсе не мокрая. Воздух словно впитывал влагу с кожи. Девушка подняла руку, чтобы отбросить прядь волос со лба на плечи. Даже волосы были далеко не такие

мокрые, как во время возвращений ранними утрами из походов среди росистых кустов по берегам реки на окраинах Куксортала.

Однако если эта вода и не увлажняла, она совершала нечто совершенно иное: Симса вновь попала во власть ощущений, которые чуть не утратила во время своего внезапного пробуждения. Кожа у нее стала крепкая и чистая — такой чистой Симса вообще ее не помнила. Девушка подогнула ноги. Без тряпок, без сандалий — на них не было видно ни царапины, ни волдыря, ни ушиба. Тело ее чудесным образом обновилось, стало свободным и здоровым.

Симса медленно провела руками по телу, по маленьким высоким грудям, по узкой талии, по худым, едва закругленным бедрам. Прикосновение собственных пальцев ощущалось как ласка, любовное поглаживание, доставляло удовольствие, на которое она ответила негромким низким звуком, как отвечает Засс, когда ее гладят, медленно и осторожно почесывают у основания антенн.

Голод и жажда, которые Симса испытывала на пути сюда, улетучились, превратились в смутные воспоминания, словно путешествие по пустыне совершил кто-то другой. Девушка сонно взглянула на руку: кольцо повернулось, крепость теперь гордо возвышалась над пальцами. Она была права: непрозрачный камень имел абсолютно тот же цвет, что и жидкость, из которой она только что вышла. Симса громко рассмеялась. Она чувствовала себя так, словно выпила полный бокал густого вина. Как-то раз один из жителей Нор, желая заслужить расположение Фервар, когда та была больна, принес ей бутылку вина. Фервар мелкими глотками с наслаждением опустошила бутылку. Когда старуха уснула, Симса, осмелев, попробовала, что осталось от последнего глотка. Вино во рту было прохладным, а в желудке — горячим. Потом какое-то время девушке казалось, что у нее выросли крылья и она может подняться в ночной воздух не хуже зорсалов. Теперь она ощущала такую же свобо-

ду. Она широко развела руки и испустила трель, которой подзывала зорсалов.

Они прилетели, раздвигая крыльями туман, и закружились над ней. Глядя на них, Симса почувствовала, как сами собой над головой у нее поднимаются волосы. Новая энергия, заполнившая тело, казалось, придала собственную жизнь и ее волосам. Тут послышался еще один возглас, и из бассейна выбралась Засс.

Но что-то в ней показалось девушке странным. Засс лежала на поверхности воды, не погружаясь, широко раскрыв поврежденное крыло. Больное крыло?.. Симса даже вздрогнула, выведенная из сосредоточенности на самой себе и своих чувствах. Ведь это крыло всегда было согнуто, не разгибалось, а теперь оно распрямилось. Конечно, оно было не такое, как раньше, как другое здоровое крыло, но все же и не такое согнутое, каким оно осталось, несмотря на все старания Симсы.

Засс подплыла к краю бассейна, выбралась из него и замахала крыльями в воздухе — больным почти так же энергично, как здоровым. Потом она громко закричала, прыгая на всех четырех лапах к Симсе, размахивая обоими крыльями. Засс явно требовала, чтобы девушка обратила внимание на ее выздоровление.

И тут Симса все вспомнила! Она не одна. И она не помнит, как входила в этот странный бассейн, как снимала изношенную грязную одежду. Где же Торн?

Стоя на коленях, она быстро огляделась. И снова почувствовала, что находится внутри чаши. Туман не стал реже. Напротив, ей показалось, что дымка сгустилась. На серебряном песке следы совсем не сохранялись. Стоит только передвинуться, он сразу заполняет углубление, так что не остается никакого следа от только что лежавшего здесь тела. Чуть в стороне девушка увидела свою одежду.

Симса встала, оглядела окружность бассейна. Внутри туманных стен никого не было видно. Последнее, что она помнила, это как инопланетник сбрасывал свою одежду. Девушка быстро взглянула в том направлении,

где должен был лежать его костюм. Там ничего не было. Что же с ней произошло?

Должно быть, инопланетник раздел ее и отнес в бассейн. Симса несколькими шагами добралась до своей одежды и принялась ее осматривать: два древних украшения, мешочек с серебром, так отягощавший ее рукав в пути, — все осталось на месте.

Сморщив нос, девушка тронула брюки, нижнее белье, кожаную куртку. Одно лишь прикосновение к ним делало ее грязной. Симса почувствовала, что не хочет больше их видеть. Но все, что она несла с собой, по-прежнему было здесь: тряпка, в которую завернуто ожерелье, еще одна тряпка с браслетом.

И вот в этом странном месте, полном серебристого сияния, Симса развернула оба украшения. Сначала она надела браслет на свое худое запястье. Он не был предназначен для таких, как она, — слишком массивен, слишком широк. Ожерелье с его светло-зелеными камнями... Девушка достала вытянутый кусочек серебра, соединила им разорванные звенья и надела сокровище себе на шею. Холодное на ощупь, оно мягко легло ей на плечи, зеленые камни опустились меж грудей, а длинная подвеска едва не касалась пояса. Симсе понравилось новое ощущение. Металл показался таким приятным, теплым. Она почувствовала, что, как и кольцо, ожерелье принадлежит ей по праву.

Симса снова завязала мешочек с серебром. Инопланетник должен был найти сокровища, когда раздевал ее. Однако он оставил их ей. Он...

Но где же он?

Девушка повернулась, внимательно осматривая чашу с бассейном, ожерелье гладко скользнуло по телу. Все три зорсала вернулись в воду и плавали, как Засс, когда девушка впервые ее увидела.

Но светлого тела нигде не было видно, не было и сброшенной одежды на песке. Нет и... А приводили ли они сюда сани? Симсе казалось, что она это помнит.

Тем не менее саней тоже не было. Девушка сжала кулак, башни кольца врезались ей в ладонь, вызвав легкую боль. Она осталась одна, и у нее нет ни малейшего представления, в каком направлении идти, с какой стороны они пришли, куда в этом тумане ей направиться.

Удовлетворение, ощущение здоровья, которое она испытала, проснувшись, исчезло. Девушка наклонилась и начала одеваться, хотя ей и не хотелось притрагиваться к грязной потной одежде. Если ей удастся уговорить зорсалов покинуть бассейн, смогут ли они указать ей выход? Почему инопланетник покинул ее здесь?

Завязывая пояс, Симса призывно защелкала. Вначале ей казалось, что отвлечь зорсалов от бассейна не удастся. Но вот Засс с помощью искалеченного крыла, которым она теперь вполне успешно пользовалась, повернула и направилась к берегу, два молодых зорсала последовали за матерью.

Они выбрались на серебряный песок и пошли к ней, не поднимаясь в воздух, глядя на нее огромными глазами с темными кольцами вокруг, которые придавали их мордочкам такое понимающее выражение.

Симса сделала жест, на который приучила их реагировать немедленно, — так она направляла их в разведку, — и резко крикнула. Два зорсала послушно поднялись в воздух, разбрасывая песок взмахами крыльев. Развернув антенны, они обогнули бассейн, глядя наружу, в колышущийся туман.

Девушка наклонилась, чтобы подобрать Засс, и посадила ее себе на плечо, испытывая странное чувство удовлетворения, когда большие когти впились в одежду, едва не коснувшись кожи.

Подняв голову, Симса внимательно прислушивалась. Здесь было так тихо, что она слышала взмахи крыльев зорсалов в воздухе. Она поднесла руку ко рту, собираясь позвать. Но так и не решилась.

Напротив, она сама тоже стала обходить бассейн. Какой-то обман зрения делала его меньше, чем на са-

мом деле, потому что Симса шла долго, но до противоположного края чаши так и не добралась. И тут один из зорсалов с криком поднялся выше и устремился прямо в туман, второй — за ним.

Антенны Засс застыли, как жесткие стержни, — они были направлены туда же. Симса перевела дыхание. Она не знала, найден ли след исчезнувшего инопланетника, но действия зорсалов ясно свидетельствовали, что в том направлении что-то происходит.

Девушке не хотелось покидать бассейн, в котором она испытала такое спокойствие и радость духа. Но находиться здесь бесконечно она тоже не могла. А то, что исчезли и сани, заставляло ее поверить, что Торн ушел навсегда. Но почему он бросил ее?..

Стена тумана приближалась. Симса сняла Засс с плеча и держала перед собой, чтобы следить за ее антеннами, которые постепенно меняли направление: то два шага направо, то чуть левее. Симсе казалось, что они продолжают кружить возле бассейна, но других проводников у нее не было.

Вскоре песок под ногами пропал, и девушка зашлепала по камню. Сандалии и тряпки, которыми она обматывала ноги, совсем изорвались, больше она их использовать не могла, придется идти босиком, и Симса рассчитывала только на затвердевшую за годы такой ходьбы кожу своих подошв. Пока под ногами влажный камень, она может идти спокойно.

Антенны Засс, вся ее головка неожиданно резко повернулись вправо. Девушка послушно свернула в том же направлении. Ей казалось, что туман становится реже, и чуть позже ее ощущение подтвердилось: она оказалась в серой воронке, ведущей к началу узкого прохода. Впрочем, девушка была уверена, что это не тот проход, через который они вошли сюда: этот уходил вперед ровно, и не было никакой лестницы.

Поверхность оставалась ровной, и Симса была уверена, что это не природное явление, хотя ее окружали гру-

бые стены, больше похожие на стены пещеры, которая с начала времен лежит в сердце гор.

Путь сквозь туман не смог лишить ее ощущения здоровья и благополучия, которое она почувствовала, выйдя из бассейна. (Почему он ушел, не дождавшись ее?) Симса не боялась — пока еще бояться было нечего. Скорее сердилась из-за этого предательства: инопланетник ушел, оставил ее, может быть, на смерть.

Гнев смешивался с удивлением. Девушка не понимала причины его поступка. Если только... глаза ее чуть сузились... если только он не знает гораздо больше о том, что скрыто в Жестоких Холмах, и не хочет ни с кем делиться своей находкой. Но тогда зачем он завел ее так далеко? Ведь Торн мог бросить ее в пустыне и быть уверенным в ее смерти. Зачем было поднимать ее на этот утес, с которого свисало чудовище? Почему он не бросил ее, когда силы ее подошли к концу? Его поступки не укладывались в разумное объяснение.

Чем больше она углублялась в проход, тем меньше света давал туман. Но впереди показался другой источник света, ярче — может, просто дневной свет. Симса заторопилась туда, не желая задерживаться в подземном мире, которого она не понимала, даже если ей предстояло одной и без продуктов и воды снова встретиться с пустыней.

Но вышла она отнюдь не в пустыню, хотя над головой вновь засияло безжалостное солнце. Напротив, она оказалась в каменной яме, квадратной по форме. Это было похоже на зал, наполовину вырубленный в камне. Над головой зияло множество отверстий, в которые некогда могли упираться колонны, поддерживавшие другие этажи. Зорсалы летали там взад и вперед и нетерпеливо кричали.

Но девушка поднималась осторожно, проверяя каждый шаг. Ничего похожего на ступени не было видно; возможно, когда еще существовали верхние этажи, на них можно было подняться через потайные двери или

по лестницам. Зато у самой стены валялись груды плотно прилегающих друг к другу обработанных камней. Симса видела на них следы огня. Они почти исчезли, но кое-где по-прежнему оставались черные остатки разрушений.

Девушка по камням вскарабкалась до первого провала в стене, ниши, в которую она смогла пробраться и рассмотреть, что находится непосредственно над ней. Несомненно, здесь когда-то возвышалась огромная крепость, с которой не сравнится ни один замок лордов Гильдий, либо небольшой город.

Во многих местах стены сохранились просто превосходно, и помимо прочего среди камней обильно произрастала зелень. Причем такая роскошная — там, где Симса ожидала увидеть выжженную пустыню, — что девушка в удивлении моргала снова и снова. Вначале она решила, что это мираж, какой видят в пустыне. Но зелень не исчезала.

Прямо над ней стены были так увиты растениями, что только кое-где выступал камень. Эти камни торчали в строгом порядке, и каждый представлял собой голову, вдвое больше человеческой. Она принялась рассматривать эти изваяния и не нашла даже двух одинаковых. Среди них попадались изображения животных: Симса была уверена, что ближайшая скульптура сделана с зорсала, правда, с отбитыми у самого черепа антеннами. Другие — человеческие изваяния, все индивидуальные, наверное, портреты некогда обитавших тут людей.

Симса легко могла бы перескочить на верх другой стены, шириной в улицу Куксортала. Разглядывая ее, девушка заметила первое доказательство того, что зорсалы ведут ее по следу инопланетника. В массе растительности пролегал след шириной в сани, а дальше у одного дерева торчали обгоревшие ветви.

Торн, по-видимому, проходил здесь и шел очень быстро, прокладывая дорогу в зарослях. Симса подумала, что может спокойно пойти за ним: зорсалы предупредят

ее, когда она приблизится. А она намерена была идти за ним, хотя бы для того, чтобы узнать, куда он ушел.

На верху стены всюду были видны торопливые следы инопланетника. Спутники Симсы продолжали кричать у нее над головой. Конечно, тем самым они сообщают всем, кто может следить, что она здесь.

Проходя мимо обгоревшего дерева, девушка остановилась и осмотрела его. Хорошо известно, что у звездных людей есть страшное оружие. Но по их собственному закону, которого они строго придерживались, такое оружие нельзя проносить на планеты, подобные этой. Но ведь и прибор, который облегчил сани, проносить тоже нельзя. Если Торн нарушил один закон, что удержит его от нарушения другого?

Следы ожога ей не понравились, и Симса прошла мимо очень осторожно. Кто может понять этих инопланетников? Их обычаи, кодекс поведения — совсем иные: она их, возможно, и не способна понять. Торном движет необходимость, иначе он не оказался бы так далеко в пустыне, не добрался бы сюда.

Перед ней встала новая стена. Ступенью на нее служило изваяние — лицо, такое ужасное, что Симса почувствовала, как холодок пробежал по спине. Есть демоны и злые существа, которыми пугают детей, что те могут явиться в кошмаре. Глядя на это лицо, Симса вздрагивала, ощущая исходящее от него зло.

Она обнаружила, что сложила пальцы в знак, которым жители Нор отгоняют злую судьбу (а судьба их всегда непостоянна и переменчива). Плохим в этом изображении было не то, что это гротескная маска тьмы и ненависти (Симса ощущала даже странную красоту изваяния, приковывавшую взгляд), но жестокость, жадность и злоба, которые ощущались в нем.

Чтобы добраться до верха следующей стены, она должна была встать на эту голову. Раздавленный стебель свидетельствовал, что именно так поступил тот, кого она преследовала. Но девушке казалось, что если она тоже

ступит на голову, то почувствует под ногой не камень, а плоть, холодную и смертоносную плоть!

Симса стиснула зубы. Нельзя позволить, чтобы такие фантазии мешали ей. Она из Нор и видела немало зла, она достаточно знает его, чтобы не попасть в ловушку.

Девушка быстро ступила на голову и, как только обрела равновесие, протянула руку вверх, ухватилась за край стены и быстро поднялась на нее. Гигантское лицо было так реально, не фантазия какого-то извращенного художника, а скорее портрет с натуры. Но если это портрет их правителя, тогда у крепости — или города — ужасная история.

С крыши, на которой она оказалась — это была вовсе не вершина стены, а крыша, — девушка увидела внизу еще один большой двор, возможно, даже рыночную площадь, где долгое время растительность, находящуюся на ней, ничто не тревожило. Деревья сплошь оплели лианы, высохшие кусты торчали среди своих потомков или других растений, задушивших их. А прямо под ней раскинулся незаросший участок мостовой размером с крышу.

На нем стояли сани, весь груз лежал на месте, ни один узел не был развязан. И ни следа инопланетника.

Движением руки Симса послала зорсалов вниз, в растительность. Они пронеслись над нею, изредка снижаясь, цепляясь за ветви и размахивая антеннами, все время нацеленными на землю. Девушка знала, что, подобно многим другим летающим существам, зорсалы избегают углубляться в путаницу растений. Но органы чувств, заключенные в их антеннах, дают им отличное представление о том, что скрывается внизу. Если инопланетник попытался преодолеть эту чащу, зорсалы сообщат ей. Симса благоразумно оставалась на месте, внимательно следя за животными и в то же время разглядывая остатки здания или зданий.

Далеко за дальней стеной (она очень жалела, что у нее нет стекол для взгляда на большое расстояние, ка-

кие есть у инопланетника), как показалось Симсе, возвышалась гора, она нависала над этим забытым местом, как утес нависает над пустыней. Может, там плато или подлинное начало самих Жестоких Холмов.

Зорсалы ничего ей не сообщили. Ясно, что оставаться на месте дальше было бессмысленно. К тому же впервые после выхода из бассейна Симса ощутила голод. На санях оставались пища и вода, она их видела, там все было нетронуто. Если незнакомец собирался уйти отсюда надолго, он бы прихватил с собой припасы.

Симса осторожно спустилась, цепляясь за лианы с оборванными листьями; должно быть, Торн тоже спускался на землю здесь. И тут, стоя на земле, она увидела то, чего не могла заметить сверху. В стене зияло отверстие двери, глубокой, скрытой под карнизом, так что увидеть ее можно было только с земли. А в двери...

Симса стремительно развернулась, прижавшись к саням и положив руку на рукоять ножа, жалкого оружия по сравнению с этим... или с этими! Впервые зорсалы подвели ее. Почему они не сообщили ей об опасности?

Она быстро затолкала Засс за пазуху, чтобы легче было взбираться, и попятилась от саней к лиане, по которой так неосмотрительно спустилась.

Никакого движения, никаких угроз. Поза стоящих не изменилась. Они устремили на нее взгляды, но как будто не видели в ней врага, пришельца. Девушка остановилась, посмотрела на Засс. Зорсал жаловался на грубое обращение, но не поворачивал антенны в сторону существ, стоявших в нишах по обе стороны двери.

Прижавшись спиной к стене и ухватившись рукой за лиану, Симса ждала. Двое стражников были словно прикованы к месту. Ждут, чтобы она подошла? Может, Торн встретил здесь смерть?

Но зорсалы на них даже не смотрели. Каким образом эти наблюдатели сумели так притупить острые чувства зорсалов? Девушка прижала к себе Засс и повернула ее мордой к существу слева от себя.

Это не зверь, стоит на двух ногах, как и она, две руки... И все же...

Засс наконец развернула антенны, направила их в сторону ожидающего стражника, потом вопросительно взглянула на Симсу и издала гортанный звук. Нет жизни? Изваяние?

Девушка посадила зорсала себе на плечо и медленно пошла вперед, на каждом шагу замирая и приглядываясь. Под шлемом было темно, только ее острое зрение, хорошо служившее ей в ночных набегах и в Норах, позволило разглядеть черты лица молчаливого наблюдателя, когда она немного приспособилась. Фигура была изваяна не из камня — камень не может так блестеть. Но если это металл, почему он такой яркий, такой не тронутый временем?

Теперь она ясно видела, что ноги фигуры почти до колен покрывал толстый слой прошлогодних листьев и других остатков растительности. Это существо по форме отдаленно напоминало человека, но это не человек.

Симса прошла вперед, не боясь нападения со стороны второго существа за спиной: второй — точный двойник первого. И вот девушка встала перед ним, глядя вверх, потому что существо было выше ее, возможно, даже выше инопланетника. Фигура действительно была изваяна из какого-то металла темного цвета со слабым неопределенным узором. Голова — огромный круглый шар, и впереди материал другой — прозрачный...

Приподнявшись на цыпочки, чтобы заглянуть, Симса с криком отшатнулась. Те высохшие черные останки на берегу тоже были страшны, но это иссохшее сморщенное существо смотрело на нее глазами, которые перестали быть глазами, — такого страшного зрелища она не могла вынести.

Девушка повернулась и побежала назад к саням, Засс закричала, оба зорсала кругами летали над ее головой, добавляя свои крики к крикам матери. Симса споткнулась и чуть не упала. Обеими руками она схватилась за

сани и удержалась, настолько потрясенная, что даже не могла думать. Она всегда считала, что устоит перед чем угодно: жизнь в Норах не для привередливых, но это... эта смерть, заключенная в металл и оставленная так...

Кто установил этих ужасных мертвецов часовыми разрушенного города? И почему? Они стоят тут очень давно. Существует ли до сих пор сила, поставившая их? Симса не выпускала из рук саней и глубоко дышала, стараясь взять себя в руки. Мертвецы не могут двигаться, их взгляды не повредят ей. Она не должна...

И тут она снова закричала. Там что-то двинулось: это страшное существо идет к ней! Симса как будто приросла к месту, горло перехватило, даже кричать она больше не могла. Словно металлическая рука одного из этих стражников перекрыла ей дыхание.

Глава 10

Два зорсала моментально откликнулись на страх девушки: они устремились вниз и стали летать над ее головой с гневными криками. Засс расправила крылья, причем искалеченное подняла так высоко, как не могла делать с самого ранения, подняла голову и тоже закричала. Она подбежала по саням к Симсе, чтобы вместе с девушкой встретить фигуру, вышедшую из тени, которая скрывала мертвого стражника, на свет.

Симса упала бы, если б не удержалась за сани, — Торн!

Инопланетник обошел застывшего мертвеца и вышел на солнечный свет, сжимая в руках странный стержень, которого Симса раньше не видела. Девушка со страхом следила за ним. Торн бросил ее: может, они теперь враги по какой-то непонятной ей причине.

Но лицо его было не мрачное, только озабоченное. Может, он озабочен тем, что она сумела выследить его?

Торн приближался, а Симса пятилась, прижимаясь к саням, потому что не доверяла собственным ногам. Она еще не оправилась от недавнего приступа страха.

— Все в порядке.

Девушка, продолжая пятиться, почти не слышала его слов. Добравшись до края саней, она спряталась за ними. А сани, теперь плавающие выше, чем в пустыне, подпрыгивали и раскачивались под ее рукой.

— Все в порядке! — повторил Торн. Он остановился, словно перед ним находилась не девушка, а испуганный зорсал, с которым следует говорить терпеливо и медленно, успокоить и только потом приблизиться и дотронуться.

Сами зорсалы успокаивались. Симса почти ожидала, что, побуждаемые ее страхом, они набросятся на Торна. Но они вместо этого сели рядом с матерью, хотя продолжали смотреть на инопланетника, вытянув в его сторону дрожащие антенны.

Девушка наконец овладела собой. Это не кошмарный мертвец. Какими бы странными способностями он ни обладал, Торн живой, его можно ранить, с ним можно сразиться, он может умереть и он не неуязвим, а она знает множество хитростей. Симса перестала отступать, хотя продолжала держаться за сани, прикидывая, как толкнуть их на инопланетника, если тот набросится на нее.

Но действия зорсалов продолжали ее удивлять. Засс уже много сезонов защищала хозяйку, она всегда была готова напасть по ее приказу. Но старший зорсал как будто никакой опасности в этом инопланетнике не видел.

Удивленная, забыв о своей всегдашней осторожности, стыдясь проявления страха, Симса выпалила то, что меньше всего хотела сказать:

— Ты меня бросил, — и сразу пожалела о сказанном: девушка отдала бы все свое имущество, чтобы эти слова не были сказаны.

Торн остановился. То, что он держал в руках, — это должно быть оружие. Но у него не было ни лезвия, ни острия, ничего такого, что Симса сочла бы угрожающим. Она решилась бросить быстрый взгляд влево: может, удастся скрыться в густой зелени.

— Да.

Простой ответ сбил девушку с толку. Она ожидала какой-нибудь лжи, каких-то объяснений, просто признаков стыда, и она поняла бы тогда, что он лжет. Но теперь она просто смотрела на него.

Симса тоже может быть прямой, и ей нужно знать. Когда Торн ничего не добавил, она резко спросила:

— Почему?

Инопланетник не убирал свое оружие. Впрочем, поведение зорсалов показывало, что он не хочет причинять ей вред, что он ей не враг — однако он сам подтвердил, что бросил ее.

— Здесь была смерть. — Теперь, удерживая стержень в левой руке, концом его он коснулся чего-то у себя на поясе, полоски какого-то темного материала... похожего на металл, она уже видела такой... да, в таком заключены мертвые стражники!

— Она и сейчас здесь. — К Симсе вернулось самообладание, и она кивнула в сторону застывшей фигуры за ним, похожей на каменное изваяние.

— Я не это имел в виду, — возразил Торн, — а вот это. — Тут он снял полоску металла с пояса и поднял ее. Девушка уловила на ней игру цвета. — Это указатель радиации. Мы в высокой степени невосприимчивы к ней. Это объясняется нашей историей. Когда-то на моей планете шла война, страшная война... — Торн осмотрелся, словно искал вдохновения, чтобы объяснить ей, — какой, к счастью, у вас никогда не было. Хотя, конечно, у вашей планеты имеются свои сюрпризы. Использовалось ужасное оружие...

Симса вспомнила обожженное дерево.

— Которое выбрасывает огонь? Может, такое, как это? — Отцепившись наконец от санок, девушка указала на его стержень. — Я видела: обгоревшие листья, ветки...

— Ну, это только маленький, очень маленький образец такого оружия. — Инопланетник, как заметила девушка, не объяснил, откуда оно у него, а она была впол-

не уверена, что Торн не нес его с собой, когда они шли по пустыне. Этот стержень слишком велик, чтобы он мог его где-то спрятать среди вещей. — Применялось другое огненное оружие, — продолжал он, — способное в мгновение ока поглотить весь Куксортал. На моей планете многие от него умерли. Остались только небольшие участки, где сохранилась жизнь. А те из нас, кто выжил, изменились... или изменились их дети. Некоторые из-за этих изменений превратились в чудовищ и умерли, не смогли жить. А немногие, очень немногие, сохранили человеческую форму. Но теперь у нас врожденная защита от оружия, которое чуть не погубило наш мир, — если только его огонь не затрагивает нас непосредственно. Проклятие такой войны в том, что сам воздух становится ядовитым. Те, кто дышит им, попав в определенные места, умирают, но не быстро, как в огне, а медленно, в боли и страданиях. А там... у бассейна...

— Он убивает? — медленно спросила Симса. Но ведь она никакой боли не чувствовала. Может, боль еще придет. Она отказывалась думать, что, возможно, станет такой же, как те сморщенные почерневшие тела на берегу. Или — еще хуже — как эти мертвецы в металле.

— Нет, не думаю. — Торн выглядел явно удивленным. — Скажи, что ты почувствовала, когда вышла из воды... или из этой жидкости?

— Я очень хорошо себя чувствовала. И посмотри на Засс. — Симса решила, что ни за что не поверит, что плавала в смертоносной жидкости. — Она расправляет больное крыло, снова почти может летать.

— Да. Жидкость обновляет. Но у нее есть и противоположное свойство: она убивает.

Торн приблизился к ней, но на этот раз Симса не стала отступать. А инопланетник протянул к ней полоску металла, явно приглашая посмотреть.

— Когда я выбрался из бассейна — а вначале втащил тебя туда, потому что ты потеряла сознание и сама себе помочь не могла, — я нашел это. Поэтому

наполовину вытащил тебя и отправился сюда, чтобы проверить.

Торн положил стержень на камень, направив его конец на полоску. На полоске появилась отчетливая красная линия.

— Это опасность, та самая опасность, которую мой народ испытал в прошлом. И я подумал, что впереди может ожидать смерть — если не меня, то тебя и твоих крылатых друзей. Мне нужно было найти источник, установить, смертельна ли радиация.

— Ты забрал с собой сани, — сказала Симса.

Он снова кивнул:

— Если радиация высока, то пища и вода для тебя ядовиты. Я должен был быть уверен, что ты не станешь их есть, выбравшись из бассейна, а предупредить не мог.

— Значит, то, что мы принесли с собой, ядовито? — Девушка подумала, понимает ли он, как смехотворно звучит его рассказ. Если бы это сказал кто-то другой, она рассмеялась бы, но нельзя судить об инопланетнике по меркам Куксортала. Он другой — а она четырежды глупа, что поверила ему.

— Нет. Источник здесь... — Торн полуобернулся к стражникам, а может, к проходу за безмолвными фигурами, из которого вышел.

— А где ты взял это? — Теперь настала очередь Симсы указывать на оружие, которое он положил на камень.

— Когда вышел на открытое место. Оно просто лежало там.

— Но оно не из этого города, — утверждающе сказала девушка, когда он смолк. — Как могло оружие со звезд — это... и это, — она показала на стражников, — появиться здесь? С твоим братом? Или они с корабля, который тайно приземлился здесь? Я думала, что существует правило не приносить такое оружие на планеты, где оно неизвестно. Эти, которые ждут здесь так долго, разве на них не одежда звездных людей? Я слышала о та-

кой: она позволяет жить там, где нет воздуха. Как они оказались здесь?

— Они не имеют отношения к Ценгу. Они прилетели сюда намного раньше, и мой народ ничего о них не знает. Там находится маленький летательный аппарат, не такой, в каком летают меж звезд. В таких мы исследуем новые планеты. Он лежит там, — инопланетник кивнул в сторону прохода, — где разбился. Тут шло сражение — очень давно. Может, между пиратами и Патрулем. — Он наклонился и снова поднял оружие. — В нем почти не осталось заряда, особенно после того, как я его испытал. К тому же это очень старое оружие, сейчас таким не пользуются.

У него на все имеется ответ, подумала Симса, но от этого ей не стало легче. Удивительное ощущение здоровья и бодрости, заполнившее девушку, когда она вышла из бассейна, сохранилось, но больше не успокаивало. Она быстро возвращалась к обычному для жителя Нор состоянию, когда вера в кого-то обходится слишком дорого и никто такую цену заплатить не может.

— Это искал здесь твой брат? — Симса строила разные предположения, но неожиданно пришедшая в голову мысль показалась ей разумной.

— Конечно нет! — В его голосе прозвучало нетерпение. — Однако... — В его странной формы глазах появилось задумчивое выражение, словно у Засс, почувствовавшей запах вер-крысы. — Но, может, это объясняет, почему не вернулся мой брат.

— Его убили мертвецы?

— Вот это! — Казалось, Торн не слышал ее вопроса, он вытянул руку с инопланетным оружием и рассматривал его как сокровище, которое даст ему богатство речного капитана после целого сезона удачной торговли. — Скажи мне, Симса, что отдаст ваш лорд Гильдии за такое оружие, которое убивает на расстоянии, сжигает противника, не подвергая владельца опасности?

— Ты говорил об огне, о сожжении целых городов, —

ответила она. — Что хорошего в оружии, которое уничтожает все пригодное к продаже? Никакой лорд не пошлет своих солдат, если не получит от этого выгоды. Даже пираты севера не сделают такую глупость. А они готовы рискнуть больше любого торговца. Лорды живут торговлей, а не уничтожением ее.

— Но такое оружие не уничтожит город. Его дальность ограничена. На самой большой дальности оно может сжечь разве что сани.

Симса перевела взгляд со стержня на сани. Она видела следы огня вверху, но что знает житель Нор о междоусобицах лордов или предводителей воров? Люди гибнут в таких стычках и в формальных дуэлях. Всегда были грабежи на реках, пираты в северных морях. Такое оружие сделает набег безопасным, с его помощью можно, скажем, захватить флот из Саукса, самый богатый из тех, что приплывают в Куксортал, — все равно что стая зорсалов против вер-крысы, захваченной в открытом месте, где нет нор, чтобы спрятаться.

— Начинаешь понимать? Да, если есть честолюбие, жадность, стремление властвовать над другими...

— Ты думаешь о лорде Арфеллене! — Девушка произнесла это не как вопрос, а как утверждение. — О нем уже давно тайком поговаривают. Речной торговец — его звали Ю-и-пул — в прошлом сезоне привез такой груз вефт-шелка, что весь город дивился. Но он не стал выставлять его на аукцион, как обычно, а держал на складе Гатара. — Может, и Гатар здесь замешан тоже не случайно. — Да, рассказ Баслтера! Рассказ Баслтера!

Как будто собираешь по кусочкам древнюю резьбу и вдруг находишь кусок, который, если его положить на место, сразу раскрывает значение всей находки.

— А что это за рассказ Баслтера?

Симса сморщила нос.

— Он болтун, но очень хочет, чтобы его боялись. Всегда говорит, что что-то знает. И поэтому его мало кто слушает и верит в его болтовню. Так вот, он рассказывал,

что один из солдат Ю-и-пула перепил вина и сболтнул, что будут неприятности. Ю-и-пул знал, что аукцион не принесет ему выгоды из-за мошенничества, и потому решил сам дожидаться морских торговцев. Так он и сделал, хотя весь город знал, что лорд Арфеллен в гневе. Говорят, он даже убил человека, который принес ему эту новость. Но груз был на складе Гатара, и лорд ничего не мог сделать, и поэтому Ю-и-пул увез прибыль, какая никогда не доставалась речным торговцам. У него стало пять барж, и люди его были вооружены хорошими мечами и копьями, выкованными под присмотром капитанов.

Это было в прошлом сезоне. Но только то, что сделал Ю-и-пул, может сделать и другой речник. И тогда аукционы будут проводиться все реже и реже, и лорды Гильдий потеряют доход.

Для жителя Нор все это ничего не значит — разве только то, что впервые на складе Гатара оказался очень ценный, но уязвимый груз, и именно тогда он заключил с ней договор о зорсалах (запах и вкус вефт-шелка притягивают вер-крыс, как сладкая камедь насекомых в Норах).

— А на реке грабят грузы?

— Пытались, и много раз. Иногда грузы меняют своих хозяев, и те, кто привозит их в Куксортал, омывают выше по течению свои лезвия от крови. Но речные торговцы умеют защищаться. У таких, как Ю-и-пул, верные дружины, поклявшиеся служить ему и его семье, и служба по наследству переходит от отца к сыну. Они получают долю прибыли, и товар, за который они сражаются, отчасти принадлежит им. За прошлые сезоны Ю-и-пул отбил несколько нападений. Теперь его самого и его людей хорошо знают, и его красно-золотой змей по самому узкому протоку проплывает беспрепятственно. Поэтому он и перестал отдавать товар на аукцион. Гильдии не хотели схваток на верфях: причини вред одному речному торговцу, и на его боевой рог откликнутся остальные, хотя завтра они готовы будут сами убить его в каком-то своем междоусобии.

— Понятно. — Инопланетник опустился на землю и положил оружие на колени. Он смотрел не на девушку, а на окружающую зелень.

Хотя раздоры верхнего города ничего для нее не значили, Симса чем больше рассказывала, тем больше сопоставляла и вспоминала. Как и инопланетник, она расслабилась, села и чуть оттолкнула сани, чтобы те их не разделяли.

— Ты думаешь, что если бы лорд Арфеллен узнал об этом, — она указала на стержень, — то он послал бы сюда людей на поиски, вооружил своих солдат и стал бы выше по реке поджидать Ю-и-пула? Он не из тех, кто мирится с оскорблением, а Ю-и-пул унизил его в глазах окружающих — если рассказ Баслтера правдив. К тому же он мог испугаться, что твой брат найдет то, что здесь лежит. Но разве он уже не забрал бы это оружие и не спрятал его?

— Он не может спрятать то, что здесь лежит. Всякий увидевший его должен доложить Патрулю. Патруль пошлет собственную команду — убрать все и выяснить, что случилось, — чтобы инопланетное оружие не попадало в руки таких, как лорд Арфеллен. Не знаю, почему первый приземлившийся здесь корабль не заметил радиацию. А если уловил... — он помолчал, — возможно, за этим скрывается что-то другое.

Его лицо изменилось, хотя и раньше оно никогда не казалось Симсе открытым. Губы сжались, веки опустились, так что она не могла увидеть огонь в его глазах. И сам он стал жестче, замкнутее, мрачнее, как будто теперь увидел новую и гораздо более важную цель.

— Ты считаешь, что твой брат погиб? — негромко спросила девушка.

Торн даже не взглянул на нее.

— Я должен убедиться в этом.

И хоть он не давал клятву на крови или на братском напитке, он свое слово выполнит, в этом Симса была уверена. Глядя на него, девушка подумала, что не хотела бы иметь его своим врагом.

— Ты думаешь, они здесь были, и послал их лорд Арфеллен. Но откуда им об этом знать? — Симсу поразила неожиданная мысль.

Если нашли разбитый звездный корабль или хотя бы часть его, такие слухи в Куксортале невозможно заглушить. Слишком многие интересуются космонавтами и тем, что с ними связано.

— Они могли и не знать об этом — вначале. Но о сокровищах Жестоких Холмов рассказывают уже давно. И когда мой брат пришел их искать, они могли поверить, что ему что-то известно и что ищет он не просто древние знания.

Симса своим инстинктом жителя Нор приняла это объяснение. Конечно, инопланетник, отправившийся на поиски в Жестокие Холмы, не может искать только куски старого камня, что бы он ни утверждал. Так сочтут все Гильдии. Она сама интересуется стариной: и из-за страсти к ней Фервар, и из-за того, что раритеты охотно покупают звездные люди, но она ни за что не поверила бы, что только из-за этого можно отправиться в пустыню. Так поступит только безумец.

Но у нее было кольцо. Девушка сжала пальцы в кулак, так что крепость на кольце поднялась совершенно отчетливо. Имелись у нее и другие вещи: ожерелье, чьи светло-зеленые камни по-прежнему лежали у нее на груди, браслет...

Симса порылась в кармане рукава и достала браслет. На солнце он ожил, заблестел, не ярко, но устойчиво. Девушка расстегнула куртку, открыв камни на своей темной коже.

— Здесь тоже могут быть сокровища. — Она бросила браслет, инопланетник легко поймал его. — Это лучшие из вещей Фервар. Не думаю, чтобы их сделали в Куксортале. В них нет ничего от города. Да и камни, — она подняла длинную нить камней и подставила их солнцу, — я никогда не видела, чтобы такие привозили из-за морей или по реке. У старухи были дела с безликими — ни-

кто не видел, как они приходят и уходят. Не знаю, откуда эти вещи. Но действительно несколько сезонов назад шла торговля с жителями пустынь. Однако потом они больше никогда не появлялись, и рассказывают о какой-то чуме, которая их всех быстро погубила...

Торн поворачивал браслет в руках, но смотрел не на него. Напротив, он резко наклонился вперед, глядя на нее, широко раскрыв глаза, что делал очень редко. Все его тело было напряжено.

— Чума, которая быстро убивает! — повторил он. — Что за чума?

Симсе снова пришла в голову неожиданная мысль. Как будто время от времени ее мозг нащупывал новые тропы. Она опустила подвеску на грудь и указала рукой с кольцом на безмолвного стражника.

— Ты сказал, что ваше оружие отравляет воздух... Чума!

— Да! — Он одним гибким движением вскочил на ноги. И повернулся к ней. — Как давно случилась эта чума?

Жители Нор не ведут отсчет времени, им это не нужно. Один сезон следует за другим. Говорят так: это произошло, когда река разлилась и утонули Гамель и его женщина; или это было в сезон, когда Росо приняли в Гильдию воров, чтобы он поднимался по веревке, — так запоминают время в Норах. Если в Гильдиях и ведется счет лет, Симса об этом не знает. Но она постаралась вспомнить, когда в последний раз приходил к Фервар худой человек с сокровищами.

Это был мелкий речной торговец, который мог заработать только на прокорм себя и своего экипажа из двух парней, таких же нищих и голодных, как и он сам, — если повезет. Симса начала загибать пальцы.

— Двенадцать сезонов назад приходил Траг. Он нашел у реки умирающего жителя пустыни. Подождал, пока тот умер, и забрал, что у него было. — Симса нахмурилась. — Но старуха сказала, что эти вещи прокляты. Заплатила ему, но просила больше не приносить. Она за-

вернула эти вещи во много тряпок и велела закопать под камнями. Там был какой-то кувшин. Я помню: старуха спрашивала Трага, от чего умер пустынный человек, потом она рассердилась и сказала, что это был дьявол и что он затронул и Трага. И тот в страхе ушел. И... и больше никогда не приходил.

Старуху нельзя было расспрашивать. Симса усвоила этот урок так давно, что и не помнила, когда его не знала. И теперь, вспоминая, она все объединила: пропавший Траг, умирающий человек, рассказы о том, что все жители пустыни исчезли, — все это вдруг связалось в ее сознании в одну цепь.

— Двенадцать сезонов назад — шесть ваших лет. — Торн снова рассуждал вслух. — Эти жители пустыни наткнулись на радиоактивные остатки корабля, ограбили их и...

— Эта чума такая же, что убила твой народ когда-то? Но здесь не было войны.

— Да, у вас не было. Но два врага, два корабля — один охотился за другим. Корабль, подгоняемый страхом или жаждой мести. Крушение. Все совпадает! Клянусь мудрецами Девятого Круга, все совпадает!

— Но ты же сказал, что твоя находка не из космоса, — напомнила девушка.

— Да. Однако этот аппарат вполне мог прилететь с такого корабля, на нем могли уйти уцелевшие, которых по-прежнему преследовали.

— И которые теперь стоят здесь — и там, — Симса указала на одного стражника, потом на другого. — Но почему они так стоят? Я посчитала их стражниками. Если они погибли от чумы или сражались и убили друг друга, почему они так стоят, по обе стороны пути? Так стоят стражники Гильдии перед дверью, куда могут войти только знатные.

Торн медленно повернул голову, разглядывая вначале одно, потом другое неподвижное тело в скафандре.

— Ты права, — задумчиво сказал он. — Их так оста-

вили нарочно, может, как стражников, а может, по другой причине.

— Они... — Вспомнив, что она увидела в круглом шлеме, Симса с трудом глотнула и продолжила, стараясь говорить спокойно. — Они принадлежат твоему народу? Ты можешь это определить?

— Не моего рода, — уверенно ответил Торн. — Это воины. После той давней катастрофы на моей планете образ жизни совершенно изменился. Мы пошли по другому пути, который не ведет к войне. Если мы убиваем, — девушка увидела, как он вздрогнул и на мгновение постарел прямо на глазах, — если мы сознательно отнимаем жизнь, за исключением случаев, когда это нужно для спасения других, в нашем мозгу начинает действовать особый механизм, и мы умираем. Мы больше не люди!

Симса не понимала, о чем он говорит, но почувствовала, что это что-то ужасное. И подумала, что нельзя давать ему думать о том, что вызвали ее слова.

— Значит, они не с твоей планеты. Но ведь ты знаешь и другие народы. Можешь сказать, откуда они?

— Это я узнаю! — Торн протянул руку и положил стержень на сани. Симса увидела, как попятились от него зорсалы, как будто зверьки ощутили темную силу этого оружия. — Да, это я узнаю!

Глава 11

— Итак, — Симса встала, — в каком направлении мы будем искать? Зорсалы могут отыскивать только живое. Мертвецов в мертвом металле они не будут искать.

Два крылатых охотника снова взлетели с саней и понеслись над зеленью. Симса догадывалась, что они проголодались и раньше отправились на охоту за добычей, о которой их предупредили обостренные чувства, хотя ночь еще и не наступила. Может, в густой зелени жара и свет им не так мешают? Или купание в этом странном

бассейне подбодрило их, как ее, и они могут теперь выдерживать дневной свет?

— Мы?.. — начал было Торн, и девушка сразу поняла, что он отказывает ей в участии в поисках. Но Симса не собиралась оставаться здесь, окруженная мертвецами, или где-нибудь еще, куда отведет ее инопланетник, пока сам будет рыскать вокруг.

— Мы! — твердо повторила Симса. — Ты говоришь, что нашел разбитый корабль. Даже если он не предназначен для звездных полетов, он не принадлежит этой планете. Если он летает по воздуху, как его можно проследить? Все равно что проследить корабль в море.

Когда Торн ей не ответил, девушка ощутила легкое торжество. Пусть не думает этот инопланетник, что только он может рассуждать логично.

— Похоже, они так оставлены здесь не без умысла, — Симса снова указала на мертвецов. — И они не так давно здесь. Я думаю, это место уже было давно забыто, когда они прилетели с неба... — Впервые девушка заставила себя забыть о мертвых инопланетниках и подумать о каменных изваяниях в стене, особенно о том, которое так поразило ее, заставило ощутить страх и почувствовать себя нечистой. — Это место, — продолжала она после недолгого колебания, — принадлежит моей планете. А бассейн... — Почти не сознавая, что делает, девушка потрогала кольцо на руке, провела пальцем по камню, столь напоминающему своим цветом воду в бассейне. — Мы, жители Нор, не молимся никаким богам или силам, кроме удачи. Я считаю, что это правильно: ни мы, ни наша судьба ни для кого не интересны. Однако в этом бассейне заключена жизнь. — Симса говорила так, будто кто-то вкладывал слова ей в сознание. Она только произносила их. Но Симса верила, что говорит правду. — Не знаю, кто они были, эти обитатели Жестоких Холмов. Однако у них имелись свои тайны, такие же могучие, как пламя смерти для твоего народа. Что ты почувствовал, когда пришел сюда?

— Здесь присутствует какая-то форма радиации, — снова Торн использовал это слово из собственного знания. — Но я не могу ее измерить. И я почувствовал... обновление, как мне кажется.

Он небрежно держал в руке браслет, словно это был ничего не значащий пустяк. И вдруг Симса увидела, как он неожиданно сжал пальцы и ладонь и надел браслет на руку. И тут же недоуменно взглянул на полоску металла, видневшуюся из-под рукава его костюма.

— Почему я это сделал? — Торн был так удивлен, словно действовал по принуждению, выполнял задание, смысла которого не понимал. — Мне показалось, что так нужно сделать, но... — Он протянул руку к стержню, но сразу отдернул ее с криком боли и удивления. — Я... он запрещает мне касаться этого! Но это же безумие! Солнце... у меня, должно быть, солнечный удар...

Симса улыбнулась. Итак, чудеса этого места не односторонние. И у нее нашлось нечто такое, что удивило этого человека, с легкостью рассказывавшего об уничтожении планет и о войнах, которые охватывают легионы звезд.

— Наверное, существует оружие, которого не понимает и твой народ. — Девушка приподняла свое ожерелье с груди и подставила камни солнцу. — Ты нашел одну загадку, звездный человек. Могут существовать и другие.

А Торн по-прежнему смотрел на браслет, хотя и не пытался его снять. Однако он не пробовал снова взять оружие знакомого ему типа. Симса вытянула руку так, чтобы Засс смогла забраться на свое обычное место на плече девушки. Поднимался ветер, зашелестели листья и ветки. Хотя росли они так густо, что было непонятно, как пробирались к ним струйки воздуха. Девушка посмотрела на небо. К северу собрались тучи — она никак не ожидала этого в пустыне и в начале сезона. Стемнело, но это хорошо знакомо всем, кто хоть раз пережил влажный сезон.

Симса повернулась лицом к стражнику с другой стороны пути.

— Будет дождь. — Она указала на тучи. — Хотя в такое время буря маловероятна, я все же думаю, что нам стоит поискать убежище. Ты говоришь, что в этих звездных кораблях опасность. Может, пойдем в другую сторону?

Однако не успели они тронуться, как на них обрушился неожиданный шквал, принесший с собой гневно кричащих зорсалов. В их криках слышался и страх, как показалось девушке. Зорсалы уцепились за сани и крепко держались, оскалив зубы. Было совершенно очевидно, что они думают по поводу этого шквала.

Симса наклонилась и ухватилась за веревку саней. Впервые потянула она сани одна, и те поддались ее усилиям. Может, потому что в ней еще оставался запас новых сил и энергии, которые она получила в бассейне, но девушка почувствовала немалое удовлетворение от того, что идет впереди.

Однако Торн в два шага догнал ее и перехватил веревку. Он быстро пришел в себя от ошеломления или глубокой задумчивости, в которую погрузил его браслет. И теперь двигался с прежней уверенностью и властностью.

Второй порыв ветра швырнул им в лицо песок, сорванные листья и ветки. Как будто это открытое место в давно мертвой крепости или городе привлекало собирающиеся силы бури. Симса, припомнив рассказы торговцев о том, что некоторые камни, скалы или даже морские рифы притягивают к себе ярость бурь, хотела поскорее найти укрытие.

Путь им по-прежнему преграждал мертвый инопланетник. Проход по обе стороны от фигуры в скафандре был слишком узок для саней. Торн не стал долго раздумывать. Сунув веревку саней в руки девушке, он шагнул вперед и схватил стражника за плечи. Тем не менее, как заметила Симса, Торн тоже старался не смотреть за прозрачную часть шлема, отводил взгляд, напрягая все силы (а ему явно потребовались все силы: мышцы под облегающим костюмом отчетливо выпятились), чтобы отодвинуть мертвеца в сторону.

Но какая-то неровность поверхности или неосторожность Торна вызвали неожиданный ответ. Мертвец покачнулся. Симса вскрикнула, ее голос перекрыл крики зорсалов. Стражник начал падать вперед. Торн отскочил, и фигура рухнула и замерла на поверхности, такая же неподвижная в новой позе, как и тогда, когда преграждала вход.

Симса, проходя мимо, постаралась держаться подальше от нее и сильно дернула сани. Торн постоял над упавшей фигурой, сжимая кулаки и глядя на нее так, словно ожидал, что неподвижные руки согнутся, ноги двинутся и мертвый восстанет, чтобы сражаться.

Дно саней задело за шлем мертвеца и отскочило к инопланетнику. Тот вздрогнул и отступил, словно опасался, что мертвец ухватит его за ботинок. И вот они миновали стражника и оказались в коридоре, оставив позади быстро тускнеющий в приближении бури дневной свет.

В коридоре становилось все темнее, но Торн не зажигал фонарь на поясе, а Симса не хотела нарушать тишину этого места, чтобы попросить его. Даже зорсалы перестали кричать.

Под ногами лежала мягкая, годами собиравшаяся пыль, такая же серебристая, как песок вокруг бассейна. Девушка время от времени смотрела на нее, но они слишком углубились в этот проход без света и окон, чтобы были видны какие-то следы тех, кто проходил этим путем раньше.

Снаружи уже бушевала буря с ревом, похожим на звериный крик. Словно какой-то чудовищный зверь попал в когти, которых они счастливо избежали.

Торн продолжал идти теперь рядом с ней, держа в руке веревку саней и позволяя девушке тоже тянуть ее. После каждой вспышки молнии Засс начинала шипеть, прижимаясь к плечу девушки.

В коридоре было не совсем темно: чем дальше они уходили от входа, тем заметнее становился свет впереди. Дважды, предупрежденная вспышками молнии, де-

вушка отшатывалась от чего-то выступающего из стены, сначала с одной стороны, потом с другой. Но потом она поняла, что отскакивает от статуй в натуральную величину, которые на равных расстояниях были расставлены вдоль стен. Вначале она решила, что это тоже мертвецы.

Возможно, та же мысль вывела Торна из задумчивости. Он на мгновение включил фонарь, и Симса увидела, что фигуры здесь были не металлические, а каменные. Вспышка создала у девушки впечатление, что они напоминают людей, но внимательней разглядывать она не хотела.

Напротив, она стала смотреть вперед, на приближающийся тусклый свет. Несомненно, инопланетник не зря проявлял осторожность, используя свой фонарь. Возможно, кончалась его энергия. Ведь он предупреждал ее, что нужно возобновлять заряд ящичка, который поднимает сани.

Наконец они снова оказались на свету, хотя и не на открытом месте. Как только они вышли из коридора, Торн вскрикнул, протянул руку, преграждая дорогу девушке, и втолкнул ее назад в проход. Прямо перед ними на поверхность обрушился большой каменный блок и с силой ударился оземь, так что осколки разлетелись во всех направлениях.

Симса взглянула вверх. Они находились под крышей, в которой виднелась широкая трещина, а в ней — ночная чернота бури. В полутьме еле просматривались другие куски купола, упавшие раньше. Торн потянул девушку влево и повел под кажущимся более безопасным карнизом. Она повиновалась, прижимаясь к стене.

Они оказались не просто в подземной пещере. От центра их отделяло множество столбов, расставленных в определенном порядке, начиная от самого карниза. Столбы имели форму стоящих фигур или густых зарослей из переплетенных деревьев и лиан. Все они возносились высоко над головой. Симса почувствовала любопытство, ей хотелось внимательнее разглядеть эти

изображения, но спутник ее не задерживался, он торопил девушку, тянул ее за руку.

В стене слева от них не было ни дверей, ни отверстий. Саму стену тоже покрывала резьба, однако это были не лица, а переплетение каких-то линий, словно по всей поверхности протянулась гигантская надпись, которая много лет будет удивлять тех, с кем ее создатели не связаны ни родством, ни памятью.

Симса не могла бы сказать, сколько они так прошли или почти пробежали вдоль стены, как вдруг прямо впереди сверкнула вспышка — луч устремился вверх, потом расширился и охватил потоком света их обоих. Звуков падения больше не было слышно, но над головой продолжала реветь буря. И потому Симса почти не слышала своего спутника.

Торн резко развернулся, выпустив руку Симсы и сани, и левой рукой — рукой без браслета — неуклюже поднял стержень. Одним прыжком он оказался перед ней, прижимая стержень согнутой рукой, нащупывая пальцами выступ примерно на трети его длины.

Свет впереди не тускнел, оставаясь почти таким же ярким, как солнце. Симса вначале невольно заслонила глаза, но потом зрение ее приспособилось, и она вначале посмотрела сквозь пальцы, а потом вообще убрала руку.

Это не костер, свет был устойчивый, как от фонаря. Лагерь? Чей? Никакие торговцы, никакие стражники не пользуются таким освещением, ярким, как дневной свет.

А может — мертвецы оставили его по какой-то причине?

Девушка, хорошо запомнившая слова Торна об убивающем огне, прижала к себе зорсалов. Те спрятали головы под крыльями и приподняли их, защищаясь от света. Девушка слышала их крики, полные страха и страдания. С Засс на плече, прижимая двух младших зорсалов к себе (они оказались такие тяжелые, что она держала их с трудом), Симса попятилась к стене, думая, не повернуться ли и убежать. Нет, она будет слишком уязвима при этом.

Она хорошо понимала, что у любого оружия инопланетников дальность не меньше, чем у лука, а она гораздо ближе к источнику света, чем дальность полета стрелы.

Торн стоял, слегка расставив ноги, глядя прямо на источник света. Он что-то выкрикнул, подождал, крикнул снова — и так три раза. Но кричал по-разному. Симса решила, что он говорит на разных языках.

Никакого ответа, кроме потока света. Со своего места Симса не видела, откуда исходит свет. Торн поднял другую руку — она увидела на ней блеск браслета — и знаком велел ей оставаться на месте. А сам пошел вперед, целеустремленно, решительно, прямо к источнику света.

Симса дышала неровно, словно долго бежала. Она ждала огня, думала, что его постигнет какой-то страшный, непонятный удар. Она не думала, что здесь у них могут быть друзья.

Но не последовало ни свиста стрел, ни вспышки инопланетного огня. Торн шел так, словно вокруг расстилалась пустыня, а свет — это жестокий блеск солнца.

Девушка ясно видела его, хотя он и был обращен к ней спиной. Он шел осторожно. Потом чуть отвернулся от колонны света, отошел в сторону — и скрылся, был поглощен?

Зорсалы продолжали кричать и прижиматься к девушке, не желая взлетать. Может, их удерживает свет? Или они ощущают большую опасность? Свои антенны зверьки тесно прижали к черепам, плотно закрыв большие глаза.

Но вот снова между нею и светом показалось темное пятно — это мог быть только Торн. Потом свет ослаб, луч его стал короче, и сияние слабее, и девушка увидела, что Торн подзывает ее к себе. Она должна верить ему, если можно хоть кому-то, кроме себя самой, здесь доверять. Симса потянула за веревку сани и послушалась призыва инопланетника.

К тому времени как она добралась до источника света, тот стал таким слабым, что его можно было принять за костер в ночном лагере во влажный сезон. Теперь она

видела, что свет исходил из чего-то похожего на укрепленный лагерь — вокруг него для защиты были нагромождены камни.

И рядом с камнями валялось множество ящиков и контейнеров — она много раз видела, как такие разгружают с торговых плотов на реке. Но здесь некоторые были металлические, явно инопланетные.

А свет исходил из цилиндра, поставленного на металлическую плиту в самом центре лагеря. Симса торопливо осмотрелась. Где те, кто установил этот свет? Она почти ожидала увидеть тела в скафандрах: живые тела — тела инопланетников. Мертвецы не разбивают лагерь, твердо сказала она себе. Такого не бывает!

Но здесь никого не было, кроме Торна, который не обращал на нее никакого внимания. Инопланетник стоял на коленях возле одного из инопланетных контейнеров, длинного, тонкого и слегка изогнутого. Симса еще подумала, что тот специально устроен так, чтобы его легко было надевать на спину, и действительно — с него свисали ремни. Торн откинул крышку контейнера и рылся внутри. Сначала он достал оттуда два маленьких ящичка, не больше ладони, потом ящик побольше, который раскрылся, когда его доставали. Внутри оказались кубики, один из них подкатился к Симсе. Девушка посадила зорсалов на один из камней лагеря, а теперь наклонилась, чтобы подобрать отскочивший кубик, — и застыла, прежде чем ее пальцы коснулись его, а потом отдернула руку, сразу вспомнив старые полузабытые рассказы.

Душа человека — мужчины ли, женщины ли — может быть поймана, заключена в такую штуку, и тот, кто ею владеет, может призывать, мучить — и убивать! Фервар смеялась над подобными россказнями. Но Фервар — даже она — такого никогда не видела, потому что такие рассказы вполне могут основываться на том, на что смотрела девушка. Она смотрела — на себя самое! В прозрачном кубе была заключена фигура, такая живая, что Симса не могла отвести взгляд.

Такой она должна была казаться, когда вышла на серебряный песок из бассейна, прежде чем снова натянула грязную сковывающую одежду. Темнокожая фигура в кубе была такая же худая, как и она. Казалось, если просунуть внутрь палец, коснешься плоти. Серебряные волосы развевались, словно их отбросило назад ветром. Свободные концы их лежали на плечах, одна прядь касалась гордой маленькой груди. Никакой одежды, только вокруг стройных бедер обвита цепь, серебряная, как волосы. И с нее свисала украшенная камнями треугольная ткань-юбочка. А камни были точно такие, как на ожерелье.

Голова была гордо поднята. В этой другой Симсе — в кубе — сразу чувствовалась гордость. Девушка перевела дыхание. Она заметила в волосах этой высоко поднятой головы еще одну нить, которая поддерживала на лбу венок из камней, а в самом центре венка туманился непрозрачный камень, такой же, как на ее кольце.

В руке девушка из куба держала небольшой жезл, вырезанный из единого куска бело-серого камня. А венчал жезл хорошо знакомый Симсе символ — он много раз повторялся на осколках, которые собирала Фервар: два вытянутых вперед изогнутых рога, а между ними — шар.

Это точно она. Но Симса никогда не носила таких драгоценностей, не стояла так прямо, бесстрашно, торжествующе гордо! Может, это другая ее сущность, которая живет в ее теле, вышла наружу, и никто не сможет догадаться — когда? Но можно ли в это поверить? Могла ли она, Симса, жить здесь? Она всегда была самой собой, знала себя — и тем не менее это тоже она!

Не осознавая своего движения, девушка опустилась на колени и наклонилась вперед, зажав в ладонях удивительный куб, всматриваясь в него.

Симса даже не видела, что инопланетник подошел к ней, пока его тень не упала на другую Симсу, наполовину закрыв ее. Она подняла руку, чтобы устранить препятствие. Потом подняла голову и встретилась с ним

взглядом. Мгновение он смотрел на нее — потом взглянул на вторую Симсу.

Долго смотрел он на изображение в кубе, так что Симса невольно похолодела. Торн знал — не спрашивая ее. И она поняла, что инопланетник знает — знает правду об этом кубе, об этой девушке, о том, что она может сделать. Ей захотелось закрыть куб от его взгляда, спрятать, скрыть эту вторую свою сущность... Но для этого было слишком поздно.

Торн тоже наклонился, но не делал попыток отобрать у нее куб. Неужели он оставит его ей и только она будет владеть этой своей второй сутью?

— Это... это... я! — Симса больше не могла сдерживать слова. — Но почему?

Она подняла голову, не решаясь оторвать взгляд от своей находки, чтобы инопланетник не отобрал ее. У него для этого хватит силы, даже если она позовет на помощь зорсалов. А он знает, что это и как...

Симса не могла разгадать выражение его лица. Она видела его удивленным, видела рассерженным, видела, как он напрягался из последних сил. Но теперь перед ней стоял другой Торн — его она должна бояться?

— Это, — инопланетник заговорил очень тихо и медленно, как будто не хотел испугать ее, — это видеокартина... сделанная моим братом.

— Картина, — повторила Симса. Его брат — где? Она дико осмотрелась.

— В других кубах — изображения стен, голов, — продолжал он все так же медленно и осторожно. — Мой брат видел это — и заснял.

— Меня? — настаивала она.

Торн покачал головой:

— Нет, не тебя. Но явно кого-то из твоего народа, твоего племени, может, даже твою кровную родственницу, твоего предка. Смотри — я бы сказал, что она старше тебя... а вот это, разве у тебя есть такое? — Он не касался куба, в котором находилась другая Симса, просто ука-

зал на треугольную ткань, свисавшую между стройными длинными ногами.

Симса всмотрелась внимательнее. Да, а вот и еще кое-что — еле заметный шрам. Тот же символ, что и на жезле у этой второй Симсы, — два рога, и между ними шар.

— Это поистине Экс-Зэмл, — торжественно заявил чужестранец. — Но женщина, которая это держит, она не из народа Зэмла. Может, она из рода предтеч — загадочных существ, которые исчезли из космоса и со всех планет задолго до того, как в космосе появились мы. Это очень древний символ, древний даже для расы Зэмл — объединение двух сил, солнца и луны.

— Ты говоришь, она исчезла! — прервала его Симса. — Но я-то — здесь. И если она — не я, то все же моя родственница, как ты признал. Твой брат — он может рассказать, поможет найти...

Слова лились потоком, Симса не осознавала, что схватила инопланетника за плечи, пыталась трясти его, добиться того, что ей нужно.

Теперь выражение его лица изменилось. Мягкое выражение исчезло, лицо его застыло, губы сжались, глаза сузились.

— Мой брат... — Торн замолчал и молчал долго. Потом высвободился из ее рук и встал. — Я могу только предполагать, что он мертв.

Симса смотрела на него с раскрытым ртом. Потом, поняв, о чем он говорит, сжала в ладони то, что инопланетник назвал видеокартиной. Это должно принадлежать ей. И в то же мгновение она отскочила к одному из камней, ограждавших лагерь. Прижимаясь к нему спиной, девушка огляделась.

— Откуда ты знаешь?

Торн кивком указал на контейнер, который распаковывал:

— Он не оставил бы здесь маяк... — и показал на лампу, которая продолжала освещать все кругом дневным светом. — Это сигнал. Мне трудно объяснить тому, кто

не знает нашей жизни... но у нас в беде с помощью таких маяков призывают помощь. В него встроен элемент, который откликается на запросы тех, кто может прийти на помощь. — Торн указал на свой пояс со множеством удивительных предметов. — Когда я подошел достаточно близко, сигнал вспыхнул, чтобы привлечь меня. Точно так же он привлек бы любого из нашей службы, кто оказался бы здесь. Если бы не буря, мы могли бы услышать и звук: они призывают не только светом, но и звуком. К тому же мой брат не оставил бы этот сигнал, если бы не считал, что ему грозит очень большая опасность. И это он не оставил бы, — инопланетник печально указал на контейнер, — если бы не надеялся, что его будут искать.

— Послание... — Симса наконец начала понимать, о чем он говорит. — Он сообщил тебе, в чем опасность?

— Может быть. — Торн вернулся к контейнеру и подобрал один из маленьких ящичков, которые достал оттуда. — Послание может быть записано здесь.

— Но картина... — Симса продолжала крепко сжимать в руках куб. — Он скажет, откуда это? Ты говорил о Зэмле, Экс-Зэмле, о предтечах — никто никогда о таком не слышал. Ты так много знаешь, ты со звезд, расскажи мне о той, что так на меня похожа! Расскажи мне! — Девушка почти кричала, вкладывая в слова всю тоску долгих лет, когда она для всех оставалась чужой и должна была скрывать свои отличия. В смешении рас и народов своей планеты она была самой заметной. Сколько раз старуха предупреждала ее, что лорды Гильдий могут схватить ее только за эти отличия! Она понимала опасность и всегда поступала так, как советовала старуха. Тело у нее долго оставалось детским, хотя она уже была намного старше того возраста, когда девушки Нор начинают приносить удовольствие мужчинам. И только теперь, выйдя из бассейна, она ощутила гордость своим телом и своим разумом.

— Если я смогу узнать, где он ее видел, — медленно ответил Торн, — я возьму тебя туда. Конечно, если останемся живы.

Девушка взглянула на Симсу в кубе. Он прав: она страстно хочет найти ее, но на пути может встать смерть. И все же, глядя на это изображение, Симса с восторгом ощущала свирепую радость обладания.

Глава 12

Над головой продолжала бушевать буря, в огромном помещении еще раз послышался удар обрушившегося камня, но Симса сидела спокойно. В одной руке она держала небольшой контейнер. Торн показал, как им пользоваться. Нужно чуть повернуть крышку и немного подождать, пока та не откроется и содержимое не станет горячим, словно только что из котла гостиницы. Симса наслаждалась едой, время от времени протягивая куски зорсалам, они все сидели рядом и следили за каждым куском, который она отправляла в рот. Иноземная пища. Она и не думала, что может быть так вкусно.

Торн держал на коленях другой такой контейнер и сидел, скрестив ноги. Но внимание его было обращено не к пище, а к звукам, доносившимся из маленького ящичка. Он сказал, что там может находиться сообщение его брата. Звуки совсем не походили на незнакомый язык — просто серия щелчков, будто куском металла о камень. На ее замечание Торн ответил, что это тайные сигналы, которые могут разобрать только посвященные. И нетерпеливо махнул рукой, чтобы она замолчала.

Девушка зевнула, подбирая последний кусочек еды, потом поставила контейнер, чтобы зорсалы могли вылизать его своими длинными языками. Ей хотелось порыться в других контейнерах и ящиках. Но, с другой стороны, хотелось спать — впервые с того времени, как она вышла из бассейна. Торн сказал, что лагерь не разграб-

лен. Это означает, что его брат не здесь был захвачен и убит. Инопланетник считал, что они здесь тоже в безопасности — по крайней мере, на время.

Симса вытянулась, слегка повернув голову, чтобы видеть линии на стене. Поискала среди них символ, связанный с другой Симсой. Его не было видно. Но тут щелканье неожиданно прекратилось, и девушка взглянула на инопланетника.

Он держал в руках ящичек с посланием и сидел с непроницаемым выражением лица. Это означало, что он думает.

— Что он тебе сказал? — Молчание слишком затянулось, а она хотела знать. Может, среди этих щелчков скрывается тайна того, что так много теперь для нее значит.

— Он обнаружил, что за ним следили. Сделал находку — Зэмл — предтечу... Потом нашел корабль. Он не сообщает подробностей, но решил, что это обломки военного корабля. Горячие... радиоактивные... но для нас не очень. Осмотрев обломки, он обнаружил следы, что тут побывали другие. Среди них были и жители пустыни. Он нашел два тела.

Инопланетник откинулся, переплетая пальцы и шевеля ими, глядя на свои ладони так, словно это способ предсказать будущее.

— И еще он обнаружил, что тут садились несколько других небольших кораблей — причем недавно. Поблизости есть лагерь. Место встречи людей этой планеты — и других. Джеки! — Это слово прозвучало как взрыв.

— Кто такие джеки? — Девушка приподнялась. И все это он узнал из простой серии щелчков? Но у этих звездных людей и не такое может быть.

— Преступники, — ответил Торн. — Как пираты на ваших морях. Такие есть и на звездных линиях. Они доставляют оборудование, при помощи которого можно разграбить крейсер. Они на это пойдут, если цена достаточно высока. Джеки побывали здесь и улетели, тоже

оставив маяк, что-то вроде этого... — он указал на фонарь, — но другого типа, его можно услышать только на специально настроенных приборах. А это означает, что они намерены вернуться. Может, у них не было необходимого оборудования, чтобы начать грабеж, или понадобилась помощь, или... — Он махнул рукой, показывая, что могут быть десятки десятков причин для такого посещения и предполагаемого возвращения.

— Они могли искать для себя, и Гильдии не имеют к этому отношения.

Торн покачал головой:

— Лагерь, который нашел мой брат, разбили люди этой планеты, потом там появились другие. К тому же он был разбит несколько сезонов назад, и те, кто имеет дело с джеками, хорошо знают, что тут лежит. Только сами не могут использовать.

— Если они знают, допустим, лорда Арфеллена... — Снова в голове Симсы начали укладываться кусочки головоломки. — Но тогда почему они позволили твоему брату прийти сюда? Он извне, он сразу понял бы, что крушение корабля — это очень плохо. Его легко могли убить еще на подходах к Жестоким Холмам...

— Рисковать убийством инопланетника вблизи своей территории, даже случайным убийством?.. Мой брат не рядовой человек: Лига и Патруль приглядывают за нами, особенно когда мы ищем следы предтеч или предметы Экс-Зэмла. Понимаешь, Симса? Дело не в цене кусков разбитого камня или этого. — Он постучал по браслету. — Мы ищем знаний, потому что это наш долг! Мой народ произошел от расы Зэмла, но столько сезонов назад, что тебе и не сосчитать. Мы нашли и другие населенные планеты — там живут необычные внешне и еще более необычные по разуму существа. Некоторые так близки к нам, что возможно скрещивание. Другие планеты лишены жизни, но на них стоят разрушенные города, остались странные механизмы, загадки, творения разумных существ. Мы должны узнать все, что можем,

потому что звездами правили многие силы... и потом исчезали. Некоторые погибали в войнах. Мы обнаружили планеты, сожженные дочерна, покрытые только пеплом, — это результат применения такого оружия, которого мы боимся и которое объявили вне закона. Но есть планеты, на которых все сохранилось, словно их обитатели просто ушли и оставили многочисленные чудеса, которые рушатся под пальцами времени. Откуда они возникли и почему ушли? Если мы узнаем хоть немного их прошлое, то сможем заглянуть и в свое будущее, по крайней мере частично. И избежим ошибок, которые привели их к гибели. В нашей Лиге есть планета, на которой все такие находки собираются и изучаются. Там живет народ — такой древний, что даже самые старшие из нас для него как дети, — он изучает эти находки, старается научиться. Иногда эти люди сами начинают поиски, но чаще знания для них собирают другие. Таким собирателем был мой брат, и у него был большой опыт в этом деле. Когда первые корабли привезли с вашей планеты древние обломки, а потом торговцы доставили еще и еще, он был избран для отправки сюда: искать, делать записи, сообщать, и тогда сюда прислали бы целый корабль с подготовленным экипажем, чтобы разобраться в находках.

— А моя Симса, — девушка по-прежнему так думала о картине, — она из этих предтеч? Тех, кто поднимался и падал, кто знал звезды и покинул их?

— Может быть. Символы делают это очень вероятным. А может, она родилась на этой планете и узнала о них от других звездных бродяг, тех, кто летал меж звезд задолго до того, как мой народ вышел в космос. Я теперь знаю, где Ценг ее нашел.

— Где? Идем туда!

— Если хочешь... — Это прозвучало почти равнодушно. Девушка вынуждена была признать, что его больше интересуют собственные поиски и планы. — Утром, — добавил он.

Симса поняла, что должна этим удовлетвориться. Ей же хотелось бежать немедленно. Но инопланетник встал, подошел к лампе и провел над ней диском, который снял с пояса. Свет погас. Зорсалы зашевелились, и Симса отдала им приказ сторожить. Она была уверена, что не уснет, желание увидеть другую Симсу было таким острым и болезненным, что она просто не могла отдыхать. Но в конце концов все же уснула.

Проснулась она от звуков льющейся воды. Через щели в куполе и из-за каменных стен пробивался серый свет: уже не меньше часа как рассвело. По другую сторону лагеря лежал Торн, прикрывая глаза рукой с браслетом, словно, засыпая, хотел спрятаться от какого-то видения.

Симса услышала негромкое воркование. Три зорсала сидели на верхушке одного камня и ворковали негромкими мягкими голосами, как всегда перед сном. Девушка встала на колени и посмотрела в центр помещения, которое оказалось больше любого здания в Куксортале.

Теперь, в более ярком свете, она видела, что зал овальный по форме, вокруг всего овала проходит огороженный карниз, на нем тянутся ряды сидений. Когда-то здесь для какой-то цели собирались люди. Вероятно, чтобы наблюдать за зрелищем в центре, где теперь лежат груды разбитого камня. Она никогда такого места не видела и гадала, что могло собрать вместе так много людей, если бы были заполнены все места на карнизе.

Вода, которую она слышала, стекала с выступов и с разбитого купола и собиралась в канаве недалеко от лагеря. Симса перебралась через каменную стену и направилась к воде. Похоже, она была чистая и пригодная для питья. Девушка набрала в горсть воды, вернулась и предложила ее Засс, которая послушно дважды окунула язык и подтвердила, что все в порядке. Все эти разговоры о чуме, радиации и яде сделали Симсу вдвойне осторожной, но теперь и она напилась воды и нашла ее хорошей.

— Доброе утро, леди Симса...

Девушка как раз пыталась расчесать спутанные волосы пальцами. Услышав голос инопланетника, она оглянулась и улыбнулась. Пробуждение ее было таким беззаботным, словно они находились в полной безопасности, несмотря на все сказки Торна. Ничто не тревожило сердце, как тогда, когда она вышла из бассейна.

С некоторым внутренним удивлением Симса заметила кое-что новое для себя. Когда раньше Торн называл ее «леди», она считала, что инопланетник над ней насмехается, подчеркивает, что она из Нор. Но теперь... титул показался ей вполне уместным.

— И тебе доброе утро, лорд Торн, — ответила она. — Ты не передашь мне контейнер для воды? Я наберу, пока не иссяк дар ночного дождя.

Струйка воды уже уменьшалась.

Торн кинул ей контейнер, который она ловко поймала, перехватив его за лямки, так что тот закрутился в воздухе. Эта емкость, которую так легко нести, тоже из вчерашних находок, и то, что контейнер был оставлен здесь, как думала Симса, подтверждает мнение Торна, что его брат мертв.

Она наполнила флягу, сполоснула, наполнила снова. Если они пойдут дальше (а девушка уже начала составлять планы), то не возьмут с собой неудобные сани. Их заменит оборудование лагеря. Торн как будто именно этим и занялся. Разобрав содержимое одного заплечного мешка, он наполнил ненужными вещами корзину, а консервные банки и другие необходимые предметы, собранные со всего лагеря, снова сложил в мешок.

Легкий, прочный, но очень мягкий квадрат ткани, который послужил Симсе подушкой, оказался еще одним заплечным мешком или ранцем, с которым Торн возился, пока не убедился, что Симса легко унесет его на спине. Работая, он объяснял назначение некоторых вещей, которые они должны будут взять с собой. Среди них был и указатель направления, который отыщет следы, оставленные Ценгом, и проведет Торна по тропе брата. Помимо прочего там были и маленькие круглые шарики. Торн

объяснил, что нужно нажать на шарик с одной стороны, бросить, и тот выпустит облако тумана, которое лишит сил любое животное или человека без защиты. Таких шариков оказалось всего четыре, но Торн разделил их поровну и настоял, чтобы Симса свои положила в карманы рукавов, откуда их легко достать.

Симса уже вытащила из правого рукава мешочек с кусками серебра: здесь они бесполезны, тяжелы и только мешали ей.

Когда все было готово, Торн взял ящик, в который осторожно сложил все, что брат оставил как информацию. Потом он постоял, ожидая, и Симса подумала, что знает, о чем он ее попросит. И прикрыла рукой «картину», которую обернула куском тонкой ткани — в нее раньше были завернуты шарики с туманом. «Картина» принадлежит ей, Симса ее не отдаст. Торн взглянул на девушку, видимо, понял ее настроение и не стал ни о чем просить. Напоследок он поднял переставший светить фонарь, поставил его широкое основание на закрытый ящичек, а все вместе — на камень.

Вначале Симса не поняла значение его действий. Потом сделала большой шаг и встала рядом с инопланетником.

— Ты оставляешь его так — считаешь, что мы не вернемся?

— Я ничего не считаю! — нетерпеливо ответил он. — Я поступаю так, как надлежит в таких ситуациях.

— Один человек ушел из этого лагеря, — сказала она, — и, как ты считаешь, умер.

Торн не ответил. Ей и не нужен был ответ. Но уверенность ее не ослабла. Смерть всегда ждет нас. Если все время бояться ее, некогда жить. У тебя есть день — и думай о нем.

Они оставили лагерь; Засс сонно сидела на ранце Симсы, два других зорсала — у нее на плечах. Когда Торн предложил понести их, девушка ответила, что они не пойдут ни к нему, ни к кому другому.

Дорога была ровная, а ноги Симсы отдохнули и наполнились новой силой в бассейне. Девушка уверенно заявила Торну, что не отстанет от него.

Скоро они вышли из большого помещения под куполом, слева открылся другой проход. Торн не задумываясь вошел в него, Симса шла на шаг позади. Проход оказался коротким, впереди светило солнце, и вскоре стали видны статуи у стен, которые накануне так испугали девушку. Она с интересом вглядывалась в них, надеясь найти сходство со своей «картиной», но тут были только такие же лица, как на верхней стене. А также разные животные, которых она не узнавала: все они скалили клыки, обнажали когти и, казалось, вот-вот прыгнут на добычу.

Три изваяния изображали гуманоидов, с плоскими невыразительными лицами, с глазами — простыми овалами из гладкого камня. Девушке они не понравились. Враждебность зверей была открытой и честной. А у этих вместо лиц — маски: если бы они были живые, думала Симса, за масками скрывались бы гораздо худшие чувства и желания.

За проходом открылось еще одно обширное пространство — дорога или улица. Мостовая здесь была покрыта не какими-нибудь скользкими булыжниками. Дождь омыл плиты размером больше Симсы, плотно пригнанные друг к другу, хотя кое-где в щелях и пробивалась трава. Но все равно эти плиты находились в лучшем состоянии, чем любая улица ее родного города. По обе стороны от этой дороги буйствовала роскошная зелень, в которой едва различались очертания зданий в три, четыре и даже пять этажей, с узкими разрезами окон, похожими на слезы на стенах.

Тропинки, когда-то ведущие к дверям зданий, давно заросли, а стены оплели лианы, покрывшие их густым плащом. Симса решила, что понадобится инопланетное оружие, чтобы проложить здесь дорогу. Торн прихватил такое оружие, оно висело у него на боку.

— Почему ты его не снимешь? — кивнула девушка на браслет. — Ведь он не дает тебе пользоваться огненным оружием.

— Не могу, — просто ответил инопланетник. — Разве что разрубить. Я пытался.

С неожиданной тревогой Симса взялась за кольцо на пальце и обнаружила, что оно легко поворачивается, она может его снять и снова надеть. Потом взялась за ожерелье — оно тоже легко снялось. Девушка не понимала, почему инопланетник не может снять эту часть ее добычи.

Его «не могу» прозвучало коротко и резко — ясно было, что он больше не хочет об этом разговаривать. Симса могла бы настаивать, но он неожиданно остановился и полуобернулся лицом к густой массе растительности, отделявшей их от зданий. Одновременно она услышала поверх жужжания насекомых, к которому слух уже привык, какой-то другой звук — щелканье.

— Сюда...

Торн смотрел прямо на сплошную массу листвы и ветвей, где Симса не видела ни малейшего отверстия. Но когда листва оказалась рядом, закачались оборванные ветви лиан в поисках новой опоры, девушка наконец заметила увядшую зелень и почерневший обожженный ствол дерева: кто-то прокладывал здесь дорогу огнем. Торн решительно нажал на стержень, который держал очень осторожно. Из его конца вылетел яркий обжигающий луч. Сплошная стена зелени превратилась в пепел, плывущий в воздухе. Перед ними открылось узкое отверстие. Полог растительности закрывал от них арочную дверь.

Симса торопливо шла по пятам инопланетника. У нее появилось неприятное ощущение, что кусты и лианы вот-вот сомкнутся снова и захватят их в плен.

— Ты говоришь, что ввозить такое оружие запрещено. Как же расчистил себе дорогу твой брат, если у него не было оружия?

— Хороший вопрос, — заметил Торн. — Однако, если

он шел тем же путем, что и мы, он мог найти флиттер, а в нем, как и я, такой лучемет.

— Оставленный стражниками? — Не скоро она забудет эти фигуры в скафандрах.

Торн в ответ проворчал что-то непонятное. Тем временем они вошли в помещение с расписанными стенами. Но окна сплошь заросли, свет почти не поступал, и поэтому невозможно было рассмотреть росписи. Торн включил фонарь и медленно провел лучом по ближайшей стене. Фрески давно поблекли, но цвета еще различались. На стенах были изображены странные асимметричные цветы, над некоторыми из которых летали существа с разноцветными крыльями. Зорсалы, спрятавшись от света, казалось, очнулись от оцепенения. Молодые, сидевшие на плечах Симсы, неожиданно взмыли в воздух и поднялись к высокому потолку. Один из них испустил охотничий крик и устремился в дальний угол. То, что он принес, заставило Симсу вздрогнуть.

— Нет! — воскликнула девушка, когда луч света упал на зорсала.

Зверек нес добычу в задних лапах, передними искусно сворачивая ей голову. Это существо было слишком хорошо известно Симсе. Что, если?.. Она схватила Торна за руку.

— Оно питается мертвыми, — негромко сказала девушка, но ей самой показалось, что голос ее слишком громко отозвался в этом помещении. Торн слегка оттолкнул ее в сторону.

— Оставайся на месте! — и ушел. На этот раз Симса охотно послушалась его.

Она видела, как Торн осветил угол, на миг задержал луч на чем-то. Потом инопланетник вернулся.

— Он в одежде Гильдий.

Этот ответ отличался от того, что она ждала услышать, как, наверное, и от того, что ожидал он. Они долго молча смотрели друг на друга.

— Один из тех, кто шел за твоим братом?

— Кто знает? Идем!

И он почти побежал через комнату. Симса окликнула зорсалов, но знала, что они не вернутся, пока не удовлетворят свой охотничий аппетит. Мужчина и девушка прошли под другой аркой и увидели длинный лестничный пролет, ведущий вверх.

Симса не привыкла к лестницам, но у этой ступени были почти такие же низкие и широкие, как и у той, по которой они спускались к бассейну. Они поднялись выше уровня растительности, и в окна начал пробиваться свет. На стенах здесь не было рисунков — когда-то они были выкрашены в золотой цвет, в котором посверкивали огоньки, словно грани выступающих драгоценных камней.

Еще одна арка вывела их на узкий мост, проходящий высоко над морем растительности. Симса судорожно вцепилась в перила — у девушки даже закружилась голова: ей показалось, что мост начинает раскачиваться, как лодка на волнах, и она переваливается через край и будет все падать и падать, пока ее навсегда не поглотит океан растительности.

Однако Торн, по-видимому, считал такой способ передвижения вполне естественным: он уверенно двинулся по мосту, не оглядываясь на девушку, вцепившуюся в балюстраду. Тогда она стиснула зубы и последовала за ним, чтобы инопланетник не исчез в другом здании, которое виднелось впереди. У него-то имелся какой-то инопланетный указатель, который вел его по тропе брата, у нее же такого указателя не было, ничто не предупредит ее, если она свернет не туда. Здесь, в этих зданиях, даже зорсалы могут заблудиться.

Поэтому ей пришлось оторваться от перил. Не отрывая взгляда от удалявшейся спины Торна, Симса шагала за ним, и страх ее все возрастал.

Тем не менее они добрались до следующего здания без всяких происшествий. Торн задержался у входа в него, внимательно глядя на диск в руке. Симса ожидала,

что им предстоит теперь спускаться по лестнице. Но инопланетник повернулся, прошел в другую комнату и подошел к широкому окну.

Там он забрался на подоконник и выглянул. Симса ничего не видела за его широкими плечами, а он все молчал и не двигался. Наконец девушка не выдержала.

— Что там? — Она даже схватила его за руку, в которую впивался браслет.

— Может быть, конец мира. — Его слова ничего для Симсы не значили, но теперь инопланетник отодвинулся, чтобы и она могла заглянуть вниз.

Она чуть не закричала. Но Торн вовремя положил руку ей на губы.

Зелени внизу не было — одно лишь пустое пространство, дальний край которого исчезал из виду. Местами поверхность почернела, обгорела. А на ней...

Вначале Симсе показалось, что она видит посадочное поле целого космического флота — хотя такое количество кораблей никогда не приходило в Куксортал за сезон, даже за два сезона. Потом она заметила, что большинство этих кораблей не стоят вертикально, как обычно — стабилизаторами вниз, носом к небу. Два ближних корабля лежали на боку, очевидно, сильно поврежденные. За ними стоял третий, совсем иной формы, чем знакомые ей торговцы, — круглый шар, из-под которого вытекла масса расплавленного металла — остатки другого корабля. И не было ни одного... Нет, один нашелся, стоявший на некотором расстоянии в стороне, прочный, устремленный к небу. Бока у него были чисты, без каких-либо следов огня и разрывов, как на других. Он выглядел так, будто готов в любой момент взлететь.

Однако даже если это было кладбище кораблей, которые больше не могут летать, то его никак нельзя было назвать покинутым. Симса видела людей в скафандрах, как у мертвых стражников, но эти люди неуклюже передвигались. Некоторые сидели на повозках, которые сами

по себе перемещались от одного корабля к другому. Другие медленно ходили в тяжелых скафандрах, разбирали обломки, складывали их грудами.

Торн поднял руку. В ней мерцала полоска, которая, как он объяснил, показывает уровень смерти в таких местах. Симса видела, что красная линия, которая раньше была в середине, теперь переместилась к дальнему концу.

— Смертоносное место.

Говорил он тихо, как будто открывшаяся перед ними сцена совершенно поразила его.

— Но они...

— Они все в костюмах, — ответил Торн. — Но все равно опасность велика. Что им тут нужно?

— Твое огненное оружие?

— Явно не только для торговли с мелкими лордами, — возразил он. — Я подозреваю, ваш лорд Арфеллен кое-что об этом знает. Он не рискнет подойти к собранному. Это останки военного отряда.

— Ваша война... может, сюда бежали из разрушенных городов?

Торн опять покачал головой:

— Я не знаю таких кораблей, они очень старые. Может, это корабли предтеч. — Глаза его широко распахнулись: — Оружие предтеч! Да! Глупцы с полусотни планет дорого заплатят за такое знание, даже если сами не смогут коснуться оружия. Понимаешь? Его можно разобрать, изучить, сделать такое же. Если бы об этой находке стало известно, она была бы тут же уничтожена. А так — нашедшие получат возможность торговать тем, что никогда еще не продавалось! Это сокровище злого прошлого! Мы находили сгоревшие планеты, но никогда не встречали флот — или даже один корабль — из тех, что вели эти войны. Оружие, которое можно изучить и скопировать! Сами корабли! Грабители найдут множество покупателей, хотя это может означать смерть и разрушение всей галактики!

— Что ты будешь делать? — Каждое слово Торна звучало ударом. Девушка хорошо понимала, о чем он гово-

рит. Те, кто работает внизу, разберут в своих мастерских ужасное оружие, научатся его делать и продадут свое знание. И кто в Куксортале сможет их остановить, если даже просто приближение к этому призрачному флоту без защиты, какая есть у врага, означает смерть?

Глава 13

Торн отвернулся от окна, Симса снова увидела его напряженное лицо. Он сжал кулаки, в одном по-прежнему держа инопланетное оружие.

— Что я буду делать? — негромко повторил он, сделал два шага по комнате, резко развернулся и подошел к ней, глядя на Засс.

— Я тебя уже спрашивал, — Торн говорил медленно, словно сам еще не разобрался в собственных мыслях, — что они могут сделать по твоему приказу, — и он кивком указал на Засс. — Как ты хочешь их использовать? — быстро спросила Симса. Если Торн собирается отправить зорсалов туда, в смертоносную атмосферу, к этим людям внизу, работающим в защитных скафандрах, ничего у него не выйдет.

Торн вернулся к окну и смотрел на сцену лихорадочной деятельности внизу.

— В том разбитом флиттере остался сигнал, вызов помощи, — сказал он. — Он не поврежден, его можно извлечь и установить в середине поля...

— А кто его услышит? — спросила Симса. — Есть флот меж звездами, который ждет сигнала?

Теперь инопланетник повернул голову и внимательно взглянул на нее:

— В нашей службе кое-что подозревают. Когда я отправился сюда, мы сообщили Патрулю. На этой планете высаживаются в основном вольные торговцы, небольшие корабли, на которых капитан и экипаж делят прибыль. Но известно, что сюда прилетали и корабли джеков. Они

занимались торговлей, покупали продукты и товары. Это законное занятие. Но по этой причине уже несколько сезонов за Куксорталом наблюдают. Скоро на орбиту прибудет корабль Патруля. — Торн замолчал и нахмурился. — Возможно, он уже здесь. Но без сигнала он на планету не спустится. Если бы мы могли привести в действие сигнал тревоги...

Симса погладила мягкую шерсть Засс. Допустим, зорсалы выполнят его желание, а потом умрут от этой чумы? Какое ей дело до забот Лиги, если предложенные действия приведут к смерти тех, кто доверяет ей и кого она любит?

— Это можно сделать ночью, — продолжал Торн. — Но успех зависит от многих факторов: исправен ли сигнал, можно ли его установить здесь, смогу ли я его правильно закодировать...

— И соглашусь ли я послать своих зорсалов на верную смерть! — яростно прервала его Симса. — Ты говоришь, люди внизу без костюмов умерли бы. А эти? — Девушка прижала к себе Засс и услышала беспокойные крики двух самцов, которые подлетели и теперь вились у нее над головой.

— Если они по-быстрому слетают... — Торн не смотрел ей в глаза. Потом резко добавил: — Я не вижу другого выхода, а это должно быть сделано! Ты хочешь, чтобы твоя планета погибла в огне? Говорю тебе: эти грабители сделают все, чтобы никто не смог найти то, что они пропустили. Они и сами не могут долго находиться здесь, даже в защитных костюмах, поэтому не смогут обшарить все корабли. И так им досталась богатейшая добыча. А остальное они уничтожат, для чего наверняка приведут в действие это оружие, и яд от него разойдется и будет убивать, убивать, убивать!

— Твой план целиком зависит от случая и удачи, — ответила Симса. — Даже если в разбитом корабле действительно осталось то, что тебе нужно, может, оно не работает. — Девушка не знала, насколько можно верить

словам инопланетника. Возможно, он считает, что говорит ей правду, но ошибается сам или пытается запугать ее, чтобы она слепо повиновалась его приказам.

— Это можно проверить. — Он отскочил от окна, словно пораженный стрелой из туго натянутого лука. И, не глядя, идет ли она следом, отправился назад. Симса неохотно пошла за ним. Правдиво ли его предупреждение? Неужели люди, работающие внизу, уничтожат древние корабли, ограбив их, неужели отдадут огненное оружие людям Гильдий, которые тогда узнают, что они здесь делают? Для них безопаснее убить всех посыльных лорда Арфеллена; опасаться Гильдий им нечего: они далеко и не смогут узнать, что здесь произошло.

Девушка снова пересекла мост, стараясь смотреть только вперед, а не вниз. Вскоре они вернулись в лагерь. Торн некоторое время провел в нем, роясь в ящиках и отбирая разные предметы.

И только когда они снова вышли на открытое пространство, пройдя мимо мертвого стражника, инопланетник заговорил с ней. До сих пор он молча занимался своим делом и даже как будто не замечал, что Симса по-прежнему с ним.

Торн снял свой заплечный мешок, но то, что собрал в лагере, не оставил.

— Жди здесь, — приказал он. — Вокруг флиттера радиация... но, как я сказал, мне она не опасна.

Потом Торн протиснулся мимо стоящего мертвеца и исчез в той части развалин, из которой они пришли. Симса села, тоже сбросив свой мешок. Порывшись в нем, девушка отыскала банку с инопланетной пищей. Открыла. Засс и ее сыновья тут же забрались к ней на колени, вытягивали лапы, негромко просили. Им тоже понравилась эта новая пища.

Содержимое этой банки оказалось твердым, Симса ломала его на кусочки и делилась со своими спутниками, которые набивали ими рты, пока их щеки не раздулись.

Симсе не нравились собственные мысли. В плане инопланетника было слишком много неувязок. Но это его план. Не ее. В любом случае выбор останется за ней. Зорсалы никогда не подчинятся его приказу, и девушка была очень рада этому. Это давало ей небольшую возможность уберечь их.

Симса считала, что два зорсала действительно смогут взять предмет, небольшой и легкий, и отнести его на середину поля. Это она может заставить их сделать. К тому же ночью они проделают это незаметно, если только люди в скафандрах не зажигают после захода солнца огни, способные ослепить зорсалов. Но если никакой патрульный корабль не отзовется? И что вообще может сделать один корабль? И как?.. И что?.. Симса покачала головой, пытаясь привести мысли в относительный порядок.

Выбрось из головы, подумай о чем-нибудь другом — временно. Так учила ее поступать Фервар, если предстояло трудное решение. Фервар всегда так охотилась за древними обломками, так вглядывалась в них: в резьбу, в обрывки рукописей, в те два сокровища, что Симса прихватила с собой. Девушка сунула руку под куртку и коснулась ожерелья. Пальцы ее случайно коснулись куба, и она извлекла «картину».

В свете дня стали яснее некоторые подробности. Отдав банку с остатками пищи зорсалам, девушка принялась разглядывать вторую Симсу.

Шрам на коже. Симса развязала пояс, приспустила брюки и осмотрела свой живот. Это точно она, не хватает только этой отметины. Торн сказал, что брат оставил указания, где он своим инопланетным волшебством сделал эту картину. Если бы она уговорила Торна рассказать ей, как пройти туда! Поле с мертвыми кораблями — да, она понимала важность событий. Но и это очень важно для нее!

Чем дольше смотрела девушка в куб, в глаза второй Симсы, заключенной в нем, тем сильнее становилось желание узнать, где это было сделано. Торн пользовался

указателем, оставленным братом. Но Симса была уверена, что Торн его не отдаст.

Тут город, множество высоких зданий, она может искать бесконечно долго и не найти нужное место. Но она должна знать!

Может, та Симса была знатной леди, она правила среди этих ныне разрушенных стен? Или она, как говорил Торн, пришла со звезд так давно, что даже камни Куксортала этого не помнят? Если это так — тогда почему Симса родилась с ее кожей, с ее волосами и телом — множество веков спустя? Кровная связь, сказал Торн. Но какая кровная связь может выдержать неисчислимые периоды времени?

Как девушке хотелось, чтобы старуха была еще жива: тогда она могла бы показать ей эти вещи. Как она жалела, что не проявила настойчивости, расспрашивая Фервар, почему она родилась в Норах, кто были ее отец и мать. Почему, ну почему она не узнала все это, когда была возможность?!

Симса извлекла на свет длинную подвеску ожерелья и сравнила камни и их расположение с тем, что видела в «картине». И обнаружила, что это вовсе не подвеска! Это же часть юбочки, какая была надета на той женщине в кубе. Именно поэтому она была сделана в форме длинной полоски...

Браслет? Нет, у Симсы в кубе его не было, как не было и кольца, какое у девушки надето на большом пальце. Однако Симса была уверена, что обе эти вещи произошли из того же времени и мира, что и фигура в «картине».

Девушка чувствовала беспокойство, возбуждение. Потом она вспомнила ящичек, который Торн так осторожно установил под маяком в лагере. Там может найтись и что-нибудь еще — что-нибудь такое, что даст ей ответ. Почему бы ей не посмотреть? Подхватив Засс — два молодых зорсала тут же взлетели над головой, — Симса обошла упавшего мертвеца и вернулась в лагерь.

Там она осторожно сняла лампу с ящичка, опасаясь, что каким-то образом зажжет ее. Потом нажала крышку ящичка, как у нее на глазах делал Торн. Сверху лежали предметы, которые он называл «лентами», — Симсе они не требовались. А вот уже под ними хранились кубики, такие же, как и у нее.

В каждом было заключено небольшое трехмерное изображение. В первом — разбитый корабль. Симса внимательно разглядела его и решила, что он совсем другой формы, чем те, что разбросаны на поле. Может, это и был «флиттер», который пошел осматривать Торн.

В следующем оказалось изображение двери — не отверстия, как то, через которое они вошли в здание, а оттуда на мост, — нет, здесь перед дверью вся растительность была оборвана, а сама дверь имела вид арки, вдоль которой от одного конца до другого проходит широкая цветная — вернее, многоцветная, один цвет незаметно переходит в другой, — полоска.

Но для девушки было гораздо важнее, что дверь закрыта. А на ней вполне отчетливо изображен символ, который Торн назвал «луна и солнце» — рога, а между ними шар. Точно такой, как у Симсы в «картине».

Где это место? Где-то среди развалин? Симса взяла остальные кубики, их оставалось три. В одном был бассейн, завешенный туманом, — его она сразу отложила. В другом — часть стены с резными линиями, какая-то древняя надпись, бесполезная для нее. Этот куб девушка тоже отложила. Но вот третий, как и дверь, скрывал в себе картину, имевшую для нее значение.

Изображение было сделано откуда-то сверху. В большой комнате вдоль стен, но не по всей их длине лежали длинные полосы тех же цветов, что и на арке двери. Симса решила, что видит большой зал. Полоски неожиданно обрывались у серебристо-серого пространства — цвета песка у бассейна и жидкости из него. Это пространство окружало возвышение, а на нем — Симса негромко удив-

ленно вскрикнула — на нем стояла та самая вторая Симса, что в другой «картине», только еще меньше!

Где-то здесь, среди развалин, находится дверь, а за нею — это! Нужно только поискать, и она найдет! Спрятав три кубика в рукав, девушка торопливо уложила все остальное назад в ящик и аккуратно поставила на него лампу, стараясь все сделать точно так же, как было раньше. Пусть инопланетник занимается кораблями и их грабителями, у нее же есть это, принадлежащее только ей, важнейшая в ее жизни тайна. Напоследок Симсе хватило благоразумия надеть свой заплечный мешок.

И вот, с Засс на мешке, мордочка которой едва не касалась уха девушки, с двумя другими зорсалами над головой, Симса снова вышла на дорогу между заросшими зданиями, чтобы отыскать дверь — и то, что за ней.

Два молодых зорсала вились над ней. Девушка хотела бы сообщить им, что ищет, но показать зверькам картину, попросить поискать дверь — это слишком сложно. Она должна рассчитывать на удачу, на собственные ноги и настойчивость.

Симса давно поняла, что развалины гораздо обширнее, чем ей казалось. Дороге и зданиям по сторонам не было конца. Нетерпение девушки росло, но решимость ее не дрогнула. Где-то здесь находится то, что она ищет, — вера в это усиливалась, а не слабела, хотя до сих пор Симса не заметила ни следа того, что кто-то проходил здесь перед нею.

Зорсалы летали меж зданий. Большие насекомые взмывали в воздух на кружевных, почти невидимых крыльях, другие, с яркими пятнистыми крыльями, мелькали в буйной растительности. И повсюду стояла тишина.

Симса шла медленно: проходя мимо каждого здания, она искала сожженные ветки, следы того, что тут кто-то проходил. Появились высокие деревья, закрывающие нижние этажи, сплошь переплетенные лианами, и было трудно поверить, что тут можно проложить дорогу даже огненным оружием.

Дорога свернула вправо, в направлении далекого посадочного поля. Симса старалась идти поближе к кустам. Проходили ли здесь грабители? Или они так заняты кораблями, что город их не интересует? Девушка не знала.

Еще один крутой поворот: дорога теперь шла почти в обратном направлении. Тем не менее Симса увидела, что у нее имеется конец. Дорога сужалась и приводила к...

У Симсы перехватило дыхание. Она замерла, маленькая, незаметная. Вот ее многоцветная дверь! Но она такая высокая и...

Девушка запрокинула голову. Не сознавая этого, Симса крепко прижимала кольцо к губам. И смотрела все выше и выше.

Это здание было построено не для людей, оно предназначалось для каких-то разумных существ гораздо больше людей — тех людей, каких она знает. И оно абсолютно не похоже на другие здания этого города.

Город древний, Симса в этом не сомневалась, но что-то говорило ей, что это здание несравнимо древнее остальных. Оно просто не такое, как остальные: не заросло кустами, лианами, другой растительностью. И это двойник здания у нее на кольце!

Симса переводила взгляд с кольца на громадные серо-белые стены с голубоватым оттенком. От них — от этого входа с его полосой переливающихся цветов — исходило холодное дыхание такой древности, что Симса невольно опасалась, что сейчас все это обрушится и превратится в пыль. Девушка медленно двинулась вперед. Сейчас она так же не могла повернуть назад, как не могла, подобно зорсалам, взлететь в воздух.

К двери вели три широкие ступени. Симса поднялась по ним, крепость вздымалась над ней, как готовый к прыжку зверь. Рядом возвышалась статуя — миниатюру такой она продала Торну: звериное тело, голова наполовину человеческая. И вот она встала перед дверью с символом Экс-Зэмла (а может, и нечто большее, чем Экс-Зэмл; она вспоминала отрывки рассказов Торна).

Символ сиял бледным серебром. Девушка протянула руку с кольцом. Она должна открыть эту дверь. Что-то внутри говорило ей, что не нужно этого делать, но это увещевание было тщетным. Нет, она должна это сделать. Здесь было скрыто что-то старое, древнее, забытое — но не совсем. Дыхание ускорилось, сердце забилось сильней. Страх, благоговение и что-то еще обрушилось на нее, сделало безвольной, не способной на самостоятельные поступки.

Пальцы Симсы коснулись двери намного ниже символа. Дверь была так высока, что ей пришлось бы встать на цыпочки, чтобы дотянуться до ее края. Она приложила ладонь к поверхности двери, ожидая, что та будет холодна, как камень. Но словно коснулась чего-то заряженного энергией. Камень у нее на кольце вспыхнул, его многоцветие почти сравнялось с цветами арки над головой девушки. Дверь дрогнула и раскрылась, хотя Симса совсем не давила на нее, только чуть прикоснулась. И девушка прошла внутрь.

Она оказалась в огромном зале с картины. Симса почти не замечала того, что цвета вдоль стен движутся, переходят один в другой, светлый в темный, темный в светлый. Все ее внимание привлекало только одно — то, что стояло в центре зала, далеко от нее.

Симса сделала шаг и вздрогнула...

Она ничего не видела, но словно холодный отвратительный туман повис над девушкой, ее охватило ледяным холодом. Тьма — не перед глазами, а внутри. И тем не менее ее притягивало. Помимо ее воли рука с кольцом шевельнулась и начала делать какие-то странные жесты, махать из стороны в сторону, словно она раздвигала невидимый занавес, расчищала проход в чем-то неосязаемом. Она продолжала идти шаг за шагом. От страха в ее глазах все вокруг почернело, сердце забилось так сильно, что Симса ощущала дрожь всего тела, она с трудом дышала. Девушка смутно понимала, что преодолевает какую-то преграду, барьер, который убил многих и убьет

еще. Но не могла отступить. То, что за барьером, притягивало ее.

Этот путь мог длиться часами, даже днями — время перестало быть таким, каким его измеряют люди, оставалась только борьба между двумя частями Симсы: той, что была поражена страхом, и той, что тянула вперед. Девушка не сознавала, что плачет от боли. Ее словно разрывало надвое. Но она понимала, что, если произойдет разрыв, если она утратит одну из этих частей, подлинная Симса перестанет существовать.

И вот она встала у возвышения, глядя на другую себя, на сущность народа, от которого произошла. Руки девушки плавно опустились. Другая Симса смотрела на нее, глаза ее были широко раскрыты, сосредоточены. Симса в последний раз вскрикнула и упала к ее ногам. Борьба закончилась. Тело ее конвульсивно дергалось, корчилось, из угла рта показалась пена. Симса ушла в последнюю защиту — в свою внутреннюю сущность, отдав все остальное навалившемуся давлению.

Навалившемуся? Нет, в этом вовсе не присутствовало желания вторгаться, мучить...

Теперь девушка лежала спокойно. Вздохнула, повернула голову так, что встретилась взглядом с другой. Преграды в ее сознании слабели, сдавались. Она уподобилась человеку, всю жизнь проведшему в заключении. И вот его неожиданно выпускают на широкие поля под открытое небо. И свобода вначале приносит мучительную боль, потому что порождает непреодолимый страх.

Губы девушки шевельнулись, она умоляла силу... какую силу? Теперь Симса стала единой. Пока тело ее корчилось в родовых муках, в мозгу и душе формировалась другая Симса. Она не понимала, пыталась уйти от этого рождения, но возврата не было.

И вот она лежала, жертва, — последняя линия обороны сдана. Часть старой Симсы громко кричала, что это смерть, конец, — и снова страх опускался на нее темным облаком.

Но сквозь этот ужас пробивалось что-то другое, чистое, ясное, свободное. Девушка встала на колени, подняла руки, ухватилась за край возвышения. Она так слаба, так молода и нова...

Собрав все силы, Симса встала на ноги, все еще держась за помост. Она чувствовала, что стоит ей отпустить опору, и она завертится среди звезд... больших солнц... планет...

В голове ее тоже все кружилось, воспоминание накладывалось на воспоминание, все они были смутными, Симса чувствовала, что душа ее измучена, избита, как рабыня для удовольствия хозяина. Это были не ее воспоминания. Когда она блуждала меж звезд, когда владела миром и утратила эту власть из-за предательского времени?

Она молода, это начало, а не конец.

Симса цеплялась за эту мысль, и воспоминания становились все слабее, исчезали, только изредка на мгновение возникала смутная картина и пропадала снова. Как новорожденная, смотрела она на другую Симсу, молча прося помощи.

Руки девушки скользнули по телу, срывая оболочку — пеленки новорожденной. И вот она освободилась от прошлого, темного и мрачного, освободилась и от более далекого прошлого, полного необыкновенной силы. Симса поднялась на помост. Кончиками пальцев девушка коснулась жезла, который держала другая, символа власти и торжества. И при этом легчайшем прикосновении жезл шевельнулся, наклонился, скользнул и очутился у нее в руках. И как только Симса схватила его, произошло мгновенное изменение. Та, другая, превратилась в пустую оболочку. То, что казалось живой женщиной, стало статуей, оставалось только то, что принадлежит этому миру...

С уверенностью человека, который делал это много раз, Симса протянула руки и взяла то, что принадлежит ей: пояс из камней, цепь-диадему. Надев их на себя, девушка высоко подняла голову. Она, может быть, и Сим-

са, но — силой Истинной Матери — она и дочь, только что вступившая в права наследства.

Девушка повернулась и посмотрела туда, откуда пришла. Теперь перед ней нет преград. Громкий крик у ног привлек ее внимание к Засс. Симса опустилась на одно колено, с отвращением оттолкнула сброшенную одежду. Протянула руки, и зорсал пришел к ней, опустив крылья.

Скипетром силы Симса коснулась искалеченного крыла, провела по его поверхности. Уже в бассейне оно частично зажило, теперь же совсем распрямилось, и Засс замахала им с громким радостным криком.

Сила сохранилась!

На мгновение девушка снова запуталась в противоречивых воспоминаниях. Симса провела рукой по лбу. Нет, она не должна отталкивать то, что держит ее сейчас. Все будет в порядке — нужно только подождать. Подождать и действовать, когда она поймет, что готова к действиям. А сейчас время сохранять спокойствие и ждать: придет то, что наполнит ее, напитает.

Симса улыбнулась и прижала жезл к груди. Нет, она не та, что ждала здесь столько времени, но в ней течет та же кровь, она заброшена из одного века в другой, в этот мир — может, случайно, а может, по какому-то давнему плану. Сюда она призвана, и она вернет то, что держит в себе, вплетет это в дела людей и миров.

Засс поднялась в воздух, крича от радости и торжества. Два других зорсала присоединились к ней, а Симса села и смотрела на их радостный танец. Такие маленькие, но по-своему такие сильные... Мир может быть прекрасен. Но только с приходом людей другой породы страх и ненависть уйдут из дня, перейдут в черноту ночных кошмаров.

Зорсалы устремились к выходу. Симса, не оглядываясь на оболочку той, что еще не была рождена, — грязную одежду, заплечный мешок, — пошла за ними. Бурная радость жизни, которая наполняла ее, когда она лежала в бассейне возрождения (этот бассейн был соз-

дан молодым народом, обладавшим лишь немногим из истинного знания), вернулась, снова залила ее.

Девушка широко развела руки, немного надеясь увидеть, как пламя силы вырывается из пальцев, — не увидела, но сила присутствовала. А ведь она только что родилась — ей многое предстоит понять, многому научиться.

Симса вышла из дверей под открытое небо. Низко опустившееся солнце повисло над развалинами города. Если захотеть, она может вызвать к жизни тех, кто жил здесь когда-то, оживить пыльную память их истории. Но это не имеет значения — это прошлое, и нет никаких причин возвращать его. Одна и та же история у всех, все разумные существа рано или поздно исчезают. Медленное начало, гордый и торжественный расцвет, упадок и разложение.

Симса быстро повернулась, сверкнули камни на ее юбке. Девушка стояла, раздувая ноздри, стараясь уловить запах опасности. Не запах, нет, ощущение тревоги, пронизавшее воздух. Здесь опасность...

Снова она повернулась, ее тело действовало, словно часть хитроумного прибора, и жезл указал на развалины слева.

Глава 14

Неподвижная фигура шевельнулась и вышла на открытое пространство, где здания прерывали наклонные лучи солнца. Симса тряхнула головой, отгоняя смесь воспоминаний. Так когда-то ходила смерть. А позади первой фигуры появилась другая, гротескное существо, словно ожившее каменное изваяние, ступающее на неуклюжих ногах. Три зорсала одновременно крикнули и устремились навстречу этим двоим — и тут же на огромной скорости отлетели: второй, неуклюже топающий пришелец, выпустил в воздух облако пламени.

В Симсе вспыхнул гнев, холодный и чистый. Мгновенно исчезло сияние счастья и свободы. Она указала на

фигуру жезлом. И из концов двух рогов — части древнего знака Великой Матери — устремились сверкающие копья света, не толще пальца, питающиеся ее гневом и силой. Лучи ударили по оружию, которое держал в руках пришелец в скафандре. Последовал взрыв ослепительного белого пламени. Тот, что стрелял в зорсалов, застыл. А его пленник, бросившийся на землю, как только Симса подняла жезл, теперь откатился за упавшую колонну.

Симса настороженно выжидала. Теперь она ясно видела, что человек в скафандре был одним из тех, что работают на летном поле.

Девушка закусила нижнюю губу. Вспышка питалась энергией ее тела и мозга. Она была еще не готова так сражаться: вызвать другую такую вспышку прямо сейчас не сможет. Она еще многому должна научиться, многое узнать. В ней еще слишком много прежней Симсы, со связанным духом, с затуманенным разумом. Не такой должна быть ее жизнь.

Тем временем человек в скафандре по-прежнему не приближался. А его оружие... Девушка увидела, что оно превратилось в груду металла и сплавилось с его металлическими перчатками, и этот обрубок излучает жар, который она почувствовала даже на расстоянии. Сила рогов обернула против него его собственное злое оружие — так что он сам навлек на себя свою судьбу. Симса не знала, мертв ли он, чувствовала только, что он больше не представляет угрозы.

Пленник, по-видимому, тоже понял это. Он встал из-за своего укрытия, где лежал во время обмена энергией. Долго стоял, глядя на неподвижную фигуру, потом повернулся к Симсе, глаза его были широко раскрыты, в них застыло выражение крайнего изумления.

Симса шагнула вперед. Не понимая как, она втягивала в себя энергию из окружающего воздуха, и это было для нее естественно, как дыхание. То, что она потратила в сражении, уже возвращалось к ней, и с каждым шагом сила ее возрастала. Было тихо, даже зорсалы не издавали

ни звука, только музыкально позвякивали драгоценные камни, нашитые на ее юбку.

— Симса?.. — Торн наконец отвернулся от своего захватчика. Не совсем узнавая, он назвал девушку по имени, имя это звучало вопросительно: он как будто узнавал ее и в то же время не был уверен, что это действительно она.

— Симса... — На этот раз имя прозвучало ответом — не имя из далекого прошлого. Но это не важно. В это время и в этом месте она — Симса, и согласна, чтобы так оно и оставалось.

Торн медленно подошел к ней, по-прежнему внимательно разглядывая. Она указала через плечо на фигуру в скафандре:

— Это один из грабителей? Они знают, что ты собирался делать?

Он вздрогнул, словно вопрос вывел его из размышлений.

— У них есть детектор, он зафиксировал излучение маяка, когда я понес его. Он также показал, что я инопланетник, не из их группы. И с детектором они смогли за мной охотиться...

— А этот... — она наклонила жезл в сторону неподвижной фигуры в скафандре, — он мертв?

— После такого удара — конечно. Что ты с ним сделала? — с интересом спросил Торн. Девушка догадалась, что ему хочется взять в руки жезл, разглядеть его, выяснить его тайну. Но жезл не предназначен для него. Он человек, да еще другой расы, его кровь, тело и мозг не могут воспринять правильную форму энергии.

— Я воспользовалась Силой, — спокойно ответила она. — Будут ли другие охотиться за нами?

Торн вернулся к настоящему. Оглянулся через плечо. Теперь Симса видела, что не только оружие захватчика сплавилось с перчатками, но и вся передняя часть его скафандра почернела. Многочисленные предметы, свисавшие с такого же, как у Торна, пояса, превратились в бесполезные комки и сплавились со скафандром.

— Да.

Симса задумалась. Она использовала Силу, не сознавая, чего это может стоить. Теперь она инстинктивно чувствовала, что не сможет снова воспользоваться ею, пока не восстановит затраченную жизненную энергию. Жезл не предназначен для длительных сражений, для уничтожения людей. Он нужен для лечения... и для чего-то еще, о чем она сама не знает. Это часть того, что она должна установить осторожными опытами, черпая энергию из той формы жизни, о которой не подозревала, пока это не произошло с ней.

— Я не смогу снова поразить их. — Он должен ясно понять это. — У меня есть ограничения. Что ты собираешься делать?

Инопланетник опытен в оружии и сражениях, проблему должно решить его знание, а не ее.

Торн подошел ближе, по-прежнему разглядывая ее, словно хотел узнать какую-то тайну по тому, как шевелятся на вечернем ветерке ее волосы, как она встречает взглядом его взгляд. Она чувствовала, что ему хочется задавать вопросы, но гораздо нужнее сейчас были действия.

— У меня был... вернее, есть маяк, — быстро заговорил Торн, отрывая взгляд. Он словно должен был освободиться, отгородиться от нее, чтобы вернуться к тому, что считает своим долгом. — Не думаю, чтобы они знали о верхнем пути к летному полю. Возможно, это, — он указал на фигуру в скафандре, — разведчик, уловивший мой сигнал и пришедший проверить. Он захватил меня, прежде чем я вошел в здание...

— А маяк?

— Он там, в кустах. Его нужно срочно установить. Если они улетят раньше...

— Да. — Наступила ее очередь понять. — Последует смерть — и не только этой планеты. Она будет расходиться как круги от камня, брошенного в пруд. Такой конец встречался и раньше — несомненно, предстоит

он и в будущем. На этих людях проклятие жадности, господства, смерти.

Пока Симса говорила, в ней проснулось древнее воспоминание, но она тут же заставила себя забыть о нем. Сейчас следовало думать только о настоящем.

— Хватит ли у нас времени сделать то, что ты собрался? — спросила она.

Торн пожал плечами:

— Кто знает? Нужно попробовать.

— Всегда нужно пробовать, — подхватила она, и далекое слабое эхо памяти подтвердило это.

Девушка негромким свистом подозвала зорсалов. Засс подлетела к ней, сыновья с обеих сторон сопровождали мать. Когда они оказались над головой и начали кружить над Симсой и Торном, Симса снова заговорила:

— Идем туда, где ты оставил маяк.

Она больше не смотрела на человека в скафандре. Если Сила добавила третьего мертвого стражника для охраны этого города мертвых, она не хотела вспоминать о своем участии в этом.

— Где ты это взяла? — Торн указал на ее жезл. Они быстро шли по широкой улице между заросшими зданиями, и девушке легко было идти, не отставая от него.

— Я нашла Симсу, — коротко ответила она. — Теперь я — единая.

И это было удивительно верно. До сих пор она была пуста, ей так не хватало какой-то таинственной части, мозг ее остановился в росте, был ограниченным, не способным отличить важное от неважного, и все время она чувствовала глухую боль по этой недостающей части. Как девушка оказалась в этом мире, какая случайность рождения дала ей такое же тело, как у забытой, она, возможно, никогда не узнает. Однако теперь Симса знала, что ее сознание, ее внутреннее «я» объединились с этим телом, одна часть совпала с другой, как и должно быть.

Симса видела, что Торн выжидательно смотрит на нее, ждет еще чего-то. Но она не хотела делиться тем,

что с ней произошло. Хотя именно благодаря ему и его брату произошло это удивительное объединение. Она у него в долгу.

— Я нашла другие «картины», оставленные твоим братом. Они привели меня к Симсе.

— Статуя! Но Ценг сообщил, что ее окружает энергетический барьер, он не смог подойти близко. Даже эту картину он вынужден был делать с большого расстояния...

Он говорил о делах инопланетников, которые сейчас не имеют значения. Значит, эту Симсу охраняли, пока не придет время. Девушка смутно вспомнила, как пробиралась через невидимую паутину, чтобы встать там, где она должна была стоять. Но тогда она была совсем другой. Значит, паутина охраняла, пока не настало время, пока не появилась истинная кровь и не потребовала...

Опять Симсу захватила путаница воспоминаний. Но она решительно оборвала ход своих мыслей.

— Там было что-то. Да. Я этого не видела, хотя оно старалось удержать меня. Но я все же прошла — к ней.

— Ценг считал, что это место принадлежало предтечам, что оно старше города. Статуя... то, что ты сейчас носишь. — Торн взглянул на ее украшения и сразу отвел взгляд, словно опасался обидеть ее. Почему она должна обижаться? Тело — часть ее, так же как речь и мысли. Нет смысла прятаться за такими грязными оболочками, как те, что она носила. Симса с отвращением вспомнила о прежней своей одежде.

— Это не статуя, — отвлеченно ответила она. — Это была Симса, и я Симса. Она ждала, пока я приду. Теперь мы свободны.

Инопланетник грустно улыбнулся.

— Ненадолго, если у этих джеков есть еще детекторы. Хотя тут легко спрятаться. — Он оглянулся на руины. — Но для таких игр у нас нет времени. — Голос и лицо его стали мрачными.

Они прибавили шагу и свернули на улицу, которая уводила от здания, напоминавшего крепость на кольце.

Девушка увидела впереди стену здания со множеством сидений — там оставил свои указания брат Торна.

— Подожди! — Торн схватил ее за руку, но она уже уловила движение в зелени впереди. Ветер не может так шевелить листву! Там засада...

Симса подняла руки, быстро подозвала зорсалов и вместе с Торном отбежала налево; там они укрылись, чтобы понять, что ждет впереди.

— Сколько их? — вслух спросила девушка.

— Могут твои зорсалы узнать это? — спросил Торн. — У меня больше нет лучемета. Против их оружия нам не устоять. Эта листва, — он осторожно провел рукой, чтобы не выдать себя движением растительности, — слишком густа, чтобы мы смогли пройти.

Симса подняла руку, сжимая в другой жезл: без всякой подсказки она знала, что это величайшее в мире сокровище. Между двумя лианами к ней проскользнула Засс и села на плечо. Симса чуть повернула голову, чтобы заглянуть в большие глаза зорсала, — и чуть не закричала. Перед ней словно раскрылась книга, одна из тех драгоценных книг, что так ценят лорды Гильдий. Она смотрела в нее: перед ней раскрылся чуждый разум, но он был виден ясно всего одну-две секунды, потом затуманился, и Симса утратила контакт. Но поняла, что, по-своему, этот мозг совершенен, глубок, полон знаний...

У нее сейчас не было времени для исследований, она могла только смотреть в эти глаза и думать. Засс низко, гортанно согласилась с ее мыслями, подпрыгнула всеми четырьмя лапами и расправила крылья, которые крепко прижимала к телу.

— Что сможет, она узнает, — сообщила девушка инопланетнику. — Но я не пошлю своих маленьких друзей в смертоносный огонь.

Торн снова пристально посмотрел на нее широко раскрытыми изумленными глазами:

— Что произошло? Ты... ты...

— Я Симса, — повторила она. — Вот в чем был прав твой брат. Некогда мои предки знали звезды — и эту планету среди множества других. Для таких, как я, счет времени идет по-другому. Сон, пробуждение, приход, уход, выход из круга, возвращение в него. Когда-то такие путешествия предназначались нам, теперь — вам. — Девушка переложила жезл из одной руки в другую. — Память — это тяжесть, которую я сейчас не могу нести. Я Симса, и я живу. И не хочу знать почему. Ага!

Но возвращалась не Засс, а один из самцов. Он присел рядом с Симсой, глядя прямо ей в лицо. Девушка протянула жезл и концами рогов коснулась места, где крылья соединяются с плечами. Зорсал негромко крикнул.

Его мозг был не так открыт. Она смогла прочесть только обрывки, но этого оказалось достаточно.

— Там ждут четверо. Они нашли то, что ты принес, но оставили это как приманку. Они вполне уверены, что смогут захватить тебя — нас.

— Четверо, — сухо повторил Торн.

Но она думала о другом, не обращая внимания на силу противников:

— Этот твой маяк, насколько он велик?

Инопланетник развел руки примерно на величину зорсала.

— Тяжелый? — еще раз спросила Симса.

— Примерно... ну, я могу поднять одной рукой. Они делаются компактными. Иногда их приходится ставить раненым или людям, которые не могут переносить большие тяжести.

Симса прикусила нижнюю губу, думая. Ей сразу стало ясно, что нужно сделать, словно ответ выложили перед ней, как одну из тех «картин».

— Твой ящичек уничтожает силу тяготения планеты. — Мельком Симса отметила, что теперь отлично понимает, что это значит, хотя сейчас это уже было не так важно. — Он по-прежнему на санях?

— Нет, — Торн открыл карман своего пояса и показал ей ящичек. — Я подумал, что неразумно оставлять его.

— Можно его присоединить к твоему маяку? — Девушка и надеялась, и сомневалась. План, который казался ей таким ясным, может провалиться из-за какой-нибудь случайности.

— Да. — Торн повернул ящичек и показал небольшое углубление на поверхности. — Его нужно только приложить, нажать вот тут, и он начинает действовать.

Симса рискнула на миг выглянуть из укрытия и посмотреть на небо. Низкое солнце уже ушло за здания. Тени не только удлинились, но и потемнели.

— Дай мне его! — И прежде чем он смог отказать, Симса выхватила ящичек из руки Торна, стараясь не приближать его к жезлу. Потом она взглянула на зорсала, стараясь сформулировать приказ как можно проще. Девушка трижды мысленно повторила, что нужно сделать, пока не увидела отражение этого приказа в мозгу животного.

Зорсал схватил ящичек лапами, одной парой прижал его к груди и уполз в зелень. Симса повернулась к Торну:

— Ты спрашивал, смогут ли малыши отнести твой маяк на место. Но ты же говорил, что там отрава, которая может убить их. Поэтому они сделают иначе. С помощью твоего прибора, который уничтожает вес, они отнесут маяк на вершину одного из мертвых кораблей и закрепят его там. Я думаю, никто из грабителей их не заметит. Да и искать в воздухе они не будут — зачем это им?

Некоторое время он молча смотрел на нее.

— Твои зорсалы смогут это сделать? — спросил он чуть позже.

— Полагаю, да. Я думаю, это единственная возможность. Ведь ты безоружен, и нас ждут. Ты можешь предложить что-нибудь другое?

Торн покачал головой. Но тут же застыл. Девушка тоже услышала шелест листвы, треск ветвей. Вероятно, си-

девшие в засаде решили, что их план не удался, и послали одного посмотреть почему.

Рука инопланетника устремилась к поясу. Симса увидела, что он коснулся металлической полоски, которая измеряет смертельное дыхание их древнего оружия. Яркая линия на ней передвинулась. Девушка почувствовала покалывание на коже, но не испугалась. Это была не тревога, а просто воспоминания Симсы-из-прошлого.

— Горячий... он горячий! Уходи! — Торн махнул рукой, отсылая от себя девушку.

В тот же миг зелень над их головами прорезал луч света, который начал опускаться. Симса бросилась в сторону с проворством, с каким другая Симса научилась защищаться. И крикнула из глубины своего нового понимания:

— Браслет! Защитись браслетом!

Может, он и счел это требование глупым, но не стал им пренебрегать. Подняв руку, он выставил браслет перед лицом навстречу этому смертоносному лучу. Луч ударил в браслет и растекся по его поверхности, потом отразился, расширившись вдвое. Энергия, посланная убить, направилась вспять. Прошла всего доля секунды, но отраженная энергия выжгла целый сектор растительности, ударив назад с удвоенной силой, — силой, предназначенной для убийства беспомощной жертвы.

Последовала вспышка, грохот и волна жара. Симса упала в самую середину полуувядшего куста, услышав треск с другой стороны, так что выбраться из массы листвы и спутанных веток ей удалось с немалым трудом, получив несколько болезненных царапин. Торн лежал неподвижно, длинными ногами вперед, головы и плеч не было видно. Симса на четвереньках подобралась к нему. Глаза инопланетника были открыты, взгляд не сфокусирован. Но вот взор сосредоточился на девушке, и она поняла, что Торн узнал ее. Он медленно поднял руку, так что смог взглянуть на браслет, не поворачивая головы. Древнее украшение ярко сверкало даже в тени. Как буд-

то луч пробудил в нем собственную энергию. И на нем не осталось никакой отметки той силы, что должна была уничтожить, убить.

Торн повернул голову и посмотрел на девушку.

— Откуда ты узнала? — Впервые за все время, что она его знала, голос его дрожал, он показался таким уязвимым, — больше не сверхчеловек со звезд, знающий тайны, запретные для планет, которые он посещает...

— Это одно... — Девушка пыталась найти слова, чтобы объяснить то, что еще не вполне объяснила себе самой. — Это одно из воспоминаний другой Симсы, одна из старых защит.

Он поднял вторую руку, словно собирался провести пальцами по поверхности браслета, но отдернул их, так и не коснувшись металла.

— Ты Симса...

— Я Симса, — согласилась она. — Кровь от ее крови. Хотя я не знаю, как это произошло, потому что она... твой брат правильно говорил. Задолго до прихода тех, кто построил этот город (а они тоже исчезли десятки десятков десятков сезонов назад), она уже была здесь. Она была последней из своего народа. Но каким-то образом она подготовила свое появление в будущем. Не знаю как, но я — ее новорожденное дитя. И все же я — Симса. Но зачем мы тратим время на разговоры? Один нас нашел. Другие могут последовать за ним.

Торн сел, держа руку с браслетом подальше от тела, словно опасаясь дотронуться до него.

— Ты права. — И он попятился, скрываясь за растениями. Но стоило Симсе двинуться за ним, как обожженный куст качнулся, и находившееся рядом молодое деревце сломалось и упало, вырвав из стены зелени изрядный клок лиан, так что открылся для обозрения широкий участок улицы.

Там лежал человек в скафандре, почти полностью накрытый упавшим деревом, из-под которого торчали одни лишь ноги. Симса не сомневалась, что он мертв. Она

порадовалась, что не видит, какие раны причинил ему собственный огонь.

Торн неожиданно застыл, прислушиваясь. Послышался какой-то новый шум... Торн энергично махнул девушке, подчеркивая свой жест блеском браслета, — тот продолжал светиться собственным светом. Симса взглянула на свой жезл — да, еле заметный ореол вокруг символа. Она держала его перед собой, близко к телу, чувствуя мягкое пульсирующее тепло от тех самых рогов, которые недавно несли смерть.

Они с трудом нашли путь к зияющему провалу входа в одно из зданий. Идти по улице значило стать легкой добычей. В здании было темно, хотя не совсем, и оно обещало стать убежищем.

Симса увидела, что они оказались в большом помещении, которое как будто занимало все здание: потолка не было, только стены сужались кверху, сходясь уступами в виде балконов, через одинаковые промежутки в стенах виднелись темные отверстия, самый нижний балкон поддерживался резными столбами — такими же, какие стояли повсюду, с изображениями растительности или чудовищных животных.

Торн подошел к ближайшему столбу и провел рукой по резьбе. Оглянулся на Симсу через плечо:

— Тут можно подняться. Если джеки все в скафандрах, они не смогут идти за нами. Эти костюмы слишком тяжелы и неудобны.

— А если они засядут внизу, дожидаясь нас?

— Ну, у нас хоть будет время что-нибудь придумать.

Он уже начал подниматься, и девушка увидела, что инопланетник прав: в глубокой резьбе, изображавшей лиану, имелось достаточно мест, чтобы ухватиться руками или поставить ноги. Симса сжала зубами теплый жезл и начала легко подниматься вслед за Торном.

Они лежали рядом на первом балконе и смотрели на дверь. Ждать было трудно. Симса снова и снова проводила рукой по гладкой поверхности жезла. Но преграду на

пути воспоминаний упорно не снимала. Ей сейчас требовалось полное внимание к тому, что происходит здесь, а не к тому, что произошло когда-то давно и сейчас уже не имеет значения.

Вскоре послышался звук тяжелых шагов. В здании стало очень темно, в нем же совсем не было окон. Ночное зрение Симсы позволило ей заметить только движение у входа... очень осторожное движение. Те, наверное, нашли сожженное тело и теперь боялись нападения из темноты.

Тот, кто стоял у входа, через мгновение исчез. Симса не могла сказать, вышел он или затерялся внутри. Плечо Торна прижалось к ней. Инопланетник повернул к девушке голову и заговорил тихо и близко, так что она ощутила у себя на щеке его дыхание.

— Джеки имеют на вооружении поисковый прибор, который реагирует на тепло тела. Если у этой группы он есть, они знают, что мы здесь. И будут удерживать нас, пока не принесут более мощное оружие из добычи, чтобы покончить с нами.

Если он пытался показать, насколько серьезно их положение, то она и так это знает.

— Как скоро? — прошептала она в ответ. Успеют ли они подняться на следующий балкон?

Нет! Ответ пришел в виде широкого луча света, который начал медленно кружить по стенам огромного зала — вначале на уровне пола, — так что каждый столб, один к одному, как тот, по которому они поднялись, выделялся четким рельефом. Потом у дальней стены напротив них луч поднялся на второй уровень. Торн крепко прижал девушку к полу, заставляя распластаться:

— Пригнись!

Они лежали за толстой балюстрадой, доходившей им примерно до колена. Симса подумала, достаточное ли это укрытие для них обоих. Или внизу поймут, что они могут так спрятаться, и начнут без разбору поливать все подряд из лучеметов — от такого огня им не скрыться.

Свет продолжал передвигаться. Симса положила голову на руку и смотрела на луч. Вот он почти добрался до них, вот поворачивает к ним. В эти мгновения вернулась прежняя Симса: исчезла уверенность, чувство превосходства над этими грабителями. Жезл лежал под рукой, но она не могла вызвать его силу, даже если захочет. Опасность нарушила равновесие, и теперь на балконе дрожала самая обыкновенная испуганная девчонка. Другая Симса — она должна срочно найти ее, снова стать ею, или скоро вообще перестанет существовать.

Глава 15

Да, закрыть глаза — и помнить только ту Симсу! Симсу гордую, высокую, знающую, ничего не боящуюся. Не думать о приближающемся свете, об огненной смерти инопланетников. Только о Симсе.

Она заставляла сердце биться медленнее, заставляла страх стать слугой, а не хозяином. Точно так же гнев может быть превращен в оружие, эмоции могут придать большую силу. Симса напрягла волю. Резкая боль пробежала от щеки в голову, боль была такая сильная, что девушка полубессознательно решила, что ее задел лучемет охотников. Но боль исчезла так же быстро, как и началась, оставив за собой... Вернулось чувство, которое она испытала в зале другой Симсы — что она новая, что теперь она совершенно другая. Девушка смутно сознавала, что это рука, до боли сжимавшая жезл, лежит рядом с головой. Кольцо — кольцо стало мостом!

Как? Почему? Что? Все эти вопросы пока нужно оставить. Необходимо действовать! Она всего лишь повиновалась приказам, молчаливым командам, исходившим из неясного источника. Симса не знала, кто мог когда-то использовать такие действия как оружие. Она открыла глаза, но головы не подняла. Девушка видела камень, образующий крышу крепости на ее кольце, только его.

Он рос, расширялся, становился как бассейн, в котором она лежала, — больше бассейна — теперь он стал морем. И она заставила себя погрузиться в это море — не Симсу, которая была этим телом, а душу Симсы, живущую в теле.

Она оттачивала свои мысли, уточняла свои цели, вначале неумело, потом все увереннее и искуснее. А вокруг одно только серо-сине-белое море, которое притягивало ее мысли, порождало новые, посылало их как оружие. Где-то далеко послышался звук, шепот, поднимающийся и падающий, ритуальный гимн на языке, который не звучал тысячи тысяч поколений. И поток слов, вливавшийся в нее, порождал силу: слова звучали все громче, они передавали энергию новому потоку, когда иссякал предыдущий.

Сила устремилась в ожидавшее ее море. На его поверхности поднялись волны, не волны жидкости, а волны энергии, они вздымались все выше и выше. Так — и так — и вот так!.. Да, вот что нужно было сделать, как делалось когда-то давно. Сила Симсы была еще не так велика, чтобы двигать планеты, хотя когда-то она могла и такое: такие потоки слов сдвигали горы и поднимали к небу огромные тяжести. Это к ней пока не пришло, но все же она получила ответ на свои усилия — другой ответ.

Волнующееся море сомкнулось вокруг сути ее личности, обхватило и взяло ее. Симса чуть не закричала, когда ее сущность начала разрываться. Теперь их две... три...

Две и три — и по-прежнему одна. Симса овладела этими другими, этими новыми частями себя. Они — ее стражники, ее воины. Пора было посылать их в бой.

Она посмотрела в большой зал. Видела она совершенно ясно, хотя знала, что на самом деле зал заполняли тени, тяжелые и длинные. И внизу в этой тени двигались существа.

Их окутывала дымка. Дымка энергии — энергии двух типов: один из внешних источников, другой из внутренних. Важнее внутренний источник, он рождается от жиз-

ненной силы, а не от какого-то оружия или грязного открытия, используемого теми, кто не надеется им полностью овладеть.

Вперед!

Девушка молча отдала приказ двоим, рожденным из ее сути, как сама она родилась от древней Симсы. Они сверкнули. Превратились в свет. Но в то же время оставались ею, темнокожей, серебристоволосой, со знаком Великой Матери на голове и в руке. Они встали посреди темного зала лицом к приближавшимся людям.

Люди, окутанные дымкой, остановились. Симса увидела колебание энергии их сущностей: энергия менялась, как менялись их чувства. Вначале они удивились, потом обрадовались. Один подумал о смерти — движение руки к оружию уничтожения. Два других тут же помешали ему. Она не слышала приказов, но ясно улавливала их мысли: те, кого отправила Симса, должны быть захвачены.

Симсы стояли неподвижно. Казалось, так легко схватить их, запутать и пленить. В воздух устремились белые витки. Они сомкнулись вокруг Симс. Витки должны были связать их, не дать возможности двигаться, сопротивляться. Но соскользнули, упали на пол, где корчились, как живые существа, ослепшие или раненые.

Тот, что с самого начала стремился убить, вопреки протестам товарищей настроил оружие на полную мощность и выстрелил. Вперед устремилось пламя, окружило, сверкнуло силой. Симсы стояли невредимые.

Теперь пришел страх. Мысли людей заметались, охотники поняли, что столкнулись с чем-то, выходящим за пределы их знаний и возможностей.

Медленно, шаг за шагом, они начали отступать. Наблюдавшая Симса собрала силы и направила их в два свои порождения. Окруженные, словно одеянием, ореолом торжествующего света, Симсы пошли за отступающим врагом.

У них не было жезлов, но они подняли руки и вытянули их вперед. Пальцы их шевелились, из них изливался

свет, такой же яркий, как тот, что окружал их. Эти полоски света устремлялись вперед и удерживали то, чего касались.

Свет сверкал. Но теперь Симсы оказались не перед врагами, а за ними. Прежде чем неуклюжие люди в скафандрах смогли повернуться, они были окружены потоками энергии. А Симсы продолжали двигаться.

Таким образом те, кто вторгся в зал, попались в сети сияющих полос, перекрещивающихся, плывущих выше голов в шлемах, смыкавшихся все теснее и теснее. Теперь все они начали стрелять в одну часть сети, в другую. Однако энергия, которую они выпускали, вплеталась в сеть и делала ее еще прочнее. Она могла стать местом смерти этих людей, если в своем страхе они еще больше укрепят ее.

Они перестали пользоваться оружием. Но огонь, перехваченный сетью, не погас, он висел, продолжая удерживать их. Две Симсы долго смотрели, будто проверяя результаты своей работы. Затем...

Исчезло море, которое могло бы отозвать назад то, что послало в бой. Тело Симсы изогнулось от резкой боли. Она родила жизнь, теперь эта жизнь должна была вернуться к ней, однако возвращение оказалось болезненнее рождения. Девушка ахнула, может, даже закричала вслух — но услышала только слабое эхо.

Она лежала на спине. Чьи-то руки приподняли ее, поддержали, и от этих крепких рук исходило ощущение мира и безопасности. Симса не могла пошевелить рукой, поднять веки. Сражаясь со слабостью, она открыла глаза и смутно увидела расплывающееся лицо Торна, на котором легко читался страх за нее. Больше никакой чуждости в нем не было. Девушка подумала, что легко сможет проникнуть в его сознание, если захочет извлечь мысли, о которых он сам не подозревает. Но она никогда этого не сделает.

— Все в порядке. — Симса заставила губы произнести эти слова, хотя далось это с таким трудом, словно

она давно не пользовалась речью. — Я думаю, все в порядке.

Торн приподнял ее повыше. Слова как будто не успокоили его. Девушка слегка повернула голову. Неужели это действительно произошло, эти две ее части появились и сплели огненную сеть? Или ей это только приснилось?

— Они... они пойманы? — Симса спросила его, потому что сама не могла увидеть зал внизу, узнать, не приснился ли ей фантастический сон. Снова нарушилось равновесие — может, не так сильно на этот раз. Она верила, что это было, что это сделала другая Симса.

— Смотри! — Торн осторожно держал ее, приподнимая еще выше; тело девушки вяло свисало: она затратила слишком много жизненной энергии.

В таком положении Симса смогла посмотреть вниз. Темноты как не бывало — огненное зарево царило недалеко от входной двери. Неправильное по форме, оно напоминало огромный костер. Из него вверх устремлялись потоки света. Она не видела линий сети, но сквозь тонкую огненную стену различила фигуры троих. Они стояли лицом к стене, которую не могли преодолеть, — пленники сил, которые сами высвободили.

— Не стану спрашивать тебя, как или что ты сделала, — медленно проговорил Торн. — Они пойманы. Но долго ли будут удерживаться?

— Не знаю. — Взрыв внутреннего знания, которое позволило ей защититься, спадал. Она словно осталась в рваном плаще, который кое-где давал тепло и безопасность, но в других местах дыры делали ее совершенно беззащитной. Слишком далеко она зашла и слишком быстро. Симса была уверена: наступит день, когда она овладеет всем своим наследием. Но пока он не пришел.

— Значит, нужно уходить, пока есть возможность. Сможешь? — Торн, продолжая держать ее, поднял и поставил на ноги. Симса обнаружила, что может стоять.

Возвращение двух ее частей придало девушке сил. Но ведь есть же место, где восстановление будет полным.

— Бассейн, — сказала она. — Если бы я могла добраться до бассейна...

Торн сразу понял, о чем говорит девушка. Но только стены, подземелье — все это отделяет их от убежища... Симсе понадобится его помощь, чтобы добраться туда. Она лишила возможности двигаться этих охотников внизу, но знает, что придут другие. Даже с помощью Торна ей, возможно, не удастся добраться до бассейна.

Симса обнаружила, что необходимость порождает силу. Она каким-то образом спустилась с балкона, судорожно цепляясь за резьбу: спутник постоянно находился рядом, вновь и вновь поддерживая ее.

Обогнув пленников, они вышли из зала. Теперь Симса шла увереннее. Они видели шлемы пленников, но не их лица. Мертвы ли они? Девушка считала, что нет: собственный огонь заключил их в сеть, но жизненная сила в них не угасла.

Они продолжали идти. Торн подхватывал девушку, когда она останавливалась перевести дыхание, прижимая жезл к телу. Симсе казалось, что из жезла исходит питающая ее энергия. Теперь они шли в глубоких сумерках. На небе показались звезды ночи.

Наконец они добрались до лагеря. Тут явно побывали другие: ящики были открыты, их содержимое разбросано, лампа расплавлена. Но у Торна оставался фонарь на поясе. Он остановился, лишь чтобы подобрать мешок с продовольствием, потом полупровел-полупротащил Симсу мимо мертвеца...

Путешествие по стенам почти истощило силы Симсы. Когда они вышли к месту, где нужно было спускаться под скалы, она опустилась на мостовую, понимая, что дальше идти не может.

Торн положил рядом с ней мешок и исчез. Девушка слишком устала, чтобы спрашивать его, куда он уходит и зачем. Но он вернулся, тащя на плече моток тонкой,

похожей на веревку лианы. Резко подергал, проверяя на прочность, и, наконец, обвязал лиану вокруг пояса девушки.

— Слушай. — Инопланетник наклонился, глядя Симсе в глаза и держа за плечи, чтобы она не легла. — Я спущу тебя. Жди меня там...

Симса постаралась улыбнуться, у нее не было сил даже пошевелить губами. Она только и могла, что ждать. Неужели Торн считает, что она убежит от него в темноте? Но она помогала руками и ногами во время спуска, хотя знала, что большую часть веса Торн принимает на себя.

И вот они оба оказались в знакомом проходе. Увидев окружающий бассейн туман, Симса почувствовала, как силы возвращаются к ней. Она оторвалась от Торна и погрузилась в эту приветливую субстанцию, которая ласкала ее, как дружеские руки, успокаивала разум, доставляла радость телу.

Вот и серебряный песок. Симса нащупала застежки цепочки на бедрах, сбросила юбку. По-прежнему держа в руках жезл, шатаясь, она добралась до воды и упала, как падают в истощении на податливую кровать. Жидкость обхватила девушку, поддержала. Симса замерла, закрыв глаза.

Звуки — ясные пронзительные звуки — они резко всколыхнули убаюкивавший ее покой. Девушка тщетно старалась отогнать их, заглушить, чтобы не слышать, не отвечать. Она смутно понимала, что звуки зовут ее.

И она больше не могла отгородиться от них. Открыв глаза, Симса снова оглядела колышущийся вокруг бассейна туман. Она приходила в себя медленно, постепенно, уступая тому, что пыталось вывести ее из этого покоя и обновления.

Звуки...

Девушка беспокойно повернула голову.

Рядом, распластав крылья, лежали на спинах три зорсала. Симса уже не отгоняла воспоминания: сделали ли зорсалы то, за чем она их посылала?

Она щелканьем подозвала их. Засс, гребя всеми четырьмя лапами, подплыла к девушке, прижалась головой к ее плечу и издала глубокий горловой звук.

Испытывая такое ощущение, словно опираешься на незалеченную ногу, крайне осторожно Симса попыталась вступить в контакт с мозгом животного: снова ощутила чужую мысль, за которой так трудно следить. Но Симса училась...

Она словно смотрела чужими глазами или сквозь стекла Торна, чуть искажающие картину. И от этого начинала кружиться голова. Под ней (однако под необычным углом, ее собственные глаза никогда не могли бы так видеть) раскинулось поле с разбитыми космическими кораблями. По нему двигались живые существа и машины, наполовину скрытые тенью. Приблизился купол — корпус одного из кораблей. Он становился все ближе и ближе, в нем открылась большая дыра. Внутри торчала какая-то балка. Сначала туда, потом снова наружу, быстрее, быстрее, в ночь, на свободу, свободу летать, быть в воздухе. Радость, близкая к торжеству. Свободна летать, свободна, свободна!

Радость Засс от излечения, от возможности снова жить в своей стихии захлестнула все прочие эмоции. Но корабль, балка в нем — это значило, что зорсалы установили маяк. На его призыв могут отозваться, а могут и не ответить.

Симса подняла голову. Дремотное удовлетворение исчезло, появилось осознание того, что все еще далеко не кончено.

Нет, на этот раз Торн ее не оставил. Он тоже лежал в бассейне. Тело его, такое белое на фоне серебра песка, было обнажено. Голову он положил на руки, отвернулся. Девушка подумала, что он спит.

Симса неохотно выбралась на песок. Здесь, свернувшись кольцом, лежало ожерелье. Девушка взяла его, звенья музыкально зазвенели, как колокольчики. Положив жезл на колено, она надела цепь, двигаясь медленно, по-

тому что выходящее из оцепенения тело еще не поспевало за мозгом. Симса чувствовала апатию, вялость, не хотелось шевелиться.

Засс вслед за ней вышла из бассейна и теперь сидела рядом, касаясь маленькой прохладной лапой бедра девушки. Симса чувствовала, что Засс ждет похвалы, подтверждения, что все сделала верно. Она взяла Засс, прижала к себе, почесала голову за сложенными антеннами. Закрыв большие глаза, Засс тихонько заурчала от удовольствия.

— Они вернулись.

Вздрогнув, Симса оглянулась. Торн перевернулся на живот. Опустил подбородок на сложенные руки.

— Да, вернулись, я думаю, они это сделали... — И Симса рассказала, что узнала во время неустойчивого контакта с сознанием Засс.

И задала собственный вопрос:

— Если маяк установлен и подает сигнал, когда появится твой корабль? Вовремя?

— Будем надеяться на это. — Безмятежное выражение сменилось хмурым. — Как решит судьба.

Как решит судьба. Старые, обычные слова жителей Нор, по которым всегда жила и она. Если постараешься, можно подтолкнуть судьбу. Но в каком направлении — никогда не известно. А пока... что же их ждет пока?

Торн смотрел на девушку так, словно она такая же чужая, как для нее мозг зорсалов.

— Что ты там сделала?

Какова правда? Она сама не знала. Симса воспользовалась оружием, которого не понимала, делала то, что не могла объяснить. Но что-то сказать она должна.

Теперь, она знала, ей будут задавать много вопросов — а что она ответит?

Медленно, поглаживая жезл, глядя на него чаще, чем на Торна (почему? — Симса неожиданно почувствовала себя страшно одинокой — среди звезд не осталось никого, кто мог бы понять ее), она начала рассказывать

о странном рождении своих других сущностей и о том, что они сделали — не потому, что она приказала, а потому что они сами сочли это необходимым.

Когда она кончила, наступила тишина. Эта тишина длилась долго. Вначале Симса не решалась взглянуть на Торна, ожидая увидеть на его лице тень неверия. И в продолжающемся молчании ей так не хотелось увидеть худшее — признание ее чуждости, того, что контакт с нею в этом времени и месте невозможен.

Наконец, отказываясь признавать себя чужой, вроде ожившей каменной фигуры из этого города, она подняла глаза.

На его лице ясно читалось удивление. Нет, она не хочет этого ни от кого, особенно от Торна. Он принес свои собственные тайны со звезд, при виде которых любой житель Куксортала счел бы его полубогом. Чем же она отличается от него? Жил когда-то народ, овладевший другими формами существования, у него не было таких ящичков, такого оружия, таких кораблей, но эти люди в самих себе хранили другое знание. А мерилом человека является то, как он пользуется своими внутренними знаниями.

Девушка снова заговорила, на этот раз не медленно, потому что ей не нужно было подбирать слова, описывая нечто странное, опасное и новое для нее самой. Теперь это была почти просьба. Хотя никогда раньше Симса не позволяла себе просить, даже у Фервар, того, в чем она нуждалась больше всего, — другого человека, о котором можно было бы заботиться и который думал бы о том, каково ей живется в этом мире.

— У тебя есть твой уничтожитель тяготения. — Она поняла, что говорит резко, вызывающе, но не стала менять тон: ей было нужно дать понять Торну, что она сопоставляет его образ жизни со своим. — И другие смертоносные игрушки у тех, снаружи, — девушка указала на окружающий их туман. — Ты говорил о «даре», о способности сознания встречаться с другими, о других чуде-

сах. Существует множество планет и множество разных народов. И старых, и молодых. У всех есть свои победы и поражения. Я не знаю, почему родилась способной почерпнуть из запаса знаний, что хранились здесь. Я думаю, это тяжелая ноша, и с радостью отдала бы ее другим, если бы могла. Но как можешь ты отдать свои руки, свой мозг, самую свою суть кому-то другому? Есть тайны, недоступные пониманию. Разве не так? Ты сам говорил об обрывках и кусочках, которые терпеливо собираются, складываются вместе, изучаются. Ты сам рассказал мне о древней, по вашим представлениям, расе, которая собирает знания, изучает их, истолковывает. Твой брат пришел сюда в поисках ответов. Но нашел одни загадки. Некоторые из них выросли из жадности и ненависти вашего собственного времени, они — ваше создание. Но он нашел и Симсу. Вот поэтому — появилась я. В Куксортале я была как несозревшее семя, которое никогда не может дать плод. Но случай — и ты — привели меня сюда. Я нашла свою почву, была посажена. Теперь я то, чем сделала меня судьба, которой люди боятся, хотя всегда ее ищут. Не знаю еще, на что я способна. Сильный страх в том зале заставил меня произвести действия, к которым еще не готов мозг. Возможно, стремления, воля и знания могут пережить века и быть отданными тому, кто открыт для них. Я знаю только, что я теперь не та, кого ты встретил в Куксортале. И не та, что ждала меня здесь. Я больше, чем первая, и меньше, чем вторая. Но я личность, я реальна, я — это я. Хотя и не знаю, чем еще могу стать. Ты со звезд. Ты видел много миров. Я знаю, что племя Симсы некогда тоже бродило меж звезд. Но почти не помню этого. Она осталась здесь. Не знаю почему. Может быть, ее звездный корабль не смог улететь, а может, она устала от полетов и захотела спокойствия. — Симса подняла руки и отбросила назад влажные волосы. — У меня очень смутные воспоминания, и это меня печалит. Мне больно собирать их. И мне не нужна другая жизнь, а только та, что сей-

час передо мной. — Девушка улыбнулась чуть печально и добавила: — Есть ли перед нами в самом деле долгая жизнь? Если твой корабль не придет, а эти, что роются здесь, как мы рылись в Норах, доберутся до нас, — я не вижу перед нами долгой жизни.

Торн выпрямился и отбросил с лица черные волосы, которые заметно выросли с тех пор, как он появился на планете. На его лице вовсе не было страха, который Симса так боялась увидеть. Она видела, как глубоко вздымается его грудь.

— Я тоже не знаю, леди, что с нами будет. Но ты — чудо, которое искали многие и так и не сумели найти. Это ясно. Мы ищем предтеч с того времени, как впервые увидели странные пустые развалины. Это легенда, такая древняя, что еще задолго до того, как мой народ вышел в космос, на планете Зэмл рассказывали об инопланетниках, прилетающих со звезд. Этот символ, — он указал на рога и шар, — известен нам. В нашей долгой туманной истории были жрицы, которые носили его как символ богини со многими обличьями: подруга мужчины, умело выращивающая пищу, воспитывающая детей — но готовая в гневе обрушиться на тех, кто угрожает ей. Возможно, это когда-то была Симса. И ее запомнили надолго. И ты взяла здесь из прошлого то, что мы так долго стремились узнать.

Симса покачала головой:

— Нет, я не стану сокровищем твоего народа. Я живая, я личность, а не древнее изваяние, горсть драгоценных камней, образующих необычный рисунок.

Она указала на браслет, который по-прежнему обхватывал его руку. Всю одежду он сбросил, но браслет оставил.

— Почему ты его не снял? — спросила девушка. — Ожидаешь нового нападения?

Он удивленно взглянул на браслет. Взялся за него пальцами, повернул, но снять не смог. Браслет сидел плотно и не стеснял руку, но сниматься не хотел, не-

смотря на все усилия Торна. Симса спокойно смотрела на него, потом сказала:

— Похоже, тебе тоже предстоит носить с собой часть прошлого. Что ты будешь делать, когда доберешься до своей родной планеты? Отрежешь руку, чтобы твои люди могли понять, что на тебе? Потерять руку, потерять свободу — нам это не нужно. Возможно, я поговорю с твоими искателями знаний — в свое время и в своем месте, если мы покинем эту планету. Но я не буду пленницей тех, кто сочтет меня «сокровищем»!

— Этого не будет, — ответил Торн спокойно, но в глазах его было обещание. Она не могла сказать, сдержит ли его инопланетник. На это, как и на все остальное, ответ будет получен со временем.

Неожиданно Симса рассмеялась:

— Мы говорим так, словно нам крупно повезло. А мы ведь даже не уверены, что доживем до восхода солнца.

Но Торн вовсе не выглядел расстроенным. Напротив, он широко раскинул руки, словно просыпаясь от освежающего сна в прекрасное яркое утро сухого сезона.

— Клянусь судьбой, леди Симса, я верю, что ты — это ты, и никто другой. Мы останемся живы — и отправимся в свободный поиск среди звезд.

Симса в ответ улыбнулась. У нее тоже стало легко на душе. Может, сказывалось обновляющее воздействие бассейна, может, что-то еще — его обещание? Или... она не хотела дальше развивать эту мысль. Вначале она должна узнать себя, а потом научить остальных, особенно людей со звезд, к которым Симса вернется. Да! В это она теперь тоже поверила, как верит в реальность песка вокруг, в сверкающий бассейн, в тяжесть кольца на пальце — в этот новый день, что наступит завтра!

ПРЕДТЕЧА: ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВТОРОЕ

Глава 1

Кругом расстилалась выскобленная поверхность, кое-где торчали голые пропеченные скалы без единого увядшего листочка или стебелька, нарушившего бы однообразность серо-голубого камня. Лишь над трещиной, которая от горизонта до горизонта рассекает этот пустынный мир, склонилась фигура в плаще. Только в этой трясине происходит какое-то движение, медленное поступательное перемешивание — но не жидкости, а песка, который еле-еле течет куда-то вдаль.

Однако изнуряющего солнца над головой нет, одно лишь открытое небо. Но если приглядеться, далеко-далеко видна будет мерцающая дымка — своеобразный экран, превращающий планету в котел.

Плащ чуть изогнулся. Внутри небольшого укрытия, образованного им, что-то шевельнулось. Мягко прикоснулись плотно прижатые антенны, коготь царапнул руку.

— Ты считаешь меня дурой, моя Засс? — Голос прозвучал не шепотом, но скрипом пересохших губ, слова были произнесены ртом, пересохшим, как и вся эта местность. — Ах, Засс, есть глупость и есть выбор — и неизвестно, что хуже.

Плащ приподнялся, человек, на котором он был надет, чуть выпрямился, наблюдая в щели между складками бесконечное томительное движение вдоль голых камней — и отнюдь не воды.

— Глупость... — Слово прозвучало чрезвычайно горько. И когда Симса призналась себе в этом, у нее появилось новое чувство, мрачное, как вся эта земля, и ясное, как камень, лишенный всяких признаков жизни. Страх двигал ею, он привел в эту печь смерти, такого страха она никогда не испытывала раньше.

Снова плащ шевельнулся. Симса сомкнула пальцы на предмете, с которым никогда не расстанется, пока жива. Это не посох — он слишком короток, скорее жезл, символ власти: такие носят как знак своей власти главы городов на реке в том мире, что она знала с рождения. Жезл светился даже в складках плаща — диск и два изогнутых рога по его сторонам: солнце и две луны, как ей однажды объяснили.

— Торн! — Это имя она произнесла, как плевок. Звук как будто понравился девушке, потому что она произнесла его снова, с еще большей яростью. — Торн! — Она не звала. Может ли голос долететь с одной планеты на другую, пронестись сквозь пустоту пространства, промчаться с планеты на корабль, с корабля на планету, достичь слуха этого человека?

Именно Торн познакомил ее с ними, с этими холодными людьми с непроницаемым взглядом, он оказывал знаки уважения людям, которых она заподозрила с первой же встречи. Она, которая была...

Плечи ее передернулись. По руке скользнули лапки, маленькая острая мордочка обернулась к ней. Девушка ощутила мысли, такие чуждые, но в то же время призванные успокоить. Они коснулись только края ее сознания.

— Я Симса... — Она произнесла это медленно, с расстановкой. Симса — и кто еще?

Некогда она была девчонкой на побегушках, легконогой и легкорукой, прислуживавшей старой хитрой женщине, которая много знала, но мало говорила. Вместе с Фервар она, сколько себя помнит, жила в Норах под городом Куксорталом. Симса впитывала в себя, как поли-

тый корень сагсера, все, что можно узнать. Но даже в те дни, когда ею командовала Фервар, она была свободна...

Свободна так, как больше никогда не будет! Есть разные степени свободы: по крайней мере, это она поняла!

Симса освободилась от Нор, потому что ее судьба на время переплелась с судьбой инопланетника, разыскивавшего своего пропавшего брата — и ту тайну, которую, в свою очередь, пытался раскрыть этот брат. И хоть Симса сопротивлялась, упрямая искра жизни, горевшая в ней, отправила девушку в ловушку древней смерти и новой катастрофы.

Потом... Она машинально подняла свой жезл с солнцем и лунами, проделав это бессознательно, и концы полумесяцев коснулись ее маленьких высоких, почти детских грудей. И резко вздернула голову: поток энергии, который Симса считала почти иссякнувшим, не исчез! Он вливался в нее теперь — не уничтожающая сила, которую она призывала раньше, а освежающий напиток. Этот поток буквально затопил все ее тело.

Девушка свела глаза к щели в складках плаща, и снова увидела ждущую — другую Симсу, свое зеркальное отражение. А может, она сама была отражением той, другой. В какой-то миг произошел контакт, и на некоторое время она стала двумя осторожными, ревнивыми по отношению друг к другу личностями: под черной кожей Симсы жили два существа.

Но так было недолго. Она снова осталась одна, хотя и обновленная. В глубинах разума нашли место и укоренились сведения, каких не может знать дитя Нор. В тот момент она была поистине великой, гордой, торжествующей. Даже Торн заметил это. Да, но, увидев это, он захотел сделать ее...

В длинном тонком мире Засс родился гортанный звук, ее крылья, обтянутые кожей, слегка приподнялись. Засс всегда ощущала гнев Симсы — или ее страх. И именно Засс предупредила ее, вызвав новое приключение, закинувшее их в эту пустыню.

«Предтеча» — так назвал ее Торн. Он много рассказывал о древнем звездном народе, неизвестном последующим поколениям, следы которого обнаруживаются на многих планетах и который по-прежнему представляет собой неразгаданную головоломку. Предтеча — добыча. Сокровище для него и его товарищей — такое же, какое находят в земле, стряхивая с него пыль. Симса должна была отправиться к тем, кто ищет такие сокровища. Никто не спрашивал ее согласия, ей даже не объяснили толком, что ее ждет.

Торн исчез, отведя ее к тощему, потемневшему в космосе человеку с глазами, которые смотрят на тебя, но на самом деле не видят. Он словно заглядывает за тебя, что-то ищет. И вот тогда проснулась Симса из Нор, а древняя Симса затаилась, чтобы изучать и думать, строить планы...

Впрочем, они не так уж много времени провели вместе, эта первая Симса и та, что из прошлого. Рожденная в Норах девушка выпустила когти и собралась защищаться. Она знала, обдумывая случившееся, что не сможет обратиться к разрушительным силам жезла. Животное, которому угрожают, убежит или нападет. Симса — ни одна из Симс — никогда не бежала. Нападать — тоже было бы неправильно, это она понимала. Силой не отвяжешься от звездных людей. Имеются более хитрые способы. Жди и учись, предупреждала девушку Древняя. Узнай, что они собираются предложить — и доброе, и злое. Взвесь, чего больше. Если злого, разработай тайный план.

И поэтому она без возражений поднялась на борт корабля. У нее было три зорсала. Двух, молодых, Симса выпустила под небом их родной планеты — ее планеты. Но Засс вцепилась в нее, как в частичку своей жизни, и не захотела улетать.

До этого Симса никогда не бывала на космическом корабле. Многое казалось ей здесь необычным — тем более необычным, что пробуждающиеся воспоминания Древней заставляли все время сопоставлять новое со старым. Она отдалась этой второй Симсе, сохранив только

часть прежней воли, уклоняясь от ответов на вопросы этих незнакомцев, пытаясь найти ответы на свои вопросы. Может быть, и Торн находился в этом металлическом корпусе, когда корабль летел, но она его не видела.

Девушке отвели небольшую каюту. И она с гневом, который тщательно сдерживала, обнаружила тайные приспособления, которые позволяли подглядывать за ней, когда угодно этим космическим бродягам. Симса из Нор вырвала бы эти приборы, уничтожила их. Древняя же поступила осторожнее. К каждому из этих тайных приспособлений она прикоснулась жезлом. И теперь всякий заглянувший в них видел Симсу такой, какой его собственный разум представлял ее. А сама она занялась своим делом — бегством.

Находка этих подглядывающих устройств вызвала не только гнев, какой способны испытывать жители Нор, но и усилила целеустремленность девушки. Инопланетники хотят изучать ее. Точно так же хотят они изучить место, где ее двойная сущность обнаружила источник знаний, эту мешанину древних космических кораблей, которые преступники обшаривали в поисках запретного оружия, чтобы продать на множестве планет тем, кто заплатит подороже.

Но знания, которые хотят получить эти люди, не предназначены для них, и Симса не собиралась их отдавать. Она лежала на спальном месте в своей тюрьме с потайными глазами и ушами, прижимая к себе Засс. И, закрыв свои собственные глаза, начала задавать вопросы. Она сама никогда не поверила бы, что такое возможно, но Древняя считала это вполне естественным.

Множество мыслей пульсировало в корабле. Погрузиться в них — все равно что прыгнуть в прибой, угрожающий разбить о рифы. Симса из Нор забилась и прекратила сопротивление. А вторая уверенно принялась разбираться.

Совсем скоро обнаружились двое, внимание которых было сосредоточено на ней. Отгородившись от все-

го остального, Симса пошла по путям их мысли, заглядывая за них. Первым объектом ее внимания стал кто-то вроде лекаря. Это была женщина, обладавшая ничтожно малыми знаниями, хотя окружающие считали их вполне приличными. Ее интересовали плоть и кости и лишь немного — то, чему повинуется плоть. И еще... Глаза Симсы оставались закрытыми, но губы сложились в рычании: эта женщина хотела разрезать ее, искалечить, если понадобится, чтобы найти то, что содержит в ней жизненную силу.

Другой думающий о ней... Аxx... Губы девушки расслабились. Симса даже облизнула нижнюю губу, словно готовясь попробовать экзотическую пищу. Этот немного представлял себе, что было взято в Куксортале. И сейчас рассматривал один подход, другой. С этим можно было бы поиграть в хитрые игры, если бы имелось время.

Время! Сама мысль о нем ударила девушку. Торн открыто объявил Симсе, что она представляет огромный интерес для расы, вступившей с ними в союз, для народа, обладающего исключительно долгой жизнью, которую он целиком посвящает изучению подъемов и падений цивилизаций, ведению и изучению записей. А ведь раньше... раньше Симса была одна, и она была хранителем.

Но офицер корабля, сделавший ее пленницей, хотя и не показывал явно своих намерений, вовсе не собирался отдавать ее тем, о ком Торн говорил с таким благоговением. Он собирался держать ее у себя и использовать только в своих целях. Симса молча рассмеялась. О, маленький человек, что лучше всего разобьет твои планы? Она может сделать это... и это... Девушка снова беззвучно рассмеялась, хотя Засс заворочалась рядом и слегка заворчала.

Пусть строит свои планы. А Симса теперь занялась другим делом. И как раньше она искала мысли, так теперь начала искать знания — не о тех, кто жил в этом пронизывающем пространство корпусе, но о самом корпусе. Кое-что ее древняя память узнавала, другое было

отличным. Да и как может быть иначе? Огромный промежуток времени отделяет корабль, который некогда повиновался ей, от этого — с молодым народом.

Об источнике энергии она не очень заботилась. В конечном счете все они похожи, и машины никогда особенно не интересовали ее. Существуют другие устройства — накопители знаний: там можно найти способ бегства.

Способ она нашла, переходя от сознания одного члена экипажа к другому. Да, выход нашелся, и имелись люди, умеющие им пользоваться. Но пока она не готова была подчинить своей воле чужую и узнать у такого временного пленника... Успех опять зависел от времени.

Симса не могла сказать, почему так торопилась, что заставляло ее расширять свой поиск. Но страх, унаследованный от обитателей Нор, смешивался с беспокойством Древней. Однако Симса не пыталась подчинить себе волю людей на корабле. Пока еще было рано.

Девушка смутно ощущала тепло. Даже с закрытыми глазами она чувствовала, что ее жезл с солнцем и лунами светится. Он каким-то образом давал ей силу для этого необычного путешествия по сознаниям — и подкреплял решимость действовать. Случайность или какое-то свойство жезла позволили ей уловить мысли члена экипажа, только что сменившегося с вахты и неторопливо шагавшего по коридору на встречу с товарищами.

Обязанности, обычные обязанности этого человека — проверка. Симса сразу насторожилась.

За стеной, на которую легла ее рука, она уловила туманную мысль о полости, в которой прятался другой корабль, гораздо меньше. Да, Древняя опознала, а Симса из Нор поняла — это способ бегства. Если большой корабль будет поврежден, его двигатели откажут, некоторые из тех, кого он несет от звезды к звезде, могут спастись на меньшем корабле.

Обязанность — надо, чтобы он выполнил свою обязанность и проверил пригодность спасательной шлюпки.

И девушка отдала мысленный приказ, не очень уверенно, потому что та ее половина, что из Нор, все еще пугалась своих новых способностей.

Космонавт прижал ладони к стене. Глядя на поверхность, в которой Симса своим видением не смогла разглядеть ни одной щели, он нажал. Часть стены коридора отодвинулась, и он оказался в узком промежутке между корпусом шлюпки и стеной корабля. Надо проверить это — и это. Симса внимательно слушала, зная, что теперь никогда не забудет нужные ей сведения. Помещение, с мягкой обивкой, для трех человек. Она следила за мыслями человека, нажимавшего кнопки, поворачивавшего ручки. Приборы оказались очень просты, вот этот выпускает защитную пену: она предохраняет пассажиров от внезапных толчков при старте и посадке. Эта кнопка оживляет странный мозг самой шлюпки, и он начинает отыскивать ближайшую планету, на которой его пассажиры смогут выжить. Этот рычаг позволяет перейти на орбиту вокруг планеты — и совершить посадку. Есть припасы, которых хватает на некоторое время. Их он тоже проверил. Симса отсоединилась от его сознания и вернулась в свое неподвижное тело.

Итак, корабль оказался не абсолютной космической тюрьмой, как она считала. Бегство в шлюпке было вполне возможно. Девушка сосредоточила большую часть сил своего разума на этой задаче, оставив настороже только сознание Симсы из Нор, чтобы ее случайно не обнаружили. Она понимала, почему Древняя, так долго ждавшая появления своего двойника, не стала сразу же единственным правителем этого тела. Симса из Нор обладает хитростью и навыками, каких никогда не было у Древней.

Снова она устремилась к сознанию офицера, который хотел завладеть ею, хотел власти. Он не с другими, он уединился и строил планы, обдумывая одну возможность за другой. Сеть! Да, сеть, какую забрасывает рыбак. Сеть, которая захватит ее — и удержит. Как? Ведь он командует кораблем. Но девушка получила неопровержимое

доказательство, что он не собирается ни с кем делиться своими планами. Спасательная шлюпка!

На мгновение Симса поразилась. Но потом увидела яркую картину, словно смотрела наяву: она увидела себя, одурманенную, спящую, и этот будущий обладатель власти бросает ее в шлюпку и улетает в пространство. Потом его мысли смешались, превратились в обрывки желаний, как во сне. Он чувствовал себя завоевателем мира.

Симса открыла глаза, прервала контакт. Послышался негромкий лязг металла о металл: открыли маленькую дверцу, через которую ей доставляли еду и питье.

Она протянула руку к чаше с жидкостью. Казалось бы, обычная вода, но Симса уже ничему на этом корабле не верила. Девушка предложила воду зорсалу. Засс опустила клюв в чашку, но пить не стала, а только, слегка повернув голову, посмотрела на Симсу и негромко крикнула, чуть приподняв крылья.

Симса села, поставив чашку на поднос. Зорсалы жадно поглощают пищу и питье, но у них обостренный вкус и обоняние, гораздо острее, чем у любого гуманоида.

Девушка взяла жезл и поднесла к чашке. Постепенно в воде появился слабый зеленоватый оттенок, такой незаметный, что увидеть его мог только очень внимательный глаз. Не яд. Нет, они слишком хотят извлечь из нее все знания. Может, хитрость так называемого лекаря: она получит доступ к больной и сможет осматривать, что захочет.

Не важно. Симса соскользнула со спальной полки и по очереди подошла ко всем шпионским приборам. Постепенно эффект ложного изображения слабеет, поэтому она возобновила защитный экран, а потом остановилась в центре своей маленькой тюрьмы — Засс сидела у нее на плече, — крепко сжала в руках жезл и задумалась.

Если наркотик ей дал мужчина, значит, он собирается действовать. Из двоих заинтересованных большей угрозой Симса считала его. Но как скоро он придет сюда взглянуть, сработал ли его план? Если именно он под-

глядывает за ней — а девушка считала, что это так, — то он увидит, как Симса выпила всю воду и упала на койку. Засс тоже заснула у нее на груди. Долго ли продержится этот образ, когда она не сможет его подкреплять?

Девушка сделала два шага к двери. Дверь, несомненно, была закрыта, хотя до сих пор Симса не пыталась открывать ее. Она провела вдоль створки полумесяцами жезла.

Дверь открылась. Засс снялась с плеча и повисла в воздухе на бьющихся крыльях, поворачивая клювастую голову из стороны в сторону, чтобы осмотреть коридор, дальние концы которого скрывались за поворотами.

Симсе не нужен был контакт с зорсалом. Как и все ее родичи, Засс обладает не только острым зрением, но и слухом. И теперь, под присмотром зорсала, девушка могла свободно искать спасательную шлюпку, не опасаясь, что ее обнаружат. Однако, осторожно пробираясь туда, она все же удивилась пустоте коридоров. Как будто их специально очистили, чтобы заманить ее в новую ловушку. И так сильно было это впечатление, что Симса остановилась и, не переставая наблюдать за Засс, применила собственные способности.

Добравшись до цели, она открыта люк в похожем на стручок корпусе. Это оказалось легко; по-видимому, так было сделано специально: ведь те, кому потребуется воспользоваться этой шлюпкой, могут быть ранены или почти доведены до безумия катастрофой, сделавшей необходимой бегство с корабля.

Она долгое время просто вглядывалась внутрь, изучая те самые кнопки и ручки, которые проверял космонавт, извлекая из его памяти все необходимое для себя.

Теперь... большой корабль. Хотя Симса из Нор обладала очень ограниченными познаниями о космическом корабле, а Древняя, чье пробудившееся сознание слилось с сознанием Симсы, знавала более сложные корабли, девушка представляла себе, что существуют два типа пространства: одно, которое превращает звезды (если смо-

треть на них с планет) в крошечные светящиеся точки, и другое, отличное от первого, лишенное времени и понятия о расстоянии состояние, в которое корабль погружается для долгого полета и которое не может быть измерено человеком — только высокоразвитыми думающими машинами. Так что космический корабль пролетает расстояния, которые Симса из Куксортала не может себе даже представить.

Итак — если спасательная шлюпка вылетит, когда корабль находится в этом лишенном времени и пространства море, переместит она своих пассажиров в реальное время, на реальную планету или она вместе с пассажирами затеряется навсегда, будет плавать в этом месте без будущего?

Но ведь шлюпка предназначена для спасения. И неужели несчастный случай, который заставит ею воспользоваться, может произойти только в реальном пространстве, когда корабль находится на орбите вокруг планеты? Если это так... Симса держала свой жезл в руках, он излучал мягкое тепло, которое помогало победить темный страх, парализующий тело и посылающий мрачные предчувствия в мозг.

Сзади послышался резкий свист — в люк влетела Засс, ее тревожный сигнал был совершенно ясен. Не сознавая, что делает и почему, Симса скользнула в спасательную шлюпку, зорсал снова сел ей на плечо, широко расправив крылья у нее над грудью.

Она вошла — что она наделала!

Страх волной поднялся в девушке, затопил древнюю Симсу, оставил только обитательницу Нор, прижавшуюся к мягкому сиденью. Должна ли спасательная шлюпка быть использована немедленно или нет — она отреагировала на появление девушки совсем не так, как на приход космонавта...

Ее как будто ударил один из грубых вонючих мужчин из Нор. Симса погрузилась во тьму, обе ее половины были отрезаны от света, мысли, может, даже жизни.

Девушка пришла в себя так же внезапно, как и потеряла сознание. Долго ли она здесь лежала? Время утратило смысл. Но мысли ее ожили вместе с телом. Нельзя было усомниться в дрожи маленького корабля, который обнимал ее так же тесно, как раковина сжимает бесформенное тело муравья-краба. Спасательная шлюпка явно находилась в полете — в месте, где нет пространства — или направлялась к ближайшей планете, ближайшей к тому пункту, где ее выпустило безрассудство Симсы.

И она ничего не могла сделать, только ждать, хотя и Симса из Нор, и ее древний близнец с трудом заставляли себя спокойно лежать под покровом неизвестности. Засс шипела, но не двигалась, только иногда слегка поднимала голову, и ее большие глаза встречались со взглядом девушки. В них не было страха, и Симса ощутила боль и вину. Для зорсала она защитница, она всесильна, и животное терпеливо ждало ее действий.

В контейнерах под рукой Симсы хранилось питание. В нем точно не было никакого наркотика, поэтому она спокойно вскрыла тюбик, и выдавленная из него кисловатая вода освежила их. Потом девушка разделила, рассыпая крошки, брусок сухого пайка.

Но время все не проходило. Симса спала; может, Засс тоже. Стены продолжали непрерывно дрожать. Девушка целеустремленно изгоняла из сознания все, кроме одного-единственного факта: корабль создан, чтобы сохранить жизнь, все усилия его создателей были направлены только на это, поэтому она должна верить, что долетит невредимой.

Они ели трижды, а потом что-то изменилось в поведении корабля. Симсе хотелось послать ищущую мысль, но для установления связи нужно другое сознание, а тут никого не было, кроме нее и Засс.

Постепенно гудение усилилось настолько, что девушка свернулась клубком и заткнула уши пальцами, чтобы заглушить звук, такой же болезненный, как удар хлыста палача Гильдий.

После боли от этого гула последовал удар. Тело Симсы прижало к задней стене корабля. Головой она ударилась о неприкрытый обивкой металл над койкой. Но сквозь боль девушка увидела, что дверь, закрывшаяся за ней, рывками открывалась. После нескольких судорожных движений она все-таки застряла, и тогда Симса, стоя на коленях, изо всех сил нажала руками, забыв о своем жезле. Засс протиснулась в щель, и Симса услышала крик зорсала, полный ярости и боли.

Это привело ее в чувство, и девушка протянула вперед жезл, сосредоточив на нем всю свою волю. Дверь дрогнула, начала светиться. Жар от нее ударил в почти обнаженное тело девушки. Но она продолжала держать жезл, пока то, что задерживало дверь, не сдалось с протестующим звоном, и Симса смогла выбраться из корабля наружу.

Это произошло три дня назад. Симса зашевелилась под плащом, который соорудила из двух запасных занавесей спасательной шлюпки. Ни луны, ни солнца — дымка темнеет, это означает наступление ночи, потом снова светлеет и становится обжигающей. Шлюпка приземлилась вблизи потока движущегося песка. Не имея других ориентиров, Симса пошла вдоль этого потока, хорошо понимая, что шлюпка непрерывно испускает сигнал тревоги. А она не собиралась встречаться со спасателями, пока не узнает, кто ими будет.

Они прошли большое расстояние: девушка шла, а Засс передвигалась под защитой плаща, потому что зорсал не выносил отраженного от камней жара. Симса шла ночами, а днем скрыться было совершенно негде: вокруг только редкие камни и движущаяся песчаная лента.

Немного покопавшись в песке, Симса не обнаружила там и следа влаги и не понимала, что движется в этом потоке. От смерти их теперь отделял только мешок с припасами, захваченный со шлюпки. Когда припасы кончатся, в никогда не меняющихся камнях останутся только высохшие тела девушки и зорсала.

Глава 2

Даже находясь в полубеспамятстве, Симса хорошо сознавала, что силы ее подошли к концу. Местность не менялась, не было видно ни следа жизни в этих однообразных скалах. Но девушка постоянно ощущала — и это ощущение становилось сильнее, когда она останавливалась передохнуть от жары, — что они с Засс не одни, что кто-то наблюдает за ее мучительным продвижением, оценивает его. Однако она напрасно всматривалась в воздух в поисках остроглазых летающих существ, оглядывалась на скалы, пока не начинали слезиться и болеть глаза. Ничего.

Ничего, кроме бесшумного движения песка. Уже не в первый раз Симса осторожно посадила Засс, расстелила на камне плащ, чтобы не обжечься о его раскаленную поверхность, легла на живот и стала всматриваться в странный безостановочный поток. Что-то такое было в этих необычных завихрениях, которые время от времени возмущали желто-серую поверхность, что мешало ей коснуться песка. И никакой подходящей ветви, чтобы погрузить ее в густой поток, рядом не валялось. Жезл же она не собиралась осквернять подобным действием.

Симса не могла измерять здесь время, знала только, что скоро дымка стемнеет и нужно будет снова двигаться. Если бы она смогла встать, хоть немного пройти по все еще теплым камням... Но куда идти? Ничего впереди нет, она, во всяком случае, ничего не видела. Даже повернуть голову, чтобы оглянуться, ей было трудно.

Неужели она совершила глупость? Шлюпка по-прежнему стоит на месте, она дает хоть какое-то убежище, а ее маяк призывает на помощь. Симса больно прикусила нижнюю губу. Вернуться, признать свое поражение — с этим не соглашалась ни одна из ее частей.

Песок под ней быстро закружился. И в лицо девушке ударило зловоние, от которого она закашлялась, судорожно пытаясь вдохнуть, чтобы очистить легкие и нос.

Симса удивленно приподнялась на руках, но отползать от песчаного ручья не стала.

В порыве воздуха почувствовалась какая-то древняя гниль, но одновременно и влага, пусть осквернённая до невозможности, но все же влага. Девушка села прямо, потом приспустила плащ и поднесла руки к своей единственной одежде. Когда Симса из Нор и Симса из пустынного города встретились, слились, девушка надела диадему, ожерелье и украшенную камнями юбку, взятые у статуи, которая вдохнула в нее свою жизнь, смешав с ее собственной. И с тех пор Симса гордо носила одеяние Древней, правившей давно забытым народом. Девушка расстегнула застежку юбки и начала сгибать и разгибать подвеску пояса, пока та не лопнула и у нее в руках не оказалась серебристая металлическая полоска, усаженная камнями. Эти камни могли затуманиваться или становиться яркими в зависимости от освещения. Полоска была чуть длиннее ее руки. И вот, крепко держа один конец в руке, Симса приготовилась погрузить второй в это завихрение, которое все шире охватывало поверхность песка.

Долгое время она не решалась. Этот порыв зловония не способствовал дальнейшим исследованиям. Но движущийся песок был единственным фактором, который теперь удерживал ее от бесславного возвращения к спасательной шлюпке.

Память Нор заставляла проявлять осторожность, но она же вызывала и нетерпение. Нетерпение победило. И Симса, как на охоте с коротким копьем на выползающих на берег у Куксортала черепах, изо всей силы ударила вниз металлической полоской.

Полоска легко углубилась в песок, но...

Симса вздрогнула. Где-то под движущейся серой поверхностью полоска встретила сопротивление. Что-то там шевельнулось, дико забилось, так что его движения вызвали подъем песка. В горячем воздухе разорвался пузырь из какого-то густого вещества и испустил такое зловоние, что Симсу сразу затошнило.

И все, больше ничего не двигалось, даже когда она попыталась вытащить свое импровизированное копье. Металл держался прочно и не поддавался усилиям девушки, словно она что-то пробила там внизу и пригвоздила к камню.

Симса сбросила последнюю ткань покрова с плеч и поднялась на колени, продолжая удерживать полоску. Однако и отчаянные усилия не помогали высвободить ее. Девушка начала расшатывать копье. Вначале сопротивление было так велико, что она, как ни старалась, никак не могла стронуть с места металлическую полоску. Но постепенно та начала поддаваться и вдруг провалилась вглубь. Симса изо всех сил дернула и, почти потеряв равновесие, высвободила свое оружие. Полоска выскочила, разбрасывая песок во все стороны, и принесла с собой еще в сто раз более сильное зловоние, прямо-таки выворачивающее внутренности.

Полоска вышла не пустая, и к ней пристал отнюдь не песок. К концу металла прилепилось какое-то существо размером с два кулака, желтого цвета, как гной в ране. Оно постоянно дергалось, словно пытаясь сползти с металла, пробившего его тело.

Яйцеобразное по форме, оно не имело каких-либо отличительных черт, как, впрочем, и головы или хвоста. Только с нижней части спускались, извиваясь в воздухе, восемь щупалец, все одинаковой длины.

Симса знала немало существ, скрывавшихся во тьме Нор. Но по сравнению с этим вредоносным комком они казались даже приятными. Девушка держала существо подальше от себя у края расщелины, внимательно рассматривая. Это было первое живое существо, которое она увидела после посадки.

Оно втягивало свои конечности или щупальца, обвивало ими тело, словно пытаясь защититься, убедившись, что убежать невозможно.

Симса моргнула. Отвратительный желтый комок — ее пленник. Неужели постоянная жара, отсутствие пи-

щи и воды так притупили ее чувства, что она стала видеть галлюцинации, как те, кто жует крэкс? Говорят, их сопровождают такие картины на поздней стадии порока.

Но ведь это неправда! Переложив импровизированное копье в левую руку, девушка потерла воспаленные глаза правой. К ее полоске цеплялся человек. Гуманоид, в одеяле, но всего в два пальца ростом. И когда этот человек повернул к ней лицо, она его узнала.

Надо отдать должное силе духа Симсы из Нор и самообладанию Древней: она не закричала, не выронила полоску — напротив, дрожащей, несмотря на все усилия, рукой отвела полоску подальше от песчаной реки и отбросила ее как можно дальше на голый камень.

Свист Засс, который начался, когда девушка погрузила полоску в песок, теперь перешел в крик. Несмотря на жару, зорсал взвился в воздух и кругами начал летать над странной находкой — так эти животные кружат над добычей перед броском. Однако на этот раз зорсал не делал попыток снизиться.

Симса снова схватила полоску и затрясла ее, чтобы сбросить свою невероятную добычу. Маленький человек упал на камень, грудь его вздымалась, крошечные руки были плотно прижаты к животу, из раны потоком струилась кровь. Он повернул голову и с таким обвинительным выражением посмотрел на нее, что Симса выронила полоску и сжала руки, когтями до крови оцарапав кожу. «Это неправда!» — одновременно кричали обе Симсы. Она не могла извлечь из песка живого миниатюрного Торна!

Существо по-прежнему смотрело на нее, как Торн, просящий помощи, и она вспомнила их блуждания по городу разбитых кораблей, дни, за которые — как, она сама не могла понять, — инопланетник стал для нее значить больше всех других людей, стал ближе, чем даже Февар, которая защищала ее с самого детства.

— Ты не Торн! — Девушка не сознавала, что кричит вслух, пока не услышала собственный голос. Засс смолк-

ла, хотя продолжала кружить над раненым существом. Это не могло быть реальностью!

И тут руководство на себя взяла Древняя. Симса из Нор не стала сопротивляться. Может, такие странные существа были обычны для ее мира...

— Оно прячется! — Слова снова прозвучали вслух, но на музыкальном языке Древней. — Оно изменяет внешность, извлекает из мозга такую внешность, за которой легче всего спрятаться. Но это глупо, оно не понимает разницы...

Разумное объяснение Древней предупредило шок от нового происшествия, который могла бы испытать жительница Нор. Симса не могла поверить в куклу размером с собственную ладонь. Однако — эта кукла исчезла. На камне теперь лежал человек нормальных размеров, ничем не отличающийся от Торна, каким она его знала, только здесь он извивался в луже собственной крови. И его темные глаза стекленели в предсмертной агонии.

— Маленький превратился в большого! — воскликнула Симса. Она вся дрожала. — Ты же знаешь, — сказала она сама себе, сказала Древней, — что это неправда! Неправда!

Девушка снова схватила полоску, ткнула ею умиравшее существо-человека и покатила его назад к реке. И оно покатилось: а Симса ошеломленно заметила, что человек такого роста так катиться не может! Тем не менее оно покатилось, ударилось о поверхность песка и исчезло.

Иллюзия. Обе памяти девушки, соединившись, упрямо держались за это. Всего лишь иллюзия. Но какое существо смогло так проникнуть в ее мозг, чтобы она сама этого не заметила, извлекло необходимое воспоминание и использовало его для защиты? Неужели этот желтый комок? Или оно на самом деле какое-то совсем другое, с совсем другим телом? Действовало оно разумно или инстинктивно? Девушка подумала, что весь путь по этой пустыне держалась рядом с песчаным потоком, и почув-

ствовала легкое головокружение. Воображение живо нарисовало, что могло случиться с ней, когда она спала на берегу без всякой защиты. А если бы этот иллюзорный Торн пришел к ней на рассвете, когда она сооружала свое импровизированное убежище? И рассказал бы, что последовал за ней... Да, она опасалась бы его, как и любого другого космонавта, но было бы ли этого достаточно?

Засс взлетела на скалу, недалеко от лужи крови, оставленной речным существом. Когда существо изображало из себя Торна, кровь была алой. Теперь она стала желтой, похожей на прогорклый жир, слишком долго пролежавший в горшке.

Зорсал вытянул шею. Его покрытые перьями антенны нацелились на небольшое углубление в скале, в котором собралась кровь. Заостренная мордочка животного дрожала. Потом Засс поднялась в воздух, расправила крылья, и свист ее стал резок, она, казалось, плевала в направлении застывающего пятна.

Симса встала и набросила плащ на плечи. Место, куда свалилось пойманное существо, прежде чем снова погрузиться в песчаную реку, не разгладилось. Текучая поверхность колыхалась, словно снизу поднималось что-то большое.

Больше... крупнее... Песок разлетелся от него в стороны. Вначале появилась прядь коротко остриженных волос, затем странно раскосые глаза, которые так поразили девушку, когда она впервые увидела Торна. Голова поднялась, так что песок образовал кольцо вокруг горла. Рот раскрылся, и что-то похожее на голос заглушило шелест движущегося песка.

— Симссса... — раздался свист, почти такой же, как у зорсала в гневе.

Явная попытка произнести ее имя.

Девушка в испуге выпустила плащ, так что он упал на камень, и жара от дымки сверху ударила по черной коже ее спины и плеч. Но она все-таки заставила себя сделать шаг навстречу существу из вздымавшегося потока. В ру-

ках она крепко держала жезл Древней и направила его энергию прямо в голову иллюзии.

— Нет! — Симса по-прежнему владела своим голосом. — Ты не Торн! Нет!

И начала сосредоточивать свою волю. Она почти ожидала, что жезл, концы лун, изображение солнца ответят на ее призыв и сожгут это существо, уничтожат его. Но металл в руках девушки не нагревался, не последовало никакой вспышки энергии. Хотя когда-то, больше месяца назад, это сработало.

— Симсссса...

Ее имя — оно каким-то образом извлекло имя из ее сознания. Симса больше не удивлялась нереальному после того, как слилась или почти слилась с Древней. Но ведь она не думала о Торне, насколько помнит, с самого начала пути через бесконечную печь равнины. И если существо питалось ее воспоминаниями, старыми или новыми, то почему оно не приняло образ Фервар или десятка десятков других, кого она знала всю жизнь, знала лучше, чем космонавта, с которым путешествовала всего несколько дней?

Голова расплывалась, словно вопросы Симсы ослабляли контроль. Контроль того, кто управлял иллюзией, возможно, используя ее как приманку. Это по-прежнему оставалось головой человека, но черные волосы стали серебряными, того же цвета, что и ее собственные влажные от пота пряди, которые лежали на плечах, струились, волнистые и живые. Белые брови, белые ресницы над темными глазами, кожа темная, как беззвездное небо...

— Зззаааааа... — позвало темное существо.

— Нет!

На этот раз ответила не девушка из Нор, а Древняя. Симса послала этой голове без тела цепочку воспоминаний, пытаясь свить цепь между ними. Девушка, которую знал Торн, отступила, место ее заняла Древняя, и в ней зашевелилось новое чувство, безжалостное и устойчивое.

— Нет! — Она не стала произносить долгих речей, когда Древняя заполнила ее. Руки девушки задвигались независимо от сознания, концы жезла словно свивали невидимый рисунок. Из ее горла послышался низкий ритмичный звук, как будто это были слова, которые она не могла произнести вслух.

Черно-серебристая голова покачивалась взад и вперед, пытаясь подняться. Из песка показалось блестящее плечо — черное плечо без одежды. И хоть голова продолжала смотреть на девушку, рот ее больше не открывался. Но движения головы, попытки ее подняться выше, свидетельствовали о борьбе, напряженной борьбе.

— Аааах — заззззаа! — Отброшенная назад, голова открыла рот и испустила крик, похожий на крик охотящегося зорсала. Теперь ее глаза были устремлены к небу. Она как будто просила помощи у кого-то могущественного, неведомого пришельцам с других планет. Но если и так, то ответа не получила. Потому что начала тонуть. Плечи уже погрузились, песок покрыл подбородок, попытался ворваться в раскрытый рот.

Голова исчезла. Человеческая голова исчезла. Если бы Симса могла выпустить жезл из рук, она закрыла бы глаза руками, чтобы не видеть чудовищного превращения.

Не голова, а полоска мерзкой грязно-желтой сморщенной кожи, окружающая единственный большой глаз. А песчаная река начала выбрасывать на камни комки песка. Существо или множество существ поднимались на поверхность. Симса из Нор в панике бежала бы. Симса Древняя только отступила, так, чтобы песок не долетал до нее. Она пристально следила за существом, а младшая, молодая Симса, воспринимала воспоминания, странные и ужасные, о чудовищах и тварях, настолько далеких от нормальной жизни, что даже мгновенное пребывание их в сознании вызывало ощущение нечистоты.

Но жезл продолжал вить сеть, а Древняя Симса пела и заклинала. Теперь она тоже начала двигаться. Девушка держала жезл одной рукой, продолжая нацеливать его

рогами на наполовину скрытое чудовище. Постепенно отходя от берега, она прихватила плащ, мешок с продуктами и почти опустевшую фляжку.

Засс дважды крикнула, подлетела к вздымавшемуся песку, вернулась и закружилась над головой Симсы.

И вот они вместе отступили от песчаной реки, которая до сих пор служила им проводником в этой пустыне. Существо высвободилось из песка, песок стекал с него в реку, как вода с толстой шкуры. Существо имело яйцеобразную форму, как и то, которое первым вытащила Симса. Но все же не совсем такое. Очертания его были какие-то нечеткие, да и внутри постоянно что-то менялось, становилось отчетливее или тускнело. Четыре извивавшихся щупальца застыли и превратились в ноги.

Лица же у него не было совсем, хоть часть поднятого туловища отдаленно напоминала голову с единственным немигающим глазом. Скорчившись на том самом месте берега, где Симса устраивала свой лагерь, существо вытянуло длинные конечности или руки, покрытые темными пятнами, словно, еще живое, оно уже начало гнить. И от него волнами исходила тошнотворная вонь.

Симса продолжала отступать под углом к трещине: она уходила от песчаной реки и в то же время не хотела терять из виду этот единственный ориентир. Песчаный житель приподнялся и встал прямо на своих укрепившихся ногах. Он перестал размахивать щупальцами в воздухе, вероятно, сосредоточив все силы на одном — стремлении преследовать добычу по суше.

Засс крикнула еще громче, перестала кружить над головой девушки и полетела направо, к широкой каменистой равнине. Ее поверхность также прерывалась трещинами, правда, довольно узкими, и Симса была уверена, что песчаная река сюда не пройдет. Впрочем, хотя трещины с рекой и не соединялись, в них вполне могли находиться песчаные пруды или озера.

И как из неожиданно включенного фонтана выбрасывается струя воды, так над краем ближайшей трещи-

ны показалась волна песка. Пение Симсы перекрыл глухой шум. Поверхность равнины, по которой двигалась девушка, словно превратилась в гигантский барабан, отвечающий на удары грозного кулака.

Теперь девушка пошла быстрее, отступая в том направлении, откуда пришла. Свет и жара уменьшились, но здесь даже самого минимума света вполне достаточно, чтобы идти.

Хотя Симса продолжала нацеливать на страшное желтое существо свой жезл, оно ковыляло за ней, его разбухшее грязное тело раскачивалось, оставляя мерзкий скользкий след. Время от времени Симса опасливо поглядывала на другие трещины, из которых выбрасывало песок, — что-то пыталось выбраться и оттуда. Та же самая дымка, которая окружала первого врага, собиралась на краю пути, предвещая появление существа, наверняка такого же, как и то, что уже преследовало ее.

Засс больше не снижалась, она висела на быстро бьющихся крыльях над трещиной, крича от гнева и, как поняла Симса из Нор, от страха. Зорсал мало чего боится, это один из самых свирепых и искусных охотников ее планеты. Он может даже напасть на человека, вырвать глаза, в клочья разорвать щеки. Разве не видела она, как два сына Засс убили змею — чудовище, в сто раз больше их, когда они с Торном оказались в неведомой пустыне? Зорсалы разорвали горло чудовищу, с которым не справился бы даже человек со своим оружием.

Но здесь Засс не устремлялась вниз в убийственном броске. Она могла встретить опасность, но не хотела сражаться.

При этой мысли девушка со страхом оглянулась через плечо. Много ли еще трещин встретится ей на пути отступления? Неподалеку темнела довольно большая — чтобы избежать ее, придется подойти к самому берегу песчаной реки. Девушка взглянула на преследующее чудовище, потом на трещину, на краю которой появились признаки жизни. Да! Там закачалось в воздухе длин-

ное желтое щупальце, оно слепо раскачивалось, словно отыскивало, за что бы ухватиться. Оно явно не хотело цепляться за камень.

Симса из Нор, вероятно, побежала бы. И бежала бы до тех пор, пока не начала задыхаться. Древняя сохраняла спокойствие, хотя приходилось вести борьбу с собственным телом. Если Древняя может справиться с этой песчаной слизью, пусть сделает это немедленно. Симса из Нор видела, что и пение, и жезл не производят впечатления на чудовище. Может быть, сила, созданная для одной планеты, не действует на другой? Может, ей нужно вырвать из юбки еще одну полоску, и использовать ее, как стражник Дома использует меч или копье? Нет, щупальце, не принявшее форму ноги, было гораздо длиннее ее руки с оружием.

Новый фактор заставил девушку ускорить вынужденное отступление. С темнеющей небесной дымки раздался резкий щелкающий звук, такого она раньше не слышала. И эхо этого звука повисло в воздухе — дважды звук отразился от земли. А может, это ответили скалы под ногами? Симса не знала. Или это вызвали движения ее собственного тела.

Однако на желтое существо из ручья и на то, что пыталось выбраться из трещины, воздействие звука оказалось гораздо сильнее. То, что брело по суше, не имело рта, но откуда-то из глубины тела оно ответило — тонким воплем, таким высоким, что девушка с трудом его расслышала. Яйцеобразное тело задергалось, стало раскачиваться на ногах-столбах. Одна из ног утоньшилась, снова стала щупальцем, так что существо потеряло равновесие и, тщетно пытаясь устоять, все-таки обрушилось на камень.

Послышался глухой удар. Яйцеобразное тело лопнуло, словно старый мусорный бак, который слишком долго не чистили. И буквально на глазах песчаный житель начал растворяться. Дважды он снова поднимался, пытаясь соединить обрывки дымки, которая была его жиз-

ненной силой, позволяла изображать нечто прочное. Но каждый раз вздрагивал жезл в руках Симсы, и слышался тот же звук, что раздался сверху. Возможно, жезл наконец настроился и больше не был лишен силы.

То существо, которое пыталось выбраться из расселины, больше не выбрасывало щупальца, и песок, который оно выбросило, быстро стекал назад. А вещество, из которого состоял преследователь, теперь разлилось жидкостью по грязному следу. Оно устремилось назад к берегу песчаной реки. Острые концы жезла продолжали испускать тонкий звук причитания, и Симса перестала отступать, она даже пошла вперед, нацеливая жезл на скалы, загоняя чудовище в реку, надеясь, что у него не найдется сил выйти снова.

Глава 3

Симса покачнулась, когда зорсал, устремившись к ней, сел на плечо и своей неожиданной тяжестью чуть не лишил ее равновесия. Клювастая мордочка Засс в одном из редких порывов ласки скользнула по шее девушки. Засс посчитала, что опасности больше нет? Симса бросила быстрый взгляд на небесную дымку. Все внимание приходилось уделять трещинам, проходить подальше от них и в то же время не слишком приближаться к берегу песчаной реки.

Теперь, пока враг — по крайней мере, на время — отступил, она смогла размышлять яснее. Этот звук в воздухе... Он показался девушке слабо знакомым, как будто она должна была узнать его. Какой-то летающий хищник? Нет, никогда не видела она более странной жизни, чем эти существа-пузыри. И если что-то подобное летает здесь в воздухе, ей действительно нужно внимательно следить за небом.

Крики зорсала могут сильно различаться в зависимости от обстоятельств: от крика, когда животное видит добычу, до торжествующего возгласа, когда оно вонзает

когти в жертву. На Куксортале водятся два рода зорсалов: фумш, которые добывают пищу на берегу моря, и квефы, живущие в высоких горах. О последних Симсе рассказывали, но сама она их никогда не видела. Девушка решила чуть отвлечься от своего пути и сосредоточиться на небольшом участке мозга Засс: Древняя показала ей, как устанавливать более прочную связь с крылатым охотником.

— Что?.. — Девушка думала не словами, скорее, она выразила свою потребность знать.

Как обычно, показалось смутное изображение, которое Симса с трудом разобрала, потому что зрение зорсала устроено совершенно по-иному. Однако, едва увидев это искаженное изображение, Симса сразу догадалась, что оно значит. Звук означал выход на орбиту над этой планетой космического корабля. Сигнал тревоги, который она не смогла заглушить, уже привлек спасателей.

Симса обхватила себя руками, прижала к груди теплый жезл. Неужели это кто-то с корабля, на котором она летела? Вполне возможно — если они обнаружили, что девушка исчезла, и проверили спасательную шлюпку. Если инопланетники станут разыскивать ее, долго ли она сможет скрываться?

Несомненно, прятаться в одной из этих щелей было бы верхом глупости. Лечь на камень и накрыться плащом? Но лежать так долго она не сможет.

Симса нахмурилась, вспоминая слова Торна о детекторах, которые регистрируют тепло тела. Эти приборы отыщут ее так же уверенно, как любой зорсал. И, конечно, если ее будут искать, то наверняка вооружатся такими приборами.

Девушка также была уверена, что на корабле есть человек, который никогда не отпустит ее, — офицер, который видит в ней орудие достижения власти, до которой иначе ему никак не добраться. Да, если поисковую группу возглавит он, у нее останется мало шансов обмануть ищущих.

Да и в любом случае, даже если судно на орбите не с того большого корабля, на котором она летела, поиск все равно будет вестись. Они обнаружат спасательную шлюпку, увидят, что исчезли все припасы, и начнут искать.

Вот если бы планета была такая же, как знакомая ей, с подземными укрытиями, с горами, она смогла бы спрятаться. Смогла бы разыграть картину несчастного случая и обмануть... Никого она не смогла бы обмануть. Симса из Нор плюнула. Она так много знает, и тем не менее в ее знаниях огромные пробелы. Что только не было изобретено за бесчисленные годы? Открытия одной расы или вида уточнялись другими, делались усовершенствования. Она слушала, думала, изучала что могла. Нет, она должна считать, что те, кто спустится с туманного неба на эту незнакомую планету, рано или поздно отыщут ее.

Признав это не только как возможный, но и как наиболее вероятный исход, Симса принялась размышлять над своим ответом. Он будет зависеть главным образом от того, кто эти ее будущие спасители. Если они с корабля, который она знает, значит, ее будут содержать более строго. Но если с другого — ведь любой корабль должен прийти на помощь, уловив сигнал тревоги, — тогда она, возможно, сумеет что-нибудь придумать. Верх взяла Симса из Нор. Большую часть жизни она жила хитростью: пора применить свое воображение.

Дымка быстро темнела. Такая же полумгла окутывает Куксортал перед приходом ночи. Симса обнаружила, что здешней ночью ей гораздо легче, чем в дневную жару. Она запахнула плащ. Хотя юбка и диадема ее восхищают, одежда Древней чужда космическим путешественникам, и она должна как можно лучше скрывать ее.

Так что сейчас у Симсы имелось две возможности: продолжить путь по этой бесконечной каменной пустыне со страшными существами, которые могут таиться в любой трещине, или вернуться вверх по течению к шлюпке. В последнем случае можно разыграть роль потерявшей рассудок, насмерть перепуганной жертвы катастрофы.

В привычно умолкшем мире Симса взглянула на свой жезл. Засс отказывалась покинуть ее плечо. Девушка не пыталась больше проникать в мозг зорсала. Было совершенно ясно, что Засс ищет защиты там, где всегда, — рядом с Симсой.

И девушка пошла дальше, направляясь в неизвестное и стараясь держаться подальше от всяких разрывов в скалах. Она почти бежала, не переставая думать о том, что делать, когда она наконец предстанет перед своими «спасителями».

Ей было совершенно ясно также, что она не может бесконечно оставаться на этой голой планете, хотя спасательная шлюпка, совершив посадку, сама больше не поднимется: она запрограммирована только на то, чтобы донести пассажиров до планеты с пригодной для дыхания атмосферой, где они могут выжить. Симса справедливо считала, что другие свойства планеты шлюпка не учитывает.

Она по-прежнему размышляла, что ей предпринять, одновременно прислушиваясь к звукам в небе, которые выдадут приближение флиттера, когда впервые заметила, что дымка, закрывшая не только небо, но и горизонт со всех сторон, впереди превратилась в темное пятно. Это был первый замеченный ею признак нарушения монотонности равнины.

Ручей, которым она пользовалась как указателем направления, чуть-чуть повернул на восток. Темное же пятно находилось к западу и со временем становилось только отчетливее. Симса пошла еще быстрее. Холмы, закрытые дымкой? Там можно найти убежище.

Здесь трещины располагались ближе друг к другу. Дважды девушке приходилось перепрыгивать через них, и она чувствовала, как зловонный выдох — так ей казалось — отравляет ночной воздух. Но никаких угрожающих звуков, шороха песка она не слышала.

Вскоре Симса смогла яснее разглядеть, что находится впереди. В пустыне было разбросано множество блоков — огромных, прямоугольных по форме и таких

правильных, что она не могла поверить, что это дело рук природы. Прямо перед ней возвышались три таких огромных плиты разного размера, а прямо перед ними темнела полоса — трещина или песчаная река. Она была слишком глубока, чтобы девушка могла оценить ее со своего места. Если это препятствие идет вдоль всего возвышения, она, возможно, так и не доберется до холмов.

Ее худшие предположения целиком оправдались. Девушка стояла на краю ущелья. Внизу виднелся движущийся песок, который медленно стекал с севера на юг, как и в той, оставленной ею реке. Симса повернула на юг, с сожалением глядя на возвышение за рекой. Хотя издали плиты казались гладкими, теперь Симса видела, что их поверхность тоже избороздили трещины различной глубины и размера.

Но только... эти трещины были расположены слишком правильно! Возможно, природа когда-то начала здесь свою работу, но были хорошо видны и следы иной деятельности, не имеющей отношения к постепенному и несистематическому выветриванию. Возможно, она видела перед собой окна, может, даже входы. Не хватало только лестниц, ведущих к этим входам. А может, обитатели этого места крылаты?

Послышался свист у подбородка, Засс, цепляясь когтями, изменила позу, предлагая возможность определить, с какой формой чуждой жизни они встретились. Зорсал пытался удержаться в своем убежище под плащом, но Симса вытащила его и повернула мордочку с большими глазами в сторону утесов с отверстиями. Перистые антенны, которые до того были свернуты и прижаты к маленькому черепу, распрямились — жесткие и прямые, они нацелились прямо на каменные высоты.

Засс молчала. Симса ждала. Обычно зорсал испускал свист, шипение или короткое рычание. Но тут девушка почувствовала, как прижимавшееся к ней мохнатое тело задрожало. Голова медленно повернулась, антенны продолжали нацеливаться на утесы. Симса попыталась уста-

новить контакт с мозгом животного. Но смогла уловить только очень смутную картину, скорее предположение — замешательство, быстро сменяющееся любопытством. Засс передней лапой отодвинула край плаща и полностью вынырнула из-под укрытия, хотя и продолжала цепляться за грубое покрытие всеми четырьмя лапами.

Антенны закачались, прочесывая воздух. Этот знак был давно знаком Симсе: Засс собиралась охотиться, никакого страха она не испытывала, напротив, интерес ее все возрастал. И прежде чем Симса смогла остановить зверька, зорсал взлетел и начал быстро подниматься в темном воздухе, потом перелетел через песчаную реку, направляясь в глубокую тень утесов.

Симса свистнула: таким сигналом она всегда подзывала к себе зорсала. Засс не вернулась. Она исчезла в двери, в окне — чем там еще могло быть это отверстие — и больше не показывалась. А Симса не могла уловить никаких мыслей своей спутницы. Только молчание — сумерки, зияющее отверстие, рот, проглотивший добычу, но не закрывшийся.

Мысль о том, чтобы покинуть зорсала, никогда и в голову не приходила Симсе — теперь командовала Симса из Нор, а для нее зорсал был единственным существом, к которому она испытывает хоть какое-то чувство. Девушка упрямо стиснула зубы и подошла к самому краю ущелья, осторожно следя и за движущимся песком, и за отверстием, в котором исчезла Засс. Однако даже когда она попыталась применить то, чему научила ее Древняя, она не смогла установить мысленный контакт с зорсалом. Ничего! Симса была уверена, что если бы в своем безрассудном полете Засс встретила смерть, то она почувствовала бы это.

Так как зорсал не мог или не хотел отвечать, Симса должна была найти свой путь. Она медленно, слева направо, принялась разглядывать песчаный поток. Только в одном месте, еще дальше к югу, каменные берега приближались друг к другу.

Симса вслух сосчитала отверстия на той стороне, чтобы запомнить то, в котором исчезла Засс. Потом решительно направилась к узкому месту.

Симса проворна и ловка, тело ее способно своей силой удивить всякого, кто не знает Нор, не представляет себе, сколько нужно приложить усилий, чтобы просто остаться в живых. И все же, казалось, у нее не было никакой надежды перебраться через поток. Сразу на другой стороне узкого места поднимался правильной формы камень — куб, но между ним и берегом реки оставалось достаточно пространства для тропы.

В сущности... Симса кончиком языка облизнула нижнюю губу, разглядывая скалы. Тропа над берегом словно была сознательно проложена так, чтобы часть стены нависала над ней. Да, она мысленно представила себе здесь временный мост: такой легко было бы убирать при появлении опасности. Но если когда-то здесь и был мост, то он давно исчез. Девушка села на камень, скрестив ноги, и попыталась в этих крайних обстоятельствах сделать то, чего старалась не делать со времени первой встречи с другой Симсой. Пока она видела один-единственный способ переправы — перепрыгнуть через реку, но она не решится сделать это, хотя и привыкла к прыжкам и падениями в глубинах Куксортала. Итак... что же предложит Древняя?

Симса постаралась очистить свое сознание от всего связанного с Норами. Девушка вспоминала, как они с Торном не раз взбирались на стены в развалинах города, где в огромном зале так долго ждала Древняя. Но там были веревки, лианы и прочие приспособления, какими разум может облегчить подъем. А здесь только камень — нет даже кустика или деревца — и песок, в котором не скроешься...

Симса энергично качнула головой. Она не собиралась вспоминать это — не в подробностях. Что предложит Древняя? И девушка оттеснила свою знакомую сущность подальше, открыто призвала другую. Пусть поможет, если только это возможно.

И...

Ответ пришел не в виде иллюзии, решение принадлежит этому миру: прочный мост сможет удержать ее, если она сохранит сосредоточенность. Сосредоточенность — девушка свела серебристые брови, распрямила плечи. Симса встала, по-прежнему держа в руке жезл с лунами и солнцем. Этот символ власти начал подниматься словно по собственной воле и коснулся лба девушки над глазами.

Тепло...

Не разрывая этого прикосновения и не меняя направления взгляда, Симса сжала пальцами плащ, который соскользнул с ее тела. Держа его левой рукой — плащ волочился за ней по камню, — она подошла к самому краю речного ущелья.

Левая рука ее взметнулась, и плащ поднялся, жесткий и тяжелый, потянул за пальцы. Она собрала всю свою волю... и бросила...

Жесткая темная ткань устремилась вперед — края ее подергивались, как у живого существа, — и опустилась. Один конец плаща коснулся камня у ее ног, другой — ниши на противоположном краю.

— Верь! — Симса, возможно, и не прокричала это вслух, но приказ заполнил все ее сознание. Плаща больше нет — есть только мост, прочный и устойчивый, у нее под ногами. Эта правда! Правда!

Прочно держа в руке теплый жезл — теперь он стал горячим, чуть ли не обжигающим, — не глядя вниз, потому что это означало бы ослабление веры, Симса сделала один шаг, другой. Она шла по плащу, нет, не по плащу — по мосту. Этот мост призвала и удерживает ее воля — ее воля!

Мост был изготовлен специально для нее, и она пошла по нему. Из-под корней серебряных волос показались капли пота, они побежали по ее лицу, как слезы, капая с подбородка на плечи и грудь. Волосы вздымались и развевались на ветру, как знамя лорда в ясный ветреный день.

Резкая боль обожгла руку в месте соприкосновения с жезлом. Но Симса продолжала прочно держать его. Что-то уходило из нее, она чувствовала приближающуюся опустошенность, — но продолжала идти по мосту-который-не-плащ. Споткнулась, упала вперед, схватившись свободной рукой за камень. Сделала последнее усилие и бросила свое тело вслед за этим рывком — и вот, похолодевшая и слабая, девушка лежала на камне, а тепло жезла быстро уходило, словно из погашенной лампы.

Делая быстрые неглубокие вдохи — казалось, легкие никогда уже не наполнятся, — Симса осторожно отползла подальше от края ущелья. Выступ, вырубленный когда-то, возможно, чтобы поддерживать исчезнувший мост, был узок; Симса ползла по нему, таща за собой обвисший плащ. В этот момент она не могла бы даже пошевелить рукой или поднять жезл, который, холодный, лежал у нее на груди.

Слабость она испытывала и раньше, когда позволяла действовать той, которая знает, как воспользоваться жезлом, но никогда она не была такой всепоглощающей. Девушка даже голову поднять не могла. С огромным усилием ей удалось повернуть ее.

Это правда. Она только что была там — по другую сторону. А теперь она здесь. А плащ — всего лишь кусок ткани... и все же...

Веки казались слишком тяжелыми, их так трудно было поднять — на девушку медленно накатывалась волна сонливости. Нет, она не должна спать, еще нет. Как будто та, другая ее часть обеспечила ей не только безопасный проход, но и дала предупреждение. Девушка еще так мало знает, у нее нет опыта обращения с этой силой, которая так ее истощила. Она снова Симса из Нор и не смела больше звать другую, Древнюю.

В своей слабости Симса прежде всего ощутила жажду. Рот у нее словно заполнился песком. Она взяла с собой все припасы из спасательной шлюпки, но воду в этой пу-

стыне тратила очень расчетливо, понемногу. Плохо, что она не может вызвать еще одну иллюзию, которая стала бы реальностью, — чистый прозрачный ручей...

Голова Симсы резко дернулась и болезненно ударилась о камень. Она видит... слышит... обоняет! Не вода, об этом она тут же забыла. Нет, словно из ниоткуда, опасно высовываясь из окна, над ней повисла голова, устремив на девушку большие фасеточные глаза.

Вперед нацелились покрытые перьями антенны. Но это не Засс. Никакого другого сходства с зорсалом у этого большого существа из скал не нашлось. Большую часть головы занимали два глаза золотого цвета, разделенные на множество маленьких кружков. Глаза, насколько видела Симса, были лишены ресниц и непрозрачны.

Там, где должны были располагаться рот и подбородок, вперед выступали маленькие черные жвалы или несколько пар челюстей, которые с резким звуком щелкнули. Этот звук и привлек к себе внимание Симсы. По обе стороны от головы за края отверстия цеплялись суставчатые когтистые лапы. Часть тела, которая была видна девушке, покрывал толстый слой короткой зеленоватой шерсти. Верхние конечности черные, кожа жесткая и блестящая, и от когтей до того места, где у человека расположены плечи, проходил ряд шипов.

В этот момент Симса не способна была ни на какую защиту и с беспокойством, переходящим в страх, смотрела на когти, на щелкающие челюсти и что-то жующий рот.

Всякий, кто хоть раз побывал в космопорте или просто слышал рассказы бродяг космоса, знает, что разум бывает многообразен, а классификация разумных существ включает множество размеров, форм, видов и цветов. Торн однажды сказал Симсе, что ее собственная внешность не только отличает ее от всех других жителей Нор, но и вообще уникальна. А ведь он известный исследователь, он добывал сведения для записей закатан, а в их обширных исторических архивах перечислено нескончаемое количество рас и видов.

Тот, кто внимательно смотрел на нее сверху, не «животное», не «существо» того уровня, какое она выловила в песчаной реке. Что-то медленно проникало в ее сознание. Симса собрала последние силы и попыталась установить контакт, как делала с Засс. Хотя, конечно, разумное существо, обитающее в этих скалах, может сильно отличаться от нее.

Однако попытка потерпела неудачу. Девушка не смогла даже уловить те смутные «картины», которые видела, вступая в контакт с Засс. В данный момент кошмарное создание удовлетворялось тем, что смотрело на нее, возможно, оно пребывало в таком же замешательстве, что и она.

И тут, пораженная, громко вскрикнув, Симса покатилась по карнизу. Плащ из-под нее неожиданно выдернули, хотя она не видела ни руки, ни пасти, которые схватили бы его. И так как край плаща свешивался вниз, девушка решила вначале, что одно из разбухших желтых существ снизу ухватило его и пытается подняться.

Но свисавший конец взлетел вверх и хлестнул по ее телу в результате нового невидимого рывка. И было в этом рывке что-то такое, что заставило девушку оставить свое укрытие у стены и следить за плащом, а не за существом наверху. Но прежде чем она смогла перехватить его, даже просто вытянуть руку, плащ поднялся и распрямился в воздухе, как один из тех летательных аппаратов, что показывал ей Торн, — изготовленная человеком вещь, готовая к полету.

Плащ перевернулся, показав свою изнанку, и тут сила, державшая его, отступила, и плащ упал. Девушке едва хватило времени и сообразительности, чтобы подхватить его, прежде чем он свалился вниз, во все поглощающий песок. Только теперь она снова смогла посмотреть на существо вверху.

На его покрытом шерстью плече сидела Засс!

Зорсал держался так спокойно и непосредственно, словно сидел на плече самой Симсы. Однако антенны

были развернуты на всю длину, причем та антенна, что оказалась ближе к голове с огромными глазами, касалась антенны чужака, ее конец обвил гораздо больший орган чувств незнакомца.

Симса быстро попыталась установить контакт с зорсалом. И снова поразилась. Только один раз прежде встречала она такой поток радости и возбуждения — когда с помощью жезла смогла излечить крыло Засс, которое не давало зорсалу погрузиться в собственную стихию. Но ведь сейчас-то Засс не излечилась от раны или болезни, так что никаких причин для подобной радости не должно было быть.

Наконец Засс сама взлетела с плеча чужака, а обитатель скал не шевельнулся, не сделал попытки помешать зорсалу. Его огромные глаза без век по-прежнему таращились на Симсу. Она не сомневалась, что именно это существо каким-то способом подняло ее плащ, но с какой целью, она не знала. Может, чтобы просто показать ей, что в его власти находятся силы, с которыми ей не справиться.

Засс приземлилась на плечо девушки, прижалась пушистым телом к ее голове, уткнулась в щеку своей острой мордочкой. Так Засс привлекает к себе внимание.

Симса ответила, как всегда, почесав левой рукой у основания антенн.

«Сила... много силы...»

Нет, это не мысли Засс, хотя они прошли через ее ограниченный мозг. Симса знала, кто породил эти слова, которые, казалось, прогремели у нее в ушах, хотя она по-прежнему слышала только щелканье жвал.

— Это ты? — громко спросила девушка, потому что по-прежнему ей легче всего было говорить, но одновременно она послала мысль — попыталась послать — к Засс, как будто зорсал — прибор для связи, один из тех, что используются на космических кораблях.

«Идем!» — Большая голова еще дальше отклонилась от края скалы, передние конечности отцепились, опустились вниз, к девушке.

Симса с трудом встала. Тело ее ослабло, словно девушка перенесла серьезную болезнь. Карниз никуда не ведет, и у нее как будто нет выбора. Она была убеждена, что сейчас ей не удастся подчинить себе неодушевленную материю, превратить ее в мост. Древняя уступила ей место, и осталась только Симса из Нор.

Она посмотрела на чуть дергавшиеся клыки, представляя себе, как они сомкнутся вокруг ее запястий, сожмут, начнут резать... Но инстинкт, предупреждающий об опасности, который так долго служил ей защитой в Норах, сейчас молчал.

Симса обвязала плащ вокруг пояса и повернулась лицом к стене под выступом. Глубоко вдохнув, она взяла край плаща в зубы и закусила. Она не смеет потерять его. И протянула вверх руки.

Засс покинула плечо девушки и снова оказалась рядом с чужаком. А Симса чувствовала и видела, как когти смыкаются вокруг ее запястий, как она и опасалась.

Глава 4

Симса взлетела вверх так легко, словно воспользовалась кубиком, уничтожающим тяготение, какой применял Торн во время их приключений в заброшенном городе, где она обрела свою вторую половину. Но ее поднимал не прибор — а сила жителя скал, который, вытаскивая Симсу, отступал в черное отверстие окна. Так что, когда существо отпустило ее, девушка и сама оказалась в темном углублении. Слабый свет исходил не от щели в одной из каменных стен, сомкнувшихся вокруг нее, а от тела этого существа.

Оно оказалось выше девушки — вероятно, оно вполне было способно померяться ростом с тем недостойным доверия офицером корабля. Шея под круглой головой с огромными глазами отсутствовала. Жвалы не переставали щелкать. Верхняя часть тела представляла собой порос-

ший шерстью овал, соединенный с нижней частью узким поясом. Нижняя часть тела была вдвое длиннее верхней, тоже поросшая шерстью, только более темной и с полосками. Самыми странными выглядели нижние конечности. Длинные и мощные ноги поднимались коленями выше туловища чужака, когда тот сидел. Как и верхние лапы, нижние не были покрыты шерстью, по ним только проходили два ряда зловещих шипов: когда чужак двигался, шипы задевали за поверхность. Земли касалась и нижняя часть тела, очевидно, придавая существу равновесие.

Засс какое-то время летала вокруг них, пока не уселась на плечо Симсы, больно впившись когтями в ее кожу. Наклонив голову, Засс коснулась мордочкой щеки девушки.

«Кто ты?»

В неожиданном вопросе прозвучало явное нетерпение. Девушка взглянула сначала на зорсала, потом на ждущее чудовище. Ясно, что они могут общаться только с помощью Засс. Потому что, попытавшись сосредоточиться непосредственно на сознании чужака, Симса в ответ ощутила только болезненное головокружение, которое заставило ее закрыть глаза и изо всех сил держаться за реальность — она стоит здесь, вот Засс, а вот это... существо. Она была здесь, а вовсе не в каком-то другом месте, где не за что уцепиться.

— Я убегаю, — ответила она, чувствуя, что здесь возможна только правда. Засс может воспринимать ее мысли со слов или прямо из сознания, но в ней оставалось еще слишком много прежней Симсы, и ей легче было говорить вслух.

«Кто гонится за тобой?»

По крайней мере, вопрос, пришедший через посредство зорсала, был вполне логичный.

И правда, кто за ней гонится? Может, офицер корабля, с которого она бежала, а может, и кто другой. Но Симса понимала, что бежит не от какого-то конкретного человека или существа — она бежала от своего стра-

ха, она намеревалась оставаться свободной, оставаться сама собой.

От Древней освободиться она теперь никогда не сможет. Это Симса признает. Вначале она была даже рада, восторгалась найденному, части самой себя, которой ей не хватало всю жизнь. Но потом девушка поняла, что должна подчинить этому новому жильцу прежнюю Симсу, которую знала гораздо лучше. Свобода. Она не могла контролировать внутреннюю свободу, но должна была оставаться свободной от других.

— Не знаю, — снова правда, которую извлекло из нее это существо.

Никакого выражения в огромных глазах и на морде, поросшей зеленоватой шерстью. Никакого понятного человеку выражения. Симса больше не пыталась непосредственно связаться мыслью с чужаком. Зато сама послала вопрос, желая быть равной чужаку, а не ребенком, отвечающим на вопросы старших.

— Кто ты? — Девушка постаралась мыслить энергичней, яснее, не зная, пройдет ли ее вопрос через фильтр смутных мыслей зорсала.

«Боишься...»

На какое-то мгновение Симса решила, что чужак ответил простой угрозой. Но тут долетело приглушенное, но все же понятное окончание:

«Ты боишься... — Похоже, чужак просто не обратил внимания на вопрос Симсы. — Есть чего бояться...»

Симса вновь удивилась. Она отскочила назад и подняла руку с жезлом как преграду на пути дергавшегося перед ней разбухшего существа.

Перед ней появился наяву один из обитателей песчаной реки во всей своей омерзительности — настолько реальный, что Симса преисполнилась уверенности: протяни она руку — и коснется мягкого пухлого тела. И тут же мгновенно, как и появилось, существо исчезло. Галлюцинация! Точно так же обитатель песка применял к ней свои способности.

«Ты боишься...» — слова вновь донесли до нее смысл, пробившись сквозь изумление.

На этот раз возник не желтый пузырь, а размытая, туманно очерченная фигура. Возможно, чужаку было трудно материализовать ее четко. Но тем не менее она, несомненно, увидела офицера космического корабля.

«Странно, — хотя мысли, доходившие при посредстве зорсала, лишались эмоций, здесь явно слышалось недоумение. — Этот — твоего племени?»

Симса энергично покачала головой.

— Нет, он мне не свой. — Девушка не могла знать, насколько верна передача через сознание Засс, способна ли Засс на такие концепции. Зорсалы ведут одинокий образ жизни, после того как достигнут возраста в год. Спариваются они очень быстро, сразу вслед за этим разлетаются, и каждый пол живет обособленно.

Туманные очертания офицера космического корабля не исчезали. Как будто чужак старался изобразить его более подробно и четко, сравнить с Симсой и опровергнуть ее быстрый отказ от того, кто так на нее похож.

«Кто ты?» — снова повторен самый первый вопрос.

Симса перевела дыхание. Возможно, она ошибается, но это существо хотело знать глубинную причину ее бегства, настоящую причину ее страха, а не просто того, кто заставил ее бродить по этому каменному ландшафту.

— Я обладаю... силой. — Девушка сжала жезл обеими руками и чуть подняла его — Он... хочет получить эту силу.

Тело чужака засветилось ярче, как будто на нем горел фонарь, который Торн нес на себе. Свет стал ярче, чем от факела.

И в ответ, хотя Симса не призывала Древнюю, ожили полумесяцы лун и солнце между ними, вспыхнули — и их свет окутал тело Симсы, отразился от ее черной кожи. Девушка ощутила, как зашевелились ее волосы, поняла, что их концы поднимаются. Но на этот раз она

не испытывала опустошения. Нет, напротив, ее напитывала сила — извне, а не изнутри.

Тело чужака перестало ярко светиться, окуталось легким ореолом, почти мерцанием. И из жезла жизнь постепенно уходила, по-прежнему вливаясь в нее, и девушка ощущала, как оживает ее тело. Симса словно хорошо поела, напилась и выспалась. Она полностью вернула свои внутренние силы.

«У тебя... не-дымка...»

Зорсал сложил крылья, переступил на плече Симсы с одной ноги на другую. Девушка не поняла, что значат эти слова. И тут одна из конечностей, этих суставчатых «рук», двинулась к середине, устремилась вперед, и коготь на ее конце безошибочно указал на жезл.

Симса крепче сжала свое сокровище. Неужели чужак попытается отобрать ее единственное оружие? Но коготь не коснулся рогатого диска, только завис перед ним, словно существо что-то замеряло. Длинная рука вернулась назад, как у насекомого на родной планете девушки.

Существо неуклюже развернулось, используя в качестве точки опоры нижнюю часть живота. Оно не поворачивало головы, но через Засс поступил отчетливый приказ:

«Идем!»

Передние конечности опустились на пол, задние выпрямились, и чужак приобрел странное сходство с животным, которое наклонило голову и принюхивается к следу. Стоячие антенны отклонились назад, концы их прижались к спине существа. Однако чужак передвигался не неуклюже, рывками, как, казалось, предполагает его поза, и двигался он очень быстро. Симсе, которая на мгновение задержалась, чтобы перехватить плащ, пришлось догонять бегом.

Девушку окутала полная темнота, только чуть впереди слабо светилось большое тело проводника. Они углубились в туннель в скале с ровными, гладкими стенами и полом, после нескольких же шагов девушка почувство-

вала, что туннель идет под уклон, и ей пришлось двигаться осторожно, чтобы не поскользнуться. Для когтей же ее провожатого эта поверхность оказалась вовсе не такой уж скользкой, как для ног девушки.

Через определенные интервалы в стенах попадались отверстия. Симса заглядывала в них, но ничего не видела. Там царила полная тьма.

Постепенно наклон туннеля становился все круче, и Симса попыталась отыскать — вначале на одной стене, потом на другой — какую-нибудь опору, за которую можно было бы ухватиться, если поскользнешься. Она уже хотела попросить проводника двигаться медленнее, когда внезапно заметила слабо светившееся пятно на полу. И, не успев отступить в сторону, девушка наступила на какое-то липкое вещество, которое крепко-накрепко пристало к ногам, даже когда она отчаянно прыгнула вперед.

Но когда Симса снова поставила выпачканную ногу на наклонную поверхность, то обнаружила, что теперь ей гораздо легче удерживаться на круче и даже когда нужно идти вперед, нога не липнет к полу. Только теперь девушка заметила, что светящееся вещество вытекло из большого тела перед нею. На мгновение она почувствовала отвращение, ей захотелось вытереть ноги краем плаща, но тут, как будто Засс объяснила ей случившееся, Симса поняла, что странное вещество — не помет чужака, а дар, который должен помочь ей двигаться.

И действительно, когда чужак выпустил светящуюся массу в третий — и последний — раз, он и сам повернулся, погрузил в нее передние лапы, и они тоже засветились. Потом проводник прижал конечности к стенам, и те закрепились на их поверхности, прилипли. Чужак согнул тело, как будто хотел разорвать свою узкую талию, сложил грудь и живот и бросил свое тело вперед, вытянув в темноту на всю свою длину лапы, словно пытаясь за что-то схватиться там.

В нескольких футах впереди пол исчезал, сменившись пропастью, такой же темной, как и отверстия, мимо ко-

торых они проходили. Симса ахнула. Обитатель скал перебрался через пропасть с привычной легкостью, но она-то не сможет последовать за ним.

Или сможет?

Впереди блеснул свет, и она увидела, что чужак ждет ее на другом краю пропасти. Эта вспышка показала Симсе, что слева вдоль стены проходит карниз, такой узкий, что пройти по нему можно только боком, повернув голову и прижимаясь к стене.

Перед переходом девушка убедилась, что плащ прочно обвязан вокруг пояса, а жезл, по-прежнему слегка теплый, надежно закреплен в нем. Она внимательно рассматривала узкую тропу. То, что она увидела, ей не понравилось. Но все же пришлось сделать первый шаг. Вероятно, легче было бы двигаться лицом к стене, а не к пропасти. Однако упрямая сущность Симсы из Нор предпочитала видеть опасность во всей ее черноте, а не поворачиваться к ней спиной.

Девушка не могла определить, насколько глубока эта пропасть. Бездна была совершенно черная. Чужак и Засс, уже перелетевшая на ту сторону, ждали молча; тихо было и в пропасти, слышалось только тяжелое дыхание Симсы и быстрое биение ее сердца.

Черная дыра рядом с ее ногами как будто притягивала к себе. Девушка царапала вытянутыми пальцами стены, пытаясь найти опору — любую, пусть самую крошечную — и удержаться. Так она и продвигалась вперед. И уже совсем приблизилась к противоположному краю, где ее ждали спутники, и даже чуть-чуть расслабилась, когда послышался звук. В черной глубине как будто что-то шевельнулось — как будто крылатое существо, как Засс, но гораздо большее по размеру, забило крыльями, собираясь подняться в воздух.

Засс ответила криком, который Симса хорошо знала. Это было вовсе не удивление — страх. Но зорсал не улетел, напротив, стоя на полу на противоположной стороне пропасти, зверек переминался с ноги на ногу, раскрыв

маленький рот, но не произносил ни звука. Чужак, служивший ей проводником, поднял одну из передних лап и быстро поманил, он явно просил девушку поторопиться. Симса, повернув голову, чтобы видеть черноту и то, что там находится в глубине, переставила одну ногу, другую. Липкое вещество, выделенное чужаком, почти перестало держать. Девушка чувствовала, что она уже не держится достаточно прочно, когда опирается на одну ногу, поднимая другую. Звук снизу становился громче. Симса представила себе большие крылья, какой-то ужас поднимался в воздухе — из пропасти ударил восходящий поток.

Еще два шага...

Засс наконец крикнула — возглас вызова. Чернота в пропасти словно стала более материальной, однако девушка не могла сказать, видела ли она это действительно собственными глазами или то была картина, вызванная страхом. Тем не менее внизу несомненно что-то двигалось, она увидела там какое-то кружение, чем-то походившее на завихрения в песчаной реке, когда живущий в ней ужас пытался вырваться наружу.

Симса стиснула зубы, отказываясь впадать в панику, не желая оступиться и упасть вниз — туда!

Один шаг. Она подняла взгляд, решив не смотреть. Движение в темноте достигло ее, как волна головокружения. Но она заставила себя отвернуть голову и смотреть только на свою цель.

Из пропасти поднялось нечто вроде фонтана брызг. Жидкость ли это была или красноватый свет из множества искорок, похожий на жидкость? Вопреки своему желанию Симса все-таки посмотрела. И как вихри в темноте, породившие его, это свечение тоже приковывало взгляд, влекло, притягивало...

Боль, сильная и резкая, буквально пронзила Симсу, и она не смогла сдержать крик. На коже правой руки появилось пятно света, капля, одна из искр того, что поднималось выше и выше, растекалось все шире и шире, затягивало в темную пропасть.

Второй выкрик девушка сдержала — одним из величайших усилий в жизни, зато боль помогла оторвать взгляд от чар этого фонтана и наконец-таки сделать последний шаг, приведший ее на безопасный пол туннеля. Но тут она поскользнулась и начала падать назад, в этот столб серебристо-красного пламени.

Снова когти сомкнулись вокруг ее плоти, на этот раз на плече, и потащили по полу, царапая о камни. Искра на руке продолжала впиваться в тело.

Рядом, справа, прыгала Засс, размахивая крыльями, испуская негромкие тревожные крики. Слева возвышалось громоздкое зеленое чело чужака. Когти переместились с плеча на запястье пораненной руки. Чужак присел, поднимая вверх ее руку. И девушка почувствовала, как жвалы заскребли ее кожу. Несмотря на боль, она вздрогнула. Прикосновение вызывало отвращение, как один лишь вид щупалец речного чудовища. Какая-то жидкость залила поверхность кожи, куда прилипла искра, по руке потекло густое желе с сильным запахом.

Боль стихала, теперь Симса ощущала боль словно от ушиба. Когти разжались, и девушка быстро отдернула руку. Это прикосновение пошло ей на пользу, она в этом не сомневалась, но все же оно вызывало сильное отвращение, почти тошноту.

Симса видела, как чужак покрывал рану комком желе, теперь это желе застывало, она чувствовала, как оно натягивает ее кожу. Длинные голые суставчатые конечности снова вытянулись, но не схватили ее; напротив, подтолкнули, отодвинули от фонтана подальше в туннель.

От сильного толчка Симса растянулась на полу, но сразу вскочила на четвереньки и полуобернулась. Засс с новым криком поднялась в воздух, а обитатель этих подземных путей толчком головы еще дальше отбросил девушку. В то же время она получила сообщение, неясное, но достаточно понятное: опасность.

Если они задержатся у этого огненного фонтана, то, что живет в пропасти, от них не отвяжется. Ее большой

спутник, несмотря на внешне неуклюжее тело, двигался легко и быстро; с раздраженным выражением он ухватил жвалами конец плаща Симсы и потащил девушку с захватывающей дух скоростью.

Они завернули за угол туннеля, и Симса чуть не упала от резкого рывка, пославшего ее в новом направлении. Свет фонтана остался позади, и Симса видела только участки темных стен, мимо которых они пробегали, да и то только из-за свечения большого тела. Они на большой скорости миновали еще несколько отверстий, снова повернули, и впереди показался свет, настолько яркий, несмотря на расстояние, что Симса замигала. И впервые за все время после пропасти почувствовала тепло жезла.

Когда существо-фонтан ворвалось в ее мысли как неразрешимая загадка, Симса совершенно забыла о своем оружии силы. А ведь Симса из Нор уже начала верить, что силе жезла нет пределов. Но когда боль в теле предупреждением пронзила девушку, Древняя не возникла в ней. И девушку испугало и поразило это нежелание появиться в ее разуме, хотя обычно она противилась вторжению. Она поняла, что в последнем испытании была только Симсой из Нор. С самого появления своей второй сути она постепенно все больше и больше надеялась на Древнюю, считая ее неуязвимой. И вот случилось это. Где Древняя? Почему ее нет?

Чужак продолжал увлекать ее к далекому свету, и вот они вышли из туннеля в место, настолько непохожее на голые скалы этой планеты, что Симса могла только удивленно смотреть.

Перед ними оказалась вовсе не пустыня. Если большая долина и имела своей основой камень, то его совсем не было видно. Ровными рядами тянулись растения, достаточно большие, чтобы называть их деревьями, а между ними лежал проход — тропа — прямо от окончания туннеля. Стволы были не очень толстые — Симса могла бы обхватить руками ближайшее дерево и сплести пальцы на противоположной стороне. Примерно на высоте

круглой головы чужака — он снова сидел, как в тот раз, когда девушка увидела его впервые, — от стволов отходило множество ветвей с длинными голубыми линиями, они постоянно шевелились, хотя никакою ветра Симса не чувствовала.

За этими стражами прохода виднелась более низкая густая растительность разного цвета, от голубого до зеленого и желтого. Листва кустарника тоже колыхалась, в ней имелось множество мест для возможной засады. Засс торжествующе закричала, взметнулась в воздух и полетела над деревьями, и только теперь, следя за ней взглядом, Симса заметила что-то очень странное в небе. Дымка, висевшая над скалами, здесь казалась гораздо гуще и светлее, да и угнетающего жара пустыни не чувствовалось.

Тропа между деревьями шла прямо, на ней тоже не было ни следа камня или песка — наоборот, ее покрывала густая короткая травка, тоже разноцветная: голубая, зеленая, желтая, местами попадались вкрапления серебристо-белого цвета. И чем дальше уходила тропа, тем выше становились деревья-стражники. Но и они не могли скрыть то, что находилось в конце пути.

Прямо посреди горных лугов, окружавших этот оазис растительности, возвышался массивный куб голубого цвета, ближе к вершине переходившего в зеленоватый. И у его зеленой вершины на равных расстояниях друг от друга были прорублены окна или входы без всяких дверей или преград. В некоторых из них показывались существа, настолько похожие на спутника Симсы, словно они клонированные близнецы. Они ленивыми прыжками, отталкиваясь мощными задними конечностями, выскакивали из отверстий и ныряли в густую растительность, как пловцы в море. Погружаясь в листву кустов и деревьев, они совершенно исчезали из виду. И никто из них будто не замечал троих появившихся из темного туннеля.

Засс вернулась, снова села на плечо Симсы и потерлась мохнатой головой о щеку девушки.

«Вот место», — зорсал передал сжатое объяснение чужака, сопровождая его рывком когтистой лапы.

— Место? Какое место? — С тех пор как чужак перестал тащить ее, Симса не делала попыток выйти на открытое пространство, ступить на ковер тропы.

«Место роя», — в мысли Засс, решила девушка, опять прозвучал оттенок нетерпения, какая-то эмоция чужака. Возможно, для него это подобно Куксорталу, настолько хорошо знакомому, что, кажется, весь мир должен его знать.

Ответив таким образом, большое зеленое существо опустилось на все четыре конечности и удалилось. Оно не оглядывалось, когда Симса не пошла за ним. Девушка чувствовала любопытство, но осторожность, пробужденная обитателями песчаной реки и пропасти, да и самим чужаком, сдерживала ее. Эта осторожность хорошо служила ей, лишенной близких и родичей, в Норах. И вот она присела и принялась разглядывать город, что находился перед ней. Тот, кто привел ее сюда, по-видимому, о ней совершенно забыл, он неожиданно протиснулся между двумя стволами в густую поросль и исчез.

Симса с отсутствующим видом потерла рану на руке, она все еще ощущала боль. Под ее пальцами желеобразная оболочка снялась, и девушка увидела, что под ней не осталось даже шрама. Неожиданно она взяла в обе руки жезл и направила его рогами в сторону здания-куба. Из высоких окон больше никто не высовывался. Здание вполне могло показаться давно заброшенным.

И вот, абсолютно без ее усилий, без напряжения мышц, жезл начал двигаться. Девушка сжала его крепче, пытаясь удержать неподвижно, и обнаружила, что для этого не хватит всей ее силы. Рога сверху, рога снизу, вот они отклонились в одну сторону, другую, а Симса, несмотря на все старания, не могла удержать их на одной линии со зданием с зеленой крышей.

Девушка опустила жезл на колени и задумалась. Жезл может питаться силой, но может и притягивать ее. Это

оружие, но и щит. Поэтому — она пыталась рассуждать хладнокровно и логично (как если бы обнаружила в Норах какую-то загадочную вещь, что-то такое, что может оказаться полезным, если она догадается о его назначении) — поэтому здесь, вероятно, существует защита. Но почему? Симса выпрямилась, чуть раздвинула губы, сердце ее забилось быстрее. Возможно, Древняя бывала здесь когда-то давно, и жители этого места получили возможность научиться противостоять силе, к которой взывала Симса.

«Древняя, — мысль Симсы была остра, как призыв, — Древняя!» И хотя девушка попыталась снять всякую внутреннюю защиту, никакого ответа она не получила. Она По-прежнему оставалась Симсой из Нор, несмотря на свой жезл и украшения. Она опять была одна!

Глава 5

Нужды третьей ее части — тела — вывели Симсу из задумчивости. Голод и жажда наконец победили оживляющий эффект жезла. Девушка рассматривала теперь растительность не просто с интересом к тому, что та вообще сочувствует. Поискав в кармане плаща, она нашла полпакета сухих лепешек из рациона шлюпки, безвкусных, рассчитанных на то, чтобы в наименьшем объеме предоставить гуманоиду все необходимые питательные вещества, чтобы он смог жить и двигаться. Но драгоценной воды во фляжке больше не было, только влажная ткань плаща свидетельствовала о потере.

Хотя Симса за всю свою жизнь ни разу не покидала родную планету, она хорошо знала и по объявлениям, развешанным на корабле, и по рассказам экипажа, что на новой планете любая жидкость или природный продукт могут оказаться для инопланетника быстродействующим ядом.

Девушка подержала лепешку в руке, та еще больше высохла и раскрошилась в сухой атмосфере. Есть это —

значит подавиться сухими крошками, в то время как вся эта растительность свидетельствует о наличии настоящей воды, а вовсе не о ручье из движущегося песка.

Симса заметила, что Засс исчезла, отправилась на разведку в деревья. Голод и жажда — теперь для ее выживания это были более важные вопросы, чем поиски второй сущности. Ведь Древняя в свое время не была привязана к одной планете: Симса помнила навеки о самых разных формах жизни, она получала их до того, как Древняя решила удалиться и предоставить действовать своему отдаленному кровному потомку.

Губы Симсы дрогнули в легкой улыбке. Пусть Древняя дуется или высокомерно устраняется. Девушка была почему-то уверена, что стоит ей сделать неверный выбор, подвергнуть настоящей опасности свое тело, и она тут же получит предупреждение. Эту часть своего невольного партнерства она никогда еще не подвергала испытанию.

Густая, похожая на мох растительность под ногами издавала острый, но не противный залах. Ничто здесь не напоминало затхлость и скученность Нор, равно как не ощущалось и зловония обитателя песчаной реки. Девушка уверенно шла вперед, чисто внешнее выражение уверенности она надела на себя, как надела бы плащ, будь тут попрохладнее. Крутя головой по сторонам и пытаясь проникнуть взглядом в чащу за древесными колоннами, она не замечала никаких просветов, ни намеков на плоды или ягоды, не чувствовала запаха воды.

И тут в ее сознание ворвалось торжество Засс. Где-то в этой мешанине зелени зорсал отыскал добычу, ибо только свежеубитая добыча вызывала у него эту мгновенную и невольную связь. Засс убила, но что и где — ответа не пришло. И если зорсал пировал какой-то формой жизни, подчиненной чужаку, тем хуже для них обоих.

Симса решительно отбросила страх. Теперь она подошла достаточно близко к кубическому зданию, чтобы видеть, что отверстия в нем, по крайней мере с этой стороны, находятся только под самой крышей. А между ними

и поверхностью земли тянулась сплошная стена. Может быть, чужаки, со своими липкими выделениями, и могут здесь подняться, но для нее это явно невозможно.

Симса долго стояла, высоко подняв голову, раздувая ноздри: она медленно поворачивалась, напрягая чувства. Девушку окружало множество запахов, среди которых практически не было неприятных, некоторые походили на аромат цветов. И еще — вода!

Она слышала, что некоторые инопланетники не различают запах воды, хотя его уверенно чуют многие менее развитые живые существа. Но жизнь в Норах, несмотря на обилие в них дурных запахов, заставляла вырабатывать острое обоняние. Здесь точно была вода, не морская, как в Куксортале, скорее ручей — в том направлении!

В растительности по-прежнему не было видно никаких промежутков, а полететь над ней, как Засс, она не могла. Симса принялась переделывать свой плащ-одеяло: тут попадаются колючие кусты — она их заметила с самого начала, — ей нужно защититься. Девушка уже проделала дыру в середине, и теперь просунула в нее голову и обернула ткань вокруг себя, прикрывая концами руки.

Потом, раздвигая жезлом ветви, Симса решительно углубилась в заросли. И только сделав несколько шагов и стараясь отвести от себя колючие ветки, она снова обратила внимание на шелест. Ветра по-прежнему не было. Однако листья и ветви колыхались прямо перед ней. Как будто кусты и деревья передавали друг другу сообщение, сопротивляясь ее проходу, призывая друг друга к защите.

Плащ застрял в густых зарослях, и Симса просто вынуждена была остановиться. Одна качающаяся ветка, толщиной в палец, опустилась и, прежде чем девушка смогла увернуться, вцепилась ей в волосы и продолжала качаться, пока не оказалась обмотанной серебряными прядями. Теперь девушка без резкой боли не могла даже повернуть голову. Она не раз видела, как липнут к приманке насекомые, становясь добычей других жи-

вых существ. Но здесь она сама стала пленницей растительности.

Острая боль в щеке последовала за ударом другой ветки с шипами, а плащ, которым Симса рассчитывала защититься, стал ловушкой. Что-то прочно держало его, так что даже если бы волосы ее были свободны, девушка не смогла бы выбраться. Она сложила губы и свистнула. Засс нашла добычу, она должна избежать этой ловушки, поэтому...

Но прежде чем она услышала хлопанье крыльев, раздался звук, который уже спас ее в каменной пустыне. Дымка над этой долиной — она видела только часть ее, потому что не могла повернуть голову, — была гораздо гуще, чем в пустыне. В ней даже просвета не было, ни кусочка неба. Но очень низко в этой дымке, чуть ли не над самой ее головой пролетел флиттер. И не просто пролетел — Симсе по звуку показалось, что он закружился неподалеку.

Детектор — с самого начала девушка предполагала, что, вероятно, сама того не подозревая, оставляет след для охотников. Для нее многие приборы звездных людей казались волшебными. И всегда им прислуживали машины. Во время заключения на корабле ее вполне могли изучить эти машины, зафиксировать ее запах, образ мыслей.

Но кое-что показалось ей в данный момент более важным, чем возможные пленители вверху. Ветви, только что так эффективно захватившие ее, при первых же звуках инопланетного корабля неподвижно застыли. А мгновение спустя снова ожили и перешли к согласованным действиям. Ее буквально потащили вперед — причем за волосы тянули так сильно, что от боли у Симсы слезы выступили на глазах. Она тщетно пыталась высвободиться, била жезлом, но это действие привело только к появлению новых кровавых царапин, таких глубоких, что они были похожи на раны.

Девушка не видела, как ветви передают ее от одного куста другому, но каким-то образом это происходи-

ло. И она чувствовала, как на ветвях остаются ее волосы и клочки кожи. Лицо ее покрылось царапинами. Она чувствовала вкус крови на губах. А кусты продолжали передавать Симсу друг другу. Ей казалось, что их шелест становится все громче, звучит внутри головы, вызывает панику.

Нападение животного можно понять, но нападение растений кого угодно способно свести с ума. Симса пыталась подавить свой страх. И вдруг, исцарапанная, тяжело дышащая, полуоглушенная шелестом, она оказалась на открытом пространстве. Открытом на уровне земли. Вокруг замерло кольцо деревьев. Их ветви переплетались над головой, и девушка больше не видела дымки. Однако теперь, когда стих шелест листьев, она снова услышала двигатель флиттера, тот зазвучал громче, как будто машина находилась непосредственно над этими деревьями, над самой головой.

Симса споткнулась, упала — последний рывок ветвей был слишком силен — и сильно ударилась о камень, ничем не напоминавший камень пустыни. Ярко-оранжевый жесткий гравий, о который она ударилась коленями и ладонями, обрамлял... бассейн.

Играл фонтан, но не из яростных искр, как в пропасти туннеля. Вода плескалась и падала в неглубокий бассейн, в середине которого стояло каменное изваяние в форме трех петель, центральная петля соединяла две боковые, гораздо большие по размеру. На гравии вокруг бассейна видны были следы лапок, и Симса увидела своего пропавшего зорсала. Судя по мокрым перьями, Засс успела искупаться в воде.

Симса подползла к краю бассейна и погрузила исцарапанные окровавленные руки в долгожданную влагу. Вода здесь оказалась не такая чистая и прозрачная, как обычная, с чуть зеленоватым оттенком, но запах!

Девушка набрала воды в горсть и пила, пила. Вода имела — если, конечно, это была вода — вкус старого вина, которое Фервар ревниво берегла для себя и пи-

ла во влажные и холодные дни безлистного сезона. Одновременно приятно теплая и освежающе прохладная, вода придавала силы. Перед тем как напиться в третий раз, девушка вымыла лицо. Лишь мгновение после этого ощущала она боль царапин, потом боль стихла, и, взглянув на свое отражение в бассейне, Симса увидела, что даже самые глубокие царапины закрылись. Такое освежающее ощущение она испытывала отчасти, когда пользовалась — вернее, когда пользовалась Древняя — жезлом. Оказывается, и здесь, где природа так жестока, нашлось место добру.

Симса все еще промывала горло и плечи, когда ветви, которые так жестоко обошлись с ней, все, как одна, разом повернулись в сторону. Хотя Симса не видела, что их потянуло. Образовался проход, в нем показался чужак. На взгляд Симсы, он до самого последнего волоска на антеннах походил на того, что привел ее сюда.

Существо остановилось у края бассейна, глядя на девушку из-за играющей воды. Засс, которая плескалась в брызгах фонтана, взлетела в воздух и опустилась на плечо Симсы.

«Это... твои преследователи? — Чужак даже не взглянул на источник шума, который теперь расположился, казалось, над самой головой. — Или ты позвала их?»

Эти мысли четко и ясно передавались через мозг Засс. И Симсе показалось, что в них скрывалась угроза. Слова могут обмануть, если произносящий их достаточно умен, но вот мысли... Если бы только они могли общаться непосредственно, без помощи неустойчивого разума зорсала!

Повинуясь какому-то внутреннему порыву — у Симсы не было времени задуматься о его причинах, — она села на гравий, скрестив ноги, и сунула в него ручку своего жезла. Убедившись, что он прочно установлен, Симса провела вдоль рукояти пальцами и направила рога в сторону чужака. Не прибегая к помощи зорсала, она начала посылать мысли как можно отчетливее и яснее, время от времени останавливаясь, чтобы уточнить рассказ.

Причина ее бегства с космического корабля, отсутствие выбора, только то, что предоставило оборудование спасательной шлюпки, путь через каменную пустыню, схватка с ужасом из песочного ручья...

Симса пыталась рассказывать последовательно, мысленно представить свои конкретные действия, одновременно передавая более смутные предположения, окрашенные эмоциями. В конце концов, у нее ведь не было доказательств — она только подозревала офицера корабля и ту женщину-медика. Но сама она была убеждена, что страх, который заставил ее сбежать с корабля, достаточно обоснован.

Если она и установила контакт с чужаком непосредственно, а не через Засс, никаких свидетельств этому не было. Но сосредоточенность девушки нарушилась, когда она увидела, как из растительности на открытое место выходят еще несколько существ с зеленоватой шерстью — на первый взгляд все они казались двойниками того, что привел ее в долину. Они сели, подняв колени выше голов, и сосредоточили на ней взгляды, образовав молчаливый и, по ее мнению, тревожный круг, так что мысли девушки дрогнули, и ей пришлось напрячь волю, чтобы снова посылать их.

Стояла почти полная тишина. Даже Засс сидела молча, только слышался звук двигателя сверху, он то усиливался, то ослабевал. Флиттер кружил, и круги становились все меньше.

Вспомнив, что она увидела от выхода из туннеля, Симса решила, что в долине нет площадки, на которую смогла бы сесть инопланетная машина. Тогда почему она остается вверху? Может, дает направление высаженной поисковой группе?

«Что хотят от тебя эти?» — пришел четкий и резкий вопрос, пришел без посредства Засс. Она — вернее, чужак — они оба установили непосредственный контакт.

— Им нужна я, — ответила Симса. Жезл в ее руке потеплел. Древняя исчезла, предоставив Симсе сражаться

одной — но теперь она возвращалась. С еще большими усилиями и еще медленнее Симса начала описывать события, предшествовавшие ее полету на космическом корабле (где ее поспешили заверить, что она «почетная гостья», но ее чувства, обостренные в Норах, говорили, что правильнее было бы назвать ее пленницей).

Смогут ли большеглазые чудища уловить и понять ее рассказ? Бывали ли на этой пустынной планете космические корабли, летающие от звезды к звезде? Могут ли они понять саму концепцию космического перелета?

Но вот в ее сознании появилось нечто новое, совсем не те картины, которые она пыталась нарисовать, какие-то соображения, которых она вообще не понимала. «Нет!» — беззвучно закричала Симса из Нор. Ее снова сделали бессильной пленницей. Каждый раз Древняя становилась все сильнее, все глубже овладевала ею. Симса качала головой из стороны в сторону, словно какое-то крылатое существо угрожало ее глазам, ее рту. Но нападение совершилось в ее голове, а не снаружи, и она ничего не могла противопоставить воле Древней.

Подлинно чуждые мысли ослепительно ярко промелькнули в сознании. Симсе показалось, что она видит обрывки странных картин. В одно мгновение воздвигались и исчезали здания; появлялись и пропадали какие-то фигуры, то ли животные, то ли разумные существа. Как будто слышишь речь, которую можешь понять, но говорят так быстро, что мысль не успевает улавливать слова.

Жезл в руках девушки начал поворачиваться, ей пришлось бороться с ним. Однако борьба закончилась быстро. Руки больше не повиновались ей. Жезл перевернулся, так что рога его коснулись гравия, врезались в него. Пальцы девушки тоже перестали подчиняться ей, они начали двигаться, туда, сюда, поворачивать рога в одну сторону, в другую.

И на гравии появились знаки, полузаметный рисунок. Пятеро чужаков наклонились вперед, они больше не смотрели на Симсу, только на знаки, оставленные

жезлом. И сама девушка вроде бы понимала их смысл, но когда она пыталась внимательнее посмотреть и подумать, возникала острая боль в глазах.

И вдруг — всякие затруднения кончились. Жезл изобразил символ силы из далекого-далекого прошлого. Это был знак единства и одновременно предупреждение и просьба о помощи. Каждая отдельная четкая линия имела больше одного значения, и так было с самых древних времен.

Один из чужаков — не тот, что привел ее сюда, решила девушка, — обошел бассейн, сел против девушки и стал разглядывать линии. Неожиданно он вытянул коготь и изменил две линии. Потом громко щелкнул жвалами, и два других чужака повернулись и исчезли в зарослях.

Тот, что разглядывал рисунок, начал двигать когтями, раскрывая их до предела и с резким щелчком захлопывая. Симса смутно различала ритм. Не слова, что-то другое, гораздо более могучее. Может, даже оружие.

Та, что теперь распоряжалась телом девушки, подняла жезл и коснулась его рогами груди. Тело начало дрожать, все сильнее и сильнее, и Симса из Нор испугалась. Что-то в ней просыпалось в ответ на это щелканье когтей. Дрожь накладывалась на щелканье. Теперь девушка знала, что цель этой дрожи — не ее тело. Оно усиливало высвобождавшиеся силы.

Часть ее откликалась на щелканье и дрожь, но другая часть — та, что принадлежала Симсе из Нор, теперь лишенной контроля, — вслушивалась в другой звук: жужжание флиттера над головой. Оно становилось громче.

Щелкающие когти двигались все быстрее и быстрее, конечности нависли над рисунком. В ее руках жезл снова наклонился, нацеливаясь рогами на тот же рисунок.

И — поверхность начала двигаться. Как щупальце многоногого ужаса в песчаном ручье, из гравия начала вытягиваться нить, она становилась толще, прочнее, и поднималась все выше и выше, хотя Симса не могла

поднять голову, чтобы посмотреть на нее. Древняя целиком овладела ею, заставляя смотреть только на основание столба, на рисунок.

Но линии рисунка исчезли, смешались, нарушились растущим столбом. К столбу устремилась вода из бассейна и начала подниматься вместе с землей и гравием, столб становился все прочнее. Очень похоже на щупальце песчаного жителя, но гораздо длиннее.

Чужак отодвинулся от колонны, которая втягивала в себя все больше и больше материала. Симса последовала за ним, наконец-то поднявшись при этом. Теперь вращавшаяся колонна стала толще любого дерева и продолжала расти, подниматься, становиться еще толще.

Менялся и ее цвет. Втянув в себя гравий, она начала притягивать почву, вместе с которой вверх устремились сорванные листья кустов, более длинные листья деревьев. Высоченный смерч приобретал огромные размеры, из середины его раздавался рев.

Засс сидела на плече Симсы, впившись когтями, словно боялась, что ее тоже втянет в эту быстро растущую колонну. Теперь Симса, как раньше щелканье, слышала только рев. Она больше не видела чужака и остальных. Их отрезал от нее толстый столб.

Послышалась высокая протестующая нота, словно сама земля в долине кричала, когда ее лишали покровов. И тут колонна оторвалась от основания и, как нацеленное копье, устремилась вверх.

Симса обнаружила, что может следить за ее подъемом, может повернуть голову. Вершина столба уже исчезла в дымке, быстро исчезала остальная, более толстая, часть. Но рев продолжал звучать, как в бурю. Все выше и выше...

Древняя выдохлась, приложив слишком много сил, и теперь Симса из Нор снова обрела власть над своим телом. Девушка понятия не имела, что произошло, и напряженно прислушивалась к звуку флиттера, пробивавшемуся сквозь рев бури.

Что они создали? Крышу над долиной, чтобы она стала еще более непроницаемой? Или что-то другое?

Никакого отличия в дымке она не видела. И в ней нарастала уверенность, что ими была создана не защита, а оружие, нацеленное в тех, кто ее ищет. Флиттер прочен, но и ему грозит опасность от ветра, песка, от завихрений в воздухе.

Симса прикусила нижнюю губу. Разве она не хотела спастись? Неужели она может диктовать тем, кто живет здесь, какой путь спасения избрать? Но она дрожала, и не от того, что прилагала силу. В воображении ее возникла картина, которая вполне могла стать правдой: маленький аппарат, захваченный потоком земли и воздуха, разбитый, загоревшийся, а в нем гуманоиды, может, не такие же, как она, но все же...

Торн... она увидела его в борющемся обреченном кораблике. Некогда они стояли плечом к плечу. Если бы он не отдал ее в руки вечно стремящихся к знанию, если бы предвидел... Она не была уверена и не думала, что он предал ее сознательно — не задумался, решил, что она просто сокровище. Торн...

Гладкое лицо инопланетника, которого она отвергла, о котором забыла в своем стремлении вырваться из системы, которой он так ревностно служит... она его увидела!

Она увидела это лицо!

В дымке, в которой теперь совершенно исчез поднимавшийся в небо столб... она видела Торна. Его раскосые глаза на лице со светлой кожей были закрыты. Рот, всегда уверенно сжатый, теперь расслаблен, и из угла его вытекала темная струйка. И в лице этом не было жизни.

Торн мертв? Для Древней его исчезновение мало что значит, но настоящая Симса всегда надеялась, что если ей удастся связаться с Торном, он поможет ей освободиться... хотя сам же невольно предал ее вначале.

Симса вздрогнула, словно увидела ужас, живущий в песчаной реке. И вырвалась, разорвала путы Древней

и чужака. Если в этом флиттере находился Торн, если другая ее часть убила его...

Ей было все равно, если весь этот иноземный корабль исчезнет, превратится в ничто, но Торн — совсем другое дело.

— Засс! — Зорсал может не понимать ее слов, но всегда откликается на имя. — Торн! Ищи! — Девушка добавила эти слова к мысленному приказу, который заставит зорсала действовать.

Подпрыгнув, Засс полетела вверх. Размахивая кожистыми крыльями, она устремилась к дымке — но не туда, куда было нацелено копье, а скорее к северу, через окружающие долину утесы. Если Торн там, зорсал найдет его — Засс такая охотница, с которой не сможет соперничать ни один гуманоид.

Когда зорсал взлетел, Симса сунула жезл себе за пояс. Он больше не казался теплым, сила его ушла, может, истощилась из-за проделанной работы. И Древняя тоже отступила, Симса снова стала свободна. Она заговорила непосредственно с зелеными чужаками, заговорила энергично, решимость ей придавал гнев. Когда-нибудь она найдет ключ — как использовать силу Древней, не подчиняя ей свою личность. Но теперь следовало как можно лучше использовать временную свободу.

— Что — случилось — с — флиттером? — Девушка говорила с расстановкой, медленно и подчеркнуто, чтобы передать смысл вопроса без помощи Засс.

Никакого движения, никакой перемены в двух оставшихся на поляне чужаках. Она для них словно перестала существовать. Оба стояли прямо, наклонив головы под неловким углом и глядя вверх, на дымку. Оттуда по-прежнему слышался рев бури, но он стихал. И никакого жужжания флиттера.

Симса схватила свой плащ и пошла вокруг бассейна, где снова начал бить фонтан. Несмотря на отвращение, она схватила за переднюю конечность одного из наблюдателей, резко дернула, и башня зеленой шерсти чуть не

опрокинулась на нее, взгляд девушки твердо встретил взгляд фасеточных глаз.

— Что случилось? — спросила девушка. Больше она не позволит этим чужакам игнорировать ее присутствие.

Глава 6

Наверху открылось одно из квадратных отверстий в стене здания. Оказавшись у дома — «роя», — спутник Симсы легко высвободил конечность, словно та была натерта чем-то скользким. Пальцы девушки не смогли ее удержать. Не обращая больше внимания на Симсу, чужак начал подниматься по стене — к зияющему входу. С противоположного края долины девушка видела оживленное движение у таких отверстий, но сейчас они казались пустыми и покинутыми.

Симса поискала опору, но поверхность стены под ее пальцами оказалась ровной и гладкой. Коити обитателей долины в данном случае были явно полезнее пальцев. Засс? Она может призвать зорсала, но к чему?

Симса пошла вокруг огромного куба. Его окружала стена растительности, скоро кусты сплелись непреодолимой преградой. Но на уровне поверхности ей не попалось ни одного входа.

Глубоко вдохнув, девушка все-таки позвала — не вслух, свистом, чтобы не откликнулась Засс, но мысленно, неловко, послала просьбу о помощи. При этом она внимательно смотрела на отверстия вверху. В темных провалах никакого движения.

Ну ладно! Пусть будет так! У нее остался только один выход — вернуться тем же подземным путем, каким она пришла сюда. Симса не стала размышлять, что так подгоняет ее. Здесь безопасно, зачем ей снова углубляться в безводные скалы? Почему?

Она погладила жезл. Вот чего она ищет — свободы. Чужаки не угрожают ей. Они даже призвали силу Древ-

ней для совместных действий. Теперь, когда это им удалось, они должны заботиться о ней, как она заботится о Засс — существе младшем, но полезном.

И если они обошлись с флиттером, как она предполагает, какое ей до этого дело? Ведь это дает ей то, чего она добивается, — свободу от любопытства инопланетников, от их желания превратить ее в орудие, чего она так не хочет. В одиночестве лучше — этому с самого детства учила ее Фервар.

Остается Торн... Они сражались вместе, как товарищи, да. Но давно рассчитались друг с другом. И ведь именно Торн привлек к ней внимание инопланетников с корабля. Она ничем не обязана ему.

Уверяя себя в этом, Симса в то же время повернулась лицом к тропе, ведущей в туннель. Она не могла бороться с тем, что влекло ее шаг за шагом в том направлении.

Девушка наполнила водой из фонтана свою фляжку, после того как омыла исцарапанное лицо. Теперь она заметила, что на деревьях висят темно-синие плоды. При мысли о пище слюна залила рот, Симса мигом сорвала один плод, задевший ее плечо. Съесть это — возможно, навлечь на себя смерть. Но вода оказалась не ядовита, она скорее оживила девушку, а пища ей все равно нужна.

Симса разломила яйцеобразный плод пополам, как лепешку. Пальцы девушки сразу вымазались в золотистой мякоти. Она облизнула их и откусила кусочек, вначале осторожно, потом смелее, выплюнула красную косточку. Убедившись в съедобности плодов, Симса набрала их побольше, завязала в угол плаща и зашагала в направлении туннеля.

Поедая фрукты, девушка думала об обратном пути. На этот раз у нее не будет светящегося проводника, ей придется идти в темноте. А как же пропасть с огненным существом? Без света она легко может сорваться вниз. Вторично пробираться по этому узкому карнизу... Симса глотнула раз, другой, неожиданно стало трудно глотать податливую мякоть фрукта.

Да ведь это глупость, худшая из глупостей! Чтобы дитя Нор рисковало ради незнакомца! Она дважды останавливалась, второй раз — у самого входа в туннель. Остановилась и оглянулась через плечо в смутной надежде. Но в отверстиях по-прежнему не было заметно никакого движения. Она была предоставлена сама себе. Может, потому что захотела оказать помощь их врагу? Или просто чужаки больше о ней не думают, она для них не представляет угрозы и может умереть в пустыне?

Обтерев плащом сок с рук, Симса взяла жезл, глядя в темное отверстие туннеля. Она использует этот символ силы, как слепой пользуется посохом, нащупывая дорогу.

Завернув за угол, Симса ожидала увидеть впереди пламя, как в последний раз, когда проходила здесь. Но вокруг оставалось темно. Однако жителям Нор часто приходится обходиться без света, они не привыкли полагаться на фонари и факелы, тем более что им есть что скрывать друг от друга.

Симса полагалась на память — не на память Древней (теперь она не хотела ее вмешательства), но на то, что успела узнать об этой безымянной планете. Бессознательно, по давно усвоенной привычке, она считала шаги. Столько-то шагов до пропасти, столько по карнизу.

Одна рука с жезлом касалась пола, другая скользила по поверхности стены. Девушка ахнула, когда стена под рукой пропала, потом вспомнила многочисленные боковые ответвления — ниши или двери, — размещавшиеся по бокам коридора. Высоко подняв голову, она постоянно принюхивалась. К затхлому запаху самого туннеля примешивался слабый оттенок металла, такой она всегда связывала с машинами инопланетников.

Девушка остановилась, плотнее завернулась в плащ, потом встала на четвереньки и поползла, пока пальцы ее на встретили пустоту. Она поняла, что достигла края пропасти.

Симса села на корточки. Если она сумеет пройти, не привлекая внимания живущего внизу, если найдет об-

ратную дорогу в голые скалы, если... Губы девушки дернулись, она произнесла несколько слов, известных жителям Нор, слов обжигающих, оскорбительных. Почему? Кто приказал ей, что она должна это делать? Не Древняя — Симса хорошо представляла себе, что та может мгновенно принять на себя управление. Но что же заставляло ее рисковать? Видение в дымке? Человек, который теперь, несомненно, мертв? Она не просто глупа, она спятила. Ее давно следовало уничтожить, как поступают с теми, кто утрачивает разум.

И все же, браня себя так, она чувствовала, что поступить по-другому не может. От Торна, еще до того, как по его призыву появились другие, она узнала многое — и это было не то знание, которое дает Древняя, хотя иногда и случается странное сходство. В чужом мире, когда вокруг опасность, инопланетники держатся вместе — если только они не совсем свихнувшиеся, как те, что прилетели на Куксортал грабить. Она не космонавт. И ей следует больше опасаться инопланетников, чем этой чуждой жизни. Но именно она — вернее, ее часть — подняла столб, уничтоживший флиттер. И если на борту его был Торн...

Симса ударила себя ладонью по лбу. Какое ей дело до этих мыслей? Если она даже перед самой собой не может оправдать свои поступки, пусть так и будет. Она чувствовала себя так, словно ее снова увлекают неумолимые когти чужака. У нее не было другого выхода, кроме этих невидимых когтей, когда она увидела в дымке над долиной лицо Торна, может быть, лицо уже мертвого Торна.

Ненавидя это принуждение, но больше не борясь с ним, потому что в этом не было смысла, девушка встала и двинулась по узкому карнизу, спиной к пропасти, закусив губу и стараясь двигаться бесшумно.

А что, если это существо не слышит, но чувствует? Симса не оглядывалась, она только плотно прижималась к стене, так что камень царапал ей щеку. Даже не глядя, она ощущала движение внизу. Пот потек по лицу девуш-

ки, от него жгло царапины на коже. Один шаг, другой. Сколько, она не помнила: память заслонил страх. И снова тот же страх поднимался в ней, обжигал легкие, перехватывал горло.

Дальше и дальше. Биение собственного сердца звучало как барабан, глубокий и призывный, дыхание сбилось. Она не станет задерживаться. Остановиться — значит поддаться страху перед обжигающими искрами снизу.

Пока никакого света не появлялось — она цеплялась за тьму, которая теперь означала безопасность. Шагнуть, удержаться, переставить ногу. Снова. Снова! И тут Симса почувствовала тепло у своего тела. Как чужак отвечает сиянием на излучение ее тела, так жезл отвечает на него теплом. Он отвечает на силу — на энергию, которой она не понимает и которую не может контролировать.

Симса была уверена, что если посмотрит вниз, то ужас, что таится там, ответит ей. Шагнуть. Удержаться. Шагнуть. Какой-то звук — шипение, как от жирного мяса на огне. Да, становилось светлее, не только вокруг ее тела и у стены, но и за ней, и внизу.

Свет — достаточный, чтобы видеть!

Симса бросилась в сторону и вперед, с силой ударившись о пол туннеля. За ней поднялся ищущий фонтан искр.

Она повернулась спиной к нему и побежала, почти ожидая, что тот погонится за ней, как то существо из песчаной реки. Теперь девушка думала только о том, чтобы убежать побыстрее.

В туннеле стало светло, слишком светло. Симса закричала, когда ее ударила искра, пробила, словно хорошо нацеленное оружие. В воздухе появилось много искр, они касались кожи, впивались в нее, оставляя язвы.

Но Симса продолжала бежать. Впереди показался другой свет, слабый, но устойчивый. По-прежнему не оглядываясь, девушка влетела в нишу, в которую ее когда-то втащил чужак. И только тут она решилась оглянуться.

Искры не последовали за ней в вырубленное в скале углубление, они плясали в туннеле, непрерывно увеличиваясь в числе. И у Симсы появилось пугающее ощущение, что они готовы превратиться в нечто более ощутимое, в существо, которому не сможет противостоять даже Древняя.

Она бросилась в отверстие, которое послужило для нее входом, выбралась, свесилась с края и опустилась на карниз, где нашла убежище в прошлый раз. Только тут девушка прислонилась к скале, дыхание со всхлипываниями вырывалось у нее из груди. С самого детства не испытывала она такого страха. Восстановив дыхание, Симса убедилась, что сверху к ней не летит никаких искр. В сгустившейся потемневшей дымке, означающей на этой планете ночь, она бы их сразу заметила.

Она не должна здесь задерживаться — ни за что, — не зная, насколько близко существо, испускавшее эти искры, но зная, что должна уйти от него как можно дальше.

И вот, как в предыдущий раз, когда она поднималась вслед за Засс, она начала спускаться, пытаясь вспомнить путь, чтобы не пропустить опору для руки или ноги. И только добравшись до основания утеса и посмотрев на темное отверстие над собой, она рассердилась на себя за собственный страх. Конечно, на теле ее по-прежнему горели ожоги и ссадины, но теперь Симсе казалось, что она сдалась слишком легко, бежала не перед нападением, а всего лишь перед угрозой.

Рядом с девушкой медленно текла песчаная река. В прошлый раз Симса пересекла ее с помощью заколдованного плаща. Теперь она сидела на том месте, где когда-то находился настоящий мост. Сняв плащ, она расправила его на камне. Тело прохладно обвевал ветерок, который не трогал поверхности песка внизу, но быстро усиливался.

Неужели он старается столкнуть ее с этого насеста в песчаную реку? Нет! Опасно в это верить. Но разве не вера позволила ей в первый раз преодолеть эту реку? Она

не должна размышлять, должна закрыть те части своего сознания, которые могут вмешаться, усилить мысли об опасности.

Девушка провела пальцами по мятому плащу, зацепка — край отверстия, которое проделала для головы. Потом положила поперек него жезл. В нем не чувствовалось никакого тепла — и не было с того момента, как она выпрыгнула из отверстия вверху. Для этого могут быть десятки десятков причин. Древняя...

Симса покачала головой и сморщилась. Это она должна сделать сама, потому что высвободить другую, призвать ее... Древняя может не одобрить то, что делает сейчас Симса из Нор. У Древней нет никаких причин помогать другим, тем более в уничтожении которых она участвовала. Она может даже использовать против них свою силу. Нет, теперь должна действовать Симса из Нор. Но как ей действовать?

Она устало встала на ноги и побрела, волоча за собой плащ, размахивая, как рыбацким копьем, жезлом. На север или на юг? Сюда она пришла с северо-востока. Ведь не может же песчаный поток совершенно отрезать это место от остального мира. Она никогда не слышала о ручьях, которые текут кругом, без истока и устья.

Итак, на юг, потому что на север она уже двигалась, прежде чем нашла это узкое место. Нелегко будет. Но что легко на этой планете?

По берегам песчаной реки не было никакого «пляжа», да и не могла она подходить слишком близко к краю. И приходилось постоянно подниматься и спускаться, карабкаться по камням или проходить с опаской по гравию, где любой неосторожный шаг мог сбросить ее в этот зловредный поток.

Засс не вернулась, хотя, покидая долину, улетела на север. Поэтому ей самой придется далеко возвращаться, даже если она найдет возможность пересечь реку. А она так устала. Ночь и день легко перепутать в этом месте, и девушка давно утратила представление о ходе време-

ни и его измерении. Теперь за Симсу время измеряют ее плоть и кости. Есть определенный предел ее силам, и, поняв, что она почти у этого предела, девушка упала за большой камень, стеной закрывший от нее ручей. Немного отпила из фляжки, которую наполнила в фонтане, съела два липких фрукта. Затем, положив жезл на грудь — она всегда так спала с тех пор, как стала его обладателем, — девушка заставила себя расслабиться. Ей были нужны отдохнувшие мозг и тело. Отбросив мысли о том, что могло случиться с флиттером и теми, кто в нем находился, Симса попыталась уснуть.

Здесь нет ни восхода солнца, ни крика птиц, ни жужжания насекомых, которые могут потревожить сон, и потому девушка не знала, сколько времени прошло, прежде чем она выбралась из своего убежища и неуклюже села.

Ожили мелкие ожоги. Она увидела обожженные места на руках, чувствовала их на щеках и на горле. На этот раз их ничего не залечивало. Симса пожала плечами и выглянула поверх укрывавшего ее камня.

А там — как она была близко! Несколько шагов, и она могла бы... Симса снова задумчиво покачала головой. Идти по этой тропе, когда она так устала, — полная глупость. По крайней мере, в двух местах, чтобы пройти, понадобится вся ее сила и храбрость.

Когда-то давно по другую сторону ручья был сложен еще один выступ из прямоугольных камней, не такой большой, как справа от нее. Выступ почти потерял правильные очертания, и легко было посчитать, что это природное образование, а не защитное сооружение, созданное чьими-то разумными усилиями. Один только острый угол с востока сохранил следы постройки. Остальная часть была просто отбита. Чьи-то могучие удары пали на камень, превратили его в перемешанную расколотую массу.

Но часть этой массы обрушилась в песчаную реку, создав препятствие, перед которым густой поток разде-

лился, прямо под нею протекала более узкая полоска, а по другую сторону, восточнее, более широкая. И она может добраться до этой каменной преграды! Полоска песка здесь достаточно узка, она сможет ее перепрыгнуть. Насчет второй... сначала надо до нее добраться, а там лучше будет видно, что можно сделать!

Симса немного поела и попила, проверила, плотно ли завязаны припасы. Потом спустилась вниз, туда, где можно было стоять на камне.

Достаточно ли у нее разбега, чтобы перепрыгнуть? И как преодолеть более широкую полосу? Девушка рассмотрела место своего возможного приземления и решила, что там будет в большей безопасности, чем здесь. Она отошла к самому краю скалы, проверила, плотно ли обвязан плащ, и засунула за него жезл, дважды убедившись, что не выронит его.

Песок у ног Симсы медленно тек, но она не стала смотреть на него. Собрав все силы своего худого тела, она отчаянно прыгнула и приземлилась на самый край другого камня, руками и ногами вцепившись в него. Некоторое время девушка лежала, быстро дыша и глядя в дымку над головой. Был уже полдень или даже позже, и от нагретых камней в воздух поднимался жар.

Перевернувшись, Симса встала на четвереньки по другую сторону каменной преграды и осмотрела вторую часть пути. Эта полоска песка действительно была шире, а по ту сторону не было видно удобного места для приземления. Но девушка отказывалась признавать поражение. Должен существовать какой-то выход.

Поглядев вверх, она увидела частично заслоненное краем каменной массы темное пятно, похожее на окно в крепости (доме? городе?). Ах, если бы у нее было с собой оборудование, которое она всегда носила в Норах, отправляясь по своим почти законным делам: прочная веревка, небольшой нож с раскрывающимся крюком, — переход был бы, вероятно, нелегким, но возможным. Но она не вооружена, как в прежние дни.

Тем не менее мысль задержалась в сознании — веревка и крюк. Если бы удалось прочно закрепить крюк, она смогла бы перебраться по веревке над песком и достичь вершины одного из обрушившихся камней, как раз под предполагаемым отверстием.

Симса встряхнула плащ. Жезл? Им нельзя рисковать. Остаются металлические полосы юбки. Она с такой гордостью надела ее и носила даже тогда, когда лучше было бы не привлекать внимания. Одна полоска уже осталась у реки, где она с такими печальными результатами пыталась рыбачить. Но эти две... или четыре...

Она быстро высвободила пару. Легкие, жесткие, их было довольно трудно согнуть, и пришлось колотить по ним камнем, пока они не сплелись вместе, оставив с одного конца два зубца, торчавшие в противоположных направлениях.

Веревка? Для нее может послужить только один источник: Симса легла на плащ и оторвала широкую полосу, вернее, отрезала ее концом своего крюка. В эту полоску она связала свой небольшой запас продуктов — такой мешок она сможет унести за спиной. Остальную часть плотной ткани она разорвала, изрезала, растянула и связала в веревку толщиной примерно в половину ладони.

Привязав ее к импровизированному крюку, девушка снова проверила каждый узел. Она опиралась не на иллюзию, не на волю или силу — а на знания, которыми владела сама, и эта мысль подкрепила ее решимость добиться успеха. Если она упадет, сухо усмехнулась Симса, Древняя, со всеми своими знаниями и искусством, погибнет так же быстро, как и попрошайка-воришка из Нор. А вот если она победит, это будет исключительно ее победа.

Даже в ярком свете потребовалось три броска, чтобы закрепить крюк у разбитого входного отверстия. Симса потянула изо всех сил, и опять не один раз, а трижды. Не сознавая этого, она начала произносить заклинание,

которое в свое время ее заставила выучить Фервар. Это заклинание призывало удачу.

Симса очень тщательно привязала мешок, позволив себе предварительно сделать два глотка. Кожа ее стала скользкой от пота, и она нарочно натерла руки каменной крошкой.

— Готова, как никогда! — Она произнесла это вслух, как вызов и как подбадривание. Затем, зажав в руках неуклюжую «веревку», бросилась прямо в руки судьбы, спрыгнув с конца своего насеста.

Размах веревки пронес ее над самым песком, и от силы удара о скалу противоположного берега весь воздух вырвался из легких. Но девушка удержалась и поползла, цепляясь ногами за скалу, напрягая и царапая руки. Добравшись до конца веревки, Симса ухватилась рукой за край камня, подтянулась к расщелине, в которую вцепился крюк, и, наконец, упала головой вперед, в тесное углубление. Здесь она долго лежала, грудь ее вздымалась от тяжелого дыхания и страха, который в самый последний момент прорвал все ее защитные преграды.

Она благополучно перебралась, и пока этого достаточно. Новые царапины присоединились к прежним ожогам, и Симсе казалось, что она больше ничего не хочет — только бесконечно лежать здесь. Оказаться снова на своем рваном матраце в вонючей норе Фервар, с горшком рыбной похлебки и съедобными грибами, кипящими на костре ее приемной матери, — какая это была бы роскошь! Почему судьба не позволила ей на всю жизнь остаться там? Она вмешалась в дела, которые лучше было оставить дремать еще долгие эпохи. А теперь она как один из персонажей Хромого Хэма: он делает их из палок и тряпок и заставляет искусно двигаться в толпе на рыночной площади, а в это время его напарник Вултон снимает кошельки неосторожных. Там у нее был хороший сон и приятные сновидения. Да, она в углублении скалы, но внизу, под землей, как всегда, скрытые проходы, где она научилась быть быстрой и умной и где мало

кто с ней сравнится. И Фервар тоже там — достаточно протянуть руку, и она коснется плаща старухи, драного, заплата на заплате.

— Фервар?

На ее призыв старуха обернулась. У нее было сухое сморщенное лицо, и глаза совсем другие. И ответила она громким криком зорсала.

Глава 7

— Засс! — Симса узнала зорсала, и собственный возглас вывел ее из оцепенения.

Зорсал сидел на скале над девушкой и мотал головой так быстро, что вытянутые антенны образовали расплывчатую сетку на фоне затянутого дымкой неба. Засс удовлетворенно облизывала когти, слизывая вязкие пятна с них, потом с шерсти. До Симсы донесся запах перезревших плодов, и она подумала, что ее спутница питалась запасами, которые девушка прихватила в долине. Но так ли это? Быстрый взгляд на мешок показал, что тот не тронут. Однако у Засс есть крылья, для нее не обязателен долгий путь сквозь темноту назад к долине.

Симса негромко свистнула. Зорсал перестал заниматься туалетом, взглянул на девушку, сморщил мордочку и испустил негромкий крик, хорошо знакомый Симсе. Засс была очень довольна собой. Кожистые крылья распрямились, маленькое пушистое тело поднялось в воздух, и Засс спланировала к девушке. Симса, борясь с затекшими мышцами, села.

Подобная удовлетворенность Засс была хорошо знакома Симсе. Так зорсал себя чувствует после удачной охоты или поиска. Значит, это правда, последние сомнения девушки исчезли. Торн здесь, где-то среди этих пустынных скал, и Засс нашла его.

Девушка немного поела фруктов, которые стали совсем мягкими. Еще немного под этим палящим солн-

цем, и они испортятся. Немного полила, предложила воды Засс, но зорсал отказался.

Здесь всегда трудно определить время, но небесная дымка потемнела на западном горизонте и теперь была ярче между вертикально стоящими камнями. Пора пускаться в путь. Симса сморщилась, поднимаясь. Все ожоги от искр в туннеле, все царапины и ссадины, полученные в пути, слились в сплошной источник боли, когда она попыталась потянуться, размять икры ног, которые свела болезненная судорога. Надевая на плечи мешок с продуктами, девушка снова обратилась к Засс, в то же время стараясь убрать из сознания все лишнее, кроме лица, которое она видела в туманной дымке над долиной.

— Торн!

Засс хлопнула крыльями, издала чмоканье, которое отдалось эхом среди скал или, может быть, руин, и лениво поднялась в воздух. Там она описала круг над головой Симсы, которая начала выбираться на каменистое плато с трещинами. Увидев, что девушка пошла, Засс перестала кружить и полетела, к удивлению Симсы, прямо на восток. Девушка ожидала северного направления.

И Засс не оставалась все время в воздухе, а возвращалась, садилась девушке на плечо и начинала кричать — как понимала Симса, жаловалась. Зорсал никогда не любил пешие переходы: на крыльях он легко обгонял идущего, к тому же тут трудная местность, и приходилось огибать множество трещин. Иногда требовались долгие обходы, и Симса все время следила за движением в трещинах, ожидая, что в любую минуту взметнется песок, предвещая появление чудовища. Она размахивала жезлом на уровне пояса, стараясь, чтобы рога были нацелены на ближайшую трещину.

Неожиданно она заметила, что ветер подул более сильными порывами, чем обычно. Потом она резко подняла голову и остановилась лицом к ветру. По-прежнему было очень жарко.

Дым. Там что-то горело. И еще запахи, которых она не ощущала с того времени, как покинула грязные, лишенные возраста Норы. Симса поводила жезлом. Он стал теплее. Нападение еще какого-нибудь зверя?

Засс взлетела в воздух, расцарапав когтями кожу Симсы: на плече больше не было защитной подушечки. Зорсал свернул направо и пролетел с громким криком над двумя большими трещинами. Симса побежала, хотя ей приходилось продвигаться зигзагами, а не по прямой. Она бежала туда, где кружил зорсал, по-прежнему громко крича.

Еще одна река! Симса пошла медленнее, чтобы не поскользнуться и не свалиться случайно в поток. Что интересовало Торна в реках — в этих страшных реках, оскверняющих планету?

И уже предупрежденная, но все еще недоумевающая, она неожиданно увидела сцену катастрофы. Засс села — не на каменный берег реки, а на массу разбитого металла, которая торчала из песка: песок постепенно затягивал обломки, но пока не смог поглотить их полностью.

Да, это флиттер, но сразу создалось такое впечатление, будто гигант поймал машину в небе и согнул в руке, как сгибают тростник, чтобы сплести корзину. Но только здесь флиттер потом небрежно отбросили. Были видны следы на камнях, по которым скользил флиттер после вынужденной посадки, скатываясь прямо к реке, которая теперь уже на треть затянула его в свой густой поток.

На первый взгляд в кабине тонущего флиттера не было видно ни следа жизни. Однако прочное прозрачное, похожее на стекло покрытие, которое иноземцы используют для того, чтобы видеть и защититься от нападения врага или природы, так потрескалось, что внутренности кабины совсем не просматривались. Самое плохое было то, что машина соскочила к дальнему берегу. Между Симсой и обломками пролегала широкая полоса движущегося песка.

Девушка опустила свой мешок и нахмурилась: снова перед ней вставала проблема песчаной реки и ее невидимых обитателей. Она могла перепрыгнуть с берега на обломки, но не знала, насколько они устойчивы. Вполне вероятно, что они наклонятся под ее тяжестью и она окажется в гуще, в которую не собирается попадать.

Зорсал расхаживал по потрескавшемуся покрытию, время от времени заглядывая в места, не отмеченные трещинами. Потом Засс раскрыла крылья и зацепилась когтями — как видела Симса, — выпустив их до предела, за одну из трещин. Она одним прыжком поднялась в воздух, и всеми четырьмя лапами потянула оболочку кабины.

Послышался треск, Засс подскочила выше, таща с собой треугольный обломок. Остальная часть купола с громким треском обрушилась, целый каскад осколков посыпался в песок. Все они тут же исчезли.

Симса увидела два тела в блестящих, будто из одного куска, костюмах космонавтов. Одно упало вперед, его голова лежала на неподвижных коленях. Но второго Симса узнала.

Видение в дымке долины оказалось истинным. В машине сидел Торн, откинув голову. Глаза его были закрыты, из угла рта тянулась ниточка крови. Мертв?

На четвереньках, чтобы не потерять равновесие и не упасть в песчаную ловушку, девушка подползла к самому краю каменного ущелья, в котором протекала река, и попыталась отыскать признаки жизни. Но Торн находился слишком далеко.

«Он... жив?» — девушка направила этот самый важный вопрос зорсалу, вовсе не уверенная, что зверек поймет его. Конечно, Засс знает разницу между жизнью и смертью. Любой охотник знает это. Симса смотрела, как зорсал поднимается в воздух и со странной осторожностью продвигается вперед, как будто приближаясь к ловушке. Ухватившись когтями за лицевую пластину, Засс сложила крылья и опустила голову. Ее передние лапы-ноги были широко расставлены.

Чуть позже они сдвинулись по обе стороны повисшей головы Торна. Зорсал опытным взглядом хищника разглядывал окровавленный рот, закрытые глаза.

Потом поднялся в воздух и направился обратно. И в это мгновение Симса что-то ощутила.

Жив! Но тяжело ли он ранен? И снабжен ли флиттер тем же сигналом, что и спасательная шлюпка? Может быть, уже с того момента, как флиттер упал на поверхность, он призывает на помощь? Возможно, все ее заботы напрасны, помощь уже приближается, а Симса не собиралась встречаться с этими спасателями.

Второй мертв — пришел второй уверенный отчет зорсала. Засс повернула голову второго космонавта, и Симса увидала, что это женщина. Она касалась ее сознания и испытала отвращение и испуг. Погибла та самая женщина, что хотела раскрыть тайны Симсы с помощью ножа или машины, которая калечит и убивает. Знание, которое добывают таким путем, — грязное и подлое. И Симса плюнула, как плюют жители Нор на след врага, чтобы его постигла неудача.

Но теперь в этом больше не было необходимости. Неудача, худшая из возможных для ее племени, женщину уже постигла.

Для ее племени? Симса распрямилась и сжала жезл, который сам по себе начал поворачиваться. Нет! Не сейчас! Но девушка не могла удержать то, что возникало в ней самой. Снова из укрытия, из места отдыха, куда она удалялась, проявив свою силу, появлялась Древняя.

Зрение Симсы уже слегка изменилось. Кое-что проступило отчетливее, другие предметы смазались, как будто ушли за пределы поля зрения. Однако, посмотрев на Торна, Симса поняла, что ей предстоит задача, от которой ей не позволят отвернуться, даже если она захочет: это искалеченное тело важно не только для Симсы из Нор, но и для ее живущего внутри двойника.

Засс выпустила голову женщины, и мертвая откинулась назад. У зорсала не хватит сил, чтобы вытащить кос-

монавта, это предстоит сделать Симсе. И Древней — конечно, Древней!

Симсе показалось, когда она снова уступила Древней, что каждый раз, как она так поступает, Древняя становится все сильнее, легче принимает на себя руководство. И теперь девушка не могла ей сопротивляться.

Но что может такого сделать сейчас Древняя, чего не может Симса? Построить мост? Из чего? Плащ разорван. А Симса ни за что не войдет в этот песчаный поток, чтобы добраться до разбитого флиттера.

Зорсал вернулся к Торну, сел на край разбитого щита кабины и опять, вцепившись когтями, искусно повернул голову космонавта. На этот раз очень осторожно и так, что закрытые глаза развернулись в сторону Симсы. Потом поднял голову и крикнул, привлекая внимание девушки.

В руке Симсы шевельнулся жезл, вернее, его сдвинула с места Древняя. Вспыхнул сине-зеленый свет, вначале расходившийся широким потоком, потом он сузился, так что луч стал гораздо плотнее. И световое копье ударило прямо в лоб над закрытыми глазами — между ними.

И луч остановился там — не рукой Симсы, а волей другой. Древняя не объясняла Симсе, что происходит. Девушка только догадывалась, что у луча должно быть полезное действие. Но вскоре луч погас, так же внезапно, как и вспыхнул.

Однако свет вернулся, только в новом виде. Теперь целью стала сама машина. И не луч, а нечто вроде светящегося ореола охватило весь разбитый флиттер. Ореол становился все плотнее и гуще. Симса, наблюдавшая, пока Древняя действовала, вскрикнула.

Машина, которая теперь казалась темным пятном внутри порожденного жезлом ореола, наклонила разбитый нос в песчаную реку. Но девушка была уверена, что Древняя не собирается терять Торна. Тогда почему она опускает его туда, где обитают скользкие разбухшие пузыри?

Светлый ореол сгустился внизу машины, но стал реже вверху. Разбитая кабина стала хорошо видна, зато

нижние части машины совсем затуманились. И машина сдвинулась с места.

И только она сдвинулась, как Симса ощутила, что из нее уходят энергия и жизнь. Уходят так, как не уходили даже в долине, когда Древняя создавала столб. Но бороться было невозможно, невозможно защититься, нужно было только отдавать и отдавать.

Закончив создавать ореол, жезл вернулся на свое место — к груди девушки, и Симса закричала, на этот раз от боли. Ей как будто прижали к коже горящую ветвь. Теперь ничто не исходило от рогов жезла. А в девушке ничего не осталось, что она могла бы еще отдать. То, что сделала Древняя, совершенно истощило Симсу. Девушка опустилась на колени и выронила жезл, держась обеими руками, чтобы не упасть на камень.

В ней нарастало нетерпение, порожденное не собственными мыслями и желаниями, а стремлениями Древней. Как будто Древняя решила, что Симса слишком слаба, слишком хрупка...

Машина теперь находилась посредине реки, но не погружалась в песок, как ожидала Симса, ее поддерживал ореол света на поверхности движущегося песка. Но тут на глазах у девушки ровная поверхность песка взволновалась, на ней появились возвышения. А из них, как перевернутые корни отвратительного ядовитого растения, выросли бьющиеся желтые щупальца, вначале маленькие, потом все длиннее и длиннее.

Однако, по-видимому, что-то в светлой дымке не давало им приблизиться. Щупальца пытались пробиться, но не могли прикоснуться к машине.

Движение флиттера в сторону Симсы было очень медленным. Девушка видела, как машина сползла с противоположного берега и направилась к скале непосредственно под ней. Симса лежала, поддерживая голову руками, силы ее продолжали уходить с помощью жезла в сторону машины.

«Напряги волю! — Приказ прозвучал как крик, прорвавшийся сквозь мысли и страх. — Желай!»

Притягивать к себе разбитую машину? Симса из Нор не видела в этом смысла. Но другая безжалостно овладевала ее сознанием, концентрировала все ее мысли на обломках. Желай — да, пусть машина приблизится, подойдет к ней. Не замечая этого, девушка села, лицо ее превратилось в маску, и она вслух, как песню, начала выкрикивать (хотя сама не слышала этого, но все тело ее подчинялось ритму призыва):

— Приди... приди... приди!

Симса сама не понимала, какими силами распоряжается. По-видимому, она теперь стала орудием вместо утратившего свою полезность жезла. Руки ее поднялись, они чуть дрожали, но жестикулировали, усиливая призыв.

— Приди!

Послышался боевой крик зорсала: Симса слышала его словно с удаления — он не имел теперь значения. А имела значение только темная сердцевина ореола, который двигался к этому берегу.

Плеск, кашляющий, всасывающий звук. Но Симса не могла даже посмотреть, не могла разорвать удерживавшее ее принуждение.

— Приди!

Что-то шевельнулось в дымке, что-то двинулось вдоль машины, отвечая на призыв, как это делал сам флиттер.

— Приди!

Маленькая беспомощная часть девушки задрожала — если только мысль, воспоминание может дрожать. Может, она призвала одно из этих существ-пузырей и оно теперь движется вместе с машиной? Несмотря на внутреннюю дрожь, Симса позвала в последний раз:

— Приди!

Разбитый нос машины повис теперь непосредственно под нею. Симса снова принадлежала себе, но девушку покинула вся сила — и она теперь только шелуха, оболочка личности. Дымка рассеивалась, а то, что двигалось вдоль машины, потянулось к камню — и протянуло не щупальце, а руку.

Симса подобралась к самому краю камня, поймала эту ищущую руку и откинулась назад, вместе с ней на камень выбралось другое тело, большое, с твердыми мышцами. Она смотрела в лицо Торна.

Глаза на этом лице были по-прежнему закрыты. На девушку брызнула кровь, вытекшая изо рта Торна. Она с трудом выбралась из-под его тяжелого неподвижного тела, а он остался лежать на камне лицом вниз.

Пришел новый звук: словно какое-то огромное существо всосало и выпустило воздух. Ореол неожиданно исчез. Симса увидела, как желтые чудовища из реки сплошной массой облепили флиттер, и тот под их тяжестью начал тонуть. К счастью, эти чудовища, занятые тем, кто вторгся в их стихию, не обращали внимания на лежавших на берегу.

Засс снова закричала. Боевой крик зорсала привлек внимание Симсы к месту выше по течению, где кружила Засс. Вся поверхность песка начала подниматься. Казалось, бесконечный поток чудовищ устремился к потерпевшему катастрофу флиттеру.

Симса проползла вперед и схватила Торна за плечо. Перевернуть его тело — казалось, такая задача ей не по силам, но она справилась. Потом раскрыла его костюм, как делал он, и поискала раны. Взяв в руки жезл, девушка провела им над телом, надеясь с его помощью понять, насколько серьезны ранения. Ей показалось, что у Торна сломаны ребра, на голове, сразу за шеей, шишка, а кровь — в этом она убедилась, раскрыв Торну рот, — шла не из пробитых легких, чего она опасалась, а из раны в нижней губе.

Фервар в свое время хорошо справлялась с ранами и болезнями, от которых страдают жители Нор. Симса взяла кусок веревки, которую сделала, чтобы переправиться через другую реку, и плотно перевязала ребра. Смыла с головы грязь, разделяя короткие пряди окровавленных волос. Вторым куском веревки перевязала рану на голове. И, наконец, влила немного воды из фонта-

на долины в расслабленный рот, подержав его закрытым, пока Торн не проглотил.

После этого Торн зашевелился и что-то произнес на неизвестном ей языке. Глаза инопланетника открылись, и он посмотрел на нее, но взгляд его не сфокусировался. Торн ее не узнал.

С реки прилетела Засс. Она летала взад и вперед, крича на такой высокой ноте, что Симса почти не слышала. И девушка поняла, что зорсал испытывает сильный гнев и страх.

Как и в прошлый раз, когда нападение чудовища из реки вызвало оживление его собратьев в трещинах, так почти погрузившийся в песок флиттер теперь привлекал к себе других.

Симса и Торн находились на невысокой скале, и ближайшая трещина проходила на некотором расстоянии от них. Но девушка увидела, как из нее появились желтые полоски нечистой жизни, дергаясь, извиваясь, и потянулись к ней и к тем камням, которые когда-то, видимо, образовывали внешние укрепления долины. Они отрезаны. Если даже Торн придет в себя, встанет на ноги, в том направлении уйти им не удастся. Трещины здесь везде: на севере, юге и западе от них. А с востока — река. Они в ловушке.

На поясе Торна, который Симса сняла и отложила в поисках ран космонавта, болтался какой-то предмет. Несомненно, оружие, но как им пользоваться и окажется ли оно эффективным против песчаных чудовищ, девушка не знала.

Но они же не могут покорно оставаться на месте, их стащат вниз, разорвут эти смертоносные извивающиеся щупальца. А нести Торна она не может. Похоже, Древняя снова передала ей обязанности и удалилась, оставив девушку истощенной и беспомощной.

Между ними существует связь. Симса принимала это, хотя инстинктивно сопротивлялась. Когда Древняя впервые вошла в нее, девушка испытала возбуждение, почув-

ствовала в себе такую энергию и силу, о существовании которых даже не подозревала. Но постепенно наступило разочарование. Ее измучили обрывочные воспоминания Древней, она видела лишь отдельные картины, но не понимала их. А потом, когда инопланетники захотели разобрать ее на части именно из-за этих отрывочных картин и воспоминаний, она стала думать о Симсе из Нор как о единственной защите и спасении. И с тех пор пыталась составить из этих воспоминаний как можно более полную картину.

А Древняя ушла, и осталась Симса — слабая, неспособная бороться, хотя дело ее не завершено, выбор не сделан...

Засс спустилась вниз и села на тело Торна, расправив крылья, склонив голову и нацелив антенны на девушку.

«Иди!» — такой же решительный приказ, как и совсем недавно.

Да, она может идти. Хотя в тот момент Симсе казалось, что у нее не хватит сил и на один шаг от этой скалы. Глаза Торна открылись, он повернул голову в одну сторону, в другую, лежа у нее на коленях, вскрикивая, когда перевязанная голова касалась камня. Он явно не сознавал, где находится.

Симса склонилась к нему, пытаясь увидеть сознание в широко раскрытых глазах. Потом постаралась вспомнить язык, на котором говорили люди на корабле. Может, знакомая речь окажет на него воздействие.

— Торн Ян! — Когда-то он объяснил девушке, что это «дружеское» имя, им пользуются только те, кому он верит, и его родичи. — Торн Ян!

Потемневшее лицо нахмурилось.

— Мы должны идти. Здесь опасно. — Девушка говорила медленно, на языке корабля, подчеркивая каждое слово. Протянув руку, она взяла висевшее на поясе неизвестное оружие. — Здесь опасно... — Она провела оружием перед его глазами. Ручка с трубой. Но что вылетает из этой трубы и как заставить ее действовать, Симса не знала.

Губы Торна дрогнули. Он повернул голову и выплюнул на камень кровь. Это действие, казалось, привело его в себя. Он посмотрел на девушку и еще сильнее нахмурился:

— Симса...

— Да, — подтвердила она. — Торн! — Теперь она решилась взять его за плечи и чуть потянуть вверх, по-прежнему держа его оружие. — Смотри! — и указала не на буйное пиршество у флиттера, а на выползавших из трещин существ: теперь скользкие тела целенаправленно двигались к их камню.

Симса поддерживала его голову, когда Торн приподнял ее. Рука инопланетника упала на оружие, он поднял его, пытаясь держать устойчиво, и посмотрел на нападавших.

Глава 8

— Грита! Грита! — Торн звал мертвую женщину, но кабина, в которой она находилась, уже скрылась из виду. Вокруг этой части машины собралось особенно много песчаных тварей, и флиттер под их тяжестью быстро погружался, так что теперь из песка торчали только металлические обломки и хвост фюзеляжа. Все остальное скрылось под мечущимися желтыми чудищами.

— Она мертва, — резко сказала Симса. — Ты не сможешь ее извлечь оттуда! — и она указала на массу бьющихся тел и извивающихся щупалец.

Торн быстро взглянул на нее, его сведенные брови и сжатый рот определенно не выражали дружелюбия и благодарности. Его охватил темный гнев, заставивший забыть боль ран. Симсе не нужно было говорить об этом.

Инопланетник поднял левую руку на уровень глаз, сжимая в ней оружие. В бьющуюся отвратительную массу ударил луч, настолько яркий, что Симса, чтобы не ослепнуть, закрыла глаза.

И услышала мысленный крик — не страха и боли, рвавших ее тело, а пришедший от этих песчаных существ, испытавших огненный удар.

Слабый запах, который первоначально привел ее сюда, превратился в зловонное облако.

Девушка протянула руку, отводя взгляд от луча, и схватила Торна за локоть.

— Нет! — кричала она одновременно словами и мыслью. — Она была уже мертва, когда я вас нашла, ты ничем ей не поможешь, только привлечешь этих к нам. Неужели ты пожертвуешь своей жизнью ради той, что уже миновала Звездные Врата? Она уже не сознает ни наш мир, ни любой другой, известный людям. Она была мертва! Клянусь этим! — и Симса другой рукой указала на свой жезл.

Казалось, Торн не слышал ее или не верил ее словам. Но вот смертоносный луч погас, рука, в которой он держал оружие, опустилась, хотя Симса продолжала цепляться за другую его руку. Она побыстрее развернула Торна спиной к реке, лицом к каменной полоске, которая отделяла их от входа в долину.

Девушка была права, опасаясь этих трещин. Теперь она видела, что почти из всех расщелин выбрасываются струи песка, за края цепляются щупальца, и кое-где уже показались большие желтые комки, выбравшиеся из глубины и направляющиеся к ним.

— Что это? — Впервые Торн заговорил с ней разумным тоном.

— Смерть, — коротко ответила Симса и потом кивнула. — Здесь они правят. И только там... — она указала на груду скал, которая отбрасывала на равнину все более длинную тень (теперь тень достигла основания камня, на котором они стояли), — только там наша надежда, хотя и совсем небольшая. — Она была откровенна, потому что знала наверняка: его безрассудное нападение на существ у флиттера разбудило их всех, даже самых медлительных. — Если мы сможем туда добраться... Но как? Можешь прожечь нам дорогу, инопланетник?

Он поднял оружие и внимательно посмотрел на рукоять. Симса увидела на ней тонкую красную линию, как будто изнутри пробивался свет.

— Осталась половина заряда. — Торн словно говорил вслух сам с собой, потому что не смотрел на нее и никак не отозвался на ее слова. Потом он высвободил руку и прикоснулся к двум трубкам у себя на поясе. — Еще два — и все.

И наконец впервые посмотрел на девушку.

— Если мы доберемся туда, — он указал на отдаленную груду камней, — что тогда?

Действительно, что тогда? До сих пор Симса сознательно не думала, что будет, когда они доберутся до скал. Назад через реку — сквозь туннель — в долину? Но ее жители уже один раз напали на Торна, станут ли они помогать ему? Возможно, это только полная опасностей интерлюдия между двумя смертями. Так как Древняя помогла поднять бурю, разбившую флиттер, жители долины, возможно, окажутся милостивее к Симсе. Но может ли она рассчитывать на это? Как можно судить о чуждом сознании? Возможно, в их представлении, спасая Торна, она осудила себя.

Но ей нечего больше предложить, кроме этой разрушенной каменной башни. У девушки оставалась только слабая надежда, что если они сумеют удержать на какое-то время этих ползунов, обитатели долины им помогут.

Все эти мысли быстро пронеслись в сознании Симсы, и она не знала, отвечает ли на его вопрос или на собственные сомнения.

— Не знаю, не могу заглядывать в будущее, — она говорила откровенно, — но это единственная наша защита, а еще мне кажется, что эти существа не могут далеко отползать от своих нор. — О жителях долины она ничего не сказала.

Девушка видела, что он продолжает наблюдать за ней из-под насупленных бровей.

— Это ты подняла? — мрачно спросил он.

Симса не поняла.

— Что подняла? — Неужели он связал ту бурю, уничтожившую флиттер, с ее второй сущностью? Она прижа-

ла к себе жезл и отступила на шаг, другой, поглядывая то на его мрачное лицо, то на оружие в руке.

— Да! — Лицо его разгладилось, но стало целеустремленным, и он направил на нее оружие. — Это была ты!

Она не стала больше отступать. Стычки в Норах научили девушку кое-чему, хотя сейчас не время было играть в эти игры: желтые овоиды из трещин и их собратья из реки смыкались.

— Не знаю, в чем ты меня обвиняешь. — И это не ложь. Она только догадывалась о его мыслях и не стала с помощью Древней читать их. — Но если хочешь поднять на меня лезвие и сотворить бой, — она легко перешла на язык и обычаи Нор, — лучше подождать. У нас теперь общий враг.

Последние слова девушки чуть не заглушил крик Засс. Зорсал устремился к желтому ремню, который появился на камне, где они стояли, — Засс когтями и клювом яростно рвала щупальце, и из того хлынул поток черно-зеленой жидкости, которая чуть не залила Торна. Космонавт быстро повернулся лицом к противнику зорсала и направил на хозяина щупальца огненный луч.

И хоть этот луч был слабее и не так ярок, как первый, Симса в сознании снова услышала крик умирающего. Засс торжествующе закричала, поднялась в воздух и повернула к скалам, словно призывая следовать за ней.

Ближайшая из трещин уже выпустила наружу одно из чудовищ. Выползая на воздух, оно раздулось, как и все, но не превзошло размерами Торна или Симсу. Очевидно, приняв решение, космонавт без дальнейших споров тщательно прицелился. И нападающий превратился в обожженную массу.

Симса легко спрыгнула на камень, на котором умерло чудовище, держась все же от него подальше. Густое зловоние пропитало ее волосы и кожу, она поперхнулась и с трудом справилась с собой.

Торн не поспевал за ней, и Симсе не потребовался хриплый крик зорсала, чтобы оглянуться. Космонавт

слегка прихрамывал, держась рукой за перевязанную голову, но снова метко выстрелил и убил или тяжело ранил еще одно существо, которое выползло из трещины и попыталось преградить ему путь. Послышалось гудение, ничем не похожее на вызывающие крики Засс или шипение иноземного оружия. Симсе на мгновение показалось, что звук исходит из воздуха, что это какой-то способ общения желтых комков, которые явно организовывались, выстраиваясь в линию, через которую не пробиться.

Оружие Торна отказало. Он на миг замер, чуть покачиваясь, одним рывком сорвав с пояса новый цилиндр. Пустой цилиндр он вытряхнул из рукояти и с резким щелчком вставил другой. А это странное гудение точно исходило не от Засс и не от инопланетника — оно пульсировало в воздухе, и что-то внутри девушки отвечало ему.

Симса подождала, пока Торн поравняется с ней. И когда он поднял оружие, чтобы выстрелить в крупное песчаное существо, девушка вновь схватила его за руку. Это гудение в воздухе напомнило ей тот звук, который сопровождал совместные действия Древней и жителей долины.

Засс прекратила кричать, поднялась выше и кружила над людьми на равнине, с каждым оборотом круги ее становились все шире. Но удивило девушку поведение чудовищ — поведение и то, что она держала в руке. Из конца рогов полилось мягкое свечение, столь же отличное от убийственных лучей, как утренний туман от молнии. Свет окутал спутников, как раньше скрылась из виду машина в песке. Симса ожидала, что будет схвачена, станет беспомощной. Но если раньше волшебство было отчасти делом жителей долины, на этот раз оно исходило только от нее.

Снова Древняя, снова ее железная воля, как и в прошлом, взяла верх. Может, это для их же блага Древняя хранит их, чтобы потом как-то использовать. Во всяком случае, они с Торном должны этим воспользоваться.

Симса подползла к космонавту, сознавая, что физически они очень похожи, хотя раньше эту мысль она с негодованием отбрасывала.

— Она нас защитит вместе... — выдохнула девушка, — освободит от них... твое оружие... — И в этот момент рукоять оружия окутала блестящая голубая линия, и Торн вскрикнул от боли. — Спрячь его! — приказала Симса. — Оно не сочетается с тем, что будет служить нам.

Не теряя выражения отчужденности, Торн тем не менее сунул оружие в петлю на поясе, а в это время окружившая их дымка еще больше сгустилась. Теперь они могли ясно видеть только на расстояние вытянутой руки. Симса вспомнила о трещинах и подумала, не приведет ли их слепота к столкновению с одним из чудовищ. Но перестала думать об этом, услышав крик Засс сверху. В такие игры они играли раньше во время ночных походов, когда зрение зорсала служило лучше, чем глаза девушки. Ей нужно только прислушиваться, и Засс проведет их.

Услышав новый громкий крик Засс, Симса, ничего не говоря, вцепилась в пояс Торна и подтолкнула его вперед и на юг. Он как будто понял, потому что не сопротивлялся, хотя продолжал держать руку на рукояти оружия.

Так они и пошли, но Торн уже совсем скоро еле-еле передвигал ноги. Однако, когда Симса предложила повести его, инопланетник что-то пробормотал и отстранил ее, хотя и позволил держать себя за пояс. На новой повязке появилось темное пятно. Он начал что-то говорить, негромко, монотонно, девушка улавливала отдельные слова, но не понимала их. Это был не торговый язык Куксортала и не сжатая речь космонавтов. Она даже подумала, что, возможно, это его родной язык, и немного порассуждала, далеко ли он теперь от своей родины.

Однажды Симса, должно быть, неправильно поняла направляющий крик Засс и чуть не столкнулась с массой

раскачивающихся щупалец, но успела упереться обеими ногами в камень и оттащить Торна в сторону.

Потом снова дымка стеной окружила их, и они двинулись дальше. Это путешествие под завесой по камням пустыни казалось бесконечным. Дважды они останавливались отдохнуть, и Засс спускалась сквозь дымку и садилась на плечо Симсы, ласково прижимаясь мордочкой к щеке девушки.

Во время второй такой остановки Симса предложила свою фляжку Торну. На его поясе имелось множество карманов для самых разных предметов, но фляжки с питьем там не оказалось. Возможно, запасы находились во флиттере и затонули в песке вместе с мертвой пассажиркой. Торн сделал несколько небольших глотков. Симса уже подняла было руку, собираясь вырвать у него фляжку, но остановилась. Она понимала, что мужчина находится в полубессознательном состоянии, а она должна заставить его идти. Если он упадет, поднять его девушка не сможет. Глупо было бы оставаться на месте и ждать, когда эту дымку пробьют ищущие щупальца чудовищ. Пусть пьет, если это поможет ему идти.

Симса упрямо старалась не думать о будущем, сначала следовало добраться до входа в долину. И тогда она решит, что делать дальше.

Становилось темнее, и дважды Торн спотыкался так сильно, что падал на колени. Но какой-то инстинкт заставлял его двигаться дальше, хотя девушка была уверена, что он больше не осознает ее присутствия. И вот, когда темная дымка, означавшая здесь ночь, и темный туман вокруг них соединились и превратились в почти сплошную тьму, Симса наконец увидела впереди черные камни. Она отпустила Торна и рванулась к ним, слыша стук подкованных металлом сапог за собой. И совсем скоро девушка, задыхаясь, прислонилась к вертикальному камню-часовому.

Симса узнала этот камень: уходя отсюда, она заметила его причудливое сходство с головой — головой какого-то

гротескного, никогда не виденного существа, какие были вырезаны на стенах давно забытого города на Куксорта-ле, где так долго ждала освобождения Древняя. Симса одной рукой ухватилась за камень. В другой она держала жезл, пальцы ее онемели, прямо-таки слиплись от усилий удержать это оружие.

Темноту двойной дымки разорвал крик зорсала, Засс опустилась на камень, к которому обессилено прислонялась Симса. Звон металлических подков не стихал. Торн подошел к ней, и, казалось, его слабость куда-то исчезла. Он чуть наклонил вперед голову, словно пытаясь что-то рассмотреть, и впервые за полночи заговорил с ней:

— Симса?

— Да, это я.

Инопланетник оперся на тот же камень, что и она. Поднял руку, дотронулся до ее руки, коснулся прижатого к камню запястья.

— Мы... мы думали... что ты мертва... — медленно заговорил он. — Здесь негде укрыться... твоя спасательная шлюпка была покинута... а детектор отказал. Почему?

— Почему? — ответила девушка.

В ней снова вспыхнул гнев, она вспомнила все свои испытания, все опасности, подстерегавшие ее на этой планете после посадки вслепую. И, как всегда, приступ гнева придал ей силы. Так было всегда — гнев помогает отогнать страх, на время забыть о нем.

— Почему? — хрипло повторила она. — Спроси у своих друзей, инопланетник. Спроси у лейтенанта Лингора и у врача Гриты — хотя нет, она мертва. Если она действительно была твоим другом... — Эта мысль поразила Симсу. Что, если он не случайно отдал ее этим инопланетникам? Если его рассказы об истортехнерах, об этих долгожителях закатанах, которые будут обращаться с ней как с живым сокровищем, — все это неправда? Если те мысли, что она уловила в сознании Лингора, живут и в мозгу Торна, — что она, Симса, не личность, а вещь, что она так же лишена жизни и разума, как малень-

кие металлические статуэтки, которые находят в Норах и продают торговцам верхнего города за одну лишь выпивку или пару отупляющих листьев сморга? Что она для Лингора, для Гриты — и прежде всего для Торна?

Девушка оттолкнулась от камня, чтобы встать лицом к Торну, гнев действительно придал ей силы, теперь она была целиком Симса из Нор. Древняя спала или ушла, что было справедливо: это ее схватка, только ее!

— Не понимаю. — Его голос и окровавленное лицо выражали бесконечную усталость — и упрямую решительность, как тогда, во время путешествия по ее родной планете, когда он отказывался сдаваться, несмотря на все препятствия.

— Не лги мне! — выкрикнула девушка. — Нет, я не читаю твои мысли, — пояснила Симса, увидев, как тень сомнения появилась в его взгляде. — Почему ты так считаешь? Разве ты не остался доволен, что хорошо выполнил свое дело, когда передал меня своим друзьям? Лингор, тот хотел использовать мои возможности, мою силу, чтобы стать господином себе подобных. Нет! — Она сделала быстрый жест, заметив, как раскрылись его распухшие губы. Он явно собирался возразить ей. — Не говори мне, что это не так, потому что я прочла это в его сознании. Он был так уверен во мне. А она — мертвая — Грита, она ведь считается лекарем, не разрушителем, но чего она хотела от меня? Этого, — Симса ударила себя по груди, — моего тела! Чтобы она могла разрезать его, изучить и узнать, как ожил тот, кто миллионы циклов Куксорта-ла назад ходил по земле. Это я тоже прочла, и отрицать это невозможно! Но если во мне и живет эта другая моя часть — Древняя, я не просила об этом. Она призвала меня, как ты хорошо знаешь, и я не смогла ей противостоять. И в тот час, что она вошла в меня, я ощутила... а может, она сама захотела, чтобы я испытала это и легче выполнила свою задачу... В общем, я ощутила, что стала единой, что ко мне вернулась часть, которая долго была отделена от меня. Но она сильна и, я думаю, могла бы

любого заставить поверить во все, что угодно. Когда мне угрожает опасность, она просыпается, и иногда в этом теле она, а иногда я, Симса, какой всегда была. И мы готовимся к схватке. Она позволила мне читать чужие мысли, чтобы я смогла составить план. Думаешь, я смогла бы прожить в Норах, не зная, когда нужно сражаться, а когда убегать? Мне нужно было убежать от Лингора — и твоей Гриты. Если бы корабль опустился на планету, я оказалась бы полностью в их власти. Я очень мало знаю о вашей жизни, звездный человек. Я была бы как дисящерица без брони перед Засс — легкая и лакомая добыча. Возможно, вдвоем они сумели бы расколоть мои кости и сожрать плоть! Нет, космопорт — это их Норы, они там знают каждый поворот. И я не могла допустить, чтобы они доставили меня туда.

— Это мертвая планета, — медленно проговорил Торн. Теперь в нем не чувствовалось недоверия, но все же Симса не была в этом полностью уверена.

— Ты сказал, что здесь нет убежища, — подхватила она. Разумеется, он ведь не знает о долине. Может, это и к лучшему. Она тут ничего не может сделать: долина принадлежит зеленому народу, и девушка не хотела, чтобы туда явились посторонние. — Убежище, — повторила Симса, надеясь, что он не заметал паузы, вызванной ее мыслями. — Но я выбрала это место, здесь я и любой инопланетник будем на равных. Я знала, что сигнал спасательной шлюпки приведет сюда корабль. Итак, Лингор повернул назад?

— Ты не понимаешь. — Торн положил свое оружие на камень, у которого они стояли. — Они не могли поступить, как ты думаешь.

— Они так думали! — яростно возразила девушка. — Ты передал меня им, и я была полностью в их распоряжении на их корабле меж звездами. Да, они были уверены во мне — вы все были во мне уверены. Я скажу тебе так, инопланетник: лучше умереть от голода и жажды, погибнуть в схватке с одним их этих песча-

ных чудищ, чем быть пленницей тех, кому ты решил меня отдать!

— Я ничего не решал! — По резкому тону голоса Симса поняла, что задела его за живое. — Я просто один из рейнджеров, занятых ист-поиском по приказам закатанина-истортехнера. Ты вполне могла остаться на Куксортале. Я спросил тебя, согласна ли ты отправиться со мной и встретиться с теми, кто проводит долгую жизнь, пытаясь разгадать тайны прошлого. Возможно, такими, как твоя Древняя. И тебе для твоей же безопасности предоставили одноместную каюту, тебя охраняли...

— Охраняли от офицеров корабля, от таких, как Грита? — прервала она. — Не говори глупости. Каюта — ха, неужто я была там в безопасности! Да там спрятали кучу устройств, через которые за мной наблюдали, фиксируя каждое мое движение. Но Древняя сумела ответить на их хитрости своими! — Симса рассмеялась.

— Неправда! — Он кулаком ударил по камню и, казалось, не заметил боли. — Ты была почетным гостем. А что касается того, чтобы остаться на Куксортале... Долго ли ты прожила, если бы кто-нибудь из лордов узнал о том, какими силами ты владеешь? Тебе не удалось бы утаить от них свои тайны — они опытны в таких делах и гораздо более жестоки, чем может предположить инопланетник.

— Нет! — отрезала Симса. — Древняя справилась бы с любым, кто попытался бы использовать сталь и огонь. Но, предположим, твой офицер, твоя Грита подпустили бы в воздух моей каюты вещество, от которого я бы заснула. Они оба об этом думали. Хотя действовали не вместе. Нет, инопланетник, я предпочитаю скорее рисковать на этой скале, чем с ними. Уловки лордов я знаю, хитрость и коварство твоих людей — совсем другое дело.

Торн пожал плечами и сел спиной к камню, положив руки на колени. Оружие он не брал. Симса схватила его и со стуком швырнула на камень рядом.

— Мы у входа в место, которое, возможно, нужно будет защищать. А защитная дымка рассеивается, — ее предупредил об этом охлаждавшийся жезл. Действительно, завеса вокруг них заметно поредела.

Он не ответил ей, только снова встал, опираясь на скалу. Симсе показалось, что лицо Торна посерело, как будто цвет камня каким-то образом проникал в него с самого начала их отдыха.

Девушка даже не оглянулась, чтобы посмотреть, пошел ли Торн за ней, а принялась искать обратный путь. И полезла по скале, засунув жезл за пояс, цепляясь руками и ногами с ловкостью, выработанной в Куксорта-ле. Когда она достигла вершины второго, гораздо более высокого камня, дымка, окружавшая их в пути через пустыню, совсем рассеялась. Небо оказалось гораздо темнее, чем думала Симса.

Подозвав Засс, Симса усадила ее на камень, с него Засс могла видеть большую часть окружающей их территории, включая вторую песчаную реку, откуда могла исходить новая угроза. Свернув оставшуюся часть веревки, девушка положила ее под голову. Древняя в свое время, вероятно, долго могла обходиться без сна и отдыха: Симса обнаружила, что с тех пор, как ее тело стало убежищем Древней, ей требовалось гораздо меньше времени для отдыха. Однако тело — это всего лишь плоть, кровь и кости, и у него свои потребности.

Симса мгновенно погрузилась в тьму, где не было никаких сновидений. Она не знала, присоединился ли к ней Торн. Да это ее и не интересовало. Она ни от кого не зависит, только от себя и зорсала. Засс никогда не изменит, а в качестве стража лагеря никого лучше не найдешь.

Когда она вновь открыла глаза, дымка приобрела утреннюю яркость. На расстоянии вытянутой руки на спине лежал Торн, глаза его были закрыты, засохшая кровь на подбородке потрескалась и отслаивалась во время его долгих вдохов. Послышался крик Засс, слабый, но постепенно усиливающийся. Симса села и распустила

свои серебристые волосы, расчесала их пальцами. Зорсал сделал обычный круг в воздухе и сел прямо перед девушкой. В передних лапах, прижатых к груди, Засс держала ветвь с плодами. Зорсал мог найти ее только в одном месте. Значит, он побывал в долине. Но внимание Симсы привлекло то, что было обмотано вокруг ветви. Трубка, полупрозрачная. Ясно было видно, что она наполнена голубоватой водой из бассейна — и это не дар Засс! Кто-то послал девушке это. Симса вздохнула. Второй раз в жизни она почувствовала себя единой с чем-то большим, чем она сама.

Первый раз так случилось, когда она стояла перед статуей Древней, в которой содержалась так долго ждавшая сущность. Второй раз сейчас. Она почувствовала, что небезразлична жителям долины!

Глава 9

Симса съела и выпила ровно половину того, что принесла Засс. Хочет она того или нет, спящий космонавт все еще оставался на ее ответственности. Засс сидела рядом, складывая и распрямляя крылья, облизывая шерсть на теле. Липкие пятна свидетельствовали, что зорсал хорошо поел перед возвращением к двоим на камне.

Удовлетворив потребности тела, девушка подошла к краю каменного блока, на котором они нашли убежище, и оглядела узкую полоску движущегося песка, отделявшую их от входа в долину. Поверхность была ровная, ничего не свидетельствовало, что под ней таится опасность. Но девушка ни на мгновение не усомнилась, что если войдет в это вязкое вещество (она понятия не имела, насколько здесь глубоко), то сразу окажется в такой опасности, которую невозможно представить себе.

Крюк и веревка вторично не сработают. На той стороне реки не было удобного отверстия, где бы закрепился крюк, а от веревки она уже отрезала так много, что той

не хватит до другого берега. Сузив глаза, девушка разглядывала откос на противоположном берегу. Дымка стала ярче, она раздражала зрение почти так же, как пламя в туннеле. Симса принялась рыться в памяти жительницы Нор в поисках ответа на свои проблемы.

Был какой-то шанс... — Она посмотрела туда, где сидел зорсал. Засс переместилась к спящему или лежавшему без сознания космонавту, протягивала лапку, собираясь коснуться его, и тут же отдергивала ее, не завершив жест. Очевидно, мужчина очень интересовал зорсала, хотя на Куксортале зверек провел в его обществе лишь несколько дней.

Симса повернулась лицом к равнине, по которой они прошли. Из щелей не выбрасывался песок, не видны были желтые щупальца, но она знала, что любой шаг в том направлении — это вызов обитателям песка.

Древняя... Симса энергично покачала головой. Нет. Она не откроет дверь, не отдаст свое тело превосходящей мудрости другой! Никаких обращений к Древней. Она — Симса, здесь и сейчас, и она сама должна решить...

Мысли ее прервал резкий кашель. Мужчина открыл глаза, приподнялся на локте и посмотрел на нее.

Потом перевел взгляд на окружающие их скалы, на противоположный берег ручья. Провел кончиком языка по пересохшим губам. Симса шевельнулась, протянула принесенное Засс, то, что сберегла, несмотря на голод и жажду. Торн сел и первым делом выпил немного воды.

— Откуда это? — Он взвесил в руке еще не опустевшую трубку. Возможно, голод и жажда сделали его голос резким.

Симса больше не видела, какие преимущества получит, сохраняя в тайне существование долины. Без флиттера Торн не мог вернуться к своим — тем, кто, возможно, ждал его у спасательной шлюпки. И она отнюдь не недооценивала жителей долины. Одного вторгшегося в их мир они уже уничтожили, а их могут держать сколько захотят.

— Там, — девушка указала на каменную стену, преграду на их пути, — там есть вода и фрукты. Место, где есть деревья.

— И не только, не правда ли? — ответил он, разламывая один из плодов и слизывая сок с грязных, исцарапанных о камень рук. — Этот ураган ударил в нас слишком быстро и точно. Это твоя родная планета? Твой народ? — и он липкими пальцами указал на окружающую равнину.

— Нет!

— Но ты хорошо знаешь планету. Иначе не смогла бы выжить, защитится от опасных неожиданностей.

Девушка не сознавала, что снова прижимает к груди жезл, пока не ощутила его тепло. Посмотрев вниз, она увидела два засветившихся рога, которые сверкали, как каперианские сапфиры. Даже на солнце не могли бы они так блестеть.

Она не знала эту планету. Но, может, знала Древняя? Во всяком случае, она быстро объединила силы с жителями долины. Возможно, они старые партнеры в такой обороне.

— Я не знаю эту планету, — голос Симсы звучал ровно, она ведь говорила правду — хоть бы и частично. — Ты — звездный человек, я — нет. Я не умею читать звездные карты. А спасательная шлюпка просто выбрала ближайшую планету с пригодной для дыхания атмосферой. Так говорится в вашей инструкции. Если это ближайшая планета, на которой мы можем дышать... так оно и стало. Я не управляла спасательной шлюпкой. Да и кто может это делать?

— Но все же тут есть жизнь, помимо чудовищ в песке.

Инопланетник прожевал остатки кожицы плода и проглотил. Потом взял в руки трубку с водой и стал медленно покачивать перед собой. Словно этим жестом мог помешать ей солгать.

— Твой зорсал не мог это наполнить. Как бы хорошо ни был выучен. Ни за что в это не поверю.

— Зорсала невозможно выучить! — выпалила девушка, оттягивая время. Все равно отвечать придется. — Да, она была наполнена — другими. Но я знаю только, что на этой планете живут другие. И они не гуманоиды, хотя мне кажется, что они к нам расположены.

Возможно, к ней. Она не забывала поднявшийся в небо столб. Не забыл и он, потому что издал резкий звук. Можно было бы принять его за смех, если бы не выражение лица.

— Расположены? — Это слово Торн произнес и как вопрос, и как обвинение.

— Меня... и Засс... они хорошо встретили.

— Но никаких полетов в их небе — так? — Он приподнялся на колени. Потом с усилием — Симса ему не помогала — встал на ноги и подошел к краю, откуда смог взглянуть на зловещий густой поток внизу.

— Как ты его преодолела? — спросил он, довольно долго простояв молча.

Рассказать ему о дороге веры — нет! А вот крюк любой знающий Норы примет как естественное объяснение. И девушка рассказала, что сделала. А потом добавила, что сейчас это уже невозможно: веревка коротка, и на другой стороне нет удобного места для крюка.

Торн даже не ответил ей. Только наклонился, снова встав на колени, и долго рассматривал склон, выходящий на реку.

— Если бы я знал глубину... — Он опять словно рассуждал вслух. Достал с пояса свое оружие, вынул цилиндр с зарядом и посмотрел на него.

— Идти туда... — Симса не знала, что он собирался делать, но была уверена, что всякий ступивший на песок потонет, даже если не насторожит сразу всех тех, кто живет внутри. Но Торн смотрел не вниз. Повернув голову влево, он разглядывал край платформы, на которой они находились. Энергичные движения свидетельствовали, что он, должно быть, принял решение. Инопланетник поднялся и заговорил властно, как в прежние времена, на Куксортале.

— Если эту скалу с тремя выступами подрезать, она упадет вперед. Еще два надреза здесь и здесь... — он использовал ствол своего оружия как указку, — и произойдет обвал. Если камни упадут в реку, у нас получится дамба, по верху которой мы сможем пройти — если будем достаточно быстры.

— Ты сможешь это сделать своим оружием?

Чуть нахмурившись, он кивнул.

— Я думаю — да, но это полностью истощит заряд, и если мы дальше встретимся с неприятностями... — и он пожал плечами.

Торн всегда не очень-то проявлял терпение перед лицом опасности. Симса поняла это с их первой встречи. Но она и сама такая же. Однако неровная и узкая тропа на другом берегу проходит у самой скалы по краю берега. Если обитатели реки проснутся, переход через реку не принесет безопасности. С другой стороны, оставаясь на месте, они ничего не достигнут.

Симса повернула жезл в руках, покатала его между ладонями. Может, это оружие Древней послужит еще раз? Лучше не пробовать, быстро решила она. Девушке требовались все присутствие духа и вся сила ума — и ей не хотелось отдавать их, хотя бы частично, другой. Возможно, Древняя и вовсе не захочет, чтобы Торн добрался до долины или даже вообще остался в живых.

Ее отношение к инопланетнику претерпело столько тонких изменений, что Симса не была уверена, что в этом пункте сможет противостоять Древней. И потому молчала, не предлагая помощи.

Тем временем Торн очень тщательно прицелился — несколько раз, лежа на животе, передвинулся, когда показалось, что луч ударит не в нужное место, — и наконец выстрелил. Вырвавшийся из ствола луч был шире, чем раньше, и к тому же показался едкий дым, от которого глаза Симсы начали слезиться, а Засс негодующе закричала и взлетела. И зорсал не возвращался — напротив, полетел к краю скрытой долины.

Когда луч коснулся камня, который Торн решил выбить, камень исчез, словно его и не существовало. Блок кувыркнулся вперед. К изумлению Симсы — она не поверила в обещание Торна, — за первым последовали два других блока, они ударились в первый и тоже упали в реку.

И прежде чем девушка смогла перевести дыхание, образовалась дамба. Первый камень исчез, поглощенный песком, но второй наполовину высовывался из поднимавшегося потока.

Торн одной рукой сунул оружие за пояс, другой схватил девушку за запястье:

— Прыгай! Прыгай!

Она могла только выполнить его приказ, потому что он сам уже прыгнул, не выпуская ее руки. И вот они полетели вперед, и только тут он выпустил ее руку. Симса упала, как была выучена, однако к ее синякам добавились новые.

Торн уже вскочил и снова схватил девушку за руку. Песок быстро поднимался, ручейки его уже обтекали бока верхнего блока. Некогда колебаться. Симса прыгнула первой, как можно скорее выбралась на противоположный берег и обернулась, глядя на песок.

Его поверхность снова начала колебаться, как всегда перед появлением чудовищ. Симса достала свой жезл — возможно, это последнее, что отделяло их от смерти: оружие инопланетника разрядилось.

Сразу за ними лежала узкая полоска каменного берега. Они оказались рядом с несколькими камнями, и Торн уже стоял спиной к ним, переводя взгляд со своего оружия на движение в песке возле импровизированной дамбы.

Симса с надеждой подняла голову. Но никаких подходящих опор не обнаружила. Утес поднимался круто. Засс, вернувшаяся, когда они пробирались по дамбе, начала гортанно кричать и подниматься выше и выше расширяющимися кругами. Один из таких кругов увел ее за

край утеса, прочь из поля видимости. И она не вернулась. Девушка ощутила тепло жезла и поняла, что если им предстоит схватка, то ей придется принять в ней участие. Может ли дымка, которую она вызвала один раз, снова дать им укрытие?

Что-то в глубине девушки зашевелилось. Пробуждалась Древняя, и, увидев протянувшееся к ней из реки щупальце, Симса решила, что теперь отдать часть своей личности — значит использовать единственную возможность к спасению.

— Можешь меня прикрыть? — резко спросил ее спутник, и Симса, занятая собственными отношениями с Древней, смущенно взглянула на него.

Мужчина сражался с собственным оружием, повернув его рукоятью к себе, хлопая по нему ладонью.

— Сможешь удержать их хоть ненадолго этой твоей штукой? — нетерпеливо спросил он и кивком указал на жезл.

— А что ты собираешься делать? — спросила девушка, но тут же повернула жезл и направила луч из его рога на желтое, усеянное присосками щупальце, которое попыталось дотянуться до сапог космонавта.

— Нам нужны ступени. Удержи тварей, а я попробую их вырубить.

Почти механически Симса водила лучом из жезла по поверхности песка, которая теперь волновалась очень сильно. Торн повернулся к крутой скале. Неужто он собирается вызвать новый обвал? Но какая в этом польза, если они будут погребены под ним?

Однако на этот раз из ствола вырвался не широкий луч, который уничтожал камни и превращал чудовищ на равнине в зловонный пепел. Напротив, тонкий устойчивый луч, не толще мизинца, вонзился в камень, и в том появилась черная дыра. Потом еще одна дыра, и еще одна, на равных расстояниях. Да, это лестница, по которой вполне возможно подняться.

Убедившись, что Торн знает, что делает, Симса занялась своим заданием, отгоняя песчаных существ. Возможно, они поняли, какую угрозу представляет жезл, потому что не торопились выбираться из своих нор. Щупальца ускользали и превращались в маслянистые пятна. А потом, хотя песок и волновался все сильнее, они вообще перестали появляться на поверхности.

Приглушенный возглас заставил девушку на мгновение поднять голову. Симса увидела, что тонкий луч замерцал, и догадалась, что кончается заряд энергии.

Торн все быстрее переходил от одной ступеньки к другой, состязаясь и с временем, и с истощающейся энергией. Последние темные пятна были всего лишь неглубокими канавками. Засунув бесполезное теперь оружие за пояс, Торн наклонился, расстегнул замки своей обуви, снял ее и прикрепил к поясу.

Бросив последний взгляд на кипящую поверхность ручья, он указал на скалу:

— Поднимайся!

Симса решительно покачала головой:

— Иди ты. Я задержусь и выиграю время, сколько позволит судьба.

Торн пристально посмотрел на нее, потом взглянул на жезл, как будто хотел взять его в руки. Но было и без слов ясно, что эта игра ведется по ее правилам, а не по его.

Поэтому он повернулся и ухватился за первое выжженное отверстие, а Симса позволила Древней выйти из глубин сознания.

«Ага, этот разум, добравшийся до космоса, оказался очень уместен в минуту опасности. Да, за такими нужно приглядывать, они быстро учатся, и нужен контроль за ними в их поисках силы. Но пока не время думать об этом», — и Симса, Древняя, взмахнула жезлом, как хлыстом, чтобы отогнать затаившихся в тени. Луч превратился в голубое облако, заскользившее над песком.

Торн уже высоко поднялся по импровизированной лестнице на скалу, и Симса, прочно закрепив жезл, по-

следовала за ним. Вскоре она обнаружила, что чем выше, тем ступени мельче. Она не смотрела ни вниз, ни вверх. И замедлила подъем, только услышав голос.

— Потише... тут самая трудная часть... — хрипло сказал Торн, как будто подъем отнимал у него последние силы.

Долго ли она сможет висеть на кончиках пальцев рук и ног? Это было гораздо более трудное путешествие, чем ее первый путь в затерянную долину, хотя здесь не мешала ни темнота, ни брызги пламени.

Она услышала скрежещущий звук, тяжелое дыхание человека, прилагающего огромные усилия. Слышала Симса из Нор, но истолковывала звуки Древняя.

У этой новой космической расы много решимости, хотя мозг еще не развит и сдерживает их. Их орудия — предметы извне, мертвые предметы из дерева и металла, они все еще действуют под прессом ограниченной жизни. Становилось все яснее, что они не подозревают о существовании других возможностей. Чего бы они добились, если бы узнали...

И как изменилась бы при этом жизнь меж звезд: в хорошую сторону или в дурную? Те двое на корабле, что думали использовать ее — ее! — в собственных целях, не в большинстве среди этого народа. Древняя рассуждала, и мысли ее проходили через мозг Симсы, намекали, что в свое время эта другая ее часть сможет дать ответ на множество трудных вопросов. Сила Древней держала ее на крутой скале так же прочно, как на широком выступе. И Симса не боялась, что ее пальцы не выдержат.

Сверху донеслись новые скребущие звуки, и тут что-то свесилось и едва не задело лицо девушки. Это был пояс космонавта, в его петлях не оставалось инструментов и приборов, и он болтался рядом с ее левой рукой, так что девушка решилась схватиться за него.

Но она не повисла на поясе всем своим весом — напротив, продолжила подъем, лишь придерживаясь за не-

го. Потом вниз протянулась рука, и пальцы крепко вцепились в изукрашенный пояс, который удерживал ее юбку. Симсу потянуло вверх, и в самом конце пути она ободрала кожу. И вот они упали на скалу, такую широкую, что девушке показалось, что они потеряли проход в долину, что он остался к северу, а это просто начало горной страны.

Небесная дымка сгустилась: казалось, она окутывала двоих, как змея, бесконечно вьющаяся по небу, то касавшаяся скалы, то капризно поднимавшаяся, чтобы предоставить им возможность оглядеться.

Симса увидела, что Торн сел у самого края, пояс его был кольцом сложен у ног, перевязанная голова склонилась вперед, словно он истратил последние силы.

Она встала и посмотрела на север и запад. Где-то там скрывалась долина, в которой еда, питье и убежище — а может, и угроза от мохнатых обитателей, которые уже уничтожили флиттер. Ее они приняли по-своему хорошо, но как встретят Торна? Да теперь и ее саму, когда она приведет к ним инопланетника? По требованию Древней снова вперед вышла Симса из Нор. Но Древняя еще владела ее стройным телом и чуть повернула его лицом к сгущавшейся дымке.

Тишину нарушил резкий крик Засс. Зорсал спустился с неба, сел на плечо Симсы и прижался к ее щеке мордочкой. И тут в сгустившейся дымке показались какие-то фигуры. Девушка напряглась. Может, существа-пузыри и не могут подняться так высоко, но стало ясно, что кто-то — или что-то — ищет их.

Глава 10

Вскоре первая фигура в тумане стала видна отчетливее — зеленое мохнатое существо из долины. Симса почти ожидала увидеть зажатое в передних конечностях оружие. Или эти существа имели на вооружении толь-

ко такие таинственные средства, как то, что помогла им вызвать Древняя? На лице, состоявшем в основном из огромных глаз и рта со жвалами, невозможно было прочесть выражение гнева или подозрения.

Торн с трудом встал на ноги и, покачиваясь, ожидал приближения существ. Девушка придвинулась к нему — не для помощи, а чтобы выбить у него оружие, если он захочет стрелять. Но обе руки мужчины мягко висели по бокам. Казалось, ему хватило сил только на то, чтобы держать голову прямо и смотреть на вновь появившихся.

Вслед за первым показались и другие, они выстроились полукругом, лицом к двум людям и Засс. Симса видела достаточно лент, достаточно инопланетников в коже, чешуе и шерсти, чтобы не удивиться тому, какую странную форму может принимать разумная жизнь на других планетах. Она была уверена, что Торн поймет: они имеют дело с «людьми», а не с чудовищами, вышедшими на охоту.

Но девушкой по-прежнему руководила Древняя, и Симса обнаружила, что произносит странные звуки, которые сама не могла перевести, однако знала, что в них заключено приветствие и просьба о понимании. Придерживаясь привычных для себя стандартов — стандартов поведения жителей Нор, — она решила предоставить другой возможность действовать.

Произнеся эту странную гудяще-свистящую речь, она осталась стоять на месте, держа перед собой жезл, словно гонец на ее родной планете, посланный расчищать дорогу, который несет знак лорда и бежит перед его свитой. Симса чувствовала, как ее рассматривают, изучают. Как она почувствовала это воздействие, девушка не смогла бы объяснить. Как будто покойная Грита добилась своего и все части черного с серебряными волосами тела Симсы оказались раскрыты для наблюдения, измерения, осуждения — или принятия.

Предводитель группы из долины опустился на четвереньки, приблизился, громко прозвучало щелканье его

когтей. Симса посмотрела на Торна. Торн справился со слабостью и стоял с расправленными плечами и поднятой головой. Руки его изобразили древнейший жест мира, который присущ всем разумным расам, какие известны Симсе. Он поднял обе руки на уровень плеч и протянул к незнакомцам пустые ладони. Он не хотел схватки.

«Этот... сверху?»

Вопрос был задан неловко, но Симса поняла.

«Да».

«Ты... бежишь... от... него?»

«Не от него», — хотя Симса до сих пор сама не была уверена в этом. В конце концов, у Торна никогда не было таких мыслей о ее будущем, как у тех двоих.

«Почему... здесь?»

«Из-за меня, — девушка не могла уклониться от правды, — но он не враг».

Имеет ли она право так говорить? Даже сейчас она в этом не была уверена.

«Кто он такой?»

«Он охотник за древними знаниями. Он считает, что я обладаю такими знаниями, — и хочет отвести к тем, кто собирает их».

«Он... не... из... дома. Он из короткоживущих».

Если мысль может быть проникнута презрением, то сейчас так оно и было — Симса поняла это с помощью Древней.

«Он не таков, каких вы знаете».

Вспышка древнего знания проникла через барьеры осторожного мозга Симсы из Нор: эти существа — самки, во всяком случае их пол приближается к тому, что народ Симсы считает женщинами; и они приравнивают Торна к тому, во что давно превратили своих самцов, — в небольшое, но необходимое зло. И очень короткоживущее, если все идет в соответствии с их желаниями.

«Он охотник за знаниями», — резко продолжила она. Мысль о том, как следует поступить с простым самцом,

слишком быстро последовала за заключением о его бесполезности.

«Па! — презрительное восклицание, которое нелегко перевести словами, издала предводительница группы. — Как такой, как он, может запасать знания?»

Симса заговорила вслух со своим спутником:

— Они... не знаю, уловил ли ты их мысли... Но они презирают самцов. Открой для них свой мозг — и побыстрее.

Она не была уверена, что космонавт сможет четко «промыслить» сообщение. Она и сама-то делала это с трудом и была уверена в успехе, только когда ею руководила Древняя.

И тут последовала серия картин, нацеленная на сомневающихся чужаков, легко уловленная девушкой.

Все равно что смотришь ленты, которые пустили слишком быстро: в них промелькнуло такое количество перемен и свидетельств о знании, что у девушки перехватило дыхание. Потом Симса заметила, что предводительница отряда опустилась на нижнее брюхо, упираясь в землю двумя сложенными ногами. Она взмахнула передней когтистой конечностью и широко развела смертоносные клыки — возможно, у них это символ мира.

«Память! — В самой мысли слышалось изумление. — Память, пусть даже и самец. Тшалфт должна всосать это в себя».

«Нет!» — Симса сделала большой шаг и встала между Торном и жителями долины. В слове «всосать» ей почудился мрачный смысл.

«В этом нет никакого вреда, — последовало быстрое обещание. — У него слишком много можно взять. Мы постараемся... У нас мало Памятей... Очень многие вылупляются из яйца, прежде чем мы находим хоть одну... Новые знания — это сокровище для дома. Мы не причиним ему вреда, как не причинили тебе. Однако не будут ли его искать? Проложил ли он след, по которому пойдут другие?»

— Ты... — начала было девушка, но Торн быстро перебил ее, доказав, что понимает мысленную речь:

— Флиттер разбит. Но на корабле есть другие. И когда они не услышат наш вызов, то могут списать нас — на какое-то время.

— Но не навсегда? — настаивала девушка.

— Засферна нелегко сбить со следа такого значительного открытия, как подлинная предтеча, — ответил он. — Сейчас поиски могут отложить, но со временем они обязательно последуют. У моего непосредственного руководителя истортехнера Засферна большое влияние.

«Он говорит о других, — послышалась мысль предводительницы. — Кто эти другие?»

Торн поднял руку к повязке на голове.

— Отвечай за меня, — попросил он девушку. Попроси не читать сейчас мои мысли... я... — Инопланетник покачнулся в ее сторону. Не раздумывая, девушка приняла на себя его тяжесть и осторожно опустила Торна на камень.

Наклонившись, она посмотрела на остальных.

«Он ранен».

«Это так, — согласилась предводительница. — Мысли его разбегаются, как золотые мухи во время сбора урожая. Что он просил тебя сказать нам?»

«Я знаю ненамного больше вас. Но он говорил, что существует очень древний народ, чье дело — собирать все знания и запасать их. Большая часть этих знаний собрана так давно, что они сами иногда их не понимают. Они отыскивают все новые и новые отрывки и размещают в целом. И поэтому меня должны были отвезти к ним. Они думают, что я... она... может связать эти отрывки».

«И они будут искать здесь. Когда?»

«Какое-то время спустя».

Симса переложила поудобнее голову Торна на своем колене. Он слегка застонал и повернулся лицом к ней, так что девушка ощутила его легкое дыхание на своей коже.

«Ему нужна помощь», — попросила она.

«Хорошо — пока. Да, нам нужно многое узнать. Гшалфт хотела бы, чтобы мы сделали это».

Щелканье когтей подозвало еще одно существо. Без всякого труда говорившая подняла Торна и положила на спину подошедшей. Когти одной лапы ухватили обе свисающие руки Торна за запястья и прочно, но осторожно сжали их. Существо повернулось и двинулось на трех лапах, что, по-видимому, его не беспокоило и не мешало двигаться довольно быстро. Симса и говорившая последовали за ним.

На этот раз они двигались не в темноте. Вершина барьера оказалась широкой, и вскоре их вновь окутала густая дымка. Симса почувствовала, как ее тоже подхватили когти, ее вели, направляли, тащили в дымке, которая стала такой густой, что превратилась в сплошную крышу над головой. Вперед видно было только на фут или два.

Так они подошли к верху лестницы с каменными ступенями, вырубленными в скале, где Симсу выпустили. Коготь указал ей направление вниз. Для ног девушки ступени оказались узки, и так как почти ничего не было видно, Симса шагала по одной ступеньке за раз, придерживаясь рукой за стену, цепляясь пальцами за выступы.

Торна и его стражника она потеряла из виду и старалась не думать об опасности — падении тяжело нагруженной жительницы долины и, в результате, возможной смерти Торна.

Все вниз и вниз вели ступени, никаких площадок, на которых можно перевести дух, набраться храбрости для дальнейших усилий, а туман вокруг густой, как плащ. Но вот он начал рассеиваться, разрываться на клочья, клочья разлетались, словно облака на ветру, хотя здесь не дул никакой ветер.

Теперь можно было заглянуть немного вперед, но там по-прежнему вели вниз бесконечные ступени. Симса могла бы давно сдаться, но энергия, приток которой всегда сопровождал появление Древней, поддерживала девушку, хотя сама Древняя начала медленно отступать

в ту часть сознания Симсы, которую отвела себе в качестве жилища.

Наконец ступени подошли к концу. Девушка увидела высокие деревья, как те, что образовывали проход во время ее первого появления в долине. Зорсал негромко крикнул, взлетел в воздух, устремился вперед и исчез в густой растительности. Симсе же показалось, что она слишком густа для полета. Тем временем они достигли дна долины. Девушка ощутила тяжелый запах спелых фруктов и облизнула губы: этот запах мгновенно вызвал голод.

Перед ними открылась тропа, не такая широкая, как та, по которой она шла в первый раз, и здесь путь шел не прямо, а извивался меж высоких — выше головы девушки — кустов, покрытых гроздьями цветов размером с ладонь, ветви под их тяжестью свисали чуть не до земли, а под ними ползало множество зеленых крылатых существ — миниатюрных подобий проводников Симсы. Среди кустов виднелись и мохнатые обитатели долины. Когти, которые могут представлять страшную угрозу, здесь действовали осторожно, поднимая по очереди кормящихся насекомых и держа их над кувшинами, пока с конца закругленного зеленого брюшка не сорвется капля прозрачной жидкости. После чего насекомое возвращалось в цветы и продолжало кормиться.

При появлении группы сверху сборщики останавливались и молча смотрели, но Симса не уловила никаких мыслей, только раз или два до нее донеслось легкое отвращение. Похоже, присутствие ее и Торна не встретило одобрения. Однако когти никто не поднимал, и группа спокойно продвигалась по вьющейся тропе между цветущими кустами. Через несколько шагов работники остались позади.

Вскоре они свернули на широкую дорогу и впереди, хотя и на некотором удалении, показалось странное здание или крепость, которую девушка видела раньше. Но теперь они направлялись не туда. В густых зарослях открылась боковая тропа, и на нее свернуло мохнатое су-

щество с Торном, а потом и предводительница группы, которая когтем поманила Симсу за собой. Остальные пошли по прежней дороге и вскоре скрылись из виду. Тропа повернула под прямым углом, и Симсе показалось, что они возвращаются к утесам, с которых только что спустились. Но когда они вышли из зарослей, то оказались на открытой поляне, подобной той, где находился бассейн с фонтаном.

Но здесь в воздухе не висели водяные брызги — посреди поляны стоял постамент в форме треугольника, а на нем лежал предмет, который показался Симсе большим яйцом. Во всяком случае, она увидела большой овоид. Группа остановилась на краю открытого пространства, и только предводительница приблизилась к яйцу — не решительно и властно, как раньше, а медленно и осторожно. И начала когтями передних лап выстукивать по земле определенный ритм.

Стук был негромким, и Симса едва его слышала, однако на него отозвалась сама земля, и постепенно тело девушки тоже стало подергиваться в том же ритме, и в том же ритме наклонялся жезл.

Казалось, тот, кого вызывал этот стук, не отвечает. Тем не менее ритмичные удары продолжались. Наконец послышался резкий треск. На поверхности гигантского яйца появилась рваная трещина. Часть скорлупы отвалилась и упала на землю. Потом второй, третий кусок, и наконец вся скорлупа раскололась и превратилась в обломки. И перед группой предстало еще одно мохнатое существо. Меньшее по размерам, оно было сложено и втиснуто в яйцо, где не оставалось почти никакого свободного пространства. Теперь существо медленно распрямилось, разводило конечности, как будто для этого требовались огромные усилия.

Существо блестело, словно было погружено в какую-то жидкость, эта жидкость капала теперь с тела на землю. Но вот фасеточные глаза, которые Симса сочла слепыми, устремились к ним.

«Почему... пришли... беспокоить?»

В этом вопросе пленницы яйца прозвучал явный гнев.

«Память... издалека... с неба». — Предводительница уперлась передними лапами в землю и опустила голову с антеннами, так что те едва не касались земли.

Наконец та, что была заточена в яйце, полностью высвободила тело. От ее последнего рывка скорлупа окончательно раскрошилась и пылью упала на землю. Существо сделало знак передними конечностями, и предводительница торопливо, но по-прежнему на четвереньках приблизилась, остановилась рядом с постаментом, сняла с пояса кувшин — копия тех, что использовали сборщики, но поменьше, — и протянула только что вылупившейся. Та схватила кувшин и начала жадно пить. Выпила все и повернула кувшин вверх дном, чтобы показать, что он пуст.

Теперь она двигалась проворно, и Симса заметила разницу между нею и другими жителями долины, которых видела раньше. Голова новой была явно непропорциональна, слишком велика, а шерсть светлее и в полосках.

«Еще... не... время, — провозгласила рожденная из яйца. — Тревожить... запрещено — только в случае крайней необходимости...»

Предводительница подхватила ее последние слова.

«Крайняя необходимость!» — Она, очевидно, подчинялась новой, но отстаивала свое мнение.

Симса увидела, как огромные глаза (они казались больше, чем у остальных) повернулись к ней. Рядом с девушкой произошло легкое движение: та, что несла Торна, положила его на землю. Но необычное существо вначале принялось разглядывать Симсу. И тут же на первый план вышла Древняя, твердо отвечая на взгляд ищущих враждебных глаз, пока наконец рожденная из яйца не сказала:

«Эта... из времени утраченной луны... эта...»

«Нет, — сразу возразила Древняя. — Это, возможно, моя кровная родственница, но не я. Я новичок в этом мире, как и сама Большая Память».

«Слишком много... слишком долго... потом снова в яйце, — мыслила та. — Если не ты... зачем ты здесь?»

«Нововылупившаяся, я ищу свой народ».

«Разве он не охраняет... не ждет... не подает сигнал? — в этом вопросе послышалось негодование. — Всегда должны быть те, кто знает, кто может позвать».

Симса Древняя покачала головой.

«Слишком долго... слишком долго. Те, кто мог следить, ушли, и я не знаю куда».

«Но ты стоишь здесь. Что освободило тебя?»

«Приход возрожденной, мое второе рождение... она призвала... но у меня не было тела. Мое яйцо не выдержало такого долгого времени, поэтому теперь я в ней».

«Это нехорошо. Значит, ты ищешь тело, лишенная яйца?»

«Это тело хорошо служит мне — оно родственно моему. Мы идем по одной тропе, и все в порядке».

«А что ты ищешь здесь?» — Шерсть существа быстро сохла, и все отчетливее стали выделяться полосы. Новая поддерживала непропорционально большую голову передними конечностями.

«Безопасности — на время», — сразу ответила Симса.

«А этот... — Большие глаза впервые обратились к Торну — Он умирает? Ты уже поторопилась, использовала его и теперь ждешь собственных яиц? Если это так, зачем приносить его сюда? Пусть его тело возвратится в землю, потому что больше от него нет никакой пользы».

«Он не мой сеятель яиц жизни. — Древняя, по-видимому, знала правильные ответы. — Он — Хранитель Памяти».

Если в фасеточных глазах могло выразиться недоверие и отвращение, Симсе показалось, что так оно и есть.

«Он самец — а они годятся только для одного. Среди них никогда не было носителей Памяти — никогда!» — В ответе прорвалось гневное негодование.

«Проверь, Хранительница Большой Памяти, и увидишь сама».

Симса обнаружила, что отодвигается от лежавшего в беспамятстве космонавта, словно уступает дорогу мыслям другой. Торн на земле пошевелился и что-то пробормотал.

У девушки сложилось впечатление мысленного потока, почти такого же ощутимого, как вода. И одновременно жадного всасывания. Но Древняя не сообщала ей, что происходит.

Симса не могла определить, сколько времени это продолжалось. Торн поднес руку к голове, словно защищаясь от удара, он непрерывно что-то бормотал. Симса уловила несколько слов на торговом языке, но была уверена, что он говорил и на других языках в этом необыкновенном разговоре — если можно применить это слово к одностороннему допросу. Наконец он стих, большие глаза оторвались от его лица и снова устремились к девушке.

«Это правда! Память нельзя утаивать от запоминающего — и нельзя изменять. Только то изменяется, что одному кажется так, а другому иначе. Эти закатане, искатели памяти, они хранят ее не в своем мозгу, а другими способами. Он для них важен?»

«Суди сама по тому, что получила от него. Он служил им, как работники служат тебе. Доставлял отрывки знаний в их единую память».

«Но у них нет истинной памяти — и истинных запоминающих». — Снова нахлынуло ощущение враждебности.

«Каждому свое, Память. Если знание сохраняется, разве важно, каким образом?»

Та соединила когти над большой головой.

«Я иду этим путем, этот путь — в голове, рожденной из яйца. Слишком много, слишком быстро, я еще не готова была разбить скорлупу, когда все это обрушилось на меня. Пусть этот сохранится... пусть за ним присмотрят... и ты... добро пожаловать к нам. Но мы живем обособленно, и если придут еще незнакомцы, они будут искать на

равнине. Мы установим преграды. Много... о многом надо подумать... разобраться. О многом!»

Новая, казалось, осела, втянулась в себя, присела среди обломков скорлупы. Та, что принесла Торна, снова с помощью предводительницы подняла его и резко повернулась. Одновременно на поляне показались еще два существа: они прошли мимо предводительницы и Симсы, приблизились к Большой Памяти, облизали ее шерсть и подали новый кувшин, гораздо больший, а остальные с Симсой и Торном тем временем уходили.

Скоро Симса обнаружила, что их ведут не к зданию, где жило большинство обитателей долины. Их отвели к скальному барьеру, в пещеру, которая могла послужить им убежищем. Туда принесли связки длинных листьев и быстро уложили их в две постели. На большом листе разложили фрукты. Торн наконец очнулся, и как раз в это время их отыскала Засс. Мохнатые существа ушли, и они остались одни.

Торн со стоном приподнялся на локте и, явно удивленный, осмотрелся:

— А где Засферн? Он ведь ждал моего отчета. Не понимаю. Я был в институте, и Засферн задавал мне вопросы. Мне кажется, он задал их сотни — и все о наших прошлых исследованиях. Почему...

Космонавт говорил словно сам с собой. Древняя удалилась, и теперь на Торна смотрела Симса, та, которую он встретил первой.

— Где мы? — Теперь в его вопросе зазвучали сила и энергия. — Значит, я был не с Засферном. Так кто вывернул мой мозг наизнанку? — И он потер ладонями лоб, как будто пытаясь унять боль.

— Это была Большая Память, — начала Симса. Она не была уверена, что инопланетник ей поверит, но пересказала все случившееся с того момента, как они встретили мохнатых, и до настоящего.

— Память, приспособленная для хранения знаний... — повторил Торн, когда она кончила. — Я поклялся бы,

что это невозможно. Но, может, на этой заброшенной планете так мало происходит, что это может быть сделано. Если бы ты видела большие компьютеры в городе Зат... — Он покачал головой и поморщился. — Там хранится память большинства известных планет, и потребовалась бы тысяча лет и тысячи закатан, чтобы переворошить ее. Никто не может удержать столько. Но поверила ли эта Большая Память, что я собираю знания и не причиню вреда ее народу?

— Ты пришел за мной, — напряженно ответила Симса. — Даже если ты забыл об этом, я не забыла.

Глава 11

Здесь, в долине, дымка затемнялась сильнее, обозначая ночь. Симса, сидя у входа в пещеру, смотрела на деревья и кусты, вокруг которых постепенно собирались тени. Позади слышалось ровное ритмичное дыхание спящего Торна. Испытание, которое он выдержал от рук, вернее, мыслей Большой Памяти, отняло все его силы, и большую часть дня, после того как их отвели в это убежище, инопланетник проспал.

Никакие стражники не следили, чтобы они оставались на месте. Но Симса не сомневалась, что если бы она спустилась к деревьям, это не осталось бы незамеченным. Совсем немногое отделяло здесь гостя от пленника.

Засс, свернув крылья, прижималась к девушке, тепло тела зорсала согревало ее. Сейчас она была одна, Древняя ушла из ее сознания. Симса усиленно думала, создавала и отбрасывала планы, продолжая неподвижно сидеть на месте.

Пища и вода — все то, что нужно телу для жизни, здесь имелось. Но она начинала понимать: вполне вероятно, она здесь такая же пленница, как и на корабле. Только — Симса криво усмехнулась — тогда она тоже составляла планы. Отличие заключалось в том, что ее пер-

вый план удался. Она освободилась от корабля, от желаний, которые таились в сознаниях офицера и Гриты. Но если ей предстоит всю жизнь провести в этой долине, какой смысл в побеге с корабля? Нет, она действовала слишком поспешно, когда украла спасательную шлюпку и прилетела сюда. Надо было подождать, пока они не приблизятся к оживленным звездным линиям, где больше планет, способных поддерживать жизнь.

В руках ее шевельнулся жезл. Он не светился. Обычный древний предмет, какие находят при раскопках. След давно исчезнувшего народа. Похоже, что она сама превратилась в такой предмет. Возможно, за обладание ею стоит побороться. Куда же она направится отсюда? Что ей делать?

Покорно оставаться на месте... нет, это не для нее. И хоть Симса сидела неподвижно, ее охватило беспокойное ожидание. Должен найтись выход. Она отказывалась верить, что в самом начале своих странствий должна надолго остановиться.

— Нет луны...

Девушка вздрогнула, услышав эти слова из глубины темной пещеры. На какое-то время она совсем забыла о Торне.

— Зачем ты пришел? — резко спросила она — не мысленно, а на торговом языке.

— Ты была — и есть — здесь.

— А тебе какое дело, космонавт? — Симса была рада, что может говорить так жестко. — Хорошо ли тебе заплатили за то, что ты меня доставил? Или пока еще не заплатили и ты не хочешь потерять плату?

— Не могу поверить...

Симса, не поворачиваясь к нему, вонзила конец жезла в землю.

— И не верь. Я знаю, что этот офицер и эта женщина твоей породы сделали бы со мной. И кто знает, каковы планы их начальников? Если бы я могла вырвать из себя ту, другую, то с радостью сделала бы это. Продала

бы! — Симса поморщилась. — Я из Нор. Мы не отдаем за просто так, а продаем. Да, я с готовностью продала бы ее тебе. Когда она пришла ко мне в первый раз... — Девушка мысленно вернулась к тому моменту в необычном храме, где нашла своего двойника, застывшего во времени. Несомненно, та статуя была предметом поклонения народов, пришедших на смену забытому. — Да, — Симса заговорила быстрее, — когда она пришла ко мне, я почувствовала, что становлюсь... больше... живее... Пока не поняла, что для нее я только тело, по странному капризу судьбы рожденное гораздо позже своего времени и народа. Потом... — Девушка чуть наклонила голову, стараясь разобраться в том, что почувствовала, когда поняла, что она — ничто, искорка, которую легко может поглотить большой огонь. Но Симса упрямо приняла вызов — бороться и хотя бы частично остаться самой собой.

— Разве не лучше стать большей, чем оставаться меньшей? — Голос его прозвучал странно спокойно. Так он говорил во время их первого путешествия.

Рот Симсы искривился, она вызывающе плюнула, хотя он мог и не увидеть этого, так как девушка сидела спиной к нему.

— Не говори о милостыне, пока не наденешь лохмотья нищего, — повторила она старинную поговорку. — Я знаю только, что иногда я одно, а иногда — совсем другое. — И Симса чуть повернулась, чтобы посмотреть туда, где инопланетник лежал на постели из листьев, сложив руки под головой, чтобы немного приподнять ее. — Она... я... посадила этот ваш флиттер. Она... я... присоединилась к обитателям долины, и мы вместе послали смерть на твоих людей, на тебя. Ты по-прежнему выступаешь в ее защиту?

— Однако ты пошла искать меня, и если бы не ты, я был бы мертв. Зачем ты спасла меня?

— Наверное, у нее имелась причина.

— Значит, не у тебя, а у нее?

Он буквально вырывал у нее правду.

— Пусть будет по-твоему, звездный человек. Да, это я пришла за тобой. Слишком много было в прошлом, чтобы я не постаралась спасти тебя. Мы вместе прошли необычными путями.

— Верно. А теперь идем другими, кажется. Ты знаешь, флиттер будут искать. Не знаю, насколько хорошо хранит песчаная река то, что в нее погружается, но флиттер будет посылать сигнал. На нем установлен маяк.

Симса кулаком ударила по колену.

— Твой лейтенант очень хорошо знает, чего хочет.

— Но что ты узнала? Что заставило тебя так поступить? — Торн осторожно сел. — Ты говоришь, офицеру ты была нужна ради его целей и что Грита хотела...

— Отделить плоть от костей и понять, почему я — это я, да! Я тебе говорила, что меня поместили в каюту, где за мной подглядывали, там можно было даже проделывать опыты. Она, Древняя, без труда с этим справилась. Они видели... галлюцинации. Скажи мне правду, космонавт. Если ты отвезешь меня к закатанам, они обойдутся со мной лучше?

— Они так не действуют.

— Ха! — Девушка ухватилась за его слова. — Но все равно, пусть по-другому, они стали бы изучать меня!

— Они попросили бы тебя поделиться своей памятью...

— Память для кладовой. Посмотрим... — Симса опустила жезл на колени и чуть откинулась. — Что им нужно? Мои собственные воспоминания — о жизни в Норах — им не нужны. Они вызвали бы другую, усилили ее, подкормили, укрепили, пока не жила бы только она одна, а я нет. Разве не так?

— Чего ты тогда хочешь? — спросил он, в свою очередь. — Хочешь снова оказаться в Норах, отказаться от всех этих чудес и свободы...

— Нет! — Девушка снова сжала руку в кулак и сильно, до боли, ударила по земле. — Но ты... ты даже не можешь догадаться, каково...

А правда ли это? На мгновение ее снова охватил вливающийся-выливающийся поток смены личностей, как в том забытом храме. Тепло разлилось по телу.

— Иди... — послышался шепот. — Иди... будь единой!

Слишком легко... сдаться было бы слишком легко. Но что дальше? В Симсе жили все страхи жительницы Нор, они отогнали это мягкое тепло. Она больше никогда не будет прежней, но тем более не станет добычей, за которую стоит побороться.

— Засферн поймет. — Голос Торна доносился до нее приглушенно. — Поговори с ним, поговори с любым из его народа. Сопротивляясь, ты отказываешься от защиты, которую они тебе дадут. Кто сбежал с корабля — ты или другая? Что бы ты ни делала теперь, будут верить в ее существование, а не в твое.

Симса понимала, что инопланетник говорит правду. Один из ее врагов погиб. Но что такое один среди множества? Она знает только Куксортал, пока не освободит, не призовет Древнюю. Но жители звезд все разные. Некоторые жаждут богатства и власти, как лорды верхнего города, ведут свои тайные или открытые войны, чтобы добиться преимущества перед другими. Симса не знает, хватит ли у Древней сил сохранить свободу. Она хотела бы... Но чтобы постигнуть всю силу, девушка должна отдать себя, а на это она никак не могла согласиться.

— Значит, будут другие офицеры и другие гриты и среди закатан?

— Я думаю, нет. Они древние, живут гораздо дольше любой другой расы, какую мы встретили в космосе. Для них главное — знания, они хранители истории, они создают и сохраняют историю многих империй, которые захватывали планеты, народов, которые вышли к звездам еще до нашего появления. Однако предтечи — о них остались только отрывочные сведения, в основном догадки. Для Засферна ты будешь сокровищем, которое он сохранил бы ценой собственной жизни — но только если ты захочешь.

— Подумай об этом закатанском лорде, представь его себе...

Ради того, чтобы хоть немного заглянуть в будущее, она решится на это. Симса увидела, как Торн закрыл глаза, почувствовала его мысль. Он сосредоточился со всем умением искателя нового.

Воздух между ними дрогнул, в нем что-то шевельнулось. Симса это скорее почувствовала, чем увидела. И в центре что-то начало материализовываться — мысль Торна? Нет, это снова действовала сила Древней. Вероятно, ей было интересно не меньше, чем Симсе. Ей тоже хотелось узнать, кто послал Торна, кто значит для него так много, что космический путешественник готов рискнуть жизнью на службе.

Туманные очертания словно втягивали в себя вездесущую дымку, они становились все отчетливее.

Гуманоид с человекоподобным телом, руками и ногами, но с явно выраженными отличиями: между пальцами перепонки, а на чешуйчатой круглой голове топорщится кожистый гребень, который чуть покачивается в воздухе, словно он действует как антенна или усилитель мыслей. Внешние очертания напоминают ящера, с зубами, предназначенными для того, чтобы рвать мясо. В темных углублениях головы не видно глаз — или Торн мысленно не представил их себе.

Всего лишь несколько мгновений Симса его видела; потом он исчез, а Торн открыл глаза и громко облегченно выдохнул. Лицо его стало мокрым от пота, оно блестело, словно он плакал.

— Это был Засферн.

Откуда он знает, что она вообще что-то видела? Очевидно, считает, что видела.

— Ты показал мне только внешнюю оболочку. — Симса резко встала. — Я должна подумать. — И несмотря на уверенность, что за ними из зарослей следят невидимые глаза, девушка вышла из пещеры и пошла в сторону основания утеса, думая по пути.

Теперь под деревьями дул ветерок. Он не создавал призраков из прошлого Торна, просто приятно охлаждал тело. Над головой что-то прокричала Засс и села на плечо девушки. Торн и правда верит в свою миссию и в гуманоида-ящера, которому служит. В этом она больше не сомневалась.

Симса пересекла прогалину у основания утеса, прислонилась спиной к стволу дерева и расслабилась. Но мысли продолжали беспокоить ее, как какие-нибудь шипы на окружающих кустах. Разумным ли был ее побег с корабля? С другой стороны, кто знает, какие необычные средства использовали бы, чтобы подчинить ее, лишить самостоятельности? Торн верит в свою правду, но это не ее правда.

Девушка обнаружила, что прислушивается, слегка повернув голову на север. Гудение флиттера! Торн уверен, что его будут искать. Но если не найдут, если обнаружат только затонувшую машину, станут ли они здесь задерживаться? И если корабль улетит с этой планеты...

Безымянные и смутные страхи девушки из Нор отодвинулись на второй план, перед Симсой предстала новая перспектива. Провести остаток жизни в этой долине? Она посмотрела вокруг. Никогда раньше не попадала она в заключение — в Норах она была для этого слишком осторожна. Как бы прочна ни была дверь любой подземной норы, всегда существовали другие пути, их тайна тщательно охранялась. Через один из таких путей они с Торном выбрались на свободу в последнюю ночь в Норах.

Очевидно, здесь тоже должно быть много таких выходов. Но что за ними? Выжженная неровная равнина, камни, среди которых она жить не сможет. Так было на севере и востоке. Оставались юг и запад.

Пытаясь забыть обо всем, Симса встала и пошла дальше. Она решила обойти всю долину по кругу.

Снова увидела она лестницу, по которой они сюда спустились. От нового подъема на вершину утеса де-

вушка сразу отказалась. Там только скалы, хотя дважды им попадались трещины. Они могут вести в пещеры или даже в туннели. Симса постаралась их запомнить и пошла дальше.

Услышав плеск воды, девушка поняла, что добралась до фонтана, который видела во время своего первого посещения долины. Тут же она отметила, что каменная стена долины с этой стороны испещрена множеством выбоин, мелких, но складывавшихся в определенный рисунок. Он тянулся не вертикально, как лестница, а горизонтально. Но углубления были так источены по краям, так пострадали от времени, что Симса не разобрала в них какой-нибудь смысл, хотя была уверена, что это не просто украшение.

Немного впереди утес широкой дугой врезался в саму долину. Здесь рисунок оказался не так стерт, не так изношен. Он состоял из множества одинаковых дыр, просверленных в камне; отверстия располагались группами, разными по количеству и расположению.

Старая Фервар со страстью собирала обрывки древних рукописей, кусочки камня, рисунок на которых можно было принять за надпись. И с самого начала Симса научилась обращать на них внимание в своих поисках; а когда приносила такие своей старой опекунше, получала лучшие куски еды и сладости.

На этих обрывках прошлого попадались самые разные надписи — извивающиеся, без всяких перерывов, линии на куске старого пергамента, слова, вырезанные в камне, иногда разбитые посредине, так что части не хватало. И все это на языках, которые не знала даже Фервар. И теперь Симса исполнилась уверенности, что видит надпись. Надпись настолько важную, что ее с огромным трудом высекли в камне.

Она обогнула выступающий по дуге утес и снова увидела в стене темную дыру с неровными краями. Очевидно, ее вырубили те же руки, что высекли надпись.

А над самым входом не просто нависал камень с отверстиями — над дырой замерло изваяние, почти такое же стертое временем, безымянное, со слепыми глазами. Оно могло служить и приветствием, и предупреждением. Это была треугольная голова одного из обитателей долины, много больше натурального размера, производившая впечатление никогда не спящего часового.

Жестом руки девушка приказала Засс проверить темное отверстие. Но зорсал с жалобным криком отказался. А сама Симса идти туда тоже не хотела. Храм, дворец, тюрьма — здесь могло скрываться все, что угодно, или все вместе в одно и то же время. Дыра нисколько не походила на жилище в центре долины.

Симса принюхалась. Она еще по Куксорталу знала, что в храмах обычно пахнет различными благовониями. Никаких движений, никаких следов, что недавно здесь кто-то был. У самого входа валялась груда пожелтевших прошлогодних листьев.

Симса из рассказов торговцев знала, что все племена ревниво относятся к жилищам своих богов и объектов преклонения. Иногда для иностранца войти в такое помещение без соответствующих церемоний — просто очень неприятный способ самоубийства.

Но несмотря на все эти опасения, другая часть Симсы не позволяла ей уйти, не узнав об этом месте больше. Осторожно, шаг за шагом девушка приблизилась ко входу; под ногами еле слышно зашуршали листья. Симса после каждого шага останавливалась и прислушивалась, поворачивая голову справа налево.

Она выставила жезл перед собой и поглядывала на его рога. Он не нагревался, не начинал светиться. Судя по этим признакам, внутри не должно быть никакой враждебной силы.

Засс беспокойно кричала, сидя на плече у девушки. Но Симса не могла разорвать принуждение, которое вело ее внутрь, через порог темного отверстия.

Широкий вход дальше сужался, как воронка: проход

был сделан так, чтобы существа из долины могли входить только по одному. Симса же, меньше их, шла вперед довольно легко.

В стенах, сомкнувшихся вокруг нее, не попадалось никаких перерывов, никаких дверей в тайные темные пути, как в том холодном туннеле. Зато стены покрывали серии дыр: возможно, это были предупреждения, заклинания, даже гимны, которые следовало петь — или возносить мысленно — какой-то более значительной форме жизни.

Свет, пробивавшийся из долины, скоро исчез. Симсу окружила темнота, и жезл ее тоже не давал освещения. Жалобные крики Засс становились громче. Но четкого предупреждения от зорсала девушка не получала, было только ясно, что Засс не нравится то, что находится впереди. Симса остановилась, постояла, разрываясь между любопытством и благоразумием. А потом открыла свое сознание, как научилась делать с приходом Древней.

Мысли устремились вперед гораздо быстрее, чем она смогла бы побежать. И не встретили ничего. Но какое-то слишком подозрительное ничего! Симса осторожно взвесила это отсутствие мыслей. На корабле и в порту перед отлетом она уже сталкивалась со щитом, закрывающим мысли. Большую часть этих видов защиты Древняя презрительно называла детскими играми. Она ясно дала понять Симсе, что если та захочет, то подобные преграды легко будет преодолеть.

Однако здесь скрывалось что-то другое. И пока Симса думала, почему ей так кажется, ожила Древняя. Ею как будто тоже двигало любопытство. Симса отошла в сторону, не ожидая, пока ее отодвинут, уступая Древней право свободно действовать в своем сознании.

Обрывки картин, причем ни одну девушка не смогла удержать надолго. Здания, места под открытым небом... замки, святилища, церкви, знакомые Древней. В некоторых по-прежнему жила сила, другие забыты и заброшены, сила умерла вместе с существами, поклонявшимися ей.

Какое-то своеобразное покалывание... Да, Симса из Нор оказалась права. Это не просто забытое святилище, здесь что-то ждет. Или его уже не пробудить ото сна? Тишина слишком глубока.

Симса не удивилась, когда вспыхнули концы полумесяцев. Засс неожиданно замолчала, прижалась головой к щеке девушки. И опять, впервые с тех пор, как она устремилась в том зале навстречу слиянию, Симса была заодно с Древней, была не отодвинута в сторону, не просто зритель в собственном теле.

Здесь надписей на стенах появилось гораздо больше, отверстия накладывались одно на другое. И вот Симса вышла из коридора и оказалась в пещере или зале. Огромное пространство скрывалось в темноте, жезл освещал его лишь на несколько шагов.

Как ей не хотелось идти в центр, отказываться от той хрупкой защиты, которую дают стены! Но храбрость Симсы не уступает смелости Древней. И они подошли к краю глубокой ямы, в которой не горел огонь и ничего не двигалось. Вместо света это углубление заполняли складки тьмы. И когда девушка опустила жезл и сама опустилась на колено, чтобы посмотреть получше, в темноте началось какое-то движение, словно внизу поднимался песок под давлением живущих в нем.

— Сар Танслит Грав! — гулко прозвучали слова (или призыв — или приветствие) Древней, так что стены отозвались эхом, которое почему-то становилось не тише, а громче; Симса даже захотела закрыть руками уши, но не смогла. — Сар! — На этот раз раздался приказ, которого невозможно ослушаться.

Движение внизу усилилось. Быстрее завертелись слои тьмы. И прямо из центра этого движущегося не-света высунулся палец густой тьмы. Именно палец, как у нее на руке, с суставами, с заостренным ногтем — но почти такого же размера, как она сама. Он поднимался прямо вверх, а Симса, ожидая, дрожала. Однако никакой руки не появлялось, только палец, который продолжал удлинять-

ся. В воспоминаниях Древней мелькнула картина: такой же палец поднимается над рощей и манит к себе. Симса вздрогнула всем телом, ожидая такого призыва, зная, что, если он прозвучит, она вынуждена будет подчиниться.

Палец начал наклоняться к ним.

Симса повернула голову. Дернулся и развернулся жезл в ее поднятой руке. Палец дрогнул — и исчез. Галлюцинация? Но кто вызвал ее?

И тут, как и тогда, когда мохнатые существа пытались сбить флиттер, девушка начала произносить звуки, ритм которых подхватил и усилил жезл. Он засветился ярче, сияние вначале окружило Симсу, потом заполнило всю яму. В центре ямы застыла тьма — но лишь на мгновение. Звуки становились все громче, свет — ярче, и тьма в каменной чаше снова начала подниматься. Что-то принуждало ее, что-то такое, чего Симса не понимала. Как будто звук мог сделать то, чего можно достичь, как считала Симса, только силой рук и тела.

Снова ее губами Древняя воскликнула:

— Сар... сар... Грав!

Что-то прорвало поверхность темного бассейна. Не гигантский палец, который может раздавить, ударив о камень. Медленно, неохотно поднималась неопределенная масса, издававшая зловоние. Но это была не вонь органического разложения — Симса помнила такой запах в порту, где стояли плохо функционирующие машины. Жители Куксортала не умели управлять ими.

Масса приблизилась к краю ямы, тьма выталкивала ее. И вот она устремилась вперед, так что Симсе пришлось отскочить от набежавшей волны. И волна ушла назад, оставив на камне то, что принесла с собой. Древняя снова вышла на первый план, наклонилась, приблизила светящийся жезл к черной слизи.

Последовала вспышка. Огонь, настоящий огонь охватил истекающую слизью массу, поднялся зловонный дым, он обжигал легкие, и от него слезились глаза.

Глава 12

Сначала огонь горел ярко, но совсем скоро среди пламени появились темные пятна с алыми краями; огонь пожрал все, что мог, и постепенно умирал. Под слизью скрывался чудной предмет — не машина, какие она видела у инопланетников, да и в Куксортале ничего такого она не встречала. Симсе открылась какая-то странная мешанина пластин и распорок — каркас, остов, но, конечно же, не живого существа.

Механизм был явно сделан чьими-то руками, а не создан природой, Симса готова была в этом поклясться, хотя и не могла сказать, что это такое. Во все стороны полетели кусочки сажи, когда машина сама собой встряхнулась, сбрасывая остатки грязи.

— Ятафер... — Имя произнесла не Симса из Нор, хотя выговорили его губы девушки. И как всегда с Древней, это была только часть загадки. Она с удивлением разглядывала почерневшую машину, и прошло некоторое время прежде чем к Симсе вдруг пришло понимание. Это же огромные крылья планера! Девушка как наяву увидела: он парит в небе, а само небо не затянуто дымкой, как сейчас, небо ясное и слегка золотистое. Тот, кто летел на этих крыльях, кругами поднимался в верхние слои атмосферы, он...

Воспоминания вихрем обрушились на Симсу. Нет, мгновение назад она произнесла не имя обладателя крыльев. Это было название того, что он делал, — полета по ветру, свободы от притяжения земли, парения по воле бури. Пилот же звался...

— Шридан...

Да! Это его имя, но куда же делся пилот? И как крылья Ятафера оказались на этой планете голых скал и движущегося песка?

Застывшая тьма, которая раньше заполняла яму, ушла. Симса заглянула в глубину, где ничего не двигалось. Когда-то это принадлежало ее народу. Почему оно поднялось к ней? Еще одно проявление силы жезла?

Когда отпал пепел, показался тусклый металл. Корпус не был поврежден, как и крылья, сложенные одно поверх другого, как следует по обычаю пилотов Ят.

Симса обогнула машину и направила жезл вниз, откуда та появилась. Эта не обман зрения и не галлюцинация. Девушка протянула руки, смахнула пепел с крыла и ощутила твердую поверхность металла. Что же еще может лежать там? Симса была уверена, что там нет того, кто летал на Ятафере. Или если и был, то жизнь давно покинула его. Но она хотела убедиться — она была обязана проверить! Возбуждение, словно хлыст, обжигающий плечи, тянуло девушку к новым открытиям.

Сосредоточившись, Симса призвала все, что могло находиться внизу, все, что сделано руками. Но в ответ ничего не шевельнулось в темноте, хотя свет жезла стал ярче. Девушка вливала в него всю энергию, какую могла призвать, теперь энергии в нем было не меньше, чем когда она вместе с пророчицей долины вызывала бурю. Края ямы ярко осветились, а дальше царила тьма, которая поглощала любой свет. Либо тьма слишком сильна и способна удержать любую добычу, либо там больше ничего нет.

Наконец Симса поняла, что зря тратит энергию. Она перестала сосредоточиваться, ослабила контроль и повернулась к машине, появившейся так неожиданно и странно. Сунув жезл за пояс, девушка ухватила обеими руками сложенное крыло и слегка потянула. Не оказав почти никакого сопротивления, крылья легко сдвинулись с места. Но не развалились, как она ожидала. И вот, толкая машину перед собой, стряхивая по дороге пепел, Симса направилась к выходу.

Ее народ... но тут ожила Симса из Нор. Нет, не ее народ, а народ Древней, должно быть, побывав здесь в далеком прошлом, оставил эту машину. Но зачем они сюда приходили? Девушка была уверена, что не на этой планете они выросли. Что могла бы рассказать об этом Большая Память?

Древней так много требовалось узнать. Она кое-что уже узнала от звездных бродяг этих дней, но всегда действовала осторожно, стараясь не раскрыться. На Куксортале она была в изгнании. Неужели здесь ждет воплощения другой изгнанник ее племени? Узнать — она должна узнать.

Вытащив давно спрятанный летательный аппарат на открытое место, девушка обнаружила, что она больше не одна. Рядом со входом сидело полосатое существо, которое было... да, это Большая Память, обновленная в яйце, готовая снова служить своему народу. По обе стороны от нее стояли две рослые самки, негромко пощелкивая когтями свободных верхних конечностей.

А позади них стоял Торн, его широко разведенные руки держали в когтях два существа. И хотя человек не может понять выражения этих больших фасеточных глаз, Симса поняла, что Торн в опасности. Но она не остановилась — та, что жила в ней, не позволила. Выйдя из отверстия, Симса вытащила и машину. Свет ударил в рисунок на крыльях — в голубую спираль из сверкающих звезд. Казалось, картине не требовались лучи солнца, чтобы породить великолепный блеск.

«Что... ты... достала... из Бассейна Забвения?» — в сознании отразился вопрос Большой Памяти.

«То, что принадлежало моему народу, — ответила Симса. — Как оно оказалось здесь?»

Задавая вопрос, девушка мысленно преодолевала плотно закрытую дверь. Синий цвет... яркие, как бриллианты, звезды... это имело определенное значение... что... как... кто?

Большая Память по-прежнему на четвереньках сделала шаг вперед. Голова ее повернулась под острым углом, так что она смогла сосредоточить взгляд на девушке, заглянуть ей в глаза. Симса ощутила давление, как будто Большая Память сжала ее, выдавливая то, что ей нужно было узнать.

«Ты побеспокоила Место Забвения, — это прозвучало свирепым обвинением. — Почему?»

«А ты сама зачем обновляешь память, рожденная из яйца? — ответила девушка. — Меня привело сюда... — она не хотела знать, насколько это справедливо, но подозревала многое, — желание узнать, что принадлежит мне и моему народу. А теперь, по твоим собственным правилам, Большая Память, я требую: расскажи мне об этой вещи. Кто летал на ней, куда, когда — и почему?»

Наступила тишина. Затем последовало:

«Твоя сила настроена на бассейн, иначе он не отдал бы тебе это. Назад, в далекое прошлое, сестра по яйцу, уходит это воспоминание. Когда-то здесь побывали похожие на тебя. И когда-то вся планета была как эта долина, пока на нее не обрушилась смерть».

Симса застыла. Из пещеры словно подул ледяной ветер, мгновенно охватив ее.

«Какая смерть?» — спросила девушка, боясь ответа. Неужели те, кто воспитал ее, сражались с этими? Что тогда может их связывать, кроме вражды?

«Смерть пришла от ветра и закрыла глаз дня. Она убила всех живущих на планете. Только в местах, где выдержала древняя защита, осталась жизнь, но многие яйца и там погибли. Марсу была тогда Великой Памятью, и прожила она еще десять поворотов яйца, потому что после того, как закрылся глаз, долго не рождались новые. Потом была Кубат, но память ее была меньше, и лишь потому, что Марсу больше не могла откладывать яйца. Кубат, самая многообещающая из всех, прошла первое превращение. Пять поворотов яйца была она Великой Памятью. А после нее были многие, многие...» — и, щелкая когтями, Тшалфт принялась перечислять имена, которые даже ее память с трудом нанизывала на нить. — «А проклятие с неба так и не прошло. Только здесь его нет. Так это было».

«Эти, с неба... — спросила Симса. — Они моей крови?»

«Нет. — Девушка была готова услышать противоположное и потому облегченно вздохнула. — Такие, как ты, пытались помочь, когда пришла смерть. И смерть косила

и их тоже. Только один добрался до этого убежища силы, и со временем он ушел в великий сон, и никто не смог нам сказать, как создать его яйцо, чтобы он возродился снова. И тогда мы отнесли это, — она когтем указала на крылья, — в Бассейн Забвения, в котором содержится все, что не попадает в память. Мы не умеем пользоваться этой вещью, а бесполезные воспоминания следует забывать».

«А откуда пришел тот, кто мог летать, и другие с ним?»

Ожидаемый ответ прозвучал ясно:

«Тоже с неба. Но они не несли смерть. Они ценили жизнь в любой форме — не то что те, которые принесли смерть. Давно это было, очень малая память, и с каждым новым рождением яйца она слабеет».

«А какие они были, те, что принесли смерть?»

Большая Память слегка покачнулась, когтем указала в строну Торна.

«Я просмотрела Большую Память и меньшие, старые и новые. Вот этот похож на тех, что принесли смерть».

«Он может быть похож, — возразила Симса, — но все они исчезли давно. Этот из нового народа — народа, который как личинка, только что из яйца. Он не ваш враг».

«В Памяти есть такие, как он», — упрямо повторила Большая Память. Ее мысль набирала силу, и Симса ощутила ее непреодолимую волю, которая проносит память через сон и обновление, чтобы служить остальным.

«Память состоит из двух частей, — медленно сказала Симса. — Есть память, которая показывает внешность, но есть и внутренняя память. Ее нельзя увидеть, можно только испытать. Возможно, он похож на ваших древних врагов, но он не из них, он им не родич».

Трудно было судить, как Большая Память восприняла ее слова. Ведь выражение ее лица понять невозможно. И Симса добавила, как она надеялась, новое доказательство невиновности Торна.

«Он нашел меня в яйце, можно сказать, в другом мире и помог высвободиться. Разве стал бы он это делать, если бы был из тех, что уничтожили ваш мир?»

Большая Память не отвечала долго, слишком долго. И как в прошлый раз, когда они стояли в долине — Симса и та, что владеет странными силами, — на северо-востоке в небе послышался звук: слабый, но безошибочный, звук флиттера.

Торн, должно быть, первыми его услышал. Он поднял голову, осматривая дымку.

«Снова они ищут. — На этот раз первой нарушила молчание одна из стражниц. И указала мордой со жвалами на утес. — Он зовет, и они приходят!»

— Ты установил сигнал? — Впервые Симса обратилась непосредственно к Торну. — Он может привести их сюда?

Инопланетник покачал головой:

— Сигнал подает флиттер. Когда мы разбились, он включился. Он их и ведет.

Симса подняла руку, и Засс, которая спустилась из дымки ей на плечо, перешла на запястье. Симса посмотрела в хищные глаза.

«Следи... следи... незаметно...» — передала она приказ.

Зорсал взмахнул крыльями и хрипло закричал, потом подпрыгнул и затерялся в дымке, где Симса не могла его разглядеть. Девушка посмотрела на Большую Память.

«Они ищут флиттер и, может, найдут его, но на скалах не остается следов. И сюда они не придут».

«Не придут. — Ответ Большой Памяти прозвучал решительно. — А если будут искать слишком упорно, то найдут».

Она чуть повернула голову, и Симса поняла так ясно, словно ей это прокричали, что ответом на такой поиск будет Торн. Его тело не выдаст долину.

Девушка быстро скользнула мимо Большой Памяти. Жезл устремился в сторону когтей, которые держали руки Торна, сначала одних, потом других, и существа разжали свои клещи, их конечности бессильно повисли.

Симсе не потребовалось ничего говорить. Торн тут же отпрыгнул и оказался рядом с девушкой. Инстинктивно руки его искали оружие.

— Нет! — резко сказала она. — У них есть причины опасаться твоего племени. Докажи свое миролюбие, и у тебя появится шанс.

И, словно торгуясь, мысленно обратилась к Большой Памяти:

«У меня тоже спор с теми, кого ты слышишь. Но этот не из их числа...»

«Он пришел с ними!» — немедленно прервали ее.

«Да, но он был им подчинен. Теперь он от них освободился и больше не хочет их общества».

Симса импровизировала. Повернув голову, она обратилась прямо к Торну.

— Они уничтожат тех, кто ищет тебя. В прошлом гуманоидная раса превратила их планету в то, что ты видишь. А мой народ — они говорят, что он тоже побывал здесь, но по другой причине, — тоже погиб. Ты должен быть для своих мертв — если хочешь жить, — и девушка мрачно улыбнулась.

Торн потер запястье пальцами другой руки.

— Если они меня не найдут... — медленно начал он на торговом языке, потом продолжил: — Да, возможно. Если они найдут флиттер, а меня в нем не будет, они могут поверить, что меня... — Рот мужчины исказился в отвращении, и Симса поняла, о чем он подумал: существа со щупальцами пожирают все, что посылает им судьба. Они, несомненно, убийцы и хищники. — Да, если они решат, что я мертв, как Грита, они поднимут корабль и... — Инопланетник прямо посмотрел на Симсу.

— И ты останешься, — прервала его Симса. — Скоро ли они улетят?

Он пожал плечами:

— Их больше здесь ничего не задержит. Тебя они тоже считают мертвой — увидев тех, кто охотится в здешних песчаных ловушках.

Симса осмотрелась. Ей не нужен был мысленный

контакт, чтобы понять, что жители долины ничем ей не помогут, разве что предоставят убежище. Провести остаток жизни на этой пустынной планете, где жизнь сохраняется только в небольшой чаше... Она не хотела этого. А насколько труднее такая участь для космического бродяги, который всю жизнь посвятил звездам?

— Может быть... — Девушка вынуждена была пойти на это. Он оказался здесь по ее вине, и она больше не верила, что он желал ей зла. — Может, тебя найдут...

«Мертвым!» — Слово прозвучало в ее сознании, и Симса поняла, что Большая Память заглянула в ее мозг и увидела, что кроется за словами.

«Нет!»

С концов жезла срывались небольшие искры. Сражаться — нет. Она не хочет никого убирать со своего пути, кроме тех безмозглых существ, что выбираются из песка. Но на стороне жителей долины право.

«Нет! — твердо повторила она. — Можно ли изменить память? Или это не в твоих силах, Большая?»

Она ощутила изумление, почти отвращение. Изменить память означает предать все, во что верит это существо, что оно должно сохранять.

«Ты это сделаешь?» — В вопросе, обращенном к Симсе, звучала явная антипатия.

— Я могу заставить видеть то, чего не было... Девушка держала стержень в вытянутых руках. — Смотрите! — Она указала на большой камень между двумя деревьями. Симса сосредоточилась, сузила взгляд и мысль, как нечто материальное. На камне появилось желтое песчаное чудовище.

С громким мяукающим криком одна из стражниц бросилась на привидение, но Симса убрала его. Когти оцарапали голый камень. От отвратительного пришельца ничего не осталось.

«Так играть запрещено», — сказала Большая Память.

«Я не играю... просто показала, что могу сделать. Людей можно обмануть, внушить им, что они видели».

«Запрещено!»

«Тебе, не мне, — ответила Симса. — Позвольте мне отвести космонавта поближе к его людям. Я помещу в его сознание ложную память и уйду».

«Но у тебя-то сохранится подлинная память. А если ее прочтут?»

Древняя в теле Симсы гордо выпрямилась.

«Они дети, когда дело идет о силах мозга и памяти, Большая. Неужели ты думаешь, что они смогут взять у меня мысль, которую я не захочу отдать?»

«А что мы знаем о тебе?» — Большая Память была далеко не убеждена.

«Что я помогла. Спроси у своей певицы бури, что я сотворила вместе с ней. Те, кто так работает, не могут скрывать злые мысли и показывать только добрые. Я клянусь этим... — девушка выше подняла жезл. Теперь с его рогов срывались длинные голубые искры и, как насекомые, взвивались в воздух. — Клянусь, что не желаю ни тебе, ни твоему народу зла... Клянусь, что моя память будет закрыта, пока я нахожусь с человеком со звезд... и что когда он окажется среди своих, то позабудет все. Сохранит только то, что я ему оставлю».

Снова послышался звук флиттера, на этот раз ближе, громче. Он не кружил, как первый. Из дымки появилась Засс и снова села на плечо Симсы.

«Летающая вещь... плохой песок... близко...» — прочла Симса в мозгу зорсала.

«Они снижаются к мосту, где разбился флиттер, — сообщила девушка Большой Памяти. — У нас мало времени. Могу ли я сделать намеченное, или ты свяжешь его по-другому? И он оставит за собой злую память — память смерти вместо жизни?»

Большая Память съежилась, щелкнули ее когти. Она прервала контакт с Симсой, и девушка стояла, держа жезл наготове. Защищать Торна — как бы она хотела, чтобы ей не потребовалось делать это. Она верила, что инопланетник не участвовал в планах других, не хотел ей зла.

— Твой флиттер, — сказала она Торну, — снижается к песчаной ловушке. Я думаю, они вооружены...

— Да. Что ты собираешься делать?

— Верну тебя им, — сразу ответила она.

— А ты?

— Выбор за мной. Среди твоих я не встретила дружелюбного приема и не хочу продолжать путешествие с ними.

— Но ты же не можешь оставаться здесь! — Он огляделся. — У тебя не будет другой возможности покинуть планету.

Симса посмотрела на крылатую машину, ответившую на ее зов. Тот, кто когда-то летал на ней над голыми скалами, не смог уйти из ловушки. Да, это ловушка, но Симса с нею справится. Ловушки соплеменников Торна гораздо опаснее.

— Ты ничего не знаешь об этой планете, — уклончиво сказка девушка. — Что ты на ней видел? Лишь небольшую часть. — Она держала жезл между ними: искры полетели в его направлении, они вращались все быстрее и быстрее, превращаясь в огненный круг. Она видела, как его охватил страх, тело подавало сигналы опасности. Но он успел только слегка вздернуть голову.

И застыл, неподвижный, как статуя, а Симса начала свою работу. Снова флиттер садится на болото из булькающего песка. Но на этот раз не усилия девушки вырвали Торна из тонущей машины — он сам, собственными усилиями выпрыгнул на камень. Он бродил, сражался с существами-пузырями, но Симса во всем этом не участвовала. Она накладывала ложную память чрезвычайно тщательно. Он не приходил в долину, не видел тех, кто живет в ней. Напротив, нашел убежище в скалах и там сумел отразить два нападения песчаных существ.

Древняя работала искусно, и Симса ощутила страх перед этим искусством. Она преисполнилась уверенности, что не впервые та, что живет в ее теле, проделывает такую трансформацию: превращает то, чего не было, в то,

что ей нужно. Неужели когда-нибудь она займется Симсой, сотрет у нее всю память о Норах — о реальной девушке, какой она была? Этого она всегда боялась больше всего после первого возбуждения от встречи с Древней. Она, возможно, до последней пряди серебристых волос напоминает Древнюю, но она не Древняя — еще нет.

Торн стоял неподвижно, глядя прямо перед собой. Она знала, что видит мужчина: не долину, а скалистое плато, и только его сохранит он в памяти.

«Ты изменила его память». — Большая Память еще дальше отодвинулась от нее.

«Я спасла ему жизнь, — ответила девушка. — Но нужно сделать и еще кое-что».

И она вызвала в его сознании другую яркую картину: на голой скале, сразу под тем местом, где он укрылся, лежит разбитое тело. Торн отчаянно пытается дотянуться до него, отогнать песчаных существ, но они тащат тело в песок, и оно исчезает, черная кожа и серебристые волосы навсегда уходят. Чтобы удовлетворить жителей долины и прекратить все вопросы, Симса внушила Торну видение своей смерти.

Глава 13

Торн ошеломленно переживал события ложной памяти, пока Симса и две стражницы отводили его на верх лестницы, спускали с утеса и проводили по грубой дамбе из упавших камней.

Потом Симса долго смотрела, как он, спотыкаясь, уходит по каменной равнине. Между инопланетником и нею сгущалась дымка. Те, кто его найдет, больше не будут искать — тем более когда услышат его рассказ. Мужчина уже превратился в темную тень, но она продолжала смотреть ему вслед.

По представлениям жителей долины, она поступила неверно. Девушка не позволяла себе думать о будущем.

Она станет изгнанницей на этой сожженной планете, как когда-то тот, что летал в небе в давние дни. Смогут ли эти крылья поднять ее, и, если смогут, решится ли она взмыть в небо, когда улетит флиттер, звук которого становился все громче и громче? Спустилась Засс и села на плечо девушки, но Симсе не нужно было сообщать, что помощь Торну уже близка.

Туман искажал, но не мог совершенно скрыть фигуру человека на каменистой вершине за скалами. Из дымки вертикально спустился флиттер, кто-то быстро откинул дверцу кабины и выпрыгнул навстречу ожидающему космонавту. Они были слишком далеко, чтобы Симса смогла услышать, что рассказывает Торн. Выдержит ли наложенная ложная память? Симса напряженно ждала, почти ожидая, что они повернут в ее направлении. Но они не повернули. Чуть погодя Торн с помощью пилота сел во флиттер. Машина с шумом поднялась.

Флиттер давно уже поглотила дымка, но Симса все еще ждала, прислушиваясь, говоря себе, что она сделала лучшее для всех них. Девушке было не важно, утратит ли она расположение жителей долины. Пока они вроде бы не собирались изгонять ее из убежища, так что воды и пищи у нее должно быть достаточно.

Симса погладила Засс, мягкое прикосновение головы к щеке успокаивало. У нее осталась только Засс. На мгновение девушка заколебалась. Можно ли сделать это, изменить по своей воле собственную память? Стереть все прошлое, которое будет тревожить ее и не даст удовлетвориться этой чашей, в которой ей предстоит провести остаток жизни?

Что-то в ней — не Древняя — говорило, что она сделала неверный выбор, что ее место не здесь, какими бы подозрительными ни казались ей мотивы поступков спутников Торна. Древняя? Нет, Симса не могла вступить с нею в контакт. Страх перед нынешней тюрьмой принадлежит исключительно реальной Симсе, но она не должна ему поддаваться.

Вернувшись в долину, девушка пошла в пещеру, в которой они с Торном нашли убежище. Свернувшись на его постели, она попыталась уснуть. Сон пришел к ней. Последнее, что она помнила, было теплое тело зорсала, прижавшееся к ее груди, и успокоительная колыбельная Засс...

Симсе, должно быть, снились сны, но она не просыпалась. Рукой она так тесно прижала к себе Засс, что зорсал протестующе клюнул ее. Все ее тело покрылось потом, она тяжело дышла, словно бежала изо всех сил, спасаясь от страшной опасности.

Во рту пересохло, как будто она часами звала на помощь. Помощь от кого? И почему? Симса не верила, что ей грозит опасность со стороны жителей долины. Но Фервар часто повторяла беззаботной девочке старую мудрость. Если используешь силу во зло, она ударит по тебе стократно. Но ведь она не хотела зла Торну, хотела только обеспечить его безопасность!

Симса облизнула сухие губы. За узким входом в пещеру стояла светлая дымка дня. Как же легко утрачивается ощущение времени, когда его не измеряют ни ночь, ни восход солнца. Она могла проспать много часов: оцепенелость тела свидетельствовала, что действительно прошло немало времени.

Засс улетела, несомненно, охотиться. Девушка и сама ощутила голод, словно нож в животе. Поэтому Симса поспешила выползти из своего убежища, встала и осмотрелась.

Неподалеку с невысокого, ростом с нее, дерева свисали пурпурные плоды. Девушка пошла туда, не думая о том, можно ли есть эти чужеземные плоды. Она сорвала спелый, хорошо пахнущий плод с ветки и съела его. Сладкий и чуть терпкий сок плода смочил пересохшее горло. Съев с полдесятка таких плодов, она отправилась на поиски бассейна.

Там оказались три обитателя долины, они набирали воду в кувшины. При ее появлении они только раз по-

смотрели на нее, а потом упорно отводили взгляд, ясно давая понять, что не желают общаться с ней. Симса подождала, пока они уйдут, потом встала на колени и, прежде чем напиться, вымыла липкие руки. И опять вода оживила ее.

Закончив, она пошла к зданию, находящемуся в центре долины. Дважды еще девушке встречались мохнатые существа на тропах, и оба раза ей приходилось торопливо сходить с дороги, потому что те совершенно очевидно не хотели уступать путь. Она словно на самом деле превратилась в иллюзию, одну из тех, что создала в каюте корабля, чтобы обмануть наблюдавших за ней.

Ее не видели настолько явно, что Симса ущипнула себя, захотев удостовериться, что это не сон, пусть и весьма реальный. Она никогда раньше не ела и не пила во сне, но это ни о чем не говорит. Может, она, как Торн, бредит. Нет, это была глупая мысль: она жива и не спит. Но то, что ее не замечают, — тревожный сигнал. Он предвещает неприятности — скорее всего, из-за того, что она сделала с Торном.

Память для жителей долины значит очень много — так много, что они специально выращивают и обучают ее хранителей. Навязать ложную память тому, кто не может сопротивляться... да, в их глазах это хуже, чем просто убить пленника. Но она сделала это не только ради него, но и ради них. Не хотят же они, чтобы тут появились такие, как офицер и Грита, жадные до чужих тайн. Теперь, после ложного рассказа Торна, корабль улетит, никаких новых исследований не будет. Долина в безопасности.

«Нет!»

Симса развернулась лицом к колючему кусту сбоку от тропы и только тогда поняла, что слово это прозвучало в ее сознании. А судя по силе мысли, оно принадлежало Большой Памяти или той, кто с помощью Древней вызвал бурю.

Симса нашла проход в колючих кустах и вышла на новую поляну: ни бассейна, ни осколков разбитой яич-

ной скорлупы. Только четыре существа. Большая Память, опиравшаяся на сжатые в кулаки когти, сидела вертикально, рядом с ней — жрица или предводительница, вызвавшая бурю. Именно она сделала резкий жест передней конечностью, и Симса, скрестив ноги, села перед ними.

«Они ушли... вернулись на корабль... улетели в небо, которое прислало их. — Мысль предводительницы звучала энергично. — Но ты осталась и, судя по памяти того, о ком ты заботилась, это тебе трудно. Зачем ты это сделала?»

«Чтобы он и остальные сделали то, что они сделали: покинули эту планету и больше не искали. Теперь он считает меня мертвой».

«Как ты и показала ему... — вступила в разговор Большая Память. — Но почему?»

«Разве я не говорила? Среди них есть враги. — Симсу удивил этот вопрос. — Считая меня мертвой, они не будут искать, покинут эту планету. Разве ты не этого хотела, Большая Память?»

Тяжело опираясь на левую переднюю конечность, Большая Память когтями другой начертила на глиняной пластинке перед собой несколько извилистых линий, похожих на переплетенные кольца. Между ними она сделала несколько отверстий, глубоко втыкая коготь в глину. Закончив, она почти торжествующе посмотрела на Симсу — конечно, если можно представить себе выражение на таком лице.

Все четверо молча ждали. Несомненно, они ждали ответа от девушки, а она не знала даже вопроса. Может, эти линии и отверстия — надпись? Но если так, она все равно не могла прочесть их, и не было смысла делать вид, что может.

Симса концом своего жезла указала на линии.

«Я не понимаю их значения», — медленно подумала она, надеясь, что ей поверят.

Но жезл уже повернулся в руках девушки с силой,

которой она не могла сопротивляться, и что-то добавил к записи. А в голове у нее...

— Хав бу, сан горл... — Слова не только прозвучали в ее сознании, она произносила их вслух. Древняя знала. Это вызов, состязание ума и памяти, что-то такое, что происходило давным-давно, но не было забыто. Жезл принял участие в своего рода игре, и ставки в ней высоки: жизнь или смерть. И игра эта была придумана не жителями долины. Кто он был, этот затерянный, летавший в воздухе, который жил здесь, пока не кончились его годы?

На мгновение девушка увидела его: черная кожа, грива серебристых волос, сверкающие драгоценности. Вокруг двоих толпится множество, а эти двое играют, и ставка у них: осуждение одного, изгнание другого. Смертоносная схватка. А она участвовала в ней с ослабленным сознанием.

Но она же не одна, их две. Причем одна из двойняшек бессильна, она пленница и не может участвовать в игре, только следить. Играли летавший и кто-то еще — лицо этого другого она не смогла ясно увидеть, оно расплывалось, словно бесчисленные годы стерли его, как ветер стирает резьбу даже на самом твердом камне. Да, игрок и пилот — это его мысли и стремления услышала она в мгновение отчаяния.

Изгнание. Такова ставка проигравшего. А выигрыш? Изменение — изменение, которого он не может себе позволить. Это был какой-то вихрь теней, которого Симса не понимала. Сознание против сознания, отчаяние против торжества. Как память Торна была изменена и он должен был играть в ее игру, так и тот, другой, был побежден и должен был действовать не за себя. Знание — это сила, а сила — цель любого живого существа.

Неверно! Совершенно неверно — кричало что-то в плененной Симсе. Она знала силу полуварварских лордов Куксортала и противостояла им. Затем Симса сталкивалась с бесконечно большой силой людей с кос-

мического корабля, а здесь — здесь, в долине, — она познала силу, которую посмела привлечь, чтобы перевести жизнь Торна с одной тропы на другую. Сила, всегда сила! И Симса начала бороться, хотя заранее знала, что проиграет. Древняя явно проснулась и ждала в засаде. Она-то всегда играет успешно. И явно не собиралась сейчас уходить.

Девушка словно разрывалась, она сделала невероятное усилие: наблюдавшая за борьбой Симса и не подумала бы, что такое усилие возможно. И вот она больше не выигравший, а тот, с крыльями. Его заполняло пламя — пламя отчаяния и необходимости. Только один взгляд на эту древнюю схватку был позволен ей, а потом...

Тьма... хотя она знала, что не спит и не бродит в мире иллюзий. Она испытывала боль от того, что ее приковывали к камню, калеча тело. И корабль — не тот, на котором она летела и с которого сбежала, у этого другие очертания, — корабль, затерянный во времени, поднимался с этой планеты, как сделают Торн и его спасители — если уже не сделали. А она остается одна. Когда корабль улетит, она останется одна. Чего же она добилась? Обрекла себя, но ничего не дала и тем, ради кого сражалась. Ей хотелось, чтобы тьма совсем поглотила ее, чтобы она знала, что все в прошлом. Она должна жить и умереть, как тот небесный всадник.

Должно быть, во сне она перешла из далекого прошлого в настоящее. Потому что, сражаясь с тьмой, пришла в себя в той же мелкой пещере, в которой они с Торном нашли убежище. Девушка долго не шевелилась, лежала, глядя на неровный камень над головой, размышляя над тем, что видела, над его значением. Время. У нее теперь достаточно времени, чтобы подумать о том, что она сделала. И не один раз подумать, и не два, пока медленно поворачивается колесо лет. Неужели она на самом деле стала свидетельницей последней схватки пилота с кем-то из его народа? Тот, кто создает ложную память, уже не доверяет собственной.

Симса вышла из пещеры и посмотрела на долину жизни в центре опустошения. Она всегда гордилась своей самостоятельностью: с тех пор как научилась ходить и говорить, она постоянно добивалась полной независимости. Да, она жила с Фервар, но старуха относилась к ней с легким интересом, после того как побоями и уговорами заставила отчаянно независимую девчонку жить в соответствии с правилами, которые обеспечивают безопасность в Куксортале. За последние десять или чуть больше лет Симса привыкла считать себя свободной. Ее никто не мог ни к чему принудить.

Теперь она стала еще свободнее, потому что на этой ненаселенной планете нет никого, кто стал бы заставлять ее. Жители долины — совсем другое дело, она ничего от них не ждет, кроме, может быть, пищи, воды и каменной крыши над головой. У нее есть Засс, правда, хоть зорсалы и живут долго, Симса наверняка переживет ее здесь.

Однако — девушка выпрямилась, губы ее сжались в узкую линию — однако она вовсе не обязана оставаться здесь, высыхать в бездеятельности. Что она видела на этой планете? Каменистую равнину с трещинами и песчаными реками да эту долину! Но это же далеко не вся планета, а лишь малая ее часть! Ничто не мешает ей набрать припасов и уйти отсюда, отправиться путешествовать. Что привело сюда первый корабль, корабль с пилотом? У нее сложилось впечатление — и это не зависело от Древней, — что тому была причина. Не незапланированный случайный прилет, как ее собственный. И изгнанник не бежал, его не преследовали, как ее. Поэтому нужно выяснить, что привело его сюда, хотя время могло стереть все следы.

Симса из Нор всегда ощущала потребность действовать. Да и в мыслях Древней чувствовалась та же потребность. Девушка испытала прилив энергии, словно та, другая ее часть была согласна с ней, нетерпеливо подталкивала ее.

Светало. Ее «сон» продолжался, должно быть, много часов. Симса направилась к опушке зарослей.

Сколько в ней сейчас памятей? Девушка попыталась унять дрожь рук. Откуда она знает, что если сорвать с ветки эти два веслообразных листа и прижать их края друг к другу, то получится сосуд, достаточно прочный, чтобы нести в нем воду? Руки ее занялись работой, а сознание осторожно обратилось к Древней. Какое-то пятно... Нет! Достаточно с нее двух личностей! Она не хотела еще и третьей — личности пилота!

Однако, набрав воды в два импровизированных сосуда и отобрав не слишком спелые фрукты, девушка почувствовала себя свободной. На востоке течет песчаная река по каменной равнине, с которой она пришла. На протяжении всего пути она видела только голые скалы опаленной планеты. Восток отпадает. Значит, запад? Это направление имело еще одно преимущество. Двигаясь на запад, она еще больше удалится от места посадки спасательной шлюпки и, очевидно, корабля Торна.

Направляясь к лестнице в утесах, Симса свистнула. Тут же появилась Засс и закружилась над головой девушки, хрипло жалуясь, не соглашаясь с ее намерениями. Но зорсал не попытался остаться в долине. Симса снова поднялась по лестнице. Этот пилот... у него не было даже общества Засс. Так что она не в таком ужасном положении. Решительно убрав его из сознания, девушка зашагала по гребню хребта в сторону от долины.

Дымка по утрам всегда бывала плотнее, и, глянув вниз, прежде чем уйти, девушка с трудом различала вершины самых высоких деревьев. У жителей долины надежная защита от обнаружения. Посмотрев же вперед, Симса почти ничего не смогла различить. Но все же нашла осыпь, по которой можно было спуститься.

Здесь тоже текла песчаная река, но в одном месте она была очень узкая. Скалистые берега сближались, и Симса легко перепрыгнула поток. Перебравшись через реку, она постояла, осматриваясь, и вскоре нашла приме-

ту, по которой сможет вернуться в долину. Словно сама ее мысль сдвинула эти утесы. Но следовало подумать и о том, что в дымке можно потерять даже надежный ориентир. Симса покопалась в осыпи и набрала булыжников желтого цвета. Некоторые разбились при падении, и на сколотых поверхностях блестели яркие вкрапления. Такие она отбирала в первую очередь.

Двигаясь прямо на неведомый запад от долины, Симса оставляла за собой цепь таких булыжников, по одному через каждые двадцать шагов. Дымка расходилась, она как будто поднималась на обычную свою высоту над равниной. Девушка хорошо видела местность и легко избегала опасных трещин. Хотя воздух заметно потеплел, а камни под ногами стали даже горячие, солнца все равно не было видно.

Время от времени Засс поднималась в воздух и улетала, но потом возвращалась и с жалобами усаживалась на исцарапанное плечо Симсы. Время отмечать было невозможно, однообразная равнина казалась бесконечной. Песчаных рек больше не встретилось, и даже трещин становилось меньше, да и сами они измельчали.

Внимание Симсы привлекла жила красновато-желтого цвета. Она подумала, что неплохо было бы набрать еще цветных камней, чтобы обозначать свой путь. Ее запасы подходили к концу. Но, подойдя ближе, девушка поняла, что это не камень, а, по-видимому, растение: из плотных лиственных розеток, прижатых к камню, поднимались стебли, и на стеблях пламенели ярко-красные бутоны. Наверное, их можно было бы назвать цветами, хотя нераскрытые бутоны походили на плотно свернутые цилиндры.

Кроме растения, здесь обитали и насекомые, летавшие над цветами, разворачивая язычки, почти такие же длинные, как все тело, и погружая их в бутоны. Засс с интересом закричала, но потом решила, что насекомые слишком малы и как добыча невыгодны.

Между скалами попадалось все больше и больше полосок растительности, а сами скалы постепенно подни-

мались — пологий подъем не требовал больших усилий при ходьбе. При появлении девушки насекомые разлетались на больших, почти невидимых крыльях, потом возвращались на прежнее место. Появился и другой тип растительности на плоских камнях: как существа из песчаных рек, эти растения были смертельно опасны для насекомых — они выбрасывали длинные стебли, усаженные шипами. Симса старалась уклониться от их ищущих когтей. Однако не все путники оказывались такими удачливыми: Симса увидела на земле белый шар; пытаясь уклониться от хищного растения, она задела этот шар, и тот покатился — стали видны пустые глазницы в черепе. Но никаких животных Симса пока еще не встречала. Эти останки жертвы заставили ее тщательнее приглядываться к следам жизни.

В одном или двух местах хищные растения создавали сплошную преграду, и Симсе пришлось прыгать, хотя она и боялась почувствовать укол шипа в ногу. Если растения станут крупнее, ей трудно будет двигаться в этом направлении. Но неожиданно растения обоих видов исчезли, и девушка оказалась на обширном пространстве, покрытом веществом, похожим на черное стекло. Несмотря на отчаянные усилия удержаться, она поскользнулась и упала.

Засс взлетела в воздух и гневно закричала от такого неласкового обращения. Симса подняла голову. Она сидела неподвижно, стараясь сразу увидеть все, как когда-то разглядывала руины на далеком Куксортале.

Растительность даже теперь не покрывала это место. Со зданием или группой зданий, которые размером превосходили все виденное девушкой в Куксортале, произошло нечто ужасное. Здания — расплавились!

Перед ней возвышались стены, наполовину погрузившиеся в расплавленный и затвердевший материал. Симса видела, что за лужами застывшего, похожего на стекло вещества возвышаются стены — в три, четыре и больше этажей. Их гребни скрывались в дымке.

И эти высокие, менее поврежденные стены были сложены не из камня. Даже сквозь дымку пробивался их металлический блеск. Они не были похожи на камень, на котором стоят.

В отличие от здания в долине в этих стенах зияли отверстия на уровне поверхности, там, где они не расплавились до неузнаваемости. Вообще эти сооружения были более привычны на взгляд. Дворец... крепость... город... построенный так, что между зданиями проходили только узкие тропы. Девушка понятия не имела, с чем столкнулась...

И тут ожила Древняя, захватив контроль неожиданно, так что Симса даже не начала сопротивляться.

— Йи — Йи Хал... — Эти странные слова эхом отозвались от зданий, эхо расходилось все дальше и дальше, и девушке даже показалось, что кто-то отвечает ей из дымки.

— Ййййиии — Хххаллл...

На самом деле услышала она крик Засс. Зорсал спустился и сел на ближайшую закругленную скалу.

Отталкиваясь от этого возгласа узнавания, пришло новое воспоминание. Нет, это не родной дом, не Йи Хал. Но очень похоже, так что с первого взгляда можно обмануться.

Симса крепче прижала к себе жезл силы, так что его концы впились в тело. Больше никогда не будет Йи Хала! У самой Симсы из Нор никогда не было безопасного и счастливого дома, но сейчас она сидела у развалин того, что не было Йи Халом, и плакала слезами Древней, плакала, а в сознании ее возникали воспоминания, вспыхивали и гасли.

Глава 14

В Симсе опять проявилась черта характера, которая всегда вовлекала ее в приключения и в конечном счете привела к этой стекловидной луже: девушка почувствовала любопытство. Это было мертвое место, но оно при-

влекало ее. В Куксортале она отыскивала кусочки древности, затерянные в стенах, крышах, тропах Нор. Это похоже на Норы. Мертвое место... ждущее... Что оно может предложить? Симса рукой стерла со щек слезы. Что она знает о той прошлом? — свирепо спросила себя девушка. Ничего! Пусть Древняя оплакивает его — Симсу больше интересует настоящее.

На четвереньках она поползла по застывшему стеклу, пока не смогла уцепиться за камень. Идти было очень скользко, а снова падать она не хотела.

Сунув жезл за пояс, Симса пошла вдоль стен, часть которых расплавилась и создала эту ловушку. Иногда ей встречались темные отверстия в стенах, и, собрав всю смелость, Симса протиснулась в одно из них. Те, что построили эти здания, были немногим выше ее. В глубине души девушка ожидала увидеть какую-нибудь резьбу, руническую надпись или знак. В мертвом городе, который они с Торном нашли на Куксортале, такие были. Да и в долине она видела древние выветрившиеся надписи на скалах. Но здесь остались только стены, и постепенно ее энтузиазм сменился унынием.

Внутри стены оказались такими же голыми, как и снаружи. Но поверхность их была такой гладкой на ощупь, что Симса подумала: если бы огненный взрыв не проник внутрь, здесь была бы металлическая поверхность. Тускло-серая...

Симса полуприсела, жезл дернулся в угрозе или предупреждении. Тень перед ней повторила позу девушки. Прошло несколько мгновений, прежде чем она поняла, что видит собственное отражение, туманное, словно погруженное в дымку. Девушка двинулась вперед, стыдясь своей реакции. Протянув руку, она коснулась поверхности зеркала и встретилась с рукой отражения. Зеркало было гораздо лучше тех металлических плоскостей, которые использовались с этой целью на ее родной планете.

Симса разглядывала свое отражение. Распущенные волосы лежали волнистой массой вокруг головы и на

плечах. Темное тело сливалось с полумглой помещения. Ясно были видны только волосы, юбка с украшениями и жезл в руке. Рука на поверхности зеркала скользнула вправо и встретилась с пустотой. И Симса поняла, что зеркало не висит на стене. Скорее, оно служило экраном, закрывающим другую дверь. Такое расположение было ей непонятно. Может, посетители этого места показывались хозяевам сначала в зеркале?

Она скользнула за преграду. Странно, никакого видимого источника света, но здесь оказалось достаточно светло, чтобы видеть стены коридора, Засс хрипела и нетерпеливо кричала, сидя на плече девушки. Вытянув шею, она размахивала антеннами. Зорсал был возбужден, словно они приближались к роще, где он сможет охотиться. А может, темное помещение напомнило Засс склады в Куксортале, где она и ее сыновья уничтожали вредителей, бегающих среди тюков.

Конечно — вуулы... Жезл дернулся в руке Симсы, прежде чем она успела удивиться этому воспоминанию Древней. Что-то бело-серое, ползающее на брюхе, хотя небольшие лапы могут схватить добычу и удержать ее с силой ловушки. Вуулы питаются живыми и мертвыми.

— Вуул? — Симса спросила вслух у этой картины, которая возникла в ее сознании.

И ответила себе восклицанием, в котором смешивались страх и раздражение. В том времени и местах, которые знала Симса, никаких вуулов нет. Но мысль о них была так реальна, что Симса застыла, напряженно вслушиваясь, замедляя шаг. К чему она прислушивается? Чего ждет? Чего-то такого, что жило давно и уже превратилось в пыль. Это воспоминание Древней или того, кто недавно вторгся в ее сознание, — пилота.

Если эти развалины оживляют настолько чуждые воспоминания, лучше ей повернуть и покинуть древние руины. Пусть продолжают спать.

Но, приняв такое решение, девушка обнаружила, что не может его выполнить. До сих пор Симса не знала, что

контроль снова у Древней. И еще у другого, у пилота. Она оставалась свободна — в сознании, но не телом. Тело продолжало углубляться в развалины, которые превратились в настоящий лабиринт.

Коридор, по которому она шла, разделялся снова и снова. Но она ни разу не усомнилась ни в одном повороте. Как будто кто-то очень сильный держал ее за плечи. И она без раздумий сворачивала направо или налево. В стенах попадались отверстия, возможно, входы в комнаты или в подземные переходы, подобные тому, по которому она прошла в долину. Но сила, которая вела ее здесь, не позволяла сворачивать.

Дважды на несколько мгновений она оказывалась под открытым небом, но тут же проходила в другую дверь. Постепенно Симса убеждалась, что ее влечет к центру города... крепости... дворца... чем бы ни были когда-то эти развалины.

Здесь не осталось никаких следов прежних обитателей, только гладкие коридоры, по которым она шла, иногда прямые, иногда чуть изгибающиеся. Но вот они начали подниматься — не лестницы, а пологий подъем, — и наконец Симса оказалась в большом помещении без потолка. Ни следа металла сверху. Вероятно, эта площадка всегда пребывала под дымкой открытого неба.

В центре площадки поблескивал овальный бассейн с ограждением, сплошь в драгоценных камнях, и хотя солнца, на котором они, вероятно, ярко засверкали бы, не было, Симса хорошо видела их. Но назвать не смогла бы.

Полукругом у бассейна располагались семь кресел — или тронов, — украшенных настолько роскошно, что они могли быть только сиденьями властителей. И на спинке каждого был выложен символ.

Жезл Симсы взлетел, рога нацелились на троны.

— Ротгард, — указала она на первый трон. Потом: — Мазил, Гуррет, Десак, Кситл, Таммит и Уммано...

Девушка опустилась на пол перед тронами, жезл выпал из рук, ладони она прижала к груди и принялась раскачиваться — в древнейшей позе оплакивания. И Симса ощутила такой страх, такой ужас, что почувствовала, как силы оставляют ее.

Она не справится с той, что живет в ней. Никогда больше не будет она прежней. Другие — Древняя и еще одна слабая тень, которая и произнесла эти имена, — они побеждали ее, с корнем вырывая последнюю ее часть, что еще сохраняла крохи свободы. Когда-то она приветствовала знание — а теперь с радостью бежала бы от него, выкорчевала бы других из своего сознания, если бы смогла.

Но они заставили ее униженно ползти, погрузить руки в бассейн — там оказалась вода, темная и мутная, так что совсем не было видно того, что в ней находится. Жидкость, заполняющая бассейн... кожа Симсы оцепенела от ужаса. Но все равно уйти она не могла.

Пальцы ее сами собой опустились в бассейн, разорвали ровную поверхность жидкости. Симсе казалось почему-то, что вода в горсти будет черной, как ночь. Но влага оказалась зеленоватой, как в долине, прохладной, но не холодной.

Против воли раскрылся рот, против воли рука поднялась к губам, и Симса начала пить. Жидкость, казавшаяся прохладной в ладони, обожгла рот горячей горечью. Она словно зачерпнула ее из сточной ямы в Норах. Но проглотила, неспособная выплюнуть, и сделала еще два глотка.

Горькая и горячая во рту, влага опалила горло, затем боль распространилась в желудок, и Симса согнулась, прижав руки к груди, где боль казалась сильнее всего. Вначале она была тупой, потом начались сильные приступы. Яд! Защита, ждавшая здесь. И именно сюда привела ее предательская внутренняя борьба. Она умрет. Девушка пыталась поднять руку, засунуть палец в рот, в горло, чтобы ее вырвало. Но руки не слушались, они

тоже предали Симсу, хотя она продолжала прижимать их к груди.

Высокая Чаша! Воспоминание накладывалось на воспоминание. Как будто ее трюк с Торном сработал против нее самой. Это древний обычай — не показывать боль, сидеть, не склоняясь, терпеть ядовитое пламя, ждать, пока внутренняя сила не сделает его безвредным.

Симса распрямилась на полу. Даже то, что осталось от Симсы из Нор, понимало это. Она получила удар. Может быть, смертельный. Но теперь из укрытия вышла девушка, которая могла незаметно, неслышно пробраться по зловонным ходам Нор, которая могла расправиться с любым противником, кроме разве что Фервар. Эта девушка гордо выпрямилась перед тронами исчезнувших. Она ухватилась за остатки воспоминаний. Что-то вроде посвящения, хотя причина его давно забыта. И неизвестно, что даст ей это посвящение. Если она предана и поймана в западню... что ж, она доведет игру до конца.

Сражаться с тем, что грызет ее, — не руками, не криками боли, сражаться сознанием! Как она действовала с Торном, накладывая поверх истины ложь, так же должна она действовать и сейчас. Боль жгла, но постепенно она слабела. Сконцентрировавшись, девушка заставила свои руки отодвинуться от груди. Она держала руки перед собой, а они дрожали, и пальцы изгибались в мучениях. Но боль все же стихала. Нужно заставить ее уйти! И Симса заставила себя думать не об отравленном питье, а о воде из бассейна в долине, сладкой, прохладной, освежающей. Вот что она здесь пила.

Руки, успокойтесь! Пальцы вместе, больше никакой дрожи, никакого хватания воздуха. Внутри ее разливалась прохлада. Пот выступил на лбу, падая, как первые капли весеннего дождя, с подбородка и щек на грудь и плечи. Усилие почти так же истощило ее, как боль, а за всем этим по-прежнему ждали двое — Древняя и пилот. Ждали, когда она признает поражение.

Этого не будет!

Не думай о боли, думай о чем-нибудь другом. Каким было главное событие в ее жизни? По сравнению с чем все остальное кажется мелким и незначительным? То мгновение, когда она стояла перед статуей, своим двойником, когда впервые встретилась с Древней — и приветствовала ее! Когда впервые поверила, что может достичь больших высот, прежде чем появились сомнения, прежде чем она поняла, чем может служить для другой.

Это был час, бесконечный момент, когда она стала единой, словно родилась заново в новом мире. А здесь место рождения другой...

Троны были пусты. И давно пустуют. Никто в этом зале не мог оценить ее выносливость, ее способности, только она сама. Симса продолжала держаться прямо, а внутри ее боль вспыхнула заново и принялась грызть и рвать. Не думать о том, что было когда-то, что могло бы быть. Думать только о настоящем, об этом моменте и о следующем. Напрячь все силы в борьбе с болью и с тем, что прикончит ее, если она перестанет бороться.

Ее руки — они больше не дрожат! Девушка заставила себя расставить пальцы, снова свести их. Хотя дальше, до самого локтя, в руках по жилам струилась огненная пытка. Но она вынесет это. Испытывала раньше и выходила победителем.

Она? Другая она. А кто же она теперь — воровка из Нор или другая, гораздо более значительная? Обе — они должны слиться, или ее ждет смерть. Нет! Не думать об этом! Это место испытания. И Симса не отвернется от того, что оно несет ей.

Руки — горячая боль в них уменьшилась, стала заметно слабее. Зато в ногах — жар разрывал их, прорываясь наружу. Нет никакого жара! Она пойдет, если захочет, и нет никого, кто бы приказал ей, — нет! Нет сейчас и не будет никогда!

Дергающая боль внутри, кольцо за кольцом. Она стоит, она дышит, живет, и так и будет продолжаться. Симса пригляделась к боли, как к новой дороге, открыва-

ющейся перед ней. Симса! Не Древняя, не слабая тень пилота — нет, она сама! Она одна!

— Одна... одна... против вас всех! — выкрикнула она вызывающе пустым тронам, теням, которые когда-то восседали здесь. — Я Симса!

И вот, когда девушка изо всех сил ухватилась за эту мысль, используя ее и как щит, и как меч, тьма вокруг нее взревела. И она больше не чувствовала своего тела, не ощущала боли. Держалась лишь за одно: она Симса и такой останется до смерти.

Пропал бассейн, исчезли троны, а она сама шла по пространству, полному движущихся теней. Наверное, это были тени других путников, подобных ей, которые бродят в месте, предназначенном для поиска. Но она не должна бесцельно бродить здесь, она должна найти!

Некоторые тени были подобны клубам серебристого дыма без всякого намека на форму. Другие — плывущие подобия мужчин и женщин без лиц. Тени теней, которые окутывали их, странные и разные, не повторялись никогда. Дважды Симсе показалось, что она видит фигуры в скафандрах, потом женщину в одежде жителей пустыни, и другие — множество других. Но сама она отказывалась быть тенью, отказывалась даже взглянуть на себя, чтобы проверить, похожа ли она на них.

Девушка целеустремленно продвигалась вперед. Она сюда пришла искать. И следовало как можно быстрее справиться с этой задачей.

За тенями людей возникали, сами как тени, здания, высокие башни, приземистые блоки, невероятно прекрасные замки, темные сооружения, угрожающие... Народы, царства, миры...

Руки девушки шевельнулись, но она на них даже не посмотрела, только отметила мысленно, что они делают. Потому что в этом мире теней ее пальцы двигались с определенной целью. Она начертила в воздухе стержень с солнцем и двумя полумесяцами по обе стороны.

Никаких теней. Свет, ослепительный свет, не неподвижный. Он полетел вперед, ее проводник, через это место к тому, что за ним. Может быть, это мир мертвых. В прошлом она знала множество религий и верований. В Куксортале не счесть храмов, и Симса всегда сторонилась их — ни в одном она не находила воли сильнее своей.

Какой лорд правил здесь — или какая леди? Ей не нужно было спрашивать. Ответ отпечатался в сознании девушки — Соаханна.

При одной только мысли об этом имени огненный шар перед Симсой закрутился быстрее, и она заставила себя двигаться за ним. А мрак, в котором висели теневые фигуры, словно цеплялся за нее, удерживал, оттаскивал назад.

Вся ее воля сосредоточилась на одном: впереди власть, воля, сила, она должна противостоять ей и удержаться, не превратиться в тень, как другие.

Тьма сгущалась. Постепенно теней становилось все меньше, виднелись только небольшие клочья тумана. Но шар продолжал вести ее вперед. И девушка шла — упрямая воля, которая была в ней с самого начала, заставляла ее идти.

Исчезла последняя ищущая тень, тьма, как боль, плотно окутала ее. Но тьма не могла заслонить огненный шар, встать между ним и ею. Симса продолжала сосредоточиваться на нем.

Но вот тьма пропала. Перед ней расстилалась сухая выжженная равнина, песчаная река, трещины, в которых таится смерть. Она вернулась, но все тут было какое-то безжизненное — если скала и песок могут поддерживать жизнь, — а шар устремился дальше.

Она возвращалась. Мимолетная мысль нарушила концентрацию девушки. Поэтому она решительно отбросила ее.

Никаких скал и песка — она в каюте корабля, хорошо знакомой, где за ней подглядывали. Она долж-

на хранить свою новую жизнь. Но это длилось только мгновение...

Космопорт в Куксортале, где началась вся эта история, где она впервые увидела Торна и отметила его как подходящего покупателя осколков прошлого...

И эта картина исчезла, словно была нарисована на занавесе, который отлетел в сторону под порывом ветра. Другой город, древнее всякого счета времени на Куксортале, город, в котором они с Торном встретили контрабандистов, поле космических кораблей, которые никогда больше не взлетят, город, в котором она нашла свою вторую сущность — Древнюю.

Зал, то самое место, где она сделала это открытие. Но она увидела зал не от дверей, нет, она стояла на возвышении и ждала, ждала годами медленно текущего времени. Она — Древняя!

И опять тень — та, что была Симсой из Нор, появилась, чтобы удивиться и разрушить барьер времени. Шар устремился к этой тени и исчез, а она снова обрела способность двигаться. Но теперь девушка знала, что первая встреча была правильной. Сомневаясь в этом, она бессознательно пыталась разорвать в себе то, что должно было соединиться. Да, она Симса, но...

При свете шара она увидела протянутые вперед две руки. И Симса приняла и жезл, и пожатие рук. Вот, что она искала — соединение, разрушение всех преград.

Снова тьма, но уже без каких-либо туманных призраков. Симса открыла глаза. Она лежала на боку, подогнув колени, у балюстрады бассейна. Боль... девушка ожидала, что боль начнется снова. Но потом она поняла, что преодолела ее, постигла. Ее подвергли древнему испытанию путников, и она выдержала его.

Однако, пытаясь встать, Симса ощутила страшную усталость, словно много дней шла пешком или работала так много, что истратила все силы.

Тут Симса услышала крик Засс, зорсал спустился с неба и сел на спинку среднего трона. Неожидан-

но, с приступом смеха, девушка почувствовала свободу от всего случившегося, с тех пор как она нашла это помещение.

— Эй, Ротгард, кто бы ты ни был, смотри, какой мудрец сидит на твоем месте. — Она шевельнулась слишком резко, и онемевшие конечности запротестовали. Поглядывая на бассейн испытания, Симса подтащила свой сосуд из листьев и глотнула принесенной с собой воды.

Бассейн больше не был неподвижным, гладким как зеркало, хотя его поверхность и не покрывала рябь. Однако что-то в глубине его двигалось — это же те призраки-тени!

Фрукты перезрели и пахли почти гнилью. Но Симса добросовестно съела их, и сладкая мякоть вместе с водой вернули ей силы. Засс прошла по сиденью трона и заглянула в бассейн. Потом подняла голову, так что заметались антенны, и плюнула — в знак крайнего презрения.

— Не будь такой храброй, — предупредила ее Симса. — Это испытание, и неосторожный зорсал может его не выдержать.

Девушка с трудом встала и начала разминать мышцы, поворачиваясь в разные стороны. Сколько времени пробыла она в мире теней? Она не могла сказать — время здесь не играло роли. Но боль, которая рвала ее, исчезла, и теперь она испытывала только жалобы затекших мышц.

Наконец Симса наклонилась и подняла жезл. Возможно, он не участвовал в ее приключении, но именно его сила позволила ей пройти. Не скоро Симса узнает все, на что он способен в ее руках, даже если она не сопротивляется больше Древней и та вместе с ней восседает на троне.

Девушка оглянулась, странно узнавая зал. Она, скорее всего, никогда раньше не бывала на этой скалистой планете, но помещение было ей хорошо знакомо, такое ме-

сто сооружали в центре каждого сектора, который посещали калассы. Калассы — название вызвало у нее целый поток воспоминаний, но Симса до поры до времени их заблокировала. Для них найдется время, когда она закончит свое дело. То, что она создала в страхе, должно быть уничтожено. Такие страхи подобны ползучим теням, за которыми нет реального содержания.

От этой планеты сейчас улетал корабль, и на его борту находился тот, в чью память она вмешалась. Теперь, как и жители долины, она полностью осознала, к чему привел ее страх. Симса и из него сделала две личности, а кто лучше ее самой понимает, что это значит для живого существа? Он будет видеть сны и просыпаться с воспоминаниями, такими реальными, что они вызовут дрожь, потрясут его веру в самого себя. Он пройдет по какой-нибудь улице на другой планете и неожиданно увидит предмет, который узнает; он будет разговаривать с друзьями и неожиданно задумается, почему употребил это слово... Он будет...

Нет!

Если она чему-то и научилась за Время своего испытания, так это тому, что не должно быть раздвоения. Возможно, ложная память, наложенная ею на Торна, не станет для него таким бременем, как для нее, но его нужно освободить даже от тени тени.

Девушка отложила свои сосуды-листья и импровизированный заплечный мешок в сторону. Крепко держа в руке жезл, она подошла к ближайшему трону.

— С твоего разрешения, сестра. — Она не сказала это вслух, но определенно послала мысль тени, которая некогда имела форму и восседала на этом троне суда. Сев на трон, Симса широким жестом провела жезлом над краем бассейна.

Впервые за все это время поверхность воды заволновалась, от центра побежали волны. Вместе с тем донесся порыв запаха — не зловоние, чего можно было ожидать от ядовитого пруда, — этот запах скорее заставлял

вспомнить поля на Куксортале, где она однажды лежала весной и провела спокойный час. Такие моменты редко выпадают на долю жителей Нор.

Глядя на взволнованную поверхность бассейна, Симса с некоторым страхом, который она тут же отогнала, начала искать. То, что она сделает, свяжет их. Древняя это знает и опасается подобных связей. Потому что если дело кончится плохо, пострадают и пленный и пленивший. Но с чувством долга, сильным, как приказ, Симса начала свой поиск.

Вначале она представила себе спасательную шлюпку, которую оставила среди скал, похожих на каменный лес, где от стволов остались только пни. Он был там — то, что он увидел, заставило его пуститься на поиски на каменистой равнине. Итак...

— Торн? — Не громкий возглас, а поиск, какого эта планета, а может, и вся галактика не знала уже тысячи лет. — Торн?

И на взволнованной воде бассейна девушка начала создавать его изображение. Так лежат его темные волосы, вот лицо, чуть раскосые глаза... Так он выглядел, когда они искали причину смерти, бесчисленные годы жившей в разрушенном городе. Вот его плечи, широкие под плотно облегающим космическим костюмом, стройная талия, такая гибкая в движении... Часть за частью, призывая воспоминания, она строила его изображение на воде.

А теперь — она чуть сдвинулась на троне, — теперь она должна увидеть его таким, каким он ушел от нее в последний раз: широко раскрытые глаза ничего не видят, рана перевязана обрывками ее одеяла, голова высоко поднята, словно он тоже слышит гул флиттера, который должен забрать его.

Но он человек, а не иллюзия, которую она может соорудить на время. И так как он человек, то она в долгу перед ним — Симса потрогала жезл, призвала память, — и только она могла заплатить этот долг.

Глава 15

Все дальше и дальше протягивала Симса нить связи между собой и Торном. Теперь она сумеет отыскать его. Жезл сверкнул в ее руках, вода в бассейне плескалась из стороны в сторону. Но под ее поверхностью девушка по-прежнему видела очертания тени — корабль... корабль, который должен унести его. Однако он стоял на стабилизаторах, устремив нос к небу. Еще не улетел?

Симса усилием воли пригвоздила эту тень и, прочно удерживая ее, принялась искать в ней того, кого должна была найти. Там есть живые существа, да. Она скользнула по сознаниям, нетерпение подстегивало девушку. Нет, не он... где же тогда...

Торн! Она сосредоточилась на его имени, она требовала.

Торн! Наконец прикосновение! Как Засс когтями вцепляется в добычу, так же вцепилась в разум инопланетника и Симса. Торн! Но тень его не становилась яснее, и тогда она попыталась пробить стену, которую сама соорудила такой прочной, чтобы контролировать его будущее. Однако он, как те космонавты, одетые в броню, с которыми они сражались вместе в Куксортале, был непроницаем для той воли, что отослала его.

«Торн!» — снова потребовала девушка. Но он исчез!

Сила, которую она вложила в свой призыв, вернулась к ней, ударила. Воздух вырвался из легких Симсы. Она выронила стержень и схватилась руками за ручки трона, чтобы не упасть в бассейн. Вода в бассейне взволновалась, словно все огни этой планеты заставляли ее кипеть.

Симса снова покачнулась, взяла себя в руки. Она так верила, что блокаду, которую Симса сотворила, она же может и устранить. Но Торн... Девушка даже не смогла поддержать с ним контакт! Она поступила неправильно, и теперь ей предстоит жить с этим.

Этот обратный удар силы совсем истощил ее. Кружи-

лась голова, тошнило, и Симса скорчилась на троне, глядя на бушующую воду.

«Древняя... — Она не произнесла зов вслух, но имя прозвучало в ее худом крепком теле как просьба. — Древняя?»

И Симса широко раскрыла сознание, призывая — что именно, сама не знала. Где-то должен быть ответ. Она была так уверена, что сумеет разорвать путы, наложенные на Торна. Жители долины оказались правы в своем мнении о ее поступке. Она призвала силы, даже названия которых не знает, а теперь пыталась снова использовать их — если сможет, потому что воля ее ослабла, энергия иссякла, она стала слабым инструментом, на который нельзя полагаться.

Волнение в бассейне стихало, а дымка над головой сгущалась на ночь. Симса продолжала сидеть на троне, и Засс, оставаясь на спинке среднего, самого высокого трона, негромко закричала — ворчливо, требуя внимания.

Наконец Симса подобрала жезл, лежавший у ее ног, и сползла с трона. Споткнулась о свой мешок и чуть не упала. Потом подняла сосуды с водой и остальное имущество, повернулась спиной к бассейну и тронам и направилась ко входу, через который попала сюда. Засс закричала и закружилась над ее головой, но девушка неуверенно шла, шаг за шагом, не чувствуя слез, стекавших по ее худым щекам.

Она была так уверена, что получила свое подлинное наследие, что больше в ней не будет внутреннего раздвоения. Но когда попыталась сделать то, что, как она была уверена, может сделать Древняя... Может, она вопреки своему желанию оттолкнула Древнюю. Иногда то, чего больше всего хочешь, выскальзывает сквозь пальцы. А ведь она все время пыталась отказаться от этого единства, которое вначале так ее радовало.

Симса не выбирала дороги. Один тусклый проход сменялся другим, а она так устала. Но отдыхать здесь, в ме-

сте своего поражения, она не могла. Следовало выйти из этой гробницы, снова очутиться под открытой дымкой ночи. Теперь, испытывая тупую внутреннюю боль, она хотела этого больше всего на свете. Дважды зорсал возвращался и некоторое время ехал на ее плече. А когда Симса останавливалась, держась рукой за стену, Засс начинала кричать, словно требовала от девушки больших усилий, как будто знала, что впереди ждет нечто лучшее, чем тусклые коридоры.

Наконец перед ней открылся последний переход, впереди показался свет. Она выбралась под открытое небо, здания с темными стенами остались позади.

Здесь начиналась каменная платформа, которая рядом ступеней спускалась к густым зарослям вроде тех, через которые она проходила на равнине. Здания теперь остались позади, они ее больше не сковывали. Симса пересекла первую площадку, а на второй, как можно дальше от двери, из которой вышла, остановилась и упала на камень. Зорсал с торжествующим криком тут же улетел в ночь.

У нее были и вода, и пища. Правда, большинство фруктов уже слишком измялись и попортились, чтобы их есть. Девушка выбросила их в заросли. Она позволила себе только несколько глотков воды, не зная, когда найдет новый источник. И легла, свернувшись калачиком. Усталость и слабость, которые она испытывала после посвящения, наконец одолели ее. И хоть под ней был только твердый камень, Симса задремала.

Болезненное одиночество сомкнулось вокруг девушки, затопило мозг, как усталость — тело. Так ли чувствовал себя пилот, когда прошлое отрезало его от жизни и он остался тут один? Сама она сознательно отказалась от прошлого, а теперь... Стоило ли это делать? Такова была последняя мысль Симсы перед тем, как сон без сновидений поглотил ее.

Видела ли она сны? Если и видела, то не помнила, проснувшись. Из глубины сна ее вывел крик Засс. Зорсал

расхаживал взад и вперед по камню рядом с ней, яростно размахивая антеннами. Очевидно, он был взволнован или сильно возбужден. Судя по дымке, стоял полдень.

Вторично Симса проснулась с таким затекшим, онемевшим телом, что любое движение причиняло боль. Прежде чем благоразумие взяло верх, она схватила один их лиственных сосудов с водой — второй уже опустел и сплющился — и как следует напилась, очищая горло от пыли: девушка чуть не задыхалась от нее.

Стуча когтями по камню, подошла Засс и села рядом с девушкой, глядя ей в лицо и требуя внимания.

«Другие...»

«Другие?» — переспросила Симса. Какие другие могут здесь быть? Разве что за полосой растительности скрывается другая обитаемая долина. Симса постаралась уловить в мозгу зорсала хоть какой-нибудь намек.

Но в это время над головой ее раздался звук, и девушка вскочила, мобилизовав последние остатки энергии. Куда? Назад, в город мертвых? Или вперед, по широким плитам в густые заросли? Флиттер! Она не может ошибиться в этом!

Но Торн — действительно ли, уходя от нее, он был под действием ложной памяти? Когда это было? Несколько дней назад? В этой дымке легко утрачивались любые представления о времени. Что же он мог сделать? Только послушно вернуться в пустыню и ждать своих. Симса создала прочную оболочку, без всяких разрывов, в этом она готова была поклясться. А может ли она вообще в чем-то поклясться? Галлюцинации могли предать ее, а не его. Но все же девушка не хотела встречаться с инопланетниками.

Симса убрала с глаз тяжелую прядь волос. Звук флиттера приближался, и девушка быстро приняла решение. На севере на некотором расстоянии появилось странное свечение, как будто машина сама испускала свет, чтобы прорвать дымку. Или у этих инопланетников есть зна-

ния, которые помогают им проникать сквозь вечно окутывающий планету покров?

Во всяком случае, высокие кусты впереди обещали лучшее укрытие. Если с флиттера заметят здания, то они, Симса была в этом уверена, наверняка здесь приземлятся, может, на ту самую площадку прямо над ней. Захотят исследовать. Тело девушки протестовало против каждого движения, но она побежала к краю второй площадки, на которой спала, потом пересекла еще одну. Она спустилась уже с трех таких уступов, но машины пока не видела, только пятно в дымке. Однако звук мотора слышался совершенно отчетливо. И двигалась машина медленно, словно шагом. Наверное, они рассматривали местность внизу.

Симса видела на экранах корабля снимки, сделанные, по крайней мере, на шести планетах. Ее пытались заинтересовать ими, чтобы она не подозревала об их намерениях относительно себя.

Девушка наступила на гнилой фрукт — может, который сама выбросила — и поскользнулась, размахивая руками, пытаясь сохранить равновесие. Она отлетела к правому краю широкого пролета и упала не на камень, а на землю за ним. У нее была только секунда, чтобы собраться. И тут же Симса сильно ударилась и покатилась, пока не уперлась в толстый ствол растения, высокого, как дерево, которое затрясло кроной от удара.

Несколько мгновений Симса могла только лежать. Где-то наверху ее звала Засс. Но девушка считала, что зорсал достаточно умен, чтобы держаться подальше от флиттера, который, судя по звуку, кружил теперь прямо у нее над головой. Придя в себя, она, не обращая внимания на царапины, поползла дальше в глубь растительности. Потом легла на спину и посмотрела на ветви над головой, стараясь спокойно думать, подавить приступ паники.

Почему она решила, что церемония забытого народа сделала ее неуязвимой? Независимость, которая отлича-

ла Симсу с детства, заставила ее поверить, что она способна на чудеса...

Ну хорошо, пусть теперь она совершит одно из этих чудес с летающим шпионом. Решится ли она коснуться кого-нибудь на борту своими способностями? Ведь теперь она признаёт, что не очень хорошо умеет ими пользоваться. Может, именно ее поиски Торна в зале с тронами и привели сюда космических бродяг. Такой глупости можно только стыдиться. Нападать на врага, когда не знаешь, какое оружие он против тебя применит, так переоценить себя... Да, она была глупа, и они лишь играют с ней, чтобы захватить ее, заставить выполнять их волю, и тогда у нее будет меньше свободы, чем у зорсала на привязи.

Шипы рвали плечи. Лиана обвилась вокруг горла и чуть не задушила. Но все это под деревьями. Может, ее не заметят. Или у них есть такие приспособления, которые позволяют заглянуть сквозь листву, увидеть внизу любое живое существо? Всю свою жизнь Симса слышала рассказы об удивительных машинах и установках космонавтов и теперь могла поверить всему.

Троп здесь не было, во всяком случае она ни одной не встретила.

Одна тропа, всего лишь одна тропа... Симса не знала, почему это для нее так важно. Может, там она побежит быстрее. Но от чего она побежит? От какого-нибудь энергетического луча сверху? Звук двигателя углубился, стал похож на рев канзара с ее родной планеты.

Но вот в туманном воздухе под большими деревьями пахнуло зловонием, и этот запах мгновенно остановил ее бег. Симса попятилась и мысленно позвала Засс.

Глубоко в ее сознании что-то шевельнулось. Это не просто просыпалась Древняя — она и есть Древняя, но эта часть памяти как будто не принадлежала ей. У нее в сознании возникла картина — чего? Не рептилии, потому что четко обозначенной головы не было видно, только круглый выступ на дергавшемся сероватом теле.

Потом один конец тела приподнялся, и она увидела отверстие, темную красную пасть, и в ней два кольца сокрушающих зубов.

«Вуул!» — отозвалась не ее собственная память, память другой! Она лихорадочно собирала все, что было в этой памяти об отвратительном ползуне.

Убийца — без мозга, которого можно было бы коснуться, приказать. Строители этих зданий давно исчезли, но существо из их мира уцелело и теперь оскверняло искалеченную планету.

Тяжело дыша, Симса прижалась спиной к ближайшему стволу, приготовила жезл. Запах подавлял своей тошнотворной тяжестью. Симсу вырвало, хотя она пыталась бороться.

«Вуул!»

Девушка лихорадочно пыталась побольше узнать у двоих, сопровождавших ее: у Древней и у слабых останков изгнанного пилота. Но ощутила только осторожность одной и упрямое стремление бороться другого.

Теперь Симса сознательно постаралась забыть о флиттере и сосредоточиться на непосредственной опасности. Справа от нее упало дерево, раздвигались кусты. Мелкие существа разбегались, прятались в растительности. Затряслось и заскрипело дерево. Его дергали снизу, у корней.

Симса отступила, спряталась за стволом. Потом повернулась и побежала — назад, туда, откуда пришла. Ветви хлестали ее, кровь текла из порезов на руках и ногах. Когда она добежала до края зарослей и вылетела на открытую площадку, позади послышался грохот падения еще одного дерева. Девушка бросилась вперед и с трудом вскарабкалась на следующую площадку.

Теперь пульсирующее пятно в дымке повисло прямо над ней. Еще одно дерево рухнуло. Симса, тяжело дыша, добежала до третьего уступа. Зорсала не было видно, и девушка надеялась, что у Засс хватит ума держаться подальше от летающей машины и от нее самой.

Она видела, как Засс и ее два сына сражались с чудовищем в дикой местности. Но это было на другой планете, и то был не вуул. Зловоние усилилось, свалилось еще одно дерево, на этот раз на самом краю лестницы.

Вуулы едят все, даже камни, поросшие лишайником. Она видела такие у входа в развалины. Но, конечно, предпочитают мясо — а она мясо!

Симса подумала о руинах, об этом лабиринте коридоров. Нет, слишком рискованно быть застигнутой там, как в ловушке. Она не хотела рисковать. Не торопясь, словно человек, которому предстоит схватка с превосходящим противником, Симса стояла наготове и крепко сжимала жезл — свою последнюю надежду. Но и Древняя, которой принадлежал жезл, и забытый пилот боялись вуула.

На открытое место вывалилась масса серой отвратительной плоти, приподнялась, когда челюсти ухватили дерево и свалили его. Глаз у этой массы не было...

Конечно, на мясо вуул охотится по теплу организма, подсказала память. А девушка никак не смогла бы скрыть излучения своего тела, которые привлекают существо. Она просто большой кусок мяса и притягивает сильно. Существо подняло тупой конец тела, вымазанный в раздавленной зелени. Челюсти двигались не останавливаясь. Но вот зеленая масса вылетела из пасти: вуул подготовился к гораздо более привлекательной добыче.

Один конец тела чудовища был прижат к поверхности, другой покачивался в воздухе. Симса видела, что оно в четыре-пять раз больше человека и такое же отвратительное, как существо из песчаной реки.

Существо, живущее в песчаной реке?

Нет! Разве один раз она уже не провалилась со своими галлюцинациями, когда пыталась наложить ложную память на Торна? У этого чудовища нет глаз. Оно руководствуется другими органами чувств. И сейчас оно не торопилось, словно наслаждаясь отвращением и страхом лучшей части своего пира.

Существо, живущее в песчаной реке...

Симса провела языком по пересохшим губам. Мысль не покидала ее. Она не знала, чья это мысль — Симсы, какой она была когда-то, или новой Симсы.

Существо, живущее в песчаной реке! Но она должна успокоиться, забыть свой страх перед вуулом, если хочет попробовать это. И это может с самого начала обречь ее на поражение.

Тем не менее... народ Древней — ее народ, если в ней живет подлинная предтеча... если то, что говорил Торн, правда... если это так... если она прошла обряд посвящения у бассейна, тогда...

Симса сознательно закрыла глаза, чтобы не видеть вуула, и мысленно представила себе самое большое и подвижное из тех существ, что выбирались из трещин на каменистой равнине или из песчаных рек. Болезненно желтая шкура, брюхо, такое разбухшее, словно существо только из него и состоит, и щупальца, множество щупалец, которые тянутся...

«Приди!» — приказывала девушка, вкладывая в этот приказ все собранные силы. Если существо из реки защищено... если она потерпит поражение...

Что-то шевельнулось. Симса вцепилась в него мыслью, тянула, дергала. Оно недалеко! Может быть, здесь тоже есть трещины со своими обитателями.

— Приди! — На этот раз она усилила мысленный приказ словом, произнесенным вслух.

На краю выступа посыпалась земля. Падали комья, показалась струйка песка.

Почему вуул не нападает? Симса бегло удивилась этому, потом поняла, что должна сосредоточиться на том, кого вызывает.

Все больше и больше выпячивалась земля. Потом, словно рухнула какая-то плотина, ударил каскад песка и вынес два огромных камня, каждый размером с ее тело. И из образовавшейся дыры показалось щупальце.

Симса была ошеломлена. Она сама не совсем верила, какая-то часть ее ожидала поражения. Теперь воля ее

устремилась вперед, как боевой клич свежих войск, присланных для закрепления победы.

— Приходи!

Она широко взмахнула жезлом, словно расчищала дорогу существу. Песок покатился буйным потоком. А в нем плыло то, что она призвала. Огромное — таких больших она не видела.

Существо миновало уступ, на котором стояла девушка, вместе с песком добралось до края растительности, а потом, либо по своей воле, либо потому, что его несло песком, выползло из земли, поджало мешок живота, выпустило вперед щупальца.

Вуул наконец пошевелился, его голова начала медленно опускаться, пасть широко раскрылась, готовая поглотить песчаное существо. Щупальца метались, скользили по пухлому серому телу.

Никакого звука, но вуул изливал ярость и боль.

И исчез!

На раздавленной растительности лежало песчаное существо. Симса чувствовала его удивление и гнев. Вокруг валялись деревья, сваленные его противником. В воздухе чувствовалось зловоние вуула. Но его самого больше не было. Он исчез, как гаснет фитиль лампы.

И Симса поняла!

Иллюзия — кто-то во флиттере создал иллюзию, настолько же полную, как ложная память, наложенная ею на Торна. Кто-то (она по-прежнему верила в искусство и опытность создателей машин) побывал в ее голове.

Симса зарычала, как загнанное животное. В ее голове! Кто-то узнал, чего больше всего боится предтеча, и использовал это против нее — чтобы выгнать ее на открытое место, где она станет легкой добычей. Они тоже, должно быть, испытывали девушку — ведь вуул ждал, и они ждали. Хотели посмотреть, что она предпримет. И она сама дала им ответ. Она должна была понять, что с нею сражаются оружием, похожим на ее собственное, смеются над своим вуулом и скрываются.

Щупальце ухватилось за выступ под нею. Симса сомневалась, сможет ли отправить обратно это свое оружие. Существо ведь реально, и его голод — не иллюзия. Как и вуул, существо почуяло ее присутствие, потому что с удивительной скоростью, используя щупальца, двинулось к ней, отказавшись от нападения на вуула.

Подняв жезл, Симса ощутила большую уверенность в себе. Этот ужас она встречала раньше и успешно боролась с ним. Но, пытаясь оживить жезл, девушка поняла, что силы ее подходят к концу. Ее действия, с того момента как она вошла в руины, возможно, прояснили прошлое, но одновременно показали, что предтечи — и Древняя — не неуязвимы.

С постоянно растущим страхом девушка пыталась справиться с песчаными существом. Но из рогов жезла не вырывалось пламя, они только чуть засветились. Симса попыталась использовать свою волю, но существо не поддавалось мысленному контакту. Хотя пришло оно по ее призыву, оно было слишком чуждо или слишком низко на шкале развития, чтобы девушка могла связаться с ним.

У нее не было времени разгадывать эту загадку. Симса отступила, а существо перебралось на следующий уступ. И тут в ее сознании, как удар космической энергии, прозвучал вызов. Ее звали по имени.

На мгновение она застыла, растерялась, и, далеко вытянув щупальце, существо чуть не дотянулось до нее. Симса отскочила.

— Симса... вверх... быстро...

Торн? Нет, это не он. В ее сознании не появилось четкой картины, да и контакт был яснее, резче, сильнее, чем с молодым инопланетником. Это был кто-то хорошо знакомый с методами, которые она с таким трудов усваивала у Древней.

И так решительно прозвучал этот приказ, что девушка повернулась, преодолела два последних уступа и как можно быстрее вернулась к началу развалин. И когда Симса повернулась — она совсем не хотела углубляться

в лабиринт переходов, если ее преследует песочный житель, — сверху, из красноватого пятна на небе, обозначавшего флиттер, ударил луч. Симса достаточно видела записей, чтобы узнать его. Энергетический удар, чем-то похожий на воздействие ее жезла, но питаемый не волей и концентрацией личной энергии, а средствами людей звездных флотов.

Луч ударил в песчаное существо, которое судорожно задергалось в дыму, черном и зловонном. Существо сорвалось с уступа, на который вскарабкалось, и упало, вяло размахивая щупальцами, напрасно пытаясь зацепиться и прекратить падение. Наконец оно ударилось о песок, образовавший неглубокую лужу у самого основания уступов, да там и осталось, по-прежнему слабо дергаясь и наполовину погрузившись в песок.

Пора! Симса не собиралась ждать, пока приземлится Торн или этот другой, с более сильным разумом. Руины предлагали ей убежище. Вуул...

Девушка остановилась у входа. Этот мозг, этот незнакомец гнал ее, как пастух выгоняет коров на пастбище. Но он может сделать это снова. Вуул на открытом месте — одно дело, но вуул под землей — или в узких коридорах — пусть даже это галлюцинация... Нет, такое выдержать она не сможет.

Глава 16

Симса прижалась спиной к квадратному столбу у входа в руины и заставила себя дышать медленно, взяв под контроль страх и гнев. Слишком многое произошло с нею. Испытание в зале посвящения, бегство от флиттера, предельные усилия, которые пришлось приложить, чтобы вызвать песчаного жителя, — все это до предела ослабило ее. Достаточно было взглянуть на едва светившиеся рога жезла, чтобы понять, как мало может она противопоставить тому, что приближалось.

Это был не Торн — последний приказ пришел не от инопланетника. Но от кого же тогда? Конечно, не от офицера, который пытался использовать ее способности в своих целях. А Грита мертва. Кто же?

Не знать врага — хуже этого ничего нет. Если знаешь, есть хотя бы возможность подготовиться. А у нее ничего не осталось, кроме осторожности и упрямого сознания, что никому из инопланетников она не подчинится.

Флиттер садился. Пятно в дымке превратилось в исследовательскую машину. Она опускалась на самый нижний уступ. Симса пыталась разглядеть, кто на борту. Но снаружи кабина непрозрачна. Тут нужно другое чувство — не зрение, — чтобы проникнуть внутрь.

Флиттер коснулся земли, шум антигравитационного двигателя стих, и наступила тишина. Ни птиц, ни насекомых — никаких звуков, какие можно услышать в зарослях внизу. И Засс исчезла!

Пузырь над кабиной раскололся, и появился первый из пассажиров флиттера.

Торн! Но кто еще? Космонавт не обладает способностью оживить существо, мертвое уже тысячи лет. Торн бросил на нее быстрый взгляд и отошел в сторону, как слуга или телохранитель своего спутника.

Существо, выбравшееся из флиттера и дружески положившее чешуйчатую, с перепонками между пальцами руку на плечо Торна, имело гуманоидную форму тела, но это был не человек, как Торн или Симса. Одет он был гораздо скромнее, чем Торн: короткие брюки, спускавшиеся чуть ниже зеленоватых чешуйчатых бедер, рубашка без рукавов, на ней множество карманов с инструментами или оружием. По голове с выпуклыми глазами проходил вертикальный мясистый гребень. Чужак сделал шаг вперед, и на гребне сверкнули яркие полосы. Закатанин!

Мирные обитатели галактики, которые сражаются не с людьми или планетами, а с загадками прошлого. Вся их долгая жизнь посвящена вере в то, что любой кло-

чок знания достоин быть добавленным в их обширные запасы.

Закатанин! Она не знала до своего побега, что на борту есть закатане. Почему ей ничего об этом не сообщили? Почему не почувствовала она присутствие этого разума? Ведь смогла же она уловить опасные мысли офицера и Гриты.

Что они могут делать? Создавать галлюцинации — появление вуула тому свидетельство. Разрушать блокировку памяти, какую она наложила на Торна. Что еще?

Девушка посмотрела на уступ, разглядывая закатанина, встретилась с ним глазами, и тут же возник контакт, мозг к мозгу, так быстро, что она не успела отступить.

«Чего ты боишься?» — слова отчетливо прозвучали в ее сознании.

Симса ответила, даже не успев подумать. Его присутствие буквально ошеломило ее. Ответила правдиво:

«Тебя».

Лицо ящера нелегко изменяется в улыбке, но девушка почувствовала мягкий юмор в этом соприкосновении сознаний.

«Неужели я такой страшный, джентльфем?»

— Я думаю... да! — Ее глаза сузились. Симса еще не успела прийти в себя, стать единой с теми, кто стоял за ней. — Я думаю, ты очень страшный. — Теперь она отвечала вслух, хотя и негромко, но не мысленным контактом (больше она этого не хотела). Отвечала на торговом языке.

— А я думаю, — закатанин тоже заговорил вслух, произнося слова со свистящим акцентом, — я думаю, — он отвел от нее взгляд и посмотрел на развалины, — что вы нашли то, что так давно искали.

— Чан-Мулан-плу. — Название пришло из прошлого, и Симса мгновенно вспомнила, что оно означает и почему оно на этой планете.

— Чан-Мулан-плу, — повторил закатанин. — Твой дом, джентльфем, — когда-то?

Девушка покачала головой:

— Аванпост. Торговый пункт. До прихода баалаки. — Прошлое просыпалось в ней. Нет... дом... дом был... Она снова покачала головой. Жест был адресован не закатанину. Просто Симса поняла, что то, что она может сказать, теперь уже не имеет смысла. Планета, на которой родилась Древняя, ставшая ее частью, исчезла, затонула в тумане времени, таком глубоком, что никто уже его не преодолеет.

— А что баалаки? — К ее удивлению, вопрос задал Торн.

— Они сделали эту планету такой, как ты видишь. Они... — Симса пожала плечами. — Они тоже давно исчезли. У каждого народа, который возникает, выходит к звездам, достигает крайних пределов пространства, появляются враги. Он приобретает их по пути. И наступает день последней битвы. Побежденный превращается в пыль, но и победитель ранен, может быть, смертельно, и еще одна империя распадается. — Она сделала жест, словно пропускала песок меж пальцев. — А что остается...

— Остаются кусочки, обрывки, разбросанные здесь и там, — сказал закатанин, когда она замолчала. — И мы пытаемся сложить их вместе, чтобы понять...

— Зачем? — в свою очередь, прервала его Симса. — Чтобы узнать ту или иную хитрость, уловку, знания, которые дадут вам власть, и колесо повернется снова, и вы, и ваши корабли, ваши союзы планет, в свою очередь, будут уничтожены?

— Некоторые хотят этого, да. Но другие ищут знание, которое не имеет ничего общего с властью, джентльфем. Народов много, видов много. Так ведь всегда было, не правда ли?

— Соркелы, вазаксы, омеры... — Она видела их, чешуйчатых, крылатых, разного цвета кожи, с разным устройством мозга. — Да, их было много, и некоторые совсем на нас непохожие. — В неожиданном понимании

она взглянула на закатанина. — А откуда, благородный, вы получили свои первые знания?

— Ага... — Теперь настала его очередь кивнуть. — Значит, и у вас были свои историки. А что касается наших воспоминаний, то живем мы очень долго и архивы наши велики, они уходят в далекое прошлое. У нас и легенды свои есть, джентльфем. И поэтому, когда мне сообщили о тебе, я явился с такой скоростью, какую позволили время и пространство. Я был на Калторне, когда Торн... — Симса увидела, как закатанин сжал пальцами плечо молодого человека, — прислал сообщение почтовой ракетой. Мой дорт-шлюп догнал корабль, а твои собственные действия привели меня сюда.

Может, и так. Девушка не видела обмана в его мыслях. Но ведь он совсем другого вида... или, возможно, он накладывает на нее такой же рисунок, какой она сама наложила на Торна. На Торна!

Симса обратилась к космонавту.

— У тебя не изменилась память! — говорила она хрипло, словно обвиняла его.

Он покачал головой, губы его были упрямо сжаты.

— У тебя все получилось, — сказал он коротко. — Вот только...

— Только остались следы вмешательства, понятные посвященным, — вступил в разговор закатанин. — А когда видишь тень, рассеять ее нетрудно.

Она об этом догадывалась. Благодаря своим знаниям этот искатель прошлого смог определить, что произошло с его последователем, и противостоять этому.

Симса подняла жезл, с радостью увидев более яркое свечение его концов.

— Тогда ты знаешь также, что меня нельзя запереть в клетку, выкачать из меня знания, чтобы усилить чью-то власть! Торн... — Симса помолчала, разглядывая его осунувшееся лицо. В глазах инопланетника не было и намека на тепло. Он был словно высечен из камня этой обнаженной планеты. Симса обратилась не к нему,

а к закатанину: — Торн исчез, передав меня в руки тех, кто подсматривал за мной, пытался использовать меня. Он прилетел с одной из тех, когда снова отыскал меня. Они нашли меня с помощью одной из машин, от которых вы так зависите. Я освободилась от них. Зачем он снова стал охотиться за мной? Если говорить правду, я спасла ему жизнь. В ином случае он погиб бы в пасти одного из этих, — и девушка жезлом указала на мертвое песчаное существо, еще видневшееся в песке.

Выражение лица Торна не изменилось, и Симса сказала себе, что не должна рассчитывать на его понимание. Их союз никогда не был очень прочным, даже когда они действовали в забытом городе на Куксортале, плечом к плечу сражались с преступниками, которые устроили свое логово в заросших зданиях. Она в долгу у него... Может быть, в долгу! Если бы инопланетник не повел девушку забытыми путями, она никогда не встретилась бы с Древней, осталась бы ребенком, играющим бесполезными вещами, у нее не было бы ни родственников, ни друзей. Да, она у него в долгу! И она выразила это в словах.

— Я была в долгу у тебя, Торн Чан-ли. — Симса воспользовалась официальным именем, как человек, признающий долг. — Теперь между нами нет долга. Я была не права. Чаши выровнялись, и, может, я все еще у тебя в долгу. Если это так, можешь потребовать свою цену.

Закатанин перевел взгляд с молодого человека на Симсу, потом снова посмотрел на Торна, как свидетель, стоящий в стороне и слушающий.

Торн поднял руку в жесте отрицания.

— Ты ничего мне не должна, — холодно сказал он. И Симса подумала, что если бы на плече его не лежала рука закатанина, он повернулся бы, сел во флиттер и улетел.

— Хорошо! — Закатанин произнес это подчеркнуто, словно был искренне доволен, что достигнуто решение, хотя бы оно ничего и не значило. — Достопочтенная, во-

все не клетка — тебя ждут почет и благополучие. Торн рассказал мне, что ты не доверяешь тем, кто на корабле. Будь уверена, не таково было наше намерение. И теперь, когда Торн мне все сообщил, они ничего не смогут сделать. И мне кажется, — он снова посмотрел на развалины, — справедлива наша убежденность: судьба помогает верующим. Если бы ты не сбежала с корабля и не высадилась здесь, мы бы никогда не нашли это место — как ты его назвала? — Чан-Мулан-плу, город, в котором когда-то жил твой народ.

— Место силы... — Симса постепенно успокаивалась, недоверие исчезало. — Место посвящения...

— И ты выдержала его?

Он очень быстро соображает, подумала девушка.

— Да. — Но рассказывать она ничего не хотела. То, что произошло у отравленного бассейна, принадлежит ей одной. Она не будет этим делиться. — Предупреждаю тебя, — быстро добавила она, — есть темы, которых лучше не касаться. Слишком глубокое погружение в древние тайны может вызвать смерть!

Челюсти ящера разошлись в подобии улыбки, обнажив грозные клыки.

— Неизвестное всегда опасно, — ответил он. — Если только слушать шепоты о будущей опасности, всегда останешься в ее тени. И ничего не добьешься. Будь уверена, ты не пускаешься безрассудно по любому следу. И...

Симса так и не узнала, что еще он хотел сказать, потому что под ногами у нее площадка дрогнула. Отверстие, из которого тек песок, стало больше. Как на другой планете выпущенная вода может снести утесы, так здесь движущийся песок пробивал для себя широкое русло.

В небе мелькнула Засс. С криком зорсал устремился прямо к Симсе. Флиттер наклонился на краю песчаного потока, а из руин послышался грохот.

Ни слова не говоря, Торн прыгнул к девушке, а она сама отпрыгнула от стены здания. У нее не было времени

уклониться, повернуть жезл. Космонавт схватил Симсу, сжал вместе с жезлом и пронес по трем наклонившимся ступеням. Они продолжали все больше клониться в сторону потока — если так можно назвать текущий песок. А в песке появилось множество существ, они высовывали щупальца, хватались ими за берега, выбирались на поверхность.

Послышался грохот, заглушивший даже хриплые крики Засс. Обрушилась стена. Закатанин ждал у флиттера, и Торн передал Симсу в руки человека-ящера. Эти руки сомкнулись с такой же силой, как руки Торна, и ее втащили в кораблик. Засс влетела за ней. Торн подталкивал ее сзади, и она упала за сиденьями на пол, на место, предназначенное для багажа. Торн уже был на месте пилота, кабина закрылась, и он повернул небольшую ручку на щите перед собой. Флиттер поднялся так неожиданно, что Симса, все еще не вполне понимая, что происходит, снова упала на пол.

— Над ней, над крепостью! — Закатанин наклонился вперед на своем сиденье, прижав нос к прозрачной крышке кабины. — Нет, не все — слава Зурлу и Заку! Разрушения есть, но не все погибло.

Симса умудрилась сесть и посмотреть вниз. Она успела заметить скользнувшие назад выступы в виде широкой лестницы. И несколько рухнувших стен крепости.

— Покружи! — приказал закатанин. — Посмотрим, велики ли разрушения.

Под управлением Торна флиттер начал кружить над руинами. Сверху девушке стало хорошо видно, какое это огромное сооружение. Но она знала, что это не город. Здесь был храм, отчасти школа — больше того, это место было легендой. Древняя здесь никогда не бывала. Ее посвящение произошло на другой планете. Но она знала об этой двери в великое знание.

Сквозь шум двигателя послышался грохот. Симса съежилась, когда четверть здания внизу наклонилась и рухнула. Сбоку холма появилось новое отверстие. Вместе

с песком полилась зеленая жидкость, пересекла поток песка и устремилась к растительности.

Симса не сознавала, что кричит, пока не услышала собственный крик. Это пробилась вода из бассейна посвящения, впитываясь в песок, исчезая навсегда. И больше никто не сможет пройти испытание, открыть для себя это царство за пределами мира.

— Так... — Закатанин произнес это со свистом. И когда Симса посмотрела на него, в его взгляде читались жалость и боль утраты.

Она вначале отвергла эту жалость, но потом поняла, что стоит за ней. Не жалость утраты великого открытия. Нет, он жалел ее. Она потеряла нечто невосполнимое.

— Ушло, — пробормотала девушка. — Жизнь ушла.

И сказала правду. Ей казалось, что внизу теперь только разбитые или разрушающиеся камни, что слава прошлого ушла отсюда, как вода из бассейна. Она была уверена, словно снова сама побывала там или смогла увидеть сквозь стены, что нет больше обширного зала, что троны, на которых восседали предводители ее племени, упали и разбились.

— Нет, — медленно произнес закатанин. Сказал вслух, на торговом языке, как будто не хотел вторгаться в ее мысли. — Ты жива. То, что было внизу, ждало. Оно должно было сослужить службу последней из тех, кто закладывал эти камни. Да будет так. Ян...

Симса собиралась спросить, кто такой Ян, когда поняла, что закатанин обращается к Торну, используя его дружеское имя. Торн по-прежнему никак не реагировал на ее присутствие, и девушка подумала, правильный ли выбор сделал за нее закатанин. Флиттер развернулся и начал удаляться от развалин.

Как изгнанник в долине задолго до нее, такой одинокой была и она. На Куксортале у нее были связи, пусть непрочные. Но старая Фервар была частью ее жизни. В Норах жили ее ровесники, она была с ними знакома, хотя не очень часто общалась. И у Древней были свои

друзья, спутники, родственники. А теперь у нее ничего не осталось, кроме того, что произошло с ней случайно.

Случайно? Засс защелкала у уха. Симса подняла руку и погладила маленькое пушистое тело зорсала. Случай ли привел спасательную шлюпку именно на эту планету? Она всегда смеялась над суевериями жителей Нор и над теми, кто верил в «богов» верхнего города. Девушке казалась глупой вера в силу, о которой ничего не знаешь.

Но ведь она абсолютно случайно встретилась с Торном. Приди она в порт чуть позже, никогда не попала бы в пустыню и не встретилась бы со второй своей частью. А не улови она мысли о себе на корабле и не сбеги...

Глупо думать, что все это части какого-то грандиозного плана, что ею двигала чья-то воля, как фигуркой в игре. Она Симса, она сама делает свой выбор, идет своими путями.

Но почему этот случайный путь привел ее именно сюда, в место, где предтечи проходили посвящение и получали доступ к великим знаниям? А это, в свою очередь, дало ей силу вызвать песчаный поток и в конечном счете привело к разрушению места, которое выдержало столь долгий период времени.

Закатанин... Симса сжалась в тесноте, прижимая к себе жезл и Засс — то немногое, что принадлежит только ей. Она не чувствовала в закатанине обмана. Ему не была нужна ее сила — только ее знание. А это не одно и то же. Девушка предупреждена и вооружена — не только Древней, но и этим посвящением. Ей многому предстоит научиться. Впервые встретив другую Симсу, она готова была завоевать мир. Теперь она была скромна и чуть испугана. Хотя это внутри, а внешне она должна носить невозмутимую маску Древней.

Мягкие антенны Засс коснулись черной кожи ее щеки. Зорсал легко, ласково клюнул ее в руку. Засс... она так благодарна Засс...

Снова она оценивающе взглянула на закатанина. Он чуть отвернул от нее голову и смотрел на исчезающие ру-

ины. Они летели над голыми скалами, покрывающими почти всю поверхность этой планеты. Симса почувствовала его горечь. Он был разочарован утратой этого места древнего знания.

И как будто ощутив ее взгляд, закатанин повернул к ней голову, гребень его поднялся, блестя чешуйками. Он улыбнулся.

— Не очень большая потеря? — задал он странный вопрос, как будто прочел мысль, которая еще не появлялась в ее сознании. — Вещь, выполнившая свое назначение. Можно ее выбросить?

Правда ли это? Неужели невидимый палец судьбы указал ей это место, несмотря на всю ее веру в собственную свободу? Симса — последняя из своего рода...

— Или первая, джентльфем?

Да, он читал ее мысли! На мгновение девушка почувствовала вспышку гнева, потом пожала плечами. У нее нет родственников, нет страны, даже планеты. Если они найдут для нее место, зачем с ними ссориться? Она никогда еще не пускала корни...

— Если не хочешь, ты не обязана, — продолжил закатанин. Он читал ее мысли, но говорил вслух. Симса не знала почему. — Ты свободна уйти или остаться... — Он легким жестом указал на местность внизу: — Это твое желание?

— Нет, — ответила она, тоже вслух. — Я хотела бы...

Она замолчала. Чего она хочет? Идти с этими двумя и посвятить себя поиску древних знаний? Она посмотрела на затылок темной головы Торна. Он первый инопланетник, которого она встретила, — и когда-то она считала, что они все одинаковы. Теперь она знает, что они все разные, они различны, как обитатели верхнего города и жители Нор. Она вмешалась в его сознание, пыталась бороться с ним. Теперь она рада, что оказалась недостаточно искусна, чтобы сделать это. Да, есть тот офицер и Грита — но есть и Торн, и этот человек-ящер... Несомненно, есть еще множество градаций мысли и чувства

среди звезд и планет. Кто она такая, чтобы судить то, чего не знает?

— Я пойду с вами. — Симсе показалось, что она долго думала, принимая это решение. На самом деле один или два вздоха. И добавила, не мыслью, а вслух, на языке космонавтов, говоря прямо в затылок Торна: — Я пойду с вами обоими.

— Хорошо, — ответил закатанин. Торн ничего не сказал, он словно превратился в безмозглую часть машины, которой управлял.

Она ждала.

Важно, чтобы он сказал хоть слово, сделал жест. Но Торн этого не делал, и девушка усомнилась в разумности своего выбора. В конце концов, как ему судить о ней? У него есть свой народ, он не изгнанник.

Флиттер летел над каменистой равниной, покрытой трещинами, но они поднимались выше, в дымку. Теперь она могла разглядеть только отдельные скалы, туман вокруг них сгущался, закрывая поверхность планеты. Засс беспокойно шевельнулась. Симса выпустила зверька, и зорсал подпрыгнул, перелетел на руку закатанина, потом сел на колени Торна.

Руки космонавта были заняты. Но вот он поднял их над щитом. Флиттер продолжал свой полет. Очевидно, курс был установлен и вмешательство больше не требовалось. Торн чуть повернул голову, но Симса увидела только один его глаз, часть щеки и угол плотно сжатого рта.

— Больше никаких хитростей? — Он произнес это медленно, с расстановкой.

Девушка застыла. Хитрости? Между ними не было хитростей. Она всегда делала то, что считала правильным и справедливым. Но тут почувствовала в вопросе юмор.

Для этого чувства в Норах нет места. Она отвечала не очень уверенно, юмор казался ей таким же странным, как некоторые мысли Древней. Но теперь и Древняя в ней знала, что он пытается сделать. Он сознательно

преуменьшает то, что она сотворила, превращает в такую мелочь, о которой можно забыть. Разве что помнить как урок для нее (хотя она была уверена, что он не забудет тоже!).

— Больше никаких хитростей. — Симса улыбнулась, и ей самой показалось странным и новым это движение губ. Но это была приятная странность. — Существовала одна... — Девушка заговорила на языке, который сама не знала, но слова сами собой возникали где-то в глубине. — Была и другая... А теперь...

Оставив жезл на коленях, она наклонилась и сделала то, от чего отшатнулась бы Симса из Нор, что, возможно, не одобрила бы в свое время и Древняя. Но какое ей дело до них? Она теперь сама по себе — она такая, какой хочет быть. С легкостью антенн Засс пальцы ее коснулись плеч — чешуйчатого и одетого в космический костюм. Коснулись всего на мгновение. Но этого было достаточно.

Содержание

ЛУНА ТРЕХ КОЛЕЦ. *Пер. О. Колесников* 5

ЗВЕЗДНЫЕ ИЗГНАННИКИ. *Пер. О. Колесников* 221

СТРАНСТВУЮЩИЙ ПО ВУРУ
Пер. Д. Арсеньев, О. Колесников 443

ПРЕДТЕЧА. *Пер. Д. Арсеньев* 609

ПРЕДТЕЧА: ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВТОРОЕ
Пер. Д. Арсеньев 803

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Андрэ Нортон

ЗВЕЗДНЫЕ ИЗГНАННИКИ

Ответственный редактор *Е. Березина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *И. Гришина*
Компьютерная верстка *А. Щербакова*
Корректор *Г. Москаленко*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.
Тауар белгісі: «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу: http://eksmo.ru/certification/

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 13.01.2015.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 52,08.
Тираж 3000 экз. Заказ № 137.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-76610-9

В электронном виде книги издательства Эксмо вы можете купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книг

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.*
E-mail: **ivanova.ey@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: Филиал ООО ТД «Эксмо» в г. Н. Новгороде, 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).
В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 305-09-13/14.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 207-55-56.
В Екатеринбурге: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге,
ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: **eksmo-nsk@yandex.ru**
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 500-88-23.
В Донецке: ул. Складская, 5В, оф. 107. Тел. +38 (032) 381-81-05/06.
В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-01-71.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91 **rdc-almaty@mail.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru
Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: **imarket@eksmo-sale.ru**

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН

ЗВЕЗДНЫЕ ИЗГНАННИКИ

ISBN 978-5-699-76610-9

ЭКСМО